ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
SIGILLVM
VE RI TAS
CHRISTO ECCLESIAE

2790

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 5-я.
МАЙ, 1899.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1899.

Стр.

I.—ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.—Повѣсть.—**К. Ѳ. Головина** 5

II.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ МАКЕДОНІЮ.—Европейская дипломатія и македонскій вопросъ.—**П. Милюкова** 52

III.—ВЕСНОЮ.—Разсказъ.—**И. Данилова** 84

IV.—НАЧАЛО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.—1836—1855.—V-VI. Окончаніе.—**В. В. Салова** 117

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Дріада.—Изъ „Книги жизни: I. Стансы. II. Клевета.—**В. Мазуркевича** 164

VI.—ШКОЛА И НАРОДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**Г. I.** . . . 167

VII.—ПЕЧАТЬ МОЛЧАНІЯ.—Эскизъ изъ романа: „Bouche close, par L. de Tinseau.—**Ю. З—а** 193

VIII.—ВЕЛИКАЯ БОРЬБА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ.—Наблюденія и замѣтки.—**П. А. Тверского** 257

IX.—ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ.—The Ways of Life, by M. Oliphandt **А. Б—г—** . . . 277

X.—ДВѢ СЕСТРЫ.—Изъ исландской саги.—**Вл. С. Соловьева** 327

XI.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Газетные слухи и толки о проектѣ продовольственнаго устава. — Всесословность продовольственныхъ сборовъ—и сословность продовольственной организаціи.—При какихъ условіяхъ земство должно перестать быть земствомъ? — Новый уставъ о съѣздахъ земскихъ врачей московской губерніи.—Отмѣна постановленія харьковскаго губ. зем. собранія, ассигновавшаго 200 тыс. руб. на дѣло народнаго образованія.—Благополучно окончившійся кризисъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ.—Послѣдній шагъ къ повсемѣстному введенію новыхъ судебныхъ порядковъ. 329

XII.—Правительственное сообщеніе. 348

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Несвромность „Figaro" и ея дѣйствительное значеніе.—Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса 368

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ. Изд. Пензенской Общественной Библіотеки, имени М. Ю. Лермонтова.—**А. П.**—В. П. Сиповскій, М. Н. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника".—В. П. Горленко, Украинскія были.—Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ.—**Т.**—Новыя книги и брошюры. 376

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Léon A. Daudet, Sébastien. Roman Contemporain. — II. G. d'Annunzio, La Gioconda.—III. Robert de Souza, La Poésie populaire et le Lyrisme Sentimental.—**З. В.** 393

XVI.—НЕКРОЛОГЪ.—Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.—**А. Н. Пыпина** 409

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ г. Петербургѣ.—Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ.—Посѣщеніе перваго Васильеостровскаго народнаго училища, съ 12-ью классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. — Объ антагонизмѣ между общественными и церковно-приходскими школами.—Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу. 415

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ 423

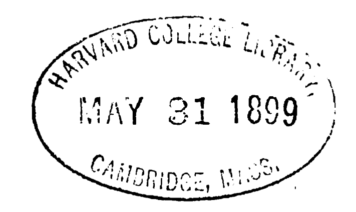
XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — „М. Е. Салтыковъ", А. Н. Пыпина.—Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія, В. Каренина.—Наша финансовая политика и задачи будущаго, К. Ѳ. Головина.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Собраніе сочиненій, т. I.—Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи, Т. Фаулз.—М. М. Ковалевскій, Развитіе народнаго хозяйства въ з. Европѣ.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1899 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.



I.

Въ пасмурный январьскій день, въ началѣ четвертаго часа, молодой человѣкъ въ студенческой шинели поднимался по лѣстницѣ одного изъ большихъ, многоэтажныхъ домовъ Загороднаго проспекта. Въ движеніяхъ его было что-то неровное. То онъ быстро взбѣгалъ на нѣсколько ступеней, то вдругъ замедлялъ шагъ—словомъ, онъ и торопился, и задерживало его что̀. Да и на подвижномъ лицѣ его тоже читалось какъ будто двойственное выраженіе. Съ беззаботною свѣжестью юности спорила какъ бы засѣвшая на немъ упрямая, докучливая, совсѣмъ не юношеская забота.

Дойдя до площадки третьяго этажа, молодой человѣкъ позвонилъ у дверей, съ надписью на мѣдной дощечкѣ: „Докторъ Александра Осиповна Токарская“.

И тотчасъ затѣмъ послышались въ передней легкіе, быстрые шаги.

Дверь растворилась, и показавшаяся въ ней маленькая, худощавая особа, въ коричневомъ платьѣ, воскликнула, увидавъ юношу:

— Какъ ты сегодня поздно, Алёша! А Мареы нѣтъ—куда-вышла. Дай-ка сюда твою шинель, я отряхну воротникъ, онъ ъ у тебя въ снѣгу. Да ты и небось проголодался?

— Нѣтъ, тётя, нѣтъ, позавтракалъ какъ слѣдуетъ. А замшкался я точно въ лабораторіи... Опытъ все одинъ не удался...

Говоря это, онъ предоставилъ свою шинель въ распоряженіе

Александры Осиповны, очень хорошо зная, какое удовольствіе ей доставляетъ оказывать ему маленькія услуги.

Она бережно повѣсила шинель и прошла съ племянникомъ въ комнату, самую большую въ квартирѣ, и потому носившую названіе залы. Здѣсь принимала она своихъ, не особенно многочисленныхъ, паціентовъ.

— Сейчасъ у меня пріемъ начнется, а Мароы все нѣтъ,— озабоченно проговорила она, входя. И тутъ же замѣтила безпокойное выраженіе на лицѣ молодого человѣка.

— Что̀ съ тобой, Алёша? Непріятность какая случилась? Или заработался слишкомъ? Какой ты блѣдный, усталый! А поѣсть, въ самомъ дѣлѣ, не хочешь?

Онъ покачалъ головой.

— Ничего не случилось, тетя, могу васъ увѣрить. — И онъ улыбнулся въ отвѣтъ на ея заботливые разспросы. — Прослушалъ двѣ лекціи, потомъ въ лабораторіи просидѣлъ часа два— дѣло самое обыкновенное. Да отчего вамъ, тетя Саша, все кажется, будто со мной непремѣнно что-нибудь дурное приключиться должно?

Въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ тети Саши засвѣтилась улыбка, но тотчасъ затѣмъ они задумчиво и пристально, какъ-то недовѣрчиво, вглядѣлись въ лицо молодого человѣка.

— Да такъ... Хрупкій ты у меня такой—совсѣмъ въ мать-покойницу. И какъ-то не молодымъ глядишь. Все находятъ на тебя эти мысли нехорошія... Мучаешься понапрасну, точно и жить тебѣ не даютъ попросту...

Молодой человѣкъ опустилъ глаза и не возразилъ ничего.

Онъ былъ средняго роста и большой крѣпостью въ самомъ дѣлѣ не отличался. Тонкія плечи и немного узкая грудь не говорили о богатырскомъ здоровьѣ; не говорилъ о немъ и румянецъ, то ярко вспыхивавшій, то потухавшій вдругъ на его лицѣ. Такой румянецъ бываетъ у очень нервныхъ людей. И каріе его глаза, не особенно большіе, но блестящіе, расширялись порой необыкновенно, и въ такія минуты черты его вдругъ вытягивались, и лицо казалось поразительно исхудалымъ. Оно глядѣло даже прямо болѣзненнымъ, и тетя Саша увѣряла, что глаза Алеши имѣютъ странную наклонность съѣдать у него щеки. Это совсѣмъ было не по-медицински. Но у тети Саши изъ-за врача, старательнаго и любящаго свое дѣло, сквозила женщина простая и непосредственная, всегда готовая отдаться первому движенію впечатлительнаго сердца. А сердце это было необыкно-

венно доброе, отзывчивое и мягкое, совсѣмъ не научное и не современное сердце.

Въ передней раздался звонокъ, и Александра Осиповна, только-что усѣвшаяся-было въ кресло, стремительно поднялась и побѣжала отворять.

Молодой человѣкъ уже собирался пройти къ себѣ въ комнату, предоставляя залу паціентамъ тетки; но она опять показалась въ дверяхъ, держа въ рукѣ письмо.

— Это почтальонъ былъ, — сказала она, подавая ему конвертъ.—Къ тебѣ, отъ Леночки.

Онъ взялъ конвертъ изъ ея рукъ и торопливо вскрылъ.

Леночка, его пятнадцатилѣтняя сестра, исписала цѣлыхъ восемь страницъ своимъ прямымъ, крупнымъ почеркомъ, старавшимся глядѣть мужскимъ, а на самомъ дѣлѣ еще полудѣтскимъ.

— Прочти громко. Секретовъ вѣдь нѣтъ?..

Онъ исполнилъ ея желаніе. Секретовъ не было никакихъ, но ему все-таки не совсѣмъ было пріятно посвящать тетку въ маленькія невинныя тайны въ своей перепискѣ съ сестрой, не привыкшей стѣсняться въ выраженіяхъ, когда писала къ нему. Избалованная и своенравная Леночка, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не стѣснялась. И письмо дѣвочки, помимо ея воли, быть можетъ, раскрывало много такого изъ семейныхъ отношеній, чего Алеша внутренно стыдился даже передъ тетей Сашей.

„Ужасно мнѣ хотѣлось бы къ вамъ, въ Петербургъ“,—писала между прочимъ, Леночка,—„здѣсь я окончательно стосковалась, мочи нѣтъ. Неужели папа думаетъ, что можно вдвоемъ, съ моей швейцарской мамзелью, прожить въ глухой деревнѣ цѣлую зиму? Вѣдь у насъ никто, рѣшительно никто не бываетъ изъ сосѣдей. Нѣтъ, впрочемъ, были двое. Купецъ Аршинниковъ, съ которымъ папа ведетъ дѣла, да какой-то господинъ Норкинъ, промотавшійся помѣщикъ, захотѣвшій у отца призанять денегъ. Потомъ двѣ старыя барышни Судниковы—ты помнишь, я тебѣ про нихъ говорила, онѣ часто бываютъ.

„Ну, что̀ это за общество? Все дѣла и только дѣла. Про иное не слышишь. Несносная m-lle Моно̀ похожа на скелетъ допотопной рыбы, а въ перемежку съ ней какой-нибудь членъ земской управы, толстый, нечесаный, немытый, или купецъ изъ города... Просто умрешь со скуки! Порядочные люди насъ, кажется, знать не хотятъ. Да оно и понятно—такой ужъ у насъ веселый домъ.

„Въ толкъ не возьму, отчего меня папа лучше въ гимназію не отдалъ? Тамъ все-таки было бы получше, поживѣе. А то это

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXXI. 1/13 МАЯ 1899.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1899

2790

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1899.

Стр.

I.—ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.—Повѣсть.—**К. Ө. Головина** 5

II.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ МАКЕДОНІЮ.—Европейская дипломатія и македонскій вопросъ.—**П. Милюкова** 52

III.—ВЕСНОЮ.—Разсказъ.—**Н. Данилова** 84

IV.—НАЧАЛО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.—1836—1855.—V-VI. Окончаніе.—**В. В. Салова** 117

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Дріада.—Изъ „Книги жизни: I. Стансы. II. Клевета.—**В. Мазуркевича** 164

VI.—ШКОЛА И НАРОДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**Г. I.** . . 167

VII.—ПЕЧАТЬ МОЛЧАНІЯ.—Эскизъ изъ романа: „Bouche close, par L. de Tinseau.—**Ю. З—я** 193

VIII.—ВЕЛИКАЯ БОРЬБА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ.—Наблюденія и замѣтки.—**Н. А. Тверского** 257

IX.—ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ.—The Ways of Life, by M. Oliphandt **А. Б—г—** . . 277

X.—ДВѢ СЕСТРЫ.—Изъ исландской саги.—**Вл. С. Соловьева** 327

XI.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Газетные слухи и толки о проектѣ продовольственнаго устава. — Всесословность продовольственныхъ сборовъ—и сословность продовольственной организаціи.—При какихъ условіяхъ земство должно перестать быть земствомъ? — Новый уставъ о съѣздахъ земскихъ врачей московской губерніи.—Отмѣна постановленія харьковскаго губ. зем. собранія, ассигновавшаго 200 тыс. руб. на дѣло народнаго образованія.—Благополучно окончившійся кризисъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ.—Послѣдній шагъ къ повсемѣстному введенію новыхъ судебныхъ порядковъ. 329

XII.—Правительственное сообщеніе. 348

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Нескромность „Figaro“ и ея дѣйствительное значеніе.—Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса 368

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ. Изд. Пензенской Общественной Библіотеки, имени М. Ю. Лермонтова.—**А. П.**—В. В. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“.—В. П. Горленко, Украинскія были.—Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ.—**Т.**—Новыя книги и брошюры. 376

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Léon A. Daudet, Sébastien. Roman Contemporain. — II. G. d'Annunzio, La Gioconda.—III. Robert de Souza, La Poésie populaire et le Lyrisme Sentimental.—**З. В.** . . . 393

XVI.—НЕКРОЛОГЪ.—Афанасій Өедоровичъ Бычковъ.—**А. Н. Пыпина** 409

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ г. Петербургѣ.—Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ.—Посѣщеніе перваго Василеостровскаго народнаго училища, съ 12-ю классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. — Объ антагонизмѣ между общественными и церковно-приходскими школами.—Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу. 415

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ. 423

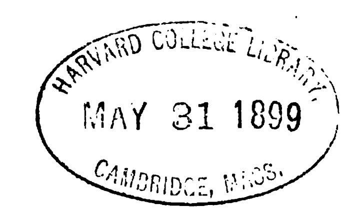
XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — „М. Е. Салтыковъ“, А. Н. Пыпина.—Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія, В. Каренина.—Наша финансовая политика и задачи будущаго, К. Ө. Головина.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Собраніе сочиненій, т. I.—Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи, Т. Фаула.—М. М. Ковалевскій, Развитіе народнаго хозяйства въ з. Европѣ.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1899 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.



I.

Въ пасмурный январьскій день, въ началѣ четвертаго часа, молодой человѣкъ въ студенческой шинели поднимался по лѣстницѣ одного изъ большихъ, многоэтажныхъ домовъ Загороднаго проспекта. Въ движеніяхъ его было что-то неровное. То онъ быстро взбѣгалъ на нѣсколько ступеней, то вдругъ замедлялъ шагъ—словомъ, онъ и торопился, и задерживало его что̀. Да и на подвижномъ лицѣ его тоже читалось какъ будто двойственное выраженіе. Съ беззаботною свѣжестью юности спорила какъ бы засѣвшая на немъ упрямая, докучливая, совсѣмъ не юношеская забота.

Дойдя до площадки третьяго этажа, молодой человѣкъ позвонилъ у дверей, съ надписью на мѣдной дощечкѣ: „Докторъ Александра Осиповна Токарская".

И тотчасъ затѣмъ послышались въ передней легкіе, быстрые шаги.

Дверь растворилась, и показавшаяся въ ней маленькая, худощавая особа, въ коричневомъ платьѣ, воскликнула, увидавъ юношу:

— Какъ ты сегодня поздно, Алёша! А Мареы нѣтъ—куда-шла. Дай-ка сюда твою шинель, я отряхну воротникъ, онъ у тебя въ снѣгу. Да ты и небось проголодался?

– Нѣтъ, тётя, нѣтъ, позавтракалъ какъ слѣдуетъ. А за-лся я точно въ лабораторіи... Опытъ все одинъ не уда-г...

воря это, онъ предоставилъ свою шинель въ распоряженіе

Александры Осиповны, очень хорошо зная, какое удовольствіе ей доставляетъ оказывать ему маленькія услуги.

Она бережно повѣсила шинель и прошла съ племянникомъ въ комнату, самую большую въ квартирѣ, и потому носившую названіе залы. Здѣсь принимала она своихъ, не особенно многочисленныхъ, паціентовъ.

— Сейчасъ у меня пріемъ начнется, а Марѳы все нѣтъ,— озабоченно проговорила она, входя. И тутъ же замѣтила безпокойное выраженіе на лицѣ молодого человѣка.

— Чтò съ тобой, Алёша? Непріятность какая случилась? Или заработался слишкомъ? Какой ты блѣдный, усталый! А поѣсть, въ самомъ дѣлѣ, не хочешь?

Онъ покачалъ головой.

— Ничего не случилось, тетя, могу васъ увѣрить. — И онъ улыбнулся въ отвѣтъ на ея заботливые разспросы. — Прослушалъ двѣ лекціи, потомъ въ лабораторіи просидѣлъ часа два— дѣло самое обыкновенное. Да отчего вамъ, тетя Саша, все кажется, будто со мной непремѣнно что-нибудь дурное приключиться должно?

Въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ тети Саши засвѣтилась улыбка, но тотчасъ затѣмъ они задумчиво и пристально, какъ-то недовѣрчиво, вглядѣлись въ лицо молодого человѣка.

— Да такъ... Хрупкій ты у меня такой—совсѣмъ въ матьпокойницу. И какъ-то не молодымъ глядишь. Все находятъ на тебя эти мысли нехорошія... Мучаешься понапрасну, точно и жить тебѣ не даютъ попросту...

Молодой человѣкъ опустилъ глаза и не возразилъ ничего.

Онъ былъ средняго роста и большой крѣпостью въ самомъ дѣлѣ не отличался. Тонкія плечи и немного узкая грудь не говорили о богатырскомъ здоровьѣ; не говорилъ о немъ и румянецъ, то ярко вспыхивавшій, то потухавшій вдругъ на его лицѣ. Такой румянецъ бываетъ у очень нервныхъ людей. И каріе его глаза, не особенно большіе, но блестящіе, расширялись порой необыкновенно, и въ такія минуты черты его вдругъ вытягивались, и лицо казалось поразительно исхудалымъ. Оно глядѣло даже прямо болѣзненнымъ, и тетя Саша увѣряла, что глаза Алеши имѣютъ странную наклонность съѣдать у него щеки. Это совсѣмъ было не по-медицински. Но у тети Саши изъ-за врача, старательнаго и любящаго свое дѣло, сквозила женщина простая и непосредственная, всегда готовая отдаться первому движенію впечатлительнаго сердца. А сердце это было необыкно-

венно доброе, отзывчивое и мягкое, совсѣмъ не научное и не современное сердце.

Въ передней раздался звонокъ, и Александра Осиповна, только-что усѣвшаяся-было въ кресло, стремительно поднялась и побѣжала отворять.

Молодой человѣкъ уже собирался пройти къ себѣ въ комнату, предоставляя залу паціентамъ тетки; но она опять показалась въ дверяхъ, держа въ рукѣ письмо.

— Это почтальонъ былъ, — сказала она, подавая ему конвертъ.—Къ тебѣ, отъ Леночки.

Онъ взялъ конвертъ изъ ея рукъ и торопливо вскрылъ.

Леночка, его пятнадцатилѣтняя сестра, исписала цѣлыхъ восемь страницъ своимъ прямымъ, крупнымъ почеркомъ, старавшимся глядѣть мужскимъ, а на самомъ дѣлѣ еще полудѣтскимъ.

— Прочти громко. Секретовъ вѣдь нѣтъ?..

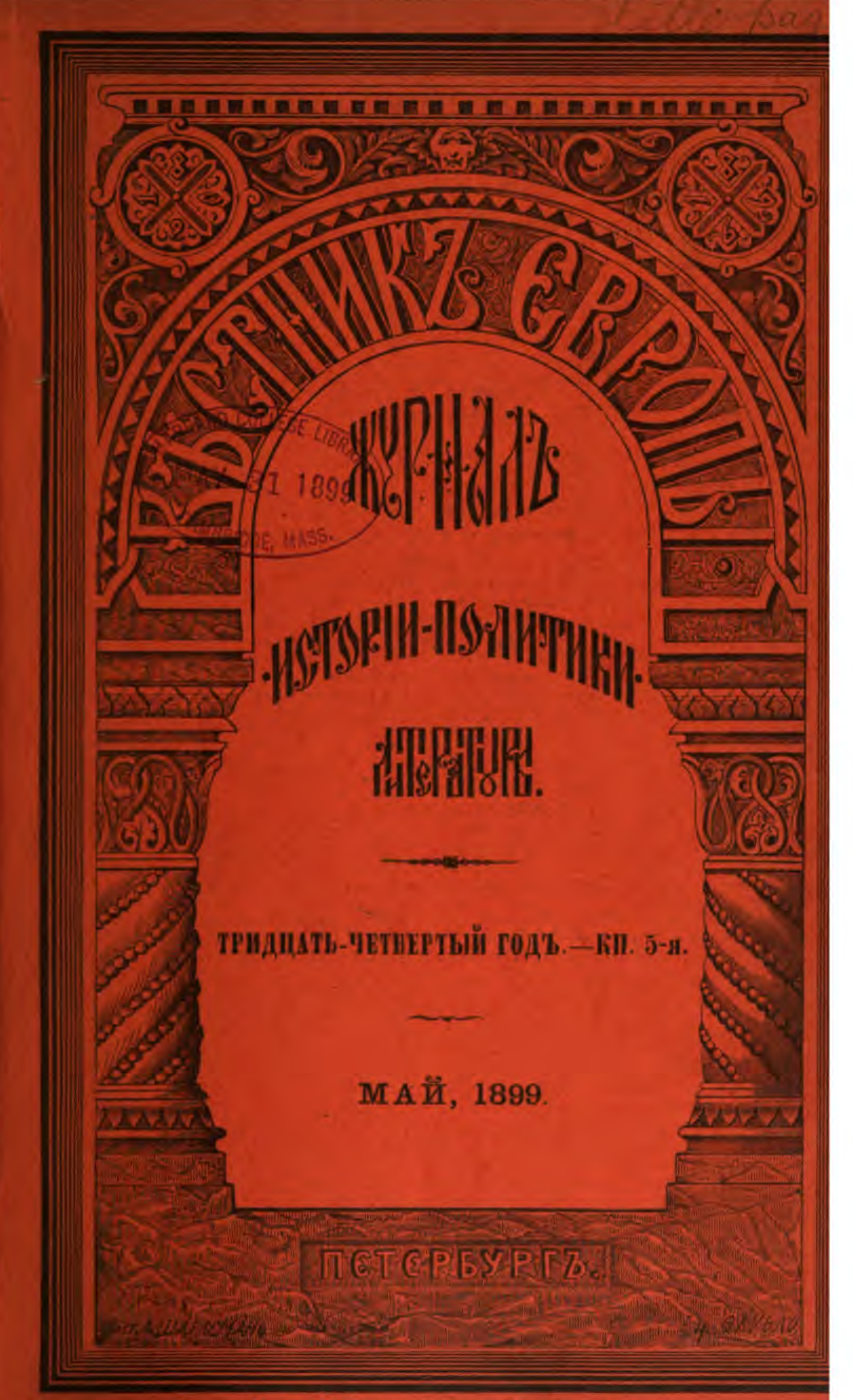
Онъ исполнилъ ея желаніе. Секретовъ не было никакихъ, но ему все-таки не совсѣмъ было пріятно посвящать тетку въ маленькія невинныя тайны въ своей перепискѣ съ сестрой, не привыкшей стѣсняться въ выраженіяхъ, когда писала къ нему. Избалованная и своенравная Леночка, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не стѣснялась. И письмо дѣвочки, помимо ея воли, быть можетъ, раскрывало много такого изъ семейныхъ отношеній, чего Алеша внутренно стыдился даже передъ тетей Сашей.

„Ужасно мнѣ хотѣлось бы къ вамъ, въ Петербургъ“,—писала между прочимъ, Леночка,—„здѣсь я окончательно стосковалась, мочи нѣтъ. Неужели папа думаетъ, что можно вдвоемъ, съ моей швейцарской мамзелью, прожить въ глухой деревнѣ цѣлую зиму? Вѣдь у насъ никто, рѣшительно никто не бываетъ изъ сосѣдей. Нѣтъ, впрочемъ, были двое. Купецъ Аршинниковъ, съ которымъ папа ведетъ дѣла, да какой-то господинъ Норкинъ, промотавшійся помѣщикъ, захотѣвшій у отца призанять денегъ. Потомъ двѣ старыя барышни Судниковы—ты помнишь, я тебѣ про нихъ говорила, онѣ часто бываютъ.

„Ну, чтò это за общество? Все дѣла и только дѣла. Про иное не слышишь. Несносная m-lle Монò похожа на скелетъ допотопной рыбы, а въ перемежку съ ней какой-нибудь членъ земской управы, толстый, нечесаный, немытый, или купецъ изъ города... Просто умрешь со скуки! Порядочные люди насъ, кажется, знать не хотятъ. Да оно и понятно—такой ужъ у насъ веселый домъ.

„Въ толкъ не возьму, отчего меня папа лучше въ гимназію не отдалъ? Тамъ все-таки было бы получше, поживѣе. А то это

2790



Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

2790

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 5-я.
МАЙ, 1899.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1899.

Стр.

I.—ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.—Повѣсть.—**К. Ѳ. Головина** 5

II.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ МАКЕДОНІЮ.—Европейская дипломатія и македонскій вопросъ.—**П. Милюкова** 52

III.—ВЕСНОЮ.—Разсказъ.—**И. Данилова** 84

IV.—НАЧАЛО ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.—1836—1855.—V-VI. Окончаніе.—**В. И. Салова** 117

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—Дріада.—Изъ „Книги жизни: I. Стансы. II. Клевета.—**В. Мазуркевича** 164

VI.—ШКОЛА И НАРОДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**Г. I.** . . . 167

VII.—ПЕЧАТЬ МОЛЧАНІЯ.—Эскизъ изъ романа: „Bouche close, par L. de Tinseau.—**Ю. З—а** 193

VIII.—ВЕЛИКАЯ БОРЬБА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ.—Наблюденія и замѣтки.—**П. А. Тверского** 257

IX.—ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ.—The Ways of Life, by M. Oliphandt **А. Б—г—** . . . 277

X.—ДВѢ СЕСТРЫ.—Изъ исландской саги.—**Вл. С. Соловьева** 327

XI.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Газетные слухи и толки о проектѣ продовольственнаго устава. — Всесословность продовольственныхъ сборовъ—и сословность продовольственной организаціи.—При какихъ условіяхъ земство должно перестать быть земствомъ? — Новый уставъ о съѣздахъ земскихъ врачей московской губерніи.—Отмѣна постановленія харьковскаго губ. зем. собранія, ассигновавшаго 200 тыс. руб. на дѣло народнаго образованія.—Благополучно окончившійся кризисъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ.—Послѣдній шагъ къ повсемѣстному введенію новыхъ судебныхъ порядковъ. 329

XII.—Правительственное сообщеніе. 348

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Нескромность „Figaro“ и ея дѣйствительное значеніе.—Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса 368

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ. Изд. Пензенской Общественной Библіотеки, имени М. Ю. Лермонтова.—**А. П.**—В. П. Сиповскій, М. Н. Каразинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“.—В. П. Горленко, Украинскія были.—Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ.—**Т.**—Новыя книги и брошюры. 376

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Léon A. Daudet, Sébastien. Roman Contemporain. — II. G. d'Annunzio, La Gioconda.—III. Robert de Souza, La Poésie populaire et le Lyrisme Sentimental.—**З. В.** 393

XVI.—НЕКРОЛОГЪ.—Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.—**А. Н. Пыпина** 400

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ г. Петербургѣ.—Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ.—Посѣщеніе перваго Василеостровскаго народнаго училища, съ 12-ью классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. — Объ антагонизмѣ между общественными и церковно-приходскими школами.—Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу. 415

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ. 423

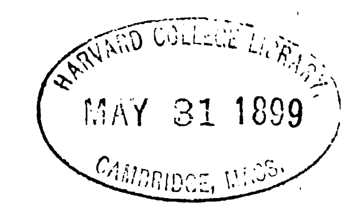
XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — „М. Е. Салтыковъ“, А. Н. Пыпина.—Жоржъ Сандъ, ея жизнь и произведенія, В. Каренина.—Наша финансовая политика и задачи будущаго, К. Ѳ. Головина.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Собраніе сочиненій, т. I.—Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи, Т. Фаула.—М. М. Ковалевскій, Развитіе народнаго хозяйства въ з. Европѣ.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1899 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.



I.

Въ пасмурный январьскій день, въ началѣ четвертаго часа, молодой человѣкъ въ студенческой шинели поднимался по лѣстницѣ одного изъ большихъ, многоэтажныхъ домовъ Загороднаго проспекта. Въ движеніяхъ его было что-то неровное. То онъ быстро взбѣгалъ на нѣсколько ступеней, то вдругъ замедлялъ шагъ—словомъ, онъ и торопился, и задерживало его что̀. Да и на подвижномъ лицѣ его тоже читалось какъ будто двойственное выраженіе. Съ беззаботною свѣжестью юности спорила какъ бы засѣвшая на немъ упрямая, докучливая, совсѣмъ не юношеская забота.

Дойдя до площадки третьяго этажа, молодой человѣкъ позвонилъ у дверей, съ надписью на мѣдной дощечкѣ: „Докторъ Александра Осиповна Токарская“.

И тотчасъ затѣмъ послышались въ передней легкіе, быстрые шаги.

Дверь растворилась, и показавшаяся въ ней маленькая, худощавая особа, въ коричневомъ платьѣ, воскликнула, увидавъ юношу:

— Какъ ты сегодня поздно, Алёша! А Мароы нѣтъ—куда-вышла. Дай-ка сюда твою шинель, я отряхну воротникъ, онъ у тебя въ снѣгу. Да ты и небось проголодался?

— Нѣтъ, тётя, нѣтъ, позавтракалъ какъ слѣдуетъ. А заждался я точно въ лабораторіи... Опытъ все одинъ не удался...

Говоря это, онъ предоставилъ свою шинель въ распоряженіе

Александры Осиповны, очень хорошо зная, какое удовольствіе ей доставляетъ оказывать ему маленькія услуги.

Она бережно повѣсила шинель и прошла съ племянникомъ въ комнату, самую большую въ квартирѣ, и потому носившую названіе залы. Здѣсь принимала она своихъ, не особенно многочисленныхъ, паціентовъ.

— Сейчасъ у меня пріемъ начнется, а Маѳы все нѣтъ,— озабоченно проговорила она, входя. И тутъ же замѣтила безпокойное выраженіе на лицѣ молодого человѣка.

— Чтô съ тобой, Алёша? Непріятность какая случилась? Или заработался слишкомъ? Какой ты блѣдный, усталый! А поѣсть, въ самомъ дѣлѣ, не хочешь?

Онъ покачалъ головой.

— Ничего не случилось, тетя, могу васъ увѣрить. — И онъ улыбнулся въ отвѣтъ на ея заботливые разспросы. — Прослушалъ двѣ лекціи, потомъ въ лабораторіи просидѣлъ часа два— дѣло самое обыкновенное. Да отчего вамъ, тетя Саша, все кажется, будто со мной непремѣнно что-нибудь дурное приключиться должно?

Въ добрыхъ сѣрыхъ глазахъ тети Саши засвѣтилась улыбка, но тотчасъ затѣмъ они задумчиво и пристально, какъ-то недовѣрчиво, вглядѣлись въ лицо молодого человѣка.

— Да такъ... Хрупкій ты у меня такой—совсѣмъ въ мать-покойницу. И какъ-то не молодымъ глядишь. Все находятъ на тебя эти мысли нехорошія... Мучаешься понапрасну, точно и жить тебѣ не даютъ попросту...

Молодой человѣкъ опустилъ глаза и не возразилъ ничего.

Онъ былъ средняго роста и большой крѣпостью въ самомъ дѣлѣ не отличался. Тонкія плечи и немного узкая грудь не говорили о богатырскомъ здоровьѣ; не говорилъ о немъ и румянецъ, то ярко вспыхивавшій, то потухавшій вдругъ на его лицѣ. Такой румянецъ бываетъ у очень нервныхъ людей. И каріе его глаза, не особенно большіе, но блестящіе, расширялись порой необыкновенно, и въ такія минуты черты его вдругъ вытягивались, и лицо казалось поразительно исхудалымъ. Оно глядѣло даже прямо болѣзненнымъ, и тетя Саша увѣряла, что глаза Алеши имѣютъ странную наклонность съѣдать у него щеки. Это совсѣмъ было не по-медицински. Но у тети Саши изъ-за врача, старательнаго и любящаго свое дѣло, сквозила женщина простая и непосредственная, всегда готовая отдаться первому движенію впечатлительнаго сердца. А сердце это было необыкно-

венно доброе, отзывчивое и мягкое, совсѣмъ не научное и не современное сердце.

Въ передней раздался звонокъ, и Александра Осиповна, только-что усѣвшаяся-было въ кресло, стремительно поднялась и побѣжала отворять.

Молодой человѣкъ уже собирался пройти къ себѣ въ комнату, предоставляя залу паціентамъ тетки; но она опять показалась въ дверяхъ, держа въ рукѣ письмо.

— Это почтальонъ былъ, — сказала она, подавая ему конвертъ.—Къ тебѣ, отъ Леночки.

Онъ взялъ конвертъ изъ ея рукъ и торопливо вскрылъ.

Леночка, его пятнадцатилѣтняя сестра, исписала цѣлыхъ восемь страницъ своимъ прямымъ, крупнымъ почеркомъ, старавшимся глядѣть мужскимъ, а на самомъ дѣлѣ еще полудѣтскимъ.

— Прочти громко. Секретовъ вѣдь нѣтъ?..

Онъ исполнилъ ея желаніе. Секретовъ не было никакихъ, но ему все-таки не совсѣмъ было пріятно посвящать тетку въ маленькія невинныя тайны въ своей перепискѣ съ сестрой, не привыкшей стѣсняться въ выраженіяхъ, когда писала къ нему. Избалованная и своенравная Леночка, впрочемъ, ни передъ кѣмъ не стѣснялась. И письмо дѣвочки, помимо ея воли, быть можетъ, раскрывало много такого изъ семейныхъ отношеній, чего Алеша внутренно стыдился даже передъ тетей Сашей.

„Ужасно мнѣ хотѣлось бы къ вамъ, въ Петербургъ",—писала между прочимъ, Леночка,—„здѣсь я окончательно стосковалась, мочи нѣтъ. Неужели папа думаетъ, что можно вдвоемъ, съ моей швейцарской мамзелью, прожить въ глухой деревнѣ цѣлую зиму? Вѣдь у насъ никто, рѣшительно никто не бываетъ изъ сосѣдей. Нѣтъ, впрочемъ, были двое. Купецъ Аршинниковъ, съ которымъ папа ведетъ дѣла, да какой-то господинъ Норкинъ, промотавшійся помѣщикъ, захотѣвшій у отца призанять денегъ. Потомъ двѣ старыя барышни Судниковы—ты помнишь, я тебѣ про нихъ говорила, онѣ часто бываютъ.

„Ну, что̀ это за общество? Все дѣла и только дѣла. Про иное не слышишь. Несносная m-lle Мон̀о похожа на скелетъ допотопной рыбы, а въ перемежку съ ней какой-нибудь членъ земской управы, толстый, нечесаный, немытый, или купецъ изъ города... Просто умрешь со скуки! Порядочные люди насъ, кажется, знать не хотятъ. Да оно и понятно—такой ужъ у насъ веселый домъ.

„Въ толкъ не возьму, отчего меня папа лучше въ гимназію не отдалъ? Тамъ все-таки было бы получше, поживѣе. А то это

вѣчное сидѣнье взаперти. — Ахъ, какъ я его ненавижу, этотъ большой нашъ унылый домъ! Мнѣ кажется, самыя стѣны на всѣхъ насъ глядятъ недружелюбно. Онъ будто не можетъ простить намъ, что мы въ немъ поселились. Чужіе мы здѣсь, и онъ намъ чужой. Отецъ этого не чувствуетъ—гдѣ ему! У него одно только на умѣ — деньги и опять деньги. Вчера онъ изъ Кіева вернулся съ какимъ-то евреемъ. Новое дѣло затѣваетъ. Отъ одного слова „дѣло“ мнѣ тошно становится. Брр!..

„Точно на свѣтѣ ничего иного нѣтъ, кромѣ денегъ? Впрочемъ, есть, да!—уроки съ этой дурой, m-lle Монд̀. Да неужели можно чему-нибудь научиться, когда ненавидишь учительницу? Держатъ меня дома и выписали эту мамзель, чтобы къ хорошимъ манерамъ меня пріучить!

„А на что̀ нужны мнѣ эти манеры? Кого я здѣсь вижу?

„Братья, и тѣ рѣдко заглядываютъ. Сережа былъ недѣли двѣ назадъ — разумѣется, за деньгами. Папа, ты знаешь, на этотъ счетъ кремень, а все же пришлось раскошелиться. Сережа такъ кричалъ, такъ изъ себя выходилъ, увѣрялъ даже, что пулю себѣ въ лобъ пустить, и добился-таки своего.

„Не понимаю отца; вѣдь одно изъ двухъ, по-моему: либо давать, что̀ нужно, не доводя до этого противнаго крика, либо уже отказать наотрѣзъ и на своемъ поставить. И едва получилъ Сережа деньги, какъ махнулъ назадъ въ полкъ.

„А Петя, хоть живетъ онъ въ трехъ верстахъ на заводѣ, тоже почти глазъ не кажетъ. Онъ не то, что Сережа, конечно: не за деньгами является къ папѣ, а напротивъ, самъ ихъ доставать умѣетъ, да и какъ еще! Только мнѣ отъ этого не легче. Изъ двухъ, пожалуй, я лучше еще люблю Сережу.

„Вся наша семья вокругъ этихъ противныхъ денегъ такъ и вертится. Ты одинъ не таковъ, а тебя нѣтъ, какъ нѣтъ. Когда же, наконецъ, мы увидимся“?..

Леночка заканчивала письмо, давая брату разныя порученія. Тоска ея, видно, была не изъ глубокихъ. А все-таки на Алешу письмо сестры произвело тягостное, не легко изгладимое впечатлѣніе.

— Надо ее вырвать оттуда,—сказалъ онъ, дочитавъ.—Сюда бы ей пріѣхать, къ вамъ. Подѣйствуйте на отца—онъ васъ послушаетъ...

Но тетя Саша уныло закачала головой.

— Не думаю... Θедоръ Степановичъ не изъ тѣхъ, что̀ принимаетъ чужіе совѣты... И мои въ особенности. Что̀ я для него?

Пустая женщина, у которой голова всякой дребеденью начинена.

— Вы, тетя, — пустая женщина?—широко раскрывъ глаза, воскликнулъ Алеша.

— Ну, да, — улыбаясь, отвѣчала Александра Осиповна:— на что̀ я гожусь для такихъ людей, какъ твой отецъ? Для Ѳедора Степановича любая кухарка въ десять разъ толковѣе и полезнѣе меня.

Она говорила это, не переставая улыбаться, безъ малѣйшаго оттѣнка горечи.

— Вы прежде всего,—возразилъ Алеша взволнованнымъ голосомъ, принимаясь быстро ходить по комнатѣ: — сестра моей покойной матери. А вы мнѣ сами говорили столько разъ, что онъ былъ привязанъ къ ней горячо и до сихъ поръ ему дорога̀ ея память.

Александра Осиповна промолчала, опустивъ глаза, не умѣвшіе скрывать ея мыслей.

— Или это не правда? Или вы увѣряли меня въ этомъ, только чтобы меня успокоить? Мнѣ было всего семь лѣтъ, когда умерла мама. Я помню только, и то смутно помню, ея блѣдное, нѣжное, исхудалое лицо—можетъ быть... кто знаетъ?—она съ горя умерла такъ рано. И оттого я часто примѣчалъ у отца такое странное, будто испуганное выраженіе. Точно ему совѣстно чего-то предо мной. А вѣдь, конечно, ужъ не робкій онъ человѣкъ... Да скажите же мнѣ, наконецъ, всю правду, какъ бы она сурова ни была. Пора мнѣ все знать...—Алеша остановился передъ теткой, глядя на нее въ упоръ. — Пора мнѣ знать,—продолжалъ онъ почти шопотомъ:—имѣю ли я право уважать отца. Мнѣ бы такъ хотѣлось любить его... Столько разъ я порывался ему отдаться всѣмъ сердцемъ, и меня все останавливало что-то. Изъ глубины прошлаго выросталъ у меня будто какой-то призракъ и холодомъ на меня вѣяло всякій разъ, что меня тянуло къ отцу. Есть въ этомъ прошломъ что-то нехорошее, можетъ быть, даже отвратительное. Не даромъ вѣдь всякій разъ, что при мнѣ упоминаютъ объ отцѣ, я невольно стыжусь чего-то. Вотъ хоть сегодня, напримѣръ: я въ университетѣ познакомился съ однимъ товарищемъ по курсу и тотъ спросилъ, услыхавъ мою фамилію: „А! Макшеевъ! Ужъ не сынъ ли вы будете Ѳедора Степановича?“—мнѣ послышалась въ этомъ вопросѣ какая-то недоговоренная обида.—И такъ бывало не разъ... Съ именемъ отца связаны будто постыдныя воспоминанія... Я чувствую это давно и хочу наконецъ узнать...

— Отецъ твой ведетъ большія дѣла,—тихо отвѣтила Александра Осиповна, теперь рѣшительно поднявшая на племянника глаза.—Онъ всѣмъ обязанъ одному себѣ—тутъ постыднаго ничего нѣтъ.

— Разумѣется, я не того стыжусь, что мой дѣдъ былъ крѣпостной... И коли отецъ вышелъ въ люди прямымъ и честнымъ путемъ, ему слѣдовало бы говорить объ этомъ открыто и гордиться своимъ прошлымъ. А я—его сынъ—изъ этого прошлаго ничего не знаю... И есть вѣдь какая-нибудь причина, отчего онъ не посвящаетъ меня въ свои дѣла, и вся жизнь его будто тайною для меня остается.

Алеша опять зашагалъ по комнатѣ.

— И какъ бы мнѣ ни твердили,—продолжалъ онъ, не получивъ отвѣта,—что матушка съ нимъ была счастлива, я этому повѣрить не могу. Вы обѣ совсѣмъ другого склада, чѣмъ весь нашъ домъ. Будто иной породы. Видите, что̀ пишетъ Леночка? И кто знаетъ еще, какъ достаются эти деньги, вокругъ которыхъ все вертится у насъ въ семьѣ. Нѣтъ... матушка не могла ужиться съ этой обстановкой.

— Не мучь себя напрасно, Алеша, — принялась его успокаивать Александра Осиповна. — Могу тебя увѣрить, въ прошломъ ничего такого нѣтъ, что̀ бы приходилось отъ тебя скрывать... Насъ, правда, твою мать и меня, не такъ воспитывали, какъ твоего отца — онъ учился на мѣдные гроши. Онъ привыкъ къ простой, даже грубой обстановкѣ. И выходя за него, мать твоя очень хорошо это знала, но это ей не мѣшало любить его и уважать тоже...

Прямодушной женщинѣ не малаго труда стоили эти слова. Она считала своею обязанностью сдѣлать усиліе, чтобы разубѣдить племянника. Рѣчь объ этомъ заходила между ними уже не въ первый разъ. И мучительный вопросъ, тревожившій Алешу, все поднимался снова, требуя разрѣшенія. Александра Осиповна попыталась, какъ умѣла, разсѣять сомнѣніе племянника. И не мудрено, что она обрадовалась, услыхавъ звонокъ, прерывавшій неловкое объясненіе.

Марѳа, успѣвшая вернуться, побѣжала отворять. И изъ передней раздался чей-то сухой кашель.

— Ко мнѣ больной,—сказала она, торопливо вставая.—Мы еще поговоримъ объ этомъ, Алеша, потомъ когда-нибудь... А я подумаю, какъ бы устроить, чтобы Леночку отпустили сюда, хотя бы недѣли на двѣ. Можетъ быть, твой отецъ и согласится.

Мароа появилась въ дверяхъ, докладывая о паціентѣ, и Алеша поспѣшилъ уйти въ свою комнату.

II.

Комната молодого человѣка выходила окнами на дворъ; раннія зимнія сумерки успѣли уже сгуститься, понемногу окутывая всѣ предметы тоскливою мглой. Алеша зажегъ свѣчи на письменномъ столѣ, и брызнувшее пламя вырвало изъ полутьмы висѣвшій передъ столомъ большой поясной портретъ молодой женщины съ блѣднымъ, тонкимъ лицомъ и задумчивыми кроткими глазами. Это была мать Алеши, умершая, когда ему минуло всего семь лѣтъ, годъ спустя послѣ рожденія Леночки. Подъ нею, въ простой орѣховой рамкѣ, былъ другой портретъ мѐньшаго размѣра—его отецъ, Өедоръ Степановичъ. Контрастъ между родителями Алеши былъ полный. Нѣжнымъ изяществомъ и какой-то стыдливой покорностью дышало лицо его матери. А низкій, выпуклый лобъ Өедора Степановича, съ нависшими густыми бровями, большимъ мясистымъ носомъ и жесткой щетинистой бородой вокругъ твердо сложеннаго, упрямаго, почти хищнаго рта, говорили о рѣдкой стойкости воли и недюжинной, черствой энергіи. Маленькіе, заплывшіе глаза глядѣли прытко, хоть и увертливо. Фотографія уловила ихъ быструю, смѣтливую живость. Такіе глаза никого смутить, конечно, не могли. Зато они хорошо умѣли вглядѣться въ чужую душу и отыскать у любого противника слабое мѣсто.

Алеша, въ сущности, зналъ своего отца почти такъ же мало, какъ рано скончавшуюся мать. Өедоръ Степановичъ какъ-то сторонился отъ сына, хотя былъ къ нему крѣпко привязанъ. 12-ти лѣтъ мальчика отдали въ одну изъ петербургскихъ гимназій, а Өедоръ Степановичъ въ Петербургъ заглядывалъ рѣдко, и Алеша былъ оставленъ на попеченіе тетки. Даже на каникулы онъ не всегда ѣздилъ къ своимъ въ деревню. Отецъ для него оставался загадкою, которую онъ тщетно старался разгадать, въ то же время какъ бы пугаясь разгадать ее. Молодой человѣкъ не то, чтобы не любилъ отца—онъ страстно желалъ полюбить его, и все-таки онъ не могъ освободиться отъ тайнаго нехорошаго чувства, словно отчуждавшаго его отъ полной довѣрчивой привязанности къ отцу.

И теперь, какъ всегда, взглядъ его остановился на рѣзкихъ чертахъ Өедора Степановича, словно вопрошалъ ихъ, въ тысячный разъ подвергая знакомое лицо пытливому допросу.

была живая, нескрываемая радость. Здороваясь, они оба разсмѣялись. Но у обоихъ этотъ смѣхъ прозвучалъ не совсѣмъ одинаково.—У нея однимъ только весельемъ молодости, которой любая маленькая неожиданность кажется забавной, у него—чѣмъ-то очень похожимъ на смущеніе.

— Какъ, вы знакомы съ моимъ племянникомъ?—въ свою очередь удивилась Александра Осиповна.

— Да, встрѣтились на дняхъ, съ недѣлю будетъ,—живо отвѣтилъ за нее молодой человѣкъ.—И мнѣ бы тоже слѣдовало воскликнуть, увидавъ васъ здѣсь, — обратился онъ снова къ дѣвушкѣ:—„Какъ! вы знакомы съ моей тетей“?

И оба опять разсмѣялись, неизвѣстно—чему.

— Да, и у насъ очень важныя дѣла съ Александрой Осиповной, съ чуть-чуть уловимымъ оттѣнкомъ задора въ голосѣ и въ глазахъ возразила она.—Дѣла, которыя васъ совсѣмъ не касаются.

— Наталья Владиміровна собирается на медицинскіе курсы, когда окончитъ гимназію,—объяснила Александра Осиповна,—и вотъ она пріѣхала ко мнѣ посовѣтоваться.—Ну, а вы оба, гдѣ и какъ встрѣтились, разскажите?

— Охъ, это очень просто,—заговорила дѣвушка, опять совершенно спокойно, почти дѣловымъ тономъ. — Я бываю въ одномъ кружкѣ, гдѣ музыкой занимаются много, въ домѣ профессора Слобоцкого; его дочь — моя подруга по гимназіи. Ну, вотъ прошлый четвергъ—тамъ всегда по четвергамъ собираются,—играли одну изъ моихъ любимыхъ вещей.—Вы знаете, извѣстный квартетъ Мендельсона, и Алексѣй Ѳедоровичъ былъ однимъ изъ исполнителей. Тутъ мы и познакомились. Вотъ и все...

При этомъ воспоминаніи, неизвѣстно почему, румянецъ на лицѣ у молодого человѣка выступилъ ярче.

— Натальѣ Владиміровнѣ, — добавилъ онъ полунасмѣшливымъ, полу-застѣнчивымъ тономъ,—угодно было похвалить мою игру. А впрочемъ, коли сказать правду, чего грѣха таить, хвалить было не за что—обошлось не безъ грѣшковъ...

— Затѣмъ мы про музыку разговорились, такъ... вообще... Оказалось, что мы оба любимъ классическія вещи.

— У Алеши это единственная страсть,—вставила Александра Осиповна.—Вы не повѣрите, какой онъ у меня домосѣдъ. Цѣлые вечера надъ книгою сидитъ. Я его за это не разъ журила, хотя должна бы, напротивъ,—шутливо добавила она:—за это хвалить, какъ ученая женщина. Ни въ обществѣ не бы-

ваетъ, ни въ театръ не ходитъ почти никогда. А за віолончель примется—все готовъ позабыть.

— По всему видно, образцовый молодой человѣкъ, — замѣтила Наташа, улыбнувшись. Безъ ума отъ одной только классической музыки!

— Совсѣмъ образцовый!—отозвался Алеша, и оба они опять разсмѣялись.

И припоминая свой недавній разговоръ на вечерѣ у профессора, они вернулись назадъ къ этому разговору, только ужъ не классическіе композиторы служили для него темой. Ухватившись за прерванную нить, они пришли неожиданно къ цѣлому ряду мелкихъ впечатлѣній, оказавшихся у нихъ такими же общими, какъ и любовь къ музыкѣ.

Слушая ихъ, улыбалась Александра Осиповна:—они совсѣмъ не казались такими недавними знакомыми—до того непринужденно искрилась ихъ бесѣда.

— Однако, какіе мы съ вами пустяки говоримъ!—воскликнула Наташа, только-что передъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ отвѣтившая на какое-то замѣчаніе Алеши.

А когда она смѣялась, у нея точно все личико вспыхивало отъ какого-то внутренняго огонька, вдругъ просившагося наружу. И глаза, въ обыкновенное время глядѣвшіе такъ невозмутимо, всѣ сыпали искрами, точно въ нихъ зажигались лучи.

— Я пришла сюда съ вашей тетушкой посовѣтоваться... Какъ смѣшно, однако, подумать, что Александра Осиповна вамъ тетушка!—перебила она себя, и съ трудомъ подавила заигравшую у нея опять на губахъ улыбку.—Она такъ добра, что согласилась меня принять и выслушать, а я отнимаю у нея время такъ безцеремонно. Это вы, Алексѣй Өедоровичъ, виноваты.

— Ничего, моя милая, болтайте, сколько угодно. Вы мнѣ не мѣшаете,—ласково и просто сказала Александра Осиповна. И, потянувъ къ себѣ головку Наташи, поцѣловала ее въ лобъ.

Коса дѣвушки сползла черезъ плечо и повисла къ ней на грудь. Она откинула ее назадъ быстрымъ движеніемъ и приняла опять сосредоточенное, почти степенное выраженіе, какое у нея было до появленія Алеши.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу злоупотреблять вашей любезностью, — рѣшительно отвѣтила Наташа, — да и поздно ужъ очень. Такъ видите, — совсѣмъ дѣловымъ тономъ продолжала она:—я уже говорила вамъ, что меня тянетъ собственно не на медицинскіе курсы, но съ разныхъ сторонъ мнѣ такъ часто по-

вторяли, что пользу можно принести, то-есть, настоящую пользу, именно будучи врачомъ...

Наташа пустилась объяснять, почему ей такъ рекомендовали медицинское поприще, не скрывая, что призванія къ нему она въ себѣ не чувствуетъ, хотя твердо рѣшилась выбрать для себя тотъ родъ жизни, который окажется лучше и практичнѣе.

— Именно практичнѣе,—не разъ повторяла она.—Слово это ей часто просилось на языкъ.

Очень забавной выходила у нея смѣсь искренней, совсѣмъ не напускной серьезности съ порывами молодого, веселаго задора. Все таившійся въ ней шаловливый ребенокъ то-и-дѣло просился рѣзвиться и хохотать. И вдругъ набѣгала на ея личико точно волна зрѣлой, сосредоточенной дѣловитости. И совсѣмъ особая прелесть была въ этой частой смѣнѣ настроеній, какъ разъ потому, что такой непринужденной глядѣла она всегда, и въ минуты полудѣтской безпечности, и тогда тоже, когда охватывала ее полоса вдумчивой практичности.

Наташа Богушевская была наканунѣ своихъ восемнадцати лѣтъ. Семья ея была очень небогата, хотя и не знала она настоящей нужды. Отецъ Наташи занималъ въ провинціи хорошее мѣсто, позволявшее его женѣ и дочери скромно жить въ Петербургѣ, не отказывая себѣ въ необходимомъ, но строго воздерживаясь отъ всякой прихоти.

Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, пока она училась въ одной изъ частныхъ гимназій, Наташа привыкла къ мысли, что ей предстоитъ трудовая жизнь, что молодые годы не будутъ для нея сплошнымъ праздникомъ.

Дѣвушка бодро шла къ своей будущности, не дѣлая себѣ иллюзій на ея счетъ, но и не теряя природной веселости, и эта трудовая жизнь ей не казалась суровой.

Александра Осиповна слушала, мягко и снисходительно улыбаясь въ отвѣтъ на ея чистосердечное недоумѣніе.

— Вотъ видите, моя дѣвочка,—совсѣмъ ужъ по родственному начала она, когда Наташа кончила:—хорошимъ врачомъ тогда только можно стать, когда любишь свое дѣло. А это только тогда возможно, когда искренно любишь тѣхъ, кому помогать приходится, то-есть, по просту говоря, чувствуешь живое, дѣятельное состраданіе къ людямъ.

— Мнѣ кажется,—задумчиво отвѣтила дѣвушка,—эта любовь во мнѣ будетъ...

Александра Осиповна наклонилась къ ней, бережно поправляя на ея лбу нависшую прядь волосъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что надо знать, какова на самомъ дѣлѣ эта любовь. Любятъ иногда людей вообще, то-есть отвлеченныхъ людей. А когда видишь передъ собой настоящее страданіе, да еще въ самой неказистой, часто грязной обстановкѣ и приходится, напримѣръ, гнойную язву перевязывать—отвращеніе одно чувствуешь. Такъ вотъ подумайте хорошенько, моя милая, какого сорта ваше милосердіе и ваше желаніе помочь ближнему. И тогда рѣшите сами... Врачъ по-неволѣ, помните это, никуда не годится.

Дѣвушка сперва поникла головой, но тотчасъ затѣмъ смѣло подняла глаза, устремивъ ихъ на собесѣдницу.

— Откровенно признаюсь,—сказала она:—при одной мысли объ анатомическомъ кабинетѣ меня дрожь пробираетъ. Только не бойтесь, я превозмогу себя.

— Вы храбрая, я вижу, это хорошо. Только выдержите ли? Впрочемъ, что-жъ, попробовать не мѣшаетъ. А тамъ успѣете еще свернуть на другую дорогу. Вамъ еще восемнадцати вѣдь нѣтъ. Ну, а насчетъ другой стороны вопроса, у васъ не одно желаніе ближнимъ послужить, есть и намѣреніе быть какъ можно практичнѣе, въ уровень вѣка. Тутъ, конечно, медицинская профессія ведетъ къ цѣли. Только вотъ что̀ я вамъ скажу: между двумя этими стремленіями на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ. Тотъ врачъ, повѣрьте мнѣ, оказывается лучшимъ, а стало быть и больше зарабатываетъ, кто любитъ своихъ больныхъ. Таланта безъ сердца не бываетъ—я въ этомъ твердо убѣждена.

— И я убѣждена въ этомъ,—робко, вполголоса проговорила дѣвушка, и потомъ, слегка вздохнувъ, добавила:—А вѣдь трудно выбирать для жизни дорогу, когда не знаешь, что̀ впереди ждетъ.

Она встала, сказавъ это.

— Ну, милая моя,—вставая тоже и цѣлуя опять дѣвушку, отвѣтила Александра Осиповна:—тутъ вамъ ужъ никто помочь не можетъ. На жизнь маршрута нѣтъ. Однимъ надо запастись—рѣшимостью не оглядываться назадъ, да терпѣніемъ еще и вѣрою въ себя. Авось съ такимъ багажомъ не свихнешься съ пути.

Наташа поблагодарила ее, собираясь уйти.

— Наталья Владиміровна!— вскакивая съ мѣста, остановилъ ее Алеша, не сводившій съ дѣвушки глазъ, пока длился ея разговоръ съ Александрой Осиповной.—Позвольте, я васъ провожу. Мнѣ самому, кстати, до обѣда захотѣлось прогуляться.

Наташа сперва хотѣла отказаться.

— Дойду одна, привыкла,—сказала она, чуть слышно за-

смѣявшись.—Да вы, кстати, не знаете, гдѣ я живу. Или, можетъ быть, готовы меня проводить на край свѣта?.. Впрочемъ, наша квартира очень недалеко отсюда,—на Кабинетской. И подумавъ немного, она добавила:—Пожалуй, пойдемте.

Алеша помогъ ей надѣть мѣховую кофточку и самъ накинулъ на плечи шинель.

Они вдвоемъ спустились на улицу, наполненную мутной, сѣрой мглой, предвѣстницей оттепели.

Александра Осиповна долго и задумчиво смотрѣла имъ вслѣдъ, точно они все еще стояли передъ нею. Какое-то недоброе воспоминаніе словно ее угнетало. „Кабы они знали оба...“—проносилось у нея въ головѣ,—„кабы они могли подозрѣвать... И лучше было бы, пожалуй, для обоихъ, еслибы не довелось встрѣтиться“. Она почти упрекала себя за то, что не отвѣтила уклончиво, когда Наташа обратилась къ ней съ просьбою разрѣшить ея сомнѣнія насчетъ курсовъ. „Видно, ужъ судьба“,—закончила она мысленно, какъ бы утѣшаясь этимъ доводомъ и совершенно забывая, что судьба—такое понятіе, которому не должно быть мѣста на языкѣ точнаго знанія.

III.

— Какая добрая ваша тетя!—сказала Наташа, когда они вышли на лѣстницу.—Вы къ ней очень привязаны?

— Очень... Она была мнѣ второй матерью.

И онъ разсказалъ дѣвушкѣ, идя съ ней рядомъ по троттуару, какъ протекла его ранняя молодость и чѣмъ была для него тетка.

Наташа слушала молча, и слова молодого человѣка, точно подернутыя тихою, доброю грустью, какъ-то незамѣтно прокрадывались къ ней въ душу. Она сразу поняла изъ разсказа Алеши, какимъ одинокимъ онъ былъ въ тѣ самые годы, когда такъ нужно теплое семейное гнѣздо. И ей показалось, что въ скромной обстановкѣ небогатаго родительскаго дома эти годы протекли для нея неизмѣримо радостнѣе, чѣмъ для молодого человѣка.

— А какъ вы познакомились съ тетей?—спросилъ Алеша, какъ бы отряхивая съ себя невеселыя воспоминанія дѣтства.

— Александра Осиповна очень дружна съ начальницей нашей гимназіи, и съ тѣхъ поръ, какъ я въ старшемъ педагогическомъ классѣ,—не пугайтесь, пожалуйста, этого страшнаго слова!—добавила она, смѣясь:—насъ собираютъ иногда по ве-

черамъ послушать умныхъ рѣчей. Учителя тутъ бываютъ и нѣкоторые изъ друзей нашей директриссы, въ томъ числѣ ваша тетя. Приготовляютъ насъ, какъ видите, къ интеллигентной жизни.

Она проговорила это чуть-чуть насмѣшливо, точно заранѣе ожидая, что Алеша улыбнется при ея послѣднихъ словахъ. Но молодой человѣкъ, слушая ее, и не думалъ улыбаться. Только глаза его тихо и радостно свѣтились. А на самомъ дѣлѣ онъ внималъ не тому, что̀ говорила Наташа, а самому звуку ея грудного голоса, немного низкаго и въ то же время звонкаго порой,—точно серебряные колокольчики иногда въ немъ звучали.

— Вы удивительно, кажется, серьезная дѣвушка, Наталья Владиміровна? И какъ вы трезво смотрите на жизнь!

— Что̀ дѣлать? Надо пріучиться отъ нея ждать уроковъ, а не лакомства, чтобы потомъ эти уроки не показались черезчуръ суровыми...

Но проговорила она это совсѣмъ не суровымъ тономъ, и въ большихъ ея глазахъ, при слабомъ мерцаніи фонарей, заблестѣли шаловливыя искорки.

— Только видите,—добавила она,—это не мѣшаетъ подчасъ и смѣяться. И я совсѣмъ не чувствую себя подъ гнетомъ... Ну, а вы?—оборвала она вдругъ.

— Я... Вамъ тетушка на мой счетъ, кажется, много лишняго наговорила. Я совсѣмъ не такой аскетъ, какъ увѣряетъ она.

— Не аскетъ, можетъ быть, а все-таки затворникъ. Музыка—вѣдь это какъ разъ забава очень одинокихъ людей... Впрочемъ, извините,—поспѣшила она добавить, замѣтивъ на его лицѣ сосредоточенное, почти грустное выраженіе:—Я говорю наобумъ. Можетъ быть, все это не такъ?...

Грустное выраженіе смягчилось, и улыбка, чуть замѣтная, правда, поразительно добрая улыбка показалась на его губахъ. Блѣдное лицо Алеши стало оттого почти красивымъ.

— Напротивъ, — сказалъ онъ, — вы совершенно правы, я очень мало толкусь среди людей. Это, можетъ быть, нехорошо. Да, навѣрное, даже нехорошо. Я къ каѳедрѣ готовлюсь. А хорошимъ профессоромъ можно быть тогда только...

— А какую вы себѣ выбрали спеціальность?—перебила она.

— Химію.

— Ну, химію, пожалуй, можно изучать и не зная людей. Природа такъ широка, такъ безконечна, что съ ней наединѣ можно, пожалуй, обходиться безъ общества. А все-таки, какъ будто...

Она не договорила. Но по ея глазамъ было видно, что на нее одной природы не хватило бы, несмотря на всѣ великія ея тайны.

Наташа вся была молодая, горячая, ненасытная жизнь. И одна жизнь могла дать ей то, къ чему безсознательно стремилось ея свѣтлое существо, не знавшее сомнѣній.

— Вы находите, этого мало,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Или, точнѣе,—что наука, одна только наука—очень сухая, даже бѣдная канва для жизни, въ мои годы... И вы правы, конечно. Только бѣда въ томъ, что нѣтъ у меня и не было съ дѣтства, какъ бы это выразить?... Ну, пожалуй, нѣтъ почвы, къ которой я приросъ бы... Слишкомъ рано я былъ оторванъ отъ семьи и отпущенъ на всѣ четыре стороны. Вотъ почему я и пристрастился, должно быть, къ мертвой природѣ... Она, по крайней мѣрѣ, ничьихъ ожиданій не обманывала. И неправда, что она мертва. Какъ разъ для насъ, естественниковъ, которые ближе и трезвѣе на нее смотрятъ, она—цѣльный, живой организмъ. Вѣдь мы,—добавилъ онъ не совсѣмъ рѣшительно,—въ качествѣ матеріалистовъ, и не признаемъ въ ней ничего высшаго, таинственнаго.

— Какой вы матеріалистъ, полноте!—разсмѣялась Наташа.—Вы на себя клевещете.

— Въ моихъ глазахъ это не можетъ быть клевета, Наталья Владиміровна,—замѣтилъ онъ шутливо.

— Вы матеріалистъ? Вы? Да стоитъ послушать, какъ вы на віолончели играете, какіе выходятъ у васъ задумчивые, сердечные звуки... Такъ и чувствуешь, что васъ неудержимо тянетъ куда-то, въ безконечную, таинственную даль... Ну, а вотъ мы и дошли,—совершенно инымъ голосомъ продолжала она, останавливаясь.—Спасибо вамъ, Алексѣй Өедоровичъ. Мы живемъ въ этомъ домѣ. До свиданія... Можетъ быть, увидимся какъ-нибудь,—она протянула ему руку.

— Наташа!—обозвалъ ее въ этотъ самый мигъ чей-то необыкновенно мягкій, симпатичный голосъ.

Дѣвушка обернулась.

Къ ней подходилъ крупными шагами замѣчательно красивый, рослый молодой человѣкъ, въ путейской формѣ, съ необыкновенно правильными, будто южными чертами лица. Волосы у него были черные, слегка завивавшіеся. Надъ верхней губой темнѣли едва замѣтные усики. Общей гармоніи почти классическаго лица мѣшали только прыткіе, слегка прищуренные, не особенно добрые

глаза и, пожалуй, еще насмѣшливое выраженіе, никогда почти не покидавшее губъ.

— Лёва, ты меня испугалъ,—весело отвѣтила Наташа.

Это былъ ея братъ, четырьмя годами старше ея. Онъ вопросительно, съ какой-то двусмысленной улыбкой въ глазахъ, посмотрѣлъ на Алешу.

— Позвольте васъ познакомить съ моимъ братомъ,—обратилась къ нему Наташа.—Алексѣй Ѳедоровичъ Макшеевъ,—добавила она, взглянувъ на Лёву.

Что-то на мигъ блеснуло въ зрачкахъ молодого путейца. Совсѣмъ по-дружески, даже съ чуть-чуть преувеличенной любезностью, онъ протянулъ руку новому знакомому.

— Макшеевъ!.. А!..—вырвалось у него только, словно эта фамилія звучала для него чѣмъ-то знакомымъ. — Очень радъ, очень радъ.

Онъ крѣпко пожалъ руку Алешѣ своей маленькой рукой, обладавшей, тѣмъ не менѣе, замѣчательной силой. Вся его фигура, впрочемъ, худощавая и нервная, обнаруживала какую-то особую, энергическую упругость. Несмотря, однако, на свою несомнѣнную красоту, Лёва Богушевскій почему-то не произвелъ на Алешу особенно пріятнаго впечатлѣнія.

— Вы на какомъ факультетѣ?—спрашивалъ онъ:—на естественномъ? Значитъ, мы почти товарищи. Только вы себѣ отвлеченную сторону взяли, а я прикладную. И на мой взглядъ, это благая часть... Нашъ вѣкъ—прикладной вѣдь...

Алеша не отвѣтилъ.

— Очень радъ, — повторилъ еще разъ Богушевскій. — Надѣюсь, вы станете у насъ бывать, и мы познакомимся поближе?

Алеша раскланялся. И едва онъ отвернулся, все лицо молодого путейца приняло насмѣшливое, почти злобное выраженіе.

— Скажи, пожалуйста,—спросилъ онъ у сестры:—откуда ты этого молодца подцѣпила?

Наташа холодно отвѣтила, что познакомилась съ нимъ на дняхъ, и разсказала затѣмъ въ короткихъ словахъ, какъ встрѣтились они у Александры Осиповны.

— И сразу,—добавилъ все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Лёва, поднимаясь съ сестрой на лѣстницу,—такими близкими друзьями стали, что по улицѣ съ нимъ разгуливать изволишь. Больно ужъ это по современному что-то. И хочешь, я тебѣ скажу, кто сей юнецъ? Вѣдь онъ намъ не совсѣмъ чужимъ приходится!

Весь тонъ брата, съ тѣхъ поръ, какъ они встрѣтились, не-

пріятно дѣйствовалъ на дѣвушку. И лицо ея становилось все холоднѣе, все замкнутѣе.

Послѣднія слова Лёвы пробудили, однако, ея любопытство.

— Ахъ, да, я замѣтила, что ты удивился будто, услыхавъ его фамилію.

— Еще бы не удивиться? Онъ вѣдь попросту... А впрочемъ нѣтъ... На что̀ тебѣ про это знать? Лучше буду наслаждаться зрѣлищемъ вашей ростущей близости. Это будетъ забавно. А узнаешь, кто̀ онъ такой—пожалуй, будешь держать себя неестественно. Только, въ самомъ дѣлѣ, я очень радъ познакомиться съ этимъ Макшеевымъ. И будь съ нимъ какъ можно любезнѣе, пожалуйста. Пусть онъ клюетъ, какъ рыба, и попадается на удочку.

И молодой человѣкъ потиралъ себѣ руки отъ удовольствія.

IV.

Богушевскіе знавали нѣкогда лучшіе дни. Въ курской губерніи, въ ихъ деревенскомъ домѣ, нерѣдко дымъ стоялъ коромысломъ, когда, бывало, съѣзжались къ нимъ сосѣди. Правда, это барское величіе миновало давно, но и до сихъ поръ въ цѣломъ околоткѣ не совсѣмъ исчезла память о хлѣбосольствѣ Семена Николаевича Богушевскаго, родного дѣда Наташи и Лёвы, человѣка властнаго и чиновнаго, широкаго и размашистаго во всемъ, и въ щедрости, и въ гнѣвѣ.

Дослужившись до генералъ-лейтенанта, Семенъ Николаевичъ вышелъ въ отставку оттого, что ему не дали въ пору какую-то ленту.

Въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя обойденнымъ, а въ деревнѣ, въ своихъ Красныхъ-Холмахъ, могъ еще разыграть первую роль.

Въ этой роли провинціальнаго туза онъ и прожилъ остальныя восемь лѣтъ своей жизни, ссорясь съ губернаторомъ и, въ пику предводителю, угощая на славу весь уѣздъ. Дѣлами онъ при этомъ, конечно, не занимался, вполнѣ довѣряясь приказчику, человѣку еще молодому, но прыткому не по лѣтамъ и, главное, преданному всей душой „его превосходительству“.

Да и какъ было не разсчитывать на эту преданность послѣ того, что родному отцу этого приказчика Семенъ Николаевичъ далъ вольную за долголѣтнюю службу, а сынка отдалъ въ ученье, потомъ приблизилъ къ себѣ и выказывалъ ему полную милость и довѣріе.

Когда „его превосходительству" нужны были деньги—ему стоило сказать объ этомъ приказчику, и деньги находились. Какими средствами они доставались, Семенъ Николаевичъ не спрашивалъ.

И умеръ онъ, окруженный почетомъ, ни на минуту не покинувъ величавой, недосягаемой высоты, на которой удерживало его раболѣпство окружающихъ и невѣдѣніе о состояніи своихъ дѣлъ.

А дѣла эти были уже въ полномъ разстройствѣ, когда единственному сыну, Владиміру Семеновичу, воспитанному въ лицеѣ, а затѣмъ поступившему въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ, довелось пріѣхать въ Красные-Холмы, чтобы похоронить отца и принять его наслѣдство.

Владиміръ очень походилъ на батюшку и по наружности, и по душевнымъ свойствамъ. Оба они были красавцами на видъ—рослые, здоровые, стройные; оба они отличались самонадѣянностью, и привыкли не бояться ни людей, ни обстоятельствъ.

Владиміръ Семеновичъ былъ только мягче и къ самовольной расправѣ прибѣгать не любилъ. Да и времена были уже иныя. Помѣщичью Россію успѣло преобразовать 19-ое февраля.

Владиміръ Семеновичъ пробылъ въ имѣньѣ мѣсяца два, не слишкомъ внимательно просмотрѣлъ конторскія книги, и хоть убѣдился, что Красные-Холмы не золотое дно, но, по примѣру батюшки, сохранилъ полное довѣріе къ молодому, юркому приказчику, такому почтительному съ бариномъ и такъ хорошо, такъ неумолимо, казалось, защищавшему всюду господскіе интересы.

Доходили, правда, до Владиміра Семеновича слухи, что приказчикъ сколотилъ себѣ изрядную деньгу, и что вѣковая дубовая роща сведена довольно загадочнымъ образомъ.

Но молодой баринъ этому не повѣрилъ и уѣхалъ въ полкъ, лишь кое-что измѣнивъ въ отцовскомъ хозяйствѣ.

Это было по части ученыхъ нововведеній, тогда уже носившихся въ мысляхъ у просвѣщенныхъ помѣщиковъ.

А когда, лѣтъ пять спустя, Красные-Холмы совсѣмъ перестали приносить доходъ, Владиміръ Семеновичъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе своего повѣреннаго, взять имѣнье въ аренду.

Это было началомъ конца. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ нельзя было сомнѣваться въ грабительствѣ приказчика, ставшаго арендаторомъ. Но пособить дѣлу было поздно. Владиміръ Семеновичъ пришелъ въ гнѣвъ неописанный. Его довѣрчивая, широкая душа тѣмъ болѣе вознегодовала, что такъ безгранично и слѣпо закрывалась прежде отъ подозрѣній... Онъ осыпалъ бранью

невѣрнаго слугу и позволилъ себѣ даже, несмотря на судебные уставы, собственноручное назиданіе.

Приказчикъ побѣлѣлъ отъ злости, но смолчалъ.

Когда, однако, Владиміръ Семеновичъ захотѣлъ уничтожить контрактъ и взыскать расхищенное—оказалось, къ его изумленію, что ему самому пришлось заплатить неустойку.

Такъ ужъ былъ мудро составленъ арендный договоръ.

Владиміръ Семеновичъ, впрочемъ, не пожалѣлъ денегъ, лишь бы этою цѣною раздѣлаться съ ненавистнымъ обманщикомъ и удалить его изъ Красныхъ-Холмовъ.

Но, увы! дни его власти были сочтены. Поправить дѣлъ онъ уже не могъ. Съ помощью долговъ, онъ промаялся еще нѣсколько лѣтъ, а потомъ долженъ былъ продать отцовское имѣніе купцу Расторгуеву.

Да и ненавистными ему стали Красные-Холмы съ тѣхъ поръ, какъ онъ долженъ былъ спокойно смотрѣть на то, что ближайшимъ его сосѣдомъ сталъ его бывшій приказчикъ, за безцѣнокъ купившій у другого разореннаго помѣщика небольшое, но хорошее имѣньице, сельцо Сытино.

Отъ крупнаго нѣкогда состоянія осталось какихъ-нибудь тридцать-сорокъ тысячъ. На это жить было нельзя.

Скрѣпя сердце, Владиміръ Семеновичъ скинулъ военную форму и сталъ обивать пороги всѣхъ столичныхъ вѣдомствъ, въ надеждѣ на казенное жалованье.

Ему пришлось долго стучаться въ заколдованныя двери чиновнаго святилища и удовольствоваться, въ концѣ концовъ, скромнымъ мѣстечкомъ въ провинціи.

Казенный рогъ изобилія, извѣстное дѣло, раскрывается тѣмъ болѣе скудно, чѣмъ сильнѣе нужна его помощь.

А капиталъ, между тѣмъ, все таялъ да таялъ. Часть его была помѣщена въ крупное предпріятіе, сулившее горы золота, а пока не приносившее никакого дохода.

Остальное было припасено на черный день, и Владиміру Семеновичу не разъ уже приходилось черпать изъ этого оскудѣвшаго источника.

Онъ перебрался съ семьей въ отдаленный губернскій городъ, съ виду покорный своей долѣ, но сохранивъ въ душѣ остатокъ былой гвардейской прыти, то-и-дѣло дававшей себя чувствовать. И, должно быть, эта старая закваска сидѣвшаго въ немъ избалованнаго барича мѣшала ему подняться по служебной лѣстницѣ.

Онъ тянулъ лямку, какъ самый простой изъ смертныхъ, съ

трудомъ перебиваясь и негодуя внутренно на тѣсную мѣщанскую обстановку, въ которую замкнулась его когда-то широкая жизнь.

Молодая жена, хоть и была не лучше его подготовлена къ перемѣнамъ, примирилась съ ней гораздо легче.

Она только заплеснѣла понемногу, свернулась подъ давленіемъ нужды и превратилась изъ хорошенькой, свѣтской дѣвушки въ заурядную, суетливую хозяйку, для которой главная забота—цѣна провизіи, а главное развлеченіе—городскія сплетни.

Тѣмъ временемъ, подростали дѣти.

Лёвѣ было три года, когда надъ его родителями стряслась бѣда. Наташа родилась уже въ провинціальномъ захолустьѣ.

Приходила пора серьезно заняться ихъ воспитаніемъ, и Владиміръ Семеновичъ сталъ проситься въ Петербургъ. Ждать ему пришлось не долго: на его счастіе, тамъ какъ разъ открылась вакансія. Было ли это, впрочемъ, на счастіе—рѣшить трудно. Въ столицѣ тоскливая необходимость считать каждый грошъ чувствовалась еще сильнѣе. Владиміръ Семеновичъ крѣпился, обрѣзывалъ себя до нельзя, но порою старая закваска давала себя знать, и разсчетливый отецъ семейства вдругъ превращался въ удалого повѣсу, жаждавшаго лишній разъ хлебнуть отъ запретнаго кубка.

Ольга Андреевна—такъ звали его жену—догадывалась про шалости мужа, но сносила ихъ терпѣливо. Она хорошо знала, что не удержать ей своего Володю.

Заботы, кропотливыя и мелкія, рано превратили ее въ преждевременную старуху, ворчливую, даже скаредную.

Горько ей было особенно то, что дѣти все замѣтнѣе ускользали изъ-подъ ея материнской власти. Совсѣмъ новымъ ей невѣдомымъ духомъ какъ будто вѣяло отъ Лёвы и Наташи. Тѣсная обстановка семейной жизни рано пріучила ихъ къ самостоятельности. И Ольга Андреевна не могла не замѣтить, что и думаютъ, и чувствуютъ они совсѣмъ по-своему, будто съ дѣтства они дышали инымъ воздухомъ, чѣмъ родители. Съ матерью они обращались почтительно, но любовь довѣрчивая, дѣтская любовь, ищущая себѣ защиты въ родномъ гнѣздышкѣ, все слабѣе чувствовалась изъ-за этой почтительности.

Ольга Андреевна пробовала заговорить про это съ мужемъ, но Владиміру Семеновичу было не до такихъ пустяковъ. Онъ и не примѣчалъ, какъ чужими становились ему дѣти.

Да и вскорѣ ему пришлось оставить Петербургъ. Ему предложили мѣсто въ провинціи, съ повышеніемъ жалованья, и онъ согласился почти съ радостью.

Слишкомъ тяжело было видѣть, какъ бывшіе товарищи идутъ въ гору, а самому ощущать на себѣ давящіе тиски мѣщанской обстановки.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и вотъ, наконецъ, хмурая жизнь Ольги Андреевны какъ будто прояснилась. Разомъ пришли отъ мужа къ ней—это было передъ самыми праздниками—разомъ два счастливыхъ извѣстія: онъ только-что получилъ мѣсто управляющаго отдѣленіемъ дворянскаго банка въ одной изъ черноземныхъ губерній; а акціи того предпріятія, въ которое помѣстилъ онъ нѣкогда свой небольшой капиталъ, пріобрѣли вдругъ неожиданную цѣнность.

Дѣло, остававшееся такъ долго бездоходнымъ, попало, наконецъ, въ умѣлыя руки. Съёжившееся, было, сердце Ольги Андреевны, встрепенулось и открылось наивной радости. Она не скрывала этого, въ сотый разъ повторяя домашнимъ и знакомымъ, какое ее постигло счастіе.

И страннымъ ей казалось, что дѣти такъ равнодушно отзываются на это счастіе. Наташа, всегда веселая, терпѣливо выносившая однообразіе ихъ жизни, и тутъ, правда, не измѣнила своему доброму нраву. Но радовалась она только за мать. А Лёва и не давалъ себѣ труда подавить на своемъ лицѣ недобрую улыбку.

Молодой человѣкъ съ дѣтства слышалъ про широкое житье дѣда въ Красныхъ-Холмахъ, и жалкимъ ему казалось теперь то, отъ чего чуть-чуть лишь раздвинутся для нихъ тѣсныя мѣщанскія рамки.

Разсказы о богатствѣ предковъ разжигали его воображеніе, и съ раннихъ лѣтъ онъ далъ себѣ клятву завоевать назадъ потерянное.

Родителей онъ не уважалъ. Отецъ въ его глазахъ былъ распущеннымъ баричемъ, неспособнымъ ни на какое дѣло. А Ольга Андреевна вся ушла въ крошечные разсчеты; точно давившая ее костлявая рука нужды разучила ее даже понимать, что есть иная, настоящая жизнь, иныя, не-копѣечныя заботы.

Путейцемъ Лёва сталъ по собственному выбору. Онъ рано понялъ, какая дорога приведетъ его всего прямѣе къ цѣли.

Учился онъ хорошо, хоть и не было въ немъ отъ природы никакого влеченія къ наукѣ. Онъ даже презиралъ ее, то-есть, презиралъ тѣхъ, кто отдается ей безкорыстно, ради нея самой. Знаніе было для него не цѣлью, а средствомъ.

Съ сестрой у него на этотъ счетъ бывали частые споры. Она, также какъ и онъ, смотрѣла на будущее трезво, съ

бодрой вѣрой въ себя и въ жизнь. И все-таки она глядѣла безпечнымъ, даже избалованнымъ ребенкомъ, котораго будущее не пугало оттого, должно быть, что Наташа отъ него требовала немногаго.

— Удивляюсь, право, чему такъ радуется мать?—говорилъ ей Лёва въ тотъ самый день, когда пришло извѣстіе о назначеніи Владиміра Семеновича. — Въ пятьдесятъ-четыре года дослужиться, наконецъ, до мѣста, на которомъ съ голоду не умрешь — экая важность! До чего, однако, съуживается кругозоръ, когда привыкаешь къ этой проклятой нищетѣ!

— Какой ты черствый, Лёва! — съ тихимъ укоромъ въ голосѣ отвѣтила дѣвушка.—Неужели тебя не радуетъ, что мамѣ будетъ легче? Развѣ тебѣ ея не жаль? Посмотри, какъ она постарѣла. Какъ она мучилась за все это время! И какая она добрая...

— Ну, да, конечно, знаю,—нетерпѣливо возразилъ молодой человѣкъ, принимаясь ходить по комнатѣ:—она добрая, по-своему, разумѣется, и я ее люблю тоже...

— Нѣтъ, не любишь,—все тѣмъ же тихимъ голосомъ сказала Наташа.—Ты никого не любишь—въ томъ-то и бѣда.

— Не люблю, конечно, по-твоему, — и что-то похожее на вызовъ блеснуло въ глазахъ Лёвы:—не могу нѣжничать, какъ дѣвчонка. Слишкомъ уже круто обошлась съ нами судьба, чтобы оставалась у меня охота сантиментальничать. Ты, вотъ, хоть и на курсы собираешься и воображаешь себя нивѣсть какой серьезной, все-таки отъ жизни однѣхъ конфетокъ просишь. А нашего брата этимъ не удовлетворишь.

И онъ разсмѣялся своимъ короткимъ, недобрымъ смѣхомъ.

А Наташа въ отвѣтъ только улыбнулась.

— Знаю, что̀ ты мнѣ отвѣтишь,—продолжалъ молодой человѣкъ, раздражаясь все болѣе.—Ты намѣрена трудиться и сама зарабатывать себѣ хлѣбъ, и при этомъ страждущему человѣчеству помогать... Старая это пѣсня.

Какая-то неискренняя, преувеличенная иронія звучала въ его словахъ.

— Не человѣчеству, а только ближнимъ,—спокойно возразила Наташа,—и даже, вѣроятно, очень немногимъ.

— Да, иллюзій ты себѣ не дѣлаешь, сестрица. Это хорошо. Только злитъ меня какъ разъ эта нелѣпая скромность желаній— это будущее въ нѣсколько вершковъ, которое ты себѣ рисуешь. Ты на этотъ счетъ совсѣмъ въ мать. Впрочемъ, вамъ, женщинамъ, иного и не надо.

— Зачѣмъ ты злишься, Лёва? И на кого? Неужто ты воображаешь, что въ такой злости есть превосходство,—есть сила?

Лёву взорвалъ этотъ спокойный отвѣтъ.

— Злюсь я потому, что во мнѣ не рыбья кровь. И не могу я простить папашѣ и дѣдушкѣ, что изволили они всю жизнь благодушествовать и просолили свое достояніе. Какъ вспомню я, чѣмъ были наши предки, и чѣмъ стали мы...

Онъ топнулъ ногой, остановившись передъ Наташей.

— Жить въ этихъ конурахъ, въ четвертомъ этажѣ, когда прадѣдъ нашъ при Екатеринѣ вельможей былъ, а дѣдъ на отвалъ кормилъ чуть не всю губернію.

— По-моему, — возразила Наташа, — ни передъ нуждой опускать головы не слѣдуетъ, ни гоняться за богатствомъ. Надо быть выше этого. Главное—оставаться самимъ собой...

— Выше!—легко сказать!—онъ повелъ презрительно плечами.

— То, чего мнѣ отъ жизни надо,—продолжала Наташа,— я могу достать сама. А ты...

— Ну, обо мнѣ не безпокойся! Кто твердо рѣшился цѣли добиться и случая изъ рукъ не выпускать...

— Какой цѣли?—широко раскрывъ глаза, спросила дѣвушка.

— Да ужъ, конечно, не мелкой. Стать тѣмъ же опять, чѣмъ были предки, и достигнуть этого тѣмъ самымъ оружіемъ, какимъ это у насъ было отнято.

— Другими словами, — презрительно вымолвила Наташа:— пуститься на обманъ, за то, что насъ когда-то обманывали?

— Обманъ! Напрасно ты не сказала ужъ прямо: „мошенничество". Я съ уголовнымъ закономъ хочу оставаться въ ладу и на скамью подсудимыхъ не собираюсь. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, слава Богу, можно разбогатѣть, никого не обирая. То, что̀ прежде давалъ кулакъ,—даютъ теперь мозги. Средства, какъ видишь, самыя цивилизованныя. Отцы наши потому только и прозѣвали свое добро, что мозговъ не хватало, и больно ужъ привыкли они хлопать ушами. Это все проклятое крѣпостное право! Проклятое не потому, что оно было несправедливо, а по своей безпардонной глупости. И прекрасное дѣло, что насъ проучили. Надо только, чтобы урокъ даромъ не пропалъ. И для меня онъ не пропадетъ—за это могу поручиться. Твердо зарубилъ я себѣ на носу, что пробьетъ себѣ дорогу тотъ только, кто себя не жалѣетъ... Ну, разумѣется, и другихъ тоже. Къ чорту лѣнь и брезгливость, и нервы, въ особенности нервы...

— Странное дѣло, Лёва, — пытливо вглядываясь въ брата, промолвила дѣвушка. — Ты какъ будто правъ, и все-таки я съ

тобой согласиться не могу. Конечно, въ наше время только знаніемъ и трудомъ и можно чего-нибудь достигнуть.

Лёва опять разсмѣялся.

— Ты бы лучше сказала: смёткой и трудомъ!—а то знаніе само по себѣ, безкорыстное, научное знаніе!.. Оттого-то я и пошелъ въ инженеры, что мнѣ одного знанія мало. Ну, а теперь, Наташа, полно болтать. Мнѣ за дѣло приняться надо. Толкую съ тобой, что времени терять не слѣдуетъ, а время, глядь, и проходитъ безъ пользы. Сегодня еще полсотни страницъ одолѣть придется.

Разговоръ этотъ происходилъ въ комнатѣ Лёвы, очень небольшой, но отдѣланной лучше всѣхъ остальныхъ въ квартирѣ.

Молодой человѣкъ каждую свободную копѣйку тратилъ на украшеніе „своей конуры", какъ онъ любилъ выражаться. И несмотря на практическіе инстинкты Лёвы, онъ обнаруживалъ при этомъ настоящій вкусъ.

Главнымъ ея украшеніемъ былъ книжный шкафъ изъ стараго рѣзного дуба, высмотрѣнный у одного изъ антикваріевъ толкучки и добытый цѣною долгихъ спартанскихъ лишеній.

На стѣнахъ висѣли три старинныхъ гравюры, изъ-за которыхъ онъ торговался, какъ жидъ, упрямо и терпѣливо. Письменный столъ и прочая мебель — все было у него хорошее, прочное. Гроши, заработанные уроками, онъ тратилъ исключительно на это, не переставая мечтать о томъ времени, когда можно ему будетъ сложить съ себя постъ и во всю ширь побаловать свои, далеко не спартанскіе, инстинкты. Но до поры до времени надо было держать себя въ рукахъ. И Лёва не давалъ себѣ воли, тѣшась пока своимъ любимымъ уголкомъ. И когда его голова утомлялась отъ упрямой работы, онъ отдыхалъ, любуясь каждой изъ пріобрѣтенныхъ имъ вещей, и хорошо помня, сколькихъ часовъ скучнаго труда каждая изъ нихъ ему стоила.

V.

Три дня спустя, наканунѣ праздниковъ—Владиміръ Семеновичъ пріѣхалъ, чтобы представиться начальству и посмотрѣть на родныхъ.

Высокій ростомъ и сложенный отмѣнно, онъ глядѣлъ молодымъ. Съ годами у него плечи только стали немного сутуловатыми—въ одномъ этомъ оказывалась тяжесть долголѣтнихъ работъ и необходимость сгибать шею передъ сильными міра. Но

красивая голова, съ едва пробивающейся сѣдиной, съ быстрымъ огонькомъ въ чуть-чуть влажныхъ карихъ глазахъ, все еще сидѣла вольно, по-барски, съ какимъ-то вызывомъ глядя на міръ. Можно было бы Владиміра Семеновича принять за человѣка крѣпкаго не только сложеніемъ, но и волей, еслибы эти самые глаза не помаргивали такъ часто, и такъ мягко не была очерчена линія нетвердо сложенныхъ, чувственныхъ губъ. И голосъ тоже, то рѣзкій, то крикливый, необыкновенно густой и слегка шепелявый, не говорилъ объ энергіи. Вглядѣвшись попристальнѣе въ лицо Богушевскаго, не трудно было догадаться, что суровая жизнь не разъ заставляла его подавить черезчуръ прыткій дворянскій нравъ, но сдѣлать изъ него спартанца не смогла.

Только-что полученное назначеніе такъ же сильно подѣйствовало на него, какъ и на Ольгу Андреевну. Онъ пріосанился и смотрѣлъ щеголемъ въ своей новой съ иголочки парѣ, хоть и была она сшита провинціальнымъ портнымъ. И дорòгой въ столицу онъ, должно быть, посибаритствовалъ—это видно было по масляному блеску его глазъ.

Жена ему очень обрадовалась и пустилась въ безконечные разспросы. Хоть онъ и пересталъ ее баловать своею нѣжностью—Ольга Андреевна была къ нему крѣпко привязана. И каждый пожалѣлъ бы ее искренно, увидавъ, съ какой преданной любовью устремляла она на мужа безпокойные поблекшіе глаза, пока онъ разсѣянно внималъ ея торопливой болтовнѣ. Одно только вызвало его изъ этой разсѣянности—извѣстіе, что Наташа собирается на медицинскіе курсы. Ольга Андреевна говорила про это съ какой-то боязливой покорностью, точно склоняясь передъ волей судьбы.

— Какъ на курсы! — вспылилъ Владиміръ Семеновичъ.— Это чтò еще за фантазія? Ни за что! И ты согласилась?

Ольга Андреевна, съ трепетомъ въ голосѣ, призналась, что ей пришлось уступить желанію дочери.

И тутъ же на нее посыпались грозные укоры за безхарактерность.

— Я съ ней переговорю. Сегодня же переговорю, — объявилъ онъ, вставая.—Жаль, что ея нѣтъ дома. Сладу нѣтъ теперь съ дѣтьми. Ну, да мы еще посмотримъ!

И крупною походкой человѣка, сознающаго за собой непреклонную твердость воли, Владиміръ Семеновичъ направился въ комнату сына.

— Однако, ты себѣ ни въ чемъ не отказываешь,—сказалъ онъ, озираясь.—У меня такого кабинета не имѣется.

Онъ не совсѣмъ былъ доволенъ Лёвой, встрѣтившимъ отца въ это утро лишь съ холодной почтительностью. Молодой человѣкъ думалъ про себя, что отецъ и этого не заслуживаетъ.

И теперь на замѣчаніе Владиміра Семеновича онъ отозвался не безъ ѣдкости:

— Это я все на трудовыя деньги купилъ. Мнѣ вѣдь расточительнымъ быть нельзя—расто́чать нечего.

Владиміръ Семеновичъ не отвѣтилъ, но ввернулъ-таки, минуту спустя, что акція проминскаго завода, въ которыя онъ помѣстилъ свой капиталъ, сильно поднялись, и дивидендъ будетъ очень изрядный.

— Знаю, — усмѣхнулся Лёва въ отвѣтъ: — я вѣдь за биржей слѣжу. Только могло вѣдь случиться, что предпріятіе и лопнуло бы...

— Что̀ дѣлать!—развелъ руками Владиміръ Семеновичъ:— безъ риска ничего не получишь. Я довѣрился человѣку, который это дѣло ведетъ, и не ошибся, какъ видишь.

— Въ такомъ случаѣ жаль, — холодно возразилъ Лёва,—что этихъ акцій у васъ такъ немного.

— Двадцать только, это правда.

Владиміръ Семеновичъ опустилъ глаза, понявъ намекъ сына.

„Вѣдь надо было какъ-нибудь прожить,—мысленно извинялся онъ передъ собой,—пока не дали штатнаго мѣста... Да и переѣздъ въ далекій губернскій городъ и первое обзаведеніе тамъ— чего-нибудь да стоили“. Почтенный отецъ семейства могъ бы добавить къ этимъ нѣмымъ признаніямъ, что онъ не переставалъ разрѣшать себѣ по временамъ маленькія отступленія отъ строгаго поста, наложеннаго на его вкусы жестокой судьбой. Правда, Владиміръ Семеновичъ отводилъ душу уже не совсѣмъ по-барски, и отъ первоклассныхъ ресторановъ опустился до увеселительныхъ мѣстъ средней руки,—но и эти буржуазныя удовольствія не мало унесли денегъ.

Лёва зналъ это очень хорошо, но счелъ излишнимъ напоминать отцу о былыхъ грѣшкахъ.—„Прошлаго не воротишь,— говаривалъ онъ себѣ часто:—умные люди не теряютъ времени на безполезные попреки; они думаютъ о будущемъ“...

И Владиміръ Семеновичъ тогда думалъ о будущемъ дѣтей и охотно бы устроилъ его совсѣмъ иначе, чѣмъ собирались это сдѣлать они. Онъ часто говаривалъ про это и прежде, а теперь, когда семья обезпечена и самъ онъ въ состояніи помочь имъ стать на ноги...

— Вы мнѣ посовѣтовали бы выбрать другую карьеру,—

перебилъ его Лёва, догадываясь, къ чему клонятся нерѣшительныя, почти робкія слова отца.

— Да, признаться, не мѣшало бы... Знаешь, совсѣмъ вѣдь это,—какъ бы сказать?—не по-дворянски.

— По-дворянски, батюшка,—отчеканилъ Лёва,—по вашему, только нищенствовать и тунеядствовать.

Владиміръ Семеновичъ вспылилъ.

— Тунеядствовать? Кто это говоритъ? Но есть разныя профессіи. Есть благородная работа.

— То-есть,—снова перебилъ отца Лёва:—такая работа, за которую ничего не платятъ. Или наоборотъ—битье баклушъ, за которое платятъ очень дорого, по протекціи. Можетъ быть, это совсѣмъ по-дворянски, но мнѣ не по вкусу... Такая карьера вѣдь тоже, что азартная игра: повезетъ—большой кушъ загребешь, и въ одинъ прекрасный день государственнымъ человѣкомъ проснешься... А не будетъ удачи—станешь вѣкъ лямку тянуть и смотрѣть, какъ тебя другіе обскакиваютъ.

— Ну, а въ твоемъ дѣлѣ не то же самое?—пріосанился Владиміръ Семеновичъ, заложивъ въ карманъ руки.

— Нѣтъ, не то же. Здѣсь все отъ меня зависитъ, отъ мозговъ моихъ и отъ старанія.

— Скажи лучше,—подступая къ сыну, закипятился Владиміръ Семеновичъ:—отъ твоего безстыдства; кому не извѣстно, какъ богатѣютъ господа инженеры?

Лёва чуть-чуть поблѣднѣлъ, но не смутился.

— Полноте,—засмѣялся онъ хрипло:—это бабьи сказки; а коли загребаемъ мы не одни гроши, такъ это потому, что мозги доходъ приносить стали въ наше время побольше глупаго сельскаго хозяйства и самой даже государственной службы. И знаете —почему такъ? Потому что не себѣ только, но и другимъ они помогаютъ набивать карманъ. А разумѣется, кто поглупѣе, да не разучился зѣвать, тотъ на бобахъ остается вездѣ. Да и подѣломъ!

Тутъ разговоръ ихъ былъ прерванъ неожиданнымъ появленіемъ новаго лица—Николая Смолина, одного изъ немногихъ обычныхъ посѣтителей въ семьѣ Богушевскихъ. Съ Лёвой онъ случайно познакомился съ годъ назадъ. И врядъ ли это знакомство стало бы особенно короткимъ, еслибы Смолинъ не встрѣтилъ разъ у Лёвы его сестру. Съ нею у него очень скоро оказались многіе общіе вкусы и прежде всего музыка, которую и онъ тоже страстно любилъ. И оттого, должно быть, Смолинъ не чувствовалъ, какъ мало онъ и Лёва подходятъ другъ къ другу.

— Смолинъ, мой пріятель!—небрежно рекомендовалъ его Лёва Владиміру Семеновичу.

Тотъ красивымъ движеніемъ протянулъ молодому человѣку свою выхоленную руку. Долгіе годы, проведенные въ захолустьѣ, не отъучили Богушевскаго думать о красѣ ногтей. Онъ считалъ своею обязанностью къ друзьямъ сына, да и къ молодежи вообще, относиться съ изысканной любезностью, въ которой было что-то преувеличенно-рыцарское и какъ будто нѣсколько комичное.

— Очень радъ, очень радъ,—повторялъ онъ.—Вы здѣшняго университета? По какой, позвольте узнать, спеціальности?

— Я на юридическомъ факультетѣ,—отчетливо и быстро отвѣтилъ Смолинъ. И при этомъ глаза у него чуть-чуть блеснули.

— И все-таки товарищъ моему сыну? Хоть у васъ совсѣмъ, такъ сказать, различные виды занятій?

Въ присутствіи молодыхъ людей Владиміръ Семеновичъ выражался немного вычурно и словно конфузясь.

— Вы благую часть избрали,—продолжалъ онъ, усаживаясь и сопровождая эти слова однимъ изъ тѣхъ округленныхъ жестовъ, которые на сценѣ бываютъ у благородныхъ отцовъ. Ни одно, такъ сказать, воспитательное заведеніе не можетъ сравниться съ университетомъ. Вѣчно буду сожалѣть, что я самъ нѣкогда, будучи молодымъ... И за сына тоже сожалѣю, и всегда твердилъ ему, но Лёва выбралъ себѣ профессіональную карьеру.

Смолинъ возразилъ на это безъ малѣйшаго оттѣнка насмѣшливости:

— Ну-съ, на этотъ счетъ большого отличія пожалуй, что не будетъ. Университетъ нашъ тоже профессіональная школа для тѣхъ, кто готовится со временемъ казенную корову подоить. Мы всѣ вѣдь будущіе люди „20-го числа", когда выдается жалованье

— Ахъ, что̀ вы говорите: служить государству или быть какимъ-нибудь тамъ инженеромъ или технологомъ! Развѣ...

— Ну вотъ, убѣди его, Смолинъ,—перебилъ отца Лёва:—мнѣ онъ не вѣритъ, что это все едино; что какого-то безкорыстнаго служенія наукѣ давно въ поминѣ нѣтъ. А съ практической точки зрѣнія, пожалуй, дороги строить или завѣдывать фабрикой получше будетъ и поприбыльнѣе тоже, чѣмъ бумаги строчить въ канцеляріи.

Смолинъ взглянулъ на товарища быстрыми и свѣтлыми глазами и не проронилъ ни слова. Не упомяни Лёва о прибыли, онъ пожалуй бы съ нимъ согласился. Но его собственная прак-

тичность была нѣсколько особаго рода: она за барышами не гонялась и ограничивалась тѣмъ, что и въ себѣ, и въ другихъ не терпѣла иллюзіи.

Владиміръ Семеновичъ, продолжая охорашиваться и ухаживать за молодымъ человѣкомъ, пустился объяснять, нѣсколько путаясь, чтò за высокое призваніе у новаго поколѣнія, и какой службы отъ него ждетъ родина! Онъ высказалъ на этотъ счетъ нѣсколько прописныхъ истинъ, слегка подернутыхъ либерализмомъ. Казаться либераломъ въ присутствіи молодежи Владиміръ Семеновичъ тоже считалъ своей обязанностью.

Смолину сдѣлалось скучно, и онъ пересталъ слушать. Но Владиміръ Семеновичъ этого не замѣтилъ.

— А теперь, я думаю,—докончилъ онъ, вставая:—васъ надо оставить вдвоемъ. У васъ, конечно, есть о чемъ потолковать. Лёва,—обратился онъ къ сыну:—хочешь, въ шесть часовъ мы съ тобой гдѣ-нибудь отобѣдаемъ?

— Пожалуй,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, знавшій, какъ расцвѣтаетъ все существо его папеньки отъ ресторанной атмосферы.

— А чтò?—спросилъ у Лёвы Смолинъ, когда Владиміръ Семеновичъ вышелъ:—твой отецъ когда-то былъ военнымъ? Да? Ну, конечно! Сейчасъ видно, покаявшійся кавалеристъ. А онъ мнѣ очень нравится, твой отецъ.

— И замѣтилъ ты,—возразилъ Лёва:—какъ онъ въ твоемъ присутствіи либеральничать пустился? Воображаетъ, что такъ надо; что мы, учащаяся молодежь, непремѣнно должны быть передовыми. Онъ и не догадывается, какъ это старо!

— Добрый онъ человѣкъ, твой отецъ, вотъ чтò,—отвѣтилъ Смолинъ, растягиваясь на диванѣ и закуривая.—А чтò ни говори, въ добротѣ всегда есть что-то привлекательное.

— Да,—захихикалъ Лёва:—зубастымъ его назвать нельзя, щучьей природы въ немъ нѣтъ, хоть привыкъ онъ разгуливать козыремъ, даромъ что изрядно потрепала его жизнь. Не успѣлъ научиться, что одно только и помогаетъ сухимъ выходить изъ воды—умѣнье видѣть передъ собой берегъ, къ которому надо пристать, и достаточная сила, чтобы до него доплыть.

Смолинъ усиленно тянулъ изъ своего мундштука, и на время только быстрые его зрачки точно скользнули по товарищу.

— Было время,—продолжалъ Лёва,—когда такъ называемые „передовые“ хотѣли все человѣчество вкусными бубликами накормить, и всѣмъ медовыя рѣки въ кисельныхъ берегахъ сулили. Потомъ спохватились, что бубликовъ, пожалуй, и не хва-

тить, и стали проповѣдовать, чтобы каждый въ сермягу облекся, ради пущаго равенства. Ну, а теперь поумнѣли, и всѣ по-одиночкѣ благъ земныхъ для себя лично добиваются.

— Panem et circenses!—съ короткой усмѣшкой на губахъ проронилъ Смолинъ.—А это,—продолжалъ онъ,—пожалуй еще старѣе будетъ, чѣмъ иллюзіи твоего отца. При императорѣ Неронѣ еще такъ думали.

— А!.. — встрепенулся онъ вдругъ, услыхавъ звонокъ изъ передней: это, должно быть, вернулась Наталья Владиміровна!

И въ самомъ дѣлѣ, минуту спустя, Наташа показалась въ дверяхъ, вся розовая, съ нерастаявшими алмазными снѣжинками на мѣховой кофточкѣ.

— Что̀ за чудная погода!—сказала она, протягивая руку Смолину.—Снѣгъ идетъ весь такой мелкій, сухой, блестящій—и сквозь него солнце свѣтитъ. Прелесть! А папы нѣтъ дома?

Лёва сказалъ ей, что Владиміръ Семеновичъ только-что вышелъ.

— Какъ жаль! Я съ нимъ и не видалась совсѣмъ.

— Успѣешь. Заранѣе предупреждаю, что онъ примется тебя уговаривать на курсы не поступать.

— Ну, что-жъ, онъ это изъ любви ко мнѣ, а меня все-таки не разубѣдить. Лёва, вели сюда чаю подать, а я сейчасъ вернусь, только скину съ себя это.

Она убѣжала и вернулась уже черезъ нѣсколько минутъ. Горничная принесла чай, и Наташа взялась его разливать.

Между нею и Смолинымъ тотчасъ завязался споръ, одинъ изъ тѣхъ споровъ, какіе начались у нихъ съ первыхъ дней ихъ знакомства.

Чувствовалось тотчасъ, что имъ весело другъ другу возражать, и это несогласіе ихъ сближаетъ, и что, между тѣмъ, это не болѣе, какъ товарищеское сближеніе, которому не перейти за черту совсѣмъ безмятежной, полушкольнической дружбы. Впрочемъ, Смолинъ, можетъ быть, и былъ не совсѣмъ равнодушенъ къ молодой дѣвушкѣ, но онъ берёгъ это про себя, а непринужденность его въ обращеніи съ ней ничуть отъ этого не страдала.

— А вы такъ-таки въ самомъ дѣлѣ,—спросилъ онъ вдругъ совсѣмъ особымъ, беззаботнымъ и участливымъ тономъ, обрывая неоконченный споръ,—обречете себя на служеніе Эскулапу? И невозмутимо станете мертвыя тѣла потрошить?

— И вы этому тоже не сочувствуете, какъ мои родители?—съ веселымъ задоромъ въ глазахъ спросила Наташа.

— Какъ-то я не могу себѣ представить васъ, именно васъ, медицинскою дамой.

— Ко мнѣ это не идетъ? Да? Я на это слишкомъ, слишкомъ...

Безсознательное кокетство какъ бы сквозило въ ея словахъ, въ ея взглядѣ.

— Черезчуръ веселая, легкокрылая маленькая особа,—докончилъ за нее Смолинъ.—Да и увѣренъ я, что и вамъ самимъ туда совсѣмъ не хочется. И вы только приневоливаете себя изъ какого-то принципа.

— Представьте, что вы правы. Въ самомъ дѣлѣ не хочется,—съ полною искренностью въ заблестѣвшихъ глазахъ отвѣтила дѣвушка.

— И все-таки пойдете?

— Пойду. Куда-нибудь вѣдь надо.

— Чтò это—подвигъ?—морщась немного, спросилъ молодой человѣкъ.

— Полноте, — совершенно просто отвѣтила она:—развѣ я похожа на подвижницу? Я только знаю, что надо пробивать себѣ дорогу, что это невесело, но лучшая система, все-таки—смотрѣть на дѣло какъ можно проще и бодрѣе... Да и вы, кажется, одного мнѣнія со мной на этотъ счетъ. Вы мнѣ не разъ это говорили.

— Да, я тоже изъ тѣхъ, кто на себя постъ добровольно накладывать не охотникъ; но зато съ постомъ мирятся, когда его накладываетъ сама жизнь.

— Какъ есть, совершенная пара,—разсмѣялся Лёва.—И удивительно, право, веселая перспектива—вѣчныя будни и черный хлѣбъ. И вы совершенно этимъ, вдобавокъ, довольны?

— А по-твоему, кислую мину надо дѣлать и злиться?—спросила дѣвушка.

— По-моему,—воскликнулъ ея братъ, вскакивая съ мѣста и принимаясь ходить взадъ и впередъ, какъ это онъ всегда дѣлалъ, когда его захватывало за живое:—надо отъ жизни многаго требовать, чтобы она хоть что-нибудь дала. Она скупа, какъ ростовщикъ, и уступаетъ тому, кто ея не боится. Это суевѣріе, можетъ быть, а я твердо убѣжденъ, что судьбу можно заставить себѣ служить... Только, конечно, не этой смиренной покорностью, которая за каждую копѣйку благодарить готова.

— Чтò дѣлать, Богушевскій! — на этотъ разъ совершенно серьезно, почти даже сурово возразилъ Смолинъ.—Мы люди маленькіе, въ гору намъ стремиться не зачѣмъ. Мой отецъ всего только и былъ, что посредникомъ, а потомъ мировымъ судьей...

Ни до какихъ степеней извѣстныхъ не дослужился, хоть и могъ бы; а дѣдъ и того хуже: имѣлъ неосторожность попасть въ декабристы; о прадѣдѣ смутные ходятъ слухи. Онъ, кажется, былъ секундъ-маіоромъ въ отставкѣ, или что-то въ этомъ родѣ. Три поколѣнія изъ деревни не выѣзжали, служили родинѣ, какъ могли, и пахали землю. Гдѣ тутъ въ люди выходить? Ну, и я про это не мечтаю. Должно быть, такая ужъ наклонность по наслѣдству досталась. Былъ бы кусокъ хлѣба, да чистая совѣсть...

Онъ замолчалъ и, минуту спустя, поднялся съ мѣста, чтобы проститься.

Возвращаясь пѣшкомъ къ себѣ, въ свою скромную квартирку на Васильевскомъ Острову, Смолинъ думалъ невеселую думу. „Отчего это,—спрашивалъ онъ себя,—у милой этой дѣвушки совсѣмъ одни со мной наклонности и вкусы, а между тѣмъ“... Онъ говорилъ себѣ, невесело улыбаясь, что врядъ ли когда-нибудь сердце Наташи Богушевской забьется для него скорѣе.

VI.

Владиміръ Семеновичъ угостилъ сына на славу. Тщетно Лёва старался унять расходившагося папеньку, когда тотъ заказывалъ дорогія кушанья и вина.

— Нѣтъ, ты ужъ дай мнѣ распорядиться по-своему,—почти съ укоромъ проговорилъ Богушевскій.—Ты вѣдь ничего въ этомъ не понимаешь, не понимаешь, особенно, какое мнѣ удовольствіе доставляетъ хоть тряхнуть стариной, да хорошенько...

Въ знакомой комнатѣ ресторана, гдѣ они обѣдали вдвоемъ, минувшія воспоминанія такъ и нахлынули на Владиміра Семеновича. И онъ принялся разсказывать Лёвѣ, съ какой-то усиленной торжественностью, про былые дни лихого разгула. Онъ вспомнилъ и про татарина-слугу, нѣкогда такъ хорошо и быстро исполнявшаго всѣ затѣи удалой, подгулявшей компаніи, и про француза-хозяина. Оказалось, что и татарина нѣтъ давно, и хозяинъ теперь новый. Владиміръ Семеновичъ какъ будто пріунылъ, услыхавъ это.

— Да, теперь не то, совсѣмъ ужъ не то, — почему-то сказалъ онъ, отхлебывая превосходнаго бургонскаго. Онъ хвастался, что ему одному, да еще двумъ-тремъ знатокамъ подавали въ ресторанѣ это вино. Другимъ не стоило. Они развѣ умѣли цѣнить?—А куда,—спросилъ онъ вдругъ сына,—поѣдемъ мы послѣ обѣда? Въ какой театръ?

— Да на что̀, папа, расходоваться вамъ еще на билетъ?— уговаривалъ его Лёва, которому не слишкомъ веселымъ казалось весь вечеръ провести съ отцомъ. „Чего добраго,—мысленно добавилъ молодой человѣкъ,—онъ потребуетъ, чтобы я сталъ его проводникомъ по всѣмъ стогнамъ Петербурга... Кутить меня съ собой заставитъ. Экая, право, неугомонная эта кавалерійская прыть“!..

— Нѣтъ, нѣтъ, поѣдемъ... Пусть все будетъ ужъ по настоящему. Въ Михайловскій театръ поѣдемъ. Сегодня, кстати, бенефисъ. На мое счастье, пожалуй, билеты окажутся.

Лёва только повелъ плечами и не возражалъ болѣе. Онъ въ самомъ дѣлѣ не понималъ сложныхъ ощущеній, какія волновали его отца, той смѣси щемящей грусти и потребности расходиться во всю ширь, что̀ пробудила въ немъ давно не виданная обстановка ресторана.

Къ концу обѣда Владиміръ Семеновичъ окончательно расчувствовался.

— Эхъ, Лёва!—говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, глотая рюмку ликера:—ты и представить себѣ не можешь, какъ противна мнѣ эта необходимость останавливать себя на каждомъ шагу, и въ кои вѣки, чтобы назначеніе мое вспрыснуть, угостить тебя, какъ слѣдуетъ... Да что̀ я—я отпѣтый старикъ, во многомъ провинившійся передъ семьей; мнѣ васъ жалко, васъ обоихъ и бѣдную маму. Мнѣ смотрѣть больно, какъ вамъ жить приходится. Она, бѣдная, въ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ шестидесятилѣтней старухой смотритъ — съёжилась, высохла, гроши считаетъ. А Наташа? А ты? Моя дѣвочка, которую я хотѣлъ бы разодѣть да разукрасить, какъ слѣдуетъ, и не повеселится никогда. Сиднемъ все сидитъ въ своей каморкѣ, да съ какими-то акушерками знакомство ведетъ и хлѣбъ зарабатывать собирается.

— Наташа объ этомъ не тужитъ,—вставилъ Лёва.

— Знаю, она молодецъ, да мнѣ-то оттого̀ не легче. Да и ты, вотъ, тоже. Развѣ пришла бы тебѣ фантазія въ инженеры пойти, кабы я, старый дуракъ... А какъ вспомнишь, что̀ было прежде? Кто были мои товарищи? Какъ я жилъ широко? Такъ и заноетъ, и засосетъ на сердцѣ. Не совсѣмъ вѣдь я еще древній старикъ, а коли пересчитать прежнихъ моихъ друзей—кто изъ нихъ давно на томъ свѣтѣ—бо̀льшая даже часть,—кто чуть не милостыню проситъ. Эхъ, не вспоминать бы лучше!

И онъ стеръ слезинку рукавомъ.

— Есть и такіе,—продолжалъ отецъ Лёвы,—что̀ вышли въ

люди, въ сановники мѣтятъ, и попадись я имъ на глаза—небось, руки не протянутъ.

Владиміру Семеновичу припомнилось, какъ часъ назадъ, проходя черезъ общую залу ресторана, онъ увидѣлъ стоявшаго тамъ изящнаго господина въ генеральской формѣ, и тотъ едва замѣтнымъ кивкомъ отвѣтилъ на поклонъ Богушевскаго. Это былъ князь Г., нѣкогда большой пріятель Владиміра Семеновича, не разъ занимавшій у него деньги и далеко не аккуратно ему платившій, хоть и былъ это очень богатый человѣкъ... А теперь? теперь онъ важное лицо и, понятное дѣло...

— Ахъ, Лёва!—вырвался почти крикъ изъ груди Богушевскаго:—кабы я встрѣтилъ виновника всего этого, Ѳедьку проклятаго, я бы, кажется, всю душу подлую изъ него вытрясъ. Давеча, когда мы ѣхали сюда, мнѣ почудилось, что я узналъ его. Помнишь, на углу Конюшенной, проѣхала мимо насъ карета, а тамъ сѣдой старикъ былъ, съ краснымъ, сморщеннымъ лицомъ, въ дорогой шубѣ... какъ есть онъ — Ѳедька-мерзавецъ! Хотѣлось бы его тутъ же... — и у Владиміра Семеновича глаза загорѣлись.—Да гдѣ!—у него рысаки, а мы съ тобой пѣшкомъ. Да, теперь въ каретахъ разъѣзжаетъ, въ енотовой шубѣ. Онъ, слышно, года три или четыре назадъ, большое имѣнье купилъ въ той самой губерніи, куда меня теперь назначили. Можетъ быть, увидимся когда-нибудь. Ну, да полно!

Владиміръ Семеновичъ волновался напрасно: встрѣченный имъ старикъ въ енотовой шубѣ вовсе не былъ Макшеевъ. Впрочемъ, онъ скоро овладѣлъ собой, и голосъ его опять сталъ спокойнымъ.—Пойдемъ!

Отецъ Лёвы провелъ въ Петербургѣ всѣ праздники. И за эти двѣ недѣли онъ еще раза два предлагалъ сыну отобѣдать съ нимъ вмѣстѣ и побывать въ театрѣ. Но отпустить душу во всю ширь ему не удавалось. Какой-то горькій осадокъ чудился ему на днѣ чаши удовольствій. И сознавая это, онъ моталъ головой и говорилъ себѣ, что, должно быть, былого не вернешь, и злая лиходѣйка-старость къ нему стучится въ сердце. Онъ какъ будто живѣе прежняго чувствовалъ тѣсную обстановку семьи, именно съ тѣхъ поръ, какъ средства немножко расширились. Не разъ онъ вздыхалъ, пристально вглядываясь въ глаза дочери и точно прося у нея прощенія; а у Наташи, тотчасъ догадавшейся, что̀ за чувство̀ шевелится у отца, любовь къ нему забилась сильнѣе прежняго, и съ ясной улыбкой въ глазахъ она старалась разсѣять укоры его совѣсти, не разъ твердя ему, что она совершенно счастлива. Не уступала она ему только въ одномъ—въ

его попыткахъ отговорить ее отъ поступленія на курсы, хоть она сама еще не окончательно рѣшилась. Можетъ быть, даже какъ разъ эти совѣты Владиміра Семеновича еще болѣе, чѣмъ слова Александры Осиповны, разгоняли ея сомнѣнія на этотъ счетъ.

Когда, мѣсяцъ спустя, Лёва встрѣтилъ на улицѣ сестру, вдвоемъ съ Алёшей Макшеевымъ, ему живо припомнилась гнѣвная вспышка отца. Передъ нимъ стоялъ сынъ того самаго человѣка, которому они обязаны были своимъ разореніемъ. И въ немъ тоже зашевелилось злобное чувство, глухое желаніе выместить какъ-нибудь на сынѣ вину отца. Но вспыхнуло оно только на мигъ; новая волна ощущеній его потушила. Внутренно смѣясь надъ собой, Лёва пожурилъ себя за такое нераціональное чувство, какъ желаніе отомстить ни въ чемъ неповинному Алешѣ. Слѣдовало, напротивъ, воспользоваться случаемъ и сблизиться съ этимъ блѣднымъ юношей, такъ очевидно непохожимъ на своего хищнаго отца. Въ мысли о такомъ сближеніи было для молодого человѣка что-то забавное, что-то пріятно щекотавшее его самолюбіе. Она прельщала его своею незаурядностью; и конечно ужъ родители его такъ бы не поступили. Лёва живо представлялъ себѣ ужасъ матери и гнѣвное негодованіе отца, еслибъ Алеша переступилъ черезъ порогъ ихъ дома, и они узнали бы въ немъ сына Ѳедора Степановича. И онъ презрительно засмѣялся, говоря себѣ, какъ далекъ онъ самъ отъ этой близорукой „мѣщанской“ ненависти.

Врага не чуждаться надо, а подступать къ нему какъ можно ближе, чтобъ лучше разглядѣть его слабую сторону. И кто знаетъ,— Алеша, быть можетъ, невольно выдастъ ему Ахиллесову пяту своего достойнаго папеньки. Впрочемъ, и къ самому Ѳедору Степановичу настоящей злобы Лёва не питалъ. Вѣдь что̀ ни говори, а была, должно быть, въ этомъ человѣкѣ не дюжинная сила, коль онъ успѣлъ подняться такъ высоко. И Лева почти готовъ былъ преклониться передъ умственною мощью Ѳедора Степановича. Онъ рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ, чтобъ ближе познакомиться съ Алешей. Случай не заставилъ себя ждать. Разъ, проходя по Морской, Лёва, близъ угла Гороховой, наткнулся на стоящую тутъ кучку студентовъ. Трое изъ нихъ поразили его своею изысканной щеголеватостью. Необыкновенно длинныя шпаги, фуражки особаго—нѣмецкаго военнаго фасона, дорогіе бобровые воротники на шинеляхъ и еще болѣе какая-то особая небрежная молодцеватость—выдавали въ нихъ такъ-называемыхъ „студентовъ-гвардейцевъ“. Въ двухъ остальныхъ Лёва узналъ Смолина и Алешу Макшеева. Въ ту самую минуту какъ

онъ проходилъ мимо, они прощались съ товарищами, и на лицѣ Смолина Лёва увидѣлъ знакомую ироническую улыбку. Тремъ щеголямъ очевидно только-что досталось отъ безпощаднаго насмѣшника.—Смолинъ!—обозвалъ онъ пріятеля.—А,' Богушевскій!—протянулъ тотъ ему руку.—Вы знакомы,—кивнулъ онъ въ сторону Алеши.—Встрѣтились разъ...

Они тоже обмѣнялись пожатіемъ руки, и всѣ трое пошли рядомъ. — Что̀ за отвратительный экземпляръ! — воскликнулъ Алеша, оглядываясь на удалявшихся товарищей.

— Не нравятся?—хихикнулъ Смолинъ.—А вѣдь я нарочно васъ съ ними познакомилъ, чтобъ вы на нихъ полюбовались. Самые отборные фрукты современной культуры. Истинныя сливки студенчества—настоящая золотая молодежь, и въ полномъ смыслѣ золотая: самыя подлинныя денежки водятся, а не долги только. И знаешь, Богушевскій, кто они такіе? Одинъ—Парменъ Лоховъ, сынъ хлѣбнаго коммерсанта, другой—Адольфъ Варшауеръ, сынъ банкира изъ жидовъ, третій,—самый очаровательный изъ всѣхъ, хохотунъ, добрый малый и все-таки себѣ на умѣ,—Владиміръ Разметальскій, сынъ желѣзнодорожника. Новые слои, какъ видишь, совсѣмъ новые. А по элегантности не уступятъ самому выхоленному баричу. Пить умѣютъ не хуже любого гусара... Одинъ француженку содержитъ, другой—балетную, третій... ну да не все ли равно... А вѣдь увѣряютъ, что у такъ-называемаго высшаго круга всего труднѣе перенимается его внѣшность и его пороки!

— Милый мой,—улыбнулся въ отвѣтъ Лёва:—чѣмъ же эти господа не изъ высшаго круга? Измѣнился за послѣднее время способъ пополненія аристократіи,—вотъ и все. Пора это принять въ разсчетъ. Прежде были рыцари-разбойники, сторожившіе на большихъ дорогахъ; теперь разбойники болѣе мирнаго сорта, сторожащіе на биржѣ, въ ресторанахъ, въ газетахъ, и живущіе въ отличномъ ладу съ полиціей.

— Разница въ томъ только,—возразилъ Смолинъ,—что прежніе разбойники хоть кожей своей рисковали, а эти... Чего вы такъ пріуныли, Макшеевъ, точно это къ вамъ относится? Я вѣдь знаю, какой вы: отшельникъ, аскетъ,—слишкомъ даже отшельникъ. Вы людей сторонитесь, и совсѣмъ напрасно. Повѣрьте мнѣ, надо тереться между людьми и брезгливость отбросить. Мы за нихъ въ отвѣтѣ не будемъ, а глядѣть на нихъ забавно...

— Не забавно, а гадко,—сказалъ Алеша.

— Полноте, свои принципы надо при себѣ оставить, а то, какъ драгоцѣнное благовоніе, они разлетятся на воздухѣ. Да и,

въ сущности, есть ли принципы? Мнѣ, вотъ, претитъ совершить мерзость. Но изъ этого не слѣдуетъ, что я право имѣю того презирать, кто мерзость такую сдѣлалъ. Вкусы у него иные, вотъ и все. Да и что̀ такое право? Каждый живетъ по-своему, законъ ему собственная воля, или, пожалуй, собственный темпераментъ. И живетъ онъ такъ, пока его не запрячутъ въ кутузку... Ну, а теперь до свиданія, господа: мнѣ въ Публичную Библіотеку надо... Эй! извозчикъ!—обозвалъ онъ стоящія у тротуара санки.

— Онъ желчный сегодня, — сказалъ Лёва, когда Смолинъ отъѣхалъ.—Это съ нимъ иногда бываетъ, а въ сущности это добрѣйшій малый, и весь этотъ цинизмъ у него напускной... Его разозлили, должно быть, эти выхоленные голубчики. И совершенно напрасно. Сердиться на этихъ господъ нечего. Они — вполнѣ законное явленіе... Да, совершенно законное,—повторилъ онъ.— Что̀ вы на меня смотрите такими удивленными глазами? Вы думаете, что я, какъ сынъ разорившагося барина, долженъ смотрѣть враждебно на вновь нарождающуюся буржуазную аристократію? Ничуть!.. Историческій процессъ надо понимать, а спорить съ нимъ—нелѣпо. И въ сущности, очень немногіе понимаютъ, въ чемъ совершающаяся перемѣна. Думаютъ обыкновенно, что мы идемъ къ общему уравненію... Вздоръ! Не къ уравненію мы идемъ, потому что полнаго равенства никогда не будетъ, и у меньшинства вѣчно останется въ рукахъ палка... Только набирается оно теперь по новому. Прежде, когда воевать надо было, въ почетѣ былъ кулакъ, и тому, кто имъ владѣлъ хорошо, все давалось,—и почетъ, и богатство, и женская любовь. Теперь этотъ рецептъ не годится, да и государству—захоти оно даже—нечего больше раздавать въ награду за доблести... Надо умѣть добывать самому, не кулакомъ ужъ, а мозгами. И тѣмъ лучше для новой аристократіи, коли она будетъ набираться изъ умственныхъ людей. Господство ея отъ того станетъ только прочнѣе; а для большинства, конечно, большой разницы не предвидится: по прежнему оно останется рабочимъ воломъ, только погонять его будутъ поделикатнѣе...

Лёва точно отводилъ душу съ новымъ знакомымъ, такъ весело и непринужденно лилась его рѣчь. А у Алеши, пока онъ слушалъ, протестующая волна поднималась, заливая румянцемъ его блѣдныя щеки.

— Нѣтъ, это неправда!—воскликнулъ онъ, наконецъ:—не таковъ будетъ исходъ движенія вѣка. Въ немъ есть нѣчто иное, чего вы не замѣчаете, нѣчто болѣе глубокое... Мѣняется не со-

ставъ общества только, не его поверхность, а самый внутренній стимулъ его жизни. Вмѣсто соревнованія—любовь; вмѣсто власти одного надъ многими—добровольное подчиненіе каждаго всѣмъ...

— Покорно благодарю,—засмѣялся Лёва.—Да такъ живутъ молюски на коралловыхъ рифахъ. И это вамъ кажется прогрессомъ!..

— Само христіанство,—тихо возразилъ Алеша—не что иное какъ ступень на этомъ пути. — Улыбка на губахъ у молодого Богушевскаго вырисовалась замѣтнѣе.—Мнѣ почти жаль разбивать ваши иллюзіи:—онѣ такъ симпатичны, какъ разъ потому, что такъ неосуществимы... Знаете что̀: коль вы охотникъ до такихъ споровъ,—заходите къ намъ, когда будете свободны. Мы дома почти всегда, сестра и я. Кой кого застанете, можетъ быть, изъ товарищей. Сестра тоже большая охотница спорить. Только предупреждаю васъ,—она особа очень положительная, и воздушные за̀мки разбивать мастерица... Такъ будете, да?

Алеша обѣщалъ. Они разстались на углу Невскаго и Литейной.

VII.

Дома Алеша засталъ нежданнаго гостя. Едва онъ вошелъ въ переднюю, знакомый густой, немного жирный голосъ послышался изъ залы.

— Здорово, братъ! Не ожидалъ? Э?..—раздался стукъ шаговъ, шпоры зазвенѣли, и въ дверяхъ показалась рослая плечистая фигура въ военной формѣ. Это былъ старшій Алешинъ братъ, Сережа.

Ни одинъ изъ сыновей Ѳедора Степановича такъ не походилъ на отца. Большой носъ подъ низкимъ лбомъ, мясистыя губы, свѣтло-голубые глаза, съ пушистыми бровями, и что-то смѣлое, рѣшительное въ крупныхъ чертахъ лица, наконецъ, коротко остриженные жесткіе, слегка курчавые бѣлокурые волосы съ рыжеватымъ оттѣнкомъ,—такимъ былъ Ѳедоръ Степановичъ въ молодости. У него тоже было тогда что-то открытое, здоровое, внушающее довѣріе. Оттого-то и полагались такъ на него Владиміръ Семеновичъ и ѐго превосходительный батюшка. Только глаза у Ѳедора Степановича глядѣли не такъ весело и открыто, какъ у сына.

— Здравствуй, Сережа, очень радъ!—живо обнялъ его Алеша, торопясь скинуть шинель.—Что̀, на долго?

— Это смотря по обстоятельствамъ, — съ широкимъ добро-

душнымъ смѣхомъ засмѣялся Сережа.—Отпросился на три дня, ну, да на этотъ счетъ у насъ въ полку вѣдь не строго. Коли дашь денегъ, пробуду недѣлю. А то у насъ тамъ, въ Новгородѣ, съ тоски умрешь...

Сережа Макшеевъ прошелъ черезъ кавалерійское училище, а потомъ опредѣлился въ новгородскіе драгуны. Служилъ онъ тамъ уже восьмой годъ, доводя отца до бѣлаго каленія своими постоянными требованіями денегъ. Онъ былъ кутила, игрокъ и пьяница, но со всѣми товарищами на самой лучшей ногѣ. Ни у кого нельзя было такъ легко занять денегъ безъ особеннаго намѣренія ихъ отдать, никто такъ беззаботно не проигрывался и не любилъ такъ широко угощать. Румяныя щеки, которыя порой нервно подергивало, влажные глаза и самый хриповатый голосъ обличали въ Сережѣ добраго собутыльника, которому по этой части никакіе подвиги не были въ диковинку.

— Вотъ, поди-ка,—говорилъ Ѳедоръ Степановичъ:—трудись, копи деньгу! сынокъ живо все растранжиритъ...

И Ѳедоръ Степановичъ все-таки отсылалъ Сережѣ просимыя деньги. Своего первенца онъ любилъ, быть можетъ, больше всѣхъ остальныхъ дѣтей, хоть и считалъ почти пропавшимъ.

— Да какъ же,—сказалъ Алеша:—ты вѣдь недавно отъ отца получилъ... Леночка мнѣ писала...

— Эге, братъ, да развѣ этого надолго хватитъ! Батюшка мнѣ тогда только триста отсыпалъ. А меня съ тѣхъ поръ обчистили раза два, на пятьсотъ или шестьсотъ, не помню навѣрно.

И онъ обвелъ шею брата своею крѣпкой рукой съ большими, короткими пальцами, на которыхъ два перстня красовались, какъ воспоминанія давно позабытыхъ, мимолетныхъ привязанностей.

— Такъ не будь скрягой, Алеша,—пойми, до зарѣзу нужно.

И онъ провелъ брата въ залу, не переставая обнимать его. Алеша казался совсѣмъ хрупкимъ и безвольнымъ подъ его мощной рукой.

— Да ты думаешь развѣ, Сережа, у меня денегъ куча? Я отъ отца получаю всего полтораста въ мѣсяцъ. И половину этого отдаю тетушкѣ за квартиру и за столъ.

— Да какой же ты дуракъ послѣ этого!—преувеличенно громко засмѣялся старшій братъ.—Полтораста въ мѣсяцъ!.. И половину отдаешь теткѣ!.. Эхъ, гусь ты настоящій!.. Стало быть, нѣтъ ни копѣйки?

— Съ полсотни найдется. Я много на книги трачу.

— На книги?!—Сережа опять засмѣялся съ веселымъ изум-

леніемъ.—Да что ты—рыба? или въ монахи себя готовишь? Да зачѣмъ же у „фатера“ не просишь больше?

Алеша опустилъ глаза.

— Не хочется,—проговорилъ онъ тихо,—да и не зачѣмъ. Беру, что надо.

— Эхъ ты, дубина, дубина!—воскликнулъ Сережа, закуривая изъ серебрянаго портсигара и принимаясь ходить по залѣ чуть-чуть подпрыгивая.—А полсотни все-таки давай!—И онъ сталъ фальшиво напѣвать какой-то цыганскій романсъ.—Ну,—спросилъ онъ, минуту спустя:—а тетушка твоя денегъ не дастъ, коли попросить ее хорошенько?

— Стыдись, Сережа!—было негодующимъ отвѣтомъ Алеши.

Александра Осиповна оказалась легкою на поминѣ. Не прошло и пяти минутъ, какъ раздался звонокъ, и тетя Саша, впопыхахъ, не успѣвъ раздѣться, вошла въ комнату, гдѣ были молодые люди.

— Алеша!—воскликнула она еще въ дверяхъ:—представь себѣ, Ѳедоръ Степановичъ...—она не договорила, увидѣвъ Сережу.

— А, Сергѣй Ѳедоровичъ, — довольно сухо обратилась къ нему тетя Саша:—въ Петербургъ изволили пожаловать?..

Александра Осиповна, при всей сердечной добротѣ, крѣпко недолюбливала двухъ старшихъ сыновей Ѳедора Степановича,—сыновей отъ перваго брака съ малообразованной, хотя неглупой женщиной изъ „мѣщанской“ среды.

Сережа звякнулъ шпорами.

— Сегодня прикатилъ, всего на нѣсколько дней. Да и не стану я васъ, Александра Осиповна, безпокоить. Съ Алешей надо только еще два слова перемолвить. Такъ пройдемъ лучше къ тебѣ.—Нѣтъ, Алеша, постой,—задержала племянника тетя Саша:—у меня важная для тебя новость. Сегодня, въ твое отсутствіе, пришло письмо отъ Ѳедора Степановича. Онъ будетъ сюда завтра и везетъ съ собой Леночку...

Если Александра Осиповна разсчитывала своимъ извѣстіемъ вызвать у молодыхъ людей радостное изумленіе,—она ошиблась.

— Ба!—воскликнулъ Сережа, и глаза у него широко раскрылись.—Значитъ, мнѣ улепетнуть надо, по-добру, по-здорову...

— Это зачѣмъ?—спросилъ младшій братъ, лицо котораго также не выразило большой радости. Двойственное чувство къ отцу заставляло Алешу и горячо желать съ нимъ встрѣтиться, и бояться такой встрѣчи. Неразгаданная тайна прошлаго настойчиво требовала разрѣшенія, и въ то же время ея разгадка пугала молодого человѣка, не предвѣщая ему ничего хорошаго.

— У насъ тамъ, въ Новоспасскомъ,—отвѣтилъ Сережа,—вышло не совсѣмъ пріятное объясненіе. А коли я теперь батюшкѣ признаюсь, что у меня ни гроша мѣднаго не осталось,—чего добраго...

— Хочешь, я за тебя похлопочу?—предложилъ старшему брату Алеша.

— Пожалуй... только лучше теперь ты мнѣ полсотни-то выложи.

Тетя Саша крѣпко пожурила Алешу за нелѣпую щедрость къ этому забулдыгѣ, какъ она называла Сережу, но молодому человѣку было теперь не до этихъ наставленій. Онъ весь ушелъ въ мысль о предстоящемъ свиданіи съ отцомъ и сестрой. Въ своемъ письмѣ Өедоръ Степановичъ говорилъ, что ѣдетъ въ Петербургъ уладить дѣло насчетъ новой желѣзной дороги, которая пройдетъ чрезъ Новоспасское въ самую глубь свеклосахарнаго района. Онъ былъ однимъ изъ учредителей. Новое предпріятіе отца еще разъ вызвало передъ воображеніемъ Алеши всю ненавистную ему картину жизни Өедора Степановича,—эту вѣчную, ненасытную погоню за деньгами. Онъ заранѣе видѣлъ, какъ станетъ Өедоръ Степановичъ устроивать затѣянное дѣло—эти подкупы, эти недостойные дѣлежи будущей добычи... И опять въ его сердцѣ поднялось чувство, какъ бы отталкивающее его отъ отца...

Но главное было все-таки достигнуто: Леночка пріѣдетъ и станетъ жить у нихъ. И надо устроить такъ, чтобъ она совсѣмъ осталась въ Петербургѣ. Весь вечеръ проговорилъ онъ съ теткой о своихъ планахъ на этотъ счетъ. А совѣсть ему между тѣмъ подсказывала втихомолку, что онъ словно заговоръ ведетъ противъ родного отца, собираясь отнять у него единственную дочь... На слѣдующее утро, однакожъ, встрѣча вышла очень сердечная. Алеша не видался съ Өедоромъ Степановичемъ почти цѣлый годъ, и ему показалось, что за это время отецъ постарѣлъ, даже осунулся. Глубокая борозда на переносицѣ стала еще глубже. Острые глаза уже не загорались, какъ прежде, и что-то усталое будто обрисовывалось въ углахъ твердо сложеннаго рта. Жизненной мощи будто убавилось въ этомъ крѣпкомъ человѣкѣ. Волосы порѣдѣли, а короткая рыжеватая борода, гдѣ еще годъ назадъ сѣдина не думала пробиваться, теперь замѣтно серебрилась. Первый разъ чувство, похожее на жалость къ отцу, зашевелилось у Алеши. Старость, до сихъ поръ не смѣвшая подступить къ его крѣпкому тѣлу, теперь такъ явно давала знать о своемъ приближеніи, что у молодого человѣка что-то ёкнуло

на сердцѣ. И отъ этого, должно быть, онъ нѣжнѣе прежняго обнялъ отца и долго разспрашивалъ про его здоровье.

— Да что̀ ты все обо мнѣ безпокоишься? — нетерпѣливо спросилъ, наконецъ, Өедоръ Степановичъ, обращаясь къ сыну:

— Видишь, стою на ногахъ. Чего тутъ разспрашивать? Многихъ еще въ гробъ уложу, кто моложе меня. Ты лучше про себя разскажи. Я тобою недоволенъ,—совсѣмъ тряпкой глядишь. Ко̀рмите его, должно быть, плохо, Александра Осиповна,—шутя, обратился онъ къ свояченицѣ. Но Өедоръ Степановичъ шутить не умѣлъ, и въ его смѣхѣ всегда было что-то обидное. Отъ этого смѣха многимъ становилось неловко, особенно когда онъ хотѣлъ придать себѣ добродушный видъ. Александра Осиповна не отвѣтила и поспѣшила гостей усадить за чайный столъ, увѣряя, что Леночка, должно быть, проголодалась. Алеша сдѣлалъ новую попытку выразить отцу искреннюю, непринужденную сердечность. Онъ спросилъ Өедора Степановича, надолго ли тотъ пріѣхалъ, уговаривая хоть здѣсь, въ Петербургѣ, бросить вѣчныя заботы о дѣлахъ.

— Да что̀ ты думаешь,—сухо разсмѣявшись, отвѣтилъ тотъ:— я сюда пріѣхалъ масляницу справлять? Да откаталъ бы я, что-ли, полторы тысячи верстъ, кабы не было у меня здѣсь дѣлъ? Вѣрно, васъ въ университетѣ баклушничать только учатъ? Нѣтъ, братъ, какъ сдамъ эту егозу,—онъ кивнулъ головой въ сторону дочери,—на руки твоей теткѣ, сейчасъ въ гостинницу—переодѣться, и маршъ въ министерство! У тѣхъ только дѣла успѣваютъ, кто привыкъ не дремать. Такъ-съ, Алексѣй Өедоровичъ!— и грузной своей дланью онъ потрепалъ сына по плечу, на мигъ лишь оторвавшись отъ чашки, изъ которой онъ торопливо отхлебывалъ чай большими глотками.

Өедоръ Степановичъ и въ этотъ разъ хотѣлъ добродушно пошутить, и снова его сло̀ва вызвали неловкое молчаніе. Такимъ ужъ создала его природа, что мягкимъ онъ стать не могъ и въ самой его ласкѣ было что-то черствое. Одна Леночка, повидимому, нисколько не чувствовала на себѣ его грузнаго, шероховатаго нрава. Глаза ея не переставали свѣтло глядѣть на все окружающее, широко раскрываясь на встрѣчу новыхъ впечатлѣній. Это были изсѣра-голубые, лучистые, веселые глаза, повидимому, не знавшіе ни робости, ни слезъ. Трудно было себѣ представить это розовое личико, дышавшее непритворною дерзостью безпечно-молодого дѣтства, трудно себѣ было его представить подернутымъ грустью. Довѣрчивая улыбка въ глазахъ и на полуоткрытыхъ, чуть-чуть пухленькихъ губкахъ, а изъ-за этой

улыбки полная увѣренность, что все непремѣнно должно такъ устроиться, какъ захочетъ ея пятнадцатилѣтняя своенравная головка,—вотъ что̀ читалось на миловидномъ личикѣ дѣвушки. Впрочемъ, Леночка смотрѣла старше своихъ лѣтъ. Тонкая, но совсѣмъ не хрупкая, вполнѣ уже сложившаяся, она походила бы совсѣмъ на взрослую, еслибы не выдавали ея юный возрастъ немного еще узкія плечики, да розовыя ладони, да распущенные волосы, свободною волною падавшіе изъ-подъ ленты. Ступни ногъ у нея были немного велики, но узкія и стройныя. И пальчики на рукахъ тоже длинные и тонкіе, какъ у покойной матери.

За чайнымъ столомъ она одна поддерживала то-и-дѣло прерывавшійся разговоръ, не переставая болтать то съ братомъ, то съ Александрой Осиповной. Общей принужденности она будто не примѣчала. Пріѣздъ въ Петербургъ ее такъ радовалъ, что ни о чемъ другомъ, кромѣ этой своей радости, она знать и слышать не хотѣла.

— Алеша, мы съ тобой будемъ гулять каждый день, не правда ли?—приставала она къ брату.—Это будетъ очень весело. И никто меня не станетъ принимать за твою сестру—мы такъ другъ на друга не похожи. А вы, тетушка, меня въ театръ повезете! И какъ можно скорѣе!

— Тебѣ, можетъ быть, сегодня хотѣлось бы?—въ шутку спросила тетя Саша.

— Конечно, хотѣлось бы! Ахъ, да, впрочемъ, у меня надѣть нечего. Да и для гулянья тоже. Нѣтъ, прежде всего надо заказать себѣ, во что̀ одѣться. Папа, вы мнѣ денегъ дайте и побольше!

— Ты, кажется, воображаешь, что пріѣхала сюда только наряжаться и по театрамъ разъѣзжать. Да скажи, пожалуйста, кто тебя станетъ развозить по портнихамъ и тряпки разныя выбирать?

Ѳедоръ Степановичъ, проговоря это, вынулъ, однако, бумажникъ и перебросилъ черезъ столъ дочери двѣ радужныя.

— Тетя Саша, разумѣется!—бойко отвѣтила Леночка, пряча деньги въ портмонэ, живо вынутый изъ кармана. И тутъ она обратилась къ Александрѣ Осиповнѣ, почувствовавъ себя, должно быть, въ правѣ располагать ея временемъ.—Тетя, душенька, не правда ли, мы поѣдемъ?..

Все ея существо, ловкое и проворное, такъ и прильнуло къ Александрѣ Осиповнѣ, выраженіе лица такъ и сложилось разомъ въ одну страстную, настойчивую мольбу. И тетя Саша не устояла, хоть и совсѣмъ не была охотница разъѣзжать по магазинамъ и

развивать у молодыхъ дѣвушекъ тщеславные инстинкты, но огорчить племянницу въ первую же минуту ей не хотѣлось. И Леночка такъ комично пустилась объяснять, въ какомъ жалкомъ состояніи ея туалетъ, что не согласиться было очевидно невозможно.

— Вы, однако, ее не слишкомъ балуйте, Александра Осиповна,—своимъ густымъ басомъ перебилъ Θедоръ Степановичъ:—коли хотите, чтобъ она здѣсь осталась подольше, извольте ее держать въ рукахъ, какъ можно строже. А то она живо и васъ, и брата, осѣдлаетъ. А теперь мнѣ пора. Спасибо за хлѣбъ, за соль! Къ обѣду я вернусь. До того времени надѣюсь кое-что сдѣлать.

— А тебя, Алеша, я застану дома, если пріѣду такъ... въ пятомъ часу?

И опять тяжелая отцовская рука легла на плечо къ молодому человѣку.

Алеша поднялъ глаза на Θедора Степановича и не могъ рѣшить, что̀ прочелъ онъ на сморщенномъ лицѣ, пристально уставившемся на него прищуренными, но прыткими зрачками. Что̀ было во взглядѣ отца—недовѣріе или затаенная любовь? Ему самому такъ хотѣлось бы въ эту минуту броситься къ отцу на шею, спрятать лицо на его груди и заплакать довѣрчивыми дѣтскими слезами. Но что-то его удерживало,—что-то жесткое, почти насмѣшливое во взглядѣ Θедора Степановича. Можетъ быть, Алешѣ это померещилось только. Можетъ быть, Θедоръ Степановичъ не умѣлъ выказать свое чувство къ сыну. Но у молодого человѣка и въ этотъ разъ, какъ прежде, порывъ нѣжности къ отцу замеръ, не вырвавшись наружу. Минута была пропущена, и будто ледяная стѣна опять выросла между ними.

— Конечно, я буду васъ ожидать, коли прикажете, батюшка,—было отвѣтомъ Алеши, и противъ воли молодого человѣка отвѣтъ прозвучалъ холодно.

К. Θ. Головинъ.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ

МАКЕДОНІЮ

Европейская дипломатія и македонскій вопросъ

I.

Иностранныя газеты были полны извѣстіями о томъ, что Македонія собирается наступающей весной „напомнить о себѣ европейскимъ державамъ“. Въ теченіе минувшаго года мы два раза были въ Македоніи, и съ своей стороны можемъ только подтвердить основательность всякихъ опасеній. Не слѣдуетъ, конечно, раздувать опасность и „маленькій“ вопросъ превращать въ „большой“, — по выраженію одной нашей газеты; но еще хуже было бы закрывать глаза на опасность дѣйствительно существующую и позволить ей застать себя врасплохъ. Намъ говорятъ: „волненіе въ Македоніи есть дѣло небольшой кучки агитаторовъ“. Это вѣрно, но только отчасти. Во-первыхъ, „кучка“ вовсе не такъ мала, какъ это можетъ казаться людямъ, не бывшимъ на мѣстѣ. Во-вторыхъ, она не такъ далеко стоитъ отъ народа, какъ это себѣ представляютъ. При элементарномъ соціальномъ строѣ и невысокомъ образовательномъ уровнѣ, македонская интеллигенція всѣми своими корнями остается въ народѣ, оказываетъ на него непосредственное вліяніе и сама подвергается вліянію съ его стороны. Въ-третьихъ,—и это особенно важно,—эта македонская интеллигенція и народъ живутъ одними

и тѣми же идеалами, настолько понятными и близкими для массы, что распространять приходится не самые идеалы, а только способы ихъ осуществленія. Наконецъ,—что касается этихъ способовъ,—въ странѣ, какъ Македонія,—идея возстанія и вооруженной борьбы за свободу слишкомъ хорошо всѣмъ знакома и никого не пугаетъ, несмотря на всѣ ужасы турецкой расплаты—не только въ случаѣ неудачи, но даже раньше, чѣмъ вопросъ объ удачѣ или неудачѣ станетъ на очередь. Дѣло въ томъ, что всѣ эти ужасы существуютъ уже въ обыденной жизни, повторяются изо дня въ день, только, конечно, въ гораздо мѐньшихъ размѣрахъ. Вотъ почему понятно разсужденіе того болгарина, который, по словамъ „Новаго Времени“, объяснялъ редакціи, что для македонцевъ весь разсчетъ — разомъ вызвать всѣ насилія къ веснѣ, съ цѣлью сдѣлать ихъ невозможными въ будущемъ. Съ хладнокровіемъ, поражающимъ жителя болѣе мирныхъ странъ, македонскіе дѣятели не только не закрываютъ глазъ на возможность кроваваго подавленія возстанія, но прямо указываютъ впередъ цѣну крови, имѣющей пролиться, какъ авансъ за благосклонное вниманіе дипломатіи, которое имѣется въ виду этимъ вызвать. Болѣе благоразумные, правда, указываютъ на возможность ошибки въ этомъ разсчетѣ, напоминая безплодность армянской рѣзни. Но одинокіе голоса этихъ благоразумныхъ заглушаются общей увѣренностью въ благополучномъ исходѣ: и эта увѣренность, въ свою очередь, опирается на конкретный фактъ, болѣе отдаленный хронологически, но болѣе близкій географически и этнографически: на освобожденіе Болгаріи. И тутъ, конечно, болѣе благоразумные и болѣе знающіе напоминаютъ о тѣхъ крупныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ отношеніи различныхъ державъ къ славянамъ и къ Турціи—со времени турецкой войны. Но и эти напоминанія никого не убѣждаютъ. Одни преувеличиваютъ свои собственныя силы, другіе преувеличиваютъ возможность иностранной (и прежде всего русской) помощи,—и всѣ охотно вѣрятъ въ то, во чтò такъ хочется вѣрить. Надо принять тутъ еще въ разсчетъ и то, что болгарское освобожденіе представляется здѣсь не совсѣмъ въ тѣхъ чертахъ, какъ оно представляется намъ. Мы рисуемъ себѣ, при этомъ словѣ, стихійное народное возстаніе, потомъ—рядъ безплодныхъ попытокъ европейской дипломатіи склонить турокъ къ добровольнымъ уступкамъ и, наконецъ, вооруженное русское вмѣшательство, вырвавшее у Турціи эти уступки силой. Для болгарина (разумѣемъ тутъ и македонца) вся исторія рисуется съ другой стороны, намъ совсѣмъ неизвѣстной. Для него это—длинный марти-

рологъ героевъ, погибшихъ въ напрасныхъ усиліяхъ поднять народъ на собственную защиту; затѣмъ, рядъ дѣйствительныхъ вспышекъ, значеніе которыхъ онъ преувеличиваетъ, потому что знаетъ, чего онѣ ему стоили; наконецъ, какъ своего рода „deus ex machina", русская помощь, неожиданная и небезопасная, увѣнчавшая геройскія усилія, въ благополучномъ исходѣ которыхъ онъ и безъ того нисколько не сомнѣвался. Можно сколько угодно сердиться на неблагодарность и обличать непослѣдовательность этой народной психологіи, но, какъ бы то ни было, она именно такова, какою мы ее только-что представили. И что̀ для насъ здѣсь особенно важно,—въ македонскомъ дѣлѣ повторяется теперь съизнова все то же, что было въ болгарскомъ, несмотря на то, что иллюзій должно бы было быть несравненно меньше съ обѣихъ сторонъ.

Итакъ, едва ли основательно было надѣяться, что готовящуюся вспышку можно предупредить одними призывами къ благоразумію и терпѣнію. Благоразумные люди мало нуждаются въ такомъ призывѣ, да ихъ и немного. Для колеблющихся онъ гораздо важнѣе, и ихъ гораздо больше; но колеблющіеся никогда не играли активной роли въ событіяхъ. Что касается неблагоразумныхъ—сильныхъ не столько числомъ, сколько рѣшительностью,—имъ призывъ къ умѣренности не помѣшаетъ увѣрять себя и другихъ, что Европа и не можетъ говорить другимъ языкомъ *до* возстанія, но *послѣ* возстанія она, по необходимости, заговоритъ иначе. Гораздо внушительнѣе дѣйствуетъ на всѣхъ другой аргументъ: новые турецкіе батальоны и пушки, въ изобиліи присылаемые въ Македонію, для предупрежденія ожидаемыхъ весною событій. Но пролитію крови и этотъ аргументъ можетъ не помѣшать, такъ какъ, мы уже говорили, партія дѣйствія именно и разсчитываетъ на турецкія насилія, отъ которыхъ, по старой привычкѣ, завоеватели едва ли съумѣютъ удержаться. Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ заставить и послѣднюю партію быть терпѣливой было бы, по общему мнѣнію всѣхъ знающихъ настоящее положеніе дѣла—немедленное и энергическое вмѣшательство дипломатіи, т.-е. то именно, чего и хотятъ достигнуть македонцы путемъ возстанія.

Но чего же можно достигнуть на такомъ пути дипломатическаго вмѣшательства, и въ какомъ отношеніи стоитъ это достижимое къ желаніямъ македонцевъ? Предрѣшать этотъ вопросъ невозможно, но въ качествѣ косвеннаго отвѣта можетъ послужить предлагаемая ниже историческая справка.

Устроить въ Македоніи автономное управленіе на началахъ

широкой децентрализаціи—таково было въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ стремленіе европейской дипломатіи. Автономія—таковъ и современный лозунгъ македонской партіи дѣйствія, съ которой согласно въ этомъ огромное большинство мѣстнаго населенія. Несогласны преслѣдовать эту задачу только греки и сербы; почему—объ этомъ надо говорить особо. Впрочемъ, это видно будетъ отчасти и изъ приводимыхъ ниже данныхъ.

II.

Первое начало международному обсужденію вопроса о македонской автономіи было положено на константинопольской конференціи, засѣдавшей въ турецкой столицѣ въ декабрѣ 1876 и январѣ 1877 годовъ. Припомнимъ вкратцѣ общее положеніе дѣлъ, приведшихъ къ этой конференціи. Полтора года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ разыгралось возстаніе въ Герцеговинѣ и Босніи; полгода—съ тѣхъ поръ, какъ Черногорія и Сербія приняли участіе въ борьбѣ. Истощивъ всѣ средства сопротивленія, Миланъ обратился къ русскому посредничеству. Русская телеграмма немедленно остановила военныя дѣйствія и заставила турокъ заключить двухмѣсячное перемиріе (1-го ноября нов. ст.). Черезъ три дня, по предварительному соглашенію съ Россіей, лордъ Дерби разослалъ державамъ пригласительный циркуляръ на конференцію, имѣвшую собраться въ Константинополѣ. Одной изъ главныхъ цѣлей конференціи поставлена была выработка системы автономныхъ учрежденій для Босніи и Герцеговины, съ распространеніемъ ихъ и на Болгарію. Основаніемъ этой системы должны были служить обѣщанія и обязательства, данныя въ разное время самой Портой.

Это было, однакоже, слишкомъ ненадежное основаніе. Старыхъ своихъ обѣщаній, данныхъ еще законодательными актами 1839 и 1856 годовъ, Порта и не думала исполнять, какъ призналъ нѣсколько позднѣе самъ султанъ. Естественно, что и новымъ обѣщаніямъ Турціи никто не вѣрилъ. Инсургенты 1875 года прямо отказались вступать въ переговоры на основаніи однихъ только обѣщаній, изложенныхъ въ принятой Портою нотѣ графа Андраши (30-го декабря 1875): они требовали, прежде всего, учрежденія европейской коммиссіи, которая бы контролировала выполненіе турками принятыхъ на себя обязательствъ. Такимъ образомъ, вопросъ о „гарантіяхъ“ съ самаго начала являлся новой чертой предполагавшейся конференціи:

отъ рѣшенія этого вопроса зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ предпринятаго державами совѣщанія. Россія предлагала временную оккупацію возставшихъ областей, какъ лучшій способъ разрѣшенія вопроса. Но именно страхъ передъ возможностью русской оккупаціи и заставилъ европейскія державы обсудить вопросъ о „гарантіяхъ" международнымъ путемъ.

Итакъ, задача конференціи была двойная. Въ установленномъ Англіей и принятымъ всѣми державами „базисѣ" занятій конференціи, задача эта была формулирована слѣдующимъ образомъ: „que la Porte s'engagerait dans un Protocole à être signé à Constantinople avec les plénipotentiaires des puissances signataires d'accorder à la Bosnie et à l'Herzégovine un système d'autonomie locale et administrative, c'est à dire, un systeme d'institutions locales qui donneront à la population un certain contrôle sur leurs affaires locales et fourniront des garanties contre l'exercice d'une autorité arbitraire. Il n'y aura pas question d'un état tributaire. On donnera de pareilles garanties contre la mal administration en Bulgarie". По буквальному смыслу этихъ фразъ, „гарантіи" должны были заключаться въ самой „системѣ мѣстныхъ учрежденій". Но, несомнѣнно, англійское правительство съ самаго начала ставило вопросъ о гарантіяхъ шире, чѣмъ можно было заключить изъ этой на первый взглядъ невинной фразы.

Въ инструкціяхъ, полученныхъ англійскимъ делегатомъ, маркизомъ Солсбери отъ своего правительства, говорилось объ этомъ слѣдующее: „Вся исторія Оттоманской имперіи, съ самаго введенія ея въ европейскій концертъ Парижскимъ трактатомъ, доказала, что Порта не въ состояніи гарантировать осуществленіе реформъ въ провинціяхъ, при посредствѣ турецкихъ чиновниковъ: послѣдніе принимаютъ ихъ неохотно и игнорируютъ безнаказанно. Поэтому, при настоящемъ кризисѣ, необходимо добиваться соглашенія между Портой и державами относительно устройства такихъ провинціальныхъ учрежденій, въ которыхъ выборное начало было бы соединено съ внѣшними гарантіями доброкачественности управленія".

Относительно „выборнаго начала" инструкція считала возможнымъ исходить изъ существовавшаго уже административнаго устройства дунайской провинціи, впервые примѣненнаго тамъ въ управленіе Мидхада-паши и затѣмъ распространеннаго на другія провинціи имперіи закономъ 1867 г. и фирманомъ 2 октября 1875 г. По этимъ законамъ, имперія дѣлилась на *вилайеты*, вилайеты на *санджаки* (arrondissements), санджаки на *казы* (can-

tons), казы на общины (communes). Во главѣ каждаго дѣленія стоитъ правительственный чиновникъ: вали, мутессарифъ, каймакамъ; при немъ—административный совѣтъ изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновниковъ, и четыре выборныхъ члена—двое мусульманъ и двое отъ другихъ исповѣданій. Кромѣ того, въ каждомъ вилайетѣ собирается разъ въ годъ, не болѣе какъ на 40 дней, „генеральный совѣтъ", составляемый изъ четырехъ членовъ отъ каждаго санджака, наполовину не-мусульманъ [1]).

Что касается „внѣшнихъ гарантій" дѣйствительности этихъ административно-выборныхъ учрежденій, англійское правительство предлагало, прежде всего, въ качествѣ „временной мѣры", назначеніе вали съ согласія иностранныхъ пословъ, „или ихъ большинства", на опредѣленный срокъ (напр., 7 лѣтъ), съ тѣмъ чтобы въ предѣлахъ этого срока смѣщеніе его также происходило лишь съ согласія пословъ. Значеніе этой мѣры маркизъ Солсбери очень убѣдительно разъяснялъ своему правительству въ одномъ изъ послѣдующихъ донесеній [2]): „Отъ принятія этой или какой-либо подобной мѣры и отъ успѣшнаго проведенія ея зависитъ, главнымъ образомъ, возможность надѣяться, что эти провинціи будутъ освобождены отъ притѣсненій, отъ которыхъ страдали. На представительныя учрежденія слѣдуетъ смотрѣть какъ на способъ научить населеніе, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, защищать свои собственные интересы; но отъ ихъ функціонированія нельзя ожидать въ ближайшіе годы значительныхъ улучшеній во внутреннемъ управленіи. Въ настоящее же время, управленіе должно быть личнымъ,—если вообще хотятъ, чтобы существовало какое-нибудь управленіе; и отъ способности и честности губернатора должно зависѣть благосостояніе народа. Къ несчастію, господствовавшая до сихъ поръ турецкая система не столько была разсчитана на то, чтобы обезпечить за губернаторомъ эти качества, сколько—чтобы сдѣлать ихъ невозможными. Способный человѣкъ иной разъ, конечно, и можетъ попасть на видное мѣсто; но обыкновенно дѣло рѣшается протекціей, причемъ главную роль играютъ фаворитизмъ и подкупность. Еще хуже, чѣмъ эти мотивы выбора на должность—постоянная зависимость отъ каприза во время самаго исполненія должности. Чиновникъ знаетъ, что онъ всегда въ рукахъ интриги, и что

---

[1]) Loi de villayets 1867 г., см. въ Législation Ottomane, Aristarchi-bey'я. II, 273—289. Тамъ же и тексты хатти-шерифа 1839 г. и хатти-хумаюна 1856 гг.

[2]) Синяя книга. Turkey № 2 (1877). Correspondence respecting the conference at Constantinople and the affairs of Turkey. Presented to both Houses of Parliament. 1877. Стр. 213. Донесеніе, отъ 4 января.

если онъ наживетъ себѣ врага, достаточно сильнаго, чтобы заплатить за его отставку дороже, чѣмъ онъ самъ можетъ дать за свое оставленіе въ должности,—онъ будетъ отставленъ. Меньше всего онъ думаетъ о томъ, чтобы предупреждать насилія или вымогательства, въ которыхъ заинтересованы богатые люди. Для него гораздо выгоднѣе взять свою долю въ барышѣ, чтобы покрыть свои прежніе расходы на взятки. Если эти злоупотребленія не будутъ уничтожены, то рушатся всѣ планы административныхъ улучшеній. Необходимость найти какую-нибудь сдержку и невозможность искать ее въ турецкомъ правительствѣ, совершенно оправдываютъ такую исключительную мѣру, какъ допущеніе вмѣшательства державъ въ назначеніе вали и обезпеченіе ему опредѣленнаго срока службы, въ случаѣ удовлетворительнаго поведенія".

Что касается другихъ гарантій, инструкція Солсбери предлагаетъ выборъ членовъ „генеральныхъ собраній" всѣмъ населеніемъ казъ, пропорціонально вѣроисповѣдному составу населенія; участіе этихъ собраній въ вотированіи мѣстныхъ налоговъ, „такъ, чтобы, по уплатѣ имперскихъ налоговъ, провинція была независима въ финансовомъ отношеніи отъ константинопольскаго министерства финансовъ"; назначеніе постоянныхъ судей; участіе пословъ въ назначеніи мутессарифовъ и выборъ каймакамовъ изъ членовъ „генеральнаго совѣта", по усмотрѣнію вали, соотвѣтственно вѣроисповѣдному большинству данной казы; обезпеченіе не-мусульманамъ доступа въ мѣстную полицію и милицію, въ большей степени, чѣмъ это достигнуто предъидущими распоряженіями Порты.

Инструкціи русскаго уполномоченнаго, ген. Игнатьева, шли значительно дальше. Въ предварительныхъ совѣщаніяхъ съ Солсбери, онъ опредѣлилъ требованія Россіи слѣдующимъ образомъ. „*Болгарія должна составить одну провинцію*, обнимающую все пространство, обозначенное желтой краской на картѣ Киперта, за исключеніемъ Варны, Адріанополя и Водены. Губернаторы—*изъ христіанъ*, назначаемые Портой съ согласія державъ на пятилѣтній срокъ. Выборъ провинціальныхъ совѣтовъ — *кантональными. Губернаторъ* назначаетъ префектовъ департаментовъ, христіанъ или мусульманъ, смотря по большинству населенія. Кантональные совѣты выбираются населеніемъ. Мэры (мудиры) назначаются губернаторомъ изъ трехъ выборныхъ кандидатовъ. Кантоны содержатъ около 10.000 жителей и *составляются, по возможности, изъ лицъ одного вѣроисповѣданія.* Мэры исполняютъ должность *мировыхъ судей*; высшіе суды—въ каждомъ де-

партаментѣ; апелляціонный—въ провинціи. Судьи—частью выборные, частью назначенные, сперва на три года, послѣ испытанія—пожизненно. Религіозные споры разбираются духовнымъ судомъ соотв. исповѣданій. Милиція и полиція—изъ христіанъ, пропорціонально населенію. *Губернаторъ назначаетъ офицеровъ.* Чиновники-мусульмане должны быть изъ мѣстнаго населенія. *Въ судѣ и администраціи долженъ употребляться мѣстный языкъ.* Размѣры десятины фиксируются и уплачиваются кантономъ, который раскладываетъ налогъ... *Турецкія войска должны оставаться въ крѣпостяхъ*, и выходить оттуда лишь по требованію губернатора. *Иммиграція черкесовъ прекращается*; *переселившіеся, по мѣрѣ возможности, возвращаются въ Азію*... Оружіе отбирается у мусульманъ. *Международная коммиссія установляетъ детали и наблюдаетъ за выполненіемъ реформъ. Въ ея распоряженіи находится достаточная вооруженная сила, чтобы заставить уважать ея рѣшенія и охранять спокойствіе*".

Русское предложеніе преслѣдовало, очевидно, помимо вопроса о гарантіяхъ, двѣ главныя цѣли. Во-первыхъ, оно имѣло въ виду создать вполнѣ независимую, самоуправляющуюся областную единицу (кантонъ) и въ ней сосредоточить всю силу выборнаго элемента. Во-вторыхъ, чиновничій и военный элементъ провинціи оно стремилось подчинить генералъ-губернатору области, сдѣлавъ послѣдняго, по возможности, единственнымъ связующимъ звеномъ между провинціей и оттоманскимъ правительствомъ. Провинція выигрывала при этомъ въ цѣлости и самостоятельности; къ тому же результату клонились и предположенные для нея, чрезвычайно большіе размѣры.

Дальнѣйшимъ развитіемъ предложеній ген. Игнатьева былъ „проектъ административной автономіи Болгаріи", составленный американскимъ агентомъ Скайлеромъ и русскимъ, кн. Церетелевымъ. Прежде всего, здѣсь точнѣе установлялись границы „Болгаріи". Для цѣли нашей статьи важно отмѣтить, что „населенные болгарами части Македоніи" опредѣлялись въ проектѣ точнѣе, какъ „Чекюбскій и Битольскій санджаки, а также сѣверныя части Сересскаго санджака (Неврокопъ, Мельникъ и Струмица)".

Затѣмъ, проектъ детальнѣе развивалъ положеніе о самостоятельной низшей единицѣ—*кантонъ* (=нахія, мудирлыкъ). Число жителей нахіи опредѣлено было въ 5—10 тысячъ. Удержана мысль—группировать отдѣльно христіанскія и мусульманскія деревни. Избирателями въ кантональный совѣтъ должны были быть всѣ жители мужескаго пола, достигшіе 21 года и платящіе прямые

налоги, также духовенство и учителя. Каждая деревня, приходъ или кварталъ, имѣли право послать въ кантональный совѣтъ одного представителя, срокомъ на два года. Въ первомъ собраніи члены совѣта должны были выбрать трехъ кандидатовъ. Одного изъ нихъ генералъ-губернаторъ утверждалъ въ званіи *мэра* (= мудиръ), два другихъ становились *постоянными членами* совѣта, т.-е. образовали его бюро. Самый совѣтъ имѣлъ право собираться разъ въ мѣсяцъ и чаще, если было нужно; онъ управлялъ всѣми дѣлами кантона, „безъ всякаго вмѣшательства высшихъ властей".

Нѣсколько кантоновъ составляли департаментъ (= каза). Генералъ-губернаторъ назначалъ управляющаго департаментомъ *префекта*. Каждый кантонъ выбиралъ двухъ кандидатовъ, изъ которыхъ генералъ-губернаторъ назначалъ шесть членовъ *совѣта* департамента, христіанъ или мусульманъ, пропорціонально вѣроисповѣдному составу населенія. Департаментъ являлся посредникомъ между высшей администраціей и кантономъ, и долженъ былъ совмѣщать въ себѣ *двѣ* административныхъ единицы дѣйствующей турецкой системы: казу и санджакъ,—такъ какъ послѣдній признавался „черезчуръ обширной единицей, чтобы отвѣчать потребностямъ хорошаго и бдительнаго административнаго контроля". Это сокращеніе промежуточныхъ административныхъ инстанцій составляетъ новую характерную черту русскаго предложенія.

Во главѣ автономной администраціи становился *генералъ-губернаторъ*, христіанинъ, знакомый съ болгарскимъ и турецкимъ языками, назначаемый, по согласію Порты съ представителями державъ въ Константинополѣ, всякій разъ за три мѣсяца до истеченія срока полномочій своего предшественника. „Генералъ-губернаторъ будетъ представлять верховную власть и служить посредникомъ между провинціей и центральнымъ правительствомъ. Онъ будетъ охранять порядокъ при помощи полиціи и милиціи, которыя будутъ зависѣть отъ него; въ случаѣ необходимости, онъ можетъ, съ согласія Порты, прибѣгать къ содѣйствію регулярныхъ войскъ".

При генералъ-губернаторѣ состоитъ *провинціальное собраніе*, члены котораго выбираются кантональными совѣтами. Для этой цѣли кантоны соединяются въ округѣ отъ 20 до 30 тыс. жителей; совѣты кантоновъ, входящихъ въ округъ, собираются въ центральномъ городѣ департамента и подъ предсѣдательствомъ префекта выбираютъ одного депутата на два года. Имѣютъ право

быть избранными плательщики налоговъ въ размѣрѣ не меньше 200 піастровъ (піастръ = 8 коп.), также духовенство разныхъ исповѣданій и учителя. Провинціальное собраніе собирается разъ въ годъ; сессія продолжается мѣсяцъ и болѣе, смотря по надобности. Пренія публичны и свободны. Собраніе само выбираетъ своего предсѣдателя и бюро. Въ его компетенцію входятъ: „раскладка налоговъ и контроль расходовъ, а также всѣ вопросы, прямо или косвенно относящіеся къ благосостоянію и интересамъ провинціи, какъ-то: народное образованіе, торговля, промышленность, земледѣліе, пути сообщенія и т. д. Оно можетъ предлагать измѣненія въ органическомъ уставѣ, санкціонируемыя Портой, если не будетъ препятствія со стороны державъ. Оно принимаетъ участіе въ назначеніи судей“. Собраніе выбираетъ изъ своей среды *постоянную административную коммиссію*, срокомъ на два года. Число ея членовъ равняется половинѣ числа департаментовъ. Десять ея членовъ, получившіе наибольшее количество голосовъ, будутъ считаться дѣйствительными и получатъ содержаніе; подбальные считаются ихъ замѣстителями. Представители разныхъ духовныхъ общинъ засѣдаютъ въ провинціальномъ совѣтѣ по праву. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ не о простомъ исполненіи закона или указа, а о мѣрѣ, подлежащей обсужденію, генералъ-губернаторъ обязанъ спрашивать мнѣнія совѣта. Только съ его согласія могутъ быть принимаемы губернаторомъ административныя мѣры, имѣющія длящійся характеръ (напр., относительно базаровъ, ярмарокъ и т. п.). Наконецъ, губернаторъ обязанъ представлять совѣту правила раскладокъ и сбора податей, а также давать ему отчетъ въ бюджетѣ прошлаго и будущаго года.

Христіане сохраняютъ дарованное имъ раньше (хотя примѣнявшееся очень плохо) право служить въ оттоманскомъ регулярномъ войскѣ, но, кромѣ того, формируютъ мѣстную милицію съ христіанскими офицерами, назначаемыми губернаторомъ, съ 3—4-хъ-годичнымъ срокомъ службы. На милиціи будетъ лежать охрана порядка въ провинціи и гарнизонная служба. Рекрутская подать (bidél-i-askérie) уничтожается. Правительство можетъ содержать регулярное войско только въ крѣпостяхъ, на свой собственный счетъ.

Полиція набирается изъ добровольцевъ-туземцевъ, пропорціонально вѣроисповѣдному составу населенія, совѣтами департаментовъ; начальники назначаются генералъ-губернаторомъ и отвѣчаютъ за дѣйствія подчиненныхъ. Количество и распредѣ-

леніе полиціи опредѣляются генералъ-губернаторомъ и провинціальнымъ совѣтомъ [1]).

Чтобы исчерпать матеріалы, бывшіе въ распоряженіи членовъ конференціи, необходимо упомянуть еще поданный ген. Игнатьевымъ меморандумъ объ устройствѣ финансовъ будущей автономной провинціи [2]). Согласно этому проекту, сумма доходовъ, получаемыхъ Портой отъ Болгаріи, какъ въ прямыхъ, такъ и въ косвенныхъ налогахъ (за исключеніемъ чрезвычайныхъ), опредѣляется по сложности десяти лѣтъ; средняя опредѣляетъ на пять лѣтъ нормальную сумму налоговъ, лежащую на провинціи. Не больше 30% этой суммы правительство можетъ обратить на удовлетвореніе общихъ нуждъ государства; остальные 70% употребляются на нужды провинціи, соотвѣтственно распоряженіямъ провинціальнаго собранія и подъ его контролемъ. Собраніе производитъ раскладку налоговъ (за исключеніемъ косвенныхъ) между кантонами; кантоны—между общинами. Собравъ къ опредѣленному сроку подати и вычтя изъ нихъ сумму, необходимую для собственныхъ расходовъ, кантонъ передаетъ остальное въ кассу департамента и освобождается отъ всякихъ дальнѣйшихъ финансовыхъ обязательствъ. Пріемы сбора зависятъ всецѣло отъ него. Департаментскія кассы передаютъ полученныя суммы въ провинціальную кассу, которая, отъ времени до времени, вноситъ въ императорскій оттоманскій банкъ, за счетъ центральнаго правительства, суммы, которыя ему приходятся на удовлетвореніе общегосударственныхъ нуждъ; затѣмъ, провинція не имѣетъ никакихъ дальнѣйшихъ обязательствъ къ центральному правительству и не можетъ быть облечена новыми налогами. Право назначать и отмѣнять косвенные налоги, а также устанавливать добавочные налоги на нужды провинціи или кантоновъ, принадлежитъ генеральному собранію; оно же назначаетъ высшихъ финансовыхъ чиновниковъ и устанавливаетъ правила взиманія налоговъ. Таможенное управленіе въ провинціи зависитъ отъ генералъ-губернатора и совѣта; его доходы входятъ въ сумму доходовъ провинціи. Часть суммы, платимой центральному правительству, можетъ быть спеціально назначена на платежи по государственному долгу.

Бóльшая часть предложеній, сдѣланныхъ ген. Игнатьевымъ и Церетелевымъ, были приняты, какъ увидимъ, представителями державъ, несмотря на неблагопріятное впечатлѣніе, произведен-

---

1) Проектъ Скайлера и Церетелева; см. Turkey, 2, 29 и 42.

2) Ib. 48–49.

ное общимъ характеромъ этихъ предложеній въ началѣ. Главныя возраженія вызвалъ проектъ введенія въ Турцію иностранной вооруженной силы и образованія крупной провинціи съ преобладающимъ славянскимъ характеромъ. Предложеніе русской оккупаціи было, собственно, отклонено державами весьма энергично раньше съѣзда уполномоченныхъ въ Константинополѣ. Но такъ какъ русскій представитель продолжалъ настаивать на необходимости — имѣть подъ руками вооруженную силу во время проведенія реформъ, то представители державъ предложили искать этой силы, помимо войскъ великихъ державъ, сперва въ самой Турціи, затѣмъ въ Румыніи; наконецъ, они остановились на Бельгіи, король которой далъ свое согласіе на отправку нѣсколькихъ тысячъ солдатъ на Балканскій полуостровъ [1]). Оставался вопросъ о размѣрахъ и преобладающемъ славянскомъ характерѣ новой автономной провинціи. Въ Вѣнѣ говорили по этому поводу, что проектъ ген. Игнатьева составляетъ первый шагъ къ разложенію Турціи; что его единственная цѣль — удовлетворить панславистскимъ и русскимъ интересамъ и затормазить будущее развитіе и независимость греческаго населенія [2]). Не замедлили откликнуться и представители послѣдняго. Греческая община и греческій митрополитъ въ Филиппополѣ утверждали, въ тожественныхъ выраженіяхъ, что болгары нарочно выбрали для своего возстанія Ѳракію, чтобы доказать, что она—славянская провинція; цивилизованный міръ долженъ заклеймить по заслугамъ эти панславистскія претензіи" [3]). Въ случаѣ осуществленія болгарской автономіи—греки грозили междоусобной войной.

Англійскій агентъ въ Филиппополѣ, Бэрингъ, первый подалъ совѣтъ, какъ избѣгнуть единой автономной Болгаріи. Онъ предложилъ, вмѣсто одной, устроить двѣ провинціи, соединивъ Софію съ Дунайскимъ вилайетомъ, а Македонію—съ Адріанопольскимъ. Этой мыслью воспользовался маркизъ Солсбери, но развилъ ее довольно неожиданно, предложивъ вмѣсто горизонтальной черты между двумя провинціями—вертикальную [4]). На западъ отъ этой черты оставались санджаки: Виддинскій, Нишскій, Софійскій и Македонія (въ составѣ санджака Ускюбскаго и казъ: Кукушской, Дойранской, Струмицкой, Тиквешской, Велесской, Питольской, Кастурской и трехъ сѣверныхъ казъ Сересскаго санджака). На

[1]) Turkey, 2, стр. 105—106.
[2]) Ibid., 22.
[3]) Ibid., 40—41. Ср. стр. 72—73, 251.
[4]) Ib. 33, 52, 216.

востокъ до Чернаго моря шла остальная половина. „Традиціонное преобладаніе мусульманъ и культурное превосходство грековъ“ въ этой половинѣ, по мнѣнію Солсбери, „должны были бы дать рѣшительный перевѣсъ не-славянскому элементу. Составленная такимъ образомъ, восточная провинція включила бы въ свой составъ морской берегъ, балканскіе проходы, путь къ Константинополю и значительную часть нижняго Дуная, которую нападающій (т.-е. Россія) особенно не желалъ бы оставлять въ непріятельскихъ рукахъ. Я поэтому полагалъ,—прибавляетъ маркизъ Солсбери,—что въ интересахъ Турціи такое распредѣленіе не лишено значенія“. Мы увидимъ, однако, что турки не оцѣнили заботливости о нихъ англійскаго дипломата, а иронія судьбы распорядилась такъ, что какъ разъ проектированная имъ восточная провинція гораздо раньше очутилась въ славянскихъ рукахъ, чѣмъ западная, за которой онъ признавалъ по преимуществу славянскій характеръ.

Другія части русскихъ предложеній не вызвали такого сопротивленія со стороны представителей державъ, хотя и подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ въ деталяхъ. Такъ, сроки депутатскихъ полномочій членовъ кантональнаго и генеральнаго собраній повышенъ былъ съ двухъ на четыре года, также какъ и полномочія выбранныхъ ими совѣтовъ и мэра. Избирательные округа для выбора депутатовъ генеральнаго собранія должны были заключать не 20—30, а 30—40 тыс. населенія. Избиратели должны были быть не моложе 25 лѣтъ (вм. 21). Административный совѣтъ выбирается самимъ собраніемъ. „Международная коммиссія озаботится, по возможности, изысканіемъ средствъ, чтобы обезпечить въ кантонахъ представительство меньшинства“. „Въ кантонахъ, гдѣ общеупотребителенъ греческій языкъ, кантональныя власти могутъ имъ пользоваться“. Численность національной гвардіи или милиціи не должна превышать 1% мужского населенія. Взрослые мужчины 20—40 лѣтъ, не попавшіе въ милицію, продолжаютъ платить рекрутскую подать. Если, по приказанію вали, милиція соберется въ извѣстномъ мѣстѣ въ количествѣ болѣе тысячи человѣкъ, то въ такомъ случаѣ командующіе ею назначаются уже Портой. Наконецъ, подробнѣе разработанъ проектъ судебнаго устройства и выставлено требованіе, чтобы члены и президентъ апелляціоннаго трибуна не назначались Портой съ согласія представителей державъ.

Обсудивъ и установивъ всѣ эти подробности автономнаго устройства въ нѣсколькихъ предварительныхъ засѣданіяхъ, представители державъ передали затѣмъ выработанный ими проектъ

Портѣ, для совмѣстнаго обсужденія съ назначенными ею лицами. Въ теченіе декабря и января, конференція собиралась девять разъ. Первое засѣданіе 23 декабря (н. с.) 1876 открыто было рѣчью Савфета-па́ши, министра внутреннихъ дѣлъ, выбраннаго предсѣдателемъ конференціи. Министръ изобразилъ въ своей рѣчи возстаніе какъ дѣло рукъ агитаторовъ, подкупленныхъ инсуррекціонными комитетами; много говорилъ о долготерпѣніи, съ которымъ Турція ждала добровольной покорности возставшихъ, и объ отеческой умѣренности, съ которой она ихъ, наконецъ, рѣшилась наказать. Онъ кончилъ указаніемъ на готовящуюся коренную реорганизацію Оттоманской имперіи, какъ на наилучшую гарантію, которую правительство султана можетъ дать державамъ. Уполномоченные, одинъ за другимъ, выражали неувѣренность въ точности сообщеній Савфета-паши, когда раздались артиллерійскіе залпы. Предсѣдатель поспѣшилъ объяснить представителямъ державъ значеніе этихъ залповъ. „Великій актъ", —говорилъ онъ,—„совершающійся въ настоящую минуту, измѣняетъ форму правленія, существовавшую въ продолженіе шести вѣковъ. Провозглашена конституція, которую е. в. султанъ даровалъ своей имперіи. Съ нею начинается новая эра счастія и благоденствія для его народовъ".

„Однакоже, успѣхъ конституціи зависитъ отъ ея примѣненія на практикѣ; чтобы воспользоваться ея благами, нуженъ миръ, а для мира—нужно согласіе державъ съ Портой, которое имѣетъ цѣлью установить конференція", — возражали Солсбери и Игнатьевъ.

„Конституція сама есть залогъ мира", — отвѣчали турецкіе уполномоченные.

Въ этомъ характерномъ обмѣнѣ мнѣній сразу опредѣлилась—какъ та́ цѣль, которой турки думали добиться съ помощью своей „конституціи", такъ и отношеніе къ ней европейскихъ уполномоченныхъ. Турки хотѣли устранить этимъ вопросъ о гарантіяхъ; а державы и не думали снимать его съ очереди.

Тотчасъ послѣ театральнаго провозглашенія конституціи, Савфетъ-паша позаботился объяснить значеніе этого акта иностраннымъ правительствамъ.—„Вы обратите вниманіе",—рекомендовалъ онъ турецкимъ представителямъ за-границей,—„на то, что новыя учрежденія не только не имѣютъ никакого теократическаго характера, но, напротивъ, точно устанавливаютъ невмѣшательство религіи въ осуществленіе реформъ и въ выработку судебнаго и административнаго строя, соотвѣтствующаго потребностямъ страны и принципамъ современнаго права. Такимъ образомъ, падаетъ

то, къ несчастію, слишкомъ распространенное убѣжденіе, будто шеріатъ несовмѣстимъ съ новыми учрежденіями... Общіе принципы свободы и равенства, провозглашенные въ началѣ конституціи и заимствованные изъ наиболѣе либеральнаго государственнаго права Европы, составляютъ истинную основу нашей великой реформы, и всѣ послѣдующія распоряженія являются лишь ихъ естественнымъ развитіемъ. Опредѣленіе главныхъ прерогативъ верховной власти служитъ необходимымъ дополненіемъ къ этому провозглашенію принциповъ, и счастливая мысль поставить права императорской династіи подъ охрану народа, безъ сомнѣнія, поможетъ убѣдить Европу въ истинно демократическомъ характерѣ оттоманскаго соціальнаго строя... Вы должны будете постараться выяснить европейскимъ державамъ тѣ гарантіи хорошей финансовой администраціи, которыя вытекаютъ изъ публичнаго обсужденія и необходимости голосовать всѣ финансовые законы, въ особенности бюджетъ... Вы не упустите также обратить вниманіе на то, какими гарантіями независимости и безпристрастія обставленъ государственный контроль. Не только его члены,—также какъ и всѣ судейскіе чиновники,—объявлены несмѣняемыми, но даже по самымъ важнымъ причинамъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть отставленъ безъ согласія палаты депутатовъ.

„Провинціальная администрація, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ особенно привлекаетъ вниманіе Европы, въ конституціи могла быть очерчена лишь въ видѣ общей программы; органическіе законы безъ замедленія дадутъ этой программѣ окончательную форму. Конституція провозглашаетъ основные принципы новаго режима: самая широкая административная децентрализація; принципъ выбора, распространенный на всѣ совѣты вилайетовъ, санджаковъ и казъ; развитіе автономіи общинъ, включая мусульманскую; наконецъ, созданіе выборныхъ муниципальныхъ совѣтовъ для веденія дѣлъ каждой общины.

„Познакомившись съ этими либеральными предначертаніями, остается спросить: каковы же могутъ быть еще стремленія мѣстнаго населенія, которыя бы оставались неудовлетворенными, и какихъ еще болѣе серьезныхъ и дѣйствительныхъ гарантій могутъ требовать державы, озабоченныя ихъ участью, отъ императорскаго правительства. Безъ сомнѣнія, самый закоренѣлый скептицизмъ почувствуетъ себя обезоруженнымъ. Но возможно, что — за недостаткомъ другихъ поводовъ къ критикѣ—духъ систематическаго очерненія, на который намъ приходится столько жаловаться относительно Европы, ухватится за вопросъ объ осуще-

ствленіи новыхъ учрежденій на практикѣ и усомнится въ ихъ скоромъ и точномъ введеніи въ жизнь. Тѣмъ, которые bona fide будутъ сомнѣваться въ этомъ отношеніи, вы можете смѣло отвѣчать, что факты немедленно послѣдуютъ за обѣщаніями; независимо отъ воли е. в. государя, столь торжественно провозглашенной, независимо отъ энергической рѣшимости великаго визиря (Мидхада-паши), обратившаго всѣ свои усилія къ достиженію только-что осуществленной задачи, вся нація одушевлена тѣмъ же духомъ и тѣми же чувствами,—что̀ составляетъ лучшую и наиболѣе солидную гарантію. Если будетъ дѣлаться сравненіе между предъидущими императорскими хаттами и теперешней конституціей, вы подчеркнете радикальное отличіе, существующее между первыми и послѣдней,—различіе, уничтожающее самую мысль о сравненіи. Конституція не есть уже простое обѣщаніе; это реальный и формальный актъ, сдѣлавшійся достояніемъ всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ,—актъ, развитіе котораго можетъ быть задержано или остановлено лишь соединенной волей націи и государя. Европа не просила и не совѣтовала этого торжественнаго и окончательнаго акта. Слѣдовательно, императорское правительство не могло имѣть при этомъ цѣли удовлетворить ея требованіямъ или осуществить идеи, идущія извнѣ. Оно не подчинилось никакому давленію, никакому вліянію, кромѣ голоса разума и патріотизма. Вотъ почему мы просимъ теперь Европу имѣть довѣріе къ нашимъ молодымъ учрежденіямъ и видѣть въ нихъ полную гарантію интересовъ, охраненіе которыхъ она поставила своей задачей. Съ гордостью мы имѣемъ право констатировать, что ея заботы были опережены и превзойдены великодушной иниціативой нашего священнаго повелителя“ [1]).

Итакъ, конференція, съ точки зрѣнія турокъ, теперь становилась совершенно излишнею. Турція все—и даже больше чѣмъ все—готова была сдѣлать сама. Къ ея несчастію, всѣ усилія заставить себѣ повѣрить оказались тщетными. Общее мнѣніе европейскихъ делегатовъ было, что подобной „гарантіи“ нельзя придавать никакого значенія. Маркизъ Солсбери далъ себѣ трудъ,—въ предположеніи, что конституція будетъ реальнымъ фактомъ,—выяснить, насколько самая буква ея обезпечиваетъ населеніе отъ дурного управленія. Но даже и принявъ слово за дѣло, онъ получилъ результатъ отрицательный.

Оказывалось, что, даже при условіи свободныхъ выборовъ, въ

[1]) Turkey, 2, стр. 217—222, 184—186.

депутаты могутъ попасть, въ огромномъ большинствѣ, одни мусульмане, такъ какъ сложнымъ искусствомъ „писать по-турецки", требуемымъ отъ депутата, христіане не обладаютъ, за единичными исключеніями; къ тому же всякій выборъ могъ быть кассированъ на основаніи „завѣдомо дурной репутаціи" депутата. Предоставляя законодательному собранію весьма ограниченную власть, конституція не обставляетъ, къ тому же, примѣненіе этой власти никакими дѣйствительными гарантіями. Палата депутатовъ стѣснена сенатомъ и лишена законодательной иниціативы. Обѣ палаты могутъ просить султана о введеніи новаго закона „по предмету, входящему въ ихъ компетенцію", но могутъ и не получить согласія. Онѣ могутъ вносить поправки въ бюджетъ, но эти поправки могутъ быть отвергнуты министромъ. Правительство можетъ назначать налоги и производить расходы безъ собранія, и хотя въ ближайшую сессію оно должно сообщить объ этомъ на утвержденіе собранія, но случай отказа въ утвержденіи просто не предусмотрѣнъ въ конституціи. Точно такъ же безъ всякаго участія парламента правительство можетъ издавать указы, получающіе силу закона, „если не противорѣчатъ конституціи". Палата можетъ сдѣлать запросъ министру; но министръ можетъ его отсрочить, если найдетъ удобнымъ. Отвѣтственность министровъ состоитъ въ томъ, что они могутъ быть судимы, *если* захочетъ султанъ, причемъ процедура суда остается неустановленной. Толкованіе конституціи зависитъ отъ сената, назначаемаго султаномъ. За исключеніемъ отдѣла о палатѣ, остальныя части набросаны въ общихъ чертахъ: примѣненіе разныхъ широкихъ принциповъ зависитъ отъ законовъ, еще не изданныхъ, и „регламентовъ", изданіе которыхъ предоставлено султану. Назначеніе и смѣна чиновниковъ, устройство судовъ, управленіе провинціями—находятся именно въ такомъ положеніи [1]).

Итакъ, естественно, что державы не могли считать задачу конференціи исполненной, раньше чѣмъ начались ея засѣданія. Проектъ автономныхъ реформъ былъ предъявленъ туркамъ, и имъ пришлось обсуждать его, статью за статьей. На второмъ же засѣданіи они выставили противъ проекта общее обвиненіе, что онъ расширяетъ ту „базу", которая была установлена англійскимъ правительствомъ въ пригласительномъ циркулярѣ на конференцію. Представитель Англіи, однако, категорически отказался признать это утвержденіе. Тогда турецкое правительство

[1]) Turkey, 2, 302—303.

послало эмиссара въ Лондонъ, къ лорду Биконсфильду, съ мотивированнымъ разъясненіемъ невозможности для Порты принять проектъ европейскихъ уполномоченныхъ. Въ ожиданіи исхода этой миссіи, оно представило конференціи свой контръ-проектъ и попыталось сдѣлать его исходной точкой дальнѣйшихъ разсужденій. Въ слѣдующемъ, четвертомъ, засѣданіи, маркизъ Солсбери принужденъ былъ констатировать, что въ турецкомъ контръ-проектѣ нѣтъ никакого упоминанія:

1) Объ употребленіи иностранныхъ солдатъ въ качествѣ кадровъ для будущей жандармеріи.

2) О международной наблюдательной коммиссіи.

Затѣмъ, контръ-проектъ обусловливаетъ будущимъ согласіемъ законодательнаго собранія, которое еще не скоро соберется:

1) Уничтоженіе десятиннаго сбора.

2) Систему отдачи на откупъ налоговъ.

3) Устройство судовъ, способъ назначенія судей и срокъ ихъ службы.

4) Способъ выбора различныхъ совѣтовъ и ихъ компетенцію.

Наконецъ, контръ-проектъ отвергаетъ:

1) Амнистію.

2) Жандармерію (независимо отъ вопроса объ участіи европ. войскъ).

3) Наборъ милиціи изъ христіанъ и мусульманъ.

4) Употребленіе мѣстнаго языка наравнѣ съ турецкимъ.

5) Назначеніе на пятилѣтній срокъ вали и его смѣну только по рѣшенію независимаго суда.

6) Назначеніе мутессарифовъ на опредѣленный срокъ.

7) Выборъ вали съ согласія пословъ.

8) Выборъ мутессарифовъ вали.

9) Размѣщеніе войскъ въ административныхъ центрахъ и крѣпостяхъ.

10) Установленіе независимой властью опредѣленной доли прямыхъ податей, подлежащихъ внесенію въ кассу центральнаго правительства.

11) Запрещеніе на будущее время колонизаціи черкесовъ.

Всѣ чиновники будутъ смѣщаемы Портой по ея усмотрѣнію.

Постановленія совѣтовъ будутъ имѣть силу только съ согласія Порты.

Это равнялось полному устраненію отъ обсужденія всего, что составляло сущность предложеннаго державами проекта. Маркизъ Солсбери „съ глубокимъ сожалѣніемъ“ констатировалъ, что контръ-проектъ „не отвѣчаетъ ни должному уваженію къ

державамъ, ни правильно понятому достоинству Порты". На это Савфетъ-паша отвѣтилъ, что, какъ онъ надѣется, „контръ-предложенія не встрѣтятъ противодѣйствія со стороны державъ". Засѣданіе прошло въ обмѣнѣ рѣзкостей и кончилось рѣшительнымъ отказомъ европейскихъ представителей принять турецкій проектъ за базу для дальнѣйшихъ переговоровъ. На слѣдующее (5-е) засѣданіе Савфетъ-паша принесъ мотивированныя возраженія противъ европейскаго проекта. Сущность этихъ возраженій сводилась къ тому, что отвергаемыя части проекта противорѣчатъ первоначальному англійскому предложенію, нарушаютъ верховныя права султана и обостряютъ провинціальныя и племенныя различія въ тотъ моментъ, когда конституція только-что провозгласила единство правъ и обязанностей всѣхъ оттоманскихъ подданныхъ.

На длинную рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ отвѣчали не менѣе длинными рѣчами представители Италіи и Англіи въ слѣдующемъ (6-мъ) засѣданіи конференціи. Турецкіе уполномоченные, однако, остались при своемъ, и на вопросъ, какія же гарантіи съ своей стороны они могутъ предложить, взамѣнъ требуемыхъ Европой и отвергаемыхъ ими, отвѣтили: „исключительно моральныя гарантіи, конституцію, законы, время, которое укрѣпитъ новыя учрежденія и придастъ имъ значеніе на практикѣ: это единственныя серьезныя гарантіи и единственныя, которыя правительство можетъ дать". Естественно, что въ 7-мъ засѣданіи представителямъ державъ оставалось только, послѣ новыхъ возраженій Савфета-паши итальянскому и англійскому представителю, констатировать полную невозможность продолжать пренія при такомъ рѣзкомъ разногласіи обѣихъ сторонъ. Турецкій министръ спокойно замѣтилъ при этомъ, въ видѣ заключительной морали, что основная причина всѣхъ затрудненій понятна: проектъ составили, не спросивъ предварительно Порту.

Непосредственные переговоры дипломатовъ съ Мидхадомъ-пашой и съ самимъ султаномъ не многимъ подвинули дѣло дальше. На второстепенныхъ пунктахъ великій визирь готовъ былъ сдѣлать уступки,—частью, впрочемъ, чисто формальныя,—но относительно главныхъ спорныхъ вопросовъ остался при своемъ, ссылаясь на общественное мнѣніе всей Турціи. Такимъ образомъ, въ восьмомъ засѣданіи представители державъ выступили съ послѣднимъ предложеніемъ, смягченнымъ по формѣ и выкинувшимъ многія требованія по существу. Это предложеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и ультиматумомъ державъ. Во вступительныхъ словахъ, Солсбери напомнилъ турецкимъ министрамъ, что, отказываясь

принять требованія державъ, гарантировавшихъ ея цѣлость Парижскимъ трактатомъ, Порта тѣмъ самымъ снимаетъ съ нихъ отвѣтственность за все могущее произойти вслѣдствіе ея отказа. Онъ кончилъ, какъ и другіе уполномоченные, угрозой покинуть, въ случаѣ отказа, Константинополь.

По интересующимъ насъ вопросамъ, минимальныя требованія Европы были слѣдующія (пункты, по которымъ сдѣланы уступки, отмѣчены курсивомъ). „Генералъ-губернаторы провинцій назначаются на *первыя* пять лѣтъ Портой съ согласія державъ. Провинціи дѣлятся на санджаки съ мутессарифами, назначенными *Портой* по предложенію вали на опредѣленный срокъ, и на кантоны (нахіи) отъ 5 до 10 тыс. жителей, съ кантональными властями, свободно избранными населеніемъ каждой общины и компетентными во всѣхъ вопросахъ, касающихся интересовъ кантона. Провинціальныя собранія выбираются на четыре года кантональными совѣтами, по указанной системѣ. Они устанавливаютъ бюджетъ провинціи и назначаютъ провинціальные административные совѣты, мнѣніе которыхъ вали обязаны спрашивать по всѣмъ вопросамъ, выходящимъ за предѣлы простого выполненія законовъ или правилъ; *объ этихъ вопросахъ они могутъ сообщать Портѣ.* Во взиманіи налоговъ вводятся улучшенія: провинціальныя собранія и кантональные совѣты производятъ раскладку и сборъ налоговъ,— за исключеніемъ таможенъ, почтъ и телеграфовъ, налога на табакъ и спиртъ и акциза. Отдача на откупъ всецѣло уничтожается. Недоимки слагаются. Бюджетъ провинцій опредѣляется на 5 лѣтъ по средней сложности дохода. *Часть* обращается на уплату государственнаго долга и на нужды центральнаго правительства; *остатокъ*—на нужды провинцій. Юстиція реорганизуется въ смыслѣ большей независимости магистратуры. Судьи гражданскихъ и уголовныхъ трибуналовъ назначаются вали, съ согласія административнаго совѣта; члены апелляціоннаго суда—Портой, *по предложенію вали.* Засѣданія публичны; судебное слѣдствіе обязательно. Духовнымъ властямъ принадлежитъ исключительная юрисдикція по спеціальнымъ дѣламъ различныхъ исповѣданій. Полная свобода вѣроисповѣданія. Содержаніе духовенства, духовныхъ учрежденій и школъ самими общинами. *Гарантія* противъ насильственнаго обращенія въ другую вѣру. Употребленіе мѣстнаго языка въ судѣ и администраціи наравнѣ съ турецкимъ. Безусловное запрещеніе употреблять иррегулярныя войска. Образованіе милиціи и жандармеріи изъ христіанъ и мусульманъ пропорціально населенію, съ субалтернъ-офицерами по назначенію генералъ-губернаторовъ. Запрещеніе колонизаціи черкесовъ. Общая

амнистія для христіанъ, осужденныхъ по политическимъ дѣламъ. Улучшеніе участи рабочихъ и фермеровъ Босніи и Герцеговины. Облегченіе пріобрѣтенія государственныхъ имуществъ, также и возвращенія на родину эмигрантовъ. Введеніе всѣхъ этихъ мѣръ въ трехмѣсячный срокъ. Двѣ контрольныя коммиссіи будутъ назначены державами для наблюденія за исполненіемъ правилъ и для содѣйствія мѣстнымъ властямъ при принятіи мѣръ касательно безопасности и общественнаго порядка. *Онѣ получатъ особыя инструкціи*".

Ультиматумъ державъ не произвелъ на турокъ ожидаемаго дѣйствія. Они стояли на томъ, что европейскимъ проектомъ нарушаются существующіе законы, создается почти независимая отъ султана провинція и этимъ сокращаются его верховныя права. Въ этомъ смыслѣ былъ представленъ докладъ спеціально созванному для этой цѣли „Великому собранію", состоявшему изъ 237 членовъ—почти исключительно чиновниковъ, находившихся на турецкой службѣ. Были приглашены также и представители духовныхъ общинъ; но патріархи, греческій, армянскій и экзархъ болгарскій, не явились, подъ предлогомъ нездоровья. Присланные ими викаріи голосовали, вмѣстѣ со всѣмъ собраніемъ, за сопротивленіе. Въ пользу мира—раздался только одинъ голосъ—представителя протестантской общины [1]).

Въ девятомъ засѣданіи Савфетъ-паша сообщилъ объ этомъ голосованіи членамъ конференціи. По его словамъ, собраніе безусловно отвергло два пункта проекта: назначеніе губернаторовъ съ согласія державъ и международныя контрольныя коммиссіи. Справедливо ли было,—говорилъ онъ,—въ моментъ, когда разрушается стѣна вѣковыхъ предразсудковъ между Востокомъ и Западомъ, налагать на султана контроль въ самой жесткой формѣ, въ какой можетъ выразиться чужеземное вмѣшательство? Дать участіе иностраннымъ делегатамъ въ функціяхъ верховной власти — не значило ли это заподозрить императорское правительство въ глазахъ его подданныхъ и поставить Турцію въ положеніе, безпримѣрное въ свѣтѣ, худшее даже, чѣмъ положеніе ея собственныхъ вассаловъ"? Съ своей стороны Порта, предлагала устройство на годичный срокъ коммиссій въ родѣ тѣхъ, которыхъ требовала нота Андраши, отъ 30 дек. 1875 г.,—свободно выбранныхъ населеніемъ, изъ мусульманъ и христіанъ поровну, для наблюденія за осуществленіемъ конституціонныхъ и провинціальныхъ реформъ, для обезпеченія населенію безопасности при посредствѣ

---

[1]) Депеша Солсбери отъ 18 января 1877 г., Turkey, 2, стр. 310.

жандармеріи, сформированной турецкимъ правительствомъ, и для помощи пострадавшимъ жителямъ. Кромѣ того, Савфетъ-паша констатировалъ, что въ смягченной редакціи европейскій проектъ согласенъ съ турецкимъ въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) раздѣленіе вилайетовъ на санджаки; 2) выборъ вилайетскихъ собраній на четыре года; 3) установленіе бюджета вилайета этими собраніями; 4) независимость суда; 5) публичность засѣданій; 6) полная свобода вѣроисповѣданія; 7) исключительная юрисдикція духовныхъ властей въ дѣлахъ соотв. исповѣданій; 8) содержаніе духовенства и церковныхъ учрежденій, а также и учебныхъ, самими общинами; 9) гарантіи противъ насильственныхъ обращеній; 10) образованіе жандармеріи изъ мусульманъ и христіанъ (турки опускали здѣсь самое существенное выраженіе: „пропорціонально вѣроисповѣдному составу населенія") съ субалтернъ-офицерами, назначаемыми генералъ-губернаторомъ. Всѣ эти пункты,—по замѣчанію министра, — прямо вытекали изъ существующихъ уже турецкихъ законовъ и статей конституціи. Кромѣ нихъ, онъ перечислялъ другой рядъ пунктовъ европейскаго проекта, хотя не заключавшихся въ конституціи, но и не противорѣчившихъ ей, а потому имѣвшихъ всѣ шансы на принятіе оттоманскимъ правительствомъ: 1) подраздѣленіе казъ на кантоны съ 5—10 тыс. жителей, съ выборными кантональными властями; 2) уничтоженіе отдачи податей на откупъ; 3) неупотребленіе иррегулярныхъ войскъ; 4) запрещеніе *массовой* колонизаціи черкесовъ въ Румеліи; 5) общая амнистія; 6) запрещеніе носить оружіе безъ разрѣшенія.

Генералъ Игнатьевъ замѣтилъ, что Порта допускаетъ, такимъ образомъ, лишь то, что̀ согласно съ существующимъ уже законодательствомъ; что для этого результата не было нужды созывать конференціи; что перечисленные пункты, предлагаемые турецкими уполномоченными на дальнѣйшее обсужденіе державъ, суть не болѣе, какъ возстановленный контръ-проектъ, уже отвергнутый державами; что эти пункты, наконецъ, не содержатъ въ себѣ ни назначенія вали съ согласія державъ, ни территоріальнаго дѣленія провинцій (т.-е. два болгарскихъ вилайета, проектированныхъ державами), ни назначенія мутессарифовъ на опредѣленный срокъ, ни милиціи, ни судебной организаціи, ни опредѣленія компетенціи кантональныхъ властей и провинціальныхъ собраній, ни употребленія мѣстнаго языка,—словомъ, ни одного изъ пунктовъ, составляющихъ главную сущность европейскаго проекта, не говоря уже о международныхъ контрольныхъ коммиссіяхъ.

Маркизъ Солсбери констатировалъ, что задачей конференціи было не только удостовѣриться въ благихъ намѣреніяхъ Турціи, —за выполненіемъ которыхъ Европа будетъ слѣдить, конечно, съ полной симпатіей,—но получить гарантіи противъ дурного управленія въ возставшихъ провинціяхъ. Такъ какъ Турція отказываетъ въ такихъ гарантіяхъ, то миссія конференціи кончена. Савфетъ-паша продолжалъ удивляться, что Европа приписываетъ такъ много важности двумъ пунктамъ, рѣшительно отвергаемымъ Портой, но получилъ отвѣтъ, что если они неважны, то тѣмъ непонятнѣе упорство Порты въ ея отказѣ. Засѣданіе 8 (20) января 1877 года было послѣднимъ. Положеніе возставшихъ провинцій не удалось улучшить дипломатическимъ путемъ; теперь ихъ участь должна была рѣшиться войной.

III.

Результаты войны оказались очень различны для различныхъ частей возставшаго болгарскаго населенія. Санъ-Стефанскій договоръ осуществилъ на короткое время мечту патріотовъ, создавъ „цѣлокупную“ Болгарію, со включеніемъ всей Македоніи [1]). Но „цѣлокупная“ Болгарія считалась тогда опаснымъ орудіемъ въ рукахъ русской политики, и берлинскій конгрессъ раздробилъ ее на три части: вассальное княжество, автономную провинцію и

---

[1]) Западная и южная границы Санъ-Стефанской Болгаріи, хотя и проведенная слишкомъ приблизительно, по очевидно невѣрнымъ картамъ, въ общемъ соотвѣтствовала предѣламъ славянскаго населенія Македоніи. По 6-ой статьѣ трактата, эта граница шла: „по западной границѣ Враньской казы (теперь отданной Сербіи) до хребта Шаръ-дагъ; отсюда поворачивая на западъ, линія пойдетъ по западнымъ границамъ казъ Кумановской, Кочанской (? Качаникской) и Калканделенской (Тетовской) до горы Корабъ (т.-е. по южному скату Шаръ-планины). Отсюда (пересѣкая Шаръдагъ и захватывая часть албанскаго населенія) рѣкой Велештицей до ея слiянія съ Чернымъ Дриномъ. Направляясь отсюда на югъ по Дрину и затѣмъ по западной границѣ Охридской казы къ горѣ Линъ (полуостровъ на зап. берегу Охридскаго озера) граница пойдетъ западными предѣлами казъ Горчи и Старово (опять задѣвая албанское населеніе) до горы Граммосъ (есть село Грамошта, влашское, въ верховьяхъ Дѣвола). Затѣмъ (черезчуръ обще, оставляя за предѣлами Болгаріи часть славянскаго населенія) черезъ Костурское озеро пограничная линія (оставляя въ сторонѣ Водену) подойдетъ къ р. Могленицѣ и внизъ по ея теченію, проходя на югъ отъ Енидже-Вардара, направится черезъ устье Вардара и черезъ р. Галикъ къ деревнямъ Парга и Сарай-кой. Отсюда (оставляя въ сторонѣ Салоники) серединой озера Бешикъ-гёль (т.-е. оставляя на югъ Халкидикскій полустровъ, населенный греками) къ устью рѣкъ Струны и Карасу (турецкое названіе предъидущей рѣки) и морскимъ берегомъ до Буру-гёль“.

провинцію на общемъ положеніи турецкихъ областей, съ одной только надеждой на будущія реформы. Основные принципы устройства вассальнаго княжества, въ какое превращался Дунайскій вилайетъ, были установлены самимъ трактатомъ: дальнѣйшее развитіе этихъ принциповъ предоставлялось свободно избранному учредительному собранію. Устройство автономной провинціи, Восточной Румеліи, должна была выработать въ трехмѣсячный срокъ европейская коммиссія, принявъ за основаніе „различные законы вилайетовъ и предложенія, сдѣланныя въ восьмомъ засѣданіи константинопольской конференціи (т.-е. ея минимумъ требованій)“. Наконецъ, относительно Македоніи, наравнѣ съ другими уцѣлѣвшими въ Европѣ турецкими владѣніями, статья XXIII Берлинскаго трактата постановляла слѣдующее: „Въ другихъ частяхъ европейской Турціи, для которыхъ настоящій трактатъ не предусматриваетъ особаго устройства, будутъ введены уставы аналогичные (органическому уставу Крита 1868 г.), съ приспособленіями къ мѣстнымъ потребностямъ. Высокая Порта поручитъ спеціальнымъ коммиссіямъ, въ составѣ которыхъ туземный элементъ получитъ широкое участіе, выработку деталей этихъ уставовъ въ каждой провинціи отдѣльно. Результаты этихъ работъ,—организаціонные проекты,—будутъ предоставлены на разсмотрѣніе Высокой Порты, которая, раньше публикованія актовъ, имѣющихъ ввести ихъ въ дѣйствіе, приметъ во вниманіе отзывъ европейской коммиссіи, учрежденной для Восточной Румеліи“.

Итакъ, участь европейскихъ провинцій, оставшихся въ рукахъ турокъ, зависѣла теперь, главнымъ образомъ, отъ доброй воли Порты и отчасти отъ мнѣнія восточно-румелійской коммиссіи. Первый факторъ намъ уже достаточно извѣстенъ; что же касается второго, тутъ прежде всего слѣдуетъ отмѣтить рѣзкую перемѣну взглядовъ великихъ державъ по отношенію къ болгарскому вопросу [1]). Наблюдая на мѣстѣ, въ самой странѣ, настроеніе народа и, въ особенности, его руководителей, иностранцы должны были скоро замѣтить, что наиболѣе вліятельные болгары не менѣе ихъ самихъ боятся русской оккупаціи. Слѣдя за газетной болгарской полемикой въ эпоху, предшествовавшую войнѣ, можно было бы, въ сущности, и ранѣе замѣтить, что русскаго вооруженнаго вмѣшательства желали и къ нему стремились, главнымъ образомъ, революціонеры и простой народъ; средній же, зажиточный классъ ожидалъ всего отъ постепенныхъ турец-

[1]) Ср. П. А. Матвѣева, Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Спб. 1887 г., стр. 221—222. Дальнѣйшія наблюденія автора, впрочемъ, совсѣмъ не сходятся съ нашими.

кихъ реформъ, боялся революціи, не довѣрялъ Россіи и наканунѣ войны старался предотвратить ее вѣрноподданническими адресами султану. Теперь, когда дѣло революціи и войны было сдѣлано, умѣренная партія выступила на первый планъ и принесла съ собой ревнивое недовѣріе къ непрошеннымъ для нея освободителямъ. Европейскіе дипломаты, и прежде всего англійскіе и австрійскіе, быстро догадались, что, съ такимъ настроеніемъ руководящихъ сферъ, Болгарія не только не послужитъ для Россіи, какъ они опасались раньше, дорогой къ Константинополю, но сыграетъ роль état-tampon. Для этой же цѣли выгоднѣе была сильная, а не слабая Болгарія. И вотъ, только-что раздробивъ Санъ-Стефанскую Болгарію на части, они принимаются усиливать, по возможности, автономный элементъ въ отдѣленныхъ отъ вассальнаго княжества частяхъ.

Первый опытъ въ этомъ родѣ сдѣланъ былъ при обсужденіи устава Восточной Румеліи. На немъ мы и должны остановиться, такъ какъ онъ послужилъ однимъ изъ главныхъ источниковъ при составленіи проекта реформъ въ остальныхъ европейскихъ провинціяхъ Турціи,—въ томъ числѣ и въ Македоніи. Берлинскій трактатъ рекомендовалъ румелійской коммиссіи въ руководство два источника діаметрально противоположнаго характера: турецкій законъ о вилайетахъ и европейскій ультиматумъ константинопольской конференціи,—ультиматумъ, явившійся слѣдствіемъ какъ разъ недостаточности турецкаго закона. „Этотъ законъ извѣстенъ по своимъ тенденціямъ и осужденъ по своимъ результатамъ",—такъ характеризуетъ его тогдашній комментаторъ Берлинскаго трактата [1]: —„подъ маской self-government онъ скрываетъ централизацію, не церемонящуюся ни съ личностью, ни съ собственностью подданныхъ; подъ покровомъ либерализма въ немъ таится самый блестящій продуктъ реформаторскаго шарлатанства, которымъ Турція занималась черезчуръ долго, и которое Европа осудила черезчуръ поздно,—шарлатанства, которое жители имперіи не хотятъ больше терпѣть. Хитросплетенный механизмъ этого закона имѣлъ непосредственнымъ слѣдствіемъ—увеличеніе числа чиновниковъ, кормящихся на счетъ бюджета, отягощеніе плательщиковъ налоговъ, опустошеніе финансовыхъ кассъ и наводненіе страны арміей тирановъ. Созданіе смѣшанныхъ совѣтовъ всѣхъ родовъ и названій дало мусульманскому и чиновническому элементу перевѣсъ, т.-е. всемогущество, во многихъ областяхъ дѣятельности, куда

---

[1]) Le Traité de Berlin annoté et commenté par Benoit Brunswik. Paris, 1878, стр. 73—74.

раньше не проникало его вліяніе—повсюду, даже тамъ, гдѣ населеніе состояло почти исключительно изъ однихъ христіанъ. Избирательная система этого закона, одна и та-же отъ кантона до столицы вилайета, сдѣлала генералъ-губернатора единственнымъ избирателемъ въ провинціи, верховнымъ раздавателемъ судебныхъ приговоровъ; члены его „меджлиса", имъ выбранные, немедленно становятся его соучастниками въ произволѣ, его защитниками противъ несчастныхъ челобитчиковъ. Ни одинъ консульскій отчетъ не обходится безъ жалобъ на пагубное вліяніе этого закона на всѣ отрасли оттоманской администраціи; консулы и послы его клеймятъ, какъ законную санкцію произвола, какъ привилегію на безнаказанность, данную правительственными учрежденіями взяточникамъ".

Къ этой краснорѣчивой характеристикѣ намъ нечего прибавить. Естественно, что если румелійская коммиссія хотѣла усилить автономный элементъ провинціи, она должна была просто игнорировать „законъ о вилайетахъ" и постараться, исходя изъ требованій константинопольской конференціи, создать систему автономныхъ учрежденій, соотвѣтствующихъ указаніямъ европейской теоріи и практики.

До нѣкоторой степени эта цѣль была намѣчена уже самимъ Берлинскимъ трактатомъ. Къ такой же постановкѣ, по необходимости, привело представителей европейскихъ державъ то положеніе дѣла, которое имъ пришлось констатировать во время своихъ засѣданій въ Филиппополѣ. Они должны были считаться здѣсь съ двумя противоположными мнѣніями, проводившимися далеко не съ одинаковой настойчивостью и поддерживавшимися далеко не одинаковой реальной силой. Съ одной стороны, турки представили въ коммиссію свой проектъ реформъ, подчинявшій всѣ отрасли управленія въ странѣ — центральнымъ турецкимъ властямъ, сохранявшій старую административную организацію, умалчивавшій о финансовомъ положеніи провинціи и не дававшій представительнымъ учрежденіямъ никакихъ гарантій дѣйствительности ихъ контроля надъ чиновничествомъ [1]). Румелійская коммиссія просто оставила этотъ проектъ въ сторонѣ, и къ дальнѣйшей работѣ ея членовъ оттоманскіе представители относились довольно пассивно. Совершенно иначе пришлось отне-

---

[1]) См. этотъ проектъ въ двухъ редакціяхъ въ „Синей книгѣ", Turkey, № 9 (1879 г.), Correspondence respecting the proceedings of the European commission for the organization of Eastern Roumelia. Part I, 85, 111. Дальнѣйшія цитаты относятся къ этой же публикаціи.

стись къ точкѣ зрѣнія, принятой русскими представителями въ вопросѣ о румелійской автономіи.

Непосредственнаго участія въ выработкѣ проектовъ „органическаго устава" русскіе представители почти не принимали; но въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ на проекты своихъ европейскихъ коллегъ они развили цѣлую систему, сущность которой сводилась къ передачѣ верховныхъ правъ султана—христіанскому губернатору Румеліи, къ полной изоляціи провинціи отъ остальной имперіи и къ самому широкому развитію не только контроля, но также и инціативы—выборныхъ учрежденій. Такъ, русскіе представители настаивали въ засѣданіяхъ коммиссіи на томъ, чтобы начальники главныхъ отраслей управленія не назначались султаномъ, а выбирались провинціальнымъ собраніемъ; чтобы губернаторъ имѣлъ право самъ санкціонировать законы мѣстнаго характера; чтобы румелійская милиція служила исключительно для цѣлей провинціи, и чтобы въ то же время ея служба считалась наравнѣ со службой въ оттоманскихъ войскахъ, замѣняя всецѣло послѣднюю для румелійскихъ уроженцевъ. Они требовали далѣе, чтобы въ составѣ провинціальнаго собранія не было членовъ по назначенію губернатора; чтобы султанъ не имѣлъ права распускать собранія по собственной инціативѣ; чтобы низшія единицы административной системы сохранили свое выборное управленіе и сами выбирали бы представителей власти; чтобы во всѣхъ выборныхъ собраніяхъ большинство членовъ соотвѣтствовало большинству (болгарскому) населенія; чтобы не принималось искусственныхъ мѣръ для усиленія представительства меньшинства; наконецъ, чтобы оффиціальнымъ языкомъ былъ не турецкій, а языкъ большинства населенія, т.-е. болгарскій [1]).

Всѣ эти требованія, зачастую выходившія за предѣлы простой „административной автономіи", дарованной Румеліи Берлинскимъ трактатомъ,—были еще очень скромны сравнительно съ тѣмъ безусловнымъ отрицаніемъ, съ какимъ относились къ этому трактату въ нашей оккупаціонной арміи и, въ еще большей степени, сама болгарская народная масса. Первая не успокоилась еще отъ негодованія, охватившаго ее, когда европейская дипломатія разрушила блестящіе результаты войны; вторая—приходила въ паническій ужасъ при одной мысли о томъ, что, благодаря Берлинскому договору, вернутся въ провинцію турки и на свободѣ примутся мстить безоружнымъ рабамъ. То

[1]) Turkey, № 9, Part I, стр. 258—264, 296—299, 360—364, 386—394, 402—407, 450—451. Part II, стр. 596—601, 652, 694, 709, 731—740, 783—785, 795—802.

и другое настроеніе взаимно поддерживало другъ друга: вожди русскихъ войскъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ и ген. Столыпинъ, открыто говорили о предстоящемъ соединеніи южной Болгаріи съ сѣверной; русскіе офицеры поспѣшно раздавали населенію „кринки" только-что замѣненныя въ русской арміи „берданкой", и обучали военнымъ пріемамъ „гимнастическія общества", повсемѣстно организованныя въ странѣ. Оффиціозный русскій органъ „Марица", открыто печаталъ самыя рѣзкія нападки на Берлинскій трактатъ. Въ результатѣ всего, финансовые чиновники европейской коммиссіи, обязанные по трактату принять въ свои руки финансовое управленіе областью, въ теченіе полугода не могли получить отъ дѣйствовавшаго управленія ни документовъ, ни денегъ; всѣ попытки ихъ вступить въ завѣдываніе провинціальными кассами разбились объ открытое сопротивленіе простого народа. При такомъ настроеніи массы, членамъ коммиссіи ничего не оставалось, какъ опереться на зажиточный классъ,—объ отношеніи котораго къ Россіи мы уже говорили,—и, гарантировавъ ему видное положеніе въ обсуждавшейся системѣ учрежденій, воспользоваться его вліяніемъ, чтобы примирить простую массу съ Берлинскимъ трактатомъ и съ Европой. Отсюда—недовѣріе европейскихъ коммиссаровъ къ выборнымъ элементамъ проектированныхъ собраній и ихъ старанія усилить роль чиновничества въ административныхъ учрежденіяхъ и роль членовъ по назначенію — въ представительныхъ собраніяхъ [1]). Политика эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; но она требовала уступокъ. Хотя и не столь большія, какъ тѣ, которыхъ требовали русскіе делегаты, эти уступки въ пользу умѣренной болгарской партіи все-таки не умѣщались въ рамкахъ Берлинскаго трактата. Потребовалась цѣлая депутація отъ этой партіи къ европейскимъ дворамъ, чтобы отстоять ея основное требованіе, безъ исполненія котораго и она не рѣшалась поручиться за спокойствіе народа: недопущеніе турецкихъ войскъ въ

---

[1]) Всѣ изложенныя соображенія прямо высказывались въ засѣданіяхъ коммиссіи преимущественно австрійскими и англійскими представителями, Каллаемъ и Друммондомъ Вольфомъ. На переговоры съ зажиточнымъ элементомъ провинціи также имѣется достаточно прямыхъ указаній въ „Синей Книгѣ". См. I, стр. 107, 117, 163, 178, 207, 241—242, 391—392; II, стр. 503 (параллель изъ Княжества: the leading Bulgarians of the Principality are becoming alarmed at certain proposals of Prince Dondoukoff, by which the principal functionaries are to be chosen by popular election, a measure which they consider directed against the few whose education qualifies them for prominent posts in the Administration), 598 (il est nécessaire d'entourer le gouverneur général d'un groupe de personnes indépendantes de la faveur des masses, éclairées et modérées, sur lesquelles il puisse s'appuyer), 718, 793.

пограничныя крѣпости. Настроеніе же самой массы отразилось, характернымъ образомъ, въ томъ, что формальной цѣлью этой депутаціи объявлено было соединеніе Румеліи съ княжествомъ.

Какъ увеличилась, подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, готовность европейскихъ коммиссаровъ къ уступкамъ, мы увидимъ, сопоставивъ настроеніе одного и того же депутата, Ринга, представителя Франціи, въ началѣ и въ концѣ филиппопольскихъ засѣданій коммиссіи. Въ одномъ изъ ноябрьскихъ засѣданій (1878 г.) онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, коммиссары не только не имѣютъ права настаивать на привилегіяхъ, затребованныхъ отъ Порты въ началѣ засѣданій константинопольской конференціи, но даже не должны держаться смягченныхъ требованій, предъявленныхъ, въ видѣ ультиматума, на восьмомъ засѣданіи конференціи: ихъ задача—выработать нѣчто среднее между этимъ „résumé mitigé“ европейскихъ требованій съ турецкимъ „закономъ о вилайетахъ“. Когда обнаружилась невозможность вернуть Румелію на положеніе „обыкновеннаго вилайета“, тотъ же делегатъ, въ мартовскомъ засѣданіи (1879 г.), говорилъ (по поводу русскаго требованія—объ утвержденіи епископовъ генералъ-губернаторомъ, вмѣсто султана): „не слѣдуетъ дѣлать невыносимымъ положеніе болгаръ и заставлять ихъ искать выхода въ революціи; не слѣдуетъ усиливать тенденціи къ соединенію Восточной Румеліи съ княжествомъ Болгаріей; поэтому, въ данномъ случаѣ коммиссія должна удовлетворять законному и основательному желанію страны“.

Эти слова какъ нельзя лучше характеризуютъ то настроеніе коммиссіи, съ которымъ она выработывала органическій уставъ Восточной Румеліи. Необходимость предотвратить возвращеніе турецкаго произвола, съ одной стороны; страхъ Россіи и революціи—съ другой; желаніе создать систему либеральныхъ учрежденій и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣріе къ демократическимъ элементамъ страны; сознательно поставленная цѣль—дать перевѣсъ въ будущемъ управленіи зажиточному классу и въ немъ искать опоры противъ русскаго вліянія,—таковы были мотивы, диктовавшіе румелійской коммиссіи ея рѣшенія.

Для насъ эти рѣшенія, какъ сказано выше, имѣютъ важное значеніе, такъ какъ выработанный коммиссіей румелійскій уставъ положенъ былъ въ основаніе закона, выработаннаго Портой для остальныхъ провинцій европейской Турціи, во исполненіе XXIII статьи Берлинскаго трактата [1]). Уже въ первыхъ засѣданіяхъ

[1]) Это имѣлось въ виду, еще до начала засѣданій коммиссіи, графомъ Андраши, и было (неоффиціально) обѣщано въ концѣ ея засѣданій турецкимъ делегатомъ, Ассимъ-пашой. Turkey, № 9, I, стр. 10; II, стр. 974.

румелійской коммиссіи русскій делегатъ напомнилъ Портѣ о необходимости исполнить эту статью, а его европейскіе коллеги дали понять Портѣ, что коммиссія не можетъ считать своей задачи исчерпанной, пока не будетъ представленъ на ея разсмотрѣніе проектъ административной автономіи для европейскихъ провинцій Турціи [1]). Повидимому, эти напоминанія произвели впечатлѣніе на оттоманское правительство; по крайней мѣрѣ тотчасъ послѣ того (въ декабрѣ 1878) Порта созвала одну изъ областныхъ коммиссій, именно въ Салоникахъ, и представила на ея разсмотрѣніе приготовленный ею проектъ новаго закона о вилайетахъ европейской Турціи. Эта мѣра, однако, уже была нарушеніемъ порядка, опредѣленнаго XXIII статьей Берлинскаго договора. По этой статьѣ — составить проектъ закона должны были сами областныя коммиссіи. Другимъ нарушеніемъ былъ составъ коммиссіи. По той же статьѣ, „широкое участіе" должно было быть дано въ коммиссіи „туземному элементу" (см. выше). Между тѣмъ, какъ видно изъ жалобы населенія Велесской казы, „по приказанію вали, эта коммиссія была составлена исключительно изъ чиновниковъ-грековъ и евреевъ, безъ всякаго вниманія къ нравамъ и интересамъ болгарскаго населенія, составляющаго большинство въ вилайетѣ" [2]). Протоколы же салоникской коммисіи показываютъ, что и греки съ евреями, —т.-е. представители огромнаго большинства населенія *самого города* Салоникъ,— совершенно стушевывались въ засѣданіяхъ передъ чиновничьимъ турецкимъ элементомъ. Греческій митрополитъ, послѣ неудачной попытки доставить греческому языку равныя права съ турецкимъ въ реформируемыхъ учрежденіяхъ, пересталъ бывать въ засѣданіяхъ, подъ предлогомъ нездоровья. Немногія сколько-нибудь серьезныя замѣчанія коммиссіи на правительственный проектъ всѣ сводятся къ ревнивой охранѣ мѣстнымъ чиновничествомъ своей—очень скромной, впрочемъ,—доли самостоятельности передъ константинопольскими властями. Въ первыхъ шести засѣданіяхъ, салоникская коммиссія разсмотрѣла часть проекта, составленную по только-что изготовленнымъ тогда проектамъ румелійской коммиссіи (статьи 1 — 116). Можетъ быть, только эта часть и была тогда прислана въ Салоники; какъ бы то ни было, послѣ того коммиссія не собиралась цѣлый годъ, до де-

[1]) Turkey, № 9, I, 79—81, 97, 372.

[2]) Turkey № 15 (1880) Correspondence respecting the new law for the european provinces of Turkey. Part I, 28.

кабря 1879 года. Затѣмъ онъ вдругъ пробуждается, собирается еще четырнадцать разъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ (12-го декабря—12-го февраля), доканчиваетъ обсужденіе остальныхъ статей (117—449) и еще разъ пересматриваетъ весь законопроектъ. Очевидно, Портѣ опять понадобилось спѣшить съ окончаніемъ новаго закона [1].

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ протоколовъ другихъ мѣстныхъ коммиссій, собранныхъ въ центральныхъ городахъ остальныхъ европейскихъ вилайетовъ: Адріанопольскаго, Битольскаго, Коссовскаго и Янинскаго. Имѣются только своды сдѣланныхъ ими на проектъ замѣчаній. За исключеніемъ адріанопольской коммиссіи, самой серьезной изъ всѣхъ, замѣчанія эти совершенно ничтожны, а иногда прямо враждебны реформамъ. Такъ, битольская коммиссія находила, что полиція не нуждается въ спеціальномъ полномочіи отъ судебнаго вѣдомства, чтобы арестовать всякаго, кто ей покажется подозрительнымъ; коссовская требовала отмѣны постановленія, которымъ христіане допускались къ свидѣтельству на судѣ; большинство янинской высказалось противъ требованія, чтобы генералъ-губернаторъ понималъ языкъ области, которою управляетъ, и вообще противъ употребленія туземныхъ языковъ въ прошеніяхъ и судебныхъ документахъ. Въ разрѣзъ съ стремленіемъ реформаторовъ ограничить или даже уничтожить натуральную дорожную повинность, двѣ коммиссіи высказались за то, чтобы не засчитывать въ исполненіе повинности времени, проведеннаго въ дорогѣ или, вообще, потеряннаго. Двѣ коммиссіи находили невозможнымъ оставлять постоянныхъ делегатовъ народнаго представительства безъ жалованья, и, чтобы дать имъ жалованье, предлагали слить постоянный комитетъ провинціальнаго собранія съ административнымъ совѣтомъ при губернаторѣ [2]. Словомъ, чиновническій составъ мѣстныхъ коммиссій былъ бы совершенно несомнѣненъ по характеру ихъ рѣшеній, если бы мы даже не знали этого прямо относительно самыхъ дѣльныхъ изъ нихъ, салоникской и даже адріанопольской. Изъ жалобы грековъ изъ Родоста мы узнаемъ, что и послѣдняя была составлена не изъ выборныхъ отъ населенія, а изъ назначенныхъ губернаторомъ членовъ. Изъ двадцати членовъ ея большинство были чиновники; интересы

---

[1]) Протоколы салоникской коммиссіи, см. въ только-что цитированной „Синей Книгѣ“, Turkey, № 15, I, 109—124.

[2]) Turkey, № 15, II, стр. 226—230.

мѣстнаго населенія представлялись только однимъ членомъ отъ каждаго санджака, вѣроятно болгариномъ, такъ какъ греки жаловались, что интересы ихъ націи, „наиболѣе многочисленной“, вовсе не были приняты во вниманіе [1]). Можетъ быть, присутствіемъ болгарскаго элемента, особенно заинтересованнаго реформами, объясняется и особенная серьезность возраженій, представленныхъ на проектъ адріанопольской коммиссіей и во многихъ случаяхъ принятыхъ во вниманіе европейскими делегатами.

П. Милюковъ.

---

1) Ibid. I, стр. 31.

ВЕСНОЮ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Можетъ быть, въ первую минуту встрѣчи Алексѣя Кирилловича съ Софи судьба не подсказала ни ему, ни ей, своего таинственнаго опредѣленія,—что они созданы другъ для друга,—но все-таки пустынная дорога, на которой они встрѣтились, и блистательный майскій день, проведенный ими вмѣстѣ, вѣроятно, никогда не могли вполнѣ изгладиться изъ ихъ воспоминанія. Досадно спѣшить изо всѣхъ силъ къ парому, пріѣхать—и увидѣть, какъ онъ медленно тащится къ противоположному берегу, и еще не сейчасъ тронется назадъ, а будетъ ожидать „почту", которая неслась, вся окутанная облакомъ пыли, по извилистой столбовой дорогѣ къ той сторонѣ перевоза; эту досаду вполнѣ перечувствовалъ Алексѣй Кирилловичъ. Онъ былъ посланъ изъ министерства на важное, не терпящее замедленія разслѣдованіе, и всякая не вполнѣ необходимая задержка на его пути была очень непріятна; уже и то было ему не по нраву, что дорога къ захолустному уѣздному городку шла только частью почтовымъ трактомъ, частью же проселочною дорогой, такъ что, скрѣпя сердце, ему пришлось нанять „вольнаго" ямщика, хотя, впрочемъ, тотъ и увѣрялъ, что, несмотря на кормежки, доставитъ къ мѣсту скорѣе почтовыхъ.

Впрочемъ, съ другой стороны, Алексѣй Кирилловичъ не прочь былъ отдохнуть отъ ѣзды въ тряскомъ тарантасѣ и покурить; онъ еще никогда не ѣзжалъ на лошадяхъ въ такую дальнюю дорогу и никогда еще такъ не уставалъ; звонъ стоялъ въ его

ушахъ отъ примелькавшагося звука бубенчиковъ и стука колесъ; въ первыя минуты послѣ выхода изъ экипажа его бросало изъ стороны въ сторону, но мало-по-малу онъ обошелся и вздохнулъ свободно. Вмѣстѣ съ нимъ ожидалъ парома на берегу подъѣхавшій раньше его другой экипажъ—помѣщичій рессорный тарантасъ четверкой, съ густыми бѣлыми слоями пыли въ складкахъ откинутаго кузова, съ высочайшими, стариннаго вида колесами и круглыми рессорами. Въ немъ ѣхала Софи, возвращаясь изъ гостей домой, съ бывшей своей гувернанткой, Мартой Филипповной Лебрэ, и въ настоящую минуту спала, убаюканная прелестнымъ утромъ и прохладой рѣки, и полузакрывъ газовымъ шарфомъ голову отъ горячей пыли и отъ комаровъ; ея нѣжно бѣлое лицо съ темными бровями обратило все вниманіе Алексѣя Кирилловича, когда онъ мелькомъ взглянулъ на нее, хотя молодость и красота своей внѣшней стороной мало производили на него впечатлѣнія; но онъ почувствовалъ, что эта встрѣча не должна пройти для него безслѣдно: что-то въ молодомъ обликѣ всего ея существа, въ наивной непринужденности ея позы съ сжатыми на колѣняхъ розоватыми, полупрозрачными руками, непосредственно подсказало ему это.

Марта Филипповна казалась рядомъ съ нею тяжеловѣсной и очень некрасивой, хотя въ ея лицѣ, ровно-красномъ и пухломъ, съ розовымъ теменемъ, просвѣчивающимъ среди жидкихъ свѣтлыхъ волосъ, ничего не было отталкивающаго; кстати сказать, въ немъ не было ничего французскаго; она родилась и выросла въ Россіи и напоминала гораздо болѣе захолустную русскую помѣщицу; но во всѣхъ ея робко суетливыхъ движеніяхъ было непріятное безпокойство.—Вы не спите, Софи?—слышалъ нѣсколько разъ, проходя мимо, Алексѣй Кирилловичъ; но Софи не откликалась, а только нетерпѣливо, несмотря на дремоту, отмахивалась отъ комаровъ, которые не кусали его потому, что онъ, не переставая, курилъ. Онъ почти угадывалъ, почему Лебрэ нужно, чтобы проснулась скорѣе Софи: она, разумѣется, хотѣла обратить вниманіе ея на такого незауряднаго попутчика, какимъ былъ Алексѣй Кирилловичъ.

Не замѣтить его, не то что на захолустной дорогѣ, а въ многолюдномъ и модномъ обществѣ, было, пожалуй, невозможно: онъ былъ очень интересенъ собою. Про него нельзя было сказать, что онъ красивъ, но выразительность въ его смуглыхъ чертахъ, съ пріятнымъ блескомъ въ темныхъ глазахъ, была привлекательнѣе самой красоты. При этомъ—величественный ростъ и ненависть ко всякаго рода аффектаціи; онъ такъ старался, чтобы

обращеніе его было всегда просто, что и не подозрѣвалъ аффектаціи въ самой этой простотѣ. Пріятели его находили, что его портитъ нѣсколько высокомѣрная его улыбка, и хотя она отталкивала друзей среди самыхъ задушевныхъ изліяній, это выраженіе высокомѣрія все-таки къ нему шло. Въ немъ была еще одна непріятная черта для людей, которые ему не нравились: онъ становился съ ними подавляюще любезенъ и умѣлъ доводить до раздраженія, до ненависти этой любезностью.

Кругомъ нихъ было чудно хорошо! Май былъ въ половинѣ, и разливъ рѣки до того великъ, что огромная аллея дубовъ, остатокъ вѣроятно какого-нибудь усадебнаго великолѣпнаго парка, точно росла посреди прозрачной и совершенно голубой воды, и съ тонкой отчетливостью отражалась своими зелеными лапчатыми листьями въ этомъ безконечномъ въ длину, колеблющемся зеркалѣ. За рѣкою было большое село, издали живописно утопавшее въ зелени; въ травѣ, какою она бываетъ только раннею весной, необыкновенно и нарядно зеленой и блестящей, слышенъ былъ непрерывный, разнообразный трескъ; всѣ птицы пѣли, какъ онѣ поютъ только лишь въ это время года; въ кустахъ вербы, на берегу, не переставая, звала подругу птичка, отчаянно и радостно, точно была увѣрена, что, наконецъ, отзовутся на ея зовъ; лошади встряхивали бубенцами, или принимались копытами рыть землю; но всѣ эти отдѣльные звуки только явственнѣе обнаруживали окружающую успокоительную тишину.

Мирнымъ, сладкимъ чувствомъ дышала природа на Алексѣя Кирилловича; онъ видѣлъ во-очію, что она дѣйствительность, а не миѳъ и не розсказни, какъ ему всегда представлялось въ Петербургѣ, несмотря на красоту засыпающихъ въ майскую ночь „Островов“ или Невы; она изумляла его такъ же, какъ изумляла его и Софи,—лучше сказать, его собственный неожиданный интересъ къ этой незнакомой дѣвушкѣ. Когда Лебрэ—она видимо не могла успокоиться—негромкимъ, но внутренно безпокойнымъ голосомъ продолжала звать Софи, ему хотѣлось сказать:—не будите ее, дайте ей отдохнуть, *она такъ еще молода*!..

Но наконецъ Софи проснулась и сѣла, машинально поправила шарфъ на темныхъ волосахъ, раскрыла свои голубые глаза, которые все закрывались сами собой, и изумленно оглядѣлась кругомъ, уловивъ непривычно жеманный тонъ въ голосѣ Марты Филипповны, что-то лепетавшей. Глаза ея встрѣтились со взглядомъ Алексѣя Кирилловича; неожиданность или, можетъ быть, показавшаяся ей излишнею смѣлость въ его смугломъ лицѣ,—все это ей не понравилось; она выпрямилась и взглянула на него

съ достоинствомъ, можно бы сказать, съ надменностью, еслибы она сама не была такъ прелестно, такъ наивно молода; это чуть замѣтное, но очень понятное движеніе своимъ чистосердечіемъ удивительно ему понравилось. Софи ничего не стала дѣлать, чего онъ ожидалъ отъ нея; она не заговорила быстро и съ самостоятельнымъ оригинальничаньемъ, которыми щеголяютъ теперь свѣтскія дѣвушки, не стала граціозно и безпокойно двигать головой и смѣяться на каждомъ словѣ, а сидѣла молча, сохраняя слегка задумчивый и гордый видъ, и Алексѣй Кирилловичъ рѣшилъ непремѣнно заговорить и познакомиться съ нею.

Между тѣмъ, пока лошади стояли на мѣстѣ, язва майскихъ дней—слѣпни—ужасно ихъ мучили. Особенно доставалось помѣщичьимъ лошадямъ; Алексѣй Кирилловичъ, прохаживаясь вдоль по берегу, видѣлъ, какъ ямщикъ старался защитить своихъ; онъ то лѣниво обмахивалъ ихъ огромной вѣткой, то давилъ слѣпней прямо на крупахъ лошадей рукою... Но кучеръ Софи и не помышлялъ о прекрасно выхоленныхъ помѣщичьихъ лошадяхъ; цѣлыми кучами впивались въ нихъ эти назойливыя твари и кусали пребольно, отчего бѣдныя животныя не могли стоять на мѣстѣ, тщетно обмахиваясь хвостами, переступая съ ноги на ногу и встряхиваясь.

— Антонъ!—вдругъ тревожно сказала Софи; коренника потянуло къ водѣ, а спускъ, грубо вымощенный, былъ довольно крутъ.—Антонъ, ты тутъ?—повторила Софи, стараясь не обращать вниманія ни на что постороннее и высунувъ голову изъ экипажа, чтобы увидать, гдѣ кучеръ.

— Антонъ! — съ внутреннимъ раздраженіемъ, но на видъ смиренно, крикнула и Лебрэ; темя ея покраснѣло, точно вдругъ налилось кровью. Но вмѣсто Антона, который въ отдаленіи, сдвинувъ на затылокъ шляпу съ павлиньими перьями и щеголяя пестрымъ кушакомъ, зубоскалилъ,—какъ ни въ чемъ не бывало, передъ лошадьми сталъ Алексѣй Кирилловичъ.

— Позвольте мнѣ послужить вамъ, вмѣсто Антона,—сказалъ онъ, точно прося о милости, улыбнулся и снялъ шляпу; а Софи, вспыхнувъ неожиданно для себя, поблагодарила его съ чистосердечнымъ достоинствомъ, которое такъ шло къ ней. Такимъ образомъ завязалось знакомство, и, мало-по-малу, они разговорились. Алексѣй Кирилловичъ узналъ, что Софи было очень весело въ гостяхъ, что она живетъ съ матерью въ деревнѣ, откуда никогда не выѣзжала, и съ блаженствомъ ждетъ того счастливаго дня, когда ей придется „вступить въ свѣтъ“. Въ это время паромъ беззвучно отдѣлился отъ противоположной

пристани, вмѣстѣ съ почтовымъ тарантасомъ и какой-то одинокой бабой, въ унылой неподвижности сидѣвшей на своей телѣгѣ; ярко-розовое ея платье красиво бросалось въ глаза среди зелени и голубой воды. Черезъ нѣсколько минутъ звякнулъ причалъ, бросили сходни, загородку вытащили, и застоявшаяся почтовая тройка взвилась по пригорку, гулко затарахтѣвъ по крупной мостовой; за ней трусила телѣга съ розовой бабой. Тутъ къ своимъ лошадямъ вернулся и Антонъ, являя необыкновенную услужливость и усердіе. Грудью стараясь удержать четверку отъ большого натиска, онъ сталъ осторожно сводить лошадей подъ гору, а Алексѣй Кирилловичъ шелъ рядомъ и думалъ, что лучше нѣтъ кокетства, какъ выраженіе въ лицѣ Софи—невольнаго удивленія передъ *его* превосходствомъ, наивнаго удовольствія и вмѣстѣ съ тѣмъ гордаго вниманія.

Теченіе Чолжи, которая славится своими порогами, верстъ на 60 ниже, въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно тихо, и тихо скользилъ паромъ по ней, изрѣдка шлепая своимъ толстымъ канатомъ, причемъ оставался долгій слѣдъ, и внезапно раскрывалась глубина рѣки, точно изнутри освѣщенной солнцемъ. Веселый народъ—паромщики,—ихъ было только двое, но принимали участіе всѣ прохожіе и кучера,—безъ всякаго напряженія тянули бичеву, и откуда брались у нихъ разговоры,—точно они не все еще успѣли переговорить между собой. Удальцы, даже оборотясь къ скобкѣ спиною, дѣлали свое дѣло и тутъ же приплясывали босыми ногами.

II.

Когда они выѣхали на берегъ, миновали красивое село и скоро покатили по просырѣвшему мѣстами ярко желтому песку дороги, —Софи и Марта Филипповна долго молчали. Софи не могла бы опредѣлить, чѣмъ именно понравился ей Алексѣй Кирилловичъ, но она еще никогда не встрѣчала человѣка такого изящнаго, точно внѣшняя его безукоризненность была дѣйствительно частью его существа и онъ самъ не дѣлалъ для нея никакого усилія. Онъ, кажется, родился съ этими привычками чистоты, хорошихъ одеждъ и обстановки человѣка, *какимъ слѣдуетъ быть.* Онъ весело разсмѣялся на какое-то замѣчаніе Софи, и вотъ удивилась бы она, если бы поняла, что этотъ веселый смѣхъ, съ легкимъ кивкомъ головы и блескомъ темныхъ глазъ, нисколько не изобличалъ веселости—это было давно усвоенною привычкой. Въ во-

ображеніи Софи все представлялась та минута, когда Алексѣй Кирилловичъ, при первыхъ ея словахъ, снялъ шляпу и низко держалъ ее все время, пока она говорила, какъ онъ учтиво повернулся въ сторону Лебрэ, сдѣлавшей какое-то замѣчаніе, и внимательно слушалъ ее... Слушать, что скажетъ Марта Филипповна, когда она никогда не произносила ничего сколько-нибудь занимательнаго или даже опредѣленнаго—это и радовало Софи за гувернантку, и было въ ея глазахъ доказательствомъ необыкновенной доброты въ мужчинѣ.

— Хотѣлось бы мнѣ, чтобы мамаша была съ нами! — сказала она, а Лебрэ, вѣроятно понявъ тайный смыслъ этихъ словъ, отозвалась такъ на это:

— Но все-таки мнѣ кажется, Софи, что пригласить его сразу неловко—вы не дѣлайте этого!

Софи молча отвернулась. Она давно знала, что ея гувернанткѣ не понять таинственныхъ и неопредѣленныхъ причинъ, которыя внезапно могутъ измѣнить нашу точку зрѣнія и позволить что-нибудь необыкновенное. Вѣдь Лебрэ не понимала даже стиховъ, которые такъ безумно любила Софи.—„Если не пригласить теперь,—когда же мы встрѣтимся? не раньше Петербурга“, —подумала она.

Она сняла съ головы шарфъ, потому что и въ немъ было очень жарко. Это былъ одинъ изъ ясныхъ, ранне-весеннихъ дней, когда ночи и утра очень холодны, а послѣ полудня ярко и знойно печетъ солнце. Путешествіе всегда восхищало Софи своими подробностями; она очень любила скорую ѣзду на своихъ выносливыхъ лошадяхъ, любила темныя ели съ ярко-зелеными кончиками вѣтокъ, все разнообразіе красокъ въ лѣсу, его острый и тонкій ароматъ, и вообще весь темный для многихъ, но для Софи неотразимо очаровательный языкъ природы; даже мошки и комары не нарушали ея наслажденія; она любила самую пыль, которая при движеніи неслась ей въ лицо. Чолжа осталась далеко отъ нихъ влѣво, и изрѣдка, при поворотахъ, они ѣхали вдоль ея рукава съ какимъ-то очень мудренымъ названіемъ; во всю его ширину были тѣсно накиданы большія бревна. Алексѣй Кирилловичъ даже не подозрѣвалъ о такомъ сплавѣ лѣса. Ямщикъ его, вялый парень, наморщивъ лобъ и изо всѣхъ силъ соображая о чемъ-то, наконецъ объяснилъ ему, что весной, когда вода большая, въ ихъ мѣстности часто такъ сплавляютъ лѣсъ — не таскать же къ далекому жилью по одному бревну, а перевозить лошадьми—лошади въ эту пору самому очень дороги.

Алексѣй Кирилловичъ былъ еще молодъ, ему не было и тридцати лѣтъ, но онъ привыкъ уже къ однообразному, безплодному и шумному разнообразію, какимъ была его свѣтская жизнь— изобиліе столичныхъ впечатлѣній дробитъ и разсѣиваетъ болѣе или менѣе поверхностную душу. Мысль, что все не то, все не такъ, какъ надо, хотя онъ не могъ бы сказать, кàкъ и чтò именно надо, утвердилась въ немъ и даже иногда его утѣшала. Но бываютъ же минуты, когда потребность въ высшихъ и лучшихъ наслажденіяхъ стучится въ сердце, и какъ ни рѣдко являлись годъ отъ году такія мгновенія въ жизни Алексѣя Кирилловича, онъ иногда тяжело чувствовалъ въ себѣ ихъ смутное роптанье.

Всѣ вѣчныя загадки, которыя по временамъ глубоко всколыхнутъ человѣчество — мысли о смерти и загробной жизни, о цѣли жизни земной — были ему почти чужды; у него не было матеріала, чтобы о нихъ думать; и если онъ томился сомнѣніями, то выхода изъ нихъ не находилъ, но о любви и онъ грезилъ когда-то, и неопредѣленно, хотя страстно желалъ себѣ счастія.

Въ настоящую минуту безсознательное ощущеніе природы бросило въ его душу чувство правды; ему захотѣлось пожить, какъ живутъ другіе, вдохновеніемъ и радостью, согрѣться теплыми мечтами, полюбить... Онъ часто встрѣчалъ въ женщинахъ изящество, поэтическое настроеніе, красоту и даже умъ; но стоило выглянуть изъ всего этого какой-нибудь чертѣ современности— самостоятельности и самомнѣнію, дѣловитости или разсчету—и очарованіе, еще не закрѣпленное, разрушалось. Онъ былъ способенъ холодно отвернуться отъ прелестной дѣвушки, которую встрѣтилъ бы въ банкѣ, съ озабоченнымъ видомъ спѣшащую по пыльнымъ корридорамъ, или даже въ Публичной Библіотекѣ за сосредоточеннымъ чтеніемъ книги. Его называли „человѣкомъ съ предразсудками“, и такимъ онъ и былъ; однимъ изъ его предразсудковъ была упрямая мечта о неопредѣленномъ женственномъ образѣ съ граціозной гибкостью танцующемъ томный вальсъ и похожемъ на старинныя, благородныя изображенія гравюръ. Софи была очень похожа на эту его мечту,—ей недоставало только локоновъ на вискахъ и блондоваго воротничка, чтобы походить на кроткіе образы прошлаго. Только въ свѣжую пору первой молодости можно обладать такой прозрачностью гладко натянутой на лицѣ кожи, какъ у Софи, и такими блестящими глазами. Это былъ расцвѣтъ дѣвичества, въ ея наружности не было уже ничего дѣтскаго, но ея черты еще не вполнѣ опредѣлились, и въ нихъ была одна идея, одно обѣщаніе будущей

блистательной и законченной красоты, которая, нѣсколько лѣтъ спустя, побѣдоносно кружила молодыя и старыя головы.

И на Алексѣя Кирилловича, пока онъ ѣхалъ за ея экипажемъ, все окружающее дѣйствовало успокоительнѣе ароматическихъ ваннъ, которыя онъ сталъ-было принимать по совѣту докторовъ; у него было на душѣ просто хорошо, безъ всякаго объясненія и повода. Видно, помимо самого человѣка, потребность въ восторгахъ лежитъ глубоко въ немъ; не даромъ появившаяся недавно въ ихъ кружкѣ прелестная Элли Бѣличева радовалась находкѣ папирусовъ, не имѣя другого предлога для радости.

III.

Переѣздъ отъ парома до постоялаго двора, гдѣ имъ предстояло вмѣстѣ кормить лошадей, былъ немного больше десяти верстъ, и ямщикъ постарался—тарантасъ Алексѣя Кирилловича подъѣхалъ почти въ одно время съ Софи. Скоро „постоялый дворъ" станетъ уже преданіемъ, разукрашеннымъ брезгливостью и скукой при воспоминаніяхъ о долгихъ кормежкахъ. Но Софи любила его смиренную поэзію,—несложную и дѣловитую жизнь хозяевъ, оживленную частыми пріѣздами сѣдоковъ, любила красный уголъ съ темными образами, теплый запахъ ржаного хлѣба, большія выбѣленныя лежанки, лавки вдоль стѣнъ по старинному съ балясами и маленькія окна съ однимъ и тѣмъ же незатѣйливымъ видомъ на безпредѣльныя, спокойныя зеленыя пространства, какую-нибудь свѣтлую рѣчку, опушенную лознякомъ, на ниву, или розовыя пятна гречихи и голубыя—льна; любила привѣтливые разговоры съ хозяевами между дѣломъ, робкое и веселое любопытство ребятишекъ, или неожиданныя знакомства при встрѣчахъ, почти всегда занимательныя, потому что дорога такого рода располагаетъ къ задушевности и снисходительности. Нашу свободную природу любила она, какъ и сознаніе своихъ правъ въ дорогѣ: остановиться, гдѣ угодно, пить чай или ужинать—сколько угодно времени; даже „калитки" изъ ржаной муки съ творогомъ—все, все это любила Софи... Зато Алексѣй Кирилловичъ, не безъ замѣтной брезгливости, вошелъ въ только-что срубленную, еще не обшитую тесомъ, высокую избу съ запахомъ еще не просохшаго какъ слѣдуетъ смолистаго дерева и со свѣтлыми окошечками, выходящими на прозрачную и тихую рѣчку; въ ней въ этотъ часъ мальчишка лѣтъ 10-ти купалъ лошадей, сидя верхомъ на одной изъ нихъ и пришпоривая ея бока бо-

сыми ногами. Софи могла бы поручиться за опрятность нашихъ сѣверныхъ крестьянъ; она близко принимала къ сердцу ихъ жизнь и знала, что каждую субботу они моютъ до-чиста полы, непремѣнно разъ въ недѣлю ходятъ въ баню и смотрятъ на клоповъ (по крайней мѣрѣ, на постоялыхъ дворахъ) какъ на несчастіе. Но Алексѣй Кирилловичъ не зналъ этого и долго не могъ найти глазами, куда бы повѣсить свое модное темно-синее пальто. Одна только мысль, что въ горницѣ съ широкой одностворчатой дверью, куда вошли они, появится клопъ или тараканъ — приводила его въ содроганіе. И онъ подозрительно поглядывалъ на мохъ, которымъ были законопачены пазы въ стѣнахъ, и на бумажныя лубочныя картины, щедро развѣшанныя въ углу, которыя колебались отъ движенія воздуха и шуршали. Софи же чувствовала себя здѣсь очень хорошо. Безъ всякаго отвращенія, въ ожиданіи чая, сѣла она на большой волосяной диванъ, стоявшій въ углу—роскошь, которая мало-по-малу проникаетъ и въ захолустныя избы крестьянъ.

При ихъ входѣ, изъ сосѣдней узкой хозяйской горницы выглянуло серьезное, даже важное лицо немолодой дородной хозяйки; она читала что-то у высокаго столика въ родѣ аналоя, сняла очки и вышла съ ними поздороваться.

— Ужѣ здравствуйте, мои задушевные, какъ васъ Господь милуетъ!—тотчасъ же раздался за нею слащаво веселый голосъ, и небольшого роста старушка, вся въ черномъ, въ черномъ платкѣ до самыхъ бровей, словно выплыла изъ-за высокой фигуры хозяйки, раскрывая для объятія руки.

— Еввушка, какими судьбами? Откуда сюда попала? — въ одинъ голосъ сказали Софи и Марта Филипповна.

— Отъ Александра Свирскаго, мои пріятныя, прямёхонько отъ него, батюшки, — говорила она такимъ тономъ, поочередно цѣлуясь съ барынями, точно это извѣстіе непремѣнно должно было ихъ обрадовать.

— А это, бывать, Николаюшка?—сказала она еще, всматриваясь изъ-подъ руки въ Алексѣя Кирилловича и слегка потянулась къ нему, такъ что онъ пришелъ въ ужасъ, не вздумала бы и его она поцѣловать.

— Обозналася, батюшка, сама вижу, что обозналася,—прервала она объясненіе Софи, что это незнакомый попутчикъ:—нонечь-то, вѣдаешь, совсѣмъ глаза слабы стали...

„Онъ властолюбивъ, но это идетъ къ нему!—подумала про Алексѣя Кирилловича Софи, увидавъ на его лицѣ надменную брезгливость, пока онъ ждалъ конца долгихъ объясненій стран-

ницы. Къ этой „низшей братіи“ у него было нелицемѣрное предубѣжденіе.

Софи внутренно радовалась, когда онъ удостоилъ согласиться пообѣдать съ ними всѣми ихъ обильными и вкусными дорожными запасами; а съ нимъ не было ничего, и онъ по неволѣ хорошо помнилъ, что, кромѣ наскоро съѣденнаго завтрака на желѣзной дорогѣ, онъ ничего не ѣлъ со вчерашняго вечера; ему и въ голову не приходило, что кромѣ чаю и сигаръ надо чѣмъ-нибудь запасаться въ дорогу, гдѣ всѣ снѣди должны быть свѣжи и неподдѣльны; Софи волновалась, когда, угощая его, какъ хозяйка, и наливая ему чай, она вмѣсто наивно-гордаго достоинства, чувствовала въ своихъ движеніяхъ неловкость и неувѣренность, и лицо ея пламенѣло, когда благоухающая прохлада волной вливалась въ маленькое открытое окно и колебала выбившіяся пряди ея темныхъ волосъ.

Алексѣй же Кирилловичъ еще нынѣшнимъ утромъ пришелъ бы въ горькій ужасъ, узнавъ, что ему придется провести нѣсколько часовъ на жесткой скамейкѣ съ балясами, пользоваться гостепріимствомъ незнакомыхъ провинціальныхъ дамъ, и, получивъ позволеніе курить, сбрасывать пепелъ прямо на некрашенный, шершавый отъ постояннаго мытья полъ; что низкій потолокъ надъ его головой, точно живой, будетъ весь шевелиться роями мухъ, что богомолка изъ угла за лежанкой будетъ наблюдать за нимъ, съ сонливой и добродушной покорностью ожидая свою чашку чаю; что молодой хозяинъ, отпустивъ ржаного хлѣба пополамъ съ овсомъ для лошадей, придетъ въ горницу, не спрашивая ни у кого позволенія, босой, но распомаженный и расчесанный, едва кивнетъ головою, сядетъ на волосяной диванъ, заложивъ босыя ноги одну на другую, и станетъ свертывать папироску, зорко и осмысленно на всѣхъ поглядывая, — о, хорошо, что онъ не предвкушалъ всего этого!.. Но зато теперь онъ почти не замѣчалъ ничего и остроумно и оживленно разсказывалъ своимъ протяжнымъ и звучнымъ голосомъ, поперемѣнно блестя темными глазами, то на Лебрэ, то на Софи, хотя компаньонка Софи казалась ему не только лишней, но нестерпимо надоѣдающей, — она постоянно томилась стыдливымъ и смиреннымъ желаніемъ обратить вниманіе на то, что она чувствуетъ или чѣмъ она въ эту минуту озабочена. „Куда это я положила щипчики?“ — напримѣръ, шепчетъ она, а потомъ искоса взглянетъ на Алексѣя Кирилловича, точно умоляя его не утруждать себя, не искать эти щипчики, хотя онъ и не помышляетъ объ этомъ въ увлеченіи своимъ разсказомъ о зимнихъ, такъ назы-

ваемыхъ „маленькихъ балахъ". По его мнѣнію, Софи вполнѣ стоило разсказывать о такихъ балахъ,—она слушала его съ такимъ восторгомъ и довѣріемъ, она такъ непохожа была ни на одну изъ знакомыхъ ему дѣвушекъ въ свѣтѣ, съ ихъ лукавой неискренностью и несвоевременнымъ знаніемъ, а главное, безъ всякой заботы, вѣрятъ ли имъ или нѣтъ, когда онѣ говорятъ. И во всемъ, что̀ окружало Софи, въ дорогихъ дорожныхъ вещахъ ея, отдѣлкѣ ея платья и манерахъ, въ обращеніи ея со всѣми, видно было, что эта дѣвушка—изъ лучшаго провинціальнаго общества, съ дѣтства привыкшая знать, что ихъ домъ—первый въ уѣздѣ.

Алексѣй Кирилловичъ сталъ подумывать, какъ бы вызвать Софи на воздухъ, чтобы избавиться отъ Лебрэ, отъ богомолки и отъ двухъ новыхъ посѣтителей, которые, разморенные дорогой, вошли-было въ горницу съ шумомъ, о чемъ-то споря, но, увидавъ Софи—на Алексѣя Кирилловича они не очень обратили бы вниманіе,—слегка поклонились, проговоривъ: „здравствуйте-съ!", и сѣли въ сторонкѣ, хриплымъ полуголосомъ продолжая свой споръ. По виду и по разговору это были лѣсные подрядчики, въ полупальто и яркихъ шарфахъ, и съ сознаніемъ толсто набитой сумы. —„А онъ, Иванъ-то Петровичъ, знать, тоже гонитъ?"—„Эво! не гонитъ, да у его народу-то съ полтыщи наберется".—„Гдѣ полтыщи!.." и т. д.—говорили они. Увидавъ папиросу въ рукахъ Алексѣя Кирилловича, они закурили свои, потребовали самоваръ, и въ горницѣ стало даже мухамъ жарко,—тучами полетѣли онѣ съ потолка на ѣду... Алексѣй Кирилловичъ съ злораднымъ нетерпѣніемъ видѣлъ, что Лебрэ теперь не можетъ идти за ними—такъ много еще ей приходилось убирать столоваго бѣлья, посуды и кушаній въ дорожные баулы,—кстати сказать, всякія такія хозяйственныя дѣла дѣйствовали еще болѣе ему на нервы.

Маленькій хозяйскій сынокъ, еще не умѣющій ходить, съ ревомъ приползъ изъ сѣней, въ одной розовой рубашонкѣ, подоткнутой со всѣхъ сторонъ за поясъ, размазывая грязь и слезы по своему совершенно круглому и хорошенькому лицу. Софи хотѣла-было приласкать его, она нагнулась надъ нимъ,—причемъ Алексѣй Кирилловичъ увидалъ, какія у нея длинныя и чудесныя косы,—но вѣроятно ревущій крѣпышъ показался и ей настолько грязенъ, что она отстранилась и быстро отошла отъ него. Строгая хозяйка, не измѣняя своего важнаго вида и не успѣвъ снять очки, пришла на ревъ внука и унесла его; онъ скоро затихъ. Алексѣй Кирилловичъ успѣлъ увидать въ его

сжатой ручонкѣ обмусленную корку хлѣба и отставилъ свою чашку, не будучи въ состояніи проглотить куска.

Однако судьба сжалилась надъ Алексѣемъ Кирилловичемъ; какъ-то такъ устроилось, что скоро онъ вмѣстѣ съ Софи очутился на чисто выструганныхъ ступенькахъ новаго крыльца, ведущаго въ низъ избы, еще не отдѣланный. Это крыльцо было все закрыто досками, чтобы его не грязнили сапогами; теперь ихъ поспѣшили убрать. И—кто бы могъ ожидать этого отъ Алексѣя Кирилловича!—съ неизвѣстной ему раньше нѣжностью, задрожавшей на самомъ днѣ его души, онъ старался устроить Софи какъ можно лучше, принесъ—самъ принесъ!—кожаныя подушки и коврикъ изъ тарантаса и помѣстился на ступенькахъ почти у ногъ ея, волнуясь неожиданными чувствами и безотчетной радостью. Въ его манерѣ даже молчаливаго обращенія къ женщинамъ, Богъ вѣсть почему, было такое выраженіе преклоненія и вмѣстѣ сознанія своего права на это, что еще ни одна на него не сердилась! Софи принимала его услуги безъ удивленія и безъ жеманства,—по ея мнѣнію, люди, подобные Алексѣю Кирилловичу, „настоящіе джентльмены“,—всегда рыцари.

Въ этотъ день былъ праздникъ. Въ деревнѣ все, что̀ было живого, было на улицѣ; свѣжая мурава зеленѣла на каждомъ свободномъ мѣстѣ; недавно распустившіеся, еще липкіе яркіе листочки молодыхъ березокъ шумѣли веселымъ лепетомъ. Пятна шелухи отъ сѣмечекъ—около пестрыхъ группъ людей, размѣстившихся на заваленкахъ, бревнахъ, у воротъ; ребятишки облѣпили качели; въ одномъ углу пытались водить хороводы, и бойкій парень уже постукивалъ каблукомъ; разумѣется, гармоника, визгливое запѣваніе и взрывы смѣха. И надъ всей этой красивой, оживленной, шумной картиной, нѣжно розовая заря раскидалась по небу прозрачными пятнами.

О чемъ говорили Алексѣй Кирилловичъ съ Софи? Трудно сказать, на чемъ останавливался этотъ разнообразный, летучій, увлеченный разговоръ? Только отъ книгъ его искусно отвелъ Алексѣй Кирилловичъ; онъ читалъ больше своихъ товарищей, но и про него далеко нельзя было бы сказать, что онъ „изсушилъ умъ наукою безплодной“, а по части книгъ Софи была даже сильнѣе его; она читала съ выборомъ и толкомъ и, повидимому, очень много для ея лѣтъ, но все такія книги, о которыхъ ему было бы скучно говорить.

— Я хочу вамъ предложить одинъ вопросъ,—съ внезапной „дерзостью души“, сказалъ Алексѣй Кирилловичъ, устраиваясь поудобнѣе на ступенькахъ крыльца, отъ которыхъ пріятно пахло

сырымъ деревомъ:—хотя это довольно странный вопросъ для перваго дня знакомства, но вы можете не отвѣчать,—прибавилъ онъ съ высокомѣрной небрежностью:—вы любили когда-нибудь? Николаюшку, о которомъ сказала старуха?

Несмотря на пріятное настроеніе,—случайное упоминаніе о томъ, что кто-то можетъ быть похожъ на него и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть близокъ къ Софи, довольно чувствительно его задѣвало.

— *То* было не любовь,—сказала поспѣшно Софи, стремясь какъ можно точнѣе сказать всю правду и не сознавая, на что это нужно и почему она должна отвѣчать.

Ему хотѣлось разспросить ее подробнѣе и яснѣе, но кроткая и медленная важность ея манеръ удержала его.

— Развѣ вамъ скучно дома?—протяжно сказалъ онъ, любуясь ею, когда она, видимо стараясь не утаить ничего, принялась ему разсказывать о своемъ старомъ домѣ, о томъ, какъ полонъ ея день, какъ ее любятъ и ласкаютъ всѣ, и что ей жаль было бы оставить деревню навсегда, хотя она мечтаетъ о поѣздкѣ на зиму въ Петербургъ, чтобы, какъ она наивно сказала, „извѣдать жизни вполнѣ“.

— Но чтò же васъ влечетъ въ Петербургъ,—вы говорите, что въ деревнѣ хорошо?—спросилъ онъ, задумчиво глядя на нее: —отъ вашей тихой жизни въ нашу не живую?

— Поближе къ свѣту,—сказала она простодушно и, внезапно покраснѣвъ, замолчала и вздохнула. Алексѣй Кирилловичъ и замѣтилъ, и понялъ замѣшательство, отразившееся на ея лицѣ —ея прозрачные глаза говорили и краснорѣчивѣе, и подробнѣе словъ. Одиночество деревенской жизни представилось ему... отсутствіе партіи... скучные сосѣди... Софи такъ очевидно готовили не для самостоятельнаго труда, не для широкой, развитой жизни, какъ ее понимаетъ большинство, а только для одного замужества. Можетъ быть, были кое-какіе достатки и внушали мечты о сказочномъ принцѣ. Но, несмотря на это, какъ мила ему она казалась со своей безсознательной граціей и нѣжнымъ очарованіемъ!

— Прежде, чѣмъ вы успѣете узнать этотъ свѣтъ, вамъ придется выйти замужъ,—сказалъ Алексѣй Кирилловичъ точно въ отвѣтъ на ея затаенныя мысли:—а мужъ вашъ врядъ ли согласится жить въ деревнѣ.

— Если Богъ пошлетъ мнѣ судьбу,—отозвалась Софи, мелькомъ взглянувъ на небо и медленно краснѣя:—я буду жить такъ, какъ захочетъ мой мужъ.

Много знакомыхъ Алексѣю Кирилловичу дѣвушекъ, тоже обаятельныхъ и прелестныхъ, повторили бы то же самое, если бы знали, какъ благородное достоинство, съ которымъ были сказаны эти слова, и одушевленіе въ лицѣ Софи были для него плѣнительны; но преднамѣренности не было въ ней, когда она говорила, и ни ему, ни ей, не казался ихъ разговоръ ни страннымъ, ни рискованнымъ... И какой злой духъ подсказывалъ ему слова о темной лжи въ блестящемъ свѣтѣ, о разочарованіяхъ, о невозможности судить о чувствахъ людей, потому что никто не знаетъ правды другъ о другѣ?..

— Софи, не сыро ли вамъ?—вдругъ надъ ними сказалъ жеманный голосъ Лебрэ, и ея красное, круглое лицо появилось въ окнѣ.—Совѣтую вамъ не сидѣть на крыльцѣ!—значительно прибавила она.

— Марта Филипповна, ну, право ничего!..—какъ бы упрашивая оставить ее въ покоѣ, сказала Софи и не могла скрыть своей досады; она покраснѣла оттого, что ей не удалось ее скрыть отъ Алексѣя Кирилловича. Окно захлопнулось.

— Настоящая Марта! — сказалъ онъ на это съ веселымъ нетерпѣніемъ, и когда Софи взглянула на него вопросительно, онъ спросилъ въ свою очередь:—Вы знаете оперу „Faustъ“? или, можетъ быть, только читали?.. И когда она отвѣтила: „Нѣтъ“,—онъ прибавилъ:—Ну вотъ, когда ознакомитесь съ нею, вамъ станетъ ясно, почему Марта Филипповна для меня—настоящая Марта...

Все, что онъ говорилъ затѣмъ, Софи принимала на вѣру, хотя онъ говорилъ то же болѣе или менѣе всѣмъ, кто привлекалъ чѣмъ-нибудь его вниманіе. Софи знала, что можетъ нравиться, ей сдѣлали уже два или три предложенія, и самая внезапность его увлеченія не удивляла ее; она инстинктивно сознавала, что такъ должно быть,—но въ сущности онъ ей говорилъ ужасныя вещи! И она внимательно слушала, глядѣла ему прямо въ глаза, полуоткрывъ ротъ, какъ дѣти; а ему приходила въ голову новая для него мысль—что самое изящное, самое умное и блестящее кокетство не можетъ быть никогда такъ неотразимо привлекательно, какъ невинность!

Она внимала ему, едва переводя дыханіе; все окружающее дышало на нее сознаніемъ полноты жизни въ самыхъ неуловимыхъ ея намекахъ... а его слова—позднѣе онъ самъ сталъ ихъ считать правдой — его привычныя слова были милыми дерзостями, разсчитанными на безнаказанность потому, что онѣ обыкновенно говорятся съ глазу на глазъ и кромѣ того все же нѣсколько ласкаютъ обтерпѣвшееся самолюбіе. Онъ привыкъ, чтобы

и ему отвѣчали тѣмъ же, не вѣря ни его словамъ, ни своимъ. И онъ даже считалъ себя не шутя порядочнымъ человѣкомъ за то, что *только говорилъ*... Но значеніе, которое Софи придавала ихъ разговору, ея внимательный, почти благоговѣйный взоръ, ея довѣрчивость вызывали въ его душѣ все, что̀ было въ ней завѣтнаго, и тревожили, умиляли его несказанно!

— Впрочемъ, я виноватъ, что разочаровываю васъ, не вѣрьте мнѣ!—наконецъ сказалъ онъ съ глубокой нѣжностью:—не вѣрьте, когда я говорю, что жизнь можетъ обмануть ваше ожиданіе... Оставайтесь только такою для будущаго мужа и будущаго счастья...

„Есть, впрочемъ, о комъ хлопотать"!—подумалъ онъ, а она была увѣрена, что онъ говоритъ именно про себя... Онъ замѣтилъ, какъ измѣнилось выраженіе ея вспыхнувшаго лица и съ какой восторженностью смотрѣли ея голубые глаза передъ собой на яркую зелень небольшой трясины; въ ней кое-гдѣ блестѣли лужицы не всосавшейся въ почву весенней воды; въ одной изъ нихъ розовымъ отблескомъ отражалась заря; сыростью и свѣжестью несло оттуда вмѣстѣ съ тонкимъ запахомъ весенней земли и зелени, среди которой всего слышнѣе пахла мята; Софи любила это ощущеніе благовонной влажности при закатѣ солнца.

Алексѣй Кирилловичъ, какъ и большинство людей, которыхъ онъ зналъ, съ неблагодарностью относился къ жизни. Въ ней то, что̀ давалось ему, его не удовлетворяло; а то, чего, какъ онъ думалъ, онъ желалъ—бѣжало отъ него. Но въ присутствіи Софи все тяжелое въ его душѣ—воспоминаніе о долгахъ, неудачахъ, сознаніе глупо истраченной, пустой жизни, тщеславная жажда, не всегда удовлетворенная, отсутствіе интересовъ и оскомина наслажденій—все это смирялось; внутренніе глаза его взглянули проще и яснѣе на то, что̀ ихъ окружало,—и все вмѣстѣ, вмѣстѣ съ ея склонившейся на руку темной головкой, ея гибкимъ, прекраснымъ станомъ, блѣдными, изящными руками и этимъ восторженнымъ взглядомъ—все это было одно поэтическое созвучіе, исполненное не вполнѣ понятнымъ для него, но глубокимъ, чуднымъ значеніемъ. Софи принимала его пристальный и задумавшійся взглядъ за вниманіе къ тому, что̀ она говорила; но она бы страшно огорчилась, если бы узнала, что, внимая ея, какъ ему представлялось, еще безсознательной и живой душѣ, всѣхъ словъ ея онъ не слышалъ! Имъ овладѣло настроеніе, которое люди, даже хорошо его знавшіе, не могли понять. Случалось, что въ разговорѣ какая-нибудь фраза приходилась ему по душѣ; онъ мысленно останавливался на ней, и всѣ слѣдующія слова говорившаго пропадали для него даромъ.

Неожиданные выводы и образы являлись его живому воображенію, и онъ задумывался до неучтивости; то же самое впечатлѣніе могъ произвести на него какой-нибудь видъ; онъ смотрѣлъ вмѣстѣ съ другими на горы, на море, на группу деревьевъ, просто на старый какой-нибудь садъ, и въ его воображеніи рисовалось нѣчто гораздо болѣе исполненное сокровеннаго смысла, чѣмъ для всѣхъ, вмѣстѣ съ нимъ смотрѣвшихъ на то же самое. Такую внезапную задумчивость въ немъ называли „странностью"; но она доставляла ему мгновенія непонятной для другихъ отрады и чуткости, которыя онъ называлъ „языкомъ боговъ". По неволѣ и онъ сживался съ безцѣльностью, ничтожностью и пустотой своей жизни, и такое мимолетное сокровенное прозрѣніе являлось все рѣже и рѣже, и хотя оставляло за собой на нѣкоторое время слѣдъ, но и онъ гаснулъ, и все кругомъ, безъ этого внутренняго свѣта, становилось безотрадно,—даже и не безотрадно, а просто пошло.

Въ миловидномъ лицѣ замолкнувшей Софи долго еще лежалъ отпечатокъ безсознательной нѣжности ко всему живущему, ко всему, что̀ было — не она. Алексѣй Кирилловичъ очнулся отъ своей задумчивости, и мало-по-малу его проникло всего чувство счастія. Можетъ быть, въ первый разъ въ жизни встрѣча съ Софи открыла ему неизвѣстные дотолѣ законы, въ первый разъ онъ понялъ, что упоеніе безмолвнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ нѣжнаго молчанія, взглядовъ, мимолетной улыбки, этого едва сознаваемаго и уже неотвратимаго стремленія другъ къ другу —глубже какого бы то ни было наслажденія... Это были мгновенія, но они преисполнены были чувствомъ любви, и онъ никогда еще не переживалъ ихъ съ такой полностью.

Мимо нихъ проходили два старика въ тактъ гармоникѣ и наотмашь отводили правую руку; красныя ихъ косоворотки смялись у коричневой шеи; оба были очень веселы. Увидавъ господъ, они подтянулись, и одинъ сказалъ съ усмѣшкой про нихъ другому: „молодой-то молодого видитъ издалека". А другой подхватилъ: „Да! что̀ дѣлать-то!"—и, поровнявшись съ крыльцомъ постоялаго двора, они оба съ покорнымъ видомъ поспѣшно стащили съ головъ шапки, точно только-что замѣтили Алексѣя Кирилловича и Софи.

— Неужели ѣхать? Какъ! уже ѣхать?—воскликнули они оба, когда Антонъ пришелъ за подушками, а ямщикъ вывелъ за ворота свою гремящую и звенящую тройку. Тутъ только спохватился Алексѣй Кирилловичъ, что не успѣлъ разспросить хорошенько о дальнѣйшемъ пути.

— Мы ѣдемъ вмѣстѣ? — спросилъ онъ съ озабоченной торопливостью.

— Да, вмѣстѣ почти до самаго парохода, около сорока верстъ, а потомъ разъѣдемся въ разныя стороны.

— Надѣюсь, не надолго!—произнесъ Алексѣй Кирилловичъ съ нѣжностью. Онъ и самъ не зналъ, какъ выговорилъ это; но что-то вдругъ удержало его отъ болѣе опредѣленныхъ словъ, точно онъ внезапно увидалъ раскрывшуюся пропасть будущаго. „Погоди! обдумай! погоди"!—какъ будто посторонній кто-то сказалъ ему, удерживая его отъ гибели; но взглядъ темныхъ глазъ, на мгновеніе приблизившійся къ ея глазамъ, и неотразимо привлекательный голосъ были еще выразительнѣе словъ—и, Боже! какъ прелестна была Софи, когда ея темныя рѣсницы опустились передъ этимъ взглядомъ:—она была вся женственность, вся—чувство!

IV.

Воздухъ замѣтно и быстро остывалъ, когда они опять тронулись въ путь, и первыя нѣсколько верстъ Алексѣй Кирилловичъ еще былъ подъ впечатлѣніемъ послѣдней кормёжки. О томъ, что̀ ожидало его на ревизіи, въ Онѣгинскѣ, онъ не могъ принудить себя думать—онъ только-что постигъ мгновенной неотразимой мыслью, что сущность бытія есть истинная любовь мужчины къ женщинѣ, и былъ настолько еще взволнованъ, что всѣ обыденныя условія и мелочи представлялись ему пустяками безъ значенія. То-и-дѣло ему припоминался образъ милой Софи—ея манера разводить руками и слабо ронять ихъ ладонями вверхъ на ступеньки, на которыхъ она сидѣла; всѣ ея движенія, исполненныя кроткой важности, поворотъ ея головки съ обильными темными волосами, ея большіе голубые глаза, и душа, которая изъ нихъ смотрѣла, полная искренняго невѣдѣнія о сладостныхъ тайнахъ жизни и неяснаго предчувствія ихъ... Если она ничего и не произносила умнаго, то это его не разочаровывало; умъ казался ему такъ жалокъ въ сравненіи съ другими способностями души! Ему припомнилось, съ какимъ выраженіемъ она сказала, что лгать—неестественно, точно ее удивляло, что можно думать иначе; какъ она произнесла: „мой лучшій другъ—мамаша"! и какъ при этомъ посмотрѣла, точно ей хотѣлось прибавить:— „*до сихъ поръ*, а теперь—и вы"!

„Ахъ, какой вздоръ"!—говорилъ онъ себѣ съ чувствомъ никогда еще не испытанной радости; никогда ему еще такъ легко

не дышалось, вечеръ былъ сначала такъ прекрасенъ! Легкое видѣніе, женственно-граціозное, съ длиннымъ прямымъ носикомъ, маленькимъ ртомъ и до прозрачности блестящими глазами было неотступно передъ нимъ. И почему такъ волновало его воображеніе вдругъ представившійся ему образъ Софи, на колѣняхъ, съ поднятымъ къ нему восторженнымъ ея взглядомъ?

Ямщикъ не трогался, и помѣщичій тарантасъ давно скрылся изъ виду на одномъ изъ поворотовъ; но Алексѣй Кирилловичъ не торопилъ его. Напротивъ, ему хотѣлось побыть одному—и странное противорѣчіе! Съ каждой убѣгающей верстой настроеніе его измѣнялось, точно погасающій день, и поднявшаяся свѣжая сырость кругомъ бросала мракъ и холодъ на его душу. Въ отсутствіе Софи, чувство свѣтлой, успокоительной радости его мало-по-малу покинуло; прозрѣніе, это чудное ощущеніе внутренняго свѣта, погасло, погасло безъ слѣда! Что̀ дѣлать! Чѣмъ выше поднималась нѣсколько часовъ тому назадъ его душа, тѣмъ сильнѣе было наступившее затѣмъ недоумѣніе, полное недовѣрія и боязни. „Сказками“, призракомъ, стала ему казаться наединѣ съ самимъ собою одна возможность—даже для другого—такого простого, такого прекраснаго счастія. Слишкомъ ужъ легко оно давалось!

„Какой вздоръ“!—сказалъ онъ себѣ въ совершенно другомъ настроеніи, нѣсколько времени спустя, когда ясно представились ему возможныя послѣдствія сегодняшняго дня:—жениться вдругъ, не помышляя объ этомъ еще вчера—только за нѣжный ея голосъ и за прозрачную красоту! Ничего больше того, что Софи—дочь бывшаго предводителя дворянства, и что отецъ ея умеръ,—не зналъ о ней Алексѣй Кирилловичъ; онъ даже не зналъ ея полнаго имени. Онъ не могъ жениться иначе, какъ взявъ въ приданое за женой большія средства, и погодя—еще, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пять, шесть. Наслѣдственныхъ его доходовъ едва хватало на двѣ-три уютно отдѣланныя комнаты на Исаакіевской площади и на возможность не стѣсняться покупкой свѣжихъ перчатокъ. Да ему и въ голову не приходило еще жениться, и къ тому же еще такъ неожиданно.

„Боже мой! какой ужасъ! какой вздоръ“!—повторялъ онъ, проѣхавъ еще съ десятокъ верстъ, и весьма тяжелое ощущеніе подползало къ его душѣ. Гораздо охотнѣе онъ бы простилъ себѣ какой-нибудь крупный проступокъ, который можно оправдать увлеченіемъ, силой каприза, преобладаніемъ страсти; но это нелѣпое, смѣшное поведеніе:—чуть было не объясниться въ любви, (т.-е. не сдѣлать предложенія) и увѣриться въ ея радостной готовности отвѣчать ему... Люди склонны многое объяснять сло-

вомъ: *судьба*, и успокаиваться на этомъ,—но вѣдь для него судьба въ этомъ смыслѣ была бы приговоромъ...

„Что̀ же дальше“?—спрашивалъ онъ себя съ тоской: — ну, положимъ, познакомиться... бывать — но просто бывать послѣ чувствъ, только-что безмолвно обмѣненныхъ, было бы пошлостью еще худшей, чѣмъ если бы онъ былъ связанъ словомъ въ виду другихъ и задумалъ безъ серьезнаго повода измѣнить ему. Ничего опредѣленнаго какъ будто сказано не было, но онъ понималъ, что это недосказанное уже связывало его, потому именно, что это сказано было Софи.

„Какова еще эта мамаша? — подумалъ онъ: — и каковы ихъ доходы? Что̀ если всѣ они ушли на ея граціозное воспитаніе и на ея наряды? Что̀ если они въ своей глуши рады не только ему, но и всякому жениху? (Точно еслибы ему приходилось бороться съ соперниками, суть дѣла измѣнилась бы отъ этого...) Что̀ если есть еще братцы“?..—И увѣряя себя, что онъ старается критически обсудить вопросъ, Алексѣй Кирилловичъ былъ уже расположенъ критически смотрѣть на самоё Софи и даже осуждать ее.

„Что̀ же мнѣ дѣлать теперь“?—говорилъ онъ, съ разстроеннымъ видомъ глядя на безконечныя, сѣрыя въ вечернемъ освѣщеніи, поля и на яркую зарю въ одномъ мѣстѣ неба; и мысль — не то что объ отступленіи, а о возможно болѣе благородномъ видѣ отступленія—недалека была отъ его сознанія. Онъ не погонялъ ямщика, хотя однообразіе дороги утомляло его сильнѣе тряски—въ немъ мелькала мысль, что хорошо бы пріѣхать слишкомъ поздно... то-есть, среди ночи, и отложить все до завтра, а потомъ... покажетъ время. Хорошо бы не ночевать, а ѣхать дальше, и все предоставить обстоятельствамъ и случаю... Но ямщикъ сказалъ ему, что—„лошади пристали и покормить надо хоть часика два аль три“...

Въ прозрачныхъ озеркахъ гасли мало-по-малу рѣдѣющія облака, зелень на поляхъ стала сѣроватой, и утренняя звѣзда уже вспыхнула въ блѣдномъ зеленомъ небѣ; дорога потемнѣла, точно смоченная дождемъ; по обѣимъ ея сторонамъ клубились бѣлые туманы, и Алексѣй Кирилловичъ не подозрѣвалъ, что они разсѣкаютъ эти туманы, въѣзжая въ самую середину ихъ; однако, онъ чувствовалъ, что сырость прохватываетъ все его пальто; даже ямщикъ досталъ армякъ, на которомъ сидѣлъ, и натянулъ его на себя. Звукъ колокольчиковъ и колесъ такъ примелькался къ уху, что почти не былъ слышенъ, а ясность бѣлой ночи еще усиливала тишину кругомъ. Ахъ, эти бѣлыя ночи! Алексѣй Ки-

риллловичъ, бывало, такой измученной душой смотрѣлъ на нихъ, что онѣ потеряли для него всю свою странную поэзію. Кое-какъ удалось ему не то что задремать сидя, а забыться, закрывая глаза; но при какомъ-нибудь толчкѣ онъ открывалъ ихъ и начиналъ опять слышать мѣрное треньканье колокольчиковъ и стукъ колесъ. Ямщикъ, съ которымъ баринъ не хотѣлъ разговаривать, помахивалъ кнутомъ надъ лошадьми, или, чтобы разогнать дремоту, долго и разнообразно тянулъ все въ одинъ непрерывающійся звукъ безъ словъ, и у него это выходило странно и недурно.

Алексѣй Кирилловичъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о Софи... То ясно представлялось ему, какъ учили ее танцовать въ большой деревенской залѣ, какъ вообще заботливо готовили для свѣта и для „мужа" это всѣми балованное дитя (въ ея манерахъ была мягкость обожаемаго и притомъ добраго созданія). То,—думалось ему,—вотъ она ждетъ и недоумѣваетъ, а его все нѣтъ; она тревожно ждетъ у окна, пока онѣ еще не ушли на ночлегъ, и длинныя косы ея темнѣютъ вдоль платья, и головка задумчиво и гордо склонилась на ея розоватыя руки... Богъ вѣсть, какъ странно сотворенъ человѣкъ! Алексѣй Кирилловичъ готовъ былъ думать о Софи непріязненно, но тѣмъ милѣе ему она казалась, и злыя, тревожныя мысли его были полны нѣжности... Онъ былъ раздраженъ—дорога и сырость утомляли его ужасно, и Софи, быть можетъ, такъ бы его и не увидала, еслибы не совершенно случайная встрѣча. Онъ не могъ бы сказать, кое-какъ прикурнувъ на широкомъ сидѣньѣ большого тарантаса, дремалъ онъ слегка, или грезилъ на яву, какъ вдругъ лошади рванулись съ мѣста и заставили его совершенно очнуться. Угрюмый его ямщикъ, привставъ, орломъ оглядывался вокругъ и тутъ только замѣтилъ Алексѣй Кирилловичъ, сколько удали проснулось въ этомъ молодомъ суровомъ лицѣ.

— Что̀ случилось?—спросилъ онъ не безъ тревоги, услышавъ храпъ и фырканье лошадей; отъ кого-то онъ слышалъ, что вообще эти мѣста не безопасны своими сплошными лѣсами, а они какъ разъ въѣхали въ лѣсъ, густой, темный и шумящій.

— Да, надо быть, медвѣдица тутъ поблизу хряскаетъ... (Лошади такъ и рвались впередъ.)

„Признаюсь, однакожъ, удовольствіе"!—сказалъ-было себѣ Алексѣй Кирилловичъ, но, какъ нарочно, разные случаи встрѣчъ съ медвѣдями дразнили его воображеніе; ему себѣ самому не хотѣлось сознаться, что онъ боится.

— Нынче что̀ этихъ медвѣдицъ, страсти!—сказалъ ямщикъ.— И смѣлыя до чего, дряни! Просто какъ какія нахальныя...

— Ну, да теперь дѣло обойдется, теперь обойдется дѣло,— повторилъ онъ обрадованно нѣсколько разъ на разные лады,— и Алексѣй Кирилловичъ понялъ по лошадямъ и ямщику, опять принявшемуся за свой напѣвъ безъ словъ и безъ размѣра, что опасность миновала.

— По крайней мѣрѣ, скоро ли мы пріѣдемъ?—спросилъ онъ, чувствуя, что дрожитъ съ головы до ногъ.

— Сейчасъ пріѣдемъ, — вяло и угрюмо попрежнему отозвался ямщикъ и пустилъ лошадей чуть не вскачь; а Алексѣй Кирилловичъ рѣшилъ не закрывать больше глазъ и курить, не переставая, до самой станціи, чтобы за-одно и согрѣться, и успокоиться.

V.

Подъѣзжая къ селу, на много времени опередивъ Алексѣя Кирилловича, Софи волновалась: ка̀къ сказать ей, чтобы остановиться на постояломъ дворѣ, гдѣ всѣ приставали, а не въ другой избѣ, гдѣ жила Авдотья, прежняя дворовая ихъ усадьбы, и принимала ихъ съ распростертыми объятіями. Остановясь на ночь тамъ,—она, по всей вѣроятности, не увидала бы больше Алексѣя Кирилловича... а это ей казалось невозможнымъ. Но случай, по традиціи, помогъ ей. Кучеръ Антонъ объявилъ, что нынче праздникъ, и у Авдотьи, должно быть, посидѣлка; пожалуй, будутъ и пьяные; это онъ сказалъ для Лебрэ, предвидя ея приказаніе остановиться на постояломъ дворѣ, куда ему самому очень хотѣлось по многимъ причинамъ. Такъ и рѣшили. Дворъ, въ который они въѣхали, считался зажиточнѣе другихъ на этой дорогѣ; здѣсь торговали хотя и не всегда чисто, но хорошо; внизу была у нихъ еще мелочная лавка.

Съ круглаго стола Марта Филипповна стащила залитую и закапанную кушаньями скатерть и постлала свою; Софи попросила достать закуски; ей хотѣлось, чтобы Алексѣй Кирилловичъ, пріѣхавъ съ дороги, нашелъ уютно убранный столъ и горячій чай; но какъ она ни медлила пить свою чашку, самоваръ давно погасъ, и Лебрэ, давно позѣвывая, предлагала ей налить еще, а попутчика ихъ все еще не было. Софи пересѣла къ окну, уставленному горшками сильно пахнущей герани, и стала смотрѣть на кривую улицу, раскинувшую передъ ея глазами свои темные дома съ кое-гдѣ посаженными тощими деревцами и кустами на-

чинающей зацвѣтать калины. Лебрэ заговорила-было объ Алексѣѣ Кирилловичѣ въ родѣ того, напримѣръ: „А кто онъ такой, вы не спросили? Женатъ онъ“? Но Софи не хотѣлось отвѣчать. Она хотѣла дождаться его только для того, чтобы сказать свой адресъ, просить бывать; она хотѣла увидать его сегодня непремѣнно еще одинъ разъ, на одно только мгновеніе; она не тревожилась, не подозрѣвала,—недовѣріе было чуждо ея душѣ вообще; она была глубоко убѣждена, что эта встрѣча не даромъ; что это именно та „судьба“, о которой она почти-что съ дѣтства молилась всегда съ благоговѣніемъ, по совѣту своей няни. Она нисколько не удивлялась, что все это такъ скоро; по ея мнѣнію, самымъ истиннымъ, блаженнымъ чувствомъ должна быть внезапная любовь, когда люди, предназначенные другъ для друга, узнаютъ одинъ другого съ перваго взгляда.

Софи безпокоилась только о томъ, что уже очень поздно, и Марта Филипповна едва сидитъ отъ усталости, прищуривая глаза, а хозяйка не одинъ уже разъ заходила узнать, какъ онѣ расположатся на ночь. Вотъ почему она напряженно прислушивалась, чтобы помимо другихъ вечернихъ звуковъ въ многолюдномъ селѣ услышать его колокольчикъ.

Она была въ той наивной порѣ молодости, когда простительно принимать изящныя манеры за благородство души, мужественность—за силу характера, и привычку говорить—за умъ; вотъ почему она не рѣшилась бы усомниться въ немъ. Она думала о немъ отрывочно и неясно. Съ небывалой нѣжностью вспоминала она о томъ, что, можетъ быть, скоро пришлось бы все покинуть; о старомъ деревенскомъ домѣ своемъ съ колоннами въ перемежку съ лимонными деревьями въ кадкахъ; о прабабушкиномъ креслѣ въ прохладной, затѣненной вѣковыми деревьями, блѣдно-голубой гостиной, съ акварелями на стѣнахъ. О всѣхъ тѣхъ, кто ее такъ сердечно, такъ заботливо любилъ... а на одномъ изъ пальцевъ ея ей уже мерещилось обручальное кольцо.

Радоваться страстно, нервически, какъ радуются много страдавшія женщины, самое счастье которыхъ похоже на страданіе, —Софи не умѣла; мечты ея никогда не были унылы. Она смотрѣла въ зеленоватое, тусклое маленькое окошечко, какъ выползалъ и разросталcя клубами туманъ на лугу, на темнѣющую громаду лѣса за нимъ, на полусвѣтъ и полумракъ ясной ночи— и еще никогда она такъ опредѣленно не сознавала, что эта бѣдная природа составляетъ часть ея собственной души. Для ночлега обыкновенно во время ихъ путешествій раскидывали прямо на воздухѣ ихъ старинный тарантасъ, гдѣ устраивались

прекрасныя, закрытыя со всѣхъ сторонъ постели. Но такъ какъ ночь была очень свѣжа, то хозяйка постоялаго двора предложила запереть ихъ въ сарай съ сѣномъ, гдѣ было сравнительно тепло и спокойно. Давно уже начались приготовленія къ этому и окончились; медлить больше—Софи чувствовала—было невозможно: не ждать же Алексѣя Кирилловича съ чаемъ! Но какъ и не условиться о дальнѣйшемъ знакомствѣ, какъ не предупредить его, что онѣ уѣзжаютъ, едва встанетъ солнце, чтобы поспѣть на пароходъ, и что ему тоже надо встать такъ же рано, если и послѣднія десять верстъ ѣхать вмѣстѣ. Не доѣзжая парохода версты двѣ, они должны были разъѣхаться въ противоположныя стороны.

Наконецъ, къ большой радости Лебрэ, даже кучера Антона, которому хотѣлось еще погулять гдѣ-нибудь на посидѣлкѣ (по мѣстному, „посѣдухѣ"), послышался колокольчикъ, и Алексѣй Кирилловичъ подъѣхалъ къ воротамъ; обрадованно замерло сердце Софи. Эта радость таинственнымъ мгновеннымъ путемъ сообщилась и Алексѣю Кирилловичу. Лишь только онъ взялъ гладкую, маленькую руку Софи въ свою нервную руку,—его недостойныя, смутныя колебанія растаяли, какъ туманъ на утреннемъ солнцѣ. О, съ какой ясностью почувствовалъ онъ, что это нѣжное влеченіе другъ къ другу глубже и сильнѣе какихъ бы то ни было колебаній и разсчетовъ! Они встрѣтились на порогѣ изъ теплой горницы въ сѣни, какъ разъ въ ту минуту, какъ дамы уже шли къ себѣ. Въ этихъ большихъ сѣняхъ они и не замѣтили огромной кровати съ холстиннымъ пологомъ; изъ-подъ него слышался сердитый шопотъ, „парки сонной бормотанье" и скрипъ люльки на длинномъ шестѣ, въ которой кряхтѣлъ ребенокъ... Чтò сказалъ бы, чтò почувствовалъ бы Алексѣй Кирилловичъ, еслибы, обернувшись въ другую сторону, они оба увидали среди груды тряпокъ и сѣнниковъ двѣ темныя головы?! Марта Филипповна замѣшкалась въ горницѣ, и нѣсколько секундъ Софи была одна; Алексѣй Кирилловичъ инстинктивно толкнулъ дверь, у которой они остановились, и она со скрипомъ захлопнулась.

— Вѣрите ли вы въ судьбу, скажите,—да?—произнесъ онъ, задерживая въ своей рукѣ ея руку и точно медленно приближая ее къ себѣ.

— Я вѣрю въ Бога, — отвѣчала Софи, нѣсколько отступая и глядя на него съ сильно бьющимся сердцемъ.

— Названіе все равно!—перебилъ онъ ее страстно:—но мы встрѣтились недаромъ... Завтра,—произнесъ онъ, слыша прибли-

жающіеся шаги къ двери Лебрэ.—Погодите одно мгновеніе!—прошепталъ онъ Софи, думая мыслью удержать гувернантку за порогомъ, но она, со свѣчой, уже раскрыла дверь, весело и конфузливо улыбаясь, точно ея появленіе всѣхъ радуетъ; но ярость возбуждало въ Алексѣѣ Кирилловичѣ ея стыдливо самодовольное, красное лицо...

— Завтра!—повторила Софи, уходя вмѣстѣ съ нею.

Многообѣщающей теплой радостью отдалось это слово въ груди Алексѣя Кирилловича; блаженъ тотъ, кто хоть разъ могъ пережить мгновеніе такого безотчетнаго довѣрія къ жизни... И ни она, ни онъ, не припомнили, что надо бы переговорить о будущемъ знакомствѣ. Впрочемъ, будущее было такъ еще велико передъ ними!

— Ямщикъ сказывалъ — васъ спозаранку не будить, соннымъ, усталымъ голосомъ проговорила хозяйка, изнуренная и старая женщина, съ трудомъ притащивъ сѣнникъ и располагая его на полу.

— Вѣроятно, я спать не буду,—отозвался Алексѣй Кирилловичъ, въ которомъ брезгливость, при видѣ сѣнника, боролась съ усталостью и истомой;—но если бы я вздремнулъ, вы разбудите меня, когда ямщикъ захочетъ ѣхать.

Алексѣй Кирилловичъ былъ, впрочемъ, увѣренъ, что ямщикъ и не подумаетъ спать, а покормитъ лошадей и будетъ готовъ къ тому времени, когда и барынямъ нужно ѣхать.

— Оногдась стирали, желанный! — съ робкой ласковостью сказала хозяйка, объясняя, почему приноситъ ему чистую простыню, обшитую широкими кружевами:—и то свои даю; дѣвчонка-то, вишь, моя Катюшка—на гулянки отправилась... Нонечь, вѣдаешь, праздникъ, ну и... а гостей-то Богъ послалъ...—не то про себя, не то ему разсказывала хозяйка; онъ не могъ разсмотрѣть ея лица,—видѣлъ только черныя, туго заплетенныя, съ просѣдью, косички и лобъ весь въ морщинахъ.—„Ужо ложитеся со Христомъ! свѣчки не надо вамъ“?

Она скрипнула дверью, оклеенной покоробившеюся и отставшею бумагой, и унесла свѣтъ. Въ горницѣ стало жарко отъ самоваровъ и душно. Алексѣй Кирилловичъ, докуривая папиросу, толкнулъ окно; свѣжесть и шелестъ ночи влились прямо ему въ грудь. Онъ облокотился на подоконникъ, гдѣ часъ тому назадъ ждала его Софи, и задумался, точно ея свѣтлыя мечты остались тутъ и обступили его. Внизу разговаривали и доужиновали ямщики; говоръ ихъ, оживленный, но не громкій, не умолкалъ Особенно отличался Антонъ, занимая всю компанію; его голосъ сей-

часъ узналъ Алексѣй Кирилловичъ, какъ онъ говорилъ... „а еще овса было взято у меня полмѣры; мѣшокъ-то я, слышь, такъ положилъ, а на ёмъ и самъ легъ... Только я, значитъ"...

— „Подлей, тетка, чего тутъ, не жалѣй"!—перебилъ онъ самого себя другимъ тономъ, обращаясь, вѣроятно, къ подошедшей хозяйкѣ, и потомъ опять продолжалъ среди тишины договаривать свою исторію.

— „Боже мой, да что же нужно еще человѣку"?—думалъ въ это время Алексѣй Кирилловичъ, и теплыя радостныя надежды тихо разливались по его сердцу; голова у него слегка кружилась, и нѣмое вниманіе уже свѣтлѣющей ночи слегка его опьяняло. Таинственно очаровательной казалась ему эта ясная, влажная, свѣжая сѣверная ночь. Онъ чувствовалъ состояніе, которое, должно быть, испытываютъ полководцы передъ сраженіемъ, честные люди и чистыя дѣвушки наканунѣ брачнаго дня, въ самыя важныя рѣшительныя минуты жизни—состояніе высшей напряженности души и ея просвѣтленія. Неожиданная правда какъ бы ворвалась въ его сознаніе—и онъ уже не колебался и зналъ, какъ ему поступить... Впрочемъ, все уже рѣшено, рѣшилось только-что въ сѣняхъ, когда они поняли взаимно и чувства другъ друга, и то, что ихъ связало. Дѣйствительностью, реальнымъ было вотъ то, что испытывалъ онъ теперь, и вся его прежняя жизнь, съ ея предразсудками, темными сторонами, неудовлетворенность, „среди безумства, лѣни и страстей", была только стремленіемъ къ такой дѣйствительности. „Вотъ почему,—думалъ онъ съ упоеніемъ, —я не могъ не угадать ее съ перваго взгляда—я всю жизнь искалъ такую дѣвушку и то чувство, которое только *она одна* могла бы возбудить во мнѣ"...

— „А у него въ мѣшкѣ три ножа оказалось, голубчики вы мои, а у меня тридцать рублей денегъ"...—все продолжалъ свое Антонъ; но и онъ замолкъ. Странная наступила тишина,—точно при разсвѣтающемъ днѣ готовилось наступить что-то особенное и торжественное. Недоучёный пѣтухъ пропѣлъ со стенаньемъ, какъ будто зарыдалъ въ концѣ—и Алексѣй Кирилловичъ почувствовалъ, что должно быть очень поздно. Онъ думалъ, что не заснетъ ни за что—онъ слишкомъ много курилъ—но когда онъ наконецъ бросился на соломенный сѣнникъ, громко зашуршавшій при этомъ, сонъ овладѣлъ имъ внезапно и крѣпко.

Немного больше, чѣмъ черезъ часъ, Софи проснулась отъ утренняго холода, когда отворяли ворота; рядомъ съ ними въ

хлѣву доили коровъ, и оттуда несло запахомъ теплаго навоза и молока.—„Цыцъ, Рыжка, не замай"!—слышался молодой и веселый, но заспанный голосъ. Въ отворенныя настежь ворота сарая была видна надъ лѣсомъ ярко золотая полоска неба; надъ нею тянулись въ разныя стороны ползучія темныя и длинныя тучи; туманъ упалъ на землю, и отовсюду вѣяло необыкновенно чистой свѣжестью; птицы нéхотя уже перекликались, и по застрѣхамъ въ гнѣздахъ закопошились ласточки. Это пробужденіе прекраснаго дня сулило Софи все, чтò можетъ составить счастіе женщины—и не все ли равно, внезапно или постепенно расцвѣла въ ея сердцѣ любовь?—„О, счастливое, рѣшительное сегодня"!—почти съ благоговѣніемъ думала она.—Переплетая свои длинные волосы, она съ благодарной задумчивостью смотрѣла на приближеніе утра, и жаль, что въ эти минуты не видѣлъ ее знаменитый художникъ, который, нѣсколько лѣтъ спустя, дѣлалъ ея портретъ и томился кажущейся ему неудачей—онъ никакъ не могъ вызвать на ея лицѣ именно то выраженіе, которое въ немъ теперь было, хотя и чувствовалъ, что оно должно бывать минутами—кроткой и поэтической любви къ самой жизни.

Черезъ нѣсколько минутъ она узнала, что „баринъ" заказывалъ не будить его рано, и что его ямщикъ и тотъ еще спалъ. А между тѣмъ онѣ должны были торопиться, потому что пароходъ отходилъ въ извѣстное время, одинъ разъ въ день, до него было верстъ десять пути и оставалось часъ съ небольшимъ времени...

VI.

Кошмаръ давилъ Алексѣя Кирилловича во снѣ, и когда это стало невыносимо, онъ, тяжело дыша, открылъ глаза; но впечатлѣніе чудеснаго утра быстро смахнуло его слѣды; онъ вскочилъ на ноги; молодая хозяйская дочка, которой вчера не было, русая красавица, съ прекрасными зубами и прекраснымъ лицомъ, заглядывая въ дверь, смѣялась тому, что его нельзя добудиться. „Самоваръ скипѣлъ, и лошади готовы",—сказала она, усмѣхаясь и, какъ водится, пряча лицо въ рукавъ нѣмецкой, до таліи, кофточки съ оборкой. „Полотенце-то ваше будетъ? али подать вамъ"?..

Упоительнымъ, еще сырымъ ароматомъ несло въ открытое окно; солнце встало давно, но еще было невысоко, и его красные лучи брызгали изъ-за лѣса тепломъ и свѣтомъ; темныя влажныя пятна росы на травѣ сверкали капельками воды. О, какой

широкой, здоровой, простой и властной показалась Алексѣю Кирилловичу жизнь—и какъ лживы, какъ ничтожны всѣ житейскія разсудочныя колебанія!

— Барыни уже встали?—спросилъ онъ.

— Барыни въ другой избѣ дàве пили, — отвѣчала она, думая, что онъ заботится о томъ, что занялъ чистую горницу, и имъ негдѣ пить чай.—Ужъ и спѣшили... смотри, не опоздали ль?

— Какъ, онѣ уже уѣхали?!

— Да съ часъ времени буде... — произнесла она и, сморщивъ свои густыя брови, напряженно стала разбирать цифры на разрисованномъ циферблатѣ часовъ съ привѣшеннымъ вмѣсто гири булыжникомъ. Алексѣй Кирилловичъ пережилъ то ощущеніе, котораго никогда забыть не могъ, какъ, еще ребенкомъ, онъ разбилъ на столѣ у отца новую чернильницу и залилъ чернилами бумаги; что-то горячее облило его сердце; и если бы онъ могъ взглянуть въ исцарапанный осколокъ зеркала, повѣшенный между окнами, и оно способно было бы отразить его помертвѣвшее лицо,—онъ бы не узналъ себя.

— Но какъ же это! Какъ же?—говорилъ онъ растерянно.— Она меня ждала... Боже, Боже, чтò же подумала она? Она хотѣла сказать мнѣ что-то еще вчера — чтò сказать хотѣла она? И кто она? Я не знаю ни фамиліи ея, ни куда она ѣдетъ...

Чувство вины передъ ней и сознаніе собственной непорядочности—были его первыми чувствами. Проспать отъѣздъ Софи, послѣ всего, чтò было вчера между ними такъ недосказанно, такъ сильно, такъ неизбѣжно! Она ждала! Она ждала! Вотъ чтò всего больнѣе, всего ужаснѣе ему было.—Впрочемъ,—вдругъ спохватился онъ, и радость при проблескѣ надежды была отчаяннѣе его терзаній,—вѣдь она дочь бывшаго предводителя дворянства, она упоминала объ этомъ,—конечно, онѣгинскаго; значитъ, не все еще потеряно... можетъ быть, даже все спасено! Я найду ее, во чтò бы то ни стало...

— Предводителевы! Предводителевы!—заспорили между собою ямщики съ хозяиномъ, когда Алексѣй Кирилловичъ рѣшился у нихъ искать разъясненій и даже участія.

— Знамо, что предводителевы, да прозвище-то какъ?

— А прозвище, надо быть,—крѣпко задумавшись, сказалъ хозяинъ, рослый мужикъ суроваго вида; судя по малиновымъ щекамъ и вспухшимъ глазамъ, онъ таилъ въ себѣ и пріятныя, и непріятныя воспоминанія о вчèрашнемъ праздникѣ и сегодняшнихъ будняхъ:—прозвище, надо быть—Щавелевскія барыни.

— Ну! ну! Онѣ и есть! Щавелевскія, знать, прозвище,—обра-

дованно подхватилъ ямщикъ; простой человѣкъ вѣдь всегда радъ, если какая-нибудь загадка объяснится: — Щавелево и помѣстье ихъ... онѣ изъ-подъ Керваничъ, изъ подъ самыхъ.

— Ну, слава Богу, хоть что-нибудь знаю! — почти успокоенно сказалъ себѣ Алексѣй Кирилловичъ, опять усаживаясь въ тарантасъ; но сердце его и вѣрило этому, и непріятно, тяжело замирало. О, какъ непростительны казались ему теперь его нерѣшительность, его медленность, когда въ теченіе дня онъ нѣсколько разъ такъ непреодолимо сознавалъ, что Софи—самой судьбой предназначенное для него созданіе! Что сойтись съ нею, стать однимъ человѣкомъ съ одной душой, все равно при какихъ обстоятельствахъ и доходахъ, должно бы было быть завѣтной мечтой—всей его жизни. И поздно понялъ онъ, что нельзя заглушать въ себѣ того таинственнаго, но яснаго сознанія, которое выростаетъ иногда неожиданно въ душѣ и указываетъ, ка́къ поступить; нельзя отступать передъ нимъ—это голосъ, это предназначеніе самой судьбы... И нѣсколько лѣтъ послѣ этого еще жгуче жили въ немъ ощущенія этого мучительнаго утра; съ болью и стыдомъ вспоминалъ онъ его и спѣшилъ забыть—и въ то же время насладиться воспоминаніемъ.

Колесить по уѣзду, разслѣдовать и успѣвать ему приходилось недѣли двѣ. Все удалось какъ нельзя лучше, и сулило по службѣ отличіе. Но онъ не нашелъ нигдѣ Софи—ни въ самомъ Онѣгинскѣ, ни въ уѣздѣ... Смѣшно сказать, съ какой настойчивостью и какъ добросовѣстно искалъ онъ хотя бы одной мимолетной встрѣчи съ нею... Никто не зналъ никакой Софи Щавелевской—и такъ ему не пришлось увидѣться съ нею.

Нѣсколько лѣтъ спустя, эта загадка объяснилась. Фамилія Софи была стариннымъ русскимъ и почтеннымъ именемъ, и только ихъ имѣніе называлось Щавелево, и находилось-то оно не въ онѣгинскомъ уѣздѣ, а въ смежномъ съ нимъ уѣздѣ другой даже губерніи. За нѣсколько верстъ до парохода, куда онѣ спѣшили, почти незамѣтный столбъ съ полустертой надписью возвѣщалъ границу другого уѣзда—и могъ ли Алексѣй Кирилловичъ догадаться объ этомъ!

Послѣ этой короткой встрѣчи на большой дорогѣ все стало удаваться Алексѣю Кирилловичу—по службѣ, въ обществѣ, въ матеріальномъ отношеніи, точно на зло, вездѣ сыпались удачи, какъ это иногда бываетъ, полосами. Но ему хотѣлось недостижимаго—встрѣтить еще разъ душевное сочувствіе, сердечную теплоту; онъ искалъ въ людяхъ не ума, не свѣтской выдержки, не всего того, что̀ дѣлаетъ ихъ пріятными въ обществѣ, а до-

вѣрія къ себѣ и простоты... и готовности простить все, что было въ немъ злого, какъ сдѣлала бы Софи.

Къ удивленію друзей, онъ перевелся служить въ провинцію, въ захолустье, хотя и на видную должность. Никто не могъ, да и не старался особенно понять, почему ему сталъ невыносимъ Петербургъ, а его непреодолимо тянуло въ суровый, бѣдный край, гдѣ среди уединенія, большого досуга, восторженной любви къ природѣ и книгамъ, люди жили иначе, люди были проще, и гдѣ провинціальныя барышни должны быть похожи на Софи.

Но мало-по-малу шли года, притуплялись и эти новыя впечатлѣнія и стремленія—для нихъ не было пищи среди оффиціальныхъ отношеній, которыя большею частью создаются въ губернскихъ городахъ. Служба сама по себѣ не могла бы увлечь Алексѣя Кирилловича; служба была всегда для него, какъ и для многихъ, средствомъ, а не цѣлью. Но мелочное, тщеславное, засасывающее честолюбіе, которое можетъ подняться со дна себялюбивой души или среди пустой жизни, уже глодало его понемножку. Онъ мало-по-малу сталъ смотрѣть на поѣздки въ Петербургъ, какъ на возможность освѣжиться, дать себя замѣтить, сохранить прежнія связи, и даже, пожалуй, не прочь бы былъ вернуться туда опять. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ встрѣтился еще разъ съ Софи.

VII.

Прошло уже десять лѣтъ со дня ихъ первой встрѣчи.

Алексѣя Кирилловича увѣряли, что онъ долженъ жениться, и онъ охотно позволялъ увѣрять себя, потому что самъ серьезно подумывалъ объ этомъ. Въ провинціи куда тоскливо жить неженатому! Онъ пополнѣлъ и постарѣлъ; но черные глаза его сохранили свой блескъ, и онъ такъ еще хотѣлъ нравиться, что его находили интереснѣе, чѣмъ когда-либо, несмотря на высокомѣрную улыбку, которая все чаще появлялась на его лицѣ.

Ада Бѣльская, которую общіе друзья прочили ему въ невѣсты, казалась очень подходящей и ему самому. Онъ давно зналъ ихъ богатую, чиновную семью и помнилъ Аду быстроглазымъ, оживленнымъ ребенкомъ. Въ обществѣ она имѣла большой успѣхъ, блистала талантами и производила впечатлѣніе здоровой, выносливой и прекрасно воспитанной дѣвушки. Собою она была очень недурна; только ея рѣшительный и веселый взглядъ, который говорилъ, что она отлично знаетъ себѣ цѣну,

не особенно нравился Алексѣю Кирилловичу, которому такъ плѣнительны казались хрупкость и эфирность Софи...

Алексѣй Кирилловичъ пошелъ бродить по пріемнымъ комнатамъ, когда окончилась пьеска Альфреда Мюссэ на любительскомъ спектаклѣ у Бѣльскихъ, и Ада, насладившись своимъ торжествомъ, въ послѣдній разъ раскланялась рукоплесканіямъ и убѣжала переодѣваться.

Странно казалось бы, но Алексѣя Кирилловича занимало и тѣшило впечатлѣніе, которое производили его величественная осанка и выразительныя его черты съ прекрасными блестящими глазами, когда онъ переходилъ изъ комнаты въ комнату, ища взглядомъ одно важное лицо, съ которымъ надо было непремѣнно перемолвить слово. Онъ такъ привыкъ быть средоточіемъ вниманія въ подвластномъ ему городѣ, что невольно самъ искалъ его.

Въ дверяхъ изъ одной комнаты въ другую столпилось нѣсколько его знакомыхъ, и онъ примкнулъ къ нимъ. Всѣ они говорили про общаго пріятеля ихъ Воротынцева, который опять получалъ дипломатическо-военное порученіе за границу и уѣзжалъ на этотъ видный постъ. Алексѣй Кирилловичъ слышалъ, что какъ-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—они уже давно потеряли другъ друга изъ виду,—Воротынцевъ женился на красавицѣ и, кстати сказать, взялъ большое приданое.—„Иначе, конечно бы, не женился“...

Алексѣй Кирилловичъ помнилъ этого Воротынцева еще корнетомъ, когда замѣчательная красота создавала ему въ гостиныхъ славу, и онъ дирижировалъ на всѣхъ высокопоставленныхъ балахъ. Въ настоящее время остались только слѣды этой красоты; лицо его покраснѣло и было одутловато и непріятно, но женщины не замѣчали этого.

Не могъ бы себѣ представить Алексѣй Кирилловичъ Воротынцева ни женатымъ,—для него никогда не существовало никакихъ узъ,—ни поставленнымъ на какое-нибудь прочное основаніе. Женщины сходили по немъ съ ума—вотъ это было единственно точное изъ всего того, что̀ относилось къ нему.

„Дуракамъ счастье“,—подумалъ-было Алексѣй Кирилловичъ, но это было несправедливо. Несмотря на разсѣянную жизнь, Воротынцевъ оказался человѣкомъ очень ловкимъ и осторожнымъ, даже полезнымъ, что̀ онъ и доказалъ потомъ на высотѣ своего служебнаго положенія, когда уже ему и въ голову не приходило, какъ въ молодости, открыто называть ханжествомъ понятіе о нравственности, или совѣсть, метафизикой.

Въ концѣ вечера пріѣхала жена Воротынцева, съ какого-то церемоннаго обѣда, въ открытомъ платьѣ; говорили, что ожерелье на ея бѣлой шеѣ—цѣлое состояніе, и въ теченіе нѣкотораго времени темный бархатъ ея шлейфа все попадался Алексѣю Кирилловичу на глаза; онъ еще не видалъ ея лица, но слѣдилъ за нею съ безотчетнымъ влеченіемъ; не самая красота, а благородное ея выраженіе пробудили его вниманіе; но онъ давно уже не думалъ о Софи, и потому ни обильные волосы съ ихъ темнымъ блескомъ, ни медленныя, слегка величавыя движенія ея, ничего ему не напомнили. Ея появленіе произвело большое впечатлѣніе; всѣ наперерывъ старались подойти къ ней и дать себя замѣтить; Алексѣй Кирилловичъ видѣлъ, какъ двѣ очень молоденькія дѣвушки почтительно и робѣя передъ ней присѣли.

Когда ихъ лица обернулись другъ къ другу, онъ увидалъ, что это—Софи. Разумѣется, въ то же мгновеніе и она узнала его. Взглянувъ на него, Софи перевела глаза на мѣсто около себя, которое только-что освободилось; къ ней постоянно подходили и окружали ее. Волненіе, которое испытывалъ Алексѣй Кирилловичъ, приближаясь къ ней, было рѣдкимъ и блаженнымъ состояніемъ души, когда внѣшнее значеніе предметовъ не имѣетъ силы. И еслибы вмѣсто изящной красоты Софи—она распустилась въ плѣнительную красавицу—онъ увидалъ бы старое, но милое лицо,—впечатлѣніе было бы почти то же самое.

— Таки встрѣтились, наконецъ!—произнесъ онъ, и несмотря на протекшіе годы, на серебрящіеся волосы свои, на утихнувшіе порывы и мечты, онъ чувствовалъ, что его голосъ прерывался.

Такъ вотъ кто была жена Воротынцева, за которою, къ слову сказать, онъ взялъ большое состояніе... Алексѣю Кирилловичу одновременно бросились въ глаза—ея продолговатое нѣжное лицо съ большими глазами, брилліантовая бабочка въ блестящихъ темныхъ волосахъ, бѣлая рука съ обручальнымъ кольцомъ, пышныя плечи и маленькій ротъ съ его нѣжнымъ и невиннымъ выраженіемъ. Его несказанно тяготили слова условныхъ привѣтствій и окружающіе люди; онъ ждалъ мгновенія, когда они останутся одни, и она взглянетъ ему въ глаза, какъ смотрѣла молодой дѣвушкой, когда стремилась до дна открыть ему свою душу. И Софи, наконецъ, подняла на него свои глаза,—но напрасно бы искалъ въ нихъ Алексѣй Кирилловичъ прежнюю нѣжность, или довѣріе,—не то задумчивый, не то разсѣянный и благосклонный взглядъ заслонялъ все, что̀ было на душѣ...

— Отчего вы тогда не вышли проводить насъ?—вотъ что, наконецъ, она сказала, перебирая кружевной вѣеръ, чтобы не

дать замѣтить, какъ дрожитъ ея рука. Они уже были одни. И на его торопливыя, жаркія и сбивчивыя объясненія она молчала, глядя на коверъ, точно не понимая, сколько онъ перестрадалъ тогда,—такъ что ему даже думалось: та ли Софи передъ нимъ? Та отозвалась бы хоть словомъ, та поняла бы съ намека, та прервала бы его, не мучая своимъ молчаніемъ, точно требуя новыхъ объясненій, а обратилась бы къ нему со своей готовностью все понять и не казалась бы такой равнодушной, усталой и надменной.—„Софи ли это“?—подумалъ онъ, увидавъ опять ея голубые глаза съ ихъ нѣмымъ для него выраженіемъ. Она медленно и точно осторожно переводила дыханіе, но кружево трепетало на ея груди, и рука ея все сжимала и разжимала вѣеръ.

— Ну, а вы? какъ нашли свѣтъ, въ который такъ стремились?—наконецъ, сказалъ онъ, больше не стараясь угадать, какъ она относилась къ тому, что̀ онъ говорилъ.

— Я нашла, что въ немъ всѣ несчастливы,—сказала Софи. О, какъ много, хотя мимолетно, но глубоко пережитаго, напомнилъ ему ея голосъ! Ему хотѣлось спросить:—а вы? но, разумѣется, эти слова не выговорились, они взглянули другъ на друга, потомъ она опять опустила глаза и подняла ихъ, и, какъ бы отвѣчая на его мысль, сказала:

— Я замужемъ, но дѣтей у меня нѣтъ. Мнѣ приходится вести жизнь болѣе пустую, чѣмъ я бы хотѣла...

— Всѣ несчастливы,—повторилъ онъ съ тайной горечью:— но за что?—Ему не пришло въ голову спросить себя: почему? Горечь разливалась по всей душѣ его, какъ съ нимъ часто бывало, послѣ неоправданной радостной надежды. Въ эту минуту онъ чувствовалъ, что того созвучія, которымъ онъ дорожилъ несравненно болѣе, чѣмъ сознаніемъ ея благородной красоты, ея элегантности, или ея тона, уже никогда не можетъ быть между ними. „Что̀ съ нею?—мимолетно думалъ онъ:—не можетъ простить? Забыла? Или тлѣнный свѣтъ овладѣлъ и ея живою душой“? Или даже ничего и не было того, что̀ ему грезилось когда-то? Чуткость на этотъ разъ измѣнила ему, и еслибы онъ даже постигъ, что̀ было на душѣ у Софи, то къ чему бы это повело? Самъ онъ врядъ ли былъ бы способенъ на прочное, беззавѣтное чувство, даже еслибы оно было и на законномъ основаніи.

— Но вѣдь мы будемъ видѣться?—произнесъ онъ, наконецъ, умоляющимъ голосомъ и съ тайнымъ разочарованіемъ.

— Нѣтъ,—такъ же медленно и устало, какъ все, что̀ говорила она, отозвалась Софи:—лучше не будемъ!

И они больше не видались.

Слова Софи не могли бы остановить Алексѣя Кирилловича; его останавливала сознаваемая между ними преграда. Не мужъ былъ непреодолимой преградой въ глазахъ его, а то, что эта изящная, прекрасная собою женщина только обликомъ и голосомъ напоминала прежнюю Софи, съ которой онъ встрѣтился нѣсколько лѣтъ тому назадъ на большой дорогѣ.

Но еслибы онъ спросилъ себя чистосердечно, разстались ли бы они при первой своей встрѣчѣ такимъ же образомъ, еслибы онъ тогда зналъ о ея большомъ состояніи, о ея прекрасномъ имени—онъ не могъ бы отвѣтить!..

Въ жизни Алексѣя Кирилловича затѣмъ наступила тяжелая пора—не только сознанія пустоты, безцвѣтности жизни, но и безнадежности—этого сознанія. Чего же было ему ожидать? и чѣмъ себя обманывать? Онъ не женился ни на Адѣ, ни на комъ другомъ, отчасти отъ душевной лѣни. Его оффиціальное представительство, служба, комфортабельное одиночество и легкія побѣды, все было отмѣчено невольнымъ недоумѣніемъ:—къ чему все это? Къ чему была эта медленная, холодная жизнь, въ которой даже честолюбіе не могло подняться до страсти, и не было утѣшенія даже въ „политикѣ“, которая тѣшитъ всѣхъ старѣющихъ и одинокихъ? Но какъ человѣкъ не можетъ жить безъ радости, то, можетъ быть, и онъ нашелъ ее въ чемъ-нибудь...

И. Даниловъ.

НАЧАЛО
ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО ДѢЛА
ВЪ РОССІИ

1836—1855 г.

Окончаніе.

V [1]).

Въ 1850 году, произошли довольно крупныя перемѣны въ центральной администраціи вѣдомства путей сообщенія и публ. зданій. 4-го мая этого года, скончался товарищъ главноуправляющаго, сенаторъ Рокассовскій, и на мѣсто его, 13-го августа того же года, былъ назначенъ состоявшій при начальникѣ инженеровъ дѣйствующей арміи, директоръ варшавско-вѣнской желѣзной дороги, генералъ-маіоръ Герстфельдъ, которому 28-го того же августа поручено было, между прочимъ, участвовать въ занятіяхъ временной технической коммиссіи при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ; но еще ранѣе назначенія Герстфельда, именно 1-го марта 1850 г., директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ, Фишеръ, былъ замѣненъ статскимъ совѣтникомъ Каменскимъ. Фишеръ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія, а въ слѣдующемъ 1851 г., 11-го ноября, онъ оставилъ службу въ вѣдомствѣ путей сообщенія, будучи назначенъ товарищемъ министра статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго.

---

[1]) См. выше: апрѣль, стр. 581.

Изъ выпускныхъ поручиковъ 1850 г. назначены были на опытные пути с.-петербурго-московской желѣзной дороги: Штомпфъ, Вокульскій, Вишпевскій и Клевецкій.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1851 г., графъ Клейнмихель, на пути своемъ въ Москву, вновь осмотрѣлъ работы с.-петербурго-московской желѣзной дороги, и 29-го мая донесъ изъ Москвы государю слѣдующее:

„Работы с.-петербурго-московской желѣзной дороги производятся, во всѣхъ частяхъ, правильно и успѣшно. По дорогѣ этой я уже проѣхалъ локомотивомъ 388 верстъ; на прочемъ протяженіи устроивается верхнее основаніе дороги и кладутся рельсы; на работѣ находится 46.000 рабочихъ.

„Не затрудняя Ваше Императорское Величество дальнѣйшими подробностями, такъ какъ сами изволите въ августѣ мѣсяцѣ во всемъ лично удостовѣриться, я долгомъ счелъ донести токмо, что всѣ мѣры приняты къ достиженію возможности проѣзда по всей желѣзной дорогѣ отъ С.-Петербурга до Москвы въ назначенный Вами срокъ, но обязываюсь однако предупредить, что къ этому сокращенному сроку во многихъ мѣстахъ не будутъ ещё окончательно отдѣланы откосы, станціи и ихъ мѣстность; все это свободному и удобному проѣзду препятствовать не будетъ".

Донесеніе это, разсмотрѣнное государемъ 2-го іюня въ Царскомъ-Селѣ, было послѣднее изъ донесеній графа Клейнмихеля, относившихся до с.-петербурго-московской желѣзной дороги. 19-го августа того же 1851 г., самъ государь, почти со всѣми членами своей августѣйшей семьи, прослѣдовалъ въ императорскомъ поѣздѣ, по новой желѣзной дорогѣ, отъ С.-Петербурга до Москвы.

За три дня до царскаго проѣзда, перевезены были по желѣзной дорогѣ изъ С.-Петербурга въ Москву два батальона преображенскаго и семеновскаго гвардейскихъ полковъ, при чемъ отправленіе этихъ полковъ состоялось въ присутствіи государя.

Убѣдившись лично, что на желѣзной дорогѣ съ примѣрною заботливостью были приняты всѣ мѣры къ быстрому отправленію войскъ, удобному ихъ распредѣленію на время пути и безостановочному ихъ слѣдованію, императоръ Николай Павловичъ, 18-го августа, выразилъ, въ высочайшемъ приказѣ, искреннюю признательность графу Клейнмихелю, за неутомимые его труды и неослабное усердіе, и особенное монаршее благоволеніе содѣйствовавшимъ графу при этой перевозкѣ—генералу Романову и подполковнику Еракову.

Императорскій поѣздъ отправился изъ С.-Петербурга 19-го августа въ 4 часа утра—и прибылъ въ Москву того же числа въ 11 часовъ вечера. Кромѣ государя и императрицы, въ поѣздѣ находились: наслѣдникъ цесаревичъ съ супругою, великіе князья Николай Александровичъ, Александръ Александровичъ, Николай Николаевичъ и Михаилъ Николаевичъ, великія княгини Ольга Николаевна и Екатерина Михаиловна съ своими супругами, принцъ Саксенъ-Веймарскій съ супругою и принцы Карлъ Прусскій, Петръ Ольденбургскій и Александръ Гессенскій.

Вотъ какъ описываетъ этотъ царскій проѣздъ Штукенбергъ въ своихъ замѣткахъ изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, помѣщенныхъ въ № 1 журнала „Русская Старина“ за 1886 годъ.

Государь съ императрицею, великіе князья съ ихъ супругами и дѣтьми находились въ поѣздѣ.. Роскошно отдѣланные императорскіе вагоны поражали своимъ изяществомъ. Государь былъ веселъ и часто разговаривалъ съ народомъ, толпившимся на станціяхъ. На одной изъ станцій императоръ, подойдя къ паровозу и обратившись къ публикѣ, сказалъ: „вотъ какую я нажилъ себѣ лошадку“!—затѣмъ, поднявъ малолѣтняго внука своего Николая Александровича и поставивъ его на тумбу, представилъ его народу со словами: „вотъ вамъ мой старшій внукъ“.

Предъ всякимъ большимъ мостомъ императорскій поѣздъ останавливался; государь со свитою выходилъ изъ поѣзда, спускался къ рѣкѣ и оттуда любовался проходомъ поѣзда по мосту. На Веребьинскомъ оврагѣ, несмотря на большую высоту спуска (слишкомъ 24 сажени), государь дошелъ до самой рѣчки и оттуда махнулъ платкомъ, чтобы поѣздъ слѣдовалъ чрезъ мостъ. Мостъ этотъ, какъ уже было сказано выше, былъ построенъ на крутомъ уклонѣ дороги. Для большей красоты мостовый мастеръ окрасилъ желѣзные рельсы черной масляной краскою. Ко времени прохода поѣзда масло не успѣло еще высохнуть, и какъ только паровозъ вступилъ на мостъ своими колесами, онъ не могъ поднять въ гору поѣзда, за недостаткомъ сцѣпленія между его колесами и рельсами. Колеса вертѣлись на мѣстѣ (боксовали), паровозъ же, а вмѣстѣ съ нимъ и поѣздъ, оставались неподвижными. Встревоженные путешественники удивлялись такому безсилію паровоза, а между тѣмъ императоръ продолжалъ нетерпѣливо махать платкомъ на днѣ оврага. Американецъ Уайненсъ и оберъ-машинистъ Бартнеръ, находившіеся на паровозѣ, соскочили съ него на путь, и тогда только обнаружилась

причина боксованія колесъ. Немедленно распорядились посыпкою рельсовъ золою и пескомъ; поѣздъ двинулся далѣе и, пройдя благополучно мостъ, остановился за мостомъ, чтобы принять государя, поднявшагося изъ оврага по тропинкамъ и лѣстницамъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что не въ мѣру усердный мостовой мастеръ окрасилъ рельсы безъ вѣдома строителя моста Журавскаго [1]).

Веребьинскій мостъ представлялъ грандіозное сооруженіе, упраздненное въ 1881 г., съ открытіемъ обходной дороги. Изображеніе его помѣщено, въ видѣ барельефа, на одной изъ сторонъ памятника императора Николая I, поставленнаго въ С.-Петербургѣ на Маріинской площади.

На Спировской станціи государю показали круглое паровозное зданіе. Войдя внутрь этой грандіозной постройки, покрытой громаднымъ 15-ти-саженнымъ куполомъ, государь долго имъ любовался, воскликнувъ: „C'est un panthéon, un temple"!

Одна изъ современныхъ газетъ [2]) описываетъ слѣдующимъ образомъ встрѣчу государя въ Москвѣ и привѣтствуетъ его посѣщеніе нашей древней столицы.

„Въ Москвѣ народъ спѣшилъ на встрѣчу государя и его семейства, но общее движеніе направлялось не въ ту сторону, куда обыкновенно выходила Москва на встрѣчу своему монарху. Инымъ путемъ Москва ждала этого посѣщенія. Государю угодно было обновить устроенную по его повелѣнію, доселѣ небывалую внутри русской земли дорогу. Придавая новую славу, новое величіе странѣ, Богомъ ему ввѣренной, нашъ царь заботливо открываетъ намъ внутренніе источники и пути благоденствія. Желѣзная дорога, теперь оконченная, свяжетъ воедино двѣ столицы русскаго царства и откроетъ для нашего быта и промышленности новую эпоху"...

Въ ночь съ 3-го на 4-е сентября государь уѣхалъ по шоссе изъ Москвы въ Бобруйскъ, Брестъ-Литовскій и Кіевъ, а императрица съ семьей осталась въ Москвѣ. По этому случаю, хотя правильное движеніе и не было еще организовано по дорогѣ, тѣмъ не менѣе почти ежедневно отправлялись поѣзда въ С.-Петербургъ и прибывали оттуда. Въ одномъ изъ такихъ поѣздовъ ѣхалъ изъ Москвы генералъ-адъютантъ Огаревъ съ женою. По

---

[1]) Дм. Ив. Журавскій былъ впослѣдствіи (съ 1857 по 1884 г.) директоромъ департамента желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ предсѣдателемъ техническаго отдѣла совѣта министерства путей сообщенія. Въ 1889 г., онъ вышелъ въ отставку, по причинѣ тяжкой болѣзни, отъ которой онъ и скончался 18-го ноября 1891 года.

[2]) „Сѣверная Пчела", 1851 г., № 190.

случаю исправленія какого-то моста, поѣздъ Огарева былъ пущенъ по лѣвому, неправильному, пути, и въ темную ночь, на поворотѣ дороги, наскочилъ на поѣздъ, шедшій по своему пути изъ С.-Петербурга въ Москву. Машинисты обоихъ столкнувшихся паровозовъ были убиты, а одинъ изъ помощниковъ машиниста, прижатый тендеромъ, истекъ кровью. Длинный вагонъ второго класса, въ которомъ находились Огаревы, выдержалъ ударъ благополучно, но находившіеся въ немъ пассажиры были слегка ушиблены.

Царскій проѣздъ въ Москву по вновь отстроенной желѣзной дорогѣ ознаменовался рядомъ почетныхъ наградъ лицамъ причастнымъ къ дѣлу постройки этой дороги. Ближайшій сотрудникъ государя въ этомъ дѣлѣ, графъ Клейнмихель, былъ удостоенъ, 22-го августа, въ высшей степени милостивымъ рескриптомъ, а супруга графа, графиня Клеопатра Петровна, была пожалована въ статсъ-дамы къ императрицѣ.

Въ рескриптѣ своемъ государь высказываетъ свое удовольствіе видѣть осуществленіе своихъ желаній почти совершеннымъ окончаніемъ предпринятаго, по его повелѣнію, дѣла, доведеннаго уже до такого состоянія, что для перваго опыта могъ быть перевезенъ значительный отрядъ гвардейскихъ войскъ, и государь, со всѣмъ своимъ семействомъ, могъ совершить по желѣзной дорогѣ переѣздъ изъ С.-Петербурга въ Москву, при чемъ государь, какъ сказано въ его рескриптѣ, „съ восхищеніемъ видѣлъ огромныя и истинно изумительныя сооруженія, соединяющія въ себѣ всѣ условія изящнаго вкуса съ самой превосходной отдѣлкою“. Будучи увѣренъ, въ виду испытаннаго усердія графа Клейнмихеля, что, согласно прежнему указанію государя, с.-петербурго-московская желѣзная дорога будетъ окончена къ 1-му ноября того же года и тѣмъ самымъ будетъ открытъ для общаго пользованія способъ быстраго и удобнаго сообщенія въ имперіи, при чемъ успѣшно довершится „важное государственное предпріятіе, которое должно принести существенныя и самыя полезныя послѣдствія для народнаго благосостоянія“,—императоръ приписываетъ успѣхъ этого предпріятія „единственно примѣрному и особенному раченію графа Клейнмихеля и его дѣятельнымъ и неутомимымъ трудамъ“, а потому и возобновляетъ свою искреннюю и душевную признательность графу за его достохвальное служеніе.

Изъ прочихъ дѣятелей с.-петербурго-московской желѣзной дороги, награжденныхъ, какъ сказано въ высочайшемъ приказѣ отъ 30-го августа, „за отлично усердную службу и труды, ока-

занные въ сооруженіяхъ дороги, а также въ устройствѣ по сему пути высочайшаго проѣзда", Крафтъ и Мельниковъ получили ордена св. Анны 1-й степени, съ императорскою короною; а американецъ Уайненсъ получилъ золотую медаль съ надписью „за усердіе", для ношенія на шеѣ на владимірской лентѣ. Каждому изъ оберъ-кондукторовъ императорскаго поѣзда пожаловано было по 100 р., кондукторамъ и кочегарамъ по 10 р. и машинистамъ—по 25 р. Всего были награждены 35 инженеровъ и 2 архитектора.

При обратномъ слѣдованіи императрицы изъ Москвы въ С.-Петербургъ, на Калашниковской станціи едва не случилось схода императорскаго поѣзда съ рельсовъ. При приближеніи этого поѣзда къ станціи, стрѣлочникъ входной стрѣлки, понявъ ошибочно знакъ, поданный съ поѣзда рукою однимъ изъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, повернулъ неожиданно стрѣлку на боковой путь, который велъ къ дровяному сараю. Къ счастью, другой стрѣлочникъ, находившійся при выходной стрѣлкѣ, во̀-время повернулъ эту стрѣлку на тотъ же боковой путь, чтобы принять поѣздъ и направить его снова на главный путь. Не догадайся онъ этого сдѣлать, поѣздъ непремѣнно сошелъ бы съ рельсовъ на его стрѣлкѣ, такъ какъ, по случаю мокрыхъ рельсовъ, онъ плохо слушался тормазовъ.

Подвижной составъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги въ 1851 г. былъ еще весьма несовершенный, такъ какъ въ то время почти не существовало для подвижного состава хорошихъ образцовъ. Система была однобуферная, безъ винтовыхъ сцѣпокъ. Буфера состояли изъ чугунной коробки съ широкою горловиною со шкворнемъ, подъ который вставлялось въ горловину желѣзное кольцо.

Паровозы не имѣли на поддувалѣ клапановъ, хотя зольникъ былъ придѣланъ къ топкѣ. Поводковъ для открыванія продувательныхъ крановъ при цилиндрахъ не существовало; помощнику машиниста приходилось, открывши эти краны рукою, бѣжать рядомъ съ паровозомъ, пока колеса не сдѣлаютъ нѣсколькихъ оборотовъ, послѣ чего нужно было закрыть краны на ходу и вскочить на паровозъ. Отсѣчку пара нельзя было мѣнять. Кромѣ того, питаніе котла производилось насосомъ, и для машиниста не было крытой будки на паровозѣ.

Всѣхъ паровозовъ было поставлено 162, изъ коихъ 42 пассажирскихъ и 120 товарныхъ. Вагоновъ было 2 императорскихъ, 72 пассаж. и около 2.570 товарныхъ вагоновъ и платформъ.

6-го августа 1851 г., было высочайше утверждено положе-

ніе о составѣ управленія с.-петербурго-московской желѣзной дороги и объявлено къ руководству 23-го сентября, въ видѣ опыта, на 5 лѣтъ.

Во главѣ управленія былъ поставленъ начальникъ дороги, изъ генераловъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, и при немъ помощникъ изъ штабъ-офицеровъ того же корпуса, а также канцелярія изъ 14 чиновниковъ, кромѣ писарей, курьеровъ и сторожей, одинъ механикъ и одинъ вагенмейстеръ. Составъ управленія подраздѣлялся на 4 отдѣла или частныхъ состава: дорожный, станціонный, подвижной и телеграфическій.

Дорога раздѣлялась на восемь отдѣленій, съ ихъ начальниками во главѣ, и на 34 дистанціи, ввѣренныхъ начальникамъ дистанцій. При каждомъ начальникѣ отдѣленія—его помощникъ и небольшая канцелярія. Сверхъ того, въ дорожномъ составѣ находились: дорожная стража (путевая, переѣздная у заставъ, стрѣлочная у стрѣлокъ и мостовая у американскихъ мостовъ), подвижныя рабочія команды и мостовые мастера. Посты путевой дорожной стражи размѣщены были чрезъ каждую версту, при чемъ на каждомъ посту полагалось два сторожа: одинъ денной, а другой—ночной. Всѣхъ сторожей было 2.073, изъ нихъ 1.200 путевыхъ, 280 переѣздныхъ, 483—стрѣлочныхъ и 110—мостовыхъ. На каждыя 10 верстъ дороги назначалась подвижная команда изъ одного мастерового и 10 рабочихъ; сверхъ того, было 17 мостовыхъ мастеровъ. Такимъ образомъ, въ дорожномъ составѣ было всего 2.750 нижнихъ чиновъ, составлявшихъ 11 военнорабочихъ ротъ (отъ № 1 до № 11 включительно), по 250 человѣкъ въ каждой.

Станціонный составъ заключалъ въ себѣ: начальниковъ станцій съ ихъ помощниками, кассировъ и станціонныя команды. Начальники станцій, съ однимъ помощникомъ при каждомъ, назначены были лишь на 9 станціяхъ I и II классовъ и на пяти товарныхъ станціяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Твери, на Волховской станціи и въ Завидовѣ); на прочихъ станціяхъ обязанности ихъ начальниковъ были возложены на кассировъ. На каждую станцію I и II классовъ, кромѣ столичныхъ и тверской, на десять станцій III и IV классовъ и на отдѣльные пассажирскіе дома, назначено было по одному кассиру; на станціяхъ с.-петербургской и московской—по 5 кассировъ на каждой, и на станціи тверской—два кассира. Всѣхъ кассировъ было 31. Нижнихъ чиновъ въ станціонномъ составѣ положено было 750, изъ нихъ 2 швейцара (на столичныхъ станціяхъ), 57 вѣсовщиковъ,

101 носильщиковъ и 590 сторожей. Нижніе чины эти составляли 3 военнорабочихъ роты (№№ 12, 13 и 14).

Подвижной составъ заключалъ въ себѣ машинистовъ съ ихъ помощниками и кочегарами, и оберъ-кондукторовъ съ кондукторами. Составъ этотъ былъ опредѣленъ по разсчету двухъ паръ пассажирскихъ и четырехъ паръ товарныхъ поѣздовъ въ сутки. Пассажирскіе поѣзда должны были слѣдовать въ составѣ одного паровоза и 7 вагоновъ (5 пассажирскихъ, 1 багажнаго и 1 почтоваго), со среднею скоростью 37½ верстъ въ часъ, а товарные въ составѣ одного паровоза и 15 товарныхъ вагоновъ или платформъ, со среднею скоростью 15 верстъ въ часъ. Въ пути между С.-Петербургомъ и Москвою пассажирскіе поѣзда должны были находиться 18 часовъ, а товарные—48 часовъ.

Служба паровозныхъ и вагонныхъ бригадъ распредѣлена была такимъ образомъ, чтобы паровозная бригада дѣлала въ сутки одинъ оборотъ между двумя паровозными депо (отъ 70 до 80 верстъ въ одну сторону, и столько же обратно) и, послѣ каждыхъ двухъ сутокъ, имѣла бы третьи сутки для отдыха; вагонная же бригада, послѣ 300-верстнаго проѣзда съ пассажирскимъ поѣздомъ или 150-верстнаго проѣзда съ товарнымъ поѣздомъ, смѣнялась бы и на другой день возвращалась, съ поѣздомъ обратнаго направленія, на свою станцію, гдѣ она также имѣла бы суточный отдыхъ, послѣ двухсуточной работы. Всѣхъ паровозныхъ бригадъ, состоявшихъ каждая изъ машиниста, его помощника и кочегара, назначено было 48 для поѣздныхъ паровозовъ и 9 для запасныхъ паровозовъ (на станціяхъ III класса), всего 57 бригадъ или 171 человѣкъ, а съ 79 запасными—250 человѣкъ. Въ каждой кондукторской бригадѣ было: пассажирской—1 оберъ-кондукторъ и 11 кондукторовъ, и товарной—1 оберъ-кондукторъ и 3 кондуктора, что̀ составитъ на 8 пассажирскихъ и 32 товарныхъ бригады, съ добавленіемъ, сверхъ того, запасныхъ 20 оберъ-кондукторовъ и 56 кондукторовъ, 60 оберъ-кондукторовъ и 240 кондукторовъ, т.-е. 300 человѣкъ. Паровозныя и кондукторскія бригады составляли двѣ кондукторскихъ роты (№№ 1 и 2).

Для дѣйствія 74 аппаратами электромагнитнаго телеграфа желѣзной дороги назначено было 222 сигналиста, изъ коихъ 74—унтеръ-офицерскаго званія. Кромѣ того, для надзора за сигналистами назначено было еще 34 унтеръ-офицера и 2 оберъ-офицера (по одному на каждой изъ столичныхъ станцій). Сигналисты и унтеръ-офицеры, а также и 34 сторожа при теле-

графѣ, всего 290 человѣкъ, составили одну телеграфическую роту с.-петербурго-московской желѣзной дороги.

Чины всѣхъ четырехъ составовъ распредѣлены были между 8-ью отдѣленіями дороги, и въ лицѣ каждаго изъ начальниковъ отдѣленій сосредоточивалось завѣдываніе, въ предѣлахъ отдѣленія, всѣми частями управленія, за исключеніемъ части коммерческой, объ организаціи которой будетъ сказано ниже.

Такимъ образомъ, при открытіи дороги въ 1851 г. для правильнаго движенія, общее число служащихъ и нижнихъ чиновъ доходило до 4.489 человѣкъ (149 инженеровъ офицеровъ и чиновниковъ и 4.340 нижнихъ чиновъ). Чрезъ 45 лѣтъ, т.-е. въ 1896 г., общее число служащихъ и рабочихъ возросло на дорогѣ до 11.538 человѣкъ, не считая въ этой цифрѣ 777 временныхъ служащихъ и рабочихъ. Содержаніе этого громаднаго личнаго состава обходилось въ 1896 г.—около 2.300.000 руб.

27-го сентября 1851 г., назначенъ былъ начальникомъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги инженеръ генералъ-маіоръ Романовъ, состоявшій передъ тѣмъ начальникомъ опытнаго пути дороги; помощникомъ былъ назначенъ къ нему инженеръ-полковникъ Ераковъ. Начальниками отдѣленій были назначены инженеры: Клоковъ, Керсновскій, Шландеръ, Семичевъ, Штукенбергъ, Миклуха, Смоликовскій и Шернваль.

Хотя правильное движеніе для публики и было открыто на с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ—между С.-Петербургомъ и ст. Колпино (на протяженіи 23$^1/_2$ в.) еще 7 мая 1847 г., а между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью (на протяженіи 111 в.) въ іюнѣ 1850 г.,—но сквозное правильное движеніе, по всему протяженію дороги, началось лишь съ 1 ноября 1851 года.

Заимствуемъ въ одной изъ того времени газетъ [1]) описаніе отправленія изъ С.-Петербурга въ Москву перваго сквозного пассажирскаго поѣзда.

„Сегодня, въ четвергъ 1 ноября, двинулся первый всенародный поѣздъ по новой желѣзной дорогѣ въ Москву. Съ утра большое число публики столпилось предъ станціею и наполнило обширныя ея сѣни. Въ одномъ отдѣленіи записывали виды проѣзжающихъ, въ другомъ—продавались билеты на проѣздъ, въ третьемъ—принимался багажъ пассажировъ. Принятый багажъ кладется въ багажный вагонъ, стоящій подъ навѣсомъ, такъ что вещи не могутъ испортиться отъ дождя и снѣга. Получивъ би-

---

[1]) „Сѣверная Пчела“, 1851 г., № 245.

леть, пассажиръ входитъ въ просторныя сѣни, гдѣ ожидаетъ времени отправленія.

„Въ вагонахъ перваго класса устроены для пассажировъ покойныя кресла, въ которыхъ можно и растянуться, и уснуть. Вагоны второго класса уступаютъ первымъ только изяществомъ отдѣлки, а не удобствомъ: просторно, свѣтло, уютно. Но всего достойнѣе замѣчанія мѣста третьяго класса, назначенныя для простого народа. Вагоны просторные; скамьи снабжены спинками.

„При отправленіи поѣзда присутствовали: графъ Клейнмихель, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, оберъ-полицеймейстеръ и многія другія лица.

„Въ 11 ч. утра раздался первый звонокъ колокольчика, черезъ пять минутъ другой, а въ 11 ч. 15 м. поданъ былъ знакъ свисткомъ, и поѣздъ, везомый паровозомъ подъ № 154-мъ, двинулся при общихъ радостныхъ восклицаніяхъ и при усердномъ пожеланіи, какъ этому поѣзду, такъ и всѣмъ послѣдующимъ, счастливаго пути. Въ поѣздѣ было пассажировъ: перваго класса —17, второго—63 и третьяго—112.

„Поѣздъ прибудетъ въ Москву въ пятницу въ 9 часовъ утра".

Плата за проѣздъ пассажировъ между оконечностями дороги была назначена: въ первомъ классѣ—19 р., во второмъ—13 р. и въ третьемъ—7 рублей; но недостаточные могли пользоваться и товарными поѣздами, гдѣ плата за проѣздъ была назначена, за все протяженіе дороги, всего въ 3 рубля; при этомъ, однакоже, пассажировъ возили иногда и на открытыхъ платформахъ, на которыхъ были укрѣплены скамейки.

„Желавшимъ предоставлялось также ѣхать въ пассажирскихъ поѣздахъ въ собственныхъ экипажахъ, съ платою за экипажъ—80 р., и за каждаго пассажира: внутри экипажа—13 р. и снаружи—7 руб. За провозъ въ товарныхъ поѣздахъ товаровъ, между С.-Петербургомъ и Москвою, взималось, смотря по роду товаровъ, 15, 20, 30 и 40 к. съ пуда".

Штукенбергъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, также описываетъ первый день открытія с.-петербурго-московской желѣзной дороги для сквозного движенія:

„Живо помню, — говоритъ онъ, — этотъ день, когда многосложная машина пошла въ правильный ходъ, а главное, помню первую ночь послѣ этого дня, темную осеннюю ночь, когда зги не было видно. Поѣзды, приходившіе и отходившіе отъ Бологовской станціи, какъ бы тонули во мракѣ: паровозы двигались

взадъ и впередъ по путямъ станціи, раздражая, съ непривычки, нервы—своимъ стукомъ, шумомъ и свистомъ.

„Движеніе развивалось: проходило много поѣздовъ съ пассажирами и грузами. Бологовская станція, гдѣ я служилъ, находится по рединѣ между столицами, и поѣзда сходились здѣсь въ одно и то же время: одни справа пассажирскаго зданія, другіе—слѣва. Залы наполнялись народомъ, но съ уходомъ поѣздовъ мгновенно пустѣли, и все погружалось въ мракъ и молчаніе, такъ что станція походила на волшебный зàмокъ, который вдругъ смолкалъ и пустѣлъ.

„Особенно шумно было отправленіе пассажировъ изъ столицъ. Въ Петербургѣ графъ Клейнмихель въ первое время занимался этимъ лично самъ и для этого имѣлъ на станціи особый свой кабинетъ. Ежедневно онъ присутствовалъ при отправленіи почтоваго поѣзда, а иногда и при отправленіи пассажирскихъ поѣздовъ. Онъ требовалъ, чтобы всѣ находившіеся въ залахъ станціи были безъ шапокъ или фуражекъ, и самъ первый показывалъ этому примѣръ“ [1]).

Это требованіе не было, однакоже, настолько стѣснительно для пассажировъ, какъ установленное 14-го октября 1851 г. правило, обязывавшее ихъ предъявлять при отъѣздѣ присвоенные ихъ званію письменные виды и удостовѣренія полиціи о неимѣніи препятствій къ выѣзду. Предъявленіе этихъ послѣднихъ удостовѣреній было отмѣнено въ декабрѣ 1851 г., но представленіе для полученія пассажирскаго билета письменныхъ видовъ, которые здѣсь же записывались въ особыя книги, требовалось еще въ продолженіе многихъ лѣтъ. Отъ этого требованія освобождены были лишь лица, ѣздившія на загородныя гулянья и дачи, и пригородные крестьяне, совершавшіе короткіе переѣзды.

Въ 1851 г., послѣдовали еще два правительственныхъ распоряженія, касавшихся с.-петербурго-московской желѣзной дороги: 21-го октября объявлено было къ руководству положеніе о содержаніи мостовъ американской системы, а 22-го октября—временной жандармскій эскадронъ, состоявшій при дорогѣ, былъ подчиненъ, въ полномъ его составѣ, начальнику дороги.

14-го марта 1852 г. объявлено къ руководству высочайше утвержденное 13-го дек. 1851 г. положеніе о перевозкѣ почтъ по с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ, а 30-го іюня того же года учреждено пассажирское сообщеніе помощью почто-

---

[1]) Послѣ смерти графа Клейнмихеля, послѣдовавшей 3-го февраля 1869 года, поставленъ былъ на петербургской пассажирской станціи николаевской желѣзной дороги большой его портретъ, въ память его трудовъ для дороги.

выхъ экипажей съ Новгородомъ (отъ Чудова) и съ Торжкомъ (отъ Вышняго-Волочка).

10-го іюля 1852 г., высочайше утверждено положеніе о коммерческомъ агентствѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, а 28-го іюля, въ развитіи этого положенія, изданъ главноуправляющимъ приказъ о порядкѣ пріема, храненія, сдачи и отправленія коммерческимъ агентствомъ товаровъ и грузовъ. Всѣ эти операціи были сданы на 12 лѣтъ агентству, во главѣ котораго былъ поставленъ, съ утвержденія государя, коммерціи совѣтникъ Харичковъ, съ правомъ считаться по должности въ VI классѣ и носить мундиръ этого класса. Агентство явилось самостоятельнымъ посредникомъ между грузохозяевами и управленіемъ дорогою за коммиссіонную плату, взимаемую съ грузохозяевъ, въ размѣрѣ, смотря по роду товаровъ, 1 или 2 коп. съ пуда, или 5% съ провозной платы. По истеченіи 12 лѣтъ, т.-е. въ 1864 г., агентство было упразднено, и завѣдываніе коммерческими операціями возложено на управленіе дорогою.

10-го іюля 1852 г., с.-петербурго-московская желѣзная дорога была раздѣлена, вмѣсто 8 отдѣленій и 34 дистанцій, на 5 отдѣленій и 24 дистанціи, при чемъ отдѣленія имѣли протяженіе: крайнія два—77 и 85 верстъ, и среднія три—139, 151 и 152 версты. Изъ инженеровъ, бывшихъ начальниками отдѣленій,—выбыли: Шландеръ, Семичевъ и Смоликовскій [1]). Тѣмъ же приказомъ главноуправляющаго назначено было 4 офицера корпуса инженеровъ, т.-е. для надзора за техническою частью и отправленіемъ поѣздовъ на станціи: Любань, Окуловку, Спирово и Клинъ.

25-го октября 1852, вмѣсто генералъ-маіора Романова, назначенъ начальникомъ с.-петербурго-московской жел. дор. бывшій начальникъ южной дирекціи, генералъ-маіоръ Крафтъ, а 18-го декабря того же года, вмѣсто Еракова, назначенъ помощникомъ къ Крафту—П. П. Зуевъ I.

20-го ноября, на станціи Ушаки произошло столкновеніе двухъ товарныхъ полупоѣздовъ, при чемъ былъ убитъ кондукторъ и были попорчены паровозъ и нѣсколько вагоновъ. Объявляя объ этомъ случаѣ, въ приказѣ отъ 25-го ноября, графъ Клейнмихель

---

[1]) Авторъ замѣтокъ изъ исторіи желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, Ант. Ив. Штукенбергъ, въ то время уже подполковникъ, оставался начальникомъ III отдѣленія с.-петербурго-московской жел. дороги до 14-го января 1855 г., послѣ чего онъ былъ назначенъ, вмѣстѣ съ 8-ю другими инженерами, въ распоряженіе новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, для устройства дорогъ въ тылу дѣйствовавшей въ Крыму арміи.

замѣчаетъ, что причиною несчастія было отправленіе товарнаго поѣзда изъ С.-Петербурга въ чрезмѣрномъ составѣ 25 вагоновъ и безъ соотвѣтствующаго числа кондукторовъ. На колпинской станціи машинистъ раздѣлилъ поѣздъ на двѣ части, не рѣшившись везти его въ полномъ составѣ на степановскій и тосненскій подъемы. При этомъ графъ Клейнмихель сдѣлалъ распоряженіе о преданіи военному суду начальника отдѣленія Клокова, за то, что онъ не присутствовалъ лично при отправленіи поѣзда и не замѣнилъ себя своимъ помощникомъ. Вмѣсто Клокова, былъ назначенъ Кёнигъ.

4-го іюня 1853 г., директоръ департамента желѣзныхъ дорогъ—Каменскій—былъ замѣненъ членомъ совѣта главнаго управленія, тайнымъ совѣтникомъ Аверкіевымъ, остававшимся въ этой должности до 31-го дек. 1855 г., т.-е. до назначенія своего въ сенатъ.

Въ іюнѣ 1853 г., по с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ были перевезены въ С.-Петербургъ и его окрестности, изъ Твери и Москвы, различныя части войскъ въ составѣ 81 экстреннаго поѣзда. По случаю этой перевозки объявлено было 14-го іюня особое монаршее благоволеніе, „за отличную распорядительность, порядокъ, устройство и точность, соблюденные во всѣхъ частяхъ“, графу Клейнмихелю, Крафту и всѣмъ офицерамъ, „содѣйствовавшимъ въ таковомъ примѣрно-успѣшномъ слѣдованіи войскъ“.

13-го іюля 1853 г., полицейское управленіе с.-петербурго-московской желѣзной дороги было раздѣлено на 5 отдѣленій, по числу отдѣленій дороги. Во главѣ управленія былъ поставленъ полковникъ Дурново, котораго 30-го марта 1854 г. замѣнилъ капитанъ Николаевъ.

11-го апрѣля 1854 г., начальнику дороги Крафту пожалована была табакерка, украшенная брилліантами.

7-го мая 1854, высочайше утверждено положеніе объ электромагнитномъ телеграфѣ, устроенномъ между С.-Петербургомъ и Москвою, вдоль желѣзной дороги. Телеграфъ поставленъ въ вѣдѣніе начальниковъ отдѣленій, въ предѣлахъ отдѣленія, завѣдываемаго каждымъ изъ нихъ; все же телеграфическое управленіе, въ полномъ его составѣ, подчинено начальнику дороги.

5-го іюня 1854 г., за труды и отличное усердіе, оказанные при доставленіи въ С.-Петербургъ, по с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ, значительнаго числа войскъ, объявлено было особенное монаршее благоволеніе: Крафту, его помощникамъ, Данненштерну и Зуеву, и пяти начальникамъ отдѣленій, и мо-

наршее благоволеніе 30-ти поименованнымъ въ приказѣ офицерамъ.

16-го іюня 1855 г., Крафтъ получилъ новое назначеніе (должность начальника XIII округа путей сообщенія), а вмѣсто него былъ назначенъ начальникомъ дороги инженеръ-полковникъ Серебряковъ.

Закончимъ эту лѣтопись с.-петербурго-московской желѣзной дороги словали августѣйшаго преемника императора Николая I, повелѣвшаго, 8-го сентября 1855 г., „въ память сооруженія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги повелѣніемъ въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича и во вниманіе, что путь этотъ, по своему устройству, достоинъ носить имя Высочайшаго основателя его", наименовать означенную дорогу „Николаевскою желѣзною дорогою".

Послѣднимъ приказомъ графа Клейнмихеля, касавшимся николаевской желѣзной дороги, былъ приказъ 21-го сентября 1855 г., объявленный имъ по случаю высочайшаго проѣзда по дорогѣ. Вотъ этотъ приказъ: „Въ теченіе первой половины сего сентября, государь императоръ, государыня императрица и вся императорская фамилія изволили слѣдовать по Николаевской желѣзной дорогѣ. Сопровождая ихъ императорскія величества, я шесть разъ проѣхалъ по этому пути и, къ особенному моему удовольствію, убѣдился въ отличномъ порядкѣ и устройствѣ всѣхъ частей и исполненіи всѣмъ и каждымъ изъ чиновъ Николаевской желѣзной дороги обязанности своей съ примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ усердіемъ. Мнѣ пріятно объявить симъ приказомъ мою совершенную благодарность за таковое полезное служеніе: начальнику дороги (Серебрякову), его помощнику (Зуеву), пяти начальникамъ отдѣленій, пяти помощникамъ ихъ, восемнадцати начальникамъ дистанцій, двумъ состоящимъ въ управленіи инженерамъ (всѣ эти лица въ приказѣ поименованы) и всѣмъ начальникамъ станцій и ихъ помощникамъ. Но, въ особенности, благодарю контрагента подвижного состава дороги, американскаго консула Уайненса, за исправное состояніе подвижного состава и усердіе, имъ оказываемое въ исполненіи принятой имъ на себя обязанности".

Не прошло и мѣсяца по изданіи этого приказа, какъ графъ Клейнмихель уже оставилъ свой постъ главноуправляющаго путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Въ представленномъ имъ государю „обзорѣ главныхъ распоряженій и работъ, по указаніямъ незабвеннаго и вѣчной памяти достойнаго, въ Бозѣ почившаго государя императора Николая

Павловича произведенныхъ по вѣдомству п. с. и п. зд. съ 1842 г. до 1855 г.", между прочимъ, относительно николаевской желѣзной дороги сказано:

„Новость дѣла и особенно мѣстность дороги, проходящей въ сѣверномъ климатѣ, по топкимъ болотамъ и пустыннымъ мѣстамъ, прорѣзывающей Валдайскія горы, обойти которыхъ было нельзя, представляли чрезвычайныя затрудненія не только при производствѣ работъ, но и въ самомъ проектированіи дороги и всѣхъ ея сооруженій. Препятствія эти преодолѣны, дорога сооружена и сооружена русскими инженерами. Только одинъ былъ иностранецъ, и то не строитель, а совѣщательный инженеръ.

„Сооруженіемъ дороги не оканчивался трудъ: нужно было имѣть локомотивы и вагоны. Все это сдѣлано здѣсь; на дорогѣ имѣется: 163 локомотива, 2.078 вагоновъ и 580 платформъ. Наши рабочіе, занимаясь болѣе 10 лѣтъ подъ руководствомъ опытныхъ американскихъ и англійскихъ мастеровъ, усвоили себѣ необходимыя познанія, и теперь въ мастерскихъ желѣзной дороги русскіе производятъ труднѣйшія работы безъ всякихъ уже указаній. Преобразованъ чугунно-литейный заводъ, такъ что онъ навсегда можетъ служить механическимъ заведеніемъ для ремонта и обновленія средствъ къ движенію по желѣзной дорогѣ.

„Чтобы открыть движеніе по Николаевской желѣзной дорогѣ, необходимо было приготовить механиковъ, прислугу поѣздовъ, должностныхъ лицъ при станціяхъ и дорожную стражу. Благодаря Бога, это многотрудное дѣло совершено, и Николаевская дорога имѣетъ въ своемъ управленіи составы: дорожный, станціонный и подвижной. Служба ихъ свидѣтельствуется исправностью поѣздовъ".

Далѣе графъ Клейнмихель поименовываетъ въ своемъ обзорѣ всѣ положенія и инструкціи, которыя изданы или изготовлены къ изданію для руководства служащихъ на дорогѣ, и затѣмъ продолжаетъ:

„Учреждено коммерческое агентство Николаевской желѣзной дороги, по предварительному соглашенію съ биржевымъ торговымъ сословіемъ и съ министромъ финансовъ. Учрежденіемъ этого агентства отправители товаровъ и грузовъ облегчены въ отношеніи платежей, управленіе дороги освобождено отъ разсчетовъ и распоряженій по пріему и сдачѣ перевозимой клади, и казна, за обязанностью агентства устроить пакгаузы для склада перевозимыхъ товаровъ и имѣть для сего прислугу, освобождена отъ расходовъ на этотъ предметъ".

Въ заключеніе графъ Клейнмихель указываетъ, что со вре-

мени открытія дороги она перевезла до 3$^1/_4$ милл. пассажировъ, свыше $^1/_2$ милл. войскъ и около 50 милл. пудовъ клади.

Историческій очеркъ нашъ представлялся бы, въ отношеніи николаевской желѣзной дороги, неполнымъ, еслибы мы упустили сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія о стоимости этой дороги.

Когда приступили къ ея постройкѣ, то предполагали, что желѣзная дорога обойдется отъ 50 до 60 милл. рублей.

Въ указѣ, 1 февраля 1842 г., было, между прочимъ, сказано, что потребные на возведеніе желѣзнаго пути между столицами денежные способы имѣютъ быть приготовлены министромъ финансовъ отдѣльно отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ. Въ виду этого рѣшено было пріобрѣсти средства на постройку дороги путемъ внѣшнихъ 4% займовъ, и первый изъ такихъ займовъ, въ суммѣ 8 милліоновъ рублей, разрѣшенъ былъ указомъ министру финансовъ, отъ 4 августа 1842 г. Реализація означеннаго займа была возложена на коммерческій домъ императорскаго банкира, барона Штиглица, который, какъ сказано въ указѣ: „изъявилъ при семъ случаѣ похвальную готовность, съ особымъ усердіемъ содѣйствовать благоуспѣшному совершенію сего важнаго отечественнаго предпріятія". За симъ, въ 1843, 1844, 1847 и 1849 годахъ, чрезъ посредство того же банкирскаго дома, заключены были внѣшніе займы на тотъ же предметъ (2-ой, 3-ій, 4-ый и 5-ый) на суммы 8, 12 и 14 милл. рублей и 5$^1/_2$ милл. фунтовъ стерлинговъ, всего на номинальную сумму—76.300.000 р., изъ коихъ, при реализаціи, было получено дѣйствительныхъ 70.285.096 р. Кромѣ того, въ царствованіе императора Николая I и при его преемникѣ, въ 1856 г., на постройку дороги и на дополнительныя работы заимствованы были: изъ заемнаго банка, изъ с.-петербургской сохранной казны и изъ московской сохранной казны—49.133.147 рублей; и наконецъ, для той же цѣли, въ 1847 г. были выпущены 4 серіи билетовъ государственнаго казначейства на сумму 12.000.000 р. Всего, путемъ займовъ реализовано было для постройки николаевской желѣзной дороги, по 1856 г. включительно—131.418.243 рубля.

Изъ этой суммы издержано, однакоже, на николаевскую желѣзную дорогу, по 1856 г. включительно, всего 74.540.372 р., а остальныя деньги употреблены на уплату процентовъ и погашенія по заключеннымъ займамъ и на другіе, посторонніе дорогѣ, расходы.

Съ 1857 по 1 сент. 1868 г. (день передачи николаевской желѣзной дороги въ эксплуатацію частному обществу), издержано

еще на дополнительныя работы николаевской желѣзной дороги—5.555.951 рубль, такъ что строительная стоимость означенной дороги, не включая въ нее расходовъ на реализацію капитала и процентовъ во время постройки дороги, составляла по 1 сентября 1868—80.096.323 р.

По отдѣльнымъ (крупнымъ) статьямъ расходовъ сумма эта распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

I.—Общіе расходы (содержаніе инженеровъ, служащихъ и рабочихъ, наемъ помѣщеній, перевозка и уборка матеріаловъ и проч.)	4.638.468	рубл.
II.—Отчужденіе земель	2.295.157	„
III.—Земляное полотно	19.685.957	„
IV.—Верхнее строеніе (въ томъ числѣ рельсы и скрѣпленія на сумму свыше 6 милл. рубл.) . .	15.249.725	„
V.—Мосты и трубы (въ томъ числѣ замѣна Сходнинскаго моста насыпью и трубою, стоившею около 170.000 р.)	10.644.971	„
VI.—Переѣзды чрезъ желѣзную дорогу, будки и принадлежности пути	1.780.518	„
VII.—Зданія для помѣщенія подвижного состава и его ремонта, водоснабженія.	2.747.294	„
VIII.—Станціонныя постройки, жилые дома и сады. .	12.096.859	„
IX.—Телеграфъ.	572.468	„
X.—Подвижной составъ, запасныя части, мебель, вѣсовые помосты и проч. (въ томъ числѣ собственно подв. составъ—7.274.000 р.)	10.143.399	„
Итого . .	79.854.815	рублей.

Если къ этому добавить еще стоимость двухъ вѣтвей (кромѣ рельсовъ и скрѣпленій): къ Александровскому главному механическому заводу (2,18 вер.)—149.362 р., и къ пристани на р. Волгѣ въ Твери (4,9 вер.)—92.146 р., а всего добавить—241.508 р., то получится приведенная выше цифра—80.096.323 р. [1]).

Раздѣливъ строительную стоимость дороги (79.854.815 р.) на протяженіе дороги (604,2 версты),—окажется, что поверстная стоимость николаевской желѣзной дороги составляла, по 1 сентября 1868 г., около 132.000 рублей, а безъ рельсовъ, скрѣпленій и подвижного состава—около 110.000 рублей.

Цифра эта, по сравненію съ другими нашими желѣзными дорогами, весьма высока, въ особенности если принять въ соображеніе, что мосты были съ деревянными фермами; что станціи

[1]) Цифры стоимости николаевской желѣзной дороги и ихъ распредѣленіе по статьямъ заимствованы изъ „Сборника свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи“ за 1868 г., стр. 95—99, и изъ № 49 „Журнала министерства путей сообщенія“ за 1887 г. Отдѣлъ желѣзнодорожный, стр. 717—731.

были построены съ весьма малымъ развитіемъ путей и почти безъ помѣщеній для склада товаровъ; что для главныхъ мастерскихъ воспользовались готовымъ заводомъ и т. п. Московско-курская желѣзная дорога, строившаяся чрезъ 14 лѣтъ по окончаніи николаевской желѣзной дороги, обошлась, безъ рельсовъ, скрѣпленій и подвижного состава, менѣе 50.000 р. на версту, а дорога екатерининская, къ постройкѣ которой было приступлено почти чрезъ 30 лѣтъ по открытіи для движенія николаевской желѣзной дороги, обошлась, считая по 1 января 1886 г., безъ рельсовъ, скрѣпленій и подвижного состава, но съ ихъ доставкою, 45.168 р. на версту протяженія [1]), при чемъ въ этой цифрѣ стоимости дороги заключаются и издержки на сооруженіе грандіознаго моста чрезъ р. Днѣпръ въ Екатеринославлѣ, обошедшагося около 4 милліоновъ рублей (что̀ составляетъ на версту дороги около $8^1/_2$ тыс. рубл.) и на самой дорогѣ всѣ постройки и даже заборы каменные. При этомъ надо, однакоже, имѣть въ виду, что екатерининская дорога была построена всего въ одинъ путь.

Главнѣйшими причинами дороговизны николаевской желѣзной дороги были:

1) весьма продолжительный (9-ти-лѣтній) срокъ ея постройки, зависѣвшій отъ недостаточности годовыхъ кредитовъ, которые на эту постройку ассигновывались (отъ $4^1/_2$ до $11^1/_2$ милл. рубл.). Вслѣдствіе столь продолжительнаго срока постройки дороги— общіе расходы были несоразмѣрно велики;

2) стремленіе построить желѣзную дорогу сразу въ два пути и съ наилучшими для ея эксплоатаціи условіями. Въ этомъ отношеніи николаевская желѣзная дорога останется всегда образцомъ для другихъ дорогъ;

3) затруднительная для постройки желѣзной дороги болотистая и пересѣченная мѣстность; а насколько эти затрудненія были велики, можетъ служить доказательствомъ веребьинская обходная линія желѣзной дороги, протяженіемъ 20,8 верстъ, построенная съ 1877 по 1881 годъ включительно и стоившая, вмѣстѣ съ мостомъ чрезъ р. Мсту (который обошелся около 1.800.000 р.) —5.248.000 р., что̀ составляетъ на версту протяженія этой линіи (съ рельсами и скрѣпленіями) около 250.000 рублей;

4) новость дѣла, не только у насъ, но и за границею, гдѣ къ тому времени также не выработались еще практическіе пріемы

---

[1]) Цифра эта взята изъ 13-го выпуска „Статистическаго сборника министерства путей сообщенія“ за 1884—1885 гг., стр. 2.

сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Укажемъ, напримѣръ, что укладка верхняго строенія и пути обошлась на николаевской желѣзной дорогѣ около 1.600 рубл. на версту длины каждаго пути, нынѣ же работа эта обходится всего отъ 250 до 300 р. съ версты; и, наконецъ,—

5) отчасти, чрезмѣрныя требованія въ отношеніи чистой отдѣлки сооруженій, безполезной для ихъ прочности.

Съ 1868 г., въ теченіе 30 лѣтъ, произведены были на николаевской желѣзной дорогѣ еще многія весьма крупныя работы: по замѣнѣ деревянныхъ мостовъ желѣзными, по развитію станцій и водоснабженій, по расширенію мастерскихъ и, въ особенности, по увеличенію количества и улучшенію подвижного состава, такъ что къ концу 1896 года капиталы, затраченные на устройство николаевской желѣзной дороги, соотвѣтствуютъ поверстной стоимости въ 140.846 рубл. мет. [1]), или (кругло) 211.000 рублей кредитныхъ.

Хотя правильное пассажирское и товарное движеніе открыто было по с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ на всемъ ея протяженіи лишь съ 1 ноября 1851 г., но уже и при опытномъ движеніи, начиная съ 7 мая 1847 г., по дорогѣ перевозили за плату пассажировъ и грузы. По 1 января 1852 г. перевезено было за плату всего около 1/2 милліона пассажировъ и немного болѣе 1 милліона пуд. грузовъ; но съ 1 января 1852 г. дорога начала правильно работать, и доходность ея стала съ каждымъ годомъ увеличиваться, преимущественно отъ товарнаго движенія, такъ какъ движеніе пассажирское развивалось сначала весьма медленно.

Въ 1852 г., перевезено было (круглою цифрою)—780 тыс. пассажировъ; въ 1853 г.—957 тысячъ; затѣмъ, до 1862 г. включительно, дорога перевозила отъ 1.069 до 1.287 тысячъ пассажировъ; между тѣмъ, въ то же самое время перевезено было грузовъ: въ 1852 г.—10 1/4 милл. пуд.; въ 1853 г.—15 1/2 милл. пуд.; въ 1856 г.—23 3/4 милл. пуд.; въ 1862 г.—до 32 милл. пудовъ.

Въ 1872 г. перевезено было	. 1.582.000	пасс. и	около	76 милл.	пуд. тов.
„ 1886 „ „ „	. 1.656.000	„ „	свыше	163	„ „
„ 1896 „ „ „	. 3.373.000	„ „	до	326 1/2	„ „

Валовой доходъ дороги и чистая ея выручка выражаются слѣдующими круглыми цифрами:

---

[1]) „Статистическій сборникъ министерства путей сообщенія", выпускъ 53-ій Свѣдѣнія о желѣзныхъ дорогахъ за 1896 г. Таблица 1-ая, стр. 7.

Въ 1852 г.	валовой доходъ былъ	. .	4.419.000	руб.	и чист. выр.	1.651.000	руб.
„ 1853 „	„ „ „	. .	5.302.000	„	„ „ „	1.902.000	„
„ 1854 „	„ „ „	. .	4.707.000	„	„ „ „	1.082.000	„
„ 1862 „	„ „ „	. .	8.586.000	„	„ „ „	2.451.000	„
„ 1872 „	„ „ „	. .	16.788.000	„	„ „ „	9.032.000	„
„ 1886 „	„ „ „	. .	20.740.000	„	„ „ „	12.034.000	„
„ 1896 „	„ „ „	. .	31.980.000	„	„ „ „	17.339.000	„

Въ 1897 г. валовой доходъ дошелъ уже до громадной цифры—34 милліоновъ рублей.

Императору Николаю I-му не суждено было пожать плоды отъ трудовъ своихъ въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ: въ его царствованіе движеніе по с.-петербурго-московской желѣзной дорогѣ, не имѣвшей за Москвою дальнѣйшаго продолженія рельсовыми путями, не могло получить надлежащаго развитія, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы этого царствованія восточная война тяжело отражалась на нашей промышленности и торговлѣ; но какъ бы грандіозны ни были предположенія основателя николаевской дороги объ ея будущности,—нѣтъ сомнѣнія, что когда постройка этой дороги была рѣшена, никто не могъ даже себѣ и представить, чтобы когда-либо перевозка по ней достигла почти $3^1/_2$ милліоновъ пассажировъ и $^1/_3$ милліарда пудовъ товаровъ въ годъ, и чтобы дорога могла дать 34 милліона рублей въ годъ валовой выручки.

VI.

Постройка николаевской желѣзной дороги не была еще вполнѣ окончена, когда состоялось, 15 февраля 1851 г., повелѣніе императора Николая I о производствѣ изысканій для постройки средствами казны с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги. Главное руководство этими изысканіями возложено было на товарища главноуправляющаго, генералъ-маіора Герстфельда, самое же производство изысканій было поручено инженерамъ Павловскому и Петерсу.

23 ноября того же года, государь повелѣлъ соорудить желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Варшавы, начавъ работы съ 1852 года, при чемъ дорогу устроивать одновременно съ двухъ концовъ: отъ С.-Петербурга и отъ Варшавы. Управленіе работами было поручено генералу Герстфельду, при чемъ, нѣсколько позднѣе, именно 21 ноября 1852 г., помощникомъ къ нему назначенъ былъ генералъ Кербедзъ 1, строитель Благовѣщенскаго (Николаевскаго) чрезъ р. Неву моста, ровно за два года передъ

тѣмъ (21 ноября 1850 г.) торжественно освященнаго, въ присутствіи государя, и открытаго для публики.

Начальниками строившихся 4-хъ отдѣленій (1 и 2—отъ С.-Петербурга до Пскова, и 7 и 8—отъ Гродно до Варшавы) были назначены: Алексѣевъ, замѣненный вскорѣ инженеромъ Граве 1-мъ, Гофмейстеръ, Граве 1-й и Мейнгардъ. Не будемъ называть прочихъ инженеровъ, назначенныхъ на работы с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, такъ какъ работы эти не были окончены въ царствованіе императора Николая I, за исключеніемъ участка С.-Петербургъ-Гатчина, на которомъ состояли начальниками дистанцій Павловскій 2-й и Петерсъ.

15 и 16 іюня 1852 г., графъ Клейнмихель, какъ это видно изъ его приказа за № 100, осматривалъ работы и нашелъ, „что онѣ начаты правильно и всѣ распоряженія сдѣланы основательно". Далѣе, выразивъ свою благодарность строителямъ, графъ прибавляетъ: „Да будетъ доброе начало увѣнчано успѣшнымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, окончаніемъ этого важнаго дѣла".

Работы по постройкѣ перваго участка дороги до Гатчины шли настолько успѣшно, что 24 августа 1853 г. графъ Клейнмихель могъ издать слѣдующій приказъ:

„По высочайшему государя императора повелѣнію сооружаемая С.-Петербурго-Варшавская желѣзная дорога должна быть открыта къ движенію, отъ С.-Петербурга до Гатчины, въ октябрѣ сего года. Все движеніе по этому пути, порядокъ, основанія и все устройство должны быть, во всѣхъ частяхъ и отношеніяхъ, безъ малѣйшаго отступленія, по тѣмъ установленіямъ, инструкціямъ и правиламъ, которыя введены мною на С.-Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и вполнѣ на опытѣ оправдались.

„Управляющему работами, инженеръ генералъ-маіору Герстфельду, принявъ это указаніе къ точному и непремѣнному исполненію, представить на мое разрѣшеніе о всѣхъ тѣхъ распоряженіяхъ, кои по сему предмету сдѣлать нужно будетъ.

„Общее завѣдываніе дорогою, подъ начальствомъ генералъ-маіора Герстфельда, поручаю начальнику 1-го отдѣленія С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги подполковнику Граве".

Начальниками станцій было назначены инженеры путей сообщенія Полежаевъ, Вокульскій и Клоковъ, съ возложеніемъ на нихъ завѣдыванія и технической частью.

12 сентября 1853 г., было объявлено къ руководству положеніе о движеніи по с.-петербурго-варшавской желѣзной дорогѣ, а 1 ноября того же года былъ открытъ для публики — первый участокъ этой дороги, отъ С.-Петербурга до Гатчины, протяже-

ніемъ 42 версты. Участокъ этотъ, какъ и николаевская дорога, былъ сразу устроенъ въ два пути.

Работы на прочихъ строившихся участкахъ с.-петербурго-варшавской жел. дороги шли весьма медленно, за недостаткомъ кредитовъ на постройку.

Въ лѣтописи первыхъ двухъ лѣтъ эксплоатаціи гатчинскаго участка желѣзной дороги можемъ отмѣтить слѣдующіе эпизоды.

25 іюня 1854 г., главноуправляющій путями сообщенія и пуб. зд. удостоился получить слѣдующій рескриптъ наслѣдника цесаревича, по случаю перевозки по с.-петербурго-варшавской желѣзной дорогѣ въ Царское-Село, для лагернаго тамъ расположенія, воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній:

„Графъ Петръ Андреевичъ! Пріятнымъ поставляю для себя долгомъ благодарить ваше сіятельство за совершенно успѣшное доставленіе воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, по желѣзной дорогѣ, въ Царское-Село 23 сего іюня и за радушное присутствіе ваше при этомъ отправленіи. Съ отличнымъ уваженіемъ пребываю вамъ искренно-доброжелательный.—Александръ“. Въ октябрѣ 1854 г., государь повелѣлъ произвести изысканія жел. дороги отъ ст. Вильно с.-петербурго-варшавской жел. дороги, чрезъ Ковно, на соединеніе у Эйдткунена съ утвержденнымъ королемъ прусскимъ продолженіемъ кёнигсбергской желѣзной дороги, чрезъ Тапіау, Велау, Инстербургъ и Гумбиненъ, къ россійской границѣ. Изысканія эти и составленіе по нимъ проекта дороги поручены были, 20 октября 1854 г., инженеръ-генералъ-маіору Кербедзу.

Въ ночь съ 10 на 11 февраля, на гатчинской станціи сгорѣлъ до основанія деревянный паровозный сарай, отъ раскалившейся до-красна печи, затопленной на ночь. Объявляя о семъ въ приказѣ по вѣдомству, отъ 11 февраля, графъ Клейнмихель сдѣлалъ распоряженіе объ арестѣ начальника гатчинской станціи, инженера Матусевича, на гауптвахтѣ на 7 сутокъ, „зато, что онъ не наблюдалъ, чтобы печь на ночь не затопляли, и въ особенности не раскаляли, и чтобы между печкою и стѣною не было дровъ“.

Окончить с.-петербурго-варшавскую желѣзную дорогу ни императору Николаю I, ни графу Клейнмихелю, не было суждено. При нихъ пришлось ограничиться лишь открытіемъ для публики гатчинскаго участка; дальнѣйшія же работы по прочимъ участкамъ правительство вынуждено было пріостановить по случаю восточной войны. Дорога и ея вѣтвь къ прусской гра-

ницѣ были построены уже при преемникѣ императора Николая I [1]) и притомъ не на средства и не распоряженіемъ правительства, а чрезъ образованное, 26 января 1857 г., „Главное общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ". Ко времени передачи дороги Главному обществу, на участкѣ отъ Гатчины до Луги земляное полотно и мосты были готовы; между Лугою и Псковомъ и между Бѣлостокомъ и Варшавою—земляныя работы были значительно подвинуты, а между Псковомъ и Динабургомъ работы эти были лишь начаты. Всего израсходовано было казною на всѣ эти работы и на гатчинскій участокъ 18.392.000 рублей.

Чрезъ пять дней послѣ своего увольненія отъ должности главноуправляющаго п. с. и п. зд., въ промежутокъ времени между этимъ увольненіемъ и вступленіемъ въ должность преемника графа, именно 20 октября 1855 г., графъ Клейнмихель объявилъ слѣдующій приказъ по вѣдомству п. с. и п. зд., относительно заказанныхъ имъ для с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги рельсовъ:

„Въ Бозѣ почившему государю императору Николаю Павловичу благоугодно было повелѣть мнѣ озаботиться введеніемъ выдѣлки рельсовъ на нашихъ горныхъ заводахъ. Дѣло это у насъ совершенно новое и непривычное: оно требуетъ новыхъ устройствъ, новыхъ машинъ и особыхъ руководителей, дѣлопроизводство знающихъ.

„Исполняя монаршую его императорскаго величества волю, я успѣлъ согласить на изготовленіе и поставку рельсовъ для с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги двухъ нашихъ горнозаводовладѣльцевъ: наслѣдниковъ Демидова на 1.200.000 пудовъ, и наслѣдниковъ Яковлева на 1.500.000 пудовъ. Заподрядъ этотъ ознакомитъ нашихъ заводчиковъ съ рельсовымъ производствомъ, разовьетъ навыкъ къ этому дѣлу, послужитъ примѣромъ для другихъ владѣльцевъ горныхъ заводовъ, и, такимъ образомъ, возродится въ нашемъ отечествѣ производство столь необходимое. Хотя въ настоящее время заказъ сданъ по цѣнѣ (1 руб. 50 коп. за пудъ), превышающей цѣну заподряда рельсовъ у англійскихъ заводчиковъ [2]), но цѣну эту не должно считать постоянною: она есть вынужденная при тѣхъ издержкахъ, которыя заводчики первоначально должны сдѣлать. Цѣна эта, конечно,

---

[1]) Дорога открывалась постепенно, по участкамъ, въ 1857, 1859, 1860, 1861 и 1862 годахъ.

[2]) „Англійскіе заводчики Гестъ и К° поставляли рельсы для с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги по 65 коп. съ пуда, но заводчики эти, по случаю войны, отъ поставки отказались". (Примѣчаніе это помѣщено въ приказѣ графа).

будетъ понижена при дальнѣйшихъ заказахъ, а Россія сохранитъ капиталы, которые должна была бы употребить на покупку рельсовъ за границею.

„Нынѣ съ завода наслѣдника Яковлева доставлены въ С.-Петербургъ образцовые рельсы. Рельсы эти подвергнуты испытанію и оказались, въ отношеніи качества желѣза, выше англійскихъ, а въ выдѣлкѣ отличными и вполнѣ всѣмъ требованіямъ соотвѣтствующими.

„О таковомъ результатѣ я всеподданнѣйше довелъ до высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія, особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ, какъ о дѣлѣ для отечества нашего полезномъ“.

Что касается до паровозовъ, то они, въ количествѣ 100 штукъ, были заказаны въ 1853 г. для с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, по цѣнѣ 11.000 р. за каждый, заводу герцога Лейхтенбергскаго, въ С.-Петербургѣ, уже строившему паровозы для царскосельской желѣзной дороги. Заводъ построилъ 17 паровозовъ, но съ передачею с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги Главному обществу, общество это, чтобы избавиться отъ контракта съ заводомъ на паровозы, купило его и совершенно упразднило на немъ паровозостроеніе, обративъ заводъ въ сборочную для желѣзно-дорожныхъ принадлежностей, выписанныхъ обществомъ изъ-за границы, а также для перекатки старыхъ рельсовъ. Въ позднѣйшее время и это производство было прекращено, и пустовавшій заводъ обращенъ въ складочную сухопутную таможню [1]).

Заботясь о выясненіи направленія и стоимости нужнѣйшихъ для Россіи желѣзныхъ дорогъ, императоръ Николай I повелѣлъ, 2-го сентября и 17-го октября 1854 г., произвести изысканія для желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю, а именно къ черноморскимъ портамъ: Одессѣ и Ѳеодосіи. Дорога должна была проходить чрезъ Каширу, Тулу, Орелъ, Фатежъ, Курскъ, Обоянь и Харьковъ. Здѣсь дорога должна была развѣтвиться: западная вѣтвь должна была быть направлена на Полтаву, Кременчугъ, Елизаветградъ, Ольвіополь и Банковскую слободу къ Одессѣ, а восточная вѣтвь должна была идти чрезъ Александровскъ, Геническъ и Арабатъ къ Ѳеодосіи. Впослѣдствіи, 28-го февраля 1855 г., повелѣно было произвести изысканія еще по дополнительной вѣтви отъ харьково-ѳеодоссійской линіи жел. дороги къ донецкимъ каменно-угольнымъ копямъ.

---

[1]) „Инженеръ“; “Журналъ министерства п. с.“ за 1886 г., книжки 7 и 8, стр. 316.

До Харькова линія ж. д. была раздѣлена на два отдѣленія: 1-е—Москва-Орелъ, и 2-е—Орелъ-Харьковъ; западная вѣтвь также была раздѣлена на два отдѣленія: 3-е—Харьковъ-Кременчугъ, и 4-ое—Кременчугъ-Одесса. Ѳеодосійская вѣтвь образовывала 5-ое отдѣленіе. Общее руководство и наблюденіе за производствомъ изысканій было поручено инженеру генералъ-маіору Мельникову; начальниками же отдѣленій были назначены инженеры: Журавскій, Кипріяновъ, фонъ-деръ-Паленъ, Семичевъ и Альбрандъ.

Изысканія по вѣтви къ каменноугольнымъ копямъ, составившей 6-ое отдѣленіе, были возложены на Панаева 2-го.

Дальнѣйшій ходъ дѣла по всѣмъ этимъ изысканіямъ уже не относится къ царствованію, эпоха котораго составляетъ предметъ нашего историческаго очерка.

Къ эпохѣ этой относится, однакоже, разсмотрѣніе правительствомъ различныхъ предложеній частныхъ предпринимателей относительно постройки желѣзныхъ дорогъ на частные капиталы или на облигаціи, выпущенныя правительствомъ. Хотя всѣ эти предпріятія, за исключеніемъ одного, и не осуществились въ царствованіе императора Николая I, тѣмъ не менѣе мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь краткія о нихъ свѣдѣнія, пользуясь для сего, какъ указаннымъ выше юбилейнымъ изданіемъ о желѣзныхъ дорогахъ министерства путей сообщенія [1]), такъ и статьями въ журналѣ главнаго управленія п. с. и п. зд. покойнаго Ив. П. Боричевскаго, озаглавленными: „Предположенія частныхъ лицъ объ устройствѣ желѣзныхъ [2]) дорогъ, поступившія въ гл. упр. п. с. и п. зд. до 1860 г.“, а также, отчасти, и упомянутымъ выше обзоромъ главныхъ распоряженій и работъ, произведенныхъ по вѣдомству п. с. съ 1842 г. по 1855 г.

29-го января 1843 г., оберъ-егермейстеръ Дм. Васильчиковъ и Н. Поповъ, къ которымъ впослѣдствіи присоединился новый участникъ, камергеръ А. Сабуровъ, вошли въ главное управленіе п. с. съ просьбою о разрѣшеніи имъ учредить компанію на акціяхъ для постройки, безъ всякихъ пособій, привилегій и преимуществъ, желѣзноконной дороги между Волгою и Дономъ (пристанями Дубовской на Волгѣ, и Качалинской на Дону). Одновременно съ этимъ предложеніемъ, министръ финансовъ получилъ такое же однородное предложеніе отъ Шопена, избрав-

---

[1]) „Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи“; выпускъ 1-й 1898 г.
[2]) „Журналъ главнаго управленія п. с. и п. зд.“ за 1863 г., №№ 1, 2 и 3.

шаго для дороги тѣ же оконечные пункты, но ходатайствовавшаго для предположеннаго имъ товарищества о 20-ти-лѣтней привилегіи и о разныхъ льготахъ.

13-го іюня того же 1843 г., главноуправляющій п. с. и п. зд. вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ по этому дѣлу, въ коемъ, признавая, что соединеніе удобнымъ сообщеніемъ Волги и Дона весьма полезно для торговой промышленности края, не видѣлъ препятствія къ удовлетворенію ходатайства учредителей Васильчикова и Попова, не требовавшихъ никакой привилегіи и не стѣснявшихъ ничьихъ правъ. Съ этимъ мнѣніемъ согласился и комитетъ министровъ, положеніе котораго было утверждено государемъ 3-го іюля 1843 г., при чемъ былъ утвержденъ и уставъ общества.

Смѣта на постройку волго-донской желѣзно-конной дороги составлена была всего въ суммѣ 210.000 р., но этой суммы оказалось недостаточно для постройки, а эксплоатація дороги представлялась убыточною, по причинѣ конкурренціи фуръ, сбавившихъ провозную плату.

Въ 1845 г., компаніи былъ разрѣшенъ дополнительный выпускъ акцій на сумму 45.000 руб.; но такъ какъ суммы этой не хватило для потребностей компаніи, то учредители неоднократно обращались съ ходатайствомъ къ правительству о выдачѣ компаніи ссуды. 25-го мая 1849 г., комитетъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, на обсужденіе котораго поступали всѣ подобныя дѣла, хотя и призналъ въ принципѣ, что рельсовый путь между Волгою и Дономъ весьма полезенъ, но не желѣзно-конный, а паровозный,—а потому ходатайство учредителей желѣзно-коннаго пути о выдачѣ имъ правительственной ссуды отклонилъ.

Убѣдившись въ невыгодности предпринятаго дѣла, компанія продала въ 1855 году имущество дороги и предпріятіе свое ликвидировала.

Паровозная волго-донская жел. дорога была осуществлена уже при преемникѣ императора Николая I, и притомъ не между пристанями Дубовскою и Качалинскою, а между г. Царицыномъ на Волгѣ и Калачевскимъ затономъ на Дону. Уставъ общества этой дороги былъ утвержденъ въ 1858 году.

Въ апрѣлѣ 1844 г., саратовскіе купцы Образцовъ, Масленниковъ, Тюльпинъ и Шапошниковъ испрашивали разрѣшеніе составить компанію на акціяхъ для устройства желѣзно-конной дороги отъ Эльтонскаго соленаго озера до Николаевской пристани на Волгѣ, противъ г. Камышина, на протяженіи 125 верстъ.

Дорогу эту предполагалось устроить на рельсахъ изъ желѣзныхъ полосъ, укрѣпленныхъ на деревянныхъ продольныхъ лежняхъ. Учредители ходатайствовали о передачѣ въ ихъ владѣніе на 24 года всего солевознаго тракта отъ озера до Волги, представляющаго площадь болѣе 140.000 десятинъ, и о сохраненіи за ними, въ теченіе 24 лѣтъ, исключительнаго права на перевозку эльтонской соли. Капиталъ предпріятія былъ исчисленъ въ 400.000 р. Тарифъ на перевозку соли былъ опредѣленъ, на первое 10-лѣтіе, въ $4^1/_2$ коп. съ пуда за разстояніе въ 125 верстъ.

Министръ финансовъ призналъ, что предпріятіе это не заслуживаетъ уваженія, такъ какъ при этомъ уничтожились бы существующія перевозочныя средства, и вся перевозка соли оказалась бы въ рукахъ частныхъ лицъ. Правильнѣе было бы, по мнѣнію графа Ѳ. П. Вронченко, чтобы желѣзная дорога построена была за счетъ казны въ виду того, что эльтонскій промыслъ составляетъ казенное достояніе. Съ мнѣніемъ этимъ согласился въ 1847 г. и комитетъ министровъ, послѣ чего сдѣлано было распоряженіе о производствѣ правительственныхъ изысканій между Эльтонскимъ озеромъ и Волгою для опредѣленія наивыгоднѣйшаго направленія желѣзной дороги и ея стоимости. Изысканія эти были поручены, 23-го декабря 1847 г., помощнику начальника сѣверной дирекціи с.-петербурго-московской жел. дороги, Гергардту.

Между тѣмъ, въ январѣ 1848 г., поступило къ правительству новое прошеніе о разрѣшеніи составить компанію для постройки паровозной жел. дороги отъ того же Эльтонскаго озера, но въ другомъ направленіи, именно къ Покровской слободѣ, противъ г. Саратова, на протяженіи около 250 верстъ, съ основнымъ капиталомъ въ 5 милліоновъ рублей, при чемъ учредители компаніи также ходатайствовали о предоставленіи въ распоряженіе компаніи солевознаго тракта, но уже не на 25-лѣтній, а на 99-тилѣтній срокъ. Гергардту поручено было выяснить, какое изъ направленій представляется наивыгоднѣйшимъ для рельсоваго пути отъ Эльтонскаго озера къ Волгѣ и какой двигатель долженъ быть примѣненъ на этомъ пути: паровой или конный?

Первый вопросъ о направленіи былъ рѣшенъ безусловно въ пользу дороги къ Николаевской пристани, какъ кратчайшей, а именно, длиною всего 139 верстъ, тогда какъ дорога къ Покровской слободѣ имѣла бы 263 версты протяженія; для выясненія же второго вопроса собраны были слѣдующія данныя.

Паровозная дорога обошлась бы въ 4.240.000 р.; годовое ея содержаніе стоило бы 327.000 руб.; желѣзно-конная дорога обошлась бы на 360.000 руб. дороже паровозной, а годовое ея содержаніе стоило бы на 173.000 р. болѣе. Стоимость провоза соли по рельсовому пути, въ зависимости отъ количества перевезеннаго груза, должна была составить: при перевозкѣ до 5 милліоновъ пудовъ—отъ $6^1/_2$ до $6^3/_4$ коп. съ пуда, а при перевозкѣ до 10 милліоновъ пудовъ—$4^1/_3$ коп. съ пуда. Плата, взимаемая за перевозку соли на фурахъ, составляла въ то время отъ 5 до $7^1/_2$ коп. съ пуда.

Эти данныя привели комитетъ министровъ, въ январѣ 1850 г., къ убѣжденію, что устройство эльтонской жел. дороги было несвоевременно, а потому и было рѣшено отложить эту постройку до того времени, когда дорога эта окажется дѣйствительно нужною.

Въ 1845 г., тайн. сов. Марини ходатайствовалъ о предоставленіи ему постройки желѣзно-конной дороги, съ правительственною $4^0/_0$ гарантіею въ теченіе 25 лѣтъ, отъ Одессы, чрезъ Парканы на Днѣстрѣ, къ Ольвіополю, съ дальнѣйшимъ ея продолженіемъ до Кременчуга, всего протяженіемъ до 500 верстъ, съ вѣтвью на Балту, длиною 90 верстъ.

На первоначальное устройство желѣзно-конной дороги, отъ Одессы до Парканъ, протяженіемъ 108 верстъ, строительный капиталъ былъ исчисленъ въ суммѣ всего: 1 милліонъ рублей.

Новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ М. С. Воронцовъ (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь), поддерживая это предложеніе, указывалъ, что, несмотря на дешевизну обработки хлѣба на югѣ Россіи, онъ продается очень дорого, вслѣдствіе возростающей дороговизны провоза, поглощающаго весь барышъ производителей, а также вслѣдствіе возростанія народонаселенія, большихъ разстояній провоза и степныхъ мѣстностей, переѣздъ чрезъ которыя крайне затруднителенъ.

Комитетъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, при разсмотрѣніи этого дѣла, согласился съ главноуправляющимъ п. с. и п. зд., заявившимъ, что недостатокъ финансовыхъ и техническихъ данныхъ не даетъ возможности рѣшить вопросъ о правильности избраннаго для дороги направленія, при чемъ комитетъ полагалъ обратить вниманіе компаніи, чтобы при сооруженіи желѣзно-конной дороги ей дано было, въ ея положеніи, такое устройство, чтобы она впослѣдствіи могла служить и для паровознаго сообщенія. Съ этимъ заключеніемъ 21 марта 1845 г. согласился и государь, при чемъ противъ того мѣста журнала

комитета, гдѣ были изложены соображенія о необходимости согласовать условія сооруженія дороги съ возможностью обратить ее впослѣдствіи въ паровозную дорогу, императоръ Николай Павловичъ, въ неизмѣнномъ своемъ довѣріи къ паровознымъ дорогамъ, написалъ: „весьма желательно, иначе всѣ издержки на сію дорогу были бы временныя и брошены безъ пользы".

Энергичный Воронцовъ распорядился вызвать изъ Бельгіи инженера Зюбера, для производства изысканій паровозной желѣзной дороги, при чемъ расходы на производство этихъ изысканій были покрыты суммою, взятою заимообразно изъ доходовъ города Одессы.

Въ 1847 г., проектъ дороги былъ оконченъ Зюберомъ, и стоимость дороги отъ Одессы до Ольвіополя, на протяженіи 172 верстъ, была исчислена въ суммѣ 11.530.000 рублей. На предпріятіе по постройкѣ дороги испрашивалась 50-ти-лѣтняя 4% правительственная гарантія.

Особая техническая коммиссія, разсматривавшая въ 1848 г. проектъ дороги, въ общемъ его одобрила, но признала необходимымъ, чтобы дорога была построена сразу на два пути, и чтобы проекты мостовъ были передѣланы. Съ такими измѣненіями проекта стоимость дороги возросла до 15 милліоновъ рублей.

Такъ какъ въ 1849 г. Марини умеръ, то предпріятіе его не состоялось.

Въ 1845 г., статскій совѣтникъ Нарышкинъ съ товарищами (инженеръ-маіоромъ Таубе, иностраннымъ гостемъ Сегеномъ и почетнымъ гражданиномъ Полежаевымъ) предложилъ взять на себя и товарищей своихъ постройку желѣзной дороги отъ С.-Петербурга до Ораніенбаума, протяженіемъ 40 верстъ, съ продолженіемъ ея впослѣдствіи чрезъ Ямбургъ, Нарву и Ревель до Балтійскаго порта; при этомъ предприниматели ходатайствовали о дарованіи ихъ предпріятію 25-ти-лѣтней 4% правительственной гарантіи чистаго дохода и о предоставленіи имъ, при сооруженіи дороги, всѣхъ тѣхъ правъ, которыя присвоены государственнымъ работамъ, въ томъ числѣ и права отчужденія земель. Стоимость дороги до Ораніенбаума была исчислена въ суммѣ 4 милліоновъ руб., а ея продолженіе до Балтійскаго порта—въ 25 милліоновъ рублей.

Одобривъ въ принципѣ предположеніе о постройкѣ этой желѣзной дороги, съ измѣненіемъ лишь ея направленія въ предѣлахъ Александровской колоніи, близъ Петергофа, государь приказалъ: „разсмотрѣть проектъ сей во всѣхъ отношеніяхъ и во всей подробности".

Главноуправляющій п. с. и п. зд. и министръ финансовъ находили, что 4% правительственная гарантія можетъ быть предоставлена лишь существенно важнымъ для промышленности и торговли желѣзнымъ дорогамъ, къ каковымъ не принадлежитъ этотъ рельсовый путь, а потому для этого пути достаточно было бы 3% гарантіи; что касается до продолженія дороги до Балтійскаго порта, то относительно этого продолженія графъ Клейнмихель далъ отзывъ, что объ исполнимости проекта этой дороги не можетъ быть сдѣлано никакого заключенія, за недостаточностью представленныхъ данныхъ.

Съ своей стороны, комитетъ с.-петербурго-московской жел. дороги не встрѣтилъ препятствія къ дарованію предпріятію этой желѣзной дороги 4% правительственной гарантіи чистаго дохода, но по вопросу о предоставленіи этому предпріятію права отчужденія земель — въ комитетѣ не было достигнуто единомыслія. Большинство, а именно предсѣдатель (наслѣдникъ цесаревичъ) и 6 членовъ комитета (графъ Левашовъ, Перовскій, Дестремъ, Чевкинъ, Фельдманъ и герцогъ М. Лейхтенбергскій) находили возможнымъ предоставить предпріятію это право; прочіе же 6 членовъ (графъ Орловъ, князь Меньшиковъ, графъ Киселевъ, графъ Клейнмихель, Вронченко и Готманъ), признавая, что такую дорогу можно считать лишь средствомъ для доставленія удовольствія, а никакъ не дѣломъ государственной надобности или предпріятіемъ необходимымъ въ видахъ государственныхъ, не считали возможнымъ даровать компаніи испрашиваемаго ею права отчужденія, какъ мѣру стѣснительную владѣльческой собственности, въ особенности въ виду того, что дорога проходитъ по окрестностямъ столицы, заселеннымъ дачами, гдѣ каждый аршинъ и каждое дерево драгоцѣнны.

30 апрѣля 1846 г., противъ того мѣста журнала комитета, гдѣ было изложено мнѣніе меньшинства, государь написалъ: „совершенно справедливо".

Въ виду такого рѣшенія, предпринимателямъ было объявлено, что отходящія подъ дорогу земли они должны пріобрѣтать по взаимному съ владѣльцами этихъ земель соглашенію; если же такого соглашенія не состоится, то они должны избрать для желѣзной дороги другое направленіе. Дорогу имъ разрѣшено было пока построить лишь до Ораніенбаума, съ 25-ти-лѣтнею правительственною гарантіею на капиталъ въ 2.658.000 руб., соотвѣтствующій протяженію отъ С.-Петербурга до Ораніенбаума, а относительно участка дороги отъ Ораніенбаума до Балтій-

скаго порта вопросъ былъ оставленъ открытымъ до представленія компаніею необходимыхъ данныхъ и проектовъ.

Предприниматели—этихъ данныхъ и проектовъ не представили, а въ октябрѣ 1848 года объявили правительству, что они лишены возможности собрать капиталъ, необходимый для осуществленія предпріятія. Впослѣдствіи, уже въ царствованіе императора Александра II, и притомъ другими предпринимателями, были построены петергофская и балтійская желѣзныя дороги, а именно отъ С.-Петербурга до Петергофа—въ 1857 г., продолженіе ея до Ораніенбаума—въ 1864 г., участокъ отъ ст. Лигово до ст. Красное-Село—въ 1859 г., участокъ отъ Гатчины до Балтійскаго порта—въ 1870 г., и, наконецъ, участокъ отъ Краснаго-Села до Гатчины—въ 1872 году.

Въ томъ же 1845 г., князь Черкасскій испрашивалъ разрѣшеніе составить компанію на акціяхъ для устройства желѣзной дороги въ два пути отъ Москвы до Тулы, протяженіемъ 157 верстъ, при чемъ основной капиталъ предпріятія былъ опредѣленъ въ 9.390.000 рублей, а гарантія чистаго дохода испрашивалась въ размѣрѣ 4% въ теченіе 90 лѣтъ.

Пока съ княземъ Черкасскимъ шли переговоры, онъ скончался, и его предположеніе не имѣло дальнѣйшаго хода, но желѣзная дорога Москва-Тула, какъ объяснено ниже, должна была войти въ составъ московско-саратовской жел. дороги, какъ головной участокъ этой дороги.

Московско-саратовская линія жел. дороги, первоначально на Коломну и Рязань, а впослѣдствіи на Каширу и Тулу, была предположена къ постройкѣ семью учредителями (генералъ-адъютантомъ Анненковымъ, сенаторомъ Жемчужниковымъ, генераломъ Юрьевичемъ, Сабуровымъ, Арсеньевымъ, княземъ Дмитріемъ Волконскимъ и Сафроновымъ), испрашивавшими, въ 1846 году, разрѣшеніе на составленіе компаніи для устройства этой жел. дороги, съ 4% правительственною гарантіею. При направленіи на Коломну и Рязань основной капиталъ былъ исчисленъ въ суммѣ 21 милліона рублей, а при направленіи на Каширу и Тулу—въ суммѣ 30 милліоновъ, при чемъ участокъ Москва-Тула долженъ былъ быть построенъ въ два пути. Дѣло это затянулось до 1857 г., когда учредителямъ было разрѣшено произвести на свой счетъ изысканія жел. дороги для составленія предварительнаго проекта опредѣленія стоимости дороги. По окончаніи этихъ изысканій, въ 1859 г., образовалось акціонерное общество саратовской желѣзной дороги, при чемъ изъ числа по-

именованныхъ выше учредителей общества двое выбыли (Жемчужниковъ и князь Волконскій) и 9 новыхъ лицъ вступили въ число учредителей (Поливановъ, Красовскій, Жадимеровскій, Маркъ, Капгеръ, братья Сапожниковы, Солдатенковъ, Вогау и представитель бельгійскихъ акціонеровъ Брауэръ-де-Гогендорнъ). Направленіе дороги было опредѣлено на Коломну, Рязань и Моршанскъ. Строительный гарантированный капиталъ (въ размѣрѣ $4^1/_2\%$ чистаго ежегоднаго дохода въ теченіе 80 лѣтъ) былъ опредѣленъ въ суммѣ не свыше 62.000 р. на версту протяженія дороги и ея вѣтвей, и во всякомъ случаѣ не болѣе 45 милліоновъ рублей серебр.

Несмотря на столь выгодныя условія, общество саратовской жел. дороги вынуждено было въ 1863 г., за недостаткомъ денежныхъ средствъ, ограничить свое предпріятіе постройкою лишь московско-рязанскаго участка саратовской дороги, протяженіемъ 186 верстъ; продолженіе же этого участка до Саратова, на протяженіи 621 версты, осуществлено было впослѣдствіи тремя отдѣльными акціонерными обществами.

Чтобы не возвращаться къ саратовской дорогѣ, упомянемъ здѣсь, что въ 1854 г. московскими купцами, Колли, Москвинымъ и Дрейеромъ, было сдѣлано предложеніе правительству о постройкѣ, чрезъ образуемое ими акціонерное общество, желѣзной дороги, протяженіемъ 110 верстъ, отъ Москвы до р. Оки, въ 5-ти верстахъ отъ города Коломны.

Основной капиталъ общества былъ исчисленъ въ суммѣ 5 милліоновъ рублей, съ правомъ увеличить его еще на 1 милліонъ рублей, если бы въ томъ встрѣтилась надобность. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ предпринимателями, имъ объявлено было, въ декабрѣ 1855 года, что съ осуществленіемъ предполагавшейся въ то время желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю, съ пересѣченіемъ р. Оки нѣсколько выше Коломны, дорога отъ Москвы до Коломны потеряетъ свое главное предназначеніе, и притомъ, составляя лишь седьмую и самую выгодную часть желѣзнодорожной линіи отъ Москвы до Саратова, она не можетъ быть отдѣлена отъ этой послѣдней. Такимъ образомъ, предложеніе московскихъ купцовъ не было принято правительствомъ.

Въ 1847 году, либавское купечество ходатайствовало о предоставленіи частной компаніи построить желѣзную дорогу отъ Либавы до пограничнаго съ Пруссіею мѣстечка Юрбурга, на р. Нѣманѣ.

Комитетъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги отнесся

сочувственно къ этому ходатайству, признавая, что сооруженіемъ этой дороги будетъ достигнуто освобожденіе торговли западнаго края Россіи отъ посредничества Пруссіи, такъ какъ тогда складочнымъ и отпускнымъ мѣстомъ для русскихъ произведеній сдѣлается либавскій портъ, и тѣ выгоды, которыми нынѣ пользуется Пруссія отъ транзита русскихъ произведеній, обратятся въ пользу отечественной торговли. Въ виду этого комитетъ, положеніемъ, утвержденнымъ государемъ 10 мая 1847 г., признавалъ возможнымъ разрѣшить постройку либаво-юрбургской желѣзной дороги съ 25-ти-лѣтнею правительственною гарантіею чистаго ежегоднаго дохода въ размѣрѣ 4% на капиталъ, исчисленный по разсчету 25.000 р. на версту протяженія дороги, но съ тѣмъ, чтобы предприниматели представили проекты дороги, уставъ акціонернаго общества и 5%-ный залогъ.

Въ 1848 г., либавское купечество ходатайствовало объ отсрочкѣ на неопредѣленное время исполненія этихъ требованій, что и было ему разрѣшено. Затѣмъ, въ 1855 г., купечество это возобновило свое ходатайство о постройкѣ юрбургской жел. дороги, но уже съ продолженіемъ этой дороги до Ковно и съ увеличеніемъ, какъ поверстной стоимости дороги (до 57.000 р. вмѣсто 25.000 р.), такъ и размѣра правительственной гарантіи ежегоднаго чистаго дохода (съ 4 до 4½%), а равно и срока гарантіи (56 лѣтъ вмѣсто 25).

Комитетъ желѣзныхъ дорогъ, положеніемъ, утвержденнымъ государемъ 18-го мая 1855 г., призналъ, что, по современнымъ обстоятельствамъ, дѣлу этому не можетъ быть данъ ходъ и что оно должно быть оставлено до будущаго разсмотрѣнія. На томъ дѣло это и остановилось, и до сихъ поръ еще не имѣется желѣзной дороги отъ Либавы къ р. Нѣману у прусской границы, хотя правительство наше, еще 52 года тому назадъ, признавало дорогу эту, въ интересахъ нашихъ, весьма полезною.

Въ 1847 году, входилъ также съ ходатайствомъ отставной поручикъ Вонлярлярскій о предоставленіи образуемой имъ акціонерной компаніи постройки желѣзной дороги отъ Москвы до Нижняго-Новгорода.

Относительно этой дороги комитетъ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, согласно съ заключеніемъ главноуправляющаго п. с. и п. зд., также находилъ, что она имѣетъ первостепенную важность по ея вліянію на развитіе нашей торговли и промышленности, и что условія предпринимателя представляются вполнѣ соотвѣтственными видамъ правительства и могутъ быть поставлены въ примѣръ, какъ дѣйствія на пользу общественную.

По этимъ соображеніямъ, комитетъ 1-го мая 1847 г. полагалъ возможнымъ дозволить предпринимателю учредить компанію для постройки нижегородской желѣзной дороги, съ правомъ пользоваться ею въ теченіе 50 лѣтъ, при условіи, чтобы правительство могло выкупить дорогу чрезъ 25 лѣтъ, и чтобы Вонлярлярскій отказался отъ своего притязанія на исключительное, въ теченіе 50 лѣтъ, право учреждаемой имъ компаніи на непрерывное сообщеніе Москвы съ Нижнимъ-Новгородомъ. Прочія привилегіи компаніи, а именно: преимущественное право, въ теченіе 6 лѣтъ, на постройку отъ нижегородской дороги вѣтви въ Симбирскъ или къ устью р. Камы, а также право принимать на себя страхованіе перевозки товаровъ и развозку ихъ на домъ получателямъ въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ, комитетъ полагалъ возможнымъ допустить. Положеніе комитета было утверждено государемъ 10-го мая 1847 года.

Почти одновременно съ разрѣшеніемъ Вонлярлярскому образовать компанію для постройки нижегородской жел. дороги, правительствомъ принята была слѣдующая мѣра для обезпеченія исправнаго выполненія жел.-дорожными предпріятіями принятыхъ ими на себя обязательствъ, опубликованная въ формѣ именного указа сенату отъ 18-го іюня 1847 года. Каждая компанія, испрашивавшая дозволеніе на устройство жел. дороги въ видахъ частнаго предпріятія, обязывалась представлять, одновременно съ уставомъ компаніи и проектами жел. дороги, залогъ, обезпечивающій вѣрное исполненіе предпріятія, въ размѣрѣ 5% капитала, потребнаго на сооруженіе дороги и всѣхъ къ ней принадлежностей. Ранѣе внесенія этого залога, правительственнымъ учрежденіямъ воспрещено было входить въ разсмотрѣніе какъ устава, такъ и проектовъ, и, въ случаѣ невыполненія предпріятія, изъ залога должно было быть удержано то, что могло причитаться за безплатное отобраніе отчужденныхъ подъ дорогу земель и угодій, въ вознагражденіе убытковъ, казною и посторонними лицами отъ предпріятія понесенныхъ, по приговору посреднической о томъ коммиссіи. Капиталъ, внесенный въ видѣ залога, долженъ былъ храниться въ кредитномъ установленіи и, по совершенномъ окончаніи дороги и начатіи дѣйствія по всему ея протяженію, подлежалъ возвращенію компаніи со всѣми накопившимися процентами.

Въ виду такого общаго распоряженія, и Вонлярлярскаго также обязали, въ обезпеченіе исправнаго выполненія имъ его предпріятія, представить, вмѣстѣ съ проектомъ дороги и уставомъ товарищества, залогъ, въ размѣрѣ 5% съ основного капитала;

а такъ какъ въ теченіе почти семи лѣтъ требованіе это имъ исполнено не было, то въ январѣ 1854 г. предпринимателю посланъ былъ, по приказанію государя, запросъ: имѣетъ ли онъ въ виду основательныя средства къ исполненію предпріятія по сооруженію нижегородской жел. дороги? На запросъ этотъ Вонлярлярскій донесъ государю, 23 того же января, что онъ имѣетъ въ виду денежныя средства въ достаточномъ количествѣ (отъ 8 до 10 милліоновъ рублей) лишь для части дороги, протяженіемъ 335 верстъ, отъ Москвы до р. Оки, гдѣ дорога проходитъ по удобной мѣстности. Что касается до остальныхъ 65 верстъ, отъ р. Оки до Нижняго-Новгорода, гдѣ, вслѣдствіе значительныхъ земляныхъ работъ и дорогихъ мостовъ, дорога потребуетъ для своей постройки столько же расхода, сколько стоютъ первыя 335 верстъ, то издержки на содержаніе этой части дороги чрезмѣрно для предпріятія обременительны и преждевременны. Окончательныя свѣдѣнія о времени и условіяхъ осуществленія нижегородской жел. дороги Вонлярлярскій обѣщалъ представить государю въ теченіе зимы того же 1854 г. Обѣщанія этого Вонлярлярскій, однакоже, не исполнилъ.

Затѣмъ, уже по кончинѣ императора Николая I, въ мартѣ 1856 г., Вонлярлярскій сообщилъ правительству, что проектъ нижегородской жел. дороги у него готовъ, но, въ виду дороговизны подхода рельсоваго пути къ самому городу Нижнему-Новгороду, онъ полагаетъ проложить жел. дорогу по лѣвой сторонѣ р. Оки до мѣста расположенія ярмарки. Черезъ мѣсяцъ послѣ того, Вонлярлярскій дѣйствительно представилъ проектъ и смѣту дороги, при чемъ дорога слѣдовала между гг. Владиміромъ и Судогдою, пересѣкала р. Клязьму близъ впаденія ея въ р. Оку и далѣе направлялась къ Нижнему-Новгороду по лѣвому берегу Оки, не переходя этой рѣки. Стоимость дороги, протяженіемъ 400 верстъ, была исчислена въ суммѣ 22 милліоновъ рублей.

На проектъ дороги были сдѣланы замѣчанія департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, послѣ чего Вонлярлярскій, въ іюнѣ 1856 г., вновь представилъ исправленный проектъ, но только для части дороги отъ Москвы до р. Клязьмы, и затѣмъ, въ августѣ 1856 г., онъ объявилъ, что всѣ сдѣланные имъ планы, чертежи и смѣты онъ передалъ иностраннымъ капиталистамъ, изъявившимъ желаніе образовать акціонерное общество для постройки нижегородской желѣзной дороги.

На новое ходатайство предпринимателя о сохраненіи за нимъ права постройки дороги ему было объявлено, 21-го октября

1856 г., что ходатайство это не можетъ быть удовлетворено, такъ какъ правительство уже приняло мѣры для постройки нижегородской дороги. Дѣйствительно, въ это время уже происходили переговоры правительства съ обществомъ русскихъ и иностранныхъ капиталистовъ объ учрежденіи „Главнаго общества россійскихъ жел. дорогъ“ для постройки въ Россіи обширной сѣти рельсовыхъ путей, протяженіемъ до 4.000 верстъ, въ составъ которой вошла и московско-нижегородская жел.-дорожная линія. Линія эта была открыта для движенія, на всемъ ея протяженіи, въ августѣ 1862 года.

Съ окончаніемъ постройки с.-петербурго-московской жел. дороги, комитетъ, учрежденный для этой постройки, былъ переименованъ, въ 1852 г., въ комитетъ разсмотрѣнія предположеній о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, при чемъ предсѣдательство въ этомъ комитетѣ сохранилъ за собою наслѣдникъ цесаревичъ.

Въ томъ же 1852 г., на разсмотрѣніе желѣзнодорожнаго комитета поступили четыре ходатайства о разрѣшеніи сооруженія въ Россіи жел. дорогъ на частные капиталы.

Такимъ образомъ, въ январѣ этого года, испрашивалась концессія на устройство жел. дороги, протяженіемъ 555 верстъ, отъ Харькова, черезъ Павлоградъ и Арабатскую стрѣлку до Ѳеодосіи, съ вѣтвью, длиною 50 верстъ, отъ Павлограда къ р. Днѣпру, противъ гор. Екатеринославля. Учредители этого предпріятія (Д. В. Кочубей, баронъ Ливенъ, Огаревъ, графъ Кушелевъ-Безбородко, Ковалевскій, баронъ Мейндорфъ, Толстой, князь С. Кочубей и банкиръ Френкель) испрашивали 25-лѣтнюю правительственную $4^0/_0$ гарантію ежегоднаго чистаго дохода съ капитала въ 22.167.000 рублей и ручательство за погашеніе капитала въ теченіе 50 лѣтъ, при чемъ, однакоже, требуемаго закономъ 1847 г. залога не представили. Капиталъ предполагалось образовать посредствомъ выпуска акцій и облигацій.

Императоръ Николай Павловичъ отнесся къ этому предпріятію весьма сочувственно и на докладѣ объ этомъ дѣлѣ графа Клейнмихеля, 2-го февраля 1852 г., написалъ: „будетъ прекрасное дѣло; безотлагательно приступить къ разсмотрѣнію“.

Финансовая часть предпріятія была предварительно разсмотрѣна финансовымъ комитетомъ, который не встрѣчалъ препятствія къ осуществленію предпріятія при условіи, чтобы ручательство правительства не распространялось на погашеніе основного капитала предпріятія, а ограничивалось бы $4^0/_0$ гарантіею ежегоднаго чистаго дохода, и чтобы предпріятіе было основано исключительно на акціяхъ, а не на системѣ займовъ. Съ этимъ

заключеніемъ, 22-го февраля 1852 г., согласился и государь. Тогда предприниматели ходатайствовали о повышеніи правительственной ежегодной гарантіи чистаго дохода до суммы $1^{1}/_{2}$ милліона рублей.

Не касаясь вопроса о гарантіи, какъ исключительно финансоваго, комитетъ желѣзныхъ дорогъ полагалъ возможнымъ разрѣшить осуществленіе предпріятія на испрашиваемыхъ его учредителями условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы дорога была соединена съ каменноугольными копями екатеринославской губерніи особою вѣтвью. При этомъ, однакоже, комитетъ полагалъ необходимымъ имѣть по разсмотрѣнному имъ дѣлу заключеніе новороссійскаго генералъ-губернатора. Положеніе комитета было утверждено государемъ 8-го апрѣля 1852 г.

Князь М. С. Воронцовъ, въ отзывѣ своемъ, отъ 23-го мая того же года, высказался противъ жел. дороги отъ Харькова въ Θеодосію, считая болѣе полезнымъ устройство рельсоваго пути отъ Харькова, чрезъ Кременчугъ и Ольвіополь, въ Одессу. Въ этомъ отзывѣ видно, несомнѣнно, стремленіе князя Воронцова къ сохраненію за любимою имъ Одессою первенствующаго ея на Черномъ морѣ положенія,—между тѣмъ, своимъ заключеніемъ по этому дѣлу, князь Воронцовъ въ значительной степени затормазилъ дѣло постройки θеодосійской жел. дороги. Учредители категорически отказались отъ сооруженія одесской жел. дороги взамѣнъ θеодосійской, а комитетъ жел. дорогъ, съ своей стороны, находилъ, что какъ одесская, такъ и θеодосійская желѣзныя дороги, имѣютъ каждая свои особенности и свое отдѣльное значеніе, а потому, по рѣшеніи вопроса о гарантіи, надлежитъ дозволить учредить компанію для сооруженія желѣзной дороги въ Θеодосію. Предпріятіе это, однакоже, не осуществилось, такъ какъ вопросъ о гарантіи былъ рѣшенъ финансовымъ комитетомъ въ неблагопріятномъ для предпринимателей смыслѣ,—именно комитетъ, вмѣсто испрашиваемыхъ 1.500.000 р. ежегодной гарантіи, нашелъ возможнымъ предоставить предпріятію ежегодную гарантію всего въ 1.000.000 р., составляющихъ 4% отъ капитала въ 25 милліоновъ рублей. Это условіе не было принято учредителями, и 19-го января 1853 г. они отъ своего предпріятія отказались.

Другое предложеніе, 1852 г., касалось желѣзной дороги отъ Варшавы до Одессы, съ вѣтвью отъ Дубно къ австрійской границѣ у мѣстечка Броды, всего протяженіемъ около 1.000 верстъ. Предложеніе это было сдѣлано извѣстнымъ строителемъ кіевскаго цѣпного моста, англійскимъ инженеромъ Виньолемъ, на-

мѣревавшимся образовать для постройки и эксплоатаціи варшаво-одесской дороги акціонерную компанію изъ англійскихъ капиталистовъ, при 80-лѣтней 4% правительственной гарантіи ежегоднаго чистаго дохода на капиталъ, исчисленный по разсчету 80.000 р. на версту протяженія дороги. Еслибы правительство предпочло принять эксплоатацію дороги, построенной компаніею, на себя, то, по тому же разсчету, 80.000 р. съ версты, оно должно было бы уплатить компаніи стоимость дороги облигаціями, приносящими ежегодно 5%.

Виньоль, между прочимъ, указывалъ въ своемъ предложеніи, что, съ постройкою еще дополнительной желѣзной дороги отъ Варшавы до прусской границы у гор. Торна, весь западный край Россіи имѣлъ бы непрерывную связь, помощью рельсовыхъ путей, съ одной стороны, съ Балтійскимъ моремъ, а съ другой—съ морями Адріатическимъ и Чернымъ, такъ что Варшава могла бы сдѣлаться складочнымъ мѣстомъ для всемірной торговли.

Императоръ Николай Павловичъ отнесся къ предложенію Виньоля, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, вполнѣ сочувственно, приказавъ лишь, 20-го февраля 1852 г., узнать подробнѣе: „на какомъ основаніи, на какихъ условіяхъ и съ какимъ ручательствомъ хотятъ принять это дѣло"?

Комитетъ желѣзныхъ дорогъ, согласно съ заключеніемъ главноуправляющаго пут. сообщ. и публ. зд., призналъ, 29 апрѣля 1852 г., что дорога, предположенная Виньолемъ, не представляетъ существенныхъ выгодъ для имперіи, такъ какъ она проходитъ почти по самой ея западной границѣ, близъ Галиціи и Бессарабіи. Вся польза дороги ограничилась бы лишь губерніями волынскою и подольскою и областью бессарабскою; но мѣстности эти и безъ желѣзной дороги имѣютъ средства отправлять свои произведенія по водянымъ путямъ, направляющимся къ тѣмъ самымъ пунктамъ (Варшавѣ и Черному морю), куда предполагается направить желѣзную дорогу. Съ этимъ заключеніемъ согласился 10 мая 1852 г. и государь, а потому предложеніе Виньоля было отклонено.

Въ концѣ 1852 г., управляющій заводомъ герцога Лейхтенбергскаго, иностранецъ Дюваль, обратился съ предложеніемъ къ новороссійскому генералъ-губернатору образовать акціонерную компанію для постройки желѣзной дороги отъ Одессы до Москвы по тому направленію, которое будетъ указано правительствомъ, при чемъ онъ ходатайствовалъ о выдачѣ компаніи 50-ти-лѣтней 5% правительственной гарантіи чистаго домода на основной ка-

питалъ, исчисленный по разсчету 75.000 р. на версту протяженія дороги.

Въ это время въ Одессѣ существовалъ, подъ предсѣдательствомъ новороссійскаго генералъ-губернатора, особый комитетъ, учрежденный, съ согласія государя, для принятія и разсмотрѣнія предположеній о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Въ составъ этого комитета, кромѣ его предсѣдателя—князя Воронцова, входили: графъ Потоцкій, тайный совѣтникъ Фонтанъ и нѣкоторые русскіе и иностранные негоціанты. Предложеніе Дюваля подвергнуто было разсмотрѣнію этого комитета, причемъ выяснилось, что протяженіе желѣзной дороги отъ Одессы до Москвы должно было составить 1.280 верстъ, такъ что весь капиталъ, исчисленный предпринимателемъ на постройку дороги, долженъ былъ доходить до суммы 96 милліоновъ, а размѣръ ежегодной гарантіи долженъ былъ составить 4.800.000 р. Князь Воронцовъ, въ письмѣ своемъ государю, отъ 15 декабря 1852 г., находилъ предложеніе Дюваля „весьма умѣреннымъ и для казны ни въ какомъ случаѣ неотяготительнымъ". Мнѣніе это было основано на отзывѣ одесскаго желѣзнодорожнаго комитета, который, „въ виду трудности найти другую компанію со столь выгодными предложеніями", полагалъ даже „неприличнымъ входить въ сужденія о средствахъ къ исполненію, о направленіи линіи и о финансовыхъ разсчетахъ по этому предмету".

Письмо князя Воронцова, 28 декабря 1852 г., государь приказалъ разсмотрѣть въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ.

Въ своемъ представленіи въ этотъ комитетъ, отъ 29 января 1853 г., графъ Клейнмихель находилъ, что сущность предложенія Дюваля заключается въ томъ, чтобы правительство уполномочило Дюваля на устройство дороги безъ проекта и смѣты, безъ устава компаніи и безъ взноса установленнаго закономъ залога, и при этомъ объявило бы, что оно немедленно даетъ ему гарантію въ 5%. При такихъ условіяхъ, Дюваль явился бы лицомъ аккредитованнымъ правительствомъ собирать капиталы, чего ни въ какомъ случаѣ допустить нельзя. Поэтому, находя предложеніе Дюваля представляющимъ собственно одинъ вызовъ строить желѣзную дорогу и, притомъ, вызовъ совершенно голословный, ничѣмъ не подкрѣпленный, графъ Клейнмихель полагалъ признать его предложеніе незаслуживающимъ уваженія.

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе главноуправляющаго пут. сообщ. и публ. зд., комитетъ желѣзныхъ дорогъ полагалъ увѣдомить князя Воронцова: 1) что предложеніе Дюваля о составленіи имъ компаніи для сооруженія желѣзной дороги отъ Одессы до Москвы,

съ предварительнымъ уполномочіемъ отъ правительства собирать капиталы и съ дарованіемъ ему гарантіи, принято быть не можетъ; 2) что, въ отношеніи представленія предположеній о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, учредители компаніи должны представлять проекты и смѣты устройства тѣхъ дорогъ, уставы компаній и установленный закономъ, въ обезпеченіе вѣрнаго исполненія предпріятія, залогъ, и 3) что учрежденный въ Одессѣ княземъ Воронцовымъ комитетъ обязанъ поступающія въ этотъ комитетъ предположенія о сооруженіи желѣзныхъ дорогъ разсматривать во всей подробности, и въ донесеніяхъ своихъ излагать свое мнѣніе съ такою во всѣхъ его частяхъ и отношеніяхъ полнотою, чтобы комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ государя наслѣдника цесаревича, находился въ возможности представить императору свое заключеніе, основанное на положительныхъ данныхъ.

На журналѣ комитета и на представленіи графа Клейнмихеля, государь, 5 февраля 1853 г., написалъ: на первомъ— „исполнить“, а на второмъ — „совершенно справедливо“. По объявленіи Дювалю этого рѣшенія, онъ не далъ на него никакого отвѣта и уѣхалъ навсегда изъ Россіи—за границу.

Наконецъ, 4-ая желѣзнодорожная концессія, о которой ходатайствовали предприниматели въ 1852 г., была концессія на постройку желѣзной дороги отъ Москвы до Харькова, которую испрашивали парижскіе банкиры Фульдъ и Фульдъ Оппенгеймъ. Ходатайство это не было еще разсмотрѣно правительствомъ, какъ, въ январѣ 1853 г., предприниматели сдѣлали новое предложеніе о постройкѣ ими желѣзной дороги отъ Москвы чрезъ Харьковъ до Одессы, на протяженіи до 1.240 верстъ, при условіи сдачи ими дороги въ казну участками, по мѣрѣ ихъ окончанія, съ платою имъ за произведенныя работы $5^{1}/_{4}{}^{0}/_{0}$-ными правительственными облигаціями, погашаемыми въ теченіе 66 лѣтъ, при чемъ стоимость дороги должна была быть опредѣлена по проекту и смѣтѣ ея.

Въ виду недостаточной опредѣленности этихъ условій, финансовый комитетъ не призналъ возможнымъ ихъ принять, и въ февралѣ 1853 г. учредителямъ было объявлено, что, не отвергая нынѣ ихъ предложенія, правительство можетъ дать по этому дѣлу положительный отвѣтъ лишь по полученіи отъ учредителей полнаго, подробнаго плана предпріятія. Учредители собирались прислать въ Россію, для дальнѣйшихъ переговоровъ съ правительствомъ, повѣренныхъ лицъ, но затѣмъ, въ іюлѣ 1853 г., увѣдомили, что, по случаю восточныхъ дѣлъ, всѣ фонды на париж-

ской биржѣ понизились, а потому предположенное ими предпріятіе не можетъ быть ими нынѣ осуществлено, но что они возобновятъ свои переговоры по окончаніи войны.

Въ 1853 году, сдѣланы были нашему правительству четыре предложенія относительно постройки у насъ предпринимателями желѣзныхъ дорогъ.

Одно изъ этихъ предложеній возникло со стороны рижскаго биржевого комитета для постройки желѣзной дороги, протяженіемъ 203 версты, отъ Риги до Динабурга (нынѣ Двинска). Переговоры съ биржевымъ комитетомъ продолжались въ теченіе почти 5 лѣтъ, при чемъ двукратно, 18 мая 1853 г. и 14 февр. 1857 г., комитету было предоставляемо право на образованіе компаній на акціяхъ для постройки и эксплоатаціи риго-динабургской желѣзной дороги; но лишь 23 января 1858 г., уже въ царствованіе императора Александра II, былъ утвержденъ уставъ общества этой дороги, съ основнымъ капиталомъ въ 10.200.000 р. и правительственною гарантіею ежегоднаго чистаго дохода въ $4^1/_2$% съ этого капитала, въ теченіе 75 лѣтъ.

Риго-динабургская желѣзная дорога была открыта для движенія, на всемъ ея протяженіи, въ сентябрѣ 1861 года.

Изъ Лондона, въ 1853 году, сдѣлано было въ одесскій желѣзнодорожный комитетъ предложеніе банкирами Фоксъ и Гендерсонъ, вмѣстѣ съ инженерами Виньолемъ и Стоксъ, образовать въ Англіи компанію на акціяхъ для постройки желѣзной дороги отъ Одессы до праваго берега р. Днѣпра, противъ Кременчуга, на протяженіи 400 верстъ, съ продолженіемъ ея впослѣдствіи до Москвы. Основной капиталъ былъ исчисленъ въ суммѣ 36 милліоновъ рублей (90.000 р. на версту). Учредители испрашивали 50-ти-лѣтнюю гарантію чистаго ежегоднаго дохода, въ размѣрѣ $4^1/_2$% на основной капиталъ, при 75-ти-лѣтнемъ срокѣ концессіи. Въ обезпеченіе точнаго исполненія принимаемыхъ на себя обязательствъ учредители обязывались внести, чрезъ три мѣсяца по подписаніи условія, залогъ въ 1 милліонъ рублей.

Условія эти признаны были предсѣдателемъ одесскаго комитета, графомъ Потоцкимъ, неумѣренными и для казны невыгодными, съ чѣмъ согласился и министръ финансовъ; а такъ какъ къ тому же и военныя событія препятствовали дальнѣйшимъ переговорамъ съ учредителями-англичанами, то дѣло это дальнѣйшаго хода не имѣло.

Въ томъ же 1853 г., учредителями (барономъ Ливеномъ, генераломъ Волковымъ и Плаутинымъ и купцомъ Гротеномъ) испра-

шивалась концессія на постройку желѣзной дороги отъ Саратова до Астрахани, протяженіемъ 550 верстъ, при основномъ капиталѣ въ 13 милліоновъ рублей и 99-ти-лѣтней правительственной гарантіи чистаго дохода въ 4% годовыхъ. Такъ какъ устройство этой дороги, параллельно съ водянымъ путемъ, не входило въ виды правительства, то предложеніе учредителей было отклонено.

Наконецъ, въ 1853 году, именно въ іюлѣ этого года, банкиру барону Ал. Людв. Штиглицу разрѣшена была постройка желѣзной дороги между Петербургомъ и Петергофомъ, на протяженіи 27½ верстъ. Баронъ Штиглицъ обязался употребить на постройку этой дороги собственный свой капиталъ въ 2 милл. рублей, съ правомъ образовать впослѣдствіи, для возмѣщенія ему этого капитала, акціонерное общество. Уставъ этого общества былъ утвержденъ 8 августа 1856 г., и дорога была открыта въ іюнѣ 1857 года.

Въ послѣдній годъ царствованія императора Николая I, кромѣ указаннаго выше предложенія московскихъ купцовъ, Колли и другихъ, отклоненнаго правительствомъ, поступили на разсмотрѣніе правительства еще три предложенія постройки желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, всѣ три исходившія изъ Америки.

Самымъ крупнымъ изъ этихъ предложеній было предложеніе секретаря американской телеграфной компаніи, Шаффнера, намѣревавшагося устроить въ Россіи сѣть желѣзныхъ дорогъ, которая будетъ указана правительствомъ, въ предѣлахъ стоимости таковыхъ въ 200 милліоновъ долларовъ, съ уплатою за отстроенные участки 5%-ными облигаціями русскаго правительства. Предложеніе это, весьма неопредѣленнаго характера и не подкрѣпленное ни проектами, ни смѣтами и никакими данными, неоднократно разсматривалось, при разныхъ его измѣненіяхъ и дополненіяхъ, какъ въ комитетѣ желѣзнодорожномъ (въ 1855 г.), такъ и въ комитетѣ финансовомъ (въ 1856 г.), и, безъ сомнѣнія, было отклонено.

Другой американецъ, банкиръ Сандерсъ, предлагалъ, въ іюнѣ 1854 г., взять на себя окончаніе с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги и постройку новой желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю, по той поверстной цѣнѣ, въ которую обошлась с.-петербурго-московская желѣзная дорога, и при уплатѣ за оконченные постройкою желѣзнодорожные участки правительственными 5%-ными облигаціями. Предприниматель обусловливалъ также свое предложеніе требованіемъ, чтобы работы про-

изводились имъ безъ всякаго, со стороны русскихъ инженеровъ, надзора и безъ повѣрки ихъ правительствомъ.

Сандерсъ намѣревался лично прибыть въ Петербургъ, вмѣстѣ со своими инженерами, для дальнѣйшихъ переговоровъ съ русскимъ правительствомъ, что̀ и было ему разрѣшено 19-го іюля 1854 г.; но разрѣшеніемъ этимъ онъ не воспользовался, и предложеніе его не имѣло дальнѣйшаго хода.

Третій американецъ, докторъ Котманъ, въ то же самое время сдѣлалъ русскому правительству такое же предложеніе, какъ и банкиръ Сандерсъ, но на запросъ изъ Петербурга, сдѣланный ему по приказанію государя, 19-го іюля 1854 г., не далъ никакого отвѣта.

Надлежитъ еще упомянуть, что въ томъ же 1854 г. комитетомъ желѣзныхъ дорогъ было разсмотрѣно предположеніе, представленное государю отставнымъ генералъ-маіоромъ Мальцовымъ, относительно постройки двухъ желѣзнодорожныхъ линій: одной отъ Харькова до Перекопа, преимущественно для перевозки крымской соли, и другой—отъ первой желѣзнодорожной линіи (отъ села Янчокракъ) до р. Міуса, для доставки съ сѣверо-донецкаго бассейна каменнаго угля и антрацита. Впослѣдствіи Мальцовъ предложилъ эту послѣднюю дорогу продолжить на востокъ, или, чрезъ Кизляръ, до персидской границы, или по восточному берегу Каспійскаго моря до Аральскаго моря.

Комитетъ нашелъ, что такъ какъ Мальцовъ не дѣлаетъ никакихъ предложеній правительству, а только подаетъ мысль и, притомъ, не подкрѣпленную никакими данными, то предположеніе его надлежитъ оставить безъ послѣдствій. Съ этимъ заключеніемъ, 18-го мая 1855 года, согласился и императоръ Александръ Николаевичъ.

Изъ приведеннаго въ этой главѣ краткаго обзора исторіи частныхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, возникавшихъ со времени приступа, въ 1843 г., къ постройкѣ с.-петербурго-московской желѣзной дороги, и до конца 1854 г., видно, что только одно изъ этихъ предпріятій, именно волго-донская желѣзноконная дорога, было осуществлено въ царствованіе императора Николая I, изъ прочихъ же 19-ти—три, а именно саратовская желѣзная дорога и дороги риго-динабургская и петергофская, осуществились уже при преемникѣ Николая I; остальныя 16-ть окончились лишь переговорами предпринимателей съ правительствомъ и дальнѣйшаго хода не имѣли. Главными причинами

такого печальнаго для Россіи положенія желѣзнодорожнаго вопроса были: продолжавшееся недовѣріе окружавшихъ государя лицъ къ выгодности, въ финансовомъ отношеніи, желѣзнодорожной эксплоатаціи, неразработанность и неопредѣленность нѣкоторыхъ предложеній и чрезмѣрныя требованія другихъ. Напряженность политическихъ отношеній Россіи къ европейскимъ государствамъ, а затѣмъ венгерская и крымская военныя кампаніи, вызвавшія удлинненіе срока постройки с.-петербурго-московской желѣзной дороги и помѣшавшія правильному ходу работъ на с.-петербурго-варшавской желѣзнодорожной линіи, также въ значительной степени парализовали всякую промышленную дѣятельность нашего отечества, а слѣдовательно и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ на частные капиталы. Еслибы императоръ Николай Павловичъ, въ своихъ стремленіяхъ къ возможно большему развитію рельсовыхъ путей въ Россіи, встрѣтилъ въ большинствѣ своихъ сотрудниковъ болѣе къ этому дѣлу сочувствія, то къ 1853 г. Россія была бы перерѣзана желѣзною дорогою отъ Москвы до Чернаго моря, и тогда исходъ крымской кампаніи могъ бы быть совершенно иной.

Чрезъ восемь мѣсяцевъ по кончинѣ государя, сошелъ со сцены и главный исполнитель его предначертаній въ дѣлѣ сооруженія въ Россіи усовершенствованныхъ путей сообщенія: 15-го октября 1855 г., графъ Клейнмихель былъ уволенъ отъ должности главноуправляющаго пут. сообщ. и п. зд. и замѣненъ Чевкинымъ, вступившимъ въ исполненіе своихъ обязанностей 24-го того же октября.

Въ послѣдніе мѣсяцы своего управленія графъ Клейнмихель старался, повидимому, подладиться подъ то новое направленіе, которое было дано ходу государственныхъ дѣлъ преемникомъ Николая I, и подъ тѣ новые взгляды, которые стали господствовать въ высшихъ административныхъ сферахъ. Такимъ образомъ, убѣдившись, что и государь, и общественное мнѣніе, стояли — въ дѣлѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ — за привлеченіе къ этому дѣлу, предпочтительно, промышленности частной, графъ Клейнмихель, 16-го сентября, учредилъ при главномъ управленіи особый комитетъ „для опредѣленія основныхъ началъ условій на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ частными компаніями“. Комитету этому онъ поручилъ „собрать всѣ законоположенія и уставы, на которыхъ допускается учрежденіе желѣзныхъ дорогъ въ западной Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ, разсмотрѣть всѣ имѣющіеся въ главномъ управленіи матеріалы, сообразить съ дѣйствующими законами и изготовить проектъ нормальныхъ кон-

дицій, на коихъ могутъ быть учреждаемы частныя компаніи для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ товарищъ главноуправляющаго, а членами—всѣ высшіе чины главнаго управленія, а также представители министерствъ: военнаго, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и почтоваго департамента. Комитету было предложено представлять графу Клейнмихелю, по истеченіи каждой недѣли, меморіи о занятіяхъ комитета.

Объ учрежденіи комитета графъ донесъ государю, и былъ обрадованъ сочувственнымъ отзывомъ императора, написавшаго, 20-го октября 1855 г., на его докладѣ: „весьма дѣльно; за что искренно благодарю“.

Увольненіе графа Клейнмихеля отъ должности главноуправляющаго пут. сообщ. и п. зд. встрѣчено было публикою очень сочувственно. Ему не могли простить его высокомѣрія и чрезмѣрной его строгости къ подчиненнымъ; не могли забыть несчастныхъ воспитанниковъ института корпуса путей сообщенія, жестоко поплатившихся, въ 1843 г., за свои мальчишескія выходки противъ одного изъ учителей института. Несчастная эта исторія подробно описана профессоромъ А. В. Никитенко въ изданномъ его дневникѣ. Изъ этого дневника видно, что еще 9-го октября 1855 г. разнесся въ Петербургѣ слухъ, что Клейнмихель получилъ изъ Николаева отъ государя записку съ предложеніемъ подать въ отставку. Все петербургское общество ликовало по этому случаю. Никитенко, знавшій хорошо графа Клейнмихеля по своимъ служебнымъ къ нему отношеніямъ въ 1837—1845 гг., также сочувствуетъ общей радости, но, до нѣкоторой степени, оправдываетъ графа, объясняя его дѣйствія опьяненіемъ властью и почестями, такъ какъ, по природѣ своей, Клейнмихель вовсе не былъ золъ. „Зло заключалось“,—прибавляетъ Никитенко,—„не въ немъ, а въ его положеніи; положеніе же устроила судьба, сдѣлавшая изъ него всевластнаго вельможу“.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ исторіи первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи мы старались, главнымъ образомъ, выяснить отношенія къ желѣзнодорожному дѣлу императора Николая I въ послѣднее двадцатилѣтіе его царствованія. Изъ этого очерка усматривается, что государю этому не пришлось видѣть Россію покрытою сѣтью рельсовыхъ путей. Ко дню его

кончины (18-го февраля 1855 года) въ Россіи было всего четыре, открытыхъ для общаго пользованія, желѣзныхъ дороги, протяженіемъ, въ совокупности, 987 верстъ. Какъ уже упомянуто нами выше, тяжелыя для Россіи военныя событія 1853—1856 годовъ, вызвавшія, кромѣ потерь въ рядахъ войскъ и убытковъ, понесенныхъ населеніемъ, еще и чрезвычайныя издержки казны, исчисляемыя почти въ 1 милліардъ рублей, пріостановили надолго развитіе производительныхъ расходовъ государства, въ томъ числѣ и постройку, за счетъ казны, усовершенствованныхъ путей сообщенія; тѣмъ не менѣе, желѣзнодорожный вопросъ сталъ въ отечествѣ нашемъ, въ царствованіе императора Николая I, на прочную почву, и хотя и являлись еще сомнѣнія въ выгодности финансовыхъ результатовъ желѣзнодорожной эксплоатаціи, но никто уже болѣе не сомнѣвался въ пользѣ, приносимой государству рельсовыми путями, и въ ихъ относительныхъ преимуществахъ, во всѣхъ почти случаяхъ, предъ всѣми другими способами сообщенія.

Весьма выразительны въ этомъ отношеніи, какъ отголосокъ общественнаго мнѣнія въ Россіи, слова, которыми начинается именной указъ 26-го января 1857 года, данный императоромъ Александромъ II-мъ по случаю опубликованія утвержденнаго въ этотъ день государемъ положенія объ основныхъ условіяхъ для устройства первой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.

„Въ неослабномъ попеченіи о благѣ столь близкаго сердцу Нашему отечества, Мы давно сознали, что обильное дарами природы, но раздѣленное огромнымъ пространствомъ, оно нуждается особенно въ удобныхъ сообщеніяхъ. Сознаніе это вяще утвердилось среди личныхъ занятій, возложенныхъ на Насъ еще съ 1842 г. блаженныя памяти Родителемъ Нашимъ, по предсѣдательству комитета желѣзныхъ дорогъ, въ коемъ обсуждены сооруженія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги и первыя предположенія по другимъ путямъ сего рода. Самое сооруженіе этой дороги, столь справедливо называемой нынѣ Николаевскою, выразило еще осязательнѣе всю пользу для Нашей родины сего новаго способа сообщеній, всю необходимость его, какъ для мирнаго, такъ и для военнаго времени; и желѣзныя дороги, въ надобности коихъ были у многихъ сомнѣнія еще за десять лѣтъ, признаны нынѣ всѣми сословіями необходимостью для имперіи и содѣлались потребностью народною, желаніемъ общимъ, настоятельнымъ.

„Въ семъ глубокомъ убѣжденіи, Мы, вслѣдъ за первымъ пре-

вращеніемъ военныхъ дѣйствій, повелѣли озаботиться о средствахъ къ лучшему удовлетворенію этой неотложной потребности".

Далѣе, въ указѣ объясняются мѣры, принятыя правительствомъ для обезпеченія сооруженія первой въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, но обстоятельства, сопровождавшія осуществленіе этой сѣти, какъ не относящіяся къ царствованію императора Николая I, выходятъ за предѣлы нашего очерка.

В. В. Саловъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДРІАДА.

Въ тѣни заброшеннаго сада,
Въ глуши запущенныхъ аллей
Стоитъ задумчиво дріада
Подъ сѣнью никнущихъ вѣтвей.

Вдали отъ суетнаго шума
Она застыла въ полумглѣ,—
Лежитъ таинственная дума
На бѣломраморномъ челѣ.

И обаяніе былого
Витаетъ трепетно надъ ней,
Будя въ груди холодной снова
Воспоминанья прежнихъ дней.

Ей снится шумъ и говоръ бала,
Когда подъ звуки карманьолъ
Сливался лепетъ мадригала
Съ пѣвучей музыкой віолъ.

Дрожа, звучалъ напѣвъ протяжный,
И за собою велъ вослѣдъ
Гавотъ медлительный и важный
И граціозный менуэтъ.

А тамъ, въ скучающей аллеѣ,
Вдали отъ бальной суеты,

Гдѣ листья гуще, мракъ чернѣе,
Сходились робкія четы.

И въ тишинѣ благоуханной
Подъ звонкій ропотъ чистыхъ струй
Не разъ звучалъ украдкой данный
И возвращенный поцѣлуй.

Но все прошло... промчалось мимо...
Отдавшись призрачной мечтѣ,
Дріада, горестью томима,
Стоитъ въ застывшей красотѣ.

И только вздохи сожалѣнья,
Какъ вѣтерокъ среди аллей,
Колеблютъ въ робкомъ дуновеньѣ
Листы поникнувшихъ вѣтвей...

ИЗЪ „КНИГИ ЖИЗНИ".

I.

Стансы.

Тоскуешь ты... Полна печали
Душа усталая твоя...
Сіяютъ огненныя дали
Въ лучахъ ликующаго дня.

Небесный сводъ лазурно-ясенъ,
Твоя же грудь полна тревогъ,—
Міръ обаятельно прекрасенъ,
Но ты въ немъ сиръ и одинокъ.

Не зная счастья и отрады,
Съ боязнью смутною въ груди,
Ты отвращаешь робко взгляды
Ото всего, что̀ впереди.

Въ сознаньѣ ложнаго безсилья,
Отдавшись грусти и слезамъ,

Ты самъ подрѣзываешь крылья
Своимъ стремленьямъ и мечтамъ.

Свою печаль, свои мученья
Самъ добровольно создаешь,
И жизнь, источникъ наслажденья,
Тяжелой ношею зовешь.

Зачѣмъ?! Какъ будто вся природа,
И вѣчный трепетъ бытія,
И жизнь, и счастье, и свобода,
О, человѣкъ, не для тебя!!

II.

Клевета.

Въ толпѣ таятся злыя силы;
Ихъ породила суета;
Отъ колыбели до могилы
Насъ ждетъ повсюду клевета.

Но счастливъ тотъ, кто смѣлымъ духомъ,
Наперекоръ молвѣ людской,
Наперекоръ коварнымъ слухамъ,
Хранитъ довѣрье и покой.

Кто сознаетъ, что наше счастье
Не подлежитъ суду людей,
И что порою ихъ участье
Мученій горести больнѣй.

Пусть онъ проходитъ одиноко
Съ безстрастнымъ холодомъ лица,
Съ величьемъ славнаго пророка
И гордымъ мужествомъ бойца.

И пусть всю жизнь не забываетъ,
Что этотъ ядъ навѣтовъ злыхъ,
Того презрѣніемъ пятнаетъ,
Кто самъ унизится до нихъ.

В. Мазуркевичъ.

ШКОЛА

И

НАРОДНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ВЪ ГЕРМАНІИ

Промышленные успѣхи Германіи, за послѣднюю четверть вѣка, составляютъ предметъ зависти ея конкуррентовъ на международномъ рынкѣ и вызываютъ живѣйшій интересъ другихъ континентальныхъ народовъ, стремящихся поднять свои производительныя силы. Экономистъ, изучающій причины такого изумительнаго роста индустріализма и народнаго богатства, очень скоро замѣчаетъ, что онѣ несравненно болѣе сложны, чѣмъ это представляется поверхностному наблюдателю, составляющему свои выводы по формулѣ: post hoc, ergo—propter hoc. Такъ какъ Германія въ 1879 г. завела у себя протекціонную таможенную систему, то успѣхи ея зависятъ, значитъ, отъ протекціонизма,—повторяли любители реальныхъ формъ покровительства отечественной промышленности въ Европѣ и Америкѣ. Это объясненіе очень похоже на то, которое, въ 1866 и 1870 гг., давали военнымъ успѣхамъ Германіи, съ тою только разницей, что въ мнѣніи о возвеличеніи Германіи, какъ дѣлѣ рукъ Бисмарка, была хоть частица правды,—тогда какъ въ представленіи о созданіи германскихъ промышленныхъ успѣховъ покровительственными пошлинами заключается искаженіе исторіи. Въ лучшемъ случаѣ, этимъ выдвигаютъ впередъ второстепенный факторъ, устраняя болѣе крупные.

Замѣнить ложное мнѣніе болѣе близкимъ къ истинѣ—гораздо

легче, если это можно сдѣлать въ столь же краткой и простой формѣ, какъ кратокъ и простъ распространенный предразсудокъ. „Школьный учитель побѣдилъ“!—это имѣло огромный успѣхъ, благодаря своей простотѣ и прямолинейности: это почти такъ же понятно, какъ „Бисмаркъ побѣдилъ“, хотя, конечно, само по себѣ тоже односторонне, потому что выдвигать школу можно было, придерживаясь исторической правды, лишь въ связи съ всеобщей воинской повинностью, съ прекрасной постановкой путей сообщенія, безукоризненной честностью прусскаго чиновника, дѣятельностью общиннаго самоуправленія и цѣлымъ рядомъ другихъ причинъ, создавшихъ силу Пруссіи. Преимущество новой сентенціи предъ старой было, однако, огромное: она выдѣляла и освѣщала значеніе народа, общества, въ успѣхахъ, составлявшихъ результатъ чуть ли не вѣковой ихъ работы. Возможно ли такъ же выпукло сконцентрировать причины промышленныхъ успѣховъ Германіи?

Этимъ вопросомъ я заинтересовался по поводу любопытной задачи, поставленной союзомъ германскихъ учителей: „Какое значеніе имѣетъ поднятіе народнаго образованія на экономическое развитіе нашей страны?“ „Союзъ учителей“ (Deutscher Lehrerverein) объединяетъ около 80.000 дѣятелей народнаго образованія и оказалъ уже большія услуги просвѣщенію народа. Въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ усиливающагося значенія индустріализма, онъ сталъ обращать вниманіе на отношенія, возникающія между промышленностью и народной школой. Первымъ его опытомъ было изслѣдованіе о промысловомъ трудѣ дѣтей школьнаго возраста, произведшее сильное впечатлѣніе на общество и неоднократно уже давшее поводъ къ сужденіямъ въ рейхстагѣ и прусской палатѣ. Новая тема, поставленная имъ въ программу его будущаго съѣзда, несравненно сложнѣе. Сами иниціаторы ея это прекрасно понимаютъ, но они любятъ свое школьное дѣло, и, какъ дѣти практическаго вѣка, не хотятъ упустить случая оказать вліяніе на умы, воспользовавшись гордостью своихъ соотечественниковъ по поводу успѣховъ промышленнаго развитія Германіи и восторженныхъ отзывовъ иностранцевъ. „Мы не говоримъ, что экономическіе успѣхи—дѣло только школы,—пишетъ одинъ изъ передовыхъ дѣятелей союза [1]),—но въ условіяхъ развитія народнаго хозяйства, кромѣ естественныхъ, огромное значеніе имѣютъ еще государственныя, общественныя и личныя. Мы даемъ фабрикантамъ, сельскимъ хозяевамъ, ремесленникамъ,

[1]) K. Fechner (Фехнеръ) въ „Pädagogische Zeitung“, 1899 г., № 10 и 11 (стр. 153, 157 и 174).

лучшихъ людей, болѣе понятливыхъ, чѣмъ прежніе рабочіе, лучше умѣющихъ оріентироваться въ своихъ занятіяхъ; и въ то же время школа несомнѣнно оказываетъ вліяніе на улучшеніе государственныхъ и общественныхъ условій. Болѣе непосредственнаго вліянія *народная* школа не можетъ и *не хочетъ* оказать, такъ какъ цѣль ея состоитъ не только въ образованіи работника, но и въ воспитаніи человѣка и гражданина. Но развѣ и то, что̀ она даетъ для профессіональной дѣятельности—не очень большой факторъ нашихъ успѣховъ? Если общеобразовательная школа исполняетъ добросовѣстно свое назначеніе, то она научаетъ ребенка,—какъ выразился Авенаріусъ,—правильно „думать, слушать, присматриваться",—а ка̀къ это необходимо при современныхъ техническихъ успѣхахъ, когда съ усовершенствованіями въ машинѣ и процессѣ производства требуется все больше вниманія и пониманія отъ рабочаго"! „Въ нынѣшней промышленности, — пишетъ въ своемъ отчетѣ авторитетнѣйшій изъ фабричныхъ инспекторовъ Германіи, д-ръ Верисгофхеръ,—интеллигентности управленія недостаточно для осуществленія успѣховъ: пользованіе прогрессомъ техники возможно лишь при интеллигентномъ, развитомъ фабричномъ классѣ, при разумныхъ и понимающихъ исполнителяхъ, до послѣдняго рабочаго". „Точность, быстрота, вниманіе замѣняютъ теперь въ прядильняхъ мускульное напряженіе,—пишетъ одинъ изъ крупныхъ германскихъ прядильщиковъ;—я могу положиться на машины, стоющія каждая $22^1/_2$ тысячи, только при работницѣ, которая не переутомлена, пользуется хорошимъ образомъ жизни и получила порядочное общее образованіе".

Такихъ примѣровъ изслѣдованія, которое предпринимаютъ теперь народные учителя, вѣроятно, мы въ состояніи будемъ привести впослѣдствіи сотнями, и заранѣе можно сказать, что какъ ни великъ антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ, но среди предпринимателей, фабрикантовъ и заводчиковъ едва ли найдутся достойные конкурренты прусскимъ „юнкерамъ", все еще стоящимъ на той точкѣ зрѣнія, что „глупый рабочій—самый лучшій". Нѣмецкіе фабриканты и купцы слишкомъ практичные люди, чтобы пытаться бороться съ неминуемымъ ходомъ развитія. „Юнкеръ" еще надѣется на поворотъ назадъ, тогда какъ промышленный предприниматель уже убѣдился въ своей дѣятельности, что Фридрихъ Великій былъ правъ, говоря, что нѣтъ „ничего труднѣе, какъ управлять глупымъ и темнымъ народомъ". Народнымъ учителямъ, слѣдовательно, не нужно бояться, что имъ скажутъ: не надо школы,—но они опасаются другого: въ промышленныхъ кругахъ слишкомъ распространено желаніе воспользоваться школой для

узко-профессіональныхъ цѣлей, а это, какъ друзья школы справедливо замѣчаютъ, одинаково принесло бы вредъ и интересамъ гражданина, и будущности самой промышленности. Прежде чѣмъ вырабатывать спеціалиста или даже только направлять ребенка въ опредѣленную сферу, мы въ немъ должны развить человѣка. Народная школа,—замѣчаетъ одинъ изъ борцовъ за развитіе дополнительнаго и профессіональнаго образованія въ Германіи,—не только не обязана, но даже не въ правѣ давать спеціальную подготовку для отдѣльныхъ профессій; она даетъ народу то, чтò въ настоящее время признается основаніемъ и необходимымъ условіемъ всякой полезной дѣятельности въ жизни. Есть минимумъ общаго знанія, безусловно необходимаго на всѣхъ поприщахъ, и его можно дать дѣтямъ народа только въ томъ возрастѣ, когда онъ еще всецѣло учится и готовится къ жизни; въ ребенкѣ нужно развить способность думать, оріентироваться, въ немъ необходимо укрѣпить нравственныя чувства... Авторъ, примѣрами изъ общественной жизни своего отечества, гдѣ народъ призванъ къ участію въ законодательствѣ, убѣдительно доказываетъ, что, и при полной преданности своему дѣлу, учитель въ сущности даже не въ состояніи достаточнымъ образомъ подготовить къ жизни дѣтей, которыя уже въ 14 лѣтъ начинаютъ жить физическимъ трудомъ. По его мнѣнію, еще до 18 лѣтъ необходимо соединеніе практическихъ занятій съ посѣщеніемъ школы, носящей характеръ полу-профессіональнаго, полу-образовательнаго учрежденія [1]).

Несомнѣнно, что школа должна и непосредственно содѣйствовать успѣхамъ народнаго хозяйства, — но какая школа? Не та, которая разсчитана на ребенка 6—14 лѣтъ, а дополнительная и профессіональная, имѣющая дѣло съ подростками, уже вступившими въ практическую жизнь. Что и школы этого рода широко распространены въ Германіи, въ этомъ я могъ убѣдиться осенью минувшаго года, посѣтивъ въ концѣ сентября „Выставку промышленныхъ школъ“ въ Дрезденѣ. Отдѣльныя мѣстныя выставки ученическихъ работъ—не рѣдкое явленіе въ большихъ городахъ, но дрезденская выставка выходила изъ ряда вонъ тѣмъ, что на ней представлены были (за ничтожнымъ исключеніемъ) промышленныя школы всей Саксоніи, какъ дополнительныя къ народнымъ школамъ, такъ и низшія и среднія училища и курсы для опредѣленныхъ профессій. Предъ нами, такимъ образомъ, была полная коллекція того рода школы, ко-

---

[1]) Oskar Pache. Handbuch des deutschen Fortbildungschulwesens, т. I, стр. 26—28.

торая получаетъ подготовленный матеріалъ изъ народной школы и въ состояніи прямо вліять на процвѣтаніе промышленности. Считаю не лишнимъ привести здѣсь ея бѣглое описаніе, чтобы показать, какъ много и въ этомъ отношеніи создано въ Германіи государствомъ, общинами, союзами, ферейнами. Останавливаться на выставленныхъ работахъ учениковъ мы не станемъ,—это дѣло спеціалистовъ,—но насъ интересуетъ характеръ школы, ея задачи и результаты.

При посѣщеніи каждой выставки, трудно удержаться отъ подозрѣнія, что экспоненты явились, такъ сказать, въ праздничномъ облаченіи и выставляютъ свои товары съ казовой стороны. Ничего похожаго нѣтъ на дрезденской выставкѣ (оффиціальное ея названіе: Ausstellung der Gewerblichen Unterrichtsanstalten); послѣ тщательнаго ея осмотра, вы вполнѣ согласитесь съ заявленіемъ выставочнаго комитета, напечатаннымъ въ предисловіи къ каталогу, что цѣлью этой выставки было дать посѣтителю „полную и точную картину работы въ различныхъ школахъ, вслѣдствіе чего здѣсь представлены не только удачныя работы учениковъ, но и посредственныя, дающія возможность судить о трудности, связанной съ каждой преподавательской дѣятельностью". При этомъ нужно также принять во вниманіе, что большинство учениковъ—ремесленные ученики и молодые рабочіе, у которыхъ для занятій въ школѣ всего 4—6 свободныхъ часовъ въ недѣлю. Желаніе дать по возможности вѣрную картину дѣйствительности побудило иниціаторовъ выставки и завѣдывающихъ школами ограничиться и въ выборѣ матеріала для работъ наиболѣе дешевыми предметами, конечно, не имѣющими того декоративнаго эффекта, какой производятъ товары, экспонируемые частными предпринимателями для рекламы: въ правилахъ выставки, разосланныхъ всѣмъ школамъ, настойчиво подчеркивается, что внѣшняя красота не должна быть куплена „цѣною яснаго представленія постепеннаго хода преподаванія, и что школы не должны стремиться блеснуть талантами выдающихся учениковъ". Чтобы заранѣе предупредить обходъ этихъ требованій, комитетъ поставилъ условіемъ характеристики каждой школы—представленіе ею работъ, рисунковъ и тетрадей, не менѣе трехъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ долженъ быть изъ лучшихъ, другой—средній, и третій—слабый. Наконецъ, въ качествѣ наиболѣе рѣшительнаго средства противъ врожденнаго у педагоговъ и учениковъ стремленія къ внѣшнимъ отличіямъ, комитетъ вы-

ставки постановилъ не выдавать наградъ, но ограничиться, по окончаніи выставки, „собесѣдованіемъ директоровъ и учителей, для выясненія замѣченныхъ достоинствъ и недостатковъ". При такой постановкѣ, надо лишь удивляться, что изъ 305 промышленныхъ школъ Саксоніи только 46 не приняли участія на выставкѣ, и то потому, что однѣ изъ нихъ существуютъ слишкомъ недавно, чтобы выступить съ готовыми результатами, другія же, какъ, напр., 22 низшія школы музыкантовъ, по самому характеру своей дѣятельности не въ состояніи представить конкретныхъ издѣлій.

Въ нѣсколько минутъ электрическій трамвай доставляетъ насъ съ богемскаго вокзала въ Штюбель-аллею, гдѣ посреди роскошнаго парка помѣщается городское зданіе выставокъ, Städtische Ausstellungshalle, отведенная школамъ на недѣлю. Съ главнаго входа мы вступаемъ въ огромную центральную залу, и первымъ бросается въ глаза женскій отдѣлъ; вмѣстѣ съ выставкой художественной школы Дрездена, эта часть предпріятія разнообразіемъ и изяществомъ своихъ работъ наиболѣе привлекаетъ посѣтителя-профана. Экспонаты преимущественно состоятъ изъ рукодѣлій, платья и другихъ предметовъ обычныхъ женскихъ работъ; въ послѣдніе годы, однако, и старомодныя филантропки пришли къ убѣжденію, что сфера женскаго труда нуждается въ расширеніи, и вслѣдствіе этого многія изъ представленныхъ здѣсь 45 женскихъ школъ, если задача ихъ не узко-спеціальная, въ родѣ школъ кружевницъ, портнихъ, парикмахершъ и т. п., —начинаютъ вводить такіе относительно новые курсы, какъ фотографія, обученіе работѣ на пишущихъ машинахъ. Наиболѣе разнообразна дѣятельность основаннаго въ 1871 г. „Frauen-Erwerbsverein" въ Дрезденѣ, приближающагося по своимъ стремленіямъ къ извѣстному „Леттеферейну" въ Берлинѣ. Въ профессіональной школѣ дрезденскаго женскаго общества, въ 37 классахъ, до 400 ученицъ; курсы продолжаются отъ 2 мѣсяцевъ до 4 лѣтъ. Рядомъ съ этой обширной школой, крошечная выставка работъ ученицъ женской дополнительной школы ремесленнаго общества въ Хемницѣ. Вся выставка состоитъ изъ ученическихъ тетрадокъ и счетныхъ книгъ, такъ какъ задача школы пріучить жену и дочь ремесленника быть помощницей мужа или отца, вести его приходо-расходныя книги и корреспонденцію, а въ случаѣ надобности заработать себѣ самостоятельно кусокъ хлѣба. Проходя мимо нѣсколькихъ частныхъ женскихъ школъ рукодѣлій, присутствіе которыхъ на выставкѣ едва ли соотвѣтствуетъ ея истиннымъ задачамъ, мы останавливаемся на серіи школъ кружев-

ницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя скоро отпразднуютъ уже столѣтній юбилей, другія основаны въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, и лишь двѣ или три—болѣе поздняго происхожденія. Всѣ онѣ имѣютъ то общаго, что возникли по иниціативѣ государства и содержатся на государственныя средства, преимущественно въ деревняхъ и мелкихъ городахъ, издавна славящихся своимъ кружевнымъ производствомъ. Глядя на выставленныя работы, трудно иногда повѣрить, что это—дѣло рукъ 7—8-лѣтнихъ дѣтей, а между тѣмъ ученицы кружевныхъ школъ — дѣвочки изъ народныхъ училищъ. Очень вѣроятно, что кружевныя школы подняли вкусъ и технику, но производство кружевъ, въ качествѣ кустарнаго, все больше падаетъ, и затраченныя средства могли бы быть употреблены съ пользой для другихъ профессіональныхъ школъ, не говоря уже о томъ,—что̀ весьма сомнительно,—слѣдуетъ ли прибѣгать къ профессіональному обученію въ возрастѣ, который всецѣло долженъ былъ бы принадлежать народной школѣ.

Смежный съ женскими школами отдѣлъ принадлежитъ 44-мъ торговымъ школамъ. Большинство ихъ основано купеческими обществами и торгово-промышленными союзами, но только въ пяти, рядомъ съ курсами для приказчиковъ и торговыхъ учениковъ, существуютъ и высшіе классы, соотвѣтствующіе нашимъ коммерческимъ училищамъ. Справка о числѣ учениковъ сейчасъ же указываетъ, на кого разсчитаны эти школы: въ то время какъ въ высшихъ отдѣленіяхъ 500 учениковъ, классы приказчиковъ посѣщаются 4.200 дѣтьми, уже работающими въ конторахъ и магазинахъ. Нѣкоторыя школы принимаютъ это во вниманіе и переносятъ часы занятій на вечера; въ большинствѣ, однако, уроки происходятъ днемъ, по 12 часовъ въ недѣлю, и хозяева-купцы, въ силу обычая, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и по принужденію закона, обязаны отпускать мальчиковъ (не достигшихъ 17 лѣтъ) въ школу. Отдѣльныя школы носятъ спеціальный характеръ, подготовляя учениковъ къ опредѣленной профессіи: такъ, напр., лейпцигскіе книгопродавцы имѣютъ особую школу книгопродавческихъ приказчиковъ. Любопытна программа этой школы, ученіе въ которой продолжается три года, при 12 часахъ занятій въ недѣлю: въ росписаніи уроковъ значатся нѣмецкій, французскій, англійскій языки, всемірная исторія, исторія литературы, естественная исторія, энциклопедія, счетоводство, ариѳметика и стенографія. Во всѣхъ остальныхъ программа не столь „энциклопедична", но французскій и англійскій языки, бухгалтерія, товаровѣдѣніе, элементы торговаго права и географія, повторяются въ каждомъ росписаніи, и изрѣдка къ нимъ присоединяются

исторія, политическая экономія. Въ Лейпцигѣ приказчикъ можетъ научиться даже по-испански и по-русски.

Во всю длину боковой залы, примыкающей справа къ центральной выставкѣ, размѣщаются тетради, рисунки, чертежи и модели, иллюстрирующіе занятія въ вечернихъ и воскресныхъ классахъ, носящихъ названіе: „Gewerbliche Fortbildungsschulen". Задача ихъ не узко-спеціальная, но тѣсно примыкающая къ общимъ цѣлямъ элементарнаго образованія. Нынѣшняя „Fortbildungsschule" вышла изъ воскресныхъ и вечернихъ курсовъ, существовавшихъ въ Германіи еще задолго до введенія обязательной народной школы. Еще въ концѣ XVII-го вѣка, въ Вюртембергѣ, Баденѣ, Баваріи, Пруссіи, дѣти ремесленниковъ и мѣщанъ должны были по воскресеньямъ послѣ церкви посѣщать приходскую или общинную школу. Въ Баваріи, напр., не только цехи обязывались требовать отъ ремесленнаго ученика доказательства о посѣщеніи воскресной школы, но и священники не должны были вѣнчать молодого человѣка, прежде чѣмъ онъ не докажетъ, что посѣщалъ правильно въ теченіе извѣстнаго періода воскресный классъ. Съ осуществленіемъ принудительной школы, воскресные и возникшіе рядомъ съ ними вечерніе курсы, казалось, потеряли свой смыслъ; гдѣ они раньше были обязательны, ихъ или формально упраздняютъ, или же они сами постепенно исчезаютъ, такъ какъ существовавшія раньше постановленія никѣмъ не соблюдаются. Съ 60-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, однако, въ Германіи поднимается движеніе за возобновленіе прежнихъ воскресныхъ и вечернихъ курсовъ, но, конечно, на другой почвѣ. Съ одной стороны, усиливается запросъ въ знаніи у самого народа, уже прошедшаго черезъ элементарную школу,—и въ этомъ отношеніи агитація ведется какъ политическими организаціями рабочихъ, такъ и спеціальными обществами образованія, нашедшими съ 1870 г. въ обществѣ распространенія народнаго образованія энергичнаго защитника культурныхъ требованій. Съ другой стороны, недостаточная подготовка ремесленниковъ и рабочихъ къ практической жизни, являющаяся результатомъ измѣненій во внутренней организаціи производства, паденія ремесла и провозглашенія свободы промышленности, вызываетъ потребность въ школьныхъ занятіяхъ, приспособленныхъ къ характеру спеціальныхъ промысловъ. Этими мотивами объясняется возникновеніе цѣлой сѣти „Fortbildungsschulen", подобно прежнимъ воскреснымъ и вечернимъ курсамъ, имѣющимъ учениками подростковъ, юношей и дѣвушекъ, уже добывающихъ себѣ существованіе трудомъ или проходящихъ практическую школу труда на фабрикѣ, въ

мастерской, конторѣ или въ лавкѣ. Характеръ „дополнительной школы" еще до сихъ поръ—колеблющійся, неодинаковый въ различныхъ частяхъ Германіи, измѣняющійся въ зависимости отъ условій мѣстныхъ промысловъ. Въ общемъ можно сказать, что нынѣшняя дополнительная школа имѣетъ цѣлью укрѣпить и расширить свѣдѣнія, вынесенныя изъ народной школы, преимущественно практическимъ знаніемъ, болѣе или менѣе приспособленнымъ къ потребностямъ спеціальныхъ профессій. Въ Пруссіи посѣщеніе „Fortbildungsschulen" по большей части только добровольное, и законъ лишь предоставляетъ общинамъ право дѣлать его обязательнымъ на основаніи мѣстнаго статута. Въ Саксоніи же, съ 1873 г., дополнительная школа въ продолженіе 2—3 лѣтъ по окончаніи народной школы *обязательна* для всѣхъ дѣтей, вступающихъ въ практическую жизнь. Освобожденіе отъ нея предоставляется лишь дѣтямъ, прошедшимъ городскую школу высшаго разряда (Bürgerschulen, или Höhere Volksschule), или же посѣщающимъ одну изъ низшихъ спеціальныхъ школъ, въ уставѣ которой предусмотрѣна замѣна ею дополнительной школы. Въ ст. 14 саксонскаго закона 1873 года сказано, что назначеніе дополнительныхъ школъ есть „дальнѣйшее общее образованіе учениковъ, въ особенности же укрѣпленіе въ тѣхъ познаніяхъ и искусствахъ, которыя полезны въ гражданской жизни". Минимумъ занятій въ дополнительной школѣ—2 часа въ недѣлю въ воскресенье, или въ одинъ изъ буднихъ вечеровъ. Школьныя коммиссіи, однако, въ правѣ довести число обязательныхъ часовъ до 6, что въ дѣйствительности почти повсюду осуществлено. Предметами преподаванія служатъ чтеніе и письменныя работы (сочиненія) по нѣмецкому языку, ариѳметика, естественная исторія и рисованіе; часто къ этимъ урокамъ присоединяются ознакомленіе учениковъ съ законодательствомъ, элементами политической экономіи, исторіей и географіей. Само чтеніе должно носить развивающій характеръ, дополнять фактическія знанія и развивать вкусъ. Предоставленіе общинамъ права замѣнять общую дополнительную школу спеціальной — промышленной, сельскохозяйственной или торговой—повело къ возникновенію „дополнительно-промышленныхъ школъ" (Gewerbliche Fortbildungsschulen), соединяющихъ занятія общими предметами съ нѣкоторой подготовкой къ спеціальному труду. Это выражается въ усиленіи занятій по рисованію и черченію, въ ознакомленіи учениковъ съ моделями машинъ, съ началами законодательства, технологіи, бухгалтеріи. Школъ этого рода на выставкѣ около 30; число учениковъ превышаетъ 8.000. Бюджетъ всѣхъ школъ достигаетъ 153.263 марки,

на $^3/_4$ покрывающіяся взносами ферейновъ и платой за ученіе, которая въ большинствѣ школъ колеблется между 2 и 15 марками въ годъ. Государственная субсидія составляетъ 20 тысячъ, коммунальная—14 тысячъ въ годъ. Кромѣ многочисленныхъ классовъ черченія и рисованія, при промышленныхъ школахъ въ Саксоніи существуетъ еще 9 исключительно промышленныхъ *чертежныхъ* школъ, основанныхъ между 1880 и 1894 гг. Иниціаторомъ при основаніи ихъ въ одномъ случаѣ было государство; въ 1—община; въ 3—промышленные ферейны; въ 3—цехи или цеховые мастера, и въ 1—ферейнъ и цехъ сообща. Срокъ ученія въ этихъ школахъ продолжается 3 года. Для пріема требуется 14-ти-лѣтній возрастъ и окончаніе курса въ народной школѣ. Общее число преподавателей во всѣхъ школахъ—28, въ томъ числѣ 4 архитектора и 6 ремесленниковъ. Число учебныхъ часовъ колеблется между 2 и 30 въ недѣлю; во всѣхъ школахъ, кромѣ миттвейдской, учебныя занятія происходятъ и въ воскресенье. При школѣ въ Шнеебергѣ имѣется открытая, доступная во всѣ часы дня, учебная зала; въ этой школѣ, а также въ двухъ другихъ (въ Каменцѣ и Острау), проходятся и общеобразовательные предметы. Плата за ученіе въ нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ составляетъ всего 1—4 мар. въ годъ, въ иныхъ она нѣсколько выше, но лишь въ одной превышаетъ 12 мар. въ годъ, при чемъ иногда, какъ, напр., въ миттвейдской школѣ, допускается и уступка для несостоятельныхъ. Раздача ученикамъ разныхъ знаковъ отличія — дипломовъ, денежныхъ премій, учебныхъ пособій—принята лишь въ трехъ школахъ.

Болѣе спеціальное назначеніе имѣютъ тѣ школы, которыя носятъ названіе „Fachschulen", и онѣ предназначены для ремесленныхъ учениковъ и молодыхъ фабричныхъ рабочихъ. Союзами предпринимателей, ремесленными цехами, мѣстными общинами, изрѣдка и рабочими обществами, на собственныя средства, или съ субсидіей отъ мѣстнаго самоуправленія, основано болѣе 70 низшихъ профессіональныхъ школъ для учениковъ опредѣленной отрасли промышленности. На выставкѣ мы встрѣчаемъ почти всѣ виды труда, имѣющіе свою особую школу; даже трубочисты не отстали отъ другихъ и основали въ 1888 году въ Дрезденѣ „Fachschule", въ которой обучается 38 мальчиковъ. Дрезденскіе каменьщики считаютъ нужнымъ посвящать своихъ дѣтей, уже кончившихъ народную школу, не только въ черченіе и геометрію, но и въ законовѣдѣніе и элементы политической экономіи. Наборщики, какъ аристократы среди рабочихъ, не ограничиваются усовершенствованіемъ въ нѣмецкомъ языкѣ и работой въ

типографской мастерской при училищѣ, но проходятъ еще курсы географіи и исторіи, физики и французскаго языка. Въ школѣ лейпцигскихъ типографскихъ рабочихъ, рядомъ съ обученіемъ набору и печатанію, происходятъ занятія по механикѣ, геометріи, химіи; ученикъ, кончившій курсъ этой школы, долженъ умѣть набирать греческую, русскую и древне-еврейскую рукопись. Лейпцигская типографская школа, содержимая на счетъ союза типографовъ, вѣроятно, первая въ мірѣ по своей образцовой организаціи и числу учениковъ, достигавшему въ 1898 г. 460 чел.

Однако, съ этими „аристократами" и болѣе скромные работники могутъ помѣряться, что касается добросовѣстности подготовленія къ профессіональной дѣятельности и умѣнья приносить для этого жертвы временемъ и средствами. Маленькая корпорація кузнецовъ въ Глаухау имѣетъ свою школу и требуетъ, чтобы ихъ дѣти не только научились ковать лошадь, но и знали анатомію ея. Общество дрезденскихъ трактирщиковъ выставило тетради съ сочиненіями учениковъ своей „Fachschule", написанными на французскомъ и англійскомъ языкѣ. Будущіе кельнеры и рестораторы должны знать основанія политической экономіи, вексельное право и государственный строй своей страны. Точно также мясники въ Дрезденѣ обладаютъ, судя по выставленнымъ работамъ учениковъ, образцовой профессіональной школой, и хотя учащіеся въ ней работаютъ наравнѣ съ взрослыми мясниками, сохраняя лишь 4 часа въ недѣлю для ученія, но они отлично знаютъ, какъ надо устраивать городскія бойни, каково строеніе животныхъ и какъ обращаться съ ними; въ то же время 17-лѣтній подмастерье, по выходѣ изъ школы, дополняетъ свои свѣдѣнія въ исторіи и географіи и имѣетъ понятіе о законодательствѣ и народномъ хозяйствѣ.

Если богатыя корпораціи сами могутъ позаботиться о воспитаніи своихъ дѣтей и служащихъ, то по отношенію къ болѣе скромнымъ ремесленникамъ и рабочимъ эта обязанность перелагается на государство и общину, особенно если промыселъ составляетъ источникъ существованія для большого круга людей. Въ странѣ со столь развитой мануфактурной промышленностью очень естественно, что ткацкія, прядильныя школы, какъ и школы для красильщиковъ, позументщиковъ и т. д., занимаютъ выдающееся мѣсто, и потому мы видимъ на выставкѣ цѣлую серію работъ учениковъ, получившихъ или полное образованіе въ одной изъ пяти спеціальныхъ школъ, которыя берутъ на себя профессіональную выучку въ прядильно-ткацкомъ промыслѣ, или же до-

полнившихъ лишь свои свѣдѣнія въ вечернихъ и воскресныхъ школахъ. Наиболѣе извѣстная изъ школъ перваго типа — Höhere Webschule въ Хемницѣ, основанная городомъ въ 1857 г.. Курсъ въ ней годичный, и въ двухъ параллельныхъ классахъ преподаютъ по 38 час. въ недѣлю. Предметы преподаванія: ученіе о матеріалахъ, техника ручного и механическаго пряденія, рисованіе образцовъ, аппретура и практическія занятія при станкахъ. Приблизительно такова же программа другихъ „полныхъ“ или дневныхъ школъ, тогда какъ въ многочисленныхъ вечернихъ и воскресныхъ классахъ, помѣщающихся часто въ мѣстечкахъ съ кустарнымъ населеніемъ, задача преподаванія состоитъ въ ознакомленіи юношей, практически уже знающихъ пріемы работы, съ новыми образцами и рисунками, положеніемъ рынка, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и съ пріемами механической работы, что облегчаетъ переходъ къ новымъ формамъ труда, гдѣ онѣ неизбѣжны, и, насколько возможно, помогаетъ кустарю сохранить оставшееся за нимъ поле дѣятельности. Мѣстное самоуправленіе и государства приходятъ населенію на помощь школой не только въ названныхъ производствахъ, но и во многихъ другихъ, въ которыхъ можно ожидать сохраненія старинныхъ „домашнихъ“ промысловъ. Такъ, напр., на дрезденской выставкѣ всеобщее одобреніе вызвали работы двухъ школъ игрушечныхъ мастеровъ въ центрѣ кустарно-игрушечнаго производства—Грюнгайнихенѣ и Зейффенѣ. Обѣ обязаны своимъ устройствамъ инспекціи промышленныхъ школъ, обратившей вниманіе на устарѣлость пріемовъ крестьянъ, работавшихъ долго на скверномъ матеріалѣ и по уродливымъ рисункамъ. Въ обѣихъ школахъ теперь болѣе 300 учениковъ, и за 25 лѣтъ своего существованія онѣ успѣли выпустить нѣсколько тысячъ учениковъ, оказавшихъ чрезвычайно большое вліяніе на весь строй игрушечнаго производства. По красотѣ рисунковъ, качеству работы и разнообразію предметовъ, эти саксонскіе кустари смѣло выдерживаютъ конкурренцію съ лучшими нюрнбергскими фабрикантами. Чтобы пріучить дѣтей съ ранняго возраста къ умѣнью обращаться съ формами и рисунками, во всѣхъ народныхъ школахъ „игрушечнаго округа“ (кромѣ названныхъ мѣстъ, въ Борсендорфѣ, Бернихенѣ и др.) введено спеціальное черченіе и рисованіе, подготовляющее къ будущей профессіональной работѣ, но не нарушающее общихъ задачъ элементарнаго образованія.

Среди промышленныхъ школъ Саксоніи, разсчитанныхъ на потребности опредѣленнаго производства и задающихся цѣлью воспитать мастеровъ, вполнѣ обладающихъ свѣдѣніями своей

спеціальности, первое мѣсто занимаютъ шесть школъ, отличающіяся отъ другихъ уже по названію—„deutsche“: это означаетъ, что школы разсчитаны не только на саксонскихъ гражданъ, но имѣютъ своею задачей воспитать спеціалистовъ для всей Германіи. Соотвѣтственно тому, и средства на ихъ содержаніе доставляются не изъ одной Саксоніи. Такъ, напримѣръ, нѣмецкая профессіональная школа жестяниковъ въ Ауэ, основанная въ 1877 г., обязана своимъ существованіемъ союзу жестяниковъ, распространенному по всей Германіи. „Нѣмецкая“ школа часовщиковъ въ Гласгюттэ (Glashütte) содержится на счетъ центральнаго союза германскихъ часовщиковъ, бюро котораго въ Штутгартѣ. Слесарная школа въ Россвейнѣ, одна изъ новѣйшихъ, возникла по иниціативѣ союза германскихъ слесарей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніе школы и содержаніе ея относятся къ иниціативѣ городского самоуправленія, или саксонской корпораціи,—какъ мы это видимъ въ кожевенной школѣ Фрейберга, школѣ мукомоловъ въ Дипольдисвальдѣ и профессіональной школѣ токарей въ Лейпцигѣ,—общенѣмецкій характеръ ея выражается въ томъ, что она стремится оставаться въ связи съ корпораціями своей профессіи во всей странѣ и привлекаетъ учениковъ изъ остальной Германіи. Отличительная черта въ организаціи школъ этого типа—почти равномѣрное отношеніе къ теоріи и практикѣ. Въ школѣ жестяниковъ, при 52—53 час. занятій въ недѣлю (и 1½ годовомъ курсѣ), 23—26 час. отводится теоріи, и 26—28 час.—практикѣ. Среди теоретическихъ предметовъ, кромѣ обширнаго курса спеціальнаго рисованія, есть и геометрія, физика, алгебра, нѣмецкій языкъ, счетоводство. Практическія работы школы посвящаютъ учениковъ во всѣ манипуляціи, начиная съ самыхъ элементарныхъ и кончая наиболѣе сложными. На дрезденской выставкѣ успѣхи школы наглядно демонстрированы не столько художественными работами учителей и наиболѣе талантливыхъ учениковъ, сколько изображеніемъ элементарнаго процесса приготовленія жестяной посуды, начиная съ работы мальчика, только-что ознакомившагося съ матеріаломъ, и кончая готовымъ вылуженнымъ котломъ, вышедшимъ изъ рукъ средняго ученика.

Нѣмецкая слесарная школа въ Россвейнѣ, въ Саксоніи, основана весною 1894 г. союзомъ нѣмецкихъ слесарей (Deutscher Schlosserverband) при содѣйствіи со стороны саксонскаго правительства, городского самоуправленія и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ изъ среды богатыхъ слесарей. Школа имѣетъ своею цѣлью дать молодымъ людямъ возможность пріобрѣсти тѣ професcіо-

нальныя, какъ теоретическія, такъ и практическія познанія, какія, при современныхъ требованіяхъ, являются необходимыми для всякаго самостоятельнаго мастера или мелкаго фабриканта, монтёра, машиниста, или техника въ строительныхъ и художественно-слесарныхъ, желѣзнодорожныхъ и машинныхъ мастерскихъ, въ электрическихъ заведеніяхъ и станціяхъ. Управленіе школой ввѣрено комитету, во главѣ котораго стоитъ имъ же избранный, но утвержденный саксонскимъ правительствомъ директоръ. Къ школьному управленію привлечены и люди, практически занимающіеся ремесломъ, избранные отчасти союзомъ слесарей, отчасти городомъ и способствующіе поддержанію связи и взаимодѣйствія между школой и практикой ремесла. Школа числится въ вѣдѣніи саксонскаго министерства внутр. дѣлъ, уполномоченными котораго для наблюденія надъ нею теперь состоятъ проф. Гебауэръ, изъ Хемница, и инспекторъ ремесленныхъ школъ; непосредственный же надзоръ надъ школой принадлежитъ городской думѣ Россвейна. Школа распадается на три отдѣленія: для строительныхъ и художественныхъ слесарныхъ работъ (Bau- und Kunstschlosserei), съ дополнительными классами электротехники и художественно-слесарныхъ работъ; спеціальное художественно-слесарное отдѣленіе, и отдѣленіе для машинныхъ слесарныхъ работъ и электротехники. Эти отдѣлы соотвѣтствуютъ раздѣленію труда въ самомъ ремеслѣ, вслѣдствіе все расширяющагося поля его дѣятельности. Въ виду невозможности дать ученикамъ основательное знаніе всѣхъ отраслей слесарнаго ремесла,—замѣчаетъ программа школы [1]), изъ которой мы беремъ эти свѣдѣнія,—единственно цѣлесообразнымъ является стремленіе соединить обусловливаемую жизнью спеціализацію съ возможною теоретической основательностью. Краткость же учебнаго времени является новымъ для этого аргументомъ и заставляетъ предпочесть основательное и систематическое изученіе нѣкоторыхъ отраслей поверхностному знакомству со всѣми.

Срокъ ученія въ каждомъ изъ отдѣленій школы продолжается три полугодія. Въ отдѣленіи для строительныхъ и художественныхъ слесарныхъ работъ на первомъ планѣ стоятъ строительныя работы; желающіе же усовершенствоваться въ художественныхъ работахъ учатся еще полгода въ спеціальномъ классѣ художественно-слесарныхъ работъ. Тѣ же изъ учениковъ всѣхъ трехъ отдѣленій, которые стремятся къ пріобрѣтенію знаній и навыковъ, необходимыхъ при устройствѣ электротехническихъ

---

[1]) Auskunft über die D. Schlosserschule zu Rosswein in Sachsen.

мастерскихъ, во 2-мъ и 3-мъ полугодіяхъ проходятъ ученіе объ электричествѣ и общую электротехнику, а затѣмъ полгода учатся въ дополнительномъ классѣ, исключительно посвященномъ спеціальной электротехникѣ и практическимъ работамъ по ней.

Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ занятія начинаются два раза въ годъ, весною и осенью; классы электротехники начинаются, однако, только осенью, и тогда же происходитъ и пріемъ новыхъ учениковъ. Въ школу принимаются молодые люди отъ 17 лѣтъ, съ общей подготовкой, равной курсу народной школы или городского училища, и съ трехлѣтней, по меньшей мѣрѣ, практикой въ мастерской. Минимумъ предварительныхъ знаній: нѣмецкое чтеніе и письмо, сочиненіе на заданную тему и рѣшеніе задачъ на всѣ четыре дѣйствія съ цѣлыми числами и простыми и десятичными дробями. Преподаваніе ведется по наглядному методу, по возможности элементарно; на практическія примѣненія обращается большое вниманіе, какъ и на все, что̀ можетъ будить самодѣятельность и самостоятельность учащихся.

По той же причинѣ, особенное вниманіе обращено на раціональное устройство мастерскихъ и лабораторій. Въ городскомъ центральномъ школьномъ зданіи на городскія средства устроена для слесарной школы учебная мастерская, обошедшаяся въ 32.000 мар.; она занимаетъ вмѣстѣ со службами 800 кв. метр., снабжена машинами, двигательнымъ моторомъ и необходимыми пособіями и инструментами. Для практическихъ занятій по электротехникѣ при школѣ имѣется лабораторія съ нѣсколькими динамомашинами съ моторами, аккумуляторами, необходимыми электротехническими измѣрительными снарядами, для электрическаго освѣщенія, какъ самой лабораторіи, такъ и учебной мастерской съ примыкающими къ ней помѣщеніями; школа располагаетъ собственнымъ помѣщеніемъ. Для чертежныхъ работъ имѣется богатое собраніе образцовъ и моделей. На ряду съ довольно обширной профессіональной библіотекой и многочисленными періодическими изданіями, въ распоряженіе школы предоставлены императорскимъ патентнымъ вѣдомствомъ книги по слесарному ремеслу, механической обработкѣ металловъ, электрическимъ аппаратамъ и машинамъ.

За четыре года своего существованія школа получила отъ саксонскаго правительства 48.000 мар.: отъ города единовременно 45.000 и 14.000 годичными взносами; отъ союза слесарей—около 7.000; отъ слесарныхъ цеховъ и сочувствующихъ лицъ—около 6.000 (изъ этого же источника поступило машинами, инстру-

ментами и т. п. болѣе 7.000 мар.), и отъ германской имперіи единовременно 3.000 мар.

Мы остановились подробнѣе на программѣ школы слесарей въ виду того, что она типична для всѣхъ шести представленныхъ на выставкѣ „германскихъ" профессіональныхъ школъ, задающихся цѣлью поднять технику производства и умственный уровень работника. Болѣе 20 лѣтъ въ этомъ направленіи работаетъ школа часовщиковъ въ Глазгюттѣ, основанная центральнымъ союзомъ нѣмецкихъ часовщиковъ, и кто знаетъ, какъ блестящи успѣхи часового производства этого саксонскаго городка, качествомъ работы далеко опередившаго старинные швейцарскіе центры часового производства, Женеву и Шо-де-Фонъ,— тотъ невольно приведетъ ихъ въ связь съ прекрасной постановкой профессіональнаго образованія. Достоинство послѣдняго состоитъ въ соединеніи практическихъ работъ съ теоріей, въ которую, кромѣ общей физики, исторіи часового искусства, рисованія и моделированія, включена и электротехника. Изъ 60 урочныхъ часовъ въ недѣлю, ученики школы въ Глазгюттѣ 45 посвящаютъ работѣ въ мастерской и 15—занятіямъ въ классѣ и лабораторіи. Директоръ школы—теоретически образованный человѣкъ, ведущій занятія въ классахъ; работа въ мастерской происходитъ подъ руководствомъ часовыхъ мастеровъ, знатоковъ своего ремесла, и кромѣ того при школѣ еще два преподавателя нѣмецкаго и иностранныхъ языковъ.

Соединеніе теоріи съ практикой отличаетъ и школу мукомоловъ въ Дипольдисвальдѣ, и кожевенную школу въ Фрейбургѣ, и токарную въ Лейпцигѣ. Мельники считаютъ нужнымъ изучать механику и математику; токарь желаетъ знать не только технологію своего спеціальнаго ремесла, но и химическій составъ матеріала, надъ которымъ онъ работаетъ, и античныя формы искусства, дающія ему возможность развивать художественный вкусъ; кожевникъ, совершенствуясь въ своей спеціальности, занимается микроскопическими демонстраціями, рисуетъ, вникаетъ въ устройство машинъ. Вотъ это соединеніе теоріи съ практикой и есть одинъ изъ могучихъ рычаговъ, двигающихъ германскую промышленность, создающихъ не одного-другого великаго изобрѣтателя, но тысячи мыслящихъ и сознательно поднимающихъ свою профессію работниковъ во всѣхъ областяхъ промышленнаго труда. Если во главѣ промышленности стоятъ талантливые инженеры и химики, выпущенные изъ высшихъ политехническихъ школъ, то базисомъ ея, крѣпкимъ фундаментомъ служитъ масса интеллигентныхъ работниковъ, получившихъ общее

образованіе и затѣмъ прошедшихъ черезъ среднюю или низшую дополнительную и спеціальную школу, развившихся до пониманія процесса своей работы, создающихъ художественные промыслы, и даже въ общемъ механизмѣ фабрики составляющихъ гораздо большее, чѣмъ винтъ машины.

Отчетъ саксонскаго министерства [1]) сообщаетъ намъ, что, кромѣ школъ для подростковъ, существуютъ и спеціальныя чтенія для взрослыхъ рабочихъ.

Курсы для кочегаровъ и машинистовъ, напримѣръ, читались въ разныхъ промышленныхъ мѣстахъ Саксоніи, начиная съ 1874 г. Цѣль ихъ дать машинной прислугѣ свѣдѣнія о цѣлесообразной и безопасной эксплоатаціи паровыхъ котловъ и машинъ и тѣмъ увеличить продуктивность машинъ и степень экономіи и безопасности при употребленіи ихъ. Слушателями этихъ курсовъ являются фабричные мастера, слесаря, монтёры, даже инженеры и владѣльцы фабрикъ, рудниковъ и винокуренныхъ заводовъ. Лекціи читаются большею частью фабричными инспекторами или ихъ помощниками. Содержаніе лекцій составляетъ свойство пара, устройство паровыхъ котловъ, ихъ отопленіе и арматура, предосторожности противъ взрыва, паровыя машины и уходъ за ними. Полный курсъ состоитъ обыкновенно изъ 10—15 лекцій, по два часа каждая. Каждый слушатель платитъ 3, 5 или 6 мар. за курсъ. Плата эта часто вносится владѣльцами паровыхъ котловъ. Такого рода лекціи читались въ Дрезденѣ, начиная съ 1878 г., 26 разъ, въ Пирнѣ 3 раза, въ Фрейбергѣ и Дейбенѣ по 2 раза, въ Почаппелѣ и Мейссенѣ—по 1 разу, всего въ этихъ 6 городахъ 35 разъ, при 2.313 слушателяхъ, изъ которыхъ 1.801 приходятся на дрезденскіе, 144—на фрейбергскіе курсы. Въ Дрезденѣ три отдѣльныхъ цикла лекцій читались также 234 пароходнымъ служащимъ.

Въ Хемницѣ ремесленное общество, съ 1868 г., содержитъ еще постоянную кочегарную школу, гдѣ инженеромъ главнаго машиннаго правленія читаются два часа въ недѣлю лекціи для прислуги при паровыхъ котлахъ и машинахъ, машинистовъ, слесарей и т. п. За полугодовой курсъ слушатели платятъ 3 мар., за что получаютъ также право посѣщать профессіональную дополнительную школу ремесленнаго ферейна. Въ кочегарной школѣ въ 1879 г. было сначала 24 ученика, въ 1894 г.— уже 102; всего за 16 лѣтъ въ школѣ было 910 учениковъ.

---

[1]) Dritter Bericht über die gesammten Unterrichts und Erziehungsanstalten im K. Sachsen. Dresden, 1897.

Въ промышленныхъ центрахъ, какъ въ Хемницѣ и Лейпцигѣ, мы находимъ, кромѣ дополнительныхъ, низшихъ и среднихъ спеціальныхъ школъ, еще обширныя учрежденія, въ которыхъ одинаково удовлетворяются и потребность маленькаго ремесленника въ пріобрѣтеніи новыхъ свѣдѣній въ свободные часы, и запросъ крупной промышленности на технически-образованныхъ спеціалистовъ. Такое соединеніе осуществлено, напр., „государственными техническими школами" Хемница, состоящими изъ средней технической школы, школы строительныхъ промысловъ, школы „веркмейстеровъ" и школы рисованія для спеціальныхъ отраслей промышленности. Всѣ три учебныя заведенія находятся подъ общей дирекціей, помѣщаются въ одномъ обширномъ зданіи, имѣютъ общій составъ преподавателей, библіотеку, коллекціи, лабораторіи. Старѣйшая изъ составныхъ частей института—его школа рисованія, основанная еще въ 1796 г.; 40 лѣтъ спустя, когда въ Хемницѣ стала выростать крупная фабричная промышленность, возникла и средняя промышленная школа съ двумя отдѣленіями, механической и химической техники, къ которымъ въ 1878 г. присоединено было 3-ье инженерное, и въ 1892 г. 4-ое — по электротехникѣ. Въ отличіе отъ политехникума, имѣющаго въ виду будущихъ теоретически образованныхъ инженеровъ и химиковъ, хемницкая школа выпускаетъ людей, приготовленныхъ къ практическому труду, дѣльныхъ помощниковъ и исполнителей, фабрикантовъ и управляющихъ средней фабрики и мастерской. Для поступленія требуется лишь 15-тилѣтній возрастъ и общее образованіе, какое даютъ низшія реальныя училища. Курсъ продолжается 3—4 года и охватываетъ, кромѣ спеціальныхъ предметовъ, еще и общеобразовательные, какъ исторія, политическая экономія, новые языки. Основанная въ 1855 г., школа „веркмейстеровъ" первоначально имѣла лишь одно отдѣленіе для механическихъ работъ и выпускала машинистовъ, прядильщиковъ, ткачей и т. п.; съ 1869 г. присоединилось еще красильное отдѣленіе, съ 1885 г.—отдѣленіе для мыловаровъ, и съ 1892 г.—для электротехниковъ. Школа „веркмейстеровъ" принимаетъ дѣтей, вышедшихъ изъ народной школы, но не моложе 15 лѣтъ и, по крайней мѣрѣ, 1 1/2 года уже (въ механическое и электротехническое отдѣленіе—даже 3 года) работавшихъ практически. Курсъ двухгодичный. Въ рисовальную школу принимаются всѣ имѣющіе свидѣтельство народнаго училища; здѣсь нѣтъ обязательныхъ курсовъ,—каждый работаетъ, сколько и когда хочетъ, платя лишь 3 марки въ семестръ. Въ другихъ отдѣленіяхъ плата, конечно, значительно выше, но все

же доступная небогатымъ людямъ: въ школѣ „веркмейстеровъ“ и въ строительной—60 мар. въ годъ; въ Gewerbeschule—120 мар. (иностранцы платятъ вдвое). Способнымъ дѣтямъ рабочихъ посѣщеніе этихъ школъ дѣлается доступнымъ при помощи стипендій и освобожденія отъ платы за ученіе. Такъ, напр., изъ 240 учениковъ школы „веркмейстеровъ“ 47 получали стипендіи и 33 были освобождены отъ платы. Во всѣхъ названныхъ отдѣленіяхъ хемницскаго института въ 1894 г. было 834 ученика, со времени же своего основанія этотъ институтъ выпустилъ болѣе 14.000 теоретически и практически подготовленныхъ дѣятелей въ различныхъ отрасляхъ промышленнаго труда.

Не станемъ распространяться объ организаціи образовательно-промышленной школы въ Лейпцигѣ, существующей съ 1875 г. на городской счетъ и состоящей изъ дневной школы съ спеціальными отдѣлами для столяровъ, портныхъ, красильщиковъ, и др., и изъ вечернихъ классовъ съ преподаваніемъ общеобразовательныхъ предметовъ, черченія и практическихъ работъ. Городъ затрачиваетъ на эту школу болѣе 65 тыс. въ годъ, но зато, съ 1884 по 1894 г., число учениковъ увеличилось съ 260 на 730.

Въ декоративномъ отношеніи самымъ блестящимъ пунктомъ выставки долженъ быть названъ отдѣлъ, занимаемый художественно-промышленной школой въ Дрезденѣ и примыкающими къ ней институтами. Эта школа выпускаетъ дѣйствительно художниковъ въ искусствѣ рисованія на фарфорѣ, металлической техники, хромолитографіи и художественнаго драпированія. При всей красотѣ этого отдѣла, онъ имѣетъ, однако, меньшее значеніе для общей задачи выставки, чѣмъ какія-нибудь скромныя школы кочегаровъ или слесарей. Несомнѣнно, что подобные институты, какъ „Kunstgewerbeschule“, оказываютъ большое вліяніе на развитіе техники и вкуса во всемъ населеніи, но это лишь косвенное вліяніе. Болѣе непосредственное выражается, впрочемъ, въ томъ, что при художественно-промышленной школѣ существуютъ и вечерніе классы, доступъ въ которые открытъ уже мальчику, только-что окончившему народную школу: онъ можетъ записаться на семестръ, или только на мѣсяцъ, можетъ брать одинъ или нѣсколько курсовъ, пользоваться моделями института, посѣщать музей, библіотеку. Въ нынѣшнемъ году вечерніе классы насчитывали до 200 учениковъ, большинство которыхъ—молодые рабочіе: обойщики, маляры, столяры, фотографы. Это,

однако, уже „сливки", а насъ больше всего поражаетъ при обзорѣ выставки, что, въ цѣломъ, школы разсчитаны на всѣхъ, и что нѣтъ отрасли труда, гдѣ бы не сдѣлана была попытка связать теорію съ практическими требованіями профессіи. Прекрасно, что талантливый ремесленникъ находитъ рисовальную залу, чертежныя, музей и библіотеку, чтобы насытить свою жажду знанія, но еще прекраснѣе то, что систематически поднимается уровень массы, что сотни школъ созданы для того неподвижнаго большинства, которое нуждается въ руководствѣ и побужденіи къ просвѣщенію.

„Wir, Sachsen, sind helle"!—самодовольно говорятъ саксонцы, и надъ ними за то посмѣиваются остальные нѣмцы; но посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ много свѣта разливаютъ по этой маленькой странѣ ея разнообразныя учебныя заведенія, сколько матеріальныхъ жертвъ для этого приносятъ саксонскіе граждане! Къ многократно цитированному нами отчету о состояніи народнаго образованія въ Саксоніи въ особой таблицѣ приложенъ обзоръ расходовъ на всѣ виды образованія, сопоставленные съ числомъ учащихъ и учащихся; въ отдѣльныхъ рубрикахъ отмѣчены общія суммы расходовъ и участіе въ нихъ государственнаго бюджета. Прежде чѣмъ приводить эти цифры, мы должны напомнить, что, по пространству, вся Саксонія не больше средней нашей губерніи, занимая всего 14.993 килом.; по населенію же, она составляетъ лишь около $^1/_{15}$ всей Германіи: по послѣдней переписи всѣхъ саксонцевъ (включая и другихъ живущихъ въ Саксоніи нѣмцевъ) оказалось менѣе $3^3/_4$ милліоновъ. Весь государственный бюджетъ не превышаетъ 100 милліоновъ марокъ.

Теперь обратимъ вниманіе на цифры народнаго и высшаго образованія. Лейпцигскій университетъ, съ 200 профессоровъ и 3.000 студентовъ, обходится въ $1^3/_4$ милл. мар. въ годъ, изъ которыхъ $1^1/_2$ милл. несетъ государство. Политехникумъ въ Дрезденѣ, съ 47 профессорами и 645 студентами, требуетъ около 400.000 мар., почти цѣликомъ падающія на государственный бюджетъ. Ветеринарный институтъ въ Дрезденѣ, горная академія въ Фрейбургѣ и лѣсная въ Тарандтѣ—обходятся около 300 тысячъ и требуютъ 240.000 приплаты изъ общаго бюджета. 17 гимназій, 10 реальныхъ гимназій и 23 реальныя школы—обходятся странѣ въ 4,4 милл. мар. въ годъ, но приплата изъ общаго бюджета составляетъ лишь 1,3 милл., такъ какъ въ Саксоніи, какъ и въ Пруссіи, содержаніе средне-учебныхъ заведеній въ значительнѣй-

шей степени падаетъ на бюджеты городовъ [1]). Для подготовленія учителей и учительницъ народныхъ школъ въ Саксоніи существуетъ 19 семинарій, съ 281 преподавателемъ и 2.920 учащимися; изъ $1^3/_4$ милл. въ годъ, которые эти семинаріи стоютъ странѣ, $1^1/_3$ милл. падаетъ на государственный бюджетъ. Далѣе слѣдуютъ 5 высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній для искусства и художественной промышленности, содержаніе которыхъ обходится въ 463.000 въ годъ, почти исключительно изъ средствъ государства. Профессіональному образованію, въ тѣсномъ смыслѣ слова, посвящены среднія государственныя техническія школы въ Хемницѣ, стоющія 275.000 въ годъ; городская промышленная школа въ Лейпцигѣ, содержаніе которой обходится городскому самоуправленію въ 83.000; техническая школа въ Миттвейдѣ, составляющая частное предпріятіе; 5 строительныхъ школъ (Baugewerkschulen) съ ежегоднымъ бюджетомъ въ 112.000 мар., изъ которыхъ 94.000 платитъ государство; 91 низшія промышленныя школы (gewerbliche Fachschulen), требующія на свое содержаніе около 380.000 мар. въ годъ, изъ которыхъ 100.000 платитъ государство. Къ нимъ присоединяется 30 дополнительныхъ промышленныхъ школъ съ бюджетомъ въ 153.000 мар. (только 90.000 мар. платитъ государство); 18 дополнительныхъ школъ для дѣвушекъ, требующихъ 108.000 мар. въ годъ, при чемъ государственная субсидія составляетъ 11.000 мар. Для сельскаго населенія въ Саксоніи, странѣ преимущественно промышленной, существуетъ 10 сельскохозяйственныхъ и садовыхъ школъ и 3 учебныя фермы, обходящіяся въ годъ въ 122.000, расходы на которыя почти поровну распредѣляются между государственнымъ и мѣстными бюджетами. Образованію купцовъ и приказчиковъ посвящены 41 коммерческая школа, съ 5.000 учащимися, стоющія 494.000 мар. въ годъ (государство въ содержаніи участвуетъ лишь 14.300 мар.). Не забудемъ еще упомянуть о двухъ горныхъ школахъ, 9 школахъ промышленнаго рисованія, 6 школахъ судоходства, 27 школахъ кружевницъ и 3 школахъ плетенія изъ соломы.

Какъ ни велики для маленькой страны уже названныя нами цифры расходовъ вообще на образовательныя цѣли, но онѣ остаются въ тѣни въ сравненіи съ цифрой расходовъ на элементарное народное образованіе. Въ 2.254 народныхъ школахъ Саксоніи и

[1]) Замѣтимъ мимоходомъ, что на 5.451 ученика въ классическихъ гимназіяхъ въ Саксоніи оказывается 8.833 воспитанника реальныхъ гимназій и училищъ. Реалисты преобладаютъ въ остальной Германіи; въ Берлинѣ число учащихся классическихъ гимназій за послѣдніе годы уменьшилось даже *абсолютно*.

1.945 дополнительныхъ школахъ (Fortbildungsschulen), обязательныхъ по закону для всѣхъ подростковъ до 17 лѣтъ, оказывается 697.137 учащихся и 11.278 учителей, содержаніе которыхъ обходится въ годъ въ 23.387.144 м.; львиная доля расходовъ падаетъ на общины; однако, и государство изъ своего маленькаго бюджета вноситъ на народныя школы болѣе 4 милл.; если же имѣть еще въ виду пенсіи учителямъ, субсидіи на постройку школьныхъ зданій и нѣкоторыя другія статьи расходовъ, не вошедшихъ въ общую сумму $23^1/_3$ милл., то участіе государства въ расходахъ на элементарное образованіе достигаетъ почти 6 милліоновъ. Мы еще этимъ не исчерпали всѣхъ видовъ народнаго воспитанія, къ которому надо было бы отнести учрежденія для воспитанія слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и заброшенныхъ дѣтей, школы въ исправительныхъ заведеніяхъ и т. п.; не названы нами также образовательныя учрежденія монастырей, благотворительныхъ обществъ и школы, содержимыя частными лицами,—а такихъ въ Саксоніи не мало, въ особенности для дѣвушекъ и иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе, и приведенныхъ цифръ вполнѣ достаточно для того, чтобы получить представленіе о высокой постановкѣ народнаго образованія въ этой странѣ.

Впослѣдствіи мы, можетъ быть, будемъ имѣть случай подробнѣе остановиться на устройствѣ профессіональнаго образованія въ остальной Германіи; въ настоящей же статьѣ приведемъ лишь для сравненія нѣсколько цифръ и фактовъ изъ Вюртемберга, пользующагося репутаціей указателя путей въ профессіональномъ образованіи и носителя промышленной культуры. Еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, вюртембергское центральное управленіе благотворительности высказывало пожеланіе, чтобы вмѣсто религіозно-нравственныхъ воскресныхъ школъ возникли „подготовительныя заведенія для искусства и ремеслъ, съ цѣлью поднять многочисленный классъ людей къ высшему образованію“. Преподаваніе въ обыкновенныхъ народныхъ школахъ само еще не стоитъ на высотѣ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать „профессіонисту“ технологическаго подготовленія... Вообще отсутствіе такихъ школъ —одна изъ причинъ, почему въ искусствахъ и ремеслахъ Германія стоитъ еще такъ далеко позади Англіи [1]). Въ продолженіе 30 лѣтъ, тѣ же мнѣнія не переставали повторять въ промышленныхъ

[1]) Инниціативу этихъ идей приписываютъ королевѣ Екатеринѣ Вюртембергской, сестрѣ императора Александра Павловича.

кругахъ и въ образованномъ обществѣ, а до 1846 г. въ 69 городахъ дѣйствительно возникли промышленныя школы, но въ 55 изъ нихъ было лишь по одному учителю, да и тому не платили за уроки, такъ что о существенныхъ результатахъ не могло быть и рѣчи [1]). Въ два часа въ недѣлю, безъ подготовленныхъ учителей и безъ средствъ, эти воскресныя школы не могли имѣть вліянія,—замѣчаетъ отчетъ министерства внутр. дѣлъ за 1881 г., а между тѣмъ „государство обязано не только стремиться къ развитію высшей техники, какъ это до сихъ поръ дѣлалось при помощи политехнической школы, но и дать мелкимъ промысламъ возможность ознакомиться съ совершенными пріемами ремесла и экономическими требованіями разумнаго производства. Только въ началѣ 50-хъ годовъ, благодаря „Centralstelle für Gewerbe und Handel“, оказывающей съ тѣхъ поръ благотворное вліяніе на всю промышленность Вюртемберга, положено было основаніе дополнительнымъ промышленнымъ школамъ, которыя послужили образцами для всей остальной Германіи.

Реформаторъ низшаго техническаго образованія былъ извѣстный вюртембергскій техникъ, д-ръ Ф. Штейнбейзъ, ставшій во главѣ спеціальной коммиссіи для промышленныхъ дополнительныхъ школъ [2]). Въ продолженіе четверти вѣка, онъ неустанно повторялъ, что поднятіе промышленнаго труда должно произойти при помощи тѣсной связи теоріи съ практикой, и что каждая „дополнительная“ школа по возможности должна служить разсадникомъ знаній, приспособленныхъ къ мѣстнымъ промысламъ. Правительство, мѣстное самоуправленіе и промышленныя общества прониклись этимъ убѣжденіемъ, и Вюртембергъ покрылся сѣтью дополнительныхъ къ народной школѣ ремесленныхъ училищъ еще въ то время, когда въ остальной Германіи они составляли рѣдкое явленіе. Чтобы дать представленіе о характерѣ вюртембергской gewerbliche Fortbildungsschule, мы приведемъ въ извлеченіи ихъ „учебныя нормы“, типичныя въ настоящее время для всѣхъ школъ этого рода въ Германіи [3]).

Что касается организаціи преподаванія, то на первомъ планѣ указывается на необходимость ограничить число учениковъ въ каждомъ классѣ, въ виду неодинаковой подготовки учениковъ и

[1]) Die Entstehung und Entwicklung der gewerblichen Fortbildungsschulen in Württemberg, herausgegeben von der Königl. Kommission für die gewerblichen Fortbildungsschulen. Stuttgart, 1889.

[2]) Штейнбейзъ изложилъ свои идеи впервые въ сочиненіи: „Die Elemente der Gewerbeförderung, nachgewiesen an der belgischen Industrie“. Stuttgart, 1853.

[3]) Gewerbeblatt aus Württemberg, 1892, № 42.

краткости учебнаго срока. Если число учащихся какой-нибудь спеціальности слишкомъ велико, то должны быть приняты мѣры противъ переполненія классовъ: они должны быть раздѣлены на нѣсколько отдѣленій, или же слѣдуетъ устроить параллельные классы. При выборѣ учебнаго матеріала, слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, чтобы онъ находился въ тѣсной связи съ профессіональной дѣятельностью учащихся; преподаваніе должно по возможности быть нагляднымъ, и для каждой спеціальности должны употребляться соотвѣтственныя учебныя и наглядныя пособія. По каждой профессіи должны разбираться важнѣйшія ея проблемы, въ маленькихъ школахъ—въ сжатой формѣ, въ большихъ—болѣе подробно. Цѣль преподаванія въ томъ и другомъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы довести учениковъ до вѣрнаго пониманія задачъ ихъ профессіи, умѣнья практически ихъ осуществлять и усвоенія всѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для разумной дѣятельности въ сферѣ ихъ профессіи.

При поступленіи въ дополнительную школу ученики упражняются еще нѣкоторое время въ чтеніи, чистописаніи, письмѣ подъ диктовку, до полнаго усвоенія ими устной рѣчи, правильнаго ея построенія и правописанія. Послѣ этого они приступаютъ къ составленію дѣловыхъ писемъ и сочиненій по данному плану и содержанію или по продиктованному образцу (сообщенія, счета, росписки, рекомендательныя письма и пр.). Къ этому впослѣдствіи присоединяются и другія формы дѣловой корреспонденціи различныхъ профессій, при чемъ особое вниманіе обращается на наиболѣе часто представляющіеся на практикѣ случаи и дается объясненіе юридическаго значенія разныхъ дѣловыхъ бумагъ, какъ довѣренности, договора о наймѣ и продажѣ, долговыхъ обязательствъ, письменныхъ обращеній къ властямъ и др. Кромѣ того, задаются также сочиненія по исторіи, географіи, политической экономіи и промышленной жизни.

Математика преподается въ объемѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ будущей промышленной дѣятельности учащихся. Задачи берутся изъ области наиболѣе распространенныхъ промысловъ, при чемъ, однако, постоянно сообразуются съ мѣстными условіями. Приходится обыкновенно давать вычисленіе поверхности и объема тѣлъ, излагать правила процентовъ, учета векселей и товарищества. Всѣ нужныя объясненія даются преподавателямъ устно; диктовать правило или даже только опредѣленіе понятія —не принято.

Бухгалтерія преподается или какъ отдѣльный предметъ, или же въ связи съ сочиненіемъ. Съ этими же уроками въ меньшихъ

школахъ соединяется и преподаванiе политической экономiи, для которой, однако, и здѣсь часто назначаются отдѣльные часы. Излагаются, конечно, только элементарныя понятiя этой науки, касающiяся жизни въ семьѣ, государствѣ и обществѣ. Учитель или разсказываетъ ученикамъ о данномъ вопросѣ—при чемъ ученики ставятъ вопросы и урокъ имѣетъ характеръ бесѣды,—или же даютъ ученикамъ читать и объяснять избранные отрывки; часто по разобранному въ классѣ вопросу ученики пишутъ сочиненiе. Въ большихъ школахъ политическая экономiя составляетъ самостоятельный предметъ преподаванiя; содержанiе его—ученiе о закономѣрности въ промышленной жизни.

Тѣмъ же принципомъ сохраненiя тѣсной связи теоретическаго преподаванiя съ профессiональною дѣятельностью учащихся обусловливаются курсы геометрiи, механики, физики и химiи. Такъ, по химiи въ большихъ школахъ обязательно знанiе важнѣйшихъ металлоидовъ и ихъ соединенiй, свойствъ и добыванiя главнѣйшихъ металловъ и ихъ солей. Если время позволяетъ, то проходится изъ органической химiи: о хлопчатобумажномъ и льняномъ волокнѣ, бумагѣ, крахмалѣ, каучукѣ, сахарѣ, алкоголѣ, винѣ, спиртѣ, пивѣ, уксусѣ, жирахъ, смолѣ, красильныхъ веществахъ.

Кромѣ этихъ предметовъ, въ программѣ указаны иностранные языки—англiйскiй и французскiй, обязательные для торговыхъ отдѣленiй дополнительныхъ школъ. Въ этихъ же отдѣленiяхъ преподаются также исторiя и географiя. Особенное вниманiе обращается на исторiю и географiю Германiи, при чемъ излагается и соцiальное, и экономическое развитiе ея въ теченiе нашего вѣка и историческое развитiе мiрового рынка. Подробно проходятъ также географiю Европы, далѣе—прочiя промышленныя страны, пути сообщенiя, торговые пункты, предметы торговли. Условiя германской торговли излагаются наиболѣе подробно.

Несмотря на то, что вюртембергскiя „gewerbliche Fortbildungsschulen“ съ самаго своего основанiя были добровольныя, число ихъ достигло 228, съ 17.700 учениковъ; къ нимъ присоединяются еще 17 дополнительныхъ ремесленныхъ школъ для дѣвушекъ, и 23 Frauenarbeitschulen,—съ болѣе 6.000 учащихся. Въ школахъ преподаютъ 1.175 учителей, такъ что на одного учителя приходится лишь около 20 учениковъ. Ежегодная затрата государства на эти *добровольныя* школы превышаетъ 200.000, и по крайней мѣрѣ столько же ассигнуютъ на нихъ города, сельскiя общины и промышленные ферейны. Въ каждомъ вюртембергскомъ

мѣстечкѣ есть спеціальный училищный комитетъ, наблюдающій за тѣмъ, чтобы промышленная школа развивалась и соотвѣтствовала требованіямъ мѣстныхъ промысловъ. Съ 1895 г., въ Вюртембергѣ ввели и обязательное посѣщеніе дополнительныхъ школъ, какъ оно существуетъ съ 1873 г. въ Саксоніи; но этихъ новыхъ дополнительныхъ школъ, насчитывающихъ теперь 38.000 учащихся, не надо смѣшивать съ промышленными „Fortbildungsschulen“, созданными по указаніямъ Штейнбейза. Новыя дополнительныя школы имѣютъ въ виду укрѣпленіе знаній, вынесенныхъ изъ народной школы, и лишь въ общихъ чертахъ, при помощи уроковъ черченія, элементовъ промышленнаго законодательства и счетоводства, подготовляютъ къ практическимъ требованіямъ жизни; „промышленныя“ же дополнительныя школы тѣсно примыкаютъ къ опредѣленной профессіи и неодинаковы для ремесленника, приказчика и фабричнаго рабочаго.

Въ заключеніе, отмѣтимъ, что и по постановкѣ общаго народнаго образованія Вюртембергъ не уступаетъ Пруссіи или Саксоніи. Маленькая страна, насчитывающая 2 милліона жителей, располагаетъ 2.330 народными школами, съ 4.829 учителями и учительницами, и почти 300.000 учащимися. Изъ своего крошечнаго государственнаго бюджета Вюртембергъ отдаетъ 3¼ милліона на народныя школы. Эти огромныя, по нашимъ понятіямъ, затраты на народную школу—факты, бросающіеся въ глаза, въ какую бы часть Германіи мы ни заглянули: въ Баденѣ и Гессенѣ, въ Брауншвейгѣ и Рейссѣ, младшей линіи, вездѣ на первомъ мѣстѣ государственныхъ и общественныхъ расходныхъ бюджетовъ—народная школа. Этимъ только и объясняется возможность, съ сравнительно небольшими издержками, создать такую сѣть профессіональныхъ училищъ, какую мы видѣли на выставкѣ въ Дрезденѣ. Но первое условіе процвѣтанія *профессіональнаго* образованія,—замѣтилъ намъ инспекторъ промышленныхъ школъ Саксоніи,—хорошая *общеобразовательная* народная школа...

Г. I.

Берлинъ, 12 (24) марта.

ПЕЧАТЬ МОЛЧАНІЯ

Эскизъ изъ романа: „Bouche close", par Léon de Tinseau.

I.

Композиторъ Антуань Годфруа былъ сынъ простого сельскаго учителя небольшой деревушки въ Турени. Призваніе къ музыкѣ сказалось въ немъ впервые еще въ дѣтствѣ, когда разъ отецъ его, ѣздившій зачѣмъ-то въ сосѣдній городъ, свелъ мальчика въ соборъ. Чудные звуки органа, на которомъ игралъ превосходный соборный органистъ, повергли ребенка въ какой-то экстазъ, и вотъ, вернувшись домой, мальчикъ прокрался въ бѣдную сельскую церковку и провелъ тамъ цѣлую ночь, подбирая на память на разбитыхъ, дребезжащихъ клавишахъ стараго плохенькаго органа поразившую его мелодію. И мало-по-малу, съ помощью одного инстинкта и удивительно вѣрнаго музыкальнаго слуха, мальчикъ самостоятельно, какъ бы, открылъ всѣ основные принципы музыки. Къ 14-ти годамъ онъ не только умѣлъ превосходно аккомпанировать пѣвчимъ, но еще свободно и со вкусомъ импровизировалъ.

Въ одно прекрасное утро владѣлица мѣстнаго замка, графиня О'Фаррель, несказанно поразилась, услыхавъ за мессой не обычныя, вульгарныя ритурнели сельскаго органиста, а чарующую мелодію, полную юности и трогательной наивности. Заинтересовавшись четырнадцатилѣтнимъ импровизаторомъ, она пригласила его къ себѣ въ замокъ, разспросила его обо всемъ, и узнавъ, что онъ дошелъ до этого искусства самоучкой, поняла, что передъ нею будущій великій музыкантъ. Одаренная художественнымъ чутьемъ и добрымъ сердцемъ, она приняла горячее

участіе въ мальчикѣ и рѣшила вывести его на настоящую дорогу. Не безъ труда удалось ей убѣдить Годфруа-отца предоставить сыну свободный выборъ поприща. Сельскій педагогъ былъ до того проникнутъ сознаніемъ важности своей учительской миссіи, что не признавалъ ничего выше и благороднѣе педагогическаго поприща. Кончилось, однако, тѣмъ, что онъ согласился, подъ условіемъ, что всѣ расходы графиня приметъ на себя. И спустя нѣсколько дней, Антуань, къ своему полному восторгу, поступилъ въ ученье къ городскому органисту, подъ руководствомъ котораго и сталъ дѣлать большіе и быстрые успѣхи. А еще черезъ три года, онъ поступилъ въ парижскую консерваторію; графиня О'Фаррель продолжала заботиться о немъ, и, постоянно бывая въ ея домѣ, молодой человѣкъ понемногу пріобрѣталъ обликъ и манеры свѣтскаго юноши, а также и необходимое знаніе свѣта. Блестяще окончивъ курсъ консерваторіи, Годфруа уѣхалъ совершенствоваться въ Римъ, а когда онъ вернулся оттуда, на него сразу посыпались всевозможныя удачи. Онъ быстро добился огромнаго успѣха. И долгіе годы душу этого баловня судьбы всецѣло наполняли только два чувства: любовь къ искусству и признательность къ той великодушной женщинѣ, которой онъ былъ всѣмъ обязанъ. Первымъ большимъ горемъ его жизни было разореніе семьи О'Фаррель, а затѣмъ смерть графини и ея мужа, спустя два года послѣ катастрофы.

Единственный сынъ графа и графини, Патрикъ О'Фаррель, остался пятнадцати лѣтъ круглымъ сиротой. Годфруа усыновилъ его, взялъ къ себѣ и, принимая въ серьёзъ свою добровольную отцовскую роль, принесъ ему въ жертву, не задумываясь, свою свѣтскую жизнь. Въ то время онъ былъ уже знаменитымъ композиторомъ и его повсюду приглашали нарасхватъ. Но не желая, чтобы его пріемный сынъ сталкивался въ такіе молодые годы съ нѣкоторыми неподходящими элементами, безъ которыхъ не обходится жизнь артиста, Годфруа сразу отказался отъ удовольствій и сталъ вести весьма замкнутую жизнь. Это длилось до совершеннолѣтія Патрика; быть можетъ, подобное самопожертвованіе и бывало порою въ тягость молодому композитору, но зато новый образъ жизни позволялъ ему работать много и правильно, ничѣмъ не отвлекаясь. Но вотъ вопросъ: его сердце и темпераментъ не предъявятъ ли когда-нибудь, позднѣе, свои попранныя права, не потребуютъ ли награды сторицею?..

Пока что̀, а время шло, и Патрику исполнился 21 годъ. Его манили къ себѣ далекія страны; онъ мечталъ о разныхъ

приключеніяхъ, а также задавался цѣлью разбогатѣть собственными усиліями, и вотъ онъ уѣхалъ на нѣсколько лѣтъ изъ Франціи. Оставшись одинъ, Годфруа не мѣнялъ своего образа жизни,— до того онъ привыкъ къ нему. По прежнему онъ много и усидчиво работалъ и мало бывалъ въ свѣтѣ. Тѣмъ временемъ успѣхъ и извѣстность молодого композитора все росли да росли, и онъ понемногу богатѣлъ. Главнымъ источникомъ его богатства была его оперетка: „Сѣти Вулкана", шедёвръ оперетки жанра, теперь пришедшаго въ упадокъ, но обогатившаго въ свое время не одного композитора. Такъ какъ въ Годфруа любовь къ искусству прекрасно уживалась съ практичностью въ дѣлахъ, то онъ всегда умѣлъ выгодно пристраивать свои барыши, а потому къ сорока годамъ у него накопилось весьма кругленькое состояньице. Тѣмъ не менѣе, его артистическому самолюбію скоро надоѣло вѣчно слыть авторомъ „Сѣтей Вулкана", потому что онъ сознавалъ, что способенъ создать дѣйствительно крупное произведеніе. Онъ мечталъ о большой оперѣ, и кончилъ тѣмъ, что приступилъ къ этой задачѣ. Съ этой минуты онъ ушелъ весь въ тотъ колоссальный трудъ, что̀ зовется сочиненіемъ и оркестровкой большой оперной партитуры. И стоило ему окончить „Константина XII", оперу на сюжетъ изъ византійской исторіи, какъ двери парижской Большой Оперы какъ-то сами собою распахнулись передъ знаменитымъ композиторомъ.

Постоянные успѣхи не избаловали, однако, Годфруа; онъ остался по прежнему добрымъ, наивнымъ и застѣнчивымъ, но ни доброта его, ни всегдашняя готовность протянуть нуждающемуся руку помощи, не помѣшали ему прослыть мизантропомъ и гордецомъ. Друзей у него было мало, какъ среди молодыхъ композиторовъ, такъ и среди старыхъ, потому что первые завидовали его счастью, а вторые не спѣшили на встрѣчу этому новому таланту, черезчуръ скоро выдвинувшемуся. Его обвиняли въ скопидомствѣ, чертѣ особенно несимпатичной,—но обвиненіе это было несправедливо: Годфруа не былъ скупъ, а если состояніе его округлялось, такъ это потому, что, при его спокойной, трудовой жизни, никакихъ особенныхъ тратъ не являлось, и деньги залеживались.

Быть можетъ, съ годами приписываемые ему недостатки, какъ это зачастую и случается, развились въ немъ дѣйствительно. Слыша вѣчные упреки въ мизантропіи, онъ сталъ понемногу находить свѣтъ слѣпымъ, несправедливымъ и непріятнымъ. Обвиненіе въ гордынѣ возмутило его природную гордость, а зависть неимущихъ къ людямъ съ состояніемъ навела его на мысль, что

деньги — нѣчто цѣнное. И онъ все болѣе и болѣе замыкался въ себѣ. Но сильнѣе всего въ немъ говорила, однако, любовь къ искусству и труду; идеальные звуки музыки пѣли въ его душѣ, и если онъ не былъ самымъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, то, конечно, онъ былъ изъ наименѣе несчастныхъ.

Не разъ изнемогалъ Годфруа подъ бременемъ гигантскаго труда композиціи своей сложной оперы, не разъ чувствовалъ онъ, что дошелъ до предѣла своихъ силъ, мужества, увѣренности въ себѣ и вдохновенія. Но всегда его ободряла мысль, что трудится онъ не для одного себя. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ судьбы Годфруа, бывшаго опереточнаго композитора, стремящагося теперь къ болѣе благородному успѣху, на карту поставлена еще будущность молодой, никому пока неизвѣстной, начинающей пѣвицы, Женни Соваль. Эта молодая дѣвушка была ангажирована въ Большую Оперу по рекомендаціи Годфруа, а по инымъ слухамъ—по его настоятельному желанію.

И вотъ, первое представленіе „Константина XII",—музыка Антуаня Годфруа, либретто моднаго либреттиста,—состоялось и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. По окончаніи оперы занавѣсъ взвился нѣсколько разъ при громкихъ рукоплесканіяхъ, и было очевидно, что скучающая, пресыщенная публика первыхъ представленій въ этотъ вечеръ не проскучала. Пока публика медленно разъѣзжалась, по ту сторону занавѣса сегодняшній тріумфаторъ выслушивалъ комплименты, расточалъ похвалы исполнителямъ своей оперы, обмѣнивался безчисленными рукопожатіями. Наконецъ, ему удалось вырваться, и, послѣ многихъ недѣль крайняго возбужденія, дать отдыхъ своимъ нервамъ. Когда онъ исчезъ, одинъ изъ пѣвцовъ замѣтилъ, что композиторъ позабылъ пригласить своихъ исполнителей на ужинъ, какъ это принято въ подобныхъ случаяхъ. Но капельмейстеръ вступился за Годфруа, говоря, что композиторъ, очевидно, страшно утомленъ. На что̀ ему возразили, что маэстро просто-на̀-просто предпочитаетъ поужинать съ принцессой Адоссидесъ. И намекъ этотъ вызвалъ улыбку у всѣхъ присутствующихъ...

Намекали на дебютантку, красавицу Женни Соваль, тоже имѣвшую въ этотъ вечеръ блестящій успѣхъ и возбуждавшую всеобщее восхищеніе, а еще болѣе зависть. Но намекъ этотъ былъ вполнѣ несправедливъ: герой вечера, поднявъ до ушей воротникъ своего пальто и заложивъ руки въ карманы, преспокойно выходилъ тѣмъ временемъ на бульваръ Гаусмана, намѣреваясь вернуться домой пѣшкомъ, чтобы освѣжить свою пылающую голову. Но только - что онъ вышелъ за рѣшетку зданія

Оперы, какъ на шею ему кинулся мужчина, съ полчаса уже поджидавшій его тутъ, и чуть не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ, восклицая:

— Дорогой, геніальный другъ мой! Какой чудный вечеръ! Какъ ты долженъ быть счастливъ!

— Патрикъ! ты! Ты въ Парижѣ и безъ моего вѣдома! И подумать, что сегодня подлѣ меня не было единственнаго друга, которому я вѣрю! Нѣтъ, лучше убирайся! И смотрѣть на тебя не хочу,—ты этого не стоишь.

— Да ты прежде выслушай! Въ шесть часовъ вечера я еще ругался въ ліонскомъ вокзалѣ съ таможенными изъ-за разной дряни, привезенной мною изъ Камбоджи! Потомъ надо было найти себѣ какое-нибудь пристанище...

— Зачѣмъ не поѣхалъ прямо ко мнѣ?

— Вотъ ужъ было бы не во-время! Ну, да хорошо, я все-таки успѣлъ достать себѣ мѣсто въ партерѣ за бѣшеную цѣну и попасть въ театръ къ самому началу увертюры. Зато я вовсе не обѣдалъ!—Какъ! Патрикъ не обѣдалъ?! Годфруа былъ пораженъ, а О'Форрель шутливо пояснилъ, что ему не мѣшаетъ привыкать къ этой непріятности, потому что въ будущемъ оно можетъ повториться не разъ... Ну, да! дѣла его далеко не блестящи... Но пока вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, что „Константинъ XII"—чудное произведеніе, а авторъ—великій композиторъ. Значитъ, изъ двухъ друзей одинъ можетъ быть доволенъ своей судьбой,—процентъ огромный, 50 на 100. А потому онъ, Патрикъ, не жалуется. Но Годфруа возразилъ, что другу его и нечего жаловаться, ибо онъ молодъ, веселъ, полонъ жизни, и ему можно позавидовать... Какъ! онъ уже пресыщенъ?!..—Ну, да, пресыщенъ,—вотъ, идетъ домой пѣшкомъ, точно освистанный авторъ!—Охъ, ужъ эти любимчики фортуны!.. Онъ-то, разумѣется, не голоденъ...

Шутка молодого человѣка напомнила Годфруа, что другъ его не обѣдалъ. Онъ тотчасъ же взялъ фіакръ и увезъ его къ себѣ. А въ два часа ночи друзья, плотно поужинавъ, курили сигары въ теплой, уютной столовой композитора, и Патрикъ весело говорилъ:

— Я совершенно пьянъ, хотя, какъ ты видѣлъ, я не пилъ, по своему обыкновенію, ничего, кромѣ воды. Но въ головѣ у меня такой хаосъ, что она такъ и трещитъ! Моя соломенная хижина въ Камбоджѣ—и гобелены на твоихъ стѣнахъ; коса моего повара-китайца—и бакенбарды твоего камердинера; баядерки сіамскаго короля—и танцовщицы въ твоей оперѣ; мои стычки съ пи-

ратами—и сцены изъ твоего „Константина"; море, пароходъ, желѣзная дорога, опера, слоны и парижанки въ брилліантахъ... Скажи,—я еще не рехнулся? А ты—не директоръ сумасшедшаго дома и не отправишь меня подъ душъ, когда я соберусь уходить?

— Не бойся. Впрочемъ, въ головѣ моей тоже сумбуръ: въ ней копошатся восемьдесятъ мужскихъ фигуръ въ черномъ, играющихъ на всевозможныхъ инструментахъ. И они не только играютъ, а еще я заранѣе знаю, какая нота должна вылетѣть изъ каждаго инструмента, я вижу ее. Я самъ ее написалъ, я ее жду... и вѣчно дрожу, какъ бы не вылетѣла какая-нибудь другая нота. Ну, довольно, идемъ спать.

— Хорошо тебѣ говорить! Идти спать—это для тебя значитъ пройти въ свою спальню, раздѣться и растянуться въ мягкой постели. А мнѣ еще надо выйти на улицу, то-есть вновь окунуться въ дѣйствительную жизнь, искать нумеръ своего дома, остерегаться экипажей...

— Мужайся и иди за мною,—сказалъ, улыбаясь, Годфруа.— Ты увидишь, что это легче, чѣмъ тебѣ кажется.

И онъ провелъ своего гостя не на улицу, а въ теплую смежную комнату, говоря:

— Я перемѣнилъ въ твое отсутствіе квартиру, но и здѣсь, какъ въ прежней квартирѣ, у тебя есть своя комната, ты здѣсь— у *насъ*. Спи спокойно, дорогой мой, сегодня ты далъ мнѣ счастіе. Но засыпай поскорѣе, потому что я предупреждаю тебя, что завтра я разбужу тебя рано.

Патрикъ недовѣрчиво оглядывался и сказалъ со вздохомъ:

— Галлюцинація продолжается. Только ты не воображай, что я ей вѣрю,—нѣтъ, я отлично знаю, что это не спальня, а каюта, а вотъ эта, повидимому, широкая, мягкая постель—не что иное, какъ узкая койка. Прощай; я поскорѣй лягу, чтобы окончательно не проснуться.

Скоро молодой человѣкъ заснулъ, но, странное дѣло! передъ сномъ онъ видѣлъ передъ собою единственное, о чемъ онъ даже не заикнулся Годфруа—красавицу Адоссидесъ...

Вернувшись въ свою спальню, сегодняшній тріумфаторъ призадумался. Все удавалось ему! Едва успѣли умолкнуть привѣтствія и клики тысячной толпы, какъ онъ неожиданно обрѣлъ вновь дружескія объятія того, кого любилъ болѣе всего на свѣтѣ. А между тѣмъ, вмѣсто глубокой, полной радости, онъ ощущаетъ въ себѣ какую-то тревогу и пустоту. Чего недостаетъ ему? Неужели же искусство, слава, богатство и даже дружба—не все на этомъ свѣтѣ?..

Войдя на слѣдующее утро въ 8 часовъ въ кабинетъ Годфруа, Патрикъ засталъ своего друга за цѣлой грудой газетъ, которыя онъ пробѣгалъ съ холоднымъ, немного тревожнымъ вниманіемъ. Озабоченный, почти мрачный видъ композитора поразилъ Патрика, ожидавшаго найти его сіяющимъ. Тревожилъ Годфруа почти единодушный тонъ отчетовъ о его вчерашнемъ успѣхѣ. Успѣха этого никто не отрицалъ; одна газета сравнивала даже Годфруа съ Берліозомъ, но жалѣла при этомъ о несправедливости судьбы и выражала вѣжливое удивленіе по поводу успѣха вчерашней оперы. На замѣчаніе Патрика, что не стоитъ обращать вниманія на мнѣніе какой-то дюжины господъ послѣ апплодисментовъ двухтысячной толпы, Годфруа возразилъ, что толпа глупа, и стоитъ ей прочесть ядовитые отзывы дюжины критиковъ, какъ она начнетъ извиняться передъ ними за свои поспѣшныя рукоплесканія композитору. Новая школа не признаетъ болѣе мелодій, и вотъ молодые критики объявляютъ форму музыки Годфруа устарѣлой, жалѣя, что такая банальность можетъ нравиться публикѣ. И нечего ожидать, чтобы за него кто-либо вступился, потому что журналисты дѣйствуютъ вообще гораздо дружнѣе, чѣмъ это многіе думаютъ; если они и расходятся въ политическихъ вопросахъ, такъ и то на манеръ пчелъ, разлетающихся по разнымъ цвѣтамъ, но приносящихъ медъ въ одно мѣсто, ибо иначе они умерли бы съ голода. Кромѣ того, журналисты не любятъ такихъ независимыхъ людей, какъ Годфруа, а потому вчерашній вечеръ повторится не часто.

Патрикъ былъ внѣ себя отъ изумленія. Вотъ ужъ онъ никакъ не ожидалъ слышать такія вещи! Что̀ же сказалъ бы Годфруа, будь онъ на его мѣстѣ?

Годфруа спохватился. Правда, онъ говоритъ все только о себѣ. Это потому, что онъ привыкъ считать все свое собственностью и Патрика, и все забываетъ, что они прожили шесть лѣтъ отдѣльно. Ну, что̀ же? значитъ, его сельское хозяйство въ Камбоджѣ не выгорѣло?—Именно, не выгорѣло. Родилось-то у него всего обильно, да только все это никуда не годилось! Кофе пахло табакомъ; табакъ былъ до того лишенъ всякаго запаха, что Патрику приходилось выписывать его, для своего употребленія, изъ Парижа; сахарный тростникъ отличался необычайной толщиной и обиліемъ сока,—только сокъ-то не былъ сладкій, и все въ этомъ родѣ. Отчаяніе напало на него. Но тутъ ему посчастливилось получить отъ колоніальнаго управленія ссуду, равную затраченной имъ въ началѣ суммѣ, занятой, впрочемъ, у Годфруа. Тогда онъ поспѣшилъ сѣсть на пароходъ и вернуться

во Францію. Не писалъ онъ ему объ этомъ ничего, чтобы не тревожить его понапрасну; онъ еще отлично помнилъ, какъ Годфруа, когда онъ, Патрикъ, былъ еще школьникомъ, терялъ способность работать дня по два при малѣйшемъ насморкѣ мальчика. Вотъ онъ и не пожелалъ отвлекать его отъ новой партитуры. Да и помочь ему Годфруа ничѣмъ не могъ. Теперь — дѣло другое; со своими связями и вліяніемъ композиторъ можетъ помочь ему достать себѣ мѣсто.—Хорошо; а пока пусть Патрикъ поможетъ ему разобраться въ сегодняшней грудѣ писемъ!—Патрикъ съ жаромъ взялся за работу, но украдкой разсматривалъ своего друга. Онъ находилъ его постарѣвшимъ, измѣнившимся, и все болѣе и болѣе удивлялся разочарованности этого человѣка, которому, повидимому, все улыбалось. Руки его слегка дрожали, а кровь то приливала къ щекамъ, то отливала. Иногда онъ брался за лупу, чтобы разобрать чей-либо болѣе мелкій почеркъ.

Размышленія Патрика были прерваны появленіемъ камердинера, внесшаго въ кабинетъ цѣлую охапку цвѣтовъ; тутъ были снопы розъ, корзина ландышей, кусты бѣлой сирени, вѣнки изъ пармскихъ фіалокъ, перевязанные атласными лентами, на которыхъ золотыми буквами было вытиснено имя Женни Соваль. Къ посылкѣ былъ приложенъ большой конвертъ, содержавшій фотографическій портретъ и слѣдующую записку: „Дорогой маэстро и другъ! вотъ половина полученныхъ мною цвѣтовъ. Если я и оставила себѣ черезчуръ львиную долю, то только для того, чтобы гостиная моя имѣла нарядный видъ, когда вы придете сказать мнѣ, довольны ли вы мною? Вчера вы со мною такъ мало говорили! А между тѣмъ, что̀ мнѣ за дѣло до похвалъ другихъ, если я обманула ожиданія того, кому обязана всѣмъ!“

Подъ портретомъ, изображавшимъ артистку въ ея костюмѣ принцессы Адоссидесъ, такъ подчеркивавшимъ ея изумительную красоту, были подписаны три строки изъ ея роли:

„Онъ былъ опорой моей молодости:
Онъ осушилъ мои первыя слезы;
Что̀ было бы со мною безъ него?..“

Годфруа просіялъ, а Патрикъ пошутилъ надъ нимъ: ну, что-жъ, онъ умѣетъ выбирать своихъ „протежé“. Что̀ можетъ быть выше благосклонности одной такой Адоссидесъ? Какіе глаза! Будь онъ милліонеромъ... Но композиторъ рѣзко оборвалъ его: —Милліоны тутъ безполезны: пѣвица—дѣвушка безукоризненнаго поведенія...—Патрикъ разсмѣялся; о чемъ тутъ говорить, когда

онъ—просто нищій. А вотъ онъ надѣется, что Годфруа сейчасъ принарядится, надушится и отправится къ своей прекрасной и невинной исполнительницѣ. Или: это ему скучно, и онъ желаетъ, чтобы Патрикъ замѣнилъ его?—Нѣтъ! они отправятся вмѣстѣ... За сердце свое онъ не опасается: въ тѣ годы, когда любовь возможна, у него былъ взрослый уже сынъ, который поглощалъ его цѣликомъ, а теперь время ушло, и онъ слишкомъ старъ, чтобы любить...

Патрикъ мысленно упрекалъ себя за то, что невольно обрекъ Годфруа на одинокую старость, безъ жены и дѣтей...

— Я сдѣлалъ все, чтобы дать тебѣ хорошее воспитаніе, Патрикъ. Не правда ли,—ты ничего не потерялъ изъ-за того, что твоя первая молодость прошла подлѣ бѣднаго, одинокаго артиста? Не правда ли? Твоей матери, твоей дорогой, благородной и доброй матери, не за что упрекнуть меня?

Патрикъ взглянулъ на письменный столъ, на которомъ издавна неизмѣнно стоялъ лишь одинъ женскій портретъ, портретъ покойной графини О'Фаррелль, и сказалъ, обнимая Годфруа:

— Мать моя благословляетъ тебя, а сынъ ея никогда болѣе не разстанется съ тобою, если только ты хочешь того. Можешь положиться на меня всецѣло.

II.

Женни Соваль было въ это время 25 лѣтъ, и она вполнѣ оправдывала лестное мнѣніе Годфруа о ея характерѣ. Жила она съ матерью, нимало не походившей на хорошо всѣмъ знакомый обычный типъ театральныхъ „мамашъ". Г-жа Соваль была искренно убѣждена, что, появляясь на оперныхъ подмосткахъ, дочь ея служитъ искусству, а сама она ничуть не интересовалась вопросами объ ангажементахъ, дебютахъ, роляхъ, такъ занимающихъ обыкновенно этихъ почтенныхъ матронъ. Но она преслѣдовала упорно лишь одну цѣль: выгодно выдать дочь замужъ. Она была румынка родомъ, изъ хорошей, но очень бѣдной семьи. Въ своемъ родномъ городкѣ она слыла красавицей, но дѣйствительно хороши у нея были только глаза, большіе, выразительные, полные огня. Все же остальное было вульгарно, лишено всякой прелести и благородства. Отецъ ея умеръ, когда ей было всего нѣсколько мѣсяцевъ; а когда дѣвочка подросла и превратилась въ дѣвушку, то проявила такое полное безсердечіе, что мать ея, женщина

любящая, но слабая, вскорѣ умерла съ горя. Преслѣдуя какую-нибудь цѣль, молодая дѣвушка не останавливалась ни передъ чѣмъ; для нея не существовало ни справедливости, ни нравственности. Впервые она проявила свою практичность въ эпоху своего перваго брака. Выборомъ своимъ она почтила одного французскаго дипломата, но предварительно хорошо изучила его характеръ. Дипломатъ былъ человѣкъ честный, но хилый и недалекій умомъ, а потому легко повѣрилъ, когда ему это внушили, что онъ обладаетъ силой Геркулеса и проницательностью Меттерниха, и, конечно, добьется важнаго поста, разъ онъ женится на выдающейся женщинѣ. Послѣ смерти своей тещи, дипломатъ привезъ молодую жену въ Парижъ, на что она и разсчитывала. Но, къ несчастію, онъ тотчасъ же и умеръ, года на два, на три раньше, чѣмъ того ожидала его нѣжная супруга, и та внезапно очутилась безъ всякихъ средствъ и положенія. Одного прекраснаго, стариннаго имени покойнаго мужа было еще недостаточно, чтобы вдова его могла проникнуть въ настоящій свѣтъ, къ чему она такъ стремилась. Но она не падала духомъ, все еще воображая себя въ Румыніи, гдѣ всѣ ее считали красавицей изъ красавицъ. Скоро, однако, она съ удивленіемъ убѣдилась, что въ Парижѣ внѣшность ея производитъ весьма слабое впечатлѣніе, и видя, что лучшаго не добьешься, она вышла, скрѣпя сердце, вторично замужъ за пѣхотнаго офицера Соваля, бывшаго значительно старше, но зато значительно умнѣе и здоровѣе преждевременно похищеннаго смертью у нѣжной супруги перваго мужа дипломата. Конечно, не будь эта румынка въ тискахъ нужды, она сдѣлала бы болѣе выгодный выборъ, но Соваль все же слылъ за выдающагося офицера, и, слѣдовательно, она могла попасть и въ худшее положеніе. Мечтая о быстромъ повышеніи для мужа, г-жа Соваль пускала въ ходъ весь запасъ своихъ чаръ, и многіе старые генералы того времени могли подтвердить, что она не отступала ни передъ чѣмъ. Но она, очевидно, приносила несчастіе своимъ мужьямъ: во время войны съ Германіей, ея мужъ, состоявшій въ то время адъютантомъ при одномъ изъ покровительствовавшихъ ему генераловъ, погибъ наканунѣ сраженія подъ Орлеаномъ. Умеръ онъ отъ смертельной раны въ голову, но самыя обстоятельства его смерти такъ и остались тайной, и никто не могъ сказать, гдѣ и какъ получилъ онъ эту рану. Какъ только война кончилась, покровитель Соваля вышелъ въ отставку подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, и скоро о немъ всѣ позабыли. Г-жа Соваль очутилась вторично въ тяжеломъ положеніи, тѣмъ болѣе, что теперь у нея

осталась на рукахъ девятилѣтняя дочь. Несмотря на свою безчувственность, она довольно долго казалась подавленной смертью мужа и прожила безвыѣздно нѣсколько лѣтъ въ глуши Беарна, въ крошечной усадьбѣ Померасъ, оставленной ей Совалемъ. Затѣмъ она вернулась внезапно въ Парижъ, для того, говорила она, чтобы дать дочери всестороннее воспитаніе. Дѣйствительно, къ дѣвочкѣ стали ходить лучшіе учителя. Откуда брались на это средства? Никто не могъ бы отвѣтить на это, потому что никому г-жа Соваль не сообщала, что получила неожиданно довольно крупную сумму отъ невѣдомаго благожелателя. Женни выросла и выровнялась въ такую красавицу, что мать ея сообразила, что подобная красота—истинный козырь въ умѣлыхъ рукахъ. Вотъ тутъ-то и познакомилась она съ Годфруа, сильно скучавшимъ въ то время послѣ отъѣзда Патрика О'Фарреля. Деньги ея были на исходѣ, вилла Померасъ не приносила ничего, кромѣ овощей да нѣсколькихъ мѣшковъ маиса, и г-жа Соваль рѣшила извлечь всевозможную пользу изъ этого знакомства съ композиторомъ. Она слыхала не разъ, что Женни обладаетъ чуднымъ природнымъ голосомъ, а какое впечатлѣніе красота дочери производила на мужчинъ,—это она отлично знала.

Годфруа пришелъ въ восторгъ отъ голоса Женни, замолвилъ за нее словечко,—и двери консерваторіи распахнулись передъ молодой дѣвушкой. Композиторъ предугадывалъ въ Женни несравненную диву для своихъ оперетокъ, но г-жа Соваль и слышать не хотѣла, чтобы дочь ея подвизалась на опереточной сценѣ. Еще на сценѣ Большой Оперы—куда ни шло... И вотъ, пока Женни продѣлывала разныя вокализы, мать ея потихоньку внушала Годфруа честолюбивыя мечты. Сначала композиторъ удивлялся и протестовалъ; но мало-по-малу въ немъ заговорила признательность къ этой проницательной пріятельницѣ, считавшей его способнымъ писать большія оперы. Благодаря такимъ настояніямъ г-жи Соваль, „Константинъ XII" былъ написанъ, а затѣмъ принятъ въ Оперу и распредѣленъ между артистами. Главная роль, конечно, предназначалась для Женни и была спеціально для нея написана.

Мать и дочь жили въ скромной квартирѣ, и гостиная ихъ ничѣмъ не напоминала бы гостиной актрисы, еслибы сегодня, на другой день дебюта Женни, тутъ не громоздились корзины и букеты цвѣтовъ. При первомъ взглядѣ на двухъ женщинъ, самый наблюдательный глазъ не различилъ бы, которая изъ нихъ пѣвица. Женни была одѣта въ темное гладкое суконное платье, обута въ ботинки съ толстыми подошвами, не безобразившими,

однако, ея прелестной ножки, тогда какъ мать ея утопала въ мягкихъ складкахъ пеньюара, а на ногахъ ея красовались туфельки настоящей одалиски. При этомъ она полу-лежала на кушеткѣ съ такимъ томно-усталымъ видомъ, точно она-то и пропѣла наканунѣ пяти-актную оперу.

Но когда въ гостиную вошелъ Годфруа въ сопровожденіи незнакомаго молодого человѣка, эта томная особа встрепенулась и насторожилась. Но Годфруа назвалъ О'Фарреля, и любопытство ея перешло въ опасеніе. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ она всячески старалась заполнить пустоту, оставленную отъѣздомъ Патрика, исторія котораго была извѣстна ей, и это внезапное возвращеніе не могло быть ей пріятнымъ. А потому, предоставляя дочери бесѣдовать съ Годфруа, она завладѣла Патрикомъ и подвергла его искуснѣйшему допросу. Она вынесла то впечатлѣніе, что это—пламенная, поэтическая душа, но Патрикъ черезчуръ красивъ и бѣденъ, а потому ему не мѣсто въ то̀мъ цвѣтникѣ, гдѣ цвѣтетъ пышная ро̀за, достойная лишь знатнаго богача. Все же съ Патрикомъ необходимо ладить, потому что, конечно, онъ сохранилъ свое вліяніе на Годфруа. Зато, выйдя отъ пѣвицы, Патрикъ объявилъ съ досадой композитору, что онъ сейчасъ сыгралъ глупѣйшую роль: пока тотъ любезничалъ съ дочкой, мамаша подвергала его, Патрика, настоящему допросу. Ужъ пусть лучше Годфруа не беретъ его съ собою, когда отправляется ухаживать за своей дивой... Годфруа только плечами пожалъ. Все вздоръ! Да вздумай, онъ... отличить одну изъ исполнительницъ своей оперы,—онъ погибъ! Противъ него возстанутъ всѣ: и директоръ, опасающійся за свой авторитетъ, и завистливыя товарки, и постоянные посѣтители театра, недовольные подобной конкурренціей.

Въ тотъ же вечеръ, въ концѣ обѣда, Годфруа почувствовалъ себя вдругъ нехорошо, всталъ, подошелъ къ окну, намѣреваясь открыть его, но пошатнулся и упалъ бы, не подхвати его Патрикъ, который подвелъ его къ креслу, гдѣ другъ его тотчасъ же лишился чувствъ. Патрикъ немедленно послалъ за театральнымъ докторомъ, и Годфруа черезъ часъ пришелъ въ себя, но былъ очень слабъ.

На другое утро этотъ театральный докторъ говорилъ Патрику, заѣхавшему къ нему по его просьбѣ и тайкомъ отъ Годфруа:

— Какъ я радъ, что вы вернулись, и теперь Годфруа не будетъ болѣе одинъ! Жизнь его въ опасности, и вчерашній припадокъ далеко не первый. Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ онъ слиш-

комъ много работаетъ, и у него развилась болѣзнь сердца, отъ которой онъ и умретъ... Исходъ этотъ, разумѣется, можно отдалить, но для этого необходимо, чтобы подлѣ него былъ преданный человѣкъ. Надо добиться, чтобы онъ работалъ умѣренно, надо оберегать его отъ всякаго нравственнаго потрясенія и всячески отвлекать отъ мрачныхъ мыслей. По-моему, его грызетъ какая-то затаенная скорбь. Васъ онъ любитъ и вѣритъ вамъ безусловно. Не знаю, что̀ вы намѣрены предпринять далѣе, но еслибы вы могли остаться подлѣ него, я былъ бы спокоенъ за него.

— Дружба моя къ Годфруа безгранична, докторъ; но не думаете ли вы, что хорошая жена была бы вѣрнѣйшимъ лекарствомъ, чѣмъ самый преданный другъ?

— Хорошая жена? Еще бы!.. Но позвольте васъ спросить, въ какой аптекѣ продается это рѣдкостное снадобье? Женить Годфруа! Положеніе его не такъ еще опасно, чтобы идти на подобный рискъ. Слишкомъ буржуазная жена задушитъ его прозой жизни; кокетка—изведетъ его ревностью; злая можетъ вызвать мгновенный разрывъ сердца; скупая—ускоритъ его конецъ, понуждая его къ усиленной работѣ ради наживы. Знаете что̀: найди я изящную, красивую, добрую и безкорыстную женщину съ пріятнымъ характеромъ,—я прежде всего женюсь на ней самъ! Нѣтъ, ужъ лучше ухаживайте вы за Годфруа. И помните,—никакихъ потрясеній!

Понятно, что, вернувшись послѣ этого къ своему другу, Патрикъ встревожился, заставъ его на ногахъ и въ крайне возбужденномъ состояніи. Волновало его второе представленіе его оперы, назначенное въ этотъ вечеръ, а когда передъ завтракомъ ему подали записку, и Годфруа узналъ почеркъ на адресѣ, —онъ страшно поблѣднѣлъ: записка была отъ Женни Соваль, и Годфруа вообразилъ, что она внезапно захворала, и спектакль придется отмѣнить. Но оказалось, что пѣвица просто справлялась о его собственномъ здоровьѣ. Она ждала отвѣта внизу, заѣхала сама; Годфруа чуть-было не спустился къ ней самъ, но воздержался, окинувъ взглядомъ свой домашній костюмъ. Патрикъ, смѣясь, предложилъ себя вмѣсто него.

Когда онъ выбѣжалъ на улицу, стекло дверцы наемной кареты, стоявшей передъ домомъ, опустилось, и въ отверстіи показалась прелестная золотистая головка Женни Соваль. Изъ-подъ густыхъ завитковъ на лбу смотрѣли великолѣпные черные глаза, обыкновенно немного грустные. Всѣ черты ея лица были безукоризненно прекрасны, точно выточены изъ мрамора, и изоб-

личали большой умъ и непоколебимую волю. Тонкія губы изящнаго рта при улыбкѣ чуть-чуть приподнимались въ уголкахъ, а на нѣжной щечкѣ появлялась тогда очаровательная ямочка. Улыбалась Женни рѣдко,—обыкновенно она бывала ровна и спокойна,—но зато когда она улыбалась, то зубы ея ослѣпительно сверкали, и все лицо какъ бы сіяло. Патрикъ былъ удостоенъ лишь полу-улыбкой, удѣломъ простыхъ смертныхъ, да онъ и не претендовалъ на большее. Но самъ онъ былъ до того молодъ и веселъ, и радовался съ такимъ увлеченіемъ, что она одна, безъ матери, что, передавая объ улучшеніи здоровья Годфруа, онъ своимъ весельемъ заразилъ пѣвицу, и она весело улыбнулась. Сіяніе ея прекраснаго лица ослѣпило Патрика, и онъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ, забылъ, что стоитъ на улицѣ съ непокрытой головой, на рѣзкомъ вѣтру, и что прохожіе смотрятъ на нихъ. Выраженіе его подвижного лица было до того краснорѣчиво, что Женни слегка отодвинулась въ глубину кареты. А когда, поручивъ передать свой сердечный привѣтъ Годфруа, она подняла стекло кареты и уѣхала, Патрикъ такъ и замеръ въ неподвижной позѣ на троттуарѣ. Изъ этого столбняка его вывелъ насмѣшливый взглядъ какого-то прохожаго, и онъ сталъ медленно подниматься по лѣстницѣ, безсознательно протирая себѣ глаза, точно со сна.

На вопросы Годфруа онъ отвѣчалъ, что Женни въ восторгѣ отъ того, что ему лучше, и обѣщалась пѣть сегодня вечеромъ какъ ангелъ. Къ счастью она была безъ матери.—Почему это „къ счастью"?—А потому что онъ, Патрикъ, не выноситъ ея матери.—За что же? что̀ она ему сдѣлала?—Недостаетъ только, чтобы она ему еще что-нибудь сдѣлала! Развѣ Годфруа никогда не случалось возненавидѣть кого-нибудь безпричинно?—Годфруа только пожалъ плечами и добавилъ какъ бы про себя, съ довольнымъ видомъ:

— А ты недолго пробылъ внизу.

Не понималъ онъ, что и этого *недолго* было уже *достаточно*...

Второе представленіе „Константина XII" прошло съ несомнѣннымъ успѣхомъ, но къ энтузіазму примѣшивалась уже та доля сдержанности, которую предсказывалъ Годфруа послѣ чтенія рецензій. Отправляясь съ нимъ въ театръ, Патрикъ радовался возможности проникнуть теперь за кулисы; но Годфруа, холодно возразилъ что ему не зачѣмъ ходить туда, такъ какъ онъ досталъ ему отличное кресло въ залѣ. Но, все-таки, кресло это осталось пустымъ, потому что молодой человѣкъ забрался-

таки за нимъ на сцену и забился тамъ въ самый уединенный уголокъ, поджидая выхода Женни Соваль. Все остальное ничуть его не занимало. Сначала онъ удивился, что видитъ только спину пѣвицы и плохо слышитъ ея голосъ, но потомъ весь ушелъ въ созерцаніе ея малѣйшихъ движеній. Когда занавѣсъ упалъ, пѣвица заговорилась на сценѣ съ Годфруа, но глазами она искала другого. Проходя въ уборную, она наткнулась на подстерегавшаго ее Патрика, остановилась передъ нимъ, сверкая всѣмъ блескомъ своего пышнаго византійскаго костюма, протянула ему руку и спросила, доволенъ ли онъ своимъ вечеромъ? —Послѣ подобной милости, ему слѣдовало бы быть довольнымъ, но онъ предпочитаетъ свою утреннюю встрѣчу съ нею, и прекрасная принцесса не можетъ его заставить забыть Женни Соваль.—При этихъ словахъ, полу-улыбка, съ которой она слушала его, потухла, и лицо ея стало серьезно.—Онъ правъ: она сама предпочитаетъ принцессѣ бѣдную Женни Соваль.—И она скрылась. И Патрикъ болѣе не видѣлъ ея, потому что всѣ слѣдующіе антракты ее окружала густая толпа поклонниковъ.

Когда наступилъ балетный дивертиссементъ, и сцену наводнили танцовщицы, Патрикъ сначала растерялся посреди этихъ розовыхъ трико и короткихъ кисейныхъ юбочекъ.—Смотри, не наглупи!—предостерегъ его отечески Годфруа. Одна изъ танцовщицъ услыхала эти слова, и мигомъ всѣ остальныя узнали, что этотъ высокій, молодой красавецъ, съ такой гордой осанкой и мужественнымъ, загорѣлымъ лицомъ, приходится какъ-то племянникомъ композитору. Его окружили и наперерывъ старались заставить его „наглупить“.

Сначала онъ не сдавался; но когда шалуньи, не допускавшія, чтобы имъ могли противостоять, стали смѣяться надъ его робостью, то ему не оставалось ничего другого, какъ доказать имъ, что онъ не трусливаго десятка. И какъ разъ когда онъ только-что разошелся, изъ уборной вышла на сцену Женни Соваль и замѣтила его посреди танцовщицъ. Она такъ круто остановилась, что сопровождавшая ее мать спросила, что съ нею?—О, ничего, шлейфъ за что-то зацѣпился...—Но Патрикъ уже увидѣлъ свою богиню и не сводилъ съ нея глазъ, а шлейфъ болѣе не зацѣплялся. Когда актъ кончился,—Годфруа прогналъ Патрика въ залу, чтобы послушать, что говорилось въ публикѣ. Патрикъ повиновался и сейчасъ же замѣтилъ, въ партерѣ, одного школьнаго товарища, который, однако, не узналъ его, пока тотъ не назвался ему. И не мудрено! За шесть лѣтъ отсутствія, Патрикъ не только измѣнился и возмужалъ, но еще

и отростилъ себѣ длинную, густую бѣлокурую бороду.—Патрикъ О'Фаррель! Вотъ встрѣча! Откуда? Кажется, изъ Австраліи?—Нѣтъ, изъ Камбоджи.—Ну, это одно и тоже...—Съ точки зрѣнія парижанина, разумѣется...—и Патрикъ освѣдомился о профессіи товарища.—Mon cher, я журналистъ...—Патрикъ почтительно поклонился и сталъ его допрашивать.—Что̀ говорятъ объ оперѣ?—Да разное... Старики млѣютъ отъ восторга, говорятъ, что воскресло счастливое время старой музыки; новая школа хвалитъ съ оговорками. Въ сущности, напрасно Годфруа бросилъ писать оперетки. Правда, онъ пріобрѣлъ зато красивую любовницу... Какъ, О'Фаррель не знаетъ этого? Онъ только-что пріѣхалъ, пусть такъ; но вѣдь Женни Соваль онъ же видѣлъ? Годфруа давно таетъ; но пѣвица умна и не подпускаетъ его къ себѣ, пока ангажементъ не будетъ подписанъ... А теперь голубки воркуютъ, и этотъ хитрецъ—Годфруа—скрываетъ свое счастіе отъ всѣхъ, даже, какъ оказывается, и отъ своего закадычнаго друга Патрика... Какъ, О'Фаррель ему не вѣритъ? Хорошо, онъ сейчасъ ему докажетъ... — и журналистъ окликнулъ проходившаго мимо собрата:—Мюнье, на два слова! Съ кѣмъ теперь Женни Соваль?—Женни Соваль? Извѣстное дѣло,—съ Годфруа. Только я сейчасъ узналъ новость: за нею сильно ухаживаетъ князь Кеменевъ, и композитору, кажется, не сдобровать.

Взволнованный, но наружно спокойный, Патрикъ сейчасъ же вернулся за кулисы и отвѣчалъ на вопросы композитора, что въ залѣ всѣ ему завидуютъ, какъ обладателю одной изъ красивѣйшихъ женщинъ въ Парижѣ. Напрасно Годфруа скрывалъ это отъ него; впредь онъ проситъ избавить его отъ роли его камергера. И Патрикъ отошелъ отъ своего друга, пораженнаго въ самое сердце его словами. Все опостылѣло теперь Патрику; все это не болѣе какъ огромная лавка, гдѣ все покупается за деньги,—мѣста, рукоплесканія, искусство, геній, талантъ, а главное—красота. Патрикъ увелъ съ собою ужинать четырехъ танцовщицъ, и пока тѣ съ аппетитомъ уплетали ужинъ, болтали и хохотали, онъ сосредоточенно пилъ вино стаканъ за стаканомъ. Но передъ нимъ упорно носился образъ хорошенькой головки съ золотистыми волосами, съ чудными черными глазами, горѣвшими такимъ кроткимъ и—о вѣроломство!—цѣломудреннымъ огнемъ. Чѣмъ болѣе онъ пилъ, тѣмъ, казалось ему, глаза эти становились все грустнѣе. Какое безуміе! вѣдь чтобы не знать, что она отдалась Годфруа, надо было пріѣхать изъ Камбоджа! И онъ все пилъ. Наконецъ, какой-то ту-

манъ застилалъ передъ нимъ прекрасные, чистые, черные глаза. Наконецъ, Женни Соваль была совсѣмъ позабыта!..

III.

На другое утро, Годфруа пробѣгалъ съ утомленнымъ видомъ газеты, полныя неблагопріятныхъ ему отзывовъ. Тяжело было у него на душѣ, и онъ чувствовалъ себя постарѣвшимъ. Что ждетъ его далѣе? Что осталось отъ его стремленій къ добру и красотѣ? Искусство измѣняло ему; эта опера, не понятая толпою, это—его послѣднее произведеніе! Другъ оскорбилъ его и отступился отъ него. А Женни Соваль, для которой онъ мечталъ сдѣлать такъ много, только скомпрометтирована имъ. Онъ хотѣлъ смотрѣть на нее какъ на свою дочь, а она вносила въ его жизнь одну смуту и терзанія.

Его тяжелое раздумье было прервано Патрикомъ. Не протягивая ему руки, молодой человѣкъ заговорилъ. Вчера вечеромъ онъ былъ съ нимъ грубъ, и это совершенно напрасно, такъ какъ въ сущности онъ не имѣетъ никакого права посягать на его душевныя тайны. Самое лучшее для нихъ—разстаться, не жить же ему вѣчно на счетъ Годфруа. Все равно, не сегодня, завтра онъ уѣхалъ бы. Но онъ навсегда останется его другомъ, онъ клянется ему въ томъ памятью своей матери.—Стало быть, Патрикъ вѣритъ въ клятвы?—Разумѣется, ибо онъ вѣритъ въ Бога и въ честь.—Прекрасно...—И Годфруа поклялся священнымъ для него именемъ покойной графини О'Фаррель, что только разъ въ жизни, въ день перваго представленія своей оперы, онъ коснулся губами лба Женни Соваль, да и то при цѣлой сотнѣ свидѣтелей...—Патрикъ не могъ простить себѣ, что оскорбилъ подозрѣніемъ невинную дѣвушку, но всего сильнѣе онъ упрекалъ себя за вчерашній ужинъ съ танцовщицами. А Годфруа съ жаромъ сокрушался о томъ, что толкнулъ Женни на поприще артистки. Онъ сулилъ ей радости искусства, успѣхъ, славу, недосягаемое положеніе, выше всякихъ толковъ и сплетенъ. А вмѣсто этого... Между тѣмъ, самъ онъ почти не бываетъ у Женни, а когда мать ея заѣзжаетъ къ нему, то всегда одна, и всѣ предосторожности приняты. Горячность Годфруа заставила Патрика насторожиться вновь и спросить его, почему же онъ не женится на Женни? Композиторъ вздрогнулъ и какъ-то весь съёжился въ своемъ креслѣ.—Развѣ онъ годится въ женихи? и притомъ въ женихи такой молодой красавицѣ, которой онъ мо-

жеть быть отцомъ?—Тогда пусть онъ женится на женщинѣ зрѣлыхъ лѣтъ, потому что одинокая жизнь вредна для него.—Нѣтъ, ему нужна не жена, а повѣренный, секретарь... Чего же лучше? Чѣмъ искать себѣ другое мѣсто, не возьметъ ли Патрикъ хоть это?—Нѣтъ, предложеніе это оскорбляетъ его аристократическую гордость потомка Стюартовъ?—Боже мой! Что̀ случилось между ними съ возвращенія Патрика, что они рта не могутъ открыть, чтобы не оскорбить одинъ другого? Что̀ раздѣлило ихъ?—Да то, что̀ поселяетъ раздоръ между самыми лучшими друзьями—женщина.

Вся эта сцена такъ тяжело подѣйствовала на Годфруа, что онъ совсѣмъ ослабѣлъ, и Патрику сразу припомнились зловѣщія предсказанія доктора. Онъ опомнился и порывисто протянулъ другу руку.—Онъ—грубое животное, вотъ и все!.. Самое лучшее—забыть все это. Теперь его и силою нельзя будетъ вытурить отъ Годфруа. Съ чего тотъ прикажетъ ему начинать свои секретарскія обязанности?

— Вотъ съ чего!—и композиторъ раскрылъ ему свои объятія.

Однако, вечеромъ Патрикъ сослался на усталость и не пошелъ на третье представленіе „Константина". Напрасно искала его глазами Женни Соваль въ залѣ, за кулисами, а главное среди танцовщицъ, ибо мать поспѣшила повѣдать ей о подвигахъ Патрика, и извѣстіе это возбудило въ пѣвицѣ удивленіе, смѣшанное со странной горечью. Мать ея старалась возстановить Годфруа противъ его молодого друга, котораго онъ, будто бы, выставлялъ ей чуть не святымъ.—Ну, ужъ и святымъ!.. Этого онъ не говорилъ. Да, наконецъ, ему всего-то 28 лѣтъ, и онъ такъ давно лишенъ всякихъ удовольствій.—Впрочемъ, это все равно, г-жа Соваль во всякомъ случаѣ не могла не познакомиться съ его будущимъ сожителемъ, почему онъ его ей и представилъ.—Какъ! они будутъ жить вмѣстѣ?

Привыкнувъ повѣрять г-жѣ Соваль малѣйшія событія своей жизни, онъ поспѣшилъ передать ей въ общихъ чертахъ свой утренній разговоръ съ Патрикомъ; ловкая особа внимательно его выслушала, протянула ему обѣ руки, подарила умиленнымъ взоромъ и объявила, вздыхая, что у него великодушное сердце.

Нѣсколько дней спустя, Годфруа получилъ записку отъ одной своей знакомой, баронессы де-Пранвѐръ, очень богатой, довольно остроумной и некрасивой вдовы, имѣвшей отличнаго повара, жившей весьма открыто и изображавшей изъ себя покровительницу искусства.

„Дорогой маэстро,—писала она,—вы никогда не принимали

до сихъ поръ моихъ приглашеній. Но хоть на этотъ разъ не огорчайте меня отказомъ, потому что я готовлю сюрпризъ и моимъ гостямъ, и вамъ. Не бойтесь: за рояль васъ не засадятъ, протекціи вашей ни для кого просить не станутъ, и въ 12 часовъ ночи вы будете свободны. Добавлю, что *моихъ* композицій вы не услышите. Наконецъ, гостей у меня будетъ немного, всего нѣсколько друзей; вы застанете меня въ четвергъ вечеромъ въ тѣсномъ кружкѣ, въ домашнемъ платьѣ. Если вы не пріѣдете, то я подумаю, что вы зазнались послѣ своихъ успѣховъ.—P. S. Жду также и того знаменитаго путешественника, который, какъ я слышала, слѣдуетъ повсюду за вами, точно тѣнь".

А въ назначенный четвергъ друзья увидали баронессу въ бальномъ платьѣ, у входа въ цѣлую анфиладу ярко освѣщенныхъ, переполненныхъ гостями комнатъ. Годфруа чуть-было не обратился въ бѣгство, но хозяйка дома поспѣшно подхватила его подъ руку и торжественно провела въ самую крайнюю гостиную; Патрикъ не отставалъ отъ друга. Въ гостиной, куда они вошли, посреди цѣлой группы мужчинъ, ловившихъ малѣйшіе ея взгляды и улыбки, сидѣла Женни Соваль, скромно одѣтая въ черное атласное платье со стеклярусомъ. Золотистые волосы были свернуты простымъ узломъ, но во всей ея фигурѣ и непринужденной позѣ было столько прелести и граціи, что женщины зорко присматривались къ ней, пытаясь открыть тайну этой прелести. Г-жа Соваль наслаждалась тріумфомъ дочери, безъ малѣйшей зависти, но не безъ сожалѣній: чего не съумѣла бы она достигнуть, обладай она въ молодости красотою Женни! Не обращая ни на кого вниманія, она искала глазами князя Кеменева, который долженъ былъ встрѣтиться сегодня съ Женни внѣ кулисъ. Она мечтала доказать всѣмъ, что дочь ея достойна стать настоящей княгиней, въ чемъ, впрочемъ, не усомнился бы никто изъ присутствующихъ. Пѣвица встала при входѣ хозяйки и Годфруа, и встрѣча эта, очевидно, подстроенная баронессой, вызвала шумную овацію по адресу композитора и дивы. Но когда Годфруа взглянулъ въ лицо Женни, онъ увидѣлъ на немъ смущеніе и блѣдность. Глаза ея смотрѣли на кого-то съ выраженіемъ удивленія и сдержанной скорби. Смотрѣла она такъ на Патрика, и Годфруа сталъ чернѣе тучи. Женни едва отвѣтила на поклонъ Патрика, и тотъ хорошо сознавалъ, что заслужилъ подобный пріемъ. Слухи о его похожденіяхъ, очевидно, дошли до нея; но онъ выпроситъ у нея прощеніе, онъ не можетъ жить безъ ея улыбки. Желая узнать, насколько его

очернили, Патрикъ подсѣлъ къ матери Женни, и хотя та приняла его сначала не очень привѣтливо, онъ скоро добился своего. Г-жа Соваль сухо замѣтила ему, что онъ слишкомъ любитъ балетъ, вѣрнѣе—танцовщицъ. Патрикъ отразилъ нападеніе. —Какъ, его уже успѣли оклеветать! Охъ, ужъ эти закулисныя сплетни! И какъ онъ понимаетъ, что для такой деликатной и воспитанной дамы, какъ г-жа Соваль, подобная среда должна быть въ тягость!—Еще бы! Каково ей, привыкшей къ другой жизни, переносить общество театральныхъ мамашъ, обуреваемыхъ низменными, пошлыми помыслами!—И внутренно г-жа Соваль, имѣвшая, въ ожиданіи лучшаго, свои виды на Годфруа, рѣшила обойтись благосклонно съ Патрикомъ, сохранявшимъ на композитора несомнѣнное вліяніе.

Скоро тревожившее ее отсутствіе князя Кеменева объяснилось; по гостинымъ разнеслась внезапно весьма непріятная вѣсть: на улицѣ стояли такой туманъ и гололедица, что лошади скользили и падали, и Кеменевъ не добрался до баронессы, потому что одна изъ его лошадей упала и сильно расшиблась. Въ одно мгновеніе собравшимися гостями овладѣла какая-то непонятная паника: каждый думалъ теперь лишь о томъ, какъ бы поскорѣе добраться благополучно домой. Годфруа и Патрикъ поспѣшно вышли вмѣстѣ съ г-жей Соваль и ея дочерью, причемъ, пока Годфруа укутывалъ Женни, Патрикъ ухаживалъ за ея матерью, точно влюбленный. На улицѣ стоялъ такой сильный туманъ, а по скользкимъ панелямъ было такъ трудно идти, что черезъ пять минутъ Годфруа, шедшій съ Женни впереди, съ отчаяніемъ остановился. Пока они успѣютъ добраться до ея квартиры, Женни схватитъ простуду. Патрикъ вызвался доставить Женни домой немедленно; онъ отошелъ въ сторону къ ближайшей скамейкѣ, присѣлъ на минуту и сейчасъ же вернулся къ своимъ спутникамъ твердой, увѣренной походкой. Взявъ Женни подъ руку, онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и увлекъ рѣшительно впередъ. Но скоро онъ почувствовалъ, что она все-таки скользитъ, а потому обвилъ рукой ея гибкую талію и почти понесъ, не обращая вниманія на ея смущенный протестъ. Разсуждать теперь не время, пусть она довѣрится ему. Развѣ она не чувствуетъ себя въ безопасности подлѣ него?—О, нѣтъ, силѣ и ловкости его она, безъ сомнѣнія, довѣряетъ... Но вдругъ она замѣтила, что Патрикъ безъ сапогъ!.. Боже! вѣдь онъ рискуетъ жизнью... нѣтъ, нѣтъ, этого она не допуститъ!

Напрасно она тревожится, онъ готовъ пожертвовать для нея жизнью,—пусть она смотритъ на него какъ на преданнаго брата,

преданнаго ей одной. А если ей скажутъ противное, то это будетъ ложь.—Сегодня онъ достоинъ и ея довѣрія, и дружбы, но какъ знать?—не дѣлаетъ ли онъ все это для того, чтобы она могла пѣть завтра въ оперѣ его друга?

— Какъ я былъ бы счастливъ, еслибы вы совсѣмъ не могли болѣе пѣть! Все существо мое возмущается, когда вы выходите на подмостки, напоказъ толпѣ, недостойной лицезрѣнія вашей красоты. Вотъ отчего я не бываю больше въ оперѣ. Я хочу забыть о самомъ существованіи этого проклятаго зданія.

— Вы странный человѣкъ, но вы первый меня поняли. Какъ это случилось? Познакомились мы такъ недавно.

— Это правда. Но мнѣ кажется, что я всегда былъ вашъ. До сихъ поръ я спалъ, принимая сонъ за жизнь, но взоръ вашъ пробудилъ меня. Не знаю почему, но я весь вашъ, и вы можете дѣлать со мною, что̀ вамъ угодно, я—рабъ вашъ.

Скоро они дошли до дома Женни, и она сказала:

— А теперь скорѣе уходите, и будемъ надѣяться, что вы не простудились. Я васъ не благодарю, мы квиты, потому что я прощаю вамъ всѣ тѣ глупости, которыя только-что выслушала отъ васъ. Рабство давно отмѣнено, но дружба существуетъ. До свиданія.

И изъ-за готовой уже захлопнуться двери къ нему протянулась маленькая ручка. Поднося къ губамъ, Патрикъ пріятно изумился: перчатки на ней не было, а между тѣмъ ручка была далеко не холодна.

Вернувшись въ свою очередь домой, г-жа Соваль застала дочь уже въ пеньюарѣ. Щеки ея пылали, глаза горѣли.

— Такъ и есть, лихорадка!—вскричала примѣрная мать.— Но вѣдь лихорадки бываютъ разнаго свойства.

Однако эта прогулка въ туманѣ не всѣмъ сошла такъ дешево. Вернувшись домой въ какомъ-то забытьѣ, Патрикъ впалъ въ глубокое раздумье, изъ котораго его вывелъ приходъ Годфруа. Патрикъ бросился въ переднюю и сразу испугался: другъ его стоялъ неподвижно, точно не имѣя силы сбросить съ себя шубу; потъ градомъ катился у него по лбу, а между тѣмъ зубы такъ и стучали. Патрикъ раздѣлъ его и провелъ въ гостиную, уговаривая поскорѣе лечь. Не слушая его, Годфруа подошелъ нетвердымъ шагомъ къ окну и прижался лбомъ къ холодному стеклу.

— Лягъ,—повторилъ Патрикъ, кладя руку ему на плечо.— Не стой здѣсь...

Годфруа внезапно обернулся, схватилъ его съ неожиданной

силой за обѣ руки и почти закричалъ, впиваясь въ него блуждающими, горящими глазами:

— Знаешь!.. Я люблю ее... и полюбилъ я ее раньше, чѣмъ ты!

Патрикъ закрылъ глаза, стараясь собраться съ мыслями и сообразить, что̀ дѣлать. Что̀ это, припадокъ безумія? Пустить ли въ ходъ силу, или успокоительныя слова? А Годфруа бѣшено повторялъ:

— Слышишь!—отвѣчай же.—Говорю тебѣ, что я люблю ее!— Патрикъ отвѣчалъ съ глубокимъ состраданіемъ:

— Вижу, бѣдный другъ!

Этотъ мягкій тонъ немедленно успокоилъ Годфруа, и онъ далъ подвести себя къ камину и усадить въ кресло. На вопросъ Патрика, почему онъ не сказалъ ему этого раньше, Годфруа отвѣчалъ тихимъ и смиреннымъ голосомъ:

— Потому что я не хотѣлъ даже самъ себѣ въ этомъ признаваться. Это такъ глупо, такъ постыдно, такъ безполезно съ моей стороны!

Патрикъ сталъ утѣшать его. Зачѣмъ онъ такъ несправедливъ къ себѣ! Всякая женщина, напротивъ, будетъ польщена его любовью.

— Я заслужилъ это униженіе... ты же еще меня и утѣшаешь!.. Да, я люблю ее, а она меня не любитъ и не полюбитъ никогда. Я сдѣлалъ для нея все, что̀ могъ, доставилъ ей извѣстность и успѣхъ. Давно уже я не подхожу къ ней безъ глубокаго трепета, много лѣтъ я доказываю ей свою преданность. И все напрасно! Ни разу не поняла она, что вся кровь останавливается въ моихъ жилахъ отъ одного шелеста ея платья... А тебѣ стоило только показаться, и она уже тебя обожаетъ!

Патрикъ принудилъ себя засмѣяться.—Вотъ ужъ подобнаго заключенія онъ никакъ не ожидалъ! — Но Годфруа стоялъ на своемъ. Когда сегодня онъ подошелъ къ ней, во взорѣ ея такъ и свѣтилась любовь. А когда они пошли по улицѣ вдвоемъ, когда Патрикъ почти понесъ ее на рукахъ, Годфруа понялъ, что другу его суждено обладать этой женщиной! О чемъ говорили они? Что̀ произошло между ними? Никогда не узнать ему этого! Какая пытка!..—Полно! до любезничанья ли въ такую погоду!.. Да мы не обмѣнялись и двадцатью словами.

— Двадцать словъ! Ты не знаешь, что̀ бы я далъ, чтобы высказать ей хотя бы только тѣ три слова, что̀ я таю въ себѣ. Эти невысказанныя слова убьютъ меня...

Нѣтъ, онъ не умретъ, а заставитъ Женни полюбить себя.—

Но чтобы добиться этого, надо быть здоровымъ... Но тутъ Патрикъ прервалъ свои увѣщанія: Годфруа былъ въ обморокѣ. Подъ утро у него открылась лихорадка и бредъ, и докторъ объявилъ, что ему придется пролежать недѣль шесть. Патрикъ превратился въ ревностную сидѣлку, но все же ему приходилось допускать иногда къ больному г-жу Соваль. Подолгу она никогда не засиживалась; но какъ только сознаніе вернулось къ Годфруа, она стала маневрировать такъ, чтобы онъ видѣлъ, какъ она внимательна къ нему. Разъ она даже привела съ собою Женни, но больной сейчасъ же лихорадочно заметался, хотя Патрикъ не подходилъ къ пѣвицѣ и даже не взглянулъ на нее. Потомъ Годфруа все твердилъ, что она приходила ради Патрика, и успокоить его удалось только обѣщаніемъ, что визитъ этотъ не повторится. Черезъ нѣсколько недѣль Годфруа сталъ поправляться. Теперь посѣщенія г-жи Соваль участились, и не разъ приходилось Патрику бесѣдовать съ нею вдвоемъ, пока Годфруа отдыхалъ. Много поучительнаго вынесъ молодой человѣкъ изъ этихъ бесѣдъ. Узнавъ, что послѣ 15-ти представленій „Константина XII" сняли съ репертуара, Патрикъ спросилъ, не тревожитъ ли это г-жу Соваль за дочь?—Нимало. Она превосходно знаетъ, что роль Адоссидесъ была первою и послѣднею ролью Женни. Успѣха она достигла сразу, но она не создана для сцены, театральныя дрязги претятъ ея деликатности, и самое лучшее было бы, еслибы она вовсе не выступала никогда на сценѣ. Но у судьбы вѣдь свои тайны!—И очевидно, что эти тайны мало тревожили почтенную маменьку. Но въ другой разъ она вдругъ заныла: что-то будетъ съ ея Женни, если мать ея внезапно умретъ? Богачи нынче не ищутъ себѣ женъ за кулисами... Конечно, Годфруа думалъ принести пользу Женни, но въ сущности для дочери ея лучше было бы не мѣнять безвѣстнаго образа жизни, а композитору слѣдовало воздержаться отъ сочиненія оперы. Писать оперетки, конечно, менѣе лестно для тщеславія, но зато куда прибыльнѣе. И она ловко выпытала у Патрика все, что̀ тотъ зналъ о денежныхъ дѣлахъ друга. А когда, въ заключеніе, она спросила его, долго ли еще осталось композитору жить, онъ вскипѣлъ отъ негодованія.—Годфруа доживетъ до старости...

— Не волнуйтесь,—холодно отвѣчала г-жа Соваль,—я тоже надѣюсь на это. Но доктора думаютъ иначе!

Но что̀ съ нею? два дня тому назадъ, все представлялось ей въ розовомъ свѣтѣ, а сегодня наоборотъ. А дѣло было вотъ въ чемъ: наканунѣ князь Кеменевъ признался ей, что любитъ ея дочь и готовъ на ней жениться, но не рѣшается, потому что

женитьба на актрисѣ можетъ повредить его положенію при дворѣ. Въ изобрѣтательной головѣ г-жи Соваль сейчасъ же возникла мысль, что если женитьба на пѣвицѣ вещь неудобная, то женитьба на всѣми уважаемой вдовѣ знаменитаго композитора—совсѣмъ другое дѣло. Вотъ она и принялась наводить справки: надо было, чтобы Годфруа протянулъ настолько, чтобы успѣлъ дать свое имя Женни, но не настолько, чтобы терпѣніе князя лопнуло. И съ этого дня румынка принялась бдительно сторожить выздоравливающаго. Въ одинъ прекрасный день, желая, вѣроятно, остаться наединѣ съ Годфруа, она вдругъ заботливо замѣтила Патрику, что у него очень утомленный видъ и что ему слѣдуетъ пойти провѣтриться. Патрикъ безъ труда догадался, что она просто хочетъ отдѣлаться отъ него, но съ какою цѣлью? Не думаетъ ли она склонить Годфруа на какое-нибудь выгодное ей завѣщаніе? Ему пришлось уступить, потому что Годфруа, искренно желавшій, чтобы другъ его подышалъ свѣжимъ воздухомъ, поддержалъ ее.—Ну, хорошо, но куда бы ему пойти?—Г-жа Соваль посовѣтовала ему прогуляться въ Зоологическій садъ Булонскаго-лѣса и осмотрѣть его пресловутую оранжерею, о которой такъ много говорятъ.—Но это страшно далеко, отнѣкивался Патрикъ.—Пустяки, зато воздухъ тамъ чище, настаивалъ Годфруа.

„Какъ онъ боится, чтобы я не отправился къ Женни“! подумалъ Патрикъ. Его такъ и подмывало именно это-то и сдѣлать, но сообразивъ, что потомъ придется лгать, и что Годфруа откроетъ его ложь рано или поздно, онъ направился къ Сенъ-Лазарскому вокзалу, и доѣхалъ по соединительной вѣтви желѣзной дороги до Булонскаго лѣса. Онъ шелъ, задумавшись. Сколько треволненій съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся во Францію! Какое мѣсто заняла неожиданно въ его жизни эта доселѣ невѣдомая ему Женни Соваль... И какъ душа его полна ею!..

Вдругъ онъ вздрогнулъ, очутившись на поворотѣ аллеи лицомъ къ лицу съ этой самой Женни. Улыбаясь его растерянному виду, она протянула ему руку, а онъ только и съумѣлъ промолвить:

— А вы тоже гуляете?

— Да,—и еще украдкой.—Мать предупредила ее съ утра, что не можетъ сегодня съ нею кататься, а она соблазнилась прекрасной погодой и отправилась сюда, гдѣ не думала никого встрѣтить. Патрикъ разсмѣялся: если онъ попался ей здѣсь, такъ пусть она пеняетъ на свою мать, настойчиво посылавшую его именно сегодня въ Зоологическій садъ. Вотъ и получилось стран-

ное совпаденіе. И молодые люди вмѣстѣ вошли въ садъ. На вопросъ Женни, какъ здоровье Годфруа, Патрикъ отвѣчалъ, что его другу гораздо лучше, но съ нимъ необходимы еще большія предосторожности. И онъ невольно вздохнулъ, вспомнивъ о важнѣйшей изъ нихъ... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ было бы съ Годфруа, еслибы онъ могъ видѣть эту парочку?..

Въ оранжереѣ, очутившись посреди чудной тропической флоры, въ атмосферѣ опьяняющихъ испареній, молодые люди пришли въ восторгъ, а Патрику живо вспомнился такъ недавно покинутый имъ дальній Востокъ. Усѣвшись подлѣ Женни, онъ сказалъ:

— Какъ прекрасна эта искусственная декорація, какъ прекрасно то, что̀ недѣйствительно! Но стоитъ намъ перешагнуть этотъ порогъ и вновь очутиться передъ холодной дѣйствительностью, передъ оголенной землей и безлиственными деревьями,— какъ мимолетныя чары пропадутъ. Хотя я только-что проводилъ цѣлые дни и ночи посреди тѣхъ настоящихъ тропическихъ лѣсовъ, что̀ воспроизведены въ миніатюрѣ въ этой стеклянной клѣткѣ, и пережилъ тамъ массу тончайшихъ ощущеній, тѣмъ не менѣе они не навѣвали на меня такихъ грёзъ, какъ эта декорація. Та величественная красота была пустынна. Среди того кипучаго броженія матеріи, среди разнообразнѣйшаго кипѣнія жизни, окружавшей меня, душу мою леденило страшное одиночество. Я отдалъ бы нѣсколько лѣтъ жизни за появленіе подлѣ себя того единственнаго, высшаго, небеснаго образа, безъ котораго все остальное не болѣе какъ рамка, еще ожидающая картины! Какъ часто взывалъ я къ вамъ, хотя я васъ еще и не зналъ! Зачѣмъ вы не пришли! Можетъ быть, я умеръ бы отъ блаженства, встрѣтивъ въ томъ раю Еву моего сердца, еслибы она позволила мнѣ хоть коснуться губами ея руки!

Патрикъ забылъ въ эту минуту, что другой уже посягалъ на его рай. Онъ взялъ руку Женни и чуть-чуть прикоснулся къ ней губами. Женни не шевельнулась, только ея губы слегка дрогнули. Патрикъ невольно, самъ не зная какъ, очутился передъ нею на колѣняхъ, съ обожаніемъ глядя на нее... Первою опомнилась Женни, встала, и они вышли изъ оранжереи. Усадивъ ее въ экипажъ, Патрикъ отправился домой пѣшкомъ, не думая воспользоваться своимъ обратнымъ билетомъ и ничего не сознавая. Онъ былъ какъ въ чаду и совсѣмъ не замѣтилъ, несмотря на дальній путь, какъ дошелъ до дому. Очнулся онъ только тогда, когда вошелъ въ спальню Годфруа и услыхалъ восклицаніе г-жи Соваль:—Какъ! это вы уже!—Очевидно, она

еще не успѣла передать Годфруа весь запасъ своихъ тайныхъ плановъ. На вопросъ Патрика, какъ онъ себя чувствуетъ, Годфруа отвѣчалъ вслухъ, что прекрасно, но, наклонясь къ его уху, добавилъ, указывая взглядомъ на свою собесѣдницу:—Пресквернo, она извела меня.—Оставшись съ нимъ вдвоемъ, больной усомнился, былъ ли Патрикъ въ Булонскомъ-лѣсу: что-то ужъ онъ скоро вернулся. Патрикъ досталъ изъ кармана билетъ для входа въ Зоологическій садъ, и Годфруа успокоился при видѣ этого вещественнаго доказательства, закрылъ глаза и затихъ. Но вдругъ онъ судорожно поднялъ голову и вскричалъ;

— Патрикъ, моя пѣсенка спѣта!

И не слушая увѣщаній Патрика, доказывавшаго ему, что онъ просто засидѣлся и пора ему на свѣжій воздухъ, Годфруа напалъ на него.—Зачѣмъ онъ лгалъ ему? Зачѣмъ утверждалъ, что опера его еще дается, тогда какъ вотъ уже три недѣли, какъ она снята съ репертуара? Зачѣмъ не предупредилъ онъ его, что mademoiselle Соваль не предлагаютъ никакой новой роли?—Патрикъ взбѣсился. Такъ вотъ зачѣмъ эта старая чертовка хотѣла отдѣлаться отъ него!.. Какъ это часто случается, его бѣшенство успокоило Годфруа, и онъ заговорилъ уже спокойнѣе: вѣдь не могъ же Патрикъ надѣяться навсегда скрыть отъ него правду... Правда, жить-то ему собственно осталось недолго, онъ это знаетъ...—Прекрасно! она ухитрилась доложить ему и объ этомъ. Что же, и о завѣщаніи она съ нимъ тоже переговорила, а?—Ну, это уже напрасно: г-жа Соваль—безкорыстнѣйшая изъ женщинъ. Но довольно объ этомъ; отнынѣ Годфруа станетъ писать однѣ мессы.

Внезапное подозрѣніе шевельнулось въ молодомъ человѣкѣ, и онъ впился глазами въ Годфруа, говоря:

— Превосходная мысль. А куда же мы дѣнемъ mademoiselle Соваль?

Легкая краска показалась на щекахъ композитора, но онъ отдѣлался шуткой.—Ну, что-жъ, она станетъ пѣть въ концертахъ и въ салонахъ... На этомъ разговоръ оборвался, а на слѣдующее утро докторъ говорилъ Патрику:

— Просто не знаю, что съ нимъ дѣлать: починишь ему легкія,—пошаливаетъ сердце; а когда и то и другое приблизительно въ порядкѣ, то приходится спрашивать себя, не свихнулся ли онъ! Все-таки ему лучше; постарайтесь только убѣдить его съѣздить на югъ.

Но стоило Патрику заикнуться объ этомъ, какъ Годфруа энергично воспротивился, а бывшая тутъ же г-жа Соваль под

держала его. У парижскихъ докторовъ манія посылать своихъ больныхъ подальше, чтобы отвязаться отъ нихъ. Ея вліяніе на Годфруа росло съ каждымъ днемъ, и между ними происходили вѣчно таинственныя бесѣды, на которыя Патрикъ не допускался. Его поразило, что она больше не каркала зловѣщихъ предсказаній, а превратилась въ кроткую, матерински-заботливую пріятельницу. Видя, что другу его лучше, Патрикъ не тревожился, и хотя ему было тяжело видѣть, что отнынѣ онъ не первый повѣренный Годфруа, онъ мирился съ вторженіемъ г-жи Соваль. О неуспѣхѣ оперы и рѣчи болѣе не было; разговоры вертѣлись около плановъ спокойной, деревенской жизни и выгодныхъ денежныхъ операцій. Годфруа пытался подвести истинные итоги своего состоянія, и задача оказывалась не изъ легкихъ, потому что онъ прожилъ всю жизнь съ присущей артистамъ беззаботностью, хотя и съ легкимъ варіантомъ: онъ имѣлъ привычку покупать на свои капиталы солидныя бумаги, а потомъ забывать о нихъ и не брать причитающихся ему дивидендовъ. Когда Патрикъ подвелъ окончательный итогъ состоянія своего друга, онъ самъ изумился: получилось полмилліона франковъ! Ну, да, одна оперетка „Цѣпи Вулкана“ прошла 300 разъ въ Парижѣ, не считая провинціи и чужихъ странъ. А такъ какъ онъ не завелъ себѣ ни лошадей, ни собственнаго дома, ни коллекцій, ни любовницы, ни законной жены, ни дѣтей,—вотъ и накопилось... Полмилліона—да, это не дурно, но онъ предпочелъ бы милліонъ для той цѣли, которую онъ имѣетъ теперь въ виду...

IV.

Разъ вечеромъ, послѣ обѣда, Годфруа сказалъ Патрику, что имѣетъ ему нѣчто сообщить. Патрикъ совѣтовалъ ему жениться, и даже, какъ ему помнится, на Женни Соваль. Тогда онъ возразилъ, что со стороны композитора безразсудно жениться на исполнительницѣ своихъ произведеній; но теперь композиторъ Годфруа умеръ и погребенъ...

Патрикъ протестовалъ: все это вздоръ, Годфруа всего 45 лѣтъ, и если его первая опера и не доставила ему денежнаго успѣха, то все же была оцѣнена людьми, понимающими искусство. Нечего ему представляться побѣжденнымъ, а гораздо лучше сознаться напрямикъ, что онъ предпочитаетъ искусству Женни Соваль и счастье быть ея мужемъ ставитъ выше славы...

Годфруа слушалъ горячую рѣчь своего друга съ понурой го-

ловой и подозрительнымъ взглядомъ, такъ что Патрикъ вскричалъ:

— Да подними же голову, чортъ возьми! А то у тебя такой убитый видъ, точно ты замышляешь нѣчто преступное.

— Преступное?—нѣтъ, но, вѣроятно, безумное, а можетъ быть и нехорошее.

Не зная, что̀ возразить, Патрикъ промолчалъ. Молчаніе было прервано отчаяннымъ возгласомъ Годфруа: онъ понимаетъ,—все для него кончено, погибла ихъ дружба. Зачѣмъ допустилъ онъ тогда этотъ отъѣздъ Патрика! Они жили такъ спокойно и счастливо; Патрикъ всецѣло наполнялъ его душу, былъ его сыномъ, все замѣнялъ ему, и отъѣздъ его оставилъ страшную пустоту въ его сердцѣ... И вотъ въ немъ воцарился другой образъ... А теперь уже поздно...

Патрикъ шутливо утѣшалъ его: вотъ что̀ значитъ имѣть черезчуръ молодого отца! Рано или поздно между ними явится мачиха... Но это не помѣшаетъ имъ любить другъ друга.

— Да, быть можетъ; ты уже ненавидишь меня,—вскричалъ Годфруа.—Какъ можешь ты не ненавидѣть меня, если любишь ее? Но если ты ее и любишь, то полюбилъ ее недавно, а я люблю ее уже четыре года, съ первой встрѣчи съ нею. Впервые встрѣтилъ я ее гдѣ-то на вечерѣ, гдѣ она что-то пѣла. Какъ она пѣла, не знаю, потому что не слушалъ. Узнавъ, что она только-что̀ пѣла передъ композиторомъ Годфруа, она смутилась и поблѣднѣла,—она, эта чудная красавица, передъ которой я потомъ такъ часто весь трепеталъ! Мнѣ же пришлось ободрить ее, тогда какъ я самъ былъ смущенъ до глубины души. Не знаю—какъ, но оказалось, что я надавалъ въ тотъ вечеръ тьму обѣщаній. И я сдержалъ ихъ. Я сдѣлалъ все для Женни Соваль, все...

— Но ты получишь за это награду...

— Увы! единственной наградой можетъ быть ея любовь. Успѣетъ ли она полюбить меня? Могу ли я питать такое безумное желаніе, когда самые дни мои сочтены? Не возражай,—я чувствую, какъ жизнь уходитъ изъ меня. Будь я мудрецъ, я отрекся бы отъ всего житейскаго, но я не хочу умирать теперь. Я трудился, былъ полезенъ другимъ, вкусилъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ, наслаждался искусствомъ и славой, но мнѣ кажется, что я не позналъ ничего, и пробей мой часъ теперь,—я умру, не вкусивъ самой жизни! Сердце мое полно страсти и нѣжности; оно разорвется, если мнѣ не будетъ дано высказаться у ногъ моей возлюбленной. Если бы я вѣрилъ въ Бога, какъ ты,—за годъ счастья съ нею я продалъ бы свою душу.

— Ну, что же, выскажись ей!

Композиторъ взглянулъ на часы.

— Теперь она должна уже все знать; мать ея взялась переговорить съ нею. Лишь бы она съумѣла подготовить дочь...

— О, ловкости у твоей будущей тещи вполнѣ довольно. Если она согласилась, значитъ, твоя женитьба на ея дочери выгодна ей... Тысяча чертей! если бы я былъ увѣренъ, что ей выгодно видѣть меня повѣшеннымъ, мнѣ чудилось бы, что веревка уже обвилась вокругъ моей шеи... Когда ты ждешь отвѣта?

— Завтра въ два часа...

Друзья разошлись, но на прощанье Годфруа задержалъ руку Патрика въ своей и сказалъ:

— Такъ какъ ты вѣришь въ Бога, то попроси у Него, чтобы она не отказала мнѣ... или я убью себя.

На слѣдующее утро Патрикъ сталъ поджидать на лѣстницѣ г-жу Соваль, и какъ только она показалась, онъ понялъ по ея первому, полному злобы и ненависти взгляду, что она принесла отказъ. Но она не совѣтуетъ ему радоваться раньше времени; Годфруа узнаетъ, какую милую роль Патрикъ играетъ подлѣ ея дочери.

— Вы не войдете къ Годфруа, пока не пообѣщаете мнѣ, что скажете ему, будто предложеніе его принято.

— Но позвольте, я не понимаю,—растерянно возразила она.

— Гдѣ такой особѣ, какъ *вы*, понимать такого человѣка, какъ я! Но теперь не время для объясненій; идите скорѣе къ Годфруа и объявите ему, что онъ будетъ мужемъ вашей дочери. И онъ будетъ имъ,—порукой въ томъ честь Патрика О'Фарреля!

— Но Женни отказала... И вы, разумѣется, знаете, почему.

— Прошу васъ повиноваться мнѣ, — гордо настаивалъ Патрикъ.—Выдумайте, что̀ хотите, ну, хоть то, что ваша дочь проситъ дать ей сутки на размышленіе. Спѣшите успокоить Годфруа,—каждая минута промедленія опасна для него...

И Патрикъ быстро спустился по лѣстницѣ. Радость и горе бушевали въ его душѣ. Она отказала, но какая пытка ждетъ ихъ обоихъ!..

Когда онъ стремительно вошелъ въ гостиную Женни, онъ засталъ ее сидящею въ задумчивой позѣ—въ креслѣ. Она только-что выдержала бурную сцену съ матерью, желѣзной волѣ которой она подчинялась всю свою жизнь, пока въ ея нѣжномъ любящемъ сердцѣ не зародилось новое чувство. Она безсознательно жаждала любви, и стоило Патрику появиться, какъ она полюбила его сразу; все остальное мгновенно стушевалось; она

жила отнынѣ въ чаду любви. И когда мать передала ей предложеніе Годфруа, она отнеслась къ нему безучастно. Г-жа Соваль засыпала ее вопросами и мгновенно поняла все: сердце ея занято Патрикомъ О'Фаррелемъ. Не тратя времени на безполезные упреки, г-жа Соваль бросилась къ Годфруа...

Появленіе Патрика мало удивило Женни, и она встрѣтила его счастливымъ взглядомъ. О предложеніи Годфруа она уже забыла, а потому весьма удивилась, когда Патрикъ, поклонившись ей, быстро заговорилъ:

— Я долженъ вамъ сказать, mademoiselle, что вы держите въ своихъ рукахъ не только счастье нашего общаго благодѣтеля и друга, Годфруа, но и самую его жизнь. Если вы откажете ему, онъ убьетъ себя.

Не жестокая и не безчувственная по природѣ, Женни отвѣчала почти равнодушнымъ тономъ, что мужчины рѣдко кончаютъ съ собою... изъ-за этого, особенно въ годы Годфруа.

— Напротивъ, въ его-то годы это и случается, если жизнь не изсушила сердца. Годфруа лишенъ вѣры и семьи, разочаровался въ самыхъ дорогихъ надеждахъ, ослабѣлъ духомъ и тѣломъ... Онъ погибъ, если вы оттолкнете его.

— Боже мой!—сказала она дрожащимъ голосомъ:—а моя мать вѣдь пошла...

— Ваша мать подастъ ему надежду. Я ее встрѣтилъ, и такъ какъ дѣло шло о жизни моего друга, то я взялъ на себя смѣлость измѣнить смыслъ ея отвѣта.

— Вы сдѣлали это! вы!.. Впрочемъ, я понимаю,—надо его успокоить, подготовить, выиграть время. Вы хорошо сдѣлали. Бѣдный Годфруа! Повѣрьте, что я первая была бы безутѣшна, если бы... Но кто могъ бы подозрѣвать... Но это пройдетъ, не такъ ли? Вы съ нимъ поговорите, убѣдите его, что это невозможно?

— Почему? Вы не любите сцены,—онъ беретъ васъ оттуда, приноситъ вамъ извѣстное имя, хорошее состояніе, незапятнанную репутацію, безграничную преданность...

— Все это до того странно, что я не вѣрю своимъ ушамъ. Я не думала, чтобы могъ существовать человѣкъ, способный такъ поступать, какъ вы.

— Каждый преданный другъ поступилъ бы точно такъ же на моемъ мѣстѣ. Я отстаиваю жизнь и счастье моего друга.

— Развѣ вы забыли, что обѣщали мнѣ всю свою преданность, мнѣ одной? Вы хотѣли быть мнѣ братомъ? Почему же теперь вы приносите меня въ жертву другому?

— Потому что этотъ другой пожертвовалъ мнѣ много лѣтъ своей жизни, потому что ему я обязанъ всѣмъ. Онъ меня воспиталъ, сдѣлалъ изъ меня человѣка, а теперь въ свою очередь нуждается въ поддержкѣ. Я не все для него. Отсутствіе мое было для него только тяжело, а лишись онъ васъ—онъ умретъ...

— А почему же никто не думаетъ обо мнѣ? — заговорила она со страстнымъ негодованіемъ.—Развѣ я не могу тоже любить? Развѣ сердце мое не имѣетъ также своихъ правъ? Или я обречена быть принесенной въ жертву со дня моего рожденія? Почему я должна выйти замужъ за Годфруа, котораго не могу любить?.. Онъ хорошій человѣкъ, и выскажись онъ полгода тому назадъ, я охотно пошла бы за него. Но теперь все измѣнилось. Хотите знать, почему? Не удивляйтесь моей откровенности,—я вѣдь не обыкновенная дѣвица, я—актриса. Къ тому же, я отстаиваю свое счастье! Да, я тоже познала иное чувство, кромѣ дружбы! Я люблю, а кого? — догадайтесь сами! И я любима, а кѣмъ?—постарайтесь понять!

Рѣшительная минута наступила. Патрикъ понималъ, что малѣйшее нѣжное слово съ его стороны могло погубить его друга.—Какъ можетъ онъ угадать? Многіе, конечно, любили ее, но Годфруа долженъ побѣдить всѣхъ. Развѣ онъ ничего для нея не сдѣлалъ?

— Многимъ обязана я ему, а главное—тѣмъ, что встрѣтила, кого полюбила и кого всегда буду любить И не только любить, а восхищаться высокимъ, изумительнымъ благородствомъ его души. Не отдай я вамъ своего сердца раньше, я отдала бы вамъ его теперь. Не отнимайте же вы отъ меня своего сердца, и Господь да поможетъ намъ спасти нашего дорогого Годфруа!

Весь дрожа, Патрикъ, однако, возражалъ.—Она ошибается... Онъ никогда не говорилъ... что любитъ ее...—Напрасно онъ лжетъ. Развѣ не видѣла она его у своихъ ногъ?—Она перестанетъ обвинять его во лжи, когда узнаетъ, что онъ опять уѣхалъ въ дальніе края. Но если такъ, то что же случилось? Развѣ ее оклеветали передъ нимъ? Развѣ онъ считаетъ ее недостойною себя? Но нѣтъ! разъ онъ считаетъ ее достойной своего друга, который ему дороже всего! Или онъ считаетъ ее корыстной, и нарочно уступаетъ мѣсто человѣку богатому...—Нѣтъ, корыстною онъ ее не считаетъ, но онъ знаетъ, что безъ нея Годфруа погибнетъ, а она съ нимъ можетъ быть счастлива.—Увы! она тоже погибла, онъ все убилъ въ ней: любовь, дружбу, гордость, надежду. Да, она погибла! Они всѣ противъ нея. Онъ хочетъ

уѣхать, онъ отнимаетъ у нея единственное, оставшееся у нея на свѣтѣ—его дружбу.

— Нѣтъ, я всю жизнь буду не только другомъ, но вашимъ преданнымъ братомъ, если вы спасете Годфруа!

— До того дня, когда другая, болѣе счастливая...—грустно замѣтила она, но Патрикъ мягко прервалъ ее:

— Успокойтесь, день этотъ никогда не настанетъ. Все случившееся теперь послужитъ мнѣ тяжелымъ урокомъ. Да будетъ проклята любовь, влекущая за собою страданіе и разрушеніе!

Женни зарыдала, и Патрикъ чуть-было не кинулся къ ней, но сдержался и направился къ двери.—Патрикъ!..—вскричала Женни, и онъ обернулся, потрясенный до глубины души.

— Но, Боже мой! развѣ я для васъ хуже собаки, которую всегда приласкаютъ прежде, чѣмъ отдать ее другому! Вы уходите безъ слова утѣшенія, не думая о томъ, что женщины тоже убиваютъ себя! И я васъ болѣе не увижу?

— Вы увидите меня завтра, клянусь вамъ честью!—Она слабо, радостно вскрикнула, и онъ вышелъ.

Онъ вернулся домой точно пьяный и засталъ Годфруа сіяющимъ, какъ бы внезапно помолодѣвшимъ. Въ основѣ предложеніе его принято, но окончательный отвѣтъ будетъ данъ черезъ недѣлю. Онъ не помнилъ себя отъ счастья; ему все еще не вѣрится, что это не сонъ. Да это вполнѣ понятно,—вѣдь выбора для него не было! Она—или вотъ *это*. И дрожащей рукою Годфруа указалъ на револьверъ на стѣнѣ. Патрикъ могъ только глубоко вздохнуть.

Затѣмъ Годфруа сообщилъ свои планы. Онъ потребуетъ расторженія контракта Женни съ Оперою и проведетъ цѣлый годъ въ Беарнѣ съ женою въ ея небольшой усадьбѣ Померасъ.

Патрикъ провелъ мучительную, безсонную ночь, а когда явился наутро къ Женни, то засталъ въ ней совершенно новую женщину. Лицо ея какъ-то сразу стало серьезно и невозмутимо.

— Вы до того меня вчера поразили,—заговорила она спокойно,—что я перестала владѣть собою, и у меня вырвались такія слова, о которыхъ я теперь жалѣю и прошу васъ забыть. Ваша... твердость достигла такихъ результатовъ, которыхъ вы, я увѣрена, даже не ожидали. За ночь я многое обдумала, и материнская мудрость довершила остальное; въ сущности, вы могли бы вовсе не безпокоиться приходить сегодня.

Видя, какое впечатлѣніе производятъ ея слова, и желая добиться, насколько онъ былъ искрененъ наканунѣ и любитъ ли онъ ее, — она продолжала. У нея было три выхода: остаться

актрисой, выйти замужъ за Годфруа или позволить князю Кеменеву увезти ее. Всего менѣе улыбается ей первое, потому что никогда болѣе не станетъ она изображать притворно, за деньги, то, что̀ она пережила вчера на дѣлѣ. Ломаться на потѣху другимъ Женни Соваль больше не будетъ. Теперь она окончательно ненавидитъ сцену. Остаются Годфруа и князь; Патрикъ, конечно, на сторонѣ Годфруа; но вѣдь и князь ее любитъ, хотя и не настолько, чтобы рисковать своимъ положеніемъ при дворѣ изъ-за женитьбы на ней. А хотѣлось бы ей знать, что̀ сказалъ бы Патрикъ, если бы узналъ, что отъ князя ее можетъ спасти только одинъ человѣкъ... И человѣкъ этотъ— не Годфруа!

— Я сказалъ бы вамъ, что это неправда. Я знаю и чувствую, что вы, какъ и я самъ, неспособны на низость!

Глаза ихъ встрѣтились, и она чуть не бросилась къ его ногамъ, но понимая, что ничего такъ не добьется, продолжала съ ироніей:— Она благодарна ему за лестное мнѣніе. Послѣ того, другого, князь всего болѣе производилъ на нее впечатлѣніе. Онъ не узнаётъ ея? Немудрено! она сама себя не узнаетъ и будетъ узнавать еще меньше, когда станетъ г-жею Годфруа. Ея мать и онъ увѣряютъ, что она будетъ счастлива съ нимъ. Ну, вотъ, пусть онъ и любуется на это счастье—дѣло его рукъ. Онъ уѣдетъ?—О, нѣтъ, не раньше ихъ свадьбы: онъ долженъ быть шаферомъ своего друга...—Итакъ, все рѣшено. Но пусть онъ знаетъ, что она не любитъ Годфруа; она любитъ другого. И стоитъ ему остановить ее, хотя бы въ самую послѣднюю минуту, въ мэріи,—и она останется mademoiselle Соваль... За Годфруа пусть онъ не боится,—она исполнитъ свой долгъ. Но когда ея мужъ будетъ говорить ему о своемъ счастіи, то пусть онъ не забываетъ, что она только повинуется ему, Патрику...

Но ничто не заставило Патрика измѣнить себѣ. Тѣмъ не менѣе, когда онъ ушелъ, она все же не вѣрила, что онъ не любитъ ея. Сомнѣніе не покинуло и никогда не покинетъ ея.

Всѣ слѣдующіе дни Патрикъ провелъ въ хлопотахъ, пріискивая себѣ подходящее его харатеру мѣсто. Ему удалось достать себѣ мѣсто главнаго надзирателя работъ одной лѣсопромышленной акціонерной компаніи. Заправилы всѣ были милліонеры, а лѣса компаніи были въ Алжиріи, куда ни одинъ изъ этихъ богачей не стремился. Дѣло было скоро покончено. Вернувшись домой вечеромъ того дня, когда Годфруа былъ обѣщанъ рѣшительный отвѣтъ Женни, Патрикъ нашелъ своего друга до того растроеннымъ, что вообразилъ въ первую минуту, что

Женни отказала.—Нѣтъ, нѣтъ, она согласилась, онъ можетъ успокоиться, все идетъ по его желанію. Только она заявила, что сердце ея уже не свободно... Но Патрикъ можетъ не тревожиться, она не выдала его ни словомъ. Годфруа знаетъ, что они видѣлись два раза, и что она выходитъ за него замужъ, чтобы повиноваться Патрику. Теперь ему все понятно! Жениться на Женни теперь Патрикъ не можетъ по недостатку средствъ, а пѣть на сценѣ графинѣ О'Фаррель неприлично. Бракъ съ Годфруа спасаетъ ее отъ сцены, даетъ ей имя и состояніе. Жить же ему осталось не долго, и женитьба на его вдовѣ—вещь сáмая удобная.—Патрикъ возразилъ ему, что все это не его собственныя мысли, а внушила ихъ ему г-жа Соваль. Куда же дѣвалась ихъ прежняя дружба? Стоило женщинѣ замѣшаться между ними, и все погибло... Скоро они разстанутся; такъ пусть на прощанье Годфруа его выслушаетъ. Онъ клянется ему, что если Годфруа умретъ раньше его, никогда вдова Годфруа не будетъ его женою.

Годфруа чувствовалъ себя совсѣмъ ничтожнымъ въ сравненіи съ великодушіемъ Патрика. Но всему виною недомолвка Женни. Зачѣмъ не назвала она ему того, кому отдала свое сердце! Ее окружали вѣдь и другіе мужчины... Но кто же тогда? Ужъ не князь ли Кеменевъ?—Да полно ему ломать себѣ голову, пора ему приниматься за приготовленія къ свадьбѣ... А его, Патрика, ждутъ сборы въ дорогу...—Какъ, онъ уѣзжаетъ? Куда?..

— Въ Алжирію.

— Ахъ!—простоналъ Годфруа:—ты уѣзжаешь изъ-за меня! Изъ-за обладанія этой женщиной, я приношу въ жертву своего единственнаго друга. Какъ же назвать то, чтò я дѣлаю?

— Страстью,—медленно промолвилъ Патрикъ.

— Но ты, пожертвовалъ ли бы ты мною для удовлетворенія своей страсти?

— Съ Божьею помощью—нѣтъ.

То былъ единственный упрекъ, вырвавшійся у молодого человѣка. Слова эти сразили Годфруа. Случайно взоръ его упалъ на портретъ матери Патрика. Безмолвно снялъ онъ его со стола, закрылъ его складную рамку, прикоснулся къ ней въ послѣдній разъ губами и смиренно отдалъ портретъ Патрику, говоря, что отнынѣ недостоинъ имѣть его...

Быстро пролетѣли три недѣли, остававшіяся до свадьбы, и, наконецъ, наступило 1-е мая, день этой свадьбы. Г-жа Соваль блаженствовала: дочь ея выходила замужъ за богатаго человѣка, дни котораго были сочтены, и ничто не могло бы помѣшать потомъ

князю Кеменеву жениться на молодой вдовѣ. Годфруа, желая обѣлить своего друга въ глазахъ своей будущей тещи, разсказалъ ей о торжественной клятвѣ Патрика, и потому она знала, что это препятствіе теперь устранено. Самъ князь былъ пока въ Россіи, гдѣ тщетно старался позабыть Женни...

Свадьба состоялась обычнымъ порядкомъ въ мэріи и въ церкви, а вечеромъ новобрачные выѣхали съ курьерскимъ поѣздомъ въ Бордо. Въ тотъ же вечеръ Патрикъ выѣхалъ тоже съ курьерскимъ поѣздомъ въ Марсель.

Годфруа, между тѣмъ, вышелъ изъ экипажа передъ двухъэтажнымъ домикомъ, именуемымъ его тещей „за̀мкомъ Померасъ“; онъ былъ расположенъ въ очаровательной мѣстности и окруженъ небольшимъ садомъ съ чудесной, разнообразной растительностью. Этотъ день былъ, безъ сомнѣнія, прекраснѣйшимъ днемъ его жизни. Впервые увидѣлъ онъ на прекрасномъ лицѣ Женни откровенную улыбку, когда въ прелестный майскій вечеръ она очутилась въ этомъ родномъ уголкѣ. Передъ небольшимъ крылечкомъ ее ожидала старая ея кормилица, Марселина, повязанная яркимъ платочкомъ и одѣтая въ темное шерстяное платье, и Пьеръ, слуга ея покойнаго отца. Старуха прослезилась, не смѣя подойти къ этой высокой, нарядной красавицѣ; но знаменитая пѣвица, благосклонности которой такъ добивались знатные господа, сама бросилась на шею къ ней и къ Пьеру. Затѣмъ она взяла мужа подъ руку и увлекла въ дубовую аллею, свой любимый уголокъ. О, эти дорогіе, милые дубы! какъ рада она вновь увидѣть ихъ!.. Годфруа наслаждался ея радостью. Конечно, не такихъ рѣчей былъ бы въ правѣ ожидать человѣкъ, только наканунѣ женившійся, но уже самая близость этой женщины, эта возможность быть съ нею съ глазу на глазъ, представлялись ему какимъ-то волшебнымъ сномъ...

V.

Между тѣмъ, послѣ очень тяжелой, бурной переправы и пятнадцати миль верхомъ подъ палящимъ солнцемъ алжирской степи, Патрикъ, не чувствовавшій ни морской непогоды, ни африканскаго зноя,—до того онъ былъ поглощенъ мучительными мыслями о любимой женщинѣ, отъ которой онъ самъ добровольно отказался,—прибылъ въ Тэлахъ, свою новую резиденцію. Тамъ его встрѣтилъ его помощникъ Лафонъ, отставной унтеръ-офицеръ, высокій, худощавый пятидесятилѣтній человѣкъ, удивительно похожій на донъ-

Кихота. Жена его, Коралй, была маленькая, кругленькая, румяная толстушка. Домъ, въ которомъ Патрику предстояло жить, представлялъ изъ себя бывшій офицерскій павильонъ, потому что на этомъ мѣстѣ помѣщались когда-то казармы спаговъ. Патрикъ выбралъ себѣ лучшую комнату, очень скудно обставленную, но отличавшуюся безупречной чистотой. Окна ея возвышались надъ стѣной, окружавшей казарменный дворъ, но изъ нихъ открывался видъ на лѣсъ. Обѣдъ ему приготовила г-жа Лафонъ, и за дессертомъ явилась сама, довольная, что есть съ кѣмъ поболтать. Патрикъ не мѣшалъ ей, потому что былъ радъ не оставаться наединѣ съ своими мыслями. Коралй разсказала ему свою исторію: родилась она въ Марсели и была тамъ одною изъ лучшихъ мастерицъ у модной портнихи. За нею немало ухаживали, и она откровенно призналась, что была въ то время весьма легкомысленна.—Но, добавила она, единственный мужчина, который могъ бы бросить мнѣ этотъ упрекъ, не имѣетъ, какъ разъ, права на это жаловаться. Понимаете? Къ счастью, попался мнѣ честный человѣкъ. Выслуживъ свой семилѣтній срокъ, Лафонъ вернулся ко мнѣ съ рубцомъ во всю щеку и засталъ меня совершенно такою, какою оставилъ,—честное слово, сударь! Мы обвѣнчались, и я послѣдовала за нимъ въ Африку, гдѣ ему вздумалось поселиться. Если бы мнѣ сказали, когда я примѣряла платья нашимъ щеголихамъ, что я скоротаю свой вѣкъ посреди чумазыхъ обезьянъ, не носящихъ даже рубашекъ... Ахъ! сударь, вы и не знаете, до чего доводитъ любовь!.. А что̀ новенькаго въ Марсели?

Прежде чѣмъ лечь спать, Патрикъ облокотился на окно своей комнаты, вспоминая про себя съ улыбкой грустнаго пренебреженія слова почтенной матроны: „вы и не знаете, до чего доводитъ любовь“! А между тѣмъ, эта женщина, ждавшая семь лѣтъ любимаго человѣка и послѣдовавшая за нимъ въ эту пустыню, имѣла право разсуждать о любви. Но Патрикъ не могъ не улыбаться при мысли, что другой человѣкъ, кромѣ него, смѣетъ утверждать, что позналъ любовь и страданіе.

Вдругъ въ дверь его постучали, и голосъ Коралй крикнулъ изъ корридора:

— Отецъ Хризостомъ пріѣхалъ!

Патрикъ показался на порогѣ, освѣдомляясь, кто это отецъ Хризостомъ? Она смѣшалась...—Отецъ-то Хризостомъ кто? Да священникъ тѣхъ бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ священниковъ.—Ага, значитъ — миссіонеръ? — Но Коралй протестовала: — Да развѣ они дикіе? Ну, да все равно, онъ наѣзжаетъ въ Тэлахъ

каждый мѣсяцъ и имѣетъ тутъ свою комнату; является онъ всегда внезапно, обойдетъ дровосѣковъ и отправляется дальше, никогда подолгу не останавливается.—Ну, и прекрасно; пусть его принимаютъ какъ всегда.—Да, но онъ теперь тутъ главное начальство, и отецъ Хризостомъ желаетъ именно его видѣть. Отецъ Хризостомъ—совсѣмъ „порядочный“; говорятъ, что до монашества онъ занималъ въ свѣтѣ видное положеніе. — Вотъ какъ! Ну, тогда онъ самъ первый отправится къ нему съ визитомъ.

Патрикъ засталъ монаха во дворѣ, подлѣ своей лошади, фамильярно болтавшаго по-арабски съ туземными рабочими и слугами. Этъ былъ высокій, крѣпкій старикъ, осанка и малѣйшія движенія котораго подтверждали съ перваго взгляда догадки Коралй. Онъ былъ чрезвычайно красивъ, и всѣ черты его лица были изящны. На груди, подъ большимъ мѣднымъ крестомъ въ петлицѣ его черной монашеской рясы, виднѣлась красная ленточка, полинявшая отъ дождя и солнца. Но особенно поразилъ Патрика взглядъ его удивительно прекрасныхъ черныхъ глазъ, то проницательно-острый, то немного томный. Онъ не могъ оторваться отъ этихъ глазъ, спрашивая себя, гдѣ онъ уже видалъ ихъ. Патрикъ обратился къ монаху.

— Добро пожаловать къ намъ, высокочтимый отецъ; впрочемъ, здѣсь вы скорѣе у себя, чѣмъ я.

— А я привѣтствую васъ на этой французской территоріи, куда недостаточно часто являются такіе люди, какъ вы. Вы увидите, что здѣсь можно жить счастливо.

Одной этой фразой, сказанной мягкимъ, задушевнымъ голосомъ, отецъ Хрисостомъ привлекъ къ себѣ сразу сердце Патрика, и тотъ скоро увелъ его къ себѣ. Они разговорились. Узнавъ, что О'Фаррель намѣренъ поселиться въ Тэлахѣ, а не только наѣзжать сюда, подобно своимъ предшественникамъ, монахъ удивился и улыбнулся: мѣсяца черезъ два, видя, что дѣло налажено хорошо, и когда первый пылъ охотника и туриста въ немъ остынетъ, ему вновь захочется увидѣть Францію, семью, друзей, и онъ уѣдетъ.—О, нѣтъ, онъ не уѣдетъ. Семья его ограничивается его особой, а двери дома его единственнаго друга закрываетъ ему сама дружба. Миссіонеръ вздрогнулъ, и морщины на его лбу обозначились какъ-то рѣзче.

— Кажется, я понялъ. За тѣ 12 лѣтъ, что я скитаюсь по Алжиріи, я могъ убѣдиться, что люди вашихъ лѣтъ и происхожденія являются сюда, или для искупленія, или для борьбы съ любовью. По глазамъ вашимъ я вижу, что привело васъ сюда

не первое... Возблагодарите за это Всевышняго Творца, и да ниспошлетъ Онъ вамъ поскорѣе забвеніе!

Патрикъ догадался, что въ жизни монаха имѣется своя тайна.—Да, это правда, онъ тоже былъ міряниномъ и бѣжалъ изъ міра, къ сожалѣнію, не такъ рано, какъ его молодой собесѣдникъ. Послѣ легкаго раздумья, Патрикъ попросилъ у него позволенія разсказать ему свою исторію, потому что душа его мятется, а отецъ Хризостомъ можетъ успокоить его. Монахъ согласился выслушать его, прося только не называть именъ, потому что онъ давно забылъ всякія имена, какъ и все мірское.

— У меня есть другъ, человѣкъ знаменитый, замѣнившій мнѣ рано умершую мать. Онъ воспиталъ меня какъ сына, я всѣмъ обязанъ ему; много лѣтъ я ѣлъ его хлѣбъ и спалъ подъ его кровомъ. Мы были счастливы, но между нами стала женщина; онъ женился и...

— И вы побоялись отплатить ему предательствомъ. Какъ много исторій началось такъ же, и я знаю, что не разъ все это кончалось позоромъ и кровью. Оставайтесь здѣсь, сынъ мой!..

— Таково мое намѣреніе, но вы еще не все знаете. Вы не знаете, что эта женщина и я любили и еще любимъ другъ друга. Увы! мнѣ кажется, что мы будемъ любить другъ друга вѣчно. Но чтобы она досталась моему другу, я солгалъ, притворился равнодушнымъ къ ней; она плакала у моихъ ногъ, и я не поднялъ ея. Сердце мое болитъ еще и теперь при воспоминаніи о взглядѣ, брошенномъ ею на меня, въ мэріи, изъ-подъ свадебнаго вуаля передъ тѣмъ, какъ связать себя словомъ съ моимъ другомъ. И вотъ я спрашиваю себя, хорошо ли я поступилъ?

— Зачѣмъ такая жертва? Могъ ли вашъ другъ требовать ея?

— Не женись онъ на этой женщинѣ, онъ застрѣлился бы, проклиная меня. Есть одно слово, отецъ мой, которое люди часто употребляютъ, не понимая его значенія: это—страсть! Впервые понялъ я его смыслъ, когда увидалъ, какъ для этого человѣка, почти уже сѣдого, вдругъ рушилось все: здоровье, любовь къ искусству, честолюбіе, даже дружба! Господи! Какая ревность! Какое низкое мнѣніе обо мнѣ! Какое внезапное равнодушіе къ моей будущности! Какая плохо скрытая радость при извѣстіи о моемъ отъѣздѣ! Еслибы вы видѣли его больнымъ, осунувшимся, всецѣло охваченнымъ одной властной мыслью! Еслибы вы слышали его тонъ, когда онъ, не вѣрящій въ загробную жизнь, сказалъ, что онъ убьетъ себя, вы ужаснулись бы, какъ

и я. Кровь друга, или хотя его разбитое сердце, это—несмываемое пятно.

Отецъ Хризостомъ всталъ и подошелъ къ окну, а Патрикъ продолжалъ:

— Простите, я сейчасъ кончу. Теперь вы знаете, какъ я поступилъ. Къ тому же, другъ мой богатъ, а я бѣденъ; это было для меня тоже поводомъ уступить ему любимую женщину. А теперь, когда уже поздно, меня терзаютъ сожалѣніе и неувѣренность въ счастіи моего друга. Не разбилъ ли я сразу три жизни?

— Какъ знать!—отвѣчалъ монахъ.—Порицать васъ нельзя; быть можетъ, своимъ самоотверженіемъ вы предупредили какое-нибудь преступленіе. Для спасенія жизни друга нельзя отступать ни передъ какой жертвой. Всѣ ваши сомнѣнія исчезли бы, сынъ мой, если бы вы видѣли то, что довелось видѣть мнѣ. Не сомнѣвайтесь, вѣрьте слову стараго монаха, бѣднаго грѣшника! Будьте спокойны, мужайтесь, благодарите небо за ниспосланную имъ вамъ рѣдкую силу. Вы прекрасно поступили.

Патрикъ спалъ эту ночь спокойно, но монахъ долго и жарко молился, взывая:

— Господи, я начиналъ обрѣтать забвеніе! Ты покаралъ меня за это, ибо Ты хочешь, чтобы я всегда помнилъ. Отнынѣ я буду встрѣчать здѣсь свою живую кару. Какъ силенъ былъ этотъ человѣкъ, и какъ слабъ былъ я!..

Съ этого вечера отецъ Хризостомъ сталъ чаще наѣзжать въ Тэлахъ, все тѣснѣе сближаясь съ Патрикомъ. Но Патрикъ не называлъ ему имени любимой женщины, а монахъ не выдавалъ ему тайны своего прошлаго. Но каждый разъ онъ спрашивалъ:

— Счастливы ли вы теперь?—и неизмѣнно Патрикъ отвѣчалъ ему:—Нѣтъ!

VI.

Первые два дня въ Померасѣ Годфруа не отходилъ отъ жены ни на шагъ, дивясь тому, что эта красавица—его жена. Онъ не сводилъ съ нея восхищенныхъ глазъ, приходилъ въ экстазъ отъ одного звука ея голоса, угадывалъ ея малѣйшее желаніе. За столомъ онъ забывалъ ѣсть, любуясь ею; готовъ былъ заплакать отъ избытка чувствъ, когда она благодарила его за какую-нибудь услугу немного смущенной улыбкою. Онъ ревновалъ ее къ малѣйшему дуновенію вѣтерка. Онъ обрѣлъ пол-

ное счастіе на землѣ и съ довѣрчивымъ оптимизмомъ первыхъ часовъ удовлетворенной страсти говорилъ себѣ: — *Мы* счастливы.

Но, гуляя на второй день съ Женни по саду и отойдя отъ нея на минуту сорвать для нея розу, онъ засталъ ее, вернувшись, застывшею въ неподвижной позѣ, съ опущенными руками, усталымъ видомъ и устремленнымъ въ пространство взоромъ. Сначала онъ залюбовался ею, но когда у нея вырвался легкій, жалобный стонъ, онъ вдругъ понялъ, что она-то, по меньшей мѣрѣ, не счастлива. Отчаяніе внезапно кольнуло его въ сердце; онъ увидѣлъ, что не добьется, въ отвѣтъ своей пламенной страсти, ничего, кромѣ покорной привязанности.

Годфруа провелъ безсонную ночь, а на утро, рѣшивъ, что не слѣдуетъ ему утомлять ее своимъ постояннымъ присутствіемъ, вышелъ въ садъ одинъ. Вернувшись къ завтраку, онъ засталъ Женни перечитывавшею только-что написанное ею длинное письмо. Она встала и пошла къ нему на встрѣчу съ блестящими глазами и оживленнымъ лицомъ, говоря:

— Я постаралась замѣнить васъ. Прочтите и прибавьте нѣсколько строкъ отъ себя. Въ которомъ часу отходитъ почта? Нашъ далекій другъ не долженъ оставаться безъ вѣсточки отъ насъ болѣе недѣли,—иначе онъ можетъ подумать, что мы его забыли.

Годфруа вспомнилъ, что наканунѣ, разговаривая о Патрикѣ, онъ сказалъ, что ненавидитъ писать письма, а Женни, находя, что написать ему слѣдуетъ, предложила мужу свои услуги. Годфруа жадно пробѣжалъ письмо, но оно не могло возбудить ревности самаго придирчиваго мужа. Женни разсказывала совершенно просто о своемъ пріѣздѣ въ Померасъ, о своей радости вновь увидѣть родной уголокъ, о своей признательности къ тому, кто доставилъ ей эту радость, и заканчивала такъ: „Наградой ему будетъ здѣшній живительный воздухъ. Онъ скоро совсѣмъ окрѣпнетъ; теперь же онъ отдыхаетъ, и я служу ему, какъ видите, секретаремъ. Пишите намъ поскорѣе и обо всемъ“... Годфруа окончательно убѣдился, что любви между молодыми людьми не было, но все же и подобная дружба возбуждала его ревность. Пока онъ приписывалъ нѣсколько строкъ къ письму жены, онъ слышалъ, какъ она распоряжалась въ сосѣдней комнатѣ. Она устраивалась, за что до сихъ поръ не принималась: ни одного ящика она еще не вскрыла, ни одного гвоздя не прибила, пока не написала письма Патрику,—мелькнуло въ головѣ Годфруа, и въ эту минуту онъ желалъ бы быть на его мѣстѣ. Въ

послѣдующіе дни Женни не заикалась ни о своемъ письмѣ, ни объ ожидаемомъ отвѣтѣ. Отвѣтъ пришелъ, разумѣется, на имя Годфруа, и не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго. Этотъ холодный, безстрастный дневникъ можно было бы напечатать цѣликомъ въ любомъ журналѣ. Черезъ двѣ недѣли Женни написала ему опять; онъ отвѣтилъ въ такой же срокъ, и съ тѣхъ поръ установилась правильная переписка, ни одна строчка которой не миновала глазъ Годфруа.

Черезъ двѣ недѣли къ новобрачнымъ въ Померасъ явилась г-жа Соваль, и сейчасъ же приняла на себя бразды правленія, которыхъ у нея, впрочемъ, никто не оспаривалъ. Между тѣмъ, среди сосѣдей Помераса возникала уже враждебная лига противъ новобрачныхъ. Для всѣхъ этихъ мелкихъ, невѣжественныхъ и узко-добродѣтельныхъ буржуа, обреченныхъ умереть, не видавъ никакого иного города, кромѣ Бордо, не было особенной разницы между извѣстной оперной дивой и безвѣстной кафе-шантанной пѣвичкой. И та, и другая „пѣли на подмосткахъ". Кто-то повторилъ вычитанное изъ неизвѣстно какой парижской газеты извѣстіе, что „пѣвица Соваль", лишившись голоса, скрылась въ провинцію. Доброжелатели охотно допускали, что Годфруа женатъ на пѣвицѣ, но только гражданскимъ бракомъ, а другіе утверждали, что эта парочка пересадила на туземную добродѣтельную почву свободную любовь, такъ свирѣпствующую въ театральныхъ нравахъ Парижа. Г-жа Соваль скоро поняла, въ чемъ дѣло, и принялась дѣйствовать. Скоро въ замкѣ сталъ каждую недѣлю обѣдать мѣстный священникъ, что̀ ясно доказало фактъ вѣнчанія въ церкви супруговъ Годфруа. Съ этой минуты всѣ оказались готовыми бывать въ Померасѣ; но Годфруа и слышать не хотѣлъ объ идіотахъ, оскорбившихъ его жену, и дверь его никому не открывалась. Въ одинъ прекрасный день ей пришлось, однако, распахнуться передъ депутаціей, явившейся изъ Біаррица. Годфруа вышелъ съ недовольнымъ видомъ въ гостиную, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что въ Біаррицѣ предполагался благотворительный концертъ, и комитетъ мечталъ о разрѣшеніи выставить на афишѣ, что г-жа Годфруа-Соваль споетъ главную арію Адоссидесъ. Послушать ее пріѣдутъ даже изъ Мадрида, и сборъ будетъ огромный. Годфруа призадумался, а г-жа Соваль спросила четырехъ депутатовъ съ величественнымъ видомъ королевы-матери:

— Развѣ вы не читали парижскихъ газетъ, господа? Онѣ утверждаютъ, что дочь моя потому вышла замужъ, что потеряла голосъ.

Въ гостиную вошла Женни, и узнавъ, въ чемъ дѣло, взглянула на мужа съ видомъ женщины, готовой сдаться. Ее прельщало это неожиданное развлеченіе, а также перспектива пѣть даромъ въ пользу бѣдныхъ послѣ того, какъ она пѣла за деньги для богатыхъ. Немедленно обсудили всѣ необходимыя подробности, и депутаты уѣхали въ восторгѣ. Въ послѣдующіе дни Годфруа просматривалъ свое произведеніе и проходилъ его съ женою. Къ счастію, Женни была въ голосѣ, какъ никогда. Г-жа Соваль тоже занималась дѣломъ: она настрочила нѣсколько писемъ и сама отнесла ихъ на почту.

Концертъ состоялся въ назначенный день. Списокъ лицъ благотворительнаго комитета, заключавшій въ себѣ съ дюжину именъ, принадлежащихъ ко всѣмъ европейскимъ аристократіямъ, завершался именемъ князя Кеменева, камергера двора. Женни имѣла самый оглушительный успѣхъ, о которомъ можетъ только мечтать артистка. Ея голосъ, талантъ, красота, изящество, туалетъ и умъ,—все превозносилось до небесъ. Она сразу стала любимицей самыхъ знатныхъ дамъ, въ большинствѣ случаевъ русскихъ, обращавшихся съ нею какъ съ равною. Кеменевъ, безукоризненно почтительный и сдержанный, еле поспѣвалъ представлять ей всѣхъ желающихъ. Онъ обладалъ одной изъ изящнѣйшихъ виллъ въ Біаррицѣ и былъ тутъ какъ у себя дома. Женни была черезчуръ умна и серьезна, чтобы успѣхъ этотъ могъ вскружить ей голову, но все же она не могла остаться вполнѣ равнодушной, особенно къ тому факту, что ее принимали въ самомъ лучшемъ обществѣ явно какъ свою. Всѣхъ приглашеній, посыпавшихся на супруговъ Годфруа, принять было немыслимо, но все же они пробыли въ Біаррицѣ болѣе недѣли, вмѣсто двухъ дней. Слишкомъ проницательная, чтобы не видѣть, что она отчасти обязана этимъ успѣхомъ искусной пропагандѣ Кеменева, она опасалась въ началѣ, какъ бы онъ не потребовалъ награды за свое рвеніе. Но князь Сергѣй Кеменевъ былъ настоящій баринъ во всемъ, какъ въ своихъ качествахъ, такъ и въ своихъ недостаткахъ, и презиралъ женщинъ только тогда, когда это было угодно имъ самимъ. Онъ хорошо ихъ зналъ; говорили, что въ эпоху его дебютовъ въ свѣтской жизни онъ имѣлъ счастіе встрѣтить достойную поклоненія красавицу, которая отвергла его, благодаря чему онъ пріобрѣлъ вѣру—если не въ добродѣтель женщинъ, то хотя бы въ возможность этой добродѣтели. Женни онъ полюбилъ серьезнѣе, чѣмъ любилъ другихъ, и скоро убѣдился, что не добьется ничего помимо женитьбы,—и онъ это сдѣлалъ бы, не рискуй она повредить его положенію при дворѣ.

Когда Женни вышла замужъ, онъ былъ въ отчаяніи, и стоило ему встрѣтиться съ нею, какъ страсть заговорила въ немъ съ прежнею силой. Но держалъ онъ себя съ нею такъ рыцарски почтительно, съ такимъ сдержаннымъ, деликатнымъ поклоненіемъ, что Годфруа, несмотря на воспоминанія прошлаго, почувствовалъ къ нему болѣе уваженія, чѣмъ ревности, и, уѣзжая изъ Біаррица, просилъ его навѣстить ихъ въ Померасѣ. Въ душѣ Годфруа побаивался, что проведенные въ Біаррицѣ шумные дни пробудятъ въ Женни влеченіе къ прошлой жизни; но когда онъ предложилъ ей продлить пребываніе здѣсь еще на нѣсколько дней, она отказалась и попросила вернуться домой горами, дальнѣйшимъ путемъ. Какъ она не забывала Патрика и въ Біаррицѣ, поджидая почты съ обычнымъ нетерпѣніемъ, такъ она не забывала его и среди грозныхъ горныхъ вершинъ. Когда наступилъ срокъ ея отвѣта ему, она просидѣла ночью два часа надъ письмомъ къ нему, несмотря на утомительную экскурсію, совершенную днемъ. На замѣчаніе мужа, что Патрикъ можетъ обойтись одинъ разъ и безъ письма, она отвѣчала:

— Нѣтъ, онъ не долженъ никогда думать, что *вы его забыли*.

Въ концѣ октября наступили первые холода, и имъ пришлось покинуть горы. Женни удивилась и огорчилась, увидавъ, какъ мужъ ея чувствителенъ къ этой перемѣнѣ температуры. Недомоганіе огорчило его самого, и онъ пожелалъ остаться на сутки въ По, гдѣ впервые со дня свадьбы оставилъ Женни одну на цѣлое утро. Когда онъ вернулся и она мило упрекнула его, онъ возразилъ:

— Почему вы не воспользовались этимъ свободнымъ временемъ, чтобы написать въ Алжирію?

Видя его мрачное настроеніе, она ничего не отвѣчала и даже не спросила его, гдѣ онъ собственно былъ, чѣмъ избавила его отъ необходимости солгать, ибо онъ далъ себѣ слово никому не говорить, что онъ провелъ утро съ нотаріусомъ и составилъ свое завѣщаніе.

Въ Померасѣ Годфруа обрѣлъ вновь солнце и тепло, но ни здоровье, ни душевное равновѣсіе, къ нему болѣе не вернулись. Г-жа Соваль сейчасъ поняла, что ему гораздо хуже, и стала ухаживать за нимъ еще нѣжнѣе. Какимъ-то чудомъ Кеменевъ узналъ, что хозяева Помераса вернулись, и оповѣстилъ ихъ о своемъ скоромъ посѣщеніи. Годфруа былъ недоволенъ, но теща ясно доказала ему, что онъ не можетъ не принять князя, оказавшаго имъ такое радушное гостепріимство въ Біаррицѣ. Если же это ревность съ его стороны, то это просто глупо, потому что Женни

не подавала ему на то ни малѣйшаго повода. Все же это развлеченіе для Женни. Она охотно оставила сцену, но вѣдь въ монахини она еще не записывалась. Годфруа сдался, и черезъ день Кеменевъ прикатилъ въ Померасъ въ фаэтонѣ, запряженномъ тысячными рысаками, на которыхъ проѣхалъ десять миль, не жалѣя великолѣпныхъ коней.

Какъ ни зорко слѣдилъ Годфруа за женой, говорившей съ княземъ, онъ не подмѣтилъ ровно ничего подозрительнаго. Женни казалась разсѣянною и бросала нетерпѣливые взоры въ сторону дубовой аллеи; а когда оттуда показалась синяя блуза и кожаная фуражка почтальона, она бросилась къ нему на встрѣчу. Вернувшись, она подала мужу письмо съ алжирской маркой и, улыбаясь князю, сказала:

— Извините, князь, это письмо отъ одного нашего друга, Патрика О'Фарреля, изъ Африки. Кажется, вы его знаете?

— Въ эту минуту я желалъ бы быть на его мѣстѣ...

И князь вѣжливо вступилъ въ бесѣду съ г-жей Соваль, покраснѣвшей со злости, а Женни, взявъ мужа подъ руку, принялась съ нимъ за чтеніе письма отъ изгнанника...

Князь зачастилъ въ Померасъ. Женни держалась съ нимъ дружески непринужденно, безъ тѣни кокетства. Между тѣмъ, Годфруа все болѣе омрачался; здоровье его окончательно расшатывалось, но онъ не обращалъ вниманія на тревожные симптомы. Въ Померасъ не разъ приглашали лучшаго доктора изъ По, утверждавшаго вслухъ, что визиты его безполезны, но предупредившаго г-жу Соваль, что болѣзнь сердца ея зятя дѣлаетъ большіе шаги. Годфруа почти не выходилъ изъ своей комнаты; характеръ его становился все нервнѣе, потому что его грызла тщательно скрываемая ревность. Каждый визитъ князя былъ для него пыткою, а между тѣмъ Кеменевъ становился понемногу другомъ дома. Годфруа терзался, слѣдилъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ словомъ князя и Женни. Самая переписка его жены съ Патрикомъ не казалась уже ему теперь такою невинною, какъ прежде. Онъ перечитывалъ письма Патрика, пытаясь прочесть какую-то тайну между строкъ. Иногда онъ воображалъ, что между ними существуетъ другая, секретная переписка,—но когда же Женни нашла бы для нея время, когда мужъ не оставлялъ ее ни на минуту одну? Дружба ея съ Кеменевымъ становилась все тѣснѣе и тѣснѣе, и въ ней было столько обаянія, что князь охотно поддавался ей, какъ бы забывая, что онъ прежде добивался другого. Посѣщенія князя, очевидно, вносили въ ея жизнь пріятное развлеченіе, и она принимала его съ нескрываемой ра-

достью. Годфруа сгоралъ на огнѣ любви и ревности и подчасъ пугалъ жену бѣшеными порывами страсти. Онъ покрывалъ ее безумными поцѣлуями, разражался еще болѣе безумными рѣчами, просилъ ея любви, упрекалъ, вспоминалъ *того*... того, кто завладѣлъ ея сердцемъ, и чьего имени она такъ и не назвала ему...

Онъ таялъ какъ свѣчка, и скоро докторъ сказалъ г-жѣ Совалъ, что зять ея черезчуръ страстно любитъ свою жену, а это ему вредно, и необходимо принять такія мѣры, чтобы онъ успокоился. Г-жа Совалъ пообѣщала доктору все, чего онъ желалъ, а сама только холодно слѣдила за разрушительнымъ физически и нравственно процессомъ. Но ее мучила одна тайная забота: несмотря на все возроставшее довѣріе къ ней, Годфруа всегда ловко уклонялся отъ всякаго разговора о завѣщаніи, какъ бы издалека ни начинала она свои подходы. Разрѣшеніе этой загадки таилось въ папкахъ нотаріуса города По, но она этого не знала. Она утѣшалась мыслью, что князь самъ богатъ, и, въ сущности, безразлично, кому ея зять завѣщаетъ свое состояніе.

VII.

Несмотря на всю свою ревность, Годфруа глубоко уважалъ жену и самъ себя упрекалъ за свое постыдное шпіонство. Но разъ онъ увидѣлъ слѣдующее: уѣзжая какъ-то изъ Помераса, Кеменевъ прощался съ Женни, собираясь сѣсть въ фаэтонъ, какъ вдругъ, поспѣшно осмотрѣвшись и не видя нигдѣ мужа, подсматривавшаго за нею изъ-за занавѣски окна своей комнаты въ верхнемъ этажѣ, молодая женщина вынула украдкой изъ кармана своего платья письмо и сунула его въ руку князя, спрятавшаго его съ быстротой, выдававшей привычку къ подобному манёвру. И не успѣлъ Годфруа опомниться, какъ фаэтонъ князя скрылся изъ вида. Не будь Годфруа такъ слабъ, онъ бросился бы къ вѣроломной женѣ, и неизвѣстно, что̀ бы тогда произошло, но крайняя слабость приковала его къ мѣсту. Разсудокъ одержалъ верхъ, и онъ понялъ, что если хочетъ накрыть виновныхъ, то необходимо притворяться. Цѣлую недѣлю слѣдилъ онъ неотступно за Женни, но ровно ничего подозрительнаго не замѣтилъ, вплоть до того дня, какъ пришла отъ князя записка, извѣщавшая о его визитѣ на слѣдующій день. На другой день Женни, обуреваемая очевиднымъ волненіемъ, взяла первую попавшуюся книгу, спустилась въ садъ и направилась къ дубовой аллеѣ. Годфруа послѣдовалъ за нею и скользнулъ въ кустарники, окайм-

лявшіе сплошными шпалерами аллею. Оттуда онъ слѣдилъ за женою; она шла медленно, опустивъ голову, грустная.

Но вотъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея послышался стукъ колесъ. Она обернулась, и убѣдившись, что никто ее не видитъ, сдѣлала знакъ, и подъѣхавшій фаэтонъ остановился. Изъ него вышелъ князь, приказалъ кучеру продолжать путь къ дому, почтительно поклонился Женни и сказалъ, передавая ей конвертъ, который она поспѣшила скрыть на груди.

— Вотъ отвѣтъ на ваше письмо.

— Боже! Какимъ я горю нетерпѣніемъ прочесть его! Но здѣсь я не смѣю этого сдѣлать: я вѣчно боюсь *его* появленія. *Онъ* слѣдитъ за каждымъ моимъ шагомъ, а самъ мучается...

И Женни поднесла платокъ къ глазамъ, а князь сказалъ, что жалѣетъ ее отъ всего сердца. Позволь онъ себѣ малѣйшій фамильярный жестъ, Годфруа, державшій въ рукахъ револьверъ, положилъ бы его на мѣстѣ. Но Женни и князь направились къ дому, не обмѣнявшись даже рукопожатіемъ. Передъ крыльцомъ дома имъ встрѣтилась г-жа Єоваль, и князь сейчасъ же вступилъ съ нею въ оживленный разговоръ, а Женни быстро ушла въ боковую, темную аллею изъ высокихъ кипарисовъ. Въ ту минуту, какъ она доставала письмо, передъ нею неожиданно выросъ мужъ съ такимъ искаженнымъ лицомъ, что она въ первую минуту приняла его за злоумышленника и вскрикнула.

— Отдайте мнѣ это письмо!—потребовалъ глухимъ голосомъ Годфруа.

Она вздрогнула и отступила. Онъ понялъ, что она собирается бѣжать, и зналъ, что преслѣдовать ее у него нѣтъ силъ, а потому рѣшился попугать ее... Онъ пригрозилъ ей револьверомъ, говоря, что не отступитъ ни передъ чѣмъ, чтобы завладѣть письмомъ.

— Я вижу,—сказала она, блѣднѣя отъ ужаса и тоски,—что вы считаете меня послѣднею изъ женщинъ. Такъ вотъ результатъ того, что̀ я сдѣлала! Боже, какая я несчастная!..—И она заплакала, но онъ хриплымъ голосомъ повторилъ свое требованіе. Она умоляла его успокоиться.—Бѣдный, дорогой другъ! возможно ли, чтобы онъ пересталъ уважать ту, которую любилъ?—Разумѣется, всѣ женщины вѣроломны, всѣ мужчины предатели, все въ жизни—сплошная ложь. Онъ хочетъ знать, какъ далеко зашелъ его позоръ... Такъ вотъ тотъ, кого она любитъ!.. Этотъ князь... Хорошо,—онъ убьетъ его, какъ убьетъ всякаго, кто посягнетъ на нее...

— Боже, какъ тутъ быть? — простонала она. — Ну, послу-

шайте: вы довѣряете моей матери. Идемте къ ней,—она при всѣхъ вскроетъ и прочтетъ это письмо. И если она вамъ поклянется, что эти строки—отвѣтъ, написанный честнѣйшей рукой на честный вопросъ...

— Я никому болѣе не довѣряю, — прервалъ ее Годфруа. Тогда Женни протянула ему письмо.—Богъ свидѣтель тому, что она сдѣлала все возможное! Да свершится судьба! При первомъ взглядѣ на конвертъ, Годфруа остолбенѣлъ: письмо было адресовано князю Кеменеву „для передачи г-жѣ Г.“.

Но вдругъ онъ узналъ почеркъ письма и вскричалъ съ гнѣвомъ и ужасомъ:

— О'Фаррель! это онъ!.. Онъ смѣется надо мною!.. Понимаю! Князь—не болѣе, какъ услужливый посредникъ. Но Патрикъ! Патрикъ!.. О! чаша скорби переполнена!..

Женни поблѣднѣла, глаза ея сверкнули негодованіемъ и гордой увѣренностью, и она сказала:

— Да, это отъ Патрика. Но повѣрьте мнѣ, прежде чѣмъ клеймить другихъ, прочтите его письмо...

Годфруа сталъ читать вслухъ:

„Я совсѣмъ убитъ. Возможно ли! не ошибается ли этотъ докторъ? Какъ могла до того усилиться эта роковая болѣзнь въ такой короткій срокъ? Развѣ онъ не былъ счастливъ? а мнѣ говорили, что счастіе продлитъ его жизнь. Благодарю васъ за то, что вы меня извѣстили,—я пріѣду. Я брошу все, лишь бы застать еще въ живыхъ его, моего дорогого друга, котораго я люблю больше, чѣмъ онъ это думаетъ, и для котораго я готовъ пожертвовать жизнью! Я далъ ему все, что̀ только могъ! Вы тоже великодушно уплатили свой долгъ. Богъ да вознаградитъ васъ за это!.. Выѣду я скоро, но все-таки мнѣ нужно здѣсь все устроить на время моей отлучки. Необходимо также найти какой-нибудь предлогъ и извѣстить его заранѣе о моемъ пріѣздѣ, чтобы не внушить ему подозрѣній, потому что я хочу, чтобы иллюзіи не покидали его до конца. Берегите его, и вы исполните свой долгъ вполнѣ. До скораго свиданія. Никому не понять, какой грустью переполнено мое сердце.—Патрикъ“.

Годфруа молча сложилъ письмо и вложилъ его обратно въ конвертъ съ такой осторожностью, точно это былъ отравленный кинжалъ. Теперь онъ былъ спокоенъ; черты лица его разгладились: смерть звала его къ себѣ. И, не глядя на Женни, онъ сказалъ:

— Уже! Я зналъ, что жить мнѣ остается не долго, но все же не предполагалъ, чтобы конецъ былъ такъ близокъ. Бѣдный

Патрикъ! Онъ и не подозрѣвалъ, когда писалъ эти строки, что подписываетъ мой приговоръ.

— Видитъ Богъ, я не виновата въ томъ, что вы прочли это,—сказала Женни, рыдая.

Онъ обнялъ ее и прижалъ къ себѣ, прося простить его. Вѣдь и умираетъ онъ отъ избытка любви къ ней. Немного терпѣнія. Тѣмъ лучше, что онъ теперь знаетъ правду,—отнынѣ онъ не станетъ никого терзать недовѣріемъ и несправедливостью; отнынѣ онъ вѣритъ, что бываютъ вѣрные друзья и благородныя сердца. Бѣдному Патрику незачѣмъ выдумывать теперь предлогъ.

Годфруа и Женни вошли, обнявшись, въ домъ, и Кеменевъ, ощущавшій глухое безпокойство, успокоился при видѣ улыбающагося и спокойнаго Годфруа. А когда князь уѣхалъ, Годфруа увелъ жену въ садъ и долго гулялъ съ нею по аллеямъ. Впервые разсказалъ онъ ей сегодня всю исторію своей жизни до встрѣчи съ нею, и добавилъ, цѣлуя ея руку:

— Я васъ люблю и я счастливъ. И если другъ нашъ... опоздаетъ, вы повторите ему прежде всего эти слова.

Вернувшись къ себѣ въ комнату, онъ написалъ дрожащимъ почеркомъ слѣдующія строки:

„Ты можешь пріѣхать *не придумывая предлога*, бѣдный другъ мой. Пріѣзжай скорѣе, прошу тебя. Мнѣ нужно *успѣть* переговорить съ тобою.—Годфруа“.

А затѣмъ онъ лишился чувствъ...

Подобное потрясеніе всегда тяжело, а Годфруа былъ уже очень слабъ, и, несмотря на все его мужество, неожиданная вѣсть о близости конца порвала въ немъ какія-то тайныя струны. Когда его привели въ себя, онъ пожелалъ остаться съ докторомъ наединѣ и спросилъ, сколько собственно ему остается жить? Докторъ сталъ увѣрять его, что это простой обморокъ, и тревожиться не стоитъ.—Ахъ, нѣтъ, не то! онъ не тревожится, но ему необходимо знать, сколько дней ему осталось жить? Недѣли двѣ?—Докторъ молчалъ.—Недѣлю?—Приблизительно...—Онъ пожелалъ еще узнать, мучительна ли будетъ смерть?—Нѣтъ, она наступитъ быстро.—Тогда больной попросилъ внушить его женѣ, что присутствіе ея опасно для него, и чтобы она не входила къ нему безъ его зова. Онъ не хотѣлъ омрачать ее некрасивыми предсмертными подробностями. Желаніе его было исполнено, и было рѣшено, что Женни будетъ приходить къ нему въ извѣстные часы. Передъ ея визитомъ всѣ лекарства прятались, комната провѣтривалась, Годфруа принаряжался съ помощью слуги и затѣмъ посылалъ его за нею. Если ему случалось чув-

ствовать приближеніе припадка во время ея визита, онъ всегда ссылался на желаніе соснуть, и она послушно уходила, притворяясь, что повѣрила ему, потому что докторъ просилъ избѣгать малѣйшаго волненія...

Прошло шесть дней съ того вечера, какъ Годфруа написалъ Патрику, и больной считалъ часы, терзаясь тайнымъ страхомъ, что Патрикъ опоздаетъ. А Женни, въ свою очередь, никому не говорила, что передала письмо мужа по телеграфу, опасаясь неаккуратности почты и выигрывая этимъ путемъ четыре дня.

Наконецъ, въ одинъ январьскій вечеръ, передъ домомъ послышался стукъ колесъ. Годфруа сидѣлъ у себя въ креслѣ; подлѣ него находились г-жа Соваль, такъ какъ Женни, уступая настояніямъ мужа, уѣхала прокатиться. Услыша этотъ стукъ, больной просіялъ: это О'Фаррель, и онъ проситъ оставить ихъ вдвоемъ. И черезъ минуту друзья крѣпко обнялись. Годфруа выразилъ удивленіе по поводу такого скораго пріѣзда друга, и тотъ отвѣчалъ, что выѣхалъ, получивъ его депешу.—Его депешу! Но онъ сейчасъ же догадался: она подумала и объ этомъ... И, держа другъ друга за руку, друзья говорили, говорили и не могли наговориться...

Былъ ли Годфруа счастливъ? Почти... Но слишкомъ дорого досталось его счастіе Патрику и ей. Онъ умеръ бы спокойнѣе, еслибы могъ знать... „любитъ ли ее Патрикъ? И его ли любитъ *она*“? За эти дни онъ все разбирался въ своей душѣ, и гордиться собою ему не пристало. Патрикъ можетъ сказать ему теперь всю правду: вѣдь тамъ, куда онъ уходитъ, нѣтъ ни упрековъ, ни ссоръ!.. Наконецъ, друзья умолкли, но Годфруа не выпускалъ руки Патрика изъ своей и ясно ощущалъ здоровое, равномѣрное біеніе пульса этой молодой жизни. Вдругъ пульсъ этотъ забился быстро-быстро, а за дверью послышался необычно громкій голосъ Женни.—Онъ пріѣхалъ?—Дверь тихонько распахнулась, и молодая женщина бережно переступила порогъ спальни больного. Подъ рукою Годфруа пульсъ Патрика мгновенно замеръ: отнынѣ тайна молодого человѣка принадлежала не ему одному. Патрикъ и Женни пожали другъ другу руку, обмѣнялись простымъ, спокойнымъ привѣтствіемъ, но Годфруа уже все зналъ, все понялъ: и жертву, слѣпо принятую имъ въ чаду страсти, и великодушную ложь этихъ двухъ существъ. Отнынѣ долгъ его былъ ему ясенъ, отнынѣ для него не существовало ни эгоизма, ни подозрѣній, ни ревности. Прежде чѣмъ покинуть этотъ міръ, онъ обезпечитъ счастіе другихъ. Но для этого ему надо было о многомъ поразмыслить. Ссылаясь на утомленіе, онъ

отослалъ Женни и Патрика гулять въ садъ.—Какъ? Годфруа оставлялъ его вдвоемъ съ Женни! Патрикъ понялъ, что кончина его друга близка! Передъ лицомъ смерти исчезала даже ревность.

На слѣдующее утро Годфруа сказалъ Патрику:

— Сегодня мнѣ немного лучше. Благодаря твоему пріѣзду, я спалъ ночью. Подумать только, что еслибы ты не пріѣхалъ, я... Но, съ Божіей помощью, на памяти моей не ляжетъ неизгладимое пятно эгоизма. Какъ могъ я допустить, пожелать и совершить всѣ эти жестокости! Ахъ, другъ мой! Нѣтъ ничего страшнѣе любви, потому что она не только доводитъ васъ до преступленій, но еще внушаетъ вамъ, что это—ваше право.

Патрикъ сталъ успокаивать его: онъ не совершилъ ничего несправедливаго.—Неужели? Патрикъ считаетъ, что Годфруа съ нимъ поступилъ по-дружески? Ну, все равно теперь, немножко терпѣнія!—Затѣмъ онъ поручилъ молодому человѣку съѣздить въ По, сходить къ нотаріусу Мобургé и привезти его съ собою. У нотаріуса этого хранится его завѣщаніе,—пусть онъ захватитъ его съ собою. Онъ можетъ вернуться къ пяти часамъ,—пусть же онъ спѣшитъ, потому что Годфруа будетъ ждать его съ страшнымъ нетерпѣніемъ. Патрику не хотѣлось оставлять его на цѣлые полъ-дня, и онъ предложилъ послать нотаріусу телеграмму.

— Ни за что! А если телеграмма не дойдетъ?.. Или нотаріуса не будетъ дома? А ты съумѣешь и отыскать, и привезти его. Послѣ свиданія съ нимъ у меня камень свалится съ души. Видишь ли, черезчуръ страстная и притомъ запоздалая любовь, это—большое несчастіе. Запомни эти слова, въ нихъ все мое извиненіе. А теперь обними меня, прикажи запрягать и отправляйся.

Они обнялись, и Патрикъ вышелъ, но пошелъ на станцію пѣшкомъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что г-жа Соваль была внѣ себя отъ тревоги и любопытства. Она проклинала близость Алжиріи и этого Патрика, становившагося поперекъ дороги князю, а отъ этой бесѣды друзей и ухода Патрика изъ дома не ждала ничего добраго. Шелъ онъ, очевидно, на станцію, но зачѣмъ? За докторомъ? Проще было бы послать лакея. Къ тому же, Годфруа сегодня лучше.

Тѣмъ временемъ Годфруа готовился къ утреннему визиту Женни. Но только-что туалетъ его былъ конченъ, какъ онъ почувствовалъ приступъ удушья. Лакей прямо бросился не за дочерью, а за матерью.

— О!.. теперь это конецъ!—стоналъ, задыхаясь, больной.—

Но не говорите женѣ... я не хочу, чтобы она видѣла мою агонію... Постарайтесь... чтобы я протянулъ еще нѣсколько минутъ... дайте бумаги и перо...

Припадокъ утихъ, но было ясно, что это—конецъ. Пробило 12 часовъ. До возвращенія Патрика оставалось еще пять часовъ. Годфруа призадумался и выслалъ лакея. Пробывъ минутъ десять наединѣ съ тещей, Годфруа попросилъ къ себѣ Женни и ласково заговорилъ съ нею. Его вниманіе привлекла роза на груди жены, и та подала ему цвѣтокъ, который онъ поднесъ къ губамъ. Въ эту минуту Женни замѣтила на его пальцѣ чернильное пятно.—Нечего сказать! стоило ему такъ долго возиться сегодня со своимъ туалетомъ! Она принесетъ ему сейчасъ воды и мыла, пусть онъ отмоетъ пятно. Но Годфруа обнялъ ее и задержалъ подлѣ себя.

— Оставьте это пятно, дорогая моя! Я выпачкалъ себѣ палецъ, оставляя послѣдній залогъ моей любви дорогимъ моему сердцу существамъ. Я хочу, чтобы они были счастливы послѣ моей смерти. Слышите, Женни,—не смывайте этого пятна! Пусть оно останется!

Но вдругъ его черты такъ страшно и такъ быстро исказились, что Женни поблѣднѣла отъ ужаса. Новый приступъ удушья сдавилъ ему горло. Онъ успѣлъ только прошептать:—Мой бѣдный Патрикъ! Какъ мнѣ хотѣлось бы дождаться его!..—Наступила небольшая пауза, затѣмъ онъ вздохнулъ, пролепеталъ:—Боже!..—и все было кончено...

Когда въ назначенный часъ Патрикъ и нотаріусъ вышли изъ вагона, они не нашли, къ своему изумленію, на станціи экипажа изъ Помераса. Погода стояла чудесная, и они дошли засвѣтло до Помераса пѣшкомъ. Никто не встрѣтилъ ихъ въ передней. Патрикъ попросилъ нотаріуса обождать въ гостиной и бросился наверхъ. Въ спальнѣ онъ нашелъ Годфруа распростертымъ на постели, уснувшаго послѣднимъ сномъ. Лицо было моложаво и спокойно. Въ рукахъ у него были крестъ и живая роза. И пока Патрикъ рыдалъ на колѣняхъ подлѣ этой постели, по другую сторону которой плакала Женни, г-жа Соваль, бѣгавшая пó дому, нашла въ гостиной незнакомаго господина. На ея нелюбезный вопросъ, кто онъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ—нотаріусъ; за нимъ посылалъ г. Антуанъ Годфруа.

— Г-нъ Годфруа умеръ,—отвѣчала она съ такимъ уничтожающимъ взглядомъ, что Мобурге́ пролепеталъ:

— Но... я въ этомъ не виноватъ. Я не потерялъ ни минуты...

— Мой зять посылалъ за вами?

— Да, за мной явился въ По его другъ... Я привезъ завѣщаніе...

— А развѣ завѣщаніе имѣется? Извините мой пріемъ, но знаете, въ такія минуты... Значитъ, мой бѣдный зять передалъ вамъ свою послѣднюю волю?

— Именно. А вы этого не знали?

— Ни я, ни моя дочь, ничего не знали. А можно?.. Или это не дозволено?

— Напротивъ. Въ завѣщаніи есть распоряженія по поводу похоронъ. Завѣщатель желаетъ быть погребеннымъ въ Померасѣ и воспрещаетъ всякую пышность и приглашенія. Состояніе же свое онъ завѣщаетъ цѣликомъ женѣ. Но если бы она пожелала вступить вторично въ бракъ, то она лишается наслѣдства, и оно переходитъ къ двумъ дальнимъ родственникамъ.

Нотаріусъ опасался какой-нибудь вспышки, но г-жа Соваль успѣла уже все мысленно взвѣсить и рѣшить, что для Кеменева деньги не имѣютъ значенія. Она спокойно положила въ карманъ свой еле-еле омоченный слезами платокъ, и подъ рукой ея въ карманѣ зашуршала бумага забытаго ею тамъ конверта, содержаніе котораго было ей неизвѣстно, и который былъ адресованъ не ей. Первымъ движеніемъ ея было разсказать Мобургé, изъ чьихъ рукъ и при какихъ особенныхъ обстоятельствахъ получила она эту таинственную бумагу, но обычная осторожность ея одержала верхъ, и она рѣшила не спѣшить.

Нотаріусу оставалось только откланяться.

VIII.

Десять мѣсяцевъ спустя, парижская квартира Женни вновь имѣла свой обычный видъ, только рояль не открывался, и молодая хозяйка, одѣтая въ глубокій трауръ, никогда не пѣла.

Патрикъ уѣхалъ обратно немедленно послѣ похоронъ. Странное дѣло! за все время печальной церемоніи, г-жа Соваль, отличавшаяся обыкновенно весьма крѣпкими нервами, привлекала всеобщее вниманіе своимъ растеряннымъ видомъ. Она точно боялась подойти къ гробу, точно опасалась, что оттуда послышится грозный голосъ. Въ Парижѣ она вновь обрѣла свое душевное равновѣсіе. Теперь у нея не было иной заботы, кромѣ отрѣзыванія купоновъ съ процентныхъ бумагъ, доставшихся ея дочери, и полученія по нимъ денегъ. Блаженство ея омрачалось

только мыслью, что бумаги эти могутъ перейти, въ одинъ прекрасный день, въ другія руки! Но тогда Женни будетъ княгиней, или... Рѣшительно, имѣть два выхода на выборъ—вещь прекрасная!

Но, несмотря ни на какія старанія, Женни до сихъ поръ ни разу не приняла князя и просила только одного: чтобы ее оставили въ покоѣ. Въ душѣ своей она носила трауръ не только по тому человѣку, что̀ покоился на кладбищѣ Помераса, но и по тому, что̀ скрывался въ алжирскихъ лѣсахъ. Она первая написала ему, и онъ отвѣтилъ ей, но потомъ письма его стали все рѣже и рѣже. Женни начинала думать, что онъ никогда не любилъ ея, и его настоящее, непонятное ей, равнодушіе страшною тяжестью ложилось на ея душу. Молодой женщинѣ было теперь 27 лѣтъ, и красота ея была въ полномъ расцвѣтѣ; но къ чему были ей въ эти минуты ея красота и богатство? За нѣсколько дней до первой годовщины смерти Годфруа, мать замѣтила ей, что имъ слѣдуетъ съѣздить въ Померасъ для панихиды. Удивленная въ душѣ такимъ вниманіемъ къ памяти покойнаго, Женни согласилась, и онѣ уѣхали. Когда дамы вышли изъ церкви послѣ окончанія службы, къ Женни подошелъ Кеменевъ, почтительно поздоровался съ нею и тотчасъ же уѣхалъ обратно въ Біаррицъ. Это почтительное вниманіе искренно ее тронуло, а потому, когда на слѣдующій день князь явился въ Померасъ и совершенно просто, но съ глубокимъ уваженіемъ, предложилъ ей свое имя, богатство и сердце, она почти не удивилась. Она сказала, что очень тронута, потомъ на мгновеніе призадумалась и продолжала:

— Я слишкомъ уважаю васъ, дорогой князь, чтобы не открыться вамъ вполнѣ. Окончательное рѣшеніе зависитъ не отъ меня. Клянусь вамъ, я сдѣлала все, что̀ могла, для счастія моего мужа, а между тѣмъ меня мучитъ мысль, что онъ умеръ несчастнымъ. Однако, во мнѣ никогда не было и тѣни преступной мысли. Между нами стояло только одно воспоминаніе, одинъ образъ, владѣвшій моей душой. Это какъ будто не много,—не такъ ли? Но я не отступлю ни передъ какой жертвой, чтобы избавить впредь другого и себя отъ одного года подобной пытки.

— Я вижу, что не ошибся въ васъ, и люблю васъ теперь еще сильнѣе. Я давно угадалъ вашу тайну, а потому поговоримте откровенно. Убѣждены ли вы, что Патрикъ О'Фаррель думаетъ о васъ?

Но это безразлично, разъ она о немъ думаетъ. Ничто не

заставить ее позабыть его. Напрасно предлагаетъ онъ ей роскошь и блескъ,—ничто не помѣшаетъ ей быть несчастной, пока она не потеряетъ иллюзіи. И вотъ что̀ она отвѣтитъ ему: согласенъ ли онъ ждать ее годъ?—Она выйдетъ за него черезъ годъ, если убѣдится, что *тотъ* ея не любитъ?—Да если она убѣдится, что и самъ князь все еще ее любитъ.—Князь принялъ ея условія, а Женни, въ тотъ же вечеръ, отправила Патрику длинное письмо, оканчивавшееся такъ:

„Я передала вамъ подлинныя, буквальныя слова князя Кеменева. Что же касается моего отвѣта, то знайте, что я попросила годъ на размышленіе, а также для того,—и не скрываю отъ васъ, что князь догадался, въ чемъ дѣло,—чтобы узнать ваше мнѣніе обо всемъ этомъ. Я не могу обойтись безъ того, потому что, несмотря на ваше теперешнее безучастіе къ моей судьбѣ, я не могу забыть, какую *значительную* роль вы играли однажды въ подобномъ же случаѣ. Что̀ мнѣ отвѣчать? Вы въ этомъ дѣлѣ судья вполнѣ компетентный. Вы знаете и князя, и меня. Прибавлю, что я не измѣнилась ничуть. Повторяю вамъ сегодня все то, что̀ уже говорила вамъ, хотя ваше теперешнее равнодушіе ко мнѣ подаетъ мнѣ мало надежды. Итакъ, если вы *посовѣтуете мнѣ выйти за князя*, я послѣдую вашему совѣту, ибо теперь надъ вами не тяготѣетъ никакой долгъ. Не думаю, чтобы у князя могли быть притязанія на вашу дружбу,—вы ничѣмъ ему не обязаны, и я могу вамъ поручиться, что онъ не застрѣлится отъ моего отказа. Словомъ, у васъ нѣтъ поводовъ приносить меня вторично въ жертву, если только вы не питаете особаго пристрастія къ роли жертвоприносителя. Отвѣтьте мнѣ только по зрѣломъ размышленіи,—время терпитъ. Вы вторично держите въ своихъ рукахъ судьбу и счастіе бѣдной женщины. Конечно, это вещь маловажная, но не можете же вы смотрѣть на эту женщину какъ на первую встрѣчную, если только вы не забыли ея совсѣмъ“.

Письмо это подняло цѣлую бурю въ сердцѣ Патрика. Онъ любилъ ее по прежнему, но до того ушелъ весь въ работу, что достигъ если не забвенія, то какого-то душевнаго оцѣпенѣнія. Письмо Женни вновь разбередило его рану. Она вторично звала его, вторично отдавалась ему. Что̀ ему отвѣчать? Онъ чуть не написалъ ей, что она должна выйти не за князя, котораго она не любитъ, а за него, любимаго ею и любящаго ее съ самой первой встрѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ раздѣляло ихъ теперь? только его клятва... Но развѣ смерть не освобождала его отъ нея? Развѣ мертвый, которому *тамъ* ничего не нужно, можетъ

сохранять какія-то права на волю живого существа?—Патрикъ провелъ лихорадочную, безсонную ночь, взывая къ умершему другу...

Выбившись изъ силъ, онъ заснулъ подъ утро, а когда проснулся, то солнце было уже высоко. Ночью въ Тэлахъ прибылъ отецъ Хризостомъ. Узнавъ объ этомъ, Патрикъ бросился къ нему и увлекъ его къ себѣ, заперъ за собою дверь и заговорилъ. Въ первое свое знакомство съ нимъ, онъ повѣрилъ ему свою тайну, и если не возвращался болѣе къ ней, такъ потому, что думалъ цѣною молчанія купить забвеніе. Но напрасно... А теперь вотъ что̀ случилось. Годъ тому назадъ мужъ *ея* умеръ. Отецъ Хризостомъ помнитъ, что въ то время Патрикъ отлучался во Францію... И вотъ передъ самымъ концомъ умирающій другъ его разгадалъ его тайну...

Миссіонеръ вздохнулъ и сказалъ, печально опуская глаза:

— Какъ, должно быть, сладко было убѣдиться передъ смертью въ великодушіи друга! Значитъ, теперь вы будете вознаграждены, сынъ мой?

— Да, отнынѣ любимая имъ женщина свободна. За нее сватается знатный милліонеръ, но она зоветъ его, Патрика, она любитъ его и обрекаетъ себя на бѣдность, чтобы стать его женой... Но на его горе, въ одну роковую минуту, внѣ себя отъ одного жестоваго упрека друга, обвинявшаго его въ гнусномъ разсчетѣ, онъ поклялся никогда не жениться на этой женщинѣ, даже если смерть ея мужа освободитъ ее.

— Бѣдныя дѣти!.. Жалѣю васъ всей душой!

Значитъ, отецъ Хризостомъ полагаетъ, что Патрикъ связанъ навсегда своей клятвой?—Разумѣется, ибо всякая клятва священна.—Но вѣдь это разбиваетъ два сердца?.. Поступилъ ли бы онъ самъ такъ же? Наконецъ, имѣлъ ли онъ, Патрикъ, право давать подобную клятву?

— Нѣтъ, ибо Господь повелѣваетъ клясться Ему одному. Посовѣтуйтесь вы со мною, когда было еще время, я сказалъ бы вамъ: „не клянитесь"!.. А поступилъ ли бы я самъ такъ же?.. Я сдѣлалъ больше... Вы клялись живому, а я далъ клятву передъ распростертымъ у моихъ ногъ, бездыханнымъ тѣломъ друга. Погибъ онъ изъ-за моего вѣроломства и проклялъ меня передъ смертью! Жалость, угрызенія совѣсти и ужасъ охватили мою душу. И я тоже далъ клятву, и если теперь я тутъ, въ бѣдномъ монашескомъ платьѣ, вдали отъ всѣхъ, кого я зналъ... и любилъ... такъ это потому, что я сдержалъ обѣтъ, данный мертвому. Сомнѣваетесь ли вы еще, сынъ мой?

Патрикъ схватилъ монаха за руку: онъ еще не знаетъ

всего. За часъ до смерти, его несчастный другъ, очевидно, раскаялся во всемъ. Онъ хотѣлъ измѣнить свои распоряженія, возвратить ему данное слово,—Патрикъ прочелъ это въ его глазахъ. Но увы! смерть помѣшала ему!..—Монахъ протестовалъ: кому можетъ быть вѣдома его предсмертная воля?.. Состарѣвшись, онъ самъ будетъ удивляться тому, что такъ мучился изъ-за такой мимолетной вещи, какъ женская красота! Какъ! онъ добровольно пожертвовалъ своей любовью, чтобы не видѣть мученій живого человѣка, а теперь хочетъ обречь на вѣчную муку душу умершаго!..—И въ тотъ же вечеръ Патрикъ отвѣчалъ Женни:

„Совѣтую вамъ принять предложеніе князя. Можно ли тутъ колебаться? Кто можетъ дать вамъ то, что̀ предлагаетъ князь? Вы будете счастливы съ нимъ. Онъ доказалъ вамъ свою любовь, и я глубоко его уважаю. Будьте же счастливы,—таково пожеланіе вашего преданнаго друга“.

И Женни дала согласіе князю. Дѣло было раннею весной. Помолвку было рѣшено сохранить въ тайнѣ, обвѣнчаться въ Померасѣ и сейчасъ же уѣхать въ Петербургъ. Но эта новость, разумѣется, благодаря стараніямъ г-жи Соваль, попала въ газету и дошла до Парижа, гдѣ она стала событіемъ дня. Газеты же принесли эту вѣсть Патрику, и онъ печально улыбнулся при мысли, что она даже не извѣстила его сама. Очевидно, она употребляла всѣ усилія, чтобы возненавидѣть его... Но что̀ случилось бы,—явись онъ вдругъ къ ней и предложи ей бросить князя и его милліоны, чтобы слѣдовать за нимъ въ пустыню!..

Между тѣмъ, князь до того торопился, что скоро наступилъ день подписанія брачнаго контракта. Было чудное апрѣльское утро. Женни задумчиво слушала чтеніе контракта; а когда пришла ея очередь подписаться подъ нимъ, Кеменевъ перехватилъ у нотаріуса перо и самъ обмакнулъ его въ чернильницу. При этомъ онъ нечаянно выпачкалъ себѣ палецъ въ чернилахъ, а когда онъ протянулъ перо Женни, то это свѣжее чернильное пятно внезапно бросилось ей въ глаза, и она вздрогнула, глухо вскрикнула и снова упала въ свое кресло, близкая къ обмороку. И странное дѣло!—видъ этого чернильнаго пятна привелъ г-жу Соваль въ ужасъ. Пока князь, изумленный произведеннымъ впечатлѣніемъ, вытиралъ себѣ палецъ, Женни встала и направилась нетвердой походкой къ двери, прося мать послѣдовать за нею. Женни прошла прямо въ бывшую спальню Годфруа, заперла за собою дверь и спросила съ ледянымъ спокойствіемъ:

— Помните вы *его* смерть? У *него* тоже было на пальцѣ чернильное пятно... Развѣ *онъ* писалъ что-нибудь?

— Разумѣется,—отвѣчала ея мать, и вѣки ея дрогнули.—Но что же изъ этого?

— Я хотѣла бы знать, что̀ онъ писалъ?

— Право, не знаю,—отвѣчала г-жа Соваль самымъ естественнымъ тономъ, но Женни настаивала. Она напомнила, что мать ея была при Годфруа, когда тотъ писалъ свои послѣднія строки, и потребовала у нея объясненія. Г-жа Соваль сразу рѣшилась.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—сказала она совершенно спокойно:— за часъ до смерти твой мужъ захотѣлъ повидаться со своимъ нотаріусомъ и послалъ за нимъ въ По графа О'Фарреля. Должно быть, онъ хотѣлъ смягчить свое завѣщаніе, но ты помнишь, что, къ несчастію, смерть поразила его очень быстро. Очевидно, онъ выпачкалъ себѣ палецъ, когда писалъ нотаріусу.

Женни задумалась. Ей вспомнились предсмертныя слова мужа о чернильномъ пятнѣ... Объясненіе ея матери было правдоподобно, но не удовлетворяло ее. Суевѣрный страхъ овладѣлъ ею, и когда мать ея спросила, понимаетъ ли она теперь, въ чемъ дѣло, она возразила, что поняла: — покойный мужъ только-что выразилъ ей свою волю! Онъ не желалъ, чтобы она подписывала брачный контрактъ теперь и въ томъ самомъ домѣ, гдѣ онъ скончался... И она настояла на своемъ, сама переговорила съ княземъ, заставила его согласиться на трехмѣсячную отсрочку, и на другой же день выѣхала съ матерью въ Парижъ.

IX.

Въ первое же воскресенье послѣ ея пріѣзда въ Парижъ, на каѳедрѣ церкви св. Августина появился незнакомый проповѣдникъ, высокій священникъ съ сѣдой бородой. На груди его темной рясы ярко выступала широкая красная лента съ золотымъ крестомъ. Красивый и величественный старикъ возбудилъ въ толпѣ симпатію и любопытство, а какъ только онъ началъ говорить, Женни, погруженная въ молитву, вздрогнула и впилась въ него глазами. Горячо и краснорѣчиво повѣствовалъ проповѣдникъ о трудахъ алжирскихъ миссіонеровъ и приглашалъ вѣрующихъ протянуть руку помощи ихъ далекимъ, неимущимъ ближнимъ. Когда онъ сталъ обходить затѣмъ молящихся и дошелъ до Женни, она опустила въ его сумку снятый ею съ руки скромный золотой обручъ и свою визитную карточку, прося миссіонера принести ей обратно этотъ браслетъ, за который она

дастъ ему крупный выкупъ для его бѣдныхъ. Весь день потомъ она думала о Патрикѣ, припоминала его разсказы о своемъ другѣ, святомъ миссіонерѣ, спрашивая себя, не онъ ли это?

Когда на другой день ей доложили, что ее спрашиваетъ отецъ Хризостомъ, она поняла, что это онъ и есть, и ее охватило страшное волненіе. И если бы, войдя въ гостиную, гдѣ она ждала его, миссіонеръ не сталъ шарить въ карманѣ, отыскивая ея браслетъ, завернутый въ клочокъ газеты, онъ замѣтилъ бы ея волненіе. Чтобы успѣть оправиться, она подошла къ своему бюро, достала изъ него нѣсколько золотыхъ и вернулась къ миссіонеру, который протянулъ уже руку, горячо благодаря ее за своихъ бѣдныхъ и торопясь, очевидно, уйти. Но это не входило въ разсчеты Женни. Она взяла стулъ и сѣла, не выпуская золотыхъ изъ рукъ; а потому пришлось присѣсть и ему. Наступило неловкое молчаніе, и первымъ заговорилъ миссіонеръ съ непринужденностью истинно свѣтскаго человѣка.

— Я разскажу исторію вашего браслета моимъ бѣднымъ алжирскимъ дѣтямъ. Вы не можете себѣ представить, какъ подобные примѣры трогаютъ ихъ и научаютъ любить Францію. Имъ такъ часто приходится видѣть печальныя вещи!..

— Да, я слыхала, что миссіонеры не всегда довольны нравственной поддержкой нашихъ алжирскихъ или другихъ колонистовъ.

— О, нѣтъ,—горячо возразилъ миссіонеръ:—это просто дурная привычка парижанъ составлять себѣ издали непоколебимое мнѣніе о незнакомыхъ имъ вещахъ. Конечно, среди нашихъ эмигрантовъ попадаются сомнительныя личности, но встрѣчаются и такіе люди, дружбу которыхъ я считаю для себя честью. Напримѣръ, у меня есть другъ, исторія котораго навѣрное тронула бы васъ.

— Разскажите мнѣ эту исторію, отецъ мой!—сказала она, вся дрожа отъ волненія:—я дорого заплачу за каждую пролитую слезу въ пользу вашихъ бѣдныхъ.

— Предложеніе ваше прельщаетъ меня... Другъ мой,—позвольте мнѣ умолчать объ его имени;—это молодой отшельникъ, живущій одиноко въ лѣсу...

— Гдѣ онъ оплакиваетъ свои грѣхи?

— Нѣтъ, онъ слѣдитъ за рубкой лѣса. Но если бы я могъ разсказать вамъ всю его исторію, вы увидѣли бы, какъ онъ глубоко, безнадежно несчастенъ...

— Въ чемъ же дѣло? несчастная любовь?

— Да, но потому, что онъ добровольно принесъ свою лю-

бовь въ жертву дружбѣ, притворялся равнодушнымъ тогда, когда сердце его обливалось кровью; чтобы не поддаться слабости, онъ уѣхалъ и ищетъ теперь забвенія въ трудѣ.

— И... онъ нашелъ это забвеніе?

— Нѣтъ... Но исторія моя только начинается. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ женитьбы, другъ его, невольная причина всего несчастія, захворалъ и умеръ. Вы, конечно, думаете, что эти два сердца, по прежнему любящія другъ друга, могутъ теперь соединиться?

— Почему же нѣтъ?

— Здѣсь-то и начинается драма, почти неправдоподобная для тѣхъ, кому невѣдомы бури страсти, ея терзанія и эгоизмъ. Подобно скупцамъ, желающимъ быть погребенными со своими сокровищами, несчастный усопшій, обуреваемый мучительными подозрѣніями, терзаемый заранѣе загробной ревностью, вынудилъ у друга клятву, которою тотъ навсегда приносилъ себя въ жертву. Онъ поклялся, что эта женщина, это яблоко раздора между его другомъ и имъ, останется ему чуждою на вѣки, даже если смерть даруетъ ей свободу.

— Онъ поклялся! Но по какому праву далъ Патрикъ эту клятву? По какому праву?..—вскричала Женни, вся блѣдная отъ волненія.

— Боже мой! Вы знаете его? вы знаете его имя?.. вы..

— Увы! вотъ уже два года, какъ я люблю его и какъ душа моя терзается этой загадкой!.. Теперь я все поняла. Какъ я мучилась! Какъ боролась! Простите мнѣ мою хитрость съ вами! Пожалѣйте меня, какъ пожалѣли вы Патрика О'Фарреля! Бѣдный, бѣдный другъ! Чтò онъ надѣлалъ!..

Наступило молчаніе. Женни спросила, считаетъ ли отецъ Хрисостомъ Патрика связаннымъ клятвой, и получивъ утвердительный отвѣтъ, — разразилась упреками памяти покойнаго мужа. Конечно, святой отецъ станетъ убѣждать ее простить его, какъ и всѣ другіе священники? Удивленная, что миссіонеръ ничего не отвѣчаетъ, она взглянула на него и увидала, что старикъ впился глазами въ портретъ на стѣнѣ и, видимо, не слышитъ ея. Выраженіе лица его до того ее поразило, что она позабыла о собственномъ горѣ, и сказала:

— Это портретъ моей матери.

Онъ съ трудомъ отвелъ отъ портрета глаза, и произнесъ съ трудомъ:—Дочь моя...—Затѣмъ перевелъ духъ и продолжалъ: —Будемъ прощать мертвымъ, дабы и они простили насъ. Но прощаютъ ли они? И какъ узнать это?

Страшно блѣдный, точно внезапно постарѣвшій на десять лѣтъ, онъ всталъ. Было ясно, что онъ думаетъ лишь о томъ, чтобы ему поскорѣе уйти.

— Вы уже покидаете меня!—вскричала Женни.—Развѣ я сказала что-нибудь оскорбляющее васъ? Господь, читающій въ моемъ сердцѣ, знаетъ, что мнѣ не за что краснѣть. Почему не хотите вы выслушать меня?

— Одинъ Господь можетъ исцѣлить вашу душу. Я навсегда распростился съ міромъ и его суетою. Вы вернули меня къ нему, но я прощаю вамъ вашу хитрость. А между тѣмъ, если бы вы знали, какъ жестоко наказанъ я за то, что покинулъ пустыню! Зачѣмъ послали меня сюда тѣ, кому я обязанъ повиноваться!

Женни слушала его, ничего не понимая. Вдругъ онъ взглянулъ на нее, положилъ руку на ея золотистые волосы и мягко сказалъ:

— Господь да благословитъ васъ, дочь моя! Да простятся намъ всѣмъ грѣхи наши и да снизойдетъ на насъ миръ!

И онъ исчезъ, а вслѣдъ за нимъ въ гостиную вошла г-жа Соваль, только-что вернувшаяся откуда-то домой.—Что это за священникъ повстрѣчался ей въ передней? Онъ такъ робко прижался къ стѣнѣ, не поднимая глазъ, что она успѣла замѣтить только прекрасную сѣдую бороду.

Женни заперлась у себя и продумала весь день надъ всѣмъ услышаннымъ. Все поведеніе Патрика было ей теперь понятно, и она говорила себѣ, что человѣкъ, способный на такое самоотверженіе, долженъ быть ея мужемъ. Она стала припоминать все прошлое по порядку, внимательно обдумывая всѣ когда-либо поразившія ее подробности. И все болѣе укоренялось въ ней убѣжденіе, что Годфруа хотѣлъ уничтожить препятствіе между своей женой и другомъ. Она помнила эпизодъ чернильнаго пятна: онъ говорилъ, что выпачкалъ себѣ палецъ потому, что заботился о счастіи дорогихъ ему существъ. Что же онъ написалъ? Письмо къ нотаріусу, какъ утверждаетъ ея мать? Но давно уже Женни научилась понимать свою мать, и знала, что та не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы обезпечить дочери то положеніе и богатство, о которыхъ она такъ давно мечтала. А если она солгала? Если Годфруа писалъ не нотаріусу, а взялся за перо уже послѣ отъѣзда Патрика, чувствуя, что минуты его сочтены! И если онъ довѣрилъ эти предсмертныя строки ея матери! Онъ такъ довѣрялъ ей! А вдругъ та осмѣлилась!.. Вѣдь подобная бумага уменьшала шансы князя. И Женни припомни-

лось выраженіе ужаса на лицѣ матери, когда она отказалась подписать брачный контрактъ. Женни чуть-было не бросилась къ матери, но потомъ благоразумно воздержалась. Развѣ она способна отступить, зайдя такъ далеко, и выдать правду? *Да и существуетъ ли еще эта бумага?* Вѣдь стоило поднести ее къ зажженной свѣчкѣ!.. Вдругъ въ головѣ ея мелькнула одна мысль. Она поспѣшно набросала нѣсколько строкъ, одѣлась, отнесла сама письмо на почту, и на слѣдующій день получила изъ По, отъ нотаріуса Мобургé, телеграмму такого содержанія:

„Вашъ мужъ не писалъ мнѣ никакого письма. Другъ его явился ко мнѣ съ устнымъ порученіемъ, я это отлично помню. Бумаги этой у меня не имѣется, а я тщательно сохраняю малѣйшія записки отъ своихъ кліентовъ“.

Женни чуть не лишилась чувствъ. Мать ея солгала,—это ясно. Годфруа передъ смертью возвратилъ Патрику его слово—вѣдь одно это могло „дать счастіе другимъ послѣ его смерти“. Помочь ей могъ одинъ отецъ Хризостомъ, и она бросилась его искать. Съ трудомъ справляясь о немъ по всѣмъ церквамъ и монастырямъ, нашла она его на другой день въ скромной часовенькѣ отдаленнаго квартала. Онъ молился на колѣняхъ, но какъ только увидѣлъ ее, измѣнился въ лицѣ и спросилъ, чтò случилось?

— Вы одинъ можете помочь мнѣ, отецъ мой.

Онъ вздрогнулъ, глубоко вздохнулъ и попросилъ ее высказаться. Когда она кончила, онъ прошепталъ:—Мать передала ей свою неумолимую логику, но и только, благодарю Тебя, Господи! Какое вѣрное, благородное сердце!

— Я беру все на себя, — сказалъ онъ вслухъ. — Я буду завтра у вашей матери, съ которой мнѣ необходимо поговорить наединѣ. Никто не долженъ слышать насъ. Прощайте... Бѣдный миссіонеръ благословляетъ васъ.

— До свиданія, отецъ мой!

— *Прощайте*!—настойчиво повторилъ старикъ, и когда она ушла, онъ снова обратился къ Богу съ горячей мольбой:—Я не искалъ этого счастія, Господи, но не ставь ея болѣе на моемъ пути, дабы я полнѣе могъ искупить свое великое преступленіе! Но пусть она—это дорогое дитя, ничѣмъ не оскорбившее Тебя, Господи, будетъ счастлива на землѣ!

А когда на слѣдующее утро г-жа Соваль, не любившая священниковъ, принуждена была принять настаивавшаго на этомъ отца Хризостома, онъ взглянулъ на нее, съ первыхъ же словъ, такимъ блестящимъ, властнымъ, не новымъ для нея взглядомъ,

что она сразу смѣшалась... Теперь она видѣла, какіе у него глаза... Когда-то она испытала на себѣ чары этихъ черныхъ глазъ, метавшихъ теперь на нее такія молніи! Но она еще сомнѣвалась. То было такъ давно! Но стоило ей услыхать звукъ его голоса, какъ сомнѣнія ея исчезли, ноги подкосились, она упала въ кресло и пролепетала:

— Чего вы отъ меня хотите?

— Той бумаги, что̀ довѣрилъ вамъ Годфруа на своемъ смертномъ одрѣ. Я жду. Принесите ее.

— Какую бумагу?—смѣло отвѣчала она:—Что̀ это значитъ? И по какому праву говорите вы со мною такъ дерзко? Что̀ сказали бы ваши начальники, если бы могли знать, гдѣ вы теперь и что̀ дѣлаете?

— Я благодарилъ бы небо, если бы у меня не было никакихъ правъ. Но это уже дѣло моей совѣсти. А если вы хотите отдѣлаться отъ моего непріятнаго присутствія,—вамъ стоитъ лишь повиноваться.

— Кто васъ послалъ?

— Я пришелъ отъ имени покойнаго мужа... вашей дочери.

— Вы знали моего зятя?

— Что̀ вамъ до этого? Я требую отъ его имени довѣренныя вамъ имъ предсмертныя строки. Берегитесь мщенія мертвеца!

— Вы ошибаетесь,—отвѣчала она, дрожа всѣмъ тѣломъ:—у меня нѣтъ никакой бумаги. Впрочемъ, съ какой стати считаете вы меня способной обмануть довѣріе...

— Довольно притворяться. Я знаю васъ. Но вы мужественнѣе меня. Вотъ двадцать лѣтъ, какъ я лишился сна, потому что передъ моими глазами неотступно носится образъ окровавленнаго лица человѣка, болѣе близкаго вамъ, чѣмъ Годфруа. Какимъ образомъ не боитесь вы вѣчно проклятія самоубійцы?

— Онъ умеръ смертью храбраго солдата...

— Если такъ, то я разскажу вамъ, ка̀къ онъ умеръ,—тогда вы перестанете притворяться... Разъ вечеромъ ко мнѣ вошелъ вашъ мужъ. Непріятель былъ близко и назавтра ждали боя. —„Генералъ, сказалъ онъ мнѣ,—одинъ изъ моихъ товарищей, думая разсказать мнѣ потѣшную исторію, и не подозрѣвая, какую почетную роль я въ ней играю,—случайно доказалъ мнѣ, что вы—подлецъ, обманщикъ, вѣроломный другъ. Я знаю теперь, что ваша милость ко мнѣ и мое повышеніе—цѣна моего позора. Я знаю, что жену мою заѣло тщеславіе, и что дочь моя—чужая мнѣ. Все погибло для меня въ нѣсколько минутъ. Какое мнѣ

теперь дѣло до міровыхъ событій, до пораженій и побѣдъ? Отнынѣ я дорожу только одной, оставшейся неприкосновенной—честью! своей честью солдата. Вотъ почему я васъ и не убью. Въ данную минуту это было бы незаконной местью и преступленіемъ противъ отечества. Я хочу умереть достойнымъ своего мундира. Да падетъ моя кровь на васъ, ибо ваша рука предупредила вражескія пули. Вы—убійца офицера Соваля“! Я подумалъ, что онъ помѣшался, хотя слова его были для меня слишкомъ ясны. Стыдъ и удивленіе не давали мнѣ говорить. Онъ швырнулъ на мой столъ запечатанное письмо, и еще теперь я слышу тотъ смѣхъ, съ которымъ онъ сказалъ тогда: „Никто лучше васъ не можетъ доставить эту записку по адресу. Но не заблуждайтесь, генералъ. Вы ничуть не счастливѣе меня: *она* обманываетъ и васъ! Подробности вы можете разузнать отъ того же товарища, который мнѣ открылъ глаза“. Черезъ мгновеніе онъ упалъ къ моимъ ногамъ съ прострѣленной головой. Клянусь, что онъ былъ не въ здравомъ разсудкѣ, иначе никогда не покончилъ бы онъ съ собою наканунѣ сраженія... Мнѣ удалось спасти отъ позора хоть его память. Одинъ я да помогавшій мнѣ офицеръ знали тогда, что Соваль палъ не на полѣ брани. Но теперь я знаю это одинъ, потому что второй свидѣтель былъ убитъ на другой же день. Я искалъ смерти, но она пощадила меня. Я отправилъ вамъ письмо покойнаго и скрылся самъ послѣ окончанія войны. И если я теперь являюсь къ вамъ, то будьте увѣрены, что я съумѣю добиться своей цѣли. Довольно одного прогнѣваннаго мертвеца...

И видя, что г-жа Соваль остается неподвижной, монахъ добавилъ грознымъ голосомъ:

— Клянусь вамъ, что и князь Кеменевъ, и Патрикъ О'Фаррель, узнаютъ, съ какой святотатственной дерзостью вы утаиваете послѣднюю волю Годфруа. Мертвыхъ вы не боитесь, такъ берегитесь живыхъ!..

Она поняла, что дальнѣйшее сопротивленіе безполезно, и передала ему требуемую бумагу. Онъ развернулъ ее только на улицѣ, прочелъ нѣсколько строкъ, начертанныхъ дрожащимъ почеркомъ, и радостно вздохнулъ. Строки были слѣдующія:

„Если моя возлюбленная жена выйдетъ замужъ вторично и притомъ за Патрика О'Фарреля, то я отмѣняю тотъ параграфъ моего завѣщанія, которымъ лишаю ее наслѣдства. Этимъ я хочу доказать, что желаю этого брака и совѣтую его, потому что онъ обезпечитъ счастіе самыхъ дорогихъ для меня существъ. Да простятъ они мнѣ и да сохранятъ ко мнѣ добрую память“.

Г-жа Соваль сохраняла эту записку, потому что на случай несчастія съ княземъ (всѣ мы смертны!) Патрикъ являлся для Женни вполнѣ возможнымъ мужемъ. Отецъ Хризостомъ сразу разгадалъ ея тайныя побужденія, и отвращеніе къ прошлому овладѣло имъ. Богъ каралъ его до конца, показавъ, какой недостойной женщиной онъ увлекался.

Въ тотъ же день Женни получила по почтѣ странное посланіе: то была вырванная изъ молитвенника страница съ псалмомъ: „Nunc demittis". Внизу были написаны два слова! „Аллилуія! Ждите"!..

И она стала ждать, зная, что любима и скоро соединится съ любимымъ человѣкомъ. Изъ словъ матери она поняла, что та собирается покинуть Францію, и не удерживала ее, понимая, что дальнѣйшая совмѣстная жизнь съ нею невозможна.

Черезъ двѣ недѣли Патрикъ вернулся, и счастіе жениха и невѣсты было омрачено только отказомъ отца Хризостома пріѣхать къ нимъ изъ Алжиріи на свадьбу. Онъ привезъ туда Патрику посмертную записку Годфруа, но приглашенія Патрика пріѣхать на свадьбу не принялъ. На письмо его онъ отвѣчалъ, къ ихъ удивленію, не ему, а Женни. Онъ писалъ:

„То, чего вы у меня просите, было бы слишкомъ большой радостью для старика, который долженъ спѣшить искупать свои великія прегрѣшенія; никакая эпитимія не можетъ сравниться съ приносимой мною теперь жертвой,—молю Господа принять ее. Никогда не узнаете вы, отъ какого счастія я отказываюсь. Если молитва моя будетъ услышана, вы будете вдвое счастливѣе отъ этого. Будьте же счастливы! А вы, дочь моя (эти два слова еле можно было разобрать,—до того дрожала писавшая ихъ рука), не забывайте, что вамъ слѣдуетъ ежедневно молиться за двоихъ усопшихъ, а скоро и за троихъ".

Новобрачные уѣхали въ это время въ Померасъ. Разъ утромъ пришла по обыкновенію почта. Только - что графиня О'Фаррель стала читать небольшое письмо изъ Румыніи, какъ ее прервало громкое восклицаніе мужа. Онъ протягивалъ ей нераспечатанный конвертъ, надписанный его собственной рукой и адресованный въ Тэлахъ, на имя *отца Хризостома*—„для передачи ему при первомъ его посѣщеніи". Подъ именемъ миссіонера рукой почтоваго чиновника было приписано одно слово: „Скончался".

Ю. З—а.

ВЕЛИКАЯ БОРЬБА

въ

СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ

Наблюденія и замѣтки.

Трудно преувеличить значеніе и важность происходящей въ настоящее время на всемъ пространствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ борьбы по поводу внѣшней политики Союза,—борьбы, окончательный исходъ которой не можетъ не повліять самымъ существеннымъ образомъ на будущую исторію всего цивилизованнаго міра. Будь Союзъ не той—естественно и искусственно-изолированной отъ обще-міровыхъ политическихъ интересовъ страной, какою онъ былъ со времени своего основанія,—тѣ богатства и могущество, которыхъ онъ достигъ въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, давно бы неизбѣжно сдѣлали его однимъ изъ самыхъ серьезныхъ факторовъ въ практическихъ результатахъ міровой политики послѣдняго времени. Вопросъ заключается въ томъ: держаться ли ему этой изолированности и въ будущемъ, довольствуясь только нравственнымъ вліяніемъ олицетворяемыхъ союзныхъ принциповъ, или открыто выступить на міровую арену въ качествѣ новой завоевательно-колоніальной державы, на подобіе всѣхъ другихъ современныхъ сильныхъ европейскихъ государствъ; или—держаться безусловно священныхъ принциповъ „Декларацiи Независимости“ и конституціи Союза, неизмѣнная вѣрность которымъ въ теченіе цѣлаго столѣтія съ четвертью такъ рельефно отличала Америку отъ всѣхъ дру-

гихъ странъ; или—покинуть ихъ и поддаться соблазнамъ принциповъ „расширенія“ и „присоединенія“ посредствомъ права сильнаго, насилія и захвата? Событія послѣднихъ недѣль разсѣяли тотъ туманъ, которымъ до сихъ поръ съ огромнымъ успѣхомъ пользовались наши „присоединители“ [1]) относительно своихъ дѣйствительныхъ конечныхъ намѣреній, и вопросъ теперь поставленъ рѣзко и опредѣленно: никакихъ сомнѣній быть не можетъ, что борьба идетъ относительно конкретныхъ, точныхъ началъ и основъ. Кровавыя столкновенія подъ Маниллой не отличаются, ни по формѣ, ни по существу, отъ непрекращающихся дѣлежей и расхищенія Азіи и Африки, отъ китайскихъ „займовъ безъ отдачи“, фашодскаго инцидента, статута Египта и Судана, легальнаго и дѣйствительнаго, мадагаскарскаго положенія, корейскихъ пертурбацій, набѣга Джэми-Сона на буровъ,—словомъ, отъ всей этой беззастѣнчивой, такъ неудачно скрываемой подъ разными прозрачными наружными предлогами, погони за чужимъ добромъ и территоріями. Давленіе массъ американскаго народа, вынудившее въ прошломъ апрѣлѣ администрацію къ объявленію войны противъ ея желанія, съ теченіемъ времени, благодаря успѣхамъ этой войны, нашло себѣ выходъ въ шовинизмѣ и жаждѣ пріобрѣтенія; искреннее, въ высшей степени почтенное стремленіе помочь безнадежно боровшимся за свою свободу различнымъ народностямъ переродилось въ самый заурядный, въ самый зачерствѣлый эгоизмъ; всѣмъ этимъ воспользовались „желтый журнализмъ“ и площадное краснорѣчіе беззастѣнчивыхъ политикановъ, разжигавшихъ страсти, квасной патріотизмъ, самыя узкія націоналистическія идеи,—все то, что̀ вездѣ затемняетъ здравый смыслъ и затрудняетъ хладнокровное обсужденіе. Слишкомъ полгода тому назадъ, 7-го прошлаго іюля, противоконституціонное присоединеніе Сандвичевыхъ островов, вызванное военными необходимостями, дѣйствительными или воображаемыми, дало первый практическій толчокъ „присоединительной“ политикѣ, и съ тѣхъ поръ воздушные замки самаго соблазнительнаго „имперіализма“ все росли и росли, встрѣтивъ въ началѣ только самую осторожную, самую разбросанную оппозицію. Путешествіе Макъ-Кинлэя, сначала на западъ, потомъ на югъ, мотивированное желаніемъ президента лично ознакомиться съ народнымъ настроеніемъ, было искусно обращено „присоединителями“ въ без-

[1]) Для краткости, я въ настоящей статьѣ буду называть „присоединителями“ и „анти-присоединителями“ наши настоящія дѣйствительныя политическія партіи, ведущія эту борьбу—annexationists и anti-annexationists, какъ онѣ сами себя назвали.

прерывную демонстрацію въ свою пользу; выраженіе: „hold them Phillipinnes“ —удержите Филиппины!—будто бы употребленное адмираломъ Дюи въ одной изъ его телеграммъ въ Бѣлый-Домъ,—было сдѣлано всеобщимъ кличемъ, которымъ народныя толпы всюду встрѣчали и провожали президентскій поѣздъ Въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и гораздо позже, никто, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, что война, предпринятая всего сто дней тому назадъ съ извѣстною опредѣленною цѣлью, начинала грозить самымъ радикальнымъ переворотомъ всѣхъ основъ предъидущей государственной жизни Союза; что правительство и народные вожаки упускаютъ изъ своихъ рукъ руководство ея результатами,—словомъ, и здѣсь началъ дѣйствовать тотъ фатальный законъ, что всякая война, побѣдоносная или проигранная, въ концѣ концовъ, обыкновенно ставитъ такія требованія, возможности которыхъ никто и не подозрѣвалъ при ея объявленіи. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ никто и не помышлялъ о Филиппинскихъ островахъ—единственной заботой было обезопасить американскую тихо-океанскую торговлю отъ тамошняго испанскаго флота; а въ октябрѣ и ноябрѣ, освобожденіе Кубы уже отступило на задній планъ, какъ безусловно достигнутое, и дошедшія въ то время до своего апогея требованія новоявленнаго „имперіализма“ вызвали присоединеніе острововъ Порто-Рико, Гуама и всѣхъ Филиппинъ, что и было оформлено парижскимъ мирнымъ трактатомъ 10-го декабря. Но уже и къ тому времени здравый смыслъ, традиціи и, главное, удивительная способность американскаго народа во-время взяться за умъ, успѣли проявить свое вліяніе—оппозиція „анти-присоединителей“, сначала медленная и неорганизованная, благоразумно давъ „выкипѣть“ архи-шовинизму и увлеченію „громомъ побѣдъ“, стала вступать въ свои права и вызвала ту борьбу, которая въ настоящую минуту должна обратить на себя особенное вниманіе всего цивилизованнаго мира, и которая, по моему крайнему разумѣнію, должна неизбѣжно окончиться пораженіемъ „имперіализма“ и возвращеніемъ государственной жизни Союза въ ея обычное русло, созданное всей ея предшествовавшей исторіей. Современное положеніе этой борьбы и ея главные элементы и составляютъ содержаніе настоящей статьи; я крайне внимательно слѣдилъ и слѣжу за всѣми ея перипетіями, и глубоко убѣжденъ, что если безпристрастно очистить ее отъ того поверхностнаго шума, которымъ она сопровождается, благодаря нашимъ исключительнымъ жизненнымъ условіямъ, —ея дѣйствительно громадное принципіальное значеніе окажется со-

всѣмъ отличнымъ отъ того, какое она, по моимъ соображеніямъ, должна имѣть въ глазахъ того русскаго читателя, который основываетъ свои заключенія на газетныхъ телеграммахъ.

I.

По мирному трактату 10-го декабря, Испанія уступила С.-А. С.-Штатамъ свои сюзеренныя права на острова Порто-Рико, Гуамъ и Филиппинскіе, признавъ въ то же время независимость Кубы. Взамѣнъ этого, Союзъ обязался уплатить 20 милліоновъ долларовъ наличными, гарантировать извѣстные спеціальные муниципальные долги городовъ и общинъ и отказаться отъ всякихъ военныхъ убытковъ, какъ государственныхъ, такъ и своихъ отдѣльныхъ гражданъ,—убытковъ, вызванныхъ сначала кубанскимъ возстаніемъ, затѣмъ—войной. Такимъ образомъ, вопросъ о мирѣ былъ связанъ съ военнымъ захватомъ значительной территоріи на континентахъ Америки и Азіи, при чемъ населеніе этой территоріи, приблизительно около 10 милліоновъ душъ, было совершенно игнорировано и не имѣло ни представительства, ни голоса въ вопросѣ о его присоединеніи. Въ американской исторіи не было аналогичнаго прецедента. Союзъ купилъ у Испаніи Флориду, у Франціи—Луизіану, у Россіи—Аляску, завоевалъ у Мексики Аризону и Калифорнію, присоединилъ, по раздѣльному акту съ Великобританіей, Орегонъ и Вашингтонъ; но все это были въ то время пустынныя территоріи, безъ коренного бѣлаго населенія, кромѣ немногихъ правительственныхъ чиновъ уступавшихъ ихъ государствъ, съ присоединеніемъ возвращавшихся на родину,—территорій безъ всякихъ признаковъ организованной жизни и цивилизаціи. Кромѣ того, всѣ эти территоріи находились на континентѣ Сѣверной Америки и прилегали къ первоначальному государственному тѣлу Союза. Конституція дѣйствительна въ Соединенныхъ-Штатахъ Америки, а не Америки и Азіи или какого-либо другого континента. На островахъ Порто-Рико и Филиппинскихъ живетъ многочисленное коренное населеніе, даже болѣе древнее, чѣмъ населеніе самаго Союза, принадлежащее къ другой, рѣзко различной расѣ, съ твердо установившимися жизненными условіями, съ особой культурой, съ вѣковой государственной религіей, съ собственнымъ языкомъ, обычаями и нравами. Если Америка не желаетъ попрать основного принципа „Деклараціи Независимости", то необходимо, во-первыхъ, свободное, ясно выраженное согласіе

этого населенія на такое присоединеніе; во-вторыхъ, опредѣленный народный вердиктъ самого Союза относительно дарованія этому населенію правъ американскаго гражданства. Конституція не предусматриваетъ „подданныхъ" покореннаго населенія—она признаетъ только полноправныхъ гражданъ,—и всякое спеціальное законодательство, очевидно необходимое для управленія этимъ новымъ населеніемъ, будетъ не только внѣ, но и противно конституціи [1]).

Вся эта аргументація такъ ясна и неоспорима, что „присоединители", несмотря на свой энтузіазмъ, никогда не рѣшались публично возражать на нее. Они держатся совсѣмъ другой логики, другой тактики—оппортюнизма и практическихъ необходимостей. Они утверждаютъ, что Союзу приходится имѣть дѣло не съ теоріей, а съ совершившимися фактами, съ неизбѣжными, якобы, результатами войны; что если Америка не желаетъ быть очевидно нелѣпо непослѣдовательной, она не можетъ оставить эти острова подъ испанской властью, не можетъ допустить, чтобы ихъ захватило какое-либо другое государство, безъ самыхъ плачевныхъ послѣдствій для своихъ прямыхъ собственныхъ интересовъ въ будущемъ; не можетъ признать ихъ независимости за ихъ абсолютной неподготовленностью къ самостоятельной государственной жизни и самоуправленію—ergo, должно ихъ присоединить къ себѣ безусловно и измыслить новое для нихъ устройство, соотвѣтствующее ихъ настоящему дѣйствительному положенію, помимо всякихъ теорій. Военное управленіе, признаваемое международнымъ правомъ, и къ которому всегда и всюду прибѣгаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ цивилизованныя государства, вполнѣ, якобы, удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, хотя бы и временно, и нѣтъ никакой особенной необходимости забѣгать впередъ и немедленно же предрѣшать будущее—оно, ко-

[1]) Какъ прямое доказательство практической трудности, даже невозможности такого законодательства, приводится полная до сихъ поръ безуспѣшность всѣхъ попытокъ создать что-либо подобное для Гавайскихъ острововъ. Особая спеціальная коммиссія, назначенная президентомъ Макъ-Кинлэемъ еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, и состоявшая на половину изъ американцевъ, на половину изъ гавайцевъ, употребила нѣсколько мѣсяцевъ, на мѣстѣ, на составленіе особаго уложенія для архипелага — но жизненныя его условія, нравы, обычаи и обычное право—такъ радикально отличны отъ американскихъ, что проектъ этотъ былъ безвозвратно забракованъ въ конгрессѣ послѣ продолжительныхъ, искреннихъ, добросовѣстныхъ преній—попытокъ согласить несогласимое, и какой бы то ни было компромиссъ оказался невозможнымъ, такъ что Сандвичевы острова и до сихъ поръ составляютъ въ сущности совершенно независимое государство по своимъ учрежденіямъ и законодательству;—даже и предвидѣть нельзя, когда такое крайне ненормальное положеніе придетъ къ концу.

нечно, окажется вполнѣ способнымъ справиться съ имѣющими представиться задачами по мѣрѣ ихъ возникновенія. Вѣковое испанское управленіе, говорятъ „присоединители", было такъ корыстно, такъ жестоко, такъ угнетало всю и умственную, и матеріальную жизнь этихъ несчастныхъ острововъ, что всякая перемѣна должна оказаться спасительной для ихъ населенія, должна быть принята имъ съ любовью и благодарностью [1]).

„Анти-присоединители" возражаютъ на это, что и они признаютъ силу фактовъ, но не видятъ въ ней ничего, якобы, неотвратимаго, ничего невозможнаго вполнѣ согласить и съ конституціей, и съ „Декларацiей Независимости". Они думаютъ, что еслибы сила эта и была дѣйствительно неотвратимая, они не задумались бы отказаться отъ всѣхъ результатовъ войны, прежде чѣмъ согласились бы измѣнить хотя бы на волосъ эти основные государственные акты страны; а въ данномъ случаѣ ничего подобнаго и не требуется, такъ какъ простое заявленіе, что и Порто-Рико, и Филиппины, отбираются отъ Испаніи на тѣхъ же условіяхъ, что̀ и Куба, вполнѣ удовлетворило бы всѣ ихъ возраженія, и поставило бы все дѣло на чисто законную почву,—и съ точки зрѣнія требованій конституціи, и съ точки зрѣнія требованій гуманности,—и вполнѣ соотвѣтствовало бы всѣмъ наиболѣе существеннымъ прямымъ американскимъ интересамъ. Въ этомъ и заключается вся суть и разлада, и борьбы: „присоединители" желаютъ безусловнаго присоединенія Порто-Рико и Филиппинъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ будущая участь зависѣла исключительно отъ усмотрѣнія американскаго народа; „анти-присоединители" — чтобы они, подобно Кубѣ, сохранили свою независимость, подъ условіемъ временнаго протектората Союза до тѣхъ поръ, пока они не будутъ готовы сознательно и безъ всякаго посторонняго давленія рѣшить свою будущность, и чтобы для ихъ присоединенія къ Союзу были необходимы всеобщее народное голосованіе какъ ихъ населенія въ пользу такой перемѣны, такъ и населенія американскаго Союза въ пользу дарованія имъ всѣхъ правъ американскаго гражданства и пріема въ свою среду какъ равныхъ, а не какъ „подданныхъ".

Все вышеизложенное представляетъ собою только главныя основы принципіальнаго спора; детали же разрослись съ тече-

---

[1]) Необходимо замѣтить, что именно этотъ особенно ядовитый аргументъ былъ цѣликомъ навѣянъ англійскими вліяніями и лондонской прессой. Извѣстно, что онъ составляетъ квинтъ-эссенцію обычной англійской политики относительно Индіи и всѣхъ ея болѣе мелкихъ, неспособныхъ къ самозащитѣ колоній съ большинствомъ туземнаго, не-европейскаго бѣлаго населенія.

ніемъ времени почти до безконечности. За послѣдніе три-четыре мѣсяца ни одна журнальная книжка, ни одинъ газетный нумеръ, не выходятъ безъ одной или, чаще, нѣсколькихъ статей по этому поводу, — и аргументація противныхъ сторонъ достигла невѣроятныхъ предѣловъ. Спорятъ во всѣхъ клубахъ, на всѣхъ общественныхъ сборищахъ, въ засѣданіяхъ ученыхъ и спеціальныхъ обществъ, въ вагонахъ, на улицѣ — словомъ, споритъ и препирается весь народъ. Все остальное забыто и заброшено, и ни о чемъ неслышно, кромѣ „expansion" и „annexation". Несомнѣнно, что со временъ междоусобной войны и реконструкціи юга ни одинъ вопросъ не занималъ до такой степени и такъ глубоко здѣшняго общественнаго мнѣнія; тогда какъ время, предшествовавшее объявленію войны и непосредственно за нимъ слѣдовавшее, отличалось, можетъ быть, бо̀льшимъ наружнымъ возбужденіемъ, возбужденіе это было чисто одностороннее, и потому далеко не равнялось той страстности, которая проявляется теперь ежедневно по предмету этой борьбы. Ея значеніе и важность уже вполнѣ теперь поняты и усвоены народными массами, и обѣ стороны напрягаютъ всю свою энергію, всю свою силу для пораженія противника. А быстро слѣдующіе одинъ за другимъ отдѣльные эпизоды и цѣлые фазисы этой борьбы—не только способствуютъ поддержанію общаго интереса, но и значительно усиливаютъ его; положеніе „присоединителей" гораздо труднѣе, и уже однажды имъ только съ громаднымъ трудомъ удалось устранить окончательную побѣду ихъ противниковъ. Я перейду теперь къ изложенію фактической стороны борьбы, къ исторіи этого гигантскаго разлада.

II.

Рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ и основаніемъ организаціи оппозиціи политикѣ присоединенія слѣдуетъ признать назначеніе президентомъ Макъ-Кинлэемъ персонала коммиссіи для участія въ парижской конференціи. Въ число ея членовъ были имъ назначены три федеральныхъ сенатора, включая предсѣдателя комитета иностранныхъ дѣлъ сената, Дэвиса. Эти назначенія вызвали цѣлую бурю протестовъ и дали сигналъ къ сплоченію „анти-присоединителей". Они поняли тактику президента въ томъ смыслѣ, что онъ, опасаясь оппозиціи, желалъ заручиться заблаговременно поддержкой вліятельныхъ членовъ сената, сдѣлавъ ихъ самихъ авторами трактата, который позже долженъ

былъ поступить для обсужденія и ратификаціи этого же учрежденія. По конституціи, всякій договоръ, всякій трактатъ съ иностраннымъ государствомъ, получаетъ силу только по его ратификаціи большинствомъ двухъ-третей голосовъ федеральнаго сената. Агитація противъ этихъ назначеній не ограничилась даннымъ случаемъ, а перешла въ принципіальное требованіе—воспретить исполнительной власти въ будущемъ назначать федеральныхъ сенаторовъ членами подобныхъ коммиссій, дабы не стѣснять свободы ихъ совѣсти при послѣдующемъ обсужденіи такихъ документовъ. Америка такъ богата опытными и знающими государственными людьми, что нѣтъ и не можетъ быть никакой необходимости прибѣгать къ назначенію подобныхъ делегатовъ изъ состава именно того учрежденія, отъ рѣшенія котораго зависитъ потомъ окончательная участь ихъ же работы. Однако, несмотря на этотъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто еще за нѣсколько мѣсяцевъ до прошлыхъ ноябрьскихъ выборовъ, агитація по его поводу, широко распространенная, не коснулась ни политической кампаніи, ни результата этихъ выборовъ—какъ я уже имѣлъ случай выяснить это въ моей спеціальной статьѣ по этому предмету [1]), всѣ партіи въ то время какъ бы безмолвно согласились оставить въ теченіе этой кампаніи вопросъ о будущей внѣшней политикѣ страны въ сторонѣ, и она не занималась имъ, и не дала на него отвѣта. Тѣмъ не менѣе, подозрительность „анти-присоединителей“ была сильно возбуждена этими назначеніями, и вызвала первую ихъ организацію—учрежденіе бостонской анти-присоединительной лиги, привлекшей къ себѣ съ самаго начала общественное вниманіе и возбудившей одно за другимъ всѣ тѣ возраженія, которыя впослѣдствіи составили главныя основанія всей современной анти-присоединительной аргументаціи. Парижскіе переговоры были облечены величайшей тайной; въ наше время, и при тѣхъ средствахъ, которыми располагаетъ американская пресса, трудно сохранить какой-либо секретъ вполнѣ—тѣмъ не менѣе, администраціи Макъ-Кинлэя удалось достичь того, что ея требованія къ Испаніи были только въ общихъ чертахъ извѣстны публикѣ, и полное содержаніе парижскаго трактата 10-го декабря оказалось до извѣстной степени новостью и совершившимся фактомъ, прежде чѣмъ публика эта успѣла съ нимъ достаточно освоиться. „Анти-присоединители“ надѣялись, что статьи объ отторженіи Порто-Рико и Филиппинъ будутъ изложены въ такой формѣ, которая соотвѣтствовала бы ихъ основ-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, январь 1899: „Ноябрьскіе выборы въ С.-А. С.-Штатахъ“.

нымъ требованіямъ, не противорѣчила бы конституціи и дала бы возможность и населенію этихъ островов разсчитывать на независимость въ будущемъ, а американскому народу—случай высказаться по вопросу объ окончательномъ ихъ принятіи въ свою среду. Въ дѣйствительности же трактатъ рѣзко и опредѣленно присоединяетъ эти территоріи въ формѣ самаго прямого и грубаго военнаго захвата. Для всѣхъ стало ясно, что радикальные „присоединители“ успѣли овладѣть государственнымъ кораблемъ, заставили Макъ-Кинлэя позабыть свое собственное торжественное заявленіе, что онъ считаетъ всякій военный захватъ „преступнымъ нападеніемъ“—criminal aggression—и что, съ точки зрѣнія „анти-присоединителей“, сторонниковъ конституціи и чистыхъ республиканскихъ идей, все будущее страны находится въ самой серьезнѣйшей опасности. Всѣ почему-либо выдающіеся, вліятельные люди поспѣшили публично выразить свое отношеніе къ вопросу. Общественное мнѣніе страны, къ этому времени уже достаточно подготовленное и возбужденное, довольно быстро кристаллизовалось въ три опредѣленныхъ фракціи. Первая, наиболѣе многочисленная и наиболѣе сильная, слѣпо рукоплескала трактату. Громадное большинство ея состава состоитъ изъ чисто спекулятивныхъ элементовъ страны, тѣхъ дѣльцовъ, единственнымъ кумиромъ которыхъ является всемогущій долларъ,—дѣльцовъ, разсчитывающихъ на свою желѣзную энергію и на тѣ новыя поприща для наживы всякаго рода, которыя представляютъ собою новоприсоединяемыя территоріи. За ними слѣдуютъ всѣ военные и морскіе элементы, вслѣдствіе войны пріобрѣвшіе совсѣмъ не присущее имъ въ обыкновенное время вліяніе и значеніе—ихъ мотивы, хотя и нѣсколько отличные отъ чисто спекулятивныхъ, тоже болѣе или менѣе эгоистичны; благодаря долгому миру, они засидѣлись въ своихъ чинахъ, а присоединительная политика, конечно, несетъ съ собою увеличеніе арміи и флота, командировки, цѣлую кучу новыхъ мѣстъ, усиленіе содержанія за границей и всяческія подобныя соблазнительныя приманки. Оба эти элемента, спекулятивный и военно-морской, почти совсѣмъ не участвуютъ въ аргументаціи, не спорятъ, не волнуются умственно и нравственно—они просто давятъ общественное мнѣніе и администрацію инертнымъ вліяніемъ своей численности, своими денежными интересами, своимъ грубымъ значеніемъ массъ. Третій элементъ этой первой фракціи, несмотря на свою сравнительную малочисленность, является наиболѣе опаснымъ и активнымъ — это искренно убѣжденные люди, вѣрящіе въ необходимость расширенія, какъ главнаго фактора успѣшности дальнѣйшаго роста

страны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они ведутъ за собою какъ бы въ поводу оба первые элемента, снабжаютъ прессу и общественное мнѣніе принципіальными основаніями въ пользу своего мнѣнія, сражаются и спорятъ съ „анти-присоединителями“ и руководятъ съ нѣкоторыхъ поръ и президентомъ, и всѣми оффиціальными вліяніями. Они дѣятельны и энергичны, и ихъ искренность составляетъ ихъ силу.

Вторая фракція состоитъ изъ людей, въ главныхъ основаніяхъ согласныхъ съ общей аргументаціей „анти-присоединителей“, но требовавшихъ ратификаціи мирнаго трактата въ виду того, что съ нимъ былъ связанъ вопросъ о мирѣ; они полагали, что главный его недостатокъ—безусловное присоединеніе острововъ—можетъ быть исправленъ особой декларацiей всего правительства въ томъ смыслѣ, что оно обязуется признать ихъ независимость, какъ только они окажутся способными къ самостоятельной государственной жизни. Фракція эта думала, что то, чего можно достигнуть и впослѣдствіи чисто внутреннимъ распоряженіемъ,—не должно стоять на порогѣ окончанія иностранныхъ замѣшательствъ,—что разъ цѣль войны достигнута настолько, насколько она зависѣла отъ Испаніи и военной фортуны, остальное можетъ быть сдѣлано, и не подвергая дальнѣйшей опасности судьбы мира. Это была та партія компромисса, которая въ наше время такъ неизбѣжна во всякомъ остромъ конфликтѣ, и которая въ дѣлѣ ратификаціи трактата сыграла прямо въ руку „присоединителямъ“ и совершенно скрыла ихъ дѣйствительныя силы. Но, подавъ свои голоса за ратификацію, фракція эта перестала существовать, и въ дальнѣйшихъ своихъ стремленіяхъ слилась совершенно съ „анти-присоединителями“.

Наконецъ, третью фракцію составили безусловные „анти-присоединители“. Они не только противились ратификаціи трактата, не желая рисковать своимъ основнымъ несогласіемъ даже ради оформленія мира, но и не довольствовались частными обѣщаніями самого президента и формальными заявленіями администраціи—не связывать ихъ дальнѣйшихъ намѣреній съ этой ратификаціей. Они стоятъ за формальную, признанную и законодательною, и исполнительною властями Союза, постановку какъ Порто-Рико, такъ и Филиппинъ въ положеніе острова Кубы—отторженіе отъ Испаніи, временный протекторатъ Союза и независимость въ будущемъ. Они полагаютъ, что никакіе компромиссы по этому вопросу невозможны, и что крайне опасно оставлять его на произволъ судьбы, не оградивъ съ самаго начала и острова эти, и Союзъ, самыми прочными гарантіями. Разбирая безпристрастно персо-

налъ, и въ особенности выдающихся вожаковъ этихъ трехъ фракцій, нельзя не замѣтить, что первая изъ нихъ удивительно бѣдна людьми дѣйствительно талантливыми и не считаетъ въ своей средѣ ни одного сколько-нибудь виднаго представителя американской мысли и науки. Ея скрытымъ, но тѣмъ не менѣе активнымъ вожакомъ подозрѣваютъ военнаго министра Альджэра, опытнаго и беззастѣнчиваго политикана, человѣка ловкаго и безпринципнаго, имѣющаго удивительное, необъяснимое вліяніе на президента Макъ-Кинлэя, несмотря на свою все усиливающуюся непопулярность. Даже въ федеральномъ сенатѣ, гдѣ къ фракціи этой принадлежитъ почти половина всего настоящаго состава, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ посредственностей и прямыхъ бездарностей, попавшихъ туда исключительно благодаря самому пронырливому политиканству, можно назвать только трехъ лицъ съ заслуженной національной репутаціей—республиканцевъ Лоджа отъ штата Массачузетса, и Дэвиса отъ Миннесоты, и демократа Моргана отъ Алабамы. Всѣ трое—люди безусловно добросовѣстные, искренно увлекшіеся грандіозными перспективами. Безспорнымъ вожакомъ второй фракціи былъ Брайянъ, бывшій кандидатъ демократовъ въ президенты въ кампанію 1896 года—и съ нимъ та часть демократической партіи, которая осталась вѣрна „сильверитскому“ знамени. Ихъ представителемъ въ сенатѣ былъ Алленъ, сенаторъ отъ штата Небраски, человѣкъ талантливый и краснорѣчивый, но поверхностный и эксцентричный. Третья —считаетъ въ своей средѣ эксъ-президента Кливелэнда и почти поголовно всѣ факультеты профессоровъ значительнѣйшихъ нашихъ университетовъ, эксъ-сенатора и эксъ-министра иностранныхъ дѣлъ Шермана, вышедшаго въ отставку какъ разъ передъ объявленіемъ войны; въ федеральной палатѣ представителей—спикера Рида и наиболѣе талантливаго республиканца изъ всего ея настоящаго состава, Джонстона; президента американской федераціи труда Гомперса и главнаго мастера-работника рыцарей труда Парсонса [1]). Въ федеральномъ сенатѣ ея вожаками являются Горъ и Гэль, издавна, безспорно, одни изъ наиболѣе выдающихся представителей республиканской партіи во всемъ Союзѣ; демократы Горманъ, Джонсъ, Тюрпа, Уайтъ и Вестъ. Изъ частныхъ лицъ наиболѣе извѣстными ея членами являются республиканцы: эксъ-сенаторъ Эдмундсъ и заводчикъ Карнэги, демократъ Карлъ Шурцъ, знаменитый генералъ и го-

[1]) Только-что состоявшіяся годичныя собранія этихъ организацій, считающихъ въ своей средѣ около милліона дѣйствительныхъ членовъ, высказались большинствомъ 9 противъ 1 безусловно противъ политики присоединенія.

сударственный дѣятель въ эпоху междоусобной войны, епископъ города Нью-Іорка Поттеръ; эксъ-министры финансовъ Союза: республиканецъ Бутвелъ и демократъ Карляйль, и десятки и сотни другихъ, не менѣе извѣстныхъ и вліятельныхъ дѣятелей на всевозможныхъ поприщахъ.

По всѣмъ видимостямъ, въ началѣ, Макъ-Кинлэй разсчитывалъ созвать экстренную сессію сената въ новомъ составѣ, послѣ 4-го марта, съ спеціальной цѣлью обсужденія и ратификаціи парижскаго трактата; но общественное возбужденіе было настолько сильно, что онъ не рискнулъ подобнымъ, очевидно для всѣхъ, партизанскимъ замедленіемъ, и потому трактатъ поступилъ на обсужденіе настоящей сессіи еще въ концѣ прошлаго декабря и былъ ратификованъ только 6-го февраля, послѣ самой ожесточенной и достопамятной борьбы. Всѣ подобные документы всегда обсуждаются сенатомъ при закрытыхъ дверяхъ, но на этотъ разъ этотъ обычный путь былъ обойденъ тѣмъ, что пренія происходили якобы не по поводу трактата, а по поводу особыхъ резолюцій, вносимыхъ по его адресу разными сенаторами. Вся суть этихъ преній заключалась въ борьбѣ „присоединителей“ съ „анти-присоединителями“ и попытками средней фракціи принудить присоединителей принять до ратификаціи такія резолюціи, которыя обезпечивали бы островамъ независимость въ будущемъ. Съ теченіемъ времени выяснилось, что безъ такихъ опредѣленныхъ гарантій, minimum, 32 сенатора изъ общаго числа 90 будутъ голосовать противъ ратификаціи, и, такимъ образомъ, отвергнутъ трактатъ. Администраціей было пущено въ ходъ все то давленіе, которымъ она обладаетъ на федеральныхъ сенаторовъ въ формѣ раздачи федеральнаго патронажа; „присоединители“ въ свою очередь сдѣлали все возможное, тѣмъ не менѣе эти 32 голоса оказывались непоколебимыми. Необходимо замѣтить, что въ началѣ оппозиція присоединительной политики въ сенатѣ не ограничивалась этими голосами—было, кромѣ того, около десятка сенаторовъ, высказавшихся почти безусловно противъ нея, но съ теченіемъ времени склонявшихся все больше въ пользу ратификаціи трактата исключительно въ виду все болѣе и болѣе обострявшагося положенія дѣлъ на самихъ Филиппинахъ. Эта, если можно такъ выразиться, подъфракція, существованіе которой сдѣлалось очевиднымъ только подъ самый конецъ, не была такъ рѣзко обозначена, какъ вышепоименованныя—она, не одобряя трактата въ его настоящей формѣ, въ то же время думала, что, въ виду возбужденнаго состоянія умовъ на островахъ, не политично и не своевременно

было бы связывать правительство какими бы то ни было резолюціями, а слѣдуетъ до извѣстной степени довѣриться благоразумію президента и предоставить конечное рѣшеніе народной мудрости въ будущемъ. Къ чести „присоединителей" и какъ смягчающее въ значительной степени ихъ грубую агрессивность обстоятельство, нельзя не признать, что то положеніе, которое между тѣмъ заняли филиппинскій вождь Агвинальдо, его конгрессъ и армія, чрезвычайно поспособствовало къ возбужденію нѣкоторыхъ основаній для подозрительности къ нимъ въ умахъ сенаторовъ, и всего больше повредили ихъ же собственному дѣлу. Безъ битвы 5-го февраля, трактатъ былъ бы безусловно отвергнутъ; безъ вызывающаго положенія филиппинскихъ инсургентовъ [1]) въ декабрѣ и январѣ, онъ, вѣроятно, не имѣлъ бы за себя простого большинства сената, и политика присоединенія была бы уже погребена. Дѣло въ томъ, что, какъ только мирный трактатъ былъ заключенъ въ Парижѣ, Агвинальдо, до тѣхъ поръ только почтительно отказывавшійся разоружить свое войско, вдругъ круто перемѣнилъ фронтъ, провозгласилъ независимость филиппинской республики, а себя самого ея президентомъ, и началъ систематически раздражать американскія войска въ Маниллѣ. Испанскій гарнизонъ въ городѣ Илоило,—какъ разъ наканунѣ того, какъ къ нему подошелъ американскій отрядъ для его занятія,—сдалъ городъ инсургентамъ, которые наотрѣзъ отказались не только впустить въ него американцевъ, но и позволить имъ высадиться съ судовъ. Американскія войска въ городѣ Маниллѣ и портѣ Кавитэ были въ сущности бойкотированы мѣстнымъ населеніемъ; инсургентская армія обложила ихъ со всѣхъ сторонъ траншеями и укрѣпленіями, вооруженными новѣйшими скорострѣльными пушками [2]), и генералъ-губернаторъ Отисъ съ своей арміей оказался не только въ положеніи осажденнаго, но и безъ возможности снабжать своихъ солдатъ свѣжими съѣстными припасами иначе какъ съ моря. И до сихъ поръ, ни правительство, ни пресса, не могутъ дать американскому народу основательнаго объясненія этой перемѣны; указываютъ на испанскія интриги и мстительность, на нѣмецкія золото и недоброжелательность;—всего вѣрнѣе, по моему крайнему

[1]) Я не увѣренъ, что правильно называю ихъ этимъ именемъ, но боюсь, что стремленіе къ болѣе точному опредѣленію заведетъ меня слишкомъ далеко отъ сути дѣла.

[2]) Наша пресса утверждаетъ, что нѣмецкій консулъ въ Гонгъ-Конгѣ былъ уличенъ въ систематическомъ снабженіи Агвинальдо пушками, ружьями и снарядами. Во всякомъ случаѣ, взятыя орудія и оружіе—все нѣмецкой фабрикаціи.

разумѣнію, то, что Агвинальдо не успѣлъ сторговаться съ американскими представителями, какъ это сдѣлали кубанскіе вожди, и, по примѣру вожаковъ всѣхъ безъ исключенія испанскихъ народностей въ центральной и южной Америкѣ, рѣшилъ ковать желѣзо въ свою собственную пользу, пока оно горячо. Едва ли можно придавать серьезное значеніе его громкимъ, широко-вѣщательнымъ, многочисленнымъ манифестамъ—исторія всѣхъ латинско-туземныхъ народностей, долго находившихся подъ испанскимъ игомъ, заставляетъ относиться къ нимъ крайне скептически—да и его личная предшествующая исторія, довольно уже длинная, несмотря на его молодость, не внушаетъ къ нему никакого довѣрія. Онъ несомнѣнно даровитый и энергичный человѣкъ, но ненадежный и коварный, во всякій моментъ способный поставить свои личные интересы выше всего другого. „Анти-присоединителямъ“ было бы, конечно, всего выгоднѣе для своихъ цѣлей признать основательность и законность его требованій и сдѣлать его дѣло своимъ, но, къ сожалѣнію, въ виду цѣлой массы самыхъ безспорныхъ фактовъ противъ его искренности и добросовѣстности, это совершенно невозможно. Какъ бы то ни было, положеніе все обострялось, и, насколько можно было судить по донесеніямъ американскаго военнаго начальства въ Маниллѣ, ему только съ большимъ трудомъ удавалось сдерживать противныя силы отъ столкновенія. Отправленныя для занятія Илоило, войска больше мѣсяца держались на транспортахъ; въ самой Маниллѣ были приняты самыя энергичныя мѣры, чтобы предупредить всякую случайность и во что бы то ни стало избѣжать кровопролитія. Тѣмъ не менѣе, 5-го февраля, какъ разъ наканунѣ того дня, когда въ сенатѣ должна была рѣшиться участь мирнаго трактата, случайный выстрѣлъ американскаго часового, выведеннаго изъ терпѣнія задорной и умышленной настойчивостью нѣсколькихъ филиппинскихъ солдатъ перейти во что бы то ни стало демаркаціонную линію, вызвалъ внезапную повсемѣстную аттаку инсургентовъ по всей линіи. Эта версія факта начала непріязненныхъ дѣйствій теперь установлена внѣ всякаго сомнѣнія, и оффиціальными донесеніями американскихъ командировъ, и телеграммами „Associated Press“, и иностранными корреспондентами и манильскими жителями. Аттака американскихъ позицій была заранѣе подготовлена самимъ Агвинальдо, какъ бы онъ ни отрицалъ этого факта, и основаніемъ къ ней, по всѣмъ видимостямъ, послужила депеша его агента въ Вашингтонѣ, Агопсилло, сообщавшаго ему о всѣхъ перипе-

тіяхъ борьбы въ сенатѣ [1]). Оба они невѣрно опредѣлили положеніе—и сдѣлали непоправимую ошибку: вмѣсто того, чтобы отклонить ратификацію своимъ нападеніемъ, какъ они очевидно разсчитывали, они ее вызвали имъ, такъ какъ въ рѣшительный моментъ сенаторъ Макъ-Энери съ двумя товарищами,—заручившись обѣщаніемъ представителей большинства немедленно по ратификаціи не препятствовать принятію предложенной ими резолюціи въ томъ смыслѣ, что Союзъ не намѣренъ присоединять къ себѣ навсегда эти острова,—подали свои голоса за ратификацію, и она прошла большинствомъ 61 голоса противъ 29 [2]). Большинство это было чисто случайное, и не могло бы быть повторено ни наканунѣ, ни на слѣдующій день—оно было вызвано тѣмъ аргументомъ, что въ такой моментъ, когда измѣннически нападаютъ на американскія войска, было бы крайне непатріотично какъ бы одобрять такое нападеніе отказомъ въ довѣріи своему собственному правительству, именно по вопросу о предполагаемомъ поводѣ къ этому нападенію. „Присоединители" единогласно утверждали, что оно было прямой угрозой и сенату, и всему американскому народу, стремленіемъ съ оружіемъ въ рукахъ заставить ихъ признать несвоевременныя, нелѣпыя требованія шайки авантюристовъ подъ предводительствомъ продажнаго головорѣза. Не было даже недостатка въ такихъ радикалахъ, которые, въ виду кровавой битвы 5-го февраля, всенародно клеймили всѣхъ желающихъ подать голоса противъ ратификаціи прямо измѣнниками отечеству. Понятно, что, въ виду такой ядовитой постановки дѣла, все мало-мальски слабое и неустойчивое должно было уступить. Времени на обсужденіе оставалось всего нѣсколько часовъ, и сенатъ былъ до крайности возбужденъ цѣлой массой самыхъ разнообразныхъ, самыхъ сенсаціонныхъ слуховъ, всегда, какъ извѣстно, появляющихся въ такія минуты со всѣхъ сторонъ. Читатель можетъ и самъ сообразить о силѣ „анти-присоединителей", если они, при подобныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, все-таки открыто подали 29 голосовъ изъ 90.

---

[1]) Нельзя при этомъ не отмѣтить того крайне отраднаго факта, что, какъ сильно ни были возбуждены страсти, и какъ основательно ни подозрѣвало правительство дѣйствительную роль Агонсилло и двухъ его товарищей въ столицѣ, какъ шпіона,—если онъ считалъ себя испанскимъ подданнымъ,—измѣнника, если съ момента подписанія мирнаго договора онъ былъ американскимъ гражданиномъ,—но ни они лично, ни ихъ корреспонденція ни разу не были остановлены, и послѣ ратификаціи онъ безпрепятственно уѣхалъ въ Канаду.

[2]) Оффиціальный счетъ даетъ 57 противъ 27, такъ какъ 6 сенаторовъ—4 за ратификацію и 2 противъ—отсутствовали и не принимали участія въ голосованія.

Сраженіе, начатое подъ Маниллой вечеромъ 5-го февраля, продолжалось долго. Несмотря на громадныя потери, исчисляемыя цѣлыми тысячами, филиппинская армія все еще держится, и Агвинальдо все еще ежедневно выпускаетъ самыя зажигательныя прокламаціи. Американскія потери тоже сравнительно значительны, и насчитываютъ уже уронъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Имъ очевидно предстоитъ долгая война противъ гверильясовъ. Голосованіе въ сенатѣ по поводу резолюціи Макъ-Энери, въ виду такого военнаго положенія, упорно откладывалось со дня на день, вопреки прямому соглашенію, пока сенаторъ отъ штата Иллинойса, республиканецъ Мэсонъ, неукротимый и упорный, нѣчто въ родѣ enfant terrible сената, не объявилъ въ публичномъ засѣданіи, что онъ прибѣгнетъ къ обструкціонизму и не позволитъ сенату привести ни одной мѣры, пока онъ не утвердитъ этой резолюціи. Эта угроза подѣйствовала, и 14 февраля сенатъ принялъ резолюцію Макъ-Энери большинствомъ четырехъ голосовъ, но въ своей окончательной редакціи резолюція эта совершенно умалчиваетъ о будущей независимости острововъ, и, въ сущности, ни къ чему не обязываетъ правительство; очевидно, что время для дѣйствительнаго рѣшенія вопроса еще не пришло.

Одновременно съ обсужденіемъ мирнаго трактата въ сенатѣ, шло въ палатѣ представителей обсужденіе правительственнаго билля объ увеличеніи постоянной арміи. Военные авторитеты единогласно требуютъ minimum'а въ 50.000 штыковъ только для гарнизоновъ и мирнаго занятія Кубы и присоединяемыхъ острововъ,—а кровавое столкновеніе въ Маниллѣ сразу возвысило и это требованіе еще на 25.000, и даже больше. Если, какъ теперь есть всяческое основаніе предполагать, филиппинское сопротивленіе окажется такъ же упорнымъ, какъ и во времена испанскаго владычества, то и эти цифры, конечно, окажутся недостаточными. Вышеупомянутый правительственный билль проектировалъ постоянную регулярную армію въ 100.000 человѣкъ, съ соотвѣтственнымъ увеличеніемъ штабовъ и нестроевыхъ частей. Но палата, послѣ долгихъ, крайне оживленныхъ и поучительныхъ преній, урѣзала это число на цѣлую половину, считая всѣхъ и все, и утвердивъ военный составъ нижнихъ чиновъ —слишкомъ сто на роту и эскадронъ—при прежнемъ мирномъ составѣ офицеровъ. Вообще, весь проектъ былъ безпощадно передѣланъ и измѣненъ во всѣхъ его существенныхъ чертахъ, и, въ его настоящемъ видѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ даже самымъ умѣреннымъ требованіямъ „присоединителей". Онъ пере-

данъ на разсмотрѣніе сената, гдѣ, по всѣмъ видимостямъ, или окончательно провалится, или будетъ еще серьезно урѣзанъ и сокращенъ. Одинъ этотъ фактъ совершенно уничтожаетъ значеніе ратификаціи мирнаго трактата, такъ какъ отнимаетъ у „присоединителей“ всякую фактическую возможность продолжать не только войну на Филиппинахъ, но и ихъ военное занятіе. Слишкомъ три-четверти всѣхъ войскъ на нихъ состоятъ теперь изъ волонтерскихъ полковъ, которые, по заключеніи мира, должны быть распущены, а регулярныхъ войскъ и такъ далеко не хватаетъ, хотя большинство военныхъ постовъ внутри Союза совершенно упразднено, и даже приморскія укрѣпленія съ громадными дорогими сооруженіями остаются безъ всякаго присмотра. Политика присоединенія невозможна безъ соотвѣтственнаго расширенія военныхъ и морскихъ силъ—а не только настоящій, но и будущій конгрессъ, составъ котораго теперь почти вполнѣ извѣстенъ, совершенно безнадежны въ этомъ отношеніи. Администрація стращала нынѣшній конгрессъ созывомъ экстренной сессіи будущаго, если ея билль о реорганизаціи арміи не будетъ принятъ—но эта угроза не оказала ни малѣйшаго вліянія, такъ какъ и конгрессъ, да и вся страна, отлично понимаютъ, что и будущій составъ конгресса, несмотря на его безусловное республиканское большинство въ обѣихъ палатахъ, отнесется къ этому вопросу точно такъ же. Многіе элементы, платонически сочувствуя политикѣ присоединенія, будутъ въ то же время безусловно противодѣйствовать увеличенію постоянной арміи, опасаясь возможныхъ послѣдствій такого увеличенія для мирной гражданской жизни самого Союза.

Само собою, разумѣется, что ни „присоединители“, ни „антиприсоединители“ не позволятъ дѣлу оставаться въ его настоящемъ состояніи, такомъ неопредѣленномъ, такомъ опасномъ въ виду возможности всяческихъ случайностей. То крайне нелѣпое, абнормальное положеніе, въ которое поставлены американскія войска филиппинскимъ возстаніемъ, каковы бы ни были его причины и мотивы,—положеніе, только полгода тому назадъ занимавшееся испанскими войсками, и изъ-за котораго загорѣлась война, покуда, по крайней мѣрѣ, нисколько не смущаетъ „присоединителей“. Никакая софистика, никакая аргументація, не могутъ уничтожить силы того факта, что американская армія сражается съ народностью, стремящеюся къ освобожденію и независимости. То, что вожаки этого движенія, можетъ быть, случайно, недостойные люди, не мѣняетъ сущности дѣла. Роль усмирительницы

возстаній, столь понятная и естественная для Испаніи, совсѣмъ не пристала Америкѣ, и въ обоихъ случаяхъ—и позорна, и унизительна. Я лично объясняю себѣ возможность настоящаго положенія, во-первыхъ, вредными вліяніями войны, разбудившей себялюбиво-корыстныя стремленія не думающихъ массъ и временно затуманившей столь присущій имъ при обычныхъ условіяхъ здравый смыслъ; во-вторыхъ, несомнѣнному подстрекательству британской дипломатіи. Съ назначеніемъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Союза бывшаго посла въ Лондонѣ, Джона Гэя, вліяніе Англіи въ Вашингтонѣ постоянно усиливается. Она требуетъ конкретной отплаты за свои, якобы, услуги во время войны, и при ея настоящемъ изолированномъ положеніи въ Европѣ поддержка Союза въ ея политикѣ на дальнемъ Востокѣ ей просто необходима. Такъ, въ данный моментъ, адмиралъ лордъ Бересфордъ, въ удивительно странномъ положеніи какъ бы негласнаго посла лондонскихъ коммерческихъ интересовъ, ѣздитъ по всему Союзу и читаетъ во всѣхъ большихъ городахъ нѣчто въ родѣ ряда лекцій въ пользу британской политики „открытыхъ дверей" въ Китаѣ, откуда онъ только-что пріѣхалъ послѣ долгаго тамъ пребыванія съ спеціальной миссіей. Только впутавъ Америку въ активные территоріальные интересы на Филиппинахъ, можетъ Великобританія достичь своихъ цѣлей. Наши „анти-присоединители" опасаются, что Макъ-Кинлэй позволилъ себя незамѣтно опутать этими британскими вожделѣніями. Послѣдніе два мѣсяца самымъ существеннымъ образомъ измѣнили его положеніе въ глазахъ мыслящихъ людей всей страны. Онъ усилилъ свою популярность въ тѣхъ массахъ, которыя слѣпо идутъ за всякимъ наружнымъ успѣхомъ, — но не только уронилъ, а и въ большинствѣ случаевъ совершенно утратилъ ее среди тѣхъ элементовъ населенія, которые думаютъ самостоятельно, и вліяніе которыхъ въ концѣ концовъ неизбѣжно скажется и въ послѣдующихъ народныхъ вердиктахъ.

Борьба будетъ продолжаться и ея острота усиливаться съ теченіемъ времени, и едва ли можетъ быть окончательно рѣшена до президентской кампаніи будущаго года. Разладъ въ настоящихъ правительственныхъ сферахъ, особенно въ сенатѣ, такъ жгучъ и силенъ, что не можетъ быть исцѣленъ безъ приложенія къ нему всесокрушающей силы всенароднаго вердикта. Въ данный моментъ Макъ-Кинлэй опирается на большинство—но это большинство и искусственно, и крайне ненадежно; оно обходится ему цѣной утраты поддержки наиболѣе дорогихъ элементовъ его собственной партіи.

Самое значительное ея меньшинство, если не цѣлая половина, неизбѣжно отпадетъ и отъ него, и отъ партіи, если они не признаютъ своевременно ошибки—включенія въ мирный трактатъ присоединенія Порто-Рико и Филиппинъ безъ всякихъ гарантирующихъ ихъ будущее условій. Насколько существенъ настоящій разладъ, ясно изъ одного того, что сенаторы отъ штата Массачузетса, оба исконные республиканца, являются теперь—одинъ, Горъ, вожакомъ „антиприсоединителей“, другой, Лоджъ, —ихъ противниковъ. То же случилось и съ сенаторами отъ штата Мэна, и отъ семнадцати другихъ. Республиканская партія уже расколота—и этотъ расколъ есть прямой результатъ увлеченій президента, ея же члена и ея же созданія. Телеграфируя въ Парижъ свои инструкціи членамъ мирной конференціи, онъ не могъ не предвидѣть того, что онъ вызоветъ расколъ именно тѣмъ, что дастъ партіи и странѣ совершившійся фактъ, съ которымъ, конечно, всегда очень трудно бороться, и который уже самъ по себѣ возбуждаетъ страсти.

Если,—какъ теперь, по всѣмъ видимостямъ, слѣдуетъ предполагать,—двумъ настоящимъ и главнымъ—а за полнымъ распаденіемъ популистовъ, въ сущности, единственнымъ—политическимъ партіямъ, республиканской и демократической, придется съ небольшимъ черезъ годъ, въ своихъ національныхъ „платформахъ“, высказаться опредѣленно относительно общаго вопроса о будущей внѣшней политикѣ Союза и частнаго о присоединеніи этихъ островозъ,—то настоящій составъ этихъ партій совершенно перетасуется и измѣнится. Онѣ обратятся въ „присоединителей“ и „антиприсоединителей“. Всѣ остальные вопросы, до сихъ поръ раздѣлявшіе ихъ между собою, отойдутъ на второй планъ и повліяютъ на принадлежность къ той или другой партіи только самаго незначительнаго меньшинства. Макъ-Кинлэй будетъ безусловно отвѣтственъ за такое разрушеніе своей партіи и за такое подчиненіе всѣхъ высшихъ жизненныхъ интересовъ страны грубымъ грёзамъ фатальнаго для дѣйствительной человѣческой свободы „имперскаго“ величія. Я лично цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ принадлежалъ къ республиканской партіи Союза, и неизмѣнно голосовалъ за нее на всѣхъ національныхъ выборахъ—но если она обратится въ партію присоединителей, то и я немедленно перейду въ ряды ея противниковъ. Я знаю многіе десятки людей въ разныхъ сферахъ жизни, безповоротно рѣшившихъ про себя то же самое. Мы думаемъ, что война должна ограничиться удовлетвореніемъ тѣхъ цѣлей, во имя которыхъ она

была объявлена, и что тѣ великіе принципы, которые поддерживаютъ американскую государственную жизнь, будутъ попраны всякимъ насильнымъ захватомъ, въ какой бы туманъ его ни старались облечь нынѣшніе ослѣпленные правители страны.

П. А. Тверской.

16 марта 1899.
Лосъ-Анжелесъ.—Калифорнія.

ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ

„The Ways of Life“, by M. Oliphant.

I.

Ему было лѣтъ подъ шестьдесятъ; онъ былъ еще вполнѣ здоровый человѣкъ, и никакіе, хотя бы самые легкіе, недуги не напоминали ему о томъ, что онъ уже прошелъ бо̀льшую часть утомительнаго жизненнаго пути.

Онъ имѣлъ большой успѣхъ и даже могъ безспорно считаться любимцемъ публики; хотя его слава и не отличалась особенной громкостью, но онъ все-таки былъ выдающимся художникомъ и пользовался завидной популярностью. Изъ году въ годъ, въ продолженіе весьма значительнаго періода времени, онъ привыкъ жить въ достаткѣ, имѣть непрерывно множество хорошихъ заказовъ и выслушивать одобреніе, пріятное для его авторскаго самолюбія. Цѣлый рядъ и, такъ сказать, ровное теченіе всяческихъ успѣховъ, замѣчательно благодѣтельно вліяли на умъ и на состояніе души художника, на его настроеніе, всегда бодрое и безмятежное.

Ни самому Сандфорду, ни его женѣ, въ голову не приходило, чтобы такое отрадное положеніе дѣлъ могло когда-либо измѣниться. Его доходы въ концѣ года достигали обыкновенно извѣстной—и весьма внушительной—нормы, и онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто установленное, обезпеченное,—какъ бы на содержаніе, которое получаетъ въ опредѣленные сроки высокопоставленное лицо, состоящее на государственной службѣ. Домъ у Сандфорда былъ пріятный, уютный, радушно открытый для гостей, что̀ называется, домъ—полная чаша; была

при этомъ милая, всегда оживленная, но довольно неразсчетливая семья; и на придачу, художника окружала безоблачная атмосфера постоянныхъ успѣховъ и придавала всему самому обыденному оттѣнокъ чего-то особенно свѣтлаго, прекраснаго.

Сандфордъ зналъ, что въ обществѣ и въ уличной толпѣ онъ человѣкъ одинаково замѣтный; зналъ, что на него указываютъ шопотомъ другъ другу:

— Вы знаете, это—Сандфордъ, извѣстный художникъ!

Для него самого это не было непріятно, а тѣмъ болѣе льстило его супругѣ, м-съ Сандфордъ.

Она всю жизнь была для него вѣрнымъ товарищемъ и другомъ.

Въ началѣ, когда средства у нихъ были еще небольшія, она умѣла дѣлать такъ, чтобы на все хватало средствъ; она ухитрялась соблюдать извѣстное представительство въ обществѣ, поддерживать знакомства, необходимыя для дальнѣйшей карьеры ея мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ—о, чудо изъ чудесъ!—тратила самую бездѣлицу на свои, всегда приличные, наряды. Она сама вела хозяйство, но это не мѣшало ей терпѣливѣйшимъ образомъ, какъ самая лучшая изъ натурщицъ, исполнять всѣ требованія своего мужа-художника—нанимать ихъ пока было не на что. По этому поводу даже сложилась такая шутка.

— Въ каждой его картинѣ непремѣнно найдется хоть одна какая-нибудь черта лица м-съ Сандфордъ,—говорили ихъ близкіе и знакомые.—Смотрите:—начиная съ Іоанны д'Аркъ и кончая королевой Елизаветой англійской, всѣ эти лица—копія съ нея!

Дѣти—ихъ было четверо—всѣ уже подросли: дѣвочки были хорошенькія, живыя и весьма милыя свѣтскія барышни; мальчики—одинъ молодой юристъ, а другой—еще студентъ, только-что провалившійся на выпускномъ экзаменѣ, но не особенно принимавшій это къ сердцу. Для нихъ тоже жизнь текла гладко и беззаботно: Гарри былъ увѣренъ, что все равно, рано или поздно „все обойдется". Вообще, онъ былъ, что называется, добрый малый, и ему всѣ и всегда были рады: онъ былъ очень привѣтливъ и очень остроуменъ. Лидзи, старшая изъ сестеръ, премило пѣла, и всѣхъ и всегда выручала своей любезностью. Она и младшая сестра ея Ада, братья Джэкъ и Гарри,—всѣ они были молодой и счастливый народъ, привыкшій безъ разсчета тратить деньги, тѣмъ болѣе, что ни малѣйшаго стѣсненія въ этомъ направленіи въ семьѣ не замѣчалось. Иногда, когда м-съ Сандфордъ, бывало, качнетъ головой на ихъ какую-нибудь

затѣю, которая покажется ей слишкомъ дорогой, дѣти шутя возражали:

— Глупости, мамà! Вотъ еще вздоръ какой!

А Гарри прибавлялъ:

— Ну, это только такъ! это входитъ въ роль матери, и мамà считала бы себя неправой, еслибы не исполняла этой „материнской обязанности"!

И все продолжало идти по заведенной колеѣ. Молодежь безпечно веселилась, и первую тѣнь на ея свѣтлое настроеніе набросила забота о судьбѣ мальчиковъ; тревогу подняла сама м-съ Сандфордъ.

Однажды, когда у нихъ завтракалъ лордъ Окхэмъ, по уходѣ его, она обратилась къ мужу:

— А чтò, Эдвардъ, удалось тебѣ поговорить съ нимъ насчетъ Гарри?—спросила она.

— Ну, вотъ еще! Просить о чемъ-нибудь пріятеля, и то ужъ нелегко, а человѣка, котораго видишь второй разъ въ жизни...

— Жизнь или кошелекъ!—съ шутливою угрозой перебилъ его Гарри и разсмѣялся.

— Нѣтъ, чужого просить легче, чѣмъ друзей! Обращаясь къ знакомому, невольно подумаешь, что неловко извлекать пользу изъ его дружескихъ отношеній; а лордъ вѣдь просто твой поклонникъ и покупатель,—замѣтила м-съ Сандфордъ.—Я бы пристала къ нему съ... ну, словомъ, не долго думая.

— Мамà хотѣла сказать: „съ ножомъ къ горлу"!—воскликнулъ Гарри.—Каково? Она чаще нашего начинаетъ употреблять уличный жаргонъ.

— Однако, въ твои годы отецъ ужъ заработывалъ весьма значительно для молодого человѣка. Мы уже пробивали себѣ дорогу...

— Весьма было неосторожно съ вашей стороны пускаться въ путь такими юнцами!—воскликнулъ Джэкъ.

— Интересно знать, чтò бы вы сказали, если бы кто-нибудь изъ насъ выкинулъ такую штуку?—возразила Ада, которая только-что передъ тѣмъ старалась обратить на себя вниманіе сановитаго лорда.

Молодежь любила отца и мать, даже гордилась ими; но въ общемъ расходилась во взглядахъ, считая ихъ „устарѣвшими".

— Съ ними не сговоришься, ихъ не переспоришь!—подхватилъ отецъ семейства.—А все-таки, Гарри, мать твоя правду

говоритъ. Пора бы тебѣ перестать бездѣльничать; пока ты молодъ, тебѣ бы слѣдовало стремиться...

— Это еще къ чему, сэръ?—съ утрированной и шутливой почтительностью спросилъ Гарри.

М-ръ Сандфордъ повернулся и пошелъ прочь; онъ не могъ, да и не нашелся ничего возразить.

Вернувшись въ свою мастерскую, онъ въ сотый разъ почувствовалъ, что за послѣднее время она сдѣлалась для него единственнымъ убѣжищемъ отъ вѣчной суеты и смѣха, которыми теперь весь домъ наполняло молодое поколѣніе и его интересы. М-ръ Сандфордъ, наоборотъ, предпочиталъ молодыхъ, начинающихъ художниковъ: съ ними хоть что-нибудь у него найдется общее, хоть предметъ разговора. Онъ любилъ своихъ дѣтей; онъ считалъ, что они и умнѣе, и образованнѣе его, но во многомъ онъ съ ними не сходился, и, какъ ни забавлялъ его, иной разъ, ихъ шутливый жаргонъ, но скоро ему все стало надоѣдать, и онъ чувствовалъ себя хорошо единственно передъ своимъ станкомъ.

Съ палитрою въ рукѣ, Сандфордъ остановился передъ своей еще неоконченной картиной: размѣрами она превосходила всѣ, которыя онъ до сихъ поръ представлялъ на академическую выставку. И лордъ Окхэмъ нарочно приходилъ посмотрѣть на нее, съ цѣлью пріобрѣсти заблаговременно, если она понравится.

„Странно, однако, что онъ разсыпался въ похвалахъ, а о главной своей цѣли ни полъ-слова“!—думалъ художникъ, припоминая подробности этого посѣщенія, и, критически всматриваясь въ детали своего новаго произведенія, тщательно заслонялъ глаза рукою отъ свѣта.

„Гм! А вѣдь Даніэльсъ именно такъ и говорилъ: — Онъ богачъ; насчетъ цѣны вы съ нимъ не стѣсняйтесь: для него что̀ пятьсотъ фунтовъ, что̀ тысяча—все едино“.

Даніэльсъ, извѣстный торговецъ картинами и коммиссіонеръ Сандфорда, говорилъ это съ обычной своей добродушно-беззастѣнчивой увѣренностью, и когда сановитый лордъ ушелъ ни съ чѣмъ, художнику было больно разочароваться... Въ сущности, ну, сто̀ило ли придавать значеніе мнѣнію одного какого-нибудь отдѣльнаго лица, тѣмъ болѣе Окхэма? Для него, Сандфорда, мнѣніе даже такого вліятельнаго лица, какъ любой изъ министровъ, не могло имѣть вѣса.

„А все-таки Гарри не мѣшало бы подумать о службѣ. Да и Джэку также“!..

Сандфордъ ужъ не сегодня рѣшилъ, что ни одному изъ его

сыновей не слѣдуетъ быть художникомъ и зависѣть въ матеріальномъ отношеніи отъ каприза публики и торговца картинами. Кстати припомнилось ему, что онъ всегда старался дать своимъ дѣтямъ самое тщательное воспитаніе, чтобы въ этомъ смыслѣ совершенно ихъ обезпечить. И до сихъ поръ онъ былъ твердо убѣжденъ, что на ихъ счетъ онъ можетъ быть спокоенъ, потому что сдѣлалъ для нихъ все, что̀ только можетъ сдѣлать любящій отецъ.

Да, до сихъ поръ!.. Но въ настоящую минуту?.. Онъ задумался, почесывая себѣ кистью подбородокъ. Неужели сомнѣніе запало къ нему въ душу?.. И онъ почему-то еще разъ рѣшилъ, что пора пристроить Гарри.

Сандфордъ положилъ на мѣсто кисти и палитру и пошелъ, по обыкновенію, пройтись.

Въ былое время м-съ Сандфордъ зашла бы непремѣнно въ мастерскую и сказала бы мужу по поводу посѣщенія сіятельнаго лорда:

— Что̀? Ему не нравится этотъ лѣсистый уголокъ? Его сіятельство, кажется, вообразилъ, что онъ что-нибудь понимаетъ?

— Да нѣтъ же! Онъ не только понимаетъ, но даже еще судитъ обо всемъ весьма разумно. Помнишь, я говорилъ тебѣ, что я самъ недоволенъ сочетаніемъ тоновъ вотъ въ этомъ мѣстѣ,— надо бы разсвѣтить. Передній планъ...

— Ахъ, Эдвардъ! Какой вздоръ! Это такъ на тебя похоже: ты скромничать всегда готовъ и соглашаешься съ кѣмъ ни попало,—хоть поваренокъ прибѣги и начни тебя критиковать! Лучше пойдемъ, пройдемся!

Такъ, или приблизительно такъ, заключился бы ихъ разговоръ.

Но м-съ Сандфордъ не зашла въ мастерскую, и разговора этого не было между ними, по той простой причинѣ, что она сидѣла въ гостиной, улыбаясь остротамъ Лидзи и останавливая Джэка. Конечно, они не могли замѣнить ей общество мужа и не такъ нуждались въ ея присутствіи, какъ Эдвардъ; но она увѣрила себя, что долгъ материнства—приносить себя въ жертву дѣтямъ, и м-ру Сандфорду пришлось идти гулять одному.

Недѣли, мѣсяцы проходили одни за другими. Пришло ежегодное семейное торжество Сандфордовъ, день рожденія Джэка. Какъ водится, молодежь веселилась, танцовала; только отецъ чувствовалъ себя какъ-то жутко при мысли, что еще на годъ

старше сталъ его юристъ, а обезпеченнаго положенія все еще не имѣетъ.

— Я слышалъ, что онъ хорошо идетъ по адвокатурѣ,—замѣтилъ ему одинъ изъ почетныхъ гостей.

— Полноте, онъ почти ничего еще не заработалъ.

— О, кто же много заработываетъ съ самаго начала?—возразилъ добродушно пріятель.—Но, пока, зачѣмъ ему торопиться: онъ за вами, какъ за каменной стѣной!..

Сандфордъ промолчалъ, но самъ про себя подумалъ:

„По двѣ гинеи за защиту!.. Только двѣ гинеи! На нихъ не долго проживешь! А у Гарри и того меньше"!—и въ тотъ же мигъ ему стало и жутко, и тревожно, при мысли, что его неотвязчиво преслѣдуетъ забота о судьбѣ сына что̀ также тревожитъ и м-съ Сандфордъ, которая, уловивъ озабоченное выраженіе у мужа на лицѣ, тотчасъ же горячо спѣшитъ воскликнуть:

— Какіе они у насъ милые и какъ привязаны къ своей семьѣ! Замѣть, какъ они хорошо относятся къ своимъ сестрёнкамъ, и какое счастье для нашихъ дѣвочекъ, что братья живутъ вмѣстѣ съ ними!.. И наконецъ, не всякій можетъ такъ блестяще сдѣлать себѣ карьеру, не всѣ такіе геніи, какъ ты!—въ заключеніе прибавляла она, глядя на него съ оттѣнкомъ преданной любви и съ горячей восторженностью искренней поклонницы своего знаменитаго, талантливаго мужа.

Сандфордъ ничего ей не отвѣтилъ; какъ и всякому другому мужу, ему было пріятно, что жена такъ горячо гордится имъ и въ него вѣритъ.

II.

Посѣщеніе мастерской сановнымъ лордомъ было дѣломъ привычнымъ для Сандфорда, избалованнаго вниманіемъ и пристрастнымъ уваженіемъ публики; но на этотъ разъ оно было дуновеніемъ, предвѣстникомъ, или, вѣрнѣе, тѣнью-предвѣстницей тучи, которая грозила затмить свѣтлый, безоблачный горизонтъ. Самая туча надвинулась одинаково неожиданно, внезапно.

Его картину—большое историческое полотно—вернули съ академической выставки непроданной. Случалось то же самое и прежде, но прежде всегда была на это какая-нибудь уважительная причина, и все-таки картина, не признанная въ академіи, не долго застаивалась въ мастерской художника, откуда ее вскорѣ увозилъ выгодный покупатель. На этотъ разъ полотно

долго и красиво пестрѣло въ мастерской, веселя взоры м-съ Сандфордъ, какъ та говорила, прибавляя:

— Для меня нѣтъ ничего хуже, какъ разставаться съ картинами: это—самая непріятная сторона въ жизни жены художника.

Но Сандфордъ смотрѣлъ на это нѣсколько иначе, теперь, по крайней мѣрѣ. Какъ бы весело онъ ни былъ настроенъ, когда входилъ въ свою студію, — его лицо становилось сосредоточеннымъ и мрачнымъ, какъ только онъ становился передъ своей большой картиной, которая носила названіе „Чернаго Принца". Цѣлыми часами простаивалъ онъ надъ нею, вглядываясь въ малѣйшія подробности эффектнаго полотна, на которомъ были живыми красками переданы типичныя особенности средневѣковыхъ рисунковъ и костюмовъ.

Какъ ни пытался художникъ тончайшими штрихами и легкими мазками усилить общее впечатлѣніе картины,—все оказывалось излишнимъ: всѣ правила компановки и безъ того уже строго согласовались съ правилами, чуть не съ дѣтства преподанными художнику. Центральная группа женщинъ больше всего привлекала вниманіе зрителя своей красотою; больной воинъ, къ которому онѣ взываютъ, образецъ могучей силы и жестокости, выступающихъ еще отчетливѣе на его блѣдномъ, болѣзненномъ лицѣ. Противъ картины и ея компановки рѣшительно ничего нельзя было сказать; развѣ только, что, можетъ быть, не было причины для ея существованія.

Вслѣдъ за лордомъ Окхэмомъ, приходили и такъ же, какъ онъ, уходили ни съ чѣмъ прочіе посѣтители студіи Сандфорда; они оставляли по себѣ воспоминаніе о безчисленныхъ похвалахъ таланту художника и кое-какой поверхностной критикѣ, но и только! Болѣе существенныхъ результатовъ не давали эти посѣщенія.

Сандфордъ улыбался на ихъ неумѣлую критику, но стоило только гостямъ очутиться за дверью, чтобы эта улыбка искривилась и совсѣмъ пропала. Вѣдь, какъ ни смѣйся надъ невѣжествомъ незрѣлыхъ замѣчаній, все же они, эти самые любители, а не кто другой, просвѣщенные знатоки, создаютъ художнику успѣхъ, и мало удовольствія смотрѣть, что каждый меценатъ уноситъ съ собой тотъ самый чекъ на своего банкира, который долженъ бы переселиться въ карманъ любезнаго хозяина студіи. Эдвардъ Сандфордъ, положимъ, еще и не дошелъ до того, чтобы досадовать на это, но ему все-таки было не до смѣха, когда приходилось провожать своихъ посѣтителей одного за другимъ,

не получивъ отъ нихъ ни одного заказа. Джэкъ и его товарищи журналисты, съ большой самоувѣренностью разсуждавшіе о современной живописи, тоже тревожили художника: очень ужъ безжалостно громили они послѣднюю выставку.

— Можно было вообразить, что видишь предъ собою не картины на историческіе сюжеты, а съ десятокъ своихъ старыхъ знакомыхъ, нарядившихся въ различные костюмы, чтобы репетировать домашній спектакль,—говорилъ одинъ изъ самоувѣренныхъ критиковъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома. Все старыя „натуры", наряженныя шекспировскими королями. *Вы* это поймете, м-съ Сандфордъ: группы заурядныхъ людей, которые силятся во что бы то ни стало изобразить изъ себя историческіе типы.

— У меня еще живы въ памяти историческія полотна Уайта, — замѣтила м-съ Сандфордъ, и я прекрасно помню, что была отъ нихъ въ восторгѣ. Всѣ мы стремились на частное открытіе выставки, чтобы на нихъ полюбоваться прежде, чѣмъ публика; хотя въ то время я понимала въ живописи несравненно меньше, чѣмъ теперь.

— Ну, да, именно потому, что меньше понимали!—подхватилъ авторитетъ по живописи.—*Теперь* вы были бы о тѣхъ же картинахъ совсѣмъ другого мнѣнія.

— И не одинъ Уайтъ, вся школа историческаго жанра устарѣла,—возразилъ другой авторитетъ:—такъ точно, какъ отошла въ вѣчность мода на историческіе романы. Публикѣ надоѣли ряженые; жизнь слишкомъ коротка для этого рода живописи и литературы; подавайте намъ что-нибудь полное жизненной правды, полное духовной, внутренней красоты!..

— Чепуха!—воскликнулъ Гарри.—Очень нужны англичанамъ ваши оголенныя женщины!

— Англичане больше всего любятъ „дѣточекъ", „выздоравливающихъ", и „послѣднее свиданье", роковой часъ разлуки юнаго красавца съ юной красавицей, богиней его сердца,—подсказала одна изъ дѣвицъ.

— Понятно, этого рода сюжеты не изсякнутъ никогда. Но теперь ужъ такое время, когда всю силу картины составляютъ краски и художественность исполненія, сама по себѣ, а не сюжетъ, какъ это думали во время оно...

— Вы рѣшительно меня смущаете своими новыми взглядами. Я лично всегда была того мнѣнія, что главное—хорошій сюжетъ!

— М-съ Сандфордъ, помилуйте!—воскликнулъ одинъ изъ ея молодыхъ собесѣдниковъ и разсмѣялся. Другой поспѣшилъ под-

хватить, но съ той особой серьезностью, которая составляетъ отличительную черту насмѣшливо-язвительныхъ журналистовъ:

— Конечно, было время, когда всѣ такъ думали, и думали совершенно искренно. Но я не принадлежу къ числу людей, которые смѣются надъ наивными вкусами и воззрѣніями. Въ свое время всѣ такъ думали; а всеобщее мнѣніе, каково бы оно ни было, имѣетъ право на всеобщее уваженіе, — глубокомысленно заключилъ молодой человѣкъ.

Въ эту минуту вошелъ Сандорфъ, не сразу рѣшившійся выдать молодежи свое присутствіе.

— „Удивительно забавно слушать болтовню этихъ младенцевъ"!—говорилъ онъ самъ себѣ, слушая ихъ украдкой.

— Очень радъ, пріятно слышать, что вы такъ снисходительно относитесь къ старымъ „мазилкамъ"! — замѣтилъ онъ вслухъ, входя.—И въ тотъ же мигъ одинъ изъ молодыхъ журналистовъ оказался настолько внимателенъ, что постарался сдѣлать видъ, будто сильно сконфуженъ, такъ какъ его застали врасплохъ, и даже подобралъ свои небрежно вытянутыя ноги.

— А что̀, Джэкъ, — сказалъ художникъ сыну, какъ только журналисты удалились:—это вѣдь, пожалуй, всеобщее новое направленіе?

— Право, не знаю, какъ сказать,—съ натянутой усмѣшкой отвѣчалъ молодой юристъ.—У каждаго свое мнѣніе.

— Однако, это мнѣніе большинства, сколько мнѣ кажется.

— Пожалуй! Надо полагать, что оно мѣняется вмѣстѣ со смѣной поколѣній. Знаете, старые порядки отжили свое во всемъ, даже въ искусствѣ.

— А, понимаю! Вы думаете, что мы, старики, очень мало смыслимъ,—замѣтилъ художникъ и улыбнулся невеселою улыбкой. Его сердило, что эти глупые мальчишки ничего не понимають, а туда же, суются разсуждать!—„Но вѣдь они умѣютъ ловко изложить и приподнести публикѣ свою чепуху, а это отражается на общественномъ мнѣніи",—прибавилъ онъ про себя.

Вернувшись въ мастерскую, онъ, однако, попробовалъ взглянуть на своего „Чернаго Принца" съ точки зрѣнія этихъ „критиковъ", и въ самомъ дѣлѣ, ему начало казаться, что старики вельможи и самъ больной—все это старыя „натуры", какъ оно, впрочемъ, было и на дѣлѣ; что въ ихъ позахъ и въ общей компановкѣ больше старательнаго вымысла, нежели жизненной, захватывающей правды, особенно въ женскихъ фигурахъ.

„Мнѣ и всегда казалось, что эта рука должна быть на-

мѣчена нѣсколько иначе",—въ заключеніе подумалъ онъ и взялся за мѣлъ...

III.

Въ одинъ прекрасный день къ Сандфорду явился его пріятель и коммиссіонеръ Даніэльсъ, и не одинъ, а въ сопровожденіи какого-то новоиспеченнаго мецената милліонера, который устроивалъ себѣ картинную галерею и покупалъ все, что̀ подъ руку ни попало. Даніэльсъ водилъ его по мастерскимъ художниковъ, особенно такихъ, у которыхъ что-нибудь да „не выгорѣло". Этотъ богачъ былъ замѣчательно невѣжественный и беззастѣнчивый господинъ и говорилъ, не обинуясь, все, что̀ ему въ голову придетъ.

— Посмотримъ-ка, что̀ тутъ за штука? — проговорилъ онъ, подходя поближе къ „Черному Принцу".—Необыкновенно милыя дѣвушки, да, да. Но только чего онѣ столпились всѣ вокругъ этого больного? А! Вѣрно, что-нибудь такое...—и милліонеръ фамильярно подтолкнулъ локоткомъ художника. Даніэльсъ долго и громко смѣялся его выходкѣ; но Сандфордъ съ трудомъ могъ вызвать у себя на лицѣ простую улыбку. Съ грѣхомъ пополамъ, онъ пытался объяснить, что городъ осажденъ; почтенный посѣтитель, вѣроятно, знакомъ съ этимъ потрясающимъ событіемъ...

— Нисколько!.. Впрочемъ, пожалуй, осажденъ... ну, да! Конечно, осажденъ рабочими, которымъ сказали, что имъ не долго остается работать... Да, понимаю: человѣческая природа во всѣ времена и вездѣ все одна и та же. А только женщины въ Ланкаширѣ, могу васъ увѣрить, вмѣсто умильныхъ взглядовъ, задали бы ему законную трёпку. Не знаю, откуда вы себѣ раздобыли *такихъ* женщинъ: наши не такія!

Сандфордъ попробовалъ-было возразить, поясняя подробнѣе, въ чемъ тутъ дѣло; но богачъ уперся на своемъ собственномъ толкованіи картины, и сдвинуть его не было никакой возможности.

— Роскошная картина, хоть куда!—подхватилъ Даніэльсъ, перебивая обоихъ:—и что̀ жъ мудренаго? Это вѣдь „Сандфордъ", *знаменитый* Сандфордъ! Это полотно было еще красивѣе, когда висѣло около академическихъ шедёвровъ и собирало толпы зрителей... Я, кажется, не удивился бы, еслибъ его вдругъ обнесли рѣшеткой, какъ, напримѣръ, уже обнесена картина Фрита.

Онъ кивнулъ многозначительно въ сторону Сандфорда, и въ сердцѣ у художника защемило.

— У меня есть и Фритъ!—похвастался милліонеръ.

— У васъ будутъ *всѣ* современныя знаменитости, если будетъ хоть одинъ Сандфордъ!—по-пріятельски хлопая богача по плечу, замѣтилъ Даніэльсъ.

Милліонеръ запустилъ руки въ карманы и круто повернулся къ художнику.

— Я видывалъ не мало и такихъ картинъ, которыя нравились мнѣ больше этой.

— Знаю, знаю! Вы видѣли Миллэ,—поразительная вещь! Но только то подумайте, что это вдвое дешевле, а отдѣлка... Вотъ, обратите-ка вниманіе!—подхватилъ опять коммиссіонеръ, поворачивая гостя еще разъ лицомъ къ картинѣ.

— Не спорю, что работы въ этой картинѣ пропасть,—снисходительно отозвался тотъ:—особенно если она списана съ дѣйствительности; конечно, я ничего не имѣю противъ того, чтобы ею пополнить свою коллекцію; но я желалъ бы, чтобъ это соображеніе было принято въ разсчетъ при покупкѣ,—обращаясь къ Даніэльсу, прибавилъ онъ.—Видите ли, мистеръ... (а какъ его фамилія, Даніэльсъ?)—я не особенно въ восторгѣ отъ такого рода махинъ, до сюжета которыхъ трудно докопаться. Конечно, это эффектная, прекрасная картина; и я вѣрю Даніэльсу,—а онъ хвалитъ. Единственный человѣкъ, который знатокъ въ этомъ дѣлѣ, послалъ меня къ нему. — „Обратитесь, говоритъ онъ, къ Даніэльсу, и вы можете быть спокойны". Такъ я беру вашего „Принца"; только надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ скидочку въ сто—двѣсти фунтовъ. Деньги любятъ счетъ, и уступка полагается во всякомъ дѣлѣ.

— Ну, скажемъ: пятьдесятъ уступки, и, право, это еще дешево за такое превосходнѣйшее полотно,—возразилъ Даніэльсъ.

Лицо Сандфорда омрачилось. Онъ, какъ всегда, былъ расположенъ къ любезности, но торговаться!.. Онъ не могъ дольше сдерживать себя.

— Я никогда не...—началъ онъ горячо и тономъ высокомѣрія, который былъ ему совершенно несвойственъ. Но не успѣлъ онъ еще промолвить и двухъ словъ, какъ вдругъ запнулся, пораженный: Даніэльсъ тревожно поглядывалъ на художника, и лицо его подергивалось самыми невѣроятными гримасами; онъ хмурилъ и поднималъ брови, двигалъ губами; наконецъ, подъ предлогомъ посмотрѣть на какой-то эскизъ, сталъ между покупателемъ и Сандфордомъ для того, чтобы прошептать глухимъ, но повелительнымъ шопотомъ:

— Соглашайтесь!

Сандфордъ остолбенѣлъ.

Онъ въ недоумѣніи смотрѣлъ то на богача, то на комиссіонера, то на свою картину. Губы его уже сложились, чтобы возразить невѣжественному меценату, что онъ не уступитъ никому своего „Чернаго Принца“ за такую цѣну!.. Но что-то остановило его, и онъ хриплымъ голосомъ проговорилъ, обращаясь къ милліонеру:

— Я не умѣю вести свои денежныя дѣла и оставляю ихъ въ рукахъ Даніэльса.

— Плохая система, плохая система!—воскликнулъ тотъ.— Всякій долженъ самъ вести свою торговлю...

Сандфордъ его не слушалъ. Онъ отошелъ въ сторону и, повидимому, углубился въ пересматриваніе цѣлой коллекціи своихъ набросковъ. Дѣлая видъ, что глубокомысленно вглядывается въ каждый по очереди, художникъ съ болью въ сердцѣ слѣдилъ за Даніэльсомъ. Тотъ что-то нашептывалъ богачу, и у послѣдняго порою прорывались довольно громкія возраженія. Словъ не было слышно, но и звукъ спора мучительно вліялъ на настроеніе Сандфорда. Ему хотѣлось броситься на нихъ, крикнуть имъ, что онъ одинъ имѣетъ право рѣшать за себя... но что-то мѣшало ему, сдерживало его гнѣвные порывы, хоть онъ и самъ не могъ бы сказать, что̀ именно это было.

Оказалось, что Даніэльсъ продалъ „Чернаго Принца“ лишь на пятьдесятъ фунтовъ ниже назначенной цѣны,—но не эта бездѣлица смущала художника. Мало-по-малу, онъ овладѣлъ собою настолько, что могъ сдержанной улыбкой отвѣтить на приглашеніе милліонера „побывать у него и присутствовать при водвореніи картины на новомъ мѣстѣ“.

Оба ушли, какъ и пришли,—вмѣстѣ. Они гораздо лучше могли понимать другъ друга, и не гордому, чуткому душой художнику толковать съ денежнымъ тузомъ... Вскорѣ, однако, негодованіе его улеглось настолько, что онъ даже невольно усмѣхнулся, припоминая происшедшее, и стряхнулъ съ себя послѣднюю неловкость.

— А я вѣдь продалъ своего „Принца“!—проговорилъ онъ почти съ удовольствіемъ, входя въ гостиную, и голосъ его зазвучалъ почти побѣдоносно, при воспоминаніи о томъ, какъ судятъ о живописи Джэкъ и его товарищи.

— А!—воскликнула м-съ Сандфордъ полу-радостно, полуогорченно.—Я такъ и знала, что не долго намъ придется давать пріютъ твоей картинѣ,—и она оглянулась съ такимъ видомъ, какъ будто бы ей кто-нибудь перечилъ.

— Кого же поддѣли, признавайтесь!—воскликнулъ Гарри, обращаясь къ отцу.

— Неужели этого ужаснѣйшаго господина, который приходилъ съ Даніэльсомъ. О, папа! Вотъ ужъ никогда бы не подумала, что ты можешь продать такую прекрасную картину *такому* человѣку!—вмѣшалась Лидзи.

— Покровителей искусства выбирать не приходится,—возразилъ художникъ.—Имъ, какъ и скаковымъ лошадямъ, въ зубы не смотрятъ. Конечно, и въ моей студіи найдутся недочеты, если ужъ такъ говорить.

— Конечно, лишь бы не скупился на банкирскіе чеки...—согласилась жена, и художника немного покоробило это упоминаніе о чекахъ.

Передавъ ей листокъ съ обозначеніемъ суммы, за которую онъ продалъ „Чернаго Принца", Сандфордъ ожидалъ, что она сдѣлаетъ замѣчаніе насчетъ скидки въ пятьдесятъ фунтовъ; но она недаромъ была его женой уже безъ малаго три десятка лѣтъ, и промолчала, несмотря на то, что прекрасно замѣтила тѣнь неудовольствія у мужа на лицѣ.

„Неужели такая бездѣлица его взволновала? — подумала она.—Не такой онъ человѣкъ, чтобы придавать значеніе деньгамъ".

Упаковка и отправка „Чернаго Принца" на нѣкоторое время всецѣло заняли вниманіе Сандфорда.

Начался уже августъ мѣсяцъ, а вмѣстѣ съ нимъ и сборы всей семьи на морскія купанья. Отецъ семейства не любилъ суеты переѣздовъ, и намѣревался провести дома, одинъ, еще нѣсколько дней, пока семья его окончательно водворится на новомъ мѣстѣ. Передъ самымъ ихъ отъѣздомъ зашелъ къ Сандфорду одинъ изъ товарищей Джэка, который давно ухаживалъ за Лидзи. Противъ его сватовства ничего нельзя было возразить, и всѣ семейные давно смотрѣли на его предложеніе, какъ на дѣло рѣшенное; жениху не хватало только—денежныхъ средствъ, такъ какъ онъ еще начиналъ свою карьеру. Сандфордъ счелъ своимъ долгомъ предупредить м-ра Мультона, что у Лидзи нѣтъ состоянія, и ему показалось, что для жениха это была неожиданная новость.

— О, это мнѣ все равно,—замѣтилъ онъ, но какъ-то смущенно посмотрѣлъ въ лицо своему будущему тестю.

— Онъ, кажется, былъ разочарованъ,—говорилъ потомъ женѣ художникъ.

— О, Эдвардъ! Мультонъ такой милый, такой безкорыстный молодой человѣкъ.—Однако, м-съ Сандфордъ слегка вздохнула и

прибавила.—Если бы у Лидзи было хоть немножко своихъ собственныхъ денегъ! Ну, хоть на тряпки. Для замужней женщины такъ много значитъ имѣть свой кошелекъ; тяжело обращаться къ мужу за каждымъ пустякомъ.

— Развѣ и ты такъ думала?—спросилъ онъ съ улыбкой, но сердце у него больно сжалось.

— Я... Но вѣдь мы съ тобою были не такіе, какъ всѣ; такіе мы были оба глупые!—и ея лицо мигомъ освѣтилось.—Но дочерей своихъ мы выдаемъ совсѣмъ иначе.

— Если Лидзи будетъ хоть въ половину такъ же хороша къ нему, какъ была ты...

— О, молчи, молчи!—горячо вырвалось у нея, и она закрыла ему ротъ своей изящной ручкой.—Мультонъ не стòитъ и сотой доли моего мужа!—потомъ она вдругъ разсмѣялась своей фамильярности и, задумчиво покачнувъ головой, повторила:—Но вѣдь *мы* выдаемъ нашихъ дочерей совсѣмъ иначе.

Послѣ того, неоднократно возвращаясь къ вопросу о карманныхъ деньгахъ Лидзи, супруги рѣшили, что назначатъ ей пятьдесятъ фунтовъ въ годъ...

— Все равно, что проценты съ капитала въ тысячу фунтовъ,—замѣтила м-съ Сандфордъ, не особенно свѣдущая въ такихъ дѣлахъ.—Приблизительно столько же, сколько она получитъ послѣ нашей смерти...

Сандфордъ, обыкновенно не затруднявшійся въ случаѣ, если приходилось дѣлиться деньгами, теперь колебался, словно его тревожила какая-то боязнь; а между тѣмъ все, повидимому, обошлось благополучно: „Черный Принцъ“ проданъ, и чекъ за него еще увеличилъ капиталъ, который лежалъ у Сандфордовъ въ банкѣ на храненіи. М-съ Сандфордъ никогда не разспрашивала мужа о денежныхъ дѣлахъ, о числѣ заказовъ и о его будущихъ картинахъ... А за послѣднее время она относилась еще болѣе невозмутимо ко всему, чтò не касалось прямо ея дочерей и сыновей.

IV.

Всѣ уѣхали, и въ домѣ водворилась удручающая тишина. Жутко становилось при видѣ пустоты и безлюдности тѣхъ уголковъ, въ которыхъ еще такъ недавно звенѣлъ звонкій смѣхъ беззаботной молодежи.

Весь первый день Сандфордъ старался забыться за работой

и дѣйствительно увлекся удачною отдѣлкой своей новой „картинки", предназначенной его старому другу и товарищу.

Домъ художника стоялъ въ томъ не-аристократическомъ кварталѣ, который лежитъ между Сэнтъ-Джонсъ-Уйдомъ и Реджентсъ-Паркомъ; при домѣ былъ большой и красивый садъ, который при лунномъ свѣтѣ былъ чрезвычайно и какъ-то жутко прекрасенъ эффектною борьбой луннаго свѣта съ непроглядной, черной темнотою, царившей межъ растеній въ его оранжереѣ. Рѣзкость свѣта и тьмы забавляла художника, и ему пришло въ голову, что не дурно бы занести эти свѣтовые эффекты на полотно и тѣмъ стяжать успѣхъ въ глазахъ современныхъ молодыхъ критиковъ.

Набрасывая задуманный эскизъ, онъ почти рѣшилъ планъ дѣйствій.

— Пошлю имъ, на выставку... безъ подписи, конечно. Наглядно докажу этимъ молокососамъ, что и старый „мазилка" можетъ превзойти ихъ нехитрыя штуки и побить ихъ—ихъ же собственнымъ оружіемъ!

Но пришло утро, и Сандфордъ съ негодованіемъ бросилъ въ огонь свой „модный" эскизъ: его въ ужасъ привела грубость сочетаній бѣлыхъ и черныхъ тоновъ, оскорблявшая его художественный вкусъ.

Въ тотъ день работа у него шла вовсе ужъ не такъ успѣшно, и по мѣрѣ того, какъ его кисть лѣниво двигалась по полотну, приближая моментъ окончанія картины, въ головѣ художника все ярче обрисовывался роковой фактъ, который вызвалъ въ немъ ощущеніе чего-то ужаснаго и неизбѣжнаго... Горячей волною прилила кровь къ сердцу и отлила, оставивъ по себѣ нервный холодокъ, пробѣжавшій по всему тѣлу; рука невольно перестала водить кистью; что-то влажное, холодное выступило на лбу. Въ первую минуту онъ даже не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что именно вызвало въ немъ такое потрясеніе; но мало-по-малу, приходя въ себя, Сандфордъ не могъ отогнать отъ себя того самаго факта, который въ другую пору не могъ бы повліять на его обычное настроеніе, но теперь!.. Теперь ему вдругъ показалось чѣмъ-то особенно ужаснымъ не имѣть впереди заказа,— ни одного заказа!

— Ну, что жъ такое!—спросилъ онъ самъ себя, отирая потъ съ холодѣющаго лба.—И прежде сколько разъ это бывало... но тогда! Тогда вся жизнь была у меня впереди; тогда на мнѣ такіе перерывы отзывались только матеріально. А теперь—это, такъ сказать, нравственный убытокъ! Это—пониженіе славы въ

глазахъ толпы, создающей художнику успѣхъ; это—потеря того мѣста, которое многолѣтніе труды создали мнѣ въ ряду извѣстныхъ художниковъ; это все равно, что терять почву подъ ногами и не имѣть возможности,—не имѣть ни силы, ни времени стать снова твердо на прежнее мѣсто. Жить остается недолго, и на полный возвратъ прежнихъ силъ надежды мало. Безпечная, привольная жизнь рухнетъ, и взамѣнъ ея останется такая, которая несравненно хуже полнаго небытія... несравненно ужаснѣе, мучительнѣе смерти!

Кисть выпала у него изъ рукъ, ноги и руки задрожали, и онъ, шатаясь, опустился въ ближайшее кресло.

Впрочемъ, такое состояніе длилось у него не долго. Недаромъ въ жизни художника бываютъ часто крутыя минуты: онъ поучается не падать духомъ и, при малѣйшемъ возвращеніи успѣха, а съ нимъ и матеріальной обезпеченности,—пользоваться всѣми выгодами этого переворота. Сандфорду приходилось не разъ испытывать на себѣ подобныя превратности судьбы, и даже въ тѣ времена, когда карьера его была уже вполнѣ обезпечена, онъ никогда не могъ заранѣе сказать, когда и откуда почерпнетъ въ будущемъ году средства для продолженія своего почти расточительнаго образа жизни...

Съ улыбкой припоминая прошлое и успокаиваясь постепенно, Сандфордъ твердо всталъ на ноги и, съ палитрою въ рукѣ, опять отдался любимому дѣлу.

Въ то утро его „натура“ не должна была придти къ нему, и художникъ углубился въ разработку деталей. Краски ложились особенно удачно, и давно уже Сандфордъ не былъ такъ доволенъ дѣломъ рукъ своихъ. Кончикъ откинутаго штофнаго платья богатой венеціанки выступалъ теперь какъ живой подъ искусными, увѣренными взмахами кисти художника. Ободренный успѣхомъ, онъ продолжалъ энергично работать, пока не кончилъ начатаго, и тогда только почувствовалъ онъ усталость отъ приподнятаго настроенія, и какъ бы съ нѣкоторой досадою и облегченіемъ отложилъ въ сторону кисти и палитру.

Еслибъ въ эту минуту онъ могъ пойти къ женѣ и пройтись по саду вмѣстѣ съ нею,—этого чувства не было бы и помину; но даже перекинуться съ нею хоть словечкомъ было невозможно: она была далеко, да впрочемъ, еслибъ и была дома, то вѣрно ничего бы не замѣтила, вся поглощенная хлопотами о предстоящей свадьбѣ Лидзи.

— Ничто меня не разсѣетъ, нѣтъ!—думалъ онъ, снова под-

даваясь безотчетно жуткому чувству:—Одинъ! Одинъ!..—И никогда еще не тяготило его такъ добровольное уединеніе.

За завтракомъ онъ ничего ѣсть не могъ, и, грустно задумавшись, сидѣлъ въ своемъ глубокомъ креслѣ.

„А! Пойду спросить Даніэльса“! — мелькнуло у него въ головѣ.—Но что̀ спросить? Въ этомъ онъ не могъ отдать себѣ отчета.

Не могъ же онъ обратиться ни къ кому изъ своихъ друзей; не могъ прямо имъ сказать:

— „Моя пѣсня спѣта, развѣ вамъ это не замѣтно? Скажите: правда ли, что я больше не владѣю кистью, какъ прежде, со всей тонкостью высшаго искусства? Правда ли, что я постарѣлъ, а мой умъ утратилъ свою гибкость и разрушается постепенно“?..

Онъ даже улыбнулся,—до того нелѣпо и смѣшно было бы подобное обращеніе къ кому бы то ни было; вѣдь самъ же онъ прекрасно зналъ, что его умственныя способности не ослабѣли ни на іоту, а все-таки...

Онъ вдругъ рѣшился и даже съ удовольствіемъ отправился въ такой дальній путь, какъ Бондъ-Стритъ, гдѣ находился магазинъ Даніэльса. Воздухъ свѣжѣлъ, и пройтись не спѣша было даже полезно.

Когда Сандфордъ подошелъ къ цѣли своего путешествія, Даніэльсъ съ заискивающей почтительностью выпроваживалъ какого-то (вѣроятно, очень знатнаго) посѣтителя. Заслыша имя художника, уходившій остановился и видимо былъ доволенъ встрѣчею съ нимъ.

— Пожалуйста, познакомьте меня, Даніэльсъ, если это тотъ самый знаменитый Сандфордъ!—проговорилъ онъ.

— Какъ же, сэръ Вильямъ, онъ самый!

Сэръ Вильямъ горячо пожалъ ему руку и прибавилъ:

— Давно я добивался этого удовольствія!

Такое радушіе тронуло художника, и, ободренный такимъ восторженнымъ пріемомъ, онъ поддался отрадному сомнѣнію:

„А можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ еще нѣтъ ничего такого“?..—подумалъ онъ.

— Какое счастье, что вы подоспѣли какъ разъ во̀-время!—воскликнулъ Даніэльсъ, провожая глазами удалявшагося покупателя.—Вѣдь этотъ сэръ Вильямъ Блумфильдъ—самый для васъ настоящій человѣкъ!

— Почему же именно для меня, а не для кого-либо дру-

гого? Я знаю его по имени, конечно, и онъ, повидимому, человѣкъ радушный; но я ужъ слишкомъ старъ для того, чтобъ заводить новыя знакомства.

— Слишкомъ старъ! Слишкомъ старъ! Опять завели старую пѣсню!—перебилъ его Даніэльсъ и, весело потирая руки, проговорилъ:—Самый онъ для васъ подходящій человѣкъ, самый подходящій!

Сандфорда забавляла восторженность Даніэльса, и онъ отдался впечатлѣнію минуты, забывая про свою тревогу. Обходя по обыкновенію ряды картинъ, выставленныхъ въ магазинѣ его коммиссіонера, онъ уже совсѣмъ свободно принялся критиковать однѣ и хвалить другія.

Даніэльсъ не отставалъ отъ него и, какъ человѣкъ благоразумный, не перебивалъ гостя. Не мало тонкихъ и толковыхъ сужденій, не мало цвѣтистыхъ и технически-прекрасныхъ, мѣткихъ фразъ почерпнулъ онъ изъ этихъ осмотровъ, а потомъ поражалъ не только своихъ посѣтителей, но и знатоковъ живописи „своими“ тонкими и просвѣщенными „взглядами“, которые какъ бы „наводили“ особый „лоскъ“ на его грубоватое и чисто-практическое отношеніе къ предметамъ искусства.

Какъ и всегда, онъ восторженно вслушивался въ каждое слово Сандфорда.

— Ахъ, что̀ у васъ за бездна познаній! Я никого не знаю другого, кто бы могъ судить обо всемъ такъ ясно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ глубоко! Право, другъ мой! Просто стыдно, что...

Даніэльсъ вдругъ запнулся и притворно закашлялся, чтобы скрыть смущеніе.

— Что̀ стыдно, что̀? — воскликнулъ Сандфордъ, и мигомъ его свѣтлое, счастливое настроеніе пропало.—Даніэльсъ, послушайте! Вы должны мнѣ сказать, почему вы тогда заставили меня принять предложеніе Окхэма... Да, заставили, заставили! Если бы не вы, никогда бы я не уступилъ ему своей картины.

— Я его заставилъ!? Шутка сказать,—„заставить“ самаго страшнаго упрямца во всемъ Лондонѣ!

— Полно! Я вижу, что вы хотите увернуться. Ну-ка, ну: говорите, признавайтесь, къ чему вамъ это было нужно?

Съ минуту Даніэльсъ помолчалъ, а затѣмъ пустился объяснять происшедшее, объяснять многорѣчиво, сбивчиво, и одно только выяснилъ своему другу и кліенту: то самое, что̀ ему больше всего хотѣлось утаить.

— Понимаю!.. Значитъ, вы боялись, что мнѣ не удастся

продать моего „Принца" никому, кто больше его знаетъ толкъ въ живописи!—замѣтилъ Сандфордъ.

— Ахъ, да нѣтъ! Это все не то... Они сами ничего не знаютъ, чортъ ихъ побери! иначе стали бы они бѣгать за такимъ бревномъ, какъ Блэнкъ, а на васъ—нуль вниманія!

Слабой, неудавшейся улыбкой (онъ самъ это чувствовалъ) отвѣтилъ ему художникъ:

— Должны же мы когда-нибудь и Блэнку дать дорогу! Я къ нему не питаю злобы, мнѣ бы хотѣлось только знать, почему мое дѣло теперь стоитъ такъ худо? Мои картины всегда вѣдь продавались.

Даніэльсъ вскинулъ на него глазами и вдругъ какъ бы умолкъ, не начавъ говорить.

— Мнѣ никогда не приходилось жаловаться на судьбу. Въ общемъ, мнѣ жилось хорошо,—продолжалъ Сандфордъ,—несмотря на то, что я никогда не загребалъ такихъ бѣшеныхъ денегъ, какъ другіе.

— Конечно нѣтъ,—согласился Даніэльсъ.—Вы никогда не имѣли, что называется, подавляющаго успѣха, но всю жизнь свою работали прекрасно. Умирать буду,—то же самое скажу чистосердечно: вы хорошій работникъ и добросовѣстный, но не блестящій, нѣтъ!

— А что жъ? Пожалуй, ваша правда!—смѣясь, согласился художникъ:—только ужъ зачѣмъ такъ черезчуръ откровенно...

— Откровенно?! Ну, да! Вѣдь заговоришь по неволѣ откровенно, когда... Чортъ знаетъ, что̀ за безсовѣстный народъ!..—вдругъ, возвышая голосъ, крикнулъ сердито Даніэльсъ.

— Какой народъ? Если ужъ мы до этого договорились, такъ, надѣюсь, вы скажете мнѣ, наконецъ.

— Скажу, конечно, если ужъ вы меня къ стѣнѣ приперли! Я вѣдь верчусь какъ разъ въ самомъ водоворотѣ и слышу все, что̀ люди говорятъ.

— Ну, что̀ же они говорятъ такого? Что я пересталъ различать цвѣта, какъ, напримѣръ, Мильрэнъ, или поддаюсь самообольщенію, какъ...

— Вздоръ! Пустяки! Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что мнѣ приходилось бороться за васъ... А между тѣмъ, вы пишете ничуть не хуже прежняго, и у людей—или глазъ нѣтъ, или вы слишкомъ хороши для нихъ, и они не умѣютъ васъ оцѣнить... Да не смотрите на меня такими глазами! Не улыбайтесь!.. Поймите: сто разъ говорилъ я имъ: Сандфордъ! Да, Сандфордъ вѣдь

у насъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ! Болѣе образованнаго и развитого художника во всей Англіи не сыщешь!..

— Неужели такъ много изъ-за меня спорить приходилось? Я и не зналъ, что имѣю такое значеніе. А по какому же поводу вамъ пришлось спорить, Даніэльсъ? Я здѣсь не вижу ни одной своей картины.

— Если не вѣрите, смотрите!—и Даніэльсъ распахнулъ дверь въ смежную комнату.

Мгновенія ока было довольно для того, чтобы Сандфордъ, едва переступивъ порогъ, замѣтилъ прислоненныя къ стѣнѣ три картины, стоявшія рядомъ, лицомъ къ обоямъ.

— Послушайте!—говорилъ Даніэльсъ, стремясь къ самозащитѣ, и, уже не думая о состраданіи къ мукамъ ближняго:—Послушайте, я вамъ ни слова не сказалъ бы, еслибы вы ко мнѣ не приставали.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ подойти и повернуть лицомъ къ свѣту злополучныя дѣтища художника, тотъ уже зналъ, не глядя, содержаніе и достоинства каждаго изъ нихъ. Сандфордъ готовъ былъ сгорѣть со стыда, провалиться сквозь землю.

— Вотъ вамъ доказательство, до чего я въ васъ вѣрилъ,— говорилъ Даніэльсъ.—Помните, я самъ ихъ купилъ у васъ: я думалъ, что онѣ у меня не залежатся, стоитъ только вывѣсить въ магазинѣ. Такъ нѣтъ же,—никто не покупаетъ! Я просто не могу понять, чего имъ еще надо?

Сандфордъ стоялъ смущенный. Глаза его потускнѣли и безцѣльно смотрѣли въ пространство, ничего не видя.

— Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ, вы бы... Я бы долженъ...—запнулся онъ.

— Полно, не принимайте близко къ сердцу,—право, не стоитъ, мой другъ! Таковъ законъ борьбы: сегодня побѣдитъ одинъ, а завтра счастье можетъ ему измѣнить и улыбнется другому. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, вы сами знаете: таковъ законъ природы. Придетъ время, и опять все пойдетъ по прежнему—только бы переждать годковъ пять-шесть,—опять все обойдется.

— А? Что̀ вы сказали?—растерянно переспросилъ художникъ.—Да, да, все, конечно...

— Сандфордъ, что̀ съ вами?.. Ахъ, я глупый! Послушайте, выпейте хоть глотокъ вина!

— Ничего, ничего, только немножко какъ будто холодно, и вѣтеръ такой рѣзкій!.. Благодарю васъ, Даніэльсъ. Теперь я, кажется, все понимаю.

— Постойте! Не уходите такъ вдругъ, мнѣ за васъ страшно:

у васъ такой ужасный видъ! Васъ одного нельзя пустить... возьмите провожатаго!

— Провожатаго?! Надѣюсь, вы это говорите не съ цѣлью меня оскорбить? Я здоровъ совершенно! Только немного озадаченъ,—вотъ и все! Пойду, пройдусь... Это самое лучшее. Благодарю еще разъ; до свиданія!

— Лучше бы вамъ поѣхать.

— Нѣтъ, благодарю! Я *не* поѣду. До свиданія!

Еще минута, и онъ ушелъ, а коммиссіонеръ—долго и тревожно смотрѣлъ ему вслѣдъ, раскаяваясь, что былъ такъ неостороженъ.

„Ну, развѣ можно было ожидать, что онъ это такъ приметъ къ сердцу?—думалъ онъ.—Нѣтъ, я зналъ, я былъ обязанъ знать, что онъ человѣкъ страшно гордый и самолюбивый. Я слишкомъ опрометчивъ и всегда выкину что-нибудь такое, въ чемъ сейчасъ же каюсь... Впрочемъ, рано или поздно, онъ все-равно узналъ бы“...

На этомъ философскомъ заключеніи Даніэльсъ и успокоился.

V.

Сандфордъ началъ приходить въ себя лишь подходя почти къ своему дому. Всю дорогу онъ шелъ, не слыша гомона уличной толпы, не видя передъ собой ничего, кромѣ своихъ трехъ картинъ, лицомъ къ стѣнѣ! А съ какимъ удовольствіемъ онъ ихъ писалъ! Какъ онъ былъ радъ, что его любимица-дочь Мэри служила ему моделью для одной изъ нихъ.

— Жаль, что мы не смѣемъ позволить себѣ роскошь оставить эту картину у себя!—воскликнула тогда м-съ Сандфордъ:—продавать ее—все равно, что продавать свою собственную плоть и кровь.

А эта самая картина (королева со своими маленькими дочерьми) какъ разъ не продается!.. Стыдно признаться, что на *ею* картины нѣтъ спроса, нѣтъ покупателя.

„А Даніэльсъ, — этотъ торговецъ, невѣжественный, какъ скотина? Онъ чутьемъ можетъ распознать вещь, достойную вниманія; но сказать, чѣмъ именно она хороша,—онъ не въ состояніи. И этотъ самый Даніэльсъ (меня жалѣя!) самъ покупаетъ мои картины и своихъ покупателей уступаетъ мнѣ! Мало того: самъ ихъ ко мнѣ приводитъ, и заставляетъ покупать моего „Чернаго Принца“, котораго никто бы не купилъ“!..

Сердце до боли защемили и униженіе, и стыдъ, и чувства благодарности и восхищенія передъ великодушіемъ Даніэльса; въ головѣ мысли помутились и вдругъ оборвались. Сандфордъ вглядѣлся въ окружающую его обстановку, и его поразила зеленая листва деревъ, трепетавшая подъ лаской вѣтерка, и мягкость воздуха, непохожаго на обычный городской, и красота тихаго перехода дня въ полу-тьму августовскихъ сумерокъ,—все это влекло его къ себѣ даже въ такой моментъ, какъ теперь. Онъ отъ природы чутко откликался на все житейское, живое, какъ бы ни было оно заурядно и незамысловато. До сихъ поръ ему не приходилось переживать такого трагическаго момента, а если что и было для него тяжелымъ испытаніемъ, то онъ относился ко всему незлобиво, легко, не унывая. Теперь онъ ужъ не могъ относиться ни къ чему спокойно. Воображеніе его работало и рисовало, подъ впечатлѣніемъ заката, фантастическія картины гибели, среди безоблачнаго счастія.

Человѣкъ идетъ себѣ безпечно, безмятежно по широкому простору цвѣтущихъ полей... идетъ, и вдругъ у него изъ-подъ ногъ катятся камешки, одинъ, другой... потомъ еще, еще... Это лишь неожиданное предостереженіе, а впереди и самая опасность: ужаснѣйшая пропасть!..

Для Сандфорда ничего въ мірѣ отраднаго больше не оставалось: онъ терялъ почву подъ ногами, а впереди зіяла роковая, неизбѣжная погибель! Въ думахъ своихъ онъ и не замѣтилъ, что подошелъ къ своему дому, имѣвшему, какъ всегда, самый гостепріимный, самый мирный видъ...

Если бы стѣны дома пошатнулись и грозили ежеминутно рухнуть, если бы садъ заросъ бурьяномъ—это нисколько бы его не удивило; но для Сандфорда удивительнѣе всего было видѣть, что домъ его стоитъ, по прежнему, цѣлъ и невредимъ,—безмятежно красуясь на краю зловѣщей бездны, которая должна поглотить и его самого, и все, что ему дорого и близко. Сандфордъ обошелъ весь садъ и, глядя на привѣтливо раскрытыя окна наряднаго дома, невольно задавалъ себѣ вопросъ: распадется ли онъ во прахъ, когда раздастся первый гулъ приближающагося разрушенія, и всѣ увидятъ у самыхъ ногъ своихъ разверзшуюся бездну?

До настоящей минуты онъ никогда еще не отдавалъ себѣ вполнѣ отчета въ томъ, до чего домъ его полонъ самыхъ изысканныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и скромныхъ удобствъ. Теперь, когда хозяевъ не было дома, а прислуга еще не успѣла запустить заведенный порядокъ и опрятность,—въ опустѣлыхъ ком-

натахъ было такъ хорошо, и тихо, и уютно. Нигдѣ ни малѣйшаго намека на дешевые, грубые эффекты; повсюду мягкіе, богатые ковры, венеціанскія зеркала, изящныя занавѣси и драпировки; повсюду множество картинъ—и не только его собственныхъ, а и другихъ,—лучшихъ художниковъ; нигдѣ ни одного пустого или некрасиваго мѣстечка... Сандфордъ прошелся по комнатамъ, все время, до боли, въ мозгу сознавая, что всему этому каждую минуту можетъ придти конецъ...

„Если-бъ я былъ принцъ крови, можетъ быть, моя обстановка была бы значительно богаче этой, но только не уютнѣе"!—думалъ онъ, сидя въ одиночествѣ за своимъ вкуснымъ обѣдомъ.—Оно и лучше, что ихъ нѣтъ никого,—продолжалъ онъ, отодвигая отъ себя тарелку.—Будь они здѣсь, было бы еще тяжелѣе; начались бы разспросы: — Что̀ ты не кушаешь? Ты боленъ, Эдвардъ?.. Папа́, что̀ это съ тобой?.. и т. п. А этого я, кажется, не могъ бы выдержать..."

При входѣ въ студію, первое, что̀ ему бросилось въ глаза—кончикъ штофной матеріи, который вышелъ у него наканунѣ такъ удачно; онъ рѣшительно выдавался изъ всей картины, будто написанный рукой другого.

— Возможно ли, чтобы *я* это написалъ,—я, а не кто другой? И даже той же самой кистью, которая работала надъ всѣми остальными частями картины. Если бы мнѣ случилось увидать этотъ лоскутокъ матеріи, и если-бъ авторъ его былъ молодой, начинающій художникъ, я, несомнѣнно, обратилъ бы на него свое вниманіе, предсказалъ бы ему блестящій успѣхъ... Но я уже старъ; для меня нѣтъ успѣховъ впереди. Успѣхи мои радовали меня въ свое время, и миновали... повидимому, навсегда.

Нѣсколько дней тому назадъ, онъ еще думалъ иначе; онъ былъ спокоенъ насчетъ благосостоянія своей семьи; онъ былъ увѣренъ, что все богатство художника—въ его извѣстности, въ неистощимомъ запасѣ его творчества...

Но теперь глаза его раскрылись; онъ убѣдился, что всѣ его творенія, и онъ самъ на придачу — старый хламъ, не больше! И ничего-то, ничего не можетъ онъ сдѣлать для семьи, которой его работа больше ужъ не въ состояніи доставить хлѣбъ насущный! А было время, — онъ надѣялся, что всю свою жизнь будетъ въ возможности добывать для своей семьи все, хотя бы необходимое, — этотъ самый „хлѣбъ насущный". А теперь, и хлѣба насущнаго у нихъ вовсе не будетъ... вотъ развѣ только страховыя деньги?.. Да и тѣхъ не получишь, пока не умрешь. Впереди—ничего, ровно ничего! Нé на что надѣяться; нé на

чтò опереться... Если случается кому проиграть деньги или проторговаться, все это еще поправимые убытки; но когда все рушится, все обрывается, какъ подкошенное,—тутъ ужъ не возмѣстить убытковъ; утраченнаго не вернешь и не нагонишь! У каждаго попавшаго въ бѣду есть какое-нибудь еще, такъ сказать, „запасное“ средство поправиться; у него—ничего, кромѣ его кисти! Торговецъ въ бѣдѣ могъ начать свою торговлю съ начала; у него все-таки могла быть надежда, что родные или друзья ему помогутъ опять стать на ноги и вести дѣло свое не хуже прежняго. Но художникъ, которому подъ шестьдесятъ лѣтъ, уже не можетъ разсчитывать когда-нибудь поправиться. Разъ, что его слава померкла, вся его карьера погибла; онъ пережилъ свои успѣхи, и создать новые—уже не въ его власти.

Озабочиваясь обезпеченіемъ дѣтей своихъ, Сандфордъ съ женой когда-то (еще давно) рѣшили, что по тысячѣ фунтовъ на каждаго ребенка будетъ, пожалуй, все-таки довольно хорошею страховкой.

— Пока мы живы, имъ все-таки будетъ на чтò опереться,—говорила м-съ Сандфордъ;—а потомъ... Для насъ съ тобою, тысяча фунтовъ была бы, въ юности, цѣлымъ состояніемъ,—не правда ли, Эдвардъ?

— Конечно, и тысяча фунтовъ на человѣка—деньги; но чтобъ ихъ получить, прежде всего надо... умереть!

Объ этой неустранимой необходимости ему еще ни разу не случалось думать; и вообще онъ не считалъ себя настоящимъ старикомъ. Чтò за бѣда, что ему ужъ подъ шестьдесятъ? Онъ еще бодръ и въ состояніи работать; но обстоятельства его сломили: они сильнѣе его. И чѣмъ онъ больше думалъ, тѣмъ больше приходилъ къ заключенію, что самый лучшій и единственный для него исходъ, это—смерть.

Но вѣдь и она не всегда достижима; и, бòльшей частью, люди умираютъ вовсе не тогда, когда это было бы больше всего и выгодно, и главное—кстати! Это такого рода дѣло, которое тогда именно и приключится, когда его не нужно...

Подобныя размышленія привели художника къ самому безотрадному вопросу:

— Неужели я до того дошелъ, что ничего не могу сдѣлать путнаго—даже... умереть?

VI.

На слѣдующій день Сандфордъ уже былъ на дачѣ, на берегу моря.

Домъ, въ которомъ устроилась его семья—большой, съ чудеснымъ видомъ на море.

— Не стоитъ ѣздить на купанья, если нельзя любоваться моремъ? Солнечный закатъ, волшебныя превращенія вечерней зари и быстрыя смѣны морскихъ видовъ во время дня—вотъ что̀ больше всего нравится мужу,—говорила м-съ Сандфордъ. Подъ этимъ описаніемъ слѣдовало понимать, конечно, самыя дорогія „дачи".

На станцію, встрѣтить мужа вышла она сама и крошка-Мэри, по общему признанію, „любимица папа́". Прочія дѣти уѣхали на пикникъ и наслаждались, каждый по-своему, интересной прогулкой; часть компаніи ѣхала на лодкахъ, часть сухимъ путемъ,—верхомъ и въ экипажахъ. Вдобавокъ, галопъ вдоль берега моря, на чистомъ, свѣжемъ воздухѣ, можетъ принести только пользу.

— Они и такъ уже какъ будто начали поправляться!—замѣтила мать.

— Поправляться? Но отъ чего же? Сколько мнѣ помнится, они пріѣхали сюда совершенно здоровые. Съ ними ничего такого не было...

— О, конечно, ничего! Только... они такъ любятъ море; и здѣсь такъ много оказалось нашихъ знакомыхъ; и... всякій что̀-нибудь да придумаетъ для развлеченія...

— И всегда „кто-нибудь" не прочь придумать „что-нибудь"...

— Ну, милый Эдвардъ, твое одиночество, кажется, не особенно благотворно на тебя повліяло! Въ первый разъ слышу, что ты ставишь дѣтямъ въ упрекъ, что они веселятся.

— Я вѣдь осталась дома, милый папа!—вставила свое словечко Мэри; ей хотѣлось, чтобы отецъ оцѣнилъ ея самоотверженіе.—Нарочно, чтобы первой тебя встрѣтить!

— Ты у меня хорошая дочь, — съ искренней благодарностью отвѣтилъ ей отецъ.

— Но увѣряю тебя, никто изъ дѣтей не хотѣлъ сегодня ѣхать, а я сама уговорила ихъ, зная, какъ ты не любишь, чтобы дѣти лишали себя удовольствія!—заступилась м-съ Сандфордъ за своихъ старшихъ.

— Не люблю... да, конечно... — вздохнувъ, согласился онъ; но на сердцѣ больно отозвалось небрежное отношеніе дѣтей къ

его пріѣзду.—„Только бы Мэри не замѣтила, какъ я разстроенъ"! —думалъ онъ.

Между тѣмъ, дѣвочка чуткой душою угадала, что отецъ чѣмъ-то огорченъ, или встревоженъ, и въ этомъ отношеніи она опередила мать, которая просто предположила, что мужъ взволнованъ какимъ-нибудь пустякомъ.

— Какая-то паутинка назойливо застилаетъ вашъ свѣтлый взглядъ!—шутливо замѣтила она, ласково обхватывая руку мужа своими обѣими руками.—Вотъ увидишь: живительная сила морского воздуха мигомъ все разсѣетъ!

И въ самомъ дѣлѣ, море такъ безмятежно-ясно разстилалось, уходя въ горизонтъ; воздухъ былъ такъ наполненъ его тихимъ музыкальнымъ плескомъ; все вокругъ такъ открыто ликовало, что Сандфордъ, противъ своего желанія, почувствовалъ какое-то всепоглощающее умиротвореніе, заполонившее совсѣмъ его душу...

Пестрая толпа мѣстныхъ жителей не мало придавала оживленія всеобщей картинѣ.

Забыть грядущую невзгоду онъ не могъ вполнѣ; но стараться про нее не вспоминать,—это ему было не очень трудно: не могъ же онъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ ошеломить жену своимъ признаніемъ!

„Бѣдная! Она такъ счастлива счастьемъ своихъ дѣтей; она такъ живетъ ими, и такъ увѣрена въ ихъ благополучіи!.. Не могу же я безжалостно омрачить радость свиданія, которою свѣтятся лица жены и дочки? Какъ онѣ рады, что могутъ все мнѣ здѣсь показать и высказать мнѣ свои впечатлѣнія"!

— Ты слишкомъ утомился,—звучала у него въ ушахъ ласковая воркотня „большой" Мэри.—А прислуга, вѣрно, все портила у тебя, ломала, хоть я и запретила это строго-нà-строго.

— Нѣтъ, всѣ вели себя прекрасно; и ничего не трогали, хоть, можетъ быть, имѣли сильное поползновеніе...

— И всегда имѣютъ! Я ихъ прекрасно знаю! Самое для нихъ любезное—до тла разорить господскій домъ... какъ будто въ немъ ни одной живой душѣ не суждено больше жить...

— Не суждено больше жить! — слабо улыбаясь, повторилъ Сандфордъ. — Наоборотъ, нашъ домъ имѣетъ видъ самаго обитаемаго, самаго милаго дома. Никогда еще не казался онъ мнѣ до такой степени уютнымъ.

— Правда; онъ у насъ такой прелестный уголокъ!—прижавшись къ мужу, тихонько согласилась Мэри.—И что̀ бы ни случилось съ дѣтьми въ будущемъ, мы всегда будемъ чувство-

вать, что въ немъ они дѣйствительно отрадно, весело провели дни своей беззаботной юности...

— Что-жъ можетъ съ ними вдругъ случиться?—перебилъ онъ, испугавшись внезапно предположенія, что, можетъ быть, ей что-нибудь извѣстно.

— О, ничего, кромѣ хорошаго, конечно! Но первая перемѣна въ семейномъ строѣ всегда ужъ вызоветъ на размышленія... Надѣюсь, ты ничего не имѣешь противъ того, чтобы... Эдвардъ! Лансъ Мультонъ тоже здѣсь!

— А-а! Онъ здѣсь?

— Если такъ суждено,—пусть они раньше, по возможности, присмотрятся другъ къ другу... Вдобавокъ, это—ужъ не знаю почему!—такъ оживляетъ все и всѣхъ. У нихъ такъ много всякихъ плановъ и предположеній! Понятно, Лансъ не одинъ: бываютъ у насъ его два-три друга и Дропморы; знаешь—пріятельницы нашихъ дѣвочекъ...

— И творятъ всякій вздоръ и глупости...

— Конечно! Дурачатся и веселятся, сіяютъ добротой и беззаботнымъ счастьемъ... О, Эдвардъ! Не будемъ имъ помѣхой! Это—самое блаженное время ихъ начинающейся жизни!..—и въ глазахъ м-съ Сандфордъ блеснуло умиленіе, или... быть можетъ, просто намекъ на слезы.

Вечерняя заря сіяла во всей своей пышной, румяной прелести. Пушистыя облачка подгонялъ по небу чуть-замѣтный, мягкій вѣтерокъ, и въ затихшемъ воздухѣ проносился гомонъ дѣтскихъ и юношескихъ голосовъ, мягко разсыпался хохотъ... Тихо проходили и останавливались тамъ и сямъ маменьки и отцы, наслаждаясь весельемъ своей молодежи, любуясь красотою морской, плещущей зыби. Парочки влюбленныхъ бродили, никого кромѣ себя не видя... Все вокругъ было такъ безмятежно, такъ прекрасно... Все, кромѣ одного!..

— Нѣтъ, нѣтъ!—вырвалось у него поспѣшно.—Избави меня, Боже, быть для нихъ помѣхой!

Вскорѣ всѣ вернулись домой и радостно шумѣли отъ возбужденія удавшейся прогулки, отъ удовольствія, что отецъ къ нимъ присоединился. Дѣти чувствовали искреннюю признательность къ нему за то, что никогда папа не былъ для нихъ помѣхой. Если онъ и не раздѣлялъ на дѣлѣ ихъ веселья, онъ все же не препятствовалъ ему, и дѣти скоро позабыли о его существованіи, увлекшись собственнымъ шумомъ и хохотомъ. Поднятъ былъ животрепещущій вопросъ:

— Ну, а теперь что дѣлать?

Сумерки сгустились, и въ отверстіе двери, выходившей на балконъ, появились Лансъ и Лидзи, выдѣляясь на темномъ фонѣ надвигавшейся ночи очертаніями своего стройнаго, молодого корпуса. М-съ Сандфордъ вся сіяла, окруженная своей молодежью, и принимала дѣятельное участіе въ интересовавшемъ ихъ вопросѣ. Художникъ сидѣлъ въ сторонѣ и любовался на оживленную группу дѣвушекъ и молодыхъ людей, освѣщенныхъ лампой и столпившихся вокругъ стола, на которомъ хозяйка дома разложила передъ собою листъ бѣлой бумаги и готовилась писать, съ карандашомъ въ рукѣ; въ открытой двери, на порогѣ, виднѣлись рядомъ, подъ-руку, влюбленные, а позади нихъ, вдалекѣ—сверкала полоса притихшаго моря...

Сандфордъ одинаково любовался этою картиной, какъ отецъ и какъ художникъ, любящій свое искусство...

„А передъ ними вѣдь зіяетъ пропасть, которая грозитъ ихъ поглотить"!—подумалось ему.

— Папà!—послышался вдругъ у него подъ ухомъ дѣтскій голосокъ.—Я съ ними завтра не поѣду! Я хочу съ тобой остаться.

— Моя крошка Мэри!.. Но я вѣдь скучный, неразговорчивый старикъ; со мной не стоитъ оставаться.

— Папà! Ты о чемъ-нибудь горюешь?

— Горюю?.. Мало ли о чемъ на свѣтѣ можно горевать?—тихо промолвилъ онъ, и, держа его за руки, малютка прижалась къ отцу. Они оба чувствовали себя „особнякомъ" отъ безпечнаго общества, и крошка-утѣшительница лучше всякой большой съумѣла его успокоить.

Такъ дни шли за днями въ непрерывномъ и беззаботномъ ликованьѣ для семьи, и въ одиночествѣ—для самого художника. Впрочемъ, уходя на дальнія прогулки, отецъ не отказывался брать съ собою двухъ младшихъ дѣтей: сына-школьника и маленькую Мэри; но они скоро увлекались красотою скалъ и ложбинъ, въ которыхъ бѣгали, играли, а отецъ все шелъ да шелъ себѣ впередъ, пообѣщавъ зайти за ними на обратномъ пути. Онъ находилъ неизъяснимую отраду въ чувствѣ, которое испытываетъ человѣкъ наединѣ съ великими твореніями Промысла Господня. Сандфордъ не зналъ усталости, не зналъ тоски, тревоги, когда передъ нимъ, отражая безоблачный небосводъ, разстилалось величавое лазоревое море, сверкавшее подъ лучами привѣтливаго солнца.

Глядя на него, художникъ весь уходилъ въ созерцаніе его величавой, божественной красы; проникаясь отраженіемъ въ нихъ высшаго творчества, онъ совершенно забывалъ о своихъ

личныхъ горестяхъ и сомнѣніяхъ; они смягчались, сглаживались, какъ невозмутимая безмятежность усмирившейся морской волны.

Но стоило ему только вернуться домой, чтобы опять—какъ рукой сняло спокойствіе, навѣянное картинами природы.

„Еслибъ дѣла мои были такъ же обезпечены отъ убыли на предстоящій годъ, какъ обыкновенно, — думалъ Сандфордъ,— конечно, я чаще выходилъ бы на крыльцо, чтобы полюбоваться на веселье,—которое, я впрочемъ и теперь не ставлю въ вину дѣтямъ. Но тогда и между мною и женой было бы еще болѣе полное единеніе душъ, еще большее семейное счастье. Но стоять въ сторонѣ и подмѣчать каждый пустякъ, доставляющій радость и развлеченіе молодежи... и думать, что ея обезпеченности и ликованью суждено рухнуть безвозвратно!.. Это ужъ черезчуръ! Это хоть чью угодно бодрость способно подкосить“!—Сандфордъ не могъ прекратить свою тревогу, припомнивъ пословицу Людовика: „Après moi le déluge“! Ему, Сандфорду, суждено самому присутствовать при ихъ разгромѣ; ему, самое большее, удастся отдалить его на три мѣсяца — и только! Три мѣсяца *они* могутъ прожить, ничего не подозрѣвая, а потомъ?.. Потомъ—сразу конецъ всему! Ни изворотовъ, ни помощи извнѣ, — ничего... ни откуда! Положимъ, домъ продастся; но жить гдѣ-нибудь надо—и придется нанять какое-нибудь, хотя дрянное помѣщеніе, и платить за него все-таки придется... Изъ какихъ средствъ платить? Сандфордъ—не торговый человѣкъ, и его средства къ заработку ограниченны; онъ растеряется, не будетъ знать, за чтò ухватиться,—какъ только не будетъ въ состояніи продолжать родное ему дѣло. При такихъ же точно обстоятельствахъ, будь онъ менѣе знаменитъ и не такъ на виду, Сандфордъ нашелся бы скорѣе: онъ сдѣлался бы иллюстраторомъ книгъ, декораторомъ и рисовальщикомъ на богатыхъ фабрикахъ,—словомъ, занялся бы чѣмъ угодно, лишь бы заработать на хлѣбъ семьѣ.

Но и въ этомъ смыслѣ его поражала собственная безпомощность.

Онъ пугался ея,—и окончательно падалъ духомъ, видя, что ни къ чему другому, кромѣ живописи, онъ не подготовленъ.

Въ размышленіяхъ на эту тему Сандфордъ находилъ хоть сравнительное утѣшеніе, какъ только вспоминалъ, что дѣтямъ, по его смерти, достанется хоть по тысячѣ фунтовъ; оно не много, но все же лучше, чѣмъ зависѣть отъ степени благосклонности чужихъ людей,—особенно, когда эта благосклонность уменьшится.

„Страшно подумать, до чего заработокъ — дѣло случая для каждаго труженика, на отвѣтственности котораго лежитъ долгъ—своимъ трудомъ прокормить многочисленную семью! Все благосостояніе такой семьи зависитъ отъ твердости и ловкости руки моей, отъ ясности зрѣнія, отъ правдивости темы и ея исполненія,—какою бы она ни оказалась модной въ данную минуту! Какой нецѣлесообразный и даже опасный порядокъ вещей! Въ одинъ мигъ могутъ измѣнить художнику рука, и зрѣніе, и живость воображенія... Противоестественно разсчитывать, что они *никогда* не измѣнятъ и вѣчно, съ неизмѣннымъ успѣхомъ будутъ служить человѣку“!

Мысли художника вернулись къ дѣтямъ, но не надолго: онъ вспомнилъ про жену и живо себѣ представилъ, что̀ съ нею будетъ... *тогда*. Друзья, родные, всѣ примутъ въ ней участіе: ей устроятъ пенсію, сдѣлаютъ сборъ въ ея пользу; ей всячески постараются облегчить переходъ отъ роскоши къ безбѣдному существованію, въ которомъ уже будетъ то хорошее, что оно будетъ прочнѣе, чѣмъ еслибы оно, по прежнему, зиждилось на работѣ, которая можетъ измѣнить или выйти изъ моды...

Даже улыбка появилась на губахъ Сандфорда при мысли, что его Мэри (бѣдная Мэри!..) будетъ въ этомъ смыслѣ поставлена въ лучшія условія послѣ... когда его не станетъ: у нея будетъ пенсія и проценты съ проданнаго дома... Она застрахована отъ нужды.

— Интересно знать, будутъ ли дѣти и тогда безраздѣльно пользоваться ея вниманіемъ? Будутъ ли они въ состояніи доставить ей необходимые интересы и утѣшать ли въ его отсутствіи?

Ни тѣни упрека или ревности не примѣшивалось къ этому вопросу. Онъ не обвинялъ жену въ пристрастіи къ дѣтямъ, считая, что даже первый долгъ всякой матери заботиться о дѣтяхъ. Просто, она не подозрѣваетъ, что мужъ ея нуждается въ участіи, въ поддержкѣ. Она даже не можетъ объ этомъ догадаться, а самъ онъ не рѣшится никогда сказать ни слова. Иногда ему начинало казаться, что безъ этого не обойдешься,—что онъ ей скажетъ все... все откровенно,—конечно, понемногу, постепенно, чтобы ее не испугать. То̀лько сначала надо выждать время и подготовить бѣдную женщину къ удару, который разсѣетъ безпечный строй ея семейнаго счастья и невинныхъ наслажденій.

„Окликнуть ее вдругъ, подозвать къ себѣ сейчасъ въ эту минуту, когда она, веселая, раскраснѣвшаяся, привѣтливо ки-

ваетъ вслѣдъ удаляющейся кавалькадѣ и посылаетъ своимъ дѣтямъ поцѣлуи... и сама смѣется, какъ дитя? Отвлечь ее вниманіе отъ ея прелестныхъ дочерей (она сама прелестнѣе ихъ всѣхъ!) и въ ея безмятежную, ликующую душу заронить мракъ отчаянія и грядущаго горя? О, нѣтъ, нѣтъ! Пусть она, какъ можно дольше, не подозрѣваетъ, что стоитъ на краю неизбѣжной гибели! Ея спокойствіе для меня свято, и я не смѣю *самъ* его нарушить!.. Пусть пройдутъ каникулы; пусть жизнь войдетъ въ свою будничную колею—и тогда... тогда, пожалуй... А до тѣхъ поръ, Богъ милостивъ, можетъ, пожалуй, что-нибудь случиться“!

Однако, какъ ни безпечно веселились дѣти,—всѣмъ имъ было замѣтно, что папà какой-то невеселый, недовольный... точно на что-нибудь „дуется“.

Лидзи предположила, что онъ вѣроятно недоволенъ ея бракомъ съ молодымъ журналистомъ—и пришла въ негодованіе.

— Что жъ, если Лансъ недостаточно хорошъ для него,—я ужъ не знаю, кто можетъ придтись ему по вкусу!—горячилась она.—Онъ, кажется, воображаетъ, что за меня должны свататься принцы крови?

— О, Лидзи, золото мое! Не говори такъ объ отцѣ!—уговаривала ее мать.

— Ну, однако, мамà! Онъ не имѣетъ нравственнаго права такъ на насъ коситься!—восклицала дочь.

Въ сущности, и сама м-съ Сандфордъ немножко негодовала на мужа; ея сочувствіе было всегда на сторонѣ дѣтей. Ей и самой чудилось, что онъ неодобрительно посматриваетъ на влюбленныхъ, и она была готова каждую минуту вступиться за своихъ „дѣтей“. Дѣйствительно, поддаваясь своей затаенной тревогѣ, Сандфордъ нерѣдко раздражался:

— Право, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ Джэкъ хоть чѣмъ-нибудь занялся...—говорилъ онъ тогда.—Неужели онъ всю жизнь намѣренъ ничего не дѣлать? Меня тревожитъ самый видъ незанятаго, лѣниваго человѣка.

— О, Эдвардъ, милый! Теперь каникулы: чтò же ему больше дѣлать?

— А Гарри?—тревожно продолжалъ Сандфордъ.

— Бѣдный мальчикъ!.. Ты самъ прекрасно знаешь, что онъ готовъ пожертвовать всѣмъ, чѣмъ угодно, лишь бы достать себѣ занятіе... какое, все равно! Когда вернемся въ городъ, ты возьми самъ на себя обязанность хоть что-нибудь устроить для него. Твоимъ пріятелямъ это не будетъ трудно... Ну, а пока, конечно,

самое лучшее, что̀ ему, бѣдненькому, остается,—это набираться здоровья и какъ можно шире пользоваться добрыми свойствами морского прибрежья...

Безмолвное море сіяло своей торжественной красой, ясное небо синѣло, утренній воздухъ бодрилъ своей свѣжестью...

Сандфордъ ушелъ подальше и, какъ всегда, остался одинъ.

VII.

Обдумывая необходимость тяжелаго признанія, художникъ неоднократно возвращался къ мысли:

„А тамъ, Богъ милостивъ, что-нибудь случится"...

Но что̀ же такое могло бы случиться?

Самыя важныя событія въ нашей жизни рѣдко приходятъ во̀-время, и еще рѣже соотвѣтствуютъ нашимъ желаніямъ. Никто изъ людей не можетъ умереть естественною смертью, когда онъ больше всего призываетъ смерть, хотя бы на лицо были всѣ данныя къ тому, что ему—пора, и не подъ силу, и, наконецъ, даже выгодно сойти со сцены. Моментъ, когда разлука съ жизнью была бы наиболѣе кстати, проходитъ и оставляетъ человѣку лишь обломки такого жалкаго существованія, которое для него тяжелѣе смерти: онъ еще при жизни перестаетъ существовать; онъ терпитъ презрительное отношеніе къ его личности, которая въ случаѣ смерти оставила бы по себѣ горячее сожалѣніе той же толпы... Но чаще вѣдь бываетъ, что человѣкъ остается жить при такихъ условіяхъ, когда смерть для него была бы настоящимъ благодѣяніемъ, и умираетъ, когда все зоветъ его къ жизни, къ счастью...

Надежда Сандфорда на неожиданный конецъ кажется черезчуръ мрачной, а отчасти даже эгоистичной и недостойной человѣка, обязанность котораго смѣло бороться съ невзгодами за счастье жены и дѣтей; но ему не казалось, что онъ броситъ ихъ беззащитными на произволъ судьбы: на это онъ смотрѣлъ совсѣмъ иначе.

Онъ думалъ (и не безъ основанія), что перемѣна, которая наступитъ въ жизни жены и дѣтей по смерти ихъ главы, не унизительна для нихъ и не влечетъ за собою того сознанія матеріальнаго упадка, который въ противномъ случаѣ заставилъ бы ихъ нравственно страдать. Онъ думалъ, что если онъ сойдетъ со сцены, пока еще не забыты его заслуги на почвѣ искусства, —всѣ, кто только зналъ его, искренно пожалѣютъ его самого и

осиротѣвшую семью, и употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобы ей придти на помощь; и, наконецъ, его семьѣ не стыдно будетъ получать пенсію, не стыдно принимать всякаго рода поддержку отъ его друзей и почитателей; жена даже будетъ имѣть право гордиться заслугами своего мужа, доставившими ей средства къ дальнѣйшему существованію.

„Конечно, пенсія и страховыя деньги — обезпеченіе настолько хорошее, что оно полезнѣе, чѣмъ жизнь человѣка, который и самъ обратился въ ничтожество, и заработать ничего не съумѣетъ! — подумалъ онъ съ горькой усмѣшкой. — Смерть примиряетъ все: и мнѣ вернутъ люди свое уваженіе и мою добрую славу, какъ художника. Да, если Богъ милостивъ!.. Но не всегда же Божья воля совпадаетъ съ волей человѣческой, и какъ горячо ни проси, желаннаго ты не получишь, если оно тебѣ не суждено. Еслибы только во́-время"!..

Убѣжденіе Сандфорда, что для него лучше перестать существовать, могло, конечно, побудить его покончить съ собою, и почти немыслимо, чтобы эта мысль никогда не приходила ему въ голову. Нельзя также сказать, чтобы его останавливалъ страхъ передъ загробной неизвѣстностью, какъ, напримѣръ, Гамлета; его не допустило до самоубійства болѣе сильное чувство.

„Это своего рода бѣгство, трусость передъ тягостью положенія!.. Нѣтъ, что̀ благо отъ руки Божіей, то грѣшно отъ руки людской. И, наконецъ, самоубійство повредитъ страховой преміи!.. Если смерть моя не доставитъ обезпеченія дѣтямъ,—не стоитъ умирать"!

Такъ думалъ неоднократно Сандфордъ и, въ заключеніе, въ глубинѣ души выражалъ надежду, что „Богъ милостивъ... что-нибудь случится"...

Прошло двѣ-три недѣли.

Въ одинъ прекрасный вечеръ художникъ получилъ письмо отъ Даніэльса.

Какъ человѣкъ зажиточный, даже богатый, коммиссіонеръ могъ позволять себѣ роскошь—тратиться на такіе спорты, которые были не по карману многимъ изъ знатныхъ, его почетныхъ гостей. Въ письмѣ стояло приглашеніе пріѣхать къ нему поохотиться. Сандфордъ никогда не былъ завзятымъ спортсмэномъ, и сначала не имѣлъ ни малѣйшаго желанія ѣхать, но жена принялась настаивать.

— Тебѣ не такъ уже нравится Бродбичъ, какъ прежде,—

говорила она.—Да, да: я это вижу! Тебѣ здѣсь надоѣло... Молчи, молчи! Я вижу по глазамъ!

— Если ужъ ты такъ думаешь,—мнѣ не помогутъ никакія увѣренія...

— Еще бы!—покачивая головой, замѣтила жена.—Что бы ты ни говорилъ, ничто не поможетъ: меня не разувѣришь! Мнѣ это очень жаль, потому что я люблю эту мѣстность, но я уже рѣшила больше никогда сюда не пріѣзжать на лѣто. Ты всѣмъ этимъ тяготишься: это ясно, какъ Божій день! Тебѣ необходима перемѣна, а здѣсь все надоѣло;—такъ лучше съѣзди, развлекись.

— Ну, это еще небольшое развлеченіе—съѣздить къ Даніэльсу.

— О, тамъ будетъ не одинъ только Даніэльсъ,—тамъ цѣлое общество сановныхъ особъ и художниковъ, да и самая поѣздка... Впрочемъ, противъ Даніэльса я ничего не имѣю...

— Ну, и я также! Онъ добрый малый, несмотря на то, что говоритъ порою не-аристократично.

— Мнѣ это все равно! Онъ все-таки премилый человѣкъ, радушный и гостепріимный, и у него бываютъ все хорошіе, вліятельные люди. Вотъ бы тебѣ, какъ-нибудь мимоходомъ, кстати, что-нибудь поразвѣдать насчетъ Гарри.

— Такъ, значитъ, я обязанъ ѣхать съ порученіемъ хлопотать по важному дѣлу?—съ улыбкой возразилъ художникъ. Но тотчасъ же эта улыбка погасла, оставивъ по себѣ тѣнь безнадежной грусти.—Конечно, лордъ Окхэмъ, на котораго довольно прозрачно намекаетъ Мэри, — тоже тамъ будетъ... и только опять разверeдитъ старыя раны, которыя теперь уже опредѣлились и разрослись въ неизлечимыя мѣста.

— Не смѣйся, Эдвардъ! Твой долгъ—всевозможнымъ способомъ содѣйствовать успѣхамъ дѣтей. И, наконецъ, тебѣ вѣдь нравится твой Даніэльсъ.

— Ну, да! Ну, да! Онъ славный малый...

— Ну, значитъ, надо ѣхать! Вотъ и все!

Такъ и порѣшили, почти безъ опредѣленнаго согласія съ его стороны. Забота жены, чтобы онъ „замолвилъ словечко" лорду Окхэму за Гарри, казалась ему и смѣшной, и трагически-трогательной, при томъ положеніи дѣлъ, про которое она, впрочемъ, не знала, и не могла ничего знать.

Нечего говорить, что на этотъ разъ разлука подоспѣла весьма кстати. Съ облегченіемъ вздохнулъ отецъ семейства, довольный, что хоть на время ему можно будетъ не бояться пытливыхъ взглядовъ дорогой ему семьи. Съ облегченіемъ вздохнули его дѣти, которыхъ частью безпокоило, частью раздражало мрач-

ное выраженіе его задумчиваго лица. Даже м-съ Сандфордъ (стыдно признаться!) чувствовала, что ей какъ будто легче стало.

— Папá самъ на себя былъ непохожъ,—говорили дѣти.— Вѣрно, его замучила жара,—онъ больше любитъ холодъ! Болотная прохлада его освѣжитъ—и все хорошо обойдется.

Мать ихъ—впервые послѣ тридцати лѣтъ супружества—замѣтила на себѣ, что мужъ иной разъ можетъ быть помѣхой, и согласилась, что „дѣйствительно, для папá полезно прокатиться и подышать свѣжимъ воздухомъ“...

И вся семья отдалась снова своимъ беззаботнымъ удовольствіямъ.

— Я вѣрю, что папá не имѣлъ намѣренія никого обидѣть,— говорила Лидзи,—но все же не могу не чувствовать, что причина его недовольства—не кто иной, какъ мой бѣдный Лансъ.

— Ну, ничего подобнаго, душа моя!—воскликнула м-съ Сандфордъ.—Отецъ, конечно, высказалъ бы откровенно свое мнѣніе, еслибы имѣлъ что-нибудь противъ него. Нѣтъ, нѣтъ! Онъ безпокоится за мальчиковъ... да и я тоже!

Но на самомъ дѣлѣ, глядя на нее, никто бы не подумалъ, что ее мучитъ тревога. Избалованная своимъ обезпеченнымъ положеніемъ, она всей душой предалась окружавшему ее юному веселью и отгоняла отъ себя малѣйшую тѣнь тревоги за сыновей.

„Вѣдь Эдвардъ думаетъ объ этомъ, и довольно! Значитъ, все устроится благополучно и какъ бы само собой. Эдвардъ увидитъ кой-кого изъ вліятельныхъ лицъ—и дѣло сдѣлано“!

Однако, помимо ея воли, странный, тревожный взглядъ мужа припоминался ей не разъ, и, представляя себѣ его лицо въ окнѣ вагона, который двигался вдоль платформы, м-съ Сандфордъ чувствовала, что ей до боли въ сердцѣ становится жутко. Мужъ ей махнулъ рукой на прощанье, и ей вдругъ захотѣлось побѣжать за поѣздомъ, догнать его... Она рѣшила, что поѣдетъ за нимъ со слѣдующимъ же поѣздомъ, но опоздала, и, опустивъ на лицо свою темную вуаль, тихо побрела прочь, не мѣшая слезамъ, которыя почему-то сами катились, какъ въ минуту послѣдней, вѣчной разлуки съ любимымъ существомъ.

„Это, наконецъ, смѣшно! Нелѣпо! Онъ только такъ... немного разстроенъ и живо оправится на чистомъ воздухѣ, на полевомъ просторѣ“!

Тяжелое впечатлѣніе понемногу разсѣялось, и въ тотъ же вечеръ, повинуясь прихоти дѣтей, м-съ Сандфордъ въ хозяйственныхъ хлопотахъ забыла про свою недавнюю тревогу. Дѣти рѣ-

шили „попрыгать"—и позвали къ себѣ кой-кого изъ сверстниковъ и сверстницъ.

— Какъ будто вы на радостяхъ, что папа́ уѣхалъ, спѣшите воспользоваться его отсутствіемъ!—замѣтила имъ мать, но безъ тѣни озлобленія.

— Какой ужасъ! Конечно, нѣтъ!—воскликнули всѣ заразъ.

— Только папа̀, вѣроятно, тяготила бы наша вечеринка; а въ общемъ мы всегда даже очень ему рады!—проговорилъ Гарри съ такою покровительственной важностью, что всѣ дружно разсмѣялись, и м-съ Сандфордъ также.

Вечеринка удалась, какъ нельзя лучше; веселье било живымъ ключомъ, и мать семейства, сочувствуя тому, была рада, что ей некогда предаваться тревогѣ и вспоминать странный взглядъ и печальное лицо мужа.

„Онъ теперь совсѣмъ въ своей сферѣ,—успокоивала она себя.—Онъ ведетъ горячіе споры съ другими академиками о совершенствахъ и тонкостяхъ свѣто-тѣни, или бесѣдуетъ съ лордомъ Окхэмомъ о политикѣ, и въ это время наслаждается свѣжестью болотныхъ равнинъ"...

VIII.

Сандфордъ, дѣйствительно, съ удовольствіемъ дышалъ свѣжимъ воздухомъ равнинъ, спорилъ со своимъ братомъ-художникомъ и бесѣдовалъ о политикѣ съ профессорами и учеными.

Весьма возможно, что такой именно труженикъ, какъ Сандфордъ, который чувствуетъ себя какъ бы немного лишнимъ въ кругу своей семьи, полной безпечнаго веселья, болѣе другихъ склоненъ поддаваться интересамъ дня и разныхъ слоевъ общества. Споры художниковъ о свѣтовыхъ эффектахъ, ихъ наблюденія и критика предметовъ искусства—чрезвычайно занимали остальныхъ гостей, такихъ же видныхъ дѣятелей печати и общества, какими были художники на почвѣ чистаго искусства. Здѣсь, въ ихъ оживленномъ, радушномъ кругу, Сандфорда больше не преслѣдовала атмосфера надвигающагося несчастія; здѣсь все безмятежно предавалось бездѣльничанью, которое оживляли непрерывныя шутки хлѣбосола-хозяина и его забавныя прегрѣшенія противъ свѣтскихъ утонченныхъ правилъ. Если даже и было хоть кому-нибудь извѣстно, что Сандфорда картины не идутъ съ рукъ у Даніэльса, такъ никто ничѣмъ не далъ Сандфорду этого заподозрить; всѣ его собраты по искусству отно-

сились къ нему съ такимъ почтеніемъ и видимо придавали такую цѣну его мнѣнію, что онъ могъ смѣло считать себя еще не выбывшимъ изъ ряда извѣстныхъ художниковъ. Въ душѣ онъ надѣялся услышать отъ Даніэльса добрую, но почти невѣроятную вѣсть:

— „Фальшивая тревога, старина! Я вѣдь прекрасно продалъ ваши вещи“!

Но, къ сожалѣнію, ничего подобнаго Сандфорду не пришлось отъ него услышать. Не только Даніэльсъ молчалъ на этотъ счетъ, но даже у него нечаянно и совершенно съ его стороны невинно вылетали кой-какія грубовато-откровенныя словечки, которыя обострившійся слухъ художника тотчасъ же подхватывалъ и истолковывалъ по-своему.

А все-таки перемѣна мѣста и общества принесла пользу его напряженнымъ нервамъ; они снова забирали надъ нимъ волю единственно тогда, когда ему приходилось оставаться наединѣ съ самимъ собою, но, къ счастью, этого почти никогда не случалось. Случалось только, что на него навѣвали грусть подвижныя и разнообразныя картины вечерней зари, раскинувшей по низкому небу свой багровый покровъ. Грядами тянулись низкіе холмы, и ихъ волнистыя очертанія то золотыми, то огненно-красными изгибами рисовались на темнѣвшемъ небосклонѣ. Однако, эта яркая окраска давала мало свѣта угрюмой болотистой равнинѣ. Что̀ же мудренаго, что горѣвшій заревомъ небосклонъ и мрачная болотистая, а вдали холмистая поляна, вызывали въ Сандфордѣ унылыя, мрачныя думы?..

Мысли его вернулись къ веселому молодому обществу у него въ домѣ, и ему стало жаль ихъ, бѣдныхъ: они вѣдь не подозрѣваютъ, что̀ имъ угрожаетъ.

А тамъ, въ городѣ, попрежнему уютный и красивый, стоитъ тотъ самый домъ, котораго, какъ и всѣхъ ихъ, должна поглотить неумолимая роковая бездна. Думалъ Сандфордъ и о своемъ сынѣ-юристѣ, который получалъ по двѣ гинеи за защиту и не только былъ доволенъ своей судьбой, но даже смѣшилъ своими шутками мать и сестеръ; думалъ о Гарри и о необходимости устроить для него хоть что-нибудь: тотъ ограничивается своими карманными деньгами; думалъ о Лидзи, которая должна была отъ отца же получать по пятидесяти фунтовъ на свои тряпки... Всѣ они, всѣ обстоятельства прежней и настоящей его семейной жизни, въ живыхъ картинахъ и о̀бразахъ, складывались и вереницей проходили передъ художникомъ; и, несмотря на то, что все это были осязательные для него факты, они казались ему теперь

чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ его сердцу и настолько отдаленнымъ, что разстаться съ ними, отстраниться—будетъ для него не трудно и... не больно... „если, Богъ милостивъ, случится что-нибудь такое"...

Въ это время года преобладаютъ скачки и съѣзды скаковыхъ обществъ; на одну-то изъ нихъ и собрался Даніэльсъ прокатить своихъ друзей и добрыхъ знакомыхъ. Съ царственной роскошью и удобствомъ обставивъ это путешествіе, онъ приказалъ нагрузить цѣлую повозку всевозможными яствами, а гостями заполнилъ цѣлый шарабанъ и большое ландо̀. Какъ ни старался Сандфордъ тщательно скрывать свое настроеніе отъ постороннихъ, это ему не вполнѣ удавалось, такъ что на его отказъ сопутствовать имъ всѣ возстали и воспротивились какъ нельзя болѣе энергично.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы должны ѣхать непремѣнно! Если хоть одинъ измѣнитъ нашей компаніи, поѣздка потеряетъ всю свою прелесть. Вы права не имѣете здѣсь оставаться для того, чтобы одному воспользоваться сочетаніями красокъ, а потомъ и написать такое роскошное „болото", которому позавидуютъ ваши товарищи-художники!

У Сандфорда не хватило духу отказать еще разъ радушнымъ просьбамъ—и онъ согласился.

Бѣга́ были довольно интересны.

Даже художникъ, несмотря на всю свою усталость и уныніе, нашелъ въ этомъ зрѣлищѣ нѣкоторое удовольствіе, хоть и довольно пассивное, какъ водится у англичанъ. Порою у него мелькала въ умѣ мысль, что потомъ могутъ говорить про него тѣ же товарищи:

— Вотъ вѣдь онъ каковъ, этотъ Сандфордъ! Онъ все-равно, что на краю погибели, а самъ веселится...

Но, въ сущности, мертвому не все ли равно, что̀ про него будутъ говорить?

Ужасъ неизбѣжной погибели не можетъ увеличиться отъ того, что до нея человѣкъ велъ себя какъ обыкновенно, т.-е. развлекался.

Сентябрьское солнце, готовясь уйти на покой, въ послѣдній разъ обливало своими лучами дорогу, по которой тронулись въ обратный путь веселые гости. Надо замѣтить, однако, что эта веселость не переходила за границы приличія; только Даніэльсъ залилъ себѣ „за галстухъ" больше, нежели при его здоровьѣ

ему полагалось. Гости его выпили въ мѣру; шутки, остроты и споры сыпались безъ перерыва; нѣкоторые даже стали держать пари, громко отстаивая преимущества *своей* скаковой любимицы или любимца. Громкій говоръ звенѣлъ въ воздухѣ; но это не мѣшало Сандфорду, какъ наиболѣе молчаливому, предаваться своимъ собственнымъ размышленіямъ. Онъ глубоко задумался, путаясь въ своихъ страховыхъ вычисленіяхъ и въ сотый разъ прикидывая, кому и ка̀къ распредѣлить по частямъ страховую премію...

Какъ вдругъ кто-то крикнулъ:

— Стой!.. Мы сбились съ дороги!

Прошло нѣсколько времени, покуда всѣ приняли къ свѣдѣнію это извѣстіе; сначала же никто, кромѣ Сандфорда, не обратилъ на то вниманія.

Встрепенувшись, онъ выглянулъ изъ кареты, и его глазамъ представилась та самая картина, которая своей мрачной, но могучей красотою уже не разъ навѣвала на него мрачныя думы.

Небо горѣло багровой пеленой; къ горизонту тянулись гряды сѣрыхъ, потемнѣвшихъ пригорковъ, а еще ниже—черная поверхность болотистой равнины, поражавшей отсутствіемъ хотя бы слабаго отраженія пылавшаго небосклона... Его свѣтъ не оживлялъ даже полосы дороги, по которой катился экипажъ, ни кочекъ и бугровъ, по которымъ, подбрасывая кузовъ, прыгали колеса, ни довольно большихъ рытвинъ, въ которыхъ глубоко и прочно накопилась почвенная болотистая вода...

Кучеръ и лакеи не послѣдовали примѣру господъ и выпили водочки изрядное количество, повидимому перевѣсившее господское шампанское.

Какъ это случилось, что они выбились изъ колеи и не замѣтили, что ѣдутъ по болоту,—такъ и осталось навсегда ни для кого неизвѣстнымъ. Впрочемъ, одинъ изъ гостей высказалъ предположеніе, что эта оплошность была вызвана столько же винными парами, сколько несоразмѣрной темнотою, сравнительно съ огненнымъ горизонтомъ. Сначала лошади относились довольно спокойно и твердо къ неровностямъ, встрѣчавшимся имъ на пути; но къ тому времени, когда сѣдоки замѣтили бѣду, кучеръ уже успѣлъ потерять терпѣніе и лошади перестали его слушать. Экипажъ еще не настолько отъѣхалъ отъ дома, чтобы нельзя было повернуть обратно и выбраться на ровную дорогу; но отуманенный умъ кучера мѣшалъ ему ясно сообразить даже такую простую мѣру. Вмѣсто того, онъ принялся, что̀ было мо̀чи, стегать злополучныхъ лошадей и кричать на нихъ, неистово

ругаясь. Лакей соскочилъ съ козелъ и побѣжалъ рядомъ, подгоняя ихъ съ своей стороны кнутомъ. Лошади споткнулись, испуганно рванули въ сторону и сбили его съ ногъ, помчавшись впередъ. Ихъ мучитель остался позади, лежать на мокрыхъ кочкахъ.

Тѣмъ временемъ опасность отрезвила всѣхъ; всѣ убѣдились, что лошади понесли. Сандфордъ сидѣлъ спокойно на мѣстѣ: онъ не умѣлъ управляться съ лошадьми, и помочь бѣдѣ поспѣшили болѣе знающіе люди. Одинъ изъ нихъ вскочилъ на козлы и пытался сдержать обезумѣвшихъ животныхъ; другіе горячо и сбивчиво давали самые разнорѣчивые совѣты...

Сандфордъ не волновался и совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ общей тревогѣ и опасности; онъ весь былъ поглощенъ зловѣщей прелестью картины, которую врядъ ли могла передать кисть художника,—до того ярки и своеобразны были оранжево-красные и фіолетовые тоны, захватившіе весь небосклонъ, до того страшны очертанія далекихъ холмовъ и черной равнины, какъ бы опускавшіяся въ бездну чернѣющаго, безпощаднаго, недвижимаго моря...

Скачки экипажа мало занимали его; онъ ихъ не чувствовалъ; онъ не слыхалъ отчаянныхъ криковъ, стономъ, стоявшихъ въ вечернемъ воздухѣ; онъ не замѣтилъ даже, что многіе изъ его спутниковъ выскочили изъ экипажа или готовились выскочить. На него нашло какое-то безмѣрное, безотчетное спокойствіе; онъ ни о чемъ не думалъ, его въ эту минуту ничто не занимало: ни мысль о томъ, что онъ самъ, его слава и его семья— на краю гибели, ни даже страховая премія... Кто-то схватилъ его за плечи и потрясъ его, вѣроятно, чтобы пробудить въ немъ сознаніе дѣйствительной опасности; но и это его не смутило. Онъ весь ушелъ въ созерцаніе неподражаемо-прекрасной картины величайшаго художника—Природы...

Небо вспыхнуло у него надъ головой оранжево-алымъ полымемъ... Толчокъ... Ощущеніе какой-то непонятной боли... Внезапный мракъ...

Сандфордъ пересталъ видѣть, слышать.

IX.

Но вотъ, зрѣніе вернулось къ нему.

Онъ лежалъ на сухомъ мѣстѣ, на краю болота, и коричнево-рыжеватенькія головки вереска приникали къ его щекамъ; надъ головой по прежнему пылало западное небо.

Смутный гулъ голосовъ, суеты и криковъ, мучительные стоны долетали до него, но не привлекали его вниманія. Первымъ опредѣленнымъ ощущеніемъ его было чувство полнаго спокойствія: ему было отрадно и легко лежать такъ смирно, такъ удобно. Онъ и не пытался шевелиться, чувствуя, что отдыхаетъ отъ чего-то мучительнаго и тревожнаго. Кротко и безмятежно, какъ дитя, улыбался онъ алой зарѣ. Въ головѣ у него мутилось, но онъ чувствовалъ, что какая-то страшная, угрожавшая ему бѣда миновала; что онъ спасенъ, самъ не зная, отъ чего,—и это смутное сознаніе пробуждало въ немъ удивительное чувство довольства и покоя.

Онъ не могъ бы сказать, долго ли пришлось ему такъ пролежать до той минуты, когда кто-то подошелъ, сталъ на колѣни и нагнулся къ нему.

— Сандфордъ, очень расшиблись? Сандфордъ, голубчикъ, узнали меня? Скажите хоть слово!

Художникъ разсмѣялся.

— Сказать хоть слово? Васъ узнать!.. Вотъ вздоръ какой! Я не расшибся; я просто здѣсь лежу... такъ хорошо, удобно...

— Ну, слава Богу!.. А Дункань, бѣдный!—сломалъ себѣ ногу, а кучеръ... кучеръ.... Несчастный! Самъ былъ виноватъ... Ну, ну,—вставайте, дайте руку: я васъ поддержу.

Хорошо говорить: вставайте! Это—дѣло другое; да и нѣтъ желанія шевельнуться. Прежде чѣмъ даже попробовать приподняться, Сандфордъ почувствовалъ, что это невозможно; но вслѣдъ затѣмъ принялся убѣждать себя, что это глупо; вѣдь нельзя же вѣки-вѣчные лежать здѣсь, безъ движенія, какъ бы тутъ ни было ему удобно,—вмѣсто того, чтобъ самому идти и утѣшать, и поддерживать другихъ.

Онъ принудилъ себѣ ухватиться за руку пріятеля и приподняться, но...

„Скорѣе, кажется, можно заставить двигаться безсмысленное бревно, чѣмъ мои ноги,—подумалъ онъ. — Да, именно,— чурбаны“!

И въ самомъ дѣлѣ, его усилія не привели ни къ чему.

— Не знаю, что бы это значило, но только ноги у меня деревяшки... только не камни,—нѣтъ: тогда онѣ вѣдь были бы холодныя,—а мнѣ не холодно и такъ спокойно, хорошо! Только я двинуться не въ состояніи...—съ улыбкою докончилъ онъ.— Мнѣ хорошо здѣсь и спокойно, и вы за меня не тревожьтесь. Я полежу себѣ немножко и вылежусь, а потомъ и самъ встану. Займитесь другими; не думайте обо мнѣ!

Ему показалось, что лицо, склонившееся надъ нимъ, какъ-то странно помято и исцарапано,—но не сказалъ ничего. Его покрыли сверху какой-то попоной, подъ голову положили каретную подушку; и онъ продолжалъ по прежнему лежать, и смутно долетали до него стоны Дункана, которому раздробило ногу. Его, вѣроятно, уносили, потому что слышались покрикиванія и торопливый гулъ совѣтовъ и приказаній. Но всего больше его поражало такое продолжительное дружное угасаніе вечерней зари, сначала пылавшей, какъ расплавленный металлъ, а затѣмъ, у него на глазахъ, смѣнившей одинъ за другимъ всѣ тѣни и оттѣнки отъ алаго и до самаго безцвѣтнаго, безжизненно-свинцоваго. Небосклонъ горѣлъ, горѣлъ и, наконецъ, потухъ. Казалось, нарочно для него одного, Сандфорда, невидимой рукою зажжена роскошная иллюминація, на яркомъ фонѣ которой тянулись гигантскія, фантастическія черныя тѣни,—какой-то великанъ и его вѣрный конь,—и понеслись вдаль по угрюмому болоту... На темномъ небѣ появилась ярко сверкавшая звѣзда съ голубоватымъ блескомъ, какъ неугасимое и побѣдоносное свѣтило...

„Боже, какъ дивно, какъ прекрасно! И все для меня только! Для меня одного“!—думалъ Сандфордъ, лежа неподвижно...

Вотъ подошли къ нему (ужъ не одинъ, а двое); докторъ пощупалъ пульсъ, потрогалъ руки, ноги...

— Мы васъ сейчасъ поднимемъ. Не шевелитесь: мы не сдѣлаемъ вамъ больно... — проговорилъ чей-то голосъ. И прежде чѣмъ художникъ успѣлъ возразить (положимъ, и возразилъ бы онъ, какъ всегда, добродушно), его тихонько приподняли, и онъ очутился на какой-то ровной и болѣе удобной подстилкѣ, чѣмъ болотистыя кочки. Чувствуя, что его слегка покачиваетъ, Сандфордъ догадался, что его несутъ по дорогѣ, а надъ нимъ все время свѣтила ясная звѣздочка...

Изъ прочихъ подробностей онъ запомнилъ только урывками, что опять надъ нимъ склонялось чье-то незнакомое ему лицо, озабоченно-серьезное; нагибался къ нему и Даніэльсъ; и его побѣлѣвшее лицо, обыкновенно радушное, было безъ кровинки и полно печали и ужаса. Какіе-то голоса совѣщались:

— Телеграфируйте! Сейчасъ же!

— Слишкомъ поздно; она не поспѣетъ!

— Должна поспѣть: сейчасъ пріѣдетъ, — только бы дать знать!

Какъ-то лѣниво, смутно, Сандфордъ спросилъ у самого себя, и не могъ рѣшить—къ чему вся эта спѣшка.

Вдругъ, послѣ забытья, онъ снова пробудился, и ему почудилось, что онъ провелъ въ жару и въ лихорадкѣ долгую, тяжелую ночь. Но вотъ онъ вполнѣ очнулся, и у него ясно и опредѣленно мелькнула мысль: „Если, Богъ милостивъ, что-нибудь случится... Нѣтъ, нѣтъ! уже случилось“!

— Мэри!—вскричалъ онъ въ порывѣ радости:—Ты здѣсь?!

— Конечно, милый!..—оживленный, горячій взглядъ жены дополнилъ остальное.—Сейчасъ же прилетѣла, какъ только дали знать...

Мужъ взялъ ее за руку и притянулъ къ себѣ поближе:

— Мнѣ только того и надобно,—проговорилъ онъ.—Богъ безгранично милостивъ ко мнѣ. Онъ всѣ мои желанія исполнилъ!

— О, Эдвардъ!—какъ жалобный вопль, какъ возмущеніе и страхъ звучалъ ея возгласъ, вырвавшійся невольно.

— Да, дорогая! Все именно такъ сложилось, какъ я самъ желалъ. Мнѣ все теперь понятно! Я не расшибся! Я... убитъ, какъ тотъ, знаешь?—тотъ мальчикъ въ балладѣ Броунинга. Не пугайся, милая! Для меня это вовсе не печально, а напротивъ, такъ отрадно! Чего же мнѣ грустить? Вотъ я и радуюсь...

— О, Эдвардъ! неужели ты радъ, что ты... насъ... покидаешь?

Сандфордъ крѣпко держалъ за руку свою жену и только улыбался.

— Я самъ только того желалъ, чтобы не разлучаться съ вами никогда... никогда! Но, повѣришь ли, сокровище мое?—въ этой разлукѣ, вѣрно, есть что-нибудь такое, что̀ облегчаетъ ее человѣку, который вынужденъ разстаться съ близкими и дорогими. Конечно, я не хочу васъ покидать; но это *нужно* для твоего же блага, для блага дѣтей...

— Никогда, Эдвардъ!.. Быть не можетъ!

— Послушай! Эта мысль тебя удивляетъ—и немудрено: она для тебя новость. Но я съ нею сжился; давно-давно я уже думаю о томъ, что *это* было бы кстати... Страховыя деньги...

— Эдвардъ!!—отчаянно вырвалось у нея.

— Нѣтъ, нѣтъ; успокойся! Я никогда не согласился бы на *это*... Я не хочу дѣйствовать несправедливо или... предосудительно. Бѣда случилась сама собой, безъ моего содѣйствія... Это—милость Божія...

— Не говори! Не говори! Богъ насъ караетъ... тяжело, жестоко!

— Вотъ ты-то именно и не должна такъ говорить! Если-бъ ты

только знала, дорогая!.. Мнѣ надо, чтобъ ты поняла... все поняла бы, пока я еще здѣсь...

— Ему не слѣдуетъ такъ много говорить,—послышалось у него въ головахъ строгое замѣчаніе доктора.—Силы его надо очень беречь, м-съ Сандфордъ! Вы не должны позволять ему такъ утомляться.

— Докторъ! Я считаю безспорнымъ фактомъ, что вы—человѣкъ разсудительный. Сообразите, чтò вы можете для меня сдѣлать? Развѣ только протянуть жизнь мою на лишній часъ-другой. Такъ чтò же бы вы сами предпочли, будучи на моемъ мѣстѣ: эти лишніе два-три часа—или возможность все, все на свѣтѣ высказать тому, кого горячѣй всего любилъ всю жизнь?..

— Пусть себѣ говоритъ!—тихо рѣшилъ докторъ, отвернувшись отъ больного и уходя отъ него.—Я больше ничего не имѣю вамъ сказать. Если ему будетъ дурно, дайте ему ложечку вотъ этого лекарства; а если я вамъ буду нуженъ, только пошлите: тотчасъ же приду.

— Благодарю васъ!.. Мэри, видишь? Докторъ—человѣкъ со смысломъ. Я чувствую себя прекрасно и могу все тебѣ сказать...

— Но, Эдвардъ, въ такомъ случаѣ, твое здоровье еще вовсе не такъ плохо... Ты только долженъ беречься хорошенько, не тратить понапрасну силъ и всячески ихъ поддержать... О, милый, милый! Твердое желаніе поправиться такъ много значитъ! Только пожелай, Эдвардъ... дорогой, безцѣнный! Постарайся, ради самого Бога...

— Мэри! Сокровище мое! Какъ и всѣ женщины, ты думаешь, что твердое желаніе преодолѣетъ все на свѣтѣ... Но я... я радуюсь, что это не въ моей власти. Если бы я еще страдалъ, ты могла бы еще надѣяться... ну, хоть немного... Но у меня ничего не болитъ; я не чувствую ничего, кромѣ того, что умираю... И это сознаніе во мнѣ пробудилось не сегодня...

— Сознаніе, что умираешь?! Но не тогда же, когда ты съ нами былъ на берегу моря?

— Нѣтъ, главнымъ образомъ—*тогда*!—съ улыбкою возразилъ больной.

— О, Эдвардъ, Эдвардъ! А я веселилась, развлекалась и совсѣмъ забросила тебя...

— Тѣмъ лучше! Я радъ каждому часу, который тебѣ можно было провести безпечно. А теперь... тебѣ будетъ удобнѣе прекратить пріемы, ограничить расходы; а это было бы труднѣе и душевно-тяжелѣе сдѣлать, если бы я остался живъ. Теперь это

все сложится естественно само собой. Ты будешь получать пенсію; тебѣ выдадутъ страховыя деньги...

— Не могу слышать! Не могу! — какъ безумная, кричала она.

— Даже, если я тебѣ скажу, что въ этомъ мое главное успокоеніе?

М-съ Сандфордъ крѣпко стиснула руки и съ трудомъ проговорила:

— Скажи мнѣ все, что̀ хочешь, Эдвардъ, все!

— Хорошо, бѣдная моя, любимая, скажу!

Ему искренно было жаль ее: такъ неожиданно, такъ больно долженъ былъ отозваться у нея на душѣ этотъ ударъ. О, какъ она, бѣдная, страдаетъ!.. Но все-таки какое облегченье, что можно, наконецъ, признаться ей во всемъ чистосердечно!

— Если бъ случилось такъ, что я остался жить, это разбило бы мнѣ сердце; но теперь... О, теперь я вижу, что оно смягчается у тѣхъ, которые... отходятъ въ вѣчность. Не могу объяснить тебѣ, какъ это происходитъ, только я чувствую, что въ душѣ у меня ростетъ ощущеніе чего-то смиряющаго и отраднаго. Я знаю, Мэри, что мнѣ суждено съ тобой разстаться... И ты, моя голубка, сокровище мое, разстанешься со мной... Но горечи этой разлуки я не чувствую, не вижу!.. Пойми: у меня ужъ давно не было ни одного заказа... ни одного! У Даніэльса и теперь еще есть моихъ три непроданныя картины... Онѣ такъ и стоятъ, лицомъ къ стѣнѣ... Не въ магазинѣ, нѣтъ! — въ сосѣдней комнатѣ. Спроси его, онъ самъ тебѣ разскажетъ. Помнишь, тамъ есть... одна? Я ее писалъ съ нашей крошки — Мэри? Знаешь, королева и ея малютки... которыя такъ нравились тебѣ? Она тоже стоитъ у Даніэльса. Я какъ сейчасъ ихъ вижу: всѣ... лицомъ къ стѣнѣ!

— Эдвардъ!..

— Нѣтъ, это правда... правда! Я въ полной памяти; только мнѣ все чудится, что я ихъ вижу: всѣ... лицомъ къ стѣнѣ. Мой „Черный Принцъ“ проданъ совсѣмъ случайно, а заказовъ — ни одного! Ни одного, — только подумай, Мэри! Правда, и прежде со мной это случалось; но никогда мнѣ еще не случалось быть шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Сообрази: вѣдь я ужъ старый человѣкъ, и моя пѣсня спѣта...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не можетъ быть! — горячо воскликнула жена.

— Фактъ остается фактомъ: его не измѣнишь! Но что̀ бы съ нами было, если бы наши доходы вдругъ изсякли, какъ это неминуемо должно было случиться? Мы очутились бы на

краю гибели, а впереди... ровно никакихъ надеждъ! Теперь же, дорогая, тебѣ будетъ несравненно легче. Ты можешь продать домъ и всю обстановку; тебѣ дадутъ пенсію, и такимъ образомъ дѣти получатъ кой-какія крохи для начала...

— О, дѣти, дѣти! — отчаянно воскликнула она, припадая лицомъ къ его рукѣ.—О, Эдвардъ! *Ты* мнѣ нуженъ, а не дѣти!

Въ эту великую и тяжкую минуту она не задумалась отречься отъ дѣтей. Что̀ имъ? Они здоровы, веселы, полны надеждъ и беззаботнаго счастья. Въ отчаяніи, въ порывѣ безъисходнаго горя, она отворачивалась отъ ихъ ликующей толпы, которая (она теперь вдругъ ясно все сознала!) занимала въ сердцѣ ея мѣсто, нѣкогда безраздѣльно принадлежавшее мужу.

Сандфордъ засмѣялся тихимъ, спокойнымъ смѣхомъ.

— Сохрани ихъ, Господи!—проговорилъ онъ.—А только... и мнѣ самому нравится, чтобъ ты занималась *только* мною! Чтобъ мы съ тобою—только мы одни!—неразлучно были вмѣстѣ въ послѣднюю минуту. Ты всегда была,—нѣтъ дорогая, не *была*, а *есть* и теперь, все время!—для меня любящей и любимой, преданной женой. Насчетъ вдовъ—мы съ тобой не судьи: намъ это еще незнакомо. Я думаю, смерть—пустяки; и даже страшнѣе смерти—остаться жить!.. Но Богъ сложилъ все такъ премудро... такъ хорошо! Мнѣ кажется, что мнѣ совсѣмъ не жалко умереть... Мэри! Гдѣ ты?

— Здѣсь, дорогой! Я около тебя... вотъ твоя рука въ моей... О, милый, милый! Развѣ ты меня не видишь?

— Да, да!—смѣясь, возразилъ онъ, какъ будто пристыженный тѣмъ, что ошибся, и протянулъ свою другую руку, какъ бы хватаясь за нее покрѣпче.—Вѣрно, теперь поздно? Какъ уже темнѣетъ! Который часъ? Должно быть, семь?.. Ты не сойдешь къ обѣду,—внизъ? Да, Мэри? Побудь со мной! Не оставляй меня! Тебѣ могутъ подать сюда, наверхъ.

— Внизъ?! О, нѣтъ; конечно, нѣтъ! Неужели ты могъ подумать, что я тебя оставлю?

Но прежде чѣмъ рѣшиться заговорить, Мэри растерялась: ее привело въ ужасъ замѣчаніе мужа,—что „темнѣетъ“. Въ окно смотрѣло яркое дневное солнце; на сумерки не было ни намека.

Сандфордъ вздохнулъ тихонько, но отраднымъ, облегченнымъ вздохомъ.

— Если тебѣ не трудно,—согласился онъ.—Я мелькомъ вижу твое милое лицо, и мнѣ чудится порой, что оно, словно ангелъ съ крылышками, надо мной витаетъ... Голова у меня,

какъ будто... немножечко кружится... Нѣтъ, свѣчей не надо. Я люблю полутьму; ты знаешь, я всегда ее любилъ... Подожди, пока я еще тебя могу видѣть... На этомъ стулѣ будетъ ли тебѣ удобно? Ну, такъ присядь; я буду держать твою руку и, кажется, немножко подремлю...

— Это будетъ для тебя полезно!—сказала бѣдная жена.

— Какъ знать?—съ улыбкой возразилъ больной. -- Только, пожалуйста, огня не надо!

Огня, свѣчей?! Боже мой! Прямо передъ ней, въ окошко видно, что холмы съ косматымъ гребнемъ черныхъ сосенъ и безъ того залиты, какъ огнемъ, самымъ жизнерадостнымъ свѣтомъ! Нѣтъ ничего ужаснѣе для окружающихъ, какъ сознавать, что отъ больного уже ускользаетъ способность видѣть свѣтъ и отличать отъ ночи день.

X.

Сандфордъ лежалъ спокойно, неподвижно подъ сѣнью полога, не выпуская изъ своей руки руку жены. Онъ дремалъ, сначала тихо, но потомъ нѣсколько тревожно.

Жена сидѣла тихо, не шевелясь и почти не дыша, чтобъ его не тревожить. Въ глазахъ у нея ни слезинки, на губахъ ни звука; все ея существо, казалось, заключено въ броню наружнаго спокойствія, которая скрывала цѣлую бурю самыхъ разнообразныхъ чувствъ.

— Я бросила его! Я его одного оставила переживать бурю несчастій, которыя на него надвигались. Онъ былъ одинъ, безъ ласки, безъ участья! Я отдавалась интересамъ, радостямъ дѣтей; я все приносила въ жертву, лишь бы ничто имъ не мѣшало прыгать и плясать... Плясать!..

Сердце, казалось, разобьется отъ безмѣрной боли. Мэри душой любила мужа чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ; всю жизнь была ему вѣрной и преданной женой; всю жизнь у нея не было ни мысли, ни движенія души отдѣльно отъ него... А вѣдь она оставила же его одного нести ужасный гнетъ страданій, ужаснѣе которыхъ, кажется, нѣтъ на свѣтѣ!..

Ни вздохомъ, ни рыданьемъ не смѣла м-съ Сандфордъ нарушить глубокую тишину; не смѣла волю дать слезамъ, которыя застилали ей глаза.

— Только бы не шевельнуться, не разбудить его!..

Ей вспоминалась жизнь ея, свѣтлая и ровная... до той минуты, когда она получила телеграмму,—когда прервался безко-

нечный рядъ безмятежныхъ дней,—а въ будущемъ ожидалъ только мракъ и роковой невѣдомый міръ, ужасъ котораго ей суждено было побороть одной... безъ него!

Немного спустя, онъ началъ опять говорить, но какъ-то странно, будто не во снѣ, а въ неопредѣленномъ состояніи между сознаніемъ и состояніемъ полнаго небытія.

— Всѣ къ стѣнѣ... лицомъ! Послѣднія мои... всѣ три! Даніэльсъ добрый человѣкъ!.. Онъ нарочно поставилъ ихъ въ комнату, чтобъ я ихъ не видалъ... Три... счастливое число!.. Я видѣлъ ихъ потомъ вездѣ... и на дорогѣ, надъ болотомъ, и на бѣгахъ... потомъ... гдѣ же еще потомъ? На дорогѣ къ небу... Нѣтъ, нѣтъ, не то! Тогда одинъ изъ ангеловъ... пришелъ бы и повернулъ бы ихъ... Предъ лицомъ Божіимъ они не смѣютъ... Они должны быть лицомъ къ Нему... Да поверните же ихъ лицомъ!.. Лицомъ!..

Онъ остановился. Глаза его сомкнулись и необъяснимо-блаженная улыбка коснулась его губъ...

— Богъ Самъ увидитъ, что̀ въ нихъ всего лучше!—прошепталъ онъ.

На нѣкоторое время водворилось полное молчаніе.

Только изрѣдка больной бормоталъ какое-нибудь неясное слово. Потомъ м-съ Сандфордъ разслышала что-то про „Іерусалимъ“ и его „стѣны“ и какія-то нѣжныя, ласковыя выраженія, вмѣстѣ съ ея именемъ...

Проснулся онъ только ночью съ громкимъ крикомъ, который всѣхъ привелъ въ ужасъ.

— Не надо!—кричалъ онъ. — Не надо зажигать для меня цѣлую иллюминацію „al giorno“, говоря по-итальянски! Но все-таки мнѣ это нравится... Да, очень нравится! Даніэльсъ щедръ, какъ принцъ крови...

Потомъ слабымъ движеніемъ онъ протянулъ впередъ руки и позвалъ жену:

— Мэри! Мэри!

И привлекъ ее къ себѣ поближе, шепча что-то совсѣмъ неясно, но убѣдительно и долго. Ни слова не могла разобрать бѣдная женщина, и такъ и не узнала, что̀ онъ хотѣлъ сказать.

— Что̀ бы это могло быть?.. Что̀ такое?..—мучилась она, прислушиваясь къ невнятному шопоту.

Но что̀ бы это ни было, Сандфордъ, повидимому, былъ очень доволенъ, что успѣлъ высказаться. Онъ упалъ на подушки съ видомъ глубокаго успокоенья, и на лицѣ его отразилось полнѣйшее довольство: онъ сдѣлалъ все, онъ высказалъ все, что̀ хотѣлъ!

Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ впалъ въ глубокій сонъ и—больше не проснулся...

Предвидѣнія Сандфорда сбылись и ожиданія его съ избыткомъ оправдались.

Домъ продали и получили за него, какъ говорилъ агентъ, „баснословную“ цѣну... благодаря тому, что это былъ *его* домъ, со всей *его* обстановкой, которую не тронули съ мѣста. Въ общемъ, денежныя средства осиротѣвшей семьи были довольно скудны; но, по крайней мѣрѣ, для семьи не было позорно—рѣзко перемѣнить свой образъ жизни, слишкомъ роскошный для вдовы, которой, впрочемъ, былъ назначенъ пенсіонъ—даже весьма значительный. Она наняла небольшой домикъ, болѣе подходящій къ ея стѣсненному положенію, и поселилась въ немъ съ младшими дѣтьми.

Лордъ Окхэмъ постарался доставить мѣсто Гарри; и послѣдній принялся работать и сдѣлался весьма дѣльнымъ тружеником, не хуже всякаго другого, какъ настоящій ревностный слуга своего отечества. Джэкъ, отрезвленный тяжелымъ ударомъ, вдругъ остепенился, сталъ серьезнѣе относиться къ своей профессіи и понемногу пробилъ себѣ дорогу, какъ человѣкъ съ твердою волей, не дозволяющей ему теряться въ минуты испытаній.

Остальныя дѣти жили съ матерью, какъ и прежде, но только болѣе замкнуто и скромно; друзья по прежнему ихъ окружали, не слѣдуя почему-то установившемуся правилу, что въ несчастіи человѣкъ лишается своихъ друзей. Весьма возможно, что ихъ больше не звали на великосвѣтскіе вечера и балы, куда, бывало, хорошенькія дочери и благовоспитанные сыновья „знаменитаго Сандфорда“ приглашались нарасхватъ, тѣмъ болѣе, что черезъ нихъ можно было попадать па частныя выставки и доставать безплатные билеты для входа на академическіе вечера. Такихъ приглашеній Лидзи и Ада больше не получали. Но это не могло для нихъ имѣть большого значенія въ виду того, что ихъ звали въ силу необходимости,—„изъ снисхожденія“ къ положенію отца. Теперь нѣчего было разсчитывать на подобныя приглашенія: всѣ, въ сущности, Сандфорды всегда оставались для этихъ аристократовъ посторонними, чужими.

М-съ Сандфордъ была увѣрена чистосердечно, что она не переживетъ своего Эдварда; тяжелымъ гнетомъ навалились ей на грудь воспоминанія о краткомъ (но для мужа—самомъ ужасно-длинномъ) времени, когда онъ нравственно страдалъ и даже не имѣлъ отрады видѣть подлѣ себя жену...

Несмотря на то, что м-съ Сандфордъ твердо рѣшила выполнить всѣ желанія мужа и все устроить такъ точно, какъ онъ бы самъ устроилъ,—она все время только и думала о томъ, что это не надолго, что близокъ часъ, когда, все приведя въ порядокъ, она сама послѣдуетъ за нимъ.

Эти заботы, хлопоты и эта увѣренность смягчили для нея самое жгучее, первое горе утраты. Она чувствовала себя въ нѣкоторомъ родѣ довѣреннымъ лицомъ, взявшимъ на себя обязательство произвести переворотъ, отъ котораго она рада избавить своего Эдварда; рада, что онъ, по крайней мѣрѣ, освобожденъ отъ этихъ хлопотъ; отъ стыда и униженія, связанныхъ съ померкшей славой; рада своему убѣжденію, что, окончивъ все необходимое, она сама соединится съ нимъ навѣки...

Но когда все вошло въ болѣе опредѣленныя и узкія, конечно, рамки; когда ея одинокая жизнь потекла по тихому, замкнутому руслу,—м-съ Сандфордъ съ удивленіемъ и не безъ огорченія, увидѣла, что ея дѣло сдѣлано, а умирать ей, повидимому, еще не суждено. Ея „одинокая" жизнь оказалась вовсе не одинокой, только болѣе скромной, замкнутой и сложившейся не добровольно, а въ силу необходимости подчиниться обстоятельствамъ. Сначала ей было странно, что она еще можетъ жить; но потомъ жизнь,—юная, кипучая жизнь ея дѣтей убѣдила ее, что это возможно, и она поддалась необходимому теченію вещей.

Слова Сандфорда и его предчувствіе съ избыткомъ оправдались.

Для всѣхъ своихъ онъ сдѣлалъ то, что̀ считалъ наилучшимъ и наиболѣе полезнымъ: онъ умеръ...

И тотчасъ же къ Даніэльсу явились щедрые покупатели на тѣ самыя три послѣднія картины, которыхъ еще такъ недавно никто знать не хотѣлъ. Онъ выручилъ за нихъ такую цѣну, о которой не могъ бы и во снѣ помыслить. „Сандфорды" сдѣлались „интересной рѣдкостью" съ той же минуты, какъ публикѣ стало извѣстно, что производство ихъ навѣки прекратилось.

Все вышло къ лучшему!..

Но вѣдь не всякому дано такое счастіе, какое выпало на долю „знаменитаго Сандфорда",—счастье умереть во̀-время.

А. Б—г—.

ДВѢ СЕСТРЫ

Изъ исландской саги.

Плещетъ Обида крылами
Тамъ на пустынныхъ скалахъ...
Черная туча надъ нами,
Въ сердцѣ—тревога и страхъ.

Стонетъ скорбящая дѣва,
Тихъ ея стонъ на землѣ,—
Голосъ грозящаго гнѣва
Вторитъ ей сверху во мглѣ.

Стонъ, повторенный громами,
Къ звѣздамъ далекимъ идетъ,
Гдѣ межъ землей и богами
Вѣчная Кара живетъ.

Тамъ, гдѣ полночныхъ сіяній
Яркіе блещутъ столбы,—
Тамъ она, дѣва желаній,
Дѣва послѣдней судьбы.

Чаша предъ ней золотая;
Въ чашу, какъ паръ отъ земли,
Крупной росой упадая,
Слезы Обиды легли.

Тихо могучая дѣва—
Тихо, безмолвно сидитъ,
Въ чашу грозящаго гнѣва
Взоръ неподвижный глядитъ.

Черная туча надъ нами,
Въ сердцѣ—тревога и страхъ...
Плещетъ Обида крылами
Тамъ на пустынныхъ скалахъ.

Владимiръ Соловьевъ.

3 апрѣля 1899 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1899.

Газетные слухи и толки о проектѣ продовольственнаго устава.—Всесословность продовольственныхъ сборовъ—и сословность продовольственной организаціи.—При какихъ условіяхъ земство должно перестать быть земствомъ?—Новый уставъ о съѣздахъ земскихъ врачей московской губерніи.—Отмѣна постановленія харьковскаго губ. зем. собранія, ассигновавшаго 200 тыс. руб. на дѣло народнаго образованія.—Благополучно окончившійся кризисъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ.—Послѣдній шагъ къ повсемѣстному введенію новыхъ судебныхъ порядковъ.

Сначала въ петербургской, потомъ въ московской печати появилось недавно сообщеніе, въ одной изъ газетъ извѣстнаго сорта, названное громкимъ именемъ: „благой вѣсти"—сообщеніе о томъ, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ составленъ проектъ новаго устава народнаго продовольствія, изъемлющій это дѣло изъ вѣденія земства и сосредоточивающій его всецѣло въ рукахъ администраціи. „Нѣтъ, конечно" — восклицаетъ одинъ изъ провозгласителей „благой вѣсти"— „нѣтъ, конечно, ни одного истинно-русскаго человѣка, который не отнесся бы съ глубочайшимъ сочувствіемъ къ вышеуказанной проектированной мѣрѣ"!.. „Утративъ"—читаемъ мы дальше—„ясное представленіе о своемъ дѣйствительномъ назначеніи въ области мѣстнаго быта, земства наши, подъ вліяніемъ либеральныхъ доктринъ, увлекались несвойственными имъ задачами общегосударственнаго характера... На ряду съ этимъ, устранялось изъ кругозора земской дѣятельности сознаніе дѣйствительныхъ, прямыхъ обязанностей земства—по упроченію и урегулированію существенныхъ основъ сельскаго быта, ввѣреннаго правительствомъ земскому вѣденію". Новый продовольственный уставъ обѣщаетъ „обездоленному сельскому быту эру порядка, благоденствія и благоустройства". Успѣхъ проекта „обезпеченъ уже тѣмъ, что въ основу его легла та идея централизаціи и единовластія, которою всегда такъ дорожилъ весь русскій народъ". За этимъ диѳирамбомъ въ честь „благой вѣсти" послѣдовалъ комментарій болѣе практиче-

скаго свойства, пускающій въ ходъ излюбленное орудіе реакціонной печати — заподозриваніе „благонадежности“ противниковъ. Неустройство продовольственной части — увѣряютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 80)—„имѣетъ важное значеніе и въ политическомъ отношеніи. Извѣстны претензіи нашей такъ-называемой интеллигенціи на политическую роль. Но для подкрѣпленія этихъ претензій недостаточно отвлеченныхъ разсужденій; для котеріи лицъ, ищущихъ перемѣны государственнаго строя, необходимо найти основаніе для такой перемѣны. Когда все идетъ хорошо, такихъ основаній не найдешь, но всякая неурядица, всякое неустройство, служатъ для такихъ вожделѣній прекраснымъ предлогомъ: въ пореформенную эпоху такимъ предлогомъ всегда и служилъ именно продовольственный вопросъ. *Всѣ, конечно, помнятъ,* что даже смута въ государственномъ управленіи послѣднихъ лѣтъ позапрошлаго царствованія исходною точкой своей имѣла именно вопросъ о преобразованіи продовольственной части. Отъ необходимости этого преобразованія естественно перешли къ необходимости преобразовать все крестьянское управленіе, а это, въ свою очередь, повело къ тому, что всѣ земскія собранія были превращены въ провинціальные парламенты, дебатировавшіе вопросы крестьянской организаціи, что̀, въ свою очередь, подготовило почву и для разныхъ послѣдующихъ правительственныхъ мѣръ—осуществленныхъ и ожидавшихся,—образовавшихъ надъ нашимъ горизонтомъ такую темную тучу передъ 1-мъ марта“... Начиная съ подчеркнутыхъ нами словъ, вся эта тирада—одинъ изъ самыхъ характерныхъ образцовъ той якобы „исторіи“, или исторіи ad usum reactionis,—надъ сочиненіемъ которой давно уже работаетъ наша мнимо-охранительная пресса. Не станемъ спорить о томъ, чѣмъ слѣдуетъ считать „государственное управленіе послѣднихъ лѣтъ (или, точнѣе, *послѣдняго года*) позапрошлаго царствованія“—эпохой ли „смуты“, или эпохой приготовленія къ новой серіи „великихъ реформъ“, столь же благотворныхъ и цѣлесообразныхъ, какъ и совершившіяся въ шестидесятыхъ годахъ. Теперь намъ достаточно показать, что исходной точкой перемѣны послужилъ вовсе *не* вопросъ о преобразованіи продовольственной части. Самарскій голодъ (1873 г.) къ этому времени былъ уже болѣе или менѣе забытъ; недородъ 1879 г. не имѣлъ особенно серьезнаго значенія, а болѣе сильный неурожай 1880 года (обнимавшій, впрочемъ, сравнительно небольшое пространство) не успѣлъ еще обнаружиться съ полною ясностью. Не было никакого повода выдвигать на первый планъ продовольственный вопросъ —и онъ вовсе не игралъ выдающейся роли среди тѣхъ, которые были поставлены на очередь „диктатурой сердца“. Если его довольно подробно разработали нѣкоторые изъ сенаторовъ-ревизоровъ, то только

потому, что губерніи, составлявшія предметъ ихъ изученія, принадлежали къ числу пострадавшихъ отъ неурожая 1880 года. Къ пересмотру крестьянскаго управленія и самоуправленія „диктатура сердца" подошла совсѣмъ съ другой стороны. Въ семидесятыхъ годахъ, крестьянскій вопросъ оффиціально считался какъ бы не существующимъ, дальнѣйшая забота объ улучшеніи крестьянскаго быта—ненужной; обсужденіе въ печати малоземелья, несоразмѣрно высокихъ выкупныхъ платежей и другихъ аналогичныхъ явленій—встрѣчало серьезныя затрудненія. Административное преобразованіе 1874 года—замѣна мировыхъ посредниковъ крестьянскими присутствіями, съ ихъ непремѣнными членами,—оказалось совершенно неудачнымъ: и вотъ, именно отъ этого факта отправлялся декабрьскій циркуляръ гр. Лорисъ-Меликова, обращенный къ земскимъ собраніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была признана необходимость экономическихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію крестьянскаго благосостоянія. Нужны совсѣмъ особые очки, чтобы усмотрѣть въ томъ и другомъ „темную тучу", нависшую надъ нашимъ горизонтомъ передъ 1-мъ марта 1881 г. Тучи на немъ несомнѣнно были, и очень мрачныя: но онѣ слагались совсѣмъ не изъ тѣхъ элементовъ, о которыхъ говоритъ московская газета. Обсужденіе земскими собраніями „вопросовъ крестьянской организаціи" относится почти всецѣло къ первому году новаго царствованія—и продовольственный вопросъ игралъ и здѣсь самую скромную роль. Выдающееся мѣсто въ земской государственной жизни онъ начинаетъ занимать только въ послѣднее десятилѣтіе, послѣ безпримѣрнаго бѣдствія 1891 года...

Насколько невѣрна историческая справка московской газеты, настолько же неосновательны намеки, дѣлаемые ею по отношенію къ ближайшему прошлому и настоящему. Еслибы „неустройство" продовольственнаго дѣла разсматривалось „интеллигенціею"—земскою, или иною, какъ „прекрасный предлогъ" для проведенія ея любимой идеи, то въ ея интересахъ было бы поддерживать это неустройство—и слѣдовательно, отстаивать дѣйствующій продовольственный уставъ, на почвѣ котораго оно растетъ и обостряется. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ мы не видимъ; наоборотъ, и въ земствѣ, и въ печати, и въ ученыхъ обществахъ, постоянно, съ самаго 1891 года, идетъ рѣчь о необходимости коренной передѣлки продовольственнаго устава, какъ о единственномъ средствѣ положить конецъ печальнымъ явленіямъ, повторяющимся теперь при каждомъ сколько-нибудь интенсивномъ и экстенсивномъ неурожаѣ. Само собою разумѣется, что о направленіи и содержаніи передѣлки существуютъ весьма различныя мнѣнія, и „такъ называемая интеллигенція" понимаетъ ее совершенно иначе, чѣмъ сторонники „бюрократической рутины"; но, конечно, ея цѣлью представляется, во

всякомъ случаѣ, не увѣковѣченіе, а прекращеніе „неурядицы", отъ которой страдаетъ крестьянская масса.

Обычнымъ, шаблоннымъ, давно наскучившимъ аргументомъ въ пользу всякаго поворота назадъ является, въ устахъ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ, мнимое единогласіе „всѣхъ истинно-русскихъ людей". На этотъ разъ къ нему присоединяется увѣреніе еще болѣе смѣлое: *всему русскому народу* приписывается привязанность къ *централизаціи и единовластію*. Эти два понятія, существенно различныя, поставлены одно подлѣ другого, по всей вѣроятности, не случайно: мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣднее должно служить щитомъ для перваго... Чтобы уничтожить всю силу этого ухищренія, достаточно, однако, припомнить, что централизація *политическая*— далеко не то же самое, что̀ централизація *административная*. Допустимъ, что теченіе, въ продолженіе многихъ вѣковъ добивавшееся и наконецъ достигшее господства въ народной жизни, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, теченіе излюбленное народомъ: для Россіи изъ этого общаго положенія можно сдѣлать выводъ только въ пользу *политической* централизаціи. Только она можетъ быть разсматриваема какъ естественный продуктъ условій, среди которыхъ жила и живетъ страна, какъ результатъ, сознательный или безсознательный, общенародной работы. Совсѣмъ другое дѣло — *административная* централизація, измѣнчивая въ формахъ и степени, скорѣе скользящая по поверхности, чѣмъ проникающая въ глубину народнаго быта. Съ политической централизаціей она отнюдь не связана неразрывно: ея можетъ не быть—или она можетъ постепенно уменьшаться—въ государствахъ съ сильною правительственною властью, сильною во всемъ томъ, что̀ касается общихъ интересовъ страны. Политическая централизація можетъ быть дорога народу, какъ гарантія безопасности, какъ источникъ величія и могущества; къ административной централизаціи и онъ можетъ только *привыкнуть*, въ силу инерціи и давности, но не можетъ любить ее, уже потому, что ежеминутно чувствуетъ ея давленіе. Сосредоточеніе продовольственнаго дѣла въ рукахъ бюрократіи усиливаетъ, очевидно, централизацію административную, а не политическую. Уже по этому одному оно не можетъ возбудить народную радость. Если ему суждено состояться, оно будетъ встрѣчено съ ликованіемъ не „истинно-русскими людьми" вообще, а только „истинно-русскими людьми" въ томъ специфическомъ смыслѣ, какой имѣетъ это слово на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей".

Прежде, когда враги земства черпали матеріалъ для своихъ нападеній въ области продовольственнаго дѣла, земству ставилось въ вину больше всего его небрежное отношеніе къ хлѣбозапаснымъ магазинамъ; на него возлагалась отвѣтственность за ихъ пустоту, хотя для

понужденія къ засыпкѣ хлѣба ему недоставало самаго существеннаго условія—власти. Теперь о магазинахъ говорится только мимоходомъ; главнымъ боевымъ оружіемъ служитъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, нѣчто совершенно другое. Чему приписать такую перемѣну? Не тому ли, что въ теченіе 7—9 лѣтъ, прошедшихъ со времени введенія института земскихъ начальниковъ, хлѣбозапасные магазины успѣли, во многихъ мѣстахъ, наполниться хлѣбомъ — но это не предупредило бѣдствій, причиняемыхъ неурожаемъ, и даже уменьшило ихъ не въ особенно значительной степени? Говоря о голодѣ 1891-го года, мы имѣли случай указать, что не-земскія губерніи—напр., оренбургская—потерпѣли отъ него не меньше земскихъ, хотя хлѣбными магазинами и вообще продовольственнымъ дѣломъ завѣдывала тамъ именно и только администрація. Это не помѣшало тогда злобнымъ выходкамъ противъ земства, мотивированнымъ недостаточностью его попеченій о хлѣбныхъ запасахъ; но теперь простое повтореніе прежнихъ обвиненій, въ прежней ихъ формѣ, было бы уже слишкомъ неудобно. Слишкомъ уже ясно обнаружился тотъ фактъ, что даже содержимые въ порядкѣ хлѣбозапасные магазины—плохая гарантія продовольственной обезпеченности населенія. На первый планъ выдвигается, поэтому, ст. 15-я устава народнаго продовольствія, предоставляющая земскимъ собраніямъ учреждать сборы на продовольствіе для усиленія продовольственнаго капитала. Земству ставится въ вину непользованіе правомъ, принадлежавшимъ ему въ силу закона. Такъ ли, однако, велики земскія средства, чтобы они могли выдержать, кромѣ обыкновенныхъ земскихъ сборовъ, еще особый продовольственный сборъ, взимаемый изъ тѣхъ же источниковъ, на основаніи тѣхъ же правилъ? Можно ли удивляться тому, что къ сборамъ хлѣба натурой, лежащихъ, по закону, на крестьянахъ, земство не рѣшалось прибавить еще денежный сборъ на тотъ же предметъ? Если хлѣбные магазины, до начала девятидесятыхъ годовъ, часто оставались пустыми, то вѣдь самая обязанность ихъ наполнить продолжала лежать на крестьянахъ, и земству очень хорошо было извѣстно, что въ каждую данную минуту крестьяне могутъ быть принуждены къ исполненію этой обязанности. Въ девятидесятыхъ годахъ, т.-е. именно тогда, когда страшные неурожаи раскрыли несостоятельность продовольственной системы, такое принужденіе дѣйствительно и началось; въ то же время былъ поставленъ на очередь пересмотръ продовольственнаго устава, въ виду чего явно несвоевременнымъ было бы учрежденіе земствомъ новыхъ продовольственныхъ сборовъ...

Земству—утверждаютъ съ самоувѣренностью его враги — слѣдовало обезпечить во что бы то ни стало народное продовольствіе, хотя бы въ ущербъ народному образованію и народной медицинѣ, какъ по-

требностямъ менѣе важнымъ. Это совершенно невѣрно. Потребность въ насущномъ хлѣбѣ, обусловливаемая стихійнымъ бѣдствіемъ, никогда не остается безъ удовлетворенія, именно потому, что она не терпитъ отлагательства; нуждающаяся въ хлѣбѣ масса должна быть спасена отъ голодной смерти, и ее дѣйствительно спасаетъ отъ этой участи государство, при содѣйствіи общества. Иное дѣло — потребность въ обученіи и леченьѣ; здѣсь возможны отсрочки ad infinitum, и если бы земство не взяло на себя дѣятельной роли въ распространеніи школъ и больницъ, то по-реформенная Россія не далеко ушла бы въ этомъ отношеніи отъ до-реформенной. Не одно только земство, притомъ, считало возможнымъ обойтись безъ особыхъ продовольственныхъ сборовъ; не установляло ихъ и правительство, отъ котораго зависѣло либо признать ихъ обязательными для земства, либо ввести ихъ въ собственную финансовую систему. Отчего же реакціонная печать и не думаетъ упрекать его за то, что оно не сдѣлало ни того, ни другого?..

Въ комментаріяхъ къ „благой вѣсти“ есть еще одна сторона заслуживающая вниманія. „Продовольственная организація“, читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ — „*обнимаетъ собою исключительно крестьянское населеніе*, а такъ какъ попечительство о немъ ввѣрено административно-судебнымъ учрежденіямъ 1889-го года, то и завѣдываніе продовольственною частью въ уѣздахъ и на мѣстахъ должно быть ввѣрено уѣзднымъ съѣздамъ и земскимъ начальникамъ“... Иныя рѣчи раздавались на томъ же мѣстѣ нѣсколькими мѣсяцами раньше, когда возникалъ вопросъ объ оказаніи продовольственной помощи лицамъ дворянскаго сословія. Въ цѣломъ рядѣ статей (1898 г. №№ 309, 322, 357) „Московскія Вѣдомости“ проводили мысль, что право на продовольственную помощь даетъ не принадлежность къ тому или другому сословію, а *нужда*, и что сборы на образованіе продовольственныхъ капиталовъ могутъ и должны быть всесословные. Какимъ же образомъ продовольственная организація, существующая для всѣхъ сословій, можетъ обнимать собою „исключительно одно крестьянское населеніе“? Какимъ образомъ продовольственный налогъ, взимаемый со всѣхъ сословій—все равно, въ видѣ ли земскаго сбора или государственнаго налога, можетъ быть предоставленъ всецѣло въ распоряженіе властей, вѣдающихъ, въ административномъ отношеніи, не всѣ сословія? Нужна совсѣмъ особая способность мыслить, въ одно и то же время, на два фронта, чтобы провозглашать одно и то же дѣло всесословнымъ, когда рѣчь идетъ о пользованіи его удобствами, и сословнымъ, когда идетъ рѣчь о его устройствѣ.

Когда до слуха „охранительной“ печати не доходила еще „благая

вѣсть“ о проектируемомъ изъятіи продовольственнаго дѣла изъ вѣдѣнія земства и о сосредоточеніи его всецѣло въ рукахъ администраціи. „Московскія Вѣдомости“ (1898 г., № 359) высказывались въ пользу раздѣленія этого дѣла между администраціей и земствомъ,—раздѣленія, правда, весьма неравномѣрнаго: на обязанность земства предлагалось отнести установленіе продовольственнаго сбора и завѣдываніе уѣздными хлѣбозапасными магазинами, а земскимъ начальникамъ—предоставить разрѣшеніе населенію пользоваться этими запасами, какъ и вообще продовольственною помощью. Теперь московская газета привѣтствуетъ побѣдными кликами совершенное вытѣсненіе земства изъ сферы продовольственнаго дѣла. Исходя изъ противоположной точки зрѣнія, мы готовы придти, условно, къ тому же окончательному выводу: *если* земству не суждено болѣе оставаться распорядителемъ и распредѣлителемъ продовольственной помощи, то лучше пускай оно будетъ освобождено отъ функцій оберъ-смотрителя надъ хлѣбными магазинами. Слишкомъ ненормально было бы считать его отвѣтственнымъ за полноту складовъ, изъ которыхъ оно не могло бы выдать собственною властью ни одного фунта. Къ чему свелась бы, при смѣшанной системѣ, роль земскихъ собраній? Къ повѣркѣ счетовъ на купленный хлѣбъ и вѣдомостей, показывающихъ количество хлѣба въ запасныхъ магазинахъ. Ни къ тому, ни къ другому нѣтъ надобности привлекать уполномоченныхъ мѣстнаго населенія; и то, и другое можетъ быть исполнено любымъ контрольнымъ чиновникомъ. Участіе земства въ продовольственномъ дѣлѣ понятно только тогда, когда ему принадлежитъ рѣшающій или, по меньшей мѣрѣ, вліятельный голосъ въ опредѣленіи степени нужды, какъ въ уѣздѣ (или губерніи) вообще, такъ и въ отдѣльныхъ селеніяхъ и даже въ отдѣльныхъ семьяхъ. Для послѣдняго земству необходимы помощники на мѣстахъ—помощники постоянные, а не призываемые только въ минуту бѣдствія. Ключъ къ разрѣшенію продовольственнаго вопроса, насколько онъ касается *констатированія* нужды и раздачи помощи, заключается не въ расширеніи административнаго вмѣшательства, не въ замѣнѣ элемента земскаго элементомъ бюрократическимъ, а въ созданіи мелкой земской единицы.

За противоположными взглядами на организацію продовольственнаго дѣла скрывается, впрочемъ, разномысліе гораздо болѣе глубокое. Газетные противники земства стремятся не къ чему иному, какъ къ полному его упраздненію, или къ такому извращенію его функцій, послѣ котораго отъ него уцѣлѣло бы только имя. Для достиженія этой цѣли вытѣсненіе земства изъ области народнаго продовольствія является такимъ же средствомъ, какъ и вытѣсненіе его изъ области

народнаго образованія и возможно бòльшее ограниченіе его самодѣятельности въ области народной медицины. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что продовольственное дѣло изъято всецѣло изъ вѣдѣнія земства, расходъ на народное образованіе исключенъ изъ земскихъ бюджетовъ, земская школа передана въ хозяйственное завѣдываніе чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, или обращена въ церковно-приходскую, земскія больницы и пріемные покои подчинены дѣйствію устава лечебныхъ заведеній, составленнаго въ 1893 г., или другого аналогичнаго постановленія. Что останется тогда въ кругѣ вѣдомства земскихъ учрежденій?—Завѣдываніе путями сообщенія? Исполнительную часть этого дѣла легко можетъ взять на себя техникъ или техническое бюро, а часть распорядительная исчерпывается почти вся проведеніемъ новыхъ дорогъ, надобность въ которыхъ встрѣчается не ежегодно; администраціи, притомъ, и теперь уже принадлежитъ въ этомъ отношеніи такая власть, при которой права земскаго собранія легко могутъ оказаться призрачными.—Отправленіе подводной повинности? Такъ какъ она переведена, бòльшею частью, на деньги, и предметъ ея точно установленъ закономъ, то земскія собранія ограничиваются обыкновенно утвержденіемъ, разъ въ три года, контрактовъ, заключенныхъ управою съ подрядчиками.—Забота о сельскомъ хозяйствѣ, о кустарныхъ промыслахъ и т. п.? Давно и упорно проводится мнѣніе, что эта забота должна быть возложена на вновь образуемые мѣстные органы министерства земледѣлія.—Ходатайство о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ? Не говоря уже о все болѣе и болѣе рестриктивномъ толкованіи этого понятія, существуетъ, повидимому, предположеніе о такомъ расширеніи губернаторской власти, которое позволило бы останавливать ходатайство при самомъ его возникновеніи, безъ доведенія его даже до свѣденія высшаго правительства. Земскія собранія, поставленныя въ столь тѣсныя рамки, неизбѣжно потеряли бы свой raison d'être, или обратились бы въ совѣщанія свѣдущихъ людей, ни для чего не нужныя и никому не интересныя, а земскія управы, безъ земскихъ собраній, или при земскихъ собраніяхъ только-что указаннаго типа, сдѣлались бы обыкновенными присутственными мѣстами, съ которыми они и теперь, послѣ введенія въ дѣйствіе Положенія 1890-го года, представляютъ уже немалое сходство. Насколько такой результатъ въ нашихъ глазахъ былъ бы прискорбенъ, настолько онъ можетъ съ противоположной точки зрѣнія казаться желательнымъ; но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ является естественнымъ завершеніемъ анти-земскаго похода, проповѣдуемаго нѣкоторыми органами нашей печати.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ, теоретическихъ и практическихъ, нашей земской медицины—профессоръ М. Я. Капустинъ,—говоря о заслугахъ съѣздовъ земскихъ врачей, призналъ, что особенно полезными оказывались тѣ съѣзды, въ составъ которыхъ входили представители земскихъ управъ и земскіе гласные. И это вполнѣ понятно: между выборными земскими дѣятелями и земскими врачами существуетъ и должна существовать самая тѣсная внутренняя связь. Безъ указаній и совѣтовъ спеціалистовъ, земскія собранія и земскія управы легко могутъ, въ своихъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ по медицинской части, впадать въ ошибки; безъ содѣйствія и сочувствія земства самыя лучшія намѣренія земскихъ врачей могутъ оставаться мертвой буквой. Этимъ и опредѣлялся до сихъ поръ составъ земскихъ медицинскихъ съѣздовъ; съ рѣшающимъ голосомъ въ нихъ обыкновенно участвовали, кромѣ земскихъ врачей, члены губернской управы и губернской санитарной коммиссіи, съ совѣщательнымъ—всѣ земскіе гласные, губернскіе и уѣздные, или, по меньшей мѣрѣ, для гласныхъ не былъ закрытъ входъ въ засѣданія съѣзда, посѣщеніе которыхъ разрѣшалось и постороннимъ лицамъ. Въ московской губерніи, гдѣ съѣзды земскихъ врачей собирались особенно часто (съ 1876 по 1898 г. ихъ было четырнадцать) и играли особенно видную роль, они регулировались уставомъ, утвержденнымъ въ 1876 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ. За силою этого устава, засѣданія съѣздовъ были открыты для публики; протоколы ихъ печатались. Къ участію въ засѣданіяхъ могли быть приглашаемы, съ правомъ совѣщательнаго голоса, не состоящіе на службѣ земства врачи, а также спеціалисты по разнымъ отраслямъ наукъ и *вообще* лица, могущія своими указаніями содѣйствовать правильному разрѣшенію возбуждаемыхъ на съѣздѣ вопросовъ. На все время своихъ засѣданій съѣздъ избиралъ предсѣдателя и секретаря изъ среды присутствующихъ врачей. Занятія съѣзда опредѣлялись каждый разъ программою, составленною въ санитарной коммиссіи; но, кромѣ того, на обсужденіе съѣзда могли быть вносимы вопросы членами его и земскими управами. Въ началѣ марта нынѣшняго года, при самомъ открытіи очередного губернскаго собранія, московской губернской управѣ былъ сообщенъ новый уставъ губернскихъ съѣздовъ врачей московскаго земства, утвержденный министромъ внутреннихъ дѣлъ 9-го декабря 1898 г., съ тѣмъ, чтобы губернское собраніе, при разрѣшеніи съѣздовъ, руководствовалось исключительно этимъ уставомъ.

Главныя измѣненія, вводимыя имъ въ существовавшій до сихъ поръ порядокъ, заключаются въ слѣдующемъ: въ засѣданія съѣзда могутъ быть приглашаемы *черезъ предсѣдателя*, съ правомъ совѣщательнаго голоса, *врачи изъ врачебнаго персонала московской губерніи* и *дру-*

гіе спеціалисты по разнымъ отраслямъ знанія (техники, архитекторы и проч.), могущіе своими указаніями содѣйствовать правильному разрѣшенію возбуждаемыхъ на съѣздѣ вопросовъ. *Сторонняя публика на съѣздъ не допускается.* Кромѣ вопросовъ, включенныхъ въ программу, на обсужденіе съѣзда могутъ быть вносимы членами его и земскими управами московской губерніи и другіе вопросы, *но не иначе, какъ черезъ предсѣдателя.* Предсѣдательство на съѣздѣ ввѣряется не выбранному изъ его среды имъ самимъ врачу, а начальнику московскаго врачебнаго управленія, или другому врачу по назначенію губернатора. Протоколы и отчеты занятій съѣзда могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернской власти. Новый уставъ появился совершенно неожиданно, безъ объясненія причинъ, вызвавшихъ его изданіе, и безъ предварительнаго сношенія съ московской губернской земской управой. Этотъ порядокъ составленія устава отразился и на его содержаніи. Онъ отводитъ большую роль губернской санитарной коммиссіи, между тѣмъ какъ она въ московскомъ земствѣ давно уже замѣнена губернскимъ санитарнымъ совѣтомъ. Въ составъ санитарной коммиссіи входила вся губернская земская управа; въ составъ санитарнаго совѣта она не входитъ; остается, такимъ образомъ, неизвѣстнымъ, предоставляется ли губернской земской управѣ какое-либо участіе въ составленіи программы съѣзда и въ самыхъ его работахъ. Весьма вѣроятно, что это недоразумѣніе разъяснится въ смыслѣ благопріятномъ для губернской управы; слишкомъ ужъ ненормально было бы устраненіе ея отъ дѣла, предпринимаемаго за счетъ и въ интересахъ губернскаго земства. Въ остальныхъ нововведеніяхъ устава нѣтъ ничего случайнаго: они прямо направлены къ тому, чтобы сдѣлать съѣздъ собраніемъ спеціалистовъ, разсуждающихъ, при закрытыхъ дверяхъ, о вопросахъ, допущенныхъ къ обсужденію представителемъ губернскаго начальства. Подъ понятіе „спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія“ нельзя подвести ни членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ, ни губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ, *какъ таковыхъ*: это видно уже изъ того, что въ прежнемъ уставѣ рядомъ съ спеціалистами упоминались *вообще лица*, могущія содѣйствовать правильному разрѣшенію возбуждаемыхъ на съѣздѣ вопросовъ, а въ новомъ уставѣ рѣчь идетъ *только* о спеціалистахъ, и содѣйствіе ожидается только отъ нихъ однихъ. Земскіе дѣятели (за исключеніемъ, въ лучшемъ случаѣ, членовъ губернской управы и губ. санитарнаго совѣта) смѣшиваются, такимъ образомъ, съ сторонней публикой, не допускаемой на съѣздъ даже на правахъ простыхъ слушателей. Исключенія не сдѣлано ни для предсѣдателей и членовъ уѣздныхъ земскихъ управъ, непосредственно завѣдывающихъ, на мѣстахъ, хозяйственною стороною врачебнаго дѣла, ни для членовъ врачебныхъ совѣтовъ, существую-

щихъ теперь почти во всѣхъ уѣздахъ и принимающихъ самое дѣятельное участіе во всемъ касающемся врачебнаго дѣла. Закрыть доступъ на съѣздъ, какъ въ качествѣ совѣщательныхъ его членовъ, такъ и въ качествѣ слушателей, земскимъ врачамъ другихъ губерній, которые до сихъ поръ такъ многому могли научиться—и дѣйствительно учились—въ засѣданіяхъ московскихъ съѣздовъ. Существенно измѣняется характеръ съѣзда и тѣмъ, что во главѣ его ставится лицо не изъ среды земскаго врачебнаго персонала. Отъ усмотрѣнія этого лица зависитъ какъ приглашеніе на съѣздъ не-земскихъ врачей и „спеціалистовъ по разнымъ отраслямъ знанія", такъ и включеніе въ программу съѣзда вопросовъ, предлагаемыхъ его членами и уѣздными земскими управами. Кому хоть сколько-нибудь извѣстна роль предсѣдателя подобныхъ собраній, тотъ легко пойметъ, что̀ значитъ предоставленіе ея врачу-чиновнику, облеченному нѣкоторою властью надъ большинствомъ членовъ съѣзда, ничѣмъ не связанному съ земствомъ и обязанному дѣйствовать въ духѣ лицъ, его пославшихъ. Не лишенъ значенія и послѣдній пунктъ новаго устава: „на общемъ основаніи, съѣздъ можетъ быть закрытъ по распоряженію губернатора, при обнаруженіи въ дѣятельности съѣзда какихъ-либо безпорядковъ или уклоненія съѣзда отъ цѣлей и задачъ, предусмотрѣнныхъ уставомъ". Въ прежнемъ уставѣ аналогичнаго правила не было вовсе. Чѣмъ вызвана угроза, включенная въ новый уставъ, это остается неизвѣстнымъ, въ виду указаннаго уже нами порядка его изданія. По удостовѣренію губернской управы, порядокъ созыва и веденія послѣдняго (14-го) съѣзда, состоявшагося осенью прошлаго года, строго опредѣлялся дѣйствовавшимъ тогда уставомъ, а дѣятельность съѣзда по своему существу и объему не выходила изъ круга подлежащихъ его вѣдѣнію вопросовъ и всецѣло касалась потребностей мѣстной врачебно-санитарной организаціи... Московское губернское земское собраніе въ засѣданіи 11-го марта единогласно постановило: 1) признать утвержденный г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 9-го декабря 1897 года уставъ губернскихъ съѣздовъ врачей московскаго земства не соотвѣтствующимъ современному положенію врачебно-санитарной организаціи въ губерніи и не обезпечивающимъ плодотворной дѣятельности съѣздовъ врачей въ преслѣдованіи поставленныхъ имъ задачъ по устройству мѣстной земской медицины и санитарнаго состоянія губерніи вообще; 2) поручить губернской управѣ, совмѣстно съ санитарнымъ совѣтомъ, переработать дѣйствующій уставъ губернскихъ съѣздовъ врачей, примѣнительно къ настоящему положенію и развитію земской медицины въ губерніи, и представить его на утвержденіе очередного губернскаго земскаго собранія, для возбужденія ходатайства о введеніи его для московской губерніи, взамѣнъ утвержденнаго

г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 9-го декабря 1898 г. устава губернскихъ съѣздовъ врачей московскаго земства, и 3) поручить управѣ выяснить къ будущей очередной сессіи, насколько порядокъ, въ которомъ измѣненъ дѣйствовавшій до сихъ поръ уставъ съѣздовъ, соотвѣтствуетъ существующимъ узаконеніямъ.

Два мѣсяца тому назадъ мы упомянули мимоходомъ объ опротестованіи харьковскаго губернскаго земскаго собранія, ассигновавшаго двѣсти тысячъ рублей на развитіе въ харьковской губерніи начальнаго народнаго образованія. Возвращаемся къ этому интересному предмету, въ виду новыхъ, болѣе подробныхъ свѣденій, появившихся въ печати. Губернаторомъ были опротестованы четыре пункта постановленія губернскаго собранія: 1-ый—утвердить проектъ правилъ о расходованіи средствъ губернскаго сбора, ассигнуемыхъ на народное образованіе въ размѣрѣ двухсотъ тысячъ рублей; 3-ій — признать ассигнуемую ежегодно сумму 200 тыс. руб. спеціальнымъ капиталомъ, который можетъ быть расходуемъ только на нужды народнаго образованія; 4-ый—капиталъ этотъ распредѣлить между уѣздами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и губернскій земскій сборъ на дорожныя сооруженія; 5-ый—суммы, не израсходованныя въ теченіе одного смѣтнаго года, оставлять на лицевомъ счету уѣздовъ и расходовать по мѣрѣ надобности и на тотъ же предметъ. Всѣ эти постановленія губернаторъ, руководствуясь ст. 87 земскаго Положенія, призналъ незаконными и нарушающими порядокъ дѣйствій земскихъ учрежденій. По словамъ протеста, они являются слѣдствіемъ постановленія 1897-го года, которымъ губернское собраніе признало за собою руководящую роль въ заботахъ о народномъ образованіи и поручило школьной коммиссіи выработать школьную сѣть и указать порядокъ употребленія губернскихъ средствъ, ассигнованныхъ на народное образованіе. При такомъ положеніи дѣла, нужно было ожидать, что расходованіе денегъ, ассигнованныхъ на народное образованіе, послѣдуетъ лишь по выясненіи всѣхъ подробностей дѣла, дабы не впасть въ ошибку. Между тѣмъ, дѣло не вполнѣ разработано и выяснено, почему и расходованіе ассигнованныхъ на него суммъ является преждевременнымъ. Неясность заключается въ томъ, что губернское земство, принимая на себя руководящую роль въ дѣлѣ народнаго образованія, точно не выяснило, въ чемъ именно состоитъ эта роль. Само собою разумѣется, что такое рѣшеніе могло состояться лишь въ дѣлѣ, подлежащемъ исключительному вѣдомству губернскаго земства. За силою ст. 3 земск. Полож., смѣшеніе губернскихъ и уѣздныхъ потребностей не допускается, и харьковскому губ. земству, если оно признало из-

вѣстную потребность губернскою, надлежало выяснить это въ должной точности, принявъ на себя все дѣло въ цѣлости. Между тѣмъ, содержаніе школъ, уже открытыхъ уѣздными земствами, остается уѣздною потребностью; губ. земство говоритъ лишь о школахъ, которыя *будутъ* устроены на ассигнованныя имъ суммы. Не выработана еще вполнѣ и школьная сѣть, по нѣкоторымъ уѣздамъ переданная на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Въ заключительныхъ словахъ протеста, незаконнымъ и нарушающимъ предѣлы власти земскихъ учрежденій признается собственно 1-ый пунктъ постановленія земскаго собранія, а остальные опротестованные пункты (3-ій, 4-ый и 5-ый) — преждевременными и могущими впослѣдствіи стѣснить свободу рѣшеній собранія. При разсмотрѣніи протеста харьковскимъ губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, было поставлено два вопроса: 1) утвержденный собраніемъ проектъ правилъ расходованія средствъ губернскаго сбора, ассигнованныхъ на народное образованіе въ размѣрѣ 200 тысячъ рублей, нарушаетъ ли интересы мѣстнаго населенія; и 2) въ общей сложности 1-ый, 3-ій, 4-ый и 5-ый пункты постановленія 12-го декабря 1898 г., не разграничивъ сферу дѣятельности уѣздныхъ и губернскаго земствъ и установивъ лишь новую смѣшанную повинность, расходованіе коей лежитъ всецѣло на уѣздныхъ земствахъ,—нарушаютъ ли ст. 3-ю Положенія о земскихъ учрежденіяхъ? На оба вопроса большинство присутствія отвѣтило утвердительно; по первому вопросу, въ меньшинствѣ остались губ. предводитель дворянства, и. д. предсѣдателя губ. земской управы и членъ присутствія отъ земскаго собранія; по второму—только два послѣдніе. Вся опротестованная часть постановленія губ. земскаго собранія оказалась, такимъ образомъ, отмѣненной. Сущность соображеній, на которыхъ остановилось большинство присутствія, заключается въ слѣдующемъ: губернское земство, признавъ за собой, въ 1897 г., руководящую роль въ дѣлѣ народнаго образованія, ограничилось лишь установленіемъ съ уѣздныхъ земствъ особаго сбора, оставивъ эти суммы въ распоряженіи тѣхъ же уѣздныхъ земствъ и преподавъ имъ лишь особыя правила на трату этихъ спеціальныхъ средствъ, причемъ на тотъ же предметъ расходуются и будутъ расходоваться и собственныя уѣздныхъ земствъ суммы по ихъ смѣтамъ и по правиламъ, далеко не однороднымъ по всей губерніи и несоотвѣтственнымъ съ вновь преподанными губернскимъ земствомъ правилами для учрежденія школъ изъ суммъ новаго сбора. Такимъ положеніемъ вещей создается лишь новое обложеніе, отъ губернскаго же земства ускользаетъ именно та руководящая роль, которая принципіально признана за нимъ постановленіемъ 1897 года, такъ какъ проведеніе въ жизнь принципа увеличенія числа школъ всецѣло остается

за уѣздными земствами; правильное же и равномѣрное распредѣленіе школъ по районамъ территоріальнымъ, въ силу Положенія о нач. народн. училищахъ, изъято отъ вѣдомства земскихъ учрежденій и всецѣло зависитъ отъ предсѣдателя мѣстнаго уѣзднаго училищнаго совѣта съ мѣстнымъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Что же касается самыхъ правилъ расходованія новаго сбора, то нельзя не усмотрѣть, что льготы, установленныя этими правилами, могутъ вредно отозваться на существованіи тѣхъ школъ, которыя, содержась на уѣздныя земскія средства, ассигнованныя по собственному почину уѣздовъ, а не по понужденію губернскаго земства,—требуютъ болѣе затратъ отъ мѣстнаго населенія, могущаго усмотрѣть въ этомъ несправедливость и повлечь за собою фактическое закрытіе прежде существовавшихъ школъ; вслѣдствіе чего общее число школъ не увеличится, а уменьшится.

Какъ протестъ харьковскаго губернатора, такъ и постановленіе харьковскаго губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, возбуждаютъ много важныхъ вопросовъ. Одинъ изъ нихъ близко подходитъ къ тому, который былъ недавно разсмотрѣнъ нами по поводу постановленія курскаго губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія [1]. Губернаторъ опротестовалъ постановленіе харьковскаго губ. земскаго собранія, какъ незаконное и нарушающее порядокъ дѣйствій или предѣлы власти; губернское присутствіе, съ губернаторомъ, признало, сверхъ того, что это постановленіе нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія. Эта часть постановленія кажется намъ неправильною вдвойнѣ: присутствіе должно было оставаться въ границахъ протеста, т.-е. разсматривать постановленіе земскаго собранія исключительно съ точки зрѣнія его законности (а не цѣлесообразности); но, выйдя однажды изъ этихъ границъ, оно должно было установить состоявшееся уже и притомъ *явное* нарушеніе интересовъ населенія, а не ограничиваться неопредѣленными догадками о возможности нарушенія. Даже *явное* нарушеніе интересовъ населенія не можетъ, притомъ, служить основаніемъ для отмѣны постановленія земскаго собранія губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ; присутствіе, въ такихъ случаяхъ, даетъ только свое заключеніе, а дальнѣйшее направленіе дѣла зависитъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ бы то ни было, въ концѣ концовъ харьковское губ. присутствіе отмѣнило постановленіе земскаго собранія не только за нарушеніемъ интересовъ населенія, но и за нарушеніемъ закона, а именно статьи 3-й Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Вотъ текстъ этой статьи: „Кругъ дѣйствій земскихъ учрежденій ограничивается предѣлами губерніи

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстн. Европы" за текущій годъ.

или уѣзда, каждому изъ сихъ учрежденій подвѣдомственныхъ. Къ вѣдѣнію губернскихъ земскихъ учрежденій относятся тѣ изъ дѣлъ, поименованныхъ въ ст. 2-й, которыя касаются всей губерніи или нѣсколькихъ ея уѣздовъ, а къ вѣдѣнію уѣздныхъ земскихъ учрежденій— тѣ изъ означенныхъ дѣлъ, которыя касаются каждаго отдѣльнаго уѣзда и не предоставлены ст. 63-ею вѣдѣнію губернскихъ земскихъ учрежденій". Харьковскій губернаторъ и харьковское губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе толкуютъ эту статью въ томъ смыслѣ, что извѣстное дѣло можетъ быть признано либо всецѣло губернскимъ, либо всецѣло уѣзднымъ, и, сообразно съ этимъ, взято въ руки губернскаго земства или оставлено въ рукахъ уѣздныхъ земствъ. Подобное толкованіе идетъ въ разрѣзъ со всею земскою практикою. По статьѣ 2-й, на которую сдѣлана ссылка въ ст. 3-й, къ числу дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земства, принадлежитъ попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія. Это попеченіе никогда не разсматривалось какъ нѣчто нераздѣльное; съ самаго открытія земскихъ учрежденій въ немъ участвовали и губернскія, и уѣздныя земства, и притомъ участвовали не только такъ, что губернское земство занималось одною отраслью дѣла (напр., земскою учительскою школою, учительскими съѣздами, постройкою школьныхъ зданій), уѣздныя— другою, или другими, а работая на одномъ и томъ же поприщѣ, надъ одной и той же задачей. Такъ напримѣръ, губернское земство открывало, наравнѣ съ уѣздными, начальныя школы, назначало въ школахъ, содержимыхъ уѣздными земствами, приплаты къ жалованью учителей, принимало на себя оплату труда законоучителей этихъ школъ, выдавало субсидіи ночлежнымъ пріютамъ и школьнымъ библіотекамъ. Такое же раздѣленіе труда существовало и существуетъ и въ другихъ областяхъ земской дѣятельности: въ области народной медицины, напримѣръ, губернскія земства не только учреждали фельдшерскія школы, не только созывали съѣзды земскихъ врачей, но и открывали собственныя больницы. Въ петербургской губерніи рядомъ съ санитарными врачами, состоящими на службѣ губернскаго земства, дѣйствуютъ санитарные врачи, служащіе въ уѣздномъ земствѣ. Практика, иллюстрируемая этими примѣрами, вполнѣ согласна и съ буквой, и съ смысломъ закона. Въ основаніе дѣленія, установленнаго ст. 3-ею, лежитъ исключительно территоріальный признакъ. Вѣдѣнію губернскаго земства не подлежатъ дѣла, касающіяся только одного уѣзда—и подлежатъ, наоборотъ, всякаго рода дѣла (въ предѣлахъ, конечно, земской компетенціи), касающіяся всей губерніи или нѣсколькихъ ея уѣздовъ. Очевидно, что дѣла послѣдняго рода могутъ быть, по своему содержанію и свойству, совершенно аналогичны съ дѣлами спеціально-уѣздными. Изъ того, что уѣздное земство затрачи-

ваетъ часть своихъ средствъ на открытіе и содержаніе начальныхъ школъ, еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы губернское земство было не въ правѣ производить затраты на тотъ же предметъ, между прочимъ, и въ данномъ уѣздѣ; требуется только, чтобы его затраты имѣли характеръ общей мѣры, вызываемой интересами цѣлой губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ. Стать на точку зрѣнія харьковскихъ губернатора и губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, значило бы сдѣлать невозможной *совмѣстную* работу земства губернскаго и уѣздныхъ—т.-е. именно самую плодотворную и въ иныхъ случаяхъ ничѣмъ незамѣнимую форму земской дѣятельности. Если это такъ, то главное основаніе къ отмѣнѣ постановленія харьковскаго губ. земскаго собранія падаетъ само самою, тѣмъ болѣе, что постановленіе 1897 года (въ первый разъ ассигновавшее на нужды народнаго образованія двѣсти тысячъ рублей), не опротестованное губернаторомъ и вошедшее въ законную силу, точно такъ же оставляло попеченіе о начальной школѣ раздѣленнымъ между земствами губернскимъ и уѣздными. „Преждевременность“ нѣкоторыхъ частей отмѣненнаго постановленія, еслибы и можно было считать ее доказанною, не заключаетъ въ себѣ, во всякомъ случаѣ, ничего противозаконнаго и не можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ постановленія въ порядкѣ, установленномъ ст. 28-ю Полож. о земск. учрежд. Нельзя, наконецъ, согласиться и съ указаніемъ присутствія, что правильное и равномѣрное распредѣленіе школъ по территоріальнымъ районамъ зависитъ всецѣло отъ соглашенія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта съ инспекторомъ начальныхъ училищъ. Такое соглашеніе требуется, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, для открытія новой школы, но оно вовсе не необходимо для установленія *школьной сѣти*, т.-е. общаго плана, который могъ бы служить руководящей нитью при постепенномъ увеличеніи числа начальныхъ школъ. Общіе планы этого рода составлены или составляются многими земствами и никогда еще, сколько намъ извѣстно, не встрѣчали формальныхъ возраженій со стороны администраціи... Нужно надѣяться, что прекрасный починъ харьковскаго губ. земства не разобьется о препятствія, столь неожиданно пріостановившія дальнѣйшій ходъ симпатичнаго дѣла.

Стремленіе расширить участіе губернскихъ земствъ въ осуществленіи важнѣйшихъ земскихъ задачъ вызываетъ иногда противодѣйствіе со стороны уѣздныхъ земствъ и даже со стороны болѣе или менѣе значительной группы губернскихъ гласныхъ. Въ харьковскомъ губ. земскомъ собраніи ассигнованіе двухсотъ тысячъ рублей на нужды народнаго образованія было утверждено, въ 1897 г., большинствомъ четырехъ только голосовъ (26 противъ 22), послѣ чего волчанское

уѣздное земство обратилось къ губернскому съ просьбою „не вторгаться впредь въ область, подлежащую исключительно вѣденію уѣзднаго земства“. Въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи разномысліе по вопросу объ отношеніи губернскаго земства къ уѣзднымъ вызвало, въ половинѣ марта, отставку губ. земской управы. Когда еще нельзя было предвидѣть, чѣмъ окончится кризисъ, въ печати было высказано мнѣніе, что онъ послужитъ „первымъ толчкомъ къ общему расколу въ земствѣ, такъ какъ положеніе дѣлъ во всѣхъ земствахъ такое же, какъ и въ московскомъ“. Благосклонное пророчество не оправдалось, да и не могло оправдаться, какъ потому, что далеко не всѣ губернскія земства склонны, въ настоящую минуту, къ расширенію своей дѣятельности, такъ и потому, что разногласіе, возникшеее среди самого московскаго губернскаго собранія, не имѣло, въ сущности, принципіальнаго характера. Рѣчь шла не о томъ, должно ли губернское земство принимать выдающееся участіе во всѣхъ отрасляхъ хозяйства, общихъ ему съ уѣздными земствами — этотъ вопросъ именно въ московской губерніи давно уже разрѣшенъ утвердительно, — а только о формахъ, въ которыхъ это участіе должно выражаться. На такой почвѣ нетрудно было придти къ соглашенію — и оно дѣйствительно состоялось: въ засѣданіи 26-го марта, губернская управа, уступая настойчивымъ представленіямъ собранія, согласилась продолжать свою службу, и представитель управы былъ избранъ вновь большинствомъ 49 голосовъ противъ 10. Во всемъ этотъ нѣтъ, очевидно, никакихъ поводовъ для обвиненія губернскихъ земствъ—или хотя только губернскихъ земскихъ управъ—въ бюрократическихъ поползновеніяхъ. Бюрократизмъ предполагаетъ управленіе помимо воли управляемыхъ; губернское земство и его органы не могутъ быть повинны ни въ чемъ подобномъ уже потому, что губернскіе гласные избираются уѣздными земскими собраніями и сами выбираютъ членовъ губернской управы. Взаимодѣйствіе между избираемыми и избирателями остается постояннымъ и близкимъ, устраняя, или, по меньшей мѣрѣ, до крайности затрудняя навязываніе послѣднимъ нежелательныхъ для нихъ порядковъ и предпріятій. Увлеченіе въ эту сторону неминуемо должно вызывать отпоръ, оставляющій въ силѣ систему, но предупреждающій ея преувеличенія. Какъ и во всякомъ другомъ общественномъ дѣлѣ, единогласіе и здѣсь, конечно, почти недостижимо: но если внутри уѣзда меньшинство по необходимости уступаетъ большинству, то столь же естественна и нормальна такая уступка и внутри губерніи... Сочувствуя губернскимъ земствамъ въ ихъ борьбѣ за болѣе активную роль на главныхъ поприщахъ земской дѣятельности, мы далеки, однако, отъ мысли, чтобы *только* отъ нихъ и можно было ожидать широкаго развитія земскаго дѣла. Мы никакъ не можемъ признать, вмѣстѣ съ однимъ изъ защит-

никовъ губернской иниціативы [1]), что „современныя уѣздныя земства въ массѣ представляютъ собою нѣчто мизерное и по объему, и особенно по характеру и направленію своей дѣятельности, которая отличается обыкновенно узкою односторонностью и канцелярскимъ бюрократизмомъ, при полнѣйшемъ, подчасъ, игнорированіи существеннѣйшихъ нуждъ, интересовъ и потребностей основной массы земскихъ плательщиковъ". Мы не можемъ признать, что „уѣздныя земства, являющіяся воплощеніемъ обскурантизма и узко-сословныхъ стремленій, въ настоящее время не только не рѣдкое, но почти обыденное явленіе". Что уѣздныя земскія собранія, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ малочисленны, что ихъ составъ, подъ вліяніемъ Положенія 1890 года, измѣнился и измѣняется къ худшему, что въ будущемъ, при дѣйствіи той же избирательной системы и тѣхъ же отношеній между земствомъ и администраціей, слѣдуетъ ожидать еще бо́льшаго регресса уѣздныхъ земствъ—это не подлежитъ никакому сомнѣнію: но традиціи строгаго земства сохраняютъ еще нѣкоторую силу, предупреждая или задерживая окончательный упадокъ уѣздныхъ земскихъ собраній. Только этимъ и можно объяснить жизненность губернскихъ собраній, являющихся, въ значительной степени, отраженіемъ уѣздныхъ. Уѣздное земское собраніе, подпавшее всецѣло подъ власть „обскурантизма и узко-сословныхъ стремленій", ни за что не изберетъ въ губернскіе гласные людей прямо противоположной окраски. Атмосфера губернскаго города можетъ, пожалуй, нѣсколько обуздать „обскурантовъ", внушить имъ нѣкоторую сдержанность и осторожность, но не можетъ сдѣлать ихъ сторонниками просвѣтительныхъ стремленій.

Съ мая мѣсяца нынѣшняго года во всей Россіи не останется ни одной губерніи или области, гдѣ дѣйствовали бы старые судебные порядки и учрежденія. Судебные уставы 1864 года вводятся, правда, съ существенными измѣненіями — въ туркестанскомъ краѣ, въ областяхъ степныхъ и закаспійской и въ пяти дальнихъ уѣздахъ вологодской губерніи (великоустюжскомъ, никольскомъ, сольвычегодскомъ, устьсысольскомъ и яренскомъ). Заканчивается, такимъ образомъ, дѣло, предпринятое ровно тридцать-три года тому назадъ (первыя судебныя мѣста новаго устройства были открыты въ апрѣлѣ 1866 года). Привѣтствуя эту давно желанную минуту, мы не можемъ не замѣтить, однако, что она не производитъ теперь такого впечатлѣнія, какое выпало бы на ея долю лѣтъ 10—12 тому назадъ. Расширеніе *географической* области дѣйствія судебныхъ уставовъ не уравновѣшиваетъ собою громадныхъ ограниченій *компетенціи* судебныхъ установленій

[1]) См. статью г. Шрейдера: „Уѣздно-губернскій антагонизмъ", въ № 89 „Спб. Вѣдомостей".

Цѣлая масса дѣлъ, чисто судебныхъ по своему характеру и содержанію, остается, въ бо̀льшей части губерній, изъятой изъ вѣденія суда —и даже тамъ, гдѣ еще уцѣлѣлъ прежній порядокъ (напр., въ западномъ краѣ), можно ожидать, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, введенія судебно-административныхъ учрежденій, по типу, созданному Положеніемъ 12-го іюля 1889 г. Въ ряду основныхъ началъ судебной реформы отдѣленіе судебной власти отъ административной было однимъ изъ самыхъ важныхъ. Пока оно не примѣняется къ обширнѣйшей категоріи судебныхъ дѣлъ, до тѣхъ поръ не можетъ быть и рѣчи о полномъ осуществленіи судебныхъ уставовъ императора Александра II-го. При разсмотрѣніи представленія министра юстиціи о введеніи судебныхъ уставовъ въ туркестанскомъ краѣ и степныхъ областяхъ, государственному совѣту предстояло опредѣлить, не слѣдуетъ ли предоставить туркестанскому генералъ-губернатору (вопреки мнѣнію министра) особое право надзора за мѣстными судебными учрежденіями и даже возможность оказывать на нихъ нѣкоторое воздѣйствіе. Государственный совѣтъ нашелъ, что это разномысліе „имѣетъ принципіальную важность. Оно затрогиваетъ общій вопросъ о положеніи чиновъ судебнаго вѣдомства среди прочихъ правительственныхъ установленій. Въ семъ отношеніи не слѣдуетъ упускать изъ вида, что изданіе судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. положило рѣзкую грань между судомъ дореформеннымъ и новымъ. Въ прежнее время судъ не отдѣлялся отъ администраціи. Составляя одну изъ отраслей мѣстнаго губернскаго управленія, онъ подчинялся, на общемъ основаніи, надзору губернаторовъ. Отсюда понятно, что на дореформенный судъ могло распространяться въ довольно широкихъ размѣрахъ вліяніе власти высшихъ на мѣстахъ должностныхъ лицъ—генералъ-губернаторовъ. Въ совершенно иныхъ условіяхъ находятся судебныя установленія, образованныя на основаніи судебныхъ уставовъ императора Александра II. Введя, какъ основной принципъ, служащій гарантіею праваго суда, независимость чиновъ судебнаго вѣдомства, судебные уставы нашли возможность обезпечить надлежащее отправленіе правосудія внѣ надзора губернской администраціи за судебными установленіями. Было бы нежелательно отказаться отъ этого начала, составляющаго краеугольный камень современнаго нашего судоустройства, въ примѣненіи къ туркестанскому краю и къ степнымъ областямъ“ [1]). Независимость отъ администраціи, какъ „основной принципъ, служащій гарантіей праваго суда“—необходима, очевидно, для *всякаго* должностного лица, исполняющаго судебныя функціи и облеченнаго судебною властью...

---

[1]) См. № 2 „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1899 г., стр. 96—97.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНІЕ.

(„Правит. Вѣстникъ“, № 73.)

8-го минувшаго февраля въ с.-петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки, выразившіеся въ прекращеніи студентами посѣщенія лекцій до удовлетворенія предъявленныхъ ими къ учебному начальству требованій. Къ этому движенію, изъ чувства товарищества, примкнули студенты и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній столицы и Имперіи. Въ виду непрекращавшагося движенія, 20-го февраля послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возложеніи на генералъ-адъютанта Ванновскаго изслѣдованія причинъ и обстоятельствъ, возникшихъ въ С.-Петербургѣ съ 8-го того же февраля студенческихъ безпорядковъ. Встрѣченное съ глубокимъ сочувствіемъ и почтеніемъ тою частью учащейся молодежи, которая примкнула къ движенію для поддержки товарищей, Высочайшее повелѣніе оказало вліяніе на прекращеніе волненія. Такое же успокоеніе было достигнуто и въ с.-петербургскомъ университетѣ, но затѣмъ, благодаря нѣкоторымъ побочнымъ причинамъ, а также подстрекательству со стороны студентовъ кіевскаго университета, данъ новый толчокъ къ возобновленію безпорядковъ, принявшихъ болѣе рѣзкую форму и характеръ сравнительно съ предыдущими. Тайная студенческая организація университета св. Владиміра, присвоившая себѣ названіе „кіевскаго союзнаго совѣта“, въ воззваніи отъ 3-го марта, разосланномъ въ другіе университеты, выразила порицаніе с.-петербургскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки, безъ соображенія съ положеніемъ дѣлъ въ другихъ университетахъ и не выждавъ исполненія начальствомъ предъявленныхъ студентами требованій.

Воззваніе это распространилось между студентами университета около 12-го марта, одновременно съ сообщеніемъ изъ московскаго университета о ходѣ мѣстныхъ волненій. Подъ вліяніемъ этихъ воззваній многіе студенты стали склоняться къ мнѣнію о необходимости собрать сходку въ университетѣ, съ цѣлью обсудить вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ виду положенія дѣлъ въ Кіевѣ и Москвѣ, вновь возбудить вопросъ о возобновленіи „обструкціи“. Сходка эта состоялась 16-го марта въ актовомъ залѣ, куда силою вошли до 1.000 студентовъ и куда прибылъ также находившійся въ С.-Петербургѣ делегатъ кіевскаго университета, обратившійся къ собравшимся съ просьбою поддержать кіевскихъ товарищей и ихъ требованіе о возвращеніи высланныхъ студентовъ. Большинство присутствовавшихъ на сходкѣ высказалось за закрытіе университета и продолженіе обструкціи.

17-го марта студенты, собравшіеся въ университетъ, раздѣлились на двѣ партіи. Часть „обструкціонистовъ" ходила по аудиторіямъ, препятствуя правильному чтенію лекцій, а другіе уговаривали въ это время слушателей примкнуть къ рѣшенію, принятому наканунѣ сходкой. Студенты, желавшіе продолженія лекцій, устроили сходку въ IX аудиторіи; туда, однако, стали проникать „обструкціонисты", грозившіе и мѣшавшіе говорить своимъ противникамъ. Сходка эта, тѣмъ не менѣе, отправила депутатовъ къ ректору съ заявленіемъ, что часть студентовъ не могла быть на лекціяхъ не по своему желанію, а исключительно чтобы не вступать въ столкновеніе съ „обструкціонистами". Черезъ нѣкоторое время въ аудиторію прибылъ ректоръ, но, встрѣченный сильными свистками студентовъ-демонстрантовъ, вынужденъ былъ удалиться, послѣ чего около 1.400 человѣкъ [1]) вновь собрались въ актовомъ залѣ на сходку, на которой предсѣдательствовавшій студентъ предложилъ ораторамъ обѣихъ партій высказаться по вопросу о продолженіи обструкціи, такъ какъ рѣшеніе, и притомъ окончательное, необходимо принять немедленно, въ виду проявленія уже вновь безпорядковъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ сговориться объ образѣ дѣйствій въ случаѣ закрытія университета. Послѣ рѣчей и взаимныхъ пререканій, во время коихъ часть студентовъ покинула залъ, началась баллотировка, причемъ большинство высказалось за „забастовку".

Руководящую роль въ агитаціи захватила въ свои руки часть студентовъ, назвавшаяся „организаціоннымъ комитетомъ", который и началъ съ 18-го марта продолжать изданіе ежедневныхъ бюллетеней о ходѣ безпорядковъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ заявлено было, какъ лозунгъ—возвращеніе всѣхъ студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній и предъявленіе вновь „прежнихъ требованій".

Въ виду указанныхъ безпорядковъ, 17-го марта сдѣлано было распоряженіе объ увольненіи изъ университета всѣхъ студентовъ, при условіи допущенія черезъ извѣстный срокъ, по усмотрѣнію Министра Народнаго Просвѣщенія, новаго пріема по прошеніямъ. Эту же мѣру предположено примѣнять затѣмъ ко всякому учебному заведенію, въ коемъ обычный порядокъ занятій будетъ нарушенъ.

Въ виду невозможности собираться въ университетѣ, съ слѣдующаго дня начались собранія демонстрантовъ, доходившія до 1.000 чел., въ помѣщеніи университетской столовой, по 10-й линіи Васильевскаго острова, гдѣ продолжалась раздача разныхъ изготовленныхъ бюллетеней и воззваній отъ имени группъ какъ обструкціонистовъ, такъ и ихъ противниковъ. Въ столовой же впервые появилась 18-го марта крайне дерзкая, печатанная ручнымъ способомъ, прокламація, со штемпелемъ „кассы взаимопомощи", указывавшая на противоправительственный характеръ движенія и на необходимость борьбы для достиженія политическихъ реформъ.

Чтеніе этой прокламаціи вызвало, однако, въ большей части присутствовавшихъ негодованіе и заявленія, что „организаціонный комитетъ" поступаетъ нечестно, придавая дѣлу нежелательную окраску, почему воззваніе это и не получило большого распространенія.

---

[1]) Всего въ университетѣ около 3.700 студентовъ.

Въ виду вышеизложенной прокламаціи и въ предупрежденіе дальнѣйшаго развитія агитаціи и устройства сходокъ, было сдѣлано распоряженіе объ арестѣ выясненныхъ уже главныхъ агитаторовъ и руководителей. Лица эти, въ числѣ 20, въ ночь на 21-е марта арестованы, причемъ въ квартирѣ одного студента задержанъ почти весь составъ „организаціоннаго комитета", собравшійся туда на совѣщаніе. Обыскомъ, произведеннымъ въ упомянутой квартирѣ, обнаружено: редакціонный складъ бюллетеней и воззваній „кассы взаимопомощи" и „комитета", мимеографъ съ оттискомъ послѣднихъ бюллетеней, а также масса переписки и другихъ замѣтокъ, касающихся студенческаго броженія. Въ фуражкѣ студента, предсѣдательствовавшаго на сходкѣ 17-го марта, найдено 2 экземпляра № 4 революціонной подпольной газеты „Рабочая Мысль" и 1 экземпляръ 5 нумера той же газеты. Въ квартирахъ прочихъ лицъ обнаружены: дѣловая переписка „кассы" и „комитета", списки лицъ, прикосновенныхъ къ „кассѣ", пригласительные на сходки билеты, отчеты прихода и расхода суммъ „кассы" и пожертвованій на студенческое движеніе, черновики рукописей многихъ изданныхъ „кассою" бюллетеней и воззваній; коробка съ 3-мя штемпелями: каучуковымъ—„кассы взаимопомощи студентовъ с.-петербургскаго университета", такимъ же—„организаціоннаго комитета при с.-петербургскомъ университетѣ" и металлическимъ—того же „комитета" и гектографъ съ принадлежностями и свѣжими оттисками послѣднихъ бюллетеней и объявленій; 250 экземпляровъ революціонной брошюры, отпечатанной въ подпольной типографіи въ 1896 году, и нѣсколько экземпляровъ другихъ изданій революціоннаго характера.

На слѣдующій день въ университетской столовой вновь собралась, въ томъ же приблизительно количествѣ, часть студентовъ университета и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Среди присутствовавшихъ циркулировали опять разныя изданія агитаторовъ той или другой партіи, а также извѣщеніе объ арестѣ „комитета", взамѣнъ коего въ тотъ же день съорганизовался „2-й комитетъ".

22-го, 23-го и 24-го марта группы студентовъ, собиравшихся въ той же столовой, вели оживленныя пренія по поводу забастовки и положенія дѣлъ и знакомились съ послѣдующими изданіями какъ „комитета петербургскаго университета", такъ и документами, получавшимися изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ, 22-го числа было въ обращеніи новое воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта", присланное въ отвѣтъ на вышеуказанную печатную прокламацію, появившуюся 18-го марта, въ коемъ содержится упрекъ за несвоевременное разоблаченіе главарями агитаціи будто бы истинныхъ, революціонныхъ цѣлей движенія.

Вечеромъ 24-го марта въ квартирѣ одного изъ студентовъ былъ арестованъ „2-й организаціонный комитетъ", въ числѣ 8 человѣкъ. Лица эти застигнуты расположившимися вокругъ стола, на коемъ были разложены послѣднія изданія „комитета" до 27-го бюллетеня включительно; въ углу комнаты найдены брошенными свѣже-изорванные клочки бумаги, составляющіе изъ себя разорванную въ моментъ входа полиціи черновую рукопись только-что составленнаго для слѣ-

дующаго дня 28-го бюллетеня и рукописный матеріалъ для послѣдняго.

25-го, 26-го и 27-го марта сходки въ столовой продолжались при тѣхъ же условіяхъ, поддерживаемыя послѣдующими изданіями и сообщеніями, а также агитаціей членовъ „3-го комитета", заступившаго мѣсто арестованныхъ наканунѣ, причемъ особыя старанія прилагались къ тому, чтобы распространить „обструкцію" и на экзамены, а части студентовъ, принадлежащихъ къ партіи „обструкціонистовъ" и получившихъ новые входные билеты въ университетъ, даны надлежащія указанія.

28-го и 29-го марта въ средѣ обструкціонной партіи сталъ замѣчаться нѣкоторый упадокъ духа; оставшіеся агитаторы, однако, продолжали употреблять всѣ усилія для достиженія своей ближайшей задачи—недопущенія экзаменовъ. Окончательно овладѣвъ, во главѣ съ третьимъ комитетомъ, студенческой столовой, они производили тамъ систематическую раздачу разныхъ изданій, не допуская никакихъ возраженій противъ своихъ рѣшеній и требуя продолженія прежняго образа дѣйствій, въ виду наступленія самаго серьезнаго момента борьбы.

29-го марта подвергнуты задержанію выясненные участники 3-го комитета и нѣкоторые другіе, наиболѣе выдающіеся, агитаторы, въ числѣ 15 человѣкъ.

18-го марта начались сходки въ технологическомъ институтѣ, причемъ первоначально студенты, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, высказались противъ обструкціи; сходки повторились и въ послѣдующіе дни, въ виду чего всѣ студенты института 20-го марта уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты с.-петербургскаго университета.

Безпорядки въ лѣсномъ институтѣ возобновились съ 17-го марта; означеннаго числа въ институтѣ, въ присутствіи присланнаго изъ университета делегата, собрана была сходка, на коей присутствовало 312 человѣкъ изъ общаго числа 506 студентовъ; сходка эта большинствомъ голосовъ высказалась за продолженіе обструкціи. Тогда же для руководства безпорядками изъ числа агитаторовъ образовался особый комитетъ, проявившій затѣмъ свою дѣятельность также изданіемъ бюллетеней и разныхъ воззваній.

18-го марта къ безпорядкамъ примкнулъ также и горный институтъ, гдѣ собрана была сходка изъ 385 студентовъ (общее число слушателей названнаго учебнаго заведенія 485). На сходкѣ присутствовали делегаты университета и лѣсного института, но, несмотря на старанія агитаторовъ, по произведенной баллотировкѣ только меньшинство присутствовавшихъ высказалось за обструкцію. Изъ числа послѣднихъ нѣсколько человѣкъ составили изъ себя мѣстную „группу иниціаторовъ", которая и продолжала волновать товарищей путемъ выпуска бюллетеней и другихъ воззваній; лица эти 26-го марта, въ моментъ сходки, были задержаны, причемъ по произведенному тогда же обыску найдены и вещественныя доказательства ихъ агитаціонной дѣятельности.

Затѣмъ, въ виду продолжавшагося волненія и невозможности правильнаго чтенія лекцій, было признано необходимымъ 21-го марта

уволить всѣхъ студентовъ горнаго института съ правомъ подачи прошеній о пріемѣ, который производится по усмотрѣнію начальства.

Въ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи волненіе, возникшее для поддержки петербургскихъ товарищей, подъ вліяніемъ разосланныхъ писемъ и отправленныхъ делегатовъ, выразилось въ нижеслѣдующемъ.

Москва. Волненія среди студентовъ московскаго университета и другихъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній возникли съ половины февраля по полученіи свѣдѣній о петербургскихъ безпорядкахъ, но, благодаря своевременно принятымъ со стороны учебнаго начальства и администраціи мѣрамъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца могли быть удержаны въ предѣлахъ, допускавшихъ возможность благоразумной части студенчества посѣщать лекціи и продолжать учебныя занятія въ университетѣ.

При самомъ началѣ движенія изъ среды студенчества выдѣлились наиболѣе горячія головы, старавшіяся усилить безпорядки и волновать громадное большинство студентовъ, державшихъ себя спокойно. На дѣятельность этихъ лицъ было обращено вниманіе какъ университетскаго начальства, такъ и со стороны полиціи.

Принимая во вниманіе, что возникшее броженіе не имѣло никакихъ мѣстныхъ поводовъ и возникло на почвѣ товарищеской поддержки, и пользуясь приближеніемъ Масляной недѣли, а также полагая, что волненіе уляжется само собой ко времени возобновленія учебныхъ занятій, было рѣшено, до наступленія поста, временно удалить въ мѣста жительства родныхъ, изъ числа вышеозначенныхъ лицъ, 222 человѣка административнымъ порядкомъ, а правленіе университета съ своей стороны исключило 2-хъ и уволило 162 студента университета, предполагая ходатайствовать предъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о возвращеніи таковыхъ по возстановленіи академическаго порядка. Во исполненіе сего, съ 1-го же числа марта сдѣлано было распоряженіе о возвращеніи въ Москву удаленныхъ по распоряженію администраціи студентовъ, за исключеніемъ лишь 16-ти, наиболѣе виновныхъ въ агитаціи, коимъ пребываніе въ Москвѣ воспрещено въ теченіе года, на основаніи положенія объ охранѣ.

Лишившись значительнаго числа единомышленниковъ, часть студенчества, стоявшая за продолженіе безпорядковъ, тѣмъ не менѣе продолжала всѣми способами поддерживать волненія между учащеюся молодежью, не останавливаясь даже передъ угрозами физическаго воздѣйствія [1]) въ отношеніи посѣщающихъ лекціи товарищей, фамиліи коихъ, независимо сего, распубликованы были ими для общаго свѣдѣнія.

Выпущенное по этому поводу 20-го февраля отъ имени „группы борьбы противъ университетскаго режима“ воззваніе, съ обращеніемъ къ товарищамъ, указывая, что, изъ-за посѣщенія отдѣльными лицами лекцій, университетъ „не закрытъ“, предъявляло нижеслѣдующее требованіе: „Въ виду того, что наши цѣли безконечно велики по сравненію съ низкими побужденіями этихъ отщепенцевъ, въ виду того, наконецъ, что было бы глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ прила-

---

[1]) Чему и было нѣсколько примѣровъ.

гать къ поведенію этихъ вредныхъ для среды существъ принципъ свободы „взглядовъ“ и „убѣжденій“, мы просимъ товарищей о принятіи по отношенію къ нимъ слѣдующихъ мѣръ: установивъ ихъ личность, мы предлагаемъ подвергнуть ихъ физическому воздѣйствію, считая при этомъ допустимыми всѣ формы и всѣ степени въ виду указанной уже вредности этихъ антиобщественныхъ элементовъ. Желательно только сдѣлать это съ минимумомъ риска и жертвъ: безъ свидѣтелей, съ малымъ числомъ участниковъ и т. п., что будетъ виднѣе взявшимся за это дѣло“.

Броженіе находило для себя пищу въ тѣхъ прокламаціяхъ и воззваніяхъ, которыя издаваемы были стоявшимъ во главѣ движенія „исполнительнымъ комитетомъ“, а также присылались въ Москву изъ другихъ университетскихъ городовъ. Особенно вредное въ этомъ отношеніи вліяніе имѣли: воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій“, отъ 12-го февраля, и появившаяся въ Москвѣ прокламація „Къ учащейся молодежи“, отъ имени „союза соціалистовъ-революціонеровъ“. Первое воззваніе указывало на цѣли студенческаго движенія, признавая таковое „не минутной, быстро гаснущей вспышкой возмущеннаго чувства, а сознательнымъ и стойкимъ протестомъ противъ общаго режима“, и на „близость того дня, когда изъ студенческихъ протестовъ выростетъ общественное движеніе“, а упомянутая прокламація „Къ учащейся молодежи“ выражала сочувствіе студентамъ со стороны революціонеровъ и указывала на важность движенія въ смыслѣ политическаго воспитанія молодежи, которая, несомнѣнно, должна затѣмъ придти къ сознанію необходимости примкнуть къ активной борьбѣ съ Правительствомъ.

По полученіи въ университетѣ свѣдѣній о состоявшемся 20-го февраля Высочайшемъ повелѣніи о разслѣдованіи причинъ петербургскихъ безпорядковъ, „исполнительный комитетъ“ 23-го февраля выпустилъ особое воззваніе о необходимости „держаться прежней тактики впредь до выясненія дѣла и возвращенія высланныхъ изъ Москвы товарищей“; 26-го февраля появилось подобное же „извѣщеніе“ отъ студентовъ Императорскаго техническаго училища.

Несмотря на происки неблагонамѣренной части студенчества, цѣль агитаціи—закрытіе университета—не могла быть достигнута къ началу марта, и съ понедѣльника первой недѣли поста назначено было возобновленіе занятій въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, временно пріостановленныхъ по случаю Масляной недѣли. 1-го марта на лекціи явилось сравнительно незначительное число слушателей (въ университетѣ 450, техническомъ училищѣ 100, сельско-хозяйственномъ институтѣ—25), причемъ медики одного изъ курсовъ, собравшись на сходку, отправили отъ себя депутацію къ ректору, съ заявленіемъ, что студенты не могутъ приступить къ занятіямъ до возвращенія высланныхъ товарищей.

2-го марта лекціи въ университетѣ продолжались, за исключеніемъ лекціи профессора Соколовскаго, въ аудиторіи коего студенты, числомъ до 150 человѣкъ, стали шумѣть и кричать, а затѣмъ толпою удалились. Въ анатомическомъ театрѣ состоялась сходка при участіи болѣе 400 студентовъ, признавшая необходимымъ требовать: 1) возвращенія высланныхъ товарищей и 2) устраненія на будущее время

высылки безъ суда и слѣдствія по дѣламъ академическаго характера.

Въ прочихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы занятія въ это время возобновились.

3-го марта лекціи въ университетѣ посѣщались весьма немногими; въ 2 часа на дворѣ собралась сходка болѣе 1.000 человѣкъ, впущенныхъ затѣмъ, съ разрѣшенія ректора, въ актовый залъ. По окончаніи сходки, къ ректору отправлена была депутація, заявившая, что изъ числа 1.055 присутствовавшихъ 724 высказались за продолженіе обструкціи до удовлетворенія ходатайства правленія университета о смягченіи участи уволенныхъ студентовъ; по вопросу же о продолженіи обструкціи до обнародованія результатовъ разслѣдованія генералъ-адъютанта Ванновскаго 800 голосовъ высказалось противъ.

4-го марта лекціи вновь слушались незначительнымъ числомъ, съ 12 часовъ начались сходки по факультетамъ, причемъ медицинскій и естественный факультеты изъявили желаніе посѣщать лекціи, а юристы младшихъ курсовъ высказались за забастовку.

На слѣдующій день на лекціи явилось бо̀льшее число слушателей (въ клиникахъ присутствовало до 700); на всѣхъ курсахъ происходили допущенныя ректоромъ собранія, участники коихъ, по произведенному подсчету голосовъ, высказались въ числѣ 1.130 за прекращеніе обструкціи, а 622—за продолженіе ея.

6-го марта университетъ посѣтило 1.829 студентовъ. Въ понедѣльникъ 8-го марта количество слушателей увеличилось еще болѣе; сходки хотя и происходили, но внѣ опредѣленнаго для занятій времени. Университетское начальство признало порядокъ возстановленнымъ, и, съ согласія министра народнаго просвѣщенія, 8-го марта въ университетѣ, ректоромъ было выставлено объявленіе слѣдующаго содержанія: „Въ виду возстановленія нормальнаго порядка учебной жизни въ университетѣ, ходатайство правленія объ обратномъ принятіи студентовъ, исключенныхъ и уволенныхъ правленіемъ 15-го, 17-го и 18-го февраля сего года, утверждено министромъ народнаго просвѣщенія 7-го марта. Вмѣстѣ съ симъ объявляется, что сходки запрещены § 15 правилъ для студентовъ; собранія же, разрѣшенныя временно ректоромъ университета для нѣкоторыхъ разъясненій, въ настоящее время безусловно воспрещаются". Того же числа московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ сдѣлано было распоряженіе объ объявленіи уволеннымъ по распоряженію правленія университета студентамъ о разрѣшеніи вернуться имъ въ Москву для обратнаго поступленія въ университетъ.

Стоящая за продолженіе „обструкціи" партія (до 600 человѣкъ), съ „исполнительнымъ комитетомъ" во главѣ, съ перваго дня занятій возобновила свою агитаціонную дѣятельность, дѣйствуя на студентовъ, главнымъ образомъ, посредствомъ ежедневно выпускаемыхъ особыхъ бюллетеней, въ коихъ, отчасти съ извращеніемъ фактовъ и помѣщеніемъ въ своихъ цѣляхъ ложныхъ свѣдѣній, излагался ходъ движенія, результаты голосованій на сходкахъ, сообщались фамиліи студентовъ, посѣщавшихъ лекціи, и свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о движеніи пожертвованій въ пользу товарищей, и давались указанія на слѣдующіе дни. Изъ другихъ листковъ, ходившихъ по рукамъ, наибольшее вліяніе опять ока-

зало воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта“ отъ 3-го марта, заключающее въ себѣ порицаніе петербургскимъ студентамъ, по поводу ихъ отказа отъ обструкціи, и указаніе на необходимость продолженія начатой борьбы.

9-го, 10-го и 11-го марта лекціи продолжались, причемъ студенты ежедневно собирались также и на сходки; 10-го, по распоряженію и. д. ректора, въ университетѣ выставлено было новое объявленіе, гласившее, что „принятыя временно чрезвычайныя мѣры теряютъ силу и взамѣнъ ихъ вступаютъ въ дѣйствіе обычныя правила“ и съ указаніемъ, между прочимъ, на то, что „посылка депутатовъ дѣйствующими правилами воспрещается“.

Это объявленіе, а равно таковое же ректора отъ 8-го марта, истолковано было главарями обструкціонной партіи въ смыслѣ нарушенія ректоромъ даннаго имъ ранѣе согласія собираться на курсовыя совѣщанія и притомъ внѣ надзора чиновъ инспекціи. „Исполнительный комитетъ“ тотчасъ же воспользовался въ своихъ цѣляхъ появившимся среди студентовъ недовольствомъ на университетское начальство и развилъ на этой почвѣ сильную агитацію, внушая студентамъ надежды на отсрочку предстоящихъ экзаменовъ, распространяя слухи, что не всѣ уволенные по распоряженію правленія университета будутъ возвращены обратно, и т. п. Благодаря этому, къ 11-му марта число сторонниковъ обструкціи возросло на нѣсколько сотъ человѣкъ; на сходкахъ же, состоявшихся 9-го и 10-го марта, рѣшено собрать къ 12 числу окончательныя свѣдѣнія о количествѣ стоящихъ за продолженіе безпорядковъ и установить самую форму послѣднихъ.

По подсчету курсовыхъ голосованій оказалось, что 1.366 студентовъ высказались, противъ 679, за забастовку, указавъ, какъ на причину послѣдней: 1) оскорбленіе студентовъ-делегатовъ, которымъ даются обѣщанія, тотчасъ же отмѣняемыя, и 2) недостаточность гарантій слова ректора относительно упорядоченія дѣйствій инспекціи (бюллетени 12-го и 13-го марта), а къ этимъ двумъ причинамъ сходка, собравшаяся на слѣдующій день, прибавила еще требованіе о допущеніи со стороны ректора частныхъ совѣщаній по вопросу объ отношеніи къ студентамъ чиновъ инспекціи, впредь до выработки правленіемъ новой инструкціи педелямъ (бюллетень 13-го марта).

15-го марта на занятія явилось незначительное число студентовъ; остальные, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, явились въ университетъ лишь для присутствія на сходкахъ; 14 человѣкъ, собравшихся въ аудиторіи для слушанія лекціи профессора Соколовскаго, силою выгнаны были оттуда своими товарищами-забастовщиками.

16-го марта лекціи состоялись лишь на 5 курсѣ медицинскаго факультета, студенты коего отказались принимать дальнѣйшее участіе въ забастовкѣ; на юридическомъ факультетѣ 12 человѣкъ, прибывшихъ на лекцію профессора Алексѣева, ожидались толпою въ 150 студентовъ, угрожавшихъ употребить противъ нихъ физическое насиліе, что вынудило университетское начальство объявить имъ, что будетъ призвана полиція, послѣ чего толпа разошлась. Въ выпущенномъ того же числа бюллетенѣ „исполнительный комитетъ“, высказавъ порицаніе части студентовъ, продолжающихъ посѣщать лекціи, рекомендовалъ распространить забастовку и на предстоящіе экзамены,

и, сознавая, что поведеніе демонстрантовъ должно повлечь за собою самыя рѣшительныя мѣры со стороны начальства, впередъ совѣтовалъ, въ случаѣ увольненія изъ университета всѣхъ студентовъ, „немедленно подавать прошенія о пріемѣ вновь и давать всякія вынудительныя подписки, а затѣмъ, по примѣру Кіева, продолжать забастовку".

17-го марта занятія въ университетѣ прекращены до 22-го; всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ, зависящемъ отъ усмотрѣнія учебнаго начальства.

Въ теченіе этихъ дней, подача прошеній сначала задерживалась и положеніе было выжидательное; вышедшіе же 17, 18, 20, 22 и 24-го марта бюллетени за подписью „исполнительнаго комитета" вновь настоятельно требовали подачи всѣми прошеній, подписи всякихъ обязательствъ, возобновленія забастовки, съ распространеніемъ ея на экзамены, и затѣмъ предъявленія требованія, съ цѣлью обобщенія студенчества, о возвращеніи товарищей, высланныхъ изъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, а равно требованія о реорганизаціи университетской инспекціи.

Благодаря этой агитаціи, университетское начальство вынуждено было съ особой осторожностью отнестись къ обратному пріему студентовъ; изъ общаго числа (4.407) прошенія объ обратномъ пріемѣ подали 4.129; изъ нихъ принято 3.318 и отказано въ пріемѣ 774, изъ коихъ 404, пріемъ коихъ обратно въ московскій университетъ нежелателенъ, и 370, кои могутъ быть приняты обратно въ университетъ въ будущемъ году. Кромѣ того, отказано въ пріемѣ 37 студентамъ, о коихъ имѣлись неблагопріятныя полицейскія свѣдѣнія.

Непринятые студенты удаляются постепенно изъ Москвы въ мѣста родины, за исключеніемъ постоянныхъ московскихъ жителей, отданныхъ на попеченіе родственниковъ.

49 лицамъ изъ числа непринятыхъ, особенно замѣченнымъ въ агитаціонной дѣятельности и арестованнымъ на сходкахъ внѣ университета, воспрещено, на основаніи положенія объ охранѣ, жительство въ столицахъ и университетскихъ городахъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе, что за все это время громадное большинство студентовъ не принимало участія въ безпорядкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ средѣ демонстрантовъ нѣкоторая часть, не сочувствующая насильственному способу дѣйствій, высказалась за прекращеніе безпорядковъ, продолженіе коихъ не вызывалось, по мнѣнію ея, никакими основательными причинами. Выраженіемъ этого мнѣнія явилось, между прочимъ, воззваніе, выпущенное 16-го марта за подписью „группы независимыхъ студентовъ", указывающее на совершенную случайность состоявшагося 12-го марта большинства, высказавшагося за повтореніе обструкціи.

Для обратно принятыхъ въ университетъ 3.318 человѣкъ предстояли еще въ теченіе 2-хъ недѣль учебныя занятія, но, въ виду угрозъ со стороны агитаторовъ и опасенія возбудить между послѣдними и благоразумной партіей рѣзкія столкновенія, признано было необходимымъ, не возобновляя лекцій, приступить къ экзаменамъ по

утвержденному росписанію, обставивъ, таковые мѣрами предосторожности для охраны порядка и экзаменующихся.

Кіевъ. Въ кіевскомъ университетѣ броженіе среди студентовъ возникло еще въ ноябрѣ прошлаго года, сначала на почвѣ чисто-національныхъ интересовъ, въ виду выраженнаго нѣкоторыми студентами, преимущественно поляками и евреями, желанія послать въ Варшаву, ко дню открытія памятника польскому поэту Мицкевичу, адресъ отъ имени студентовъ кіевскаго университета всѣхъ національностей съ восхваленіемъ политической дѣятельности названнаго писателя и съ порицаніемъ постановки памятника въ Вильнѣ графу Муравьеву. Вопросъ о посылкѣ такого адреса возбудилъ протестъ среди русскихъ студентовъ, и движеніе это, сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ демонстративныхъ выходокъ со стороны польско-еврейской части студентовъ, привело къ открытому столкновенію представителей обѣихъ партій. Въ декабрѣ мѣсяцѣ положеніе дѣла въ университетѣ обострилось настолько, что учебное начальство оказалось вынужденнымъ исключить изъ университета 9 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ, а учебныя занятія прекратить до наступленія обычнаго срока передъ рождественскими каникулами. Во время этихъ волненій тайная организація, существующая среди студентовъ университета св. Владиміра подъ именемъ „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій", выпустила нѣсколько воззваній противоправительственнаго характера, направленныхъ къ порицанію памяти графа Муравьева и къ восхваленію революціонной дѣятельности Мицкевича.

Съ началомъ учебныхъ занятій въ январѣ текущаго года волненіе среди кіевской учащейся молодежи нѣсколько поулеглось, но внутренній порядокъ установился еще не вполнѣ. Такъ, 25-го января въ университетѣ, человѣкъ около 100 студентовъ произвели манифестацію въ одной изъ аудиторій, а 12-го февраля, еще до полученія подробныхъ свѣдѣній о петербургскихъ событіяхъ, кіевскій союзный совѣтъ выпустилъ воззваніе съ призывомъ къ упорной борьбѣ за свободу личности.

Такимъ образомъ призывъ с.-петербургскаго студенчества къ участію въ поднятомъ имъ движеніи нашелъ въ гор. Кіевѣ вполнѣ благопріятную почву и живой откликъ среди студентовъ университета, и проявился здѣсь въ иной формѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. 16-го февраля, по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о возникшемъ студенческомъ движеніи и его причинахъ, „союзный совѣтъ" особымъ воззваніемъ пригласилъ товарищей на сходку 17-го февраля, которая и состоялась въ зданіи университета, при участіи около 1.000 человѣкъ студентовъ; присутствовавшіе рѣшили присоединиться къ требованіямъ петербургскихъ товарищей и до удовлетворенія ихъ требованій отказаться отъ посѣщенія лекцій. Постановленіе сходки было прочитано ректору университета, пришедшему на сходку, и затѣмъ собравшіеся разошлись по домамъ, а человѣкъ около 80 студентовъ остались въ зданіи университета и, переходя изъ одной аудиторіи въ другую, гдѣ происходило чтеніе лекцій, заявляли профессорамъ о принятомъ сходкою рѣшеніи, послѣ чего лекціи прекратились.

18-го февраля и въ послѣдующіе дни студенты университета про-

должали агитацію и не допускали чтенія лекцій, не останавливаясь даже передъ мѣрами открытаго насилія по отношенію многихъ товарищей, не желавшихъ примкнуть къ ихъ движенію. Участіе въ движеніи принимали, главнымъ образомъ, студенты первыхъ двухъ курсовъ университета; старшіе же ихъ товарищи менѣе поддавались подстрекательству агитаторовъ.

Волненіе въ гор. Кіевѣ не прекратилось и по воспослѣдованіи Высочайшаго повелѣнія 20-го февраля. „Союзный совѣтъ", игравшій все время роль главнаго органа агитаціи, подстрекалъ товарищей въ издаваемыхъ имъ бюллетеняхъ и воззваніяхъ къ продолженію забастовки и указывалъ на солидарность, проявленную студентами всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи.

Продолжавшіяся столь долгое время волненія въ университетѣ, въ связи съ рѣзкими демонстративными выходками студентовъ, вызвали со стороны учебнаго начальства необходимость исключить изъ университета 52 человѣка главныхъ агитаторовъ, которые вслѣдъ затѣмъ и были удалены административнымъ порядкомъ изъ предѣловъ Кіевской губерніи, а учебныя занятія были прекращены, съ предупрежденіемъ, что всѣ нежелающіе приступить къ занятіямъ послѣ 4 марта будутъ считаться уволившимися изъ университета.

Одновременно съ дѣятельностью группировавшейся около „союзнаго совѣта" партіи, стоявшей за продолженіе безпорядковъ, возникла въ кіевскомъ университетѣ другая партія, присвоившая себѣ наименованіе „русское общество націоналистовъ" и выпустившая особое воззваніе, въ которомъ хотя и выражается сочувствіе петербургскому студенчеству, но безусловно отвергается путь, выбранный студентами для выраженія своего протеста.

Происходившіе въ гор. Кіевѣ безпорядки среди учащейся молодежи нашли себѣ горячее сочувствіе въ мѣстной подпольной революціонной организаціи, именовавшей себя „кіевскимъ союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ", которая почти тотчасъ же послѣ возникновенія броженія въ университетѣ выпустила два воззванія возмутительнаго содержанія: одно, озаглавленное „Къ учащейся молодежи", заключаетъ въ себѣ призывъ къ общей борьбѣ противъ существующаго государственнаго строя, а другое воззваніе, „Къ кіевскимъ рабочимъ", указываетъ, что студенты, благодаря твердой сплоченности и полной солидарности въ своихъ дѣйствіяхъ, добились, будто бы, крупныхъ уступокъ отъ Правительства; слѣдовательно, и рабочимъ, для облегченія своего положенія, необходимо дружно соединить свои силы.

Послѣ прекращенія лекцій въ университетѣ, студенты продолжали собираться на сходки въ корридорѣ при университетской шинельной и комнатѣ для выдачи заказной корреспонденціи, такъ какъ всѣ остальныя помѣщенія университета были закрыты.

Въ теченіе первой недѣли Великаго поста занятія въ университетѣ не производились, такъ какъ, по установленному учебнымъ начальствомъ порядку, недѣля эта предоставляется студентамъ для говѣнія. Тѣмъ не менѣе, студенты, собираясь значительными группами въ тѣхъ помѣщеніяхъ университета, куда имъ былъ открытъ доступъ, продолжали обсуждать вопросъ о дальнѣйшемъ движеніи въ особенности по полученіи свѣдѣній о прекратившейся въ Петербургѣ заба-

стовкѣ. По этому поводу „союзный совѣтъ“ выпустилъ два воззванія: одно отъ 3-го марта съ выраженіемъ рѣзкаго порицанія с.-петербургскому университету за то, что онъ „забылъ свои общегражданскія требованія, во имя которыхъ возстали сами петербургскіе студенты и призвали къ протесту провинціальные университеты“, а другое отъ 7-го марта, въ коемъ „союзный совѣтъ“ требовалъ возвращенія высланныхъ товарищей. Вмѣстѣ съ тѣмъ „союзный совѣтъ“ обратился съ воззваніемъ къ московскому студенчеству и призывалъ его принять на себя руководящую роль въ студенческомъ движеніи.

6-го марта около 200 человѣкъ студентовъ, проникнувъ въ одну изъ университетскихъ аудиторій, занялись обсужденіемъ вопроса о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, причемъ среди нихъ появилось новое воззваніе „союзнаго совѣта“, съ призывомъ на сходку 8-го марта.

Съ открытіемъ университета спокойно прошли только 3 первыя лекціи, но затѣмъ послѣ перерыва студенты потребовали прекращенія занятій, врывались въ аудиторіи, препятствовали чтенію лекцій и, наконецъ, выбивъ дверь въ самую обширную изъ аудиторій, собрали многочисленную сходку, на которой послѣ долгихъ и бурныхъ споровъ большинство пришло къ заключенію продолжать забастовку до тѣхъ поръ, пока не будутъ возвращены высланные товарищи.

Въ противовѣсъ рѣшенію этой сходки, „группа націоналистовъ“, стоявшая за водвореніе въ университетѣ порядка и начало лекцій, собралась также, въ числѣ около 200 человѣкъ, въ отдѣльномъ помѣщеніи. Результаты ихъ переговоровъ выразились въ появившихся вслѣдъ затѣмъ воззваніяхъ этой группы отъ 8-го и 11-го марта, гдѣ подвергается рѣшительной критикѣ дѣятельность „союзнаго совѣта“ и партіи забастовщиковъ и доказывается, что разъ студенты с.-петербургскаго университета, непосредственно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, отказались отъ дальнѣйшей забастовки, то странно кіевскому университету выступать въ защиту чужихъ интересовъ болѣе ревностно, чѣмъ сами потерпѣвшіе.

9-го марта въ зданіи университета произошли особенно бурные безпорядки, перешедшіе въ открытое столкновеніе представителей двухъ партій студенчества за и противъ забастовки.

Партія „націоналистовъ“, къ которой присоединились студенты юристы 4-го курса, обратилась къ ректору университета съ просьбой начать чтеніе лекцій, но на первой же лекціи забастовщики выломали скамейкой окна въ дверяхъ и пытались проникнуть въ аудиторію, гдѣ собралось около 300 слушателей. Эти послѣдніе, вооружаясь банками отъ физическихъ приборовъ, отгоняли нападающихъ. Безпорядки произошли также и въ клиникѣ кіевскаго военнаго госпиталя, гдѣ читались лекціи студентамъ медикамъ, причемъ они встрѣтили вошедшаго къ нимъ начальника госпиталя шумомъ и криками.

Вслѣдствіе сего 10-го марта въ зданіи университета вывѣшено объявленіе слѣдующаго содержанія: „По распоряженію министра народнаго просвѣщенія всѣ студенты университета св. Владиміра признаются уволившимися. Желающіе вновь поступить въ университетъ и продолжать слушаніе лекцій подаютъ о томъ прошеніе г. ректору. Обратный пріемъ будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія университетскаго начальства“.

12-го марта происходилъ пріемъ прошеній отъ студентовъ 4 и 5 курсовъ, изъявившихъ желаніе поступить обратно въ университетъ, причемъ въ первый же день было принято 510 прошеній. Студенты впускались группами по мѣрѣ прибытія, и безпорядковъ не производили. Такъ же спокойно съ внѣшней стороны прошли и остальные дни при пріемѣ прошеній отъ студентовъ другихъ курсовъ.

Всего прошеній объ обратномъ пріемѣ поступило 2.425, принято правленіемъ обратно въ университетъ 2.181 человѣкъ, отказано въ пріемѣ 244 лицамъ, изъ нихъ 160 евреямъ. Въ общую цифру студентовъ, которымъ отказано въ пріемѣ, еще не вошли I, II и III курсы всѣхъ факультетовъ.

Тѣмъ не менѣе, внутренній порядокъ въ университетѣ далеко еще не установился, броженіе среди студентовъ продолжается, выражаясь пока въ сходкахъ главныхъ дѣятелей агитаціи по частнымъ квартирамъ и въ демонстративныхъ выходкахъ на вокзалѣ при отъѣздѣ непринятыхъ обратно въ университетъ товарищей. На ряду съ этимъ „союзный совѣтъ" не прекращалъ своей агитаціонной дѣятельности и участіе его въ студенческомъ движеніи за указанное время выразилось въ изданіи тѣхъ двухъ воззваній къ петербургскому студенчеству, которыя, повидимому, сдѣлались одной изъ главныхъ причинъ возникновенія новыхъ безпорядковъ въ С.-Петербургѣ.

Въ кіевскомъ политехническомъ институтѣ броженіе проявилось съ 17-го февраля и выразилось въ сходкѣ около 300 студентовъ, которые заявили о своемъ намѣреніи отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій; въ послѣдующіе дни волненія продолжались, и 19-го студенты, стоявшіе за безпорядки, не допустили въ чертежные залы своихъ товарищей, явившихся туда съ цѣлью взять на домъ свои чертежи. 22-го февраля студентамъ института объявлена была директоромъ телеграмма Министра Финансовъ съ предложеніемъ возобновить занятія, приступить къ которымъ, однако, еще не оказалось возможности, въ виду возбужденнаго вообще настроенія молодежи.

25-го студентамъ была объявлена новая телеграмма Министра, заключавшая въ себѣ предостереженіе о томъ, что непосѣщающіе лекцій будутъ признаны уволенными.

По возобновленіи лекцій послѣ Масляной недѣли, часть студентовъ, явясь на лекцію естественной исторіи, предложила профессору удалиться, но собранная въ тотъ же день сходка признала, однако, большинствомъ голосовъ возобновленіе занятій желательнымъ, что̀ и было исполнено тогда же большей частью студентовъ; послѣ сего волненіе въ институтѣ стало постепенно утихать, и учебныя занятія продолжались нѣкоторое время обычнымъ порядкомъ.

26-го марта около 200 студентовъ не пошли на лекціи и съ этого времени мѣшаютъ заниматься своимъ товарищамъ; полное спокойствіе еще не возстановлено, и слушателямъ назначенъ срокъ для возобновленія всѣми слушанія лекцій.

Руководившая безпорядками въ кіевскомъ университетѣ группа „союзнаго совѣта" пыталась, съ своей стороны, оказывать по возможности вліяніе и на студентовъ политехническаго института и, смотря по ходу дѣлъ въ послѣднемъ, выражала политехникамъ въ своихъ воззваніяхъ сочувствіе или порицаніе.

Одесса. Подъ вліяніемъ полученныхъ въ Одессѣ, чрезъ посредство прибывшаго, 19-го февраля, изъ Кіева делегата, извѣстій о волненіяхъ среди студентовъ с.-петербургскаго университета, 20-го февраля въ университетѣ состоялась сходка студентовъ, человѣкъ до 300; явившійся на сходку инспекторъ вынужденъ былъ удалиться, а явившемуся вслѣдъ затѣмъ ректору студенты заявили, что они присоединяются къ требованіямъ своихъ товарищей с.-петербургскаго университета и прекращаютъ посѣщеніе лекцій, покуда эти требованія не будутъ удовлетворены. На сходкѣ распространялась гектографированная прокламація, кіевскаго изданія, приглашавшая новороссійскій университетъ послѣдовать примѣру с.-петербургскаго и кіевскаго университетовъ и прекратить посѣщеніе лекцій.

22-го февраля было издано на гектографѣ воззваніе, въ которомъ излагалось рѣшеніе, принятое 20-го числа, и на сходкѣ, бывшей въ этотъ же день, на которой участвовало всего около 150 человѣкъ, рѣшено продолжать не ходить на лекціи и препятствовать посѣщать лекціи другимъ.

23-го февраля вновь состоялась сходка, на которую прибылъ ректоръ и, указавъ на незаконность дѣйствій студентовъ и на состоявшееся, 20-го февраля, Высочайшее повелѣніе о назначеніи генералъ-адъютанта Ванновскаго для производства разслѣдованія о причинахъ волненій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы, добавилъ, что бо́льшаго удовлетворенія не можетъ быть. Рѣчь ректора была выслушана студентами въ молчаніи, и 24-го февраля, хотя лекціи не посѣщались, но броженіе между студентами, подъ вліяніемъ сказаннаго ректоромъ наканунѣ, стало замѣтно ослабѣвать, и число противниковъ забастовки стало увеличиваться.

25-го, 26-го, 27-го и 28-го университетъ былъ закрытъ по случаю масляницы, и въ это время ректоръ ежедневно вызывалъ по нѣскольку человѣкъ студентовъ, убѣждая ихъ возвратиться къ нормальному порядку, причемъ всѣ вызванные ректоромъ держали себя съ нимъ вполнѣ почтительно, но заявили о своей полной солидарности съ участниками сходокъ и съ принятыми на сходкахъ рѣшеніями. Такъ продолжалось до 3-го марта, когда студенты, послѣ сходки, письменно заявили ректору, что, въ виду полученія свѣдѣній о возобновленіи занятій въ Петербургѣ, они, съ слѣдующаго числа (4-го марта), прекращаютъ стачку.

Съ 4-го марта лекціи въ университетѣ возобновились и продолжались до 22-го числа. Во весь этотъ промежутокъ времени, между вожаками студенческаго движенія шли безпрерывныя сношенія съ другими университетами, преимущественно съ кіевскимъ, изъ котораго получены упреки одесскимъ студентамъ за прекращеніе забастовки.

23-го марта въ университетѣ появилась прокламація, приглашающая вновь начать забастовку; около 200 человѣкъ студентовъ собрались на сходку и вновь рѣшили забастовать, что̀ и было ими сообщено и. д. ректора. Несмотря на увѣщанія ректора, съ 23-го марта посѣщеніе лекцій большинствомъ студентовъ прекратилось, хотя значительное число продолжало приходить въ университетъ, а 30 марта, въ виду продолжавшагося уклоненія отъ слушанія лекцій, всѣ сту-

денты уволены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ студенты петербургскаго университета.

Варшава. Въ первые дни по полученіи свѣдѣній изъ С.-Петербурга о безпорядкахъ, среди варшавской учащейся молодежи броженія не замѣчалось; 16-го февраля прибылъ въ Варшаву депутатъ отъ кіевскаго университета для уговора мѣстныхъ студентовъ примкнуть къ общей студенческой забастовкѣ и передалъ воззваніе „кіевскаго союзнаго совѣта объединенныхъ землячествъ и организацій“ отъ 12-го февраля, призывающее всѣхъ студентовъ сплотиться въ одно цѣлое для начатой борьбы.

17-го числа прибылъ съ тою же цѣлью другой делегатъ отъ с.-петербургскаго университета.

Одновременно съ этимъ, изъ С.-Петербурга стали получаться во множествѣ письма съ изложеніемъ событій и приглашеніемъ учащейся молодежи къ выраженію своимъ товарищамъ сочувствія въ какой-либо формѣ.

Вслѣдъ засимъ варшавскіе студенты устроили рядъ сходокъ для обсужденія вопроса о способѣ выраженія сочувствія; сначала рѣшено было послать сочувственную телеграмму петербургскимъ товарищамъ, но затѣмъ это отмѣнено и постановлено прекратить посѣщеніе лекцій, если такъ же поступятъ кіевскіе студенты, и предъявить свои требованія въ петиціяхъ. 19-го февраля вечеромъ изъ Кіева получены условныя телеграммы, склоняющія къ непосѣщенію лекцій, а 20-го утромъ среди студентовъ появилась прокламація, на польскомъ языкѣ, отъ „группы прогрессивной польской молодежи“, приглашавшая студентовъ-поляковъ понудить своею численностью товарищей другихъ національностей примкнуть къ всеобщему движенію молодежи. Въ тотъ же день многіе студенты на лекціи уже не явились.

22-го февраля демонстранты-студенты университета устроили шумную манифестацію: съ утра занятія шли своимъ обычнымъ порядкомъ во всѣхъ аудиторіяхъ; въ третьемъ часу толпа студентовъ, преимущественно младшихъ курсовъ, человѣкъ болѣе 300, заперлась въ лабораторію, а вошедшихъ туда съ трудомъ ректора, инспектора и одного изъ профессоровъ не слушали и двухъ послѣднихъ осыпали ругательствами и бросали въ нихъ разными предметами. На сходкѣ предположили подать ректору петицію о возстановленіи дѣйствія стараго университетскаго устава; но когда ректоръ потребовалъ, чтобы она была подписана, то студенты побоялись это исполнить и стали выходить, направившись сперва въ аудиторіи читавшихъ лекціи профессоровъ, гдѣ заставили ихъ силою окончить чтеніе лекцій, причемъ выдвинули изъ-подъ нихъ стулья и сдвинули каѳедры.

Въ тотъ же день, въ ветеринарномъ институтѣ, студенты, собравшись на лекціи, потребовали къ себѣ директора и хотѣли ему подать петицію, но директоръ отказался принять ее, и студенты разошлись.

Въ виду изложеннаго, лекціи въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ, по распоряженію попечителя учебнаго округа, были временно прекращены.

Содержаніе поданныхъ петицій, приблизительно, однородно и сводится къ слѣдующему: студенты постановили выразить свою полную солидарность съ протестомъ студентовъ другихъ учебныхъ заведеній

противъ своеволія властей и требовать возвращенія исключенныхъ товарищей, гласнаго университетскаго суда, выборовъ профессоровъ профессорскимъ собраніемъ, уничтоженія должностей педелей, уменьшенія платы за право слушанія лекцій, уравненія національностей и религій, отмѣны обязательности курса русскаго языка на всѣхъ факультетахъ, кромѣ филологическаго, свободы студенческихъ организацій и сходокъ, и т. д.

Послѣ прекращенія лекцій демонстранты-студенты стали организоваться въ группы и избрали изъ своей среды особый комитетъ подъ названіемъ „Общестуденческій комитетъ манифестацій“, состоящій изъ семи членовъ, которому предоставлено издавать прокламаціи и руководить сходками; 26-го февраля члены означеннаго комитета были арестованы, причемъ у нихъ обнаружены гектографированныя воззванія на польскомъ языкѣ.

4-го марта лекціи въ варшавскомъ университетѣ возобновились, хотя и при неполномъ числѣ слушателей.

Начиная съ 18-го февраля студенты и варшавскаго политехникума стали собираться на сходки для обсужденія вопроса о прекращеніи лекцій и подачи петиціи директору съ изложеніемъ своихъ требованій, въ общемъ согласныхъ съ таковыми же, заявленными прочими варшавскими студентами; 22-го на лекціи явилось только 90 человѣкъ, но затѣмъ съ 4-го марта занятія послѣ масляничныхъ вакацій возобновились, хотя и не при полномъ числѣ слушателей. Сочувствовавшіе обструкціи студенты политехникума, независимо отъ нехожденія на лекціи, проявили свое участіе въ безпорядкахъ еще и изданіемъ на польскомъ языкѣ особаго воззванія „Къ товарищамъ студентамъ“, въ коемъ призывали польскую молодежь примкнуть къ общему движенію.

По распоряженію учебнаго начальства, наиболѣе замѣченные въ агитаціи студенты были тогда же удалены изъ учебныхъ заведеній, что повлекло затѣмъ удаленіе ихъ изъ Варшавы въ мѣста, избранныя ими для жительства. Мѣра эта принята была въ отношеніи 333 лицъ.

Новая-Александрія. Въ ново-александрійскомъ институтѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства первая сходка состоялась 17-го февраля въ институтскомъ саду, при участіи всѣхъ студентовъ. Тутъ же было подписано, подъ вліяніемъ небольшой группы агитаторовъ, 203 студентами постановленіе не посѣщать лекцій, а также рѣшено требовать предоставленія имъ бо̀льшихъ правъ и возстановленія университетскаго устава 63-го года, и съ 18-го февраля студенты на лекціи болѣе не ходили.

28-го февраля была вновь сходка студентовъ въ частномъ домѣ, на которой рѣшено не прекращать стачки до удовлетворенія общестуденческихъ претензій и ихъ собственныхъ требованій, но, получивъ извѣщеніе о возобновленіи занятій въ с.-петербургскомъ университетѣ, ново-александрійскіе студенты на сходкѣ 3-го марта рѣшили прекратить забастовку, что̀ и было приведено въ исполненіе по окончаніи сходки.

По полученіи, однако, свѣдѣній о возобновленіи безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ, студенты института собрали, 20-го и 22-го марта, сходки, на которыхъ незначительнымъ большинствомъ

голосовъ присутствовавшихъ вновь рѣшили поддержать своихъ товарищей и прекратить посѣщеніе лекцій.

23-го марта въ институтскомъ паркѣ состоялись двѣ сходки, на которыхъ сторонники забастовки, составлявшіе, однако, на этихъ сходкахъ значительное меньшинство, заявили, что они считають объявленное наканунѣ рѣшеніе окончательнымъ и употребятъ насиліе противъ желающихъ посѣщать лекціи; вечеромъ директору института предъявлены были требованія, аналогичныя съ требованіями с.-петербургскихъ студентовъ.

На слѣдующій день, въ виду продолженія броженія въ стѣнахъ института, всѣ студенты уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ.

Томскъ. По полученіи въ гор. Томскѣ извѣстій о студенческихъ безпорядкахъ въ С.-Петербургѣ, 24-го февраля студенты мѣстнаго университета, въ числѣ до 400 человѣкъ, собрались на сходку, отказались разойтись по требованію учебнаго начальства и постановили: присоединиться къ товарищамъ и выразить согласіе въ общемъ протестѣ, предъявить требованія объ удовлетвореніи оскорбленныхъ петербургскихъ студентовъ, о гарантіи неприкосновенности личностей студентовъ, и т. п., а до удовлетворенія требованій рѣшили не посѣщать лекцій и добиваться оффиціальнаго закрытія университета. Противъ профессоровъ, которые будутъ продолжать занятія, рѣшено принять систему обструкціи. Постановленіе сходки было издано особымъ воззваніемъ, и, начиная съ упомянутаго числа, студенты дѣйствительно прекратили посѣщеніе лекцій и занятія въ клиникахъ, являясь въ университетъ лишь для присутствованія на сходкахъ, на увѣщанія учебнаго начальства не обращали никакого вниманія, а тѣхъ изъ числа своихъ товарищей, которые хотѣли войти въ университетъ 1-го марта для слушанія лекцій, силой не допустили проникнуть въ зданіе.

2-го марта, по постановленію правленія университета, исключено 45 студентовъ, особенно замѣченныхъ въ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, которые затѣмъ и удалены, въ числѣ 36 человѣкъ, изъ Томска, за исключеніемъ мѣстныхъ уроженцевъ.

4-го марта въ университетѣ занятія временно прекращены до 8-го, но въ дѣйствительности, за отсутствіемъ слушателей, возобновлены не были. 15-го, въ виду настойчиваго непосѣщенія лекцій, всѣ студенты признаны уволенными съ предоставленіемъ права подавать вновь прошенія о пріемѣ, при условіи подчиненія существующимъ правиламъ. Прошенія поступаютъ пока не въ значительномъ числѣ. вслѣдствіе мѣръ, принимаемыхъ партіей обструкціонистовъ, не допускающихъ прочихъ студентовъ въ университетъ, клинику и даже на почту. Между студентами распространяются гектографированные листки и воззванія, въ томъ числѣ перепечатываемыя въ Томскѣ воззванія „кассы взаимопомощи петербургскаго университета".

20-го марта удалены изъ города еще 14 человѣкъ демонстрантовъ.

Рига. Въ рижскомъ политехническомъ институтѣ сходка состоялась 18-го февраля, числомъ около 160 студентовъ, на которой читались письма, полученныя изъ Петербурга съ описаніемъ студенческихъ безпорядковъ и съ призывомъ пристать къ общему движенію.

Сходка постановила, въ знакъ сочувствія петербургскимъ товарищамъ, прекратить слушаніе лекцій. 19-го февраля утреннія лекціи въ институтѣ прошли, однако, безпрепятственно, но около 3-хъ часовъ вновь собралась сходка, числомъ до 300 человѣкъ, причемъ сторонники безпорядка препятствовали чтенію лекцій и вынуждали профессоровъ прекращать занятія. По распоряженію попечителя, учебныя занятія въ институтѣ 20-го февраля прекращены.

Въ описанныхъ безпорядкахъ принимали участіе 300—400 студентовъ, преимущественно 1-го курса, большинство коихъ держалось довольно пассивно; активное же участіе проявила относительно небольшая группа студентовъ, человѣкъ 60—70, причемъ болѣе замѣтное и видное участіе на сходкахъ принимали студенты еврейскаго и армянскаго происхожденія.

5-го марта лекціи въ институтѣ возобновились и продолжались безпрепятственно до 27-го марта, когда около 200 студентовъ, собравшись на сходку, вновь вынудили прекратить лекціи, въ виду чего всѣ студенты института уволены, съ правомъ подачи прошеній объ обратномъ пріемѣ.

Юрьевъ. По полученіи свѣдѣній изъ Петербурга, студенты юрьевскаго университета, въ числѣ до 508 человѣкъ, собрались, 23-го февраля, на сходку въ аудиторіи патологическаго института, но, благодаря убѣжденіямъ учебнаго начальства, разошлись затѣмъ спокойно, предъявивъ, однако, предварительно свои требованія, заключавшіяся въ нравственномъ удовлетвореніи петербургскихъ товарищей, возвращеніи исключенныхъ, огражденіи студентовъ отъ дѣйствій полиціи, автономіи университетовъ и свободы сходокъ, уничтоженіи или уменьшеніи платы за слушаніе лекцій, уничтоженіи всѣхъ ограниченій по національностямъ и допущеніи пріема въ университетъ всѣхъ окончившихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. До удовлетворенія же этихъ требованій, изложенныхъ затѣмъ въ особомъ воззваніи, сходка рѣшила прекратить посѣщеніе лекцій.

Волненіе въ университетѣ отозвалось и на ветеринарномъ институтѣ, гдѣ на сходку, собранную въ клиникѣ, явилось до 200 студентовъ. Директоръ института убѣдилъ, однако, студентовъ разойтись, что̀ они и сдѣлали, заявивъ, впрочемъ, что посѣщать лекцій болѣе не намѣрены, и собрались съ цѣлью выразить сочувствіе невинно пострадавшимъ петербургскимъ студентамъ.

24-го февраля студенты университета, стоявшіе за забастовку, обходили группами аудиторіи, прося профессоровъ прекратить чтеніе лекцій и заявляя, что въ противномъ случаѣ могутъ произойти нежелательныя непріятности; находившимся въ аудиторіяхъ своимъ товарищамъ они предлагали немедленно покинуть зданіе университета.

Въ виду изложеннаго, въ университетѣ и ветеринарномъ институтѣ 24-го февраля занятія были временно пріостановлены.

Впослѣдствіи выяснилось, что волненіемъ среди студентовъ руководилъ образовавшійся въ университетѣ „союзный совѣтъ дерптскихъ организацій“, выпустившій отъ своего имени и распространявшій два воззванія, изъ коихъ первое заключало въ себѣ весьма тенденціозное и извращенное изложеніе петербургскихъ безпорядковъ 8-го февраля,

а второе призывало „дерптское студенчество" присоединиться къ примкнувшимъ уже къ обструкціи иногороднымъ товарищамъ.

4-го марта лекціи возобновились первоначально при незначительномъ числѣ слушателей; къ 10-му же числу на занятія въ университетъ и институтъ начали являться почти всѣ студенты.

По этому поводу вышеуказанный „союзный совѣтъ" выпустилъ особое воззваніе съ заявленіемъ, что онъ слагаетъ съ себя обязанность дальнѣйшаго веденія дѣла, такъ какъ не видитъ смысла въ продолженіи забастовки, какъ въ виду прекращенія таковой въ С.-Петербургѣ, такъ и въ виду несоотвѣтствующаго настроенія мѣстнаго студенчества.

27-го марта, однако, около 500 студентовъ юрьевскаго университета вновь собрались на сходку и высказались за возобновленіе обструкціи, вслѣдствіе чего и въ означенномъ университетѣ принята мѣра увольненія всѣхъ студентовъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ другихъ университетахъ, гдѣ эта мѣра примѣнена.

Харьковъ. По полученіи предложенія петербургскихъ студентовъ устроить забастовку впредь до измѣненія существующаго университетскаго устава, среди студентовъ университета, технологическаго и ветеринарнаго институтовъ съ 15-го февраля начались сходки, окончившіяся рѣшеніемъ не посѣщать лекцій и препятствовать ихъ чтенію впредь до удовлетворенія требованій, выставленныхъ петербургскими товарищами.

На состоявшихся въ стѣнахъ технологическаго института сходкахъ 18-го и 20-го февраля выработаны были затѣмъ и свои требованія, которыя переданы на обсужденіе студентовъ университета и ветеринарнаго института и, на состоявшихся по сему поводу сходкахъ въ стѣнахъ названныхъ учебныхъ заведеній, приняты единогласно. 20-го февраля по городу разбросаны гектографированныя прокламаціи, по поводу происходившихъ волненій, съ порицаніемъ дѣйствій Правительства.

24-го февраля въ стѣнахъ университета, за подписью ректора, было вывѣшено слѣдующее объявленіе: „Въ виду того, что студенты Императорскаго харьковскаго университета, въ теченіе значительнаго времени настойчиво отказывались отъ посѣщенія лекцій и прочихъ учебныхъ занятій, они признаны, согласно распоряженію высшаго учебнаго начальства, уволившимися изъ университета". Затѣмъ указывался порядокъ полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ и пріема прошеній отъ желающихъ возвратиться въ число студентовъ.

По возобновленіи затѣмъ лекцій, вновь распространились воззванія, отъ 12-го марта, за подписью „группы непримиримыхъ", съ цѣлью возобновить прекратившееся волненіе, но сочувствія не встрѣтили, и занятія продолжались до 30-го марта.

Казань. 23-го февраля, среди студентовъ казанскаго университета появилось воззваніе, приглашающее ихъ присоединиться къ протесту студентовъ с.-петербургскаго университета. По этому поводу 24-го числа студенты собрались въ университетѣ въ значительномъ числѣ и рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій съ 1-го марта. 25-го же февраля, чрезъ 12 уполномоченныхъ, подали ректору петицію съ заявленіемъ, что они съ своей стороны не желаютъ производить безпорядковъ, но, въ видахъ сочувствія студентамъ с.-петербургскаго универ-

ситета, согласились прекратить посѣщеніе лекцій впредь до рѣшенія дѣла о безпорядкахъ въ этомъ университетѣ и возобновленія въ немъ занятій. Засимъ, по изложеніи ходатайства о пересмотрѣ дѣйствующаго университетскаго устава или по крайней мѣрѣ объ измѣненіи нѣкоторыхъ его параграфовъ, въ петиціи выражалось требованіе объ освобожденіи всѣхъ арестованныхъ въ Петербургѣ студентовъ и возвращеніи высланныхъ.

По возобновленіи занятій къ 1-му марта, послѣ масляницы, первые дни студентовъ на лекціяхъ было дѣйствительно весьма незначительное число, но, по полученіи свѣдѣній о возобновленіи занятій въ Петербургѣ, съ 4-го числа они начали посѣщать лекціи на всѣхъ факультетахъ въ обычномъ числѣ.

Несмотря на то, что въ безпорядкахъ принимала участіе сравнительно меньшая часть слушателей, изъ большинства высшихъ учебныхъ заведеній, оказалось необходимымъ исключить довольно значительное число студентовъ, упорство коихъ къ продолженію безпорядковъ не давало возможности терпѣть такихъ слушателей долѣе въ средѣ учащейся молодежи. Эта мѣра будетъ принимаема и впредь, такъ какъ, по требованію учащихся, никакого отступленія отъ уставовъ, положеній и правилъ, дѣйствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ, и отъ установленнаго порядка учебныхъ занятій и времени экзаменовъ, допущено быть не можетъ. Принятіе этой мѣры не лишитъ многихъ изъ уволенныхъ, отрезвившихся отъ заблужденій,—въ которыя они были вовлечены, по юношескому невѣдѣнію и неопытности,—возможности быть вновь принятыми въ учебныя заведенія и окончить свое образованіе, но во всякомъ случаѣ это снисхожденіе можетъ быть лишь послѣдствіемъ сознанія ими своихъ ошибокъ и заблужденій, а не результатомъ насильственныхъ дѣйствій скопомъ, въ ошибочномъ разсчетѣ, что значительное число исключенныхъ изъ заведеній поставить эти заведенія въ затруднительное положеніе.

Что же касается тѣхъ, которые, пользуясь случаемъ, направляютъ свои усилія къ тому, чтобы увлекать учащуюся молодежь на путь преступныхъ дѣйствій, преслѣдующихъ противоправительственныя и ничего общаго съ назначеніемъ учебныхъ заведеній не имѣющія цѣли, то въ отношеніи этихъ лицъ будутъ неуклонно принимаемы установленныя закономъ мѣры взысканія.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1899.

Нескромность „Figaro“ и ея дѣйствительное значеніе. — Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса.

Благодаря нескромности газеты „Figaro“, законченное недавно слѣдственное производство уголовной палаты французскаго кассаціоннаго суда по дѣлу Дрейфуса сдѣлалось достояніемъ гласности. Многіе выражаютъ удивленіе или недоумѣніе по поводу самой возможности такого факта, свидѣтельствующаго повидимому о полномъ упадкѣ чувства законности въ современной Франціи. Дѣло слушалось при закрытыхъ дверяхъ; показанія давались съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей, въ разсчетѣ на профессіональную тайну,—тѣмъ болѣе, что сообщаемыя свѣдѣнія и разъясненія могли касаться секретныхъ документовъ, которыми очень дорожило военное вѣдомство. Какимъ же образомъ весь этотъ обширный слѣдственный матеріалъ очутился въ рукахъ редакціи „Figaro“? И почему газета продолжала невозмутимо печатать добытые ею акты, несмотря на возвѣщенныя въ самомъ началѣ и тотчасъ же принятыя правительствомъ мѣры къ судебному преслѣдованію виновныхъ? Наконецъ, самый судъ, приговорившій „Figaro“ къ уплатѣ 500 франковъ штрафа, казался чѣмъ-то несерьезнымъ: нельзя же было ожидать, что подобная кара остановитъ печатаніе, приносящее газетѣ десятки или, быть можетъ, сотни тысячъ франковъ дохода. Всѣ газеты, въ томъ числѣ и оффиціозныя, какъ „Temps“, поспѣшили воспользоваться примѣромъ „Figaro“ и перепечатывали цѣликомъ обнародованные акты въ особыхъ приложеніяхъ, которыя, очевидно, читались нарасхватъ. О содержаніи этихъ публикацій ежедневно помѣщались подробныя телеграфныя извѣстія въ газетахъ разныхъ странъ, и до сихъ поръ не возникло еще никакого неудобства вслѣдствіе широкой огласки, данной секретному кассаціонному производству смѣлымъ и незаконнымъ починомъ „Figaro“. Лондонскій „Times“ съ гордостью заявляетъ, что такого рода откровенное нарушеніе законовъ было бы немыслимо въ Англіи, хотя, съ другой стороны, трудно было бы также предположить попытку скрыть отъ англійской публики матеріалы судебнаго слѣдствія по дѣлу, производящемуся въ англійскомъ судѣ. Нѣкоторые увидѣли въ этомъ поводъ къ размышленіямъ о печальной судьбѣ Франціи, гдѣ даже высшая магистратура не умѣетъ сохранять довѣренныя ей тайны, и гдѣ все можно

достать за деньги, не исключая и секретныхъ дѣлъ кассаціоннаго суда.

Въ дѣйствительности, обнародованіе слѣдственнаго производства по дѣлу Дрейфуса, вопреки желанію правительства и помимо судебной власти, представляетъ лишь одно изъ многихъ проявленій того антагонизма, который до сихъ поръ еще существуетъ во Франціи между потребностями свободной общественной жизни и упорными традиціями бюрократической рутины. Стремленіе придать дѣлу Дрейфуса характеръ государственной тайны нисколько не оправдывалось обстоятельствами и не имѣло твердой точки опоры въ законѣ; оно поддерживалось только старыми привычками министерскихъ канцелярій, для которыхъ боязнь публичности остается понынѣ чѣмъ-то въ родѣ догмата. Редакція „Figaro" привлечена была къ отвѣтственности на основаніи закона 1881 года о печати, который въ одномъ изъ своихъ параграфовъ постановляетъ слѣдующее: „Запрещено оглашать обвинительные акты и всякіе другіе акты уголовнаго или исправительнаго производства, прежде чѣмъ они были прочитаны въ публичномъ засѣданіи суда, подъ страхомъ денежнаго взысканія отъ 50 до 1000 франковъ" (§ 38). Въ данномъ случаѣ, какъ справедливо указывала газета, дѣло шло не объ обвинительномъ актѣ и не объ уголовномъ производствѣ, направленномъ къ обвиненію подсудимаго, а напротивъ, о пересмотрѣ уже оконченнаго процесса, съ цѣлью выяснить возможность судебной ошибки. Съ передачею дѣла на разсмотрѣніе общаго собранія кассаціоннаго суда, значительно увеличилось число лицъ, которымъ необходимо было доставить копіи протоколовъ слѣдствія уголовной кассаціонной палаты по дѣлу Дрейфуса, и все „секретное" производство отдано было въ государственную типографію для напечатанія, подъ строгимъ контролемъ, въ точно опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ, соотвѣтственно числу членовъ суда и прочихъ лицъ, имѣющихъ право и обязанность ознакомиться съ дѣломъ. Изъ этого видно, что добыть дѣло оказалось не особенно труднымъ—при измѣнившихся условіяхъ разсмотрѣнія вопроса о пересмотрѣ процесса Дрейфуса. По словамъ директора „Figaro", Фернанда де-Родэйса, онъ старался пріобрѣсть акты производства какъ только стало извѣстнымъ рѣшеніе напечатать ихъ для надобностей суда; онъ обращался сначала къ должностнымъ и прикосновеннымъ къ дѣлу лицамъ, но повсюду встрѣтилъ категорическій отказъ; нѣкоторые просили его даже воздержаться отъ печатанія, еслибы ему и удалось получить дѣло въ свое распоряженіе. „Я уже потерялъ надежду достать дѣло, —разсказываетъ Фернандъ де-Родэйсъ,—какъ вдругъ мнѣ неожиданно предложили желаемое безъ всякой платы. Предложеніе не исходило ни отъ члена магистратуры, ни отъ члена адвокатской корпораціи, ни отъ кого-либо изъ служащихъ въ національной типографіи, ни отъ

кого-либо изъ друзей семьи Дрейфуса. Предлагавшее лицо не требовало ничего взамѣнъ и выражало готовность публично признаться въ своемъ поступкѣ, если представится къ этому необходимость, напр. если обвиненіе будетъ несправедливо направлено на кого-либо другого. Публикація не имѣетъ ни „дрейфусарскаго", ни „антидрейфусарскаго" характера; будетъ напечатано все сполна, безъ малѣйшихъ пропусковъ, не измѣняя и не замѣняя ни одного слова". Въ томъ же смыслѣ высказался и редакторъ „Figaro", Корнели. „Мы получили дѣло не отъ члена суда и не отъ адвоката, и оно не стоило намъ ни одного су. Не одни только члены суда и защитники имѣютъ въ своихъ рукахъ рѣдкіе экземпляры „dossier"; между ними есть также люди, которые любятъ армію и обязаны любить ее по своему положенію. Почему эти люди не могутъ считать патріотическимъ и полезнымъ для арміи дѣломъ всякое содѣйствіе къ очищенію военной организаціи отъ компрометтирующихъ ее элементовъ? Наши предприниматели по части патріотизма всегда разсуждаютъ такъ, какъ будто они держатъ французскую армію у себя въ карманѣ; но она вовсе не у нихъ и не съ ними". Нѣтъ основанія не вѣрить фактическимъ утвержденіямъ редакціи „Figaro", устраняющимъ мысль объ отвѣтственности причастныхъ къ дѣлу должностныхъ лицъ и о продажѣ секретныхъ бумагъ за деньги. Такія газеты, какъ „Figaro", склонны скорѣе преувеличивать размѣры уплачиваемыхъ ими суммъ за интересующіе публику матеріалы, чѣмъ заявлять о даровомъ ихъ полученіи, и въ настоящее время можно смѣло сказать, что печатаніе документовъ кассаціоннаго слѣдствія представляло интересъ первостепенной важности, съ точки зрѣнія общественной и государственной пользы. Всякій разумный человѣкъ, располагающій подобнымъ матеріаломъ, долженъ былъ бы желать немедленнаго обнародованія его, и могъ бы при извѣстныхъ условіяхъ рѣшиться сдѣлать это самъ, изъ побужденій чистѣйшаго патріотизма, такъ что свидѣтельство редакціи „Figaro" о безкорыстной передачѣ ей документовъ является вполнѣ правдоподобнымъ.

До послѣдняго времени распространялись и поддерживались во Франціи слухи о какомъ-то письмѣ германскаго императора къ графу Мюнстеру, упоминавшемъ, будто бы, о дѣлѣ Дрейфуса и попавшемъ какими-то судьбами въ руки французскаго правительства. Газеты сообщали разныя подробности объ этомъ важномъ документѣ и о способѣ пріобрѣтенія его министромъ иностранныхъ дѣлъ Ганотò; называли даже точную цифру уплаченныхъ за него денегъ—27 тысячъ франковъ, и впослѣдствіи припутали къ этому дѣлу имя бывшаго посла дружественной и даже союзной съ Франціею державы. Говорили, что графъ Мюнстеръ требовалъ отъ тогдашняго президента

республики, Казиміра Перье, изъятія письма Вильгельма II изъ числа секретныхъ бумагъ по дѣлу Дрейфуса, подъ угрозою дипломатическаго разрыва, и что это обстоятельство послужило между прочимъ одною изъ причинъ преждевременной отставки Перье. Таинственное императорское письмо играло большую роль въ газетной полемикѣ и въ разнообразныхъ опасеніяхъ и протестахъ, вызванныхъ агитаціею въ пользу Дрейфуса; патріоты, въ родѣ Миллльвуа, серьезно увѣряли, что пересмотръ процесса невозможенъ въ виду опасности разоблаченій, способныхъ привести къ войнѣ. Изъ нѣкоторыхъ намековъ генерала Буадéфра, въ показаніи его по дѣлу Золà, можно было вывести заключеніе, что и начальникъ генеральнаго штаба вѣрилъ въ существованіе этой государственной тайны, имѣющей крайне щекотливый международный характеръ. Легенда настолько утвердилась въ общественномъ сознаніи, что появлявшіяся иногда оффиціальныя и оффиціозныя опроверженія оставались почти незамѣченными; въ лучшемъ случаѣ сохранила бы силу версія, по которой письмо Вильгельма II признано было подложнымъ, и французское правительство оказалось бы виновнымъ въ непростительномъ легковѣріи или дипломатическомъ невѣжествѣ. Намъ приходилось также неоднократно, со словъ французскихъ газетъ, обсуждать этотъ загадочный инцидентъ, причемъ мы поневолѣ дѣлали свои выводы изъ факта, который признавался всѣми безспорнымъ въ той или другой формѣ. Тревожные толки, возбуждавшіе у французовъ чувство неопредѣленнаго безпокойства и вызывавшіе естественное раздраженіе въ Германіи, находили благодарную почву именно въ той системѣ „закрытыхъ дверей“ и мнимыхъ государственныхъ тайнъ, которой такъ долго и настойчиво придерживались правители французской республики въ дѣлѣ Дрейфуса. Унаслѣдованный отъ второй имперіи страхъ бюрократіи передъ оффиціальной публичностью давалъ широкій просторъ темнымъ сплетнямъ и выдумкамъ, которыя отъ постояннаго повторенія и обилія разныхъ подробностей пріобрѣтали оттѣнокъ достовѣрности. Легенда о письмѣ Вильгельма II не могла бы быть окончательно устранена со сцены и теперь, еслибы не появились въ печати акты слѣдственнаго производства, считавшіеся почему-то секретными. Бывшій президентъ республики, Казиміръ Перье, въ своемъ показаніи, 28 декабря 1898 г., въ отвѣтъ на вопросъ предсѣдателя уголовной кассаціонной палаты, г. Лёва, заявилъ, что онъ „никогда не слыхалъ о существованіи письма, исходящаго отъ германскаго императора, и впервые услышалъ о немъ во время интерпелляціи Паскаля Груссé въ палатѣ депутатовъ“. Генералъ Буадефръ, на подобный же вопросъ предсѣдателя, отвѣтилъ столь же категорически: „Никогда я не слыхалъ объ этомъ письмѣ изъ-другихъ источниковъ, кромѣ газетныхъ розсказней.

Насколько мнѣ извѣстно, о немъ никогда не было рѣчи и въ генеральномъ штабѣ" (показаніе 21 января 1899). Чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, г. Палеологъ, въ показаніи 9 января, объяснилъ, что документа такого рода вовсе не существовало: „въ первый и единственный разъ я услышалъ о подобномъ документѣ въ ноябрѣ 1897 года, отъ полковника Анри, который, впрочемъ, только намекнулъ на его существованіе. Ни до, ни послѣ процесса Дрейфуса, я ничего не зналъ о письмѣ германскаго императора, ни о письмахъ къ нему Дрейфуса. Характеръ моихъ служебныхъ функцій позволяетъ мнѣ утверждать, что я не могъ не имѣть свѣдѣній о документахъ такого рода, еслибы они существовали". Благодаря обнародованію этихъ показаній, секретная исторія съ письмомъ Вильгельма II превращается въ пустую басню, сочиненную газетными фантазерами, а между тѣмъ эта басня несомнѣнно вліяла на общественное настроеніе, сообщая особый тонъ затѣянной травлѣ противъ сторонниковъ пересмотра процесса Дрейфуса, какъ солидарныхъ, будто бы, съ завѣдомыми врагами Франціи. Раскрытіе истины относительно „секретнѣйшаго" германскаго документа было весьма существенною заслугою уголовной кассаціонной палаты, но эта заслуга оставалась бы совершенно безплодною, еслибы результаты слѣдствія не были доведены до всеобщаго свѣдѣнія газетою „Figaro".

Нѣкоторыя неясныя стороны дѣла Дрейфуса впервые получаютъ надлежащее освѣщеніе въ обнародованныхъ нынѣ матеріалахъ слѣдственнаго производства. Главными позднѣйшими уликами противъ осужденнаго признавались захваченныя письма военныхъ агентовъ Германіи и Италіи, полковниковъ Шварцкоппена и Паниццарди. Оба они совмѣстно добывали нужныя имъ секретныя свѣдѣнія и вели между собою дѣятельную переписку по этому предмету, причемъ итальянскій агентъ обыкновенно служилъ посредникомъ для германскаго. Имена обоихъ постоянно упоминались въ печати при обсужденіи доказательствъ виновности Дрейфуса; въ секретномъ „dossier" хранились компрометтирующія записочки или телеграммы этихъ агентовъ, на нихъ ссылались военные министры и генералы, и къ тѣмъ же бумагамъ относилась поддѣлка, совершённая Анри. Съ точки зрѣнія возбужденнаго вопроса о судебной ошибкѣ, казалось чрезвычайно страннымъ молчаніе двухъ названныхъ агентовъ, которые не могли же допустить, чтобы за измѣнническія сношенія съ ними былъ осужденъ человѣкъ, никогда не имѣвшій съ ними никакихъ связей. Тутъ нужно было не простое формальное опроверженіе, а личное вмѣшательство обоихъ дѣятелей, какъ частныхъ лицъ и джентльменовъ,—если въ самомъ дѣлѣ Дрейфусъ невиненъ. Отсутствіе признаковъ этого прямого личнаго протеста со стороны Шварцкоппена и Паниццарди было какъ

бы молчаливымъ обвинительнымъ актомъ противъ Дрейфуса, на что мы указывали въ свое время въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній. Изъ напечатанныхъ теперь документовъ мы узнаемъ, что упомянутыя лица не только не относились пассивно къ возникшимъ слухамъ и толкамъ, а напротивъ, неоднократно и настойчиво обращались съ своими заявленіями къ французскому правительству, при посредствѣ посольствъ въ Парижѣ; они удостовѣряли своею личною честью, что никогда не имѣли ни прямыхъ, ни косвенныхъ сношеній съ Дрейфусомъ, который вообще былъ имъ совершенно неизвѣстенъ. Итальянскій посолъ, графъ Торніелли, еще въ ноябрѣ 1897 года, передалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ желаніе Паниццарди засвидѣтельствовать на судѣ, что приписываемые ему въ газетахъ документы подложны и что онъ не знаетъ и не зналъ никакого Дрейфуса; въ январѣ 1898 г., эти заявленія и требованія были вновь повторены графомъ Торніелли въ письменной формѣ, но безъ успѣха: французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ, нашелъ неудобнымъ допустить полковника Паниццарди къ дачѣ показаній предъ судомъ по дѣлу Дрейфуса, о чемъ и сообщено было итальянскому послу 26 января. А полгода спустя, французскій военный министръ, Каваньякъ, съ полною искренностью приводилъ въ парламентѣ текстъ секретной записки того же Паниццарди, для рѣшительнаго подтвержденія виновности Дрейфуса, и только случайно могла быть публично обнаружена поддѣлка въ данномъ случаѣ.

Еще въ 1894 году, на другой же день послѣ газетныхъ сообщеній объ арестѣ Дрейфуса, полковникъ Паниццарди послалъ своему правительству шифрованную депешу, копія которой была доставлена во французское министерство иностранныхъ дѣлъ, а оттуда — въ развѣдочное бюро генеральнаго штаба. Въ депешѣ этой, какъ видно изъ объясненій г. Палеолога въ кассаціонной палатѣ (9 января), было сказано: „Если капитанъ Дрейфусъ не имѣлъ сношеній съ вами (въ Римѣ), то слѣдовало бы поручить здѣшнему послу напечатать оффиціальное опроверженіе, чтобы избѣгнуть комментаріевъ прессы“; послѣднія слова были не сразу разобраны по неясности шифра, и нѣкоторые предлагали читать такъ: „...оффиціальное опроверженіе; нашъ эмиссаръ предупрежденъ“; но затѣмъ была окончательно установлена редакція, приведенная выше, и это единственный текстъ, документально провѣренный въ министерствѣ. Такимъ образомъ, при первыхъ извѣстіяхъ о сношеніяхъ Дрейфуса съ представителями Италіи, Паниццарди допускалъ возможность этихъ сношеній только непосредственно съ итальянскимъ правительствомъ; въ противномъ случаѣ надо было опровергнуть самый фактъ, такъ какъ онъ лично подобныхъ сношеній не имѣлъ. Въ то время нельзя еще было предвидѣть,

что дѣло Дрейфуса пріобрѣтетъ впослѣдствіи громадный политическій интересъ и надолго займетъ собою общественное мнѣніе Франціи; тогда это было лишь заурядным дѣломъ о пойманномъ шпіонѣ,— однимъ изъ многихъ и часто повторяющихся дѣлъ о секретной международной куплѣ-продажѣ военныхъ тайнъ,—и потому этотъ первый шагъ Паниццарди имѣлъ несомнѣнное значеніе для вопроса о виновности арестованнаго офицера. Однако, депеша итальянскаго агента была оставлена безъ вниманія въ генеральномъ штабѣ, гдѣ ее поняли почему-то иначе, чѣмъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Три года спустя, г. Палеологу поручено было сообщить военному вѣдомству заявленіе германскаго посла о томъ, что германскій военный агентъ, полковникъ Шварцкоппенъ, рѣшительно протестуетъ своимъ честнымъ словомъ противъ слуховъ о какихъ бы то ни было сношеніяхъ его съ Дрейфусомъ; но и это увѣреніе прошло столь же безслѣдно для дѣла, какъ и одновременныя настоятельныя утвержденія итальянскаго посла въ Парижѣ. Само собою разумѣется, что иностранные агенты и послы не имѣли абсолютно никакого повода заступаться за французскаго офицера, осужденнаго по обвиненію въ измѣнѣ, и всѣ протесты представителей Италіи и Германіи съ ноября 1897 года не могутъ быть объяснены иначе, какъ только желаніемъ устранить очевидную ошибку, допущенную при судѣ надъ Дрейфусомъ и касающуюся непосредственно обоихъ военныхъ агентовъ. Это подтверждается также тѣмъ обстоятельствомъ, что относительно другого французскаго офицера, Эстергази, иностранные представители не только не обнаруживаютъ подобной заботливости, но сами сообщаютъ о немъ свѣдѣнія, какъ о возможномъ или несомнѣнномъ шпіонѣ. Такъ, сенаторъ Трарiё, въ показаніи 16 января, приводитъ разныя подробности по этому предмету со словъ графа Торніелли и съ его разрѣшенія; у полковника Шварцкоппена имѣется большая коллекція писемъ Эстергази, какъ это хорошо извѣстно Паниццарди, и еще недавно послѣдній получилъ отъ своего коллеги изъ Берлина письмо, изъ котораго видно, что Шварцкоппенъ приписываетъ Эстергази факты, отнесенные къ Дрейфусу военнымъ судомъ 1894 года. Съ своей стороны, г. Палеологъ удостовѣрилъ въ своемъ показаніи, что по свѣдѣніямъ французскаго посла въ Римѣ Эстергази получилъ за послѣдніе годы отъ иностранныхъ правительствъ около двухсотъ тысячъ франковъ, и еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ему уплачена была сумма въ 8 тысячъ фр.; телеграмма, сообщающая эти свѣдѣнія, была тотчасъ же передана въ военное министерство. Въ томъ же родѣ отзывался объ Эстергази бывшій англійскій военный агентъ въ Парижѣ, генералъ Тальботъ, въ разговорѣ съ генераломъ Галлифе (показаніе 8 декабря 1898). Ясно, что военное министерство или не довѣряло со-

общеніямъ и указаніямъ иностранныхъ дипломатовъ, или же не желало пользоваться услугами и разъясненіями „посторонняго" вѣдомства—министерства иностранныхъ дѣлъ. Всякая бюрократія, въ томъ числѣ и военная, имѣетъ свои традиціи, между которыми не послѣднюю роль играютъ соображенія самолюбія и недоброжелательства относительно другихъ вѣдомствъ. Эта сторона бюрократизма не менѣе сильна во Франціи, чѣмъ въ другихъ государствахъ, хотя вредныя послѣдствія ея значительно парализуются широкою гласностью, благотворное дѣйствіе которой выясняется какъ нельзя лучше неожиданными результатами обнародованія мнимо-секретныхъ матеріаловъ въ газетѣ „Figaro".

Въ дѣлѣ Дрейфуса, какъ мы говорили уже не разъ, вопросъ о виновности осужденнаго имѣетъ второстепенное значеніе и не представляетъ самъ по себѣ никакого общаго интереса. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что представители французской военной администраціи продолжаютъ твердо вѣрить въ измѣну, подтверждаемую, по ихъ мнѣнію, цѣлымъ рядомъ косвенныхъ уликъ; но въ высшей степени страннымъ кажется намъ то обстоятельство, что они попрежнему, какъ ни въ чемъ не бывало, основываютъ свои выводы на письмахъ и дѣйствіяхъ военныхъ агентовъ Италіи и Германіи, несмотря на данное послѣдними честное слово объ отсутствіи у нихъ сношеній и знакомства съ Дрейфусомъ. Очевидно, понятія личной чести признаются непримѣнимыми къ современнымъ международнымъ отношеніямъ, и никакія клятвенныя увѣренія возможнаго врага не принимаются во вниманіе, когда дѣло идетъ о фактахъ, относящихся къ области военнаго соперничества между державами. Скрытое взаимное недовѣріе доходитъ здѣсь до явныхъ, ничѣмъ не замаскированныхъ оскорбленій отдѣльныхъ лицъ (въ данномъ случаѣ—полковниковъ Паниццарди и Шварцкоппена), и эта политическая атмосфера не можетъ, конечно, считаться благопріятною для мирной конференціи, имѣющей въ скоромъ времени собраться въ Гаагѣ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1899.

— Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ литераторовъ. Съ 3 фототипіями. Изданіе Пензенской Общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. М. 1899.

Давно ожиданный сборникъ вышелъ на дняхъ въ весьма обширномъ и интересномъ составѣ. Участіе многочисленныхъ русскихъ писателей и ученыхъ въ этомъ предпріятіи провинціальной общественной библіотеки прежде всего свидѣтельствуетъ объ ихъ интересѣ къ чествованію памяти знаменитаго критика, а вмѣстѣ вызывалось сочувствіемъ къ той практической цѣли, которая соединялась съ этимъ предпріятіемъ, такъ какъ „чистый доходъ отъ сборника предназначенъ въ фондъ имени Бѣлинскаго, образуемый для просвѣтительныхъ цѣлей при общественной библіотекѣ въ Пензѣ"; это участіе было, наконецъ, подкрѣплено ревностнымъ отношеніемъ къ дѣлу редакторовъ настоящаго сборника, которыми были П. А. Ефремовъ, А. Е. Грузинскій и В. Е. Якушкинъ.

Обширная статья „26 мая 1898 года", поставленная въ началѣ книги, какъ введеніе, представляетъ изложеніе самаго возникновенія сборника и исторіи чествованія Бѣлинскаго въ Пензѣ. Мысль объ этомъ чествованіи возникла давно и опредѣленно высказалась еще въ 1891, когда зарождалось въ Пензѣ общество Лермонтовской библіотеки, когда справлялся подобный поминальный юбилей Лермонтова. Оба писателя были пензенскими уроженцами. „Годы дѣтства В. Г. Бѣлинскаго,—говорилось въ одномъ изъ первыхъ ходатайствъ по этому дѣлу,—протекли въ предѣлахъ Пензенской губерніи. Учился онъ въ пензенской гимназіи, и хотя родился въ г. Свеаборгѣ, но весь родъ его принадлежалъ къ кореннымъ жителямъ Пензенской губерніи и самая фамилія его происходитъ отъ названія села Бѣлыни, Нижне-Ломовскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ дѣдъ его священство-

валъ. Такимъ образомъ Пензенская губернія по праву можетъ присвоить себѣ честь именоваться родиной Бѣлинскаго, и не кому другому, какъ пензенскому обществу, надлежитъ принять на себя иниціативу чествованія его памяти".

На приглашенія Общества Лермонтовской библіотеки нашъ литературный міръ отозвался съ большой готовностью, и въ результатѣ мы имѣемъ передъ собой прекрасно изданный сборникъ, въ которомъ читатель найдетъ много интереснаго чтенія.

Первый отдѣлъ сборника весь посвященъ Бѣлинскому, и, во-первыхъ, чтеніямъ въ его память, которыя имѣли мѣсто въ торжественномъ собраніи Общества любителей россійской словесности 8 апрѣля 1898 года. Предметомъ чтеній были личность, трудъ и различныя стороны дѣятельности Бѣлинскаго. За общимъ введеніемъ Н. И. Стороженка: „Памяти Бѣлинскаго" слѣдуютъ чтенія о немъ—какъ русскомъ культурно-историческомъ типѣ, И. И. Иванова;—объ его друзьяхъ и врагахъ, В. Е. Якушкина;—„Orlando furioso", цѣльное изображеніе восторженнаго благороднаго характера, Алексѣя Веселовскаго, статья, которая имѣла особенный успѣхъ и послѣ своего перваго появленія много разъ была повторена въ нашей печати;—о Бѣлинскомъ и эпохѣ реформъ, г. Джаншіева. Далѣе, находятся здѣсь статьи В. П. Острогорскаго о Бѣлинскомъ какъ педагогѣ, Н. К. Михайловскаго о Бѣлинскомъ какъ драматургѣ; г. Овсянико-Куликовскій опредѣляетъ отличительныя особенности его критики; М. М. Филипповъ сопоставляетъ идеи Гегеля и Бѣлинскаго объ искусствѣ.

Въ томъ же отдѣлѣ помѣщены матеріалы для біографіи: документы о пребываніи Бѣлинскаго въ московскомъ университетѣ; письма Бѣлинскаго къ одному изъ его друзей, А. П. Ефремову; наконецъ, письма Бѣлинскаго къ женѣ въ 1846 году.

Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ стихотворенія (между прочимъ посвященныя памяти Бѣлинскаго), разсказы, критическіе очерки по русской и иностранной литературѣ, путевыя впечатлѣнія, статьи по исторіи и психологіи; наконецъ — собраніе писемъ Тургенева, П. В. Анненкова, гр. А. К. Толстого, Гончарова, Салтыкова, Чернышевскаго.

Во главѣ второго отдѣла находимъ извѣстныя имена нашей современной поэзіи—К. Р. и Алексѣя Жемчужникова; далѣе пьесы покойнаго Я. П. Полонскаго, г. Ладыженскаго, Бальмонта, г-жъ Чюминой, Щепкиной-Куперникъ; А. Ѳ. Кони сообщилъ стихотвореніе Лажечникова, сопроводивъ его любопытной біографической замѣткой, и друг.

Въ числѣ разсказовъ вниманіе читателей прежде всего остановится, конечно, на „Окончаніи малороссійской легенды: „Сорокъ

лѣтъ", изданной Костомаровымъ въ 1881 г.", гр. Л. Н. Толстого. Въ легендѣ Костомарова разсказывается, что убійца, разбогатѣвшій на ограбленныя деньги, живетъ спокойно; но при убійствѣ онъ слышалъ голосъ, грозившій ему наказаніемъ черезъ сорокъ лѣтъ. Съ приближеніемъ срока онъ мучится страхомъ и открывается сыну; но сынъ его успокоиваетъ, что ему только такъ прислышалось и что никакихъ наказаній и наградъ не будетъ. Убійца продолжаетъ жить спокойно и умираетъ безболѣзненно. Смыслъ легенды тотъ, что наказаніе было въ утратѣ вѣры и въ смерти безъ покаянія. Л. Н. Толстой, сохраняя тотъ же конецъ, даетъ совсѣмъ иной оборотъ разсказу о внутреннемъ состояніи убійцы. Послѣ разговора съ сыномъ, который увѣрилъ убійцу, что наказаній никакихъ не будетъ, успокоеніе вовсе не наступило. Напротивъ, именно началось наказаніе. Послѣ разговора съ сыномъ, убійца легъ одинъ спать въ своей комнатѣ и сталъ думать.

„— Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказанія! Какъ хорошо, какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасну мучилъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ (сынъ). Борьба за существованіе: вотъ законъ! И другого нѣтъ. И мнѣ Богъ далъ быть побѣдителемъ. Богъ далъ! Все остается эта глупая привычка. Не Богъ далъ, а я съумѣлъ быть побѣдителемъ: вотъ мнѣ и хорошо. И всякій борись; а кто поборолъ, пользуйся своею побѣдой. Я поборолъ и пользуюсь. Хорошо было мнѣ жить, только воспоминаніе отравляло; теперь же будетъ еще лучше, совсѣмъ хорошо. Я понимаю, что имъ завидно.... каждому хочется. А хочется, такъ борись. Самъ борись, а не жди, чтобы тебѣ дали. Вотъ и Александръ"...

„Онъ вспомнилъ, какъ Александръ говорилъ ему на дняхъ, что положенныхъ ему двадцати тысячъ въ годъ мало. Онъ просилъ прибавить ему еще десять тысячъ, и когда онъ отказалъ, онъ былъ недоволенъ.

„— Положимъ, онъ разсчитываетъ имѣть все, когда я умру"...

„И вдругъ Трофиму Семеновичу очень ясно пришло въ голову, что сынъ долженъ желать его смерти.

„— Борись, чтобы быть побѣдителемъ. Я боролся — убилъ купца; мнѣ нужна была его смерть, и я взялъ его жизнь. А ему, сыну моему Александру, чья смерть нужна"?

„Онъ остановился и привсталъ въ ужасѣ на постели.

— „Чья смерть?—Моя!—Да, я стою ему на дорогѣ. Сколько бы я ни давалъ ему, ему лучше, чтобы я умеръ, и онъ былъ бы хозяиномъ".

Съ этимъ началась у него безконечная пытка. Онъ боялся, что

его убьютъ, отравятъ, обманутъ; онъ подозрѣвалъ всѣхъ, и сына, и жену; принималъ предосторожности, ненавидѣлъ всѣхъ, даже маленькихъ внуковъ. Чтобы утишить свой страхъ, онъ сталъ внушать людямъ, что есть Богъ и судъ божій. Онъ сталъ ходить по церквамъ, и т. д. Наконецъ черезъ двѣнадцать лѣтъ этой ужасной жизни, среди постояннаго страха, онъ умеръ среди сна.

Ему были устроены пышныя похороны. „Одинъ проповѣдникъ, славившійся тогда въ Петербургѣ даромъ краснорѣчія, произнесъ надгробное слово и много говорилъ о добродѣтели, благочестіи и счастливой жизни усопшаго. Никто, кромѣ Бога, не зналъ о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога".

Небольшой, всего четыре страницы, разсказъ Л. Н. Толстого напомнитъ подобныя темы другихъ его произведеній послѣдняго времени, напомнитъ ихъ и манерой—какъ бы документальнымъ изложеніемъ фактовъ, именно психологическихъ настроеній,—изложеніемъ, избѣгающимъ участія „искусства" (смѣшиваемаго съ искусственностью). Разсказъ становится нѣсколько сухимъ; но высокое дарованіе тѣмъ не менѣе дѣлаетъ его живымъ и сильнымъ. Можетъ показаться, что напрасно здѣсь какъ будто принято, что теорія Дарвина уполномочиваетъ на убійство и грабежъ; но вѣрно то, что такъ разсуждать, какъ Трофимъ, могутъ вообще люди безъ всякой религіи и совѣсти,—хотя бы и не знали этой теоріи, — а еслибъ и услышали о ней, то именно такъ бы и поняли ее.

Затѣмъ въ сборникѣ находимъ три разсказа А. П. Чехова, разсказы Н. Н. Златовратскаго, г. Засодимскаго, г. Лугового, г-жъ Шабельской, Шапиръ и др.; нѣсколько очерковъ критическихъ и историко-литературныхъ: г. Гольцева—о Тургеневѣ какъ поэтѣ; г. Махалова—объ идеалистическихъ настроеніяхъ въ поэмѣ „Демонъ" (на нашъ взглядъ черезчуръ обобщенныхъ, какъ будто съ исключеніемъ самого Демона); г. Батюшкова—„На разстояніи полувѣка: Бальзакъ, Чеховъ и Короленко о крестьянахъ" (съ любопытными замѣчаніями, но и съ весьма произвольно поставленной параллелью писателей изъ разныхъ литературъ и разнаго времени); В. Д. Каренина—„Сентъ-Бёвъ, Мишель и Жоржъ-Сандъ"; Л. Е. Оболенскаго — „Эволюція личности у женщинъ, по типамъ Ибсена"; К. К. Арсеньева—Два „похода" Эмиля Зола̀ (разборъ двухъ его книгъ: Une campagne, 1880—81, и Nouvelle campagne, 1897). М. М. Ковалевскому принадлежитъ небольшой очеркъ: „Происхожденіе идеи долга"; г. Лесевичу—„Фольклоръ и его изученіе"; г. Слонимскому—„Профессія писателя". Докторъ Баженовъ занялся символистами и декадентами—съ психіатрической точки зрѣнія. Авторъ собралъ довольно много литературныхъ наблюденій надъ

символистами и декадентами, особливо французскими, и въ своихъ выводахъ не соглашается ни съ приговорами Нордау о вырожденіи, ни съ рѣшеніями Ломброзо о геніальности какъ неврозѣ, предполагаетъ въ упомянутыхъ направленіяхъ возможными и искренность, и мистификацію, но тѣмъ не менѣе приходитъ къ такому заключенію: „...Резюмируя все вышеизложенное, мы можемъ сказать теперь, что относительно цѣлаго ряда — и притомъ крупныхъ — представителей этого направленія намъ было не трудно съ біографическими данными въ рукахъ доказать, что это были несомнѣнно душевно-больные люди. Что же касается до остальныхъ, то анализъ элементовъ ихъ творчества выяснилъ намъ слѣдующія основныя черты: скудость фантазіи. убожество мысли... извращенность вкусовъ и вообще ненормальность психологической реакціи; и рядомъ съ этимъ ничѣмъ не мотивированную переоцѣнку собственной личности".

Таково содержаніе сборника, впрочемъ, нами все-таки не вполнѣ указанное. Разнообразіе и достоинство трудовъ, въ немъ собранныхъ, безъ сомнѣнія, будутъ сопровождаться успѣхомъ между читателями, на который книга имѣетъ все право. — Въ сборникѣ помѣщено три портрета Бѣлинскаго.—А. П.

— В. В. Сиповскій. Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника". Спб. 1899.

Въ настоящей книгѣ является сполна трудъ, часть котораго издана была въ 1897—98 годахъ въ „Извѣстіяхъ" Русскаго Отдѣленія Академіи наукъ („Къ литературной исторіи Писемъ Русскаго Путешественника"). Авторъ ставилъ себѣ задачей изслѣдованіе „Писемъ" въ трехъ основныхъ отношеніяхъ: съ точекъ зрѣніе біографической, историко-литературной и историко-культурной, слѣдовательно предпринималъ: „1) выдѣлить (въ „Письмахъ") все то „личное", „индивидуальное", что въ нихъ принадлежитъ автору; 2) оцѣнить въ нихъ явленіе, характеризующее одинъ изъ моментовъ литературной эволюціи, и наконецъ, 3) опредѣлить, съ одной стороны, насколько ясно и полно отразилась въ нихъ „среда", воспитавшая творца произведенія, а съ другой стороны, въ какой степени сильно было воздѣйствіе этого произведенія на современную ему жизнь". Свое изслѣдованіе авторъ ведетъ весьма обстоятельно.

Въ теченіе своихъ изученій авторъ убѣдился, во-первыхъ, что до сихъ поръ самая личность Карамзина слишкомъ мало выяснена историками и критиками, а во-вторыхъ, что литературная исторія „Писемъ" совсѣмъ не разработана. Этимъ „недостаткомъ вниманія къ

общеизвѣстному писателю" объясняется, по словамъ автора, „цѣлый рядъ ошибочныхъ мнѣній о немъ, освященныхъ давностью и прочно укоренившихся въ нашемъ сознаніи". Авторъ рѣшилъ искоренить эти ошибочныя мнѣнія и поэтому расширилъ планъ своего труда двумя особыми главами. Прежними трудами о Карамзинѣ авторъ намѣренно пользовался мало, такъ такъ „счелъ за лучшее идти въ своей работѣ самостоятельнымъ путемъ, пользуясь только одними „матеріалами"... Къ тому же, *признаться*, я опасался, какъ бы не внести въ свою работу полемическаго задора, который, *конечно*, нарушилъ бы спокойствіе, необходимое для изслѣдованія". Въ примѣчаніяхъ въ концѣ книги г. Сиповскій долженъ былъ признать, что у его предшественниковъ были уже поставлены нѣкоторые изъ его вопросовъ (прилож., стр. 54).

Авторъ сдѣлалъ очень хорошо, что рѣшилъ остеречься отъ полемическаго задора, который былъ бы дѣйствительно неумѣстенъ; но нѣкоторый задоръ остался въ его утвержденіи, что личность Карамзина слишкомъ мало выяснена и будто такъ велико количество ошибочныхъ о немъ мнѣній. Въ существѣ, Карамзинъ и въ объясненіи г. Сиповскаго остается тѣмъ же, чѣмъ представляли его старые почитатели въ началѣ столѣтія и позднѣйшіе біографы и почитатели, какъ Галаховъ, Тихонравовъ, Гротъ и самъ Погодинъ (послѣднему всего меньше долженъ былъ быть понятенъ юношескій сентиментальный періодъ въ дѣятельности Карамзина); намѣчена была даже и литературная исторія „Писемъ". Признать это не было бы ущербомъ для новаго изслѣдованія,—потому что трудъ г. Сиповскаго во всякомъ случаѣ представляетъ не малую историко-литературную заслугу. Новый изслѣдователь, если сказалъ не все заново, то собралъ для личной и литературной характеристики Карамзина, въ періодъ „Писемъ", столько данныхъ, сколько до сихъ поръ еще не было собрано. Онъ изучаетъ сохранившіяся указанія, извлекаетъ малѣйшіе намеки въ его сочиненіяхъ объ его ранней молодости, о его чтеніи, о пребываніи въ кружкѣ Новикова, старается опредѣлить свойство и размѣры вліянія, испытаннаго имъ въ этомъ кружкѣ, и т. д. Самыя „Письма" авторъ подвергаетъ подробнѣйшему изслѣдованію, какое до сихъ поръ дѣйствительно было только начато,—именно изслѣдуетъ, насколько „Письма" представляютъ собою дѣйствительныя письма, т.-е. непосредственныя впечатлѣнія, или позднѣйшую кабинетную работу при помощи книгъ. Авторъ подбираетъ литературу, которая была или могла быть у Карамзина подъ руками, дѣлаетъ обстоятельныя сличенія, указываетъ прямыя и косвенныя заимствованія. Онъ изучаетъ самый составъ писемъ, который измѣнялся по мѣрѣ новыхъ изданій—ихъ литературный „жанръ" въ ряду тогдашней европейской

литературы,—наконецъ, языкъ и стиль „Писемъ“, какъ они также измѣнялись Карамзинымъ при новыхъ изданіяхъ книги: въ рядѣ простыхъ сопоставленій можно наблюдать, какъ совершенствовался языкъ, пріобрѣтая болѣе правильности, чистоты (удаленіемъ иностранныхъ словъ и оборотовъ), а вмѣстѣ и закругленности.

Изслѣдованіе „Писемъ“ съ историко-культурной стороны даетъ автору поводъ опредѣлять значеніе самой личности и произведеній Карамзина какъ въ литературѣ ему современной, такъ и въ ея дальнѣйшемъ развитіи. Здѣсь опять собраны любопытные факты вліянія Карамзина,—но мало замѣчены факты отрицательные, когда ссылки на его авторитетъ служили цѣлямъ вовсе не идеальнымъ и не просвѣтительнымъ. Точно также, едва ли можно возводить къ сентиментальности Карамзина такія литературныя явленія, какъ „Шинель“ Гоголя“, „Муму“ Тургенева, какъ нѣкоторые герои Достоевскаго и гр. Л. Н. Толстого (стр. 573—574): все это развилось изъ иныхъ личныхъ и общественныхъ мотивовъ.

Въ приложеніяхъ г. Сиповскій помѣстилъ замѣтки о масонствѣ Новиковскаго кружка, по его отношенію къ развитію взглядовъ и литературныхъ вкусовъ Карамзина. Авторъ опять недоволенъ прежними изслѣдованіями, которыя, по его мнѣнію, „многое объясняютъ, но многое и запутываютъ“,—раньше онъ, впрочемъ, призналъ, что объяснить все и трудно, потому что недостаетъ многихъ существенныхъ данныхъ. Собственное заключеніе автора, что Карамзинъ остался чуждъ масонскому мистицизму, отвѣчаетъ тому, что̀ давно было замѣчено и указывалось самимъ Карамзинымъ. Стараясь помирить масонскій мистицизмъ Шварца и Новикова съ ихъ просвѣтительной дѣятельностью, авторъ дѣлаетъ предположеніе, что Шварцъ едва ли не былъ „иллюминатомъ“, членомъ либеральнаго тайнаго общества или „ордена“ въ Германіи, въ программу котораго входило широкое распространеніе просвѣщенія (прилож., стр. 9—13), и что отъ него подобное направленіе пришло къ Новикову. Это предположеніе встрѣчаетъ, однако, крупныя затрудненія. Во-первыхъ, извѣстно, что Шварцъ во время своей поѣздки за границу на масонскій конгрессъ былъ въ Берлинѣ и вывезъ оттуда розенкрейцерскую систему, которая водворилась потомъ въ Москвѣ и была прямо противоположна иллюминатству. Во-вторыхъ, просвѣтительныя стремленія и издательство Новикова начались гораздо раньше знакомства съ Шварцомъ, а именно еще въ Петербургѣ, до переѣзда въ Москву.

Далѣе, въ приложеніяхъ помѣщены матеріалы для полнаго собранія сочиненій Карамзина, а именно г. Сиповскій собралъ стихотворенія, напечатанныя въ „Дѣтскомъ Чтеніи“ (1789), „Московскомъ журналѣ“ (1791) или оказавшіяся въ письмахъ Карамзина къ Дмитріеву

—эти стихотворенія отчасти были уже признаны принадлежащими Карамзину; г. Сиповскій утверждаетъ то-же и для остальныхъ, и это весьма вѣроятно.

Трудъ г. Сиповскаго представляетъ вообще весьма интересный и полезный вкладъ въ изученіе перваго періода дѣятельности Карамзина: изложеніе вопросовъ произведено очень внимательно, и иногда, можетъ быть, слишкомъ документально: размѣръ книги (болѣе 600 страницъ) можетъ быть слишкомъ великъ, т.-е. и безъ столь обширнаго количества документальности выводы автора были бы достаточно доказательны и для спеціалистовъ, и для обыкновенныхъ читателей.

— В. П. Горленко. Украинскія были. Описанія и замѣтки. Кіевъ, 1899.

Въ „Литературномъ Обозрѣніи“ прошлаго года мы говорили объ интересной книгѣ г. Горленка, которая называлась „Южно-русскіе очерки и портреты“. Это былъ рядъ бытовыхъ очерковъ, историческихъ воспоминаній, составленныхъ большимъ знатокомъ южно-русскаго быта и исторіи, составленныхъ просто, безъ ученыхъ притязаній и тяжелаго аппарата, но живо и занимательно—не только для обыкновеннаго читателя, но нерѣдко и для спеціалиста въ исторіи и этнографіи. Настоящая книжка можетъ представляться продолженіемъ первой: это опять историческія и бытовыя картинки изъ прошлой и современной жизни Малороссіи. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи: Въ стародавней обители; Крестьянская ярмарка; Послѣдніе кобзари; Коварникъ; Придворный бандуристъ въ бѣгахъ и бѣгуны отъ науки; Стихотворецъ-обыватель начала вѣка; Распродажа въ Вишневецкомъ замкѣ; Семейная драма въ военномъ поселеніи; Бабушка Полуботкова; Левицкій; Боровиковскій.

Интересы автора особенно направляются на изученіе бытовой старины, которая въ послѣднее время быстро забывается и падаетъ. На ярмаркѣ въ старинномъ городѣ Пирятинѣ авторъ между прочимъ думалъ встрѣтить старыхъ пѣвцовъ:

„Я записывалъ народныя преданія, пѣсни и разсказы, но особенно искалъ бытовыхъ и историческихъ думъ и пѣсенъ, этихъ величественныхъ обломковъ былого, хранителями которыхъ въ Малороссіи еще недавно были слѣпые нищіе, лирники и кобзари. Разыскивая ихъ по захолустьямъ Полтавщины и Черниговщины, я собиралъ свѣдѣнія о нихъ, гдѣ могъ. Проѣзжая какъ-то черезъ городъ Пирятинъ, я разспрашивалъ о нихъ на базарѣ. Торговки ошеломлены были моимъ вопросомъ и не сразу собрались отвѣчать. Но какой-то дѣдъ, выби-

равшій арбузъ изъ огромной ихъ горы, и зеленыхъ и бѣлыхъ, вянувшихъ подъ лучами августовскаго солнца на пустынной площади, гдѣ проносился, кружась, пыльный вихорь, вмѣшался въ нашу бесѣду, сказавъ:

— Та шляютця! У городи нема, а прыходять изъ селъ. У субботу прыходять, пидъ празднykъ, або у празднykъ".

Но поиски здѣсь были напрасны.

„Я не нашелъ народныхъ рапсодовъ на этой ярмаркѣ, какъ не нашелъ ихъ впослѣдствіи и на другихъ. Старинныя думы перестали интересовать забывшій свое прошлое народъ, и тѣ, кто случайно еще хранили ихъ, не выносили ихъ на народное торжище. Они ушли, превратясь въ простыхъ ремесленниковъ, затерянные въ своихъ захолустьяхъ".

Въ другомъ очеркѣ авторъ разсказываетъ, какъ все-таки онъ и теперь нашелъ въ селѣ Тамаровкѣ, полтавской губерніи, одного изъ „послѣднихъ кобзарей".

„Өедоръ Баша ослѣпъ взрослымъ. Это человѣкъ, постигнутый несчастьемъ, а не жалкій калѣка. У него есть свое небольшое хозяйство, обыкновенное крестьянское хозяйство средней руки, въ которомъ работаютъ теперь сыновья, да и онъ самъ умудряется производить наравнѣ съ зрячими всѣ сельскія работы. Но когда онъ ослѣпъ, еще молодымъ, то, не желая быть никому въ тягость, онъ отправился въ „науку" къ такому же слѣпцу, нищему въ с. Смотрики, гдѣ научился играть на бандурѣ и лирѣ, заучилъ множество псальмъ и четыре думы и обучился вить веревки, дѣлать веревочную упряжь и проч., чѣмъ всегда занимаются какъ ремесломъ и подспорьемъ малороссійскіе нищіе-слѣпцы. Въ этомъ глухомъ уголкѣ онъ находитъ еще слушателей. Его любятъ въ той мѣстности, зовутъ играть на свадьбы... Видъ у него почтенный, разговоръ, какъ почти у всякаго малоросса, часто шутливый"...

Молодежь, однако, въ сторонѣ подшучивала надъ чудачествомъ заѣзжаго господина, который слушалъ старыя пѣсни.

Г. Горленко заканчиваетъ свой разсказъ:

„...Среди незначительныхъ дорожныхъ встрѣчъ, столь рѣдкихъ осенью на проселкахъ, на выѣздѣ изъ Лохвицкаго уѣзда мнѣ попалась на полѣ кучка людей, какъ бы землемѣровъ. То было „изысканіе" будущей желѣзнодорожной линіи. Инженеръ, въ ботфортахъ, съ шапкой на уши, съ биноклемъ въ рукахъ, стоялъ на полѣ и распоряжался рабочими, направляя ихъ съ инструментами по проектированному пути. Какъ разъ на чертѣ будущей дороги пришелся курганъ, степная „могила", какихъ много въ той мѣстности; „изыскатель" далъ знакъ и заступъ ударился въ грудь старой могилы для

водруженія вѣхи. Глядя на этотъ живой образъ столкновенія стараго міра съ новымъ, думалось невольно о томъ, что̀ принесетъ эта новая жизнь въ еще дѣвственный край; что̀ внесетъ она вслѣдъ за этимъ механическимъ сооруженіемъ, которое есть только одно изъ вспомогательныхъ средствъ новой жизни, что̀ пробудитъ въ умственномъ мірѣ этого края и какіе новые всходы замѣнятъ хотя бы тѣ, взращенные этой почвой, цвѣты поэзіи, что̀ цвѣли въ пѣсняхъ слѣпого нищаго и разстилались только-что предо мною въ хатѣ кобзаря?"...

Паденіе бытовой старины есть, конечно, общее явленіе новѣйшей народной жизни. Русскій народъ, въ массѣ, утратилъ эпосъ былинъ еще раньше, чѣмъ малоруссы—эпическую думу; общей чертой является паденіе стараго обычая и пр.; но изслѣдованіе судебъ малорусской народности имѣло бы еще особенный интересъ по ея отношеніямъ съ великорусскою—по мѣрамъ правительственнымъ, вліяніямъ экономическимъ, промышленнымъ и торговымъ, наконецъ по собственно племеннымъ воздѣйствіямъ. Очень жаль, что этотъ общій вопросъ до сихъ поръ остается почти не тронутъ этнографами, близко знающими малорусскую жизнь; настоящее время представляетъ, кажется, особенно критическій, переходный моментъ этого воздѣйствія новыхъ условій, когда можно на живыхъ явленіяхъ наблюдать видоизмѣненія народнаго быта.

Разсказъ „Коварникъ" даетъ характеристику извѣстнаго дѣльца второй половины XVIII вѣка, Теплова—такимъ именемъ звалъ его Ломоносовъ. Разсказъ о „придворномъ бандуристѣ въ бѣгахъ" есть еще эпизодъ изъ нравовъ XVIII вѣка: это былъ бандуристъ двора цесаревны Елизаветы Петровны, Григорій Любистокъ. Повидимому наскучивъ непривычной жизнью въ придворномъ штатѣ, Григорій, хотя слѣпой, ухитрился бѣжать изъ Петербурга. Это было въ 1731. Въ догонку за бѣглецомъ посланъ былъ указъ императрицы Анны Іоанновны ко всѣмъ свѣтскимъ и духовнымъ учрежденіямъ: велѣно было разыскивать его повсюду и отнюдь бы не постригать въ монастыряхъ и пустыняхъ, а представить за карауломъ ко двору,—„а оной бандуристъ росту средняго, глазами слѣпъ, лицомъ бѣлъ и гладокъ, волосы русые". Въ 1732 онъ былъ вѣроятно пойманъ, потому что опять былъ при дворѣ. Затѣмъ онъ, кажется, уже не бѣгалъ, и въ царствованіе Елизаветы Петровны сталъ даже лицомъ важнымъ: онъ женился, покупалъ имѣнія и въ 1748, вмѣстѣ съ нѣсколькими пѣвчими, изъ дворянъ, былъ пожалованъ полковничьимъ рангомъ.

Укажемъ, дальше, разсказъ о распродажѣ въ Вишневецкомъ замкѣ: это было нѣкогда знаменитое магнатское владѣніе; оно перепродавалось въ послѣднее время изъ рукъ въ руки, и наконецъ старинная

обстановка замка, фамильные портреты Вишневецкихъ и другіе историческіе портреты продавались съ публичнаго торга!

Въ разсказѣ „Семейная драма“ спеціально малороссійскаго нѣтъ; въ разсказѣ о Полуботковой намъ показались излишними нѣкоторыя беллетристическія подробности.

Наконецъ, весьма интересны два послѣдніе очерка, посвященные двумъ знаменитымъ художникамъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія—Левицкому и Боровиковскому.

Оба были малоруссы, и г. Горленко указываетъ въ ихъ характерѣ и дѣятельности черты малорусскаго обычая и культуры.

„Какимъ чудомъ, — говоритъ авторъ о Левицкомъ, — является художникъ такой силы въ столь раннюю пору развитія въ Россіи искусства, въ такую пору, когда подобнаго явленія нельзя было бы ни требовать, ни ждать по обыкновенному ходу исторіи? Въ красотѣ работъ, въ изысканности онъ не уступаетъ изящнѣйшимъ французамъ, но превосходитъ ихъ реализмомъ, чувствомъ правды. Строгій судья русскаго искусства, Крамской, говоритъ про него: „этого художника я глубоко уважаю“.

„Онъ не похожъ на всѣхъ этихъ, наскоро выученныхъ за границею, способныхъ малыхъ, въ родѣ Матвѣева, Никитина, даже сильнѣйшаго изъ нихъ, Рокотова, рабовъ иностранныхъ образцовъ, не смѣющихъ отступить отъ ихъ указки. Трудъ его дышетъ призваніемъ, носитъ отпечатокъ личности.

„Ни одно племя,—говоритъ Гёте въ „Ифигеніи“,—не рождаетъ вдругъ ни полубога, ни чудовища. Только послѣдовательный рядъ злыхъ или добрыхъ производитъ, наконецъ, на свѣтъ ужасъ или радость міра“. Этотъ талантъ возникъ не на почвѣ общерусской исторіи, его родили другая жизнь и другое общество. Левицкаго, какъ и другого истиннаго художника тѣхъ временъ, Боровиковскаго, произвели Малороссія и ея зарождавшаяся культура. Восемнадцатый вѣкъ былъ временемъ, когда стали расцвѣтать духовныя силы Малороссіи. Но политическія судьбы ея къ тому времени измѣнились и эти силы направились по иному, новому руслу. Какъ въ Петровскую эпоху съ Юга вызывались дѣятели церкви и просвѣщенія, такъ при Екатеринѣ много готовыхъ силъ въ сферѣ государственнаго правленія, литературѣ и образованности явилось съ того же Полудня Россіи. Явились оттуда и два художника, трудъ которыхъ должно считать началомъ появленія самобытнаго искусства въ Россіи.

„Помимо историческаго закона возникновенія талантовъ, данныя біографій Левицкаго и Боровиковскаго говорятъ въ пользу теоріи наслѣдственности дарованій или постепеннаго наростанія ихъ въ поколѣніяхъ“. Въ данномъ случаѣ дѣйствительно можно видѣть эту на-

слѣдственность и наростаніе. Оба художника вышли изъ семействъ, гдѣ „искусство" было интересомъ: у одного отецъ былъ священникъ, замѣчательный по своему времени граверъ; Боровиковскій былъ сыномъ миргородскаго старожила, „значковаго товарища". и въ семьѣ любимымъ занятіемъ было иконописаніе. Обѣ біографіи разсказаны съ живымъ интересомъ къ лицамъ и пониманіемъ ихъ времени.

Таково содержаніе новой книжки г. Горленка. Первый трудъ его, какъ мы слышали, имѣлъ значительный успѣхъ въ средѣ читателей; не меньше заслуживаютъ его и эти новые очерки.

Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ. Съ 10 рисунками въ текстѣ. Изданіе Географическаго отдѣленія Импер. общества естествознанія, антропологіи и этнографіи, на средства, пожертвованныя Ю. И. Базановой. М. 1899.

Громадный томъ, почти въ 900 страницъ, представляетъ работу, предметъ которой давно привлекалъ нашего знаменитаго путешественника на азіатскомъ востокѣ. Во время своихъ долголѣтнихъ странствій Г. Н. Потанинъ собиралъ восточныя, особливо монгольскія, сказанія и давно уже останавливался на сходствѣ сказаній восточныхъ и западныхъ, азіатскихъ и европейскихъ,—которое казалось ему поразительнымъ. Уже раньше онъ не однажды указывалъ на это сходство въ отдѣльныхъ примѣрахъ; теперь онъ собралъ ихъ цѣлую массу.

Авторъ предполагаетъ, что при первомъ бѣгломъ взглядѣ на его книгу возможны недоумѣнія. Дѣйствительно, недоумѣніе можетъ явиться невольно, если въ этомъ сходствѣ сказаній онъ находитъ вовсе не случайное совпаденіе, а именно переходъ эпическихъ сказаній съ востока на западъ, и если въ рядѣ сказаній, признаваемыхъ пришедшими съ востока, мы встрѣчаемъ не только героическія сказанія среднихъ вѣковъ, французскія, германскія, Карла Великаго, Берту au grand pied, Фьерабраса, не только средневѣкового Виргилія, но и христіанскія легенды, сказанія о сотвореніи міра, пренія о вѣрѣ, финскую Калевалу, русскія былины, Голубиную книгу и т. д. Авторъ предполагаетъ, что съ перваго раза можетъ показаться невѣроятнымъ обмѣнъ эпическими сказаніями на такомъ дальнемъ разстояніи, какъ центральная Монголія и центральная Францін, и что покажется невѣроятной возможность воздѣйствія некультурныхъ варварскихъ ордъ средней Азіи на европейскую культурную среду. Онъ отвѣчаетъ:

„Эти возраженія имѣли бы силу, если бы въ книгѣ дѣло шло о позднѣйшемъ могущественномъ чужеземномъ литературномъ воздѣйствіи въ родѣ христіанскаго на Европу или буддійскаго на централь-

ную Азію. Конечно, подобное крупное воздѣйствіе, совершаемое въ теченіе очень краткаго времени, при помощи литературныхъ средствъ и энергичной апостолической дѣятельности, средняя Азія никогда не могла произвесть на Западъ: она не находилась въ необходимыхъ для того условіяхъ. Но, кромѣ такихъ внезапныхъ идейныхъ ураганов, существуютъ воздѣйствія длительныя, совершаемыя по мелкимъ путямъ, такъ сказать, по волоснымъ сосудамъ человѣческаго общества, при помощи самыхъ скромныхъ средствъ пропаганды. Нельзя сказать, чтобы такого рода воздѣйствіе ордынскаго востока на Европу также не допустимо.

„Эпоху, когда происходилъ обмѣнъ эпическими матеріалами, можно предположить очень ранней; можно не пріурочивать ее къ позднѣйшимъ переселеніямъ среднеазіатскихъ ордъ: этотъ обмѣнъ совершался въ то отдаленное время, когда не было той разницы въ культурѣ между центральной Европой и степями средней Азіи, какая появляется позднѣе.

„Въ тѣ отдаленныя времена могли быть и такіе случаи, когда ордынцы, пришедшіе въ юго-восточную или среднюю Европу, оказывались людьми высшей культуры въ сравненіи съ туземцами“.

Авторъ ссылается на историческіе примѣры, что усвоеніе чужихъ сюжетовъ не ставитъ непремѣннымъ условіемъ духовное превосходство племени,—такъ эпосъ карловингскій принесенъ былъ франками и распространился въ романскомъ мірѣ, хотя романцы въ то время были культурнѣе франковъ (примѣръ, однако, не совсѣмъ доказателенъ потому, что между племенами установилась тогда же политическая связь и началось расовое смѣшеніе и объединеніе),—или подобнымъ образомъ въ германской поэзіи находятъ слѣды гуннскаго эпоса.

Далѣе, г. Потанинъ объясняетъ:

„Заимствованіе можно представлять себѣ не всегда въ видѣ внезапнаго великаго нашествія сюжетовъ; оно могло совершаться въ розницу, частями, дробно. Заимствованіе могло происходить не въ одну сторону, а взаимно, съ востока на западъ и съ запада на востокъ. Самымъ сильнымъ орудіемъ для пересадки сюжетовъ было, конечно, разселеніе племенъ по новымъ мѣстамъ; менѣе сильное передвиженіе сюжетовъ нужно приписать передачѣ отъ одного осѣвшаго племени къ другому сосѣднему; можетъ быть, наука впослѣдствіи откроетъ признаки, по которымъ можно будетъ различать, какія сказки или преданія распространялись съ массовымъ переселеніемъ, какія перешли маячнымъ порядкомъ, отъ сосѣдей къ сосѣдямъ“.

Авторъ не берется рѣшать, какъ именно совершалось это заимствованіе, и думаетъ, что могло быть или постоянное обогащеніе запада восточными сказочными матеріалами, или „тутъ нужно вообра-

жать огромную мастерскую отъ Франціи до Монголіи, въ которой ни востокъ, ни западъ не имѣютъ пріоритета".

„Если я относительно нѣкоторыхъ преданій, — говоритъ дальше г. Потанинъ,—высказываюсь за ихъ азіатское происхожденіе прямо и признаю ихъ пересадку изъ Азіи въ Европу, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни разу не указываю на пересадку какого-либо преданія изъ Европы въ Азію, это, разумѣется, не можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что я вообще признаю средне-азіатскую степь за родину средневѣковаго эпоса. Ко многимъ другимъ сюжетамъ я указываю ордынскія параллели, но не настаиваю на прямой преемственности отъ ордынскихъ образцовъ къ европейскимъ; сходство это, однако, указываетъ на единый источникъ для тѣхъ и другихъ. Не приписывая ордынцамъ начала средневѣковаго европейскаго эпоса, я приписываю имъ большую роль въ его пересадкѣ съ востока на западъ".

Вопросъ, который ставитъ г. Потанинъ, во многихъ случаяхъ связывается съ общимъ вопросомъ, до сихъ поръ невыясненнымъ, о происхожденіи и распространеніи сказочныхъ сюжетовъ. И здѣсь опять можетъ представляться недоумѣніе—бывало ли непремѣнно „заимствованіе", и не бывало ли возможно независимое возникновеніе однородныхъ сюжетовъ въ сходныхъ условіяхъ быта и дѣятельности фантазіи? Авторъ во всякомъ случаѣ настаиваетъ на необходимости изученія восточнаго эпоса и даже обвиняетъ современную науку въ недостаточномъ къ нему вниманіи.

„Пренебреженіе ученыхъ къ степнымъ народамъ задерживаетъ развитіе науки. Установленію правильныхъ взглядовъ на роль этихъ варваровъ и на исторію духовно-культурныхъ заимствованій мѣшаютъ наше арійское высокомѣріе, ложная историческая перспектива, вслѣдствіе которой все напоминавшее христіанскіе апокрифы признавалось за по-христіанское, и несмѣлость мышленія, порабощеннаго рутинными взглядами и рутинными вѣрованіями.

„Противъ восточной гипотезы выставлялось серьезное замѣчаніе, что она не опирается на данныя археологіи; предполагалось, что эти данныя не поддерживаютъ гипотезу, но въ послѣднее время въ этой области науки появляются взгляды, благопріятные восточной гипотезѣ" (стр. 856). — Т.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

А., **А.—Басни Крылова, на сценѣ дѣтскаго театра. Од. 99. Стр. 25. Ц. 15 к.**

***Адлеръ*, Ф.—О нравственномъ воспитаніи. Пособіе для учителя. Переводъ И. Д. Городецкаго. М. 99. Стр. 167. Ц. 35 к.**

Барсовъ, Н. И., проф.—Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Спб. 99. Стр. 378.

Березовъ, Ф. А.—Уходъ за стельной коровой. Съ рис. Спб. 1899. Стр. 22. Ц. 20 к.

Берновъ, М. А.—Испанія, Алжиръ и Сахара. Путевые очерки, Съ портретомъ, біографіей автора и 52 иллюстраціями. Спб. 99. Стр. 244. Ц. 1 р.

Вернеръ, Э.—Собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Цѣна по подпискѣ 6 р. Т. I: Разорванныя цѣпи. Заговоръ. Перев. съ нѣм. Е. Б. Стр. 327. М. 1899. Ц. 1 р.

Висковатовъ, В. А.—Какъ люди научились писать. 4-е изд. Од. 99. Ц. 8 к.

Г., Б.—Кратчайшій желѣзнодорожный путь изъ центральной Россіи въ Среднюю Азію. Спб. 99. Стр. 164. Ц. 1 р.

Гиляровъ-Платоновъ, Н. П. — Сборникъ сочиненій. Т. I. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 99. Стр. 479.

Глинка, Ѳ. Ѳ.—Къ вопросу объ улучшеніи положенія земельнаго дворянства. Могилевъ-н.-Дн. 99. Стр. 80. Ц. 66²/₃ коп.

Головинъ, К.—Наша финансовая политика и задачи будущаго. 1887—1898. Спб. 99. Стр. 235. Ц. 2 р.

Гошкевичъ, У. А.—О корняхъ японскаго языка. Вильна. 99. Стр. 109.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. II. Спб. 99. Стр. 492. Ц. 3 р.

Гросье, Эрнстъ.—Происхожденіе искусства, съ 32 рис. и 3 табл. Перев. съ нѣм. А. Груаинскаго. М. 99. Стр. 293. Ц. 1 р. 50 к.

Гроссъ, Карлъ.—Введеніе въ эстетику. Перев. съ нѣм. А. Гуревича, п. р. Л. Сева. Кіевъ. 99. Стр. 311. Ц. 1 р. 50 к.

Гротъ, Я. К.—Труды. Т. II: Филологическія разысканія (1852—1892 гг.). Изд. п. р. проф. К. Я. Грота. Спб. 99. Стр. 938. Ц. 3 р.

Елагинъ, В. Н.—Деревня. Иллюстрированная сельско-хозяйственная справочная книжка. Спб. 99. Стр. 190. Ц. 40 к.

Жбанковъ, Д., и *Яковенко*, Вл.—Тѣлесныя наказанія въ Россіи въ настоящее время. М. 99. Стр. 212. Ц. 80 к.

Жуковская, Н. Ю.—Отчего это она замужъ не выходитъ? Ком. въ 3 д.—На нейтральной почвѣ. Ком. въ 2 д.—Въ гостинницѣ „Бѣлаго Коня". Ком. въ 3 д. Перев. съ нѣм. Спб. 99. Стр. 237. Ц. 1 р.

З—овъ, А. К.—Голоса ночи. Стих. М. 98. Стр. 125. Ц. 40 к.

Зингеръ, Х.—„Пѣсни Сіона". Собраніе стихотвореній. Харьк. 99. Стр. 77. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив.—Изъ западной культуры. Статьи по вопросамъ литературы, философіи, политики, искусства и общественной жизни западной Европы новаго времени. Спб. 99. Стр. 460. Ц. 1 р. 50 к.

Ильинъ, Влад.—Развитіе капитализма въ Россіи. Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности. Спб. 99. Стр. 480. Ц. 2 р. 50 коп.

Каренинъ, Владиміръ.—Жоржъ-Сандъ, ея жизнь и произведенія. 1804—1838 гг. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и неизданныхъ отрывковъ и писемъ Жоржъ-Сандъ. Спб. 99. Стр. 635. Ц. 3 р. 50 к.

Клоссовскій, А.—Матеріалы для климатологіи юго-запада Россіи. Текстъ и карты. Од. 99. Стр. 336 и CIV.

Крюковъ, Н. А.—Данія. Сельское хозяйство въ Даніи, въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Съ картою и 20 рис. Спб. 99. Стр. 327.

Мельниковъ, П. И. (Андрей Печерскій).—Полное собраніе сочиненій. Пер-

вое посмертное полное изданіе, дополненное, свѣренное и вновь просмотрѣнное по рукописямъ. Тт. I—XIV. Спб. 97—98. Ц. 14 руб.

Орловъ, И.—Хозяйственное положеніе и платежныя средства крестьянъ губерній Царства Польскаго. Кѣльцы, 98. Стр. 141.

Перфировъ, П. Ѳ.—Первая любовь. Поэма. Спб. 99. Стр. 30. Ц. 50 к.

Пыпинъ, А. Н.—М. Е. Салтыковъ. Идеализмъ Салтыкова; Журнальная дѣятельность 1863 — 64 гг.; Библіографическая замѣтка. Спб. 1899. Стр. 238. Ц. 1 р. 50 к.

Радцигъ, А. А.—Каменноугольная промышленность всего свѣта. Добыча, потребленіе, цѣны. Спб. 98. Стр. 86. Ц. 75 к.

Растеряевъ, Н.—Таможенныя законоположенія и правила по европейской границѣ, о провозѣ, отпускѣ, досмотрѣ и пр., со включеніемъ карательныхъ статей за нарушеніе таможенныхъ постановленій. Спб. 99. Стр. 293. Ц. 2 р.

Розановъ, В. В.—Религія и культура. Сборникъ статей. Спб. 99. Стр. 264. Ц. 1 р.

Рудольфъ, Игн.—Предстоящіе вѣчные морозы на Земномъ Шарѣ, ихъ причины, послѣдствія и способъ точнаго опредѣленія времени появленія ледниковыхъ эпохъ. Съ 24 чертеж. Спб. 99. Стр. 162. Ц. 1 р. 25 к.

Самборскій, С. И.—Прививка, какъ средство противъ повальнозаразныхъ болѣзней животныхъ. Съ рис. Спб. 99. Стр. 68. Ц. 50 к.

Слоновъ, М. А.—Памяти Пушкина. Зимній вечеръ: „Буря мглою небо кроетъ". Двухголосный хоръ для дѣтскихъ или женскихъ голосовъ съ акомп. фортепіано. М. 99. Ц. 10 к.

——— Слава Пушкину: „Ты памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный". Двухголосный хоръ для женск. или дѣтск. голосовъ. М. 99. Ц. 10 к.

Стеткевичъ, А.—По вопросу о продолженіи среднеазіатской дороги отъ Ташкента на Чимкентъ и Вѣрный. Спб. 99. Стр. 26.

Тимирязевъ, К.—Точно ли человѣчеству грозитъ близкая гибель? Публичная лекція. М. 99. Стр. 47. Ц. 15 к. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая.

Тихомирова, Е. Н.—Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей школьнаго возраста. Младшій возрастъ. 3-е изд. М. 99. Стр. 177. Ц. 25 к.

Тихомировы, Е. и Д.—А. С. Пушкинъ. Чтеніе для школъ и народа. М. 99 Стр. 85. Ц. 10 к.

Трэси, Ф.—Психологія перваго дѣтства. Перев. съ америк. изданія П. Г. Мижуевъ. Спб. 99. Стр. 146. Ц. 80 к.

Умановъ-Каплуновскій, В. В.—Мысли и впечатлѣнія. Сборникъ стихотвореній. Спб. 99. Стр. 284. Ц. 1 р. 25 к.

Фавръ, В. В.—О голодномъ хлѣбѣ 1898 года. Харьк. 99. Стр. 26.

Фетъ, А. А.—Элегіи Проперція. 2-е изд. Спб. 99. Стр. 230. Ц. 1 р.

——— Элегіи Тибулла. Спб. 99. Стр. 104. Ц. 80 к.

Фламмаріонъ, Кам.—Звѣздное небо и его чудеса. Съ вступит. статьей автора къ русскому изданію, его портретомъ, 400 рис., небесными картами и таблицами. Перев. Е. Предтеченскаго. Спб. 99. Стр. 720. Ц. 3 р. 50 к.

Швецовъ, С. П. и *Южневъ*, П. М.—Матеріалы по изслѣдованію крестьянскаго и инородческаго хозяйства въ Томскомъ округѣ. Т. II, вып. 42: Населеніе. Жилище. Землевладѣніе и Землепользованіе. Барнаулъ, 1898. Стр. 138 и 283.

——— Чуйскій торговый путь въ Монголію и его значеніе для горнаго Алтая. Барн. 98. Стр. 76.

Шепелевичъ, Л. Ю.—Наши современники. Историко-лит. очерки. П. Бурже,

Мопассанъ, Родъ, Гауптманъ, Сенкевичъ, Зола. Спб. 99. Стр. 253. Ц. 1 р. 75 коп.

Эсменъ, А.—Основныя начала государственнаго права. Перев. съ франц. Н. Кончевской, п. р. и съ предисл. М. М. Ковалевскаго. М. 1899. Стр. 399. Ц. 1 р.

Combothecra, X. S.—La conception juridique de l'état. Par. 99. Стр. 135. Ц. 6 фр.

Laur, Francis, éd.—La Chine Nouvelle. Revue illustrée. 1-re année. № 1. Par. 99. Стр. 146.

Legras, Jules.—En Sibérie. Ouvrage accompagné d'une carte hors texte et des gravures, d'apr ès des photographies de l'auteur. Par. 99. Стр. 484. Ц. 4 фр.

Nys, Ernst.—Les théories politiques et le droit international en France jusqu' au XVIII siècle. Par. 99. Стр. 204.

Roë, Art.—Mon régiment russe. Par. 99. Стр. 356. Ц. 3 фр. 5 сант.

— Адресъ-Календарь и Справочная Книжка Уфимской губерніи 1899 года. Уфа, 99. Стр. 236. Ц. 1 р.

— Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. 6. Ардатовскій уѣздъ. Н.-Новг. 99. Стр. 209. Ц. 1 р. 50 к.

— Прибавленіе къ всеподданнѣйшему докладу Министра Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, по поѣздкѣ въ Сибирь лѣтомъ 1898 г. Съ 2 карт. Спб. 99. Стр. 154. Прилож. 27 стр.

— Труды Коммиссіи о мѣрахъ къ улучшенію водныхъ путей Россіи. Вып. 1—3. Спб. 99.

— Труды Коммиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ, мѣрахъ борьбы съ нимъ и для выработки нормальнаго устава заведеній для алкоголиковъ. Журналы засѣданій и доклады Русскаго Общества охраненія народнаго здравія. Вып. II. Спб. 99. Стр. 125. Ц. 35 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Léon A. Daudet. Sébastien. Roman contemporain. Paris, 1899. Стр. 388.

Леонъ Додэ продолжаетъ слѣдовать своему отцу и пишетъ бытописательные романы изъ современной французской жизни. Идя далѣе по пути Альфонса Додэ, онъ въ новѣйшемъ романѣ, „Себастіенъ Гувэсъ“, выводитъ на сцену провинціала южанина, пріѣхавшаго въ Парижъ „завоевать міръ“ и случайно, вопреки обычному ходу вещей, одерживающаго побѣду. Но со времени Альфонса Додэ, т.-е. за послѣднія десять лѣтъ, парижскіе нравы измѣнились, или, вѣрнѣе, измѣнились формы стяжательства и легкомыслія, въ которыхъ проявляется болѣе глубокая національная подкладка французской жизни. Когда писалъ Альфонсъ Додэ, центромъ романа необходимо должно было быть любовное приключеніе свѣтской женщины, измѣняющей мужу, и будничныя осложненія ея суетнаго, пустого и хлопотливаго существованія. Все, что можно сказать о психологіи праздности и жажды удовольствія, сказано было, сначала великими мастерами Бальзакомъ и Флоберомъ, а потомъ цѣлымъ рядомъ талантливыхъ романистовъ—Гонкурами, Зола́, Додэ; теперь же однообразно-унылыя приключенія изящной парижанки стали уже какъ бы монополіей писателей, еще сохранившихъ громкое имя, но ушедшихъ въ сторону отъ литературы и не интересующихъ ее,—какъ, напр., Бурже. Молодое поколѣніе французскихъ романистовъ стало искать новыхъ сюжетовъ. Оставаясь въ области современныхъ нравовъ, менѣе всего страшась обличать нравственное легкомысліе своихъ современниковъ и современницъ, съ ихъ безтрепетнымъ исканіемъ ощущеній и развлеченій, романисты этого типа стараются расширить сферу своихъ наблюденій. Вмѣсто празднаго свѣтскаго общества, они изображаютъ средній классъ работниковъ ума, то, что у насъ называется интеллигенціей, съ ея болѣе широкими интересами, направленными и на завоеваніе жизни, и на пользованіе ею. Преимущество этой сферы для романиста заключается въ томъ, что ему приходится изображать не праздность, а живыя человѣческія души во всѣхъ ихъ заблужденіяхъ и упованіяхъ. Въ то время, какъ свѣтскіе герои и героини романовъ Бурже заняты тѣмъ, чтобы убить время, и тѣмъ самымъ являются во-

площеніемъ чего-то мертваго противоположнаго цѣли жизни, кипучія молодыя силы въ романахъ новаго типа создаютъ впечатлѣнія дѣятельнаго и полнаго существованія.

Однимъ изъ первыхъ романистовъ, ставшимъ искать матеріала для наблюденія въ жизни молодыхъ интеллигентовъ, былъ Морисъ Барресъ съ его полу-анархическими, полу-соціальными романами, въ родѣ „Безпочвенниковъ“. Леонъ Додэ, вмѣстѣ съ Анри Беранже и нѣсколькими другими молодыми романистами, идутъ по этому пути. Леонъ Додэ переноситъ читателя въ центръ парижской жизни. Онъ отражаетъ всѣ идейныя увлеченія современнаго общества, вплоть до изображенія въ нѣсколько карикатурномъ видѣ крайностей эстетизма въ романѣ „Les Kamchatka“. Его занимаютъ задачи современной практической науки и жрецы этой науки. Въ „Morticoles“ онъ написалъ очень ѣдкую сатиру противъ медицинскихъ свѣтилъ современной Франціи. Въ новѣйшемъ своемъ романѣ онъ снова возвращается къ изображенію ученой среды и показываетъ, какъ репутаціи большихъ ученыхъ создаются въ Парижѣ эксплутаціей безхарактерныхъ, скромныхъ талантовъ, продающихъ свои силы наглому шарлатанству. Борьба между малыми и большими въ наукѣ и эксплуатація скрытыхъ талантовъ людьми съ громкимъ именемъ—несомнѣнно существующее явленіе въ неустанной борьбѣ за существованіе современнаго Парижа. Драматическое изображеніе такой борьбы — центръ романа Леона Додэ, и это представляетъ очень удачное уклоненіе отъ надоѣвшей темы свѣтской любовной интриги. Современные нравы освѣщены подъ другимъ угломъ. Сфера наблюденій, благодаря этому, расширяется. Типы свѣтскаго общества входятъ въ нее, свѣтскія дамы и праздные фаты играютъ роль въ романѣ, но благодаря тому, что они связаны общими интересами съ обширнымъ міромъ людей мысли—съ одной стороны, и людей активнаго соціальнаго движенія—съ другой стороны, жизнь рисуется не съ точки зрѣнія праздности и необходимости убить время, а какъ напряженное проявленіе всѣхъ силъ души и всѣхъ желаній.

Въ центрѣ романа стоитъ женщина, и своеобразность этого женскаго типа, несомнѣнно созданнаго сложностью современной культуры, составляетъ интересъ романа. Романисты всѣхъ странъ стали изображать типъ такъ-называемой „новой женщины“, которая имѣетъ самостоятельныя потребности духа и сама завоевываетъ для себя жизнь, устраивая ее по своему. Леонъ Додэ хочетъ показать въ героинѣ своего романа, Маріаннѣ Гувэсъ, что и французская жизнь выработала типъ новой самостоятельной женщины, дѣйствующей на свой страхъ и не стѣсненной буржуазными предразсудками прежняго времени. Но при всемъ желаніи автора окружить свою героиню ореоломъ душев-

наго величія, новая женщина въ его изображеніи оказывается чѣмъ-то необычайно страннымъ. Вся ея психологія исходитъ изъ борьбы двухъ началъ: она героиня, безкорыстная, самоотверженная, способная принести въ жертву всю свою жизнь для служенія тому, что̀ она считаетъ правымъ, — въ данномъ случаѣ для того, чтобы могъ проявиться геній ея отца, великаго, но чрезвычайно непрактичнаго въ жизни ученаго. Но за этимъ благороднымъ порывомъ великодушной дѣвушки не видно того, что̀ есть самое важное,—самостоятельнаго пониманія добра и зла, слѣдуя которому она бы не унижала себя на каждомъ шагу. Въ своихъ поступкахъ Маріанна идетъ противъ обычныхъ представленій о дозволенномъ для женщины и навлекаетъ на себя осужденіе общества и даже самыхъ близкихъ людей. Но это было бы психологически интереснымъ и понятнымъ, если бы она при этомъ находилась въ гармоніи со своимъ собственнымъ пониманіемъ должнаго, еслибы она не презирала себя, стараясь въ то же время оправдать свои поступки своими цѣлями. Преступленіе человѣка противъ себя самое ужасное, и смѣлые поступки Маріанны, при крайне буржуазномъ понятіи о долгѣ, дѣлаютъ Маріанну тѣмъ, чѣмъ она опредѣляетъ сама себя въ концѣ романа—„полу-героиней, которая не прошла черезъ школу добродѣтели“. Она не знаетъ, какой именно добродѣтели ей недоставало, но читатель ясно видитъ: Маріанна самостоятельна и смѣла въ поступкахъ, но не въ мысляхъ. Въ ней нѣтъ никакой свободы, и вотъ почему она ничего не доказываетъ своимъ поведеніемъ. Цѣль, къ которой она стремилась, достигнута. Подвигъ самоуниженія свершенъ не даромъ, но это не торжество ея духа. Она—жертва, а не воительница. Нельзя поэтому считать, что Маріанна отвѣчаетъ какому-то новому идеалу, что это новая женщина, или новый человѣкъ, созданный измѣнившимися понятіями о нравственности. Но, за отсутствіемъ идейнаго значенія, типъ Маріанны интересенъ психологически, какъ выраженіе чисто французскаго разлада въ душѣ, инстинктивно направленной на добро, но порабощенной безнадежнымъ мракомъ традиціонныхъ понятій.

Фабула романа заключается въ исторіи геніальнаго ученаго, Себастіана Гувэса, южанина, увлекающагося и непрактичнаго, какъ всѣ взрощенныя южнымъ солнцемъ натуры. Гувэсъ былъ скромнымъ профессоромъ въ Монпелье, но его открытія въ области физіологіи и бактеріологіи сильно заинтересовали ученый міръ. У него голова полна другой, болѣе обширной идеи, которая должна составить эпоху въ наукѣ; но у него нѣтъ ни времени, ни средствъ отдаться разработкѣ своей идеи, потому что надо заниматься медицинской практикой и кое-какъ кормить семью. О немъ узнаетъ знаменитый парижскій профессоръ, Эфраимъ Мерсье, и намѣчаетъ его, какъ свою

жертву. Онъ приглашаетъ его въ Парижъ на жалованье, которое кажется огромнымъ увлекающемуся южанину, предоставляетъ ему лабораторію для общихъ работъ, съ твердымъ намѣреніемъ, конечно, эксплуатировать добродушнаго непрактичнаго ученаго и подписываться подъ всѣми открытіями, которыя онъ сдѣлаетъ. Самъ Гувэсъ несомнѣнно попался бы на его удочку, но у него есть энергичная и самоотверженная помощница, его красавица дочь, Маріанна. Всѣ помыслы дѣвушки сосредоточены на любви къ отцу. Она унаслѣдовала отъ него только широту желаній. Она мечтаетъ о блескѣ и славѣ,— но только для отца. У нея страстная душа, и она очень рано начала понимать обаяніе своей красоты на окружающихъ. Она давно рѣшила, что будетъ пользоваться всѣми своими силами, и главное, своей красотой для того, чтобы облегчить жизнь отца, и для того, чтобы сила его генія не пропала для человѣчества. Сначала, въ провинціи, она думала, что это просто устроится, что она выйдетъ богато замужъ и обезпечитъ отцу возможность работать безъ всякихъ матеріальныхъ заботъ. Но ея первый, полу-дѣтскій романъ неудаченъ. Человѣкъ, котораго она любила, и который могъ бы устроить безбѣдную жизнь отцу, отступился отъ нея ради какой-то богатой наслѣдницы. Въ Парижъ Маріанна пріѣзжаетъ уже ополченная, готовая къ борьбѣ. Съ первыхъ шаговъ она начинаетъ не довѣрять, понимаетъ опасность условія, заключеннаго Гувэсомъ съ Мерсье, въ которомъ пылкій южанинъ видитъ пока своего благодѣтеля. Маріанна съ первыхъ шаговъ считаетъ необходимымъ заручиться вліятельными друзьями, и, къ удивленію преданнаго ей друга-художника, къ удивленію влюбленнаго въ нее юноши, благосклонно относится къ пошловатымъ ухаживаніямъ старика-сановника. Когда положеніе дѣлъ выясняется, когда цѣли Мерсье становятся очевидными, и оказывается, что ловкій шарлатанъ окружилъ Гувэса шпіонами, Маріанна все болѣе и болѣе настойчиво рѣшается спасти славу и жизнь отца, чего бы это ни стоило. Ей противна порочная свѣтская среда, которую она встрѣчаетъ въ домѣ шарлатана Мерсье. Она съ ужасомъ рветъ сношенія съ одной изъ вліятельныхъ дамъ этого кружка, испугавшись ея странной дружбы. У нея остается мало помощниковъ для борьбы за славу отца, и тогда она рѣшается на роковой для нея шагъ. Положеніе дѣла отчаянное. Друзья Гувэса и онъ самъ убѣдились, что приставленный къ нему въ лабораторіи помощникъ—шпіонъ, что у Гувэса выкрадены всѣ матеріалы для его завѣтнаго труда, и что несомнѣнно открытіе, которымъ онъ хочетъ поразить міръ, появится на предстоящемъ медицинскомъ конгрессѣ, но появится за подписью Мерсье. Уже одинъ трудъ Гувэса, его изслѣдованіе о лихорадкѣ, Мерсье открыто объявляетъ своимъ и имѣетъ смѣлость призвать къ себѣ своего

помощника Гувэса, выразить ему благодарность за лабораторную помощь, говорить о надбавкѣ жалованья и предупредить о томъ, что на конгрессѣ онъ будетъ читать свой трактатъ о лихорадкѣ. Гувэсъ, растерянный столь неожиданнымъ крушеніемъ всѣхъ своихъ надеждъ, готовъ пожертвовать явно украденнымъ у него трудомъ, чтобы только спасти свое главное открытіе. Но слава Мерсье такъ велика, его положеніе въ ученомъ мірѣ такъ твердо, а Гувэсъ, его скромный помощникъ, такъ мало извѣстенъ, что борьба почти безнадежна.

Тогда Маріанна отправляется подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ къ Годюлю, влюбленному въ нее пожилому сановнику, и открыто говоритъ о положеніи отца, о необходимости спасти его изъ рукъ Мерсье, и даетъ понять, что готова заплатить за помощь сенатора собою. Смѣлая откровенность дѣвушки трогаетъ сенатора, и онъ въ самомъ дѣлѣ весь отдается спасенію славы Гувэса. Рѣшено напечатать быстро и тайно работу Гувэса прежде, чѣмъ Мерсье успѣетъ выдать ее за свою, и тогда на конгрессѣ выяснится шарлатанство Мерсье. Сановникъ употребляетъ все свое вліяніе, и тайно отъ Гувэса употребляетъ всѣ нужныя для этого средства, чтобы дать восторжествовать жертвѣ ловкаго шарлатана. Но, конечно, онъ не можетъ довести свое великодушіе до того, чтобы не воспользоваться благодарностью обратившейся къ нему красавицы-дѣвушки. Онъ говоритъ ей о любви и страннымъ образомъ увлекаетъ ее, такъ что въ своемъ паденіи дѣвушка не имѣетъ даже того утѣшенія, что она только принесла себя въ жертву отцу. Ей кажется, что въ завязавшемся романѣ съ пожилымъ сановникомъ проявилась непонятная и ненавистная ей самой черта ея натуры. Но минутное увлеченіе, если оно и было, проходитъ, и несмотря на то, что цѣль достигнута, честь отца спасена, Маріанна глубоко несчастна. Ей приходится испытать много внѣшняго униженія, покровительство сановника не остается тайнымъ, и до самого Гувэса доходятъ анонимныя разоблаченія, касающіяся его дочери. Но Маріаннѣ удается каждый разъ разсѣять подозрѣнія отца, и чтобы вполнѣ его успокоить, она рѣшается принять предложеніе его любимаго ученика, долгіе годы влюбленнаго въ Маріанну. Матеріальное положеніе молодого ученаго тоже стало достойнымъ Маріанны, благодаря скрытымъ благодѣяніямъ эксцентричнаго американца, влюбленнаго въ Маріанну. Но тутъ начинается борьба въ душѣ Маріанны, вполнѣ противорѣчащая представленію о ней, какъ о свободной и смѣлой душѣ. Она считаетъ себя виноватой, и Годюль, ея престарѣлый возлюбленный, тоже понимаетъ, что она унижена своимъ поступкомъ, и что нужно все это исправить. Они оба рѣшаютъ порвать связь и рѣшаютъ сообща, что она объяснитъ молодому, влюбленному въ нее ученому все, что̀ произошло, и если онъ „проститъ“ ее, то она ста-

нетъ его невѣстой. Такъ Маріанна и поступаетъ, и молодой ученый въ самомъ дѣлѣ „прощаетъ" ее. Этотъ вопросъ о винѣ и прощеніи вноситъ необычайную узость въ психологическій замыселъ романа. Маріанна, на минуту захотѣвшая свободно располагать собою, сразу погружается въ бездну французскихъ буржуазныхъ представленій. Она понимаетъ, наблюдая за своимъ женихомъ во время торжественнаго банкета въ честь Гувэса, что онъ въ душѣ еще не примирился, и поэтому предлагаетъ ему отсрочить на нѣсколько времени ихъ бракъ, чтобы уничтожить слѣды всякихъ сомнѣній и колебаній, на что женихъ ея соглашается. Романъ заканчивается перспективой брака Маріанны въ будущемъ, и предвидится, что, совершивъ подвигъ самоотверженія, она снова войдетъ въ міръ условно-буржуазной добродѣтели и будетъ вести счастливую жизнь.

Такъ заканчивается душевная борьба „новой женщины" французскаго типа. Въ ней не оказывается самостоятельныхъ рѣшеній, она допускаетъ судъ надъ собой своего жениха, и сама себя судитъ тѣми понятіями, которыя она попирала, рѣшая во что бы то ни стало возсоздать славу отца. Въ данномъ случаѣ, раскаяніе не совсѣмъ понятно. Если человѣкъ съ корыстной цѣлью дѣйствовалъ противъ себя, т.-е. убивалъ въ себѣ высшія побужденія, то раскаяніе его возвышаетъ и служитъ искупленіемъ, указывающимъ, что, безсильный въ поступкахъ, онъ все-таки стремится въ идеалѣ къ тому, что̀ считаетъ добромъ. Если же, напротивъ того, человѣкъ дѣйствовалъ изъ лучшихъ побужденій, ради того, что̀ онъ считаетъ правымъ, то раскаяніе и, главное, подчиненіе себя суду условной добродѣтели есть несомнѣнный шагъ назадъ — отсутствіе свободы и смѣлости, т.-е. того, что̀ составляетъ красоту человѣческихъ поступковъ.

II

Gabriele d'Annunzio. La Gioconda. (Tragedia). Milano. 1899, стр. 220.

Габріэль д'Аннунціо въ своихъ драмахъ отступаетъ отъ обычныхъ правилъ драматическаго творчества. Насколько въ своихъ романахъ онъ—вѣрный, иногда даже до подражательности вѣрный, послѣдователь французскихъ романистовъ, отъ Флобера до Бурже включительно, настолько въ стихахъ и въ драмахъ онъ самобытенъ и отличается отъ своихъ французскихъ учителей и вдохновителей чисто-итальянской чертой—глубокой страстностью, соединенной съ утонченной нѣжностью. Этими чертами онъ напоминаетъ поэтовъ и живописцевъ поры ранняго итальянскаго возрожденія. Соотечественники д'Аннун-

ціо ставятъ его поэзію выше его романовъ. Любовь къ красотѣ у него не теоретическое увлеченіе, не предлогъ для творчества, а живая сила. Когда въ своихъ романахъ онъ занятъ болѣе сложной психологіей и рисуетъ утонченныхъ людей конца вѣка, пресыщенныхъ культурой, съ раздвоенной душой, съ двойственными настроеніями, онъ далеко не въ своемъ элементѣ, и пользуется для объясненія своихъ героевъ и героинь отчасти литературными воспоминаніями, отчасти своей чуткостью къ настроеніямъ своего времени. Вотъ психологическая основа его заимствованій, которыя даже привели къ несправедливымъ обвиненіямъ его въ плагіатѣ.

Но поэтъ и драматургъ д'Аннунціо—нѣчто совершенно другое. Въ поэзіи онъ воспѣваетъ нѣжность; въ драмахъ, короткихъ, душныхъ, какъ бы отравленныхъ ядовитымъ ароматомъ южныхъ цвѣтовъ, онъ рисуетъ грозную разрушительную силу красоты и любви. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, онъ говоритъ о любви съ глубокой вѣрой, съ искреннимъ благочестіемъ; драмы его становятся своего рода мистеріями, чисто современными по духу и, повторяемъ, возможными только потому, что онѣ исходятъ изъ души южнаго поэта, для котораго страстное поклоненіе красотѣ есть какъ бы религіозный культъ.

Въ прежнихъ своихъ драмахъ, д'Аннунціо болѣе лирическими, чѣмъ драматическими способами рисовалъ безуміе и смерть, связанныя съ любовью. Въ новѣйшей драмѣ, или, какъ онъ ее называетъ, трагедіи „Gioconda", замыселъ болѣе спокойный, но столь же трагичный. „Джіоконда" свидѣтельствуетъ о религіозномъ преклоненіи предъ чувствомъ любви, какъ единственной святыней, которая требуетъ не-человѣческихъ жертвъ и покорности даже тогда, когда созидаетъ счастье и когда разрушаетъ жизнь. Грозная разрушительная сила любви и тихая покорность этой разрушительной силѣ—составляютъ основную идею трагедіи. Если центромъ драматическаго дѣйствія должна быть непремѣнно борьба, то пьесу д'Аннунціо нельзя назвать драмой. Но если художникъ свободенъ какими угодно средствами возсоздавать безъисходность противорѣчивыхъ чувствъ и представить такимъ образомъ трагизмъ жизни, то д'Аннунціо достигаетъ этой цѣли въ „Джіокондѣ". Героиня его драмы,—она же и жертва рока,—лишь до тѣхъ поръ противится разрушительной силѣ любви, пока не проникается пониманіемъ ея. Ставъ лицомъ къ лицу съ источникомъ своихъ страданій — съ воплощеніемъ красоты, она вдругъ видитъ за величіемъ счастья любви болѣе высокій и сокровенный даръ любви—силу необъятныхъ безконечныхъ жертвъ; и она преклоняется передъ любовью во всемъ ея объемѣ, включающемъ вершины страданія и утратъ.

Драма д'Аннунціо—не трагедія въ обычномъ смыслѣ слова. Это,

какъ и его прежнія пьесы, мистерія, т.-е. передача трагической основы жизни въ зрѣлищѣ, исключающемъ борьбу во имя покорности передъ грознымъ божествомъ. Д'Аннунціо вдохновляется въ „Джіокондѣ" сюжетомъ, взятымъ изъ эпической поэмы. Въ концѣ драмы приведено мѣсто изъ „Иліады", которое, если не по сюжету, то по смыслу, вполнѣ соотвѣтствуетъ пониманію любви, какъ грознаго божества, которому однако также нужно подчиняться, какъ еслибы оно приносило величайшую радость, ибо скорбь и радость слиты въ сознаніи высшей необходимости. Д'Аннунціо приводитъ извѣстное мѣсто изъ третьей пѣсни „Иліады" о томъ, какъ Елена показывается старцамъ у Скейскихъ воротъ, и они признаютъ вполнѣ *справедливымъ*, чтобы изъ-за такой красоты жители Трои и жители Греціи перенесли величайшія страданія, ибо красота Елены въ своемъ совершенствѣ— воплощеніе безсмертной божественной идеи.

Д'Аннунціо хочетъ показать въ своей трагедіи, что святыня красоты такъ же неизмѣнно царитъ въ душѣ современнаго человѣка, какъ и въ древнемъ мірѣ, и ея грозная сила такъ же находитъ теперь, какъ и прежде, оправданіе въ присущемъ человѣку вѣчномъ тяготѣніи къ воплощенію красоты. Создается гармонія даже изъ великихъ страданій, причиненныхъ вѣчнымъ божествомъ, и въ этой гармоніи—ихъ оправданіе. Свой отвлеченный замыселъ д'Аннунціо воплощаетъ, какъ всегда, въ образахъ южной красоты, сливая жизнь людей съ жизнью природы, сочетая драматизмъ рѣчей съ лирическими описаніями мѣста дѣйствія, лицъ и движеній дѣйствующихъ лицъ. Съ легкой руки Гауптмана, въ современныхъ драмахъ такъ-называемыя сценическія указанія перестали быть предназначенными только для режиссера, а стали частью художественнаго произведенія, дѣлая автора участникомъ того, что̀ описывается въ драмѣ, и составляя лирическій элементъ произведенія. При самомъ представленіи, конечно, эта сторона драмъ пропадаетъ, но въ чтеніи она въ значительной степени содѣйствуетъ общему впечатлѣнію. Въ драмѣ д'Аннунціо особенно хороши эти прерывающія дѣйствіе описанія флорентійской природы, а также портреты дѣйствующихъ лицъ въ различные моменты душевныхъ потрясеній. Разрушительная сила любви представлена въ соперничествѣ двухъ женщинъ, изъ которыхъ каждая воплощаетъ собой одну сторону въ жизни художника. Лючіо Сеттала—скульпторъ. Онъ любитъ свою жену Сильвію, какъ любятъ жизнь и все, что̀ связано съ жизнью, семью, тихія привычки домашняго очага, мирное теченіе времени, отсутствіе порывовъ и тревожныхъ стремленій. Но стремленіе къ творчеству будитъ въ немъ влеченіе къ иной, болѣе грозной силѣ. Жажда создавать все новыя и новыя формы влечетъ его къ женщинѣ, которая служила ему моделью для статуи сфинкса. Онъ забы-

ваетъ о Сильвіи, полюбивъ Джіоконду, властную, неуловимую въ своихъ желаніяхъ, требующую нарушенія всѣхъ узъ, разрушенія всего, что̀ составляетъ спокойствіе жизни. Она какъ бы воплощаетъ собой вѣчную тревогу творчества, не знающую удовлетвореній, живущую только надеждами и безпощадно губящую все, уже достигнутое. Изъ любви къ Джіокондѣ Лючіо рѣшается на самоубійство. Какъ художникъ, онъ не вѣритъ въ возможность осуществить свой высокій замыселъ, и кромѣ того жизнь ему тягостна: онъ слишкомъ сильно полюбилъ Джіоконду, считая ее недостижимой, какъ та красота, которую не могутъ воплотить въ мраморѣ его слабые пальцы. Но попытка къ самоубійству была неудачна. Лючіо спасенъ, благодаря заботамъ его жены и ея сестры. Онъ выздоравливаетъ; свою страсть къ Джіокондѣ онъ считаетъ безуміемъ. Грозная женщина исчезла изъ его жизни, и онъ такъ же, какъ Сильвія и ея семья, надѣется, что дни испытанія прошли, что они снова заживутъ прежней счастливой жизнью среди спокойной работы и тихихъ радостей. Но красота не можетъ исчезнуть изъ жизни художника, не можетъ быть мимолетнымъ видѣніемъ въ его существованіи. Какъ только онъ выздоровѣлъ, въ немъ просыпается то, что̀ онъ прежде называлъ безуміемъ. Снова красота подступаетъ къ нему съ прежними властными требованіями. Джіоконда посылаетъ ему письмо, назначая свиданіе въ мастерской, тамъ, гдѣ стоитъ неоконченная статуя, и гдѣ она, Джіоконда, была всегда владычицей его думъ и его чувствъ. Но жена Лючіо, Сильвія, узнаетъ о новомъ посягательствѣ Джіоконды на счастье и жизнь Лючіо. Во имя душевнаго спокойствія своего мужа, Сильвія рѣшается вступиться за свои права, встрѣтиться съ соперницей и убѣдить ее, что она не имѣетъ права вторично убивать едва спасеннаго отъ смерти художника. Центральное мѣсто драмы—встрѣча двухъ женщинъ въ мастерской Лючіо. Джіоконда приходитъ туда, думая встрѣтить покорнаго ей возлюбленнаго, но вмѣсто него встрѣчаетъ его жену. Два начала жизни съ ихъ противорѣчивыми требованіями сталкиваются въ спорѣ двухъ женщинъ за то, что̀ каждая изъ нихъ считаетъ своимъ правомъ. Сильвія краснорѣчива. Она вся—воплощеніе доброты, преданности, и въ сознаніи своей правоты громитъ вторгнувшуюся въ ея мирную жизнь разрушительницу. Но Джіоконда Діанти отвѣчаетъ ей спокойно и тихо. Она относится къ ней не какъ врагъ. Грустно и тихо она старается убѣдить Сильвію, что если одна изъ нихъ не на своемъ мѣстѣ въ мастерской художника, т.-е. въ святынѣ его души, то это она, Сильвія, осуждающая его на бездѣйствіе и покой; Джіоконда, напротивъ того, вдохновляетъ его къ творчеству, создавая въ его душѣ безконечный рядъ видѣній красоты. „Природа послала меня къ нему, чтобы открыть предъ нимъ его призваніе, и

служить ему. Я покорна, и теперь снова жду его, чтобы снова служить ему. Когда онъ войдетъ сюда, онъ сможетъ начать свою прерванную работу". Сильвія внутренно уже сдалась на убѣжденія Джіоконды; она поняла неумолимыя требованія красоты и искусства. Но въ ней еще въ послѣдній разъ возстаетъ личное чувство; она хочетъ спасти счастье семьи, даже принеся въ жертву душу своего мужа. Она рѣшается на ложь и говоритъ Джіокондѣ, что пришла сюда по требованію Лючіо: онъ не хочетъ больше быть рабомъ любви и проситъ Джіоконду забыть его, какъ и онъ забылъ прошлое безуміе. Джіоконда возмущена его паденіемъ: „Какъ вы довели его до этого?— восклицаетъ она:—ваши мягкія руки излечили его раны, но и душу его превратили въ ничто. Теперь все кончено для него, онъ сталъ ненужною тряпкой. Бѣдный! Почему онъ лучше не умеръ? Зачѣмъ онъ пережилъ смерть своей души? Теперь все кончено. Онъ больше не подниметъ чела, и взоръ его потухъ навсегда... Я была его силой, его юностью, его свѣтомъ, и кровь, которую онъ влилъ сюда, въ эту статую, была послѣдней кровью его юности. А та, которую вы снова влили въ его сердце, лишена и пламени, и силы". Въ порывѣ негодованія Джіоконда подбѣгаетъ къ нишѣ, въ которой скрыта за тяжелымъ занавѣсомъ статуя, и опрокидываетъ ее. Тогда у Сильвіи пробуждается полное сознаніе истиннаго долга любви. Она поняла, что Джіоконда права, и что творчество художника имѣетъ священныя права. Она бросается защищать падающую статую, которая всей своей тяжестью обрушивается на ея руки. Статуя спасена, но Сильвія лишилась рукъ. Тѣ руки, которыми она врачевала рану мужа, принесены теперь въ жертву для спасенія его художественнаго призванія.

Послѣдній актъ драмы рисуетъ полное примиреніе Сильвіи съ губительной силой любви, обрушившейся на нее. Обезображенная, лишенная рукъ, она живетъ среди сельской тиши вмѣстѣ съ сестрой, слушаетъ пѣсни полудикой дѣвочки, чувствуетъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, природу, и переноситъ свое несчастіе съ кротостью. Лючіо оставилъ ее, вѣрный влеченіямъ своего творческаго духа, и теперь она съ нимъ согласна. Она поняла грозную силу любви и смирилась. Нужно, чтобы было нарушено его прежнее спокойствіе; нужно, чтобы, жалѣя ее, онъ все-таки покорился власти торжествующей красоты; нужно, чтобы цѣной величайшихъ мукъ она спасла то, что̀ было самымъ великимъ въ его жизни, и чтобы одинокая, изуродованная и обреченная на жизнь безъисходныхъ мученій, она была живымъ доказательствомъ грозной силы красоты, которая все разрушаетъ для вѣчныхъ созиданій. Сильвія скрываетъ сначала свое несчастіе отъ маленькой дочери, которая пріѣзжаетъ къ ней въ ея уединеніе. Но

несчастіе становится очевиднымъ, и тогда среди слезъ и порывовъ нѣжности свершается печальная гармонія любви, покорившейся всевластной красотѣ.

III.

Robert de Souza. La Poésie Populaire et le Lyrisme Sentimental. Paris, 1899. Стр. 201.

Въ сжатомъ очеркѣ, посвященномъ новѣйшей французской поэзіи, молодой французскій критикъ, Робе́ръ де-Суза, высказываетъ интересныя мысли объ общемъ характерѣ новой французской поэзіи. Онъ занятъ не столько критикой сравнительныхъ достоинствъ поэтовъ, какъ объясненіемъ того, что̀ въ нихъ есть новаго, сравнительно съ прежними эпохами французскаго поэтическаго творчества. Робе́ръ де-Суза самъ называетъ свою книгу опытомъ положительной критики, и противопоставляетъ ее критикѣ отрицательной. Большинство критиковъ исходитъ изъ отвлеченнаго представленія объ идеальномъ поэтѣ, и, подступая къ изученію современныхъ поэтовъ, прежде всего они говорятъ объ отсутствіи такого идеальнаго поэта, творца несомнѣнныхъ шедёвровъ. Робе́ръ де-Суза совершенно справедливо замѣчаетъ, что при такомъ отношеніи, т.-е. при исканіи несуществующаго совершенства, не можетъ быть вѣрнаго пониманія того, что̀ даетъ современная дѣйствительность. Совсѣмъ другія задачи ставитъ себѣ положительная критика. Она плодотворна тѣмъ, что отстраняется, уступая мѣсто самимъ художественнымъ произведеніямъ. Она даетъ имъ возможность вполнѣ проявлять себя. Задача ея заключается въ томъ, чтобы какъ можно ярче освѣтить намѣреніе автора, не навязывая ему ничего своего. Положительная критика указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на тѣ нити, которыя связываютъ между собой произведенія одной и той же— или различныхъ эпохъ, выдѣляя основную мысль и показывая, какъ она проявляется и создаетъ всевозможные оттѣнки и кажущіяся отклоненія.

Подступая въ качествѣ положительнаго критика къ изученію новѣйшей французской поэзіи, Робе́ръ де-Суза отмѣчаетъ одну очень характерную черту, на которую до него почти никто не указывалъ до сихъ поръ. Отличительная черта новой поэзіи, составляющая ея существенное различіе отъ прежней, заключается, по словамъ молодого критика, въ коренномъ различіи самого источника вдохновенія. Прежняя французская поэзія, не исключая такихъ величинъ, какъ Викторъ Гюго, Ламартинъ, была интеллектуальнаго происхожденія. Это прежде всего риторика, имѣющая въ виду красивое облеченіе чувствъ и настроеній въ слова и формы. Поэзія обращалась къ уму

и являлась преимущественно игрой культурной мысли. Главный элементъ ея состоитъ въ изложенiи мысли, въ развитiи посредствомъ образовъ и оборотовъ рѣчи общихъ чувствъ, дающихъ пищу анализирующему разуму. Новѣйшая поэзія направлена не столько на умъ, какъ на чувство, и противопоставляетъ академической многорѣчивости, отдѣланности и теоретическому характеру прежней поэзіи—сжатость, непосредственность, наивность и чуткость настроеній. Брюнетьеръ доказывалъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ объ эволюціи въ поэзіи, что новѣйшая лирическая поэзія во Франціи смѣнила собой ораторское искусство классической эпохи; это совершенно справедливо относительно французской поэзіи XVIII и XIX вв., вплоть до новѣйшаго времени. Но тѣ поэты, о которыхъ говоритъ Робéръ де-Суза, какъ о представителяхъ новѣйшаго поэтическаго творчества во Франціи, связаны не съ ораторскимъ искусствомъ, а съ другимъ источникомъ поэзіи—съ народной пѣсней. Вотъ отличительная черта, на которую указываетъ авторъ. Никогда поэты не изучали такъ усердно и такъ любовно не собирали народную поэзію всѣхъ уголковъ Франціи, какъ въ послѣдніе годы. Результаты этого единенія съ первоисточникомъ народнаго творчества сказались въ замѣтномъ оживленіи поэзіи, въ томъ, что она стала мелодичной, гибкой и полной настроенія, послѣ того, какъ долгое время исчерпывалась болѣе или менѣе краснорѣчивой амплификаціей общихъ чувствъ.

Робéръ де-Суза даетъ очень интересное опредѣленіе народной поэзіи и ея отличительныхъ чертъ. „Конечно,—говоритъ онъ,—не нужно смѣшивать народную поэзію съ пѣснями Беранже и Пьера Дюпона, также какъ и съ пасторалями Ламартина. Нельзя смѣшивать стихотворенія на народные мотивы съ непосредственностью народной поэзіи въ чистомъ видѣ. Народная поэзія обладаетъ и другими чертами, кромѣ точности, простоты и наивности, на которыя исключительно указываютъ, говоря о ней. Она поражаетъ прежде всего изумительной стремительностью настроеній. Народная поэзія близка къ непосредственному крику отъ испытаннаго ощущенія. Радость или печаль, несчастіе или блаженство, или даже среднее состояніе грусти и нѣжности—выливаются у нея рѣзко, безъ всякихъ градацій. Различныя чувства, образы и внѣшнія проявленія чувствъ слѣдуютъ одно за другимъ прыжками, безъ переходовъ, безъ объясненій. Напоръ страсти выражается неполными фразами, исчезаютъ слова, пропускаются ненужныя части рѣчи, и, напротивъ того, повторяются постоянно одни и тѣ же характерныя выраженія и опредѣленія, безъ всякой заботы о риѳмѣ, о размѣрѣ, который то удлинняется, то укорачивается, или обрывается, слѣдуя развитію лирическаго настроенія“.

Критикъ отмѣчаетъ внутреннее различіе этой свободной лириче-

ской поэзіи, создаваемой народомъ, отъ классическаго идеала латинской поэзіи. Онъ объясняетъ этимъ, почему съ такимъ трудомъ привилась во французской литературѣ народная поэзія, даже тогда, когда поэты обнаруживали искреннее стремленіе идти по ея слѣдамъ. Жанъ Ришпенъ—одинъ изъ тѣхъ современныхъ поэтовъ, который наиболѣе старался сочетать идеалы классической поэзіи съ духомъ народнаго творчества. Онъ не хотѣлъ, или не могъ, примкнуть къ одному изъ этихъ двухъ теченій, а стремился именно къ сочетанію ихъ, вслѣдствіе чего его поэзія является скорѣе искусственной. Въ знаменитыхъ „Chansons des Gueux“, Ришпенъ вдохновляется несомнѣнно народными настроеніями, также какъ и въ „Blasphèmes“, и въ „La Mer“. Но онъ передаетъ только внѣшній характеръ народнаго творчества и остается столь близкимъ къ традиціямъ академическаго стиха, что тихая нѣжность и даже сантиментальность сельской жизни совершенно исчезаютъ въ его виртуозныхъ напѣвахъ и гибкихъ стихахъ. Въ нихъ сохранена форма народнаго стиха, но совершенно исчезло вдохновеніе. То же относится и къ другимъ поэтамъ школы Ришпена, какъ, напримѣръ, къ извѣстному Іегану Риктусу (Iehan Rictus), автору „Les Soliloques d'un Pauvre“. Серію поэтовъ, близкихъ къ непосредственности народнаго творчества, Роберъ де-Суза начинаетъ съ Габріэля Викера, извѣстнаго автора „Au bois joli“, „Le Clos des Fées“ и др., гдѣ воспѣвается свѣжесть лѣсовъ, простая сельская любовь и наивныя печали простыхъ сердецъ. Но и въ Г. Викерѣ критикъ находитъ слишкомъ много академическихъ переживаній, чтобы видѣть въ его стихахъ возрожденіе народной лирики. Первый истинный представитель обновленнаго лиризма—Поль Верлэнъ. Критикъ показываетъ, до чего Верлэнъ близокъ къ духу народной поэзіи, даже не содержаніемъ, а основными настроеніями своей поэзіи. Въ стихахъ его мало сельской природы, онъ говоритъ почти исключительно о городѣ, о настроеніяхъ, связанныхъ съ переживаніями сложной городской жизни. А между тѣмъ, каждый его стихъ напоминаетъ лучшіе образцы народнаго творчества по самой манерѣ передачи. Самая характерная черта народной пѣсни—ея напряженность, отсутствіе всякихъ лишнихъ описаній, которыя неминуемо ослабляютъ впечатлѣніе. Въ народной поэзіи почти совершенно отсутствуютъ объективные описательные эпитеты. Все направлено на переживаемое въ данный моментъ чувство. И никто изъ современныхъ поэтовъ не отразилъ такъ полно эту черту и не обнаружилъ, благодаря этому, такую глубину внутренняго лиризма, какъ Верлэнъ. Критикъ приводитъ нѣсколько лучшихъ стихотвореній Верлэна въ родѣ, напр., его извѣстной пѣсни: „Un grand Sommeil noir tombe sur ma vie“... „Je suis un berceau,—qu'une main balance“, и т. д.

У него есть одно только опредѣленіе описательное: „*черный* сонъ“ рисуетъ, какъ спускается ночь надъ душой, понемногу теряющей сознаніе бытія. Подъ звуки колыбельной пѣсни, душа понемногу переходитъ въ пустоту и возвращается къ младенчеству, приближаясь къ послѣднему молчанію. Помимо этого преобладанія внутреннихъ чувствованій надъ внѣшними, объективными подробностями, Верлэнъ близокъ къ народному лирическому духу еще одной чертой. Оставаясь въ сферѣ личныхъ чувствъ, не создавая никакихъ фикцій, онъ прежде всего проникнутъ смиреніемъ. Онъ не грозитъ небу, подобно поэтамъ, которые считаютъ небо виновнымъ въ своихъ личныхъ невзгодахъ. Онъ даже не считаетъ свои печали обособленными, и вслѣдствіе этого въ стихахъ его мало фактическаго содержанія. Поэзія его почти анонимная, что ее особенно близко роднитъ съ духомъ народнаго творчества. Одни страданія выступаютъ въ его стихахъ и дѣлаютъ ихъ чисто человѣчными, такими же, какъ народныя пѣсни. А тонкость оттѣнковъ въ стихахъ Верлэна обусловливается сосредоточенностью чувства и тѣмъ, что внѣшняя природа неразрывно связана въ его стихахъ съ настроеніями души.

Говоря о нѣкоторыхъ преемникахъ Верлэна, Робéръ де-Суза показываетъ, какъ новѣйшая поэзія овладѣла всѣми средствами наивныхъ народныхъ мелодій, пользуясь ими для того, чтобы внести нѣжность и пѣвучесть во французскую поэзію, страдавшую избыткомъ прозаическаго краснорѣчія. Говоря о стихахъ Камиля Моклера, Тристана Клингсора, Макса Эльскампа, пѣвца фламандской сельской поэзіи, и другихъ, критикъ приводитъ нѣсколько примѣровъ мелодичныхъ и простыхъ стиховъ. Попутно онъ, однако, нѣсколькими критическими замѣчаніями выдѣляетъ изъ числа новыхъ поэтовъ фальшивыхъ подражателей народному творчеству. Такъ, напр., Жана Мореаса, виртуознаго сочинителя балладъ и романсовъ въ старо-французскомъ духѣ, онъ считаетъ риторическимъ подражателемъ Верлэна и доказываетъ, что онъ очень далекъ отъ всякой непосредственности.

Говоря о томъ, что новѣйшая французская поэзія возродила народную пѣснь, Робéръ де-Суза останавливается на одномъ изъ самыхъ видныхъ представителей этого рода творчества—Морисѣ Метерлинкѣ. Онъ имѣетъ въ виду не столько его драмы, какъ его пѣсни, собранныя въ сборникѣ: „Двѣнадцать пѣсенъ“ (Douze Chansons). Метерлинкъ въ своихъ пѣсняхъ значительно отличается отъ другихъ поэтовъ, родственныхъ ему по духу, и вотъ въ чемъ это отличіе: Обыкновенно пѣвцы и поэты стараются опредѣлить горизонтъ въ поэтическомъ произведеніи, указать его при помощи почерпнутаго изъ легендъ сюжета, или воспроизведеніемъ жизненной обстановки рамки для отраженнаго въ стихотвореніи или поэмѣ чувства. Они инстинк-

тивно пріобщаютъ извѣстные сюжеты къ соотвѣтствующей обстановкѣ, имѣя въ виду различіе мѣстностей и жизненныхъ обстоятельствъ. Метерлинкъ въ этомъ совершенно расходится со своими современниками. Онъ погружается въ тѣ области чувства, гдѣ нѣтъ различія между гордой владѣлицей зàмка и пастушкой, между городскимъ работникомъ и пастухомъ. Онъ отдѣляетъ чувство отъ всякой связи съ внѣшними условіями и воспѣваетъ то, чтò есть самаго общаго въ человѣческой душѣ, освобожденной отъ всего, чтò не касается непосредственно ея самой. Для опредѣленія рамокъ поэтъ довольствуется однимъ только ритмомъ, и сосредоточенность чисто-народныхъ поэтическихъ формъ служитъ ему достаточной характеристикой для самыхъ глубокихъ чувствъ. Его пѣсни поражаютъ прежде всего своей простотой и оголенностью. Какъ примѣръ, критикъ приводитъ мелодичную и наивную пѣсню, передающую въ простыхъ, наглядныхъ и сжатыхъ образахъ глубину ужаса передъ смертью, передъ тѣмъ, чтò должно кончиться и исчезнуть.

„Мнѣ пришли сказать (о, дитя, какъ страшно!), мнѣ пришли сказать, что его не станетъ. Лампу я зажгла (о, дитя, какъ страшно!). Лампу я зажгла и пошла къ нему. Но у первой двери (о, дитя, какъ страшно!), но у первой двери пламя задрожало. У второй же двери (о, дитя, какъ страшно!), у второй же двери пламя все сказало. А у третьей двери (о, дитя, какъ страшно!), а у третьей двери пламя умерло“.

Робéръ де-Суза старается объяснить, возражая разнымъ критикамъ, значеніе „рефрэновъ“ и повтореній. Они вовсе не пустыя украшенія и не безпомощныя повторенія одного и того же, какъ стараются доказать Максъ Нордау и подобные ему цѣнители искусства. Владѣть „рефрэномъ“ чрезвычайно трудно. Нужно, чтобы повтореніе звучало, какъ эхо, отмѣчая возрастаніе настроенія и продолжая отзвуки его далеко въ глубь сознанія. Подобно тому, какъ нельзя назвать ненужными и болѣзненно назойливыми звуки колокола, которые подчеркиваютъ печаль или экстазъ обращеній къ Богу, такъ нельзя и возставать противъ Метерлинковскихъ повтореній; своимъ утонченнымъ совершенствомъ они создаютъ настроенія и звучатъ незабываемой мелодіей.

Одна изъ лучшихъ пѣсенъ Метерлинка — ее приводитъ критикъ въ своемъ очеркѣ — показываетъ, до чего слѣдованіе духу народнаго творчества освобождаетъ поэзію отъ всякой туманности, сохраняя тонкость и нѣжность отраженныхъ чувствъ. Вотъ эта пѣсня, которая навсегда останется однимъ изъ перловъ французской поэзіи. „Если жъ онъ вернется когда-нибудь, чтò ему сказать?—Скажите, что его ждали, что ждали, умирая.—Если онъ будетъ вопрошать, не узнавая меня?—

Говорите съ нимъ, какъ сестра; быть можетъ, онъ страдаетъ. — Если же онъ спроситъ, куда вы ушли, что ему сказать? — Дайте ему мое золотое кольцо и ничего не отвѣчайте.—Если же онъ захочетъ узнать, почему пустынна зала? — Укажите ему на потухшую лампу и на открытую дверь. Если же онъ спроситъ меня о послѣднемъ часѣ?—Скажите ему, что я улыбалась для того, чтобъ онъ не плакалъ".

Музыкальность пѣсни, конечно, видна только въ оригиналѣ. Мы приводимъ это короткое стихотвореніе, мало извѣстное у насъ — въ то время, какъ цитируются—въ качествѣ образцовъ новѣйшей французской поэзіи—искусственно запутанныя, непонятныя стихотворенія, лишенныя внутренняго содержанія:

Et s'il revenait un jour,
Que faut-il lui dire?
— Dites-lui qu'on l'attendit
Jusqu'à s'en mourir...

Et s'il m'interroge encore
Sans me reconnaître?
— Parlez-lui comme une soeur—
Il souffre peut-être...

Et s'il demande où vous êtes,
Que faut il répondre?
— Donnez-lui mon anneau d'or
Sans rien lui répondre.

Et s'il veut savoir pourquoi
La salle est déserte?
— Montrez-lui la lampe éteinte
Et la porte ouverte.

Et s'il m'interroge alors
Sur la dernière heure?
Dites-lui que j'ai souri
De peur qu'il ne pleure.

Въ этомъ стихотвореніи любовь рисуется съ самой тихой и грустной стороны — нѣжности. Умирающая отъ любви женщина заботится о томъ, чтобы покинувшій ее возлюбленный не слишкомъ страдалъ, если придетъ раскаяніе, и думалъ бы, что она умерла, улыбаясь. Съ замѣчательной простотой выражена здѣсь глубокая нѣжность настроенія.

Р. де-Суза говоритъ въ своей книгѣ еще о нѣсколькихъ другихъ представителяхъ возрожденной народной пѣсни и даетъ краткую характеристику двухъ прозаиковъ—Жюля Ренара и Поля Адана.—З. В.

НЕКРОЛОГЪ.

Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.

2-го апрѣля скончался, послѣ короткой болѣзни, А. Ѳ. Бычковъ, директоръ Имп. Публичной Библіотеки, членъ II Отдѣленія Академіи Наукъ и членъ Государственнаго Совѣта, долго и много поработавшій въ особенности для русской археографіи и исторіографіи. Онъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода ярославской губерніи, и родился, въ 1818, въ Фридрихсгамѣ, въ Финляндіи, гдѣ отецъ его былъ въ военной службѣ и гдѣ онъ провелъ свои дѣтскіе годы. Ученіе его шло въ пансіонѣ при Демидовскомъ лицеѣ въ Ярославлѣ и въ ярославской гимназіи, къ которой этотъ пансіонъ былъ послѣ присоединенъ. Отсюда Бычковъ перешелъ, въ 1836, въ московскій университетъ, въ первое отдѣленіе философскаго факультета, по нынѣшнему въ историко-филологическій факультетъ; изъ тогдашнихъ профессоровъ, какъ говорятъ, особенное впечатлѣніе производили на него Крюковъ (даровитый классическій филологъ), Погодинъ и Грановскій,—послѣдній, впрочемъ, вступилъ на каѳедру только въ 1839 году. По окончаніи курса въ 1840, Бычковъ переселился въ Петербургъ,—здѣсь онъ поступилъ на службу въ Археографическую Коммиссію, лишь незадолго передъ тѣмъ образованную. Коммиссія составлена была для разбора многочисленныхъ рукописей, собранныхъ передъ тѣмъ археографической экспедиціей, главнымъ образомъ трудами П. М. Строева и Бередникова, и затѣмъ для ихъ изданія: плодомъ ея трудовъ было изданіе лѣтописей и актовъ. Съ нынѣшней точки зрѣнія, изданія Археографической Коммиссіи не были свободны отъ недостатковъ; но въ свое время онѣ были великимъ пріобрѣтеніемъ науки: въ первый разъ для изданія лѣтописей была употреблена въ дѣло большая масса рукописей, указано въ извѣстной мѣрѣ ихъ соотношеніе, облегчено пользованіе этимъ матеріаломъ, и уже вскорѣ изданія Коммиссіи послужили сильнымъ возбужденіемъ разработки древней, до-Петровской, русской исторіи. Съ 1840, Бычковъ оставался въ Коммиссіи до конца своихъ дней, и былъ живою лѣтописью тѣхъ работъ, которыя принесли такую услугу русской исторіографіи и въ которыхъ онъ самъ положилъ много упорнаго труда.

Съ 1841 до 1850 Бычковъ занимался также преподаваніемъ рус-

ской словесности въ дворянскомъ полку. Это было побочное занятіе; но главнымъ образомъ онъ работалъ въ Коммиссіи, а затѣмъ въ Публичной Библіотекѣ, гдѣ въ 1844 онъ былъ назначенъ хранителемъ рукописей, на мѣсто Востокова. Въ Коммиссіи издано было подъ его редакціей нѣсколько томовъ „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей"; съ 1865 по 1873 онъ былъ правителемъ дѣлъ Коммиссіи, а въ концѣ жизни—ея предсѣдателемъ. Въ 1871—75 сдѣлано было особое изданіе Лаврентьевскаго и Ипатскаго списковъ начальной лѣтописи, и фотолитографическое воспроизведеніе ихъ и древнѣйшей Новгородской лѣтописи. Въ Публичной Библіотекѣ Бычкову принадлежитъ опять великая заслуга въ организаціи Библіотеки, гдѣ онъ былъ въ началѣ однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ барона М. А. Корфа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ развивались научные запросы въ области русской исторіи и изученія старой письменности, можно видѣть, что безъ всякаго сравненія съ прежнимъ расширяется пользованіе рукописями Публичной Библіотеки: во множествѣ историческихъ и историко-литературныхъ книгъ съ тѣхъ поръ и до послѣдняго времени можно встрѣтить заявленія ихъ авторовъ о томъ важномъ содѣйствіи, какое они получали со стороны Бычкова, сначала библіотекаря, потомъ (съ 1868) помощника директора, наконецъ (съ 1882) директора Библіотеки.

Служебныя и археографическія работы Бычкова еще расширились въ 50-хъ годахъ. Его умѣнье разбираться въ архивныхъ матеріалахъ, какъ говорятъ, обратило на себя вниманіе Блудова, завѣдывавшаго тогда II Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, и Бычкову поручено было изданіе „Дворцовыхъ Разрядовъ" съ 1612 по 1701 годъ (они составили четыре тома, съ томомъ дополненій, 1850—55). Въ это же время были имъ изданы „Юрналы" или журналы Петра Великаго, съ 1695 по 1725 (Спб. 1853—55) и „Первыя русскія Вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 г." (Спб. 1855). Въ 1855 Бычковъ былъ избранъ дѣлопроизводителемъ въ комитетъ, учрежденный подъ предсѣдательствомъ Блудова для цензурнаго разсмотрѣнія оставшихся по смерти сочиненій Жуковскаго, и имъ были приготовлены къ печати четыре послѣдніе тома въ 5-мъ изданіи сочиненій Жуковскаго (1857). Въ 1856, когда имп. Александръ II поручилъ барону Корфу собраніе и приведеніе въ порядокъ матеріаловъ, касающихся жизни и царствованія имп. Николая I, Корфъ пригласилъ и Бычкова къ участію въ этомъ трудѣ. Затѣмъ, II-е Отдѣленіе Собств. Канцеляріи привлекало Бычкова и къ своимъ кодификаціоннымъ работамъ: онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ бар. Корфомъ, тогда главноуправляющимъ Отдѣленія, въ исправленіи русскаго перевода „Свода" узаконеній Остзейскихъ губерній. Въ 60-хъ годахъ онъ былъ членомъ коммиссіи для

составленія законоположеній, относящихся до преобразованія судебной части въ имперіи, и пр.

Отъ сороковыхъ годовъ Бычковъ былъ членомъ Археологическаго Общества въ Петербургѣ и съ семидесятыхъ годовъ былъ предсѣдателемъ его славяно-русскаго отдѣленія. Съ 1855 онъ былъ членомъ-корреспондентомъ, а съ 1866—академикомъ по русскому отдѣленію Академіи Наукъ; по смерти Я. К. Грота, онъ былъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи и сложилъ съ себя эту обязанность лишь за нѣсколько недѣль до своей кончины; онъ говорилъ объ утомленіи.

Его управленіе Публичной Библіотекой ознаменовалось, благодаря его настоятельнымъ заботамъ и ходатайствамъ, двумя многозначительными пріобрѣтеніями, которыя расширили дѣятельность этого учрежденія. А именно, съ 1896 года были увеличены штаты Библіотеки, которые расширили средства ея на умноженіе книжныхъ пріобрѣтеній и улучшили содержаніе служащихъ лицъ, которое давно уже было недостаточно. Затѣмъ, три года тому назадъ начато и теперь приводится къ концу сооруженіе огромной пристройки къ старому зданію: это расширеніе помѣщеній дастъ возможность устроить болѣе обширную читальную залу вмѣсто прежней, которая становилась тѣсна, и доставитъ мѣсто для размѣщенія наростающихъ книжныхъ собраній Библіотеки.

Однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній Библіотеки является, конечно, собраніе рукописей. Въ этомъ рукописномъ отдѣленіи началась и долго сосредоточивалась дѣятельность Бычкова; при немъ совершилось огромное приращеніе этого отдѣла, когда для Библіотеки куплено было правительствомъ „древлехранилище“ Погодина. И послѣ Бычковъ усиленно заботился о пріобрѣтеніи въ Библіотеку рукописныхъ собраній и отдѣльныхъ, чѣмъ-либо интересныхъ, рукописей, когда только позволяли средства Библіотеки. Въ послѣднее время пріобрѣтеніе старыхъ рукописей стало уменьшаться, какъ потому, что запасъ ихъ вообще началъ истощаться, такъ особенно и потому, что размножилось число новыхъ учрежденій съ рукописными собраніями (назовемъ Историческій Музей въ Москвѣ, Общество любителей древней письменности въ Петербургѣ) и частныхъ собирателей, между прочимъ людей богатыхъ, которые начали привлекать къ себѣ владѣльцевъ рукописей и торговцевъ. Взамѣнъ, для Библіотеки открывались новые источники обогащенія: пріобрѣтались рукописи болѣе позднія, исторически столь же важныя, а кромѣ того поступали цѣлые частные архивы, нерѣдко приносимые въ даръ—когда Библіотека своей организаціей внушала сочувствіе и довѣріе. Упоминаемъ объ этомъ потому, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи именно Бычковъ много поработалъ и сдѣлалъ для авторитета Библіотеки.

Одной изъ важнѣйшихъ заботъ для устройства рукописнаго отдѣленія должно было стать составленіе каталога. За прежнее время онъ и былъ составленъ Бычковымъ; впослѣдствіи Библіотека обогатилась еще „древлехранилищемъ“ Погодина, а затѣмъ возростала съ новыми пріобрѣтеніями,—надо было, наконецъ, подумать о напечатаніи каталога. Когда „древлехранилище“ Погодина при поступленіи въ Библіотеку имѣло только голый инвентарь, то, чтобы изучать ея содержаніе, нерѣдко приходилось искать памятниковъ старой письменности наугадъ, перебирая по очереди „сборники“, часто наполненные статьями самаго разнороднаго свойства. Въ 1882, Бычковъ предпринялъ печатаніе каталога, который долженъ былъ обнять цѣлую массу рукописнаго собранія. Первымъ, общимъ заглавіемъ было поставлено: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Имп. Публичной Библіотеки“; вторымъ, частнымъ заглавіемъ было: „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ *сборниковъ*“ и пр., т.-е. именно этихъ сложныхъ памятниковъ, общее обозначеніе которыхъ въ инвентарѣ ничего не говорило объ ихъ содержаніи. Первая часть, почти до 700 страницъ, съ обстоятельнымъ указателемъ, даетъ описаніе 91 сборника, и о сложности ихъ содержанія можно судить по тому, что, напримѣръ, въ послѣднемъ изъ описанныхъ сборниковъ находится 185 отдѣльныхъ статей. Къ сожалѣнію, изданіе, начатое въ 1882, остановилось на первомъ томѣ—вѣроятно, потому, что послѣ Бычковъ отвлеченъ былъ другимъ, еще болѣе сложнымъ трудомъ.

Въ 1872, когда праздновалось двухсотлѣтіе рожденія Петра Великаго, была высказана мысль, что было бы достойно этого торжества и „весьма важно для вѣрной и безпристрастной оцѣнки личности и многосторонней дѣятельности Петра Великаго приступить къ изданію такого собранія его писемъ и бумагъ, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха, посвятившаго всю жизнь возвеличенію горячо любимой имъ Россіи“. Эта мысль удостоилась одобренія императора Александра II, и для ея осуществленія составлена была коммиссія изъ профессоровъ русской исторіи и знатоковъ архивнаго дѣла,—здѣсь были С. М. Соловьевъ, Нилъ Поповъ, Бестужевъ-Рюминъ, Замысловскій, Калачовъ, А. Е. Викторовъ и Бычковъ,—подъ предсѣдательствомъ тогдашняго министра просвѣщенія, гр. Толстого. Коммиссія выработала планъ собиранія матеріала и планъ изданія. Предприняты были сношенія со всѣми административными вѣдомствами и епархіальными вѣдомствами въ имперіи для разысканія бумагъ Петра Великаго, могущихъ оказаться въ ихъ архивахъ; черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ—съ русскими дипломатическими агентами за границей для поисковъ въ архивахъ иностранныхъ; сдѣланы были, черезъ посредство русскихъ и иностранныхъ изданій, приглашенія

къ частнымъ лицамъ о доставленіи могущихъ находиться въ ихъ владѣніи бумагъ и писемъ Петра Великаго; сами члены коммиссіи предприняли поиски въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ. Сложная работа затянулась на многіе годы, и въ концѣ концовъ изданіе поручено было Бычкову. Въ 1887 году вышелъ первый томъ „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“ (1688—1701), огромною книгой, сверхъ 900 страницъ, съ обстоятельными примѣчаніями къ каждому письму и бумагѣ и съ указателемъ. Въ 1889, вышелъ второй томъ, обнимающій 1702—1703 годы, и въ 1893 третій томъ, за 1704—1705 годы,—столь же обширныхъ размѣровъ; надъ четвертымъ томомъ Бычковъ работалъ въ послѣдніе годы. Онъ оставался послѣднимъ представителемъ коммиссіи, назначенной въ 1872 г. для организаціи этого изданія.

Публичная Библіотека оставалась, какъ всегда, предметомъ его заботъ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ главнымъ ея правителемъ, другой видъ получили ея ежегодные отчеты. Въ прежнее время, они представляли дѣйствительно только краткій канцелярскій отчетъ, тощую книжку; теперь выходили цѣлые томы, потому что въ отчетъ вводились подробныя описанія поступавшихъ въ нее, особливо рукописныхъ, пріобрѣтеній и, кромѣ того, въ приложеніяхъ печатались любопытныя извлеченія изъ рукописей. „Отчеты“ получали значеніе ученыхъ изданій.

Въ октябрѣ 1890 исполнилось пятидесятилѣтіе службы Бычкова, и онъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Въ „Русской Старинѣ“ этого года (кн. 10-я) сдѣланъ былъ обзоръ его дѣятельности и библіографическое исчисленіе его трудовъ.

Характеръ дѣятельности Бычкова опредѣлился при самомъ началѣ. Вступленіе его въ Археографическую Коммиссію и вскорѣ потомъ въ Публичную Библіотеку дало всей его послѣдующей дѣятельности археографическое направленіе. Онъ не сталъ историкомъ или историкомъ литературы,—но въ тогдашнихъ условіяхъ нашей науки было дѣломъ великой важности именно приведеніе въ извѣстность состава древней письменности, какъ источника и основы изслѣдованій. Собранія, сдѣланныя Археографической Экспедиціей, и изданія Археографической Коммиссіи, какъ извѣстно, составили эпоху въ разработкѣ старой русской исторіи. Во многихъ случаяхъ самое изслѣдованіе оказывалось невозможнымъ прежде, чѣмъ былъ бы собранъ матеріалъ—находившійся въ рукописяхъ. Съ тѣхъ поръ сдѣлано въ этой области очень много; явились обширныя описанія громадныхъ рукописныхъ собраній; но если и донынѣ старая письменность не вполнѣ приведена въ извѣстность, то пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ эта задача естественно должна была являться дѣломъ настоятельной важности. Подъ

этимъ сознаніемъ его необходимости, шли, особливо съ пятидесятыхъ годовъ, поиски въ старой письменности; возникали новыя собранія и составлялись ихъ описанія (какъ богатое собраніе Ундольскаго, гр. А. С. Уварова, Бѣляева; позднѣе собраніе Общества любителей древней письменности, Хлудова, Титова, Вахрамѣева и пр.); съ конца пятидесятыхъ годовъ Тихонравовъ начиналъ свои „Лѣтописи"; Пекарскій предпринималъ описаніе книгъ Петровскаго времени; Срезневскій конецъ жизни посвящалъ свой трудъ въ особенности „малоизвѣстнымъ и неизвѣстнымъ памятникамъ", и пр. Важность такихъ трудовъ была засвидѣтельствована дальнѣйшими успѣхами науки.

Преемникамъ Бычкова въ управленіи Публичной Библіотеки предстоитъ довершить, между прочимъ, два предпріятія,—одно, имъ самимъ начатое, другое, исполненное нѣкогда, вѣроятно, не безъ его побужденій и участія: привести къ концу „Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописей Имп. Публичной Библіотеки" и продолжить „Russica", каталогъ иностранныхъ сочиненій о Россіи, чрезвычайно важный для изучающихъ русскую исторію и остановившійся на 1873 годѣ.

А. Пыпинъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1899.

Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ Петербургѣ — съ „соединенными" классами. — Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ.— Посѣщеніе перваго Василеостровскаго начальнаго народнаго училища, съ 12-ью классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ.—Объ антагонизмѣ между общественными и церковно-приходскими школами.—Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу.

Въ нынѣшнемъ учебномъ, 1898—99 г., завершится у насъ, въ Петербургѣ, второй годъ существованія—пока единственнаго начальнаго народнаго училища новаго типа—и въ довольно большомъ размѣрѣ—а именно съ 12-ью „соединенными" классами, на 600 учащихся До самаго послѣдняго времени столичное городское общественное управленіе продолжало вести дѣло народнаго образованія въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно приняло его на себя, въ 1877 г.—болѣе 20 лѣтъ тому назадъ: получивъ тогда готовыми 14 начальныхъ народныхъ школъ, каждая съ однимъ классомъ, на 50 учащихся, оно, съ того времени, ежегодно присоединяло къ тому первоначальному числу отъ 10 до 20 новыхъ школъ, каждая также на 50 учащихся; такимъ образомъ, являлась возможность раскидать школы по всей громадной площади столицы и сдѣлать ихъ близкими по разстоянію къ школьному населенію каждой ея части. Петербургъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ 12 городскихъ частей, а потому необходимо было стремиться къ тому, чтобы число школъ соотвѣтствовало не только общему числу жителей столицы, но и въ отдѣльности—каждой изъ городскихъ частей: многочисленность начальныхъ школъ, напримѣръ, въ коломенской части города, нисколько не помогла бы дѣтскому населенію рождественской части, или выборгской, и наоборотъ. Выходя изъ такой вполнѣ правильной тогда мысли, городское общественное управленіе, въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ, довело число школъ—каждая съ однимъ классомъ—отъ первоначальнаго вышеупомянутаго числа 14—до 400, что̀ и доставило возможность дать каждой городской части возможно большее число своихъ собственныхъ народныхъ школъ, а учащіеся вслѣдствіе того получали физическую возможность посѣщать школы безъ крайняго утомленія отъ далекой ходьбы. Такимъ образомъ, въ настоящее время, адмиралтейская часть, имѣя изъ общаго числа жителей, въ милліонъ слишкомъ, самую малую часть населенія, располагаетъ потому и наименьшимъ числомъ школъ, а именно, ихъ всего 11; московская часть, всего болѣе насе-

ленная, имѣетъ потому и наибольшее число школъ — 41 школу; во всѣхъ остальныхъ частяхъ, число школъ распредѣляется между тѣми двумя крайними цифрами — минимальною и максимальною; въ среднемъ же—на каждую изъ городскихъ частей (400: 12) приходится по 33 школы, на 1.600—1.700 дѣтей начальнаго школьнаго возраста отъ 8 до 12 лѣтъ.

Какъ ни правильна была цѣль городского общественнаго управленія—поставить школу, для всѣхъ частей города, въ возможно близкомъ разстояніи отъ дѣтскаго населенія, но достигнуть этой цѣли возможно было не иначе, какъ размѣстивъ всѣ эти школы въ частныхъ домахъ, строители которыхъ имѣли въ виду, конечно, частную, семейную жизнь, безъ удовлетворенія особыхъ требованій обширной школьной семьи, или класса, состоящаго изъ 50, а иногда и болѣе дѣтскихъ душъ. Къ этому существенному неудобству, на которое часто приходилось по-неволѣ закрывать глаза, присоединилось, въ послѣднее десятилѣтіе, немаловажное экономическое обстоятельство, а именно, быстрое повышеніе цѣнъ на частныя квартиры, увеличивавшее расходы не на улучшеніе школьнаго дѣла, а собственно на поддержаніе доходности частныхъ домовъ. Все это вмѣстѣ взятое подало поводъ городскому общественному управленію, года два - три тому назадъ, перейти къ тому школьному порядку, какой существуетъ въ Германіи уже болѣе 60 лѣтъ, а у насъ, въ Россіи, лѣтъ 20 тому назадъ, былъ осуществленъ въ г. Ригѣ, гдѣ городское общественное управленіе построило два спеціальныхъ училищныхъ дома („Тотлебеновскій“ и „Суворовскій“) — каждый на 600 дѣтей мужескаго пола; въ этихъ домахъ соединены въ одномъ зданіи, по корридорной системѣ, 12 школъ, которыя были прежде раскиданы по частнымъ квартирамъ. И наше городское общественное управленіе, два года тому назадъ, въ 1897—98 г., впервые вступило также на этотъ путь, и въ тѣхъ же самыхъ небольшихъ размѣрахъ, открывъ первое начальное народное училище, для 600 дѣтей обоего пола, въ центрѣ Васильевскаго-Острова. Нынѣ, въ августѣ, закончится второй годъ дѣятельности этого новаго училища съ 12-ью соединенными классами; но и это короткое время доставило возможность замѣтить всѣ его преимущества предъ прежнею системою, которая, какъ объяснено выше, имѣла въ свое время полное оправданіе для себя—когда необходимо было заботиться прежде всего о разсѣяніи школьныхъ помѣщеній по всей громадной площади столицы—съ цѣлью приближенія ихъ къ размѣщенію по городу многихъ десятковъ тысячъ дѣтей. Городское общественное управленіе получило теперь въ первый разъ возможность, имѣя на дѣлѣ не 14, а 400 школъ-классовъ, начать постепенное соединеніе ихъ, при непрестанномъ соблюденіи такого

разсчета, чтобы самые отдаленные учащіеся имѣли для себя ходьбы въ школу никакъ не болѣе, какъ отъ 1 версты до полуторы, т.-е. получаса времени. Такіе школьные дома не будутъ опасаться повышенія цѣнъ на квартиры; соединенный бюджетъ 12-ти и болѣе классовъ доставитъ возможность лучшаго устройства самой школы и ея учебной обстановки, при значительномъ сбереженіи въ расходахъ; наконецъ, прежняя плата частнымъ домовладѣльцамъ за 12-ть квартиръ даетъ возможность уплаты необходимыхъ процентовъ съ погашеніемъ, въ извѣстное число лѣтъ, капитала, затраченнаго на постройку дома, такъ что городъ современемъ получитъ, такъ сказать, безплатное помѣщеніе для своихъ школъ.

Это первое Василеостровское начальное народное училище, съ 12-ью соединенными классами, на 600 дѣтей, обратило на себя въ истекшемъ мѣсяцѣ вниманіе высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго. 7-го апрѣля, онъ посѣтилъ это училище и осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ. Позволимъ себѣ сдѣлать небольшое извлеченіе изъ отчета объ этомъ посѣщеніи перваго училищнаго дома съ соединенными классами на Васильевскомъ-Острову; оно останется навсегда весьма крупнымъ событіемъ въ исторіи начальныхъ народныхъ школъ столицы, тѣмъ болѣе, что посѣщеніе такого высокопоставленнаго лица было первое за все время болѣе чѣмъ столѣтняго существованія городскихъ школъ, если начинать исторію ихъ съ 1786 г., когда только-что народившееся, по волѣ имп. Екатерины II, городское общественное управленіе открыло тогда первое народное училище въ г. С.-Петербургѣ, на счетъ городскихъ средствъ.

„День 7-го апрѣля,—говоритъ вполнѣ справедливо авторъ,—останется памятнымъ въ лѣтописяхъ народныхъ училищъ гор. С.-Петербурга. Въ этотъ день, высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій, посѣтилъ Василеостровское городское начальное съ 12-ью классами училище, и пробылъ въ немъ съ дѣтьми полтора часа. Въ исторіи городскихъ начальныхъ училищъ это—первое посѣщеніе ихъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ, за все время ихъ существованія.

„Его высокопреосвященство прибылъ въ училище въ $11^{1}/_{4}$ час. дня и, встрѣченный у подъѣзда предсѣдателемъ коммиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, депутатомъ отъ духовенства въ городской думѣ, протоіереемъ Ф. Н. Орнатскимъ, старостою церкви училищнаго дома, И. И. Соколовымъ, завѣдующимъ домомъ и врачемъ училищъ, прослѣдовалъ наверхъ въ церковь. Здѣсь владыка былъ встрѣченъ законоучителемъ, священникомъ о. Юшковымъ, съ крестомъ и святою водою, при пѣніи „Достойно“ старшихъ учениковъ

и учениць училища. Владыка прослѣдовалъ въ алтарь и, послѣ краткой литіи, самъ сдѣлалъ отпусть и далъ дѣтямъ святой крестъ для цѣлованія. Тѣмъ временемъ, всѣ шестьсотъ учащихся собрались и были построены въ ряды въ великолѣпномъ залѣ училища. Владыка, прибывъ въ залъ и преподавъ благословеніе каждой изъ учительницъ, предложилъ всѣмъ дѣтямъ пропѣть какую-нибудь молитву. Было стройно пропѣто „Отче нашъ". По поводу этой молитвы началась бесѣда владыки съ дѣтьми, которая обратилась въ назидательный урокъ для нихъ. Началось съ вопроса: какъ называется эта молитва и почему? Когда дѣти хоромъ отвѣтили на вопросъ, владыка спросилъ: Самъ ли Господь далъ эту молитву, или по просьбѣ Своихъ учениковъ? На это дѣти вспомнили, что ученики просили Господа, говоря: научи насъ молиться,—и высокопреосвященный вопросо-отвѣтнымъ методомъ выяснилъ дѣтямъ, переходя отъ одной группы къ другой, что и намъ должно просить Господа научить насъ самой молитвѣ, чтобы она была не произнесеніемъ лишь однихъ словъ, а внимательною, сердечною молитвою. Выразивъ похвалу дѣтямъ за добрые отвѣты, владыка захотѣлъ послушать чтеніе Апостола однимъ изъ учащихся. Мальчикъ 10 лѣтъ, обычно читающій въ церкви училища, съ полнымъ самообладаніемъ, выразительно и съ пріемами опытнаго церковнаго чтеца, прочелъ Апостолъ, положенный на недѣлю Ваій. Похваливъ чтеца, владыка спросилъ, поняли ли дѣти что-нибудь изъ прочитаннаго. Отвѣта не послѣдовало. Дѣти, очевидно, не слѣдили за мыслями читаемаго, да и славянскій текстъ былъ труденъ для ихъ пониманія, потому что, къ сожалѣнію, мы мало обращаемъ вниманіе учащихся на текстъ евангелій и апостольскихъ чтеній, читаемыхъ въ церкви за богослуженіемъ. Впрочемъ, владыкѣ было доложено, что въ этомъ училищѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, по субботамъ бываетъ родъ духовной бесѣды законоучителя съ учащимися, причемъ съ ними прочитывается и объясняется положенное въ воскресенье евангельское чтеніе. Владыка выразилъ одобреніе такому порядку. Потомъ, по приказанію владыки, мальчикъ снова прочелъ Апостолъ, и дѣти смогли повторить начальныя слова его: „Радуйтесь всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтесь", а одна ученица отвѣтила, что святый апостолъ Павелъ учитъ о кротости. Тѣмъ же способомъ опять дѣти доведены были до пониманія, что это за радость о Господѣ: напримѣръ, радость о томъ, что я накормилъ голоднаго, есть радость о Господѣ, а радость, что я въ дракѣ побѣдилъ соперника и притиснулъ его къ землѣ, не есть радость о Господѣ. На вопросъ владыки, всѣ ли дѣти посѣщаютъ по праздникамъ свою училищную церковь, подняли руки не всѣ. Тогда владыка спросилъ ихъ, всѣ ли они посѣщаютъ уроки. Оказалось, что всѣ, и исправно. А чье приказаніе: приходить въ

классъ на уроки къ 9 часамъ утра, Божіе или человѣческое?—Человѣческое!—А посвящать на молитву день седьмой, чья заповѣдь?—Божія!—Была прочитана четвертая заповѣдь. Владыка внушилъ дѣтямъ, не стѣсняющимся разстояніемъ для посѣщенія уроковъ, исправно посѣщать и храмъ Божій. Послѣ этого пропѣто было „Достойно", и всѣ шестьсотъ дѣтей, каждый въ отдѣльности, получили благословеніе милостиваго архипастыря, который затѣмъ посѣтилъ одинъ изъ классовъ и слушалъ отвѣты дѣтей, обошелъ весь домъ, выслушалъ объясненіе предсѣдателя училищной коммиссіи объ устройствѣ въ домѣ вентиляціи и отопленія, осматривалъ пріемный покой и аптеку и пр. Въ 12³/₄ час. дня, владыка, прощаясь съ дѣтьми, расположившимися по лѣстницѣ, объявилъ, что, съ согласія предсѣдателя, они освобождаются сегодня отъ дальнѣйшихъ занятій и могутъ расходиться по домамъ. Предсѣдатель горячо благодарилъ его высоконреосвященство за милостивое посѣщеніе и благословеніе городскихъ начальныхъ училищъ, а владыка, въ свою очередь, выразилъ благодарность за доставленное ему удовольствіе—видѣть столь благоустроенное училище для дѣтей, которыя болѣе нуждаются въ попеченіи о нихъ, нежели дѣти состоятельныхъ родителей, обучающіяся въ учебныхъ заведеніяхъ для привилегированныхъ сословій, и выразилъ надежду и самолично, и чрезъ своего викарія, имѣть особенное наблюденіе за начальными училищами. Узнавъ, что городскою думою разрѣшена постройка на Пескахъ другого училищнаго дома, на тысячу дѣтей, владыка пожелалъ Михаилу Матвѣевичу построить еще много столь цѣлесообразно въ учебно-воспитательномъ отношеніи устроенныхъ училищъ" [1]).

Такой, высокоавторитетный голосъ одобренія городской общественной дѣятельности на важнѣйшемъ его поприщѣ—народнаго образованія—особенно дорогъ въ настоящее время, когда въ извѣстнаго рода печати, да и въ обществѣ, усиленно поддерживается нездоровая мысль о какомъ-то предполагаемомъ и, въ нашихъ глазахъ, противоестественномъ антагонизмѣ между общественною дѣятельностью, на поприщѣ народнаго образованія, городовъ и земствъ—съ одной стороны, а съ другой—церковно-приходскими школами, и притомъ съ цѣлью, будто бы, поглощенія послѣдними земскихъ и городскихъ школъ. Такое по истинѣ печальное предположеніе о подобномъ, будто бы, антагонизмѣ подало не такъ давно поводъ почтенному Б. Н. Чичерину („Спб. Вѣдом.", № 100, 13-го апр. 1899 г.) остановиться болѣе подробно на этомъ вопросѣ и разобраться въ немъ. Онъ также утверждаетъ, что въ дѣйствительности такого антагонизма нѣтъ и не мо-

[1]) „Церковныя Вѣдомости", издаваемыя при Св. Правит. Синодѣ, 18 іюля 1899 г. Прибавленіе къ № 16 и 17, стр. 684.

жетъ быть. „У насъ,—говоритъ онъ,—никогда не было и нѣтъ того соперничества между свѣтскимъ и церковнымъ просвѣщеніемъ, какое существуетъ въ другихъ странахъ. У насъ, въ земской (а также и въ городской) школѣ, священникъ занимаетъ подобающее ему мѣсто: онъ учитъ закону Божьему (это само по себѣ не мало, если въ самомъ дѣлѣ „учить" ему! мы видѣли выше превосходный образчикъ, какъ слѣдуетъ учить закону Божію, данный самимъ высокопреосвященнымъ Антоніемъ), и это все, что̀ онъ, занятый требами, может исполнить. Бо̀льшаго онъ и не домогается, ибо властолюбіе, свойственное католицизму, всегда было чуждо русскому духовенству. Только подъ настойчивымъ давленіемъ сверху оно заводитъ свои особыя школы. Бюрократіи, а не духовенству, всегда было нужно чѣмъ-нибудь управлять. Однако, и въ этомъ не было бы большой бѣды: соревнованіе двухъ вѣдомствъ могло бы даже оказать пользу народной школѣ, если бы оно не сопровождалось искусственно прививаемой враждою къ земской школѣ, которую стараются подорвать прямо и косвенно,—съ тѣмъ, чтобы перетянуть и средства, и вліяніе, на свою сторону. Хотятъ присвоить себѣ созданное другими и привить русскому духовенству властолюбивыя стремленія, которыя ему совершенно чужды. Подъ этимъ вліяніемъ, и администраторы, и даже нѣкоторые общественные дѣятели побуждаютъ земства отречься отъ своего дѣла и передать его въ вѣдѣніе духовенства. И нашлись въ Россіи земскія собранія, которыя до такой степени забыли свое призваніе и свои общественныя обязанности, что они вняли этимъ увѣщаніямъ! Отношеніе земскихъ школъ къ церковно-приходскимъ составляетъ одинъ изъ острыхъ вопросовъ нашей современной общественной жизни.

„Едва ли, однако, онъ могъ бы привести къ какимъ-нибудь серьезнымъ послѣдствіямъ, еслибы онъ искусственнымъ образомъ не раздувался извнѣ. Въ этой области размежеваться немудрено, и ничто не мѣшаетъ жить въ мирѣ, когда есть на то добрая воля. Между мѣстнымъ духовенствомъ и земствомъ нѣтъ даже никакого соперничества; еслибы ихъ оставили въ покоѣ, они никогда бы не враждовали. Соперничество существуетъ не внизу, а наверху, между двумя вѣдомствами, изъ которыхъ каждое стремится расширить, по возможности, свое управленіе и забрать себѣ какъ можно болѣе дѣлъ. Однако, и эта бюрократическая борьба легко можетъ кончиться миромъ; нужно только, чтобы одно вѣдомство не вступалось въ дѣла другого. Бюрократы всегда сойдутся, ибо интересы ихъ, въ сущности, тожественны.

„Съ своей стороны, министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ ни малѣйшаго повода относиться враждебно къ земству, въ которомъ оно находитъ самаго ревностнаго сотрудника, дающаго и силы, и

средства для поддержанія школъ, которыя безъ него бы не существовали. Земство создаетъ школы, а министерство ими завѣдываетъ, никогда не встрѣчая препятствій: чего же ему болѣе? Вмѣсто того, чтобы выпрашивать каждую копѣйку у министерства финансовъ и нерѣдко терпѣть отказъ, оно имѣетъ самопроизвольно идущія ему на встрѣчу денежныя средства: оно находитъ людей, готовыхъ самоотверженно ему помогать. Очевидно, его интересъ состоитъ въ томъ, чтобы отстаивать, по возможности, земскія школы и сохранить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ нынѣ. Только чисто личныя отношенія могутъ заставить его отступить отъ этой совершенно правильной точки зрѣнія.

„Но, можетъ быть, министерство финансовъ, считая податное населеніе нѣкоторымъ образомъ себѣ крѣпостнымъ, не можетъ терпѣть, чтобы оно, въ какой бы то ни было мѣрѣ, располагало своими собственными средствами для своихъ собственныхъ нуждъ, ибо настолько умаляется возможность брать съ него деньги? Такая точка зрѣнія въ бюрократическомъ порядкѣ возможна, однако невѣроятна. Нынѣшнее министерство финансовъ не разъ высказывало болѣе широкіе взгляды на государственныя потребности, а потому было бы неумѣстно приписывать ему такое не знающее границъ властолюбіе. Ему хорошо извѣстно, что отъ развитія въ обществѣ самодѣятельности зависитъ самое благосостояніе государства.

„Скорѣе всего надобно думать, что въ этихъ предположеніяхъ проявляется исконная, хотя и не всегда явно высказывающаяся вражда бюрократіи къ земству. Тутъ вопросъ принимаетъ уже болѣе общій характеръ. Это—явленіе, которое не ограничивается одною Россіей, а повторяется во всѣхъ странахъ, гдѣ бюрократія играетъ первенствующую роль. Оно вытекаетъ изъ самаго ея характера и ея отношеній къ независимымъ общественнымъ силамъ".

Перечисляя затѣмъ существенные недостатки всякой „бюрократіи", а не одной нашей, Б. Н. Чичеринъ, признаетъ, что „эти недостатки присущи самой ея природѣ и ея положенію; тутъ есть черты, общія всѣмъ бюрократіямъ въ мірѣ, даже въ наиболѣе образованныхъ странахъ. По самому своему устройству, бюрократія представляетъ весьма сложную организацію, идущую сверху до низу въ іерархическомъ порядкѣ. Тутъ требуется не личная инниціатива, а дисциплина и исполнительность. Въ ней господствуетъ механическій строй, а не общественный духъ. Каждое лицо, на каждой ступени іерархіи, является колесомъ громадной машины, подавляющей въ немъ всякую самодѣятельность, но развивающей въ высшей мѣрѣ властолюбіе книзу и угодливость кверху. И такъ какъ для совокупнаго дѣйствія все должно идти однообразнымъ, заведеннымъ порядкомъ, и самыя мелкія по-

дробности восходятъ до самой вершины, которая всѣмъ руководитъ и все контролируетъ, то отсюда рождается безконечное бумажное дѣлопроизводство, въ которомъ исчезаютъ всякая самостоятельная мысль и всякое живое дѣло. „Они пишутъ, пишутъ, пишутъ, въ уединенныхъ, снабженныхъ хорошо запирающимися дверями канцеляріяхъ", —говорилъ о прусскихъ чиновникахъ, коротко знавшій свойства бюрократіи, великій государственный человѣкъ, баронъ Штейнъ:—„неизвѣстные, незамѣченные, безсловные, и воспитываютъ дѣтей своихъ такъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ такія же пишущія машины"... При такихъ порядкахъ, управленіе, по его же выраженію, „подавляется тяжестью бумажныхъ дѣлъ и утопаетъ въ бочкахъ чернилъ". Рутина и формализмъ охватываютъ все; оффиціальная ложь властвуетъ безгранично. Въ донесеніяхъ все гладко и хорошо, но это не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью"...

Возвращаясь къ вопросу о самомъ антагонизмѣ, мы не можемъ не указать, главнымъ образомъ, на то, что антагонизмъ обыкновенно представляетъ борьбу двухъ силъ почти равныхъ; между тѣмъ, въ дѣлѣ народнаго образованія, общественнымъ учрежденіямъ, какъ земству и городамъ, предоставлена самая небольшая часть вліянія, которой, однако, оказывается достаточно, чтобы эти учрежденія работали на этомъ поприщѣ съ увлеченіемъ. Самое управленіе дѣломъ народнаго образованія не принадлежитъ ни земству, ни городамъ—для того существуютъ особые училищные совѣты, въ которыхъ засѣдаютъ представители правительства и духовенства, совмѣстно съ двумя представителями отъ земства или городовъ, а потому земства въ этихъ совѣтахъ не могутъ имѣть сколько-нибудь преобладающаго вліянія. Такимъ образомъ, что̀ же собственно долженъ значить антагонизмъ духовнаго вѣдомства съ земствомъ?—Да это, оказывается, антагонизмъ не съ земствомъ, а съ правительственнымъ учрежденіемъ, какимъ являются училищные совѣты, въ которыхъ само духовное вѣдомство имѣетъ голосъ наравнѣ съ представителями въ немъ министерства вн. дѣлъ, министерства народнаго просвѣщенія и т. д. Земство, если оно дѣйствительно, выступаетъ на первый планъ въ дѣлѣ народнаго образованія, то только однимъ своимъ усердіемъ, любовью къ этому важнѣйшему дѣлу изъ всѣхъ его дѣлъ и готовностью приносить ему жертвы, но по вліянію на программы обученія, выбору учащихъ — оно занимаетъ весьма скромное мѣсто, или, вѣрнѣе сказать, не имѣетъ никакого рѣшающаго вліянія, такъ какъ все это находится внѣ земской области и сосредоточено въ рукахъ администраціи министерства народнаго просвѣщенія и училищныхъ совѣтовъ, гдѣ представители правительства и духовенства преобладаютъ. Можно ли, послѣ этого, справедливо говорить объ антагонизмѣ земскихъ школъ съ церковно-приходскими; такой антагонизмъ

пришлось бы искать въ средѣ самихъ правительственныхъ учрежденій что опять представляется абсурдомъ. Устраненіе земства и городовъ отъ участія въ школьномъ дѣлѣ не увеличило бы силъ ихъ предполагаемыхъ антагонистовъ — церковно-приходскихъ школъ,—но несомнѣнно устранило бы отъ школьнаго дѣла главныхъ его двигателей—усердіе и личный трудъ представителей самыхъ дорогихъ интересовъ той самой народной массы, для которой собственно и существуютъ школы.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ.

1) Капиталъ преміи—1500 р., съ наросшими до дня выдачи процентами. 2) Срокъ представленія черезъ 5 лѣтъ послѣ распубликованія положенія о преміи, т.-е. 10 апрѣля 1904 года. 3) Если ни одно изъ представленныхъ черезъ 5 лѣтъ сочиненій не будетъ удостоено преміи,—назначается новое соисканіе черезъ три года и т. д. 4) Комитетъ Литературнаго Фонда, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, избираетъ особую коммиссію изъ трехъ лицъ, коими могутъ быть и не-члены комитета, но окончательный рѣшающій голосъ остается за комитетомъ. 5) Премія присуждается одному лицу. 6) Если коммиссія признаетъ достойными преміи два или нѣсколько сочиненій, таковыя передаются на разсмотрѣніе новой коммиссіи; если же и она, равно какъ и комитетъ, признаетъ ихъ одинаково удовлетворяющимъ требованіямъ настоящаго положенія—выборъ опредѣляется жребіемъ. 7) Премированное сочиненіе должно заключить въ себѣ: а) полный біографическій очеркъ какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней, психологической, стороны, на основаніи всѣхъ доступныхъ матеріаловъ; б) изложеніе хода развитія идей Бѣлинскаго, въ связи съ современными ему и непосредственно предшествующими умственными теченіями, какъ русскими, такъ и европейскими; при этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на исторію русской критики и журналистики въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ; с) всестороннюю оцѣнку значенія дѣятельности Бѣлинскаго для русской жизни вообще и для послѣдующаго развитія русской критики въ особенности; d) характеристику ближайшихъ друзей и недруговъ Бѣлинскаго. 8) При полученіи преміи авторъ выдаетъ Литературному Фонду обязательство, по которому передается Литературному Фонду право собственности

по изданію 5.000 экземпляровъ. 9) Литературный Фондъ издаетъ премированное сочиненіе на свои средства или на деньги, могущія поступить для этой цѣли. 10) Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ капиталъ имени Бѣлинскаго при Литературномъ Фондѣ. 11) До присужденія преміи капиталъ долженъ находиться въ процентныхъ бумагахъ. 12) Если по обстоятельствамъ, не зависящимъ отъ Литературнаго Фонда, присужденіе преміи настолько замедлится, что капиталъ преміи вмѣстѣ съ процентами превыситъ 2000 р., то въ премію выдается 2000 р., избытокъ же—на покрытіе расходовъ по изданію. 13) Такъ какъ цѣль преміи—вызвать появленіе *новаго* труда о В. Г. Бѣлинскомъ, то всѣ труды, появившіеся до опубликованія положенія о преміи, не могутъ быть допущены къ соисканію, хотя бы и были представлены въ новомъ изданіи. 14) Принимая также во вниманіе, что премированное сочиненіе, въ первыхъ пяти тысячахъ экземпляровъ, должно поступить въ собственность Литературнаго Фонда, премія не можетъ быть присуждена за трудъ, выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, хотя бы и послѣ опубликованія положенія о конкурсѣ; но не можетъ быть препятствіемъ къ присужденію преміи, если часть труда, не болѣе одной половины его, была напечатана въ періодическихъ изданіяхъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. Е. Салтыковъ. — А. Н. Пыпина. Спб. 99. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.

Двадцать-восьмого апрѣля завершилось первое десятилѣтіе со дня кончины Михаила Евграфовича, а потому авторъ весьма кстати собралъ въ одно цѣлое—то, что было написано имъ о покойномъ вслѣдъ за его смертью, въ 1889 году. Высокоталантливая сатира Салтыкова, вошедшая почти исключительно въ составъ собранія его сочиненій, изготовленнаго имъ самимъ еще при жизни, заслонила собою не менѣе замѣчательную, и притомъ положительнаго характера, его публицистическую дѣятельность. Авторъ, посвятивъ тогда особую статью „идеализму" Салтыкова, присоединилъ къ этому очеркъ его журнальной дѣятельности, за 1863—64 гг., откуда ясно видно, что онъ обладалъ самымъ живымъ общественнымъ чувствомъ, его идеалы были весьма положительны; а потому и о немъ можно сказать словами поэта: „И на землѣ не все онъ презиралъ"!

Жоржъ Зандъ, ея жизнь и произведенія. 1804—1888. Владиміръ Каренинъ. Съ приложеніемъ портретовъ, факсимиле и неизданныхъ отрывковъ и писемъ Жоржъ Зандъ. Спб. 99. Стр. 635. Ц. 3 р. 50 к.

Настоящій трудъ, первая часть котораго только-что явилась въ печати, займетъ, въ случаѣ его перевода, видное мѣсто и въ литературѣ самого отечества Жоржъ Зандъ: авторъ, какъ видно изъ предисловія къ книгѣ, пользовался массою неизданныхъ доселѣ писемъ и бумагъ, и въ самой семьѣ знаменитой писательницы нашего вѣка нашелъ самую усердную помощь и поддержку; внучки Ж. Зандъ, своими разсказами и воспоминаніями, дополнили многое изъ ея жизни въ Ноганѣ и Парижѣ и дали возможность помѣстить ея портретъ въ дѣтствѣ.

Наша финансовая политика и задачи будущаго. Б. Головинъ. 1887—1898. Спб. 99. Стр. 261. Ц. 2 р.

Это серьезное и разностороннее изслѣдованіе предмета, лежащаго въ основаніи всей государственной и народной жизни каждой страны, и вызывающаго, въ то же время, у насъ, самые противоположные взгляды и сужденія, заслуживаетъ ближайшаго ознакомленія съ нимъ. Авторъ, прежде всего, останавливается, въ нашей исторіи истекшаго десятилѣтія, передъ тѣмъ рѣдко встрѣчающимся фактомъ въ жизни народовъ, а именно, что, при громадномъ пространствѣ самой страны, съ 130-тью милліонами населенія, „у бѣднаго и непредпріимчиваго народа — богатое и очень дѣятельное правительство"; что „среди народа, медленно накопляющаго капиталъ, еще медленнѣе разрабатывающаго свои природныя богатства и почти неподвижнаго въ своемъ главномъ промыслѣ (земледѣліе), искусственно вызваны призраки экономическаго оживленія, привито къ нему, такъ сказать, и промышленное грюндерство, и биржевая лихорадка, и даже призракъ богатства—огромный металлическій запасъ... Нужды нѣтъ, что это движеніе вызвано не внутренними отправленіями организма, что оно обходится очень дорого—и что поэтому видимое обогащеніе можетъ быть только кажущимся; цѣль (?) тѣмъ не менѣе достигнута". Перечисливъ затѣмъ главнѣйшія условія всякой здравой финансовой политики, въ основѣ которой должно быть, по его мнѣнію, поставлено развитіе сельскаго хозяйства, авторъ задается вопросомъ: имѣются ли у насъ на лицо всѣ эти условія, при современномъ блестящемъ положеніи нашихъ финансовъ? Для полученія отвѣта на такой вопросъ, авторъ предпринялъ самый трудъ—и пришелъ къ заключенію, что „у блестящаго фасада нашего экономическаго положенія есть очень непригдядный задворокъ. Съ одной стороны, несомнѣнные признаки развитія; съ другой—въ центрѣ страны, и какъ разъ въ самыхъ плодородныхъ ея областяхъ, пониженіе урожайности и, одновременно съ нимъ, явные признаки растущаго обѣднѣнія обоихъ земледѣльческихъ классовъ"...

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 99.

Въ первомъ выпускѣ собраны статьи Н. П. Гилярова-Платонова, появившіяся въ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ, преимущественно славянофильскаго направленія—во второй половинѣ 50-хъ годовъ, когда, собственно, началась профессорская, ученая и литературная дѣятельность этой, во многихъ отношеніяхъ, замѣчательной личности, испытавшей на себѣ большія превратности судьбы. Первому выпуску предпослана весьма обстоятельная и интересная біографія автора статей „Сборника", составленная кн. Н. В. Шаховскимъ.

Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи. Т. Фаула. Пер. съ англ. А. М. Бѣлова. Спб. 99. Стр. 211. Ц. 1 р.

Переводчикъ предупреждаетъ читателей, заявляя, что книга Фаула написана вовсе не для спеціалистовъ, ищущихъ техническихъ подробностей по той или другой сторонѣ дѣла призрѣнія. Но это нисколько не уменьшаетъ у насъ интереса къ книгѣ: авторъ ея излагаетъ исторію призрѣнія въ Англіи, имѣющую три столѣтія за собою, и стремленіе въ этой странѣ къ выработкѣ лучшихъ способовъ призрѣнія, со всѣми ошибками и промахами, какіе оказались неизбѣжными при примѣненіи теоріи къ практикѣ жизни; вотъ это послѣднее и представляетъ много поучительнаго для насъ, гдѣ дѣло призрѣнія, можно сказать, находится въ зачаткахъ.

М. М. Ковалевскій. Развитіе народнаго хозяйства въ западной Европѣ. Публичныя лекціи, читанныя въ брюссельскомъ университетѣ. Спб. 99. Стр. 225. Ц. 75 к.

Собранные въ этой книгѣ очерки западноевропейской экономической исторіи касаются отчасти тѣхъ же вопросовъ, которымъ посвященъ вышедшій недавно первый томъ обширнаго изслѣдованія автора подъ заглавіемъ: „Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства". М. М. Ковалевскій является здѣсь историкомъ-экономистомъ и разсматриваетъ изучаемые факты въ связи съ теоріями и взглядами новѣйшихъ изслѣдователей народнаго хозяйства; особенно интересна съ этой точки зрѣнія вступительная глава объ „эволюціи экономическихъ порядковъ", равно какъ и лекціи о судьбахъ земледѣльческой общины.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 6-я.
ІЮНЬ, 1899.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ОБЪЯВЛ[illegible]

[illegible] ...[illegible]ЛРИ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ...[illegible]СОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

[К]НИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1899.

Стр.

I.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ МАКЕДОНІЮ.—Европейская дипломатія и македонскій вопросъ.—IV-V.—Окончаніе.—**П. Милюкова** 425

II.—ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ.—Повѣсть.—VIII-XV.—**К. Ѳ. Головина** 457

III.—НА КАМЕННОМЪ МЫСУ.—Разсказъ изъ чукотской жизни.—I-III.—**Н. А. Тэнъ** 515

IV.—КАНИКУЛЫ.—Повѣсть.—I-V.—**Ел. Бердяевой** 551

V.—РЕФОРМЫ ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ.—**М. Сукенникова** 625

VI.—ИЗЪ ГРУСТНЫХЪ ПѢСЕНЪ.—**Г. Я. Попова** 680

VII.—ЗАПИСКИ ИЗЪ ЭПОХИ ГОЛОДА ВЪ 1891—92 гг.—I-VI.—**Гр. Л. Толстой-сынъ** 682

VIII.—НОРВЕЖСКІЕ МОТИВЫ.—Стих. **Е. К. Остенъ-Сакенъ** 717

IX.—ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ.—The Ways of Life, by M. Oliphant.—I-VIII.—Съ англ. **А. Б—г—** 719

X.—ЧЕТЫРЕ СОНЕТА.—Стих. **В. И** 771

XI.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшее повелѣніе 6-го мая; ссылка судебная и административная.—Б. Н. Чичеринъ объ отношеніи губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ и объ отношеніи земства къ государству.—Измышленія на ту же тему систематическихъ враговъ земства.—Инцидентъ въ тверскомъ губернскомъ земствѣ.—Печать и Государственный Совѣтъ.—Чрезвычайный финляндскій сеймъ 774

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Гаагская конференція мира.—Особенности ея состава и способа совѣщаній.—Три коммиссіи и ихъ программы.—Идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.—Возможные результаты конференціи.—Общее политическое настроеніе въ Европѣ.—Внутреннія дѣла во Франціи.—Смерть Кастеляра . . . . 79[illegible]

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Севастопольскія письма Н. И. Пирогова.—**А. П.**—Сборникъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова.—Воспоминанія о студенческой жизни.—**Т.**—Новыя книги и брошюры 811

XIV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Becque, La Parisienne, etc.—II. A. Schnitzler, Der grüne Kakadu, etc.—III. Christomanos, Tagebuch-Blätter.—**З. В.** . . . . 8[illegible]

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Пушкинскія празднества въ 1880 г. и почти двадцать лѣтъ спустя.—Два противоположныхъ теченія.—Еврейскій погромъ въ Николаевѣ и безпорядки въ Ригѣ.—Праздники „древонасажденія“.—Нѣчто о взяткахъ.—Полемика кн. Трубецкого съ кн. Церетелевымъ.—Кн. Н. Д. Долгоруковъ † 849

XVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отчетъ Комитета Кружка для помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая 865

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Пушкинъ, Л. Майкова.—А. С. Пушкинъ, избранныя мѣста изъ его стихотвореній, для начальныхъ народныхъ училищъ, изданіе Спб. Городской Думы.—Къ біографіи Пушкина, Н. Невзорова.—Иностранные капиталы, Б. Ф. Брандта.

XVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

☞ **Подписка на годъ, полугодіе и вторую половину 1899 года.** ☜

(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ

МАКЕДОНІЮ

Европейская дипломатія и македонскій вопросъ.

Окончаніе.

IV [1]).

Въ апрѣлѣ 1880 г., Порта увѣдомила европейскія правительства, что „всѣ формальности, предписываемыя XXIII-ей статьей Берлинскаго трактата, выполнены, и не остается ничего болѣе, какъ ввести въ дѣйствіе новыя правила, выслушавъ предварительно отзывъ о нихъ (après avoir pris préalablement l'avis) румелійской коммиссіи". Въ теченіе мая, члены коммиссіи, отчасти вновь назначенные [2]), собрались въ Константинополѣ. Задача ихъ была теперь нѣсколько иная, чѣмъ прежде. „Въ Восточной Румеліи",—замѣчалъ по этому поводу Дрюммондъ-Вольфъ, —„коммиссія была облечена верховными правами. При разработкѣ органическаго статута на основаніи XXIII-ей статьи—она имѣетъ .о совѣщательный голосъ. Но коммиссары имѣли основаніе ть, что, по свойственной туркамъ лѣности, или по другимъ

См. выше: май, 52 стр.

[ордъ Фицморисъ, вмѣсто Друммонда-Вольфа; бар. Козенъ, вмѣсто Каллая; ıво, вмѣсто кн. Цертелева и полк. Шепелева.

причинамъ, турецкое правительство приметъ румелійскій уставъ за руководство, или своего рода „text-book“ для другихъ реформъ... Можетъ быть, окажется, что при переработкѣ устава для другихъ провинцій были вставлены или измѣнены нѣкоторыя выраженія, уменьшающія цѣнность устава для населенія. Противъ этого коммиссія должна быть на-сторожѣ. *Уровень реформъ долженъ быть скорѣе поднятъ, чѣмъ пониженъ*“ [1]).

Собравшіеся въ Константинополѣ представители державъ начали съ того, что констатировали нарушеніе Портой порядка выработки реформъ, установленнаго XXIII-ей статьей. Далѣе, уже при первомъ знакомствѣ съ проектомъ реформъ, выработаннымъ Портой безъ содѣйствія даже мѣстныхъ коммиссій,—они должны были констатировать основательность только-что цитированныхъ опасеній Дрюммонда-Вольфа. „Общее мнѣніе делегатовъ“,—писалъ лордъ Фицморисъ своему правительству,—„неблагопріятно для проекта“. Делегаты полагаютъ, что критскій уставъ не былъ достаточно принятъ во вниманіе; что отдѣлы о бюджетѣ и финансахъ не только черезчуръ общи, но даже въ основныхъ своихъ чертахъ совершенно недостаточны; что составъ собранія и областныхъ совѣтовъ долженъ быть тщательно пересмотрѣнъ, чтобы не дать членамъ по назначенію обезсилить выборный элементъ; что то-же замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и по поводу системы выборовъ, представляющей слишкомъ ничтожный шагъ впередъ сравнительно съ существующей системой; что, съ одной стороны, въ проектѣ есть цѣлыя главы, которыя всего лучше было бы выбросить, а, съ другой, совершенно упущены изъ виду предметы первостепенной важности, напр. организація судовъ, жандармеріи, тюремъ; и помимо всего прочаго, въ массѣ случаевъ, привилегіи, формально уступленныя, фактически ограничены необходимостью разрѣшенія или одобренія центральныхъ константинопольскихъ властей“ [2]).

Есть обвиненія въ этомъ приговорѣ, которыя, какъ мы знаемъ, имѣютъ силу и противъ самого румелійскаго устава; въ большинствѣ же случаевъ, критика делегатовъ обращается противъ урѣзокъ, сдѣланныхъ турками въ новомъ проектѣ, сравнительно съ румелійскимъ. Оптимистическіе же разсчеты Вольфа на „традиціонную лѣность“ турокъ, очевидно, не оправдались. Новымъ

---

[1]) „Turkey“, № 15, I, стр. 2—3. „Если событія покончатъ съ турецкой династіей въ Европѣ“,—прибавлялъ Др. Вольфъ,—„то въ такомъ случаѣ населеніе, обезпеченное уже раньше пріобрѣтенными вольностями, не такъ легко сдѣлается слѣпымъ орудіемъ или жертвой иностраннаго честолюбія или коварства“.

[2]) Ibid. 87.

делегатамъ пришлось энергически „поднимать уровень“ реформы не *надъ* высотой, а лишь, по возможности, *на* высоту румелійскаго устава. Въ шестнадцати засѣданіяхъ (іюнь-августъ 1880 года) они пересмотрѣли статью за статьей турецкій проектъ и ввели въ него массу существенныхъ измѣненій. Мы разсмотримъ эти измѣненія, слѣдуя порядку главъ выработаннаго коммиссарами „Новаго закона о европейскихъ вилайетахъ Турціи“ [1]).

Первая глава румелійскаго органическаго устава не могла быть вовсе заимствована для новаго устройства европейскихъ вилайетовъ, такъ какъ она содержала въ себѣ государственное право автономной провинціи, выведенное изъ постановленій Берлинскаго трактата. Такимъ образомъ, первой главой новаго закона о вилайетахъ сдѣлалась вторая глава румелійскаго устава, трактовавшая объ „общихъ правахъ жителей“ (въ турецкомъ проектѣ стояло: „гражданъ“). Турція издавна была щедра на провозглашеніе общихъ принциповъ. Конституція 1876 года, не отмѣненная формально, была еще у всѣхъ свѣжа въ памяти въ 1880 году [2]). Румелійскій уставъ, въ разсматриваемой главѣ, составляетъ ея дальнѣйшее развитіе, а законъ о европейскихъ вилайетахъ развиваетъ и дополняетъ, въ свою очередь, постановленія румелійскаго устава. *Подобно* предъидущимъ актамъ, этотъ законъ признаетъ за жителями равенство передъ закономъ „безъ различія народности и религіи“, свободное отправленіе культа, свободу печати и преподаванія, право единоличныхъ и коллективныхъ петицій, свободу передвиженія, неприкосновенность личной свободы и жилища, неприкосновенность имущества. *Въ отличіе* отъ прежнихъ актовъ онъ детально разработываетъ постановленія о гарантіяхъ личной свободы въ случаѣ предварительнаго ареста (§§ 5—11). Затѣмъ, онъ вводитъ въ текстъ нѣсколько важныхъ постановленій румелійскаго устава и константинопольской конференціи, опущенныхъ въ турецкомъ законопроектѣ: о доступности общественныхъ должностей для всѣхъ, обладающихъ надлежащими знаніями и способностями, и о назначеніи мутессарифовъ и каймакамовъ изъ послѣдователей той религіи, къ которой принадлежитъ большинство населенія даннаго округа (§ 21); о неупотребленіи иррегулярныхъ войскъ и прекращеніи колонизаціи черкесовъ (§§ 25,

---

[1]) Его текстъ см. ibid. I, стр. 33—83. Текстъ, выработанный коммиссіей, см. въ *Синей книгѣ*, „Turkey“, № 16 (1880), Despatch from lord E. Fitzmaurice inclosing the new law for the European provinces of Turkey. Протоколы засѣданій см. въ „Turkey“, № 15, Parts I—II.

[2]) См. текстъ ея въ *Синей книгѣ*, „Turkey“, № 2 (1877), стр. 114—122.

26). Сюда же относится параграфъ (22-й) о языкахъ, дебатировавшійся румелійской коммиссіей въ цѣлыхъ четырехъ засѣданіяхъ [1]. Здѣсь въ этомъ вопросѣ сдѣланы значительныя уступки: оставивъ турецкій языкъ оффиціальнымъ въ европейскихъ вилайетахъ, коммиссія допустила употребленіе мѣстныхъ языковъ лишь въ обращеніяхъ жителей къ властямъ и въ судахъ, но отнюдь не въ сношеніяхъ мѣстныхъ властей между собою, какъ было принято за правило для Восточной Румеліи (§ 22 обоихъ уставовъ).

Глава вторая „о генералъ-губернаторахъ (вали)", составленная по румелійскому уставу съ нѣкоторыми прибавками изъ стараго закона о вилайетахъ, подверглась очень незначительнымъ измѣненіямъ со стороны делегатовъ. Самыми важными были опредѣленія, что „если вали—мусульманинъ, то его мустехаръ (помощникъ) будетъ не-мусульманинъ, и vice versa", и что, въ случаѣ отсутствія вали, его мѣсто *обязательно* занимаетъ этотъ помощникъ (послѣднее—согласно предложенію адріанопольской коммиссіи). Съ помощью нѣсколькихъ редакціонныхъ поправокъ, право составлять „ordre du jour" провинціальнаго собранія и объявлять его исчерпаннымъ отнято было у вали и передано самому собранію. Наконецъ, соотвѣтственно старой тенденціи константинопольской и румелійской коммиссій,—подчеркнута была власть вали надъ *всѣми* чиновниками его вилайета (т.-е. не исключая назначенныхъ Портою высшихъ чиновниковъ). Конечно, это была плохая замѣна права, предоставленнаго румелійскому губернатору рекомендовать своихъ кандидатовъ на высшіе посты. Ту же тенденцію—усилить независимость вали отъ Порты, преслѣдовало принятое коммиссарами предложеніе салоникской коммиссіи, по которому вали получалъ право самолично утверждать уставы анонимныхъ обществъ. Главное изъ условій губернаторской самостоятельности—пятилѣтній срокъ его власти—было принято уже въ проектѣ самой Порты, соотвѣтственно румелійскому и критскому статутамъ.

Третья глава („о центральной администраціи вилайетовъ") состоитъ изъ перечисленія начальниковъ главныхъ частей вилайетскаго управленія, съ подробнымъ указаніемъ компетенціи каждаго [2]. Въ самомъ началѣ этой главы находимъ въ законопроектѣ важное измѣненіе (сравнительно съ румелійскимъ уста-

---

[1]) „Turkey", № 9, I, стр. 202, 218, 258—265, 286.

[2]) Именно: 1) мустехаръ, 2) дафтердаръ (директоръ финансовъ), 3) директоръ юстиціи, 4) мектубджи, или начальникъ корреспонденціи, 5) директоръ общественныхъ работъ, земледѣлія и торговли, 6) директоръ народнаго просвѣщенія и 7) алай-бей, или жандармскій полковникъ.

вомъ), на которомъ необходимо остановиться подробнѣе. По старому закону о вилайетахъ (1867 г.), при вали состоялъ „административный совѣтъ“, въ составъ котораго входили начальники главныхъ частей управленія (4) и четверо выборныхъ членовъ—по два отъ мусульманскаго и не-мусульманскаго населенія. Румелійская коммиссія проектировала, помимо „частнаго совѣта“ при губернаторѣ изъ его высшихъ чиновниковъ, еще другой „постоянный комитетъ“—изъ депутатовъ, выбранныхъ народнымъ собраніемъ, чтобы контролировать дѣйствія губернатора въ промежутки между сессіями и даже издавать вмѣстѣ съ нимъ распоряженія, имѣющія до ближайшей сессіи силу закона. Англійскій уполномоченный въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ за-одно съ русскими; но, конечно, у каждой стороны были свои цѣли. Русскіе представители разсчитывали усилить значеніе народнаго представительства, создавъ для него постоянный òрганъ; Друммондъ-Вольфъ хотѣлъ обезпечить при посредствѣ этого органа перевѣсъ умѣренной партіи надъ демократическими элементами собранія. При обсужденіи проекта рѣзко высказался противъ устройства „постояннаго комитета“ австрійскій уполномоченный Каллай: онъ находилъ, что проектируемое учрежденіе, съ своимъ правомъ законодательствовать въ промежуткѣ между сессіями, можетъ уничтожить значеніе народнаго собранія; съ другой стороны, въ случаѣ своей слабости, оно послужитъ ширмами для губернатора и сниметъ съ него личную отвѣтственность за его дѣйствія, которая формально продолжала бы лежать на немъ при существованіи стараго „административнаго совѣта“ изъ чиновниковъ.

Впослѣдствіи, практика „постояннаго комитета“ въ Восточной Румеліи показала, что во всѣхъ этихъ соображеніяхъ и мотивахъ была доля правды, но только всѣ силы, которыхъ опасались одни и на которыя надѣялись другіе, тянули въ одну сторону и привели къ одному, весьма крупному результату. „Постоянный комитетъ“, дѣйствительно, обратился въ своего рода „comité du salut public“,—во чтò никакъ не хотѣлъ повѣрить Каллай, и чего такъ желали лучше знавшіе дѣло русскіе делегаты и такъ опасались турецкіе. Не только „директорà“, но и самъ губернаторъ совершенно стушевались передъ постояннымъ комитетомъ въ началѣ его дѣятельности, и, увѣренный въ своемъ всемогуществѣ, „постоянный комитетъ“ охотно служилъ ширмами для губернатора, когда это было нужно для его цѣли,—т.-е. чтобы снять съ губернатора отвѣтственность,—только не передъ народнымъ собраніемъ, а—передъ сюзереномъ.

Конечно, такой результатъ не могъ быть совершенно неожиданъ для европейскихъ уполномоченныхъ. Не закрывая глаза на будущее значеніе создаваемаго ими органа, хотя и не сознавая вполнѣ, какое вліяніе онъ получитъ въ дѣйствительности, они хлопотали главнымъ образомъ о томъ, чтобы это вліяніе попало въ благонадежныя руки. Но тутъ и расходились рѣшительно взгляды русскихъ и европейскихъ делегатовъ. Русскіе настаивали на томъ, чтобы составъ комитета отражалъ на себѣ реальное большинство страны, т.-е. чтобы онъ былъ болгарскимъ и демократическимъ. Европейскіе—стояли за то, чтобъ обезпечить равновѣсіе между болгарскимъ большинствомъ и греко-турецкимъ меньшинствомъ, между демократическими и умѣренными элементами. Этотъ вопросъ о составѣ постояннаго комитета оставался открытымъ въ теченіе всего времени засѣданій румелійской коммиссіи, и только въ концѣ былъ рѣшенъ путемъ цѣлаго ряда компромиссовъ [1]). Жизнь, въ концѣ концовъ, взяла свое и опрокинула искусственное равновѣсіе народностей, съ такимъ трудомъ установленное въ параграфахъ устава. Ни одинъ сторонникъ меньшинства не попалъ въ составъ постояннаго комитета, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, и сплошной болгарскій составъ комитета дѣйствовалъ дружно, безъ всякихъ разногласій между консервативными и демократическими элементами. Для будущаго страны это былъ огромный успѣхъ, но европейская коммиссія не могла не смотрѣть на него иначе, какъ на полную неудачу своихъ предначертаній. Турецкое и греческое меньшинство, несмотря на искусственную поддержку

---

[1]) По первоначальному проекту Дрьммонда-Вольфа („Turkey“, № 9, II, 539), комитетъ составлялся изъ одиннадцати членовъ, выбранныхъ собраніемъ: изъ нихъ четверо—изъ числа членовъ засѣдавшихъ по праву, изъ семи другихъ—трое изъ меньшинства, и только четыре остальныхъ изъ большинства. Затѣмъ, вслѣдствіе несогласія русскихъ депутатовъ, Рингъ внесъ поправку, по которой число членовъ было девять,—изъ нихъ пятеро изъ большинства, четверо изъ меньшинства (ibid., 651). Послѣ новыхъ возраженій русскихъ коммиссаровъ, французскій уполномоченный предложилъ добавить къ девяти дѣйствительнымъ членамъ трехъ кандидатовъ,—въ томъ числѣ двухъ отъ большинства (ibid., 653, 661). Наконецъ, при второмъ чтеніи, русскіе делегаты согласились на новую уступку, вслѣдствіе которой составъ комитета былъ: десять дѣйствительныхъ членовъ и три кандидата; шестеро изъ числа первыхъ и двое изъ числа вторыхъ должны были принадлежать къ большинству (ibid. 963). Полемику по поводу учрежденія постояннаго совѣта его, кромѣ указанныхъ мѣстъ, см. ibid., I, 448; II, 652—654; 661—665. Замѣчанія о дѣйствительной роли „постояннаго комитета“ см. въ книгѣ Матвѣева, „Болгарія послѣ берлинскаго конгресса“, стр. 226—227, 235—237. Ср. также „Дневници на Постоянний Комитетъ за 1879—1884 гг. (скратени протоколии, изд. на Народномъ Събрание, София, 1890, 5 томовъ)“.

европейской коммиссіи, оказалось совершенно безсильнымъ передъ этимъ компактнымъ большинствомъ, и со свойственной болгарамъ безцеремонностью постоянный комитетъ не замедлилъ показать свою силу всевозможнымъ инородцамъ и иностранцамъ— и прежде всего финансовому директору Шмидту, на котораго члены комитета какъ бы перенесли всю ненависть, унаслѣдованную отъ эпохи народнаго протеста противъ европейскихъ исполнителей Берлинскаго трактата. Естественно, что европейскимъ делегатамъ трудно было оцѣнить принципіальную сторону упорной, часто мелочной борьбы за упроченіе дорого доставшейся независимости,—борьбы, которую, въ сущности, велъ постоянный комитетъ. Съѣхавшись опять въ Константинополѣ, эти делегаты были озабочены тѣмъ, чтобы не повторить своей ошибки. Турки механически переписали въ свой законопроектъ постановленія румелійскаго устава и о „частномъ", и о „постоянномъ" комитетѣ, но Европа на этотъ разъ запротестовала и рѣшила слить оба комитета въ одинъ. Лордъ Фицморисъ представилъ своимъ коллегамъ любопытную критику „постояннаго комитета" съ точки зрѣнія — если не знатока мѣстныхъ условій, — зато опытнаго конституціоналиста. „Идея, руководившая образованіемъ постояннаго комитета",—говорилъ онъ,—„не свидѣтельствуетъ о довѣріи къ народу. Если бы существовало такое довѣріе, то легко было бы устроить непосредственную связь между провинціальнымъ представительствомъ и властью, какъ это и водится во всѣхъ странахъ, обладающихъ правильнымъ конституціоннымъ строемъ. Въ подобныхъ странахъ министры, даже если они не состоятъ членами палаты, всегда отъ нея зависятъ косвенно. Въ Восточной же Румеліи хотѣли, напротивъ, совершенно отдѣлить собраніе отъ административнаго управленія, чтобы ввѣрить послѣднее, хотя бы на первое время, иностранцамъ... Съ этой цѣлью заимствовали изъ американской конституціи—или изъ французскаго закона о генеральныхъ совѣтахъ—идею постояннаго комитета. Результатъ получился такой, какой можно было предвидѣть. Собраніе не имѣло права низлагать директоровъ, которые ему не нравились, законными способами, принятыми въ парламентарныхъ странахъ. Но оно имѣло почти безусловную власть надъ бюджетомъ и, при посредствѣ своего постояннаго комитета, присвоило себѣ опасный и стѣснительный контроль надъ всей администраціей. Директоры оказались, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу съ замаскированной и придирчивой властью, опиравшейся на общественное мнѣніе. Въ результатѣ, страна прошла черезъ всѣ бѣдствія, неизбѣжно вытекающія изъ системы

двоевластія: постоянныя ссоры и столкновенія въ администраціи, подозрительность и недовѣрчивость со стороны общественнаго мнѣнія. Надо, слѣдовательно, постараться избѣжать тѣхъ же опасностей въ другихъ европейскихъ провинціяхъ Турціи. А для этого не слѣдуетъ только отступать передъ естественными послѣдствіями устройства выборной палаты. Я предлагаю уничтожить постоянный комитетъ и вмѣсто него дать палатѣ право назначать въ административный совѣтъ столько же членовъ, сколько тамъ будетъ засѣдать по праву директоровъ... Такимъ образомъ, между собраніемъ и исполнительной властью будетъ установлена связь, соотвѣтствующая потребностямъ провинцій и духу современныхъ свободныхъ учрежденій“ [1]).

Надо признаться, что своей конституціонной цѣли лордъ Фицморисъ достигалъ не совсѣмъ конституціонными средствами. Административный совѣтъ вовсе не превращался въ отвѣтственное министерство однимъ только тѣмъ фактомъ, что число правительственныхъ чиновниковъ въ немъ уравнивалось съ числомъ народныхъ депутатовъ. Этимъ только возстановлялся порядокъ стараго закона о вилайетахъ: правда, вмѣсто четырехъ выборныхъ членовъ, соотвѣтственно четыремъ старымъ чиновникамъ совѣта, ихъ было теперь восемь, соотвѣтственно увеличившемуся персоналу директоровъ. Надо прибавить, что при окончательной формулировкѣ рѣшено было ввести въ административный совѣтъ, кромѣ выборнаго и чиновничьяго элемента, еще и третій элементъ—членовъ по праву—въ лицѣ предсѣдателей религіозныхъ общинъ. Въ этомъ видѣ новое учрежденіе получало уже совсѣмъ восточный характеръ.

Конечно, расширенный такимъ образомъ административный совѣтъ получалъ и новыя права, и новую отвѣтственность, какихъ не имѣлъ и не несъ „частный“ совѣтъ румелійскаго устава. Относящійся сюда параграфъ (50-й) былъ вставленъ въ законопроектъ изъ критскаго административнаго регламента (§§ 13 и 14). Вали *обязанъ* былъ по поводу всякой мѣры, не чисто исполнительнаго характера, спрашивать мнѣнія совѣта; послѣдній *имѣлъ право* обсуждать всѣ мѣры, „которыя будутъ имѣть постоянный или длящійся характеръ“; наконецъ, онъ могъ дѣлать измѣненія въ предложеніяхъ вали, и принятыя такимъ образомъ мѣры или могли немедленно, безъ дальнѣйшихъ санкцій, быть приводимы въ исполненіе, или же входили въ силу послѣ трехмѣсячнаго молчанія Порты. Но вали могъ и отвергать поправки

---

[1]) „Turkey“, № 15, стр. 155.

или мѣры, предложенныя совѣтомъ,—только въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ проводить свои собственныя рѣшенія не иначе, какъ въ формѣ императорскаго ираде. Наконецъ, въ случаяхъ настоятельной нужды, онъ сохранялъ право дѣйствовать самолично, лишь подъ условіемъ послѣдующей ратификаціи своихъ дѣйствій посредствомъ ираде. Нечего и говорить, что всѣ эти лазейки дѣлали сопротивленіе административнаго совѣта въ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ совершенно безсильнымъ и безполезнымъ. Въ этомъ вопросѣ, слѣдовательно, какъ и въ вопросѣ о назначеніи высшихъ чиновниковъ, безъ участія вали, новый законъ о вилайетахъ былъ значительнымъ шагомъ назадъ сравнительно съ румелійскимъ уставомъ. „Уровень“ былъ сильно „пониженъ“. Не останавливаясь на опредѣленіи компетенціи высшихъ чиновниковъ, скопированномъ съ румелійскаго устава, съ нѣкоторыми дополненіями изъ старыхъ турецкихъ законовъ, и оставленномъ почти безъ всякихъ измѣненій европейскими делегатами, переходимъ прямо къ главѣ IV-й—„о генеральныхъ совѣтахъ вилайета“. Эта глава значительно переработана коммиссіей, большею частью въ смыслѣ расширенія провинціальныхъ правъ (сравнительно съ турецкимъ законопроектомъ), но въ нѣкоторыхъ вопросахъ и въ обратномъ смыслѣ (сравнительно съ румелійскимъ уставомъ).

Составъ „областного собранія“ румелійскаго устава явился результатомъ очень упорной борьбы въ средѣ членовъ румелійской коммиссіи. Въ томъ видѣ, въ какомъ эта часть устава вышла изъ-подъ пера Дрюммонда-Вольфа, собраніе должно было заключать въ себѣ: 1) 36 членовъ выборныхъ, 2) половину, т.-е. 18 членовъ по назначенію, и 3) 10 членовъ по праву (въ томъ числѣ 7 представителей религіозныхъ общинъ, два предсѣдателя верховныхъ судовъ и контролеръ финансовъ). Русскіе представители, Шепелевъ и Цертелевъ, рѣзко возстали противъ введенія второй категоріи членовъ, напоминая, что о членахъ по назначенію не было рѣчи не только на константинопольской конференціи, но даже и въ старыхъ турецкихъ законахъ; что при такомъ значительномъ меньшинствѣ никогда не можетъ составиться большинства трехъ-четвертей, требуемаго законопроектомъ для отдачи подъ судъ вали и для измѣненія общегосударственныхъ законовъ; что достаточно будетъ легкаго давленія на незначительное большинство, чтобы обезпечить администраціи безусловное вліяніе на представительство; что, наконецъ, лучше не давать никакого народнаго представительства, чѣмъ создавать мнимый контроль, на дѣлѣ не существующій. Дрюммондъ-Вольфъ

и бар. Рингъ доказывали, напротивъ, что члены по назначенію необходимы, чтобы обезпечить представительство турецкому и греческому меньшинству, а также чтобы дать губернатору опору въ вліятельной и умѣренной группѣ депутатовъ. Чтобы подчеркнуть эту послѣднюю цѣль, оба делегата ввели добавочный параграфъ, по которому треть назначенныхъ членовъ должна была состоять изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, другая треть—изъ чиновниковъ и третья—изъ представителей либеральныхъ профессій. Они соглашались, далѣе, низвести общую цифру назначенныхъ членовъ съ половины до трети (12) выборныхъ членовъ собранія. Русскіе представители соглашались на восемь; наконецъ, въ окончательной редакціи сошлись на десяти [1]. Турецкій законопроектъ, принявъ, въ общемъ, текстъ румелійскаго устава, ввелъ, однако, въ деталяхъ рядъ ограниченій. Число назначенныхъ членовъ онъ опредѣлилъ какъ „треть" выборныхъ, сохранивъ притомъ ихъ соціальный составъ, указанный Вольфомъ и Рингомъ. Новые коммиссары низвели цифру назначенныхъ членовъ до „четверти" выборныхъ, и половину ихъ (вмѣсто трети) рѣшили выбирать изъ представителей либеральныхъ профессій. Право быть избранными въ генеральный совѣтъ турецкій проектъ оставилъ только за уроженцами вилайета или лицами, прожившими въ немъ не менѣе пяти лѣтъ. Новый законъ вернулъ это право всѣмъ, „имѣющимъ мѣстожительство" въ вилайетѣ. Продолжительность сессіи, ограниченная полутора мѣсяцами въ законопроектѣ, по-прежнему опредѣлена въ два мѣсяца въ новомъ уставѣ. Право объявлять программу сессіи исчерпанной дано предсѣдателю собранія; право вали распускать собраніе обусловлено согласіемъ административнаго совѣта (за исключеніемъ чрезвычайныхъ случаевъ). Право султана санкціонировать законы, постановляемые собраніемъ, ограничено четырехмѣсячнымъ срокомъ, со времени представленія закона вали; по истеченіи этого срока, молчаніе Порты рѣшено считать согласіемъ. Значительно расширенъ списокъ предметовъ, по которымъ собраніе имѣетъ законодательную конституцію. Подтверждена полная безотвѣтственность депутатовъ за мнѣнія, высказанныя въ собраніи, и исключена оговорка турецкаго проекта („поскольку эти мнѣнія соотвѣтствуютъ задачамъ совѣта"). Дисциплинарная власть предсѣдателя, имѣвшаго по турецкому проекту право исключить депутата на всю сессію за оскорбленіе правительства—ограничена случаемъ рецидива и не-

---

[1] „Turkey", № 9, part II, стр. 535, 595—603, 962—3.

согласія извиниться (согласно предложенію салоникской коммиссіи). Возстановлено находившееся въ румелійскомъ уставѣ право депутата говорить рѣчи и дѣлать письменныя заявленія *на родномъ языкѣ*. Наконецъ, особенно значительно расширены финансовыя права генеральнаго совѣта. Турецкій законопроектъ формулировалъ эти права—и относительно совѣта, и относительно провинціи вообще—чрезвычайно туманно и въ сущности предоставлялъ народному представительству только совѣщательный голосъ въ вопросахъ бюджета. Лордъ Фицморисъ энергично протестовалъ противъ недостаточности уступокъ въ этомъ вопросѣ и зàново составилъ относящуюся сюда часть проекта. Вмѣсто § 19-го, глухо опредѣлявшаго, что, „за покрытіемъ издержекъ по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго управленія, 10% общихъ доходовъ вилайета будетъ употребляемо на извѣстныя нужды области, а остальное будетъ вноситься въ военный бюджетъ и на другіе общіе расходы центральной администраціи“,—англійскій уполномоченный точно опредѣлилъ (§ 84), какіе именно расходы и доходы должны считаться мѣстными, какіе—общегосударственными, какая доля должна оставаться провинціи и въ какомъ порядкѣ она должна расходоваться. Вопреки турецкому пріему—сперва опредѣлить, чтò нужно для провинціи, и потомъ все остальное взять въ казну, онъ употребилъ обратный способъ: выдѣлилъ расходы центральнаго управленія (войско и флотъ, liste civile, иностранное представительство, общественный долгъ и др.), остальные же расходы (въ томъ числѣ по юстиціи, жандармеріи и полиціи) призналъ мѣстными. При этой системѣ, конечно, на долю провинціальнаго бюджета приходилось больше статей и только уже остальная сумма, за покрытіемъ *этого* бюджета, дѣлилась въ извѣстной пропорціи между провинціей и казной. Фицморисъ опредѣлилъ долю провинціи не въ 10%, какъ предлагалъ турецкій проектъ, а въ 15%. По его приблизительному разсчету, вся сумма доходовъ, остававшихся такимъ образомъ въ распоряженіи генеральнаго совѣта, должна была составлять не менѣе 50% всѣхъ поступленій вилайета. Надо прибавить, что сверхъ того самъ турецкій проектъ давалъ совѣту право добавочнаго обложенія на нужды провинціи въ размѣрѣ до 5% бюджета. Конечно, все это было меньше, чѣмъ 70%, которые константинопольская конференція и румелійскій уставъ оставляли на нужды провинцій изъ ихъ общаго дохода.

Не менѣе важно, чѣмъ точное опредѣленіе областныхъ и центральныхъ доходовъ и расходовъ, былъ вновь установленный Вольфомъ порядокъ поступленія, храненія и расходованія суммъ,

сливъ ея функціи съ функціями казы. Въ этомъ смыслѣ выработано было румелійское устройство, съ его „округомъ (департаментомъ)“, „околіей“ и „общиной“. При обсужденіи турецкаго законопроекта, однако, Фицморисъ началъ склоняться къ русской точкѣ зрѣнія и высказался за сохраненіе нахіи и за уничтоженіе казы,—причемъ къ положенію уничтожаемой казы должна была приблизиться черезчуръ крупная и потому безполезная въ настоящемъ видѣ высшая единица—санджакъ [1]). Это рѣшеніе, кажется, было самымъ благоразумнымъ, если только не проще было бы прямо уничтожить самый санджакъ. Но, къ сожалѣнію, оно не прошло. Въ окончательный текстъ вошла старая турецкая система, притомъ довольно туманно формулированная, такъ какъ „нахія“ не успѣла еще въ ней занять подобающаго мѣста между казой и общиной. Единственнымъ сколько-нибудь значительнымъ улучшеніемъ въ этомъ отдѣлѣ было то, что каждый чиновникъ получалъ обязательно помощника и замѣстителя („моавина“) изъ лицъ другого вѣроисповѣданія, чѣмъ былъ онъ самъ. Сдѣлать хотя бы низшаго изъ этихъ чиновниковъ мудира (начальникъ нахіи) выборнымъ (какъ это предполагалось на константинопольской конференціи и какъ требовали въ этотъ разъ Фицморисъ за-одно съ Хитрово) [2])—не удалось; онъ назначался вали (правда, изъ членовъ совѣта нахіи), а высшіе чиновники — каймакамъ и мутессарифъ—прямо султаномъ.

Глава XII-я, „о выборахъ“, тѣсно связанная съ предъидущими,—также была принята делегатами Европы почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ предложена турецкимъ правительствомъ. Въ этомъ своемъ видѣ она составляетъ нѣчто среднее между старымъ турецкимъ закономъ о вилайетахъ и румелійскимъ уставомъ. Старый вилайетскій законъ (1867) учреждалъ при каждой областной единицѣ административный совѣтъ съ „выборными“ членами; но „выборы“ этихъ членовъ были такъ обставлены, что походили больше на назначеніе [3]). Румелійскій уставъ,

---

[1]) „Turkey“, № 15, I, 198. Отмѣтимъ еще неудачную попытку Фицмориса, подсказанную одной греческой петиціей,—ввести въ законъ постановленіе о новой группировкѣ нахій, соотвѣтственно національности жителей. Эта идея тоже проводилась на константинопольской конференціи русскими, въ интересахъ христіанскаго большинства. Фицморисъ воспользовался ею въ интересахъ греческаго меньшинства.

[2]) „Turkey“, № 15, II, 213—214.

[3]) Именно, чиновники и главы духовныхъ общинъ данной административной единицы выбирали изъ списка лицъ, имѣющихъ право быть выбранными въ совѣтъ этой единицы, тройное количество кандидатовъ, затѣмъ посылали списокъ этихъ кандидатовъ въ такого же рода избирательную коллегію ближайшей низшей единицы, выбиравшей изъ списка двойное количество кандидатовъ. Получивъ эти списки, данная

слѣдуя французскому законодательству, совсѣмъ лишилъ кантонъ („околію“, соединявшую въ себѣ, какъ сказано, функціи казы и нахіи) выборнаго совѣта, но зато усилилъ представительный элементъ въ высшей и низшей единицѣ, департаментѣ и общинѣ: въ первомъ совѣтъ, а во второй также и „мэръ“ (кметъ) выбирались населеніемъ посредствомъ прямыхъ выборовъ (выборъ мэра былъ уступкой русскому требованію [1]).

Турецкій законопроектъ, удержавъ старую систему областныхъ инстанцій, удержалъ также и выборные совѣты при *каждой* изъ нихъ; но, не желая дать населенію право прямого выбора въ совѣтѣ, онъ предложилъ слѣдующій порядокъ. Административный совѣтъ нахіи выбирается непосредственно избирателями; совѣтъ казы выбирается членами совѣта нахіи; совѣтъ санджака—членами совѣта казы. Члены „генеральнаго совѣта“, предназначеннаго замѣнить областное собраніе румелійскаго устава, должны были выбираться тоже не прямыми выборами, а членами совѣтовъ нахій. Всѣ эти предложенія турецкаго проекта были приняты коммиссарами; сравнительно съ старымъ закономъ о вилайетахъ они составляли значительный шагъ впередъ, но зато сильно ослабляли представительный элементъ въ законодательномъ собраніи и административныхъ совѣтахъ области сравнительно съ румелійскимъ уставомъ. Принятъ былъ также и избирательный цензъ, предложенный турками, съ однимъ измѣненіемъ. Активное избирательное право имѣли всѣ оттоманскіе подданные, достигшіе 21 года, платящіе прямые налоги и обладающіе недвижимостью или какимъ-нибудь торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, а также всѣ чиновники, духовенство и дипломированные представители либеральныхъ профессій, хотя бы они и не удовлетворяли поставленнымъ выше условіямъ. Для пассивнаго избирательнаго права нужно было имѣть *тотъ же* возрастъ (вмѣсто предложенныхъ турками 30 лѣтъ) и платить налоговъ—при выборѣ въ нахію не менѣе 50 піастровъ, въ казу—не менѣе 100, въ санджакъ и генеральный совѣтъ—не менѣе 150 (по старому турецкому закону требовалось платить 100,

---

единица составляла новый списокъ лицъ, получившихъ наибольшее количество голосовъ во всѣхъ низшихъ подраздѣленіяхъ этой единицы, опять въ двойномъ количествѣ сравнительно съ числомъ лицъ, имѣющихъ быть назначенными. Этотъ послѣдній списокъ пересылался начальнику слѣдующей высшей единицы (изъ общины—начальнику казы, изъ казы—начальнику санджака, изъ санджака—начальнику вилайета), который уже и назначалъ изъ двойного числа представленныхъ ему кандидатовъ надлежащее число „выборныхъ“ членовъ совѣта той единицы, которая присылала списокъ. См. Aristarchi-bey, II, 284—8.

[1]) „Turkey“, № 9, II, стр. 795—800, 965.

150 и 500 піастровъ и имѣть тридцатилѣтній возрастъ). Принятъ былъ, наконецъ, и срокъ выборныхъ должностей: четырехлѣтній для генеральнаго совѣта, двухлѣтній—для низшихъ инстанцій, съ перемѣной половины состава—каждые два года тамъ—и каждый годъ здѣсь. Единственное серьезное измѣненіе, сдѣланное делегатами во всемъ этомъ отдѣлѣ, клонилось къ охранѣ представительства меньшинства. Для этой цѣли по всѣмъ инстанціямъ выборовъ проведено было одно правило, принятое уже въ пользу меньшинства при составленіи румелійскаго устава. Избиратели могли писать въ своихъ бюллетеняхъ только часть всего числа депутатовъ, подлежащихъ выбору, именно три-четверти ихъ: такимъ образомъ, въ случаѣ подачи всѣхъ голосовъ большинства за однихъ и тѣхъ же кандидатовъ, эти кандидаты занимали три-четверти мѣстъ, оставляя остальную четверть кандидатамъ меньшинства. Однакоже, хорошо сплоченное значительно и преобладающее численно большинство всегда можетъ отдѣлить часть своихъ голосовъ, достаточную для перевѣса немногочисленныхъ голосовъ меньшинства, чтобы обезпечить себѣ и остальную четверть мѣстъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ постоянный комитетъ Восточной Румеліи попали, несомнѣнно, только тѣ члены, которыхъ хотѣло большинство, несмотря на то, что формально каждый членъ имѣлъ право выбирать только шестерыхъ кандидатовъ на десять мѣстъ, и остальныя четыре мѣста предполагалось обезпечить за меньшинствомъ. Конечно, въ Румеліи меньшинство не-болгарскаго населенія оказалось гораздо ничтожнѣе, чѣмъ предполагала Европа, основываясь на заявленіяхъ его представителей, особенно грековъ. Но подобное же заблужденіе, вредное, прежде всего, для самихъ тѣхъ, которые его поддерживаютъ, можетъ легко повториться еще разъ и въ македонскомъ вопросѣ: и въ такомъ случаѣ искусственныя мѣры, принятыя для поддержанія меньшинства европейскими делегатами, безъ сомнѣнія, окажутся такими же безсильными въ Македоніи, какими онѣ оказались въ Восточной Румеліи.

XIII-я глава—„о судахъ"—въ турецкомъ законопроектѣ была редактирована очень кратко. Она устанавливала лишь нѣкоторыя общія положенія, отсылая за деталями къ вышедшимъ изданнымъ турецкимъ законамъ, общимъ для всей имперіи. Не имѣя передъ собой перевода этихъ законовъ, европейскіе делегаты сочли нужнымъ сами установить въ своемъ проектѣ общія черты судебнаго устройства для европейскихъ провинцій Турціи.

Низшей судебной инстанціей сдѣланъ былъ, по русскому предложенію, „мировой судъ", долженствовавшій функціонировать въ

каждой нахіи въ составѣ судьи, назначеннаго губернаторомъ, и двухъ ассессоровъ, выбранныхъ совѣтомъ нахіи—одного мусульманина, другого не-мусульманина. Слѣдующая областная единица, каза, по предложенію Фицмориса была лишена судебныхъ учрежденій. Судъ первой инстанціи для болѣе важныхъ дѣлъ, онъ же и апелляціонный для нѣкоторыхъ приговоровъ мирового суда, учреждался въ санджакѣ, тоже въ составѣ судьи, назначаемаго Портой, и двухъ выборныхъ ассессоровъ разныхъ національностей. При судѣ санджака устраивалась должность прокурора и слѣдователей, назначаемыхъ Портой. Наконецъ, высшій въ провинціи „апелляціонный судъ вилайета“ состоялъ изъ президента и двухъ совѣтниковъ, назначаемыхъ Портой, и двухъ выборныхъ ассессоровъ. При немъ тоже учреждались должности генералъ-прокурора и слѣдователей. Оклады жалованья всѣмъ судьямъ были назначены очень высокіе, во избѣжаніе взяточничества. Устанавливался принципъ равенства показаній мусульманскихъ и не-мусульманскихъ свидѣтелей. Наконецъ, вводились нѣкоторыя гарантіи противъ неправильнаго содержанія подсудимыхъ въ тюрьмахъ. Призванные въ засѣданіе турецкіе эксперты утверждали, что составленный коммиссарами проектъ неполонъ и неточно формулированъ сравнительно съ оттоманскими законами, а русскій уполномоченный призналъ коммиссію некомпетентной въ данномъ вопросѣ. Дѣйствительно, проектъ носилъ на себѣ всѣ слѣды спѣшной работы [1]).

Глава XIV-я—„о народномъ просвѣщеніи“—заимствована турецкимъ проектомъ цѣликомъ, съ очень небольшими измѣненіями, изъ румелійскаго устава и принята въ этомъ видѣ делегатами. Начальное образованіе объявляется въ ней обязательнымъ для дѣтей 7—13 лѣтъ; забота о школахъ оставляется на попеченіи общинъ; предусматривается возможность открытія университета, и обезпечивается свобода выбора языка для преподаванія.

Слѣдующая XV-я глава—„о культахъ“—отсутствовала въ турецкомъ законопроектѣ и заимствована, съ незначительными перемѣнами, изъ румелійскаго устава. Такъ какъ религіозныя общины были издавна единственными не-мусульманскими корпораціями, признанными мусульманскимъ закономъ, то естественно всѣ привилегіи, данныя когда-либо мусульманскому населенію страны, принимали форму корпоративныхъ привилегій этихъ церковныхъ общинъ. Сколько-нибудь широкая постановка автономныхъ учрежденій не только ничего не можетъ прибавить къ этимъ пріобрѣ-

[1]) „Turkey“, № 15, II, стр. 260—269.

теннымъ правамъ, но, по мѣрѣ развитія дѣятельности свободныхъ учрежденій, должна по-неволѣ вступить съ ними въ коалицію и мало-по-малу сократить ихъ размѣры. До тѣхъ поръ, однако, пока удержится оттоманская власть въ странѣ и пока эти, выработанныя самой жизнью, права остаются болѣе дѣйствительнымъ оплотомъ противъ турецкаго произвола, чѣмъ самыя либеральныя бумажныя реформы,—было бы рискованно ихъ касаться. Вотъ почему и автономный румелійскій уставъ, и автономный законъ о европейскихъ вилайетахъ не могли сдѣлать ничего лучшаго, какъ подтвердить за не-мусульманскими общинами всѣ ихъ старыя права и привилегіи. Однако, былъ одинъ случай, когда оба устава застали церковныя привилегіи еще въ процессѣ формированія; это именно былъ вопросъ о султанской инвеститурѣ для болгарскихъ епископовъ. Въ румелійской коммиссіи этотъ вопросъ привелъ къ оживленнымъ спорамъ за и противъ передачи этого права инвеституры румелійскому губернатору; въ концѣ концовъ, коммиссары остановились на очень осторожной и, поэтому, неопредѣленной редакціи (предложенной турками), по которой „владыки не-мусульманскихъ общинъ, утверждавшіеся прежде Высокой-Портой, впредь будутъ утверждаться *или* Высокой-Портой, *или* губернаторомъ отъ имени султана“ [1]). При обсужденіи новаго закона о вилайетахъ, болгарскій экзархъ ходатайствовалъ передъ нѣкоторыми коммиссарами о разрѣшеніи посылать епископовъ въ Македонію, но державы рѣшили хранить полный нейтралитетъ въ греко-болгарской борьбѣ. Такимъ образомъ, въ разбираемой главѣ право инвеституры было оставлено за Портой, съ слѣдующей, впрочемъ, ни къ чему не обязывающей оговоркой. „Если какая-либо христіанская община окажется безъ пастырей и будетъ просить о нихъ, то императорское правительство должно безъ замедленія изслѣдовать, не возбуждаетъ ли эта просьба возраженій, и если нѣтъ, то исполнить ее“.

Такимъ образомъ, лозунгомъ главы XV-ой былъ строжайшій status quo.

Слѣдующая глава XVI-ая—„о чиновникахъ“—составлена, съ нѣкоторыми сокращеніями, изъ двухъ главъ турецкаго законопроекта. Она трактуетъ главнымъ образомъ объ отвѣтственности чиновниковъ передъ правительствомъ и частными лицами, и устанавливаетъ порядокъ судебнаго преслѣдованія чиновниковъ.

Наконецъ, послѣдняя, XVII-я глава новаго закона о вилайе-

---

[1]) „Turkey“, № 9, II, 908—910, 997 и § 346 Р. О. У.

тахъ, „о жандармеріи и полиціи", вставлена вновь коммиссарами. Значеніе этой главы въ глазахъ европейскихъ делегатовъ видно изъ слѣдующихъ ея параграфовъ. „307. Наборъ жандармеріи производится въ вилайетѣ между всѣми жителями, способными къ службѣ, безъ различія національности и религіи, съ соблюденіемъ, по возможности, пропорціи между мусульманами и немусульманами" [1]). „§ 310. Офицерскія должности всѣхъ степеней жандармеріи могутъ замѣщаться европейскими офицерами" [2]).

„Теперь посмотримъ",—писалъ англійскій коммиссаръ своему правительству, подведя общіе итоги засѣданій,—„какова будетъ судьба новаго закона—суждено ли ему послужить только новой главой повѣсти о великихъ надеждахъ и малыхъ результатахъ, или же онъ дѣйствительно поведетъ къ какимъ-нибудь практическимъ измѣненіямъ... Судя по прежнему поведенію Порты, не безъ основанія можно полагать, что она всячески постарается, при помощи разныхъ проволочекъ и увертокъ, избѣгнуть принятія новаго закона, по крайней мѣрѣ въ его наиболѣе существенныхъ частяхъ, или, принявши его, попробуетъ избѣгнуть обнародованія всѣхъ дѣйствительно важныхъ постановленій, а попытается обмануть общественное мнѣніе приложеніемъ только той части, которая составляетъ почти одно простое воспроизведеніе стараго „закона о вилайетѣ",—напр., главы о провинціальныхъ властяхъ. Единственное средство для державъ предупредить эти уловки—это требовать отъ Порты публикованія закона въ его теперешнемъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій, и отказаться отъ всякаго дальнѣйшаго обсужденія деталей и подробностей, разсмотрѣнныхъ уже коммиссіей... Но даже и въ случаѣ оффиціальнаго принятія Портой закона это будетъ лишь первый шагъ; впереди останется еще практическое выполненіе реформы. Оно будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ губернаторовъ, которымъ новый законъ даетъ широкую иниціативу, и отъ враждебнаго или дружественнаго расположенія которыхъ къ закону многое будетъ зависѣть" [3]). Какъ видимъ, теперь у европейскихъ коммиссаровъ не оставалось и слѣдовъ того оптимизма, съ которымъ Друммондъ-Вольфъ совѣтовалъ коммиссарамъ „поднять уровень" уступокъ, добытыхъ при выработкѣ румелійскаго устава". Поведеніе оттоманскихъ уполномоченныхъ во время засѣданій

[1]) „Turkey", № 15, II, 181, 183, 225.

[2]) Вся остальная часть турецкаго законопроекта, трактовавшая о вопросахъ внутренняго благоустройства провинціи, была просто опущена коммиссаромъ, такъ какъ забота объ этихъ вопросахъ признана входящей въ компетенцію областного собранія.

[3]) „Turkey", № 15, II, стр. 247—248.

должно было наводить на самыя пессимистическія мысли. Уже въ самомъ первомъ засѣданіи, на вопросъ, приняты ли въ турецкомъ законопроектѣ возраженія мѣстныхъ коммиссій, и есть ли этотъ проектъ—окончательный, турецкій уполномоченный отвѣтилъ, что проектъ—принятъ Портой, и что онъ „будетъ заключать въ себѣ всѣ поправки, *которыя Порта сочтетъ нужнымъ принять* (aura cru devoir accepter). Въ теченіе обсужденія проекта коммиссарами, Порта не сочла нужнымъ принять ни одной сколько-нибудь существенной поправки. Въ предпослѣднемъ засѣданіи турецкіе коммиссары подвели итогъ своимъ голосованіямъ, и оказалось, что изъ 337 статей проекта, подвергавшихся обсужденію, 21 они безусловно отвергаютъ, относительно 28 настаиваютъ на сохраненіи въ первоначальномъ видѣ, относительно 95—воздерживаются отъ сужденія, и только 185—большею частью тѣхъ, которые приняты коммиссарами въ томъ видѣ, какъ предложены Портой—соглашаются принять [1]). Такое отношеніе къ работѣ европейскихъ делегатовъ не предвѣщало, конечно, ничего хорошаго. Факты подтвердили—или даже превзошли—самыя худшія опасенія лорда Фицмориса. Порта просто положила новый законъ о вилайетахъ подъ сукно.

V.

Македонія оказалась, такимъ образомъ, самой обдѣленной изъ всѣхъ европейскихъ провинцій Турціи, возставшихъ въ 1876—77 гг. Немногія изолированныя попытки продолжать борьбу не повели ни къ чему. Бороться дальше было безполезно, послѣ того какъ населеніе убѣдилось, что „ни Россія, ни Европа, не желаютъ больше проливать за него ни одной капли крови“ [2]). Скоро борьба стала и невозможна. Македонская интеллигенція была поголовно заподозрѣна турками въ неблагонадежности. Часть ея сдѣлалась жертвой преслѣдованій; другая перекочевала въ свободную Болгарію. Торговля и промышленность провинціи быстро падали, по мѣрѣ пріобщенія ея къ европейскому рынку. Все это на много лѣтъ остановило освободительное движеніе въ Македоніи. Когда оно вновь началось, въ девяностыхъ годахъ, положеніе дѣлъ, и въ Европѣ, и въ Турціи, совершенно перемѣнилось. Центръ тяжести въ международной политикѣ передвинулся

[1]) Ibidem, I, 86; II, 277.

[2]) Рѣчь ген. Обручева при прочтеніи прокламаціи къ болгарамъ имп. Александра II. „Turkey“, № 9, II, 1026.

изъ Европы въ колоніи. Замѣшательства и смуты на „близкомъ Востокѣ“, приковывавшемъ къ себѣ прежде все вниманіе европейскихъ правительствъ, стали представляться теперь досаднымъ отвлеченіемъ, препятствующимъ заняться болѣе важными дѣлами въ Африкѣ или въ Азіи. Поколебались серьезно и идеологическія основы восточной политики державъ. „За періодомъ беззаботнаго великодушія послѣдовала реакція, приведшая къ противоположной крайности: слишкомъ продолжительная невнимательность къ собственнымъ выгодамъ повела къ тому, что теперь не хотѣли признавать ничего другого, кромѣ непосредственнаго, ближайшаго интереса“ [1]). Турція какъ нельзя лучше воспользовалась расширеніемъ интересовъ и съуженіемъ симпатій европейскихъ державъ. Попытка Мидхада-паши обставить теченіе государственной жизни гарантіями законности прошла безъ слѣда. Не только турецкій государственный строй не развивался въ намѣченномъ имъ направленіи, но и существовавшія раньше учрежденія перестали правильно функціонировать, такъ какъ и они оказались слишкомъ стѣснительными для проведенія точной политики султана. „Можно сказать“,—писалъ французскій посланникъ въ Константинополѣ, Камбонъ, своему правительству, въ срединѣ 1895 года,—„что за послѣдніе четыре года правительство перешло изъ Порты во дворецъ. Чиновники не подчинялись больше министрамъ, подъ начальствомъ которыхъ служили: они сносились непосредственно съ секретарями султана; они открыто отказывались подчиняться приказаніямъ великаго визиря, и не разъ мнѣ приходилось констатировать, что Порта безсильна заставить самыхъ второстепенныхъ чиновниковъ исполнять свою волю“ [2]).

Извѣстны результаты этой личной политики султана, поощряемой невнимательностью Европы. „Малоазіатская рѣзня“—мы опять пользуемся выраженіями Берара,—„продолжавшаяся два года, опустошившая пространство болѣе обширное, чѣмъ Франція, и воздвигшая на порогѣ двадцатаго вѣка пирамиду изъ 300.000 человѣческихъ головъ, останется памятникомъ этой эпохи“. Армянскія убійства въ Малой Азіи и Константинополѣ поколебали, наконецъ, равнодушіе Европы, хотя и не истощили ея долготерпѣнія. Вѣчный вопросъ о реформахъ вновь появился на

[1]) Bérard, „La politique de sultan“, 1897, стр. 282.

[2]) Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. Projets de réformes dans l'empire ottoman. 1893—1897. Paris. 1897. Въ книгѣ В. Берара, написанной раньше выхода этой „Желтой книги“, можно найти много яркихъ иллюстрацій цитированнаго въ текстѣ заключенія Камбона.

сцену и снова прошелъ всѣ обязательныя перипетіи, — включая сюда и полное игнорированіе Портой данныхъ ею и опубликованныхъ законовъ. Реформы опять задѣли рикошетомъ и Македонію, такъ что намъ надо остановиться на нихъ подробнѣе.

Дѣло началось, собственно, съ требованія административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ нововведеній въ пострадавшихъ провинціяхъ Малой Азіи. Съ этой цѣлью константинопольскіе посланники трехъ великихъ державъ (Франціи, Россіи и Англіи) представили Портѣ, въ апрѣлѣ 1895 г., готовый законопроектъ. На этотъ разъ выразители воли Европы были умѣреннѣе, чѣмъ ея представители въ румелійской коммиссіи и даже на константинопольской конференціи. Законопроектъ старался придерживаться старыхъ турецкихъ законовъ о вилайетахъ, которые все-таки были лучше, чѣмъ дѣйствовавшая практика. Къ попыткѣ возстановить силу этихъ законовъ они прибавили кое-что, но очень умѣренное, изъ новаго закона о вилайетахъ, составленнаго румелійской коммиссіей. Сюда относился порядокъ выбора членовъ въ административные совѣты (членами совѣтовъ низшихъ инстанцій), назначеніе при областныхъ управителяхъ помощниковъ изъ не-мусульманскихъ исповѣданій, перегруппировка административныхъ единицъ съ обращеніемъ вниманія на вѣроисповѣдный составъ жителей, выборъ части жандармеріи изъ не-мусульманъ. Къ этимъ скромнымъ реформамъ европейскій меморандумъ прибавлялъ еще болѣе скромныя пожеланія относительно гарантій: назначеніе *турецкаго* коммиссара для надзора за выполненіемъ реформъ, *турецкой* же постоянной контрольной коммиссіи въ Константинополѣ, съ половиной состава христіанской, для постоянныхъ сношеній съ посольствами державъ, и, наконецъ, обѣщанія со стороны Порты „держать представителей державъ *оффиціозным* образомъ au courant того, какихъ лицъ Порта намѣревается назначить на должность вали“ [1]). Въ виду европейскаго предложенія, султанъ прибѣгнулъ къ обычнымъ уловкамъ Порты. Во-первыхъ, онъ поспѣшилъ назначить собственную коммиссію для изслѣдованія „настоящаго положенія вилайетовъ имперіи“, съ несомнѣннымъ намѣреніемъ предпринять для *всѣхъ* вилайетовъ какую-нибудь общую, т.-е., какъ прежде, „бумажную“ реформу. Когда турецкій контръ-проектъ, „не содержавшій никакихъ серьезныхъ мѣропріятій, не дававшій никакихъ гарантій и не могшій служить хотя бы даже исходной точкой для даль-

---

[1]) Меморандумъ и проектъ пословъ см. въ цитированной „Желтой книгѣ“, стр. 45—56.

нѣйшихъ переговоровъ", былъ готовъ и сообщенъ посламъ, они получили (3-го іюня н. с.) и отвѣтъ Порты на свой меморандумъ, болѣе чѣмъ уклончивый. Такъ какъ послы продолжали настаивать на обсужденіи своего проекта, то Порта назначила новую коммиссію „для составленія списка вопросовъ, по которымъ послѣдній возбуждалъ споры" (26-го іюня). Назначивъ коммиссію, Порта спокойно ждала, какъ отнесется къ дѣлу новое (консервативное) англійское министерство; потомъ, получивъ отъ него, черезъ мѣсяцъ (24-го іюля), неблагопріятный отвѣтъ, представила посламъ разборъ ихъ проекта и свой проектъ армянскихъ реформъ. Критику Порты Камбонъ очень остроумно и совершенно точно резюмировалъ слѣдующимъ образомъ: „Вы говорите намъ объ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ реформахъ. Но это все есть въ законахъ. Правда, мы не обѣщаемъ вамъ примѣнять эти законы лучше, чѣмъ дѣлалось до сихъ поръ; мы даже постараемся, чтобы въ нѣкоторыхъ пунктахъ они не исполнялись; но, тѣмъ не менѣе, съ васъ должно быть достаточно, что все это записано въ „сводѣ законовъ". Вы намъ говорили о насиліяхъ, жертвой которыхъ сдѣлались христіане. Но вѣдь вы отлично знаете, что всѣ преступныя дѣянія запрещены и наказуемы закономъ" [1]). По вопросу о гарантіяхъ и о средствахъ контроля Порта не обмолвилась въ своемъ разборѣ ни однимъ словомъ. Тогда министерство Солсбери заговорило болѣе рѣшительнымъ тономъ. Такъ какъ Порта особенно настоятельно подчеркивала, что настоянія державъ не должны идти дальше, чѣмъ позволяютъ постановленія Берлинскаго трактата, что лордъ Солсбери рѣшился потребовать осуществленія права контроля надъ армянскими дѣлами, предоставленнаго Берлинскимъ трактатомъ державамъ. Онъ проектировалъ для этой цѣли устройство *смѣшанной* коммиссіи изъ четырехъ турецкихъ и трехъ европейскихъ делегатовъ (августъ). Турки испугались и немедленно послали коммиссара въ Арменію для введенія обѣщанныхъ реформъ, убѣдительно прося въ то же время державы удовлетвориться турецкимъ проектомъ отказаться отъ требованія интернаціональной коммиссіи [2]). Въ это время (начало октября н. с.) въ Константинополѣ произошли армянскіе безпорядки; за ними послѣдовала серьезная нота державъ и посылка всѣхъ стаціонеровъ къ Константинополю. Порта почувствовала необходимость новыхъ уступокъ и 17-го октября приняла всѣ требо-

---

[1]) Ibid., стр. 61, 71—75, 79—81, 85—94.

[2]) Ibid. 136—138

ванія державъ, въ новой редакціи [1]). Добившись султанскаго указа, европейская дипломатія на цѣлый годъ успокоивается по вопросу о реформахъ. Въ этотъ промежутокъ времени возвышаетъ свой голосъ болгарское правительство, опираясь на только-что примирившуюся съ нимъ Россію. Князю Фердинанду и Стоилову удается удержать начавшееся въ Македоніи движеніе и въ награду за это добиться отъ Порты нѣкоторыхъ уступокъ для Македоніи. Русскій посолъ Нелидовъ поддерживаетъ передъ турецкимъ правительствомъ болгарскія требованія и совѣтуетъ распространить реформы на европейскія провинціи. Болгарскій князь, съ своей стороны, въ бытность свою въ Константинополѣ, заявляетъ, что въ случаѣ отказа ему трудно будетъ сдерживать недовольныхъ. Султанъ уступаетъ; въ концѣ апрѣля 1896 г., онъ издаетъ декретъ о „реформахъ для румелійскаго вилайета" [2]). Уступки этого декрета, однакоже, болѣе чѣмъ скромны. Число членовъ административныхъ совѣтовъ повышается съ четырехъ до шести, на половину не-мусульманъ (и изъ этой половины— двое членовъ изъ большинства населенія, т.-е. по большей части изъ болгаръ). Губернаторамъ придаются помощники (но объ ихъ религіи нѣтъ ни слова). Назначается для каждыхъ двухъ провинцій контрольная коммиссія и для каждой провинціи—инспектора административные, финансовые и судебные, для наблюденія надъ дѣятельностью соотвѣтственныхъ вѣдомствъ. Устанавливается предѣльный срокъ для разрѣшенія ходатайствъ о постройкѣ новыхъ церквей (2 мѣсяца—въ казѣ, 1 мѣсяцъ—въ санджакѣ и вилайетѣ; но въ высшей инстанціи, въ Константинополѣ, срокъ не назначается, а говорится лишь глухо объ „ускореніи" формальностей). Въ жандармерію дается обѣщаніе ввести 10% не-мусульманъ. Говорится объ облегченіяхъ при взиманіи недоимокъ, о большей пропорціональности при раскладкѣ налоговъ, о консолидаціи „десятка" и переоцѣнкѣ земельнаго налога, въ случаѣ жалобъ на его неправильность.

Между тѣмъ, систематическое истребленіе армянъ въ Малой Азіи шло своимъ чередомъ. За нимъ послѣдовало занятіе оттоманскаго банка армянскими революціонерами (26-го августа) и рѣзня на улицахъ Стамбула, „по всѣмъ признакамъ организованная властями и легко могшая быть предупрежденной своевременнымъ вмѣшательствомъ со стороны турецкихъ войскъ",— какъ должны были констатировать представители державъ въ

---

[1]) 142, 143—145, 148—150, 151—162.
[2]) Ibid. 226—229.

Константинополѣ. Дипломатія снова встрепенулась. Англійскій кабинетъ разослалъ (21-го октября) меморандумъ, въ которомъ резюмировалъ исторію турецкихъ провокацій и европейскихъ попытокъ вмѣшательства. Въ меморандумѣ было засвидѣтельствовано, что „хотя согласіе султана на реформы въ армянскихъ вилайетахъ было дано годъ тому назадъ, но для исполненія ихъ ничего серьезнаго не было сдѣлано, за исключеніемъ назначенія нѣскольких христіанскихъ чиновниковъ“ [1]). Дипломаты снова заговорили строгимъ языкомъ съ турецкими чиновниками и съ самимъ султаномъ. Въ результатѣ султанъ рѣшился опубликовать декретъ, распространявшій реформы, предназначенныя для шести армянскихъ вилайетовъ, — *на всѣ вилайеты имперіи* (11-го ноября). Къ своему большому удивленію, однакоже, дипломаты не нашли въ опубликованномъ текстѣ самыхъ важныхъ постановленій изданнаго за годъ передъ тѣмъ закона. Въ новомъ законѣ не говорилось ни слова о допущеніи къ нѣкоторымъ должностямъ христіанскихъ чиновниковъ, о совѣтахъ при вали, мутессарифахъ и каймакамахъ и т. п. Другими словами, онъ бралъ назадъ даже тѣ скромныя уступки, которыя, полгода передъ тѣмъ, даны были Македоніи, благодаря предстательству русскаго правительства. Тѣ постановленія, которыя остались въ законѣ, всѣ имѣли форму простого подтвержденія прежнихъ распоряженій правительства, никогда не отмѣненныхъ формально, но никогда и не вводившихся въ дѣйствіе [2]).

Такимъ образомъ, новое давленіе европейской дипломатіи привело къ изданію закона, который, въ буквальномъ смыслѣ, свелъ къ нулю результаты всѣхъ ея предъидущихъ усилій. Какъ бы для того, чтобы рельефнѣе оттѣнить этотъ итогъ, сравнительно съ первоначальными предположеніями державъ, въ томъ же ноябрѣ 1896 г., третій македонскій конгрессъ въ Софіи сгруппировалъ самыя благопріятныя изъ этихъ первоначальныхъ предположеній и опубликовалъ въ видѣ своей минимальной программы. Эта програма остается и до сихъ поръ оффиціальнымъ выраженіемъ того, къ чему стремится македонское національное движеніе. Еще недавно она была вновь перепечатана въ одномъ автономистскомъ македонскомъ органѣ. Характеристикой этой программы мы и закончимъ настоящую статью. Вотъ, прежде всего, самъ этотъ небольшой и чрезвычайно интересный документъ:

„1) Изъ теперешнихъ солунскаго, битольскаго и скопскаго

---

[1]) Ibid. 301—302.
[2]) Ibid. 320—323.

вилайета образуется одна область *съ резиденціей Солунью* (слѣдуетъ опредѣленіе границъ, воспроизводящее, за исключеніемъ Солуни и Водены, пограничную линію Санъ-Стефанскаго трактата) (a).

2) Назначается генералъ-губернаторомъ („главнымъ управителемъ") области на пятилѣтній срокъ лицо, вполнѣ удовлетворяющее условіямъ справедливости и терпимости и *принадлежащее къ господствующей народности* (b).

3) Генералъ-губернаторъ управляетъ областью при помощи областного собранія, избраннаго *непосредственно самимъ населеніемъ*, при строгомъ соблюденіи правъ меньшинства. *Оно рѣшаетъ всѣ вопросы, касающіеся внутренняго устройства области* (c).

4) Личность и жилище всѣхъ гражданъ области должны быть одинаково неприкосновенны. Цензура печатнаго слова не существуетъ (d).

5) *Всѣ областные чиновники назначаются изъ той народности, которая преобладаетъ въ ихъ мѣстѣ служенія.* Высшіе изъ нихъ назначаются султаномъ, *по предложенію генералъ-губернатора*, а остальные назначаются прямо самимъ генералъ-губернаторомъ (e).

6) *Языкъ главныхъ народностей въ области будетъ оффиціальнымъ наравнѣ съ турецкимъ* во всѣхъ областныхъ учре-

---

(a) „Это территоріальное разграниченіе не только не противорѣчитъ предшествовавшимъ турецкимъ мѣропріятіямъ подобнаго рода, но, въ существенныхъ чертахъ составляетъ просто возстановленіе административныхъ границъ Македоніи, существовавшихъ наканунѣ послѣдней русско-турецкой войны. Оно вполнѣ обнимаетъ естественныя границы Македоніи въ географическомъ, этнографическомъ и торговомъ отношеніи и вполнѣ сообразно, какъ съ мнѣніемъ, которое преобладало на константинопольской конференціи 1876 г. (см. II-me protocole, Séance du 16 (28) décembre 1876), такъ и съ духомъ Берлинскаго трактата (см. XIII протоколъ берл. конгресса), руководившимъ европейской дипломатіей всегда, когда рѣчь заходила о мирномъ разрѣшеніи восточнаго вопроса.

(b) Этотъ пунктъ совершенно сходенъ съ проектомъ конст. конф. 1876 (см. Règlement organique de la Bulgarie, ст. 4, парагр. 1 и 6), а также и съ духомъ выработаннаго въ 1880 г. восточно-румелійской коммиссіей проекта реформъ въ Турціи (см. „Loi des Vilayets de la Turquie d'Europe", titre I, art. 21 et titre II, art. 27, alinéa 3.

(c) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ проектомъ конст. конф. (ibid. ст. 4, пункты 7—17, также какъ и съ проектомъ вост.-рум. европ. комм. (см. ibid. titre IV, art. 82).

(d) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ проектомъ вост.-рум. европ. комм. (см. ibid. titre I, art. 4, 11, 15 и 19).

(e) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ проектомъ конст. конф. (ibid. ст. 3) и соотвѣтствуетъ проекту восточно-рум. европ. комм. (см. ibidem, titre I, art. 21, alinéa 2 и titre XVI, art. 293).

жденіяхъ; административнымъ единицамъ будетъ предоставленъ выборъ одного изъ этихъ языковъ для оффиціальныхъ сношеній (f).

7) Учебное дѣло христіанскихъ народностей всецѣло предоставляется заботамъ соотвѣтствующихъ училищныхъ организацій (g).

8) Для поддержанія порядка и тишины въ области организуется областная жандармерія, основанная на началахъ рекрутской системы и непосредственно подчиненная генералъ-губернатору. Эта жандармерія, вмѣстѣ съ своими офицерами, составляется изъ мѣстныхъ народностей, пропорціонально ихъ численности, не превышая 1% мѣстнаго мужского населенія. Высшіе офицеры этой жандармеріи назначаются е. и. в. султаномъ, *по предложенію генералъ-губернатора*, а остальные назначаются прямо самимъ генералъ-губернаторомъ (h).

9) Бюджетъ и *налоги* области опредѣляются народнымъ собраніемъ. *25% дохода области вносятся въ правительственную казну, а остальное употребляется на нужды области* (i).

10) Одновременно съ назначеніемъ генералъ-губернатора назначается спеціальная коммиссія, въ которой будутъ достаточно представлены мѣстныя народности и которая *подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора выработаетъ подробности вышеупомянутыхъ реформъ* (k).

11) Всѣмъ политическимъ преступникамъ, осужденнымъ и не-осужденнымъ, а также и всѣмъ заподозрѣннымъ въ неблагонадежности областнымъ уроженцамъ, находящимся внѣ родины, дается общая и полная амнистія (l).

12) *Подобныя* реформы вводятся и въ адріанопольскомъ вилайетѣ" (m).

Какъ видно изъ цитатъ, сопровождающихъ каждый параграфъ македонской программы, комитетъ хотѣлъ поставить свой проектъ въ непосредственную связь съ проектами, выработанными европейской дипломатіей, именно съ проектомъ константинопольской конференціи въ его первоначальномъ, несмягчен-

---

(f) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ проектомъ конст. конф. (ibid. ст. 7, п. 5) и съ духомъ проекта вост.-рум. европ. комм. (см. ibid. titre I, art. 22).

(g) Этотъ пунктъ весьма сходенъ съ ст. 1-й „Закона о народномъ просвѣщеніи" въ Турціи 1869 г.

(h) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ проектомъ конст. конфер. (ibid. ст. 8, п. 3) и съ духомъ проекта вост.-рум. европ. комм. (см. ibidem, titre XVII, ст. 305, 307, 310).

(i) Этотъ пунктъ соотвѣтствуетъ проекту конст. конфер. (см. ibid. ст. 5, п. 11).

(k) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ XXIII статьей, 3 п. Берлинскаго договора.

(l) Этотъ пунктъ соотвѣтствуетъ проекту констант. конф. (ibid. ст. 9).

(m) Этотъ пунктъ вполнѣ сходенъ съ XXIII ст. 2 п. Берлинскаго договора".

номъ видѣ [1]) и съ новымъ „Loi des Vilayets“ 1880 г., составленнымъ румелійской коммиссіей. Но, очевидно, передъ глазами составителя носился совсѣмъ другой идеалъ автономной провинціи,—именно, румелійскій органическій уставъ, и автономную Македонію онъ представлялъ себѣ по образцу Восточной Румеліи,—съ нѣкоторыми измѣненіями въ пользу первой (напр., въ вопросѣ о національности губернатора). Но такъ какъ разница между румелійскимъ уставомъ и европейскими проектами македонскаго автономнаго устройства весьма значительна, и такъ какъ составитель не хотѣлъ, по понятнымъ причинамъ, ссылаться на уставъ, а предпочелъ поставить свою программу подъ охрану европейско-македонскихъ проектовъ, то ему пришлось прибѣгнуть къ довольно рискованнымъ комментаріямъ законовъ, на которые онъ ссылался въ оправданіе статей своей программы. Получившіяся путемъ такихъ комментаріевъ нововведенія мы отмѣтили выше курсивомъ. Въ первомъ пунктѣ программы авторъ ея могъ съ полнымъ основаніемъ ссылаться на предъидущія попытки дипломатіи—слить по нѣскольку вилайетовъ въ одну автономную область. Нельзя считать нововведеніемъ и того, что онъ провелъ границы этой области, въ общихъ чертахъ, такъ какъ ихъ проводилъ Санъ-Стефанскій трактатъ, основываясь отчасти на старыхъ административныхъ дѣленіяхъ, отчасти на этнографіи населенія.

Нововведеніемъ является въ данномъ случаѣ только нѣкоторое расширеніе границы къ югу и, въ особенности, желаніе сдѣлать Солунь столицей автономной Македоніи. Считаю нужнымъ оговориться, что, отмѣчая это и послѣдующія нововведенія, я не имѣю въ виду входить въ оцѣнку ихъ по существу, а просто отмѣчаю ихъ, какъ черты, характеризующія разбираемую программу. Что касается оцѣнки по существу, она можетъ быть сдѣлана, конечно, только по соображенію относительно степени исполнимости этихъ требованій, а степень исполнимости ихъ зависитъ всецѣло отъ той обстановки, въ которой они будутъ практически предъявлены, какъ основа для дѣйствительнаго обсужденія. Въ настоящемъ своемъ видѣ эти требованія скорѣе служатъ показателемъ тѣхъ стремленій населенія, отъ которыхъ его руководители не могутъ отказаться даже въ

---

[1]) Въ этомъ видѣ проектъ былъ выработанъ въ предварительныхъ засѣданіяхъ европейскихъ делегатовъ, 21 и 23 декабря 1876, предъявленъ и приложенъ къ протоколу конференціи 11 (23) декабря и обсуждался на слѣдующихъ засѣданіяхъ (см. „Turkey“, 2, 148, 153—156, 168, 217—222). Несовсѣмъ понятна, поэтому, ссылка примѣчанія на протоколъ 2-го засѣданія конференціи.

минимальной программѣ, не подвергаясь упрекамъ въ измѣнѣ тому дѣлу, которому взялись служить. Сдѣлавъ эту оговорку, возвращаюсь къ характеристикѣ македонской программы. Второй пунктъ ея, какъ уже замѣчено, идетъ дальше не только македонскихъ проектовъ, но и румелійскаго устава, требуя назначенія губернаторомъ болгарина. Требованіе это построено довольно искусно, хотя и не особенно убѣдительно—на 21-й статьѣ законопроекта о вилайетахъ 1880 г. [1]).

Выборъ областного собранія „непосредственно населеніемъ" противорѣчитъ законопроекту 1880 г., но соотвѣтствуетъ, дѣйствительно, требованіямъ константинопольской конференціи, осуществленнымъ послѣ войны, относительно Восточной Румеліи. Опредѣленіе компетенціи собранія, въ той общей формѣ, въ которой оно сдѣлано въ параграфѣ третьемъ, нѣсколько двусмысленно. Законопроектъ 1880 г. прямо перечисляетъ списокъ вопросовъ, по которымъ собраніе можетъ законодательствовать: въ первомъ пунктѣ этого списка значатся „законы, имѣющіе цѣлью регулировать функціонированіе организма, созданнаго настоящимъ закономъ". Перемѣны въ самомъ этомъ организмѣ обусловлены требованіемъ двухъ-третей голосовъ. Все это нѣсколько ограничиваетъ общее требованіе программы.

Назначеніе областныхъ чиновниковъ изъ преобладающей „народности", несомнѣнно, есть опять-таки новая черта македонской программы, точно также какъ и подобное же требованіе относительно губернатора. Европейскіе проекты говорятъ лишь о чиновникахъ изъ преобладающаго „вѣроисповѣданія". Назначеніе высшихъ чиновниковъ Портой *по предложенію губернатора* соотвѣтствуетъ первоначальному требованію константинопольской конференціи, но только если подъ высшими чиновниками разумѣть областныхъ начальниковъ; если же сюда присоединить представителей главныхъ отраслей центральной администраціи области, а также высшихъ судейскихъ и военныхъ чиновниковъ, тогда подобное постановленіе мы найдемъ лишь въ уставѣ Восточной Румеліи. Постановленіе относительно уравненія „мѣст-

[1]) „Quiconque possède les connaissances et la capacité exigées par la loi, est admis, sans distinction de race ni de religion, aux fonctions publiques y compris celles de Vali (т.-е. губернаторомъ можетъ быть назначенъ и болгаринъ). Lorsque la majorité est musulmane, les mutessarifs et les caïmacams (но не губернаторъ) seront musulmans, et là où la majorité est non-musulmane, les mutessarifs et les caïmacams seront non-musulmans... la préférence sera donnée à ceux, qui connaissent, en même temps que le turc, la langue du pays, c'est-à-dire, la langue parlée par la majorité des habitants".

наго языка" съ турецкимъ, въ болѣе мягкой формѣ, сдѣлано въ первоначальномъ проектѣ константинопольской конференціи; но въ проектѣ 1880 оно потерпѣло, какъ мы знаемъ, сильныя ограниченія. Участіе областного собранія въ назначеніи налоговъ обставлено въ европейскихъ проектахъ оговорками, которыя исчезаютъ въ короткой формулировкѣ македонской программы. Процентъ доходовъ провинціи, обращаемый въ пользу казны (25%)—ниже опредѣленнаго константинопольской конференціей, не говоря уже о проектѣ 1880 г. Наконецъ, требованіе относительно выработки подробностей автономнаго устройства при помощи мѣстной коммиссіи, также какъ и требованіе распространенія *тѣхъ же* реформъ на адріанопольскій вилайетъ, никакъ не можетъ основываться на § XXIII Берлинскаго трактата, такъ какъ тамъ мѣстная коммиссія назначалась для совсѣмъ иной роли и реформы предусматривались совсѣмъ иного рода. Проекты мѣстныхъ коммиссій должны были, по ст. XXIII, пройти двойную санкцію Порты и европейской коммиссіи. Объ этихъ инстанціяхъ македонская программа не упоминаетъ совсѣмъ. Европейское участіе въ выработкѣ македонской автономіи еще менѣе предусматривается въ ней, чѣмъ необходимость опредѣлить прерогативу султана.

Надо признаться, что составленная такимъ образомъ македонская программа можетъ разсчитывать на полное осуществленіе лишь при необычайно благопріятномъ для національныхъ стремленій стеченіи обстоятельствъ. Требованія константинопольской конференціи, на которую эта программа ссылается предпочтительно передъ проектомъ 1880 года, какъ извѣстно, повели къ войнѣ. Безъ войны и побѣды едва ли могли бы и теперь быть навязаны Турціи македонскія условія. Но для осуществленія македонской программы Европа воевать не станетъ; въ крайнемъ случаѣ, можно было бы ожидать развѣ только европейской оккупаціи, т.-е. исхода, едва ли желательнаго для большинства самихъ македонцевъ. Дѣло начнется,—и началось уже,—конечно, съ другого конца,—съ дипломатическаго вмѣшательства. Едва ли нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать, что возстаніе въ Македоніи можетъ лишь придать этому вмѣшательству болѣе или менѣе энергическій характеръ, но врядъ ли измѣнитъ его по существу. Въ виду этого, минимальная программа должна быть значительно понижена, чтобы имѣть шансы на немедленное осуществленіе. Разумѣется, такого пониженія трудно ждать отъ македонскихъ комитетовъ; это—дѣло болѣе привычное для дипломатическихъ канцелярій; и переходя къ

этой сферѣ отношеній, можно только желать, наоборотъ, чтобы программа не была уже понижена слишкомъ, понижена настолько, что мѣстное населеніе отказалось бы удовлетвориться уступками, даже въ качествѣ временныхъ, а Порта пріобрѣла бы опять возможность свести эти уступки къ бумажной реформѣ, какъ бывало безчисленное количество разъ прежде. Если исторія предъидущихъ дипломатическихъ попытокъ надѣлить турецкія провинціи автономіей можетъ научить чему-нибудь въ будущемъ, то, конечно, смыслъ этихъ уроковъ будетъ заключаться въ полномъ недовѣріи къ голымъ обѣщаніямъ Порты и въ признаніи необходимости требовать отъ нея болѣе серьезныхъ гарантій. Этотъ опытъ прошлаго учитъ насъ, что—

1) Коммиссія изъ чисто-турецкихъ чиновниковъ, въ родѣ недавно назначенной для скопскаго вилайета, не можетъ сдѣлать ничего для реформы. Она или систематически будетъ бездѣйствовать, исполняя тайное желаніе своего повелителя или, въ случаѣ проявленія энергіи, подвергнется его же гнѣву, какъ, кажется, уже и случилось съ только-что упомянутой коммиссіей.

2) Коммиссія съ участіемъ европейскихъ делегатовъ можетъ выработать очень хорошій законопроектъ, который, однако, очень скоро превратится въ простой историческій документъ, если не будетъ сопровождаться гарантіями въ выполненіи.

3) Гарантіи, которыхъ пробовала требовать Европа, сводятся къ слѣдующимъ:

a) Назначеніе высшихъ чиновниковъ съ согласія державъ.

b) Устройство европейской контрольной коммиссіи (конечно, не въ такомъ скромномъ видѣ, какъ послѣдняя, при помощи которой послы напугали Порту въ 1896 году).

c) Назначеніе европейскихъ чиновниковъ и офицеровъ для введенія проектированныхъ реформъ.

d) Жандармерія изъ войскъ нейтральной державы.

e) Временная оккупація.

4) Наконецъ, приходится констатировать, что Порта не отвергала только тѣхъ гарантій, которыя на нее налагались силой событій. Сила же событій проявлялась или въ ослабленной формѣ—европейскаго соглашенія, или въ болѣе энергичной формѣ—индивидуальнаго вмѣшательства. Именно на такое вмѣшательство со стороны Россіи—безсознательно или сознательно надѣется македонская масса. Одними предостереженіями ее не заставишь выбросить изъ головы эту idée fixe, тѣмъ болѣе, что самыя предостереженія она готова всегда истолковать по-своему. Если ее предупреждаютъ,—значитъ, о ней отечески заботятся; если ей

грозятъ оставить ее на произволъ судьбы,—значитъ, въ случаѣ крайности за нее и заступятся. Одна русская газета недавно обнаружила склонность разсуждать совершенно такимъ же образомъ, рискнувъ заявить, что на македонскій вопросъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на наше русское семейное дѣло съ султаномъ. Это—опасная точка зрѣнія. Становиться на этотъ путь едва ли удобно, если принять въ разсчетъ, что, идя по нему, можно придти туда, куда мы пришли въ 1877 году. Ошибиться свойственно каждому, но упорствовать въ ошибкѣ было бы неумно, какъ говоритъ одна древняя пословица.

Изъ того, что мы не должны быть „славянофилами" въ стилѣ 1877 года, вовсе, однако, не слѣдуетъ, чтобы намъ слѣдовало превратиться въ туркофиловъ. Россія имѣетъ достаточно тяжести на европейскихъ вѣсахъ, чтобы оказать свое давленіе, не налегая на нихъ всей своей массою. Но имѣетъ ли она интересъ создавать на Балканскомъ полуостровѣ новую автономную единицу, имѣющую сыграть впослѣдствіи роль второй Восточной Румеліи? Разборъ этого вопроса завелъ бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи. Отвѣты на него даются весьма различные. По нашему личному мнѣнію, вопросъ рѣшается утвердительно. Россіи выгоднѣе имѣть на полуостровѣ сильнаго союзника, чѣмъ слабаго вассала,—а чтобы сохранить себѣ выгоды союза, нужно только немножко больше умѣнья, которымъ, къ несчастію, мы не всегда обладали.

П. Милюковъ.

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.

VIII *).

Ѳедоръ Степановичъ покончилъ съ дѣлами скорѣе, чѣмъ думалъ. Ему въ этотъ день необыкновенно везло. Двоихъ крупныхъ подрядчиковъ и одного желѣзнодорожника, которыхъ застать было очень трудно, онъ успѣлъ во̀-время захватить дома, и былъ ими выслушанъ чрезвычайно внимательно. Въ министерствѣ его тоже приняли совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Онъ будто чувствовалъ, что у него подъ ногами крѣпнетъ почва. Онъ становился почти особой. Въ первый разъ его принялъ самъ министръ. Конечно, передъ его высокопревосходительствомъ Ѳедоръ Степановичъ совсѣмъ присмирѣлъ, всякое сознаніе о собственномъ достоинствѣ улетучилось у него какъ дымъ. Аудіенція продолжалась очень недолго, всего какихъ-нибудь семь минутъ. Да и пришлось ему удовольствоваться неопредѣленными обѣщаніями разсмотрѣть вопросъ и сдѣлать, что̀ можно. Но съ Макшеева и этого было довольно. Изъ кабинета министра онъ вышелъ съ высоко-приподнятой головой и съ небывалой увѣренностью въ себѣ обратился къ свѣтиламъ второй величины, отъ которыхъ собственно зависѣлъ дальнѣйшій ходъ дѣла. Ѳедоръ Степановичъ хорошо зналъ, что далеко не всегда главная пружина—самая важная. И тотъ вліятельный, хоть и второстепенный воротило, передъ которымъ ему пришлось теперь защищать проектъ новой линіи, диву давался, откуда взялась эта бойкая рѣчь, это

---

*) См. выше: май, 5 стр.

умѣнье приводить точные, бьющіе въ цѣль доводы—у такого человѣка, какъ Өедоръ Степановичъ. Вѣдь недавно еще, годъ или два, съ нимъ едва хотѣли разговаривать столоначальники. А теперь, когда его превосходительство сдѣлалъ какое-то замѣчаніе насчетъ проектированной линіи, Өедоръ Степановичъ такъ мѣтко отпарировалъ ударъ, что удивленный директоръ невольно переглянулся со своимъ помощникомъ. Избранное направленіе было, разумѣется, наиболѣе выгодное для учредителей, но Өедоръ Степановичъ съумѣлъ прикрыть личные разсчеты притворной защитой обще-государственныхъ интересовъ. И сдѣлалъ онъ это не хуже любого дѣльца, издавна привыкшаго владѣть словомъ.

Неудивительно, что Макшеевъ былъ очень доволенъ собой и достигнутыми результатами. Правда, всѣ трудности далеко еще не были улажены, но приступъ былъ сдѣланъ и сдѣланъ удачно. Твердою поступью и какъ бы съ оттѣнкомъ милостивыхъ словъ министра на лицѣ, Өедоръ Степановичъ вошелъ въ комнату сына.

Алеша сидѣлъ у письменнаго стола, спиной къ двери. Онъ не разслышалъ шаговъ отца, хотя съ самаго утра предстоящій разговоръ не выходилъ у него изъ головы. Молодому человѣку казалось, что наконецъ-то раскроется передъ нимъ замкнутое до сихъ поръ сердце Өедора Степановича, и онъ узнаетъ всю правду о его прошломъ. Алешу и радовала, и мучила эта мысль. Онъ весь такъ ушелъ въ свои мысли, что Өедоръ Степановичъ засталъ его врасплохъ. Ему пришлось два раза обозвать сына, прежде чѣмъ тотъ услыхалъ и обернулся.

— Видно, заботы у тебя ужъ очень большія, Алеша, что ты не слышишь,—заговорилъ онъ, усаживаясь:—голосъ у меня, кажется, довольно громкій. Ну, вотъ, какъ видишь, раньше успѣлъ отдѣлаться, чѣмъ полагалъ. Давай потолкуемъ... Давно не приходилось.

Өедоръ Степановичъ остановился, ожидая отвѣта. Но Алеша молчалъ, опустивъ глаза. Лицо у него было еще блѣднѣе обыкновеннаго. Өедору Степановичу это молчаніе страннымъ показалось. Онъ приписалъ его скрытности.

— Ну, братъ,—продолжалъ онъ,—коли тебѣ нечего мнѣ сказать, я, пожалуй, начну самъ. Я хотѣлъ поговорить съ тобой,—онъ запнулся на секунду,—о твоемъ будущемъ. Черезъ годъ ты выходишь. Пора подумать, что̀ ты станешь дѣлать потомъ. На военную службу идти врядъ ли придется—такихъ, какъ ты, не берутъ. Хоть на что-нибудь узкая грудь пригодится.

— Я тебѣ еще въ прошломъ году говорилъ,—отвѣтилъ Алеша, и глаза его теперь совершенно прямо уставились на отца.

— Что?—перебилъ Ѳедоръ Степановичъ:—опять эта дурацкая затѣя? Профессоромъ быть хочешь? Цѣлыми годами все одну и ту же чепуху молоть? И много она приноситъ, чепуха эта?

— Кому какъ... Да и смотря по тому, что кому надо.

— Тебѣ небось того надо,—хрипло засмѣялся Ѳедоръ Степановичъ,—чтобы молокососы твою дребедень слушали. Или въ какихъ-нибудь тамъ отчетахъ, которыхъ и не читаетъ никто, твое имя пропечатали? Это у васъ, что-ли, извѣстностью, пожалуй, даже славой называется?

Алеша промолчалъ опять. Ѳедора Степановича передернуло.

— Да что же, дождусь я отъ тебя прямого отвѣта?—громовымъ голосомъ воскликнулъ онъ.—Или ты со мной въ молчанку играть собираешься?

— Мы съ тобой говоримъ на разныхъ языкахъ, батюшка,—съ напряженнымъ спокойствіемъ отвѣтилъ молодой человѣкъ, хоть у него кровь стучала въ жилахъ, и яркая, лихорадочная краска бросилась въ лицо.—Споръ ни къ чему привести не можетъ,—намъ другъ друга не убѣдить.

Макшеевъ рванулъ правой рукой часовую цѣпочку и всѣмъ туловищемъ подался впередъ.

— Охъ, братъ, полно меня этими глупыми фразами подчивать! Я человѣкъ простой и мудреныхъ рѣчей мнѣ не надо. Только башка у меня, кажется, на своемъ мѣстѣ и вздорными словами меня не проведешь... Профессоромъ стать—велика честь!

Онъ снова захохоталъ своимъ рѣзкимъ смѣхомъ, но голосъ его оборвался, и совсѣмъ иныя, задушевныя, будто мягкія ноты въ немъ прозвучали:

— Слушай,—онъ поднялся во весь ростъ и обѣими руками взялъ сына за плечи. Онъ будто давилъ его всей мощью своей тяжелой фигуры.—Слушай,—повторилъ онъ,—я вѣдь добра тебѣ желаю. Да и вся надежда моя на тебя. Вѣдь ты у насъ въ семьѣ и воспитаннѣе, и умнѣе прочихъ... Да, умнѣе,—чего ты на меня смотришь? Ты думаешь, я не знаю, что Петя, хоть и шустеръ и толковъ, твоего мизинца не стоитъ. Какъ же ты хочешь, чтобы у меня не болѣло сердце, что ты способности свои хочешь отдать на пустое, нищенское дѣло, когда ты золото можешь загребать руками? Вѣдь я тамъ, что ни говори, хоть и скопилъ деньгу, все-таки настоящаго, крупнаго дѣла не слажу, потому у меня на то образованія нѣтъ. Стали меня, правда, ка-

жись, настоящимъ человѣкомъ считать. Давеча, въ министерствѣ, посмотрѣлъ бы ты, какъ глядѣли на меня всѣ эти генералы и самъ даже министръ. Я ужъ не Ѳедька Макшеевъ, котораго почти что за хама считали. А все-таки я на тебя разсчитывалъ, чтобы смыть это старое пятно и нашъ родъ въ люди вывести. Я спину сгибалъ, да и теперь еще... А тебѣ можно было бы со всѣми быть на равной ногѣ, никому не кланяться. Съ моими деньгами да съ твоимъ образованіемъ...

При словѣ: „пятно", Алеша поблѣднѣлъ. Онъ невѣрно понялъ отца.

— Пятна деньгами не смоешь,—проговорилъ онъ, понуря голову.

— И какъ еще смоешь!—громко захохоталъ Ѳедоръ Степановичъ, отступая на шагъ отъ сына.—Обращеніе съ людьми только надо знать, и въ этомъ у меня—чего грѣха таить—изъянъ. Не учился никогда деликатнымъ манерамъ; тàкъ, чутьемъ только распозналъ, какъ съ господами говорить надо. Ну, а коли меня, котораго всякій укорить можетъ за то, что я сынъ крѣпостного и ни въ какой гимназіи не учился...

— Ахъ, ты про это!—перебилъ его Алеша, почти обрадованный.—Тогда и хлопотать нечего. Въ происхожденіи человѣка никакого пятна нѣтъ и быть не можетъ.

Презрительная улыбка перекосила губы Ѳедора Степановича.

— Ну, это мнѣ лучше знать. Только не въ этомъ теперь дѣло. Я хотѣлъ тебѣ сказать, что отъ тебя зависитъ устроить себѣ такое будущее, какое тебѣ и во снѣ не снилось. Только брось глупости, займись настоящимъ дѣломъ, стань мнѣ помощникомъ—и въ деньгахъ отказа тебѣ не будетъ. Бери, сколько хочешь.

Глаза у старика сверкнули. Какъ искуситель, онъ хотѣлъ ослѣпить молодого человѣка блескомъ ожидавшаго его богатства, лишь бы тотъ поклонился кумиру, которому не переставалъ служить Ѳедоръ Степановичъ.

Молодой человѣкъ покачалъ головой.

— Деньгами ты меня не прельстишь,—сказалъ онъ тихо.— И на чтò онѣ мнѣ?

— На чтò? Деньги-то?—и презрительный хохотъ снова громко раздался по небольшой комнатѣ.—Хоть бы на то, чтобы Ѳедьку Макшеева пропустить въ кабинетъ министра, котораго генералы часами дожидаются. А коли прибавить къ моей смёткѣ твое образованіе,—нашъ родъ совсѣмъ въ люди выйдетъ, и ни-

кому и въ голову не придетъ Макшеевыхъ неравными себѣ считать.

У Ѳедора Степановича за послѣднее время проснулась незнакомая ему ранѣе потребность въ почетѣ. То, чтò прежде ему казалось въ порядкѣ вещей—презрительное обращеніе съ нимъ людей, стоявшихъ выше,—теперь вызывало у него гнѣвный стыдъ. И при мысли, что когда-то, очень ужъ давно, чья-то рука, рука обманутаго имъ хозяина, оставила слѣды на его щекѣ, вся кровь въ немъ яростно кипятилась. По мѣрѣ того, что совершенныя имъ продѣлки уходили все дальше въ глубь прошлаго, Ѳедоръ Степановичъ будто про нихъ забывалъ. Но ему помнился живо тотъ рядъ униженій, который онъ перенесъ, не чувствуя иной разъ ихъ жгучести. Какой-то зудъ порядочности ему не давалъ покоя. И выставить, наконецъ, въ лицѣ младшаго сына такого Макшеева, которому стыдиться было нечего, становилось для него ежечасною мечтою, чѣмъ-то похожимъ на бредъ. А этотъ сынъ не хотѣлъ понять его, сторонился какъ будто отъ его богатства, и однѣ нелѣпыя ребяческія грёзы о служеніи наукѣ туманили ему голову.

Долго Ѳедоръ Степановичъ твердилъ сыну одно и то же. Онъ становился почти краснорѣчивымъ порой—особымъ грубымъ краснорѣчіемъ человѣка, гордившагося своимъ успѣхомъ и сознававшаго за собой право и на уваженіе прочихъ.

И вотъ, онъ встрѣчалъ препятствіе на первомъ шагу. Этотъ глупый мальчишка, этотъ „щенокъ", оставался глухимъ къ его словамъ...

Нѣсколько разъ уже Ѳедоръ Степановичъ переходилъ отъ ласки къ угрозѣ, отъ презрительнаго гнѣва почти къ нѣжности. И все было напрасно.

— Говорю тебѣ, мнѣ твоихъ денегъ не надо,—какимъ-то тихимъ, почти беззвучнымъ голосомъ повторялъ Алеша. И на горячія убѣжденія отца, сказать ему, наконецъ, чтò сдѣлало его такимъ, откуда у него взялось это смѣшное безкорыстіе,—у молодого человѣка вырвался долго сдерживаемый отвѣтъ:

— Не надо мнѣ твоихъ денегъ, потому что я не увѣренъ, чисты ли онѣ.

Скрещенныя руки Ѳедора Степановича захрустѣли; злой огонь блеснулъ въ его прищуренныхъ зрачкахъ.

— Ага! Вотъ оно чтò! Не довольно чисты мои деньги для его благородія! Знаю, знаю, откуда у тебя эти мысли берутся. Охъ, треклятая ваша порода дворянская! Чортъ меня дернулъ на твоей матери жениться! Очень было нужно! Съ Аграфеной Кар-

повной (такъ звали первую жену Макшеева) мы жили душа въ душу. А съ этой, признаться, блѣднолицей дурой...

Онъ не ожидалъ, что̀ за дѣйствіе произведутъ его слова. Алеша сталъ передъ нимъ съ горящимъ взоромъ, съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ.

— Не смѣй такъ говорить о моей матери! не смѣй! Она святая была, а ты... ты ее въ гробъ свелъ, я все понимаю теперь!..

— А! Въ гробъ!—заскрежетавъ зубами, перекричалъ Ѳедоръ Степановичъ.—Мальчишка! Щенокъ!

Но онъ тотчасъ овладѣлъ собой.

— Хорошо! Съ тобой я словъ больше терять не стану. Я знаю, съ кѣмъ мнѣ объясниться надо!..

И онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

IX.

Александра Осиповна съ Леночкой только-что вернулись съ покупками, и дѣвушка, у которой все еще рябило въ глазахъ отъ видѣннаго ею въ магазинахъ, накинулась на отца, съ шумнымъ восторгомъ разсказывая про свои петербургскія впечатлѣнія. Въ первую минуту она не замѣтила, какъ насупились брови у Ѳедора Степановича.

— Хорошо, хорошо, Лена, — стараясь подавить гнѣвныя ноты въ голосѣ, остановилъ ее отецъ.—Успѣешь наболтаться, а теперь ступай. Мнѣ съ теткой твоей поговорить надо.

Леночка тотчасъ замолкла и ушла на цыпочкахъ.

Александра Осиповна провела зятя въ свой кабинетъ и усѣлась, не снимая шляпы. Съ перваго взгляда на его лицо, она догадалась, какого рода объясненіе ей предстояло. Вопреки своей кажущейся робости, тетя Саша была не изъ тѣхъ, кто безмолвно уступаетъ передъ вспышкою своевольнаго гнѣва.

— Хорошо воспитали вы Алешу, нечего сказать! — началъ Ѳедоръ Степановичъ, останавливаясь передъ нею.—Спасибо вамъ.

— Да и въ самомъ дѣлѣ вы мнѣ спасибо можете сказать,— твердо отвѣтила она, не спуская съ него глазъ.—За Алешу вамъ краснѣть не придется. Дай Богъ, чтобы не случилось наоборотъ.

— Понимаю,—глухо и коротко засмѣялся Макшеевъ.—Ну, да этимъ меня не испугаете. Я—обстрѣленный. Можете меня попрекать сколько угодно... Только сынку моему не намѣренъ

позволять мнѣ говорить дерзости. Бояться онъ меня долженъ, коли уважать не научили.

И Өедоръ Степановичъ передалъ свояченицѣ,—передалъ нѣсколько по-своему,—разговоръ съ сыномъ.

— Отцовскихъ денегъ стыдится, молокососъ! Что-жъ, пожалуй, можно его и совсѣмъ безъ этихъ денегъ оставить. Посмотримъ, далеко ли онъ безъ нихъ уйдетъ.

Тетя Саша въ отвѣтъ только молча поглядѣла на зятя. Өедоръ Степановичъ продолжалъ, нѣсколько понизивъ тонъ:

— И вы послѣ этого хотите, чтобы я вамъ Леночку оставилъ? Чего добраго, ее тоже противъ меня возстановите—слуга покорный!

Александра Осиповна вся выпрямилась на креслѣ.

— Никогда—слышите ли, никогда—я Алешу противъ васъ не возстановляла. Напротивъ, я старалась всячески отъ него скрыть правду, чтобы онъ не разучился почитать васъ.

— Да, да, разумѣется!.. Будто я не знаю! Прямо вы ему не сказали ничего, а только давали понять, что есть тамъ какая-то скверная тайна. Вѣчно эти ваши бабьи увёртки. И хотѣлъ бы я знать, какую это вы правду отъ него скрывали?

— Да хоть то, Өедоръ Степановичъ, что покойницу-сестру вы замучили.

— Я? Я замучилъ?—вскрикнулъ-было Макшеевъ, но голосъ его оборвался, и, подъ настойчивымъ взглядомъ прямыхъ карихъ глазъ тети Саши, его воспаленные зрачки опустились. А рука невольно схватилась за спинку стула, точно она искала себѣ опоры.

— Да, замучили бѣдное, слабое существо грубостью своей и постоянною необходимостью видѣть всю мерзость вашей жизни.

— Это что жъ, вы за Богушевскихъ такъ заступаться изволите? Изъ-за нихъ, что-ли, изстрадалась ваша сестрица? Вы бы хоть то вспомнили, что Богушевскіе давно сгинуть успѣли, когда я на ней женился. Или такъ ужъ ей тяжело было видѣть, что мужъ у нея толковый и деньгамъ счетъ знаетъ. Лучше ей было бы, что-ли, за какого-нибудь лодыря или оборванца выйти,—хотя бы изъ благородныхъ? Такихъ сколько угодно теперь развелось.

— Полноте, Өедоръ Степановичъ!—остановила она его:—вы умный человѣкъ, а понапрасну слова тратите. Точно я не знаю, какова была жизнь сестры. Каждый день яснѣе сознавать, что приходится жить съ человѣкомъ, котораго уважать нельзя, котораго никто не уважаетъ... Для васъ это, можетъ быть, все

равно. Вы этого, пожалуй, и не понимаете совсѣмъ, и не чувствуете.

Ѳедора Степановича передернуло. Кулаки у него стиснулись невольно, глаза налились кровью. Глядя на него, можно было подумать, что онъ тутъ же набросится на свояченицу,—такой глухой злобой дышало его раскраснѣвшееся лицо. Но онъ все еще сдержалъ себя, и голосъ его прозвучалъ даже какъ будто спокойнѣе, когда онъ насмѣшливо отвѣтилъ:

— Меня-то не уважаютъ? Эге! Посмотрѣли бы, какъ передо мной шапки ломаетъ народъ!

— Народъ,—перебила его Александра Осиповна,—который отъ васъ зависитъ, которому хуже теперь живется, чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Не мудрено, что передъ вами дрожатъ и угодничаютъ крестьяне. Кабы у васъ только одинъ грѣхъ былъ на душѣ, его можно было бы, пожалуй, еще искупить. Честнымъ человѣкомъ стать никогда не поздно. Да нѣтъ, впрочемъ, нѣтъ, того не искупить, что̀ вы сдѣлали. Вотъ еслибъ вы пошли, да повинились передъ Владиміромъ Семеновичемъ Богушевскимъ и вернули ему награбленное состояніе...

Ѳедоръ Степановичъ разразился громкимъ хохотомъ. Слова Александры Осиповны ему казались настолько дикими, что отъ нихъ даже гнѣвъ его какъ будто улегся.

— Да,—воскликнулъ онъ:—по-вашему, мнѣ слѣдовало бы пойти да поклониться бывшему барину въ ноги, и самому нищимъ остаться. И большое спасибо за это мнѣ сказала бы ваша сестрица и дѣти мои тоже.

— У васъ было бы честное имя...

— Честное имя! Развѣ у такихъ людей, какъ я, имя бываетъ? Я, что-ли, такое имя отъ родителя получилъ? Нѣтъ-съ, нашему брату все свое добыть надо, и самую эту честь, которая сама по себѣ гроша мѣднаго не стоитъ, и которую за деньги всегда можно купить. Такъ-съ!

Александра Осиповна поднялась съ мѣста. Они глядѣли теперь въ упоръ другъ на друга.

— Вотъ этого-то и не могла вынести покойница-сестра,—вполголоса проговорила она.—Надя понимала васъ, хотя вы передъ ней, можетъ быть, этимъ и не похвалялись, какъ сейчасъ вотъ. Скажите прямо—хотѣли бы вы, чтобы Алеша присутствовалъ при нашемъ разговорѣ и слышалъ, что̀ вы сейчасъ вотъ сказали? Хотѣли бы вы этого?

Гнѣвное восклицаніе судорожно и глухо вырвалось изъ груди Ѳедора Степановича и замерло тотчасъ. Онъ опустилъ глаза.

— Вотъ это самое я и скрывала отъ Алеши. И скрыла, насколько могла, потому что онъ тоже, какъ сестра-покойница, не вынесетъ пятна на вашемъ прошломъ.

— Чтò вы мнѣ все про одно твердите? — топнувъ ногой, нетерпѣливо воскликнулъ Макшеевъ. — Пятно, тамъ, какое-то, вздоръ! Прошлаго не воротитъ никто, а въ Новоспасскомъ, гдѣ я живу теперь, про него и не знали никогда. И какое тамъ прошлое! Ѳедоръ Макшеевъ—сила, и никто не спроситъ, откуда эта сила взялась. Посмотрѣли бы вы, какъ меня самъ министръ принималъ!

Ѳедоръ Степановичъ сталъ ходить взадъ и впередъ.

— А совѣсть-то у васъ хоть сколько-нибудь уцѣлѣла? Или вы надѣетесь, что вамъ возвратитъ ее пріемъ министра?

— Охъ, глупости, слова пустыя! — Онъ топнулъ ногой опять. — Точно я въ самомъ дѣлѣ притѣснитель какой-нибудь, кровопійца. Мало ли я развѣ пожертвовалъ на бѣдныхъ? Тамъ, на родинѣ, больница на мой счетъ выстроена. Не слышали развѣ?

— Да, выстроена, чтобы васъ въ гласные выбрали наконецъ, послѣ того, какъ забаллотировали три раза... Подъ старость у васъ, должно быть, потребность въ уваженіи все-таки проснулась. Неловко какъ-то чувствовать на себѣ презрѣніе всѣхъ порядочныхъ людей.—Глаза Ѳедора Степановича опять зажглись гнѣвомъ. Александра Осиповна кольнула его въ самое больное мѣсто, и запальчивый отвѣтъ готовъ былъ у него вырваться, какъ вдругъ въ дверяхъ показалась Марѳа.

— Барышня та самая зашла,—доложила она,—которая недѣли двѣ назадъ приходила. Фамилію ихнюю что-то запамятовала. Еще изволите помнить, съ ними вмѣстѣ Алексѣй Ѳедоровичъ вышли?

— А, Наташа! Проси ее, проси!—живо отвѣтила Александра Осиповна.

И вслѣдъ за горничной она прошла въ переднюю на встрѣчу дѣвушкѣ, бросивъ мимоходомъ быстрый взглядъ на зятя.

— Останьтесь, Ѳедоръ Степановичъ... Она всего на минуту.

И мигъ спустя, она вернулась съ Наташей.

— Извините меня. Я вамъ, кажется, помѣшала, — проговорила та, оглядываясь на Ѳедора Степановича.

— Ничуть не помѣшали, — она поцѣловала дѣвушку въ лобъ.— Это мой зять—Ѳедоръ Степановичъ Макшеевъ.

— Отецъ Алексѣя Ѳедоровича? Да? — звонкимъ голоскомъ спросила дѣвушка, не совсѣмъ рѣшительно протягивая Ѳедору

Степановичу руку. И глаза ея при этомъ съ какимъ-то нѣмымъ вопросомъ и въ то же время съ дружелюбной искренностью остановились на жесткомъ лицѣ стоявшаго передъ ней человѣка.

Ѳедоръ Степановичъ молча и коротко поклонился.

Дѣвушка посмотрѣла на него еще разъ. Грубоватыя черты Макшеева и вся его фигура какъ-то невольно произвели на нее сразу непріятное впечатлѣніе.

— Я зашла сказать вамъ, — начала она, обращаясь къ Александрѣ Осиповнѣ,—что окончательно рѣшилась. Осенью я поступаю на медицинскіе.

— Рѣшились? Да? И, кажется, немножко противъ воли?

Она усадила дѣвушку рядомъ съ собой.

Та усиленно покачала головой и засмѣялась.

— Представьте себѣ, я даже не чувствую теперь, что недавно еще мнѣ не хотѣлось идти. Я такъ свыклась съ этой мыслью, что она стала будто моей собственной. И теперь ужъ я не измѣню рѣшенія. Ни-ни. А васъ я благодарю отъ всей души, что вы помогли мнѣ справиться съ колебаніями. Я долго-долго раздумывала, и убѣдилась, наконецъ, что это—самое лучшее, хотя дома родные меня и отговаривали.

— Надѣюсь, однако,—спросила тетя Саша,—не вышло изъ-за этого никакихъ...

— Домашнихъ столкновеній? Нѣтъ!—опять засмѣялась дѣвушка.—Родные хорошо знаютъ, что ничего со мной не подѣлаешь, когда я что-нибудь себѣ въ голову вобью. Они и привыкли къ моему строптивому нраву и съ нимъ мирятся. А что̀,—спросила она вдругъ:—племянникъ вашъ все надъ своими книгами сидитъ и все такой же нелюдимъ? Мы съ нимъ не видѣлись съ тѣхъ поръ... Скажите ему,—добавила она, какъ бы запнувшись на мигъ,—что братъ и я, мы будемъ рады, если онъ зайдетъ когда-нибудь...

Случайно взглядъ дѣвушки, все такой же ясный и спокойный, скользнулъ опять по лицу Ѳедора Степановича. И ее поразило что-то напряженное и злое въ этомъ лицѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вошла, Макшѣевъ не проронилъ ни слова.

— Хорошо, передамъ ему,—отвѣтила Александра Осиповна.

— А я вамъ все-таки помѣшала,—поднимаясь съ мѣста, снова заговорила Наташа.—Вы не хотите сознаться, но я вижу...

Минуты двѣ еще она обмѣнивалась съ тетей Сашей оживленными, хоть незначительными словами, очевидно выжидая чего-то. Глаза ея при этомъ раза два вопросительно устреми-

лись къ дверямъ. Но двери оставались закрытыми—не показывался никто.

Дѣвушка простилась съ хозяйкой и, не протягивая Ѳедору Степановичу руки, направилась къ выходу.

Проводивъ ее до передней, Александра Осиповна тотчасъ вернулась.

— Знаете вы,—почти торжественно спросила она у зятя,—кто была эта дѣвушка?—И не дождавшись отвѣта, она добавила: —ее зовутъ Наташей Богушевской.

Удивленное восклицаніе хотѣло вырваться у Ѳедора Степановича, но звукъ остановился въ его стиснутомъ горлѣ. Губы только зашевелились безсознательно и что-то робкое, похожее на стыдъ, показалось въ глазахъ.

— И она... Ничего не знаетъ?—почти беззвучно спросилъ онъ, мигъ спустя.

Александра Осиповна покачала головой.

— Ничего...

Теперь радостный лучъ блеснулъ въ этихъ самыхъ глазахъ.

— И съ Алешей она хорошо знакома? Даже какъ будто имъ интересуется?

— Можетъ быть. Я про это не знаю.

Все живѣе, порывистѣе становились вопросы Ѳедора Степановича. Встрѣтить у свояченицы дочь ограбленнаго имъ когда-то человѣка, и встрѣтить ее такой привѣтливой, простой—это казалось Ѳедору Макшееву почти залогомъ прощенія его давнишней вины. Напускная дерзость покинула его. Воспоминаніе о прошломъ воскресало во всей давящей силѣ. И этой короткой встрѣчи было достаточно, чтобы смягчить его раздраженіе.

Когда, полчаса спустя, онъ снова увидѣлъ сына и дочь, и вся семья усѣлась за обѣденнымъ столомъ, онъ старался даже какъ бы загладить что-то. Съ Алешей онъ не заговаривалъ о томъ, чтò произошло между ними. Нѣмымъ взглядомъ да измѣнившимся, смягченнымъ голосомъ онъ только давалъ ему понять, что беретъ назадъ свои запальчивыя слова и прощаетъ сыну его непочтительную вспышку.

Леночка тоже замѣтила, что настроеніе отца измѣнилось къ лучшему, и поспѣшила этимъ воспользоваться.

— Папа, какъ я рада, что наконецъ въ Петербургѣ!—говорила она съ сіяющимъ взглядомъ.—Оставьте меня здѣсь, пожалуйста оставьте!

Она вкрадчиво ласкалась къ отцу и глядѣла совсѣмъ послушною и кроткой, пересчитывая, сколько ее въ Петербургѣ

ожидаетъ удовольствій. Особеннымъ восторгомъ наполнила ее мысль о театрѣ.

— Теперь, наканунѣ масляницы, навѣрно будетъ столько интереснаго. Неужели отецъ не дастъ ей позабавиться вдоволь? Неужели онъ увезетъ ее въ Новоспасское?—взволнованнымъ голосомъ спрашивала она.

А когда Ѳедоръ Степановичъ на половину уступилъ, сказавъ, что увидитъ, да и рано еще рѣшать что-нибудь, такъ какъ самъ онъ думаетъ остаться въ Петербургѣ недѣли двѣ,—Леночка была увѣрена, что поставила на своемъ. Но надо только выказать суровому папенькѣ какъ можно больше ласковой нѣжности. Дома, въ деревнѣ, Леночка его на этотъ счетъ не баловала. И почти добившись того, чего хотѣла, она принялась за другое. Принялась описывать, какъ у нея разбѣгались глаза, пока она ѣздила съ теткой за покупками, и сколько ей накупить надо разныхъ прелестныхъ вещей.

— Ну, ты не слишкомъ тамъ насчетъ покупокъ, мотовка ты этакая!—пожурилъ ее Ѳедоръ Степановичъ, но пожурилъ съ несвойственнымъ ему добродушіемъ. На самомъ дѣлѣ онъ вовсе не думалъ теперь о дочери, позабылъ даже о своихъ крупныхъ предпріятіяхъ. Вся голова его была занята мыслью о сынѣ и объ этой неожиданной встрѣчѣ съ дочерью бывшаго своего барина. Ему разительно представился контрастъ между прошлымъ и настоящимъ. Тогда ему приходилось лицемѣрно низкопоклонничать передъ отцомъ Наташи, дрожать каждую минуту, какъ бы не открылись его продѣлки. Теперь его бывшій хозяинъ—полунищій, а онъ—обладатель крупнаго состоянія, и дочь этого хозяина вынуждена зарабатывать себѣ хлѣбъ. Нѣжный образъ Наташи и свѣтлая ея покорность обстоятельствамъ сильнѣе подѣйствовали на его крутой нравъ, чѣмъ могли бы то сдѣлать самые пламенные, самые язвительные упреки. Въ первый разъ, быть можетъ, въ немъ зашевелилась жалость къ ограбленной имъ семьѣ...

Покончивъ съ своими маленькими дѣлами, Леночка подумала похлопотать и о Сережѣ. Она знала черезъ тетку, что онъ въ Петербургѣ и не хочетъ показаться отцу. Ей захотѣлось помочь ему, этому доброму, безтолковому Сережѣ, какъ она мысленно его называла. И тутъ же передала Ѳедору Степановичу о пріѣздѣ Сережи.

— Какъ? Этотъ болванъ здѣсь?—воскликнулъ Макшеевъ.— И за деньгами пріѣхалъ? Это съ мѣсяцъ послѣ того, какъ онъ

у меня цѣлыя три сотни выклянчилъ. Экій мотыга проклятый! Надѣюсь, ему не дали ни копѣйки?

— Я ему далъ взаймы полсотни, — сказалъ Алеша. — Это были его первыя слова, съ тѣхъ поръ какъ они опять встрѣтились съ отцомъ послѣ недавней размолвки.

— Взаймы? Дожидайся, когда онъ тебѣ отдастъ! И хорошо онъ дѣлаетъ, что мнѣ на глаза не показывается. Я бы ему, негодяю...

Мысленно онъ добавилъ, что отъ младшаго сына, котораго онъ любилъ меньше Сережи, ему незачѣмъ бояться чего-либо подобнаго. Ему приходится деньги почти навязывать.

Онъ посмотрѣлъ на молодого человѣка, и странное, незнакомое чувство въ немъ заговорило. Какое-то чувство уваженія къ безкорыстной гордости сына. У него забрезжила мысль, что умѣть обходиться безъ денегъ и не преклоняться передъ ними— еще лучше, пожалуй, чѣмъ умѣть ихъ добывать. „Бѣдный, бѣдный Сережа,—сказалъ онъ себѣ,—ничего изъ него не выйдетъ, пропащій человѣкъ“.

И онъ все-таки объявилъ Александрѣ Осиповнѣ, чтобы она велѣла этому „болвану“ придти на другой день.

— Пусть явится... Разбраню его. Да ужъ нечего дѣлать... Дамъ еще. Не умирать же ему съ голоду. Да и кто знаетъ еще, когда мы съ нимъ увидимся.

Послѣднія слова онъ произнесъ глухо, вполголоса, опустивъ голову на грудь. Но онъ поднялъ ее тотчасъ.

Александра Осиповна принялась разсказывать Алешѣ, что̀ поручила ему передать Наташа. Румянецъ тотчасъ выступилъ на щекахъ молодого человѣка.

Ѳедоръ Степановичъ это замѣтилъ. „Неужели онъ ее любитъ, — пронеслось у него въ головѣ, — а не подозрѣваетъ ничего“?..

И воспоминанія прошлаго опять заговорили ему про неизгладимую, постыдную тайну.

X.

Тяжелое воспоминаніе, оставшееся на душѣ у Алеши послѣ разговора съ отцомъ, не то чтобы исчезло, а стало какъ-то легче, когда онъ узналъ, что Наташа заходила къ Александрѣ Осиповнѣ и спрашивала о немъ. Его сомнѣнія не разсѣялись ничуть и не подтвердились тоже; прибавилась только лишняя го-

речь къ его натянутымъ отношеніямъ съ отцомъ. И все-таки, пока онъ цѣлую ночь безъ сна ворочался на кровати, иныя, совсѣмъ не мрачныя грёзы примѣшивались къ неотступнымъ тревожнымъ вопросамъ, такъ и оставшимся неразрѣшенными.

И утромъ онъ, самъ того не замѣчая, весь отдался мысли, что сегодня же онъ увидится съ молодой дѣвушкой. Нельзя было не зайти къ Богушевскимъ послѣ того, какъ и Лёва, и Наташа его приглашали. И какъ ни твердилъ онъ себѣ, что надо узнать, наконецъ, отъ тетки всю правду, онъ былъ почти доволенъ, услышавъ, что Александра Осиповна рано вышла изъ дому и рѣшительное объясненіе приходилось отложить.

Въ университетъ онъ не пошелъ, нетерпѣливо ожидая, пока наступитъ желанный часъ, когда можно будетъ отправиться къ Богушевскимъ.

И вотъ онъ торопливо взбѣгалъ по ихъ лѣстницѣ, звонилъ у дверей ихъ квартиры.

Ему отворилъ Лёва.

— А! — воскликнулъ молодой путеецъ, увидавъ Алешу. — Очень радъ, тѣмъ болѣе, что вы отрываете меня отъ страшно трудной задачи, надъ которой я работаю цѣлые два часа.

Онъ крѣпко потрясъ руку новаго пріятеля и добавилъ съ лукавой улыбкой:

— Пожалуйте сюда ко мнѣ. Я одинъ дома. Придется моимъ обществомъ удовольствоваться.

Онъ провелъ Алешу въ свою комнату и съ развязною любезностью въ пріемахъ усадилъ на диванъ и предложилъ покурить.

Алеша отказался. Онъ не курилъ вовсе.

Молодой Богушевскій усѣлся верхомъ на стулѣ и заговорилъ съ оживленіемъ, перескакивая съ предмета на предметъ и какъ бы отыскивая, какимъ вопросомъ можно было расшевелить Алешу и заставить высказаться. Но старанія его были напрасны.

Вся натура Лёвы, его блестящіе, прыткіе глаза, его самоувѣренность, даже его красивое лицо, возбуждали въ Алешѣ какую-то глухую непріязнь, невольно принуждая его съёживаться, замыкаться въ себя.

„Экій ты, однако, скрытный!—думалъ про себя Лёва:—точно, право, ящикъ съ секретнымъ замкомъ. Или, можетъ быть, просто въ тебѣ ничего нѣтъ, и я даромъ только стараюсь что-нибудь вычерпнуть изъ твоей пустой башки?.. Чѣмъ заинтересовалъ онъ Наташу, въ толкъ не возьму“?

Юный путеецъ свободно разглагольствовалъ о своихъ видахъ

на будущее, о задачахъ молодежи, о томъ, какъ трезвѣе она стала и разумнѣе, и цѣлую теорію пустился излагать о цѣляхъ жизни и о средствахъ ихъ достигнуть.

Лёва скромничать не любилъ, хотя и высказывался онъ настолько лишь, насколько считалъ нужнымъ. При всей своей кажущейся откровенности, Лёва не увлекался никогда. Сболтнуть что-нибудь невзначай было не въ его обычаѣ. Онъ замѣчалъ прекрасно, что свободные отъ предразсудковъ взгляды, какіе онъ излагалъ передъ Алешей, тому не совсѣмъ приходятся по вкусу. Но этимъ онъ не тревожился. Говорить малознакомому человѣку вещи, отъ которыхъ его нѣсколько коробитъ—это вѣдь лучшее средство задѣть за живое и вызвать на возраженіе. И пустить въ ходъ нѣкоторый цинизмъ никогда не мѣшаетъ. Робкаго человѣка—а такимъ онъ считалъ Алешу—это развѣ огорошитъ слегка и внушитъ ему высокое мнѣніе объ умственной смѣлости у собесѣдника.

Почти битый часъ Алеша выслушивалъ бойкія рѣчи молодого инженера, все ожидая, не появится ли Наташа. Но ожиданія его были тщетны. Дѣвушка вернулась въ ту самую минуту, когда онъ, прощаясь съ Лёвой, накидывалъ въ передней шинель.

— Гдѣ пропадала такъ долго?—спросилъ у нея братъ.

— У подруги была...

Глаза ея такъ и свѣтились сквозь опущенную вуалетку.

— А вы уходите, — протянула она Алешѣ руку. — Очень жаль, что опоздала. Значитъ, до другого раза?

— Да, вотъ что̀,—вставилъ Лёва:—заходите-ка лучше вечеркомъ. У насъ по субботамъ кое-кто собирается,—разумѣется, больше учащаяся молодежь, какъ мы вотъ съ нею. И молодежь все, кажись, то̀лковая... Ничего ты противъ этого не имѣешь, Наташа?—спросилъ онъ, подмигивая сестрѣ.

— Знаете что̀? — сказала она: — мы иногда музыкой занимаемся, такъ вы, кстати, свою віолончель бы привезли. Сыграемъ что-нибудь вмѣстѣ. Хотите?

— И коли на то пошло, — добавилъ ея братъ, — заходите ужъ прямо послѣ-завтра, не откладывая въ дальній ящикъ.

И когда это послѣ-завтра наступило, Алеша не заставилъ себя ждать.

Онъ явился къ Богушевскимъ рано и засталъ у нихъ всего только Смолина, да еще двухъ барышенъ изъ Наташиныхъ подругъ.

Одна изъ нихъ—прехорошенькая блондинка, съ мелкими, подвижными чертами и вздернутымъ носикомъ, все чему-то смѣялась,

съ какой-то преувеличенно-наивной дѣтской шаловливостью. Другая — высокая, стройная, но далеко не красивая дѣвушка, съ блѣднымъ, вдумчивымъ лицомъ, глядѣла необыкновенно строго для своихъ девятнадцати лѣтъ. Она годъ назадъ покончила съ гимназіей и посѣщала курсы.

Маленькое общество собралось въ одномъ изъ угловъ первой комнаты и казалось очень оживленнымъ. Завидѣвъ входившаго Алешу, Наташа быстро поднялась къ нему на встрѣчу.

— А, вотъ это мило! Хорошо, что сдержали слово.

Она крѣпко, по-мужски, пожала ему руку. Глаза у нея весело улыбались.

— А віолончель привезли?

Алеша покачалъ головой. Ему почему-то совѣстно было съ перваго же раза притащить свой инструментъ.

— Ну, вотъ это совсѣмъ нехорошо, — пожурила его дѣвушка. — Только-что похвалила васъ, что сдержали слово. Вамъ совѣстно было, говорите вы? Полноте, что за церемоніи! Мнѣ такъ пріятно было бы съ вами поиграть. У насъ старый рояль,—видите, престарый даже,—но звукъ у него хорошій. Такъ позвольте сейчасъ послать къ вамъ горничную, привезти віолончель. Можно?

Ничего, кажется, не было невозможнаго, когда объ этомъ просили эти розовыя, нѣжныя губки, и просьбѣ вторили глубокіе, ясные глаза.

Долго не думая, Наташа послала къ Алешѣ, а ея братъ, взявъ молодого человѣка подъ руку, повелъ его къ матери.

Когда онъ пригласилъ Алешу бывать у нихъ по вечерамъ, онъ еще не спросилъ о согласіи Ольги Андреевны. Но добиться этого согласія онъ считалъ не труднымъ. Ольга Андреевна особой твердостью воли не отличалась и слегка побаивалась сына. Но убѣдить ее оказалось не такъ легко. При одномъ имени Алеши Макшеева, она всплеснула руками, и все негодованіе, на какое было способно ея запуганное сердце, вылилось наружу запальчивыми словами.

— Сына этого гадкаго человѣка принимать у насъ?—воскликнула она:—да ты съ ума сошелъ!.. Подумай, чтò сказалъ бы твой отецъ, кабы узналъ про это!

— Папа очень вспыльчивъ,—мягко возразилъ Лёва,—но ты, мамочка, не такая. Ты добрая и все понимаешь...

И Лёва старался втолковать матери, что для нихъ прямой разсчетъ принимать у себя сына Ѳедора Степановича. — Нѣтъ-нѣтъ да и разузнаемъ кое-что про его батюшку, — добавилъ

онъ. — Да и на что эти предразсудки? Отецъ, положимъ, мошенникъ, а сынъ-то въ чемъ виноватъ?

Эти доводы сперва дѣйствовали плохо. Ольга Андреевна не совсѣмъ понимала, какая имъ польза видѣть у себя молодого Макшеева. И уступила она въ концѣ концовъ не убѣжденіямъ сына, а скорѣе его настойчивости. Какъ всѣ слабыя натуры, она понемногу устала и сдалась.

И когда сынъ привелъ къ ней Алешу въ маленькую, очень скромную гостиную, гдѣ она разливала чай, Ольга Андреевна встрѣтила молодого человѣка, правда, не особенно радушно, но и безъ всякаго оттѣнка враждебности. Алеша ей скорѣе понравился. „Какъ онъ непохожъ на отца! — подумала она: — и кто бы въ этомъ скромномъ мальчикѣ, съ такими честными голубыми глазами, призналъ сына Өедора Степановича“?

Успѣли, между тѣмъ, явиться двое новыхъ гостей. Студентъ Корскій — худощавый малый, съ нѣжнымъ, почти женскимъ лицомъ и слегка завивавшимися бѣлокурыми волосами. И товарищъ Лёвы, такой же путеецъ, какъ онъ, необыкновенно рослый и плечистый, съ многообѣщавшей густой бородой и столь же густыми, вѣчно путающимися волосами. Фамилія его была нѣмецкая — звали его Клейстъ. И даже не просто, а фонъ-Клейстъ. Но по-нѣмецки онъ не говорилъ ни слова и къ соплеменникамъ своимъ относился даже съ какой-то предвзятой суровой враждебностью.

Смѣшливъ онъ былъ очень, хотя его солидный басъ плохо вторилъ наклонности шутить.

— Ну, Корскій, — говорилъ онъ въ ту самую минуту, когда Алеша вернулся изъ гостиной, — перестаньте насъ подчивать громкими фразами. Удивительное дѣло: у человѣка никакихъ убѣжденій нѣтъ — да и у кого они есть въ наше время? — а валяетъ то-и-дѣло прописную мораль, да еще какъ торжественно!

Корскій обидѣлся, и его зеленоватые глазенки заморгали. Онъ былъ самолюбивъ, очень бѣденъ и при этомъ щепетиленъ и обидчивъ до крайности. Выражался онъ витіевато, зналъ Некрасова наизусть и любилъ его приводить, а про себя мечталъ, какъ бы современемъ получить тепленькое мѣстечко. Одѣвался онъ старательно и съ геройскимъ самоотверженіемъ отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы блеснуть щеголеватостью. А послѣ долгаго поста, онъ вдругъ, бывало, сорвется съ цѣпи и въ одну ночь прокутитъ тщательно сбереженныя деньги.

Товарищи его не долюбливали, хотя и старался онъ имъ угождать и почти даже къ нимъ ласкаться.

— Я только отвѣтилъ на замѣчаніе Варвары Аркадьевны (такъ звали некрасивую курсистку),—сказалъ онъ,—что въ нашъ вѣкъ милитаризма каждая интеллигентная личность обязана бороться противъ ретроградныхъ тенденцій.

Дружный хохотъ встрѣтилъ эти слова.

Наташа, поднявшись со стула, отошла немного поодаль съ Смолинымъ и подозвала къ себѣ Алешу.

Ея братъ, между тѣмъ, приводилъ хорошенькую блондинку въ притворный ужасъ, вызывая на ея личикѣ невольную краску удовольствія.

А сидѣвшая возлѣ нея курсистка ужасалась искренно. Лёва не щадилъ дѣвическихъ ушей, твердо увѣренный, что нравится онъ всѣмъ женщинамъ.

— Такъ вотъ-съ, юная и прелестная особа,—дразнилъ блондинку Лёва:—остерегайтесь лжеученій о какихъ-то личныхъ обязанностяхъ. У хорошенькой дѣвушки одна только обязанность—умѣть нравиться. Помните, что молодости два раза не бываетъ, и что единственная дѣйствительно серьезная задача—это не пропустить времени, когда все въ насъ стремится къ веселью, когда жизнь сама по себѣ есть уже счастіе. Чтò, правда, Клейстъ?—спросилъ онъ у товарища.

— Для прекраснаго пола, конечно,—густо захихикалъ басъ инженера.—А у насъ, пожалуй, есть и дѣло посерьезнѣе.

Долго еще они развивали оба эту тему, явно любуясь хорошенькими глазками юной собесѣдницы. А та больше смѣялась, да показывала острые зубки.

У Варвары Аркадьевны, между тѣмъ, шелъ съ Корскимъ разговоръ иного рода. Въ немъ то-и-дѣло попадались мудреныя слова, какъ: пессимизмъ, обскурантизмъ, позитивизмъ, и разъ даже было упомянуто о гегельянизмѣ, о которомъ оба они—и студентъ, и курсистка—имѣли довольно смутное понятіе.

А между тѣмъ, Варвара Аркадьевна была не только необыкновенно доброе, прямое и честное существо, она была дѣвушкой очень неглупой, но постоянныя усилія оставаться въ самыхъ высокихъ умственныхъ сферахъ, въ уровень съ крупнѣйшими научными вопросами, пріучили ее къ напускной вычурности рѣчи. А Корскій, хоть и вторилъ ей, въ душѣ завидовалъ Лёвѣ, съ которымъ онъ не смѣлъ соперничать по части ухаживанія. Одна изъ его трескучихъ фразъ случайно задѣла вниманіе Лёвы, и, обернувшись къ Корскому, молодой инженеръ воскликнулъ:

— Корскій, помилуй, да вѣдь это старо, какъ грѣхъ—служеніе наукѣ. Да неужели вы не знаете, что отвлеченнымъ по-

нятіямъ одни дураки служатъ? Они, эти понятія, намъ служить должны, хотя бы для того, чтобы наивнымъ людямъ пыль въ глаза пускать. Да вы шестидесятникъ, что-ли?

Это слово онъ произнесъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, и тяжелый хохотъ фонъ-Клейста подчеркнулъ его насмѣшку.

Но Корскій закипятился и принялся витійствовать съ помощью всегда готоваго арсенала общихъ мѣстъ. Онъ видѣлъ, какъ смотрятъ на него кокетливые глазки миловидной блондинки, и постарался не ударить лицомъ въ грязь. Варвара Аркадьевна кстати пришла къ нему на помощь. „Принципы... великія идеи добра... индивидуализмъ... эгоизмъ... альтруизмъ“—все это такъ и трещало въ воздухѣ.

— Да какіе же принципы были у шестидесятниковъ?—остановилъ Лёва этотъ потокъ.—Тогда, напротивъ, всякіе принципы отвергали.

— Отвергали на словахъ,—возразила курсистка,—но хранили ихъ въ сердцѣ и оставались имъ вѣрны.

— Смолинъ, прійди къ намъ на помощь, насъ одолѣваютъ...

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ тотъ,—у насъ тоже споръ завязался, и пожалуй что поинтереснѣе вашего.

Споромъ нельзя было, впрочемъ, назвать оживленную бесѣду, начавшуюся у Наташи съ обоими молодыми людьми. Говорили они тоже о вѣчномъ вопросѣ, потому вѣчномъ, что наскучить онъ не можетъ—говорили объ искусствѣ.

Молодая дѣвушка и Алеша съ какой-то мягкой робостью касались великой тайны художественнаго творчества. И чѣмъ-то въ родѣ священнаго трепета ихъ обдавало.

А Смолинъ, хоть и пробовалъ ввернуть обычную ироническую нотку, самъ былъ невольно увлеченъ. И для него тоже искусство имѣло обаяніе, всегда присущее тому, что̀ несовсѣмъ понятно, что̀ чувствуется только, а не постигается.

— Искусство,—говорилъ онъ,—вѣдь это тоже пустое слово. Есть отдѣльныя гармоническія ощущенія, есть, положимъ, группы такихъ ощущеній, какія даетъ, напримѣръ, музыка, живопись. Но искусства вообще, какъ чего-то самостоятельнаго, нѣтъ. И коли проанализировать хорошенько эти ощущенія—всѣ они, пожалуй, сведутся къ очень простымъ природнымъ фактамъ.

Но онъ самъ плохо вѣрилъ въ собственныя слова.

А на другомъ концѣ комнаты голоса спорящихъ становились все громче. Всѣ говорили разомъ и не слушалъ никто.

— Наука тѣмъ велика,—долетѣло до слуха Наташи и Смолина,—что она даетъ точные выводы.

Всѣ трое подошли къ спорящимъ.

— Точные?—вмѣшался Смолинъ.—Да, можно вычислить что̀ угодно: скорость движенія небеснаго тѣла, число колебаній звуковой волны, составныя части любого вещества. Но что̀ такое самое это вещество? Что̀ такое этотъ колеблющійся эѳиръ? Что̀ такое самое время, наконецъ? Развѣ мы объ этомъ знаемъ? Мы имѣемъ дѣло съ оболочкой, а самая суть отъ насъ ускользаетъ. Да и есть ли тутъ какая-нибудь суть? Не все ли обманъ воображенія, и не въ насъ ли самихъ происходитъ все то, что̀ мы измѣряемъ и взвѣшиваемъ? Да и какъ взвѣшиваемъ? По нашему—точно, а на самомъ-то дѣлѣ выходитъ, что не только всѣ наши приборы врутъ,—даже отвлеченныя геометрическія линіи мы не въ силахъ возсоздать идеально прямыми.

Лёва повелъ плечами.

— Да на что̀ намъ, скажи пожалуйста, идеальная точность? На что̀ самая идея? Лишь бы мы вѣрно разсчитали, что̀ у насъ въ рукахъ, что̀ непосредственно съ нами соприкасается. Ну, тамъ, скорость поѣзда, сила электрическаго тока, что-ли... Важно, чтобы поѣздъ не соскочилъ и депеша пришла по назначенію—а какіе тутъ дѣйствуютъ законы—не все ли равно?

— Ты забываешь, — съ убійственнымъ хладнокровіемъ возразилъ Смолинъ,—что отнесись всѣ къ этимъ законамъ такъ, какъ ты вотъ,—не додумались бы тогда ни до телеграфа, ни до желѣзной дороги. А впрочемъ,—засмѣялся онъ,—кто знаетъ, можетъ, этихъ законовъ и нѣтъ совсѣмъ. И въ одинъ прекрасный день солнце не встанетъ, или не будетъ дѣйствовать сила тяготѣнія, или еще какая-нибудь катавасія случится.

Эти слова вызвали настоящій взрывъ негодованія; закипятился даже Клейстъ—непрочность физическаго закона для него казалась такою нелѣпостью, противъ которой даже и возражать хорошенько не стоило.

А Смолинъ только любовался этой бурей протестовъ.

— Ахъ, господа, господа! — сказалъ онъ, когда прочіе накричались досыта. — Очень мы и современны, и умны, только одинъ послѣдній фетишъ у насъ еще остается—наука, въ которую вы твердо вѣрите, даже когда имѣете о ней слабое понятіе. А по-моему, скептицизмъ, такъ ужъ скептицизмъ. На самомъ дѣлѣ наше хваленое знаніе ни на шагъ не подвинулось съ Аристотеля. А коли ужъ вѣрить,—потому что и для отрицанія нужна вѣра,—такъ ужъ лучше въ синайскаго Іегову, чѣмъ въ слѣпую, безсознательную природу, да въ подчиненное ей ду-

рацкое человѣчество. Правда, Наталья Владиміровна?—рѣзко и неожиданно обратился онъ вдругъ къ молодой дѣвушкѣ.

— Правда-то, можетъ быть, правда, — вполголоса отвѣтила она,—только... только...

— Не симпатично вамъ? Послѣднюю жертву не хотите принести? Послѣднее суевѣріе отбросить, будто мы что-нибудь знаемъ и есть тамъ какой-то прогрессъ...

Алеша до сихъ поръ не участвовалъ въ спорѣ. Его глаза только блестѣли все ярче, пока онъ слушалъ, и губы вздрагивали. Но теперь онъ заговорилъ,—заговорилъ потому, можетъ быть, что, обмѣнявшись взглядомъ съ Наташей, онъ прочелъ въ ея глазахъ что-то вызывавшее его тоже на возраженіе.

— Вы прогресса не признаете, Смолинъ?—началъ онъ.

— Не признаю, виноватъ,—разсмѣялся тотъ, — потому что за каждый успѣхъ больно ужъ дорого платить надо. Удобнѣе стало жить, и скорѣе мы все узнаёмъ, и больше накопляемъ денегъ,—а сами-то мы что? Хилыми стали, развинченными. Стариннаго прадѣдовскаго меча обѣими руками не поднимемъ. Изнервничались. Сравните хоть теперешнихъ испанцевъ съ товарищами Кортеса и Пизано, или современныхъ итальянцевъ—съ римлянами.

— Добрѣе мы стали и въ совѣсти больше прислушиваемся, и тревожатъ насъ теперь вещи, мимо которыхъ наши прадѣды, со своими тяжелыми мечами, проходили равнодушно.

— Лёва,—взявъ товарища за руку, сказалъ Клейстъ:—отойдемъ-ка немного, у меня для тебя есть новость поважнѣе этихъ споровъ.

Они отошли къ окну.

— Добрѣе? — презрительно возразилъ Смолинъ. — А какъ самые образованные народы поступаютъ съ такъ-называемыми „низшими“ расами? Прежде ихъ тоже истребляли, но во имя религіи. А теперь, ради торговыхъ выгодъ, и сама религія пускается въ ходъ не съ миссіонерскими, а съ коммиссіонерскими цѣлями.

— Все-таки,—продолжалъ Алеша,—въ римскій циркъ теперь не зазовешь толпу смотрѣть на бой гладіаторовъ. И крестьянинъ, засѣявшій поле, не боится, чтобы жатву его смяли, да вдобавокъ спалили крышу какіе-нибудь разбойники.

— Да, но зато какъ мелко стало теперь, какъ некрасиво! И тотъ самый Римъ, который любовался человѣческими страданіями, въ немъ красота была и величіе, которыхъ теперь...

— А вотъ и ваша віолончель!—сказала, вскочивъ съ мѣста, Наташа, увидавъ входившую горничную.—Привезли?—спросила она.—Ну, Алексѣй Ѳедоровичъ, сыграемте что-нибудь. Хотите?

Ноты у насъ есть. Я все время была на вашей сторонѣ,—шепнула она ему, подходя къ роялю.

А Клейстъ, между тѣмъ, передавалъ Лёвѣ, что ихъ начальство получило предложеніе откомандировать лѣтомъ нѣсколько путейцевъ на новую линію, постройка которой начнется въ маѣ. Это была та самая дорога, о которой пріѣхалъ хлопотать Ѳедоръ Степановичъ.

— А, а, вотъ это дѣло!—потирая руки, отозвался на извѣстіе Лева.—Надо будетъ пристроиться.

И услыхавъ отъ Клейста, что Макшеевъ еще въ Петербургѣ, онъ вдвойнѣ обрадовался знакомству съ Алешей.

Молодые люди сыграли серенаду Браге, потомъ нѣсколько вещицъ Шумана и закончили молитвою Страделлы. Сперва только, на первыхъ тактахъ Алеша неувѣренно водилъ по струнамъ віолончели, и звуки какъ будто робко, съ какой-то болѣзненной дрожью выливались изъ-подъ его смычка. Но это было всего нѣсколько минутъ. Нѣжныя волны гармоніи унесли молодого человѣка, незамѣтно для самого, въ тотъ волшебный міръ чистой красоты, въ которомъ забывается дѣйствительность. Чужая рука будто водила его смычкомъ, и звуки струились, плавные и стройные, какъ бы вытекая прямо изъ его души.

А Наташа вторила ему спокойно и вѣрно, тоже будто унесенная далеко за предѣлы окружающаго міра. Однакоже Алешѣ чудилось, что между ними не одно только музыкальное созвучіе, что вторятъ ему не одни ея пальчики, такъ увѣренно и легко скользившіе по клавишамъ. Онъ видѣлъ себя какъ бы вдвоемъ съ ней на какой-то далекой высотѣ, а пока—то сладкая мелодія серенады, то болѣзненно-язвительныя фразы Шумана, пѣли на струнахъ—ему казалось, что какая-то непонятная близость установилась вдругъ между нимъ и молодой дѣвушкой. Ему и сладко, и трепетно было это чувство. Онъ точно боялся, какъ бы не разсѣялось ощущеніе. Ему хотѣлось зажмурить глаза, какъ будто онъ этимъ могъ удержать его.

И вдругъ онъ услышалъ обращенныя къ нему совсѣмъ простыя слова Наташи. Она шутливо замѣчала, что такое-то мѣсто у нихъ вышло не совсѣмъ гладко, и предлагала сыграть еще разъ.

И въ самой простой непринужденности ея словъ Алеша опять почувствовалъ, какъ сблизились они неожиданно.

И такъ было весь остальной вечеръ. Они говорили другъ съ другомъ уже совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. До этого ихъ связывала только любовь къ музыкѣ, теперь она сама—волшеб-

ница гармонія, то, чтò сплетало между ними тонкія, невидимыя нити.

Лёва тоже держался съ нимъ по новому. Совсѣмъ даже черезчуръ по дружески. Но Алеша и не примѣчалъ этого оттѣнка. Прочіе для него перестали существовать; онъ отвѣчалъ, когда они съ нимъ заговаривали, но, мигъ спустя, уже не помнилъ собственныхъ словъ. Помнилъ онъ только, чтò говорила Наташа. Помнилъ каждое мимолетное выраженіе ея глазъ.

И когда онъ простился и медленно сходилъ по лѣстницѣ, про свою віолончель онъ забылъ. Молодой человѣкъ уносилъ съ собой что-то невыразимо-нѣжное и обаятельное.

Онъ и не разслышалъ, какъ чьи-то шаги раздавались сзади по ступенямъ. Только у самаго выхода на улицу онъ замѣтилъ нагнавшаго его Смолина.

— Пойдемте пѣшкомъ!—сказалъ тотъ, и странная улыбка заиграла на его губахъ.—Хотите, я доведу васъ? Ночь такая дивная.

И въ самомъ дѣлѣ, мѣсяцъ необыкновенно ярко сіялъ съ морознаго неба, и лучи его, точно сквозь хрустальный вѣнокъ, блестѣли въ недвижномъ воздухѣ. Что-то бодрящее и спокойное въ то же время было въ этомъ воздухѣ и въ самомъ мерцаніи звѣздъ на бездонной выси.

— Вы, кажется, хорошій человѣкъ, Макшеевъ,—сказалъ Смолинъ, касаясь рукой до локтя Алеши.—Сперва, признаюсь, когда мы познакомились, я хорошенько васъ не раскусилъ и присматривался къ вамъ. Но теперь, когда я слышалъ вашу игру, у меня сомнѣній не осталось. Такъ играютъ одни хорошіе люди, тѣ, у которыхъ есть сердце. Чтò вы на меня такъ смотрите удивленно? Вы находите, что я чепуху понесъ? Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, нѣтъ. Въ звукахъ есть что-то загадочное, въ чемъ легче всего распознать чужую душу.

Алеша попробовалъ разсмѣяться, но смѣхъ его тотчасъ замеръ, когда онъ всмотрѣлся въ серьезное лицо Смолина.

— Вы какъ-то...—началъ онъ, но тотъ его перебилъ:

— Ага, вы думаете, что человѣкъ, какъ я, всегда готовый посмѣяться надъ ближнимъ, не имѣетъ права говорить о сердцѣ. Когда-нибудь узнаете меня получше и поближе. А теперь вотъ чтò я вамъ скажу: одного я не люблю крѣпко—лжи, во всѣхъ ея формахъ. Настоящій человѣкъ, по-моему, долженъ быть прежде всего правдивъ и независимъ—независимъ отъ всего; мнѣ претитъ всякое стѣсненіе воли, потому что дурной человѣкъ все-таки отъ этого стѣсненія ускользнетъ и сдѣлаетъ гадость, а хорошій, въ девяти случаяхъ изъ десяти, съёжится и завянетъ.

Да, именно завянетъ; законъ, обычай, предразсудки—все это одно и тоже,—безжалостные, пустые тиски глупаго общества. О, какъ я ненавижу этотъ нравственный гнетъ заурядности, толпы, надъ свободною личностью! Гдѣ онѣ—крѣпкія натуры? Крѣпкія и добрыя въ то же время? Знаете что̀, Макшеевъ,—не знаю, какъ вы, а мнѣ спать не хочется. Зайдемте-ка вмѣстѣ куда-нибудь и отъужинаемъ вдвоемъ. Я человѣкъ не богатый и совсѣмъ ужъ не кутящій. Но сегодня была не была! Или не хотите? Нѣтъ? Я по глазамъ вижу, что нѣтъ. И догадываюсь—почему.

Онъ улыбнулся доброй улыбкой, совсѣмъ ему несвойственной.—Ну,—продолжалъ онъ,—Христосъ съ вами, не буду настаивать; берегите про себя то, что̀ у васъ на сердцѣ. Боитесь, какъ бы это не улетучилось въ праздной бесѣдѣ?.. Понимаю и завидую вамъ. Да, вы хорошій человѣкъ, и если хотите, побывайте у меня, когда у васъ есть лишній часокъ. Поболтаемъ,—авось скучно не будетъ.

Разставаясь съ Алешей, Смолинъ крѣпко пожалъ ему руку, и пожатіе это было искреннее. Дурной зависти въ немъ не было, хотя сердце его болѣзненно сжималось...

Наташа Богушевская, въ этотъ самый мигъ, стоя вдвоемъ съ братомъ передъ окномъ, въ которое широко вливался полный мѣсяцъ, упрашивала его сказать наконецъ, что̀ онъ скрывалъ до сихъ поръ, чего не захотѣлъ договорить послѣ своей первой встрѣчи съ Алешей.

Лёва, слушая ее, улыбался одними глазами.

— Сказать? Ну, что жъ, теперь пожалуй и можно. Я думаю, ты въ ужасъ не придешь—слишкомъ ужъ...

— Что̀ слишкомъ?—спросила она, краснѣя.

— Ну, сама знаешь, небось.

И онъ сказалъ ей все.

Услыхавъ, что̀ за роковое вліяніе имѣлъ Алешинъ отецъ на судьбу ихъ семьи, Наташа сперва въ испуганномъ недоумѣніи опустила руки, и ей почти жалко стало, что она узнала правду. Но она разогнала это впечатлѣніе тотчасъ.

— Что жъ, вина отца не падаетъ на сына. Вѣдь онъ хорошій человѣкъ, не правда ли?

— Ну, вамъ, барышнямъ,—разсмѣялся Лёва,—всегда то кажется хорошимъ, что̀ вамъ нравится. А ты все-таки молодецъ. И правильно разсудила. Я, признаться, струхнулъ немножко, разсказывая, а теперь ты все знаешь. Ну, поди спать, Наташа, пора.

Но Наташѣ не спалось въ эту ночь.

XI.

Леночка стояла у одного изъ оконъ залы и глядѣла на улицу, гдѣ то-и-дѣло сновали чухонцы, звеня бубенчиками. Масляница была въ полномъ разгарѣ. Дѣвушку тянуло туда, въ пеструю толпу, и съ возроставшимъ нетерпѣніемъ она поджидала брата, обѣщавшаго прогуляться съ нею. Заказанные наряды ей принесли наканунѣ, и одну изъ своихъ обновокъ, полудлинное, темно-синее платье для прогулокъ, она только надѣла, чтобы пощеголять имъ въ этотъ ясный, веселый февральскій день.

Но Алеша не приходилъ. Солнце склонялось къ закату, и Леночка, давно бросившая взятую книгу, скучала, надувъ губки. Петербургъ не оправдалъ ея ожиданій. За прошедшія двѣ недѣли, она всего только два раза побывала въ театрѣ, и видѣнныя ею пьесы, „Гамлетъ“ и „Ревизоръ“, не показались ей забавными. Александра Осиповна свела ее разъ на симфоническій концертъ—и только. Не было того оживленія, того шума, къ которымъ неудержимо стремилось ея молодое воображеніе.

Жить въ большомъ городѣ и чувствовать себя вполнѣ одинокой, не бывать въ обществѣ, не знать почти никого—это вѣдь пытка, настоящая пытка вѣчно поднимавшихся неопредѣленныхъ искушеній, только дразнившихъ ее неосуществимыми грёзами.

Къ теткѣ не ѣздитъ почти никто, и тѣ немногіе, кого она видитъ у Александры Осиповны,—все такіе серьезные, даже прямо скучные люди.

Да, Леночка скучаетъ. Къ чему же нашила она себѣ эти хорошенькія платьица, сидящія на ней такъ ловко? Къ чему любовалась она своими двумя красивыми шляпками, совсѣмъ по модѣ, и новою обувью, принесенною отъ Вейса? Все это ей хотѣлось бы показать, правда, неизвѣстно кому,—любому первому встрѣчному,—а ей даже по Невскому и по Морской, въ часъ гулянья, не удается пройтись.

Братъ все занятъ и всегда такъ поздно возвращается домой изъ своей лабораторіи, одну ее не пускаютъ, а горничной некогда. Да и что̀ за охота показываться на улицѣ съ этой глупой, неуклюжей Маѳой?

Она прижимала розовое личико къ холодному стеклу окна, точно она могла этимъ заставить кого-нибудь оттуда, съ этой шумной улицы, подняться наверхъ, въ скромную квартиру тетки.

Ахъ, еслибы явился вдругъ незнакомецъ,—кто бы онъ ни

былъ,—разумѣется, только красивый, бойкій, умный,—она бы пошла за нимъ, куда бы онъ ее ни повелъ. Неудержимое, хоть и смутное желаніе чего-нибудь новаго, какого-нибудь поворота въ ея однообразной жизни, заставляло крѣпче биться ея пятнадцатилѣтнее сердечко.

— А, вотъ звонокъ. Это братъ, должно быть...

Легко, неслышно она подбѣжала къ дверямъ и, растворивъ ихъ, чуть-чуть высунула свое хорошенькое личико.

Въ передней стоялъ рослый молодой человѣкъ, въ какомъ-то неизвѣстномъ ей мундирѣ, съ черными волосами и смѣлымъ, красивымъ лицомъ.

— Что̀, Алексѣй Ѳедоровичъ дома? — спрашивалъ онъ у Марѳы.

— Нѣтъ-съ, они вышли-съ, — отвѣтила та съ видомъ неудовольствія. Марѳа терпѣть не могла выбѣгать на звонокъ.

— Братъ сейчасъ придетъ, — быстро сказала дѣвушка, немного растворяя дверь. И тутъ же сердце у нея ёкнуло, и краска смущенія показалась на лицѣ. Вѣдь она какъ будто приглашала молодого человѣка войти, а это выходило совсѣмъ ужъ неприлично...

Молодой человѣкъ, завидѣвъ ее, улыбнулся, видимо пріятно удивленный неожиданнымъ появленіемъ хорошенькой дѣвочки.

— Ахъ, вы сестра Алексѣя Ѳедоровича? — обратился онъ прямо къ ней, торопливо разстегивая пальто. — Вы мнѣ позволите войти и подождать его?

Леночка не знала, что̀ отвѣтить. Лѣвая ея ножка какъ-то боязливо стучала по полу.

Но молодой человѣкъ и не дожидался отвѣта. Снявъ пальто, онъ подходилъ къ дверямъ и, продолжая улыбаться, повторилъ:

— Позволяете? Да?

„Что̀ тутъ дѣлать“?—Она пріотворила дверь еще больше, и молодой человѣкъ вошелъ.

— Меня зовутъ Львомъ Богушевскимъ. Вамъ мое имя не извѣстно?—спросилъ онъ.

Леночка покачала головой и сѣла. Молодой человѣкъ усѣлся тоже.

— Алеша мнѣ не говорилъ, что у него такая...

Онъ хотѣлъ сказать: „хорошенькая“, но счелъ за лучшее сказать только: „молоденькая“ сестра. Это не значило, правда, ничего, но блестящіе, смѣло глядѣвшіе глаза довершили смыслъ, и Леночка поняла все какъ нельзя лучше.

Она покраснѣла и опустила глазки.

— Я въ первый разъ у вашего брата,—продолжалъ Лёва,— хотя мы познакомились уже довольно давно. Сестра моя—вы, можетъ, про нее слыхали?—у вашей тетушки бывала, но про васъ она мнѣ не говорила.

— Я недавно только пріѣхала изъ деревни,—отвѣтила Леночка, находившая, что разговаривать съ этимъ молодымъ человѣкомъ совсѣмъ нетрудно. Легкая первоначальная робость исчезла, и заискрившіеся ея глаза уже безъ всякаго смущенія глядѣли на Лёву Богушевскаго. Оцѣнка выходила благопріятная, и въ душѣ она была очень рада, что случай доставилъ ей неожиданнаго собесѣдника.

— А вы любите деревню?

Съ комическою рѣшительностью она покачала головой.

— Деревню? Да еще зимой? О, нѣтъ, конечно! Впрочемъ, и въ городѣ не веселѣе, когда... когда никого не знаешь.

Она мысленно тутъ же прикусила себѣ язычокъ за излишнюю откровенность. Но дѣлать было нечего—сказаннаго не воротишь.

— Ну, эта бѣда, я думаю, скоро минуетъ. Стòитъ вамъ побывать въ двухъ-трехъ домахъ, и знакомыхъ у васъ будетъ сколько угодно. — А что̀, вы пока очень скучаете? — добавилъ онъ, наклоняясь впередъ и любуясь ею уже съ полной откровенностью.

Дѣвушка опять вспыхнула отъ его смѣлаго взгляда, но это не помѣшало ей разсмѣяться.

— Очень,—сказала она съ невольнымъ кокетствомъ въ голосѣ и качнула ножкой.

— Да, вашему горю помочь надо,—разсмѣялся юный инженеръ, у котораго странныя мысли тотчасъ закопошились въ головѣ. „Этой дѣвочкой стоитъ позаняться",—подумалъ онъ, и добавилъ прямо:

— Я скажу сестрѣ. Она васъ перезнакомитъ кое съ кѣмъ изъ своихъ подругъ. Или вы не хотите? Она можетъ вамъ предложить свои услуги въ качествѣ спутницы для прогулокъ.

— А сестра ваша учится? Она моихъ лѣтъ или старше? Я буду очень, очень рада, если она придетъ.

Лёва ей разсказалъ про Наташу и съумѣлъ-таки ввернуть два-три ловкихъ комплимента по ея собственному адресу.

Леночкѣ это, очевидно, понравилось.

— И я тоже буду ходить въ гимназію съ первой недѣли,— сказала она.—Что̀, это очень скучно?—чуть-чуть нахмурила она брови.—Сестра ваша не жалуется? Впрочемъ, тамъ будутъ другія

дѣвочки—есть хоть съ кѣмъ-нибудь поболтать. Нѣтъ, скучно не будетъ. А что̀, очень строгіе учителя?

— Къ такимъ хорошенькимъ ученицамъ, какъ вы, едва ли,—выпалилъ Лёва уже прямо, не считая болѣе нужнымъ прибѣгать къ оговоркамъ.

Леночка хотѣла придать своему личику строгое выраженіе, но противъ воли опустила глазки.

Въ передней опять раздался звонокъ.

— Вотъ Алеша!—воскликнула Леночка, вставая.

Но она ошиблась.

Въ комнату входилъ, откашливаясь хрипло, Ѳедоръ Степановичъ.

— Мой отецъ,—быстро шепнула она Лёвѣ.

— Позвольте мнѣ отрекомендоваться,—тоже поднимаясь съ мѣста, развязно обратился онъ къ вошедшему, на лицѣ котораго выразилось удивленіе при видѣ незнакомаго молодого человѣка.

Онъ назвалъ себя и съ самоувѣренной улыбкой на губахъ протянулъ Ѳедору Степановичу руку.

Лёва сознавалъ, что въ эту минуту смущаться приходится не ему, и что, протягивая руку врагу своего отца, онъ оказывалъ ему великую честь.

И въ самомъ дѣлѣ, Ѳедоръ Степановичъ прикоснулся къ этой рукѣ, какъ будто это былъ раскаленный уголь. Его̀ пальцы дрожали, и глаза невольно опустились.

— Вы? Вы—сынъ Владиміра Семеновича?—прошепталъ онъ измѣнившимся голосомъ.

— Да-съ,—веселымъ тономъ отвѣтилъ Лёва.—И мнѣ очень хорошо извѣстны тѣ маленькія... недоразумѣнія, которыя были когда-то между вами и моимъ отцомъ. Мо́гу васъ увѣрить, что для меня, по крайней мѣрѣ, эти недоразумѣнія отошли въ прошлое.

Лёвѣ незачѣмъ было это говорить. Съ перваго взгляда Ѳедоръ Степановичъ понялъ, что молодому человѣку все извѣстно.

— Лена,—все тѣмъ же нерѣшительнымъ, ослабѣвшимъ голосомъ сказалъ дочери Макшеевъ:—я долженъ переговорить съ Львомъ Владиміровичемъ... Оставь насъ съ нимъ вдвоемъ.

Дѣвочка обвела ихъ удивленнымъ, широко раскрытымъ взглядомъ, и вышла легкими, неслышными шагами.

Ѳедоръ Степановичъ грузно опустился на кресло, то самое, на которомъ за минуту передъ тѣмъ сидѣлъ Лёва. Онъ дышалъ

тяжело. Что-то злое и приниженное въ то же время было у него и въ позѣ, и въ выраженіи лица.

Мигъ спустя, онъ поднялся опять и подошелъ къ дверямъ. Ему хотѣлось убѣдиться, не подслушиваетъ ли дочь.

За дверями не было никого. Онъ опять вернулся на свое мѣсто и еще тяжелѣе, еще болѣзненнѣе прежняго усѣлся передъ молодымъ человѣкомъ, какъ обвиняемый передъ судьей.

— Вамъ можетъ страннымъ показаться,—съ прежнею увѣренностью въ голосѣ, началъ Лёва,—что вы меня застаете здѣсь. А дѣло въ сущности самое простое. Я знакомъ съ вашимъ сыномъ. Мы съ нимъ почти, можно сказать, друзья. Я зашелъ къ нему и не засталъ дома...

Ѳедоръ Степановичъ замоталъ головой, какъ бы давая понять, что ему не до этого. Онъ не находилъ словъ, чтобы начать объясненіе. А Лёва продолжалъ все такъ же развязно:

— Считаю нужнымъ, Ѳедоръ Степановичъ, прежде всего увѣрить васъ,—я могу теперь говорить свободно, такъ какъ вашей дочери уже нѣтъ,—что никакого чувства... недоброжелательства я къ вамъ не ощущаю. Прошлое, если и не забыто, то схоронено. Меня, по крайней мѣрѣ, оно не тревожитъ. Я вижу въ васъ умнаго человѣка, которому... которому въ жизни повезло...

Лёва намѣренно останавливался почти на каждомъ словѣ. Онъ сознавалъ хорошо, сколько въ этомъ было язвительнаго для Ѳедора Степановича, и наслаждался своимъ явнымъ превосходствомъ надъ противникомъ.

— Вы, собственно, что̀ же хотите сказать? — съ трудомъ проговорилъ Макшеевъ.

— Да ничего,—засмѣялся Лёва, заложивъ ногу на ногу.— Хотѣлъ только увѣрить васъ, что отъ меня вамъ нечего опасаться какихъ-нибудь попрековъ. Если намъ суждено когда-нибудь встрѣтиться въ жизни, мы можемъ подать другъ другу руку, не вспоминая прошлаго.

Глаза у Ѳедора Степановича злобно сверкнули. Раздраженіе въ немъ поднималось. Потѣшается надъ нимъ, что-ли, этотъ молокососъ? Надъ нимъ, передъ которымъ столько людей дрожатъ, и который ворочаетъ такими крупными дѣлами?

— Едва ли придется,—сказалъ онъ, понемногу возвращая себѣ утраченную самоувѣренность.

— Кто знаетъ?—все такъ же весело отпарировалъ молодой человѣкъ.—Меня, напримѣръ, съ двумя товарищами собирается наше начальство командировать лѣтомъ на интересующую васъ

новую дорогу. Можетъ быть, не только встрѣтиться съ вами придется, а быть вамъ полезнымъ.

— Благодарю васъ,—сухо отвѣтилъ Макшеевъ:—пожалуй, что не окажется въ этомъ особой нужды.

Лёва тряхнулъ плечами.

— Я изучилъ профиль будущей дороги, и скажу вамъ откровенно, что проектъ никуда не годится. По моему, Новоспасское придется обойти верстъ на шесть.

И черные зрачки молодого инженера смѣло впились въ лицо собесѣдника, давая ему понять, что Льва Богушевскаго сбить съ позиціи не такъ-то легко.

— И отъ васъ,—иронически спросилъ Ѳедоръ Степановичъ, —зависитъ измѣнить направленіе дороги? Будто?

— Не отъ меня, положимъ, а отъ тѣхъ, кому я стану докладывать про это. Мнѣніе мое быть можетъ и невѣрно. Я пока только бѣгло ознакомился съ проектомъ, и первыя вычисленія показали... Ну, словомъ, незачѣмъ съ вами про это говорить подробно. Вы не инженеръ, и врядъ ли поймете. Увидимъ послѣ. А скажу вамъ только, что можно быть очень толковымъ дѣльцомъ, какъ вы вотъ, но смётка и ловкость еще не все. Знаніе тоже чего-нибудь да стоитъ.

Они посмотрѣли другъ на друга пристально, и глаза старика опустились снова передъ смѣющимся взглядомъ молодого человѣка.

— Видите, господинъ Макшеевъ,—продолжалъ Лёва,—поймите меня хорошенько. Я хотѣлъ только воспользоваться случайной встрѣчей, чтобы установить наши будущія отношенія. Прошлое шевелятъ одни глупые люди. А мы съ вами не изъ ихъ числа. Такъ позвольте же мнѣ вамъ повторить,—при этихъ словахъ онъ поднялся,—что васъ я уважаю, какъ человѣка, съумѣвшаго природнымъ умомъ нажить крупное состояніе. Да и я тоже изъ тѣхъ, у кого нѣтъ предразсудковъ и кто твердо рѣшился не зѣвать и не бить баклуши.

Эта увѣренность въ себѣ, это умѣнье прямо подходить къ цѣли и полное отсутствіе церемонной щепетильности понравились Макшееву, и невольно онъ говорилъ себѣ, что напрасно не родился у него такой сынъ: вдвоемъ они съумѣли бы надѣлать великихъ дѣлъ.

— У васъ, кажется, очень здравыя понятія,—отозвался онъ на слова Лёвы. — Вы изъ тѣхъ, кажется, съ кѣмъ легко сговориться...

— Смотря потому ка̀къ,—улыбнулся молодой Богушевскій. —Я уступчивъ тогда только, когда заранѣе намѣренъ уступить.

Во всякомъ случаѣ очень радъ, что пришлось съ вами познакомиться. Случай порой дѣлаетъ очень умныя вещи.

И вторично, но уже безъ всякаго оттѣнка насмѣшливаго покровительства, онъ протянулъ собесѣднику руку.

Макшеевъ всталъ и на этотъ разъ пожалъ эту руку безъ смущенія.

— А я очень радъ,—сказалъ онъ, принужденно захихикавъ, —что вы судите такъ разумно.

— Мнѣ думается, почтеннѣйшій Ѳедоръ Степановичъ,—было отвѣтомъ Лёвы,—что всегда разумно не сожалѣть о томъ, чего поправить нельзя. Мнѣ, какъ и вамъ, извѣстно, что время—деньги. Незачѣмъ у васъ его мнѣ отнимать. До свиданія.

И поклонившись, онъ вышелъ.

А Ѳедоръ Степановичъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, почти любуясь развязностью молодого человѣка.

„Эге,—подумалъ онъ,—вотъ какіе ноньче народились. За умъ, должно быть, взялось ихнее дворянское отродье. Будь онъ на мѣстѣ своего батюшки, я, чего добраго, и посейчасъ къ нему съ докладомъ ходилъ бы и поклоны отвѣшивалъ".

И Ѳедоръ Степановичъ почувствовалъ вдругъ, что у него тяжесть съ плечъ свалилась. Разговоръ съ Лёвой какъ бы снималъ съ него отвѣтственность за прошлое. „Коли сынъ Владиміра Семеновича про него позабыть хочетъ,—думалось Макшееву, —такъ чего же мнѣ на этотъ счетъ безпокоиться"...

А Леночка, тѣмъ временемъ, дождалась-таки брата и отправилась съ нимъ прогуляться.

Погода была чудная, иней весело хрустѣлъ подъ ногами, улицы пестрѣли народомъ, и кое-кто изъ прохожихъ, улыбаясь, заглядывалъ въ хорошенькое личико дѣвушки. Но ей было не до всего этого. Разговоръ съ Лёвой и странныя его слова, когда вошелъ ея отецъ, не выходили у нея изъ головы.

Она шла, опустивъ глаза, и все раздумывала, какъ заговорить про это съ братомъ. Наконецъ, она рѣшилась, и, конфузясь немного, передала ему, кое-что опуская, про неожиданный визитъ молодого инженера.

— И представь себѣ, — добавила она,—что̀ онъ сказалъ папѣ...

Она повторила слова Лёвы.

— А папа смотрѣлъ такъ странно,—точно у него въ самомъ дѣлѣ совѣсть не чиста передъ Богушевскимъ.

Алеша не могъ придти въ себя отъ изумленія.

— Какъ? Неужели между его отцомъ и семьей Наташи были

какіе-то прошлые счеты? Да какъ же послѣ этого Богушевскіе принимали его такъ по-дружески?

Онъ страстно, лихорадочно переспросилъ сестру о томъ, что̀ ей довелось услышать. Но онъ до того былъ далекъ отъ правды, что изъ ея отвѣтовъ у него не сложилось даже какой-нибудь догадки.

XII.

Разсказъ Леночки пробудилъ Алешу какъ бы отъ заколдованнаго сна. Совѣсть его укорила за то, что вотъ уже двѣ недѣли имъ владѣла одна только неотступная мысль, и образъ Наташи совсѣмъ заслонилъ для него все остальное, заставилъ позабыть данное себѣ слово—узнать наконецъ, положительно узнать, имѣетъ ли онъ право уважать отца. Да и не одна его любовь была тому причиной. Въ самомъ обращеніи съ нимъ Ѳедора Степановича произошла крутая перемѣна. Онъ сталъ выказывать сыну непривычную заботливую нѣжность, тщательно избѣгая раздражающихъ вопросовъ. И въ сердцѣ Алеши опять заговорила готовность откликнуться на отцовскую ласку, которой онъ былъ такъ долго лишенъ.

И вотъ теперь это прошлое, про которое онъ почти уже позабылъ, выступаетъ передъ нимъ опять, грозя затронуть его дорогія отношенія къ Богушевскимъ.

Цѣлыхъ пять дней онъ не видалъ отца. Ѳедоръ Степановичъ такъ ушелъ въ дѣловыя заботы, что все это время не показывался у свояченицы. А когда сынъ къ нему заходилъ въ „Европейскую гостинницу“, гдѣ онъ остановился, Алеша заставалъ его въ безконечныхъ переговорахъ съ какими-то угрюмо-глядѣвшими господами изъ денежнаго міра.

Это были тяжелые дни для молодого человѣка. Онъ пересталъ ходить къ Богушевскимъ, съ которыми такъ было-сблизился передъ тѣмъ.

А тётя Саша хоть и попрежнему увѣряла, что о какихъ-то распряхъ Ѳедора Степановича съ родителями Наташи она ничего не знаетъ,—не могла разсѣять его воскресшихъ подозрѣній.

И вотъ наконецъ онъ захватилъ отца въ ту самую минуту, когда заканчивался у него крупный разговоръ съ однимъ изъ соучастниковъ постройки будущей дороги. Громкіе раскаты голоса Макшеева доносились до ушей Алеши, когда онъ еще подходилъ къ дверямъ номера, занимаемаго отцомъ. А когда онъ вошелъ и какой-то юркій человѣчекъ, съ еврейской физіономіей,

шмыгнулъ мимо него, онъ засталъ Ѳедора Степановича съ видимыми слѣдами гнѣва на лицѣ.

— Ахъ, это ты?—недовольнымъ тономъ встрѣтилъ онъ сына. —Чего тебѣ?

Алеша приступилъ къ дѣлу не прямо, хоть ему и сильно претило это вынужденное двоедушіе.

Но отецъ на этотъ разъ терпѣливо выслушивалъ молодого человѣка.

— Ну, чтò еще?—не разъ перебивалъ онъ.—Не для этого ты ко мнѣ явился. По глазамъ вижу.

И когда Алеша упомянулъ о словахъ Лёвы, переданныхъ ему сестрой, Ѳедоръ Степановичъ окончательно вспылилъ.

— Это еще чтò за глупости? Допросъ мнѣ станешь дѣлать изъ-за сплетенъ дѣвчонки? У меня дѣлà, непріятности, а онъ съ этимъ ребячествомъ...

— Богушевскіе мои друзья, — возразилъ Алеша, — и я не могу оставаться равнодушнымъ, узнавъ, что у тебя что-то вышло съ ихъ отцомъ.

Грозная туча надъ бровями Ѳедора Степановича еще сгустилась, и запальчивый отвѣтъ хотѣлъ у него вырваться. Но тутъ же онъ вспомнилъ про свой разговоръ съ Лёвой, и какъ-то смягчился при этомъ воспоминаніи. Да и втайнѣ онъ испытывалъ ощущеніе удовольствія при мысли о сближеніи сына съ Богушевскими. И морщина его понемногу сгладилась.

— Ну, братецъ мой, ты, я вижу, охотникъ о пустякахъ хлопотать,—засмѣялся Макшеевъ, правда, нѣсколько принужденно.— Была у меня, помнится, какая-то исторія съ Владиміромъ Семеновичемъ, очень ужъ давно что-то. И, кажется даже, виноватымъ былъ я, не стану грѣха таить. Да съ кѣмъ это не бываетъ? У кого проходитъ жизнь безъ пятнышка? Особенно у тѣхъ, кто большія дѣла ведетъ. Да, виноватъ я былъ передъ Владиміромъ Семеновичемъ, это правда. Только врядъ-ли объ этомъ онъ еще помнитъ...

— Да, вотъ, вспомнилъ-таки его сынъ,—возразилъ Алеша.

— Да... ну, тàкъ... мимоходомъ. Онъ и не думаетъ сердиться. И посмотрѣлъ бы ты, какими мы пріятелями разстались.

Полупризнаніе отца болѣе успокоило Алешу, чѣмъ могло бы это сдѣлать полное запирательство. Въ искренности Ѳедора Степановича онъ не имѣлъ повода на этотъ разъ сомнѣваться.

— Очень толковый, кажется, Лёвъ Владиміровичъ-то,—продолжалъ Макшеевъ.—Ты очень съ нимъ подружился? А?

На лицѣ Ѳедора Степановича показалась теперь даже улыбка.

— Я цѣлую ихъ семью полюбилъ,—было нѣсколько уклончивымъ отвѣтомъ Алеши.—Они меня такъ радушно принимаютъ. И мнѣ было такъ тяжело слышать, что у васъ прежде...

— Ну, да, да,—перебилъ его отецъ,—прежде!.. Незачѣмъ тебѣ голову надъ этимъ ломать. Полюбилъ всю семью? Гм! Понимаю... Что-жъ, я ничего противъ этого не имѣю.

И онъ совсѣмъ уже весело потрепалъ сына по плечу.

Въ эту самую минуту вошелъ слуга и подалъ ему письмо.

Ѳедоръ Степановичъ взглянулъ на почеркъ и вскрылъ торопливо конвертъ.

Глаза его такъ и впились въ бумагу, пока онъ читалъ.

— О, чортъ!—топнулъ онъ ногой.—Опять помѣха! Думалъ, что все кончено, анъ нѣтъ вотъ. Мерзавцы! Болваны! — зашагавъ по комнатѣ, онъ весь вскипѣлъ отъ негодованія противъ тѣхъ, кто тормазилъ успѣхъ его дѣла. Видно было, что голова его сильно заработала. Въ немъ поднималась нетерпѣливая энергія сильнаго человѣка, видѣвшаго передъ собой неожиданное препятствіе, которое онъ разомъ сломить не можетъ.

— Ну, ступай теперь,—обратился онъ къ сыну, остановившись передъ нимъ.—Видишь, не до тебя. И не ждите меня къ себѣ. Пока не кончу съ этимъ,—онъ сердито скомкалъ прочитанное письмо,—меня тамъ не увидите.

Несмотря на эти неласковыя слова, Алеша вышелъ отъ Ѳедора Степановича почти совсѣмъ успокоеннымъ.

Едва онъ прошелъ нѣсколько шаговъ по Михайловской, ему попался на встрѣчу Лёва.

— А! Макшеевъ!—весело воскликнулъ тотъ.—Очень радъ! Долго не видались. Гдѣ вы пропадали все это время?

Онъ повернулъ съ Алешей по направленію къ Невскому.

— Вы куда?

— Да такъ просто. Я былъ сейчасъ у отца...

— Да и я никуда, представьте себѣ,—все въ томъ же возбужденно-веселомъ тонѣ продолжалъ Лёва. — А это со мной рѣдко случается. Разрѣшилъ себѣ маленькую передышку на сегодня. Да и есть отчего. Узналъ, что получаю командировку на лѣто, къ вамъ на новую линію. Увидимся тамъ, надѣюсь?..

Алеша не слушалъ. Онъ весь былъ погруженъ въ собственныя мысли, опять вернувшіяся въ прежнюю колею, когда онъ встрѣтилъ Лёву.

— Скажите, Богушевскій,—спросилъ онъ вдругъ, — вы не знаете, что̀ это было за...—онъ запнулся—за недоразумѣніе между вашимъ отцомъ и моимъ?

— Недоразумѣніе? Ахъ, да, помню, помню, я проговорился объ этомъ въ присутствіи вашей сестрицы, и она, должно быть... Пустяки самые, кажется. Я хорошенько не знаю. Да вы себѣ, Макшеевъ, разъ навсегда поставьте за правило, не шевелить прошлаго. Надъ нимъ крестъ—и баста! Вспоминать о немъ—чистая потеря времени. Вотъ посмотрите...

Имъ попались на встрѣчу три тѣ самыхъ щеголеватыхъ студента, съ которыми, недѣли двѣ назадъ, на Морской, Смолинъ познакомилъ Алешу.

— Посмотрите—у этихъ молодчиковъ, если покопаться хорошенько, или, вѣрнѣе, у ихъ папенекъ, въ прошломъ, я думаю, немало всякой дряни отыщется. А какіе они гладенькіе, довольные, улыбающіеся. Имъ, я думаю, и въ голову не приходитъ стыдиться родительскихъ продѣлокъ. Да-съ. Мы быстро живемъ. Какъ бы съ курьерскимъ поѣздомъ. И прошлое стаиваетъ скоро, какъ снѣжинки при оттепели. Ну-съ, и мы съ вами когда-нибудь такими же станемъ. Такими же беззаботными, веселыми и, главное, богатыми. Да, впрочемъ, чтò я? Вы и теперь даже на отсутствіе карбованцевъ пожаловаться не можете. Только пользоваться ими не хотите.

Онъ всмотрѣлся пристально въ Алешу.

Тотъ промолчалъ.

— Эхъ, кабы я былъ на вашемъ мѣстѣ... Ну, да чтò—своихъ вкусовъ другому не привьешь. А неужели васъ такъ-таки никогда не тянетъ въ ширь расправить крылья, да во всю мочь...

— Это не по моей части, — сказалъ, покачавъ головой, Алеша.

Молодой Богушевскій посмотрѣлъ на него почти съ сожалѣніемъ. На эту тему онъ, однако, не продолжалъ.

— Что-жъ, теперь домой?—спросилъ онъ, когда они дошли до Аничкина моста.—Или думаете, можетъ быть, завернуть къ намъ? Въ такомъ случаѣ предупреждаю васъ—сестру вы застанете дома. Ей сегодня нездоровилось чуть-чуть.

— Нездоровилось?

— Ничего! Сущіе пустяки. Она васъ приметъ. А я—вы меня извините, я вспомнилъ теперь, что мнѣ передъ обѣдомъ надо побывать въ одномъ мѣстѣ. Такъ до свиданія!

Пожавъ ему руку, Алеша взялъ извозчика и поѣхалъ на Кабинетскую.

Онъ засталъ Наташу за рояземъ, въ полумракѣ надвигавшагося вечера. Молодая дѣвушка играла на память знаменитый похоронный маршъ Шопена. Томительно-грустные звуки, доле-

тѣвшіе до Алеши уже на лѣстницѣ, чѣмъ-то зловѣщимъ его поразили.

И войдя, онъ съ тревогой въ голосѣ обратился къ Наташѣ.

— Вы нездоровы, я слышалъ?

Онъ не сразу разглядѣлъ ея черты въ полумглѣ наступавшихъ сумерекъ. И лицо это ему показалось поблѣднѣвшимъ и печальнымъ. Но звонкій смѣхъ молодой дѣвушки его сразу успокоилъ.

— Съ какимъ это вы торжественнымъ видомъ спрашиваете, Алексѣй Ѳедоровичъ! — сказала она, протянувъ ему ручку.— Точно вы поддѣлываетесь подъ тонъ похороннаго марша. Вамъ кажется, что непремѣнно надо быть и въ похоронномъ настроеніи, когда такія вещи играешь. Ничуть. Я только не выходила сегодня. Болѣла немного голова. Ну и когда стало темнѣть, невольно я перешла на этотъ маршъ. Вы знаете, темнота наводитъ на грустную музыку. Одинъ учитель у насъ въ гимназіи увѣряетъ, что это—какое-то физіологическое явленіе.

Она опять засмѣялась.

— Отчего вы не были въ прошлую субботу? У насъ очень веселое общество собралось. Много смѣялись и повѣсничали. И музыка тоже была. То-есть, вѣрнѣе, пѣніе, чѣмъ музыка. И пѣли больше все разный вздоръ—цыганскіе романсы... Хоръ вышелъ ничего. Вамъ бы понравилось.

Алеша отвѣтилъ наскоро придуманное извиненіе. „Нѣтъ,— думалъ онъ про себя,—съ какой стати я самъ выдумалъ какія-то несуществующія препятствія. Она не могла бы говорить и обращаться со мной такъ, еслибы у ея семьи остались какія-нибудь тяжелыя воспоминанія, связанныя съ отцомъ“... И еще болѣе, чѣмъ въ тотъ вечеръ, когда они вмѣстѣ играли, онъ почувствовалъ, какъ сблизились они.

Наташа повернулась къ нему въ полъ-оборота, продолжая сидѣть за роялемъ, и начала разспрашивать про его планы на будущее. До сихъ поръ у нихъ рѣчь объ этомъ не заходила. Онъ разсказалъ ей про свое желаніе современемъ занять каѳедру, про то, какъ онъ весь ушелъ въ свою химію, и какъ чужды ему занимавшія его отца денежныя заботы.

Молодая дѣвушка слушала съ видимымъ сочувствіемъ.

— Знаете только, что я вамъ скажу, — заговорила она въ свою очередь,—одно меня поражаетъ въ васъ. Неужели въ вашихъ глазахъ какъ будто мѣста нѣтъ для самой жизни? То-есть, для чего-нибудь веселаго, праздничнаго? Точно все однѣ только обязанности?

— Да развѣ въ обязанностяхъ нѣтъ тоже радости?

— Есть, конечно есть. И я это чувствую тоже. Я, вы знаете, очень практичная и серьезная особа. Только я постъ на себя наложить не намѣрена. Да и къ чему постъ? Дѣло свое надо дѣлать бодро, старательно и по возможности весело, а когда оно кончено—стряхнуть съ себя, знаете, какъ стряхиваютъ дождевыя капли.

Алеша не сразу отвѣтилъ.

— Для этого, знаете, чтò надо?—проговорилъ онъ, спустя минуту.—Надо, чтобы другое у васъ было помимо дѣла, чтò бы вамъ казалось привлекательнымъ. А у меня...

— Какъ?—перебила дѣвушка.—Васъ въ двадцать-два года никуда не тянетъ? Для васъ привлекательнаго ничего нѣтъ, кромѣ вашихъ книгъ? Быть не можетъ! Да вы не изъ тѣхъ вѣдь, кого нужда трудиться заставляетъ. Вы свободны.

Алеша поникъ головой, пока она говорила это. Когда Наташа кончила, онъ медленно поднялъ на нее глаза и почти неохотно отвѣтилъ:

— Въ томъ, чтò вы моей свободой называете, Наталья Владиміровна, то-есть въ деньгахъ моего отца, и кроется вся причина моихъ странныхъ вкусовъ... Да, — заговорилъ онъ вдругъ живѣе,—отчего мнѣ не высказать вамъ всей правды? Я ненавижу эти деньги, потому что я не увѣренъ, какъ онѣ отцу достались. Крупнаго состоянія не наживешь безукоризненно въ нѣсколько лѣтъ.

Глаза его горѣли, пока онъ дѣлалъ это признаніе, и румянецъ стыда ярко выступилъ на щекахъ. И все-таки не самолюбіе въ немъ страдало. Въ эту минуту онъ чувствовалъ, что сидѣвшая возлѣ него дѣвушка ему ближе, роднѣе собственной семьи.

Наташа въ отвѣтъ только пожала тихо ему руку. И передъ нею живо представилась фигура Алешина отца, какимъ она видѣла его у Александры Осиповны. Ей вспомнилось почти отталкивающее впечатлѣніе, какое произвелъ на нее Ѳедоръ Степановичъ. И антипатія къ отцу вызвала у нея жалость къ сыну.

А молодой человѣкъ заговорилъ теперь оживленно, точно вдругъ исчезло что-то сковывавшее его языкъ. Онъ разсказалъ ей про свои дѣтскіе годы, про свое отчужденіе отъ семьи, про одиночество, выпавшее на его долю. И чѣмъ дольше слушала Наташа, тѣмъ сочувственнѣе для нея звучали слова Алеши, и тѣмъ сильнѣе ей хотѣлось помочь ему освободиться отъ гнета его нерадостной жизни. Странною эта жизнь ей не казалась.

XIII.

Дѣла Ѳедора Степановича пришли къ благополучному концу, и на второй недѣлѣ поста онъ могъ уѣхать въ деревню. Давно его тянуло вонъ изъ Петербурга, гдѣ ему всегда было не по себѣ. Онъ не любилъ его шумную сутолоку и еще болѣе показную, вылощенную дѣловитость.

Дѣти поѣхали его провожать на почтовый поѣздъ Николаевской дороги. За послѣдніе дни, подъ вліяніемъ счастливаго оборота своихъ дѣлъ, онъ высказывалъ имъ непривычную сердечность и Леночку, на прощанье, щедро одарилъ.

Да и Александра Осиповна съ нимъ какъ будто примирилась. Ей казалось, что за послѣднее время въ немъ изъ-за сухого дѣльца выглядывалъ не злой, въ сущности, человѣкъ, способный, при всей своей грубости, на доброе, искреннее чувство. И, склонная довѣрять людямъ и многое имъ прощать, тетя Саша говаривала себѣ не разъ, что, пожалуй, на днѣ самаго даже черстваго сердца шевелится порой что-то мягкое, человѣчное, хорошее.

Словомъ, прощанье совсѣмъ не походило на встрѣчу.

Ѳедоръ Степановичъ поцѣловалъ у свояченицы руку, правда, нѣсколько торопясь, а съ сыномъ и дочерью обнялся совсѣмъ по-отечески.

— А лѣтомъ, послѣ экзаменовъ,—сказалъ онъ Алешѣ,—ты въ Новоспасское пріѣдешь? Цѣлыхъ вѣдь два года тамъ не бывалъ.

Леночкѣ онъ принялся-было читать въ шутливомъ тонѣ цѣлое наставленіе, но раздавшійся второй звонокъ прервалъ его.

— Ну, видно, не успѣю,—засмѣялся онъ.—Впрочемъ, это и не по моей части. Смотри, не шали и слушайся тетки...

Одинъ только маленькій, совсѣмъ, впрочемъ, ничтожный случай чуть-чуть, было, не испортилъ добраго впечатлѣнія Алеши. Когда Ѳедоръ Степановичъ усаживался въ вагонъ, молодой человѣкъ увидалъ Смолина, проходившаго мимо съ какимъ-то высокимъ сѣдымъ господиномъ, поразившимъ его строгою красотою своего какъ бы выточеннаго изъ слоновой кости, безбородаго лица. Глаза обоихъ стариковъ встрѣтились. Это былъ всего мигъ. Но Алеша замѣтилъ, какъ странно, будто пристыженно опустились вдругъ глаза Ѳедора Степановича; а незнакомецъ, взглянувъ на него пристально, полупрезрительно отвернулся. Это былъ не кто иной, вѣроятно, какъ отецъ Смолина, судя по нѣжности, съ которой они трижды поцѣловались. И Алешѣ невольно припо-

мнился странный тонъ его новаго пріятеля, когда, только-что познакомившись съ нимъ, тотъ спросилъ, не сынъ ли онъ Ѳедора Степановича Макшеева.

Простившись съ отцомъ, онъ поспѣшилъ догнать Смолина, уже оставившаго платформу.

— Кто былъ этотъ сѣдой господинъ, котораго вы провожали?—торопливо спросилъ онъ.—Чтò у него за необыкновенное лицо!

Смолинъ улыбнулся, видимо обрадованный.

— Вы находите?—сказалъ онъ.—Да, это многіе говорятъ. Отецъ мой въ самомъ дѣлѣ недюжинный человѣкъ, хоть и оставался онъ всю жизнь за штатомъ. Онъ—изъ тѣхъ, которые чужой оцѣнки не добиваются... А чтò, Макшеевъ,—спросилъ онъ,—вы никуда не собираетесь? Такъ поѣдемте ко мнѣ? Хотите? Вы давно обѣщали.

Алеша согласился, и они вдвоемъ покатили на Васильевскій-Островъ.

— Отецъ прогостилъ здѣсь четыре дня,—принялся разсказывать Смолинъ.—А пріѣхать сюда для него большой подвигъ. Много лѣтъ ужъ, какъ онъ безвыѣздно живетъ въ своихъ Василькахъ. И при всемъ томъ удивительно, съ какимъ интересомъ онъ слѣдитъ за всѣмъ, чтò дѣлается у насъ и за границей. Это—живая газета! Нѣтъ, вѣрнѣе, живой лексиконъ. Прошлымъ онъ занимается больше, чѣмъ настоящимъ. Да, у этихъ стариковъ,--добавилъ онъ задумчиво,—необыкновенная способность поддерживать въ себѣ священный огонь, даже когда они сторонятся отъ жизни. Мы бы этого не съумѣли. Заглохли бы, угасли... И чадить бы отъ насъ стало, чего добраго. А мнѣ пришлось-таки старика огорчить. Онъ звалъ меня къ себѣ, въ деревню, сѣсть на хозяйство и пойти по его слѣдамъ. Но меня не тянетъ туда. И я этого не скрылъ.

— Да васъ, собственно, куда тянетъ, Смолинъ?

— Вы хотите сказать, что никуда,—отвѣтилъ онъ ему съ улыбкой.—И это, пожалуй, заслуженный упрекъ. Я вѣдь недостаточно богатъ, чтобы разрѣшить себѣ ту полную свободу, о которой всегда мечталъ. Лямку тянуть надо. Именно лямку. Стать рядовымъ, когда всю жизнь хотѣлось бы оставаться вольнымъ казакомъ... А время такихъ казаковъ прошло. Въ томъ-то и бѣда, что наша хваленая цивилизація своимъ огромнымъ маховымъ колесомъ всякаго изъ насъ захватываетъ и передѣлываетъ по-своему. А кто пытается отъ этого колеса ускользнуть, того она давитъ на пути и немилосердно обращаетъ въ сыпучую

муку. Какъ ни старайся, а личности своей не отстоишь. Припишись непремѣнно куда-нибудь, закабали себя и не смѣй выходить изъ рядовъ до самой смерти, и стушуйся такъ, чтобы ничѣмъ тебя не отличить отъ прочихъ. По настоящему, ты не человѣкъ вѣдь, а муравей, которому вѣчно надо дѣлать такъ, какъ дѣлаютъ прочіе. И я такимъ муравьемъ стану. Государственнымъ муравьемъ, коли въ чиновники пойду, или какъ будто вольнымъ, коли сдѣлаюсь, напримѣръ, адвокатомъ. Только хороша эта воля...

Алеша не вѣрилъ ушамъ. Не ожидалъ онъ такихъ рѣчей отъ насмѣшника-Смолина, который весь, казалось, дышалъ необузданной, полной свободой—и въ сужденіяхъ, и въ поступкахъ.

— Коли вы такъ чувствуете,—возразилъ онъ,—что̀ же должны сказать другіе, которымъ въ самомъ дѣлѣ суждено въ жизни быть рядовыми?

— Ничего не скажутъ, потому что не чувствуютъ своей безличности; а я чувствую. Въ томъ-то и бѣда.

— Да,—продолжалъ онъ, помолчавъ немного,—поколѣніе отца было счастливѣе. Наружной свободы, пожалуй, было меньше теперешняго. За каждое неосторожное слово отвѣчать приходилось. Зато внутренняя, настоящая свобода была нетронута. Крупныхъ самостоятельныхъ людей насчитывалось какихъ-нибудь дватри десятка, да были они по крайней мѣрѣ настоящими людьми. Не давилъ ихъ этотъ проклятый шаблонъ общества, и посмотрѣли бы, какъ сохранили свою личность неприкосновенной тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли до сихъ поръ. Если будете тамъ у насъ лѣтомъ, я познакомлю васъ съ отцомъ—вы увидите.

И онъ принялся разсказывать про отца съ живою, почти восторженною любовью. Никакихъ особенныхъ событій въ жизни Григорія Александровича—такъ звали старика Смолина—не происходило. И все-таки его фигура вырисовывалась изъ разсказа сына такой нетронутой, такой цѣльной и блестящей, какъ будто ее отчеканили изъ золота.

Слушая новаго пріятеля, Алеша невольно сравнивалъ Григорія Александровича со своимъ отцомъ, говоря себѣ: что̀ за невыразимое счастіе быть сыномъ такого человѣка!

— Скажите, Смолинъ,—спросилъ онъ вдругъ,—знаетъ вашъ батюшка моего отца?

Смолинъ посмотрѣлъ на него пристально и отвѣтилъ, качнувъ головой:

— Я думаю—нѣтъ.

Но Алеша этимъ не удовлетворился.

— Скажите прямо. Не скрывайте отъ меня ничего. Мнѣ помнится, когда мы съ вами познакомились въ первый разъ, вы какъ будто...

Свѣтлый и пристальный взглядъ молодого человѣка опять остановился на лицѣ Алеши. Смолинъ будто колебался, чтò отвѣтить.

— Нѣтъ,—повторилъ онъ рѣшительно.—Они едва ли даже встрѣчались. Интересы и занятія у нихъ до того различные, что между ними точекъ соприкосновенія быть не можетъ. А вотъ мы и пріѣхали,—добавилъ онъ, остановивъ извозчика передъ небольшимъ трехъ-этажнымъ домомъ на Среднемъ проспектѣ.

Алеша не настаивалъ. Не легко было выпытать что-либо отъ Смолина, чего тотъ сказать не хотѣлъ.

Они поднялись по лѣстницѣ въ третій этажъ. Николай Григорьевичъ занималъ двѣ просторныя, свѣтлыя комнаты, окнами на солнце. Чисто, хоть и очень просто убранныя, онѣ глядѣли весело, со своими блестѣвшими, свѣже-выкрашенными полами, на которыхъ пылинки не виднѣлось, съ бѣлыми занавѣсками на окнахъ, съ чипно-убраннымъ письменнымъ столомъ и большимъ кожанымъ кресломъ въ углу.

— Нравится вамъ мое жилище?—спросилъ Николай Григорьевичъ.—Настоящій кладъ, скажу вамъ, эта квартира. Хозяйка убираетъ сама и, видите, убираетъ исправно. Свѣта и воздуха—сколько угодно. А весной,—и онъ кивнулъ въ сторону маленькаго садика, виднѣвшагося сквозь боковыя окна,—и зелень есть. И плачу я всего по тридцати въ мѣсяцъ. Не разорительно, какъ видите. И главное—свободнымъ себя чувствуешь. Шума никакого. Должно быть, эта квартира и сдѣлала меня такимъ ненавистникомъ всякаго стѣсненія. И вотъ подивитесь, какими противорѣчіями исполнена наша природа. Съ моими наклонностями, мнѣ прямо бы въ деревню и тамъ, на семистахъ нашихъ родовыхъ десятинахъ, царькомъ жить, забывъ весь прочій міръ. А вотъ—нѣтъ. Браню общество, а не хочу оторваться отъ колеи большого города, когда, кажется, на чтò мнѣ жизненная сутолока? На то развѣ, чтобы надъ ней глумиться. А можетъ быть,—вполголоса добавилъ онъ,—я только такъ въ собственныхъ глазахъ охорашиваюсь и воображаю себя нивѣсть какимъ оригиналомъ... А на самомъ дѣлѣ мнѣ бы капусту сажать въ какой-нибудь трущобѣ, да мирно сидѣть въ углу съ женою и дѣтьми и изображать сюжетъ для жанровой картины...

Онъ посмотрѣлъ на Алешу, и горькая улыбка чуть-чуть проскользнула по его губамъ.

— Нѣтъ, знать не про меня это писано, и бобылемъ мнѣ прожить суждено. Ну, да чего философствовать... Проживу, какъ милліоны другихъ, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда, и буду только по-великороссійски „баломутить воду“ несуразными рѣчами. А теперь давайте-ка—мы вѣдь цѣлое путешествіе совершили—угощу васъ чаемъ—хозяйка моя его завариваетъ чудесно,—да хорошей сигарой—у меня такія водятся—это моя единственная роскошь.

Сигары и чай оказались въ самомъ дѣлѣ прекрасными.

Большое кожаное кресло съ мягкимъ гостепріимствомъ приняло Алешу въ свои объятія, и цѣлыхъ два часа незамѣтно пролетѣли въ оживленной бесѣдѣ.

Смолинъ былъ неистощимъ, когда оживлялся, и слова его, то беззаботно-веселыя, то съ затаенною горечью, въ легкой съ виду насмѣшкѣ, свободно переносились съ одного предмета на другой, по широкому кругозору его мысли.

Слушая его, Алеша невольно говорилъ себѣ, однако, что самая эта свобода и эта ширина тоже, чего добраго, никогда не дадутъ этому умному человѣку остановиться ни на чемъ опредѣленномъ. И казалось ему тоже, что самое это кресло, на которомъ такъ удобно сидѣлось, втихомолку говорило о сибаритствѣ своего хозяина.

— Сколько, однако предметовъ, которыми вы интересуетесь! Завидую вамъ! И когда, сидя вотъ на этомъ мѣстѣ, вы отдаете поводья своему воображенію, я думаю, у васъ глаза разбѣгаются отъ этой умственной пестроты.

— Это укоръ заслуженный,—улыбнулся Смолинъ.—Вы хотите сказать, что я кочую по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія и, какъ всякій кочевникъ, ничего не произведу никогда? И это правда, горькая правда. Будь я богатымъ человѣкомъ, изъ меня бы ничего не вышло, кромѣ празднаго эстетика. Къ счастью, мнѣ баклушничать нельзя.

— Полноте!—и Алеша вскочилъ съ мѣста, говоря это.—Вы — и баклушничать? Съ вашими способностями? И неужели васъ не тянетъ къ живому дѣлу, ради самого этого дѣла, а не изъ-за денегъ только, какія оно даетъ?

— Тянетъ, положимъ, только не совсѣмъ знаю, къ какому именно. И не чувствуй я за своей спиной нужды съ ея бичомъ...

— Полноте!—снова повторилъ Алеша:—вотъ я, напримѣръ, у котораго этого бича нѣтъ и нѣтъ половины вашихъ способностей тоже, я счастье для себя вижу въ одномъ только—въ усидчивой, даже въ кропотливой работѣ. И не въ выборѣ своемъ

я сомнѣваюсь. Меня другое гнететъ—гнететъ мысль, что я—сынъ богатаго человѣка и, можетъ быть,—онъ добавилъ это вполголоса, и яркая краска залила его щеки,—можетъ быть, не имѣю права людямъ прямо въ глаза смотрѣть, потому что—кто знаетъ, какъ это богатство досталось?

— Ахъ, милѣйшій мой! — громко засмѣялся Смолинъ: — знаете, я почти васъ расцѣловать хотѣлъ бы за это. Нашли чего стыдиться! Ну, допустимъ на минуту, что сомнѣніе ваше основательно—вы-то въ чемъ провинились? Работайте честно, и средства, которыхъ вы источника не знаете, употребляйте съ пользою для другихъ... Деньги очистятся, проходя черезъ ваши руки. Честный человѣкъ всегда право имѣетъ высоко держать голову, кто бы ни были его предки... Ахъ, посмотрите, посмотрите, что̀ за чудный закатъ! Ясный, спокойный такой. Да, моя квартира тѣмъ хороша, что каждый лучъ скупого петербургскаго солнца въ нее заглядываетъ и не даетъ застояться невеселымъ мыслямъ.

Безоблачный, уже чисто весенній вечеръ надвигался надъ Петербургомъ. Широкой оранжевой полосой разстилался по небосклону догоравшій отблескъ заката. Что-то бодрое, чистое, полное надеждъ, вѣяло съ прозрачнаго неба.

— Да, Макшеевъ, — продолжалъ Смолинъ,—не давайте и вы засиживаться у себя тяжелымъ мыслямъ. Вы вотъ говорите, что любите трудъ ради его самого. Такъ помните же, что для успѣшнаго труда первое дѣло — приниматься за него весело и съ вѣрою въ себя...

И когда Алеша возвращался отъ Смолина, а взглядъ его ловилъ на вечернемъ небѣ первыя загоравшіяся тамъ еще блѣдныя звѣзды, ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что этой вѣры прибавилось у него на сердцѣ.

XIV.

Курьерскій поѣздъ подходилъ къ большой станціи на одной изъ южныхъ линій.

Майское утро радостной улыбкой свѣтилось надъ равниной. Дымка прозрачнаго тумана разстилалась надъ полями кое-гдѣ, какъ бы цѣпляясь за скатъ оврага. Одинокое свѣтлое облачко золотистымъ пятномъ одно только нарушало безконечную синеву неба.

Передъ открытымъ окномъ вагона второго класса стояла

молоденькая дѣвушка, жмурясь отъ яркаго солнца и любуясь широкой, веселой картиной. И на ея смугловатомъ личикѣ тоже свѣтилась веселая улыбка, та открытая улыбка молодости, съ которою въ юные годы всегда готовишься встрѣтить новыя мѣста.

— Наташа,—твердила ей мать, суетившаяся надъ какой-то корзинкой.—Мы черезъ минуту пріѣдемъ. Прибери вещи.

— Сейчасъ, мама, сейчасъ,—отвѣчала спокойно дѣвушка, не отрываясь отъ окна и рѣшительно не понимая, изъ-за чего такъ спѣшитъ и безпокоится мать.—Вы посмотрѣли бы только, какъ хорошо, какъ чудно хорошо!

— Успѣешь налюбоваться,—брюзжала Ольга Андреевна.— И ничего тутъ особеннаго нѣтъ. Поля какъ поля. Говорю тебѣ, сію минуту пріѣдемъ.

— Успѣемъ. Почти цѣлыхъ четверть часа осталось. А вотъ и городъ видно. Какой онъ большой и весь бѣлый такой!

Но мать не переставала ее торопить, а поѣздъ все мчался, не думая еще убавлять хода. По пути все чаще попадались постройки, городъ все яснѣе выступалъ сбоку. Поѣздъ обогнулъ крутую дугу и, подъѣзжая къ станціи, далъ пронзительный свистокъ. Наташа взялась за вещи, и проворные ея пальчики успѣли все прибрать, когда вагоны подкатили къ платформѣ.

Рослая фигура Владиміра Семеновича тотчасъ выдѣлилась изъ толпы: онъ пріѣхалъ на станцію встрѣтить жену и дочь. Начались обычные разспросы, какъ совершили онѣ обѣ длинное путешествіе, не слишкомъ ли онѣ устали и не случилось ли чего дорогой?

По внимательной заботливости его лица, когда онъ спрашивалъ объ этомъ, можно было бы Владиміра Семеновича принять за образцоваго мужа.

— Наконецъ-то мы опять проведемъ лѣто вмѣстѣ!—говорилъ онъ.—Или, по крайней мѣрѣ, почти вмѣстѣ. Я буду къ вамъ наѣзжать каждую субботу... Ну, на первые два дня я васъ какъ-нибудь пристрою у себя. Будетъ немножко тѣсно, да ничего...

Владиміръ Семеновичъ радовался совершенно искренно. И когда онъ повелъ жену подъ-руку въ зало перваго класса, въ его осанкѣ было даже что-то почти гордое. Нужда и подходившая старость не разучили его красиво выпрямляться, подавая руку дамѣ.

Ольга Андреевна и Наташа собирались провести лѣто не въ самомъ городѣ, а въ деревнѣ, у дальнихъ родственниковъ,

Асаниныхъ, имѣніе которыхъ, Плоское, находилось верстахъ въ сорока, на боковой вѣтви желѣзной дороги.

— А что̀, Лёвы здѣсь нѣтъ? — спросила Ольга Андреевна.

— Онъ на строящейся линіи. Работаетъ молодцомъ. Онъ васъ встрѣтитъ на той станціи, когда вы послѣ-завтра поѣдете въ Плоское. А что̀, Оля, ты чаю здѣсь напьешься или дома?

— Дома, кажется, лучше,—нерѣшительно и томно отвѣтила Ольга Андреевна.

Въ эту самую минуту къ Наташѣ подошли молодой человѣкъ и дѣвочка-подростокъ. Это были Алеша и Леночка Макшеевы. Они ѣхали вмѣстѣ съ самаго Петербурга. Имъ приходилось теперь на станціи дожидаться часъ, пока отойдетъ поѣздъ по боковой линіи.

Наташа съ ними поздоровалась совсѣмъ по-дружески. Ольга Андреевна только кивнула головой.

Леночка съ какимъ-то особымъ восторгомъ поцѣловалась съ Наташей, твердя ей, что онѣ увидятся непремѣнно на дняхъ и все лѣто будутъ наѣзжать другъ къ другу, какъ близкіе сосѣди.

Это было давно извѣстно и рѣшено, но повторять это въ сотый разъ своей пріятельницѣ—Леночкѣ доставляло особое удовольствіе.

Всю весну Леночка ходила въ ту самую гимназію, гдѣ Наташа кончала старшій, педагогическій классъ. Несмотря на разницу въ лѣтахъ, да и въ характерѣ тоже, молодыя дѣвушки сблизились. Наташѣ Богушевской нравился въ юной подругѣ порывистый, живой нравъ, чуждый малѣйшей скрытности. Леночка была съ нею сама неподдѣльная откровенность, хоть и умѣла подчасъ быть себѣ на умѣ. Ее неудержимо тянуло къ Наташѣ оттого, можетъ быть, что новая подруга была сестрою Лёвы. За послѣднее время она часто бывала у Богушевскихъ вмѣстѣ съ Алешей, и ей казалось, что эти два мѣсяца были чуть не самыми веселыми въ ея жизни.

— Кто это?—нѣсколько удивленно спросилъ у дочери Владиміръ Семеновичъ, выходя со своими дамами на подъѣздъ вокзала.

— Это моя подруга по гимназіи со своимъ братомъ,—довольно уклончиво поспѣшила отвѣтить Наташа, боясь, какъ бы Ольга Андреевна не выдала какъ-нибудь, кто были молодые люди.

Владиміръ Семеновичъ не настаивалъ.

Три часа спустя, Алеша и Леночка доѣхали по боковой

линіи до маленькой станціи, отъ которой было верстъ тридцать до Новоспасскаго. Отсюда строилась новая вѣтвь, проходившая мимо завода Өедора Степановича. Едва молодые люди успѣли выйти изъ вагона, къ нимъ выбѣжалъ на встрѣчу Лёва, съ огромнымъ букетомъ въ рукѣ, предназначеннымъ Леночкѣ. Онъ зналъ отъ сестры, что Макшеевы пріѣдутъ въ этотъ день, и поджидалъ ихъ на станціи. Дѣвушка вся зардѣлась отъ тщеславнаго удовольствія, принимая цвѣты изъ рукъ Лёвы.

Въ своемъ бѣломъ кителѣ, весь загорѣвшій отъ солнца, онъ смотрѣлъ необыкновенно красивымъ. И взглядъ его блестящихъ черныхъ глазъ недвусмысленно говорилъ Леночкѣ, какъ любуется онъ юной ея прелестью.

— Живемъ по-военному,— говорилъ онъ, — точно на походѣ. Ночуемъ большею частью въ шалашѣ какомъ-то, а то и подъ открытымъ небомъ случается. Ничего. Славно здѣсь. Первый разъ въ жизни приходится настоящее дѣло дѣлать, а не сидѣть только въ душной аудиторіи да ушами хлопать. И вамъ, Макшеевъ, пора... Благо вы теперь съ университетомъ покончили. И, кажется, покончили блистательно? Вамъ бы за хозяйство взяться. Это не совсѣмъ тоже, правда, что наша инженерная работа. Ну да все же практика, а не отвлеченная наука. И кстати сказать, братецъ вашъ Петръ Өедоровичъ, даромъ что слишкомъ четыре года имѣніемъ управляетъ, по этой части, кажется, не слишкомъ гораздъ.

Онъ распорядился, чтобы Леночкѣ подали чаю, и хотя братъ ее торопилъ ѣхать, она дала себя уговорить безъ труда. Ей весело было слушать бойкую болтовню Лёвы и еще веселѣе чувствовать на себѣ ласкающій взглядъ его смѣлыхъ, красивыхъ глазъ.

— А вы такъ-таки,—спрашивала Леночка,—все время здѣсь, на линіи? И въ Плоское не наѣзжаете?

— Нѣтъ, какъ можно, — засмѣялся онъ въ отвѣтъ.—Дня три-четыре подъ рядъ кочуемъ съ Клейстомъ, а тамъ за цивилизованную жизнь опять принимаемся. Клейстъ бы не вытерпѣлъ. Да и я, пожалуй, тоже. Особенно теперь въ Плоскомъ хорошо,—большое общество тамъ. Надѣюсь, туда будете наѣзжать? Мы въ лодкѣ катаемся и верхомъ тоже, и васъ завербуемъ, Елена Өедоровна. Клейстъ не дальше, какъ третьяго-дня съ лошади свалился. Преуморительно было. Что, Клейстъ?—обратился онъ къ рослому товарищу, тоже успѣвшему появиться: — здорово ты разбился? Въ другой разъ не станешь хвастаться умѣньемъ ѣздить? а?

Клейстъ пробурчалъ въ отвѣтъ что-то добродушно-сердитое.

Видно было, что ему совсѣмъ не до верховой ѣзды да и не до хорошенькихъ глазокъ Леночки. Онъ карандашомъ заносилъ какіе-то разсчеты въ записную книжку.

— Видите, серьезный человѣкъ въ полномъ смыслѣ,—дразнилъ его Лёва.—Ни минуты не отстаетъ отъ дѣла. А по-моему, надо и дѣло помнить, и балагурить, когда можно. Я изъ тѣхъ, кто смѣшиваетъ два эти ремесла...

Чай былъ допитъ, и Леночка встала, замѣтивъ нетерпѣніе на лицѣ брата.

— Сообщите вашему батюшкѣ,—сказалъ Лёва, протягивая Алешѣ руку, — что у меня есть для него хорошія извѣстія. Придумалъ я нѣчто совсѣмъ новое—такъ и скажите. Онъ на меня сердится немножко, вашъ батюшка. А теперь переложитъ гнѣвъ на милость.

Алеша простился съ нимъ холодно: ему манеры и тонъ молодого Богушевскаго по прежнему не нравились. Они усѣлись съ сестрой въ тарантасъ и покатили.

— Что, Лена, — спрашивалъ онъ, — теперь тебѣ въ Новоспасское хочется?.. А помнишь, что̀ ты мнѣ писала зимой?

— Теперь не зима... Посмотри, что̀ за прелесть!—отвѣтила дѣвочка, окидывая блестящимъ взоромъ отлогія поля, покрытыя сочною зеленью, и всѣмъ существомъ впитывая въ себя ароматный весенній воздухъ. Она точно сама раскрывалась подъ яркими лучами солнца, какъ благоухающій цвѣтокъ.

— Развѣ это не прелесть?

— Да, чудесно... И счастливъ тотъ, — проговорилъ онъ какъ бы про себя,—кто можетъ этимъ наслаждаться отъ полной души...

— А ты развѣ не можешь?

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ на сестру и не отвѣтилъ. Пока они приближались къ Новоспасскому, въ головѣ у него опять возставали тревожные образы, и съ недоумѣніемъ онъ спрашивалъ себя, отчего это ему не дается просто радоваться жизни, когда все вокругъ такъ празднично и свѣтло? Отчего ему мало однихъ непосредственныхъ личныхъ ощущеній?

— Знаешь что̀, — вдругъ прервала его размышленія Леночка: — ты вотъ ничего не отвѣтилъ, когда Богушевскій тебѣ совѣтовалъ хозяйствомъ заняться, а надо бы. Петя—не то чтобы не гораздъ, а какъ тебѣ сказать...

— Петя меня и безъ того не любитъ. А коли я стану въ его дѣло вмѣшиваться....

— Правда, что не любитъ,—опять заговорила дѣвушка.—

Да, вотъ что̀, Алеша,—я отъ многихъ слышала, что Петя нехорошо поступаетъ съ рабочими: ко всему придирается, чтобы у нихъ изъ жалованья высчитывать, и вообще тамъ—я хорошенько не знаю, разумѣется... Только разъ, напримѣръ, онъ рабочаго совсѣмъ прогналъ и не расчелъ его даже какъ слѣдуетъ... и все за то, что онъ четыре дня не являлся. А у него жена умирала.

Алеша встрепенулся.

Да, если такъ,—въ самомъ дѣлѣ, ему нельзя оставаться безучастнымъ. Его прямая обязанность—удерживать брата отъ несправедливостей. Онъ хорошо вѣдь зналъ черствую натуру Пети. И Алеша принялся живо разспрашивать сестру.

Леночкѣ очень немногое было извѣстно, и въ своихъ разсказахъ она путалась. Но изъ ея словъ Алеша все-таки убѣдился, что въ Новоспасскомъ далеко не все обстоитъ благополучно. И онъ сказалъ себѣ, что есть нѣчто высшее и болѣе дорогое, чѣмъ семейный миръ—обязанность защищать слабаго отъ несправедливыхъ притѣсненій.

Въ Новоспасскомъ усадьба была очень большая, со всѣми барскими затѣями. Но славившіяся когда-то оранжереи пришли въ запустѣніе, и надъ коннымъ заводомъ успѣла провалиться крыша, пока доживалъ свой вѣкъ въ Ниццѣ его бывшій владѣлецъ, хандрившій и больной холостякъ. Ѳедоръ Степановичъ уже не возобновлялъ этихъ созданій причудливой роскоши, когда наслѣдники холостяка, перессорившись между собою, ему продали по сходной цѣнѣ богатое помѣстье. И обширный домъ съ многочисленными службами, далеко раскинувшимися по отлогому степному пригорку, поддерживалъ онъ съ грѣхомъ пополамъ, ремонтируя его только хозяйственно, безъ всякаго вниманія къ наружному изяществу. Ему неловко было въ обширныхъ хоромахъ съ старинной мебелью, на которой облуплялась позолота. И всякій разъ, что ему доводилось садиться въ кресло причудливой формы или на широкій диванъ съ штофной обивкой, ему мерещилось, что онъ въ чужомъ домѣ, и вотъ-вотъ сейчасъ придетъ хозяинъ и выпроводитъ непрошеннаго гостя. Неуютно глядѣло массивное, двухъ-этажное зданіе, гдѣ кирпичъ мѣстами зіялъ изъ-подъ обвалившейся штукатурки, точно бѣлыя стѣны всѣ были въ ранахъ, нанесенныхъ страшной, медлительной болѣзнью запущенія. Огромный экипажный сарай, когда онъ сталъ рушиться, до основанія разобрали, чтобы матеріалъ употребить на болѣе полезныя сооруженія. На что̀ все это было для Ѳедора Степановича, привыкшаго жить въ двухъ комнатахъ,

и разъѣзжать въ незатѣйливомъ тарантасикѣ, съ парой мелкихъ, хоть и, правда, сытыхъ лошаденокъ?

Немудрено, что Алеша удивился, когда, подъѣзжая къ усадьбѣ, онъ увидѣлъ признаки спѣшнаго обновленія. Пахло свѣжей краской; лѣса̀ еще не успѣли убрать съ цѣлой половины дома, и точно заплаты на рубищѣ, куски новой штукатурки покрывали недавнія красныя пятна.

— Да, я забыла тебѣ сказать,—быстро отвѣтила Леночка:— ужъ съ прошлой осени принялись за работы. Папаша хочетъ, чтобы все было съ иголочки, по барскому фасону. Только гдѣ ему!—она сдѣлала презрительную гримаску.

Въ ту самую минуту, какъ они подъѣзжали, чья-то лихая тройка, звеня бубенчиками и сіяя на солнцѣ мѣдными бляхами, подкатила къ крыльцу.

На порогѣ показался рослый, пріятный блондинъ, съ окладистой, тщательно расчесанной бородой, и прощался съ хозяиномъ, подавая ему выхоленную, бѣлую руку, съ большимъ перстнемъ на безымянномъ пальцѣ. Это былъ нѣкто Холминъ, Викторъ Павловичъ, крупный, хоть и сильно задолжавшій помѣщикъ, говорившій истинно дворянскимъ баритономъ—густымъ и нѣсколько медлительнымъ.

— Спасибо, Ѳедоръ Степановичъ, спасибо, — дошли до Алеши его слова, когда тотъ уже заносилъ ногу въ тарантасъ.

— А, вотъ и сынокъ вашъ, кажется, пріѣхалъ. Очень буду радъ познакомиться.

Викторъ Павловичъ опустилъ поднятую ногу и съ любезнымъ, джентльменскимъ поклономъ обратился въ сторону Алеши и Леночки. Ѳедоръ Степановичъ стоялъ позади него, засунувъ руки въ карманы короткаго пиджака и щуря лѣвый глазъ.

— Что̀, пріѣзжаете батюшкѣ по хозяйству помогать?—привѣтствовалъ онъ немного покровительственно Алешу.—Слѣдуетъ, слѣдуетъ. Поживите у насъ и современемъ станьте нашимъ дѣятелемъ. А это дочка ваша?—обернулся онъ опять къ Ѳедору Степановичу, и тутъ же отпустилъ по адресу Леночки комплиментъ, сказанный тономъ человѣка, знающаго толкъ въ женской красотѣ.

Минуту спустя, лихая тройка укатила, и молодые люди были предоставлены взаимному обмѣну родственныхъ чувствъ.

Особой нѣжности, однако, Ѳедоръ Степановичъ ни дочери, ни сыну не выказалъ. Онъ обнялся съ ними торопливо, сказавъ Леночкѣ, что напрасно на дорогу она надѣла совсѣмъ новое платье, и выбранивъ кучера за то, что онъ заморилъ лошадей.

— Посмотри—совсѣмъ въ мылѣ. Дуракъ! Говорилъ тебѣ сто разъ: ѣхать ровно. Ну-съ, Алексѣй Өедоровичъ,—обратился онъ къ сыну,—съ ученіемъ покончилъ благополучно. Надѣюсь, теперь за дѣло примешься?

Глухое раздраженіе слышалось въ тонѣ Өедора Степановича.

И увидѣвъ подходившаго старшаго сына, Петю, онъ обрушился на него цѣлымъ потокомъ гнѣвной брани.

— Чего ты, братецъ мой, съ рабочими принялся вздорить? Двое человѣкъ на тебя земскому начальнику подать собираются. И все изъ-за копѣекъ. Глупо, до-нельзя глупо! Срамъ одинъ! И нашелъ когда!.. Мнѣ теперь надо...—Өедоръ Степановичъ остановился и прикусилъ языкъ, припомнивъ, что въ присутствіи Алеши слишкомъ откровенничать не годится.—Умные люди такъ не дѣлаютъ,—продолжалъ онъ, такъ и не докончивъ оборванной фразы.—Гдѣ настоящая выгода есть,—разумѣется, упускать ее не надо. А изъ-за грошей исторію поднимать, да штрафы разные придумывать, да еще при этомъ народъ плохо кормить!.. Ты думаешь, этимъ я себѣ сколотилъ деньгу?—Нѣтъ, братецъ мой, народъ распускать не надо и держать нужно въ ежовыхъ рукавицахъ. Но кормить по настоящему и платить, что̀ слѣдуетъ, аккуратно—вотъ мое правило. Заруби себѣ это на память. Мелко ты плаваешь – вотъ что̀. А я давно изъ мелкихъ людишекъ вышелъ.

Петя выслушалъ эту нотацію съ поразительнымъ хладнокровіемъ. Лицо его такъ и не пошевельнулось. Тогда только онъ позволилъ себѣ отвѣтить, когда отецъ на мигъ остановился, чтобы передохнуть. Өедоръ Степановичъ съ нѣкоторыхъ поръ страдалъ одышкой.

Петя былъ неуклюжій, приземистый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати съ небольшимъ, хотя молодости, строго говоря, и слѣда не было на его землистомъ лицѣ, съ блѣдными губами и жидкой бородой песчанаго цвѣта. Тусклые глаза съ опухшими красными вѣками то-и-дѣло моргали. Низкій лобъ и густыя, насупившіяся брови говорили объ упрямствѣ и ограниченности.

— Ты бы мнѣ далъ, по крайней мѣрѣ,—ввернулъ онъ, осклабясь,—съ братомъ поздороваться. Два года не видались.

Алеша присутствовалъ при отповѣди, данной старшему брату, и выступилъ впередъ, протягивая руку. Леночка убѣжала къ себѣ. Ее комната была наверху.

Братья поцѣловались. Не трудно было, однако, замѣтить, что особаго радушія не было въ ихъ встрѣчѣ. Алеша и не старался лицемѣрить на этотъ счетъ. А лицо Пети хоть и сло-

жилось въ привѣтливую улыбку, сердечнаго выраженія не приняло. Лукавить онъ не умѣлъ, хоть и былъ на то большой охотникъ.

— Ну что̀,—спросилъ онъ: — Викторъ Павловичъ къ тебѣ по дѣлу пріѣзжалъ? Очень, кажется, доволенъ остался. По лицу его замѣтилъ, какъ съ нимъ въ воротахъ встрѣтился.

— Извѣстно, по какому дѣлу,—презрительно отозвался Ѳедоръ Степановичъ.—Въ деньгахъ нуждается.

— И ты ему далъ?

Ѳедоръ Степановичъ слегка отвернулся, будто пристыженный.

— Не хотѣлъ-было, да что съ нимъ подѣлаешь? Больно ужъ приставалъ. „Могу,—говоритъ,—еще цѣлыхъ восемьдесятъ тысячъ подъ имѣніе получить изъ банка. Да возня большая, хлопоты съ этими дополнительными оцѣнками“... Ну и отсыпалъ подъ вторую закладную пять тысячъ.

Петя широко улыбнулся, показывая неровно сидѣвшіе зубы.

— Ты съ какихъ поръ, — спросилъ онъ, — сталъ деньги взаймы давать, чтобы людямъ сдѣлать удовольствіе? Такъ сказать, изъ жалости?

Прищуренные глазки Ѳедора Степановича блеснули.

— Изъ жалости, ты думаешь, я просьбамъ этого барина уступилъ? Есть чего жалѣть-то! Вольно ему было долговъ надѣлать съ такимъ хорошимъ имѣніемъ, да просолить тысячъ сто на картахъ и на скаковой конюшнѣ. Туда имъ и дорога, всѣмъ этимъ баричамъ безмозглымъ. Я палецъ о палецъ не ударю ихъ изъ бѣды вытащить. Видно, была причина не отказать, коли далъ ему пять тысячъ. Ты меня, смотри, не учи, Петька! Молодъ больно. А что̀?—перескакивая разомъ на другой предметъ, спросилъ онъ вдругъ.—На чемъ остановилось дѣло съ дорогой? Обходятъ заводъ?

— Верстъ на семь,—отвѣтилъ Петя.

— Чортъ!—Ѳедоръ Степановичъ топнулъ ногой. — Все эти мальчишки надѣлали. Хорошъ—обратился онъ вдругъ къ младшему сыну— твой другъ, какъ бишь его, Лёва, что-ли? Наобѣщалъ мнѣ съ три короба, а начальству докладываетъ совсѣмъ иное. Увѣряетъ, что заводъ обойти надо, потому что оврагъ тамъ какой-то засыпать пришлось бы. Этотъ молокососъ, чего добраго, мнѣ тысячъ на полтораста убытка надѣлаетъ.

Алеша понялъ теперь, что̀ вызывало раздраженіе отца. И онъ поспѣшилъ его успокоить, передавъ ему слова Лёвы.

— Взяточку намѣренъ попросить?—усмѣхнулся Петя.

— По-жа-луй!—Ѳедоръ Степановичъ задумался.—Да нѣтъ, не похоже. А если ужъ возьметъ, такъ очень большую.

Алеша попробовалъ вступиться за молодого Богушевскаго.

— Ну, полно,—остановилъ его отецъ и взялъ его за плечо.— Самъ знаю. Не трудись пріятеля защищать. Два только раза съ нимъ говорилъ, а вижу его насквозь. Онъ на мелочи себя не размѣняетъ.

Ѳедоръ Степановичъ ушелъ къ себѣ въ контору, оставивъ братьевъ вдвоемъ.

XV.

Какъ ни хвастался Макшеевъ, что видитъ Лёву насквозь, онъ никакъ не догадывался, чтò за вѣсти ему привезетъ на другой день молодой человѣкъ. А вѣсть была самаго неожиданнаго и пріятнаго свойства.

Лёва явился въ Новоспасское, вооруженный цѣлымъ ворохомъ плановъ, съёмокъ и разсчетовъ. И на ласковый вопросъ Ѳедора Степановича, чтò новенькаго онъ ему скажетъ, и настаиваетъ ли онъ на мнимой необходимости обойти заводъ, молодой Богушевскій спокойно отвѣтилъ, что идти черезъ оврагъ, какъ думали сначала, было бы совершенно безразсуднымъ и стоило бы очень дорого. Но что есть возможность измѣнить направленіе, не минуя заводъ.

— Можно къ нему подойти съ другой стороны, — сказалъ онъ, развертывая планъ.—Удивительно, что про это не догадались раньше.

И передъ внимательными глазами Ѳедора Степановича онъ сталъ на планѣ проводить черту, указывающую новое направленіе.

— Да какъ же, — недовѣрчиво спросилъ Макшеевъ:— съ этой стороны рѣка и потомъ болото?

Лёва самоувѣренно улыбнулся.

— Не безпокойтесь. Болото останется въ сторонѣ, а мостъ черезъ рѣку вотъ на этомъ мѣстѣ, выше мельницы, гдѣ берега крутые, обойдется втрое дешевле засыпки оврага.

И быстро, съ точностью человѣка, хорошо изучившаго вопросъ, Лёва привелъ на память цѣлый рядъ сложныхъ вычисленій.

Ѳедоръ Степановичъ залюбовался на него искренно. Это была не одна только корыстолюбивая радость человѣка, неожи-

данно получившаго крупную выгоду, а безкорыстное вполнѣ удивленіе недюжиннымъ дѣловымъ способностямъ.

— „Ахъ, кабы у меня былъ такой сынъ“!—подумалъ онъ опять, какъ послѣ перваго своего разговора съ Лёвой.

— Однако, вы молодецъ! Спасибо вамъ, спасибо.

И онъ горячо взялъ Лёву за руку. Но тутъ же прыткіе его зрачки такъ и впились въ глаза молодого человѣка.

— Не знаю, какъ и отблагодарить васъ, — добавилъ онъ. И пытливое недовѣріе какъ бы слышалось въ этихъ словахъ.

— Да никакъ, право, никакъ!—разсмѣялся Лёва и, говоря это, немного подался назадъ.—Мнѣ просто удовольствіе доставляетъ васъ избавить отъ лишнихъ тратъ. Такіе люди, какъ мы съ вами, должны помогать другъ другу. Вы пустили въ ходъ эту дорогу, которая обогатитъ цѣлыхъ два уѣзда—и совершенно законно, коли вы отъ нея получите барышъ. А если мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, какъ устранить препятствіе,—торговать мнѣ, что-ли, этой мыслью? Нѣтъ, Ѳедоръ Степановичъ, тогда только и пойдутъ у насъ на Руси дѣла хорошо, когда толковые люди съумѣютъ пѣть на одинъ ладъ и перестанутъ другъ другу подставлять ножку.

Онъ говорилъ это съ самымъ веселымъ, самымъ добродушнымъ тономъ. Лёва былъ изъ числа тѣхъ разсчетливыхъ людей, которые понимаютъ всю выгодность безкорыстія. И онъ не ошибся. Какъ ни черствъ былъ Ѳедоръ Степановичъ, онъ почувствовалъ себя вдвойнѣ обязаннымъ передъ молодымъ Богушевскимъ и за прежнее зло, причиненное имъ Владиміру Семеновичу, и за услугу, которую ему оказывалъ теперь Лёва.

— Вы можете на меня разсчитывать,—сказалъ онъ,—если вамъ когда-нибудь понадобится моя помощь.

Онъ пригласилъ молодого человѣка отобѣдать въ Новоспасскомъ, и что-то почти виноватое слышалось въ его голосѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, онъ бы не повѣрилъ, еслибы ему сказалъ кто-нибудь, что у него въ гостяхъ будетъ сынъ когда-то ограбленнаго имъ человѣка.

А Лёва, принимая это приглашеніе, не испытывалъ никакой неловкости. И, выходя изъ кабинета Ѳедора Степановича, гдѣ происходилъ ихъ разговоръ, Лёва потиралъ себѣ мысленно руки. „А будь иной на моемъ мѣстѣ,—думалось ему,—чего добраго, сталъ бы щетиниться, да руки, пожалуй, не протянулъ бы этому Макшееву... Чтò за дураки, право, эти брезгливые люди“!

Ему захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ передъ обѣ-

домъ. Въ кабинетѣ у Өедора Степановича было душно. Тамъ господствовалъ какой-то особый ѣдкій запахъ—смѣсь бумажной пыли и табачнаго дыма. Окно хозяинъ раскрывалъ рѣдко. Его не безпокоилъ спертый воздухъ. Старинныхъ, чумазыхъ привычекъ не успѣло изъ него вытравить недавнее богатство. И совсѣмъ непривѣтливо, какъ-то безпорядочно - пусто глядѣла обширная комната, взятая имъ себѣ подъ кабинетъ. А у Лёвы дѣловитая жилка не мѣшала ему любоваться красотой, въ томъ числѣ красотой природы.

И когда въ сѣняхъ, куда выходилъ кабинетъ, ему попалась на встрѣчу Леночка, свѣжій обликъ молодой дѣвушки, съ распущенными волосами, съ яркимъ румянцемъ на щекахъ и съ блескомъ во взглядѣ, который такъ и просился къ радости и къ солнцу, въ немъ тотчасъ откликнулось такое же молодое, жизнерадостное ощущеніе. Невольно они улыбнулись другъ другу.

— Ахъ, это вы? Я не знала, что вы здѣсь,—бойко солгала дѣвушка, очень хорошо знавшая, что Лёва былъ у ея отца.—Вы куда?

— Да никуда въ особенности; просто, хотѣлъ погулять до обѣда. Меня вашъ батюшка пригласилъ. А гдѣ вашъ братъ?

— Алеша на заводъ пошелъ. И вамъ придется,—добавила она, на мигъ потупивъ глазки,—довольствоваться моимъ обществомъ. Пойдемте въ садъ? Хотите? Только предупреждаю васъ, онъ совсѣмъ у насъ запущенъ и смотритъ такимъ дикимъ...

Въ самомъ дѣлѣ, и на террасѣ, куда они вышли, и въ саду, была все та же смѣсь роскоши и запустѣнія. Жалкій видъ являлъ рядъ дорическихъ колоннъ, когда-то величественныхъ, а теперь носившихъ на себѣ слѣды неуважительной руки времени, которое сперва опошляетъ созданія людей, чтобы потомъ разукрасить ихъ печальной красотой разрушенія.

Двое мастеровъ, стоя на высокой лѣстницѣ, работали въ верхнемъ этажѣ. Каменныя ступени въ садъ замѣтно покосились, а тамъ, гдѣ когда-то разбитъ былъ цвѣтникъ, разросшіеся кусты цѣплялись своими перепутанными вѣтвями.

— Мнѣ стыдно вамъ это показывать,—говорила дѣвушка, легко спрыгивая по ступенямъ:—все это такъ гадко, такъ неряшливо...

— Да ничуть, повѣрьте. Вольная природа лучше прибранной. Да, пожалуй, и вольные люди тоже.

Леночка посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, какъ на учителя, которому вѣрить надо, потому что онъ лучше знаетъ.

Швейцарская мамзель успѣла только научить Леночку, что во всемъ нуженъ порядокъ. И дѣвушка, немного стыдившаяся своего происхожденія, старалась пріобщить себя къ требованіямъ культуры, не постигнувъ еще высшей красоты свободнаго изящества.

— Папаша все это устроить собирается. Первые годы онъ про это не думалъ—были другія заботы. А теперь...

— Чтò же теперь? — переспросилъ Лёва запнувшуюся дѣвочку.

Она прикусила язычокъ.

— Ну, такъ я за васъ доскажу, пожалуй. Вашъ батюшка достигъ того момента, когда наживать деньги кажется недостаточнымъ. Ему пришла пора совсѣмъ бариномъ сдѣлаться, и помѣстье свое онъ хочетъ устроить на барскій ладъ. И прекрасно дѣлаетъ.

Леночка вся покраснѣла отъ этихъ словъ. Ей стало почему-то стыдно.

— Да и во всѣ времена такъ было,—продолжалъ Лёва.— Сперва заботы о деньгахъ. Затѣмъ ужъ потребность въ красотѣ. Плохо вотъ чтò: когда эта потребность въ человѣкѣ уцѣлѣла, какъ во мнѣ вотъ, а средствъ нѣтъ, чтобы ее удовлетворять.

Онъ пофилософствовалъ еще на эту тему, забавляясь видимымъ замѣшательствомъ юной собесѣдницы и намѣренно говоря ей вещи, которыя были чуть-чуть выше ея пониманія. Но всего какихъ-нибудь минуты двѣ онъ подвергалъ ее этому маленькому искусу. „Злоупотреблять ничѣмъ не надо,—думалъ онъ не разъ, —особенно своимъ превосходствомъ. А передъ женщинами и подавно... Дайте имъ только слегка почувствовать это превосходство, и ни подъ какимъ видомъ не допускайте, чтобы уваженіе переходило въ скуку“.

Вѣрный этому правилу, Лёва быстро оборвалъ свои мудрыя рѣчи, и совсѣмъ ужъ не скуку чувствовала съ нимъ Леночка, прохаживаясь по заросшимъ дорожкамъ. Ей такъ весело было нагибаться и раздвигать нависшіе сучки, а еще веселѣе слушать его болтовню, гдѣ, подъ прикрытіемъ самыхъ невинныхъ словъ, чудилась ей тонкая, затаенная лесть. А вѣтви сирени и жимолости то-и-дѣло заграждали имъ дорогу, и не разъ уже ловкая рука Лёвы освобождала то платье, то косы Леночки отъ вцѣпившагося въ нихъ сучка. Леночка сама не знала, почему ей было такъ хорошо. Только глазки ея свѣтились больше обыкновеннаго, а смѣхъ удивительно звонко раздавался по опустѣлому саду, точно подзадоривая вторившихъ ей пташекъ.

Они подошли къ самой изгороди—ее Өедоръ Степановичъ поддерживалъ тщательно,—какъ вдругъ имъ послышался взволнованный голосъ Алеши. Онъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ подходилъ къ мѣсту, гдѣ они стояли.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ громко,—нѣтъ, Петя, я ни за что не повѣрю, чтобы, при состояніи батюшки, нельзя было лучше содержать рабочихъ. Помилуй, что̀ у нихъ за помѣщеніе—свиной хлѣвъ чище, и воздухъ какой!—даже окна не растворяются. Обязанность хозяина, понимаешь—обязанность!—развивать въ рабочихъ человѣческія потребности и человѣческій образъ, если даже имъ все равно жить среди вони и духоты...

Петя разсмѣялся.

— Вотъ куда махнулъ! Обязанность наша, по твоему, такъ вести дѣло, чтобы расходу было побольше. А при теперешнихъ цѣнахъ на хлѣбъ хозяйству почти убытокъ.

— Ну и къ чорту его тогда, хозяйство,—запальчиво воскликнулъ Алеша,—если можно вести его при томъ только условіи, чтобы людей держать хуже скота! И никогда не повѣрю, чтобы народъ этимъ довольствовался. Принуждаютъ его соглашаться на грошевую плату и жить въ смрадной избѣ, потому что онъ у васъ въ кабалѣ. Гадко, Петя, гадко!

— Алеша!—окрикнула брата Леночка, но сдѣлала это негромко, какъ бы пугливо.

Онъ разслышалъ, однако, и обернулся.

— Ахъ, ты здѣсь, Лена? И съ Львомъ Владиміровичемъ? Хорошо, я къ вамъ въ садъ перелѣзу. А нашъ споръ,—обратился онъ къ старшему брату,—пусть рѣшитъ отецъ. Сдается мнѣ, что онъ не совсѣмъ будетъ съ тобой согласенъ.

Сказавъ это, онъ ухватился обѣими руками за перекладину изгороди и ловко перескочилъ въ садъ.

А Петя, проходя мимо, бросилъ искоса недружелюбный взглядъ на молодого Богушевскаго.

— Что̀ васъ такъ взволновало, Макшеевъ?—здороваясь, спросилъ Лёва.

— А слышать я не могу это вѣчное извиненіе, что иначе будто бы нельзя дохода получить, какъ на счетъ здоровья и пищи рабочихъ.

И онъ разсказалъ, въ какомъ ужасномъ помѣщеніи живутъ въ Новоспасскомъ батраки. Но говорилъ онъ про это съ видимой неохотой. Онъ чутьемъ сознавалъ, что Лёва не раздѣляетъ его негодованія.

— И вѣдь скверно то, что вездѣ, я увѣренъ, въ любомъ имѣ-

ніи—тоже. Сотни десятинъ подъ запашкой—рѣчь идетъ о тысячахъ рублей, а на работника, то-есть на такого же человѣка, какъ самъ хозяинъ, жаль нѣсколькихъ копѣекъ. Вѣдь это возмутительно, наконецъ? И согласитесь, что если наши доходы можно только этою цѣною...

— Позвольте, Макшеевъ,—спокойно остановилъ его Лёва:—да что же прикажете дѣлать? Вѣдь работаютъ люди, чтобы получать какой-нибудь барышъ, а коли его нѣтъ, потому что цѣны упали—приходится экономничать. Лучше развѣ было бы, коли вовсе бросили бы хозяйничать?

— Да народъ,—все такъ же страстно настаивалъ Алеша,—продолжаетъ сѣять хлѣбъ, несмотря на цѣны?

— Ну и что? Велика отъ этого польза? И много бы Россія произвела зерна, кабы все на одномъ мужицкомъ хозяйствѣ держалось? Нѣтъ, Макшеевъ, сердобольничать хорошо, но съ экономическими законами не заспоришь.

Леночка слушала внимательно, не совсѣмъ хорошо понимая, и не могла рѣшить, кто изъ нихъ правъ. Въ словахъ Алеши столько сердца,—зато какъ спокойно и убѣжденно говоритъ Богушевскій, а главное, какъ онъ красивъ съ этимъ чуть-чуть насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ!..

Ѳедоръ Степановичъ удивилъ Алешу своимъ рѣшеніемъ, когда братья представили на его судъ предметъ спора.

— Правда то, что говоритъ Алеша?—спросилъ онъ у старшаго сына.—Да навѣрно правда—Алеша не вретъ никогда.

— Если хочешь, правда, но вѣдь...

— Ну, такъ вотъ что я тебѣ скажу, Петруша,—тотчасъ перебилъ его Ѳедоръ Степановичъ:—чтобы этого срама не было. Отвести полевымъ рабочимъ вторую избу. Ты говоришь, складъ тамъ какихъ-то орудій? Пустяки! Найдется для нихъ другое мѣсто. Пола нѣтъ—такъ сдѣлать. И стѣны выбѣлить и вычистить хорошенько. И рамы чтобы были двустворчатыя. И мужчины съ женщинами не оставались бы вмѣстѣ на ночь,—слышишь?

Ни Алеша, ни Петя, конечно, не поняли настоящей причины щедрости Ѳедора Степановича. Онъ былъ такъ доволенъ извѣстіемъ, полученнымъ отъ Лёвы, что хотѣлъ показать себя настоящимъ бариномъ. Понялъ это одинъ только Лёва. Да и не мѣшало кстати, чтобы въ околоткѣ знали, какъ содержитъ рабочихъ Ѳедоръ Макшеевъ. Лучше всѣхъ прочихъ владѣльцевъ! Не мѣшало это для того, чтобы выставить, среди мѣстныхъ помѣщиковъ, Ѳедора Степановича въ благопріятномъ свѣтѣ.

Алеша былъ крѣпко благодаренъ отцу за его рѣшеніе. Но Петя остался имъ недоволенъ. И вечеромъ, когда уѣхалъ Лёва, сталъ возражать отцу.

— Это, значитъ,—говорилъ онъ,—поблажку народу давать. А если станетъ Алеша во все вмѣшиваться...

— Вздоръ!—рѣзко оборвалъ его отецъ.—Неужто ты не понимаешь, что коли я разрѣшаю новый расходъ, такъ этотъ расходъ—выгодный. Или ты этого не смекаешь? Говорю тебѣ, братъ, больно ужѣ ты мелко плаваешь!..

К. Головинъ.

НА
КАМЕННОМЪ МЫСУ

Разсказъ изъ чукотской жизни.

I.

Уже цѣлую недѣлю дулъ свирѣпый сѣверный вѣтеръ, не прерываясь и не ослабѣвая ни на одну минуту. Стремительные порывы вихря прилетали другъ за другомъ безъ малѣйшей передышки и проносились надъ поверхностью ледяныхъ равнинъ съ такимъ торопливымъ и безпощаднымъ ожесточеніемъ, какъ будто отыскивали на ней какой-нибудь выдающійся предметъ, что̀-либо хоть немного возвышающееся надъ общимъ однообразнымъ уровнемъ, за что̀ они могли бы ухватиться и немедленно вырвать вонъ вмѣстѣ съ корнями. Но на ровной груди ледяныхъ полей не было ничего пригоднаго для сокрушительной дѣятельности вѣтра. Мѣстами виднѣлись только осколки ледяныхъ глыбъ, выпятившіеся вверхъ по линіямъ осеннихъ щелей; но они примерзли такъ плотно, что ихъ трудно было бы сдвинуть съ мѣста даже ударами лома. Кромѣ этихъ осколковъ, на застывшей поверхности океана находился только толстый слой снѣга, отвердѣвшій подъ дѣйствіемъ непрерывныхъ бурь до плотности камня и скорѣе напоминавшій сплошную массу обожженой бѣлой глины, чѣмъ обыкновенную рыхлую пелену зимы. Зато даже эта отвердѣлая кора не могла устоять передъ побѣдоносной яростью вьюги. Вѣтеръ вонзалъ въ лицо *убоя* свои острые зубы и выѣдалъ изъ

его окаменѣлой брони узкія *заструги*, окаймленныя по сторонамъ глубокими бороздами и высовывавшіяся на встрѣчу вьюгѣ длинными бѣлыми языками. Выкопавъ такую застругу въ снѣгу, вѣтеръ вдругъ мгновеннымъ усиліемъ срывалъ ея кончикъ и уносилъ съ собою, безостановочно крутя его въ воздухѣ и разрывая на тысячи мелкихъ частицъ, тонкихъ и сухихъ, какъ самая сухая глиняная пыль, носящаяся на крыльяхъ знойнаго вихря надъ безжизненной степью, опаленной лѣтнимъ солнцемъ и изнывшей отъ бездождія. Весь воздухъ былъ наполненъ этими частицами; вьюга была насыщена и пронизана ими; онѣ двигались съ такой быстротой, что, казалось, удлинялись въ своемъ движеніи и производили впечатлѣніе тонкихъ и длинныхъ иголъ, и конечно онѣ кололи такъ же больно, какъ иглы. Онѣ были такъ легки и мелки, что совершенно сливались съ острыми и холодными частицами воздуха, составлявшими самую субстанцію вьюги, и нельзя было отличить, какіе именно элементы вѣтеръ принесъ съ собой съ невѣдомаго сѣвернаго простора и какіе захватилъ, пролетая надъ ледяными полями. Колючія струи воздуха и атомы раздробленнаго снѣга смѣшались въ одинъ острый, рѣзкій и пронзительный хаосъ, на подобіе оледенѣлаго туманнаго пятна, которое двигалось съ сѣвера на югъ съ бѣшеной быстротой, но никакъ не могло истощиться и пролетѣть мимо.

За рубежомъ ледяныхъ полей простиралась земля, но и ея поверхность была такъ же ровна и безжизненна, какъ бѣлое лицо океана. Море переходило въ тундру такъ незамѣтно, что нужно было бы снять прочь весь снѣжный покровъ для того, чтобы опредѣлить, гдѣ оканчивается ледяной пластъ и начинается гладкая площадь прибрежной тины, переходящая въ такое же гладкое и твердое отъ мороза моховище.

Правда, на западѣ возвышался огромный каменный мысъ, выступавшій въ море тремя высокими, крутыми грядами, а со стороны земли переходившій въ приземистый кряжъ, расползавшійся по направленію къ югу. Но онъ такъ угрюмо чернѣлъ своими утесами, совершенно обнаженными отъ снѣга, и такъ непоколебимо подставлялъ на встрѣчу мчавшейся вьюгѣ свои отвѣсныя ребра, что, наткнувшись на него съ разлета, она испуганно бросалась въ сторону и спѣшила умчаться прочь—туда, гдѣ на краю тундры чуть синѣла надъ горизонтомъ полоска низкаго и пологаго горнаго перевала. Вокругъ выступовъ мыса море намело узкій песчаный прилавокъ и завалило его грудами наноснаго лѣса, которыя щетинились изъ-подъ снѣга, гармони-

руя съ острыми и неправильными гранями каменныхъ уступовъ, поднимавшихся надъ ними вверху.

Это была мрачная страна, лишенная всякаго признака жизни, та самая пустыня,—какъ описываютъ ее чукотскія сказки,—на которой нѣтъ ни мышки, ни былинки, по которой не пробѣгаетъ олень и не гонится за нимъ волкъ. По крайней мѣрѣ такъ было въ это глухое зимнее время года. Оленьи стада, дикія и прирученныя, съ наступленіемъ осени ушли на югъ къ границамъ лѣсовъ, и за ними послѣдовали двуногіе и четвероногіе пожиратели мяса, живущіе на ихъ счетъ: волки, собаки, кочевые пастухи и бродячіе охотники. Лебеди, гуси и вся водяная птица улетѣла предъ наступленіемъ холодовъ; даже вороны и полярныя куропатки покинули тундру и удалились въ болѣе гостепріимныя широты. Тѣ немногіе обитатели, которые остались еще на землѣ и на льдахъ, притаились теперь въ своихъ логовищахъ и терпѣливо ожидали, пока ослабѣетъ ярость вьюги и дастъ имъ возможность выглянуть на божій свѣтъ. Бѣлые медвѣди закопались въ снѣжный заносъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застала вьюга, и отлеживались теперь, наглухо зарытые въ сугробъ; песцы попрятались въ дуплахъ наноснаго лѣса и въ расщелинахъ между камнями; мыши смирно сидѣли въ гнѣздахъ подъ кочками, не осмѣливаясь пробѣжать по своимъ внутреннимъ ходамъ подъ поверхностью снѣга. Огромныя, неуклюжія совы, болѣе похожія на какихъ-то бѣлыхъ звѣрей, и маленькіе, проворные горностаи, одаренные чисто птичьей легкостью и быстротой движеній, всѣ попрятались по своимъ норамъ и боялись высунуть носъ наружу, пока не пройдетъ вьюга.

Пастухи и бродячіе охотники удалились вслѣдъ за стадами сухопутныхъ животныхъ. Однако, на этихъ негостепріимныхъ берегахъ еще остались люди. Нѣдра океана подъ толстой ледяной корой изобиловали рыбой и тюленями, и изъ числа обитателей пустыни выдѣлились семьи, которыя, соблазнившись обиліемъ морской пищи, рѣшились проводить лѣто и зиму въ этой суровой землѣ. Они принадлежали къ племени людей, рожденныхъ отъ „бѣломорской жены“ [1]), и отъ поколѣнія къ поколѣнію, съ незапамятныхъ временъ, такъ привыкли къ борьбѣ съ моремъ, морозомъ и вѣтромъ, что безъ нея жизнь показалась бы имъ лишенной содержанія и смысла. Это были охотники, нападавшіе съ копьемъ въ рукахъ на огромнаго бѣлаго медвѣдя; мореплаватели, на утлыхъ кожаныхъ лодкахъ, дерзавшіе лавировать на

[1]) Такъ называютъ себя чукчи въ эпическихъ разсказахъ и преданіяхъ.

негостепріимномъ просторѣ полярнаго океана, люди, для которыхъ холодъ былъ стихіей, океанъ—нивой, а ледяная равнина—поприщемъ жизни,—вѣчные борцы съ природой, тѣло которыхъ было закалено какъ сталь и мышцы не уступали неутомимостью ни одному изъ дикихъ звѣрей, пробѣгавшихъ среди пустыни,—воины, привыкшіе считать естественную смерть постыдной, и безсильную старость—наказаніемъ судьбы; которое слѣдуетъ сокращать добрымъ ударомъ ножа или копья...

У того изъ выступовъ мыса, который былъ выше другихъ и находился по срединѣ между двумя другими, на широкой, слегка пологой площадкѣ стояли два шатра. Они забились въ уголъ между двумя каменными стѣнами, сходившимися подъ тупымъ угломъ, и прислонились къ самому отвѣсу скалы, преграждавшей наискось обычную дорогу сѣвернаго вѣтра.

Передній шатеръ былъ больше и благоустроеннѣе. Это былъ обыкновенный зимникъ, какъ его устраиваютъ сидячіе чукчи, а также и кочевые оленеводы, когда они останавливаются на неподвижную зимовку. Огромный кожаный шатеръ былъ плотно натянутъ и поднимался въ вышину на полторы сажени, а въ ширину расползался не менѣе, чѣмъ на десять аршинъ. Оболочка его представляла пеструю мозаику оленьихъ и тюленьихъ шкуръ, сшитыхъ вмѣстѣ цѣликомъ и въ кускахъ, и была покрыта толстымъ слоемъ копоти и сажи; но всѣ отверстія и дырки въ ней были тщательно заплатаны, несмотря на огромную затрату времени и заботливости, которой требовала эта работа. Полы шатра были завалены вокругъ высокимъ снѣжнымъ окопомъ и укрѣплены огромными камнями; передъ входомъ было устроено нѣчто въ родѣ сѣней изъ такой же мозаичной оболочки, низко нахлобученной на небольшой деревянный остовъ навѣса и старательно подоткнутой со всѣхъ сторонъ внизу. Задній шатеръ былъ такъ низокъ, что изъ-подъ своего снѣжнаго завала походилъ скорѣе на огромный сугробъ, чѣмъ на человѣческое жилище. Онъ скромно ютился на второстепенномъ планѣ, предоставляя своему переднему товарищу болѣе видную позицію, которая, впрочемъ, была также и болѣе открыта дѣйствію непогоды. Вѣтеръ залеталъ и сюда, несмотря на каменную ограду. Вьюга встряхивала плотно утоптанный снѣгъ окопа, вырывала изъ него сухія струйки снѣжной пыли, съ визгомъ и воемъ кружилась вокругъ покатыхъ верхушекъ шатровъ, какъ бы примѣриваясь, съ какого конца удобнѣе схватиться за длинные концы жердей, расходившихся вверху, какъ огромный вѣеръ, и вдругъ сдернуть прочь укрѣпленные шатры. Но плотно натянутая кожа

реттема [1]), выпяченная изнутри толстыми пятниками [2]) и раздувшаяся на встрѣчу вѣтру, какъ огромный пузырь, только гудѣла въ отвѣтъ. Она была съ внутренней стороны повсюду обшита веревками, которыя привязывались къ кольямъ, вбитымъ въ землю, и тяжелымъ санямъ, нагруженнымъ разнымъ хламомъ. Зимникъ былъ сооруженъ такъ прочно, что никакая вьюга не могла причинить ему ущербъ.

Въ самомъ центрѣ передняго шатра, на земляномъ очагѣ, горѣлъ огонь, наполняя его ѣдкимъ дымомъ, который силою наружнаго вѣтра задерживался вверху у дымового отверстія и не хотѣлъ выходить вонъ. Въ задней половинѣ шатра, по чукотскому обычаю, былъ устроенъ такъ-называемый пологъ, теплое отдѣленіе, въ видѣ четвероугольнаго ящика изъ шкуръ, плотно закрытаго со всѣхъ сторонъ и покрытаго толстымъ слоемъ травы, связанной въ пучки.

Бо̀льшая часть жителей шатра въ настоящее время находилась въ тепломъ отдѣленіи. Это было тѣсное помѣщеніе длиною въ сажень, шириною сажени въ двѣ, и настолько низкое, что взрослый человѣкъ не могъ бы приподняться на ноги, подъ опасеніемъ упереться головой въ потолокъ и сдвинуть съ мѣста травяную покрышку, лежащую поверхъ оленьихъ шкуръ. Большая каменная чаша, наполненная полужидкимъ тюленьимъ жиромъ, съ зажженной свѣтильней, плававшей у передняго края, коптила на видномъ мѣстѣ, по срединѣ задней стѣнки. Другая, маленькая, горѣла въ правомъ углу недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ проходъ или, лучше сказать, пролазъ изъ ящика наружу, огражденный длинной мѣховой полой, аккуратно подвернутой подъ шкуры, разостланныя на полу. Въ пологѣ было жарко. Спертый и пропитанный міазмами воздухъ чукотскаго домашняго святилища, которое хозяева постарались тщательно оградить отъ всякаго свѣжаго вѣянія, зелеными волнами носился взадъ и впередъ. Испаренія человѣческаго тѣла, прѣсный запахъ вареной ѣды и немытой посуды, которымъ была пропитана каждая шерстинка мѣховыхъ стѣнъ, ѣдкая вонь прокислыхъ шкуръ, устилавшихъ дно ящика и совершенно почернѣвшихъ отъ грязи, горькая копоть лампъ, запахъ мочи и гніющей печени, которыя употреблялись хозяйкою для выдѣлыванія кожъ, все это сливалось въ такой одуряющій букетъ, что можно было только удив-

[1]) Реттемъ—оболочка шатра, сдѣланная изъ гладкошерстныхъ сильно прокопченныхъ шкуръ, сшитыхъ вмѣстѣ.

[2]) Пятники—плотныя жерди, изогнутыя дугообразно и вдавленныя въ крышу шатра длинными шестами.

ляться, какъ живыя человѣческія существа могутъ выносить его безнаказанно.

Однако, въ пологѣ было восемь человѣкъ, и всѣ они, повидимому, не чувствовали никакого неудобства отъ окружающей атмосферы. Хозяинъ сидѣлъ на особо разостланной шкурѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, по правую сторону лампы. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, крѣпкій и здоровый, съ спокойными, проницательными глазами и худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой бородкой и такими же усами. Кожа на его щекахъ и шеѣ совсѣмъ побурѣла, отъ постояннаго пребыванія на холодномъ вѣтрѣ, и походила на древесную кору. Голова его была украшена узкимъ кожанымъ ремешкомъ, усаженнымъ круглыми голубыми бусами, между которыми выдѣлялись четыре маленькихъ безформенныхъ кусочка дерева: это были *уккомаки*, наговоренные амулеты, которые должны были отстранять отъ головы владѣльца всякое зло, неудачу и болѣзнь. Такъ какъ въ пологѣ было душно, старикъ снялъ съ себя мѣховую рубаху и вмѣсто нея надѣлъ красную фуфайку американскаго происхожденія, которую онъ пріобрѣлъ во время одной изъ поѣздокъ на мысъ Пээкъ (Чукотскій носъ), гдѣ американскіе товары попадаются очень часто. Онъ уже сорокъ лѣтъ постоянно занимался торговыми разъѣздами по ледовитому побережью на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, и его такъ же хорошо знали въ Нууканѣ и Чайтунѣ [1]), какъ и въ русскихъ поселеніяхъ на Колымѣ и Анадырѣ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ неутомимыхъ бродячихъ перекупщиковъ, при помощи которыхъ бессарабскій листовой табакъ попадаетъ на рѣку Мекензи въ Америкѣ, и наоборотъ, сиводушки [2]) съ рѣки Нюкона [3]) отправляются въ путешествіе къ ирбитской ярмаркѣ. По первому осеннему пути на своихъ быстроногихъ собакахъ онъ доѣзжалъ въ десять дней изъ своего дома до деревни Коретовой на Колымѣ, отдавалъ тамъ торговымъ казакамъ тюленьи шкуры, свитки моржовыхъ ремней и забиралъ кирпичи чаю и папуши листового табаку, потомъ отправлялся въ отдаленныя поселенія сидячихъ чукчей на носу и вымѣнивалъ новые запасы ремней и чемодановъ [4]) съ двойнымъ и трой-

---

[1]) Чукотскіе поселки недалеко отъ Берингова пролива.

[2]) Сиводушка—лисица пепельно-сѣраго цвѣта съ чернымъ брюхомъ и темнымъ крестомъ на верхней части спины; цѣнится гораздо дороже обыкновенной лисицы.

[3]) Р. Нюконъ въ бывшихъ русско-американскихъ владѣніяхъ—впадаетъ въ Берингово море.

[4]) Чемоданъ—тюленья шкура, снятая съ туши убитаго животнаго въ видѣ мѣшка, и просто тюленья шкура.

нымъ барышомъ. Весной онъ приносилъ на Анюйскую ярмарку купцамъ, пріѣхавшимъ изъ Якутска, песцовъ и выпоротковъ (оленьихъ телятъ), перекупленныхъ отъ оленныхъ чукчей, а лѣтомъ, сообщившись съ другими подобными ему искателями барышей и торговыхъ приключеній, отправлялся на большой восьмивесельной байдарѣ къ островнымъ эскимосамъ, или на американскій материкъ, за дорогими лисицами и бобрами. Имя старика было Кителькутъ, но русскіе охотнѣе называли его Макамонкомъ по его отцу Макаму, который во время оно занимался такимъ же торгомъ, и умеръ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ.

По правую сторону большой лампы на почетномъ мѣстѣ, обыкновенно предназначаемомъ для гостей, сидѣлъ человѣкъ такого крупнаго роста и тѣлосложенія, что можно было только удивляться, какъ онъ умудрился забраться въ такой тѣсный уголъ. Онъ тоже снялъ съ себя мѣховую рубаху, и его обнаженный торсъ и руки выставляли богатырскія мышцы, какія не часто можно встрѣтить даже между закаленными витязями и борцами тундры. Лицо его было налито кровью и красно, какъ кирпичъ; низкій лобъ и квадратныя челюсти придавали его чертамъ характерное выраженіе упрямства и жестокости. Голова его сидѣла на короткой шеѣ и была какъ-то притиснута къ плечамъ и наклонена немного впередъ. Ему приходилось смотрѣть на Божій свѣтъ исподлобья и притомъ такимъ мрачнымъ и злобнымъ взглядомъ, который не обѣщалъ ничего хорошаго. Говорятъ, такъ держитъ голову и такъ смотритъ загривистый медвѣдь-шатунъ [1]), встрѣтившись съ человѣкомъ и питая намѣреніе на него напасть.

Это дѣйствительно былъ гость, пріѣзжій съ Чаунской тундры изнутри страны, по имени Някъ. Кочевья чаунскихъ жителей отстоятъ отъ Каменнаго мыса не болѣе, какъ верстъ на триста, и они часто пріѣзжали къ Кителькуту за чаемъ и табакомъ, выбирая время, когда онъ возвращался изъ поѣздокъ въ русскія поселенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Някъ пріѣхалъ, прошло уже дней десять, но разыгравшаяся непогода удержала его въ шатрѣ Кителькута долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Рядомъ съ Някомъ сидѣлъ маленькій старичокъ съ быстрыми глазками обезьяны и сморщеннымъ лицомъ совершенно коричневаго цвѣта. Это былъ Уквунъ, хозяинъ другого шатра, сосѣдъ и сожитель Кителькута по стойбищу. При условіяхъ раз-

[1]) Туземцы разсказываютъ, что рядомъ съ черными медвѣдями иногда попадается медвѣдь съ широкимъ бѣлымъ пятномъ на шеѣ. Этотъ медвѣдь считается особенно свирѣпымъ.

розненной жизни въ пустынѣ, маломощные и недостаточные люди никогда не селятся одни; они рисковали бы умереть съ голоду безъ того, чтобы кто-нибудь даже узналъ объ этомъ. Семьи, которыя не разсчитываютъ прокормиться собственными усиліями, присосѣживаются къ болѣе сильнымъ и восполняютъ недостатки своего промысла ихъ подачками, не оказывая взамѣнъ никакихъ услугъ и даже не чувствуя особой благодарности за помощь. Уквунъ находился именно въ такихъ отношеніяхъ къ семейству Кителькута. Онъ не имѣлъ сыновей и во время двухмѣсячной зимней тьмы не могъ съ достаточной бдительностью наблюдать за своими сѣтьми, такъ что его собаки умерли бы съ голоду, если бы старый Кителькутъ каждый разъ, когда его охотники приносили домой моржа или нѣсколько тюленей, не удѣлялъ ему извѣстной части промысла. О пищѣ для людей не стоило и говорить. За столомъ жителя пустыни каждый голодный имѣетъ право получить свою долю, кто бы онъ ни былъ, соплеменникъ или чужеродецъ, сосѣдъ на жительствѣ или пришлецъ изъ отдаленной земли, и отступленіе отъ этого обычая считается тяжкимъ грѣхомъ, который не замедлитъ навлечь на виновнаго наказаніе Наргинэна [1]). Уквунъ, впрочемъ, былъ человѣкъ довольно угрюмаго нрава и въ обыкновенное время предпочиталъ сидѣть въ собственномъ шатрѣ и уничтожать со своими домочадцами свою долю общаго промысла, не приходя въ гости къ хозяину. Въ настоящее время онъ сидѣлъ въ шатрѣ Макамонка ради гостя, который ему приходился двоюроднымъ братомъ и въ первый разъ завелъ торговыя сношенія съ Кителькутомъ именно при его посредствѣ.

Нуватъ, единственный сынъ Кителькута, лежалъ на брюхѣ, помѣстивъ свои локти въ промежуткѣ между Якомъ и Уквуномъ и опираясь лицомъ на сложенныя ладони. Онъ какъ будто дремалъ, но время отъ времени онъ поднималъ голову и открывалъ совсѣмъ молодое лицо, блѣдное, худощавое, какъ у отца, съ тонкимъ, рѣзко очерченнымъ носомъ и страннымъ, задумчивымъ, даже мечтательнымъ взглядомъ глубокихъ свѣтлокарихъ глазъ. Несмотря на позу Нувата, въ глазахъ его не было сонливости. Онъ скорѣе смотрѣлъ какъ человѣкъ, который всецѣло погруженъ въ самого себя и долженъ каждый разъ сдѣлать усиліе для того, чтобы оторваться отъ своего внутренняго міра и обратить вниманіе на окружающихъ. Лицо его поднималось какъ разъ на встрѣчу отцу, и каждый разъ, когда Кителькуту

---

[1]) Нàргинэнъ—Вселенная. Обычное названіе верховнаго божества.

приходилось уловить выраженіе этого страннаго взгляда, по его собственному лицу пробѣгала тѣнь.

Нуватъ, несмотря на свои молодые годы, былъ лучшимъ промышленникомъ между всѣми охотниками тундры на триста верстъ протяженія. Никто не умѣлъ съ такой искусной осторожностью подкрасться къ старому моржу, отдыхающему на льдинѣ, или выслѣдить горнаго барана на отрогахъ хребта, синѣвшаго на югѣ. Онъ особенно славился легкостью на бѣгу; говорили, что по гладкому морскому берегу онъ въ состояніи настигнуть дикаго оленя. Уже третій годъ онъ бралъ призъ на большомъ весеннемъ бѣгу, который устраивали „носовые“ торговцы, возвращаясь съ анюйской ярмарки.

Кителькутъ очень гордился удалью своего сына и разсказывалъ о немъ и въ землянкахъ островитянъ, когда его языкъ развязывался отъ американскаго рома, и въ рубленыхъ домахъ колымскихъ казаковъ, угощаясь сибирской сивухой.

— Я объ одной ногѣ лучше хожу, чѣмъ другіе о всѣхъ четырехъ!—хвастливо говорилъ онъ.—Я только ѣзжу по гостямъ, утѣшаюсь бесѣдой и разсматриваю чужое, а Нуватъ кормитъ и меня, и собакъ, и сосѣдей. Этотъ парень—утѣшеніе. Пусть прикочуютъ еще десять шатровъ, его руки всѣмъ принесутъ пищу!

Но съ годъ тому назадъ съ Нуватомъ вдругъ что-то приключилось. Во время осенней охоты на дикихъ оленей онъ по обыкновенію ушелъ изъ дому съ ружьемъ за плечами, собираясь вернуться вечеромъ, такъ какъ въ добычѣ въ это время недостатка не было, но вернулся только черезъ три дня и, молча положивъ ружье, забрался въ пологъ. О добычѣ не было и рѣчи. Повидимому, онъ даже не сдѣлалъ ни одного выстрѣла, такъ какъ лоскутъ кожи, обернутый вокругъ ружейнаго замка, былъ повязанъ съ прежней тщательностью, какъ будто его совсѣмъ не развязывали въ походѣ. Въ пологѣ онъ пролежалъ еще сутки, отворотившись къ стѣнѣ, не принимая пищи и не отвѣчая на вопросы. Онъ ни тогда, ни послѣ не хотѣлъ объяснить ни одной живой душѣ, что̀ случилось съ нимъ въ пустынѣ. Быть можетъ, впрочемъ, онъ и не могъ бы дать опредѣленнаго объясненія. Судя по аналогичнымъ примѣрамъ, можно было предполагать, что онъ вдругъ услышалъ въ окружающей природѣ или въ своей душѣ смутный, но властительный голосъ внѣшняго духа [1]), который приказывалъ ему отречься отъ обыденной жизни и посвятить свои мысли и чувства новому таинственному служенію.

[1]) То же, что̀ На̀ргинэнъ.

Юноши, которые впослѣдствіи должны сдѣлаться великими шаманами, на поворотѣ половой зрѣлости иногда слышатъ такой голосъ, или встрѣчаютъ знакъ, ничтожный и непонятный для непосвященныхъ, но имъ внезапно открывающій глаза на ихъ грядущее призваніе. Сѣрая чайка, пролетѣвшая три раза мимо, камень странной формы, попавшійся подъ ноги, съѣдобный корень, завернувшійся необычайнымъ узломъ, въ состояніи произвести полный переворотъ въ настроеніи человѣка, обреченнаго *вдохновенію*.

Черезъ нѣсколько дней наступилъ праздникъ дикихъ оленей, когда, по обычаю, мужчины и женщины должны по очереди показывать свое шаманское искусство, поколачивая бубенъ и распѣвая обрядовые напѣвы. На этомъ праздникѣ оказалось, что Нуватъ пріобрѣлъ шаманскую силу совсѣмъ необычной для него величины; кромѣ своихъ семейныхъ напѣвовъ, онъ сталъ распѣвать множество другихъ, самыхъ разнообразныхъ, неизвѣстно откуда сошедшихъ въ его горло. Мало того, голоса духовъ начали откликаться на его голосъ изъ разныхъ угловъ темнаго полога, когда лампа была погашена по обычному требованію *вдохновенныхъ* [1]). Наконецъ, прошаманивъ около часа, Нуватъ вдругъ удалился на своемъ бубнѣ въ надзвѣздныя страны и совершенно свободно носился тамъ, т.-е. носился, конечно, его духъ, между тѣмъ какъ тѣлесная оболочка безжизненно лежала на шкурѣ. Такъ какъ ни одинъ изъ присутствовавшихъ на праздникѣ шамановъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, летать на бубнѣ, то Нувата тутъ же провозгласили нововдохновленнымъ, т.-е. молодымъ шаманомъ, только-что начавшимъ пріобрѣтать шаманскую способность и обѣщающимъ имѣть въ будущемъ большую силу. Послѣ этого Нуватъ нѣсколько разъ шаманилъ и пѣлъ въ пологу, но задумчивость его не проходила. Какое-то странное сознаніе неудовлетворенности лежало на его лицѣ, между тѣмъ какъ обыкновенно первое обнаруженіе шаманской силы у юношей ведетъ за собою подъемъ жизненной энергіи. Оттого-то старикъ съ такимъ опасеніемъ поглядывалъ на сына. Можно было ожидать, что высшія силы хотятъ привести Нувата къ какому-нибудь дальнѣйшему шагу на поприщѣ вдохновенія.

— Такъ всегда!—съ горечью думалъ Кителькутъ:—самыхъ искусныхъ, самыхъ удалыхъ, гордыхъ умомъ, храбрыхъ сердцемъ, Наргинэнъ забираетъ на службу себѣ; скупится оставлять ихъ людямъ

---

[1]) Вдохновенный—шаманъ.

Онъ сильно опасался, чтобы высшія силы не побудили Нувата покинуть отцовскій домъ и удалиться въ какую-нибудь отдаленную страну, или же не приказали бы ему отказаться отъ всѣхъ мужскихъ промысловъ и занятій и принять на себя женскую одежду и естество, какъ это нерѣдко бываетъ съ молодыми вновь вдохновленными шаманами.

У второй лампы, въ сторонѣ отъ другихъ, сидѣли рядомъ двое подростковъ: мальчикъ и дѣвочка. Мальчику могло быть лѣтъ двѣнадцать, дѣвочкѣ немного меньше. Оба они были совсѣмъ раздѣты и сидѣли другъ подлѣ друга, набросивъ себѣ на колѣни старое мѣховое одѣяло и, не обращая вниманія на старшихъ, съ большимъ увлеченіемъ занимались своеобразной игрой, весьма распространенной между чукотскими ребятишками и состоящей въ выдѣлываніи различныхъ арабесокъ и фигуръ изъ одной длинной нити, которую они переплетаютъ по очереди на своихъ десяти пальцахъ, снимая другъ у друга петли такимъ образомъ, чтобы каждый разъ получалось новое изображеніе. Особенно искусенъ въ этой игрѣ былъ мальчикъ, запускавшій свои мизинцы и толстые пальцы, съ различными хитроумными разсчетами, то въ ту, то въ другую петельку плетенки; потомъ онъ вдругъ сдергивалъ ее съ пальцевъ подруги и, раздвинувъ далеко руки, созидалъ передъ ея изумленными глазами продолговатую рамку, внутри которой появлялся старый моржъ, ползущій по льдинѣ, охотникъ, преслѣдующій оленя, парта, запряженная длиннымъ рядомъ собакъ, или какое-нибудь иное любопытное изображеніе, которое вдобавокъ могло двигаться слѣва на-право и справа налѣво и вдругъ исчезало при особомъ чудодѣйственномъ движеніи пальцевъ творца. У дѣвочки на плетенкѣ выходили только изображенія орудій женской работы и разной домашней утвари: ножницы, деревянный треножникъ съ котломъ, подвѣшеннымъ на крюкѣ, мотыга для копанія корней и тому подобныя простыя фигуры, не требовавшія особеннаго искусства.

Дѣвочка была сиротка безъ отца и матери, приходилась двоюродною племянницей Кителькуту и состояла на его попеченіи и подъ его властью, такъ какъ онъ былъ самымъ старшимъ изъ ея родственниковъ. Мальчикъ былъ вывезенъ Кителькутомъ изъ Якона, года два тому назадъ, въ качествѣ пріемнаго мужа для маленькой десятилѣтней черінги. Кровопомазаніе было уже совершено, и Кайменъ навсегда сдѣлался членомъ семьи Кителькута. Брачная чета росла и воспитывалась въ шатрѣ Кителькута въ ожиданіи того, когда формальное сожительство превратится въ дѣйствительное, что должно было случиться при

первомъ побужденіи природы. Такіе браки часто встрѣчаются на тундрѣ, и маленькій пріемный зять, достигнувъ возмужалости, вступаетъ къ своему тестю и воспитателю въ сыновнія отношенія, на чтò и разсчитывалъ, конечно, старый Кителькутъ, имѣвшій только одного сына.

Старая Рынтына, жена Кителькута, сидѣла рядомъ съ дѣтьми, держа въ рукахъ пучекъ расчесанныхъ сухожилій, похожій на льняную кудель. Она сучила и скручивала изъ нихъ толстыя и крѣпкія нитки, складывая ихъ въ маленькій кожаный мѣшочекъ. Она собиралась перемѣнять кожаную обшивку на одноручныхъ байдаркахъ [1]) своихъ домашнихъ промышленниковъ и приготовляла теперь необходимый запасъ нитокъ и шнурковъ. Изъ-за ея плеча выглядывало маленькое старушечье личико съ совершенно птичьимъ выраженіемъ и съ глубокими складками около глазъ и губъ. Ввалившіяся щеки и подбородокъ нѣкогда были украшены тонкими синими пунктированными линіями татуировки, которая теперь почти совершенно сливалась съ морщинами. Это была Анека, старая жена Уквуна, совсѣмъ подъ стать своему мужу. Она была родомъ изъ-за морского поворота, т.-е. съ тихо-океанскаго взморья Азіи по южную сторону Берингова пролива, и происходила отъ небольшого племени *керекъ*, отличнаго отъ чукчей по языку и весьма презираемаго ими за бѣдность и робкій нравъ. Сорокъ лѣтъ жизни среди чукчей не могли сгладить для Анеки ея чужероднаго положенія. Если Уквунъ не могъ плотно ужиться ни въ какомъ поселкѣ, то это болѣе всего зависѣло отъ неудовольствій, возникавшихъ между женами природныхъ жителей и его женой. И въ настоящемъ случаѣ было не лучше. Рынтына всегда громко выражала неудовольствіе, отдавая чужестранкѣ часть пищи, приносимой ея сыномъ.

— И не могъ ты выбрать себѣ жены между настоящими людьми! [2]) — говорила она, не обинуясь, Уквуну. — Развѣ мало намъ своего племени, что мы должны набивать рты *кереков*ъ?

Обижаться Уквуну не приходилось, ибо, конечно, насущная пища гораздо важнѣе какихъ бы то ни было попрековъ, тѣмъ болѣе, что старикъ сознавалъ, что въ сущности хозяйка стойбища права, и ему слѣдовало выбрать себѣ подругу въ средѣ болѣе уважаемой, чѣмъ *кереки*.

Жили между собой Уквунъ и Анека очень согласно, не-

---

[1]) Байдарка—кожаная лодка на одного человѣка.

[2]) Чукчи называютъ себя просто людьми, а въ противоположность другимъ племенамъ—*настоящими людьми*.

смотря на то, что у Анеки не было ни одного ребенка, а это составляетъ великое несчастіе и униженіе для чукотской женщины. Когда Уквуну удавалось добыть тюленя, или когда жена его получала отъ сосѣдокъ часть чужого промысла, они непрерывно варили и уничтожали свою добычу, пока оставался еще хоть одинъ кусокъ. Когда ѣды не было, они голодали. Въ этомъ состояла ихъ жизнь уже Богъ знаетъ сколько лѣтъ, и они привыкли къ ней. Впрочемъ, они были очень чутки къ малѣйшему неравенству при раздѣлѣ добычи, и обижались, если имъ на долю выпадали менѣе жирные куски.

Якъ и Кителькутъ молчали. Съ ранняго утра они сидѣли безвыходно въ пологѣ и успѣли смертельно надоѣсть другъ другу. Всѣ новости были пересказаны съ обѣихъ сторонъ, а наиболѣе интересныя повторены вновь со всѣми подробностями и даже прикрасами, какія только могло подсказать скучающее воображеніе и ничѣмъ не наполненный досугъ, такъ что теперь говорить было не о чемъ. Правда, кромѣ разговора, нѣкоторое развлеченіе доставляетъ еще ѣда и питье, и каждую трапезу они старались тянуть, какъ можно дольше. Но, къ сожалѣнію, это времяпрепровожденіе не могло продолжаться безъ перерыва, а напротивъ, требовало значительныхъ промежутковъ отдыха.

— Чтò же, Катыкъ! — наконецъ лѣниво спросилъ Кителькутъ.—Такъ и задушили?.. А?

— Если самъ проситъ,—проворчалъ Якъ, не поднимая головы,—развѣ откажутъ?

— А кто же душилъ?—спросила изъ своего угла Рынтына, продолжая скручивать свои безконечныя нитки на голомъ колѣнѣ.

— Жена держала на колѣняхъ, сыновья тянули веревку,—проворчалъ Якъ послѣ нѣкоторой паузы еще болѣе недовольнымъ тономъ.

— Жена держала?.. гычь! [1])—повторила Рынтина протяжно. —А онъ почему просилъ смерти?..

Дѣло шло о добровольной смерти одного чаунскаго жителя, который, подобно Яку, ежегодно пріѣзжалъ къ Кителькуту для торга, но въ эту зиму вдругъ предпочелъ потребовать отъ собственныхъ сыновей, чтобы они ему перетянули горло веревкой, чтò и было благополучно исполнено. Присутствующіе уже выслушали изъ устъ Яка подробное описаніе этой интересной исторіи, но Рынтына отъ нечего дѣлать была не прочь услышать повтореніе.

---

[1]) Выраженіе удивленія.

Однако Япкъ не чувствовалъ расположенія удовлетворить ея желаніе.

— Я вѣдь говорилъ уже, — отрывисто сказалъ онъ. — Надоѣло на солнце смотрѣть, захотѣлъ уйти къ предкамъ. Развѣ я что знаю!

И онъ выпятилъ свои толстыя губы съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, что Рынтына сразу удержала новый вопросъ, бывшій у нея на языкѣ. Видно было, что онъ рѣшительно отказывается повторить разсказъ.

— У, пріятель!—задумчиво проговорилъ Кителькутъ.—Надоѣло на солнце смотрѣть! Охъ! Старый пріятель отправился одинъ! Не захотѣлъ подождать товарища!.. Всѣ уходятъ старые по одному!—продолжалъ онъ еще задумчивѣе.—Видно, и до меня очередь доходитъ.

Старикъ въ свободныя минуты любилъ пофилософствовать на эту тему.

— Будетъ тебѣ!—вдругъ сердито сказалъ Яякъ.—Вотъ были, вотъ не стали! Не все ли равно? Развѣ мы бабы? Скажи лучше: хорошо погуляли у таньговъ [1]) въ деревянныхъ домахъ?

— Эгэй! Погуляли! — отвѣтилъ Кителькутъ довольнымъ тономъ. — Какъ слѣдуетъ развлекли скуку. У Кулючина [2]) очень крѣпкая... За черную бутылку—красную лисицу. На цѣлый день оглушишься...

Лица всѣхъ присутствующихъ оживились, старуха отложила на колѣни свою кудель и приготовилась слушать, машинально поглаживая ее рукой. Даже Нуватъ на минуту приподнялъ голову, но впрочемъ тотчасъ же опять приникъ къ своимъ ладонямъ. Водка была единственнымъ предметомъ разговора, который не допускалъ истощенія.

— А сколько бутылокъ?—спросилъ Яякъ съ жаднымъ блескомъ въ глазахъ.

— Сколько угодно,—нѣсколько уклончиво отвѣтилъ Кителькутъ.—Водка не кончалась. Уѣхали, не истощивъ запаса.

— Ухъ!—широко вздохнулъ великанъ. Ему вдругъ не хватило воздуха въ тѣсномъ пологу.

— Янынтынъ переколотилъ всѣхъ людей въ Коретовой,— сказалъ Кителькутъ, улыбаясь.—Этотъ человѣкъ, когда напьется *сердитой воды*, хуже чорта.

— Всѣхъ?—переспросилъ Яякъ недовѣрчиво.

---

[1]) Чукчи даютъ это имя безразлично русскимъ корякамъ и чуванцамъ.

[2]) Чукотская передѣлка русской фамиліи—Колесинъ.

— Такъ-таки всѣхъ до одного человѣка!—подтвердилъ Кителькутъ.—Баба тамъ есть старая, одна въ домѣ живетъ, и ту не пропустилъ. У него былъ чемоданъ съ американскими подпилками, чемоданомъ ее по головѣ огрѣлъ. Она послѣ него до вечера голосомъ кричала со страха.

— Го-го-го!—радостно смѣялся Яякъ.—Чемоданомъ!..

Другой тамъ есть, Мичáньконъ (Мишанька), *человѣкъ съ табачнымъ носомъ*... Только хотѣлъ нюхнуть, а Янынтынъ ударилъ по табакеркѣ и приплюснулъ ее къ носу. Насилу отчихался...

— Го-го-го!—смѣялся Яякъ еще радостнѣе.

— Одну бабу съ избы столкнулъ; два мужика унять хотѣли—обоихъ повалилъ, обоихъ талиной дралъ, до третьяго голосу кричали,—продолжалъ Кителькутъ описывать подвиги неизвѣстнаго Янынтына.

— А за что̀ онъ разсердился?—спросилъ Яякъ, нѣсколько успокоившись отъ смѣха.

— У Кулючина разбавленную бутылку взялъ. Вотъ!—объяснялъ Кителькутъ.

— Такъ и надо,—одобрилъ Яякъ,—такъ ихъ и надо! А къ Кумочину ходилъ?

— Зачѣмъ пойдетъ?—сказалъ Кителькутъ.—Онъ не совсѣмъ глупъ. То казаки. У нихъ длинные ножи (сабли) есть. Еще могли бы причинить ему вредъ.

Яякъ не выразилъ особаго восхищенія мудростью этихъ соображеній.

— А ты кого поколотилъ?— спросилъ онъ полу-шутя.

— Мой умъ не тонетъ въ сердитой водѣ,—сказалъ Кителькутъ. — Съ молоду живу, гостя. Ѣмъ чужое мясо чаще, чѣмъ свое. Стану ли дѣлать злое въ чужихъ домахъ?

— А сюда не привезъ? — полуутвердительно сказалъ Яякъ.

— Везъ, да на полъ-дорогѣ кончилъ,—признался старикъ.—Сердце не можетъ терпѣть, зная ея присутствіе. Ему везъ да не смогъ,—указалъ онъ на сына.

Нуватъ опять поднялъ голову.

— Пускай!—сказалъ онъ небрежно.—По крайней мѣрѣ посуду видѣлъ,—довольно этого.

— А какая посуда?—спросилъ торопливо Яякъ.—Деревянная? Давайте вываривать [1]).

— Вываривали дважды! — отвѣтилъ старикъ.—Первый разъ

---

[1]) Чукчи и русскіе, опорожнивъ боченокъ со спиртомъ, выполаскиваютъ его горячей водой и ополоски выпиваютъ до послѣдней капли.

какъ слѣдуетъ въ голову вошло. Потомъ ужъ худо. Теперь ничего нѣтъ.

— Каттамъ мэркичкинъ [1],—не вытерпѣлъ Яякъ, чтобы не выругаться. — Сами лакаете какъ собаки, а мы облизываемъ губы.

Кителькутъ пожалъ плечами.

— Сперва свое брюхо, потомъ брюхо дѣтей, потомъ сосѣдей, потомъ гостей!—отвѣтилъ онъ пословицей.

— Когда Пуречи беретъ „воду" у бородатыхъ [2])—вдругъ заговорилъ Уквунъ,—съ огненныхъ кораблей — большія бочки, выше человѣка... не пьетъ одинъ, ставитъ на берегу... всѣ сосѣди пьютъ до-сыта... цѣлые поселки, женщины, дѣти... черпаютъ котлами, наливаютъ въ миски, хлебаютъ ложками, какъ похлебку... Не приходятъ въ умъ по цѣлой недѣлѣ...

Голосъ Уквуна звучалъ горечью. Кителькутъ пилъ ополоски самъ со своей семьей, не приглашая къ участію Уквуна и его жену.

Кителькутъ опять пожалъ плечами.

— Пуречи богатъ! — сказалъ онъ.—Живетъ подъ суконной крышей. Его шатеръ лучше нашей одежды. Можетъ давать!

Пуречи былъ самый богатый изъ торговыхъ чукчей въ поселкѣ Уэленъ на оконечности мыса Пэка, куда американскія суда приходятъ по нѣскольку разъ въ лѣто. Чукчи съ завистливымъ восхищеніемъ передавали, что у него даже лѣтній шатеръ сдѣланъ изъ краснаго сукна.

— Сами пьете водку,—упрямо повторилъ Яякъ,—намъ бы хоть чай давали.

— Развѣ я не пою чаемъ?—съ упрекомъ сказалъ Кителькутъ.—Если ты хочешь чаю,—скажи!

— Эй, наружные! — крикнулъ онъ, нагибаясь къ выходной стѣнѣ.

— Го!—отозвался звонкій женскій голосъ изъ наружнаго отдѣленія.

— Скорѣй чайникъ! — крикнулъ старикъ.—Гость пить хочетъ! Торопитесь!

— Я не о томъ! — поспѣшно возразилъ Яякъ. — Твое угощеніе претъ изъ брюха... И мнѣ, и упряжкѣ... Я объ иномъ чаѣ. Ты знаешь самъ...

Дѣйствительно, Кителькутъ не хуже другихъ жителей тундры

---

[1]) Ругательство.

[2]) Такъ чукчи называютъ американцевъ.

исполнялъ обязанности гостепріимства и все это время угощалъ Яяка лучшимъ, что̀ имѣлось между его запасами. Упряжку его онъ кормилъ наравнѣ съ своими собственными собаками, и готовъ былъ кормить ее еще сколько угодно времени.

Зато онъ оцѣнилъ чай и табакъ, привезенный отъ русскихъ и назначенный въ продажу, слишкомъ дорогой цѣной и рѣшительно отказывался уступить что-либо.

— Что̀ дѣлать!—кротко сказалъ Кителькутъ въ отвѣтъ на упрекъ. — Мало привезъ отъ русскихъ. Въ одиночку ѣздилъ. Много ли положишь на одну нарту? А у меня много друзей. Еще одинъ человѣкъ пріѣдетъ. Каждый годъ пріѣзжаютъ. А отказывать—грѣхъ.

— А развѣ давать по табачному листу за выпоротка не грѣхъ?—прямо и грубо спросилъ Яякъ. — Или я на полѣ подбираю шкуры, или у меня горло не такое, какъ у васъ?

Сердце его сжалось, когда онъ думалъ объ условіяхъ, предложенныхъ Кителькутомъ. Несмотря на свою собачью упряжку, онъ принадлежалъ къ оленнымъ чукчамъ и выросъ у стада. Его единственнымъ товаромъ были выпоротки, красивыя шкурки молодыхъ оленьихъ телятъ, во множествѣ погибающихъ каждую весну вскорѣ послѣ рожденія. Передъ отъѣздомъ на Каменный мысъ онъ обобралъ выпоротковъ у всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и обѣщалъ взамѣнъ привезти соотвѣтственное количество чаю и табаку. А теперь Кителькутъ давалъ ему такую ничтожную цѣну, что со стороны его довѣрителей непремѣнно должны были возникнуть обвиненія въ утайкѣ. На Чаунѣ никто не повѣритъ, что выпоротка можно отдавать только за одинъ листокъ табаку. О какомъ-нибудь барышѣ въ свою пользу нельзя было и думать.

— Что̀ же!—сдержанно возразилъ Кителькутъ.—Дѣйствительно, телячья шкура сама достается человѣку. Не отъ ружья, не изъ сѣти. Содрана съ трупа, какъ найдена на полѣ... Безъ труда.

— Да, безъ труда!—съ негодованіемъ возразилъ Яякъ.—А попробовали бы вы, морскіе, походить за стадомъ! Вотъ бы узнали, какъ тутъ нѣтъ труда. Ваша забота—только убить, да домой принести, а наши ноги отъ малыхъ лѣтъ не знаютъ покоя при обереганіи... Ночью безъ сна, зимой въ мятель, лѣтомъ подъ дождемъ—все одна и та же забота.

Вѣчная рознь между приморскими охотниками и тундренными пастухами выразилась въ этомъ короткомъ обмѣнѣ словъ.

Кителькутъ смолчалъ. Въ его разсчетъ не входило ссориться съ гостемъ.

— Телячья шкурка—наша жизнь!—продолжалъ Яякъ такъ же сердито.—Онъ бы выросъ, былъ бы большой олень; а теперь отъ него только одна шкурка и остается... А ты даешь по листу.

— Такъ лучше не брать,—невинно возразилъ Кителькутъ.—У меня у самого товару мало. А русскіе по ярмаркѣ дадутъ дороже. Лучше отложить до ярмарки.

— Я знаю, — снова заговорилъ Яякъ съ ростущимъ гнѣвомъ. — Тебѣ не нужно выпоротковъ. Ты хочешь лисицъ, бобровъ; а я гдѣ возьму бобровъ? Развѣ я кавралинъ [1]); развѣ ѣзжу за море къ айванамъ (эскимосы)?

— Я торговецъ,—сказалъ Кителькутъ:—самъ не ношу ни лисицъ, ни выпоротковъ. Отдаю чужеплеменникамъ. Что̀ предпочитаютъ русскіе купцы, то предпочитаю и я.

— Торговецъ! — съ негодованіемъ передразнилъ Яякъ. — Только и думаешь, чтобы изъ одной папуши табаку сдѣлать двѣ; не помнишь, что чужое горло тоже жаждетъ горькаго. Мы развѣ не такъ же мучимся, какъ ты, не имѣя питья? Твой отецъ не поступалъ такъ, Кителькутъ...

II.

Въ наружномъ отдѣленіи шатра тоже были люди. Голосъ, отвѣтившій старику, принадлежалъ молодой дѣвушкѣ, сидѣвшей на корточкахъ у правой стороны, гдѣ было меньше дыма. Откликнувшись на зовъ, она, однако, осталась сидѣть на своемъ мѣстѣ и, въ свою очередь, окликнула другую женскую фигуру, сидѣвшую у самаго огнища, а эта немедленно полѣзла въ темный уголъ за пологомъ и принялась выбрасывать оттуда одно за другимъ короткія полѣнья дровъ. Черезъ нѣсколько минутъ огонь вспыхнулъ ярко и освѣтилъ весь шатеръ. Женщина съ дровами подвѣсила надъ очагомъ на деревянныхъ крючьяхъ огромный закопченный чайникъ, такой же огромный котелъ изъ чернаго желѣза, и потомъ опять усѣлась у огнища. Лицо ея было ясно видно при свѣтѣ огня. Ей могло быть лѣтъ сорокъ или сорокъ пять. На лбу вытянулся широкій шрамъ неправильной формы,—очевидно, слѣдъ зажившей язвы. Носъ былъ тоже испорченъ и

[1]) Кавралинъ — бродячій человѣкъ. Оленные чукчи такъ называютъ тѣхъ изъ приморскихъ, которые приходятъ къ нимъ за торгомъ или просто на поиски счастья.

какъ-то неестественно согнутъ на сторону. Это были послѣдствія ужасной болѣзни, въѣвшейся въ плоть и кровь всѣхъ племенъ полярнаго сѣверо-запада. Вельвуна была родственницей Уквуна и выросла въ его жилищѣ. Съ ранней юности она была безотвѣтной рабыней и слугой у этой обнищалой семьи паріевъ и исполняла всѣ прихоти старой Анеки. Выросши, она попробовала искать счастья въ чужихъ шатрахъ, но духи Этэля [1]) были къ ней неблагосклонны и изувѣчили ея лицо. Мужчины пренебрегали ею, и она была принуждена вернуться подъ нищій кровъ, дававшій пристанище ея юношескимъ годамъ. Въ настоящее время она считалась второй женой Уквуна, такъ какъ старикъ не погнушался возложить брачное кровопомазаніе [2]) на ея нечистое лицо, рискуя оскорбить чистоту своего домашняго огня [3]), для того, чтобы получше закрѣпостить себѣ эту безотвѣтную рабочую силу. Руки Вильвуны, на зло силамъ Этэля, сохранили свою прежнюю крѣпость и исполняли теперь всѣ домашнія работы по женскому хозяйству Анеки. Когда женщины передняго шатра, въ замѣнъ за участіе въ добычѣ, требовали отъ семьи Уквуна помощи при ея уборкѣ, Анеки постоянно посылала свою младшую подругу. Когда Уквунъ лѣнился привезти дровъ на нартѣ, Вельвуна, съ топоромъ въ рукахъ и ремнемъ подъ мышкой, отправлялась по берегу собирать хворостъ и возвращалась, сгибаясь подъ тяжестью вязанки. Приготовленіе пищи и запасовъ, выдѣлываніе кожъ и шитье одежды—все лежало на ней. И теперь Анека сидѣла, сложа руки, въ пологу, вмѣстѣ съ почетными людьми, а Вельвуна возилась въ наружномъ отдѣленіи у дымнаго огнища, съ чайниками и котлами.

Огонь освѣтилъ также и дѣвушку, сидѣвшую справа. Около нея на обрывкѣ шкуры полулежалъ молодой парень, опираясь на локоть. Они очень близко придвинулись другъ къ другу и, повидимому, вели весьма серьезный и оживленный разговоръ, который на минуту прервался отъ Кителькутова окрика, но тотчасъ же возобновился снова. Буря на дворѣ такъ шумѣла и крыша шатра такъ гудѣла и вздрагивала, что имъ приходилось каждый разъ сдвигать свои лица почти до прикосновенія, чтобы разслышать сказанныя слова.

— Такъ ты говоришь: пестрые пыжики?—сказала дѣвушка, вопросительно взглядывая въ лицо своему собесѣднику.

---

[1]) Сифилисъ.

[2]) Обрядъ чукотскаго брака состоитъ въ совмѣстномъ помазаніи жениха и невѣсты кровью только-что убитой жертвы.

[3]) Явные сифилитики считаются нечистыми и ихъ домашній огонь оскверненнымъ.

— Всѣ пестрые до одного, — подтвердилъ онъ, энергично мотнувъ головой. — Мои сестры иныхъ не носятъ. И каждую осень шьютъ по двѣ новыхъ одежды.

— По двѣ!—протянула дѣвушка недовѣрчиво.

— Право по двѣ! — сказалъ парень. — Одну для дома, а другую для ѣзды въ гости,—одна другой красивѣе. Спина черная; опушка на груди изъ тройного мѣха—все разнаго цвѣта; штаны съ пестринкой; спереди пестринка и сзади пестринка, у самаго колѣнка, какъ у осенней куропатки.

— Правда, красиво!—согласилась дѣвушка:—черное къ пестрому пристаетъ.

— А тебѣ,—сказалъ парень выразительно, — я буду отбирать самыя лучшія шкуры. У меня и теперь запасены. Какъ пріѣдешь, такъ и сшей!

Дѣвушка радостно улыбнулась.

— Непремѣнно сошью!—сказала она.

— А у каждой женщины есть свои пряговые олени,—продолжалъ молодой человѣкъ. — Только она и ѣздитъ на нихъ. Прибѣгаютъ на зовъ, пьютъ изъ рукъ [1]).

— Люблю оленей!—сказала дѣвушка.

— А весной домашніе люди пятнаютъ своимъ клеймомъ молодыхъ телятъ, по два, по три, по пяти, чтобы росли на ихъ счастье. Каждый человѣкъ, — женщины, дѣвушки, дѣти. Кто счастливъ, у того размножаются, какъ комары на пригрѣвѣ.

— И ты тоже будешь пятнать,—заключилъ онъ.

— Люблю и телятъ,—сказала дѣвушка.

— Моя мать добрая, мои сестры веселыя!—продолжалъ ея собесѣдникъ, становясь все краснорѣчивѣе.—Будутъ тебѣ добрыми подругами. Одна будетъ съ тобой разговаривать въ шатрѣ, чтобы ты не знала скуки, а другая будетъ дѣлать твою работу. Не услышишь во вѣки худого слова. Будутъ держаться за тебя обѣими руками. Не дадутъ выйти изъ шатра одной.

Дѣвушка наклонила свою голову еще ближе, безъ сомнѣнія затѣмъ, чтобы лучше расслышать заманчивыя обѣщанія. Лица разговаривавшихъ встрѣтились, и молодой человѣкъ предпочелъ пустить въ ходъ такія объясненія, вразумительность которыхъ не страдала отъ шума мятели. Дѣвушка не думала уклоняться отъ его объятій. Она сама закинула ему руки на шею и дважды поцѣловала его въ губы.

---

[1]) Чукчи поятъ самыхъ ручныхъ оленей изъ особаго маленькаго кожанаго сосудца—мочей.

— А теперь будетъ!—сказала она, вырываясь и дѣлая видъ, что хочетъ подняться. — Надо закуску ладить. Мать кричать станетъ.

Но молодой человѣкъ удержалъ ее за одежду.

— Сиди, успѣешь! — сказалъ онъ. — Недавно ѣли, еще не скоро чай. Буду еще разсказывать. — И разговоръ возобновился съ прежнимъ воодушевленіемъ.

Это была нареченная чета. Дѣвушка была дочерью стараго Кителькута; молодой человѣкъ происходилъ изъ оленной семьи и пришелъ съ верховьевъ рѣки Куаты, протекающей по сосѣдству, съ тѣмъ, чтобы по обычаю прожить зиму и лѣто въ шатрѣ тестя и отплатить за невѣсту усерднымъ трудомъ нá пользу ея семьи. Стадо его осталось на попеченіи родныхъ, и онъ уже болѣе полугода былъ вѣрнымъ товарищемъ Нувата на промыслѣ и работѣ. Онъ вставалъ раньше всѣхъ въ домѣ и засыпалъ послѣднимъ, и только въ такіе промежутки невольной праздности, какъ теперь, могъ улучить время, чтобы перекинуться нѣсколькими словами со своей невѣстой. Но онъ покорялся необходимости, работалъ безъ малѣйшаго ропота съ утра до вечера и терпѣливо ждалъ. До конца срока оставалось еще почти полгода, а отцы невѣстъ въ подобныхъ случаяхъ проявляютъ очень большую придирчивость. Малѣйшая неисправность могла безвозвратно лишить его приза. Впрочемъ пока все шло хорошо. Старикъ былъ доволенъ его стараніемъ, а Нуватъ даже близко подружился съ своимъ будущимъ зятемъ. Старый Кителькутъ, несмотря на отчужденіе между оленными и приморскими чукчами, охотно отдавалъ свою дочь оленеводу, такъ какъ жизнь у стада считается счастливѣе и обезпеченнѣе, хотя и требуетъ болѣе постоянной заботы, чѣмъ существованіе приморскаго охотника.

Разговоръ въ пологѣ принималъ довольно непріятный оборотъ. Яякъ не щадилъ упрековъ по адресу хозяина. Хитрый старикъ, желая предотвратить ссору, задумалъ отвлечь его мысли въ другую сторону.

— А что?—сказалъ онъ вдругъ:—не покормить ли собакъ? Онѣ со вчерашняго не ѣли.

— Ухъ!—немедленно подхватилъ Яякъ.—Бѣда! Мои собаки, съ тѣхъ поръ какъ пришла вьюга, ни разу не ѣли, какъ слѣдуетъ. Передовая худо смотритъ. Пропадетъ—бѣда. Кто найдетъ дорогу къ Щелеватому холму?

Такъ называлось урочище, на которомъ въ ту зиму паслось стадо Яяка.

— Отчего не возьмешь ее домой?—обязательно предложилъ Кителькутъ.

— Не любитъ, боится,—сказалъ Яякъ.—Въ шатрѣ ни за что не станетъ ѣсть. Искони привыкла на снѣгу.

— Эта собака, — продолжалъ Яякъ съ воодушевленіемъ,— умнѣе человѣка; только что словъ нѣтъ, а умомъ все знаетъ. Въ темноту, въ непогоду найдетъ сама каждую дорогу. Прямо приходитъ на старыя огнища. Тутъ и дрова, тутъ и ночлегъ. Безъ нея какъ поѣду домой?.. Пойду, посмотрю! — заключилъ онъ, вытаскивая изъ-за спины свою двойную кукашку (мѣховую рубаху).

— Не ходи! — сказалъ старикъ.—Ты не здѣшній, можешь сбиться. Коравія за-одно посмотритъ.

— Коравія!—окликнулъ онъ, опять обращаясь къ выходной стѣнѣ.

— Гой!—откликнулся оттуда мужской голосъ, принадлежавшій молодому человѣку, который бесѣдовалъ съ дѣвушкой.

— Попробуй накормить собакъ! Можетъ, станутъ,—сказалъ старикъ изъ полога.

— Ладно!—отвѣчалъ Коравія.—Сейчасъ!

— Наруби жиру тюленьяго да моржоваго мяса... помельче!— кричалъ старикъ.

— Знаю!—сказалъ Коравія.

— Собакъ гостя хорошенько осмотри!.. Передовую! — не унимался старикъ.

— Эгей!—отозвался Коравія.—Сейчасъ пойду!

Но Яякъ уже надѣлъ кукашку и теперь торопливо натягивалъ косматые сапоги на свои огромныя ноги. Онъ непремѣнно хотѣлъ лично осмотрѣть собакъ.

— Самъ знаешь! — сказалъ старикъ.—Смотри, не уйди въ другую сторону!

Яякъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Я тоже выросъ въ пустынѣ!—сказалъ онъ.

— Море злѣе суши,—сказалъ старикъ.—Намъ самимъ случается сбиваться у собственной двери. Въ третьемъ году тоже былъ вѣтеръ. Уквунъ пошелъ изъ своего дома къ намъ, прошелъ мимо входа, до утра проходилъ кругомъ шатра. Чуть не замерзъ.

Уквунъ подтвердилъ разсказъ старика молчаливымъ кивкомъ. Яякъ только упрямо тряхнулъ головою и полѣзъ изъ полога.

— Придете, пить станемъ!—напутствовалъ его старикъ.

— Эгей!—отвѣчалъ Яякъ уже изъ наружнаго отдѣленія.

Коравія еще не поднялся съ мѣста. Чтобы придать себѣ бодрости для предстоящаго путешествія, онъ опять обнялъ свою невѣсту и торопливо цѣловалъ уже не однѣ губы, а также и щеки, и шею, выглядывавшую изъ широкаго мѣхового корсажа. Онъ не предполагалъ, что кто-нибудь изъ сидѣвшихъ внутри захочетъ сопровождать его въ такую погоду и вылѣзетъ изъ полога. Развѣ Нуватъ,—думалъ онъ; Нувата онъ не опасался.

Но, поднявъ голову, онъ встрѣтилъ нахмуренный взглядъ толстаго Яяка, наблюдавшаго за его занятіемъ при яркомъ свѣтѣ костра.

— Ты зачѣмъ сидишь на мѣстѣ, — сказалъ сердито чаунецъ, — когда надо дѣлать дѣло? Если хочешь держаться за бабьи пазухи, дай мнѣ мясо,—я самъ накормлю своихъ собакъ!

Прежняя горечь прилила къ его сердцу. Онъ тоже имѣлъ виды на красивую дѣвку. Оленные чукчи вообще охотно выбираютъ себѣ невѣстъ между приморскими дѣвушками, которыя считаются болѣе бойкими на всякую работу, способными въ случаѣ нужды замѣнить мужчину при каждомъ промыслѣ. Яякъ уже четвертый годъ заговаривалъ со старикомъ по поводу молодой Янты, желая взять ее себѣ во вторыя жены, такъ какъ въ его шатрѣ на Чаунѣ уже жила одна жена. Кителькутъ не говорилъ: „нѣтъ"; но сватовство никакъ не могло наладиться. Главное затрудненіе состояло въ томъ, что Яяку не на кого было покинуть свое стадо на время обычной службы за вѣно; а старикъ ни за что не хотѣлъ согласиться на обыкновенный выкупъ.

— Или я ламутъ, — говорилъ онъ, — что стану продавать дѣвку! Развѣ это собака или нерпа, чтобы брать за нее шкуры на плату?

Переговоры возобновлялись изъ году въ годъ во время обычныхъ пріѣздовъ Яяка. На этотъ разъ онъ принялъ почти окончательное рѣшеніе и намѣревался только еще разъ переговорить со старикомъ, чтобы съ будущей осени явиться объявленнымъ женихомъ и прожить до весны. Зимой стадо не столько нуждалось въ его охранѣ; а на лѣто онъ надѣялся уломать старика, чтобы онъ отпустилъ его домой.

И вдругъ теперь онъ застаетъ другого претендента, перебившаго ему дорогу и уже готоваго увезти къ себѣ намѣченную имъ невѣсту. Яякъ началъ подозрѣвать, что Кителькутъ никогда не хотѣлъ серьезно отдать ему Янту и только манилъ его для бо́льшей выгоды при торговыхъ сношеніяхъ. Онъ съ горечью припоминалъ, какъ дешево онъ отдалъ старику свои шкуры въ

прошлую весну, надѣясь задобрить его для сватовства, и сколько непріятностей онъ имѣлъ потомъ изъ-за этого въ своей родной землѣ. А теперь Кителькутъ дѣвку отдалъ другому; а его хочетъ прижать еще крѣпче, чѣмъ въ прошломъ году. Яякъ такъ разсердился, что чуть не полѣзъ назадъ въ пологъ ругаться со старикомъ.

Больше всего его злило, что Коравія тоже не изъ приморскихъ, а такой же оленный, какъ и онъ самъ. — Что̀ они въ немъ нашли?—говорилъ онъ себѣ съ гнѣвомъ.—Старикъ сразу принялъ; дѣвка льнетъ, а на меня смотрѣть не хотѣла. А развѣ мои руки не вдвое толще? У меня въ лицѣ больше крови, чѣмъ у него во всемъ тѣлѣ.

У чукчей, дѣйствительно, крѣпость сложенія и яркая краска въ лицѣ считаются главнымъ условіемъ мужской красоты, и чаунскій богатырь привлекалъ взоры многихъ женщинъ на тундрѣ и на взморьѣ.

Однако Коравія ничего не отвѣтилъ на грубую выходку соперника. Яякъ былъ гораздо старше его лѣтами; кромѣ того, онъ былъ на положеніи гостя и ему уступали самое почетное мѣсто въ пологу, а бѣднаго жениха далеко не всегда впускали внутрь. Онъ ограничился тѣмъ, что на глазахъ Яяка еще разъ крѣпко поцѣловалъ свою невѣсту, въ видѣ молчаливой демонстраціи, и потомъ торопливо поднялся на ноги и сталъ вытаскивать изъ того же темнаго угла за пологомъ длинный мѣшокъ изъ тюленьей кожи, набитый жиромъ и мясомъ, изрубленнымъ въ мелкіе куски. Онъ еще съ утра приготовилъ кормъ въ ожиданіи, пока вьюга позволитъ выглянуть на дворъ.

— Пойдемъ!—сказалъ онъ, вытаскивая изъ мѣшка длинный ремень и обвязывая его вокругъ пояса. — Другимъ концомъ ты обвяжись, чтобы намъ не растеряться въ темнотѣ.

Яякъ проворчалъ что-то, но обвязался ремнемъ. Коравія уже успѣлъ выйти изъ шатра со своимъ мѣшкомъ.

— Скорѣе!—кричалъ онъ во все горло.—Вѣтеръ не даетъ стоять на мѣстѣ!

Яякъ нахлобучилъ свою шапку поглубже на уши и распластался по землѣ, чтобы выползти изъ шатра въ сѣни. Выходъ былъ плотно закутанъ шкурами и нужно было открывать его какъ можно у̀же, чтобы не впустить вьюгу, которая ломилась внутрь, какъ бѣшеная. Яякъ быстро проползъ по землѣ черезъ сѣни, приподнялъ вторую выходную полу, окончательно вылѣзъ на дворъ, опустилъ за собой кожаную покрышку и поднялся на ноги. Вьюга ударила ему въ лицо съ такимъ остерве-

нѣніемъ, что онъ пошатнулся и чуть не опрокинулся назадъ. Кругомъ было темно, какъ въ могилѣ. Вѣроятно, была ночь, хотя въ такую мятель трудно отличить раннія сумерки зимняго вечера отъ настоящей ночи. Лицо Яяка, еще разгоряченное отъ продолжительнаго пребыванія въ душномъ пологу, вдругъ оледенѣло и стало сàднить отъ холода. Колючія иглы снѣжинокъ, гонимыя вѣтромъ, впивались ему въ щеки, какъ живыя тучи голодныхъ комаровъ, желавшихъ отвѣдать его крови. Они забирались за воротъ, набирались въ рукавицы и отверстія рукавовъ. Струи быстро текущаго холода такъ легко пронизывали мѣховую одежду, что Яяку на минуту показалось, будто онъ совсѣмъ раздѣтъ. Онъ отвернулъ отъ вьюги лицо и сталъ ощупью пробираться между сугробами по направленію къ собакамъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ремень натянулся.

— Куда прешь?—долетѣлъ крикъ спереди.—Или мнѣ надо волочить за собою два мѣшка?

Голосъ Коравіи, долетѣвшій по вѣтру, все-таки едва былъ слышенъ среди воя и визга вьюги. Молодой человѣкъ повидимому хорошо оріентировался въ темнотѣ. Яякъ, напротивъ, отворачивая отъ вѣтра лицо, мало-по-малу сбился съ настоящаго направленія и теперь безъ ремня онъ неминуемо заблудился бы. Онъ поспѣшно повернулъ обратно и пошелъ на голосъ, каждый разъ ощупывая ремень, чтобы видѣть, не натягивается ли онъ.

Это было трудное и утомительное путешествіе, несмотря на то, что приходилось пройти не болѣе двухсотъ шаговъ. Вьюга намела поперекъ дороги сугробы скрипучаго и сухого снѣга. Передняя сторона ихъ быстро твердѣла, а задняя, напротивъ, осыпалась, какъ песокъ, при малѣйшемъ движеніи. Два раза Яякъ оступился и попалъ внутрь сугроба выше пояса; цѣлая куча снѣгу забилась ему подъ кукашку и за поясъ шароваръ; онъ отряхивался, какъ могъ, и продолжалъ идти за Коравіей, руководствуясь натяженіемъ ремня.

Собаки были привязаны нѣсколько подальше задняго шатра въ самомъ глубокомъ мѣстѣ у каменной стѣны. Вьюга намела вдоль стѣны цѣлый снѣжный валъ, и они должны были подняться на него, какъ на гору, и потомъ спуститься внизъ, гдѣ у самаго утеса оставалась узкая полоска незанятаго пространства. Сюда вьюга не такъ хватала, и потому здѣсь было немного свѣтлѣе. Снѣгъ поблескивалъ тусклымъ бѣлымъ свѣтомъ, и собаки выступали на немъ чернымъ пятномъ. Всѣхъ собакъ было около пятидесяти; онѣ были привязаны на короткихъ палкахъ двумя длинными рядами и лежали прямо на снѣгу безъ

всякой подстилки. Собаки внутренняго ряда были лучше защищены отъ снѣга. Онѣ лежали, свернувшись клубкомъ, уткнувъ носъ въ брюхо и не подавая признаковъ жизни. Но наружный рядъ помѣщался уже на окраинѣ снѣжнаго вала, и ему приходилось здѣсь довольно плохо. Снѣжная пыль непрерывно осыпалась внизъ съ верхушки вала, и собаки должны были поминутно вставать и отряхиваться, чтобы ихъ не занесло. Нѣкоторыя лѣнились дѣлать это достаточно часто, и въ наказаніе должны были выбираться наружу изъ цѣлаго сугроба, быстро собиравшагося надъ ихъ головой.

Коравія развязалъ мѣшокъ и сталъ кликать собакъ, называя ихъ по именамъ. Обыкновенно собаки привѣтствуютъ появленіе корма неистовымъ визгомъ и воемъ; но на этотъ разъ онѣ отнеслись къ нему довольно холодно. Нѣкоторыя не подняли даже головы, чтобы посмотрѣть на пришедшихъ людей; другія съ тихимъ повизгиваніемъ виляли хвостомъ, не рѣшаясь встать на ноги.

— Сурокъ! Пестрякъ! Кровоѣдъ!—настойчиво взывалъ Коравія, чтобы разбудить тѣхъ собакъ, которыя еще лежали свернувшись.

Яякъ набралъ на подолъ верхней кукашки жиру и мяса и пошелъ къ своимъ собакамъ. Ихъ было двѣнадцать; онѣ лежали на самомъ лучшемъ мѣстѣ въ срединѣ внутренняго ряда. Всѣ онѣ встали на встрѣчу хозяину, кромѣ одной, и широко потягивались, расправляя ноги и спину и зѣвая, точь-въ-точь, какъ человѣкъ, которому надоѣлъ слишкомъ долгій сонъ. Яякъ поспѣшно разбросалъ имъ кормъ по порціямъ и подошелъ къ лежащей собакѣ.

— Бѣлоногъ! Бѣлоногъ!—настойчиво кликалъ онъ.

Собака подняла голову, но не встала.

— Ухъ!—вздохнулъ хозяинъ.—Что̀, зябнешь, дружокъ?—спросилъ онъ у своей собаки такъ нѣжно, какъ никогда не разговаривалъ съ людьми. Бѣлоногъ вильнулъ хвостомъ очевидно въ знакъ утвержденія.

— Станешь ѣсть, Бѣлоногъ?—продолжалъ Яякъ, какъ будто собака дѣйствительно понимала его рѣчь.

Бѣлоногъ опять вильнулъ хвостомъ. Яякъ положилъ пе́редъ его мордой большой кусокъ желтаго тюленьяго жира.

— Ѣшь, ѣшь, Бѣлоногъ!—понукалъ онъ собаку.

Но Бѣлоногъ лѣниво протянулъ носъ, понюхалъ жиръ и опять убралъ голову. Яякъ опустился на одно колѣно, вытащилъ ножъ изъ-за пояса и сталъ крошить жиръ на мелкіе куски. По-

томъ онъ сталъ кормить собаку изъ рукъ, почти насильно суя ей куски въ ротъ. Бѣлоногъ ѣлъ неохотно, очевидно только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяину, однако съѣлъ весь жиръ. Но на мерзлое мясо онъ отказался даже посмотрѣть. Зубы его были плохи, и онъ совсѣмъ не хотѣлъ мучиться надъ окаменѣлымъ кускомъ въ такую стужу. Другія собаки съ трескомъ перегрызали оледенѣлыя волокна моржатины. Многія, впрочемъ, скоро утомились этимъ неблагодарнымъ трудомъ и, подобравъ остатки своей доли подъ себя, снова улеглись на снѣгу, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени для ѣды. Яякъ постоялъ, посмотрѣлъ и отошелъ въ сторону.

Старанія Коравіи накормить своихъ собакъ дали еще меньшій успѣхъ. Жиръ ѣли почти всѣ собаки, но лежавшія въ наружномъ ряду поголовно отказались отъ мерзлаго мяса, и Коравія убралъ его обратно въ мѣшокъ. Въ снѣгу около собакъ было и безъ того закопано много кусковъ, и онъ не хотѣлъ безъ пользы бросать кормъ. Собаки Уквуна были тутъ же, и Коравія накормилъ ихъ наравнѣ съ собаками своего нареченнаго тестя.

Двѣ или три собаки отказались отъ всякой ѣды, несмотря на увѣщанія хозяина. Коравія стоялъ надъ ними, не зная, что̀ дѣлать.

— Уснутъ!—пробормоталъ онъ, сомнительно качая головой. —Непремѣнно уснутъ!

— Пойдемъ!—сказалъ Яякъ нетерпѣливо.—Уснутъ, такъ не пробудишь!

Ему было холодно стоять.

— А тебя кто звалъ?—огрызнулся Коравія.—Могъ бы я и одинъ накормить собакъ!

Однако онъ взвалилъ на плечо полуопустѣвшій мѣшокъ и пустился въ обратный путь по сугробамъ и застругамъ. Яякъ опять шелъ сзади на привязи. Ему стало такъ холодно, что весь гнѣвъ его остылъ. Теперь онъ склоненъ былъ относиться къ молодому человѣку съ бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде.

— Видишь, какъ претъ!—невольно говорилъ онъ себѣ, чувствуя нетерпѣливое подергиваніе ремня.—Или онъ видитъ въ этой темнотѣ?..

III.

Въ пологу, послѣ ухода Яяка, водворилось полное молчаніе. Оставшимся рѣшительно не о чемъ было разговаривать. Нуватъ вытянулся свободнѣе на опустѣвшемъ мѣстѣ и, кажется,

заснулъ. Даже Кителькутъ задремалъ въ ожиданіи чаю. Дѣтямъ тоже надоѣло заниматься выдѣлываніемъ фигуръ на плетенкѣ, и они стали пріискивать себѣ новый предметъ для развлеченія.

— Бабушка!—вдругъ обратилась къ Анекѣ дѣвочка.—Разскажи сказку!

У керецкой старухи никогда не было дѣтей, однако съ дѣтьми она умѣла ладить гораздо лучше, чѣмъ съ взрослыми. По части сказокъ она представляла настоящій неистощимый кладезь. Она подобрала ихъ во время своихъ непрерывныхъ скитаній по приморскимъ поселкамъ и оленнымъ стойбищамъ. Память ея впитывала, какъ губка, каждый разсказъ, услышанный однажды, и сохраняла его на вѣчныя времена, не теряя ни одного слова. Она разсказывала ихъ охотно по первому приглашенію и могла разсказывать цѣлыя сутки сряду, не утомляясь, не останавливаясь и искусно сплетая конецъ одной сказки съ началомъ другой, такъ что слушателю трудно было различить спайку.

— О чемъ разскажу?—тотчасъ же отвѣтила она, обращая свое сморщенное лицо къ дѣтямъ.

Она говорила совершенно правильнымъ чукотскимъ языкомъ, но въ произношеніи ея былъ слышенъ своеобразный скрипучій акцентъ. „Каркаетъ, какъ кукша"! [1])—говорили о ней чукчанки по этому поводу.

Дѣвочка задумалась. Въ это время новый порывъ вѣтра промчался надъ шатромъ съ такой силой, что чуть не сорвалъ одного изъ пятниковъ.

— Разскажи о вѣтрѣ!—сказала дѣвочка.

— О вѣтрѣ?—переспросила Анека.—Хорошо. Ну, слушайте!

— Было селеніе на морѣ,—начала она.—Жилъ человѣкъ съ женой и братомъ. Вѣтеръ такъ и дулъ, не переставая. Отъ мятели не видно рукъ. Голодаютъ. Давно съѣли всѣ шкуры, изгрызли ремни. Совсѣмъ высохли, хотятъ умереть.

— Ухъ!—вздохнула дѣвочка.—Хотятъ умереть!

Въ качествѣ главной слушательницы, она была обязана время отъ времени давать старухѣ сочувственные отклики.

— Холостой братъ говоритъ женатому:—Пойдемъ, поищемъ въ пустынѣ. Чтò же можемъ высидѣть дома?

— Правда!—сказала дѣвочка.

— Да вѣдь вьюга!—говоритъ другой.—Какъ пойдемъ? Все

---

[1]) Сѣрая птица, похожая на чайку, довольно обыкновенная на опушкѣ полярныхъ лѣсовъ.

равно, не для жизни—для смерти пойдемъ! Связались ремнемъ по плечамъ и поясницѣ, пошли. Вѣтеръ дуетъ. Темно, ночная темнота. Идутъ ощупью.

— Идутъ, идутъ, идутъ! — продолжала Анека протяжнымъ голосомъ.

— Да, идутъ, идутъ!—откликнулись дѣти уже вдвоемъ.

— Идутъ!! Въ темнотѣ наткнулись на что-то. Стали щупать: желѣзо. Обошли кругомъ: кругло, гладко, словно яйцо. Желѣзный домъ. Ищутъ кругомъ: нигдѣ нѣтъ входа, глухія стѣны...

— А-а!—откликнулись дѣти.—Глухія стѣны!

— Какъ же взойдемъ?—спросилъ женатый братъ холостого.—Входа нѣтъ!..

— Правда, ка̀къ?—спросила дѣвочка.

— „Ужо̀, ужо̀"!—говоритъ холостой братъ,—продолжала старуха, хитро прищуривая лѣвый глазъ.—И я говорю: ужо̀, ужо̀!

— Холостой братъ помочилъ палецъ въ слюнѣ, обвелъ желѣзно-яичный домъ по самой серединѣ: домъ раскололся. Снялъ верхушку, какъ блюдце, поставилъ на землю.

— А что̀ было въ домѣ?—нетерпѣливо спросила дѣвочка.

— Тамъ жила орлица великанша,—сказала Анека.—А ты не забѣгай, не то перестану!

Сказка продолжалась обычнымъ путемъ. Двое странствующихъ братьевъ попросили орлицу-великаншу унять вѣтеръ. Она начала-было соскабливать небо а̀утомъ [1]), но потомъ вдругъ разсердилась на нескромность старшаго брата, подсмотрѣвшаго ея голыя ноги, и, схвативъ обоихъ странниковъ за ноги, забросила ихъ на третью вселенную. Тамъ они нашли дѣвичій шатеръ, стали играть съ дѣвушками въ мячъ и пробили мячъ Оттуда опять вылетѣлъ вѣтеръ и унесъ ихъ съ собой. Онъ принесъ ихъ на берегъ моря, гдѣ старикъ, величиной съ мизинецъ, тесалъ полозья гаткой [2]), ручка которой была сдѣлана изъ цѣлой лиственицы, а лезвеё имѣло въ ширину размахъ человѣческихъ рукъ. Они спрятались отъ вѣтра въ его брюхѣ, вышли изо рта и подкрѣпили силы стружками отъ его работы, которыя оказались стружками рыбы. Послѣ этого братья встрѣтили еще много различныхъ приключеній, причемъ вѣтеръ и спасеніе отъ него постоянно играли выдающуюся роль. Въ концѣ концовъ они

---

[1]) *Аутъ*—орудіе для скобленія шкуръ.

[2]) *Гатка*—поперечное тесло, замѣняющее чукчамъ топоръ при плотничьей работѣ.

нашли стадо дикихъ оленей и, обремененные добычей, благополучно вернулись домой.

Дѣти слушали, стараясь не проронить ни слова, но старая Рынтына нетерпѣливо пожала плечами.

— Будто это правда!—презрительно сказала она.—Такъ себѣ, бабья болтовня! Вотъ у насъ на Ичен̂ѣ [1]) старухи разсказываютъ. Вотъ сказки!.. Кто начнетъ говорить—нѣтъ конца. Спать хочется, а отстать неохота. Что̀ спать! Изъ полога никто не хочетъ вылѣзть. Чай сварить некому. Такъ и сидимъ кругомъ съ разинутымъ ртомъ... Говоритъ, говоритъ, говоритъ, чисто клубокъ мотаетъ, до утра не оборветъ нитку, а ни одного слова не скажетъ мимо.

Непріязнь Рынтыны къ чужеземкѣ простиралась и на ея разсказы, хотя старая Анека, пожалуй, не уступала и йченскимъ сказочницамъ. Сама Рынтына не могла, повидимому, запомнить ни одного разсказа своихъ хваленыхъ старухъ, и дѣти даже не пробовали обращаться къ ней по этому поводу. Видя, какъ лицо ея дочери обращается къ ненавистной чужеземкѣ, она ощущала настоящія муки ревности.

Лицо Анеки приняло довольно кислое выраженіе, и она уже хотѣла огрызнуться въ отвѣтъ, но вниманіе ея было отвлечено шумомъ въ шатрѣ. Это Якъ и Коравія возвращались съ кормежки. Собираясь войти въ пологъ, они съ ожесточеніемъ выколачивали снѣжную пыль изъ своей одежды особыми роговыми колотушками. Черезъ нѣсколько минутъ оба они пролѣзли въ пологъ. Коравія тоже озябъ и хотѣлъ согрѣться.

— Наружныя!.. Бабы!—закричалъ старикъ, какъ только они усѣлись по мѣстамъ.—Что̀ же чай? Торопитесь! Гость замерзъ!

— Ну, мятель!—говорилъ Якъ, отдуваясь и отфыркиваясь. —Слѣпитъ, зарываетъ голову!

Онъ на время забылъ объ условіяхъ торга и думалъ теперь о томъ, скоро ли пройдетъ вьюга и останется ли въ живыхъ его упряжка.

— А что̀ собаки?—спросилъ Кителькутъ.

— Худо!—сказалъ Коравія.—Только жиръ съѣли, мяса не грызутъ.

— Плохо!—подтвердилъ старикъ.—Высохнутъ на одномъ жирѣ.

— Охъ!—сказалъ Якъ, помолчавъ.—Когда же перестанетъ вѣтеръ? Хотя бы кто-нибудь пошаманилъ на встрѣчу.

---

[1]) Приморскій чукотскій поселокъ.

Лицо Кителькута опять омрачилось. Онъ съ опасеніемъ взглянулъ на сына, который повидимому спалъ и не поднялъ головы, чтобы взглянуть на пришедшихъ.

— Наружныя! Го!—закричалъ онъ, чтобы отвлечь разговоръ въ другую сторону.—Закуску, ѣду! Живо!

— Вы! кто-нибудь!—настаивалъ Яякъ.—Неужели никто изъ васъ не умѣетъ унять этотъ вѣтеръ? На нашей землѣ было бы, ему бы не дали такъ безумствовать.

Женщины, бывшія въ наружномъ отдѣленіи, просунули сквозь входную полу деревянные лотки съ ѣдой. Угощеніе было обильное и разнообразное. Видно было, что Кителькутовы охотники имѣютъ удачу въ каждомъ промыслѣ. Тутъ былъ твердый моржовый жиръ, нарѣзанный ломтиками, китовая кожа, бѣлая и плотная, мясо дикихъ оленей, замороженное, растолченное въ порошокъ и смѣшанное съ застывшимъ топленымъ саломъ, и тому подобные деликатессы. Рынтына разставила лотки на тюленьей шкурѣ по срединѣ полога, и всѣ присутствующіе пододвинулись ближе. Только Нуватъ, котораго старикъ попробовалъ разбудить, промычалъ что-то непонятное и отвернулся къ стѣнѣ. Онъ не хотѣлъ ѣсть. Мужчины и женщины ѣли пальцами, обмакивая каждый кусокъ въ большую чашу тюленьей ворвани, поставленную между лотками. Анека ѣла не менѣе жадно, чѣмъ другіе, но лицо ея было мрачно.

— Видишь!—сказала она вдругъ на своемъ родномъ языкѣ, въ то же время прожовывая кусокъ.—Весь жиръ оставили себѣ. Намъ даютъ самое худое.

— Перестань!—сказалъ Уквунъ тоже по-керецки.—Набивай лучше брюхо!

Онъ собственно раздѣлялъ неудовольствіе своей жены, но у него не хватало духу для такого смѣлаго протеста. Кителькутъ въ свою очередь нахмурился.

— У васъ зачѣмъ два языка во рту? Развѣ не можете говорить какъ люди, что должны каркать по вороньему?

— Она говоритъ,—объяснилъ Яякъ, который тоже понималъ по-керецки,—что вы даете имъ мало жиру,—а онъ унимаетъ ее.

Несмотря на свое миролюбивое настроеніе, онъ не хотѣлъ пропустить случая кольнуть Кителькута его скупостью по отношенію къ сосѣдямъ.

Лицо Кителькута покраснѣло, и въ глазахъ его вспыхнулъ гнѣвный огонь.

— Я вѣдь говорилъ,—грозно обратился онъ къ женѣ,—чтобы ровно дѣлить мясо. Ты зачѣмъ не слушаешь?

Рынтына нисколько не смутилась. Она знала, что гнѣвъ старика втайнѣ направленъ противъ сосѣдей, а не противъ нея.

— У нея три рта, а у меня восемь, — возразила она,—и дѣти, и собаки, и гости. Или я стану гостей кормить безъ жиру? Несытые глаза!—обратилась она къ Анекѣ.—Я развѣ хожу считать куски за твоимъ обѣдомъ?

Ссора готова была вспыхнуть, но Якъ удержалъ Анеку. Онъ издавна имѣлъ надъ ней какое-то странное вліяніе, и она боялась его гораздо больше, чѣмъ Кителькута, не говоря уже объ ея собственномъ мужѣ. Уквунъ въ своихъ непрерывныхъ скитаніяхъ доходилъ и до Чауна и прожилъ когда-то двѣ или три зимы на стойбищѣ своего оленнаго родственника. Можетъ быть, Анека именно въ то время имѣла случай ближе узнать характеръ Яка, и онъ казался ей несовсѣмъ безопаснымъ для противорѣчія, или просто его огромная фигура подавляла ее. Какъ бы то ни было, она ничего не отвѣтила на упрекъ хозяйки, и трапеза продолжалась въ угрюмомъ молчаніи. Янта и Вельвуна такъ и не входили въ пологъ и только просовывали новые и новые запасы.

Когда закуска была окончена, хозяйка тѣмъ же порядкомъ выставила лотки въ наружное отдѣленіе и, приподнявъ лампу, вытащила изъ подъ ея подставки невзрачный деревянный ящикъ, служившій хранилищемъ для чайной посуды. Женщины въ наружномъ шатрѣ въ это время торопливо очищали и облизывали корыта. Это была ихъ доля ѣды. Вычистивъ корыта, онѣ съ усиліемъ подтащили и продвинули въ пологъ огромные черные чайники съ кипяткомъ и круто заваренным кирпичнымъ чаемъ. Въ пологѣ стало жарко, какъ въ печи. Бѣлый паръ, валившій клубомъ изъ подъ мѣдныхъ крышекъ, не находя себѣ выхода, скапливался подъ невысокимъ потолкомъ. Свѣтъ лампы какъ будто потускнѣлъ. Люди, сидѣвшіе въ пологу, раздѣлись до послѣдней возможности; всѣ лица и спины лоснились отъ пота. Еслибы не чашки съ горячей красной жидкостью, которую они неутомимо похлебывали, оттопыривъ губы и стараясь не пролить ни капли на шкуры, прикрывавшія имъ колѣни, можно было бы подумать, что они собрались сюда для того, чтобы принять паровую ванну. Только Нуватъ лежалъ неподвижно у стѣны, не снимая мѣховой одежды и не чувствуя духоты.

Вьюга на дворѣ гудѣла попрежнему. Взявъ въ руки десятую чашку и собираясь отхлебнуть изъ нея, Якъ вернулся къ своей первоначальной идеѣ.

— Вы, кто-нибудь,—сказалъ онъ,—постучите въ бубенъ, уймите вѣтеръ!

— А можетъ, ты самъ попробуешь!—сказалъ Уквунъ.— Мы не знающіе.

— Земля не моя, вѣтеръ чужой... Какъ стану унимать?— возразилъ Яякъ.—Какъ вы—незнающіе? Въ такой старости... Попробуйте, по крайней мѣрѣ!

— Хорошо! — согласился Уквунъ.—Пускай! Можно и попробовать... Послѣ ужина!—назначилъ онъ, подумавъ.

Шаманство у чукчей, строго говоря, не составляетъ привилегіи особыхъ лицъ. Каждая семья имѣетъ свой бубенъ, и упражненіе на немъ составляетъ не только право, но и обязанность всѣхъ ея взрослыхъ членовъ и даже дѣтей. Помимо обычныхъ годовыхъ праздниковъ осенью и весной, гдѣ шаманство играетъ наиболѣе выдающуюся роль, въ обыденной жизни, каждая чукотская семья прибѣгаетъ къ волхвованію по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Нужно ли обезпечить успѣхъ для поѣздки на ярмарку, предугадать результатъ промысла, выбрать мѣсто заметыванія сѣтей,—звонко обтянутый бубенъ, жженіе оленьей лопатки, камень, подвѣшенный на посохѣ, и т. п. виды колдовства немедленно пускаются въ ходъ. Послѣ каждой удачной охоты непремѣнно устраивается шаманское празднество, родъ тризны, или служенія духу убитой добычи, съ особенными, традиціонными обрядами.

Ужинъ появился вскорѣ послѣ чая и состоялъ изъ груды тюленьяго и моржоваго мяса, нарѣзаннаго кусками и сваленнаго въ длинное деревянное корыто. Онъ отличался отъ ужина, недавно предложеннаго собакамъ, только тѣмъ, что мясо на короткое время было опущено въ кипящую воду, гдѣ наружныя части обварились и пріобрѣли весьма непривлекательный темнобурый цвѣтъ и ослизлый видъ, а внутри осталась сырая темнокрасная мякоть. Чашка съ ворванью опять стояла на самомъ видномъ мѣстѣ, и ѣда исчезала такъ быстро, какъ будто до этого цѣлый день никто не съѣлъ ни куска.

— Гдѣ же переночуемъ?—спросилъ послѣ ужина Уквунъ, вытирая губы комочкомъ сухой травы, замѣнявшей салфетку.— Пойдемъ въ мой шатеръ!

Въ его шатрѣ было темно и холодно, и, несмотря на всю любовь къ собственнымъ домашнимъ пенатамъ, онъ былъ не прочь заночевать у Кителькута; но Кителькутъ еще не сказалъ ни одного слова, и ему не приходилось распоряжаться въ чужомъ жилищѣ. Кителькутъ, впрочемъ, и не думалъ останавливать ихъ.

— Пусть у тебя!—напротивъ, подтвердилъ онъ.—Видишь, Нуватъ спать хочетъ.—И онъ указалъ рукой на своего сына, который лежалъ въ прежней позѣ, отказавшись и отъ ужина.

Но, при словахъ отца, Нуватъ вдругъ повернулъ голову.

— Пусть здѣсь!—сказалъ онъ громко.—Я хочу здѣсь!

Кителькутъ хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ. Настаивать долѣе на удаленіи гостей было не совсѣмъ прилично. Кромѣ того, онъ сознавалъ, что все равно, не сегодня, такъ завтра ему пожалуй и самому придется, въ качествѣ главы семейства, привлекать Нувата къ участію въ шаманскихъ обрядахъ. Онъ плотно сжалъ губы, и лицо его стало какъ будто оттѣнкомъ темнѣе.

Янта и Вельвуна наконецъ покончили свою работу. Молодая дѣвушка пролѣзла въ пологъ, но помощница ея осталась въ наружномъ отдѣленіи. Въ пологѣ для нея не было мѣста, и она должна была провести всю ночь, свернувшись, какъ собака, на голой землѣ, у остывшаго огнища.

Люди, бывшіе въ пологѣ, начали разсаживаться поудобнѣе, собираясь слушать. Шаманское дѣйствіе должно было происходить въ полной темнотѣ и могло продолжаться нѣсколько часовъ подъ рядъ. Янта, по обыкновенію, усѣлась около своего жениха. При видѣ молодой четы, сидящей такъ близко другъ подлѣ друга, Яякъ почувствовалъ, что вся его злоба опять проснулась.

— Вотъ,—заговорилъ онъ, обращаясь къ Кителькуту,—мнѣ дѣвку обѣщалъ, а отдалъ другому. А развѣ я хуже? Такой же оленный.

— Я думалъ, ты не хочешь!—сказалъ уклончиво Кителькутъ.—Если ты не приходилъ за нею, какъ я могъ отдать ее тебѣ? А этотъ человѣкъ сразу укрѣпился въ сватовствѣ.

Яякъ сдѣлалъ надъ собою усиліе.

— Что же, я не сержусь,—сказалъ онъ, наконецъ.—Его счастье! Можетъ, я вправду просилъ плохо. Я не держу худого сердца. Но теперь поступимъ по старинному.

Кителькутъ поднялъ голову. Онъ началъ понимать, куда клонится рѣчь его гостя.

— Сколько лѣтъ я ѣзжу,—заговорилъ Яякъ еще болѣе смягченнымъ тономъ:—въ хорошей дружбѣ ведемъ дѣла... даемъ другъ другу пробовать чужое, привезенное издалека... Стали какъ родные. А между тѣмъ, родства нѣтъ. Теперь, если есть согласіе... сойдемся!

Кителькутъ не отвѣчалъ ни слова.

— Вотъ я, вашъ гость,—продолжалъ чаунецъ,—сколько дней ѣхалъ по пустынѣ, не видѣлъ женщины. А вѣдь я тоже быкъ,

а не корова... Дѣлю ваше мясо, сплю на вашей постели... Вотъ я прошу,—не хотите ли принять меня въ долю?..

Кителькутъ замялся.

— Или отъ меня будетъ худой плодъ?—продолжалъ Якъ.— Или я не могу отплатить взаимно? Придите къ Щелеватому холму! На моемъ стойбищѣ много женщинъ,—ни одна не скажетъ: нѣтъ.

Просьба Яка не заключала въ себѣ ничего необычайнаго. Подобнаго рода взаимно-брачныя отношенія часто завязываются у чукчей и соединяютъ участниковъ узами такими же сильными, какъ кровное родство. Чаще всего онѣ заключаются между дальними родственниками и укрѣпляютъ ослабѣвшія родственныя связи.

Но Кителькутъ совсѣмъ не имѣлъ въ виду принять чаунца въ члены своей семьи.

— Къ сожалѣнію,—сказалъ онъ,—у меня нѣтъ женщинъ. Одна жена, да и та стара. Сообщаться молодымъ со старухами— грѣхъ.

— А дочь?—возразилъ Якъ. — Она прежде была дѣвка, вольная; а теперь ея радость—въ рукахъ мужчины.

— Но не въ моихъ!—сказалъ старикъ.—Я ее отдалъ другому.

— Пусть!—сказалъ Якъ.—Союзники нужны молодымъ, а не старымъ. Можетъ мнѣ и вотъ этотъ быть смѣннымъ товарищемъ.—И онъ указалъ рукой на Коравію, сидѣвшаго на противоположной сторонѣ. Янта, при этомъ жестѣ, быстро попятилась и спряталась за спиной своего жениха. Она смертельно боялась огромнаго чаунца, и теперь, когда онъ заявлялъ такое прямое притязаніе на ея любовь, съ ужасомъ думала, что мужчины могутъ и уступить его просьбѣ. Она украдкой приводила въ порядокъ свою одежду, питая смутное намѣреніе, при неблагопріятномъ поворотѣ дѣла, выскочить изъ полога и изъ шатра и бѣжать, куда глаза глядятъ, на зло вьюгѣ, свирѣпствовавшей вокругъ.

— Я еще не взялъ ее,—сказалъ Коравія въ отвѣтъ на предложеніе Яка.—Еще дѣвушка, не жена!.. Самъ живу въ шатрѣ тестя.

— Я развѣ вамъ мячъ,—сердито крикнулъ Якъ,—чтобы перекидывать отъ одного къ другому? Воинъ — не игрушка! Одинъ говоритъ: не моя; другой говоритъ: не моя. Ну, если ничья, пусть я возьму.—И онъ сдѣлалъ такое движеніе, какъ будто хотѣлъ протянуть руку въ сторону Янты.

Коравія быстро подвинулся и окончательно заслонилъ собою невѣсту.

— Или ты хочешь силою пріобрѣсти родство?—возразилъ онъ.—Если мы не хотимъ... Должно быть, считаешь насъ всѣхъ бабами? Тогда не нужно просить о союзѣ.

Нуватъ вдругъ повернулся и сѣлъ на шкурѣ.

— И зачѣмъ ты у насъ просишь?—сказалъ онъ громко, обращаясь къ Яку.—Проси у Уквуна; онъ—братъ твой и у него двѣ жены!..

Насмѣшка была очевидна. Родственный союзъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Уквунъ, никому не могъ льстить, а изъ женъ его одна была дряхлая старуха, а на другой лежало клеймо отверженія. Якъ съ угрожающимъ видомъ протянулъ руку. Еще минута, и въ тѣсномъ помѣщеніи полога завязалась бы общая драка. Но въ эту минуту въ переднемъ шатрѣ послышался трескъ и стукъ паденія какихъ-то твердыхъ предметовъ на мерзлую землю. Что-то быстро захлопало, какъ огромный парусъ. Порывъ вьюги ворвался въ шатеръ и пролетѣлъ изъ угла въ уголъ. Послышался грохотъ и звонъ, какъ будто круглый желѣзный предметъ покатился по землѣ и ударился объ дерево.

Мужчины кое-какъ натянули кукашки и выскочили вонъ. Оказалось, что порывъ вѣтра сорвалъ одну изъ шатровыхъ полъ и сломалъ лѣвый пятникъ, который былъ тоньше другихъ. Обломки шеста и длинная деревянная дуга, поддерживавшая стѣнку шатра, валялась на землѣ. Вѣтеръ, ворвавшись въ шатеръ, уронилъ котельный треногъ прямо на голову Вельвуны, но, къ счастью, не ушибъ ее; только вся вода, приготовленная ею на утро, вылилась прочь, а котелъ упалъ на землю и откатился въ уголъ, подъ сани.

Для того, чтобы исправить безпорядокъ, нужно было достать новый шестъ. Коравія вылѣзъ на дворъ и ощупью сталъ рыться въ грудѣ деревянныхъ обломковъ позади шатра. Другіе связывали порванныя веревки и натягивали кожу шатра на старое мѣсто. Прошло около часа, пока имъ удалось исправить весь ущербъ, произведенный вѣтромъ.

— Наргинэнъ сердится,—сказалъ Уквунъ, когда они вернулись, наконецъ, въ пологъ. — Собрались шаманить, а стали драться. Еще счастье, что весь шатеръ не упалъ на голову.

Всѣ молчали.

Бубенъ лежалъ подъ потолкомъ на деревянной грядкѣ. Уквунъ снялъ его, испробовалъ звонкость оболочки колотушкой изъ китоваго уса—и приготовился приступить къ священнодѣйствію...

Н. А. Танъ.

КАНИКУЛЫ

ПОВѢСТЬ.

I.

Ирина Васильевна Караваева—въ ужасныхъ хлопотахъ. Ея крупная, полная фигура, въ темномъ капотѣ и ситцевомъ платочкѣ на головѣ, постоянно мелькаетъ то въ комнатахъ, то въ кухнѣ, то на огородѣ. На свою нерасторопную Параску она покрикиваетъ такъ, что слышно даже на мосту у мельницы. Тамъ сидитъ на завалинкѣ старый дѣдъ сторожъ. Щуря отъ солнца подслѣповатые глаза, онъ прилежно ковыряетъ шиломъ дырявый сапогъ и, прислушиваясь къ ея энергическимъ возгласамъ, поматываетъ лохматой, бѣлой какъ молоко, головой съ видомъ истиннаго удовольствія.

— О, Господи, уже скоро часъ, а у меня и голова не причесана! — громко обращается сама къ себѣ Ирина Васильевна, торопливо входя въ гостиную и бросая озабоченный взглядъ на часы:—Параска!.. Параска-а!.. Оглохла ты, что-ли?.. Параска, тебѣ я говорю?

Въ дверяхъ появляется Параска.

— Кому я говорила полы подтереть?.. По-французски я тебѣ говорила, или человѣческимъ языкомъ? Когда-жъ кто дура—ей хоть говори, хоть не говори—одинъ толкъ!.. Ну, чего же ты стоишь?.. А? Чего же ты стоишь, я у тебя спрашиваю?.. Тащи воды, бери тряпку и—живо у меня!

Параска побѣжала за тряпкой. Ирина Васильевна скинула платочекъ, распустила свой „крысій хвостикъ“ и, стоя передъ стѣннымъ зеркаломъ, начала поспѣшно причесываться.

Свернувъ въ узелокъ свою косичку на затылкѣ, она приколола сверху шиньонъ изъ порыжѣлой отъ времени косы внушительныхъ размѣровъ, затѣмъ покрыла все это старенькой кружевной косыночкой, и парадная прическа была готова.

Параска тѣмъ временемъ ёрзала по полу, высоко подоткнувъ юбку и тяжело сопя отъ усердія.

— Живо, живо! — прикрикнула на нее Ирина Васильевна, бросаясь въ кухню, откуда черезъ минуту раздалось опять:

— Параска!.. Параска!.. Кому я говорила отставить борщъ?.. Весь борщъ выбѣжалъ... Что̀ я теперь буду дѣлать... Параска!..

Шлепнувъ мокрою тряпкою о полъ и на бѣгу вытирая руки объ юбку, Параска помчалась въ кухню. Устроивъ тамъ все, что̀ требовалось, и получивъ жестокую нахлобучку за убѣжавшій борщъ, она опрометью кинулась домывать полъ, и едва успѣла выплеснуть у самаго порога крыльца грязную воду, какъ изъ спальни донеслось:

— Параска!.. Бѣлье на огородѣ уже, должно быть, высохло— бѣги, поснимай... Да брось въ печку утюгъ, барину парусинки нужно выгладить на завтра... Да только ворочайся!..

И Параска безропотно устремляется на новый окрикъ, стараясь поспѣть въ нѣсколько мѣстъ одновременно. На кругломъ, курносомъ и миловидномъ лицѣ ея лежитъ выраженіе растерянное и слегка придурковатое, но это только въ присутствіи Ирины Васильевны. Сто̀итъ ей хоть на минутку улизнуть изъ-подъ хозяйскаго надзора, и придурковатости какъ не бывало.

На мосту зазвенѣлъ колокольчикъ. Изъ рукъ Ирины Васильевны, чистившей салатъ, вылетѣлъ ножъ. Взволнованно охнувъ, она даже забыла отряхнуть подолъ капота, съ приставшими къ нему обрѣзками, и со всѣхъ ногъ пустилась на огородъ, откуда видно почтовую дорогу.

Она еще не добралась и до палисадника, но уже слышитъ съ огорода радостныя восклицанія: „ѣдутъ, ѣдутъ“!.. Она счастливо улыбается про себя и дѣлаетъ попытку ускорить свои шаги, что̀ при ея толщинѣ и широкихъ стоптанныхъ туфляхъ является совершенно напраснымъ предпріятіемъ.

Но вотъ она и добѣжала наконецъ.

— Мама, ѣдутъ, ѣдутъ!—кричитъ, завидѣвъ ее, Витя, десятилѣтній гимназистъ, и продѣлываетъ отъ восторга какія-то замысловатыя па́. Алеша и Костя, тоже гимназисты, пятнадцатилѣтніе близнецы, рослые и туповатые на видъ ребята, что-то кричатъ по направленію къ мосту, приложивъ ко рту руки въ видѣ рупора.

По мосту медленно тащится огромная крытая бричка, изъ глубины которой торчитъ цѣлая куча человѣческихъ головъ. Между ними особенно замѣтны двѣ женскія, въ желтыхъ соломенныхъ шляпкахъ, накрытыхъ сверху кисеей. Эти головы смотрятъ на огородъ и шлютъ туда привѣтственныя улыбки и кивки.

— Наши, наши!—зычнымъ голосомъ вскрикиваетъ Ирина Васильевна и заливается довольнымъ смѣхомъ.—Витя, бѣги, зови папу, если онъ уже пришелъ со службы... Скажи—наши ѣдутъ!

— Я дядю сейчасъ встрѣтилъ, онъ идетъ сюда,—услыхала она сзади. Перебросивъ сначала плэдъ и палку, черезъ заборъ перепрыгнулъ юноша лѣтъ 19—20, въ парусиновой парѣ и бѣлой фуражкѣ, на которой темнѣетъ спереди знакъ отъ недавно снятаго гимназическаго герба. Худощавый, очень высокій и отъ этого привыкшій немного горбиться, онъ, тѣмъ не менѣе, производитъ впечатлѣніе полнаго здоровья и большой физической силы. Отъ быстрой ходьбы онъ слегка раскраснѣлся, и смуглый лобъ его покрытъ бисерными капельками пота. Густые, очень черные, волнистые волосы его влажны какъ послѣ купанья.

„Чистый цыганъ этотъ Гриша"! — подумала Ирина Васильевна, мелькомъ взглянувъ на него, и, увидѣвъ изъ-за забора шляпу мужа, весело крикнула ему:—Бѣги, бѣги сюда скорѣе—наши ѣдутъ!..

Замѣтивъ бричку и женскія головки, улыбавшіяся въ его сторону, Гриша привѣтливо замахалъ фуражкой, и немного хмурое лицо его освѣтилось искренней радостной улыбкой.

Бричка проѣхала мостъ и завернула за уголъ. Всѣ ринулись съ огорода во дворъ, чтобы встрѣтить пріѣзжающихъ у крыльца.

Отлично зная, что теткѣ тяжело быстро двигаться, Гриша подбѣжалъ къ ней.

— Тетя, возьмите меня подъ руку—я вамъ помогу...

— Еще что̀ выдумай!—нелюбезно отозвалась та:—очень мнѣ нужна твоя рука... Я не привыкла съ молокососами подъ-ручку разгуливать... Обойдусь и теперь...

Гриша едва замѣтно дернулъ плечомъ и отошелъ.

Интересная бричка, гремя и дребезжа, въѣхала во дворъ и остановилась. Пассажиры ея какъ-то странно забарахтались, освобождая дорогу двумъ молодымъ дѣвушкамъ, которыя безпомощно выглядывали изъ-за груды узловъ и картонокъ. Но бричку облѣпили юные Караваевы, картонки и узлы были расхватаны ихъ услужливыми руками, а самихъ барышенъ окончательно извлекъ изъ глубины „балагульской" брички Гриша. Сначала онъ

вытащилъ маленькую розовую блондинку, затѣмъ шатэнку средняго роста, худенькую и блѣдную.

Обѣ поцѣловались съ нимъ, сдѣлали нѣсколько невѣрныхъ, колеблющихся шаговъ затекшими отъ долгаго сидѣнья ногами и стали здороваться со своими. Зазвучали поцѣлуи, прерываемые восклицаніями:—А гдѣ мой свертокъ?.. Отвязали ли чемоданъ?.. Витя, осторожнѣе съ картонками... Пять, шесть, семь вещей—все, все цѣло... Папа, балагулѣ четыре съ полтиной...

— Алла, душечка, а конфектъ мнѣ привезла?.. Скажи, привезла?—сѣменилъ возлѣ худенькой шатэнки Витя, душа ее поцѣлуями и сбивая съ ногъ.

— Ахъ, Витя, не тормоши,—слабо отбивалась та:—я такъ устала... Да, привезла, привезла... Вотъ ступай лучше, приготовь намъ умыться, или скажи Параскѣ... Кто у насъ теперь—Параска или уже другая?..

— Параска, Параска... Мама все не можетъ съ нею разстаться,—впопыхахъ проговорилъ Витя, спѣша исполнить просьбу сестры:—сію секундочку я все самъ тебѣ приготовлю.

— Ахъ, какъ хочется умыться!—сказала Алла, обращаясь къ сестрѣ: — я пропылена до мозга костей... А впрочемъ, не пойти ли намъ лучше купаться... Женя, чтò ты объ этомъ думаешь?.. Только вотъ руки немножко вымыть нàдо, чтобы достать себѣ что-нибудь чистое... Я съ наслажденіемъ переодѣлась бы... На мнѣ цѣлыми пудами пыль...

Но Женя, хлопотавшая возлѣ багажа, даже, повидимому, не слышала ея.

— Ну, ну, ступайте въ комнаты, — подгоняла ихъ мать:—тамъ раздѣнетесь и духъ переведете, а то на дворѣ жарко.

Караваевъ, низенькій, худощавый человѣкъ, съ добрымъ, робкимъ лицомъ и подслѣповатыми глазами, утомленно мигающими сквозь дымчатыя стекла очковъ, расплачивался съ балагулой, который выпрашивалъ „на водку“ и громко благодарилъ, получивъ „два злота“.

— На... Это тебѣ, Нусь, за то, что барышни уже совсѣмъ пріѣхали домой. Уже кончили гимназію, больше незачѣмъ ѣздить,—объявилъ Николай Ивановичъ по этому поводу балагулѣ, всегда привозившему и отвозившему на станцію его дочерей.

Нусь заинтересовался извѣстіемъ.

— Уже кончили-и?.. Зо всѣ-эмъ?..—пропѣлъ онъ, кивая головою въ знакъ сочувствія и причмокивая языкомъ: — теперь, значитъ, будутъ у папеньки жить?.. Жениховъ хорошихъ ожидать?..

— Ну, насчетъ жениховъ—какъ Богъ дастъ, а вотъ надо службу искать. Могутъ прекрасныя мѣста получить... Старшая дочь за науки удостоена золотой медали!

— Ой-ой-ой, золотой „амигдали"!.. Слѣдуетъ, слѣдуетъ выпить за ихъ здоровье, нехай онѣ вамъ будутъ здорови... Счастливо оставаться, ваше благородіе... Нно, но, но-о-о!..

Бричка съ оглушительнымъ грохотомъ и трезвономъ уѣхала, направляясь къ центру мѣстечка, а пріѣзжія, въ сопровожденіи домашнихъ, пошли въ комнаты.

— Ухъ, какъ здѣсь хорошо!.. Божественная прохлада,— воскликнула Женя, успокоившаяся насчетъ багажа, который доѣхалъ въ полной исправности. Она торопливо сбросила шляпку и накидку и швырнула ихъ куда попало.—Но какъ я ѣсть хочу, еслибы кто зналъ!

Ирина Васильевна засуетилась.

— У меня уже все готово, хоть сейчасъ за столъ... Бѣгу въ кухню, велю свѣжихъ огурцовъ принести, нарочно купила парниковыхъ для вашего пріѣзда... Ну, вы, барышни, умывайтесь, купайтесь, переодѣвайтесь, и маршъ въ столовую, а я тѣмъ временемъ присмотрю возлѣ печи, а то Параска—такой олухъ царя небеснаго...

„Олухъ царя небеснаго" принесъ миску для умыванія, перецѣловалъ у барышенъ руки, причемъ Алла наклонилась и поцѣловала подвернувшееся ей ухо, или носъ, она не замѣтила, что̀ именно, а Женя разсѣянно пробормотала: „здравствуй", и, зѣвнувъ во весь ротъ, объявила:

— Господа-мужчины, убирайтесь, я буду умываться...

Витя, принесшій чистое полотенце и мыло, услышалъ фразу Жени и взялъ на себя роль „командира".

— Ну, Гриша, Алеша, Костя, ступайте отсюда, дайте имъ умыться... Женя, если вамъ что-нибудь понадобится — постучи въ дверь, я услышу и прибѣгу... Пожалуйста только недолго тамъ копайтесь.

Оставшись однѣ, молодыя дѣвушки пытливо посмотрѣли другъ другу въ глаза. Женя улыбнулась; Алла осталась серьезной.

— Рада ты, что мы, наконецъ, совсѣмъ-совсѣмъ дома?— многозначительнымъ тономъ спросила Женя.

Алла помолчала, потомъ, точно въ раздумьѣ, медленно выговорила:

— Мнѣ пріятно видѣть своихъ... Только меня все-таки не очень плѣняетъ мысль застрянуть „совсѣмъ-совсѣмъ дома"... А

впрочемъ, это еще тамъ будетъ видно... Передай-ка мнѣ мыло и полотенце... Удивительно, сколько пыли...

— Да, ужасъ!.. Чтò только дѣлается въ нашихъ корзинахъ, воображаю,—обезпокоилась Женя, позабывшая обо всемъ, кромѣ своего багажа, и принялась распаковывать вещи, чтобы вынуть чистое бѣлье и платье и полюбопытствовать, въ какомъ видѣ пріѣхало все прочее.

Алла умылась, собрала въ свертокъ чистую рубашку и чулки и нѣсколько нетерпѣливо обратилась къ Женѣ, суетившейся съ узлами и корзинами:

— Ну, Женя, оставь — успѣешь еще разобраться... Пойдемъ, а то заставимъ ждать насъ съ обѣдомъ... Сама же говорила, что голодна...

— Погоди, погоди минуточку! — запыхавшись, бормотала Женя, вынимая зеркальце, какія-то баночки, пудру и т. д. Алла, немножко хмурясь, прислонилась къ косяку двери и стала разсѣянно смотрѣть, какъ Женя бросалась отъ одного свертка къ другому, какъ рылась въ картонкахъ, какъ закутывала голову кускомъ чистой кисеи, закалывая ее булавками.

— Готова!.. Ну, скорѣе, скорѣе... Знаешь, спросимъ маму,— можетъ быть, и она пойдетъ съ нами.

Дѣвушки направились въ столовую, откуда доносился звонъ посуды и голосъ Ирины Васильевны.

— Мама, не пойдете ли и вы съ нами купаться? — спросила Алла.

— Нѣтъ, времени нѣтъ... Ступайте сами, да поменьше сидите—сейчасъ обѣдъ. Не лазайте только, пожалуйста, далеко въ воду—особенно ты, Женя...

Дѣвушки ушли.

Прудъ находился въ двухъ шагахъ отъ дома... Чтобы добраться до него, нужно было только перейти пустынную, пыльную улицу, сплошь заросшую бурьяномъ, мѣстами примятымъ любящей комфортъ свиньей.

Обогнувъ сосѣдній огородъ и продравшись сквозь цѣпкій лѣсъ высокихъ „будяковъ“, барышни вышли на плоскій песчаный берегъ и стали раздѣваться, тутъ же, безъ всякаго стѣсненія, не обращая вниманія ни на лошадей, которыхъ пригоняли поить, ни на еврейскихъ ребятишекъ, стаями купавшихся невдалекѣ.

Барышни купались недолго и явились къ обѣду освѣженныя, въ чистенькихъ ситцевыхъ платьяхъ, съ влажными на затылкахъ и маковкахъ волосами.

Вся семья усѣлась вокругъ большого, обитаго темной клеенкой стола, вовсе не блиставшаго изысканной сервировкой; даже маленькихъ салфеточекъ не полагалось, и для вытиранья рукъ и ртовъ лежало на концѣ стола общее для всѣхъ полотенце грубаго тканья и сомнительной чистоты. Ирина Васильевна сама почти ничего не ѣла отъ волненья. Большое лицо ея, съ крупными чертами, обыкновенно строгое и какъ будто всегда сердитое, дышало хлопотливой, привѣтливой заботливостью и радостью. Она любовно поглядывала на дочерей, причемъ глаза ея охотнѣе останавливались не на бѣлокурой, съ подстриженнымъ чубибомъ Женѣ, а на блѣдномъ и серьезномъ личикѣ старшей дочери, болѣе чѣмъ скромно одѣтой и гладенько причесанной.

— Какая ты худая, Алла!—сказала мать, тревожно покачавъ головою:—а все оттого, что ѣшь мало да вѣчно за книжками сидишь...

— Если бы она не сидѣла за книжками, такъ и медали не видѣла бы,—замѣтилъ на это отецъ, наливая въ тарелку борщу.

— И Богъ бы съ ней, съ медалью,—здоровье важнѣе... Ну, теперь, слава Богу, съ гимназіей кончено; поживетъ дома, поправится... Не позволю я ей очень-то читать...

— Да, теперь и я собираюсь хорошенько отдохнуть, — заявила Женя, доѣдая вторую порцію борща съ завиднымъ аппетитомъ.

— Ну, ты, по правдѣ сказать, не слишкомъ и потрудилась, —съ легкою колкостью отнеслась къ ней мать, намекая на ея неблестящій аттестатъ.

— Ужъ я медали, разумѣется, не добивалась... Удивительно мнѣ нужна медаль! На ошейникѣ, что-ли, я ее стала бы носить?... Пусть себѣ ею тѣшится Алла, я не буду завидовать, —сухо отрѣзала Женя: — посмотримъ, далеко ли она со своей медалью уѣдетъ.

— Ну, какъ-ни-какъ, а все дальше, чѣмъ ты,—прикрикнула на нее Ирина Васильевна, вспыльчивая, какъ порохъ. Лицо ея мгновенно покраснѣло, брови сдвинулись, она задышала шумно и часто. Казалось, вотъ-вотъ разразится гроза надъ головою Жени, но Алла предотвратила ее.

— Мама, налейте-ка мнѣ еще немножко борщу — очень вкусный,—сказала она весело и протянула матери тарелку:— у насъ въ пансіонѣ не приходилось отвѣдывать такого...

— Ѣшь, ѣшь!—одобрительно закивала головою Ирина Васильевна, поддѣтая невинной хитростью Аллы:—ѣшь побольше, спи хорошенько, гуляй много—увидишь, какъ поправишься!

— А Гриша васъ будетъ въ лодкѣ катать,—вставилъ Витя, который все время съ надоѣдливой нѣжностью приставалъ то къ одной, то къ другой сестрѣ.

— Ну да, чтобы еще утопилъ!—сердито проворчала Ирина Васильевна.

— Да гдѣ здѣсь утопить!—въ одинъ голосъ закричали Алеша, Костя и Витя...

— Этотъ прудъ такой мелкій!.. Всѣ катаются и никто не боится... Гриша такой великолѣпный гребецъ!.. Первый на весь городъ...

— Тише, дурачье, чего разгорланились!—строго остановилъ ихъ отецъ, принимавшій до сихъ поръ мало участія въ общемъ разговорѣ. Онъ съ видимымъ усиліемъ ѣлъ и, время отъ времени, утомленно поглядывалъ на дочерей больными, близорукими глазами.

Мальчики мало обратили вниманія на его слова и продолжали кричать и горячиться до тѣхъ поръ, пока на нихъ не обрушилась мать. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Алла должна была разсказать про церемонію раздачи аттестатовъ, какъ ей пожимали руки директоръ, начальница и всѣ учителя, какъ ее публично объявили лучшей ученицей выпуска и т. д. Алла не безъ внутренняго смущенія излагала всѣ эти манифестаціи въ ея честь, но считала, что нужно-таки разсказать все какъ было, порадовать своихъ стариковъ.

Мать слушала ея разсказъ съ сіяющимъ отъ удовольствія и гордости лицомъ. Даже отецъ, къ концу обѣда устало откинувшійся на спинку стула, улыбнулся и промолвилъ:

— Молодцомъ, Алла!..

— Публики на актѣ была масса,—подхватила сестру Женя:—даже неловко было идти черезъ залу за аттестатомъ... Всѣ на тебя такъ и таращатъ глаза...

— Женя была такая интересная въ своемъ бѣломъ платьѣ... Я сама слышала, какъ въ публикѣ говорили: „вотъ такъ хорошенькая"!—прибавила Алла.

Ирина Васильевна почувствовала себя въ этотъ мигъ совершенно счастливой: ея дочери были не хуже другихъ—одна взяла умомъ, другая—наружностью; Алла—первая по выпуску; про Женю прямо говорили, что хорошенькая!.. Слава Богу, молодцы „дивчата"...

— Какъ же ты, Гриша,—обратилась Алла къ двоюродному брату:—судя по фуражкѣ, которую я у тебя давеча замѣтила, ты тоже благополучно окончилъ съ гимназіей?..

— Да. Но нашъ актъ послѣ каникулъ. То-есть, документы-то наши выдали намъ теперь же, а это только формальность одна осталась. Я на актѣ и быть вовсе не собираюсь...

— Чтò такъ?..

— Да, можетъ быть, меня скоро здѣсь уже и не будетъ.

— Ахъ, да, университетъ,—улыбнулась Алла, ласково посмотрѣвъ на него.

— Да Гриша чтò—онъ свои дѣла исправно ведетъ; а вотъ мальчишки—это одно божеское наказаніе,—заявила Ирина Васильевна съ досадой и огорченіемъ:—папа не писалъ вамъ? Ну, Витя завязъ въ приготовительномъ, въ первомъ отдѣленіи, даже во второе не переползъ; Костя сѣлъ въ третьемъ, а Алешу насилу-насилу въ четвертый перетянули—и то двѣ передержки и одна повѣрка. Бѣда, я тебѣ скажу, чистая бѣда съ этими мальчишками—ни на что они не смотрятъ и никакая наука не сидитъ у нихъ на умѣ. Все бы имъ только безобразничать, толочься по цѣлымъ днямъ, Богъ знаетъ гдѣ, да одежду рвать. Какъ на огнѣ все горитъ! Не напасешься ни штановъ, ни сапогъ... Хоть бы подумали о томъ, что отецъ по уши въ долгахъ, на одно жалованье живемъ... Хорошо—сегодня есть мѣсто, а завтра прогнали—хоть ступай хлѣба проси...

Мальчики потупились и молчали. Гриша, слегка сдвинувъ брови, разсматривалъ свои ногти. На внимательномъ, нервномъ лицѣ Аллы отразилось ощущеніе боли и грусти; Женя досадливо поморщилась, внутренно находя несвоевременной и скучной эту материнскую іеремiаду. Только Николай Ивановичъ сочувственно слушалъ жену, покачивая головою. Отъ всей его утомленной фигуры, съ худымъ, блѣднымъ лицомъ и тусклыми, полуслѣпыми глазами, вѣяло скорбнымъ и безнадежнымъ упрекомъ судьбѣ. Видно было, что тема, затронутая его женой, всегда можетъ вывести его изъ усталой апатіи. Но Ирина Васильевна вдругъ остановилась и махнула рукой, почувствовавъ, должно быть, и сама, что для сегодняшняго торжественнаго дня сказала достаточно, и что не слѣдуетъ больше разстраивать ни себя, ни другихъ.

— Ну, да Богъ съ ними! Чтò сдѣлано, то сдѣлано; сколько ни говори—ничего не поправишь, все равно... А пока чтò—пойду я и принесу вареники съ ягодами; Параска вѣрно уже заснула возлѣ печи,—сказала она дочерямъ и, тяжело поднявшись изъ-за стола, пошла въ кухню. Непріятная тишина была нарушена, всѣ оживились снова, и даже Николай Ивановичъ заговорилъ о чемъ-то съ Женей.

— А какъ у тебя, Гриша, по части книгъ, — спросила Алла:—есть у тебя что-нибудь?..

Гриша значительно кивнулъ ей головою и, стараясь шепнуть такъ, чтобы слышала только она одна, отвѣтилъ:

— Да, кой-что удалось достать — вотъ я тебѣ потомъ покажу,—и добавилъ громче: — Трудно у насъ раздобыть что-нибудь порядочное... Вотъ библіотеку недавно открылъ кто-то, только тамъ все романы больше, да и то, говорятъ, главнымъ образомъ, переводные, изъ уголовныхъ...

— Ну, а журналы, напримѣръ?

— Чего захотѣла—журналы!..

Алла сдѣлала гримасу.

— Но мнѣ, пожалуй, удастся попользоваться книгами отъ Буцефала—помнишь, Буцефалъ, нашъ библіотекарь гимназическій, его такъ споконъ вѣку Буцефаломъ прозываютъ. Такъ вотъ онъ долженъ библіотеку учительскую приводить въ порядокъ,—можно будетъ брать у него. А въ спеціально ученической библіотекѣ неважныя книги—Майнъ-Ридъ, Куперъ, Вальтеръ Скоттъ... Да ты же знаешь, что и въ прежніе ваши пріѣзды на каникулы всегда былъ недостатокъ на этотъ счетъ... А своего у тебя ничего нѣтъ?..

— О, самая малость... Вотъ только подруга одна моя, Басаргина—подарила мнѣ всего Шекспира. Я люблю Шекспира.

— Гриша, а мнѣ достанешь что-нибудь, а?.. Только я терпѣть не могу скучныхъ вещей... То-есть тѣхъ, которыя вы съ Аллой называете „серьезными"... Ты мнѣ достань, пожалуйста, Марлитта — я обожаю Марлитта, — вмѣшалась въ разговоръ Женя.

— Ну, Марлитта я, кажется, смогу тебѣ достать, — проговорилъ Гриша:—это, дѣйствительно, не черезчуръ серьезно.

— Нечего смѣяться,—возразила Женя:—всякій читаетъ то, что̀ ему нравится, и нельзя свой вкусъ навязывать другому...

— Я не спорю, ты права, — шутливо отвѣтилъ Гриша:—тѣмъ болѣе, что о Марлиттѣ я знаю только по наслышкѣ.

— То-то же! Если не читалъ, такъ и не говори!

— Я романовъ почти не читалъ вообще никакихъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ классическихъ. Мнѣ некогда было... Да я и не люблю романовъ...

— Ну, съ лучшей беллетристикой, и своей, и чужой, все-таки слѣдуетъ ознакомиться... Вѣдь беллетристика отражаетъ жизнь и даетъ возможность получить объ этой жизни болѣе разностороннее понятіе, чѣмъ можетъ пріобрѣсть человѣкъ посред-

ствомъ только одного своего личнаго опыта. Незнаніе такъ-называемой изящной словесности, по моему, порядочный пробѣлъ,—сказала Алла и, увидѣвъ мать, несущую огромное блюдо, полное варениковъ, объявила, что сегодня намѣрена объѣсться такъ, какъ еще никогда не объѣдалась.

— Объѣдайся, объѣдайся!—добродушно замѣтила мать, услыхавшая ея послѣднюю фразу.

Послѣ обѣда, мать пошла къ себѣ отдохнуть, по привычкѣ, съ полчасика; отецъ ушелъ на службу, которая отнимала у него буквально весь день, отъ ранняго утра до поздняго вечера, а барышни принялись раскладывать вещи и приводить хотя въ приблизительный порядокъ свою комнату.

Алла раздала братьямъ скромные подарки и вызвала этимъ кучу самыхъ шумныхъ благодарностей, особенно со стороны Вити. Онъ получилъ коробку леденцовъ и книжку „Разсказовъ о животныхъ“ съ картинками. Затѣмъ, барышни попросили братьевъ уйти и дать имъ немножко прилечь послѣ дороги.

— Пошли-ка мнѣ, Витя, Гришу, — сказала Женя имъ въ догонку, растягиваясь на только-что убранной ею самою постели.

— Зачѣмъ тебѣ?—спросила Алла.

— Да, вотъ, разспросить кой-о-чемъ хочется... Ну, Витя, позови же...

Мальчикъ убѣжалъ. Женя закинула руки подъ голову и, помолчавъ, объявила:

— Это будетъ ужасно, если намъ придется опять скучать здѣсь, какъ раньше... Я теперь вольный казакъ и не имѣю никакого желанія дохнуть отъ скуки!.. Надо Гришу поразспросить—можно ли будетъ здѣсь имѣть хоть кой-какое общество и хоть кой-какія развлеченія. Я надѣюсь, что наши не будутъ же насъ держать подъ спудомъ... Должны же мы видѣть людей—иначе что̀ же это, въ дѣвкахъ, что-ли, закиснуть останется... Благодаримъ покорно, большое удовольствіе!

— Гриши нѣтъ, на урокъ пошелъ, — прокричалъ черезъ дверь Витя:—вернется только часа черезъ три...

— Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ,—отозвалась Женя.—Я сплю. А ты, Алла?

— Я тоже прилягу. Усну-то я врядъ ли, но полежать хочется. Что-то голова съ дороги закружилась.

Опустивъ стору, Алла прикурнула на кровати, и въ комнатѣ воцарилась мирная тишина.

II.

— Ну, теперь давай устраивать свое логово,—объявила Женя на другой день.—Знаешь, Алла, я хочу помѣняться съ тобою кроватями и столами. Ты рано встаешь, и тебѣ будетъ все равно, если твою кровать поставить противъ окна, а мнѣ станутъ мухи надоѣдать,—штора не поможетъ. И столикъ твой мнѣ нуженъ подъ зеркало — тутъ зеркало удобнѣе поставить... хорошо?

— Какъ хочешь, мнѣ рѣшительно все равно,—согласилась Алла.—Надо попросить, чтобы мальчики смастерили полку для книгъ,—это было бы отлично! А то книги такъ треплются, когда ихъ держишь прямо на столѣ. Посмотри, какое дивное изданіе мой Шекспиръ... Вотъ восторгъ! Спасибо Лелѣ—у меня никогда не хватило бы денегъ на этакую прелесть...

— Отчего жъ бы ей и не дѣлать подарковъ, этой Басаргиной... Денегъ-то вѣдь у нея предостаточно. Ужъ куда и швырять-то ихъ не придумаетъ... Всякій бы на ея мѣстѣ умѣлъ подарки дѣлать... Да на то, что она заплатила за Шекспира—можно было бы приличное зимнее пальто заказать,—разсудительно сказала сестрѣ Женя и перебила сама себя совершенно инымъ тономъ:

— Ну, Алла, да помоги же мнѣ, Христа ради, съ платьями!.. Посмотри, какъ все перемялось! Говорила я тебѣ, что все будетъ перегажено!.. Смотри, на что̀ похоже мое бѣлое!.. Точно у теленка изо рта вынуто... Бери вотъ это и это... Я тебѣ совѣтую и твое кой-что захватить и отнести къ мамѣ въ шкафъ... А остальное я тутъ развѣшу... Да брось, брось хвататься за что попало—я это все и сама уберу, куда ужъ тебѣ!..

Алла послушно забрала все, что̀ было указано Женей, и понесла вѣшать въ шкафъ.

— Мама, дайте мнѣ ключи, платья хочу повѣсить,—обратилась она къ матери, штопавшей носки.

— Погоди, я сама пойду съ тобой,—сказала та, откладывая свою работу и снимая очки.

Отперли шкафъ, и мать стала сама развѣшивать платья, принесенныя Аллой. Она прежде тщательно осматривала ихъ и съ озабоченнымъ видомъ покачивала своей большой суровой головой.

— Твои платья еще туда-сюда, а Женины крѣпко обтре-

паны... Какимъ родомъ она могла ихъ такъ заносить? Гдѣ это видано этакъ съ вещами обращаться? Хоть бы было откуда новое шить...

Голосъ матери звучалъ неудовольствіемъ. Она рѣзкимъ движеніемъ захлопнула шкафъ, заперла на ключъ и обернулась къ Аллѣ.

— Ну, пойдемъ, я пересмотрю ваше бѣлье... Вѣрно, все грязнёхонькимъ привезли,—нужно будетъ послать за Явдохой, чтобы пришла постирать...

Пошли въ комнату дѣвушекъ и принялись ревизовать бѣлье. Оно оказалось въ крайне плачевномъ состояніи, разорванное, не починенное, а нѣкоторыя вещи и совсѣмъ пропали.

Неудовольствію Ирины Васильевны не было границъ. Съ гнѣвнымъ и разстроеннымъ лицомъ, она разсматривала и подсчитывала рубашки, юбки, чулки и прочее, причемъ не переставала все время причитать.

— Не знаю, чего вы обѣ смотрѣли! Все въ дырахъ, все порвано... Что̀ вы теперь надѣвать будете, ума не приложу... Хоть все новое шей, а за какіе шиши его пошьешь, новое-то! Алла, у тебя двухъ рубахъ не хватаетъ, трехъ паръ чулокъ, одной юбки, двухъ полотенецъ... Носовыхъ платка всего четыре изъ двѣнадцати. Куда все это дѣвалось?.. Съѣла ты, что-ли?..

Алла, блѣдная, смущенно смотрѣла на мать.

— Это насъ обокрали во время послѣдней стирки на квартирѣ... Не только у меня пропажа случилась, но и у всѣхъ почти... Бѣлье сохло во дворѣ, кто-то забрался и укралъ,—тихо и съ усиліемъ выговорила она.

— Ну, такъ надо было стребовать съ хозяйки!.. Тебѣ нѣтъ дѣла, куда оно дѣвалось! Сколько дала, столько и назадъ должны отдать,—гнѣвно крикнула Ирина Васильевна:—а ты, Женька, чего смотрѣла? У тебя тоже половину украли, и ты тоже молчала?

— Ничего у меня не украли,—огрызнулась Женя:—моего было мало въ стиркѣ. А что бѣлье рвется, то кто этому виноватъ!.. Что̀ его, два вѣка, что-ли, носить?.. Я бы и зашивала, если бы было когда, но нужно было зубрить всякія физики, космографіи, чертографіи,—вотъ и не хватало времени! А еще вы же въ претензіи, что и я медали не получила!..

Тонъ Жени окончательно взорвалъ Ирину Васильевну. Она оставила Аллу и сцѣпилась съ младшей дочерью, которая все время отвѣчала ей болѣе, чѣмъ развязно, и вызывала въ матери взрывы неистоваго раздраженія, выразившагося въ грубой брани,

обращенной къ обѣимъ. Любовь любовью, а нужда нуждой, и разъ онѣ это плохо понимали—мать не стѣснялась имъ все это какъ слѣдуетъ выставить на видъ. Алла все время тоскливо молчала, глядя въ землю. По ея блѣдному лицу время отъ времени пробѣгала болѣзненная судорога.

Непріятная сцена длилась бы, можетъ быть, еще долго, но въ дверяхъ появилась Параска со словами: „пани, идить мясо разбирать, бо пора вже за вечерю браться"... И Ирина Васильевна ушла въ кухню, махнувъ рукой и крикнувъ дочерямъ въ заключеніе:

— Много толку, я вижу, съ вашего ученья!.. Одинъ только деньгамъ переводъ! Надрываешься, лѣзешь за другими, хочешь дѣтямъ, какъ люди, образованіе дать, а они отъ великаго образованія уже и дырки въ рубашкѣ не могутъ зашить... Кто васъ замужъ такихъ возьметъ!

Послѣ ухода матери, въ комнатѣ дѣвушекъ царило нѣсколько минутъ подавленное молчаніе. Его нарушила Женя. Она весело разсмѣялась.

— Алла, „кто насъ замужъ такихъ возьметъ"?.. Но вѣдь кому же извѣстно, кромѣ мамы, что мы не умѣемъ штопать рубашекъ? Не будемъ же мы сами объявлять—„господа женихи, мы не умѣемъ штопать бѣлья"...

— Нечего смѣяться, Женя!.. Это вовсе не такъ весело,—сдержанно остановила сестру Алла:—мама по-своему вѣдь совершенно права... Деньги папѣ не легко приходятся... А мы обѣ, правду сказать, не очень-то бережливы.

— Ну, затяни еще ты „со святыми упокой"!.. Мало мнѣ мамы!.. Ну и не бережливы, ну и не умѣемъ бѣлья штопать, ну и наплевать!.. Выучимся, когда нужно будетъ—еще всему выучимся, даже и причитать такъ, какъ мама,—сердито закричала Женя.—Вѣдь, все равно, какъ есть, такъ и будетъ!.. Сколько ты ни ной, а сдѣланнаго назадъ не воротишь...

— Положимъ!.. Но что̀ сдѣлано однажды и сдѣлано скверно, во второй разъ непремѣнно слѣдуетъ попробовать сдѣлать лучше... Хоть попробовать, понимаешь?.. Трудно сказать, что мы до сихъ поръ *пробовали* серьезно подумать о нашемъ положеніи,—очень грустно сказала Алла, поднимаясь и беря со стола книгу.—Я пойду въ садъ, немножко почитаю... Потомъ, думаю написать Лёлѣ... Ты пойдешь тоже?..

— Нѣтъ, я сейчасъ не могу, развѣ приду погодя... Я хочу кой-какъ поправить свое желтенькое платье, а то надѣть не-

чего... На мнѣ оно очень широко въ тальѣ. Фу, какъ у меня еще со вчерашняго дня горитъ лицо... отъ вѣтру, должно быть.

Алла ушла, а Женя подсѣла къ зеркалу и принялась разсматривать свою физіономію. Она любитъ свою наружность и считаетъ себя очень хорошенькой. Въ сущности, она и въ самомъ дѣлѣ недурна. У нея нѣжный цвѣтъ кожи, пріятныя, хоть и мелкія, черты лица и хорошіе волосы, которые она подвиваетъ на лбу. Глаза невелики и обыкновеннаго коричневаго цвѣта, но при свѣтлыхъ волосахъ—брови и рѣсницы темныя, что очень ее краситъ. Притомъ, у нея отличная фигура, всякое платье сидитъ на ней какъ вылитое, и въ общемъ она даже довольно эффектна.

Полюбовавшись на себя нѣсколько минутъ, поправивъ прическу и улыбнувшись самой себѣ, Женя, напѣвая что-то, принялась за шитье...

Былъ уже седьмой часъ вечера, когда Алла вышла въ садъ. По дорогѣ она заглянула въ кухню и увидѣла, что Ирина Васильевна съ озабоченнымъ видомъ разрѣзываетъ на куски говядину къ ужину, который у нихъ всегда въ началѣ девятаго, по искони заведенному обыкновенію. По лицу матери Алла замѣтила, что та теперь всецѣло погружена въ возню со стряпней и въ воркотню на Параску. Съ облегченіемъ вздохнувъ, Алла заперла за собою двери и очутилась на дворѣ.

Солнце было еще высоко, но жара спала. Алла расположилась въ цвѣтникѣ подъ большой, старой акаціей, на травѣ. Прислонившись, въ полулежачей позѣ, плечами къ стволу дерева, она отдалась мечтательному настроенію. Ни о чемъ опредѣленномъ ей не думалось. Мысли лѣниво перескакивали отъ одного предмета къ другому, въ то время какъ глаза медленно, но замѣтливо скользили по знакомой картинѣ родныхъ мѣстъ.

Вотъ, за низенькимъ заборчикомъ, отдѣляющимъ палисадникъ отъ огорода, качаются отъ легкаго вѣтра верхушки картофельныхъ кустовъ въ цвѣту. Кой-гдѣ, между картофелемъ, одиноко высится крѣпкій стволъ подсолнечника съ огненнымъ дискомъ, обороченнымъ къ солнцу. Въ концѣ сада густо разросся „вишнякъ“, съ которымъ у Аллы связано столько дѣтскихъ воспоминаній. Тамъ есть одна большая, старая вишня. Она стоитъ немножко въ сторонѣ отъ молодняка, и Аллѣ ее видно. Одна вѣтка ея вытянута почти горизонтально—Алла часто сиживала на ней, лазая за ягодами, до которыхъ была большая охотница... А вонъ нѣсколько грушъ, сливъ, яблоня—единственная въ саду... Вонъ грядка съ сладкимъ горошкомъ—горошекъ недавно отцвѣлъ, и

появились уже маленькіе превкусные стручки. Мама всегда сѣетъ горохъ именно на этой грядкѣ подъ заборомъ, и Аллѣ кажется, что сладкому горошку отъ самого Бога предназначено рости на грядкѣ подъ заборомъ.

Какъ все это ей знакомо!.. На каждое дерево и на каждое растеньице Алла смотритъ какъ на живое существо.

Палисадникъ невеликъ и даже некрасивъ, но Алла его любитъ. Ей нравятся и акаціи, и кривая, съ засохшей верхушкой липа, и стройные, съ прозрачными коронами зелени, ясени, и остовъ молодой ёлочки, погибшей потому, что къ ней привязали качели. Грядки съ цвѣтами сдѣланы какъ попало. На нихъ ростутъ георгины, которые теперь еще только начинаютъ выходить изъ земли, такъ какъ въ этомъ году ихъ поздно посадили; ростутъ и настурціи, астры, резеда, бальзамины, и какіе-то крѣпко пахнущіе, ярко-желтые малорусскіе цвѣты, которыми „дивчата“ по праздникамъ любятъ въ изобиліи утыкивать себѣ головы. Тутъ и мята, и макъ, и даже мѣстами разбросаны скромные кустики помидора, этого симпатичнаго овоща.

Истомленная за день жарой, растительность, съ наступленіемъ прохлады, стала свѣжѣе; цвѣты, травы и деревья заблагоухали кто во что̀ гораздъ, и воздухъ, которымъ дышала Алла, просто опьянялъ—пахло и акаціей, сплошь покрывшейся крупными, бѣлыми кистями, пахло и „чернобривцами“, и мятой, и резедой. Даже съ огорода, съ самаго солнопёка знойная струйка воздуха доносила своеобразный запахъ цвѣтущаго картофеля.

Книжка Аллы валялась на травѣ, а Алла—наслаждалась природою. Она, вѣроятно, еще долго лежала бы въ такомъ созерцательномъ настроеніи, еслибы ее не вывелъ изъ этого полузабытья голосъ Гриши.

— Алла, если помѣшалъ—скажи откровенно, уберусь...

Алла даже чуть-туть вздрогнула отъ неожиданности и, улыбнувшись, отрицательно помотала головой.

— Нисколько не помѣшалъ... Я ничѣмъ не занята. Хотѣла-было почитать, но „розмаринъ“ одолѣлъ, лѣнь... Книжка лежитъ, и я лежу...

— Ужъ такое теперь время, ничего не подѣлаешь—жарища. Да и послѣ трудовъ праведныхъ отчего не полежать?.. А что̀ это за книжка?

— Такъ, французская... Для практики. Плохо французскій знаю, а можетъ пригодиться.

— Еще бы!

— Ты съ урока?

— Да. Съ двумя мальчиками и дѣвицей. Порядочный урокъ. Я такъ радъ, что раздобылъ его себѣ. Вѣдь въ университетъ нужно же съ чѣмъ-нибудь ѣхать... И одёжу нужно форменную... „правослушаніе“ платить... Некому вѣдь обо мнѣ безпокоиться — у дяди съ тетей своихъ заботъ довольно... Вотъ и придется собственными средствами новую жизнь начинать.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, это будетъ для тебя *новой* жизнью. Вѣдь ты, кромѣ нашего мѣстечка и окрестностей, еще никогда нигдѣ и не бывалъ. Ты въ какой университетъ думаешь?

— Еще навѣрное не знаю, не рѣшилъ... Можетъ быть, даже въ Москву, — задумчиво сказалъ Гриша: — а ты что̀ предпримешь?..

Алла немножко омрачилась.

— Ну, мнѣ-то трудно сказать, какъ придется мнѣ существовать съ осени. Я—не ты! увы!.. Ты все же самостоятельнѣе. Заработаешь себѣ денегъ и поѣзжай, куда хочешь. А я!.. Не знаю, не знаю, что̀-то будетъ... Пока не хочу и думать объ этомъ, боюсь... Мнѣ бы такъ хотѣлось хоть на фельдшерскіе курсы поступить! Я плохой педагогъ и не чувствую къ занятіямъ съ дѣтьми ни малѣйшаго призванія. Быть же учительницей только изъ-за куска хлѣба и во вѣки-вѣчные тянуть эту канитель — бррр!!.. лучше помирать... Я такъ всегда мечтала учиться медицинѣ! Когда Корнилова,—помнишь Корнилову?— мы съ тобой еще малышами были,—такъ вотъ, когда она окончила въ Петербургѣ курсы и пріѣхала сюда, къ отцу, ей Богу, Гриша, увѣряю тебя, я на нее какъ на какое-то высшее существо смотрѣла! Женщина, молодая дѣвушка—и вдругъ врачъ, настоящій человѣкъ, ученая... А ты на какой факультетъ собираешься?

— Думалъ на юридическій, только что̀ это за наука юридическая? Вѣдь такой-то и науки, собственно, нѣтъ. Вся она, по-моему, исчерпывается формулой: „я имѣю право на все, что̀ не будетъ посягательствомъ на такія же права всѣхъ другихъ людей“. Вотъ тебѣ и наука о правѣ. Ненужная она какая-то. Быть „законникомъ“, рыться въ толстыхъ томищахъ, подыскивая подходящіе къ случаю параграфы, изощряться въ „толкованіяхъ оныхъ параграфовъ“—да это пахнетъ чѣмъ-то средневѣковымъ, затхлымъ, схоластическимъ. Нѣтъ, посвятить себя этой „мертвятинѣ“ я былъ бы не въ силахъ... Экое, подумаешь, возвышающее душу занятіе! Дядя говоритъ ту же свою излюбленную фразу, которую и ты отъ него слыхивала: — „вѣчный кусокъ

хлѣба", — говоритъ, —слѣдователемъ будешь, потомъ еще, чего добраго, и въ прокуроры попадешь"... Я только отмалчиваюсь... Но въ прокуроры я не пойду... Эхъ, за границу бы!.. Поучиться бы тамъ, да тогда ужъ здѣсь, на родинѣ, приниматься за работу. Говорятъ, чудесно тамъ поставлено университетское обученіе— въ Швейцаріи, напримѣръ, или въ маленькихъ нѣмецкихъ городкахъ... И языки за-одно изучилъ бы еще и практически.

Алла удивленно слушала Гришу. Они не видѣлись цѣлый годъ, и не только не видѣлись, но и не переписывались, несмотря на взаимную симпатію, и Алла почуяла въ немъ какую-то важную, значительную перемѣну. Она привыкла въ немъ видѣть мальчика, товарища, сверстника, юношу, хотя и способнаго, и умнаго, но все же только юношу, а теперь серьезными темными глазами смотрѣлъ на нее почти незнакомый человѣкъ — вѣроятно, многое передумавшій и перечувствовавшій и о многомъ съумѣвшій составить себѣ надлежащее мнѣніе, пусть даже и ошибочное пока.

„А вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ почти совсѣмъ не знаю его", подумала она и спросила вслухъ:

— Какая же отрасль знанія болѣе всего привлекаетъ тебя?

Гриша видимо заволновался передъ тѣмъ, чтобы отвѣтить. Слабый румянецъ окрасилъ его щеки, глаза блеснули. Голосъ его слегка дрогнулъ, когда онъ заговорилъ—такъ вздрагиваетъ голосъ у очень молодыхъ, очень самолюбивыхъ и очень способныхъ людей, которые многаго отъ себя ожидаютъ и страстно вѣрятъ въ свои силы.

— Меня больше всего интересуетъ философія... и общественныя науки... соціологія...

— А!.. Общественныя науки — это я еще понимаю... Но философія...

— Что̀ философія?..—горячо крикнулъ Гриша:—философія— это наука наукъ! Все наше знаніе безъ философіи—это безпорядочно смѣшанный типографскій шрифтъ... И буквы-то тѣ же, и столько же ихъ, но онѣ ничего, помимо своего „буквальнаго" смысла, не значатъ. Другое дѣло, если изъ этихъ же буквъ составлена книга, объясняющая намъ смыслъ всего, что̀ только можетъ быть объяснено. Эта книга объединяетъ въ нѣчто цѣльное все, что̀ успѣло познать человѣчество... И эта книга научаетъ насъ понимать, куда надо направлять свои дальнѣйшіе труды, а также и отграничиваетъ область, доступную нашему разуму и нашей познавательной способности... Вотъ что̀ такое философія!

— Я и не знала, что ты такой... „философъ“,—замѣтила, дружелюбно улыбнувшись, Алла:—я лично мало интересуюсь философіей... быть можетъ, потому, что это выше моихъ умственныхъ силъ. Да я и не склонна придавать ей особенное значеніе... Въ жизни такъ много самой неотложной, самой насущной работы, что, право, для философствованій времени не хватитъ.

— Да, но безъ философіи я даже и не подумаю приняться ни за какую работу. Мнѣ нужно знать, стоитъ ли еще себя безпокоить этой „насущной“ работой... Да, и какъ я рѣшу, безъ философіи, какая работа—„насущная“? Да, можетъ быть, то, что мы рутинно считаемъ насущнымъ, и вовсе ненасущно, а насущно что-нибудь другое, какъ разъ обратное?

Алла только руками замахала.

— Охъ, батюшки, это для меня черезчуръ умно!.. Я пасую... Но только ты меня не убѣдилъ... А ты просто влюбленъ въ свою философію...

— Въ философію!.. Вотъ психопатъ!—раздался голосъ Жени, и ея собственная фигурка до половины высунулась изъ окошка, выходившаго въ садъ прямо надъ головами Гриши и Аллы.— Помоги мнѣ перелѣзть къ вамъ.

— Ну, Женя, узнаю тебя,—разсмѣялась Алла:—точно боевой конь при трубномъ звукѣ,—услыхала словечко: „влюбленъ“, и насторожила уши...

— Ври больше!.. Какой тамъ конь! Просто кончила платье, соскучилась одна въ комнатѣ, вотъ и все... А тутъ славно...

Женя комфортабельно расположилась на травѣ, прислонивъ голову къ колѣнямъ сестры, и съ довольнымъ видомъ посмотрѣла вокругъ.

— Все на своихъ мѣстахъ,—важно объявила она:—я довольна! Такъ и слѣдуетъ быть! Вѣдь еслибы за этимъ заборчикомъ не росло „картофля“, или еслибы срубили эту сухую елку— мнѣ бы показалось, что измѣнились физіономіи мамы и папы. Въ городѣ, да еще въ большомъ—не замѣчаешь той квартиры, гдѣ живешь. Сегодня—одна, завтра—другая; не жалко разставаться, не къ чему привыкнуть... А когда видишь съ дѣтства одно и тоже и на одномъ мѣстѣ—это становится частью насъ самихъ. Ну, попробуй, напримѣръ, Алла, вообразить маму безъ ея кровати, или комода, или коврика съ туркомъ на стѣнѣ въ спальнѣ... Какъ будетъ странно, когда останутся и кровать, и комодъ, и коврикъ, но не будетъ мамы и папы!.. Имъ будетъ не по себѣ, вѣроятно—этимъ бѣднымъ вещамъ...

— Ну тебя, Женя! Не наводи меланхоліи!—остановила ее Алла:—начали за здравіе, а свели за упокой...

— А развѣ я навожу меланхолію?.. Ну, такъ не надо... Поговоримъ лучше съ тобой, Гриша, вотъ о чемъ... Скажи по совѣсти—остался ли кто-нибудь въ этомъ паршивомъ городишкѣ на лѣто изъ твоихъ товарищей поинтереснѣе, и вообще, есть ли здѣсь хоть одна человѣкообразная фигура, съ которой мы могли бы познакомиться?.. Вѣдь если мнѣ предстоитъ скучать, то я предпочитаю повѣситься!.. Аллѣ это все равно, ты ее хоть въ погребѣ держи, только книжекъ ей туда навороти побольше, такъ она и не пикнетъ, и съ удовольствіемъ просидитъ тамъ хоть до второго пришествія.

— Какъ? Безъ свѣчки?—воскликнула Алла, смѣясь:—безъ свѣчки не согласна.

— Ахъ, молчи, пожалуйста!.. Тутъ серьезно говорятъ, а она шутитъ... Ну, Гриша!..

— Изъ товарищей кой-кто остался на урокахъ... Лошинскій, Перель, Казаченко... вотъ и всѣ, кажется... Помнишь ихъ?.. Славные ребята...

— А ну ихъ, твоихъ славныхъ ребятъ!.. Лошинскій—скучная тварь, надутый идіотъ, который воображаетъ, что онъ необыкновенно уменъ... Перель—съ морковнаго цвѣта головою и притомъ жидъ, а Казаченко—мужичьё, хамъ въ лакированныхъ сапогахъ!.. Нечего сказать—пріятная компанія!..

— Женя!—вырвалось у Аллы не безъ упрека.

Гриша хмуро слушалъ ее, и когда она кончила, сказалъ:

— Странно ты разсуждаешь!.. Впрочемъ, ты права, что у Лошинскаго смѣшная физіономія, что Перель — жидъ, а Казаченко—мужикъ. Но развѣ дѣло въ этомъ? Это—лучшіе люди,—замѣть, не только ученики, но и люди моего выпуска. Особенно Лошинскій... Онъ массу читалъ, массу знаетъ, обладаетъ большимъ природнымъ умомъ... Онъ странноватъ, правда, но вѣдь къ странностямъ можно привыкнуть... Зато поговорить съ нимъ—истинное удовольствіе...

— Ну, такъ я его предоставляю Аллѣ — „пущай" наслаждается его обществомъ... если мама найдетъ, что ей къ лицу якшаться съ мальчишками!.. Ты говоришь—„люди"... Развѣ же они—люди?.. *Только* мальчишки, которымъ еще нужно за книжками сидѣть, и которыхъ, кромѣ книжекъ, ничего и не интересуетъ... Какіе это люди!..

— А, такъ, по твоему, книжки не должны интересовать уже настоящихъ людей?

— Настоящіе взрослые люди — живутъ, а не за книжками свѣту Божьяго не видятъ... Для нихъ—книжки кончаются, а начинается жизнь...

— Значитъ—книжки сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ? Да еслибы книжки не имѣли существеннаго значенія для жизни, то и я, пожалуй, согласился бы съ тѣмъ, что питать къ нимъ интересъ не слѣдуетъ. Но, право, безъ книжекъ куда тяжеле было бы жить на свѣтѣ... Возьми хоть темное, безграмотное крестьянство — далеко ли оно безъ книжки уѣхало... Своихъ кровныхъ интересовъ не умѣетъ оберечь... Тысячелѣтіе блуждаетъ впотьмахъ, въ глухомъ закуткѣ...

— Ахъ, да развѣ всѣ мы не блуждаемъ впотьмахъ, несмотря на книжки, — сердито закричала Женя: — удивительно намъ хорошо живется!

— Ну, прежде было хуже, другъ мой,—терпѣливо сказалъ Гриша:—все посредствомъ тѣхъ же непріятныхъ тебѣ книжекъ ты могла узнать, каково жилось прежде и ушли ли мы впередъ, или нѣтъ... Быть можетъ, и не особенно многаго мы добились, но все же добились и еще добьемся... А твой скептицизмъ, какъ это и вообще бываетъ, происходитъ просто частью отъ неправильно усвоенныхъ знаній, а частью отъ недостатка ихъ...

— А твои знанія, должно быть, правильны и достаточны?— съиронизировала Женя.

— Нѣтъ, недостаточны пока, но, каковы они ни на есть сами по себѣ, они вызвали во мнѣ гораздо большій интересъ къ жизни, чѣмъ это бываетъ у людей, не обладающихъ никакими. Тутъ, братъ, взаимодѣйствіе: жизнь вызываетъ интересъ къ знаніямъ, а знанія вызываютъ интересъ къ жизни. Если знанія не вызываютъ интереса къ жизни, то они неправильны; а если жизнь не вызываетъ интереса къ знанію, то она не жизнь, а прозябаніе...

Алла слушала это, посмѣиваясь, но не вмѣшиваясь въ разговоръ. Женя, нисколько не желавшая затѣвать отвлеченный споръ, пренебрежительно пожала плечами на послѣднія слова Гриши, и, оставивъ ихъ безъ вниманія, спросила:

— Гдѣ Пагассовскій?

— А!.. Да это—человѣкъ, или мальчишка?

— Ну, спросилъ!.. Помѣщикъ, единственный сынъ!.. Навѣрное и не подумаетъ въ университетъ, а будетъ жить въ имѣніи, хозяйничать, помогать отцу... А тамъ женится и будетъ каждую зиму проводить въ Варшавѣ или Одессѣ... Онъ мнѣ это самъ говорилъ... Это не мальчишка!.. Онъ держится какъ настоящій

аристократъ; за нимъ всѣ здѣсь бѣгаютъ, какъ тебѣ же извѣстно... Сама ваша директорша ему въ глаза смотритъ, рада бы ему дочку всучить... И притомъ, это чертовски красивый субъектъ! Пожалуй, даже красивѣе тебя,—закончила Женя, приподнимаясь на локтѣ и окидывая Гришу критическимъ взглядомъ.

Гриша и Алла невольно разсмѣялись. Гриша чуточку сконфузился.

— Ты, Женя, мнѣ, кажется, комплименты говорить собираешься!.. Очень тебѣ благодаренъ. Я и воображать не смѣлъ, что когда-нибудь меня вздумаютъ сравнивать съ Пагассовскимъ. Только онъ вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ—пробка...

— Вздоръ!.. Съ Соломонами, вродѣ тебя, и разговаривать натощакъ тяжело... А онъ все-таки прелесть... Но, постой, бросимъ это, и говори толкомъ—есть ли еще кто-нибудь?

— Пріѣхалъ одинъ молодой докторъ недавно. Ищетъ, говорятъ, богатой невѣсты, или должности...

— Ну, ну?.. Ничего себѣ?

— А кто его разберетъ!.. Говорятъ, пьяница и ловеласъ!..

— Не бѣда! Ты его знаешь?

— Да, знакомъ. Съ виду—человѣкъ, какъ человѣкъ.

— Примемъ къ свѣдѣнію... Ну, а больше?

— Больше.. ну, кто бы... да, регентъ гимназическаго хора. Ты его видѣла, кажется, въ прошломъ году... Подиковъ... этакій черный, здоровенный...

— Ахъ, помню... семинарьё... Но ничего, представительный. Онъ съ папой знакомъ, вотъ что̀ хорошо. А Рушиловъ? Все здѣсь?

— Все здѣсь. Все такъ же дикъ и нелюдимъ. Все такъ же плѣняетъ нашихъ барынь сѣдыми волосами и длинной черной бородой. Вотъ—рекомендую!

— Да-а, куда ужъ намъ,—съ сожалѣніемъ вздохнула Женя:— и почище нашего отъѣзжали съ носомъ... Это не про насъ писано!.. Я въ хорошихъ отношеніяхъ съ его кузиной, но это ровно ничего не значитъ. Онъ на насъ и вниманія не обратитъ. Меньше какъ на сто тысячъ онъ и не посмотритъ!.. Послушай, Гриша, завтра воскресенье?

— Да, а что̀?

— У васъ въ гимназической церкви будетъ обѣдня?

— Какъ же! Я же и въ хорѣ пою, и апостола читаю. Батюшка просилъ не бросать его, пока не уѣду — другого нѣтъ, пришлось бы дьячка нанимать.

— Такъ ты, Соломонъ, пока въ дьячкахъ состоишь?—расхохоталась Женя, и даже Алла шутливо вскрикнула:

— О, Гриша, какъ же это такъ?!..

— Увы, маленькій компромиссъ,—такъ же шутливо, хотя съ видомъ душевнаго прискорбія, сознался Гриша: — вотъ тебѣ, Алла, примѣръ, какъ можетъ ввести во искушеніе слабаго человѣка желаніе имѣть пятерку по Закону Божію... Тѣмъ, кто отказывается отъ исполненія церковныхъ обязанностей, нашъ батюшка не поставитъ пятерки, будь онъ хоть семи пядей во лбу... Мнѣ же пятерка—необходима. Понимѐ ву?

— Охъ, очень „понимѐ",—серьезно кивнувъ головой, отвѣчала Алла.—Ее перебила Женя.

— Алла, пойдемъ въ церковь?.. Посмотримъ нашу публику! Любопытно!.. А Рушиловъ бываетъ въ церкви?

— Рѣдко, но бываетъ... И Михайловъ бываетъ—этотъ докторъ, что̀ я тебѣ говорилъ... и даже въ хорѣ поетъ иногда. Они съ Подиковымъ—большіе пріятели.

— Вотъ это отлично! Ну, ничего, дастъ Богъ, какъ-нибудь устроимся по путному. Ужъ я тебя, Алла, непремѣнно вытащу завтра въ церковь, будь увѣрена!

— Пожалуй.

— Надо, надо позаботиться о себѣ!.. Наши вѣдь врядъ ли могутъ понять, чего намъ нужно. Имъ бы только къ мѣсту насъ пристроить, а тамъ хоть пропадай—имъ это все равно... Нѣтъ, спасибо, я желаю жить, какъ мнѣ нравится!

Алла, полулежавшая въ прежней позѣ, задумчивая и даже слегка грустная, оживилась при послѣднихъ словахъ сестры.

— Да!.. Жить, какъ нравится! Ты права, Женя, на этотъ разъ...

— О!.. И не только на этотъ разъ, душа моя!..

— Ахъ, какъ счастливъ тотъ, кто можетъ устроить себѣ жизнь сообразно своимъ наклонностямъ!—страстно сказала Алла: —только это—преимущество людей или обезпеченныхъ, или очень сильныхъ... А тѣ, передъ которыми стоитъ вопросъ о „кускѣ хлѣба", зачастую должны ломать себя...

Алла стиснула зубы и замолчала.

— Да, невкусная штука,—шутливо посмѣиваясь, подхватилъ Гриша. Но брови его сдвинулись и въ глубинѣ глазъ сверкнулъ огонекъ.—Однако, никогда не надо унывать... И никогда не надо примиряться! Надо бороться, бороться, бороться—до послѣдняго издыханія!

— Тэкъ-съ,—иронически одобрила Женя:—за эту непримиримость—жизнь по твоему лбу понаколотитъ шишекъ, шишекъ, шишекъ...

— А по твоему, не сопротивляться: самъ ты рвешься на просторъ, такъ сказать, въ небеса, а дѣйствительность тебя тычетъ носомъ въ грязь? Да?

— А ты—рвешься въ небеса?—полюбопытствовала Женя:—предлагаю въ сотоварищи Аллу; она тоже на этотъ счетъ охотница... Кстати, въ небесахъ не учиняютъ разносовъ за дырки въ бѣльѣ!..

— То-есть?

— То-есть, что мама задала уже намъ достодолжнаго перцу „для пріѣзда". Видишь-ли, наше бѣлье не починено. Ну, и чортъ съ нимъ, что не починено... А у Аллы сейчасъ физіономія „умирающей лани", угрызенія совѣсти и такъ далѣе... Ужъ мамы, милая, не передѣлаешь; нужно поменьше обращать вниманія на ея гвалтъ.

— Женя, согласись, тѣмъ не менѣе, что мама права. Дырки могли бы быть зашиты. На это нужно не Богъ вѣсть сколько труда и времени. Лѣнь одна.

— Конечно, лѣнь. Это причина совершенно достаточная. Мы не виноваты, что лѣнивы—все отъ Бога.

— Ну, не глупи, Женя! Небось, если нужно возиться съ платьями или шляпками—ты хоть цѣлую ночь напролетъ готова не спать. Умѣешь, значитъ, заставить себя... И я такая же, только не съ платьями, а съ книжками...

— Да, это другое дѣло! Это намъ нравится—вотъ и все!

— Оно, конечно, казалось бы, что вся суть—въ дѣланіи того, что̀ намъ нравится,—сказалъ Гриша:—только бѣда въ томъ, что часто намъ нравится не то, что̀ надо. Это я не о васъ говорю, господа, а вообще. Вотъ когда мы доразовьемся до того, что намъ будутъ нравиться только такія вещи, которыя хороши и сами по себѣ, тогда, дѣйствительно, можно свободно слѣдовать своимъ влеченіямъ. А то, вдругъ, какъ разъ мнѣ понравится, скажемъ, красть,—вмѣсто того, чтобы зарабатывать трудомъ. Какъ отнесется общество къ подобному моему влеченію? Вѣдь отъ такихъ моихъ наклонностей оно пожелаетъ себя оградить принудительнымъ способомъ. Поэтому, для людей недостаточно развитыхъ существуетъ вынужденная нравственность, съ угрозой наказанія за отступленіе,—долгъ, а для стоящихъ на высокой ступени развитія—долгъ и влеченіе совпадаютъ, и они—настоящіе нравственные люди, свободно и органически нравственные! Вотъ что̀! А ты говоришь—„нравится"! Ты разсуди, сначала, не наноситъ-ли кому ущерба то, что̀ тебѣ нравится—

вѣдь ты, по настоящему, дырками въ твоемъ бѣльѣ отнимешь же время и деньги у тети... А у нея мало и того, и другого.

— Увы!—вздохнула Алла.

— По-моему,—быстро и застѣнчиво прибавилъ Гриша:—истинная нравственность заключается даже не въ томъ, чтобы не сдѣлать зла, поборовъ въ себѣ дурныя желанія, а въ томъ, чтобы не было и желанія дѣлать зло.

— Можетъ быть, ты на лунѣ и найдешь такихъ „нравственныхъ" людей, а на землѣ—сомнительно,—скептически выговорила Женя:—однако, „пофилософствуй, умъ вскружится", чтò совершенно лишнее. Ты меня, Гриша, въ дребезги заговорилъ. Вотъ у насъ въ классѣ была одна такая—Басаргина. Бывало, какъ сойдутся вдвоемъ съ Аллой—хоть святыхъ вонъ выноси. Въ воздухѣ такъ и кишатъ „умныя слова", топоръ можно повѣсить...

— Ну, равняешь ты меня съ Лёлей!—вскрикнула Алла.—Мнѣ съ ней спорить не подъ силу!.. Она замѣчательно образована, знаетъ нѣсколько языковъ, начитана, много путешествовала, знакома со многими выдающимися людьми!.. Куда мнѣ до нея! Это совсѣмъ необыкновенное существо!

— Ломака она и больше ничего,—презрительно отозвалась Женя:—богата только до неприличія; круглая сирота—на попеченіи у полоумной тетки-спиритки, которая позволяетъ ей чуть-ли не на головѣ ходить. Вотъ и вся ея „необыкновенность"...

— Неправда, Женя! Сама ты прекрасно знаешь, что она талантлива и блестяща на рѣдкость! Она умнѣе и, пожалуй, образованнѣе иного учителя... Если мнѣ дали медаль величиною съ серебряный рубль, то ей бы слѣдовало дать такую, по крайней мѣрѣ, какъ тарелка... Ей не дали никакой—за языкъ.

— Ну-у!—изумленно протянулъ Гриша, не совсѣмъ, впрочемъ, понявшій послѣднюю фразу Аллы:—то-есть, какъ это?

— Она ужасная спорщица. Съ учителями любитъ спорить... То-есть, даже и не то чтобы спорить, а „доѣзжать" ихъ... Вызовутъ ее, напримѣръ. Она отвѣтитъ урокъ, затѣмъ проситъ объясненій „по смущающимъ ея любознательность" вопросамъ и вгоняетъ ими, обыкновенно, учителя въ десятый потъ. Правду сказать, они у насъ таки не особенно слѣдятъ за наукой и считаютъ, что для гимназистокъ нечего особенно усердствовать...

— О, посмотрѣли бы вы у насъ!—зловѣще вставилъ Гриша.

— Разъ, помню, вышла цѣлая исторія по поводу тяготѣнія земного... Она объявила, что Ньютонъ говоритъ ерунду, привела названія сочиненій, указывающихъ недостаточность этой гипо-

тезы и опровергающихъ ее, назвала какого-то Аллегани, выпустившаго-де преубѣдительную брошюрку гдѣ-то въ Мадрасѣ, что ли, заговорила о лунатизмѣ, яко бы нарушающемъ всякіе законы тяготѣнія, и въ концѣ концовъ объявила, что такъ какъ, съ ея точки зрѣнія, гипотеза Ньютона не выдерживаетъ критики, то и вся физика въ теперешнемъ видѣ ни къ чорту не годится. Эффектъ вышелъ необычайный, учитель пожаловался начальницѣ, поставилъ ей тройку и не вызывалъ ее больше весь годъ.

— Ай да барышня!—въ восторгѣ закричалъ Гриша:—вотъ молодецъ!

— А потомъ съ учителемъ математики что̀ у нея вышло,—смѣясь, продолжала Алла, подзадоренная восторгомъ Гриши:—она сказала ему, что ее не удовлетворяютъ три измѣренія и что не все въ природѣ объяснимо при ихъ помощи. Нужно, дескать, четвертое...

— Ну, дай Богъ намъ и съ тремя справиться какъ слѣдуетъ—что̀ тамъ еще четвертое выдумывать. Нечего въ математикѣ фантазировать,—кисло замѣтила Женя.

— Вотъ-вотъ! Въ этомъ родѣ ей и возражалъ нашъ учитель. А она ему такую лекцію прочла, что классъ покатывался со смѣху... Она ему и Лобачевскаго, и Остроградскаго, и Гаусса какого-то, и Риманна, и Цёлльнера, и Бутлерова назвала, и о медіумизмѣ что-то такое заговорила—знаешь, про медіумическія явленія,—слыхалъ? Я ничего объ этомъ не знаю. Затѣмъ, когда она добралась до геометріи Эвклида и стала увѣрять, что аксіомы —это тоже вещь еще сомнительная, то учитель весь вспыхнулъ отъ негодованія и велѣлъ ей замолчать. Она и замолчала, но видъ ея былъ такъ побѣдоносенъ, что классъ умеръ отъ смѣха. Она покорно направилась къ своей скамейкѣ и съ полнѣйшей серьезностью, какъ бы про себя сказала: „Конечно, отъ рутины отстать трудно!.. Тѣмъ не менѣе—истина всегда останется истиной"... Съ учителемъ чуть не сдѣлался ударъ отъ злости, а въ классѣ поднялся такой гамъ, что насъ всѣхъ наказали. Да и много разъ она устраивала намъ подобные спектакли. Иной разъ это даже становилось непріятно, и я спрашиваю у нея, зачѣмъ это... „А это меня, говоритъ, Богъ послалъ нашимъ учителямъ, какъ, у Гёте, чорта человѣку. Они бы закоснѣли въ границахъ нашей гимназической программы, а такъ—какъ ни какъ, а все-таки хоть лишнюю популярную статейку прочтутъ, имъ полезно"... —Да вѣдь ты, говорю, часто прямо только гаерничаешь и выдаешь имъ за свое мнѣніе то, чего вовсе не думаешь,—къ чему это? „А это я, говоритъ, облекаю въ наименѣе затруднительную

форму нѣкоторыя горькія истины, которыя мнѣ хочется имъ преподнести. Пошучу, побалагурю—глядь, и угощу хорошей пилюлей... Это меня забавляетъ"...—Ну, думаю, пускай забавляется; бываютъ забавы и похуже этой.

Гриша внимательно слушалъ Аллу, и когда она кончила, серьезно сказалъ:

— Если она твоихъ лѣтъ, то основательно знать все, о чемъ она такъ непринужденно трактуетъ, она, мнѣ кажется, не можетъ. Если же весь этотъ блескъ есть только нахватанность обрывковъ, верхушекъ, то тѣмъ хуже для нея. Раньше, чѣмъ она успѣетъ найти вѣрный, но трудный путь для той работы, которая ей по сердцу и по способностямъ, ей уже все пріѣстся, какъ пріѣдаются самыя лучшія вещи, когда ихъ ѣшь не во-время и не въ мѣру. Чѣмъ человѣкъ способнѣе, тѣмъ онъ долженъ быть осторожнѣе: такъ легко размѣняться на мелочи, разбросаться! А если онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ знающій, несмотря на свои годы, то, разумѣется, надо только удивляться ей. Значитъ—богатство не испортило ее и пошло ей впрокъ, давъ ей широкую возможность работать при наилучшихъ условіяхъ.

— А все-таки она ломака... Иначе съ чего бы ей всѣ эти фортели выкидывать,—сердито сказала Женя:—рада, что знаетъ больше другихъ, и дѣлаетъ себѣ изъ этого потѣху!

— Ты къ ней черезчуръ строга, Женя,—горячо возразила Алла.—Я согласна, что она не такъ проста, какъ слѣдовало бы. Но заурядный человѣкъ на подобные, какъ ты говоришь, фортели не былъ бы даже способенъ, для этого все-таки койчто нужно! И потомъ, ты же сама знаешь, что она отзывчива и добра на рѣдкость. Сказать правду, у нея есть много несимпатичныхъ черточекъ... Но все же въ ней есть тоже что-то безконечно обаятельное... По крайней мѣрѣ, я такъ нахожу... и я ее очень люблю!

— Да, она съумѣла тебѣ зубы заговорить,—язвительно возразила Женя.—Добра-то она добра, положимъ, но эта доброта какая-то безразличная, точно ей просто лѣнь зло дѣлать... А если бы понадобилось,—повѣрь, не постѣснилась бы.

— Глупости! она честный человѣкъ,—рѣзко перебила сестру Алла.

— Идеализируешь ты ее, душечка!.. Погоди, еще спадутъ когда-нибудь съ твоихъ глазъ розовые очки,—съ миной тонкаго психолога объявила Женя. Помолчавъ нѣсколько секундъ, она прибавила вполголоса, какъ бы про себя:—Но она ничего... интересная...

— Красивая?—спросилъ Гриша и сконфузился, даже покраснѣлъ.

— Красавица!—восторженно вскричала Алла.

Женя презрительно пожала плечами.

— Выдра и больше ничего,—безапелляціонно опредѣлила она:—ободранная кошка.

Гриша даже руками развелъ.

— Вотъ и разбери васъ! То говоришь, что интересная, то выдра...

— Ну, не понять тебѣ этого, Соломонъ... Есть вещи, другъ Гораціо... Бросимъ, пожалуйста, эту Басаргину... Скажи мнѣ лучше, что̀ ты завтра въ церковь надѣнешь, Алла?

— А что-нибудь... Мнѣ все единственно...

— Я знаю, что ты можешь даже какъ чумичка выскочить. Только извини, пожалуйста, мы пойдемъ *вмѣстѣ*, и я тебя заставлю по-человѣчески одѣться...

Алла равнодушно кивнула головой.

— Вотъ они гдѣ!—завопилъ за ихъ спинами Витя такъ оглушительно, что всѣ вздрогнули отъ внезапнаго крика:—а мама бѣгаетъ по цѣлому дому, ищетъ васъ... Идите чай пить!..

— Ты могъ бы не такъ орать, труба іерихонская!—сердито набросилась на него Женя:—оретъ, чуть не треснетъ! Обломъ!

Витя переступалъ съ ноги на ногу и, наконецъ, смущенно произнесъ:

— Я не нарочно... Ты меня извини.

Алла обняла мальчика и, улыбаясь, утѣшила его:

— Пустяки, Витя, пойдемъ... Экая бѣда, что закричалъ...

И всѣ направились въ домъ.

III.

На слѣдующій день Алла поднялась въ восемь часовъ и, найдя, что это слишкомъ поздно, хотѣла-было, накинувъ что̀ попало, шмыгнуть поскорѣе съ книгою въ садъ, чтобы не разбудить Жени. Но не успѣла она всунуть въ туфли босыя ноги, какъ заскрипѣла Женина кровать, раздался звучный зѣвокъ и сонный голосъ ее окликнулъ:

— Алла, который часъ?..

— Восемь...

— У, какъ поздно!.. Еще опоздаемъ въ церковь... А ты куда?

— Въ садъ, читать...

— Успѣешь еще, моя милая... Пора за одѣванье приниматься... къ десяти часамъ нужно быть въ церкви.

— Какъ! Неужели же одѣваться цѣлыхъ два часа? Какія глупости!—съ неудовольствіемъ сказала Алла.

— Нисколько не глупости! Ты развѣ позаботилась приготовить на сегодня что̀ слѣдуетъ? Вѣдь нѣтъ? Платья перемяты до невозможности,—нужно велѣть Параскѣ утюгъ поскорѣе согрѣть... Кружева возлѣ шеи грязнёхонькія!.. Да мало ли еще что̀. Я встаю. Пожалуйста, не серди меня и не уходи—читать еще будетъ время. Я вовсе не желаю, чтобы ты была похожа, по своему обыкновенію, на трубочиста. Да и имѣй въ виду маму—она тебѣ сдѣлаетъ такую исторію, что ты жизни рада не будешь.

Алла со вздохомъ отложила книгу, сознавая, что въ словахъ сестры есть значительная доля истины.

Послѣ долгой, суетливой и скучной возни,—скучной, впрочемъ, только для Аллы,—барышни, въ полномъ парадѣ, пошли въ залу, показаться матери и заглянуть въ большое зеркало.

Караваевы были весьма небогаты, но, изъ желанія не отстать отъ людей, одѣвали дочерей хорошо. Это обстоятельство очень способствовало распространенію слуховъ, что Караваевъ—человѣкъ состоятельный, съумѣвшій нажиться за 25 лѣтъ службы въ приставахъ, и только притворяется бѣднякомъ, изъ „политическихъ“ разсчетовъ. Ирина Васильевна знала про эти разговоры и только хитро улыбалась втихомолку: „пускай, молъ, говорятъ—тѣмъ легче будетъ дѣвчатамъ замужъ выскочить“.

Алла, въ свѣтлосѣромъ батистовомъ платьѣ, черной кружевной шляпкѣ и свѣжихъ черныхъ перчаткахъ, имѣла вполнѣ „комильфотный видъ, болѣе даже комильфотный, чѣмъ Женя—въ эксцентричномъ свѣтло-голубомъ нарядѣ съ ярко-синими рукавами и крохотной шляпкѣ, которая едва держалась на высокой прическѣ. Зато Женя была похожа на модную картинку, и, тщательно оглядывая себя въ зеркало, осталась собою очень довольна.

Мать нашла, что онѣ обѣ сегодня весьма интересны. Ей нравилось, что у Аллы такой солидный видъ. Ирина Васильевна сознавала, что той не шли бы вычурныя выдумки во вкусѣ Жени, и за простоту фасоновъ вознаграждала свою любимицу качествомъ матеріала, который она всегда, для старшей дочери, брала изъ самыхъ лучшихъ сортовъ. И то сказать—гдѣ для Жени требовалось 25—28 аршинъ, Аллѣ достаточно было 17—18, такъ что цѣна на одно и выходила.

— Женя, не слишкомъ ли ты свой чубъ напудрила?—замѣтила мать младшей.

— Ничего, теперь мода,—отвѣтила та, брызгая на себя персидской сиренью:—Нà, Алла, надушись!

— Ну, ступайте, не то опоздаете. Я позже приду; мнѣ нужно еще Параску съ базара подождать... Не очень только вертись, Женя, въ церкви!—напутствовала ихъ мать.

Церковь была недалеко, но стояла такая жара, что пока молодыя дѣвушки добрались до нея—имъ сдѣлалось почти дурно. Женя была ужасно раздражена.

— Навѣрное, эта проклятая жара всѣхъ удержитъ дома, въ церковь никто и носу не покажетъ. Изжариться можно, чистое пёкло! У меня навѣрное вся морда красная, точно съ нея содрали кожу. Ужъ если даже ты раскраснѣлась,—красива должна быть я! И чубъ весь размокъ отъ поту! Хорошо еще, что догадалась вуаль надѣть.

Въ церкви царила прохлада, и, вопреки мрачнымъ ожиданіямъ Жени, народу было довольно много. Барышни прошли на свое обычное мѣсто возлѣ лѣваго клироса и чинно встали рядомъ. Но Женя успѣла уже замѣтить губастую и носастую физіономію своей пріятельницы „Макитры", и послала ей чуть замѣтную улыбку и кивокъ.

„Макитра", т.-е. Марья Аверьяновна, или, какъ она любила, чтобы ее называли, Марья Валерьяновна Засулина,—товарка ихъ обѣихъ по гимназіи, но она не кончила, по домашнимъ обстоятельствамъ, курса и занимается репетиціями. Она тратитъ всѣ свои заработки на наряды, одѣвается еще сверхъестественнѣе Жени и издавна конкуррируетъ съ нею въ этомъ направленіи. Она достигла виртуозности въ умѣньѣ изъ самаго простого и, повидимому, мало пригоднаго матеріала создавать оригинальные и даже обращающіе на себя вниманіе городка костюмы. Такъ, напримѣръ, у нея хватило непостижимаго терпѣнья изъ лоскута ярко-красной дешевой шерстяной матеріи и изъ старой темнозеленой бархатной кофточки своей замужней сестры соорудить себѣ нѣчто поразительное: она изрѣзала кофту на кружочки, величиною съ двухъ-копѣечную монету, и симметрически нашила эти кружочки на свой красный лоскутъ. А лоскутъ былъ длиною въ 19 аршинъ. Платье вышло „удивительное", и городскія модницы недоумѣвали—гдѣ могла достать Засулина такую очаровательную и оригинальную матерію!

Лѣвый клиросъ, съ наступленіемъ каникулъ, пустовалъ, такъ какъ оставшихся въ городѣ гимназистовъ едва хватало для одного

праваго. Да и то являлись пѣть изъ „дипломатическихъ" соображеній тѣ, кто дорожилъ пятеркой у „батюшки".

Съ праваго клироса, изъ-за хоругви, прикрѣпленной къ его углу, высунулась кудрявая голова Гриши и, улыбнувшись сестрамъ, скрылась. Черезъ минуту раздался его голосъ, читавшій что-то. Голосъ старался быть серьезнымъ, но, несмотря на всѣ старанія, замѣтно вздрагивалъ смѣшливыми, молодыми нотами. Алла подавила улыбку, Женя захихикала.

— „Благословенно Царство", — возгласилъ батюшка изъ алтаря. — „А-а-а-а-а",—далъ тонъ Подиковъ хору, и обѣдня началась.

Женя усердно крестилась и кланялась, но какъ нельзя лучше замѣтила, что изъ-за хоругви на нихъ выглянулъ Подиковъ, затѣмъ еще кто-то, бѣлокурый, коротко стриженый.

„Незнакомое лицо... Должно быть, тотъ докторъ, — подумала Женя и поправила чубикъ:—а недуренъ"!..

Сбоку, возлѣ столика, гдѣ продавались свѣчи, стояла молоденькая дѣвушка въ форменномъ, коричневомъ платьѣ. Немножко сзади, зоркій глазъ Жени увидѣлъ высокаго, худощаваго мужчину въ желтой чичунчевой парѣ съ длинной черной бородой и сѣдыми волосами, обрамлявшими еще совсѣмъ молодой лобъ. Это былъ Рушиловъ съ кузиной. Его раннюю сѣдину приписывала мо́лва какимъ-то загадочнымъ романическимъ причинамъ. Только два-три голоса поясняли это дѣло иначе: они говорили, что волосы его посѣдѣли еще во времена студенчества, послѣ опыта съ какой-то ѣдкой помадой. Но мѣстная публика отвергла это объясненіе, какъ нѣчто неподходящее, и предпочла вѣрить тому, что̀ ей нравилось.

Сердце Жени взволнованно забилось. Она наклонилась къ сестрѣ и прошептала:

— Рушиловъ тутъ... смотритъ въ нашу сторону...

— Пускай смотритъ,—хладнокровно отвѣтила Алла.

Женя съ негодованіемъ отвернулась отъ сестры и, встрѣтившись съ глазами Зины Рушиловой, улыбнулась ей съ интимнымъ видомъ короткой пріятельницы и кивнула ей головой. Молоденькая дѣвушка отвѣтила ей весьма дружелюбно—она шла тремя классами ниже Караваевыхъ, и дружба съ Женей ей льстила.

Мимо нихъ съ шумомъ прошла дородная дѣвица въ шелковомъ платьѣ съ трэномъ—консерватѐрка, дочь мирового судьи. Она небрежно задѣла Женю зонтикомъ и, не обративъ на это ни малѣйшаго вниманія, прослѣдовала дальше. Женя поблѣднѣла отъ злости.

— Дрянь!.. Напѣпила шолковое платье въ сорокаградусную жару и думаетъ, что важная особа... Голосокъ съ воробьиный носокъ, а туда же мнитъ себя артисткой... Артистка!.. Корова, а не артистка... Именно корова!

Это послѣднее соображеніе такъ утѣшило Женю, что она съумѣла плѣнительно улыбнуться Гришѣ, который снова смотрѣлъ на нихъ изъ-за хоругви, причемъ Женя не была слѣпой, чтобы не видѣть, какъ изъ-за его плеча выглядываетъ широкоскулая, длинноусая физіономія Подикова.

Алла тоже посмотрѣла на Подикова и подумала: „Одинъ изъ жениховъ“... „По меньшей мѣрѣ, будущій протодьяконъ“...

Вошла Ирина Васильевна и стала у порога. Ежеминутно крестясь и громкимъ шопотомъ читая молитвы съ горячей набожностью, она, тѣмъ не менѣе, пытливо посмотрѣла вокругъ, и въ короткое время успѣла сдѣлать столько наблюденій, что для менѣе проницательнаго смертнаго понадобился бы по крайней мѣрѣ годъ. Наблюденія, должно быть, пришлись ей по вкусу, потому что суровое лицо ея выразило полнѣйшее удовлетвореніе, и она закрестилась и зашептала молитвы съ еще бо̀льшимъ усердіемъ.

Алла скоро устала стоять и съ удовольствіемъ вышла бы въ притворъ, посидѣть на скамеечкѣ, но этимъ правомъ пользовались или больные, или наиболѣе пожилые изъ прихожанъ. Ей оставалось терпѣливо достоять до конца. Она хорошо видѣла, что на нихъ съ сестрою обращаютъ вниманіе, и это ее конфузило и раздражало. Какъ виноватая, она смущенно краснѣла, злилась сама на себя и старалась ни на кого не смотрѣть, тогда какъ Женя подъ перекрестнымъ огнемъ любопытныхъ взглядовъ чувствовала себя какъ нельзя лучше.

Въ церкви была цѣлая куча знакомыхъ дѣвицъ, съ которыми Женя, не оставляя своего скромно-благочестиваго вида, успѣла обмѣняться какимъ-нибудь привѣтственнымъ знакомъ. Макитра, въ лиловомъ платьѣ, украшенномъ собственноручной вышивкой, и въ премиленькой шляпкѣ собственной работы, продѣлала даже съ ней родъ телеграфическихъ сигналовъ—краткихъ, выразительныхъ и энергичныхъ. Поправляя кушакъ у платья, она какъ бы мимолетно ткнула пальцемъ въ сторону Рушилова. Въ отвѣтъ— Женя прижала руку къ груди и возвела къ небу глаза съ выраженіемъ умиленія. Макитра улыбнулась и дернула подбородкомъ, какъ бы говоря ей этимъ жестомъ: „не про васъ, сударыня“. Тогда Женя сдѣлала самоувѣренно-торжествующую мину и многозначительно улыбнулась, точно отвѣчая ей: „увидимъ“!

Ирина Васильевна прекрасно замѣтила весь этотъ обмѣнъ депешъ и жестоко разсердилась.

— Безстыдница!.. Въ церкви!..—подумала она про „Макитру“ и такъ шумно вздохнула, крестясь, что отъ этого вздоха, какъ отъ вѣтра, чуть не шарахнулись въ разныя стороны ленты, украшавшія платье барышни, которая стояла передъ нею.

А народу все прибывало. Вошли двѣ дамы—мѣстныя львицы, пріятельницы и соперницы въ смыслѣ первенствованія въ обществѣ. Это—начальница женской прогимназіи Анна Николаевна Бедрякова и жена нотаріуса—madame Вытрусевичъ. Обѣ расфуфырены въ пухъ и прахъ. Возрастъ ихъ разобрать трудно, но нѣжныя розы и лиліи подъ вуалеткой madame Вытрусевичъ слишкомъ ужъ нѣжны, а физіономія Анны Николаевны, несмотря на всѣ усилія ея обладательницы, смотритъ сварливо и старообразно. Обѣ прошли почти къ самому алтарю и стали впереди всей остальной публики. Онѣ рѣдко крестились маленькими крестиками и кивали головами при этомъ такъ, какъ киваютъ короткому знакомому, съ которымъ держатся на равной ногѣ.

Пришла молоденькая, блѣдненькая дѣвушка съ глупенькимъ дѣтскимъ личикомъ, съ тупымъ толстенькимъ носикомъ и наивно-мечтательными глазками. Она одѣта въ дешевое бумажное платье, хоть и линючаго цвѣта, но сшитое съ неизбѣжными поползновеніями на моду. Она почтительно поклонилась Иринѣ Васильевнѣ и стала недалеко отъ нея. Это—одна изъ подругъ Аллы и Жени—Лиза Бочковская, дочь очень бѣдной вдовы-чиновницы, живущей крохотной пенсіей. Лиза влюблена въ Женю, считая ее образцомъ хорошаго тона, благоговѣетъ передъ Аллой, побаивается Ирины Васильевны, проявляющей къ ней временами суровую нѣжность, и гордится знакомствомъ съ ними.

Почти въ самомъ концѣ обѣдни появилась баронесса Китценмаузенъ, племянница директорши, въ сопровожденіи ея дочки—долговязенькой, скромной барышни съ хорошенькимъ, застѣнчивымъ личикомъ. Звонко и развязно стуча каблуками и распространивъ рѣзкій запахъ духовъ, баронесса подошла и стала рядомъ съ Рушиловымъ. Стянутая корсетомъ „на нѣтъ“, съ надменнымъ, некрасивымъ лицомъ и презрительно сощуренными глазами въ пенснэ—она еще молода, но смотритъ старше своего возраста. Непринужденно, какъ у себя въ гостиной, она пожала руку Рушилову и зашептала ему что-то на ухо. Тотъ нахмурился, выслушалъ и отодвинулся въ сторону. Женя и „Макитра“ обмѣнялись довольными взглядами.

Церковь была полна. Преобладали на девять-десятыхъ дамы,

а одна десятая состояла почти исключительно изъ гимназистовъ, проживающихъ въ городкѣ. И если къ вышеупомянутымъ, Рушилову, Подикову и стриженому незнакомцу, прибавить еще толстаго, престарѣлаго мирового судью, двухъ-трехъ гимназическихъ надзирателей, да нѣсколькихъ мѣщанъ, затесавшихся въ аристократическую церковь, то вотъ и всѣ мужчины.

Обѣдня длилась не слишкомъ долго, такъ что достоять до конца не представляло особенной трудности. Батюшка не тянулъ; читали и пѣли быстро и хорошо. Несмотря на жару, въ каменномъ зданіи было прохладно, и прихожане за-одно и помолились, и отдохнули отъ зноя, что̀ на дворѣ.

Вотъ и конецъ. Всѣ высыпали на паперть, толкаются, торопятся, здороваются и перебрасываются двумя-тремя фразами.

Къ Караваевымъ подошли „Макитра" и Лиза Бочковская. Женя разсѣянно пожала имъ руки и отвернулась, такъ какъ выслѣживала Зину Рушилову. Завидя ее, идущую со своимъ родственникомъ, она, улыбаясь, посмотрѣла на нее и крикнула:

— Зина, жду тебя къ намъ...

Та вспыхнула и закивала ей головой. Рушиловъ наклонился къ ея уху и что-то сказалъ ей. Удивленіе и удовольствіе ярко отразились въ ея чертахъ. Она подбѣжала къ Караваевымъ и, здороваясь со старухой, спѣшно и застѣнчиво заговорила:

— Мой двоюродный братъ проситъ позволенія быть вамъ представленнымъ. Тогда мы, если позволите, вмѣстѣ придемъ къ вашимъ барышнямъ... Адріанъ Никитичъ, подите сюда... Вотъ, Ирина Васильевна, мой кузенъ... Алла... Женя...

Женя даже поблѣднѣла отъ неожиданности и волненія. Алла законфузилась и не знала, куда смотрѣть,—такъ ее ошеломило то обстоятельство, что интересъ къ нимъ Рушилова сдѣлалъ ихъ предметомъ всеобщаго, довольно назойливаго и не слишкомъ дружелюбнаго вниманія всей публики. Спокойнѣе всѣхъ оказалась Ирина Васильевна. Она озарилась самой искренней, довольной улыбкой, крѣпко пожала руку Рушилову, какъ бы благодаря его, что онъ нашелъ пріятнымъ познакомиться съ ея дочерьми, и заявила, что будетъ очень рада, если они съ Зиночкой заглянутъ къ нимъ когда-нибудь. Рушиловы пообѣщали, простились и ушли. Баронесса Китценмаузенъ, вся желтая, окинула Караваевыхъ уничтожающимъ взоромъ. Бедрякова и Вытрусевичъ тоже прошлись по обѣимъ дѣвушкамъ небрежнымъ и высокомѣрнымъ взглядомъ, на который Женя отвѣтила торжествующей улыбкой.

Вышли изъ церкви Гриша съ Подиковымъ и бѣлокурымъ

незнакомцемъ. Тѣ простились съ Гришей дружескимъ рукопожатіемъ и любопытно посмотрѣли на барышенъ. Женя кокетливо обернулась къ Гришѣ, скользнувъ боковымъ полувзглядомъ на его спутниковъ.

Алла выходила изъ терпѣнія отъ этой выставки и настойчиво повторяла: „мама, Женя, да идемъ же“!..

— Макитра, Лиза! намъ по дорогѣ, — сказала наконецъ Женя, считая, что оставаться на паперти больше незачѣмъ.

— Отлично, — согласились тѣ, поглядывая на Гришу. Но онъ круто повернулъ въ сторону и ушелъ съ Витей кратчайшей дорогой.

Распустивъ зонтики и подобравъ складки платьевъ какъ можно выше, чтобы спастись отъ легендарной пыли благословеннаго городка, дамы пустились въ путь.

Макитра схватила Женю подъ руку, Лиза пошла рядомъ съ Аллой, а Ирина Васильевна тяжело заковыляла сзади, самодовольно улыбаясь и обливаясь потомъ.

Алла чувствовала себя немножко недовольной, и не безъ усилія отвѣчала на разспросы Лизы о томъ, какъ она находитъ сегодняшнюю публику.

Макитра и Женя болтали такъ оживленно и хохотали такъ весело, что, глядя на нихъ, можно было счесть ихъ счастливѣйшими изъ смертныхъ.

— Ай да Женька, молодецъ! — восклицала Макитра, пораженная успѣхомъ подругъ: — умѣешь обдѣлывать дѣла!.. Только все-таки интересно бы знать, кто изъ васъ двухъ больше понравился Рушилову... Онъ такой серьезный господинъ — ему трудно угодить... Я видѣла, что онъ посматривалъ на Аллу...

Подозрѣвая въ послѣдней фразѣ Макитры шпильку, Женя хитро засмѣялась:

— Не все ли равно, душа моя, на кого онъ посматривалъ!.. Лишь бы не на Китценмаузеншу...

— А ты замѣтила — до чего лѣзетъ къ нему эта дура? Вотъ стыда мало! Кажется, еслибы смогла, то въ церкви же ему на шею бы повѣсилась. Аристократка! Перетянулась такъ, что чуть не перервется, и воображаетъ, что лучше ея нѣтъ...

— Ну ее! — презрительно отозвалась на это Женя: — аристократка, а физіономія — какъ у прачки. Станетъ онъ на нее смотрѣть... да еще бѣдная. А ты, Макитруся, заходи къ намъ, не заставляй себя просить... Пойдемъ гулять вмѣстѣ въ городской садъ. Аллу вѣдь вытащить трудно. Ты писала мнѣ, что не скучаешь...

— Да когда тутъ скучать!—какъ будто бы даже съ огорченіемъ воскликнула Макитра:—съ утра до вечера уроки, а тамъ едва урываюсь сдѣлать что-нибудь для себя... Это лиловенькое —сама шила. Хорошо?

— Прелесть! — изумленно воскликнула Женя: — не можетъ быть, чтобы сама!..

— Ей Богу, сама!—въ восторгѣ захохотала Макитра.

— Какъ же ты выучилась? У кого?—вопрошала изумленная Женя.

— А такъ и выучилась... Сама отъ себя, — поясняла Макитра, прибѣгая къ оборотамъ рѣчи, явно доказывающимъ ея на половину польское происхожденіе.

— Счастливица! Не нужно денегъ на модистку, — съ завистью сказала Женя:—эти модистки столько денегъ съѣдаютъ, что вмѣсто одного платья на три хватило бы!

— Да, вотъ это мое всего обошлось мнѣ въ четыре сорокъ, съ нитками для вышивки, — объявила Макитра затуманившейся подругѣ.

— Счастливица! — повторила Женя: — надо и мнѣ попробовать...

— Конечно, попробуй,—доброжелательно откликнулась Макитра:—никакой трудности! Скоро „складкѳвый“ балъ нашихъ восьмиклассниковъ... Вашъ Гриша долженъ знать... Хотятъ устроить на ярмарку въ клубѣ... Меня уже пригласили!

— Ну, разумѣется, тебя-то... Что же это Гриша мнѣ ни слова! Вотъ оболтусъ!.. Все о „небесныхъ мигдалахъ“ мечтаетъ, а о чемъ-нибудь земномъ и не вспомнитъ, — не безъ волненія вскричала Женя:—вѣроятно, не одни же восьмиклассники будутъ на балу, пригласятъ и другихъ кавалеровъ; такъ, кажется, и раньше дѣлалось... Непремѣнно надо быть!.. О платьѣ нужно подумать...

— И я еще не думала!.. Зайду на дняхъ, посовѣтуемся...

— Смотри же, заходи!—оживленно сказала Женя, и, сближенныя общимъ интересомъ, подруги съ особенной теплотою пожали другъ другу руки, разставаясь.

Простилась съ ними и Лиза, поцѣловавъ руку у Ирины Васильевны. Съ Аллой она простилась за руку, а съ Женей поцѣловалась.

— Приходите, Лиза, къ намъ, — ласково сказала ей старуха:—только пораньше, не вечеромъ, а часамъ къ двумъ, къ обѣду, и посидите у моихъ барышенъ. Кланяйтесь мамѣ.

Лиза поблагодарила и повернула въ свою улицу, довольная и

счастливая. Ирина Васильевна не безъ состраданія посмотрѣла ей вслѣдъ.

— Курченокъ!.. Кожа да кости, вродѣ тебя, Алла... Да и то сказать — бѣднотà!.. Выгоды никакой не имѣютъ, ѣдятъ разъ въ день... Пусть ходитъ, хоть пообѣдаетъ когда по-людски... Ухъ, и жара же... Рубашка вся къ тѣлу пристала... Хоть бы до дому поскорѣе добраться... Отдохну и купаться пойду, мочи моей нѣту... Алла, не замѣтила, мальчишки всѣ были въ церкви? Или одинъ только Витька?..

— Всѣ, мама, стояли рядомъ съ Буцефаломъ,—развѣ вы не обратили вниманія?

— Ну, если были, такъ хорошо... А то имъ, лодырямъ, такъ въ церковь хочется, какъ мнѣ танцовать... Слава тебѣ, Господи, добрались-таки!..

Тяжело отдуваясь, вошла Ирина Васильевна въ просторныя сѣни и грузно опустилась на стулъ.

— Фффу-у!.. Отдышусь немного и чаю вамъ дамъ... Богъ съ нимъ, съ купаньемъ — развѣ передъ обѣдомъ пойду... Двинуться трудно... Витя, папа дома?..

— Нѣтъ... За нимъ прислали, уѣхалъ,—отрапортовалъ Витя.

— Боже ты мой, не дадутъ ему и въ праздникъ покою,— бѣгай, да бѣгай, какъ гончая собака! — вздохнула Ирина Васильевна:—напился ли хоть чаю?..

— Параска налила... При мнѣ выпилъ нàскоро, какъ я только-что вернулся изъ церкви, и сейчасъ же уѣхалъ...

Ирина Васильевна грустно пожала плечами и пошла разоблачаться.

— Не уходите, барышни, сейчасъ чаю дамъ,—сказала она:— сниму только платье... Я скоро...

Пока Ирина Васильевна раздѣвалась, пришли Гриша, Алеша и Костя, которые уже успѣли сбѣгать и выкупаться—Витю мать не пускала безъ себя, чтобы не утонулъ. Дѣвушки, сбросивъ шляпки, сидѣли въ залѣ. Женя, завидѣвъ Гришу, позвала его.

— Гришка, свинтусъ, у васъ балъ, а ты мнѣ ни слова?!.. Это на какомъ основаніи?

— Ахъ, виноватъ—извини! Забылъ!—оправдывался тотъ:— да и, наконецъ, вы такъ недавно пріѣхали, что и успѣть некогда было...

— Ну, Богъ проститъ... Только смотри, чтобы мы были приглашены...

— Ой, Женя, только не я!—взмолилась Алла:—я терпѣть не могу танцовать... И даже не умѣю...

— Выдумай еще что-нибудь!.. Ну, будешь такъ сидѣть, если не захочешь танцовать, а одну меня мама не пуститъ. Нечего уже тебѣ начинать свои фанаберіи, Алла! И кого ты этимъ удивить хочешь!

— Никого не хочу. Только ты знаешь, что я не раздѣляю твоихъ вкусовъ, — холодно отвѣтила Алла: — мнѣ тамъ будетъ скучно, вотъ и все.

— Поскучаешь,—рѣшительно сказала Женя:—ты же такая противница эгоизма,—ну, не будь эгоистичной, поскучай для меня. Ты все о чемъ-то мечтаешь, а мнѣ нужно о своей шкурѣ подумать; папа намъ капиталовъ не припасъ, какъ тебѣ извѣстно! Будемъ прятаться отъ людей—ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ...

Женя замолчала на мгновеніе и, перемѣнивъ тонъ, обратилась къ Гришѣ:

— Этотъ бѣлобрысый, что выглядывалъ изъ-за тебя—*тотъ* докторъ?..

— Да. Онъ нашелъ васъ „интересными экземплярами“ и желаетъ познакомиться. Подиковъ тоже.

— „Экземплярами“,—засмѣялась Женя:—ахъ, онъ нахалъ этакій!.. Ну, познакомь...

— А тетя?

— Что̀ „тетя“? Небось, ничего не скажетъ, еще рада будетъ... Видѣлъ, какъ была любезна съ Рушиловымъ? Лестно было, что весь народъ глаза на насъ вытаращилъ: Рушиловъ вѣдь не очень-то по части знакомствъ,—не безъ гордости заявила Женя.

— Да-а, онъ порядочный дикарь,—замѣтилъ Гриша:—все больше дома сидитъ, молчитъ... Но если случится ему попасть въ общество—иной разъ и пускается въ разговоры... Нѣкоторые скептическіе умы, слышавшіе его, положительно утверждаютъ, что посѣдѣлъ онъ не отъ мудрости...

— Дурачье, эти твои скептическіе умы,—отрѣзала Женя:— одна борода у него чего стоитъ... И эти сѣдые волосы, и задумчивые сѣрые глаза. Прелесть, прелесть!

— Ну, чай пить ступайте!—сказала имъ Ирина Васильевна, проходя съ сахарницей черезъ залу. На ней была только легкая ситцевая юбка и бѣлая коленкоровая кофточка, но ей, повидимому, продолжало быть жарко. Она тяжело отдувалась и по временамъ вытирала рукавомъ вспотѣвшую физіономію.

Всѣ побрели за ней въ столовую. Алешѣ и Костѣ налила Параска, такъ какъ тѣ не хотѣли ждать, и они пили чай въ

большихъ прохладныхъ сѣняхъ за крашенымъ столомъ, уплетая при этомъ огромные куски домашняго калача.

— Алла, это твои кипяченыя сливки, какъ ты любишь,— сказала мать: — хоть своей коровы и нѣтъ, а хорошее молоко достаю у Зоси...

— А мнѣ сырыя?.. Холодныя?... Вотъ это очаровательно! И масло свѣжее!..

— Мама!.. Это уже баловство,—тронуто сказала Алла, съ любовью взглянувъ на мать...

Мать сдѣлала сердитое лицо и отвѣтила въ обычномъ ворчливомъ тонѣ: „ну, ну, кушайте только",—но что-то ласковое и нѣжное на мгновеніе озарило ея черты.

Завязался разговоръ по поводу церковныхъ впечатлѣній. Ирина Васильевна и Женя перебрали всѣхъ по косточкамъ, не упуская ни малѣйшей подробности ни въ чемъ. Отъ нихъ не укрылось, что судьиха вставила себѣ зубъ спереди; что у ея дочки-консерватòрки подведены брови—одна толще и выше, другая—тоньше и ниже; что Китценмаузенъ надѣла туфли съ настоящими золотыми пряжками (бѣдная, а туда же!); что Бедряковой не къ лицу ея платье зеленоватаго цвѣта... Перечислить всѣ критическія замѣчанія, сдѣланныя Ириной Васильевной и Женей, совершенно нѣтъ возможности, такъ какъ они отличаются столь утонченнымъ и спеціальнымъ характеромъ, что въ пересказѣ теряютъ значительную часть своей цѣнности. Но во всякомъ случаѣ всѣ ухищренія мѣстной дамской публики, клонящіяся къ тому, чтобы чѣмъ-нибудь щегольнуть и выдѣлиться—были поняты и разоблачены тонкими наблюдательницами безъ всякой пощады и церемоніи.

Перешли къ тому, что на Женю и Аллу поглядывали также не безъ интереса. Мать съ нѣкоторой гордостью объявила, что нѣтъ ничего удивительнаго въ желаніи Рушилова познакомиться съ ея дочерьми.

— Слава тебѣ, Господи, не хуже другихъ! Что у него—глазъ нѣтъ, что ли... А онъ ничего — такой себѣ почтенный... Вотъ пускай бы присватался къ Аллѣ—обѣими руками бы отдала...

— Не нужно меня отдавать,—съ легкимъ неудовольствіемъ отозвалась Алла:—развѣ я вещь какая-нибудь?.. Да онъ мнѣ и не нравится вовсе...

— Разговаривай!.. И въ кого ты уродилась, такая?—рѣзко вскричала мать, мгновенно перешедшая отъ невысказанной ласки къ вспышкѣ: — хоть бы посмотрѣла на кого по-человѣчески, а то все хмуришься, какъ сова. Чтò ты—людей никогда не видала?

Въ темномъ чуланѣ мы тебя держали? Это ты отъ великой учености, должно быть... Люди на нее вниманіе обращаютъ, а она носъ воротитъ!

Алла замолчала, глядя внизъ и чуть-чуть поблѣднѣвъ.

— Мы для васъ имѣнія не припасли; чтò зарабатывалъ отецъ, все на васъ же да на мальчишекъ уходило, въ долги влѣзли до самыхъ ушей... Нужно думать, чтò будетъ дальше... Нужно насчетъ мѣста хлопотать, нужно партію подходящую не упустить, если подвернется; нужно во всѣ стороны бросаться,— тогда, пожалуй, что-нибудь и выйдетъ... Нельзя все на отца да на отца разсчитывать! Сами видите, худой какъ спичка, чуть духъ переводитъ. А, сохрани Богъ, умретъ, тогда чтò?!

— Развѣ уже нѣтъ-таки ничего другого, кромѣ какъ замужъ выйти или въ классныя дамы поступить? — съ горечью сказала Алла:—а если жениха не найдется, или найдется такой, что будетъ противенъ? Мѣсто же классной дамы для меня хуже всякой каторги—это значитъ до конца своей жизни тянуть одну и ту же лямку, безъ всякой надежды на что-нибудь лучшее...

— А тебѣ бы чего лучшаго хотѣлось? — язвительно спросила мать, едва сдерживая закипавшую все сильнѣе и сильнѣе злость.

Алла поблѣднѣла еще больше, чувствуя, что отвѣтомъ вызоветъ бурю, но уклониться не сочла возможнымъ, да и все-равно, раньше или позже придется же высказаться.

— Я училась немного, но какъ разъ столько, что съумѣла понять, какъ ничтожны мои знанія и какая великая вещь ученіе,—она умышленно не сказала: „наука"—ученіе вообще. Я знаю, что не имѣю права больше требовать денегъ у папы. Но это мнѣ не нужно. Я всегда теперь смогу найти себѣ столько уроковъ, что мнѣ хватитъ на жизнь... И я буду въ состояніи продолжать учиться, такъ какъ меня тянетъ... Я не говорю, что я потомъ буду загребать деньги, нѣтъ, но по крайней мѣрѣ у меня будетъ не скучная и противная мнѣ работа, а такая, которая мнѣ пріятна...

— А тебѣ какая... пріятна?—сквозь зубы процѣдила мать, багровая отъ ярости, внезапной, стихійной, почти безпричинной.

— Я хотѣла медицинѣ учиться, докторомъ быть. Но этого, вѣроятно, не такъ легко добиться... Такъ хоть на фельдшерскіе бы курсы поступить, фельдшерицей стать, акушеркой...

Громовый ударъ кулака по столу прервалъ ее. Запрыгали блюдечки, зазвенѣли стаканы и расплескались сливки. Всѣ невольно вздрогнули.

— А-а-а! такъ ты вотъ чѣмъ хочешь намъ отплатить за всѣ наши заботы!.. Фельдшерицей!.. Акушеркой!.. Шлюхой изъ тѣхъ, что̀ по гражданскимъ бракамъ живутъ!.. Слыхали мы про эту сволочь! — въ совершенномъ неистовствѣ закричала Ирина Васильевна:—да я прежде разорву тебя собственными руками, чѣмъ отпущу изъ дому на этакую жизнь!.. Моя дочка въ потаскухи пойдетъ? Скажите пожалуйста, что̀ задумала!.. Нечего, нечего смиреннопакостныя рожи строить! Въ шлюхи собираешься, такъ нечего рыло воротить!

Гриша всталъ и вышелъ, весь зеленый даже. Женя, поджавъ губы, равнодушно крошила кусочекъ булки, посматривая на мать недобрыми глазами. Алла, помертвѣлая, съ потупленнымъ взоромъ, нахмуренная, съ застывшимъ лицомъ, сидѣла, не шевелясь, и ея видъ вселялъ въ сердце Ирины Васильевны гнѣвъ неописуемый. Если бы дочь огрызалась, ей было бы легче: поругались бы всласть, да и дѣлу конецъ. Такъ нѣтъ же,—эта молчитъ какъ камень, а свое будетъ думать, хоть ей голову разбей. Ирина Васильевна не только любила покричать на своихъ дѣтей, но и не стѣснялась, бывало, даже поколачивать ихъ родительской рукою. Особенно доставалось мальчишкамъ, но влетало нерѣдко и барышнямъ еще до весьма недавняго времени. Аллу она трогала рѣже всѣхъ, а Женѣ довольно-таки часто приходилось отвѣдывать подзатыльника.

И вотъ теперь, крича на упорно замолчавшую дочь, она бы ударила ее съ величайшимъ наслажденіемъ, это ей бы доставило просто физическое облегченіе, вродѣ того, какъ почесаться, когда свербитъ. И Алла это инстинктивно чувствовала. Она медленно встала, желая удалиться въ свою комнату. Ей приходилось пройти мимо матери.

„Ударитъ или нѣтъ“? — подумала она, стискивая зубы и смѣло дѣлая нѣсколько шаговъ. Она чувствовала, что если мать ее *теперь* ударитъ, случится что-то ужасное, что̀—она не умѣла опредѣлить, но содрогалась невольно отъ зловѣщаго предчувствія бѣды.

Проходя мимо матери, она съ безсознательной угрозой подняла на нее глаза и, встрѣтивъ взглядъ нѣмой ярости, готовой въ своемъ опьяненіи на все, почувствовала, что въ душѣ ея загорается нѣчто, похожее на ненависть.

Но мать не тронула ее.

IV.

Къ пріѣзду барышенъ, Гриша перенесъ свою резиденцію изъ столовой, гдѣ онъ спалъ на узкой и пренеудобной софѣ, на „дачу“. Дача эта находилась на чердакѣ и была собственноручно устроена имъ самимъ.

Домъ, въ которомъ уже лѣтъ двадцать жили Караваевы, былъ въ нѣкоторомъ родѣ достопримѣчательностью: его, по преданію, выстроилъ для себя Богданъ Хмельницкій. И дѣйствительно, въ цѣломъ городкѣ не было другого такого страннаго зданія со стѣнками толщиною въ полтора аршина, съ огромными квадратными комнатами и высокими потолками. Но такъ какъ домъ стоялъ на самой окраинѣ и былъ дешевъ, то его, съ разсрочкой платежа, почти за гроши, купилъ Караваевъ въ тѣ времена, когда еще цѣны на дома въ городкѣ вообще были ничтожны.

И вотъ, на пустующемъ чердакѣ этого оригинальнаго строенія Гриша и устроилъ себѣ „дачу“, съ полукруглымъ окномъ, выходящимъ въ садъ. Онъ отгородилъ досками премиленькую комнатку, самъ сколотилъ изъ тѣхъ же досокъ кровать, смастерилъ себѣ изъ сѣна тюфякъ, сдѣлалъ грубое, но удовлетворительное подобіе стола и табуретки, прибилъ нѣсколько полокъ для книгъ и зажилъ себѣ настоящимъ Робинзономъ. Правда, дача эта отличалась тѣмъ капитальнымъ неудобствомъ, что днемъ, разумѣется лѣтнимъ, солнечнымъ днемъ, въ ней устанавливалась такая температура, что, по увѣренію Гриши, при нѣкоторомъ добромъ желаніи съ его стороны, онъ могъ бы съ успѣхомъ превратиться въ жаркое. Во избѣжаніе этого, онъ водворялся туда только съ наступленіемъ сумерекъ. У него вѣчно выходили столкновенія съ Ириной Васильевной по поводу того, что его пребываніе на дачѣ кончится пожаромъ, вслѣдствіе его неосторожности съ огнемъ и куренья папиросъ. Это плачевное убѣжденіе дѣйствительно лишало покоя Ирину Васильевну, и она по ночамъ раза три подымалась и выходила въ сѣни посмотрѣть, не виднѣется ли въ постоянно открытую дверь чердака зловѣщее пламя, охватившее Гришино обиталище. Но время шло, и мало-по-малу Ирина Васильевна привыкла къ житью Гриши на чердакѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда, Алла возвращалась изъ города, куда ходила купить почтовой бумаги и конвертовъ. Женя, одновременно вышедшая съ нею изъ дому, отправилась къ Макитрѣ, и Алла шла домой одна. Было уже довольно поздно, часовъ девять. День стоялъ такой жаркій, что раньше немыслимо

было выйти на улицу, и барышни сидѣли у себя въ комнатѣ, гдѣ, какъ и во всемъ домѣ, было постоянно прохладно.

Подходя къ дому, Алла услыхала, что Гриша уже у себя на „дачѣ" и разговариваетъ съ кѣмъ-то. По шепелявому и замѣтно хохлацкому выговору Алла узнала Козаченку, пріятеля Гриши. Медленно переступая тоненькими прюнелевыми туфлями по еще теплому песку дороги, Алла вслушивалась въ веселые, молодые голоса и невольно улыбалась въ свою очередь, когда къ ней долеталъ взрывъ смѣха. Наконецъ, до нея стали явственно доноситься цѣлыя фразы. Разсказывалъ что-то Козаченко и, повидимому, очень увлекался, потому что сюсюкалъ больше и замѣтнѣе обыкновеннаго.

— ...И онъ мнѣ говоритъ: „я хоть и понимаю, а вы мнѣ должны еще разъ объяснить, вамъ за это деньги платятъ"...—Ахъ, ты, поганецъ, говорю я ему, какъ ты смѣешь со мною этакъ разговаривать... Хоть ты и исправниковъ сынъ и со мною свиней не пасъ, а однакоже я тебѣ такъ разговаривать не позволю... А онъ мнѣ: „вашъ тато, говоритъ, и до сихъ поръ за волами ходитъ, а мой папа можетъ вамъ приказать хоть сто разъ разсказывать мнѣ одно и то же, пока я не скажу: довольно". Тутъ я уже такъ разсердился, что и сказать не могу и чуть его не побилъ, но, думаю, что его, дурака, бить, лучше толкомъ его урезонить. Я ему и говорю:—хоть тебѣ, дурню, и пятнадцатый годъ, но ты только во второмъ классѣ и глупъ, какъ осиновый пень, а мнѣ семнадцать—и я съ золотой медалью гимназію кончилъ. Слава Богу, никто дуракомъ не назоветъ... Твой батько моего батька, можетъ, по мордѣ билъ, а теперь мнѣ же кланяется: вы, молъ, самый лучшій репетиторъ, поучите моего болвана, а то его за великовозрастіе изъ второго класса выгонятъ... Я, говорю ему, окончу университетъ, и мнѣ всѣ дороги открыты, хоть въ министры, а ты, голова, если не будешь учиться, то я тебя въ лакеи возьму, сапоги мнѣ чистить будешь...

Казаченко залился торжествующимъ смѣхомъ, которому Гриша не вторилъ. Спустя нѣсколько секундъ, опять раздался голосъ Казаченки, звучавшій нѣкоторой злобой:

— А, слава Богу, кончена-таки моя гимназическая лямка!.. Чего-чего только натерпѣлся я въ младшихъ классахъ!.. Тебѣ этого и не понять, братъ... Развѣ не называли меня учителя на урокахъ „мужикомъ, свинопасомъ, податнымъ сословіемъ"?.. Ого-го!.. Это я и безъ нихъ хорошо знаю, что я мужикъ, свинопасъ и податное сословіе; я бы отъ нихъ хотѣлъ услышать что-нибудь поновѣе и поинтереснѣе. Вотъ только года два, какъ отъ меня отстали,

съ тѣхъ поръ какъ Буланинъ инспекторомъ поступилъ... Онъ ихъ подтянулъ... Только и его-то они такъ уходили, что въ психіатрическую лечебницу пришлось съѣздить... Да мнѣ на нихъ, въ концѣ концовъ, наплевать было, такъ какъ я всегда по всѣмъ предметамъ первымъ шелъ. И придраться не къ чему было... Какъ я ихъ всѣхъ терпѣть не могу, ты и не повѣришь!.. Никакого добраго чувства къ этимъ чинодраламъ проклятымъ... Вѣдь не я одинъ пережилъ столько мученій и униженій... А наши бѣдные „зыдки"... Эхъ, братъ!.. А впрочемъ, наплевать!.. Дай папиросу!

Алла завернула за уголъ, и голосъ Казаченки пересталъ быть слышнымъ.

Въ комнатахъ ее окликнула Ирина Васильевна и сказала, что ужинать ей оставлено, можетъ поѣсть хоть сейчасъ, если хочетъ. Отношенія у Аллы съ матерью были опять хорошія, какъ и всегда, такъ какъ Ирина Васильевна, при своей ужасной вспыльчивости и грубости, была совершенно незлопамятна. Уже черезъ часъ она могла вполнѣ добродушно и миролюбиво разговаривать съ тѣмъ, на кого недавно неистово кричала. Алла, въ свою очередь, не желала новыхъ непріятностей и, подавляя усиліемъ воли нѣкоторую горечь, остававшуюся въ душѣ послѣ подобныхъ сценъ, никогда ни словомъ, ни намекомъ не показывала матери, что все это для нея не проходитъ безслѣдно. Она никакъ не могла выносить грубости, рѣзкости, ругань и драки, и просто болѣла каждый разъ, и тѣломъ, и душою, послѣ стычекъ съ матерью. Все это какъ-то отпугивало ее отъ матери, и она безсознательно и инстинктивно избѣгала оставаться съ нею вдвоемъ. Вотъ и теперь, она попросила Витю принести ей ужинъ къ ней въ комнату и, торопливо поѣвъ вкусной домашней стряпни, отправилась въ садъ.

Ночь была хороша на диво. Небо, прозрачное и чистое, казалось бездонно глубокимъ. Звѣзды, какъ живыя, трепетали и пламенѣли въ этой синей безднѣ.

Алла миновала палисадникъ и вышла на огородъ, который довольно круто спускается къ берегу большого проточнаго пруда. Вдоль огорода, по самому ребру откоса, протоптана дорожка, которая служитъ любимымъ мѣстомъ для вечернихъ прогулокъ Караваевской молодежи. Съ этой дорожки открывается видъ на всѣ окрестности.

Сдѣлавъ нѣсколько концовъ взадъ и впередъ, Алла сѣла на скамеечку и заглядѣлась на пейзажъ. Вокругъ было такъ мирно и тихо, какъ только можетъ быть въ девятомъ часу вечера,

когда городокъ уснулъ или готовится уснуть. Въ рѣдкомъ домѣ еще виднѣлся свѣтъ. Прохожихъ почти не было. Гдѣ-то далеко за прудомъ лѣниво тявкала собака и дребезжала запоздалая телѣга. Прудъ свѣтлый, неподвижный и гладкій, какъ кусокъ стекла, темнѣлъ у береговъ, отражая тонкія вѣтви ивъ, свѣсившихся до самой воды. Почтовая дорога, обсаженная по бокамъ двойными рядами липъ, змѣею всползала на гору и исчезала на горизонтѣ. Аллѣ стало вдругъ грустно, когда она посмотрѣла на эту дорогу. Сверху глядѣло небо, нѣмое, дивно прекрасное, таинственное, живущее своею, чуждою людямъ жизнью.

Дѣвушка, закинувъ голову, посмотрѣла на звѣзды. „Какая красота“!—подумала она и, вздохнувъ, перевела опять взглядъ на почтовую дорогу.—„Дорога въ широкій вольный міръ“,—снова мысленно сказала она себѣ, хотя отлично знала, что эта дорога прежде всего ведетъ въ прескверное и прегрязное мѣстечко Голубовицы, населенное почти исключительно евреями.

Запѣлъ соловей. Алла пассивно воспринимала трели и рулады прославленнаго поэтами пѣвца и, въ концѣ концовъ, ощутила въ глубинѣ своего сердца что-то весьма похожее на тоску. А пѣвецъ такъ и разливался.

— И съ чего это его разобрало такъ; теперь вовсе не время,—подумала она и нервно повела плечами:—іюнь въ половинѣ, а онъ... Ну, это еще что̀!..

По пруду плыла лодка, бороздя свѣтлую воду волнистыми, почти черными полосами. Алла замѣтила, что на лодкѣ были и дамы—платья ихъ казались издали совсѣмъ бѣлыми. Онѣ смѣялись необычайно тоненькими голосками и что-то выкрикивали, но что̀—разобрать было трудно. Вдругъ одинъ изъ катавшихся попробовалъ заиграть на корнетъ-а-пистонѣ. Нѣсколько кряхтящихъ, блеющихъ звуковъ пронизало прозрачный и тихій вечерній воздухъ. Раздался хохотъ.

— Дай-ка сюда!—услышала Алла нетерпѣливый и смѣющійся возгласъ. Спустя нѣсколько секундъ, сочные, бархатные звуки „Santa Lucia“ поплыли изъ корнетъ-а-пистона, наполняя собою вечернюю тишину.

— Браво!—за спиною Аллы неожиданно произнесъ Гриша.

— А, и вы зашли сюда!—сказала та, оглядываясь на него.

— Пріятная встрѣча!—въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Гриша. —А славно играетъ этотъ шельмецъ Пагассовскій!.. Съ кѣмъ это онъ только катается? интересно бы знать...

— Пагассовскій?—удивленно спросила Алла:—да развѣ онъ не уѣхалъ домой?

— Такъ что же? Уѣхалъ и опять пріѣхалъ—трудно ему, что-ли? Это вѣдь не такъ и далеко отсюда, да и лошади у нихъ свои; вотъ онъ и путешествуетъ взадъ и впередъ—развлекается... Ишь какъ визжатъ дамы!.. Держу пари, что тамъ не безъ Макитры...

— Ну, у Макитры Женя—не броситъ же ее Макитра и не уйдетъ сама...

— Разумѣется! Зачѣмъ же ей одной удирать—она съ собой можетъ и Женю прихватить... Очень просто... Слушай, слушай... Это не Макитра, скажешь?

Алла и Гриша посмотрѣли нѣсколько секундъ другъ на друга и расхохотались, такъ какъ въ тождественности „визжащей дамы“ съ Макитрой не могло быть никакихъ сомнѣній: лодка подъѣхала къ нимъ очень близко, и они услыхали ея голосъ совершенно отчетливо:

— Не хотите больше играть,—плакать не буду!

— Да я, Марья Валерьяновна, ей Богу, Марья Валерьяновна... Вотъ Евгенія Николаевна говоритъ, что я играю ей прямо въ ухо...

— Такъ и есть... и Женя тамъ!—сквозь смѣхъ выговорила Алла:—вотъ если бы мама знала!..

— Ну, теперь, пожалуй, мама и попуститъ вамъ немного возжи: взрослыя барышни, что̀ тамъ ни говори,—добродушно замѣтилъ Гриша.

— Нѣтъ, серьезно говорю, — продолжалъ Гриша, — вамъ нужно все-таки немного повоевать за свою самостоятельность... Нелегкое это будетъ дѣло съ вашей мамой, да только, что̀ же дѣлать...

— И повоюемъ,—медленно и твердо сказала Алла.

Лодка доплыла до моста и стала заворачивать обратно. Гриша и Алла слѣдили за ней, посмѣиваясь, пока она не скрылась изъ виду. Затѣмъ, Гриша легъ на траву немножко ниже скамеечки, на которой сидѣла Алла и, закинувъ подъ голову руки, мечтательно устремилъ взоръ на Венеру, сіявшую въ этомъ году особенно ярко. Это молчаливое созерцаніе такъ захватило его, что онъ даже, повидимому, забылъ объ Аллѣ, которая съ интересомъ смотрѣла на его худое, выразительное лицо. Но ей потомъ наскучило молчать, и она тихонько окликнула его съ легкой насмѣшкой въ голосѣ.

— Гриша, а что̀, пріятно спать съ открытыми глазами? О чемъ ты грезишь на яву?

Гриша опомнился, сконфузился и даже сѣлъ отъ смущенья.

— Виноватъ... Въ самомъ дѣлѣ какой я...—Задумался и невѣсть куда улетѣлъ...

— О чемъ это у тебя „на дачѣ“ распинался Казаченко?

— А ты слышала его голосъ?

— Да, возвращаясь изъ города... Онъ что-то горячился на тему объ „исправничьемъ сынѣ“...

— Да, онъ вѣчно горячится на какую-нибудь тему—такой ужъ онъ горячій человѣкъ... Самолюбивъ онъ страшно, гордъ, и все безпокоится о томъ, чтобы кто-нибудь не позволилъ себѣ наступить ему на „любимую мозоль“... Помѣшанъ на человѣческомъ достоинствѣ вообще и на своемъ собственномъ въ частности. Способенъ до абсурда доходить въ этомъ направленіи, т.-е. блюдя свой личный „гоноръ“,—и, ничто же сумняшеся, нанесетъ довольно сильный ущербъ чужому...

— Не скажу, чтобы это послѣднее обстоятельство было особенно симпатично...

— И я не скажу... Только тамъ, гдѣ даже сама идея о человѣческомъ достоинствѣ есть нѣчто новое, трудно требовать особенной послѣдовательности въ ея проведеніи въ жизнь... А вѣдь Козаченкѣ, простому крестьянину, сыну, и внуку, и правнуку крестьянъ, должно было скорѣе по наслѣдству передаться чувство подчиненія, чѣмъ чувство равенства... Это уже у него не наслѣдственное „добро“, а благопріобрѣтенное... Вотъ онъ еще и не совсѣмъ привыкъ съ нимъ справляться... Выражаясь по ученому, поступки его въ этомъ направленіи недостаточно координированы... Но не бѣда... „Онъ подростетъ, онъ подростетъ,—на то испанецъ онъ“,—какъ пѣла у насъ одна заѣзжая пѣвичка...

Алла слушала Гришу и опять съ еще большей силой почувствовала, что онъ уже не мальчикъ, не прежній Гриша—застѣнчивый до дикости, замкнутый, молчаливый и даже угрюмый. Что-то неловкое, робкое еще проглядывало въ его манерѣ разговаривать, но за всѣмъ этимъ видна была значительная увѣренность въ себѣ и убѣжденность въ правильности высказываемаго. У вполнѣ законченныхъ людей, какъ у законченныхъ артистовъ, незамѣтно всей предшествующей работы—ума ли, горла ли, пальцевъ ли, а всегда кажется, что субъектъ такъ и родился на свѣтъ съ своей способностью кратко и выразительно разсуждать, дѣлать соловьиныя трели или извлекать изъ инструмента чудные звуки. Но пока пріобрѣтешь эту непринужденность, эту естественность,—приходится сдѣлать много невѣрныхъ пассажей, неумѣлыхъ фіоритуръ, приходится высказывать, подчасъ весьма

неуклюже и резонерски, вещи, въ которыхъ зерно истины прикрыто жесткой и неудобоваримой шелухой многословной разсудочности. Способность мыслить нужно упражнять, какъ и способность ходить.

Но Аллѣ разсужденія Гриши не казались ни резонерскими, ни неуклюжими,—она сама для этого была слишкомъ молода. Наоборотъ, она съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слушала его, заинтересованная и имъ, и его рѣчами.

— А ты измѣнился-таки, Гриша, съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой разстались, почти годъ тому назадъ,—сказала она, помолчавъ..

— То-есть, какъ это измѣнился?—возразилъ Гриша, взволновавшійся отъ ея словъ.

— Да такъ... выросъ...

— Не мудрено... годы такіе...

— Я не про то... Во *внутреннемъ* смыслѣ,—запинаясь, пояснила Алла.

— А!.. Во внутреннемъ... Ужъ не благодѣтельное ли вліяніе восьмой классъ гимназіи на меня оказалъ?.. Чего добраго!..

— Чтò иронизировать... Какая гимназія!.. Гимназія здѣсь ни при чемъ. А мнѣ очень бы интересно знать, какое стеченіе обстоятельствъ такъ тебѣ поблагопріятствовало. Ты и прежде, положимъ, всегда былъ неглупымъ „господиномъ“, но все же можно было ожидать, что ты здѣсь скорѣе заглохнешь, чѣмъ процвѣтешь.

— И заглохъ бы, Алла! Чего легче! Атмосфера-то у насъ не ахти какая здоровая. Притока свѣжихъ силъ почти нѣтъ, а если и есть, то на что онѣ дѣлаются, въ самомъ непродолжительномъ времени, похожи—эти „новыя силы“... Явится иногда на вакантное мѣсто, едва со школьной, университетской скамьи, „новая сила“... Смотришь, этакая пріятная физіономія, худощавый, длинные волосы... Нѣсколько первыхъ уроковъ ведетъ интересно, увлекательно... А затѣмъ, смотришь, интимный разговоръ съ директоромъ, лекціи блѣднѣютъ, худѣютъ въ содержаніи, пріятная физіономія начинаетъ дѣлаться менѣе пріятной. Проходитъ немного мѣсяцевъ—и поджараго, длинноволосаго идеалиста какъ не бывало... Волосы прилично подстрижены, отростаютъ солидныя бачки, отростаетъ помаленьку не менѣе солидное брюшко... А тамъ, глядь, женился... и непремѣнно на поповнѣ... и непремѣнно съ приданымъ... Открывается новая квартира для учащихся—цѣны „внѣ конкурренціи“... Появляются

домикъ, лошади, капиталецъ въ банкѣ... Вотъ! Примѣры для души не особенно назидательные...

— Ну, и какъ же ты-то?.. Вѣдь вотъ же ничего тебѣ не сдѣлалось,—настойчиво допрашивала Алла:—и не ты одинъ таковъ, ты же намъ съ Женей говорилъ, что среди твоихъ товарищей тоже есть порядочные и интересные люди... Быть можетъ, ты не совсѣмъ справедливъ къ твоей alma mater...

Гриша только плечомъ повелъ.

— Своего сына, если онъ у меня когда-нибудь будетъ, я не отдамъ въ провинціальную, какова она теперь, гимназію, можешь быть покойна,—выразительно произнесъ онъ:—а что койкому изъ насъ посчастливилось не „заглохнуть", какъ ты давеча сказала, то на это, разумѣется, есть свои причины. Взять, примѣромъ, меня. Не забывай, что весь мой родъ костьми легъ въ упорной и тяжкой борьбѣ за существованіе. Отецъ мой, дьяконъ, надорвался за работой, чтобы прокормить большую семью, и умеръ отъ чахотки. Мать, беременная мною, пошла пѣшкомъ зимой изъ села въ губернскій городъ, хлопотать, чтобы хоть двухъ-трехъ изъ своихъ пятерыхъ сиротъ пристроить на казенный счетъ въ какое-нибудь училище. Предпріятіе это увѣнчалось успѣхомъ, но на обратномъ ея пути она, въ метель, не доходя полуторыхъ верстъ до своего села, разрѣшилась отъ бремени нѣсколько преждевременно и, подобранная знакомыми крестьянами, сутки спустя, скончалась. Мы, дѣти, остались одни и насъ разобрали родные... Меня, сударыня, взяла наша тетка-дьячиха и вскормила рожкомъ. И вотъ все колоссальное напряженіе воли, стоившее жизни моей матери, повидимому, отразилось на мнѣ самымъ выгоднымъ образомъ. Я выносливъ, упоренъ, настойчивъ, и меня не легко обезкуражить. Притомъ, я съумѣлъ хорошо воспользоваться тѣми случайными благопріятными улыбками судьбы, которыя она мнѣ соблаговолила послать... Воспользовался самъ и помогъ воспользоваться другимъ... Словомъ, какъ видишь, „ѐще Польша не сгинѐла"... И, надѣюсь, моя-то не сгинетъ, чортъ побери!..

— Что̀ ты называешь „улыбками судьбы"?—вполголоса спросила Алла, слѣдя за игрой физіономіи Гриши съ затаеннымъ дыханіемъ, точно боясь спугнуть это рѣдкое въ немъ откровенное и общительное настроеніе.

— Называю нѣкоторыя знакомства... Или, правильнѣе сказать, знакомство съ нѣкоторыми людьми и нѣкоторыми книгами. И люди, и книги только случайно попадали въ нашъ медвѣжій уголъ, и не наткнись я на нихъ, мое развитіе, быть можетъ, и

не приняло бы иного направленія, чѣмъ теперь, но, по всей вѣроятности, еще надолго затормазилось бы... И послѣ этого скажи, что я не нарочитый счастливецъ!..

Глаза его сверкнули, когда онъ полувесело, полупечально сказалъ послѣднюю фразу.

— Разумѣется, счастливецъ,—очень серьезно отвѣтила Алла: —могло бы все сложиться гораздо хуже... А теперь, по крайности, у тебя хоть пробудилось сознаніе, что и силы-то у тебя есть, и направить-то ихъ ты надѣешься какъ слѣдуетъ... Это завидная доля...

Гриша жадно слушалъ Аллу. Ея слова, въ которыхъ видна была зарождающаяся вѣра въ него, какъ человѣка одареннаго, падали на самое его сердце, какъ утренняя роса на цвѣтокъ. Самъ онъ раньше и не подозрѣвалъ, да даже и въ данный моментъ недостаточно сознавалъ, до чего ему прямо необходимо, чтобы кто-нибудь въ него повѣрилъ.

— Ты говоришь—завидная доля,—тихо-тихо, какъ бы слегка задыхаясь, вымолвилъ онъ.—Да, чувствовать въ себѣ силы хорошо, только не ошибиться бы, не обмануться въ себѣ... А если онѣ взаправду есть, то какъ бы получше употребить ихъ въ дѣло?.. Вѣдь сознаніе силъ обязываетъ. И даже страшно становится, когда подумаешь, сколько впереди предстоитъ сдѣлать...

— Конечно, страшно,—такъ же тихо отвѣтила Алла, поддаваясь какому-то необычному, странному волненію, похожему на благоговѣйный трепетъ молящагося:—помни притчу о рабѣ лѣнивомъ. Чѣмъ тебѣ больше дано, тѣмъ больше и спросится съ тебя.

Тутъ у Гриши вырвалось такое страстное, такое пламенное восклицаніе, что Алла даже вздрогнула.

— Ахъ, еслибы знать, что *дано*!..—воскликнулъ онъ.—А если ничего, ничего не дано!..

Въ его зазвенѣвшемъ голосѣ вылилась вся тоска, вся тревога первыхъ, почти неизбѣжныхъ сомнѣній въ себѣ,—тѣхъ сомнѣній, которыя, доходя до крайностей у слабыхъ натуръ, способны подкосить въ корнѣ всякую энергію къ труду и борьбѣ.

— О, если бы не было дано, то и мысль о томъ, что ты долженъ что-нибудь сдѣлать, не приходила бы тебѣ въ голову,—увѣренно, хотя вообще и не особенно убѣдительно отвѣтила на это Алла. Но дѣло было не въ томъ, что̀ она сказала, а ка̀къ она сказала.

И Гриша вполнѣ оцѣнилъ ея увѣренность. Сверкающими,

благодарными глазами взглянулъ онъ на нее и еле могъ пролепетать:

— Я и самъ такъ думалъ... Значитъ, что̀-нибудь же да есть во мнѣ, если это такъ наполняетъ меня всего, такъ волнуетъ, вдохновляетъ!.. Ахъ, Алла, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ удастся въ жизни оставить по себѣ добрый слѣдъ!—Горя и холодѣя, онъ слегка отвернулся отъ сестры и закрылъ лицо руками, въ порывѣ безумнаго счастья.

— Ты же самъ говорилъ, надо пробовать, надо бороться... Сдѣлай, какъ говорилъ... И я вѣрю, что тебѣ удастся все, о чемъ ты мечтаешь,—совершенно поддавшись вліянію Гришина порыва, сказала Алла, проведя своей худенькой рукой по курчавой головѣ его.

— Спасибо, что вѣришь... Ты первая повѣрила. Всегда буду помнить,—чуть слышно шепнулъ онъ, не отнимая отъ лица рукъ.

Оба они замолчали. Чуткая сонная тишина окружала ихъ. Она гармонировала съ растроганнымъ, стыдливымъ волненіемъ ихъ замкнутыхъ натуръ. Имъ было необыкновенно пріятно, что прозрачная тьма, мало-по-малу окутавшая ихъ, скрываетъ жаркій румянецъ ихъ щекъ, что ихъ задушевныя рѣчи подслушиваетъ только ночь тихая, молчаливая, многоглазая... Это величавое спокойствіе спящей природы было мирнымъ контрастомъ ихъ юному, порывистому стремленію впередъ къ неизвѣстному, загадочному будущему. Это будущее казалось имъ обоимъ такимъ желаннымъ, такимъ многообѣщающимъ!

Медленно и мелодично квакнула лягушка, за ней другая, третья... Дождемъ посыпались кроткіе, баюкающіе звуки ночного концерта, который давали зеленые любители въ прудѣ. Легкая сырость поползла съ воды на пригорокъ, пріятная, пахнущая осокой и чебрецомъ, ростущимъ вдоль берега.

Мысли Гриши съ необычайной быстротою смѣнялись одна другой. Въ короткое время, пока онъ сидѣлъ съ закрытымъ руками лицомъ, вся его будущность промелькнула передъ нимъ, промелькнула въ туманныхъ, но плѣнительныхъ образахъ. Безпредметная любовь переполнила его душу. И онъ ощутилъ инстинктивную потребность излить на кого-нибудь избытокъ ея. Но, непривычный къ ласкѣ и почти никогда не приласканный самъ, онъ не съумѣлъ бы ничѣмъ выразить своихъ чувствъ даже Аллѣ, которая ему всегда была симпатичнѣе другихъ. И только вотъ теперь, услыхавъ согласный лягушечій хоръ, точно заквакавшій колыбельную пѣсенку засыпающему городку, онъ реали-

зировалъ свое настроеніе горячимъ мысленнымъ восклицаніемъ: „милыя, милыя лягушки“!..

Алла смотрѣла на кудрявый затылокъ полуотвернувшагося отъ нея брата и убѣжденно думала, что жизнь—хорошая вещь. Иногда бываютъ и непріятности, но въ общемъ все-таки жить можно. Особенно если случается вотъ такъ, безъ помѣхи посидѣть, поговорить, помолчать. И еще, пожалуй, удастся поставить на своемъ и, несмотря на все, уѣхать учиться. Да, уѣхать, непремѣнно уѣхать, чего бы это ни стоило. Надо устроиться какъ можно пріятнѣе, какъ можно болѣе по-сердцу. Вѣдь только тогда и живешь, когда дѣйствуешь по своему собственному усмотрѣнію. Пора подчиненія родительскимъ требованіямъ миновала, надо начинать пользоваться собственными ногами. Эхъ, за любимымъ трудомъ, съ книгами, съ двумя-тремя симпатичными людьми-товарищами, какъ бы можно было чувствовать себя хорошо и счастливо!..

Увлеченные своими мыслями, ни Алла, ни Гриша, не слыхали, что къ нимъ кто-то подходитъ. По грузному шарканью стоптанныхъ туфель и тяжелому дыханію уже издали легко было догадаться, что шествуетъ Ирина Васильевна; а такъ какъ слышенъ былъ при этомъ и разговоръ, то видно было, что она не одна, а съ Николаемъ Ивановичемъ. Она часто такимъ образомъ прогуливалась вдвоемъ съ мужемъ, на зависть сосѣдкамъ, мужья которыхъ предпочитали такой семейной идилліи прогулки въ одиночку. Супруги всю жизнь свою прожили дружно, дѣля радости и горе и никогда не ссорясь. Случались, разумѣется, кратковременныя размолвки и вспышки, что̀ при характерѣ Ирины Васильевны было неизбѣжно, но эти непріятные моменты были сравнительно рѣдки и не особенно интенсивны, благодаря удивительной кротости и незлобивости самого Караваева. Онъ безропотно подчинялся авторитету своей строгой супруги и не только не противорѣчилъ ей никогда, но даже и въ глубинѣ своей души никогда и не ощущалъ желанія ей противорѣчить. Занятый служебными обязанностями, въ которыхъ онъ за двадцать пять послѣднихъ лѣтъ привыкъ видѣть смыслъ и цѣль своей жизни, онъ оказывался совершенно несостоятельнымъ въ вопросахъ, постороннихъ этой службѣ. Мягкій и добрый по натурѣ, онъ съ покорностью ребенка слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ жены, которая, впрочемъ, имѣла столько инстинктивнаго такта, что ставила дѣло такъ, какъ будто рѣшающій голосъ въ вопросѣ всегда принадлежалъ именно самому Николаю Ивановичу. Да и дѣйствительно въ ея глазахъ мужъ, каторжнымъ трудомъ содер-

жавшій семью, стоялъ очень высоко и пользовался искреннимъ ея уваженіемъ.

— Вотъ куда они забрались!—запыхавшись, сказала Ирина Васильевна, глаза которой подъ старость сдѣлались весьма дальнозоркими; отъ нихъ не укрылось и то особенное состояніе, въ которомъ находились ея дочь и племянникъ:—А гдѣ же Женя?.. Еще не вернулась?..

Аллѣ и Гришѣ показалось, что точно холодная струйка дождя вдругъ пролилась имъ за воротникъ. Встрепенувшись, какъ пойманные на чемъ-нибудь дурномъ, обернулись они къ подошедшимъ старикамъ. Не безъ усилія придя въ себя отъ „мечтаній", Алла вымолвила, насколько могла, непринужденно:

— Женя у Макитры осталась... Можетъ быть, и засидится немножко... Теперь еще не поздно.

„Засидится немножко"... Еще годъ тому назадъ, Ирина Васильевна, воспитывающая свою семью въ страхѣ Божіемъ, хорошенько бы задала и самой Аллѣ за эту революціонную фразу, а ужъ про Женю и говорить нечего: получила бы она на орѣхи, еслибы вернулась позже дозволеннаго часа. И даже теперь мать почувствовала неудовольствіе, но ее нѣсколько озадачила увѣренность тона Аллы. Повидимому, отношеніе къ ней дочерей начинало принимать другой оборотъ, и она еще не знала, возмутиться ли противъ подобнаго факта, или принять его какъ должное. И вотъ этотъ моментъ колебанія выручилъ Аллу, которая ласково обратилась къ ней:

— Садитесь, мама; ночь такая славная, просто въ комнаты не хочется идти... Папочка, и вамъ мѣста хватитъ, а я могу и возлѣ Гриши на травѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отказался Николай Ивановичъ, втайнѣ конфузившійся дочерей и удивлявшійся про себя, когда это онѣ успѣли сдѣлаться такими взрослыми и совсѣмъ похожими на настоящихъ барышенъ. Въ самомъ дѣлѣ, поглощенный работой, онъ совершенно не замѣтилъ, какъ онѣ изъ крикливыхъ, пачкотливыхъ, шумныхъ дѣвчонокъ-сорванцовъ превратились вдругъ въ изящныхъ, по его мнѣнію, и важныхъ дѣвицъ.

— Мнѣ не хочется сидѣть,—насидѣлся за писаньемъ бумагъ,—я постою,—прибавилъ онъ въ видѣ объясненія.

— А я сяду; трудно мнѣ стоять-то... Ноги проклятыя совсѣмъ не хотятъ больше носить... Скоро, должно быть, и совсѣмъ безъ ногъ останусь,—мрачно заявила Ирина Васильевна, усаживаясь рядомъ съ дочерью.—А ты, Гриша, чего по травѣ

елозишь?.. Опять штаны травой запятнаешь такъ, что и не отстираешься... Не солома у тебя въ головѣ, могъ бы попомнить, что въ прошлый разъ еле отмыли траву-то... Господи Боже, о чемъ они только думаютъ, эти молокососы!.. Все имъ ни по чемъ, ни до чего имъ дѣла нѣтъ, а ты за нихъ крути-верти мозгами, изворачивайся... Чѣмъ бы денегъ въ университетъ приберегъ, такъ, все одно что Витькѣ: каждыя двѣ недѣли новые штаны шить будетъ нужно... Не маленькій, въ зеленыхъ штанахъ по городу не станешь ходить, а сода окончательно не беретъ зелени этой дурацкой...

— Не безпокойтесь, тетя, трава совсѣмъ сухая, я не испачкаюсь,—машинально отвѣтилъ Гриша, который былъ совершенно не въ силахъ такъ сразу оторваться отъ сладкихъ грезъ, унесшихъ его на седьмое небо, и снова спуститься въ дѣйствительность, немножко скучную въ данную минуту.

— Не безпокойтесь!.. Да ужъ если я не побезпокоюсь, такъ никто другой не побезпокоится, небось!.. Штаны-то зеленые и останутся...

— Дались тебѣ, мама, эти штаны, — съ легкимъ нетерпѣніемъ прервалъ жену Николай Ивановичъ:—трава вѣдь сухая... Росы никакой...

Ирина Васильевна уважила мужу и замолчала, но молчала недолго.

— Вотъ, станетъ поздно, тьма такая—какъ это Женя домой доберется?.. Еще собаки гдѣ-нибудь нападутъ, разорвутъ, чего добраго...

— Ну, ее не отпустятъ одну,—отозвалась Алла, тихонько вздохнувъ:—кто-нибудь проводитъ...

— Кому тамъ провожать!.. Лошадей они недавно продали, кучера разсчитали... Кухарка и сама собакъ побоится, не захочетъ ночью таскаться—провожать...

— Можетъ быть, кто-нибудь изъ знакомыхъ проводитъ... Или цѣлой компаніей. Вѣдь если бы Женя видѣла, что некому будетъ назадъ проводить, такъ и не засиживалась бы,—объясняла Алла, лобъ которой сдѣлался влажнымъ.

— Да, хорошо этакъ-то бѣгать по ночамъ съ „компаніей"! Порядочная дѣвушка—а за-полночь съ оравой мальчишекъ по улицамъ шляется. Увидитъ кто-нибудь—ославятъ на всю губернію... У насъ это не такъ, какъ у васъ тамъ, въ большихъ городахъ. Можетъ, вы тамъ по ночамъ и бѣгаете съ „компаніями", а только у насъ такъ не водится. У насъ дѣвушекъ, которыя воспитываются дома, по ночамъ таскаться не пускаютъ...

Такимъ у насъ живо хвостъ укоротятъ!.. Пусть такая вздумаетъ мѣсто тутъ получить—пусть попробуетъ... А папа хочетъ на-дняхъ къ директору прогимназіи сходить, пока тотъ въ отпускъ не уѣхалъ—разнюхаетъ, нельзя ли которую изъ васъ пристроить. Голубовская заболѣла, бросила мѣсто, уѣхала куда-то; говорятъ, и не вернется... Чахотка у нея, кажется... Ну, такъ, можетъ, кто-нибудь изъ васъ и проскочитъ...

„Начинается",—съ тоскою подумала Алла.

— Да вотъ также ходитъ слухъ, что Ракитина замужъ выходитъ за Порубакина—еще одно мѣсто очищается, значитъ... Хорошо бы, если бы можно обѣихъ васъ сюда всунуть. Служили бы себѣ, пока замужъ не повышли... Не великій трудъ до обѣда по буднямъ въ классѣ просидѣть. Отецъ изъ своихъ пятидесяти-пяти лѣтъ—сорокъ не знаетъ ни праздниковъ, ни каникулъ. Пятнадцати лѣтъ вы умѣли только на всемъ готовенькомъ, въ пансіонѣ, сложа ручки жить, а онъ уже спину гнулъ за работой, у покойнаго Батищева, пристава, въ канцеляріи.

— А, что̀ тамъ: „гнулъ спину",—опять перебилъ жену Николай Иванычъ; — та̀къ мнѣ пришлось, такъ и гнулъ... Имъ, слава Богу, незачѣмъ гнуть, есть отецъ, есть мать... А я былъ сирота, вотъ вродѣ какъ Гриша... Надо было гнуть...

— То-то, что есть отецъ и мать... Нужно и объ нихъ подумать... Когда-нибудь и у нихъ силъ не хватитъ, захочется отдохнуть,—рѣзко оборвала его жена.

— Такъ развѣ же кто отказывается подумать о васъ!—съ чувствомъ вскричалъ Гриша, весь еще полный теплоты отъ недавняго прилива счастья:—и онѣ обѣ, и я, очень рады будемъ въ свою очередь поработать для васъ. Только теперь мы еще немножко сами не готовы для работы... Побольше поучимся—получше и поработаемъ... Теперь же, мнѣ кажется, самое главное, чтобы никто изъ насъ, окончившихъ гимназію, не стоилъ ничего дядѣ. Это одно уже будетъ для него облегченіемъ, а тамъ, черезъ какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ, онъ можетъ и вовсе оставить службу, а будемъ тогда заработывать на жизнь мы!

— Дожидайся, пока это будетъ!—съ сердитой ироніей сказала Ирина Васильевна, взглянувъ на племянника исподлобья:—еще тебѣ, я не говорю, университетъ нужно кончить. Намъ-то ты давно ничего такого не стѳишь. Развѣ когда поменьше былъ. А имъ нечего затѣвать дальше учиться, довольно учены уже... А то, пожалуй, переучатся—хуже будетъ... Уже и теперь разговаривать съ нами не хотятъ, мы для нихъ глупы черезчуръ.

А если еще поучатся, такъ вовсе и смотрѣть на насъ, неучей, не станутъ...

— Мама!

— Только вотъ ты, Гриша, не вздумай имъ въ головы вбивать, что имъ надо „еще поучиться"... Я тебя за это не поблагодарю. Я тебя, братъ, знаю очень хорошо! Смутьянить тебѣ въ моемъ семействѣ я не позволю!.. Смотри!—съ грозовыми нотами въ голосѣ обратилась къ юношѣ тетка: — ты все тамъ у себя книжечки какія-то припрятываешь, да куда-то по „хорошимъ" людямъ бѣгаешь!.. Охъ, будутъ тебѣ эти книжечки!.. Помнишь Крокмана? чѣмъ онъ кончилъ?.. То самое и тебѣ будетъ. Да еще и моихъ дуръ туда же втянешь. Охъ, держи ухо востро̀, человѣче, не то быть худу, помни!

— Да насъ, мама, Гриша никогда не можетъ втянуть,—возмущенно отозвалась Алла, не будучи въ силахъ подавить обиду:— что̀ мы, дѣти, что-ли, что полѣземъ, сами не зная, куда и зачѣмъ! А еслибы случилось, что куда-нибудь бы и полѣзли, то тогда и отвѣчать за это мы сами сможемъ, и не надо намъ будетъ на другихъ сворачивать. Только изъ-за чего вы, мама, горячитесь, я и не пойму. Ничего вѣдь никто изъ насъ не сдѣлалъ худого. А если уже за̀годя бранить насъ за то, чего еще, можетъ, никогда и не будетъ, то это я уже и не знаю... Отчего же тогда не предположить, что мы воровками можемъ сдѣлаться!..

— Правда, правда,—поддержалъ дочь Николай Ивановичъ. —Очень ужъ ты, мама, строго! Чего тамъ зря браниться? Ты бы радовалась, что наконецъ всѣ вмѣстѣ собрались, а ты... Ей-Богу!..

— Э, ну васъ всѣхъ! Васъ только не брани — хороши вы будете,—ворчливо отвѣтила Ирина Васильевна:—только и добра съ васъ, что побранить... Теперь вѣдь времена-то какія, дай ты имъ волю, попробуй!.. Они и себя, и насъ, и кого попало— всѣхъ въ трубу пустятъ... Имъ бы все книжечки почитывать да знакомства заводить нивѣсть съ кѣмъ... А упрячутъ куда слѣдуетъ, такъ и пропалъ человѣкъ хуже собаки... Ни себѣ, ни другимъ...

— Нѣтъ, тетя, намъ воля теперь не пойдетъ во вредъ,— неудержимо бодрымъ и веселымъ тономъ прервалъ Гриша ея кислое нытье: — чего тамъ упрячутъ! Вотъ дайте-ка намъ поучиться какъ слѣдуетъ—такъ мы еще такихъ дѣловъ надѣлаемъ, только держись! И упрятывать насъ никому не понадобится... Развѣ мы кому-нибудь пожелаемъ зло причинить? Да ни за что на свѣтѣ! Самое главное вѣдь во всякой работѣ, чтобы она

была на добро, а не на зло. Зло не только не хорошо само по себѣ, а даже и невыгодно—въ этомъ и вся штука. И какъ только это поймешь хорошенько,—на злое тогда не потянетъ совсѣмъ!

Алла не могла удержать улыбки, слушая Гришу, и почему-то вспомнила свою подругу, Басаргину.—„Что̀ бы она сказала, еслибы услыхала эти милые афоризмы о злѣ"?—подумала Алла.

—„Къ сожалѣнію, человѣчество не весьма еще одинаковаго мнѣнія о томъ—что̀ зло, а что̀ добро. На каждомъ шагу натыкаешься на такіе факты: дѣлаетъ человѣкъ отъ всей души то, что̀ считаетъ добромъ, а тутъ вдругъ смотришь—это добро оказывается зломъ".

Ирина Васильевна отнюдь не вдалась въ столь тонкій разборъ Гришиной рѣчи, а просто подозрительно повела глазами на оратора и пробурчала:

— Поглядѣть на тебя, такъ совсѣмъ въ праведники собираешься... Какъ бы живымъ на небо не угодить, гляди! Ну, не стану я тутъ больше сидѣть,—сырость, а у меня ноги болятъ. О-охъ, дай руку, папа, встать не могу!.. Булки сегодня цѣлый вечеръ мѣсила, спины не разогну. А ты тутъ, Алла, долго еще будешь прохлаждаться?

— Да, я еще посижу,—съ прежнимъ усиліемъ говорить непринужденно, отвѣтила Алла: — Женю подождемъ немножко... Да и на дворѣ такъ хорошо, что я ни за что не хочу сейчасъ уходить. Рѣдко вѣдь бываетъ такъ хорошо...

— Да, да, очень хорошо. Посиди, посиди!—закивалъ ей головою отецъ:—а мы пойдемъ. Намъ ужъ пора! Мы двери не запремъ, тутъ у насъ не страшно. Да и Параска еще не легла, впуститъ васъ. Идемъ, мама.

И „мама", и папа" ушли.

Алла хрустнула пальцами переплетенныхъ рукъ и, прислушиваясь къ удаляющимся шагамъ родителей, вполголоса сказала:

— Вотъ, ты увидишь, что̀ за удовольствіе начнется для меня съ этимъ проклятымъ мѣстомъ въ прогимназіи! Просто не знаю, какъ мнѣ и быть. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, я ихъ очень хорошо понимаю: они со своей точки зрѣнія правы, правы и правы...

— Но и ты, съ твоей точки зрѣнія, права. И ты, кажется, собираешься жить, по своей точкѣ зрѣнія, а не по чужой, а? Тогда и хныкать нечего, голубушка. Оно, конечно, можетъ быть и жаль, что не у всѣхъ людей одинаковая точка зрѣнія.

Алла, несмотря на тоскливое чувство,—весело разсмѣялась.

— Чего ты?

— Да такъ... смѣшное вспомнила... пустяки.

Алла такъ и не уличила Гришу въ непослѣдовательности. „Неважно“,—подумала она, съ лаской вглядывая на него:— „онъ подростетъ. Да, наконецъ, то, чтò онъ говорилъ мамѣ,— было разсчитано на ея пониманіе. Не входить же съ нею въ подробный анализъ того, что понятіе о злѣ—относительно“.

— Знаешь, Алла, чтò я тебѣ скажу,—послѣ короткаго раздумья, оживленно обратился къ ней Гриша:—я тебѣ вотъ чтò посовѣтую: попробуй-ка ты поговорить съ дядей. Растолкуй ему, что ты не можешь быть классной дамой, и что честнѣе тебѣ взяться за дѣло, къ которому ты чувствуешь не отвращеніе, а склонность. Увидишь, что онъ отнесется къ этому хорошо. И не то чтобы онъ это понялъ лучше, чѣмъ тетя,—и тетя способна понимать вещи какъ нельзя лучше,—только характеръ у него другой, съ нимъ сговориться легче. А тетя неподатлива... упряма, сказать правду. Все ей на своемъ хочется поставить... А тутъ, можетъ, дядя на нее и повліяетъ.

— Ну, трудно на это разсчитывать. Папа и вмѣшиваться не любитъ ни во что... Да попробовать придется. Надо, надо, а то я съума сойду, — почти со слезами вскричала Алла: — остаться здѣсь... навсегда... это все равно, что умереть. А я хочу жить, Гриша, понимаешь ты, жить... По настоящему, хорошей, осмысленной жизнью. Я не хочу превратиться въ автомата, до обѣда по буднямъ засѣдающаго въ классѣ. Ни за что, ни за что!

— Вполнѣ съ тобой солидаренъ. Да ты только не унывай раньше времени, крѣпись, „держи хвостъ морковкой“, какъ выражается одинъ мой знакомый офицеръ. Тетя поворчитъ-поворчитъ, да и сдастся.

— Охъ, далъ бы Богъ! А то, право, я выкину что-нибудь несообразное. Чтò угодно!—лишь бы не подчиниться проклятой судьбѣ, которая можетъ меня преравнодушно раздавить, тогда какъ я вовсе не хочу быть раздавленной, — возбужденно продолжала молодая дѣвушка:—и не знаю, какъ думаетъ быть Женя, но я сдѣлаю все, чтобы не застрянуть здѣсь. Чтò я тутъ стала бы дѣлать? Къ какой работѣ я пригодна, къ какой работѣ я готова? Другое дѣло, еслибы я уже была, скажемъ, хоть фельдшерицей. Тогда и здѣсь можно жить. Даже интересно было бы. Человѣку такой спеціальности вездѣ будетъ достаточно интересной работы. А то изволь обратиться въ манекена!

— Да, я тебя понимаю,—отозвался Гриша:—фельдшерицей ты сама себѣ хозяинъ, живешь, какъ хочешь. И работа живая,

плодотворная. А это правда, что сидѣть въ классѣ „до обѣда“—много скучнѣе.

— То-то и есть!.. Однако, что это Женя все не является. Боюсь я, какъ бы она не черезчуръ поздно пришла. Она ужасно безпечный человѣкъ, никогда не подумаетъ о послѣдствіяхъ. А послѣдствія могутъ быть такія несимпатичныя. Подожду еще немного, да и спать пойду.

— А я не въ настроеніи спать,—нервно усмѣхнулся Гриша:—пойду куда-нибудь бродить, вотъ такъ вверхъ по дорогѣ, куда глаза глядятъ. Я это иногда очень люблю.

— И не страшно тебѣ!

— Чего тамъ страшно? Захвачу съ собой мою дубинку на случай собакъ, и конецъ. Часа три пропутешествую...

— Ну-у!.. Что за романтическая затѣя блуждать ночью... Еслибы ты еще былъ влюбленъ...

— Да я и то влюбленъ...

— Въ кого же?.. Не секретъ?

— О, да, разумѣется, не секретъ... Въ жизнь, Алла, въ жизнь, что̀ бы она мнѣ ни готовила въ будущемъ!

V.

Заходящее солнце своими смягченными, красноватыми лучами озаряло самую мирную картину: въ палисадникѣ происходила варка варенья, и у Ирины Васильевны, несмотря на возню и утомленіе, физіономія имѣла всѣ признаки наилучшаго расположенія духа. Возлѣ нея, на распростертомъ по травѣ старомъ пальто отца, лежала Женя, держа надъ носомъ какую-то истрепанную книжку. Женя была въ „дезабильé“: изъ-подъ короткой, полинялой ситцевой юбки выглядывали босыя ноги въ старыхъ ковровыхъ туфляхъ, и рукава бѣленькой кофты были прорваны на локтяхъ, „для вентиляціи“, какъ оправдывала она свое нежеланіе разстаться съ этимъ костюмомъ, столь пріятнымъ въ жару. Алла, чистенькая и приличная, какъ всегда, пыталась разыграть на старомъ, разбитомъ роялѣ какую-то сонату Бетховена, и ея меланхолическое треньканье, слышное изъ настежь раскрытыхъ оконъ, повидимому, доставляло Иринѣ Васильевнѣ большое удовольствіе. Она задумчиво помахивала вымазанной сиропомъ ложкой, которою размѣшивала варенье, и что-то мурлыкала подъ музыку. Изъ таза, установленнаго на желѣзномъ треножникѣ, подымался горячій, сладкій ароматъ; сложенныя

кучкой головешки горѣли мутно желтымъ, тусклымъ огнемъ; дымокъ лѣнивой, сизой струйкой тянулся въ безвѣтренномъ воздухѣ, и мухи назойливыми и жадными тучами носились кругомъ. Наиболѣе предпріимчивыя падали жертвами своихъ страстей, и Ирина Васильевна прехладнокровно извлекала ихъ изъ гибельной, клокочущей пучины ложкой. Не менѣе жадно поглядывали на тарелку съ блѣдно-розовыми пѣнками и Алеша съ Костей, испытывающіе всѣ муки Тантала. Они были пригвождены къ подоконникамъ, такъ какъ мать запретила имъ выходить изъ комнатъ раньше, чѣмъ будутъ кончены ихъ каждодневныя занятія по передержкамъ. И вотъ, уткнувшись въ учебники, они оба жужжатъ, какъ два огромные шмеля, попавшіе въ плѣнъ, но сердце и глаза ихъ—тамъ, возлѣ завѣтной тарелки. Съ горькимъ чувствомъ видятъ они, какъ къ тарелкѣ подсаживается Витя, и пѣнки начинаютъ замѣтно убывать въ количествѣ.

„Не оставитъ вѣдь, свинья, ничего не оставитъ"!—мелькаетъ у обоихъ тревожная мысль, но, покорные материнскимъ увѣщаніямъ и потирая еще красныя отъ недавней расправы уши, мальчики углубляются въ книжную премудрость, которая, особенно въ эту минуту, кажется имъ просто ненавистной.

— Ну, Женя, пробуй; кажется, скоро будетъ готово,—говоритъ мать, зачерпнувъ изъ таза комочекъ благоухающихъ розовыхъ листьевъ:—очень удалась мнѣ роза въ этомъ году... нѣжная, прозрачная, какъ хрусталь... Да только подуй, пусть простынетъ—кипитъ вѣдь... Чтò, хорошо?

— Мм... у! прелесть... Еще немножко... Восторгъ!.. Ужъ никто, правда, не сваритъ такъ варенья, какъ вы, мама!.. Сколько мнѣ ни приходилось послѣ вашего пробовать,—въ ротъ не могу взять, прямо брезгаю...

— Вотъ видишь! И въ гимназіи не училась,—смѣется мать.— Смотри, замѣчай, какъ я дѣлаю, такъ и сама будешь умѣть... Выйдешь замужъ—пригодится...

— Ну, ужъ куда мнѣ... Вы—такая мастерица!..

— Разсказывай!..

И польщенная мать суетъ дочери еще ложку. Жужжанье „шмелей" стихаетъ на секунду, затѣмъ подымается съ удвоеннымъ рвеніемъ. Алла все потренькиваетъ свою сонату. Витя, съѣвъ добрую половину пѣнокъ, взобрался верхомъ на заборъ и смотритъ, какъ ведутъ поить слѣпую лошадь, которая вертитъ колесо соломорѣзки у сосѣдей-нѣмцевъ. Далеко-далеко за прудомъ, въ загородномъ монастырѣ, ударилъ колоколъ къ вечернѣ.

Бархатный и басистый гулъ звучно заколыхался въ воздухѣ, разносясь на большое пространство.

Ирина Васильевна крестится и тутъ же вылавливаетъ изъ сиропа пару мухъ.

— Надо бы когда въ монастырь сходить,—благочестиво произноситъ она:—я передъ Пасхой не говѣла, хорошо бы теперь отговѣться въ монастырѣ... Матушка-игуменья обѣщала мнѣ абрикосовъ на „повидлы" продать... У нихъ тамъ такіе абрикосы, какъ мой кулакъ... Да еще вотъ малина...

Но разсужденіе о малинѣ остается неоконченнымъ, такъ какъ Витя со своего обсерваціоннаго пункта слегка испуганно заявляетъ:

— Господи! кажется къ намъ гости...

— Врешь!.. Кто такой? — въ одинъ голосъ вскрикиваютъ мать и дочь.

— Идутъ папа, Гриша, а съ ними Подиковъ и еще кто-то... Къ намъ, къ намъ,—поворачиваютъ сюда...

Женя заметалась, не зная, куда убѣжать, и, пронзительно пискнувъ, шмыгнула въ окно.

— Алла, гости!—крикнула она сестрѣ такимъ тономъ, что та, не разслыхавъ, въ чемъ дѣло, даже поблѣднѣла отъ испуга.

— Чтò случилось?.. Чтò такое?..

— Гости, гости... Подиковъ... докторъ... Я что-нибудь надѣть должна...

И Женя, вся пунцовая, ринулась въ свою комнату.

— Гости... Подиковъ... докторъ,—свойственнымъ ей одной громкимъ шопотомъ говоритъ Ирина Васильевна, просовывая голову въ окно и дѣлая дочери энергическіе знаки оправить свой костюмъ.

Но костюмъ Аллы въ исправности, она отвѣчаетъ матери успокоительнымъ жестомъ и идетъ къ Женѣ, посмотрѣть, не надо ли ей пособить въ чемъ-нибудь.

Женя торопливо застегиваетъ корсетъ дрожащими отъ нетерпѣнія руками, затѣмъ начинаетъ перечесываться, пудриться и т. д. Алла, видя, что въ ея помощи не нуждаются, идетъ въ залу и принимается смотрѣть черезъ окно въ палисадникъ на мать, которая снова невозмутимо возится съ вареньемъ, нисколько не стѣсняясь, что на ней грязная, лоснящаяся на животѣ, шерстяная ветхая юбка, и что бѣлье—коленкоровая кофточка—далеко не первой свѣжести.

„Молодецъ мама!—съ приливомъ нѣжности думаетъ Алла:—

сколько у нея настоящаго достоинства!.. Держится, какъ принцесса"...

И хотя Алла и въ жизнь свою никогда не видѣла ни одной принцессы, но ей почему-то казалось, что спокойно-величественная поза матери, вооруженной громадной деревянной ложкой, вмѣсто скипетра—именно такая, какую чаще всего принимаютъ принцессы.

Ожидаемое появленіе Подикова и молодого доктора не особенно волновало ее. Подиковъ всегда казался ей съ виду совершенно неинтереснымъ субъектомъ, а незнакомый докторъ, какъ пріятель Подикова, тоже, повидимому, не обѣщалъ ничего особеннаго. И вотъ, глядя на нихъ изъ-за цвѣтовъ, стоящихъ на подоконникѣ, она усмѣхается про себя съ легкой ироніей...

Нѣсколько минутъ спустя, въ сѣняхъ послышался шумъ, кто-то зашаркалъ ногами объ рогожу, вытирая пыль съ сапогъ, и откашлялся. Женя, принаряженная, красная и напудренная, выбѣжала въ залу, подсѣла къ роялю и начала лѣниво перебирать пальцами пожелтѣвшія клавиши.

— Барышни, а я къ вамъ гостей привелъ,—объявилъ Николай Ивановичъ, появляясь въ дверяхъ, усталый, блѣдный, потный, съ застѣнчиво-ласковой улыбкой на губахъ.

— Гостей?.. Очень рады,—бойко отвѣтила Женя, вставая на встрѣчу отцу, за которымъ шли Подиковъ, докторъ и Гриша. Выглянувъ изъ-за спины доктора, Гриша поймалъ взглядъ Аллы и сдѣлалъ ей такую забавную гримасу, что та чуть не разсмѣялась прямо въ лицо ни въ чемъ неповиннымъ гостямъ.

— Позвольте отрекомендоваться самому и отрекомендовать вамъ моего добраго друга, Петра Петровича Михайлова...— Діонисій, Леонтьевъ сынъ, Подиковъ,—какимъ-то круглымъ, церковнымъ баритономъ, сильно ударяя на *о* и произнося вмѣсто г латинское h, обратился молодой гимназическій регентъ къ дѣвицамъ, расшаркиваясь и пожимая имъ руки. За нимъ подошелъ докторъ, развязно мотнулъ стриженой бѣлокурой головой и, пробурчавъ: „очень пріятное знакомство",—прищурился на Женю. Физіономія его, круглая, немножко брюзглая, съ небольшими калмыцкими глазами, усами въ стрѣлку и бородкой Henri IV, приняла выраженіе преувеличенной иронической почтительности. Алла замѣтила это и съ холодной сдержанностью протянула ему руку.

— Садитесь, пожалуйста,—любезно, съ немного насильственнымъ радушіемъ и неловкой, будто извиняющейся или заискивающей улыбкой, предложилъ молодымъ людямъ Николай Ива-

новичъ и, послѣ нѣсколькихъ секундъ напряженнаго молчанія, когда обыкновенно не знаютъ, съ чего завязать разговоръ, вдругъ быстро и какъ бы озабоченно спросилъ у дочерей:—а гдѣ мама?

— Въ палисадникѣ варенье варитъ,—громко доложилъ Витя, все время незамѣтно вертѣвшійся у входа въ залу. Его никто не видѣлъ раньше, и раздавшійся голосъ его заставилъ Аллу вздрогнуть, а всѣхъ остальныхъ обернуться къ двери. Николай Ивановичъ, искренно обрадовавшись предлогу, исчезъ въ палисадникъ, забравъ съ собою Витю; Женя, чувствуя, что надо же что-нибудь сказать для начала, обратилась къ гостямъ:

— Не правда ли, у насъ прохладно?.. Славный это домъ— хоть какая жара, а у насъ всегда прохладно...

— Да, да, весьма пріятная прохлада, — поддержалъ Подиковъ: — а на дворѣ жара; а знаете, когда пройдешь въ такую жару только десять шаговъ, то такъ вспотѣешь, что хоть все бѣлье перемѣняй... А мы, подходя къ вамъ, слыхали у васъ музыку... Кто же изъ васъ, собственно, артистъ?..

— Да мы обѣ немножко играемъ на роялѣ, только плохо,— отвѣтила Алла, избѣгая глядѣть на Михайлова, такъ какъ чувствовала, что тотъ упорно и не совсѣмъ вѣжливо ихъ обѣихъ разсматриваетъ.

— Что же это за скромность!—любезно запротестовалъ Подиковъ:—наоборотъ, мы слыхали, что кто-то очень искусно наигрывалъ премилую пьесу...

Михайловъ подавилъ зѣвокъ и тоскливо посмотрѣлъ на дверь, какъ бы чего-то ожидая.

— „Это онъ угощенія, должно быть, ждетъ, каналья“!—забавляясь его миной, подумала Женя и, посмѣиваясь, спросила у него:

— А вы здѣсь, кажется, недавно?.. Какъ вы находите наши края?

— Края, какъ края... Скучно тутъ, удовольствій никакихъ... Развѣ только наливка недурная... да еще вареники съ ягодами,— небрежно промямлилъ тотъ, вертя въ рукахъ фуражку.

— Отчего же скука?.. Развѣ у васъ знакомыхъ мало?—продолжала Женя, нисколько не уязвленная его манерами.

— Какія тутъ знакомства въ этой дикой сторонѣ!—немного оживленнѣе вымолвилъ Михайловъ:—развѣ иногда въ клубѣ развлечешься среди мужской компаніи... А дамы и дѣвицы такія тутъ у васъ оригиналки: придешь къ кому-нибудь посидѣть, поболтать, а онѣ на тебя прямо какъ на „злого татарина“ смотрятъ, ждутъ, видимо, не дождутся, когда уберешься прочь. А я

тогда нарочно сижу до послѣдней крайности,—пускай побѣсятся, думаю, это меня потѣшитъ...

— Какъ это странно!—расхохоталась Женя:—я и не слыхала, чтобы здѣсь такъ гостей принимали!..

„Положимъ, — подумала про себя Алла: — не слишкомъ давно еще и у насъ такъ случалось, когда къ намъ съ тобой, милая, кто-нибудь являлся... Мама все проходитъ черезъ залу, мрачная какъ туча, и всѣмъ существомъ своимъ прогоняетъ нашихъ визитёровъ. Не пора, дескать, еще намъ свои знакомства заводить. А только чего это онъ такой... ломаный“?..

Опять наступило несовсѣмъ пріятное молчаніе. Чтобы обнаружить присутствіе свѣтскаго такта и умѣнья найтись въ обществѣ, Подиковъ началъ громко и обстоятельно сморкаться. Этотъ дипломатическій маневръ и въ самомъ дѣлѣ оказался умѣстнымъ; Алла, подъ шумокъ, обратилась къ Гришѣ съ вопросомъ, гдѣ онъ былъ, а Женя, чтобы не молчать подъ упорнымъ взглядомъ красноватыхъ, насмѣшливыхъ глазъ доктора, спросила у него, долго ли онъ собирается здѣсь прожить.

— Какъ случится... Можетъ быть, и совсѣмъ здѣсь останусь... Это зависитъ... Мнѣ мѣсто обѣщано—гимназическаго врача. Вотъ я и жду у моря погоды. Жизнь здѣсь дешевая, можно бы недурно устроиться... Только скучища анаѳемская... Взбѣситься можно!..

— А вы бы, прелестныя барышни, сыграли намъ что-нибудь, — возгласилъ Подиковъ: — знаете, музыка такъ веселитъ душу—послушаешь, послушаешь, и сейчасъ на сердцѣ станетъ отраднѣе...

— Ну, для того, чтобы доставить пріятное впечатлѣніе слушателю, мы недостаточно хорошо играемъ,—сказала Алла:—мы такъ больше,—для собственнаго удовольствія...

— Но если вы можете *себѣ* доставить удовольствіе, то только именно излишняя скромность заставляетъ васъ сомнѣваться, что вы другимъ можете его доставить,—воскликнулъ Подиковъ, и даже разсмѣялся отъ удовольствія—тàкъ ему понравилась его великолѣпная фраза.

— Мы отъ себя не ждемъ ничего особеннаго и довольствуемся малымъ, а вамъ это можетъ показаться Богъ знаетъ чѣмъ,—бойко возразила Женя.

— А если покажется, такъ мы такъ и скажемъ, — заявилъ Михайловъ, видимо, скучая.

Зашлепали туфлями, зазвенѣла въ сосѣдней комнатѣ какая-то посуда и громыхнули ключи. Эти предвѣстники появленія

Ирины Васильевны, должно быть, обрадовали гостей, такъ какъ лица ихъ замѣтно просіяли. Женя засмѣялась въ душѣ; Алла почувствовала смутную жалость къ нимъ; а Гриша равнодушно созерцалъ то, къ чему глаза его успѣли довольно приглядѣться.

Вошла Параска съ подносомъ. За ней важно и солидно плыла Ирина Васильевна въ своей лоснящейся на животѣ юбкѣ и сомнительной кофточкѣ, только накинувъ на плечи большой сѣрый платокъ.

Гости встали и направились къ ней, мимоходомъ изслѣдовавъ глазами содержимое подноса.

— А я не извиняюсь, что въ такомъ не очень исправномъ нарядѣ, — громко и довольно привѣтливо обратилась къ нимъ Ирина Васильевна, протягивая имъ только-что вымытую, со свѣжими слѣдами легкихъ обжоговъ руку.—Я человѣкъ рабочій, некогда мнѣ лучше ходить... Вотъ ужъ пускай онѣ вмѣсто меня наряжаются, имъ это больше подходитъ... Милости просимъ нашего вареньица отвѣдать, только-что сварила... Наливочки не угодно ли?

Молодые люди что-то пробормотали невнятное въ отвѣтъ на ея маленькую рѣчь, поочередно пожали ей руку и, потоптавшись на мѣстѣ, пока она не сѣла, сѣли тоже.

— Угощайте же, барышни, это ваше дѣло, — продолжала Ирина Васильевна:—мое дѣло готовить, ну, а ужъ вы хоть угостить съумѣйте, авось не трудно...

— Въ такую жару, знаете, и угощеніе не полѣзетъ въ горло,— политично сказалъ Подиковъ, разводя руками такъ, какъ будто, предлагая ему съѣсть варенья и выпить наливки, съ него требовали непосильной жертвы.

— Ничего, ничего!.. Чтò вамъ, молодымъ людямъ, жара!.. Вотъ это мнѣ, дѣйствительно, есть на чтò пожаловаться!.. А вамъ!.. Да когда мнѣ было столько лѣтъ, сколько вамъ, я и не замѣчала, чтò на дворѣ стоитъ, зима или лѣто!..

— Вареньица?.. Котораго, кисленькаго или этого?—съ лукавой улыбкой спрашивала Женя у Михайлова, тогда какъ Алла, безъ всякихъ вопросовъ, разлила наливку въ огромныя „провинціальныя“ рюмки.

— Какого хотите,—равнодушно отвѣтилъ тотъ, недоумѣвая, почему въ этомъ домѣ пьютъ наливку рюмками.—Впрочемъ, онъ сейчасъ же понялъ, почему, и когда огненная влага девяностоградуснаго спирта, настоенная на вишняхъ, коснулась его жаждущихъ устъ, онъ улыбнулся, удовлетворенный.

Ирина Васильевна внимательно скосила глаза въ его сторону и положила немедленную резолюцію.

„Сразу за спиртное хватается... Пьянчуга, видно. Даже носъ покраснѣлъ; отъ пьянства, должно быть. Ну, отъ кого-кого, а отъ такого сахара мы подальше“...

Но Подиковъ, знакомый съ ухватками тонкаго обращенія, заставилъ-таки себя попросить. Ужъ онъ отнѣкивался на разные лады—и вредно-то ему, и не любитъ онъ, и голосъ боится испортить, и, наконецъ, объявилъ, что если онъ и выпьетъ рюмочку, то единственно изъ нежеланія обидѣть милыхъ и любезныхъ хозяекъ.

Ирина Васильевна собственноручно пододвинула къ нему рюмку, промолвивъ: „кушайте на здоровье“. И тотъ сталъ пить маленькими глотками, постоянно выражая на лицѣ своемъ всю мѣру затрудненія, какое ему причиняетъ столь крѣпкій напитокъ. За эти минуты Гриша истратилъ много нервной энергіи, чтобы не расхохотаться.

Раза два лизнувъ съ ложечки варенья, Михайловъ безцеремонно, не дожидаясь вторичнаго приглашенія, котораго требовалъ этикетъ, быстро хлопнулъ еще одну рюмку. Пилъ онъ наливку какъ водку, залпомъ, видимо придавая значеніе не столько вкусу, сколько крѣпости. Круглое, раньше блѣдноватое и лѣниво насмѣшливое лицо его закраснѣлось и словно освѣтилось.

— Руси есть веселіе пити,—произнесъ онъ, ни къ кому не обращаясь: — да и въ самомъ дѣлѣ, много ли веселія осталось бы у Руси, еслибы не было еще этого... Спасибо красному солнышку, князю Владиміру, что не принялъ мусульманства!..

„Что это онъ несуразное что-то бормочетъ“?—въ нѣкоторомъ недоумѣніи и не безъ досады подумала Ирина Васильевна, нахмурясь.

— Не изъ-за этого же, не изъ-за „питія“, насколько мнѣ извѣстно, равноапостольный князь Владиміръ отказался отъ всѣхъ прочихъ вѣръ и избралъ православную,—внушительно и будто съ упрекомъ началъ-было Подиковъ, но докторъ перебилъ его нетерпѣливымъ движеніемъ руки.

— Ахъ, да замолчи, Діонисій Леонтьевичъ! Изъ-за чего бы онъ ее ни принялъ, Богъ ему судья; а что до русскаго „веселія“, то, повѣрь мнѣ, братъ, имъ только и земля наша держится! Имъ только она и жива!—возбужденно и все какъ будто больше для себя самого вскричалъ Михайловъ, ни на кого не обращая вниманія и смотря прямо передъ собою въ одну точку.

— То-есть, вы хотите сказать,—серьезно, но еще сдержанно

обратилась къ нему Ирина Васильевна:—то-есть, вы хотите сказать, что безъ пьяницъ, вотъ чтò послѣдніе пропойцы бываютъ, что безъ нихъ бы и прожить на свѣтѣ было бы трудно, что безъ нихъ и земля наша пропала бы?.. Такъ позвольте вамъ сказать, что хоть бы вовсе ихъ, этой погани, и на свѣтѣ не было, такъ меньше горя да несчастья бы было!

Ирина Васильевна даже запыхалась—столько негодованія и жару вложила она въ свое возраженіе.

Михайловъ усмѣхнулся въ пространство.

— Можетъ, безъ нихъ кому было бы и легче, но *имъ* безъ этого было бы еще гаже, еще хуже,—вотъ въ чемъ гвоздь!

На лбу Ирины Васильевны сгустились тучи, столь зловѣщія, что дочери прямо испугались, и обѣ поспѣшили, какъ возможно, отвратить „инцидентъ".

— А, да что намъ на такія грустныя темы разговаривать!.. Богъ съ ними!—рѣшительно выговорила Алла:—много есть на свѣтѣ разныхъ тяжелыхъ, но, увы, неизбѣжныхъ пока явленій, а все-таки ими себя понапрасну разстраивать не стоитъ...

— Разумѣется, — подхватила Женя: — изъ-за всего безпокоиться, такъ и самимъ придется запить, чтобы развеселиться!..

Ирина Васильевна поняла, что дочери поступили предусмотрительно, и овладѣла собою. При томъ она сообразила, что гости, въ сущности, явились не для нея, и предоставила поле дѣйствія дочерямъ.

— Такъ, все-таки, мы настаиваемъ на своей просьбѣ—сыграйте намъ что-нибудь, тогда мы совсѣмъ будемъ взысканы вами, милая хозяйка! Прекрасное варенье—удовольствіе для вкуса, а прекрасная музыка—удовольствіе для души. Не томите же насъ отказами...

— Ну, чтò же, барышни, сыграйте что-нибудь! — поддержала Подикова Ирина Васильевна: — покажите, что за васъ столько денегъ таки не даромъ платили.

Алла пошла къ роялю, рѣшивъ про себя, что лучше ей избрать благую часть и сыграть хоть десять пьесъ, чѣмъ поддерживать неладящійся разговоръ, да еще и въ присутствіи матери, которая, того и гляди, какъ-нибудь прорвется.

— Только не судите меня слишкомъ строго,—улыбаясь, обратилась къ гостямъ Алла:—я предупреждаю васъ, что играю неважно...

Подиковъ только головою покрутилъ съ видомъ полнаго недовѣрія.

Алла выбрала какой-то нетрудный романсъ Шуберта, пере-

ложенный для рояля, и заиграла—стѣсняясь, досадуя и посмѣиваясь надъ собою. Подиковъ принялъ меланхолическую позу, полную самаго глубокаго, сосредоточеннаго вниманія. Гриша всталъ и на цыпочкахъ ушелъ. Михайловъ выпилъ уже изъ другой бутылки подъ суровымъ взглядомъ Ирины Васильевны, котораго не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить. Женя жестами предложила ему другого варенья, и на его отказъ сдѣлала мину любезнаго упрека. Ирина Васильевна сложила свои обожженныя руки на животѣ и искреннѣе всѣхъ стала слушать музыку, рѣшивъ не обращать больше никакого вниманія на непріятнаго доктора и еще болѣе твердо рѣшивъ по мѣрѣ возможности никогда его не принимать въ будущемъ. Остановившись на этомъ рѣшеніи, она вернулась къ прежнему хорошему настроенію и даже стала потихоньку подтягивать мелодію романса. Михайловъ, возбужденный и взвинченный выпитой наливкой, нервно ёрзалъ на своемъ стулѣ, то пытливо и почти нагло уставляясь на Женю, то переводя нетерпѣливые и безпокойные глаза свои на серьезное, чуть-чуть недовольное лицо Аллы. Видимо, ему было по временамъ не по себѣ. Безмолвное сидѣнье на одномъ мѣстѣ замѣтно удручало его.

Алла играла недолго, такъ какъ пьеса была коротенькая. Когда она взяла послѣдній аккордъ, Подиковъ зааплодировалъ, и сказалъ съ восхищеннымъ видомъ:

— Браво, брависсимо!.. А еще говорите, что плохо играете!.. Сколько чувства, какое превосходное туше́!.. Вы прямо талантъ, Алла Николаевна!..

— Прелестно, прелестно!—закричалъ въ свою очередь Михайловъ, съ энтузіазмомъ весьма мало правдоподобнымъ и съ взрывомъ оживленія, чрезвычайно похожимъ на радость, что музыка, слава Богу, кончена.

— Славно, славно, Алла!—одобрила и мать.

Алла настолько сильно почувствовала всю непріятность приторныхъ похвалъ гостей, что слова матери, искреннія по обыкновенію, доставили ей настоящую радость, хотя она и видѣла все ихъ пристрастіе.

— И неужели же вы откажетесь сыграть намъ еще хоть одну вещичку?—голосомъ полнымъ страстной мольбы воскликнулъ благовоспитанный регентъ, вскакивая съ мѣста и устремляясь къ роялю.

— Да, да, еще, пожалуйста! — присоединился къ нему докторъ, весь краснѣя и быстрымъ, воровскимъ движеніемъ хватая съ подноса наполненную Женей рюмку.

— Хорошо,—сухо согласилась Алла, возмущенная до глубины души ихъ просьбами, но все-таки предпочитая играть, чѣмъ разговаривать.

Мать очень была польщена любезными восклицаніями гостей и отъ всего сердца вѣрила тому, что музыка ея Аллы имъ нравится такъ же, какъ нравится ей самой. И затѣмъ, найдя, что она удѣлила гостямъ достаточно вниманія, старуха тяжело поднялась и пошла хлопотать насчетъ чаю, предоставляя молодежь самимъ себѣ.

Но эта вторая пьеса, легонькая мазурка Шопена, оказалась для Аллы истиннымъ мученіемъ: Подиковъ усѣлся возлѣ самаго рояля и повидиму задался цѣлью выразить мимикой все разнообразіе чувствъ, взволновавшее его подъ дивныя мелодіи Шопена. Это было для Аллы совершенно нестерпимо,—вся эта фальшь, мелкая и пошлая, возбуждала въ ней просто судорожное отвращеніе.

Михайловъ, болѣе откровенный и болѣе охмелѣвшій, сорвался со стула и принялся шагать взадъ и впередъ по огромной комнатѣ, безцеремонно заглушая топотомъ тяжелыхъ сапогъ на гвоздяхъ робкіе, сконфуженные звуки злополучной мазурки.

„Ужъ лучше бы и *этотъ* тоже бѣгалъ, чѣмъ вотъ такъ сидѣть надъ душой“!—еле владѣя собою, думала Алла, просто физически недовольная сосѣдствомъ Подикова—на нее такъ и несло теплотою его массивнаго, разогрѣтаго на солнцѣ тѣла, и притомъ онъ надушился такими отвратительными духами, что бѣдную дѣвушку даже затошнило.

Но регентъ не подозрѣвалъ мученій Аллы, и слабый румянецъ нетерпѣнія, окрасившій ея щеки, онъ истолковалъ самымъ лестнымъ для себя образомъ.

Кончивъ пьесу, Алла встала и, съ облегченіемъ вздохнувъ, сказала, насколько была въ силахъ, любезно:

— Ну, вотъ и довольно!.. даже хорошаго, и то, говорятъ, надо понемножку... а моей музыки и подавно.

И, желая помѣшать хвалебнымъ изліяніямъ Подикова, уже разинувшаго-было ротъ, быстро залепетала:

— Ради Бога, ради Бога—не будемъ говорить о моей музыкѣ... Лучше о чемъ-нибудь другомъ поговоримъ...

Подиковъ тоже всталъ и, вѣжливымъ поклономъ давая понять, что онъ хоть и не безъ протеста, но все же повинуется ея желанію, вымолвилъ чрезвычайно торжественно:

— Какъ вамъ угодно, Алла Николаевна... Распоряжайтесь мною по вашему благоусмотрѣнію.

Но Алла не имѣла рѣшительно никакого желанія какъ бы то ни было распорядиться имъ, и единственное, что̀ показалось ей сноснымъ, это начать прогуливаться по комнатѣ. Подиковъ, разумѣется, присоединился къ ней; подошла къ нимъ и Женя, а за нею присталъ къ компаніи и Михайловъ, гулявшій-было отдѣльно и занятый, повидимому, какими-то мучающими его мыслями. Онъ находился теперь въ возбужденно-молчаливомъ настроеніи, которое было у него еще болѣе напряженно, чѣмъ экспансивное. Заговорили о предстоящемъ балѣ окончившихъ восьмиклассниковъ, о предполагающемся благотворительномъ спектаклѣ. Женя овладѣла и нитью разговора, и вниманіемъ Подикова, такъ что и Аллѣ, и Михайлову было возможно молчать, сколько имъ понравится.

Въ залу стрѣлой влетѣлъ маленькій котенокъ, повидимому увлеченный какой-то чрезвычайно интересной забавой съ Витинымъ мячикомъ, который онъ катилъ передъ собою. Для немного натянутыхъ нервовъ Аллы это intermezzo было весьма пріятно. Она ловко подхватила котенка на руки и принялась нѣжно ласкать. Занятая имъ, она и не замѣтила, что Михайловъ упорно остановился на ней тяжелымъ, какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— А вы... того... кажется, любите животныхъ, Алла Николаевна?—сказалъ онъ ей неожиданно. Алла, захваченная врасплохъ, слегка покраснѣла и отвѣтила, что животныхъ, дѣйствительно, любитъ.

— Хорошій признакъ... Вообще, нужно побольше любви, побольше любви,—точно затрудняясь связывать одно слово съ другимъ, медленно продолжалъ онъ, вглядываясь въ нее своимъ непріятнымъ взглядомъ.

„Очень остроумно",—подумала Алла, почему-то невольно предубѣжденная и противъ него самого, и противъ всего, что̀ онъ скажетъ.

— А я не люблю кошекъ,—объявилъ Подиковъ:—еще собака ничего, все-таки „другъ человѣка", а кошки только и умѣютъ, что пакостить по всѣмъ угламъ... Безпорядокъ отъ нихъ и больше ничего!

„Ну, кто изъ этихъ господъ лучше—я не берусь рѣшить,—мысленно воскликнула Алла,—но краснорѣчивы они... до ужаса"!..

Женя закусила губы, и только плечи у нея вздрагивали отъ душившаго ее смѣха: „Ай да галантерейный кавалеръ—умѣетъ пакостить"!..

Визитъ молодыхъ людей, однако, не былъ ей непріятенъ, несмотря на то, что сами молодые люди совершенно ей не нра-

вились, и ни на кого изъ нихъ она не собиралась возлагать своихъ надеждъ, какъ на возможнаго жениха. Ей просто хотѣлось поупражнять свое искусство и хозяйничать, и кокетничать, а для этого годились и такіе визитёры. Женя въ данномъ отношеніи особенной требовательностью не отличалась.

Но Аллу гости довели до головной боли. Михайловъ показался ей слегка полоумнымъ, Подиковъ—каррикатурнымъ, а оба вмѣстѣ—прямо утомительными до тоски.

„И это мои будущіе сослуживцы, мое „общество“!—съ горечью думала она:—ну, нѣтъ, извините—я или стѣнку головой пробью, или голову объ стѣнку разобью, а въ это болото не полѣзу“!..

Михайловъ, тѣмъ временемъ, говорилъ Женѣ, указывая на Подикова:

— Если хотите увидѣть счастливца—посмотрите на друга моего Діонисія Леонтьевича... Что̀ это за уравновѣшенность, что̀ за непоколебимое довольство жизнью!.. Какой организаціей надобно обладать, чтобы всегда себя такъ прекрасно чувствовать, —не пойму!

— Что-жъ!.. Это очень хорошее свойство—быть довольнымъ своею жизнью,—философски отвѣтила на это Женя:—не у всѣхъ оно, правда, есть, но у кого есть, тому несомнѣнно можно позавидовать!

— Не правда ли?—какъ-то двусмысленно разсмѣялся Михайловъ, непріятно дохнувъ на Женю запахомъ выпитой наливки:— „и да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли“... Ну, а какъ вы полагаете—всякой ли жизнью слѣдуетъ довольствоваться?

Алла бросила на него быстрый, внимательный взглядъ и потупилась. На лицѣ ея былъ интересъ, что̀ отвѣтитъ Женя.

— Гм!.. Должно быть—всякою, разъ нельзя устроиться такъ, какъ хочется,—съ легкимъ презрѣніемъ къ вопрошающему объявила Женя.

— Ага!.. Такъ—всякою!.. Дудки!—вдругъ свирѣпо вскричалъ докторъ, наливаясь кровью и моментально придя въ состояніе необъяснимаго неистовства: — нѣ-э-этъ!.. Не могу я устроиться такъ, какъ мнѣ хочется—такъ я же тогда сначала наплюю всему свѣту прямо въ морду, я сначала надѣлаю такихъ гадостей, что небу жарко станетъ, я... я... Нѣ-ээтъ!.. А ужъ мириться не стану,—н-ни за что... никогда!..—Михайловъ даже задохнулся отъ прилива ярости. Подиковъ струсилъ и, взявъ доктора подъ руку, подъ предлогомъ его успокоить, жестоко толкнулъ его, дабы напомнить увлекшемуся пріятелю, что онъ забылся.

Алла въ недоумѣніи и даже страхѣ посматривала то на того-то на другого. И ажитація Михайлова, и самодовольное спокойствіе Подикова произвели на нее отталкивающее впечатлѣніе.

„Не мирится! — думала она про Михайлова: — да развѣ этакъ „не мирятся"?.. Шумитъ у него въ головѣ—онъ и „не мирится", а разсѣются „пары"—и будетъ преспокойно прописывать гимназистамъ хину отъ „фébрисъ притворялисъ"... Тоже протестантъ!..

— Безпокойная ты головушка, Петръ Петровичъ,—стараясь быть добродушнымъ, сказалъ Подиковъ, но выдалъ себя сердитымъ взглядомъ, искоса брошеннымъ на „друга":—все-то ты кипятишься—„почему это такъ, а не такъ"... Ну и кто же его знаетъ, „почему"... Плюнь ты на это дѣло и ни о чемъ не сокрушайся. Все пойдетъ—какъ ему идти надлежитъ...

— Ну-да! Надлежитъ!.. Разскажи кому-нибудь другому,—проворчалъ докторъ, растирая ушибленное другомъ мѣсто, но благодарный ему въ душѣ за то, что онъ его „ограничилъ".— Въ томъ-то и дѣло, что все идетъ, какъ ему идти не надлежитъ... Да если бы все шло какъ надлежитъ, да развѣ бы я торчалъ здѣсь, въ этой чертовой дырѣ, да развѣ бы я... О, дьяволъ!..

„Эге-ге! — подумала Женя: — начинаются лирическія изліянія... Чего добраго, еще подерутся... И выйдетъ нѣчто въ родѣ турнира для развлеченія дамъ сердца"...

Но докторъ послѣ толчка въ бокъ видимо подтянулся и, проведя рукою по лбу, сказалъ съ грустнымъ смѣхомъ:

— Вотъ и развѣ же я не правъ, что прибѣгаю къ единственному для меня средству не повѣситься—пью! Всѣ средства хороши, когда ведутъ къ хорошей цѣли, а у меня при этомъ и выбирать не изъ чего...

— Ну, ну—что̀ ужъ ты, право, поклёпъ на себя взводишь, пьяницей себя выставляешь, милый друже! Одно дѣло—пьянство, другое дѣло—выпить для собственнаго удовольствія, такъ, между прочимъ... Это еще полъ-бѣды,—удивительно фальшивымъ голосомъ заговорилъ Подиковъ, поглядывая на дѣвицъ и всѣми своими ужимками стараясь подчеркнуть имъ какъ можно яснѣе, что придумываетъ онъ эти оправданья и объясненія единственно изъ дружбы, а что если говорить правду—дѣла обстоятъ вовсе не такъ ужъ отрадно.

— Э, что̀ ты тамъ попусту языкомъ звонишь... Пьяницы, такъ пьяницы и есть!.. Что̀ мнѣ скрываться-то!.. Не считаю нужнымъ... Никого у меня на свѣтѣ нѣтъ, и никто, кромѣ меня, отъ этого не страдаетъ... Жениться я не думаю, да если бы и

думалъ—врядъ ли нашлась бы столь храбрая и столь безразсудная женщина, которой бы показалась соблазнительной перспектива стать моей „подругой жизни"... Слѣдовательно, единственное, что я могу сдѣлать добродѣтельнаго—это сразу же выставлять себя въ надлежащемъ свѣтѣ передъ всѣми—пускай знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло...

Алла, найдя въ глубинѣ души резоннымъ его послѣднее заявленіе, машинально кивнула головою, какъ бы одобряя сказанное. Михайловъ замѣтилъ это, прикусилъ на секунду губу и слегка дрогнувшимъ голосомъ обратился къ ней:

— И вы согласны съ этимъ?.. Вотъ видите...

Онъ умолкъ, не докончивъ.

Алла вспыхнула до корней волосъ, почувствовавъ себя какъ бы виноватой, но, не будучи въ силахъ увернуться отъ того, что ей казалось правильнымъ, молвила, запинаясь:

— Ужъ конечно... Лучше прямо... Такъ честнѣе...

— То-то и есть! По крайности, не надую никого благочестивой внѣшностью: казался святъ и праведенъ,—вотъ хоть какъ ты, Діонисій Леонтьевичъ,—потомъ вдругъ, глядь,—и вышелъ первостатейнымъ запивакой... Не надо... Я не дамъ себѣ труда быть лгуномъ!

Внесла Параска чай, звеня стаканами и гулко топая босыми крѣпкими пятками. Она уже успѣла принарядиться по случаю гостей. Изъ-подъ высоко подоткнутой „по модѣ" юбки до половины видны голыя красныя икры. На шею намотанъ цѣлый хомутъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, брякающихъ въ ладъ съ каждымъ ея движеніемъ. Не мѣняя своего скромнаго и даже туповатаго вида, она принимается разставлять на столѣ чай и, между дѣломъ, успѣваетъ какъ нельзя лучше разсмотрѣть „жениховъ", пришедшихъ къ барышнямъ въ гости. Бойкіе мозги ея умѣютъ работать съ большой логикой, и если не разрѣшаютъ вдругъ всплывшаго вопроса, то, по крайней мѣрѣ, ставятъ его достаточно правильно:

„Ишь, какіе паны хитрые! Какъ до нихъ, то можно женихамъ ходить, а пусть бы кто ко мнѣ такъ задумалъ придти! И у меня бы шея послѣ этого болѣла, да и *его* бы пани такъ поперла бы рогачами изъ кухни, что и дверей бы не нашелъ. Видно, только и житье на свѣтѣ, что панамъ"!..

Къ чаю молодые люди отнеслись со скрытымъ презрѣніемъ, но наскоро выпили его изъ приличія. Лицо Михайлова все время морщилось въ брезгливую, высокомѣрную гримасу, точно онъ хотѣлъ дать понять обществу, что оно не по немъ, что

онъ къ нему снисходитъ. Видимо, ему хотѣлось произвести впечатлѣніе „загадочной натуры“, непонятаго человѣка. Подиковъ же всѣмъ своимъ обликомъ выражалъ благоволеніе ко всему и всѣмъ, и щедро сыпалъ увѣсистые комплименты барышнямъ въ томъ разсчетѣ, что это ничему не можетъ повредить.

Женя звонко смѣялась и на гримасы, и на комплименты; Алла же, слегка нахмурясь, молчала и скучала.

Наконецъ, гости стали прощаться. Къ этому моменту подоспѣлъ и Николай Ивановичъ съ Ириной Васильевной. Подиковъ такъ и разсыпался въ выраженіяхъ самаго пылкаго восторга передъ гостепріимствомъ, барышнями, музыкой, чаемъ—словомъ, совершенно оглушилъ Караваевыхъ взрывомъ похвалъ и лести. Михайловъ, аккомпанируя пріятелю, тоже что-то мычалъ въ свою очередь, но, привѣтливая и любезная съ Подиковымъ, Ирина Васильевна съ явнымъ неудовольствіемъ и неодобреніемъ протянула ему руку, ни единымъ словомъ не поощривъ его явиться къ нимъ еще разъ. Только мягкосердый Николай Ивановичъ былъ одинаково предупредителенъ съ обоими, за что и получилъ отъ доктора на прощанье:

— Славный вы малый, Николай Ивановичъ!

Ирина Васильевна посмотрѣла ему вслѣдъ остолбенѣлыми отъ изумленія и гнѣва глазами.

Ел. Бердяева.

РЕФОРМЫ
ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ
ВЪ ГЕРМАНІИ.

Одно изъ наиболѣе характерныхъ и выдающихся явленій нѣмецкой національной жизни, сохранившееся отъ среднихъ вѣковъ до сихъ поръ и принявшее огромные размѣры, это—„ферейнская“ жизнь, вкоренившееся у нѣмцевъ стремленіе къ организаціи вездѣ и всюду, при всякихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, всевозможныхъ „ферейновъ“,—обществъ и союзовъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей, главнымъ же образомъ для взаимной поддержки, для объединенія и для сплоченія раздробленныхъ, единичныхъ силъ. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что и женское движеніе въ Германіи проявилось раньше всего въ организаціи крупныхъ или мелкихъ женскихъ ферейновъ, которые взяли на себя выполненіе непосильныхъ для отдѣльныхъ личностей задачъ, какъ агитацію и пропаганду при помощи всѣхъ доступныхъ средствъ, такъ и постепенное практическое осуществленіе женскихъ стремленій и новыхъ идеаловъ. Но задачи и цѣли первыхъ по времени, тогда еще довольно незначительныхъ женскихъ ферейновъ были съ самаго начала настолько широки и утопичны, что въ самомъ непродолжительномъ времени отъ женскихъ ферейновъ остались только тѣ немногіе, дѣятельность которыхъ была посвящена благотворительности, а отъ нѣсколькихъ разновременно основанныхъ женскихъ газетъ уцѣлѣли одни только модные журналы. Луиза Отто-Петерсъ, талантливая и энергичная женщина, начала еще въ 1844 г.

сотрудничать въ журналѣ „Vaterlandsblätter", который издавался тогда въ Лейпцигѣ знаменитымъ Робертомъ Блумомъ; она напечатала въ этомъ журналѣ большое число статей, въ которыхъ горячо призывала нѣмецкихъ женщинъ къ борьбѣ за свою самостоятельность и за свое равноправіе. Въ 1849 г., она основала газету „Frauenzeitung", на столбцахъ которой энергично отстаивала интересы своего пола и тщательно регистрировала всѣ маленькія побѣды, гдѣ-либо одержанныя нѣмецкими женщинами, и успѣхи ихъ въ борьбѣ за расширеніе своихъ правъ. Но этихъ успѣховъ и побѣдъ было тогда слишкомъ мало. Женщины, подобныя Луизѣ Петерсъ, были только рѣдкими исключеніями. Въ общемъ, нѣмецкая женщина первой половины XIX вѣка, какъ и предъидущаго, не имѣла никакихъ высшихъ интересовъ. Громадное большинство нѣмецкихъ „бюргерокъ" выростало въ домашнемъ уединеніи; о воспитаніи и образованіи дѣвушекъ заботились тогда очень мало, или не заботились совершенно. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что газета Луизы Петерсъ должна была уже черезъ три года прекратить свое довольно бренное существованіе.

Таковъ былъ первый, самый кратковременный и самый незначительный періодъ въ исторіи женскаго движенія въ Германіи. Новыя жизненныя силы пріобрѣло это движеніе тогда, когда эпоха „весны народовъ", оставившая массу надеждъ несбывшимися, уже миновала, когда возбужденіе умовъ, вызванное 1848 годомъ, значительно улеглось, а въ Германіи господствовала снова реакція. Немногія передовыя нѣмецкія женщины поняли, что слѣпое слѣдованіе по стопамъ женскаго движенія въ другихъ странахъ, вѣра въ близкое осуществленіе утопій и разбрасываніе слишкомъ еще незначительныхъ силъ не поведутъ ни къ чему, не дадутъ какихъ-либо практическихъ результатовъ. Нѣмецкія женщины снова организуются, на этотъ разъ уже въ крупные ферейны, но намѣчаютъ себѣ сначала только нѣкоторыя практическія задачи, которыя не выходятъ за обычныя границы области женскаго труда, и только позже переходятъ къ постепенному, но неуклонному расширенію данной области. Поэтому женское движеніе носило въ Германіи въ теченіе десятилѣтій характеръ движенія въ пользу улучшенія экономическаго положенія нѣмецкихъ женщинъ. Въ то время какъ французскія женщины, стоящія во главѣ движенія, ограничиваются конгрессами, рефератами и воззваніями, и только мечтаютъ и говорятъ о равноправіи во всѣхъ отношеніяхъ съ мужчинами, въ то время какъ англійскія передовыя женщины занимаются,

главнымъ образомъ, филантропической дѣятельностью и журнальной борьбой, практичныя нѣмки прекрасно сознаютъ, что до полнаго равноправія имъ еще очень далеко и что пока имъ нужно заботиться объ улучшеніи экономическаго положенія нѣмецкой женщины. Поэтому практическая дѣятельность трехъ крупныхъ женскихъ ферейновъ, исторію которыхъ я передаю ниже, и вызванныхъ ими къ жизни многочисленныхъ мелкихъ— составляютъ самый крупный моментъ въ исторіи женскаго движенія въ Германіи. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, только о женщинахъ изъ средняго, бюргерскаго класса. Борьба работницъ за улучшеніе ихъ экономическаго положенія пріобрѣла совершенно особый характеръ и крупное значеніе потому, что громадное большинство работницъ перешли въ лагерь соціаль-демократовъ и борются рука объ руку съ ними. Движеніе въ средѣ женщинъ пролетаріата захвачено потокомъ разросшагося соціальнаго движенія; оно составляетъ скорѣе часть нѣмецкаго рабочаго, нежели женскаго движенія. Конечно, есть многочисленные пункты, въ которыхъ то и другое движеніе близко соприкасаются, но въ то время какъ исходнымъ пунктомъ борьбы нѣмецкихъ работницъ служитъ чрезмѣрное отягощеніе работой,— корень движенія среди женщинъ среднихъ классовъ заключается въ отсутствіи достаточнаго количества работы, въ узкости границъ женскаго интеллигентнаго труда. А благодаря стремленію нѣмецкихъ женщинъ расширить эти границы, въ Германіи выдвинуты были, тотчасъ послѣ первыхъ самостоятельныхъ шаговъ женщинъ, на очередь такіе крупные вопросы, какъ напримѣръ: на какія отрасли мужского труда можетъ быть распространена дѣятельность женщинъ, какія отрасли наиболѣе доступны женщинамъ, каковы способности и каковы физическія силы женщины, насколько цѣлесообразно и законченно получаемое ею въ Германіи образованіе, и т. д. Достаточно просмотрѣть хотя бы часть огромной массы книгъ, посвященныхъ женскому вопросу въ Германіи, чтобы замѣтить, что названные коренные вопросы, ихъ изслѣдованіе, изученіе и попытки ихъ рѣшенія составляютъ самую значительную часть нѣмецкой „женской“ литературы. Въ то время какъ большое число авторовъ пережевываетъ старые доводы и снова говоритъ о женской натурѣ, женской культурѣ и женскомъ призваніи, въ то время какъ не меньшее число авторовъ, друзей реформъ, ведетъ съ антагонистами безконечные дебаты по поводу принципіальныхъ вопросовъ,—нѣмецкія передовыя женщины постепенно переходятъ отъ словъ къ дѣлу и полагаютъ въ основу начатаго

ими движенія—прогрессивное употребленіе въ дѣло имѣющихся въ избыткѣ женскихъ силъ, а также пріисканіе средствъ, помощью которыхъ могли бы быть проявлены эти силы. Требованія равноправія, т.-е. предоставленія всѣхъ областей, на которыхъ могутъ и будутъ проявлены женскія силы, становятся въ Германіи громче и оживленнѣе и предъявляются болѣе настойчиво государству и обществу только въ послѣдніе годы. Во время начала—да и всего, пожалуй, второго періода въ исторіи женскаго движенія въ Германіи,—эти требованія играли лишь самую незначительную роль. Тогда немногія передовыя женщины стремились только къ расширенію области женскаго труда и съ радостью встрѣтили горячій призывъ Фридриха Фребеля къ новому роду дѣятельности, не только не выходящей за границы обычнаго женскаго труда, но и тѣсно связанной съ дѣломъ воспитанія дѣтей, къ организаціи „дѣтскихъ садовъ". Въ Германіи организовано было нѣсколько десятковъ ферейновъ для устройства фребелевскихъ „садовъ" и распространенія идеи ихъ, а прусскій „Central-Verein für das Wohl der arbeitenden Classen", основанный въ 1844 г. и принесшій много пользы своей помощью различнымъ начинаніямъ и стремленіямъ, позаботился о томъ, чтобы полицейскія затрудненія, встрѣтившіяся на пути недавно организованныхъ женскихъ ферейновъ, были устранены. Этотъ же ферейнъ занялся изученіемъ вопроса о возможномъ расширеніи области женскаго труда, по иниціативѣ своего предсѣдателя, сначала члена франкфуртскаго парламента, а затѣмъ члена прусской палаты депутатовъ, д-ра Вильгельма-Адольфа Летте. Послѣдній обратилъ свое особое вниманіе на тѣ ужасныя условія, въ которыя поставлены нѣмецкія женщины, лишенныя семейнаго крова и вынужденныя заработывать свое пропитаніе, и предложилъ вниманію членовъ ферейна въ октябрѣ 1865 г. докладную записку, какъ результатъ своего внимательнаго изученія этихъ условій. Въ этой докладной запискѣ говорилось сначала о нѣкоторыхъ новыхъ общественныхъ теченіяхъ, пробивающихъ себѣ дорогу въ Германіи, а затѣмъ указывалось на положеніе затронутаго ея авторомъ вопроса въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ. „Въ Англіи,—писалъ Летте,—послѣ того какъ перепись показала, что тамъ больше, нежели два милліона незамужнихъ женщинъ, вынужденныхъ заботиться о своемъ пропитаніи, организовалось, подъ предсѣдательствомъ лорда Шефтсбюри, общество дамъ, цѣли котораго таковы: пріисканіе работы для тѣхъ женщинъ, которыя въ ней нуждаются; помощь тѣмъ женщинамъ, которыя вынуждены искать

мѣста учительницы, продавщицы и т. д.; пріисканіе новыхъ областей женскаго труда и облегченіе доступности женщинамъ той или иной отрасли,—облегченіе путемъ, главнымъ образомъ, соотвѣтствующаго образованія женщинъ, ищущихъ работы для своего пропитанія. Для выполненія этихъ задачъ названное англійское общество учредило институтъ, въ которомъ преподаются женщинамъ стенографія, рисованіе, бухгалтерія и др. предметы; при институтѣ имѣется типографія и школа наборщицъ". Далѣе, Летте говоритъ и о двухъ парижскихъ, руководимыхъ дамами обществахъ, задача которыхъ такова же: изученіе женщинами различныхъ отраслей труда. Что-либо подобное должно быть организовано и въ Германіи, говоритъ Летте въ той же докладной запискѣ. Всѣмъ извѣстно ужасное положеніе швей, а оно является слѣдствіемъ ихъ наплыва; послѣдній же происходитъ только изъ-за отсутствія у женщинъ подготовки къ другого рода дѣятельности. Между учительницами и гувернантками конкурренція столь же велика: на объявленіе объ одномъ имѣющемся при одной берлинской школѣ свободномъ мѣстѣ откликнулось въ теченіе нѣсколькихъ дней 114 учительницъ. „Необходимо,—говоритъ Летте,—давать женщинамъ соотвѣтствующее образованіе и подготовлять ихъ къ занятію всѣми тѣми отраслями труда, которыя женщинамъ болѣе или менѣе доступны, и заниматься которыми онѣ способны". Летте называетъ въ своей докладной запискѣ пять новыхъ категорій женскаго труда: печатаніе книгъ, переплетное и часовое мастерства, сапожное и портняжное ремесла; въ области торговли: бухгалтерія, веденіе кассы, продажа товаровъ, торговля книгами, служба въ библіотекахъ; въ области техники: приготовленіе химическихъ и микроскопическихъ препаратовъ и оптическихъ инструментовъ, служба на почтѣ, въ телеграфныхъ конторахъ и въ кассахъ желѣзныхъ дорогъ; въ области искусства: живопись, скульптура, рѣзьба на деревѣ, приготовленіе образцовъ и шаблоновъ и т. п.; въ области науки: врачебная практика, уходъ за больными, перевязки и т. п.

Въ ноябрѣ упомянутаго года разсмотрѣніемъ докладной записки Летте занялось правленіе названнаго „Central-Verein'a", которое пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) Дѣятельность женщинъ въ семьѣ есть основное и наиболѣе высокое призваніе женскаго пола, но доступъ къ промысловому труду не долженъ быть ему прегражденъ. 2) Женскій полъ, который въ настоящее время въ Германіи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ, посвящаетъ себя промысловому труду, вполнѣ способенъ къ за-

нятію многими, носящими промысловый характеръ, отраслями въ области торговли и техники. 3) Такъ какъ вознагражденіе соразмѣряется съ качествомъ работы, то было бы весьма несправедливо, еслибы за трудъ женщинъ, при одинаковомъ качествѣ работы, имъ платили меньше, нежели мужчинамъ. 4) Чтобы улучшить качество произведенной женщинами работы, правленіе „Central-Verein'а“ предлагаетъ устроивать соотвѣтствующія школы для тѣхъ дѣвушекъ, которыя желаютъ посвятить себя промысловому труду. 5) Для выполненія этой цѣли весьма желательна организація ферейновъ, въ особенности женскихъ ферейновъ, которые, при помощи со стороны мужчинъ, пойдутъ дальше по намѣченному пути расширенія и улучшенія области женскаго труда.

13-го декабря 1865 г., состоялось первое публичное собраніе, на которомъ обсуждались эти выработанные правленіемъ ферейна тезисы, а 27-го февраля слѣдующаго года основанъ былъ новый союзъ: „Verein zur Förderung der Erwerbsfähigkeit des weiblichen Geschlechts“. При открытіи этого ферейна, Лете указалъ на то, что ферейнъ намѣчаетъ себѣ сначала узкія цѣли и неширокую программу. „Мы не желаемъ пока еще политической эмансипаціи и равноправія женщинъ,—говорилъ тогда Лете,—но уничтоженіе различнаго рода предразсудковъ, стоящихъ на пути промысловой дѣятельности женщинъ, защита женщинъ, трудящихся самостоятельно, отъ эксплуатаціи и нравственной опасности, устройство для подобныхъ женщинъ пріютовъ, руководительство женщинами при выборѣ ими занятій, устройство выставокъ и базаровъ женскихъ рукодѣлій, посредничество между работодателями и трудящимися женщинами, устройство школъ, подготовляющихъ женщинъ къ промысловой и коммерческой дѣятельности, изысканіе новыхъ отраслей промысловаго труда, общее улучшеніе матеріальнаго положенія женщинъ,—вотъ наша цѣль, вотъ наша задача“!

Въ первомъ году по организаціи, новый ферейнъ имѣлъ 332 члена; въ 1877 г. число ихъ превысило тысячу, а въ теченіе восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годовъ увеличилось еще нѣсколькими сотнями. Новый ферейнъ началъ свою дѣятельность тѣмъ, что сталъ поддерживать нѣкоторые образовательные институты, въ которыхъ учились молодыя дѣвушки, а также устроилъ бюро для пріисканія работы и для посредничества между работодателями и ищущими работы или уже обезпеченными таковой женщинами. Въ 1869 г., это бюро доставило работу 1.073 женщинамъ, а въ 1890 г. въ то же бюро поступило 3.006

предложеній со стороны работодателей и 4.030 предложеній со стороны нуждающихся въ работѣ женщинъ. Затѣмъ, ферейнъ устроилъ постоянный „базаръ" для выставки и продажи женскихъ рукодѣлій и ихъ художественно-промышленныхъ издѣлій. Сначала, къ концу 1867 г., регулярно поставляли свои издѣлія для этого базара около 40 женщинъ,—позже число ихъ превышало сто. Успѣхъ этого базара далъ толчокъ къ устройству въ Берлинѣ женской индустріальной выставки, при помощи которой ферейнъ надѣялся сдѣлать обзоръ всѣхъ доступныхъ для женщинъ областей труда, а также расширить область сбыта женскихъ издѣлій и укрѣпить связь между спросомъ на продукты женскаго труда и ихъ предложеніемъ. Выставка была открыта въ ноябрѣ 1868 г. и имѣла значительный успѣхъ. Свыше 1.200 различныхъ предметовъ были присланы на эту выставку изъ всѣхъ частей Германіи, изъ Австро-Венгріи, Англіи, Швейцаріи и отъ насъ, изъ остзейскаго края; бойкая распродажа присланныхъ товаровъ превзошла всѣ ожиданія дамскаго комитета, руководившаго устройствомъ выставки.

Постепенно тотъ же ферейнъ, хорошо извѣстный теперь подъ названіемъ „Lette-Verein'a", сталъ расширять свою увѣнчавшуюся успѣхомъ дѣятельность и учредилъ одну за другой цѣлый рядъ школъ, коммерческіе курсы, ремесленную школу, курсы для телеграфистокъ, школу для наборщицъ и поваренную школу. Ремесленная школа состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ школокъ, въ которыхъ дѣвушекъ обучаютъ шитью, кройкѣ, вышиванію и другимъ мастерствамъ. Коммерческіе курсы ферейна проходятся дѣвушками въ теченіе четырехъ семестровъ; объ этихъ курсахъ достаточно сказать то, что окончившія ихъ женщины берутся положительно нарасхватъ различными торговыми фирмами. Курсы для телеграфистокъ успѣли дать за три года своего существованія надлежащія знанія 105 женщинамъ, но, вслѣдствіе рѣшенія покойнаго уже директора имперской почты, Стефани, не принимать на службу въ почтово-телеграфное вѣдомство женщинъ,—школа была закрыта [1]). Школа для наборщицъ, наконецъ, соединена съ спеціально-устроенной типографіей, въ которой принимается печатаніе книгъ и брошюръ и исполненіе всевозможныхъ заказовъ; въ школѣ работаютъ постоянно около 40 женщинъ, которыя, по окончаніи своего спеціальнаго образованія, поступаютъ въ качествѣ наборщицъ въ другія типогра-

[1]) Преемникъ покойнаго Стефани, статсъ-секретарь Подбіельскій, возобновилъ пріемъ женщинъ на службу въ почтово-телеграфномъ вѣдомствѣ, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ.

фіи и получаютъ почти всюду жалованье, равное жалованью наборщиковъ-мужчинъ. Нѣкоторыя изъ окончившихъ курсъ остаются на службѣ въ типографіи при школѣ и зарабатываютъ отъ 18 до 36 марокъ въ недѣлю; типографія имѣетъ небольшой, но постоянный доходъ, часть котораго передается въ больничную кассу наборщицъ. Организаціей этой школы ферейнъ, дѣйствительно, проложилъ путь къ новой отрасли женскаго труда, хотя подобныя школы и существовали уже раньше кое-гдѣ за границей.

Когда существованіе всѣхъ упомянутыхъ школъ было уже болѣе или менѣе обезпечено, правленіе ферейна рѣшило устроить еще нѣсколько школъ, но уже другого типа: новыя школы должны были давать дѣвушкамъ не только знаніе того или иного мастерства, но и нѣкоторое общее образованіе, благодаря чему окончившія курсъ могли бы сами преподавать изученное ими мастерство. Учрежденная ферейномъ рисовальная школа имѣетъ двоякую цѣль: подготовку дѣвушекъ къ изготовленію художественно-промышленныхъ издѣлій и къ преподаванію въ школахъ, въ качествѣ учительницъ рисованія и живописи; въ концѣ 1878 г., ферейнъ устроилъ еще двѣ школы, въ которыхъ преподаются моделлированіе и различныя рукодѣлія. Работы воспитанницъ всѣхъ этихъ школъ были экспонированы ферейномъ на берлинскихъ промышленныхъ выставкахъ 1879 и 1896 гг. и обратили на себя вниманіе интересующейся публики. Ремесленная школа ферейна, коммерческіе курсы и др. образовательные институты ферейна—также прислали свои экспонаты на послѣднюю берлинскую промышленную выставку и помѣстили ихъ очень удачно въ отдѣлѣ „Воспитаніе и Обученіе“. Мнѣ приходилось тогда читать отзывы спеціалистовъ, которые утверждали, что преподаваніе въ школахъ ферейна ведется блестяще, и что женское профессіональное образованіе поставлено въ Берлинѣ весьма высоко.

При основаніи новаго ферейна въ 1866 г., въ первый параграфъ его устава включены были слова: „Дѣятельность ферейна не распространяется на фабричныхъ работницъ, прислугу, прачекъ и т. п.“. Включеніемъ этихъ словъ въ уставъ дѣятельность ферейна ограничена была женскимъ интеллигентнымъ трудомъ, въ виду указаннаго уже нежеланія основателей и руководителей ферейна ставить себѣ съ самаго начала широкія задачи. Какъ мы видѣли, ферейну, дѣйствительно, было и такъ достаточно работы; когда же значительная часть ея была выполнена, руководители ферейна рѣшили уничтожить поставленныя ими себѣ границы, т.-е. оказывать посильную помощь не

только женщинамъ изъ среднихъ классовъ, но и работницамъ. Въ 1877 г., измѣненъ былъ соотвѣтствующимъ образомъ первый параграфъ устава, и бюро для пріисканія работы тотчасъ распространило свою дѣятельность на прислугу, прачекъ, гладильщицъ и т. д. Позже была основана специальная школа для прачекъ и гладильщицъ, соединенная со спеціальной, доступной для публики прачешной. Успѣхъ этой школы былъ настолько великъ, что она отдѣлилась даже отъ основавшаго ее ферейна и функціонируетъ какъ самостоятельное предпріятіе. Отдѣлилась отъ ферейна и одна изъ двухъ основанныхъ имъ школъ домоводства— „Haushaltungsschulen". Первая была основана весной 1878 г. при 150 ученицахъ, все дѣвушкахъ изъ народа, желавшихъ сдѣлаться „tüchtige Hausfrauen"; чрезъ два года эта школа имѣла уже 400 ученицъ, а въ 1882 г. она стала, какъ я уже упомянулъ, самостоятельнымъ институтомъ. Вторая школа домоводства, съ болѣе широкой программой, основана была ферейномъ въ 1886 г.; воспитанницы ея, большинство которыхъ живетъ при школѣ, получаютъ тамъ же и общее образованіе, не выше, впрочемъ, курса общинныхъ школъ. Ни одна изъ школъ ферейна не имѣла, между прочимъ, сразу такого значительнаго успѣха, какъ послѣдняя. Наконецъ, въ 1890 г., тотъ же ферейнъ устроилъ и школу фотографіи, въ которой даются дѣвушкамъ всѣ необходимыя знанія, и при которой имѣется спеціальное, доступное и публикѣ ательé. Для распространенія высшаго женскаго образованія ферейнъ не сдѣлалъ почти ничего, такъ какъ всѣ начинанія его не увѣнчивались успѣхомъ. Правленіемъ разработанъ былъ планъ школы, въ которой дѣвушки должны были подготовляться къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости и къ университетскимъ занятіямъ, но правительство не разрѣшило ферейну открыть подобную школу. Петиціи, поданныя бывшему министру Фальку и берлинской думѣ, объ учрежденіи такой подготовительной школы на государственный или городской счетъ, также не имѣли никакого успѣха.

Я перехожу теперь къ сжатому очерку дѣятельности другого значительнаго женскаго ферейна, организованнаго почти одновременно съ берлинскимъ—въ Лейпцигѣ. Еще весной 1865 г., основанъ былъ тамъ незначительный „Frauenbildungsverein", задачи и цѣли котораго были: устройство общеобразовательной школы для конфирмированныхъ уже дѣвочекъ, учрежденіе бюро для пріисканія работы; устройство поваренной школы съ столовой при ней для женщинъ и т. п. Въ статутахъ ферейна былъ также предусмотрѣнъ созывъ нѣмецкой женской конфе-

ренціи, на основаніи чего правленіе ферейна, вскорѣ по его организаціи, созвало на 16-ое октября первую въ Германіи женскую конференцію. Вѣ Лейпцигъ съѣхались представительницы различныхъ городовъ и нѣмецкихъ государствъ; руководили собраніями и говорили рѣчи исключительно дамы. Луиза Отто-Петерсъ [1]), которой принадлежала крупная заслуга созыва этого перваго женскаго конгресса, надѣлавшаго въ свое время столько же шуму, сколько женскій конгрессъ въ Берлинѣ въ 1896 г., открыла собраніе привѣтственной рѣчью и воскликнула между прочимъ: „Вашъ пріѣздъ есть смѣлый поступокъ, потому что онъ составляетъ собою первый шагъ, ведущій къ нашей цѣли"... На этомъ же конгрессѣ рѣшили организовать женскій союзъ и выработали обширную программу, первый § которой гласилъ: „Согласно резолюціи, принятой первой нѣмецкой женской конференціей, мы объявляемъ, что трудъ, который долженъ быть основой всего новаго общественнаго строя, есть обязанность и дѣло чести женскаго пола; заявляемъ поэтому свое право на трудъ и считаемъ необходимымъ, чтобы всѣ затрудненія, встрѣчающіяся на пути распространенія женскаго труда, были удалены". Въ выработанной программѣ обозначены были слѣдующія задачи и цѣли: агитація и борьба съ старыми предразсудками путемъ учрежденія сѣти женскихъ образовательныхъ ферейновъ, организація женскихъ ассоціацій, устройство выставокъ продуктовъ женскаго труда, учрежденіе ремесленныхъ школъ и высшихъ образовательныхъ институтовъ для дѣвушекъ. Новый ферейнъ названъ былъ „Allgemeiner Deutscher Frauenverein"; комитетъ его находится въ Лейпцигѣ. Уже въ декабрѣ названнаго года появился первый нумеръ газеты „Neue Bahnen", органа ферейна; теперь эта газета преобразована въ выходящій два раза въ мѣсяцъ журналъ, и кто имѣлъ случай просматривать его книжки за нѣсколько лѣтъ, тотъ вынесъ убѣжденіе, что лейпцигскій союзъ носитъ не только практическій характеръ, какъ берлинскій ферейнъ, но и теоретическій. Время отъ времени въ немъ раздавались и раздаются голоса членовъ союза и руководителей его, призывающихъ нѣмецкихъ женщинъ повысить уровень своего умственнаго развитія, расширить границы получаемаго ими образованія, стремиться къ проникновенію въ стѣны

[1]) Добавимъ, что Луиза Отто-Петерсъ родилась въ 1819 г. въ Мейссенѣ, обратила на себя вниманіе въ молодости „Пѣснями нѣмецкой дѣвушки" и нѣсколькими романами; была сначала воспитательницей и учительницей, а позже посвятила себя всецѣло женскому движенію и женской организаціи. Умерла она въ глубокой старости. Нѣмецкое женское движеніе тѣсно связано съ ея именемъ.

университетовъ въ качествѣ полноправныхъ студентовъ и добиваться вообще расширенія своихъ правъ. Да и вообще берлинскій ферейнъ отличается отъ лейпцигскаго союза своей организаціей и исторіей своей дѣятельности. Расширенная программа его, а также и желаніе членовъ почтить память его учредителя (д-ръ Летте умеръ еще въ 1868 г.) привели къ переименованію его въ „Ферейнъ, имени Летте, для распространенія высшаго образованія женщинъ и для развитія способности женскаго пола къ труду". Большинство членовъ составляютъ мужчины; комитетъ ферейна составляется изъ лицъ обоего пола. Лица, принадлежащія къ составу членовъ этого ферейна, этимъ самымъ какъ бы выражаютъ свое сознаніе того, что гуманность и цивилизація требуютъ защиты интересовъ женщинъ, и что эту защиту должны взять на себя не только сами женщины, но и мужчины. Лозунгъ лейпцигскаго союза тотъ же, но женщины, организовавшія его, исходили изъ того принципа, что разъ дѣло идетъ о достиженіи женщинами самостоятельности, онѣ должны доказать всѣмъ, что умѣютъ сами устраиваться и обходиться безъ мужчинъ и знаютъ, какъ помочь самимъ себѣ. Поэтому членами союза состоятъ исключительно женщины; мужчины допускаются въ него лишь въ качествѣ почетныхъ членовъ. Главные моменты дѣятельности этого союза таковы: осенью 1867 г. подана была имъ законодательному собранію сѣверо-германскаго союза петиція о допущеніи женщинъ къ службѣ на почтѣ и телеграфѣ на всемъ пространствѣ сѣверо-германскаго союза, какъ это было раньше въ предѣлахъ саксонскаго королевства. Затѣмъ, когда въ Гамбургѣ состоялся конгрессъ экономистовъ, союзъ хлопоталъ о томъ, чтобы на засѣданіяхъ конгресса было обсуждено не только положеніе рабочихъ и ихъ интересы, но приняты во вниманіе и интересы работницъ. Нѣсколько разъ союзъ обращался съ петиціями въ саксонскій сеймъ и хлопоталъ о томъ, чтобы въ саксонскія школы принималось болѣе значительное число учительницъ. Кромѣ того, союзъ сдѣлалъ все зависящее отъ него и для распространенія въ странѣ высшаго женскаго образованія. На одномъ изъ генеральныхъ собраній (они созывались ежегодно, и каждый разъ въ другомъ мѣстѣ, въ видахъ болѣе широкой пропаганды), въ Эйзенахѣ, въ 1872 г., прочтенъ былъ рефератъ, въ которомъ говорилось, что допущенія женщинъ въ университеты въ качествѣ экстраординарныхъ вольнослушательницъ (какъ это происходило тогда въ Лейпцигѣ) еще слишкомъ мало, что женщины должны получать полное, цѣльное, охватывающее избранную ими спе-

ціальность, образованіе, и что страна нуждается въ женщинахъ-врачахъ, женщинахъ-адвокатахъ и академически-образованныхъ учительницахъ. Тогда же, во время дебатовъ, одинъ пасторъ высказалъ надежду, что женщины современемъ будутъ не только врачами и адвокатами, но и проповѣдницами, „благороднѣйшими носительницами идеаловъ религіи“. Союзъ принялъ соотвѣтствующую резолюцію, но приступилъ къ выполненію ея на двѣнадцать лѣтъ позже, когда это позволили средства союза. Въ 1884 г., ферейну подарены были 20.000 марокъ, и тогда же союзъ сталъ выдавать ежегодно стипендіи двумъ студенткамъ-медичкамъ въ Цюрихѣ, позже и двумъ дѣвушкамъ, подготовляющимся къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости. Два года спустя, союзъ получилъ подарокъ въ размѣрѣ 30.000 марокъ, а въ 1888 г.—новыя 80.000 марокъ, которыя предназначены для устройства женской гимназіи. Въ томъ же году союзъ хлопоталъ у правительствъ всѣхъ большихъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, о разрѣшеніи женщинамъ изучать въ университетахъ медицину, о допущеніи ихъ къ соотвѣтствующимъ испытаніямъ и объ облегченіи доступа учительницамъ къ болѣе высокому образованію, нежели то, которое онѣ получаютъ,—но безуспѣшно [1]... А на нѣкоторыхъ собраніяхъ „Всеобщаго союза нѣмецкихъ женщинъ“ не разъ вносились, главнымъ образомъ, мужчинами, предложенія о томъ, чтобы союзъ началъ борьбу „gegen die Ausschreitungen und Geschmacklosigkeiten der Mode“. Члены союза находили подобную борьбу желательной, но были увѣрены, что въ данной области имъ не удастся сдѣлать рѣшительно ничего, и не желали поэтому тратить времени и силъ на необѣщающія никакого успѣха предпріятія.

Третій изъ упомянутыхъ мною крупныхъ женскихъ ферейновъ организовался значительно позже первыхъ двухъ, именно 30-го марта 1888 г.—въ г. Веймарѣ. Впослѣдствіи комитетъ ферейна, носящаго названіе „Frauenbildungs-Reform“, перенесенъ въ Ганноверъ; первой предсѣдательницей его была г-жа Кеттлеръ.

---

[1]) Со времени смерти Луизы Отто-Петерсъ, предсѣдательницей союза состоитъ г-жа Шмидтъ, родившаяся въ 1833 г. Дочь офицера, она посвятила себя любимому дѣлу воспитанія съ ранней юности своей. Въ 1854 г., она получила званіе учительницы; въ 1861 г., взяла на себя руководство средней женской школой въ Лейпцигѣ; въ 1865 г., выступила на первомъ женскомъ конгрессѣ съ требованіемъ для женщинъ самостоятельности и правъ, руководила упомянутой школой тридцать лѣтъ и отдавала и отдаетъ все свое время и всѣ свои силы женскому движенію. Она также предсѣдательница союза всѣхъ нѣмецкихъ женскихъ ферейновъ и пользуется почетомъ и общимъ уваженіемъ.

Программа дѣятельности и опредѣленіе цѣлей и задачъ новаго союза исходили изъ слѣдующей точки зрѣнія. Торговля, ремесла, художественная промышленность и искусство — эти поприща стоятъ въ настоящее время совершенно открытыми для женщинъ. Исключительный пробѣлъ составляютъ лишь тѣ занятія, которыя сопряжены съ предварительнымъ среднимъ и высшимъ образованіемъ. Для того, чтобы данный пробѣлъ былъ пополненъ, необходимо какъ учрежденіе образовательныхъ институтовъ, въ которыхъ женщины могли бы быть подготовлены къ научнымъ занятіямъ и къ такъ-называемымъ „либеральнымъ" профессіямъ, такъ и признанное закономъ и правительствомъ допущеніе женщинъ, уже получившихъ необходимое образованіе, къ практической дѣятельности на этихъ поприщахъ. Для достиженія всего этого союзъ находитъ цѣлесообразными слѣдующія мѣры: давленіе на общественное мнѣніе путемъ слова, письма, извѣщеній въ газетахъ, изданія брошюръ, листковъ и т. д.; собираніе подписей подъ петиціями и внесеніе изъ на разсмотрѣніе союзныхъ правительствъ и народныхъ представительствъ; собираніе денегъ и образованіе фонда для помощи женскимъ лицеямъ; учрежденіе, наконецъ, по примѣру другихъ странъ, женскихъ гимназій. Существующіе уже въ Германіи (въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Кельнѣ и Лейпцигѣ) женскіе лицеи, это—институты, преслѣдующіе совершенно иную цѣль; они только носятъ названіе лицеевъ, но въ сущности это лишь курсы, дающіе взрослымъ женщинамъ общее образованіе, но безъ строго провѣреннаго учебнаго плана и безъ обязательнаго посѣщенія дамами лекцій и занятій. Учрежденіе женскихъ гимназій и достиженіе допущенія женщинъ къ изученію всѣхъ наукъ въ университетахъ—эти свои задачи основатели союза считали столь важными и крупными, что отказались отъ другихъ какихъ-либо задачъ и цѣлей женскаго движенія и не присоединились къ артели, образованной, еще въ 1876 г., лейпцигскимъ союзомъ и берлинскимъ Летте-ферейномъ. Этотъ фактъ еще разъ доказываетъ, что нѣмецкія женщины не желаютъ разбрасываться и заботятся, въ видахъ болѣе успѣшной дѣятельности, объ экономіи своихъ слабыхъ еще силъ.

Союзъ „Frauenbildungs-Reform" началъ свою—я выражусь такъ—спеціальную дѣятельность въ томъ же 1888 г., вскорѣ послѣ своего основанія,—петиціями, поданными министрамъ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, Баваріи и Вюртембергѣ; путемъ этихъ петицій союзъ хлопоталъ о разрѣшеніи женщинамъ сдавать экзамены на аттестатъ зрѣлости какъ при классическихъ,

такъ и при реальныхъ гимназіяхъ, и о допущеніи ихъ къ занятіямъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ іюнѣ 1889 г., союзъ разослалъ подобную же петицію правительствамъ всѣхъ остальныхъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи. Въ третій разъ, петиція была передана союзомъ въ бюро германскаго рейхстага, въ маѣ 1890 г.; въ этой петиціи было сказано, что существующіе въ Германіи порядки и государственный строй, а также природа женскаго пола, не даютъ возможности требовать допущенія женщинъ къ практической дѣятельности на всѣхъ существующихъ въ странѣ поприщахъ, но разумное и истинное реформаціонное женское движеніе будетъ всегда настойчиво добиваться того, что̀ при настоящихъ условіяхъ возможно и вполнѣ достижимо. На этомъ основаніи союзъ хлопочетъ лишь о допущеніи женщинъ къ изученію медицины и занятію врачебной практикой. Эта петиція разсматривалась въ рейхстагѣ менѣе чѣмъ черезъ годъ, т.-е. въ 1891 г. Въ засѣданіи спеціальной коммиссіи рейхстага для предварительнаго разсмотрѣнія всѣхъ полученныхъ петицій представители имперскаго канцлера и прусскаго министра народнаго просвѣщенія высказались въ томъ смыслѣ, что, согласно статутамъ о занятіи промысловымъ трудомъ, не имѣется никакихъ препятствій къ допущенію женщинъ къ занятію медицинской практикой; но, въ сущности, женщинамъ отрѣзанъ доступъ къ этого рода дѣятельности: благодаря современной организаціи германскихъ университетовъ, женщины не могутъ выполнить всѣхъ тѣхъ требованій, которыя предъявляются государственными коммиссіями экзаменующимся врачамъ на право практики въ государствѣ. Что же касается до реформированія современной организаціи университетовъ и другой постановки дѣла высшаго образованія, то эти вопросы не входятъ въ кругъ дѣйствій имперскаго правительства; оно не компетентно рѣшать ихъ и дѣлать постановленія по поводу ихъ.

При баллотировкѣ вопроса о петиціи въ коммиссіи, несмотря на вышеуказанное заявленіе правительства, было 10 голосовъ противъ 8, предлагавшихъ рейхстагу не разсматривать совершенно этого вопроса. Рейхстагъ, однако, занялся имъ въ засѣданіи 11-го марта того же года. Со стороны доброжелателей женской эмансипаціи были высказаны весьма вѣскіе доводы противъ неправильнаго на ихъ взглядъ мнѣнія имперскаго правительства. Если статуты о занятіи промысловымъ трудомъ (Gewerbeordnung) не препятствуютъ допущенію женщинъ къ медицинской практикѣ,—говорили защитники вопроса о петиціи:—

то изъ этого явно слѣдуетъ, что союзныя правительства должны принять соотвѣтствующія мѣры и издать такія постановленія, чтобы требованія, предъявляемыя въ государственныхъ коммиссіяхъ, могли быть выполнены и женщинами, т.-е. измѣнить эти самыя требованія. Пока же—союзныя правительства дѣйствуютъ противъ обнародованія закона, предусматривающаго полноправіе обоихъ половъ въ отношеніи медицинской дѣятельности. Кромѣ того, имперія, внѣ всякаго сомнѣнія, компетентна, если не во всѣхъ союзныхъ государствахъ, то въ Эльзасъ-Лотарингіи, реорганизовать университеты, ввести допущеніе женщинъ къ изученію не только медицины, но и другихъ развѣтвленій науки. Наконецъ, можно ввести полумѣру: въ виду невозможности со стороны женщинъ выполнить требованія государственныхъ коммиссій, благодаря тому, что онѣ не посѣщали медицинскихъ лекцій въ германскихъ университетахъ,—слѣдуетъ разрѣшить сдачу экзаменовъ тѣмъ женщинамъ, которыя прошли университетскій курсъ за границей, напр. въ Цюрихѣ. Говорятъ, что имперское правительство не компетентно въ подобныхъ вопросахъ, но и это не вѣрно. Оно компетентно во всемъ, въ чемъ желаетъ таковымъ быть. Въ крайнемъ случаѣ, для этого нуженъ только соотвѣтствующій законодательный актъ.

Таковы были переданные вкратцѣ аргументы, приведенные въ рейхстагѣ со стороны юристовъ, хорошо знающихъ законы страны о компетенціи правительства. Что касается аргументовъ крайней лѣвой, всегда горячо стоявшей за дарованіе женщинамъ всѣхъ государственныхъ правъ, то съ ея стороны высказано было слѣдующее: „Это самообманъ со стороны тѣхъ, которые думаютъ, будто вопросы, подобные разбираемому, возбуждаются отдѣльными агитаторами. Напротивъ, здѣсь идетъ рѣчь о разрѣшеніи одного изъ соціальныхъ вопросовъ. Въ широкихъ женскихъ кругахъ уже сознана необходимость соціальной независимости. Неоспоримъ тотъ фактъ, что, по послѣднему народоисчисленію, въ государствѣ женщинъ свыше милліона болѣе, нежели мужчинъ; этотъ фактъ заставляетъ многихъ женщинъ, которыя не въ состояніи выполнить своихъ такъ-называемыхъ „естественныхъ функцій", въ качествѣ хозяекъ и женъ, завоевывать себѣ самостоятельное положеніе въ жизни. Особенно важенъ разбираемый вопросъ для женщинъ образованныхъ классовъ; женщинъ пролетаріата онъ касается очень мало. Первыя требуютъ прежде всего права работать и слушать лекціи въ университетахъ, права получать въ нихъ, подобно мужчинамъ, вполнѣ законченное образованіе. Онѣ хотятъ приложить свои силы и быть полезными для общества на

болѣе высокихъ поприщахъ, а также и прокормить себя. Съ каждымъ десятилѣтіемъ ихъ требованія дѣлаются все настоятельнѣе, все болѣе и болѣе увеличивается въ высшихъ классахъ число требующихъ допущенія къ этимъ поприщамъ,—допущенія въ университеты. Громадная часть тѣхъ мужчинъ, которые теперь посвящаютъ себя изученію наукъ, и только потому посвящаютъ, что имъ это кажется необходимымъ ради самолюбія, потому что этого требуетъ окружающая ихъ среда, сдѣлали бы гораздо лучше, еслибы остались внѣ университетовъ, потому что то, что̀ они тамъ дѣлаютъ, имѣетъ очень мало общаго съ высшими стремленіями и идеальными требованіями. Въ концѣ концовъ, они вынуждены сдавать экзамены, чтобы оказаться затѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, на службѣ государству или обществу—мало или даже очень неспособными людьми и дѣятелями. И если бы эти господа встрѣтили женскую конкурренцію, еслибы этимъ можно было ихъ заставить болѣе прилежно заниматься своими работами, то это одно уже служило бы доказательствомъ, что женщины должны быть допущены въ университеты и къ практической дѣятельности. Противники медицинскаго образованія женщинъ говорятъ, что при этомъ страдаютъ ихъ нравственность и порядочность; но почему тѣ же лица не протестуютъ столь же энергично противъ того, что ежегодно тысячи женщинъ становятся сестрами милосердія и сидѣлками у больныхъ? Вѣдь онѣ такъ же посвящены въ тайны человѣческаго тѣла, какъ и женщины, изучающія медицину, и именно католическая церковь славится и гордится образованіемъ тысячъ сестеръ милосердія. Этому дѣлу строгія предписанія церкви никогда не становятся на пути. Во многихъ другихъ странахъ сдѣланы опыты того, что̀ еще боятся и не рѣшаются разрѣшить въ Германіи: въ Америкѣ насчитываются почти три тысячи врачей-женщинъ; онѣ имѣются въ Швейцаріи, Россіи и другихъ странахъ. Рейхстагъ не долженъ колебаться при разрѣшеніи разбираемаго вопроса въ благопріятномъ смыслѣ.—Несмотря на всѣ вышеприведенные доводы, большинство депутатовъ рейхстага во время голосованія отклонило удовлетвореніе петиціи союза, который къ тому времени разослалъ уже четвертую по счету петицію ландтагамъ всѣхъ крупныхъ союзныхъ государствъ и настаивалъ въ ней не только на допущеніи женщинъ къ университетскимъ занятіямъ, но и на учрежденіи женскихъ гимназій и введеніи для женщинъ испытаній на аттестатъ зрѣлости.

Въ прусской палатѣ депутатовъ эта петиція поставлена была на очередь уже въ іюлѣ 1891 г. Коммиссія, разсматривавшая

предварительно эту петицію, предложила депутатамъ передать одинъ только вопросъ о допущеніи женщинъ къ экзамену на аттестатъ зрѣлости на разсмотрѣніе прусскому правительству; но большинство депутатовъ отклонило это предложеніе въ томъ смыслѣ, что та же коммиссія должна была разсмотрѣть поднятые вопросы и представить палатѣ свои соображенія и заключенія. Вторично занялась палата депутатовъ тою же петиціей уже въ мартѣ 1892 г. На этотъ разъ коммиссія сдѣлала депутатамъ слѣдующее предложеніе: петицію, насколько она касается учрежденія женской гимназіи и допущенія женщинъ къ изученію философскихъ наукъ, совершенно отклонить; что касается остальной ея части, то вопросы о допущеніи женщинъ къ изученію медицины и о разрѣшеніи имъ сдавать экзамены на аттестатъ зрѣлости при одной изъ мужскихъ гимназій—передать на разсмотрѣніе королевскому правительству. Одинъ изъ членовъ коммиссіи, дававшій отчетъ о заключеніяхъ и рѣшеніяхъ ея, указывалъ на насущную въ странѣ потребность въ женщинахъ-врачахъ, но высказывался противъ общаго стремленія женщинъ ко всякаго рода научнымъ занятіямъ. Представитель правительства сказалъ, что часть всего того, чего такъ настойчиво добивается союзъ „Frauenbildungs-Reform", можетъ быть разрѣшена и узаконена. Требованіе о расширеніи границъ промысловаго труда женщинъ при современномъ гражданскомъ строѣ общества совершенно справедливо; министръ народнаго просвѣщенія и члены его совѣта желаютъ также подобнаго расширенія. Слѣдуетъ также признать и то, что во многихъ случаяхъ дамы и дѣвицы охотнѣе прибѣгали бы къ женской медицинской помощи, нежели къ мужской, и уже по этой одной причинѣ слѣдовало бы расширить права женщинъ въ данномъ отношеніи. Но невѣренъ совершенно тотъ взглядъ, будто дѣвушки должны получать предварительное образованіе точно тѣмъ же путемъ, какимъ получаетъ его подростающая молодежь мужескаго пола. Современная постановка преподаванія мальчикамъ находится сама еще въ переходномъ состояніи, и поэтому брать ее нормой для преподаванія дѣвушкамъ невозможно и не слѣдуетъ. Поэтому обязанность министерства народнаго просвѣщенія теперь такова: найти новые, еще не проторенные и болѣе соотвѣтствующіе требованіямъ жизни пути для средняго образованія дѣвушекъ, а для выполненія этой задачи министерству необходимо время на изученіе вопроса и подготовку.

Послѣ рѣчи представителя министерства принялъ участіе въ дебатахъ и извѣстный депутатъ-консерваторъ, бывшій при-

дворный пасторъ Штеккеръ. По его мнѣнію, нѣмецкое движеніе женщинъ въ пользу расширенія областей дѣятельности ихъ — полнѣйшее, спокойнѣйшее и значительнѣйшее, чѣмъ гдѣ-либо въ другой странѣ. Правы тѣ, которые выставляютъ и защищаютъ основное положеніе, что женщина принадлежитъ дому. Но хотя всѣ стараются, по возможности, удовлетворить этому принципу, тѣмъ не менѣе остаются тысячи и тысячи такихъ образованныхъ женщинъ, которыя ищутъ себѣ занятій, но не находятъ ихъ. Для этихъ тысячъ женщинъ должны быть расширены границы женской дѣятельности, и первымъ шагомъ къ этому было бы допущеніе женщинъ къ преподаванію въ средней школѣ и къ врачебной практикѣ. Уже удалось провести и добиться того, что учительницы въ среднихъ школахъ могутъ вести преподаваніе до высшихъ классовъ. Надо открыть и второе поле дѣятельности женщинамъ, т.-е. дать имъ право медицинской практики у женщинъ и дѣтей. Совершенно несправедливо мнѣніе, будто медицинская практика не по силамъ женщинамъ. То, что̀ дѣлаютъ діакониссы, сестры милосердія и акушерки, показываетъ, какъ много можетъ сдѣлать женщина на этомъ поприщѣ. Затрудненіе заключается лишь въ подготовительномъ образованіи къ подобной дѣятельности. Совмѣстное изученіе медицины мужчинами и женщинами въ Германіи, благодаря господствующимъ взглядамъ на раздѣленіе половъ, считается немыслимымъ. Въ такомъ случаѣ можно было бы при больницахъ устраивать отдѣльныя академіи, въ которыхъ женщины получали бы медицинское образованіе... Въ концѣ концовъ вышеприведенное предложеніе коммиссіи было принято большинствомъ голосовъ.

Въ баденской палатѣ депутатовъ исходъ петиціи, внесенной союзомъ, былъ таковъ. Коммиссія, разсматривавшая ее предварительно, предложила депутатамъ принять слѣдующую резолюцію: выраженное въ петиціи стремленіе женщинъ къ расширенію границъ ихъ промысловаго труда, въ особенности путемъ включенія практики, основанной на предварительномъ изученіи предмета, должно быть признано справедливымъ и исполнимымъ. Но ни въ какомъ случаѣ женщинѣ не должно быть сдѣлано то или другое занятіе болѣе доступнымъ, нежели мужчинѣ, благодаря предъявляемымъ къ ней меньшимъ требованіямъ. Отъ женщины, желающей вступить на одно изъ образовательныхъ поприщъ, необходимо также требовать аттестата зрѣлости. Для сдачи необходимыхъ для этого экзаменовъ можетъ быть указана одна изъ существующихъ мужскихъ гимназій. Что же касается женской гимназіи, то устройство ея въ настоящее время столь

же нежелательно и преждевременно, какъ и допущеніе женщинъ къ преподаванію въ мужскихъ гимназіяхъ. А разрѣшеніе на посѣщеніе лекцій въ университетахъ можетъ быть выдано тѣмъ мѣстнымъ уроженкамъ, которыя сдадутъ экзамены на аттестатъ зрѣлости и смогутъ выполнить всѣ тѣ требованія, какія обыкновенно предлагаются студентамъ.

Во время дебатовъ по этому вопросу говорилъ, между прочимъ, депутатъ партіи центра, баронъ Буоль, высказывавшійся за сокращеніе и съуженіе круга дѣятельности и женщинъ-врачей. Замѣститель же министерства напомнилъ то, что̀ онъ говорилъ уже два года назадъ въ той же палатѣ. Баденское правительство идетъ охотно на встрѣчу расширенію границъ промысловаго труда женщинъ, потому что оно вполнѣ понимаетъ соціальное значеніе этого вопроса. Правительство уже оказывало поддержку въ отдѣльныхъ случаяхъ женщинамъ въ ихъ стремленіяхъ, насколько это возможно было безъ принципіальнаго урегулированія вопроса, недостаточно еще для того назрѣвшаго. Точка зрѣнія правительства только немногимъ отличается отъ точки зрѣнія коммиссіи палаты, но во всякомъ случаѣ на пути къ разрѣшенію этого вопроса стоитъ еще довольно много препятствій и затрудненій. Что касается послѣдняго заявленія, то представителю министерства возражалъ престарѣлый вожакъ либеральной партіи—Киферъ: упомянутыя препятствія и затрудненія казались ему или совершенно несуществующими, или же настолько ничтожными, что легко могли бы быть устранены. Палата приняла резолюцію, предложенную коммиссіей. Въ прошломъ году газеты сообщали, что баденское правительство высказалось въ принципѣ за допущеніе женщинъ къ прохожденію медицинскихъ наукъ въ университетахъ при условіи предварительнаго окончанія полнаго гимназическаго курса. По окончаніи университетскаго курса, женщины будутъ допускаться къ экзаменамъ на званіе врача или зубного врача.

Въ вюртембергской палатѣ успѣхъ петиціи союза былъ меньшій. Коммиссія расположена была удовлетворить ходатайство женщинъ и единогласно предложила депутатамъ: во-первыхъ, просить правительство о допущеніи женщинъ къ изученію медицины; во-вторыхъ, предложить правительству разсмотрѣть вопросъ, можетъ ли быть разрѣшена—и какимъ путемъ—практическая дѣятельность женщинамъ-врачамъ, окончившимъ курсъ заграницей, и, въ-третьихъ, вопросъ о допущеніи женщинъ къ университетскому образованію—для будущей ихъ дѣятельности въ качествѣ учительницъ—оставить безъ разсмотрѣнія. Многіе депу-

таты высказались за принятіе предложенія коммиссіи. Но канцлеръ тюбингенскаго университета указалъ, что поднятъ въ сущности лишь старый вопросъ, который разрѣшенъ уже тѣмъ, что, съ одной стороны, въ университетѣ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста, съ другой стороны, та же стыдливость женщинъ, ради которой требуютъ разрѣшенія практики женщинамъ-врачамъ, препятствуетъ и совмѣстному изученію ими съ мужчинами медицины. Необходимо учредить параллельные институты—спеціально для изучающихъ медицину женщинъ, но это должно вызвать громадные, для государства непосильные расходы. Министръ народнаго просвѣщенія высказался также за благопріятное разрѣшеніе вопроса, но указалъ и на справедливыя замѣчанія университетскаго канцлера.

Наконецъ, той же петиціей занялась и палата въ великомъ герцогствѣ саксенъ-веймарскомъ. 19-го марта 1891 г., коммиссія предлагала передать петицію на разсмотрѣніе и къ свѣдѣнію мѣстнаго правительства, но депутаты отклонили это предложеніе. Двѣ курьезныя рѣчи стоютъ быть отмѣченными здѣсь. Одинъ изъ ораторовъ-депутатовъ сказалъ тогда слѣдующее: „Что въ женщинахъ привлекаетъ къ себѣ мужчинъ? Теплота ихъ чувствъ, наивность и свѣжесть, которыми не могутъ похвастаться рано созрѣвшіе и выработавшіеся мужчины. Если эти качества будутъ уничтожены въ женщинѣ предлагаемымъ новымъ воспитаніемъ и образованіемъ, то мужчинъ уже перестанетъ привлекать бракъ; благодаря этому воспитанію, увеличится лишь въ странѣ число незамужнихъ женщинъ. То, къ чему теперь стремятся женщины, можетъ быть достигнуто въ будущемъ соціалистическомъ государствѣ, которое уничтожитъ самый бракъ, и т. д., и т. д. А министръ народнаго просвѣщенія сказалъ, что разбираемый вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ въ великомъ герцогствѣ веймарскомъ. Если онъ когда-либо и будетъ разрѣшенъ, то имперскимъ правительствомъ и обще-народнымъ представительствомъ. А онъ, министръ, не желаетъ изъ постановки школьнаго дѣла въ странѣ и организаціи мѣстнаго университета въ Іенѣ дѣлать родъ „опытныхъ станцій“ для нѣмецкаго женскаго движенія!..

Несмотря на проявившійся повсюду неуспѣхъ, союзъ „Frauenbildungs-Reform“, значительно окрѣпшій и приступившій тѣмъ временемъ къ выполненію другихъ пунктовъ своей программы, продолжалъ быть настойчивымъ и внесъ, въ апрѣлѣ 1891 г., въ бюро германскаго рейхстага новую петицію; это былъ удачно составленный и талантливо написанный отвѣтъ на возраженія

правительства противъ первой петиціи союза. Изъ того, какъ отнеслись къ петиціи правительства отдѣльныхъ государствъ,—сказано было въ этой новой петиціи,—можно заключить, что каждое правительство и каждое народное представительство не могутъ или, вѣрнѣе, не хотятъ взять на себя иниціативы въ этомъ дѣлѣ. Имперское же правительство, опять-таки, не беретъ ея на себя, отговариваясь тѣмъ, будто при рѣшеніи даннаго вопроса компетентны лишь отдѣльныя правительства. Является заколдованный кругъ, выйти изъ котораго можно, по мнѣнію союза, слѣдующимъ образомъ. Существующее уже постановленіе союзнаго совѣта объ урегулированіи экзаменовъ на званіе практическаго врача слѣдуетъ расширить и дополнить нѣкоторыми пунктами о желающихъ экзаменоваться женщинахъ. Каждое мѣстное правительство должно указать хоть на одну изъ своихъ гимназій, а тѣ правительства, въ странѣ которыхъ есть университеты, и на одинъ изъ таковыхъ, при которомъ женщины могли бы сдавать экзамены на аттестатъ зрѣлости и на званіе доктора медицины. Далѣе, студентки-нѣмки могутъ безъ особаго разрѣшенія получать медицинское образованіе въ тѣхъ швейцарскихъ университетахъ, програму которыхъ имперское правительство считаетъ равной программѣ нѣмецкихъ университетовъ. Всѣ студентки, которыя прошли курсъ медицинскихъ наукъ въ этихъ университетахъ, должны быть освобождены отъ предварительнаго экзамена при германскомъ университетѣ. Подобными предложеніями союзъ надѣялся уничтожить недоразумѣніе между имперскимъ и отдѣльныхъ государствъ правительствами по вопросу о компетентности, уничтожая даже самое требованіе о допущеніи женщинъ въ университеты, но новая петиція успѣха въ рейхстагѣ также совершенно не имѣла. Не имѣли успѣха и нѣкоторыя другія петиціи, внесенныя частными лицами. Въ февралѣ 1894 г., при обсужденіи въ рейхстагѣ бюджета, принцъ Шёнаихъ-Каролатъ интерпеллировалъ правительство по тому же вопросу, на что замѣститель канцлера отвѣтилъ, что можетъ повторить лишь сказанное имъ въ 1891 г., т.-е., что необходимыя мѣры могутъ быть приняты лишь каждымъ союзнымъ государствомъ въ отдѣльности. Въ декабрѣ 1896 г., на очереди, среди цѣлаго ряда разнаго рода петицій, снова находились просьбы объ узаконеніи допущенія женщинъ къ университетскому образованію. Коммиссія предлагала перейти къ очереднымъ дѣламъ, но два депутата, Риккертъ и Лангергансъ, запротестовали противъ недопущенія петиціи до обсужденія. По ихъ мнѣнію, рейхстагъ долженъ постановить рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что считаетъ вопросъ ис-

черпаннымъ, вслѣдствіе заявленій правительства. Рейхстагъ вовсе не отклоняетъ петиціи, но только не можетъ входить въ обсужденіе даннаго вопроса.

Послѣ того какъ докладчикъ заявилъ, что коммиссія, среди членовъ которой петиція встрѣтила полное сочувствіе, охотно присоединяется къ предложенію двухъ названныхъ депутатовъ, ихъ предложеніе было большинствомъ голосовъ принято. Наконецъ, 21-го января прошлаго года, во время обсужденія въ рейхстагѣ бюджета министерства внутреннихъ дѣлъ, принцъ Шёнаихъ-Каролатъ произнесъ блестящую рѣчь въ пользу допущенія женщинъ къ университетскимъ занятіямъ и къ медицинской практикѣ.

„Когда мы обсуждали здѣсь новое гражданское уложеніе,— говорилъ ораторъ,—тогда многіе депутаты высказывали подобное мнѣніе:—„мы можемъ только тогда улучшить экономическое положеніе женщины и увеличить ея права въ семьѣ, если женщины подвинутся впередъ въ умственномъ отношеніи“. Тогда же депутаты тѣхъ партій, отъ которыхъ нельзя ожидать особой симпатіи ко всему тому, что̀ носитъ характеръ и названіе женскаго движенія, завѣряли, что они не откажутъ въ своей помощи, если дѣло коснется поднятія духовнаго уровня женщинъ и расширенія степени ихъ образованія“... Ораторъ говоритъ, что во многихъ мѣстахъ Германіи имѣются уже учрежденія, назначеніе которыхъ—дать гимназическое образованіе женщинамъ, передаетъ вкратцѣ исторію возникновенія и дѣятельности женскихъ гимназическихъ курсовъ въ Берлинѣ и сообщаетъ депутатамъ число дѣвушекъ, окончившихъ эти курсы и сдавшихъ уже экзамены на аттестатъ зрѣлости. „Онѣ всѣ сдавали экзамены,—продолжаетъ ораторъ, — предъ лицомъ назначеннаго министерствомъ коммиссара, и въ то время какъ гимназисты сдаютъ окончательные экзамены предъ тѣми же учителями, у которыхъ они учились нѣсколько лѣтъ, дѣвушки экзаменуются предъ учителями, которые назначены министромъ, и которыхъ онѣ совершенно не знаютъ. Мы не требуемъ уступокъ, но и въ данномъ случаѣ мы требуемъ равноправія. Во всякомъ случаѣ, изъ того, что̀ я сказалъ, явствуетъ, что женщинамъ во время экзаменовъ не дѣлаютъ уступокъ или поблажекъ. Мы хотимъ, чтобы наши воспитанницы были впослѣдствіи врачами, провизорами, также учительницами въ среднихъ женскихъ школахъ, и посылаемъ ихъ въ университеты. Но послѣ того какъ онѣ сдали экзамены на аттестатъ зрѣлости и этимъ пріобрѣли себѣ право требовать всего того, чего требуютъ себѣ сдавшіе подобные же экзамены

юноши, ихъ все-таки не принимаютъ въ университеты безъ всякихъ затрудненій. Мало того, что имъ не позволяютъ имматрикулироваться, онѣ должны еще бѣгать отъ одного доцента къ другому и испрашивать, даже вымаливать для себя разрѣшеніе посѣщать ихъ лекціи. Одинъ доцентъ симпатизируетъ новымъ стремленіямъ женщинъ и принимаетъ вольнослушательницъ, другой отказываетъ въ пріемѣ. Что̀ остается дѣлать вольнослушательницамъ, получившимъ подобный отказъ? Подчиниться, такъ какъ никакой законъ, никакіе статуты не даютъ имъ права защиты и борьбы. Поэтому мы полагаемъ, что подобной неопредѣленности положенія вольнослушательницъ долженъ быть положенъ конецъ. Дѣвушки имѣютъ право посѣщать всѣ университетскія аудиторіи, какъ и юноши, сдавшіе экзамены на аттестатъ зрѣлости. Поэтому мы настаиваемъ на имматрикуляціи, которая прекратитъ зависимость вольнослушательницъ отъ настроенія, отъ расположенія духа гг. доцентовъ. Рейхстагъ имѣетъ право разрѣшать вопросы, касающіеся общаго медицинскаго образованія, такъ какъ „Aerzteordnung" издано имперскимъ правительствомъ. Нѣкоторые депутаты неохотно вступаютъ въ дебаты по поводу поднятаго мною вопроса, но индифферентно къ данному вопросу относиться вы уже не можете, такъ какъ въ различныхъ мѣстахъ имперіи проявляется симпатія къ указаннымъ стремленіямъ женщинъ. Въ Бреславлѣ и Штеттинѣ, напр., магистраты постановили учредить женскія гимназіи. Рѣшеніе поднятаго вопроса можетъ быть на нѣкоторое время отодвинуто, задержано, но самый вопросъ уже не можетъ быть стертъ съ лица земли. Гораздо лучше будетъ, если мы его рѣшимъ заблаговременно"... Ораторъ читаетъ затѣмъ полученное имъ письмо, въ которомъ говорится объ одной дамѣ, сдавшей какъ экзамены на аттестатъ зрѣлости, такъ и университетскіе экзамены „summa cum laude". Но министръ не допускаетъ ея къ государственному экзамену, такъ какъ подобное допущеніе не предусмотрѣно существующими постановленіями. Между тѣмъ, эта дама желаетъ быть только учительницей при женской гимназіи. Я повторяю, мы желаемъ имѣть женщинъ-врачей, провизоровъ и учительницъ среднихъ женскихъ школъ—не больше. Пусть не говорятъ, что достиженіемъ этого нанесенъ будетъ вредъ интересамъ многихъ мужчинъ. Я знаю столь же хорошо современныя условія жизни, знаю, какъ трудно для очень многихъ пристроиться, знаю, наконецъ, что многіе сдаютъ всѣ экзамены и все-таки остаются безъ куска хлѣба, такъ какъ всюду полнымъ-полно. Опираясь на все это, вы говорите: „въ такое время, когда даже способнымъ людямъ трудно

пристроиться, вы являетесь съ женскимъ вопросомъ и требуете, чтобы мы очистили мѣсто женщинамъ"?! На это я отвѣчаю: во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ уже имѣется 153 вольнослушательницы. Образованнымъ женщинамъ, которыя желаютъ отдать свои силы на служеніе общимъ интересамъ, мы не можемъ преграждать путь. Я не безпокоюсь о томъ, что нѣсколько сотъ женщинъ нанесутъ большій или меньшій ударъ интересамъ и доходамъ мужчинъ. Мы вовсе не думаемъ объ эмансипаціи женщинъ, да и никому не можетъ быть эмансипація женщинъ болѣе непріятна и противна, нежели тѣмъ, которые занимаются даннымъ вопросомъ. Мы хотимъ не женской эмансипаціи, но женскаго движенія, развивающагося въ умѣренныхъ границахъ. Обоснованныя желанія женщинъ должны быть исполнены. Если мнѣ скажутъ, что стремленіе къ высшему женскому образованію есть предпріятіе буржуазіи, что рѣчь идетъ только о женщинахъ изъ такъ-называемыхъ лучшихъ классовъ населенія, то я отвѣчу: это не вѣрно. Несомнѣнно, что подобное движеніе исходитъ изъ круговъ, которые называютъ буржуазными, но оно принесетъ много пользы работницамъ, если женщины-врачи будутъ допущены на фабрики. Сколько сотенъ бѣдныхъ женщинъ не идутъ къ врачу только потому, что онъ мужчина, и сколько пользы смогутъ принести женщины-врачи! Такимъ образомъ, данное движеніе имѣетъ большое значеніе и для бѣднѣйшаго класса населенія, а потому носитъ соціальный характеръ"... Затѣмъ, ораторъ разсказываетъ депутатамъ о томъ, что̀ въ данномъ отношеніи сдѣлано за границей: тамъ ушли уже далеко впередъ, въ то время какъ многіе нѣмцы увѣрены, что у насъ все превосходно и что мы во всемъ обогнали другіе европейскіе народы. Наоборотъ, единственная страна, въ которой относятся до сихъ поръ отрицательно къ данному вопросу, это—германская имперія, также и отдѣльныя, входящія въ составъ ея, государства, въ особенности Пруссія. „Между тѣмъ, нуженъ только толчокъ, и симпатіи проявлены будутъ,—какъ надѣется ораторъ,—со стороны всѣхъ задающихъ тонъ круговъ. Эти круги поддержатъ насъ въ нашихъ стремленіяхъ, которыя и они, какъ надо надѣяться, признаютъ полезными и цѣлебными. Все, что̀ сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Германіи до сихъ поръ, сдѣлано путемъ частной благотворительности, вѣрнѣе—частныхъ сборовъ, и несмотря на то, что наши воспитанницы сдаютъ превосходно экзамены на аттестатъ зрѣлости, мы же должны радоваться, если ихъ принимаютъ въ тотъ или другой университетъ. Мы требуемъ для нихъ права посѣщенія университетовъ и сдачи государственныхъ экзаменовъ, и онѣ

сами этого тоже требуютъ. Если эти требованія не будутъ выполнены, дѣвушкамъ придется ѣхать учиться за границу. Мы потратили деньги, время, трудъ, энергію, а наши воспитанницы будутъ учиться въ заграничныхъ университетахъ! Да и женщины, потратившія деньги, время и трудъ, имѣютъ право требовать хотя бы опредѣленнаго положенія. Не надо устраивать такъ, чтобы женщины принимались въ одинъ только нѣмецкій университетъ; послѣдній будетъ тогда называться „женскимъ" и будетъ дискретированъ. Да и паціенты будутъ относиться недовѣрчиво къ женщинамъ-врачамъ, если онѣ всѣ получатъ свое образованіе въ одномъ и томъ же университетѣ. Нѣтъ, такое рѣшеніе даннаго вопроса не годится. Я прошу у правительства только благосклоннаго вниманія къ этому вопросу: гдѣ есть воля, тамъ легко найти способъ рѣшенія. Соединенными силами намъ удастся повести Германію по тому пути, который нуженъ для ея національнаго развитія, и на который мы должны вступить ради дальнѣйшаго процвѣтанія Германіи"...

Статсъ-секретарь Посадовскій отвѣтилъ принцу Шёнаиху-Каролату приблизительно слѣдующее. „Два раза рейхстагъ отклонялъ предложенія о допущеніи женщинъ къ изученію медицины, зубоврачеванія и фармацеи; одинъ разъ этому вопросу посвящены были продолжительные дебаты. Изъ содержанія послѣднихъ можно было заключить, что настроеніе депутатовъ уже иное, что они болѣе симпатизируютъ подобнаго рода стремленіямъ женщинъ. Я соглашаюсь съ тѣмъ, что къ данному вопросу нельзя относиться совершенно отрицательно; никто не споритъ противъ того, что женщины столь же способны къ научнымъ занятіямъ, какъ и мужчины. Депутаты рейхстага уже признали, что женщины-врачи лечили бы еще болѣе успѣшно женщинъ и дѣтей, нежели мужчины. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія далъ мнѣ слѣдующее объясненіе: женщины допускаются теперь въ Пруссіи къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости. Министръ согласенъ допустить женщинъ къ изученію медицины, если на это согласятся ректоры и кураторы университетовъ. Если согласятся ректоръ и кураторіумъ отдѣльнаго университета, а также дадутъ свое согласіе господа доценты,—женщины смогутъ посѣщать всѣ анатомическія и клиническія лекціи и пройти весь необходимый для сдачи медицинскихъ испытаній курсъ. Да и вообще вольнослушательницы отличаются отъ студентовъ только тѣмъ, что послѣднимъ не нужно испрашивать у доцентовъ разрѣшенія на посѣщеніе ихъ лекцій. Таковы слова министра, изъ которыхъ слѣдуетъ, что женщины могутъ пріобрѣсти въ университетѣ тѣ зна-

нія, которыя необходимы для сдачи экзаменовъ на степень врача, такъ какъ среди доцентовъ всегда найдутся такіе, которые разрѣшатъ женщинамъ посѣщать ихъ лекціи. Въ уставѣ о допущеніи къ экзаменамъ на званіе врача говорится только о кандидатахъ, такъ какъ при составленіи устава еще никто не думалъ о студенткахъ. Но законъ о занятіи промысловымъ трудомъ не знаетъ разницы между мужчинами и женщинами. Послѣ того какъ прусскій министръ принялъ охарактеризованное мною положеніе къ данному вопросу, имперскому канцлеру остается провести законопроектъ, на основаніи котораго вольнослушательницы, выполнившія всѣ необходимыя требованія, допускались бы ко всѣмъ медицинскимъ испытаніямъ. Я знаю, что желанія вольнослушательницъ заходятъ дальше: онѣ желаютъ быть допущенными къ имматрикуляціи. Но этотъ вопросъ подлежитъ вѣдѣнію правительствъ отдѣльныхъ государствъ. Еще не рѣшено, нужны ли для женщинъ особые институты, или онѣ могутъ быть допущены во всѣ существующіе университеты. Я говорилъ недавно по поводу этого всего съ однимъ выдающимся, всемірно-извѣстнымъ врачомъ; послѣдній высказалъ, на основаніи своего опыта, то мнѣніе, что женщины, изучающія медицину, столь же способны, какъ и мужчины. Сомнительно только, годятся ли онѣ въ хирурги, обладаютъ ли онѣ необходимой мѣрой рѣшительности. Выводъ изъ его словъ былъ тотъ, что женщины, вѣроятно, не произведутъ переворота въ медицинѣ, но способны быть хорошими врачами. Женщины должны пока довольствоваться тѣмъ, что онѣ будутъ допущены къ испытаніямъ на званіе врача. Если обстоятельства не заставятъ правительство измѣнить свое мнѣніе и если женщины выполнятъ тѣ ожиданія, которыя на нихъ возлагаютъ, тогда, вѣроятно, сдѣланы будутъ дальнѣйшіе шаги впередъ".

Рѣчь статсъ-секретаря Посадовскаго была встрѣчена аплодисментами. Того же вопроса коснулись въ дальнѣйшихъ дебатахъ только два депутата. Первый, депутатъ Фридбергъ, говорилъ: „До сихъ поръ вольнослушательницы не допускались къ экзаменамъ, такъ какъ доказывалось, будто онѣ не имѣютъ на это права. Поэтому правительство должно указать испытательнымъ коммиссіямъ, что онѣ должны допускать вольнослушательницъ, получившихъ надлежащее образованіе, ко всѣмъ испытаніямъ. Я надѣюсь, что подобное распоряженіе послѣдуетъ въ самомъ недалекомъ будущемъ". Второй ораторъ, депутатъ Пахнике, заявилъ, что присоединяется къ просьбамъ принца Каролата. Если женщины сдаютъ экзамены на аттестатъ зрѣлости,

имъ должны быть открыты всѣ факультеты; если онѣ желаютъ сдавать государственные экзамены, не должно имъ препятствовать и въ этомъ. Изъ словъ статсъ-секретаря слѣдуетъ, что вольнослушательницы вскорѣ будутъ допущены къ экзаменамъ. Надо надѣяться, что женское движеніе, держащееся въ умѣренныхъ границахъ, заставитъ правительство устранить еще нѣкоторыя затрудненія...

Тотъ же принцъ Шёнаихъ-Каролатъ не упустилъ случая, въ январѣ 1899 г., при обсужденіи въ рейхстагѣ бюджета, сдѣлать новый запросъ статсъ-секретарю Посадовскому. „Раньше всего принадлежитъ женщина дому,—говорилъ онъ, но есть женщины, для которыхъ эти рамки тѣсны, и которымъ должна быть предоставлена болѣе широкая дорога. Въ этой области Германія не только не идетъ впереди другихъ странъ, но шагаетъ даже за Турціей, не говоря уже о Россіи, въ которой женщинѣ открыто столь обширное поле дѣятельности. Удивительное дѣло— женщины въ короткое время справляются съ матеріаломъ, для изученія котораго нашимъ юношамъ нужны годы. Разъ государство допускаетъ существованіе гимназическихъ курсовъ для женщинъ, оно должно предоставить женщинамъ возможность продолжать свое образованіе. Это—ненормальный порядокъ, если предъ женщинами, которымъ разрѣшено сдавать экзамены на аттестатъ зрѣлости, закрыты университетскія аудиторіи. Ненормально и то обстоятельство, что женщины, желающія прослушать тотъ или иной курсъ, должны испрашивать разрѣшенія у доцентовъ. Это китайскія церемоніи! Говорятъ, что доценты имѣютъ извѣстныя права; но есть случаи, когда они къ этой уловкѣ не прибѣгаютъ! Что касается иммагрикуляціи женщинъ, то ораторъ соглашается съ тѣмъ, что имѣются нѣкоторыя препятствія. Но нужно медленно идти къ цѣли: qui va piano, va sano. Объ эмансипаціи здѣсь нѣтъ и рѣчи: мы хотимъ лишь дать дорогу способнымъ женщинамъ, больше ничего. Въ Россіи тратятся на образованіе женщинъ колоссальныя суммы. Въ Англіи покровительствуетъ женщинамъ, ищущимъ высшаго образованія, сама королева; во Франціи, Италіи, Швеціи и Норвегіи, всюду идутъ на встрѣчу новымъ потребностямъ женщинъ. Да и въ Германіи движеніе сильно возросло съ тѣхъ поръ, какъ онъ, ораторъ, выступилъ въ первый разъ“. Принца Шёнаихъ-Каролата поддержалъ свободомыслящій депутатъ Шрадеръ, требовавшій для женщинъ права заниматься врачебной практикой, такъ какъ онъ имѣлъ случай убѣдиться въ способности женщинъ къ подобному труду. До сихъ поръ не было никакихъ крупныхъ недоразумѣній, а сдѣланный

опытъ показываетъ, что женщины могутъ быть прекрасными врачами и будутъ, несомнѣнно, пользоваться уваженіемъ со стороны своихъ коллегъ-мужчинъ. Статсъ-секретарь Посадовскій отвѣтилъ обоимъ ораторамъ: „если женщины выполнятъ всѣ предъявленныя университетами требованія, онѣ будутъ допущены къ экзаменамъ. Вопросъ о допущеніи женщинъ къ изученію медицины, зубоврачебнаго искусства и фармацеи близокъ къ разрѣшенію. Удалось достигнуть соглашенія, въ этой области, союзныхъ правительствъ, и союзный совѣтъ придастъ этому соглашенію въ возможно скоромъ времени законодательныя формы".

Тѣмъ временемъ, еще до послѣднихъ категорическихъ заявленій статсъ-секретаря Посадовскаго, тотъ же вопросъ о допущеніи женщинъ къ врачебной практикѣ поднимался еще нѣсколько разъ и въ прусской палатѣ депутатовъ. Такъ, на разсмотрѣніи парламентской коммиссіи, обсуждавшей нѣкоторые вопросы по народному просвѣщенію, имѣлись, въ іюлѣ 1895 г., двѣ петиціи, изъ коихъ въ первой женщины-петиціентки требовали допущенія ихъ къ изученію медицины, къ сдачѣ государственныхъ экзаменовъ и къ практикѣ у женщинъ и дѣтей, во второй—хлопотали объ отмѣнѣ постановленій относительно обязательныхъ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости для женщинъ, желающихъ поступить въ прусскіе университеты, и о разрѣшеніи имъ посѣщать лекціи, работать въ клиникахъ и лабораторіяхъ и сдавать государственные экзамены. Референтъ коммиссіи (изъ партіи центра) высказалъ свою симпатію къ общему стремленію женщинъ къ медицинской практикѣ, въ пользу чего говорятъ многіе вѣскіе доводы. Поэтому референтъ предлагаетъ передать петиціи правительству, для разсмотрѣнія и дальнѣйшаго ихъ направленія. На это присутствовавшій на засѣданіи коммиссіи представитель правительства сказалъ, что вопросы, затронутые петиціями, всегда имѣются правительствомъ въ виду. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже разрѣшено было дѣвушкамъ сдавать окончательные экзамены при мужскихъ гимназіяхъ. На философскомъ факультетѣ берлинскаго и геттингенскаго университетовъ женщины допущены къ слушанію лекцій, съ разрѣшенія министра, ректоровъ и профессоровъ, и при этомъ не произошло никакихъ недоразумѣній или прискорбныхъ случаевъ. Что касается медицинскаго факультета, то къ слушанію нѣкоторыхъ лекцій женщины, дѣйствительно, не допущены. Съ другой же стороны, женщины имѣютъ право быть врачами согласно уставу о занятіи промысловымъ трудомъ, не воспрещающему категорически женщинамъ заниматься врачебной практикой. Является, такимъ образомъ, дилемма, которую не

такъ-то легко разрѣшить. Правительство, поэтому рѣшило отнестись къ данному вопросу съ должною осмотрительностью. По выслушаніи этихъ заявленій, коммиссія присоединилась къ предложенію своего члена-докладчика, т.-е. обѣ упомянутыя петиціи были переданы на разсмотрѣніе правительства.

При слушаніи, въ 1897 г., въ той же палатѣ §§ бюджета прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, когда зашла рѣчь о расходахъ на испытательныя коммиссіи, депутатъ Талль (консерв.) сказалъ, что съ 1894 г. къ старшимъ учительницамъ примѣняются болѣе строгія требованія при испытаніяхъ, нежели раньше. Ораторъ просилъ, чтобы принимались въ разсчетъ силы и здоровье учительницъ. Одинъ изъ директоровъ министерства, Шнейдеръ, заявилъ, что министерство вовсе не желаетъ того, чтобы дѣвушки переучивались, и не ставитъ имъ большихъ требованій. Министерство желаетъ не ученыхъ, но образованныхъ женщинъ. Министръ Боссе поддержалъ своего помощника. „Мы не принуждаемъ дѣвушекъ ни къ чему,—говорилъ онъ:—во всемъ имъ предоставлена свободная воля. Если онѣ хотятъ изучать медицину, почему намъ это воспрещать, когда родители имъ это разрѣшаютъ? Въ прошломъ году восемь дѣвушекъ сдали экзамены на аттестатъ зрѣлости, и при томъ такъ, что необходимо отдать имъ дань уваженія. Всѣ дѣвушки, которыя были у меня, говорили, что требуютъ къ себѣ того же отношенія, какъ къ мужчинамъ; тогда и онѣ будутъ достигать равныхъ съ мужчинами успѣховъ. Почему же намъ отказать имъ въ этомъ“?.. Отмѣтимъ рѣчи нѣсколькихъ депутатовъ. Депутатъ Веберъ: „Разъ создана женская гимназія, необходимо дать молодымъ дѣвушкамъ возможность учиться и дальше, чтобы онѣ могли подготовить себя къ избранному роду дѣятельности“. Депутатъ Штеккеръ: „Выраженіе: „сильный полъ“—вполнѣ правильно. Нельзя женщинъ воспитывать въ гимназіи и университетѣ точно такъ же, какъ и мужчинъ. Для высшаго образованія женщинъ должны быть приняты иныя требованія. Женщина въ годы развитія не можетъ такъ много работать, какъ мужчины. Если дѣвушки при испытаніяхъ на аттестатъ зрѣлости и оказываются равны мужчинамъ по познаніямъ, то вопросъ еще, будутъ ли онѣ равны имъ чрезъ десять лѣтъ, во время ихъ самостоятельной дѣятельности“. Депутатъ Шалль: „Въ данномъ случаѣ большую роль играетъ честолюбіе, а изъ-за него страдаетъ здоровье дѣвушекъ; онѣ должны учиться врачеванію инымъ путемъ. Главная цѣль женщины — быть учительницей и воспитательницей, а для этого необходимъ mens sana in corpore sano“. Депутатъ Веттекампъ: „Пока суще-

ствуютъ правила объ испытаніяхъ на званіе врача, они должны примѣняться полностью и къ женщинамъ. Нужно ли, вообще, измѣнить эти правила, это—другой вопросъ". Депутатъ Диттрихъ: „Мы хотимъ для женщинъ образованія, но не учености. Женщины должны изучать медицину (и то—леченіе только женскихъ и дѣтскихъ болѣзней) инымъ образомъ, нежели мужчины"... Затѣмъ, депутаты перешли къ обсужденію очередныхъ вопросовъ.

Въ другой разъ на очереди стояло разсмотрѣніе петиціи г-жъ Елены Ланге и Маріи Мелліевъ о допущеніи въ университеты на одинаковыхъ съ мужчинами правахъ тѣхъ женщинъ, которыя сдали установленные экзамены на аттестатъ зрѣлости. Д-ръ Диттрихъ, докладчикъ „учебной" коммиссіи, говорилъ, что коммиссія признала справедливость требованій женщинъ лишь относительно занятія ими тѣми спеціальностями, которыя соотвѣтствуютъ ихъ полу; поэтому, коммиссія стоитъ за облегченіе экзаменовъ на званіе высшей учительницы. Что касается данной петиціи, то коммиссія предлагаетъ оставить ее безъ вниманія. Депутатъ Риккертъ, вождь свободомыслящихъ, высказалъ тотчасъ же сожалѣніе о томъ, что коммиссія въ своихъ воззрѣніяхъ сдѣлала шагъ назадъ. Справедливость петицій подобнаго рода признана большинствомъ депутатовъ рейхстага. Но Пруссія какъ бы считаетъ своимъ долгомъ отставать отъ всѣхъ культурныхъ странъ. Женщины собственными силами создали гимназію; мужчины удивляются ихъ энергіи и настойчивости; правительство высказало имъ свое расположеніе и обѣщало заняться даннымъ вопросомъ, но до сихъ поръ ничего не сдѣлало. Подобное отношеніе къ женщинамъ жестоко. Великіе ученые, какъ Гельмгольцъ, Гнейстъ, Шмоллеръ и др., поддерживаютъ требованія женщинъ и помогаютъ имъ въ ихъ стремленіяхъ, а другіе профессора отказываютъ имъ въ правѣ слушанія лекцій,—даже тѣмъ, которыя съ трудомъ добились права сдать экзамены. Кто же эти профессора? Общественному мнѣнію остается это неизвѣстнымъ; поэтому слѣдовало бы печатать списки профессоровъ, не допускающихъ женщинъ въ свои аудиторіи. Много говорятъ о полѣ, но мы видимъ, на что̀ все-таки способенъ женскій полъ. Проф. Максъ Мюллеръ, въ Оксфордѣ, бывшій сначала противникомъ высшаго женскаго образованія, позже, благодаря опыту, измѣнилъ свой взглядъ. Онъ сказалъ: „мужчины учатся такъ мало, сколько то могутъ, а женщины—такъ много, какъ то могутъ. Мужчины должны брать примѣръ съ женщинъ, какъ нужно учиться. Всѣ страны допускаютъ уже женщинъ къ высшему образованію, даже Австралія. Мужчины боятся, что

женщины отнимутъ у нихъ заработокъ? Но за 18 лѣтъ, съ 1877 по 1895 г., въ Англіи сдали экзаменъ на званіе врача лишь 250 женщинъ. Не думайте, что всѣ наши женщины станутъ врачами; подумайте раньше о томъ, насколько хватаетъ у женщинъ силъ на это занятіе"... Ораторъ предложилъ передать петицію на разсмотрѣніе правительству.

Правительственный коммиссаръ оспаривалъ, будто правительство не сочувствуетъ идеѣ, о которой идетъ рѣчь. Многія женщины уже допущены имъ къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости, къ университетскимъ занятіямъ и даже къ докторскому экзамену. Опыты дали благопріятные результаты, и это уже шагъ впередъ. Но университеты вѣдь были закрыты для женщинъ въ теченіе столѣтій,— нельзя же разомъ впустить въ аудиторіи женщинъ, безъ предварительнаго опыта. Мнѣнія университетовъ по этому вопросу различны, и никто ихъ не можетъ ни къ чему принудить, тѣмъ болѣе, что можно ожидать помѣхъ занятіямъ со стороны женщинъ. О допущеніи женщинъ къ докторскому экзамену, при условіи прохожденія ими курса въ качествѣ вольнослушательницъ, ведутся переговоры съ канцлеромъ имперіи.

Отмѣтимъ снова рѣчи нѣсколькихъ депутатовъ. Депутатъ Лангергансъ: „Позорно, что мужчины стараются урѣзать права женщинъ. Развѣ женщины—не такіе же люди? Развѣ мы ихъ не наказываемъ наравнѣ съ мужчинами? Говорятъ, что нужно принимать во вниманіе полъ. Принимается ли когда-нибудь во вниманіе полъ мужчины при выборѣ имъ спеціальности"? Депутатъ Заутлеръ: „Надо передать эту петицію, какъ матеріалъ, правительству. Мы не имѣемъ основаній лишать женщинъ возможности учиться, мы должны радоваться стремленію ихъ къ образованію. Опасаться того, что слишкомъ много женщинъ посвятитъ себя наукѣ, нѣтъ причинъ". Депутатъ Герлихъ: „Дѣло идетъ о справедливости или несправедливости. Говорятъ, что полъ женщины препятствуетъ ей учиться. А развѣ скакать въ циркѣ на лошади ей больше подобаетъ, нежели учиться? Дѣйствительно, женщинѣ лучше всего выйти замужъ; но такъ какъ не всѣ это могутъ, то мы должны дать имъ возможность учиться и заниматься своей спеціальностью". Депутатъ Эйпернъ: „Нѣсколько лѣтъ назадъ, я сказалъ, что для дѣвушки въ 16 лѣтъ поваренная книга полезнѣе, чѣмъ лекціи профессора о красотѣ Аполлона. Этимъ я пріобрѣлъ себѣ много враговъ среди дамъ. Мы не можемъ относиться къ женщинамъ такъ, какъ относимся къ мужчинамъ, но мы также не можемъ мѣшать имъ учиться. Если же мы станемъ давать имъ равныя права, то половина законодателей будетъ скоро со-

стоять изъ женщинъ". Депутатъ Диттрихъ снова заявилъ, что коммиссія не признаетъ равноправности женщинъ съ мужчинами, и палата депутатовъ большинствомъ голосовъ отклонила предложеніе Риккерта и приняла заключеніе коммиссіи, т.-е. оставила петицію безъ вниманія. Между тѣмъ, два года назадъ и еще раньше, какъ читатели видѣли выше, та же палата передавала подобныя петиціи на разсмотрѣніе правительству. Должно ли смотрѣть на это рѣшеніе какъ на шагъ назадъ? Несомнѣнно.

Въ началѣ мая прошлаго года поставлена была въ палатѣ на очередь новая петиція тѣхъ же неутомимыхъ Елены Ланге и Маріи Мелліекъ относительно допущенія женщинъ къ университетскимъ занятіямъ и къ государственнымъ экзаменамъ. Коммиссія, въ лицѣ докладчика, того же депутата, д-ра Диттриха, предлагаетъ оставить петицію безъ вниманія. Депутатъ Риккертъ говоритъ: „Коммиссія заходитъ дальше, нежели самъ министръ. Послѣдній еще недавно заявилъ, что относится отрицательно къ вопросу о допущеніи женщинъ къ университетскимъ занятіямъ только до поры, до времени. Я не захожу далеко и не вижу еще передъ собой корпуса амазонокъ или арміи женщинъ-адвокатовъ, но настаиваю на томъ, что въ женщинахъ-врачахъ и учительницахъ есть настоятельная нужда". Депутатъ Бахманъ: „Всѣ университетскія аудиторіи не должны быть раскрыты женщинамъ, но національ-либеральная партія (къ которой принадлежитъ ораторъ) ожидаетъ отъ правительства, что оно сдѣлаетъ нѣкоторыя области знанія болѣе доступными для женщинъ, нежели теперь". Депутатъ Веттекампъ: „Временное допущеніе женщинъ къ университетскимъ занятіямъ еще не замѣняетъ имматрикуляціи, такъ какъ только послѣдняя даетъ право сдачи экзаменовъ. Если правительство и не желаетъ допустить женщинъ къ имматрикуляціи, оно должно допускать ихъ къ университетскимъ испытаніямъ и къ медицинскому государственному экзамену". Депутатъ Штеккеръ также требуетъ облегченія доступа женщинамъ къ университетскимъ занятіямъ. Консервативный депутатъ фонъ-Кельзенъ признаетъ, что есть потребность въ женщинахъ-врачахъ, но его партія полагаетъ, что расширять рамки женскаго образованія не нужно. Въ палату, затѣмъ, вносятся два предложенія относительно передачи разбираемой петиціи на разсмотрѣніе правительству, но консерваторы и клерикалы отклонили оба эти предложенія; принято же было большинствомъ голосовъ предложеніе коммиссіи о томъ, чтобы петиція была оставлена безъ вниманія...

Необходимо отмѣтить, что въ прусской палатѣ депутатовъ

еще одинъ разъ затронутъ былъ вопросъ объ университетскомъ образованіи женщинъ, именно престарѣлымъ профессоромъ Рудольфомъ Вирховымъ, объяснившимъ, почему до сихъ поръ университеты не принимаютъ женщинъ на правахъ студентовъ. Ораторъ произнесъ цѣлую рѣчь по поводу бюджета прусскаго министерства народнаго просвѣщенія и, между прочимъ, сказалъ: „Мы считаемъ задачей будущаго дать образованіе возможно болѣе широкимъ кругамъ. Я не только занимался этимъ вопросомъ въ теченіе долгой жизни цѣлаго поколѣнія, но и старался проторить дорогу новому направленію. Но подобная задача вовсе не должна быть включена въ университетскую программу. Вотъ почему нѣмецкіе университеты не проявляютъ особой симпатіи къ тому движенію, которое нашло себѣ многихъ друзей и въ палатѣ,—именно, къ движенію въ пользу университетскаго образованія женщинъ. Рѣчь идетъ здѣсь не только о принципіальномъ вопросѣ, но и о практическомъ выполненіи его. Наши университеты вовсе не подготовлены къ тому, чтобы принять разомъ значительное число слушательницъ и дать имъ систематическое образованіе. Если правительство разрѣшитъ пріемъ женщинъ на всѣ факультеты, университеты будутъ въ большомъ затрудненіи. Наши больницы и клиники еще недостаточно велики; нужно пріобрѣсти и необходимый учебный матеріалъ. Не хватаетъ и университетскаго персонала. Словомъ, впустите въ университеты значительное число женщинъ, и въ ихъ стѣнахъ произойдетъ полная революція. Вотъ почему университеты относятся видимо равнодушно къ требованіямъ женщинъ, но не потому, что мы считаемъ женщинъ неспособными. Наоборотъ, среди женщинъ есть весьма способныя, и академическая наука лишь выиграетъ, если ею займутся нѣкоторыя женщины. Но, какъ я сказалъ, если мы впустимъ въ университеты значительное число женщинъ, это поведетъ къ полному преобразованію университетовъ. Поэтому надо раньше сообразить, насколько подготовлены какъ государство, такъ и общество, для того, чтобы взять на себя новыя, крупныя задачи“. Такъ говорилъ проф. Вирховъ, и Альтгоффъ, одинъ изъ членовъ министерства народнаго просвѣщенія, съ правомъ сказалъ: „Я не могъ разобрать, высказался ли ораторъ за допущеніе женщинъ къ университетскимъ занятіямъ, или противъ него“.

Казалось бы, что послѣ подобнаго объясненія, даннаго представителемъ крупнѣйшаго университета, и послѣ ярко выраженнаго депутатами ландтага ихъ отрицательнаго отношенія къ вопросу о высшемъ женскомъ образованіи, вопросъ этотъ не

будетъ ужъ подниматься въ прусской палатѣ, но прошло лишь шесть недѣль со времени заявленій проф. Вирхова, и тому же вопросу посвящено было снова цѣлое засѣданіе. Но прежде чѣмъ я передамъ подробности засѣданія 30-го апрѣля прошлаго года, я долженъ предпослать нѣсколько замѣчаній и сообщить нѣкоторые интересные факты. Дѣло въ томъ, что германскіе университеты разрѣшаютъ посѣщеніе лекцій и лабораторій студентамъ только послѣ имматрикуляціи, правомъ которой пользуются молодые люди, представившіе аттестатъ зрѣлости, полученный ими по окончаніи классической гимназіи, и какъ на одну изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ принятію женщинъ полноправными студентками, прусскій министръ и многіе профессора указывали имъ на то, что онѣ, не получивъ классическаго образованія, не подготовлены къ слушанію лекцій. Поэтому въ женскихъ кругахъ и среди лицъ, относящихся съ симпатіей къ высшему образованію женщинъ, поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи женскихъ гимназій и о подготовкѣ дѣвушекъ къ сдачѣ требуемыхъ экзаменовъ.

Упомянутый не разъ выше союзъ „Frauenbildungs-Reform" не ограничился подачей петиціи парламенту и сеймамъ, но приступилъ къ осуществленію второго пункта своей программы—къ учрежденію женской гимназіи. Эта гимназія была открыта союзомъ при торжественной обстановкѣ 13-го сентября 1893 г. въ городѣ Карлсруэ. Выборъ палъ на столицу баденскаго государства потому, что мѣстное правительство и ландтагъ охотнѣе другихъ высказались за произведеніе реформы въ женскомъ образованіи, а магистратъ пошелъ охотно на встрѣчу нуждамъ союза и уступилъ безвозмездно для гимназіи необходимое помѣщеніе. Устройство женской гимназіи въ этомъ городѣ было вообще встрѣчено симпатіями населенія; представители магистрата и городскихъ гласныхъ, администрація учебныхъ заведеній и члены высшаго училищнаго совѣта, присутствовали при открытіи новой гимназіи, первой женской гимназіи не только въ городѣ, но и во всей Германіи. Цѣлью учрежденной гимназіи было, конечно, желаніе дать обучающимся въ ней дѣвушкамъ то среднее образованіе, которое юноши получаютъ въ классическихъ гимназіяхъ. Поэтому учебный планъ ея былъ весьма схожъ съ учебнымъ планомъ мужскихъ гимназій. Разница состояла лишь въ томъ, что родителямъ дѣвушекъ не давали возможности слишкомъ рано рѣшать вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи ихъ образованія: въ женскую гимназію дѣвочекъ моложе 12 лѣтъ не принимали, а отъ принимаемыхъ требовали свидѣтельства о шестилѣтнемъ по-

сѣщеніи средней женской школы—Höhere Mädchen-Schule. Гимназическое образованіе ихъ начиналось въ такъ-называемомъ „переходномъ" классѣ, въ которомъ имѣющіяся уже у дѣвочекъ знанія укрѣплялись и расширялись; въ этомъ же классѣ онѣ начинали изученіе латинскаго языка; греческій языкъ оставленъ былъ до слѣдующаго класса, изъ-за нежеланія переутомлять дѣвушекъ изученіемъ двухъ новыхъ предметовъ разомъ. Учебные часы распредѣлены были такъ, что наиболѣе трудные предметы преподавались лишь отъ 9-ти час. утра до 11-ти или же до 12-ти. Гимназія функціонировала въ теченіе пяти лѣтъ и имѣла постоянно отъ 20 до 30 ученицъ, вносившихъ ежегодно за право ученія по 200 мар. Этой суммы для покрытія расходовъ по гимназіи было еще недостаточно, и на гимназію тратили бо̀льшую часть доходовъ союза „Frauenbildungs-Reform", число членовъ котораго превысило и превышаетъ 1.125. Кромѣ того, одно лицо изъ Ганновера пожертвовало на поддержку гимназіи 1.000 марокъ, а магистратъ Карлсруэ назначилъ той же гимназіи ежегодную субсидію въ 2.000 марокъ. Ежегодно осенью при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ открывался очередной высшій классъ, а для наблюденія за дальнѣйшимъ развитіемъ гимназіи организовано было попечительство изъ двухъ членовъ магистрата, директора гимназіи, представителя отъ учителей и пяти членовъ союза. Но въ прошломъ году между однимъ изъ членовъ магистрата, бывшимъ также членомъ союза „Frauenbildungs-Reform", и учительскимъ персоналомъ произошли недоразумѣнія настолько крупнаго характера, что гимназія была закрыта. Такъ-называемый „Bürgerausschuss" города Карлсруэ рѣшилъ на одномъ изъ своихъ прошлогоднихъ засѣданій 79-ю голосами изъ 87-и учрежденіе городской женской гимназіи, а союзъ „Frauenbildungs-Reform" постановилъ открыть весною 1899 г. новую женскую гимназію, на этотъ разъ уже въ Ганноверѣ. Выбранъ былъ этотъ городъ какъ потому, что онъ находится въ центрѣ Германіи, въ то время какъ географическое положеніе Карлсруэ въ юго-западной части Германіи было не совсѣмъ удобно для гимназіи, такъ и потому, что тамъ находится комитетъ союза.

Приблизительно черезъ годъ послѣ основанія женской гимназіи въ Карлсруэ, была учреждена подобная же и въ Берлинѣ. Основательницей гимназіи была Елена Ланге [1]), которая, еще

[1]) Родилась въ 1848 г. въ Ольденбургѣ, получила отличное образованіе, но не могла удовлетвориться пустотой окружавшей ее среды и поступила воспитательницей въ одинъ изъ эльзасскихъ пансіоновъ. По сдачѣ, въ 1872 г., экзамена на званіе учительницы, она долгое время руководила одной изъ берлинскихъ учительскихъ семи-

въ октябрѣ 1889 г., открыла въ Берлинѣ курсы реальнаго училища для дѣвушекъ. Въ своей блестящей рѣчи, при открытіи курсовъ, Елена Ланге говорила, что пора покончить съ такъ-называемымъ „эстетизирующимъ" образованіемъ, которое получаютъ нѣмецкія дѣвушки въ среднихъ школахъ. Эти школы развиваютъ въ дѣвушкахъ односторонность, воспитываютъ лишь ихъ чувство и дѣлаютъ изъ нихъ какихъ-то мечтательницъ. Образованіе, получаемое этими дѣвушками въ этихъ школахъ, блеститъ только снаружи; дѣвушки изучаютъ только то, чтò имъ нужно для того, чтобы вращаться въ обществѣ, начиная отъ заранѣе формулированныхъ мнѣній обо всемъ и кончая рисованіемъ на тарелкахъ, игрой салонныхъ пьесъ и бесѣдъ о современномъ искусствѣ. Насколько все это пусто, показываетъ тотъ фактъ, что всѣ эти занятія забрасываются, какъ только дѣвушки выходятъ замужъ. И впослѣдствіи, когда ихъ дѣти посѣщаютъ уже гимназіи, матери не въ состояніи сами слѣдить за развитіемъ и образованіемъ ихъ дѣтей. Задача курсовъ поэтому—повысить уровень образованія дѣвушекъ; эти курсы должны были дать дѣвушкамъ то образованіе, которое юноши получаютъ въ реальныхъ гимназіяхъ, и показать, возможно ли въ физическомъ и умственномъ отношеніи дать нѣмецкимъ дѣвушкамъ знанія, необходимыя для поступленія въ университетъ. Елена Ланге рѣшила съ самаго начала расширить свои курсы въ тотъ моментъ, когда явится надежда на то, что дѣвушки будутъ приняты въ одинъ изъ нѣмецкихъ университетовъ; и когда, въ маѣ 1893 г., она нашла возможнымъ предпринять задуманную реорганизацію, она обратилась къ ряду выдающихся лицъ, вырабатывавшихъ тогда планъ устройства въ Берлинѣ женской гимназіи,—съ воззваніемъ. Образовалось тогда общество для поддержанія учреждаемой гимназіи: „Союзъ для устройства гимназическихъ курсовъ для женщинъ", во главѣ котораго стоитъ упомянутый уже не разъ выше принцъ Шёнаихъ-Каролатъ. Лейпцигскій „Всеобщій союзъ нѣмецкихъ женщинъ" обязался платить ежегодно за обученіе одной изъ ученицъ гимназіи довольно крупную сумму; на обученіе другой одна дама пожертвовала единовременно 1.000 мар.; оказываютъ посильную поддержку и различные союзы, и нѣкоторыя частныя лица. Гимназія (ее обыкновенно называютъ „гимназическими курсами") была открыта въ октябрѣ 1893 г.; руководи-

---

нарій. Въ 1887 г., она представила ландтагу монографію о необходимости расширить права учительницъ въ среднихъ женскихъ школахъ и дать имъ, учительницамъ, возможность получать болѣе широкое образованіе.

тельницей ея является до сихъ поръ г-жа Елена Ланге, редактирующая также и превосходно поставленный ежемѣсячный журналъ: „Die Frau“. Что касается внутренняго устройства, то планъ берлинской гимназіи отличается существенно отъ плана гимназіи, бывшей въ Карлсруэ. Принимаются здѣсь лишь тѣ дѣвушки, которыя окончили курсъ средней женской школы, и которымъ исполнилось 18 лѣтъ. Учебный планъ составленъ такъ, что дѣвушки могутъ въ теченіе 3—4 лѣтъ (въ общемъ, семь семестровъ) пополнить свои знанія настолько, чтобы имѣть возможность сдать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Вотъ, для примѣра, планъ занятій въ первомъ семестрѣ: 6 недѣльныхъ часовъ—латинскій языкъ; 4—греческій яз.; по 2—нѣмецкій, французскій, англійскій, географія и естественная исторія. Преподаваніе математики начинается во второмъ семестрѣ (3 часа въ недѣлю), также и исторіи—и столько же часовъ. Часы преподаванія всѣ послѣобѣденные, такъ какъ утромъ помѣщеніе, любезно отведенное берлинскимъ магистратомъ, занято. Въ то время какъ въ гимназіи въ Карлсруэ наибольшіе успѣхи дѣлали ученицы по математикѣ, въ берлинской гимназіи главное вниманіе обращается на естественную исторію — въ виду того, что гимназія преслѣдуетъ извѣстную цѣль: подготовить дѣвушекъ къ изученію медицины—и на новые языки. Англійскій и французскій языки преподаютъ дамы, всѣ остальные предметы—учителя, назначенные министромъ народнаго просвѣщенія. Руководительница гимназіи не имѣетъ права приглашать учителей по собственному выбору. Въ началѣ гимназія имѣла 15 ученицъ, но, по окончаніи перваго курса, нѣсколько лучшихъ изъ нихъ вышли чтобы получить въ Цюрихѣ болѣе доступную подготовку къ университетскимъ занятіямъ. Весной 1896 г., первыя шесть окончившихъ курсъ въ этой гимназіи сдали при одной изъ берлинскихъ мужскихъ гимназій экзамены на аттестатъ зрѣлости. Несмотря на то, что имъ не дѣлали никакихъ послабленій, требуя отъ нихъ тѣхъ же знаній, что и отъ оканчивающихъ курсъ гимназистовъ, всѣ онѣ выдержали не только удовлетворительно, но даже и съ отличіемъ—cum laude, и мы видѣли выше, какъ отозвался объ ихъ успѣхахъ министръ народнаго просвѣщенія. Въ томъ же году поступили въ гимназію 21 ученица и еще двѣ дѣвушки сдали экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ ихъ примѣру послѣдовали еще нѣсколько дѣвушекъ (6 или 7), причемъ не обошлось и безъ одного случая провала на экзаменахъ. 12 изъ окончившихъ гимназію—теперь въ университетахъ, и опытъ показалъ, что на подобные курсы должны приниматься

не малолѣтнія еще дѣвочки, но взрослыя дѣвушки, имѣющія достаточно физическихъ и умственныхъ силъ и полныя сознанія той крупной задачи, которую онѣ на себя берутъ.

Сравнительный успѣхъ первыхъ двухъ гимназій далъ толчокъ дѣятельной агитаціи различныхъ обществъ въ пользу устройства подобныхъ же гимназическихъ курсовъ и въ другихъ крупныхъ центрахъ Германіи. „Всеобщій союзъ нѣмецкихъ женщинъ" открылъ подобные курсы, представляющіе собою во всемъ копію берлинскихъ, въ Лейпцигѣ. Институтъ этотъ имѣетъ теперь 60 ученицъ, а осенью прошлаго года первыя пять ученицъ гимназіи, открытой въ 1894 г., сдали экзамены на аттестатъ зрѣлости при одной изъ мужскихъ гимназій въ Дрезденѣ. Руководитъ этими курсами д-ръ Кэтэ Виндшейдъ [1]), дочь знаменитаго юриста. Въ Кёнигсбергѣ также открыты гимназическіе курсы съ октября прошлаго года; ихъ посѣщаютъ теперь 18 ученицъ. Въ Мюнхенѣ уже нѣсколько лѣтъ дѣятельно хлопочутъ объ открытіи гимназическихъ курсовъ для женщинъ; но баварское правительство не даетъ пока надлежащаго разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе, въ Мюнхенѣ, благодаря энергіи извѣстнаго писателя Поля Гейзе и г-жи Браунмюль, организовалось „Общество для основанія женской гимназіи", обладающее капиталомъ въ 95.000 марокъ. Въ Бременѣ, по инициативѣ сенатора Гильдейсместера и профессора Блутгаупта, организовалось для той же цѣли спеціальное общество. Мѣстный сенатъ далъ свое согласіе, но открытіе гимназіи затянулось и было временно замѣнено чтеніемъ лекцій по предметамъ, преподаваемымъ, обыкновенно, въ гимназіяхъ. Читали ихъ, между прочимъ, и нѣкоторыя дамы, окончившія курсъ въ университетахъ за границей.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти гимназическіе курсы служатъ лишь переходною ступенью, и что въ будущемъ организація ихъ, такъ или иначе, но должна кореннымъ образомъ измѣниться. Ничтожное число только-что перечисленныхъ гимназій, неопредѣленность ихъ учебнаго плана и стремленій, ограниченность въ средствахъ — все это заставляетъ смотрѣть на нихъ лишь какъ на опытныя станціи, въ которыхъ производятся наблюденія и изслѣдованія, для выработки раціональнаго плана будущихъ государственныхъ или общественныхъ гимназій. О государственныхъ женскихъ гимназіяхъ въ Германіи пока еще и думать не-

[1]) Родилась въ 1859 г. въ Мюнхенѣ, сдала въ Берлинѣ экзаменъ на званіе учительницы, руководила частной школой въ Лейпцигѣ и получила въ 1894 г. въ гейдельбергскомъ университетѣ титулъ доктора по защитѣ ею диссертаціи: „Англійскія пастушескія пѣсни отъ 1579 до 1625 г.".

чего, хотя всѣ вмѣстѣ германскія государства выдаютъ изъ назначенныхъ на дѣло народнаго образованія суммъ $97^{3}/_{4}$% на образованіе мужчинъ и только $2^{1}/_{4}$% на образованіе женщинъ. Прусское министерство народнаго просвѣщенія не только не собирается учредить государственную женскую гимназію, отговариваясь тѣмъ, что сдѣланныхъ до сихъ поръ опытовъ еще слишкомъ недостаточно, и потребности въ женской гимназіи не существуетъ, но и не разрѣшило открыться въ г. Бреславлѣ городской женской гимназіи, по мотивамъ, излагаемымъ ниже.

Исторія предполагавшейся въ Бреславлѣ женской гимназіи такова. Устройство ея было предложено мѣстному магистрату и гласнымъ городской училищной коммиссіи, большинствомъ двухъ третей голосовъ. Какъ члены магистрата, такъ и гласные, одобрили эту мысль и назначили для разработки проекта особую коммиссію, въ составъ которой вошли также педагоги, школьные врачи и др. лица. Коммиссія эта выработала такой планъ женской гимназіи: магистратъ не открываетъ особой женской гимназіи, но присоединяетъ ее къ одной изъ существующихъ среднихъ женскихъ школъ. Дѣвочки не моложе 12—$12^{1}/_{2}$ лѣтъ, прошедшія курсъ низшихъ классовъ средней женской школы, будутъ приниматься на первый курсъ гимназіи—„Tertia“—и приступятъ къ изученію латинскаго языка. Курсъ—семигодичный (Tertia—3 года, Secunda—2 года и Prima—2 года), точно такъ же, какъ въ такъ-называемыхъ „реформированныхъ“ гимназіяхъ. Магистратъ принимаетъ на себя всѣ расходы, заботы объ учительскомъ персоналѣ и т. д. Громадное большинство бреславльскихъ гласныхъ одобрило этотъ проектъ, и поручило магистрату обратиться за соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ къ прусскому министру народнаго просвѣщенія. Починъ Бреславля былъ привѣтствованъ общественнымъ мнѣніемъ страны, тѣмъ болѣе что магистраты въ Пруссіи весьма и весьма туги на новшества. Примѣру бреславльскаго магистрата собирался послѣдовать и штеттинскій, также разработавшій проектъ городской женской гимназіи, какъ вдругъ разнеслась вѣсть о томъ, что министръ не разрѣшилъ устройства женской гимназіи въ Бреславлѣ. Рѣшеніе министра произвело сенсацію и вызвало вполнѣ понятный ропотъ во всѣхъ интеллигентныхъ группахъ, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ министра магистрату данъ былъ въ самой лаконической формѣ, безъ указанія мотивовъ, руководившихъ министромъ при отказѣ въ разрѣшеніи. Послѣднее обстоятельство дало поводъ „свободомыслящему“ депутату Ротгейну, представителю города Бреславля, внести въ прусскомъ ландтагѣ слѣдующую интерпелляцію: „Ка-

ковы были причины, на основанiи которыхъ правительство отказалось утвердить проектъ женской гимназiи въ Бреславлѣ, согласно прошенiю мѣстныхъ городскихъ учрежденiй"? 34 депутата различныхъ партiй (даже нѣкоторые свободные консерваторы и нацiональ-либералы) подписали эту интерпелляцiю, только не консерваторы и клерикалы, и она поставлена была на очередь въ прусской палатѣ депутатовъ 30-го апрѣля прошлаго года, какъ объ этомъ уже было выше упомянуто.

Послѣ того какъ д-ръ Боссе далъ свое согласiе тотчасъ отвѣтить на интерпелляцiю, депутатъ Готгейнъ немедленно обосновалъ ее приблизительно слѣдующимъ образомъ. „Я полагаю, что министръ имѣлъ свои причины отказать въ утвержденiи проекта гимназiи, и какъ бреславльскiй гласный, подавшiй свой голосъ за учрежденiе гимназiи, я спрашиваю: каковы были эти причины? Вопросъ о томъ, какое образованiе должны получать дѣвушки въ школѣ, есть спорный вопросъ и всегда такимъ останется, точно также какъ и вопросъ объ образованiи мальчиковъ. Нельзя найти такого пути, который былъ бы сочтенъ всѣми людьми правильнымъ, и поэтому желательно, чтобы юноши получали свое образованiе различными путями. Многiе находятъ, что образованiе, даваемое средними женскими школами, не цѣлесообразно: учебнаго матерiала много, но нѣтъ толчка для самостоятельной умственной работы, того толчка, который, по мнѣнiю спецiалистовъ, дается воспитанникамъ нашихъ гимназiй и реальныхъ училищъ. Я уже не говорю о томъ, что окончившiя среднюю женскую школу не могутъ приступить къ изученiю какой-либо спецiальности. Во многихъ союзныхъ государствахъ разрѣшено женщинамъ слушать университетскiя лекцiи. Прусскiй министръ народнаго просвѣщенiя сообщилъ ректорамъ университетовъ, на какихъ условiяхъ они могутъ принимать женщинъ; онъ наложилъ на нихъ тяжелую обязанность ознакомленiя съ предварительнымъ образованiемъ женщинъ, желающихъ поступить въ университетъ. Не лучше ли было бы, еслибы дѣвушки приходили въ университетъ всѣ только послѣ сдачи экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости? Этимъ значительно облегчена будетъ задача ректоровъ. Уже имѣются въ Германiи женскiя гимназiи; въ Берлинѣ существуютъ прекрасно руководимые гимназическiе курсы; часть слушательницъ сдала экзамены и поступила въ университеты. Но эти курсы—частные, и уроки даются въ послѣобѣденное время, что̀ для многихъ дѣвушекъ неудобно. Гимназiя въ Карлсруэ также устроена на частныя средства и поддерживается путемъ благотворительности. Положенiе этихъ гимназiй весьма шаткое, а потребность

въ нихъ велика. Вотъ почему бреславльскій магистратъ постановилъ открыть женскую гимназію. На собраніи гласныхъ подобное рѣшеніе было принято подавляющимъ числомъ голосовъ—это показываетъ, насколько велика потребность въ широкихъ кругахъ въ подобной гимназіи. Наконецъ, еще до основанія гимназіи, 26 дѣвушекъ изъявили согласіе поступить въ низшій классъ; онѣ были дочери чиновниковъ, учителей, пасторовъ, купцовъ и адвокатовъ"...

Опускаемъ полемическія нападки депутата на министерство по поводу формы, въ которой данъ былъ бреславльскому магистрату отвѣтъ, и приводимъ наиболѣе существенную часть изъ рѣчи министра. „Если бы я утвердилъ планъ основанія женской гимназіи въ Бреславлѣ,—говорилъ министръ, — то маленькое пламя, вспыхнувшее среди представителей этого города, разрослось бы въ большое пламя, и это пламя могло бы сжечь священныя и великія достоянія нашего народа". Министръ не относится отрицательно къ вопросу объ учрежденіи женскихъ гимназій вообще, онъ не считаетъ себя настолько авторитетнымъ, чтобы отнестись отрицательно, или же, что̀ еще важнѣе, утвердительно. Если бы шла рѣчь о гимназіи вообще, онъ, министръ, обратился бы въ совѣтъ министровъ. Но рѣчь шла объ учрежденіи одной гимназіи по плану „реформированныхъ" гимназій, и онъ считалъ себя въ правѣ отказать въ выдачѣ разрѣшенія. Далѣе, министръ разсказывалъ депутатамъ, что ему не легко дался этотъ отказъ: онъ изучалъ этотъ вопросъ, долго взвѣшивалъ и обдумывалъ и созвалъ на совѣтъ всѣхъ своихъ помощниковъ. Только послѣ того, какъ они всѣ отнеслись къ плану отрицательно, онъ далъ магистрату отрицательный отвѣтъ, и полонъ сознанія исполненнаго долга. Магистратъ г. Бреславля просилъ прусское правительство повліять на министра въ благопріятномъ для рѣшенія смыслѣ, но и королевское правительство предложило ему, министру, не утверждать плана бреславльскаго магистрата. Къ бумагамъ магистрата былъ приложенъ учебный планъ, съ примѣчаніемъ, что этотъ планъ провизорный, пока опытъ не подскажетъ необходимыхъ измѣненій. Затѣмъ, магистратъ высказывалъ надежду, что при нормальномъ развитіи гимназіи и при окончательномъ устройствѣ ея, министръ дастъ гимназіи право испытаній на аттестатъ зрѣлости, дастъ дѣвушкамъ, окончившимъ эту гимназію, право поступленія въ университеты и облегчитъ имъ доступъ въ учительскія семинаріи. Магистратъ, значитъ, требовалъ отъ министерства не только утвержденія плана гимназіи, но и рѣшенія цѣлаго ряда другихъ важныхъ

вопросовъ. Всего этого обѣщать онъ, министръ, не можетъ, тѣмъ болѣе, что магистратъ хотѣлъ дать новый толчокъ реформаціонному теченію и испытать, имѣетъ ли министерство мужество противостоять новому модному теченію или нѣтъ? Уже не говоря о томъ, что министерство не поддается на такія уловки, надо принять во вниманіе, что положеніе университетовъ не позволяетъ открыть ихъ двери настежь предъ женщинами. Отношеніе университетовъ къ данному вопросу таково: университеты готовы удовлетворить стремленія женщинъ, и, насколько онѣ ищутъ расширенія области ихъ труда, университеты относятся къ этимъ стремленіямъ доброжелательно, но въ тѣхъ границахъ, насколько есть дѣйствительная потребность женщинъ въ университетскомъ образованіи. Въ этихъ границахъ сдѣлано уже очень многое: даже тѣ дѣвушки, у которыхъ нѣтъ аттестата зрѣлости, могутъ слушать, съ согласія ректора и профессоровъ, университетскія лекціи. Если у нихъ есть потребность учиться, для нихъ университеты открыты. Сдать экзамены на аттестаты зрѣлости—этого добиваются лишь немногія. Онъ, министръ, согласился и на это и назначилъ гимназію, при которой онѣ могутъ сдавать экзамены. Нѣкоторыя дѣвушки желаютъ изучать медицину—министръ и противъ этого ничего не имѣетъ. На основаніи опыта, онъ пришелъ къ тому заключенію, что если женщины обладаютъ достаточными физическими, умственными и моральными силами, чтобы быть врачами, то было бы очень желательно имѣть женщинъ-врачей, но только въ ограниченномъ числѣ. Бываютъ случаи, когда женщины не хотятъ ни за что идти къ врачу, и помощь женщинъ-врачей тогда необходима. Онъ, министръ, сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы облегчить женщинамъ возможность изучать медицину, онъ даже взялъ на себя иниціативу и вошелъ въ переговоры съ имперскимъ правительствомъ, отъ котораго зависитъ рѣшеніе вопроса, относительно допущенія женщинъ къ экзаменамъ на званіе врача. Но коммиссія требуютъ отъ всѣхъ экзаменующихся на званіе врача аттестатовъ зрѣлости, и потому министръ согласился разрѣшить устройство въ Берлинѣ гимназическихъ курсовъ. Онъ, министръ, не воспрещаетъ сдачи экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости никому, но только при томъ условіи, если рѣшеніе принято взрослой уже, обдумавшей свой шагъ дѣвушкой. Бреславльскимъ магистратомъ затронутъ совершенно другой вопросъ, о допущеніи въ гимназію дѣвочекъ 12-ти лѣтъ. Къ этому вопросу министръ относится отрицательно уже потому, что, благодаря этой гимназіи, увеличатся соціальныя различія. Бреславльская гимназія считалась бы какимъ-то инсти-

тутомъ для привилегированныхъ, и туда поступали бы дѣвушки, руководимыя не потребностью въ знаніяхъ, но чувствомъ тщеславія. Нельзя допустить, чтобы подобный институтъ былъ поддерживаемъ государственнымъ авторитетомъ; нельзя допустить также и того, чтобы дѣвушки, физическія и интеллектуальныя силы которыхъ еще не испытаны, были обременены работой. Да и будетъ ли охота у этихъ дѣтей посвятить себя впослѣдствіи научнымъ работамъ? У насъ имѣются девятиклассныя среднія школы, которыя даютъ женщинамъ общее образованіе и дѣлаютъ ихъ не конкуррентками, но помощницами мужчинъ, дѣлаютъ ихъ не учеными, не „синими чулками", но порядочными хозяйками. Если будутъ учреждены гимназіи, то эти школы станутъ институтами второго разряда, на счетъ тѣхъ дѣтей, которыхъ станутъ слишкомъ рано обременять ненужнымъ имъ балластомъ. Это повредитъ всему дѣлу воспитанія дѣвушекъ, и потому вопросъ объ учрежденіи гимназіи—вопросъ перваго ранга, который не можетъ быть рѣшенъ безъ доказательства необходимости подобнаго института. А экспериментовъ онъ, министръ, допустить не можетъ. Доказана ли необходимость женской гимназіи въ Бреславлѣ? Записались въ низшій классъ 24 дѣвушки (16 лют., 7 кат. и 7 евр.),—только 24 дѣвушки, въ то время какъ Силезія имѣетъ 4 милл. жителей! Во всей Пруссіи сдавали экзамены на аттестатъ зрѣлости: въ 1895—96 г.—8 дѣвушекъ; въ 1896—97 г.—4 дѣвушки (1 изъ нихъ не выдержала), и въ 1897—98 г.—6 дѣвушекъ (изъ нихъ двѣ не выдержали) и потомъ еще пять дѣвушекъ, но далеко не всѣ перечисленныя—уроженки Пруссіи. И послѣ этого утверждаютъ, что есть потребность въ женской гимназіи! Всѣ упомянутыя дѣвушки получили необходимое образованіе частнымъ образомъ или въ частныхъ институтахъ, и всѣ онѣ были уже въ такомъ возрастѣ, что могли рѣшить, имѣютъ ли онѣ силы и способности подготовиться къ экзамену. Каждый имѣющій педагогическій опытъ скажетъ, что всѣ эти дѣвушки составляютъ исключеніе. Большое число дѣвушекъ не имѣетъ достаточно силъ, большое число не хочетъ вступить на этотъ путь. Громадное большинство нашихъ матерей разсчитываетъ на то, что ихъ дочери выйдутъ замужъ, и громадное большинство дочерей также разсчитываетъ на то же самое. А вы хотите исключеніе сдѣлать правиломъ. Я, конечно, знаю, что и представительницы идеальнѣйшей женственности желаютъ измѣненія современныхъ методовъ воспитанія. Отъ насъ требуютъ, чтобы мы пріучили женщинъ логически мыслить; это требованіе само по себѣ не ло-

гично, да и вообще логическимъ мышленіемъ женщины не сильны. Теперь требуютъ, чтобы женщины во всѣхъ областяхъ были равны мужчинамъ. Я считаю это неестественнымъ, даже противоестественнымъ, и ни за что не соглашусь помогать этому. Хотятъ, чтобы женщина была конкурренткой мужчины, но развѣ положеніе женщинъ—худшее теперь, когда онѣ не должны отбывать воинской повинности, пока еще время амазонокъ не пришло? Каково отношеніе къ данному вопросу университетскихъ профессоровъ? Большинство пока противъ допущенія женщинъ въ университеты, а заставить никого нельзя. Хотя университетскіе статуты и позволяютъ намъ это, но мы не хотимъ вмѣшиваться въ корпоративное самоуправленіе, да и нѣтъ потребности въ этомъ. Если бы даже допускали женщинъ къ имматрикуляціи, —потребности въ учрежденіи женской гимназіи еще нѣтъ. Кто изъ нихъ желаетъ посвятить себя наукѣ, та можетъ сдѣлать это и теперь"...

Министръ переходитъ затѣмъ къ разбору учебнаго плана, предложеннаго бреславльскимъ магистратомъ. „Гимназія должна быть соединена съ одной изъ среднихъ школъ въ такой формѣ, что „tertia" соотвѣтствовала бы „tertiae" реформированной гимназіи. По этому плану дѣвушки должны имѣть въ высшихъ классахъ 6—8 час. латинскаго языка, 8 час.—греческаго яз., 4 часа—математики, 2—физики, а въ обоихъ классахъ „secundae"—только по одному часу исторіи и географіи, и въ „oberprima"—три часа. Рисованіе и пѣніе совершенно исключены изъ программы. Если сосчитать обязательные часы, то составится 32, 34, 35 и 35 въ недѣлю, т.-е. болѣе чѣмъ въ мужскихъ гимназіяхъ на 2, 7, 7 и 8 час. Къ тому же, опыты съ реформированными гимназіями далеко не закончены. Гётевская гимназія во Франкфуртѣ-на-Майнѣ доведена только до „secunda"; экспериментъ еще не законченъ. Но во Франкфуртѣ мы имѣемъ лучшихъ учениковъ, лучшихъ учителей и опытныхъ руководителей, хотя и тамъ пришлось измѣнить первоначальный планъ. По плану бреславльскаго комитета, дѣвушкамъ должны быть предъявлены слишкомъ большія требованія. Если дѣвушки возьмутся за дѣло изъ-за довѣрія къ государственному авторитету, но потомъ не смогутъ достигнуть цѣли—нареканія посыплются на правительство"... Вотъ почему онъ, министръ, отклонитъ всѣ подобныя предложенія объ учрежденіи женскихъ гимназій.— „Обратите еще вниманіе, что женскія гимназіи, предназначенныя для общаго образованія дѣвушекъ, и гимназіи, какъ институты для подготовки къ дальнѣйшему образованію—вещи различныя. Первое повредитъ второму, а второе

не дастъ законченнаго гуманистическаго образованія. Если мы захотимъ реформировать, мы не имѣемъ права жертвовать современными методами воспитанія. Мы должны помнить, что теперь въ Пруссіи получаютъ среднее образованіе около 75.000 дѣвушекъ, и мы не имѣемъ права приносить ихъ всѣхъ въ жертву, въ то время какъ женщинъ, желающихъ бо̀льшаго, столь мало. Мы должны постараться, чтобы дѣвушки не проводили такъ много времени въ школѣ, напр. 9 лѣтъ въ „Höhere-Mädchen-Schülen". Дѣвушкамъ, желающимъ изучить спеціальность, предоставлена возможность посѣщать учительскія семинаріи, художественныя, рисовальныя, коммерческія и др. школы. Говорятъ, что допущеніе женщинъ въ университеты, съ одной стороны, и запрещеніе учрежденія женской гимназіи, съ другой—явныя противорѣчія. Вовсе нѣтъ! Мы думаемъ, что въ 12 лѣтъ дѣвочка еще не знаетъ, посвятитъ ли она себя научнымъ работамъ, а для общаго образованія достаточны существующія школы. Господа! вопросъ о гимназіи не можетъ быть рѣшенъ до тѣхъ поръ, пока не рѣшенъ вопросъ о пріемѣ женщинъ въ университеты и на какихъ условіяхъ"...

По предложенію депутата Риккерта, палата приступаетъ къ обсужденію рѣчи министра. Риккертъ говоритъ, что министръ зашелъ слишкомъ далеко, если заговорилъ объ испытаніи силъ женскаго движенія. Вопросъ этотъ лишенъ политическихъ мотивовъ: многіе консерваторы высказываются за открытіе женской гимназіи, многіе свободомыслящіе—противъ. Стремиться къ расширенію границъ образованія женщинъ еще не значитъ стремиться къ дарованію имъ права голоса. Министръ ошибается, если онъ думаетъ, что ему удалось потушить своимъ рѣшеніемъ вспыхнувшій огонекъ. Рѣчь статсъ-секретаря Посадовскаго въ рейхстагѣ звучала совершенно иначе. Онъ говоритъ, что желанія женщинъ будутъ удовлетворены,—нужно только подождать. „Я признаю заслуги министра—онъ уступилъ нѣкоторымъ справедливымъ требованіямъ женщинъ, послѣ того какъ ознакомился съ ихъ требованіями и стремленіями на опытѣ, среди своей семьи. Но почему, вообще, Пруссія не можетъ дать того, что̀ даетъ Баденъ? И мнѣ самому кажется планъ бреславльскаго магистрата неудачнымъ, но я написалъ бы въ отвѣтъ: „Ну, дѣти, это вовсе не такъ; подождите, мы должны разсмотрѣть и изучить этотъ вопросъ". И я прошу министра изучить этотъ вопросъ, потому что огонекъ еще не потушенъ. Потребность въ высшемъ образованіи существуетъ гораздо бо̀льшая, чѣмъ полагаетъ министръ. Даже страховыя общества требуютъ теперь

женщинъ-врачей; ихъ требуетъ имѣющееся въ Германіи чувство стыда. Не думайте покорить этотъ натискъ мелкими средствами; ему на смѣну явится наводненіе. Гимназія нужна хотя бы какъ опытъ для изученія вопроса".—Депутатъ Лимбургъ-Штирумъ заявляетъ отъ имени депутатовъ-консерваторовъ, что они вполнѣ согласны съ министромъ и одобряютъ его объясненіе. Физическое и духовное развитіе мальчиковъ и дѣвочекъ—діаметрально противоположны. Дѣвушки вовсе не стремятся къ высшему образованію—онѣ хотятъ лишь ворваться въ область государственной карьеры. Никто не сдаетъ экзаменовъ на аттестатъ зрѣлости ради удовольствія, но только потому, что подобный аттестатъ даетъ право государственной службы. Женщины въ нѣкоторомъ отношеніи такъ же одарены, какъ и мужчины, но для государственныхъ должностей, для политической карьеры, онѣ не годятся. Это было бы несчастьемъ, если бы дѣвочекъ толкали въ женскую гимназію, это было бы ихъ гибелью. Тѣ женщины, которыя способны изучить медицину, составляютъ исключеніе, и они должны быть допущены только тогда, если докажутъ свои способности. А равноправіе мужчинъ и женщинъ вообще недопустимо. „Я не одобряю и того, что министръ допускаетъ женщинъ къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости — лучше не допускать ихъ, но дать нѣкоторымъ право изучать медицину и поступать въ аптеки".—Депутатъ Веттекампъ: „Еще вопросъ, составляетъ ли именно учрежденіе гимназіи шагъ къ признанію равноправія женщинъ. Если равноправіе будетъ достигнуто, то и безъ женскихъ гимназій, но желательно, чтобы къ тому времени было возможно больше образованныхъ женщинъ. Улучшеніе женскаго образованія необходимо и ради расширенія области женскаго труда. Въ другихъ странахъ правительство идетъ на встрѣчу подобной потребности; у насъ же правительство ставитъ лишь затрудненія даже тѣмъ институтамъ, которые не стоютъ государству ни гроша. Министръ отрицаетъ потребности въ женской гимназіи. Разъ существуютъ частныя гимназіи—значитъ, есть потребность. Но частныя гимназіи слишкомъ дороги. Если женщина будетъ болѣе образована, семейная жизнь ея отъ этого не ухудшится. Если планъ бреславльскаго магистрата не годился, министръ долженъ былъ выработать другой, лучшій". Депутатъ д-ръ Диттрихъ: „Еслибы министръ утвердилъ планъ гимназіи, онъ сдѣлалъ бы уступку женскому движенію. Теперь женщины хлопочутъ объ имматрикуляціи на равныхъ основаніяхъ, а позже будутъ требовать имматрикуляціи съ равными правами. Министръ сдѣлалъ имъ уже слишкомъ

много уступокъ. Въ Америкѣ женщины успѣваютъ въ университетахъ такъ же много, какъ и мужчины, но тамъ требованія меньше, а срокъ ученія дольше, да тамъ и физическія упражненія болѣе распространены. А главное, половина штатовъ не признаетъ равноправія женщинъ. Мы признаемъ, что женщинамъ нужны новыя области труда, но не на счетъ мужчинъ, ибо изъ-за этого еще меньшее число мужчинъ станетъ вступать въ бракъ и еще большее число женщинъ останется необезпеченными. Призваніе женщины было и есть—бракъ. Мужъ имѣетъ достаточно чувствъ для удовлетворенія жены, а жена духовно не будетъ никогда равна мужу. Планъ магистрата никуда не годится въ педагогическомъ отношеніи, и если мы будемъ поддерживать женское движеніе, ближайшее поколѣніе поплатится за это". Депутатъ Штеккеръ: „Съ педагогической точки зрѣнія планъ никуда не годится. Число уроковъ неслыханно велико и могло бы погубить женскій организмъ. Пѣніе и рисованіе не включены въ программу, въ то время какъ женщинъ необходимо пріучать къ красотѣ формъ и чувства. Для мужчинъ—классическіе языки; для женщинъ—современные. Я стою за классическое образованіе мальчиковъ и нахожу современныя реформаторскія стремленія фальшивыми, но женское образованіе не должно никоимъ образомъ основываться на классицизмѣ. Мнѣ нравятся женскіе гимназическіе курсы, но и тамъ необходимо сократить границы классическаго образованія. Я прошу поэтому министра о томъ, чтобы, на экзаменахъ на аттестатъ зрѣлости, отъ дѣвушекъ требовали не такъ много, какъ отъ юношей. Надо рѣшить, наконецъ, вопросы о томъ, какія требованія можно предъявить къ женщинамъ, и какія области труда предоставить имъ? Потребность въ образованіи женщинъ большая, нежели полагаетъ министръ; многія дѣвушки не могутъ удовлетвориться курсомъ среднихъ школъ. И это повышеніе уровня образованія было бы въ интересахъ среднихъ школъ, такъ какъ въ низшихъ классахъ преподаютъ дѣвушки. Нельзя отрицать потребности въ женщинахъ-врачахъ, которыя могли бы осматривать учительницъ, женщинъ служащихъ, проститутокъ и др., дабы стыдливость нашихъ падшихъ сестеръ не пала еще ниже. Никто не хочетъ, чтобы женщины стали мужчинами, но онѣ должны имѣть возможность получать высшее образованіе для развитія своихъ способностей къ труду. Это крупный соціальный вопросъ, и онъ долженъ быть изученъ. Сорокъ процентовъ дѣвушекъ высшихъ классовъ не выходятъ замужъ, потому что женитьба для мужчинъ дорога и неудобна, и эти дѣ-

вушки должны имѣть возможность пропитывать себя. Если разъ навсегда будетъ установлено, какія области труда могутъ быть предоставлены женщинамъ,—прекратятся всѣ ихъ поиски болѣе широкихъ правъ, а предоставлены могутъ быть имъ только тѣ области, которыя подходятъ для нихъ. Я совѣтую женщинамъ не ставить слишкомъ большихъ требованій и отказаться, напр., отъ изученія теологіи. Софья Ковалевская была очень одарена, но она штудировала такъ много, что потеряла силы и погубила свое здоровье. Пусть ея примѣръ послужитъ предостереженіемъ нашимъ женщинамъ и дѣвушкамъ"...

Министръ Боссе произноситъ вторую рѣчь. Онъ соглашается съ депутатомъ Штеккеромъ во многомъ, но только,—говоритъ онъ, — „невозможно, чтобы женщины-врачи получали не такое же обширное образованіе, какъ и мужчины,—тогда онѣ не будутъ пользоваться довѣріемъ паціентовъ. Да и союзный совѣтъ на это не согласится. Дѣвушки требуютъ лишь одного: дайте намъ возможность учиться! Правительство идетъ имъ на встрѣчу, но не можетъ допустить, чтобы нѣкоторые курсы читались мужчинамъ и женщинамъ вмѣстѣ. Подобные эксцессы женской эмансипаціи, какъ послѣдній конгрессъ въ Берлинѣ, только лишь вредятъ дѣлу удовлетворенія справедливымъ требованіямъ женщинъ. Справедливыя требованія тогда лишь будутъ выполнены и пробьютъ себѣ дорогу, если будутъ отдѣлены отъ несправедливыхъ"... Министръ, въ заключеніе, обѣщаетъ расширить область труда женщинъ въ извѣстныхъ границахъ и надѣется на помощь депутатовъ. Депутатъ Глаттфельтеръ: „Пусть женщины ведутъ дома избирательную политику, но было бы жаль, если бы онѣ бросились въ избирательную кампанію. Женщины хотятъ быть чиновниками — это неслыханно! Германія, надѣюсь, будетъ навсегда избавлена отъ этого! Тѣ, которыя не вышли замужъ, могутъ работать въ области христіанскаго милосердія. Нельзя отказать женщинамъ въ краснорѣчіи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что онѣ годятся въ проповѣдники! Женщина, занимающаяся общественными дѣлами, напоминаетъ гіену... Депутатъ Штеккеръ настаиваетъ на томъ, что женщинамъ-врачамъ не нужно предварительное классическое образованіе. Кромѣ латинскихъ и греческихъ, встрѣчаются въ медицинѣ и арабскія слова, но никто не станетъ требовать отъ женщинъ, чтобы онѣ изучали арабскій языкъ"... Депутатъ Шенкендорфъ констатируетъ, что никто изъ депутатовъ не говорилъ противъ расширенія области женскаго труда, потому что каждый сознаетъ, чтò такое голодъ. Но дѣвушки не должны съ

ранняго дѣтства преслѣдовать упорно одну цѣль, что случилось бы именно при посѣщеніи ими женской гимназіи. Пусть онѣ раньше окончатъ обыденную среднюю школу, а потомъ, если у нихъ есть потребность, поступаютъ на гимназическіе курсы. Конкурренціи нечего бояться, такъ какъ 9/10 дѣвушекъ, будучи уже у цѣли, бросятъ свою карьеру и выйдутъ замужъ. Я соглашаюсь съ министромъ: надо дать возможность новому движенію спокойно развиваться"... Депутатъ Готгеймъ: „Говорятъ, что нѣтъ потребности въ высшемъ образованіи для женщинъ, что это доказывается и незначительнымъ числомъ студентокъ. Наоборотъ, охотницъ есть много, да учиться негдѣ: частные курсы дороги, а тѣ, которыя хотятъ учиться, чтобы потомъ пропитывать себя, не могутъ дорого платить. Если мужчины опасаются конкурренціи женщинъ, они этимъ самымъ выдаютъ себѣ „testimonium paupertatis"... Депутатъ Плессъ: „Въ моемъ избирательномъ округѣ женщины идутъ на фабрики, а мужчины варятъ дома обѣдъ—вотъ вамъ слѣдствія женскаго движенія. Женщина должна быть воспитана скромной и умѣренной въ требованіяхъ—при этомъ условіи мы будемъ имѣть прекрасныхъ женъ"... Послѣднимъ говоритъ депутатъ Веттекампъ, совѣтующій облегчить курсъ классической гимназіи не только для дѣвушекъ, но и для юношей, чтобы уничтожить монополію гимназіи, какъ преддверія одного медицинскаго факультета. Легко говорить, что женщины неспособны,—когда не даютъ имъ возможности проявить свои способности! Если депутатъ Плессъ совѣтуетъ всѣмъ дѣвушкамъ выйти замужъ, то пусть онъ дастъ каждой приданое. И то—на всѣхъ не хватитъ мужчинъ. Тѣ женщины, которыя останутся, имѣютъ право на расширеніе границъ ихъ труда...

На этомъ закончились дебаты въ прусскомъ ландтагѣ, замѣчательные въ томъ отношеніи, что въ нихъ ярко выразился духъ нѣмецкихъ „бюргеровъ" и „юнкеровъ", и взгляды тѣхъ и другихъ на высшее и среднее женское образованіе [1]). Заявленія министра произвели самое ошеломляющее впечатлѣніе на поборницъ женской эмансипаціи и на тѣхъ легковѣрныхъ, которые послѣ заявленій статсъ-секретаря Посадовскаго въ рейхстагѣ полагали, что теперь наступила для женскаго движенія въ Германіи новая эра, и что не трудно уже будетъ добиться не только учрежденія женскихъ гимназій, но и расширенія правъ

[1]) Характерно, что ни министръ, ни кто-либо изъ депутатовъ, поддерживавшихъ его „Verzögerungs-Politik", не вспомнили о словахъ, сказанныхъ императоромъ Вильгельмомъ, въ 1890 г., на созванной имъ школьной конференціи: „Я не разрѣшу открытія ни одной классической гимназіи, пока мнѣ не будетъ доказана ея необходимость".

женщинъ вообще. Вліяніе рѣчи министра выразилось еще въ томъ, что штеттинскій магистратъ отказался отъ мысли устройства городской женской гимназіи, бреславльскій магистратъ постановилъ, вмѣсто гимназіи, устроить лишь гимназическіе курсы, а союзъ „Frauenbildungs-Reform" постановилъ учреждаемую въ Ганноверѣ гимназію организовать по плану гимназическихъ курсовъ въ Берлинѣ и Лейпцигѣ. Либеральная печать встрѣтила какъ рѣшеніе министра, такъ и его заявленія въ ландтагѣ съ негодованіемъ, а консервативно-реакціонная печать—съ великимъ восторгомъ. Главный органъ консерваторовъ, намекая на избирательное воззваніе [1]) нѣмецкихъ женщинъ, выпущенное ими предъ состоявшимися въ прошломъ году выборами депутатовъ и написанное въ рѣзкой формѣ, говорилъ, что правительство не должно дѣлать уступокъ женщинамъ хотя бы уже потому, что главари женскаго движенія призываютъ своихъ единомышленницъ къ борьбѣ съ реакціей, т.-е. съ тѣмъ же правительствомъ. Умѣренные политиканы, которымъ женская эмансипація и женская агитація также не по душѣ, говорили, однако, что дебаты въ ландтагѣ должны произвести на всѣхъ такое впечатлѣніе, будто круппѣйшимъ врагомъ просвѣщенія является государство.

Заявленія министра нашли себѣ живой откликъ и въ состоявшемся два мѣсяца спустя очередномъ (26-мъ по счету) съѣздѣ врачей въ Висбаденѣ. Союзъ, устраивающій эти съѣзды, охватываетъ собою 279 ферейновъ съ 15.282 членами-врачами, но на этотъ разъ пріѣхали делегаты лишь отъ 171 ферейна. Обыкновенно, эти съѣзды не обращаютъ на себя вниманія широкихъ круговъ, такъ какъ говорится на этихъ съѣздахъ, большею частью, о платѣ за врачебный трудъ, о матеріальномъ положеніи врачей, о кассахъ и эмеритурѣ и т. п. Но послѣдній съѣздъ вызвалъ особый интересъ публики, такъ какъ на очередь поставленъ былъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ медицинской практикѣ, и поставленъ былъ по предложенію нѣкоторыхъ членовъ съѣзда. „Необходимо показать всѣмъ заинтересованнымъ кругамъ, что̀ думаютъ наиболѣе авторитетные представители врачебнаго сословія объ этомъ жгучемъ вопросѣ",—говорилъ въ

---

[1]) Въ этомъ воззваніи было, между прочимъ, сказано: „Наши вполнѣ обоснованныя и выполнимыя требованія таковы: 1) Введеніе института фабричныхъ инспектриссъ; 2) Усиленіе охраны женскаго труда; 3) Предоставленіе всѣхъ областей вольнаго труда и возможности получать наравнѣ съ мужчинами нужную подготовку и образованіе; 4) Выполненіе требованій женщинъ относительно гражданскаго уложенія; 5) Борьба съ безнравственностью; 6) Свобода собраній и ассоціацій, и 7) Дарованіе права выборовъ".

своей привѣтственной рѣчи предсѣдатель съѣзда, д-ръ Аубъ изъ Мюнхена. Д-ръ Киршнеръ, передававшій съѣзду привѣтствіе прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, говорилъ, что министерство не перестаетъ интересоваться вопросомъ о медицинскомъ образованіи женщинъ. Положеніе женщины стало иное. Не должно становиться на пути новому теченію, но слѣдить за нимъ необходимо съ особою осторожностью. Ораторъ увѣряетъ, что министерство съ интересомъ прослѣдитъ дебаты на этомъ съѣздѣ и обратитъ на нихъ должное вниманіе. Союзы нѣмецкихъ врачей съумѣли завоевать себѣ извѣстное вліяніе на законодательныя работы, и при разработкѣ статутовъ объ испытаніяхъ на званіе врача правительство будетъ имѣть въ виду постановленія съѣзда.

Референтомъ по вопросу о медицинскомъ образованіи женщинъ явился профессоръ Петцольдъ изъ Эрлангена. Онъ началъ съ того, что повторилъ слова статсъ-секретаря Посадовскаго, сказанныя имъ въ январѣ прошлаго года въ рейхстагѣ, и сталъ полемизировать противъ выводовъ всеміρно-извѣстнаго врача, съ которымъ бесѣдовалъ Посадовскій. На его взглядъ, выводы этой знаменитости слишкомъ ужъ оптимистическіе и идутъ прямо въ разрѣзъ съ опытомъ и наблюденіями швейцарскихъ профессоровъ. По мнѣнію проф. Петцольда, тысячу разъ правъ былъ д-ръ Боссе, сказавшій въ одномъ ландтагѣ, что Германіи нужны не „синіе чулки", не ученыя женщины, но помощницы мужьямъ и хорошія хозяйки. Докладчикъ разсматриваетъ два существенныхъ вопроса: каковы шансы женщинъ-врачей на пропитаніе себя медицинской практикой, и что̀ показалъ въ этомъ отношеніи опытъ тѣхъ странъ, которыя допустили женщинъ къ подобной практикѣ? На второй вопросъ профессоръ отвѣчаетъ такъ, что примѣръ другихъ странъ намъ-де не указъ, потому что тамъ другія соціальныя условія, иныя коллегіальныя отношенія. Американскія женщины вѣдь совсѣмъ иныя, нежели нѣмки. Въ Россіи уже потому большой спросъ на женщинъ-врачей, что тамъ, вообще, замѣчается большой недостатокъ во врачахъ. Этого условія нѣтъ въ Швейцаріи, а потому тамъ практикуютъ лишь два десятка женщинъ-врачей, наряду съ нѣсколькими тысячами мужчинъ, хотя женщины могутъ изучать медицину въ Швейцаріи вотъ уже тридцать лѣтъ. Наконецъ, въ Англіи женщины-врачи имѣютъ только потому успѣхъ, что онѣ ѣдутъ въ колоніи, лечить индусскихъ женщинъ, которыя ни за что̀ не соглашаются идти къ врачамъ-мужчинамъ.

Что касается Германіи, то профессоръ раньше всего напо-

минаетъ, что здѣсь обученіе женщинъ медицинѣ обставлено трудностями: гимназій женскихъ нѣтъ, подготовка къ экзаменамъ на аттестатъ зрѣлости стоитъ дорого. Самая подготовка эта для женщинъ не легка, что доказывается проваломъ на экзаменахъ 16% изъ числа дѣвушекъ, сдававшихъ въ Пруссіи подобные экзамены въ теченіе послѣднихъ 2—3 лѣтъ. Женщины, кромѣ того, не въ состояніи одолѣть духа медицинской науки, преодолѣть всѣ встрѣчающіяся препятствія; имъ недостаетъ необходимой для того энергіи. Это говорятъ и швейцарскіе профессора, въ общемъ относящіеся къ изученію женщинами медицины благосклонно. Докладчикъ собралъ мнѣнія многихъ компетентныхъ лицъ, и одно изъ нихъ писало ему лаконически: „Die Frau memorirt, der Mann studirt". Дѣйствительно,—продолжалъ онъ,—самыя прилежныя студентки дѣлаютъ лишь средніе успѣхи, такъ какъ женщины, обыкновенно, хорошо все усвоиваютъ, но сами для науки не въ состояніи сдѣлать ничего. Если бы женщинамъ пришлось работать гдѣ нибудь въ деревнѣ, онѣ скоро изнурились бы, а для хирургическихъ или гинекологическихъ операцій имъ, вообще, недостаетъ физической силы. Говорятъ, что допущеніе женщинъ къ медицинской практикѣ принесетъ пользу больнымъ, вообще, и въ частности больнымъ женщинамъ и дѣтямъ. На это можно возразить, что, во-первыхъ, въ Германіи нѣтъ недостатка во врачахъ, а женщины никогда не смогутъ превзойти своихъ коллегъ-мужчинъ, и, во-вторыхъ, дѣтей очень успѣшно лечатъ мужчины, а благоразумныя женщины идутъ за совѣтомъ къ врачу, не стѣсняясь. Говорятъ, что будто изъ-за стыдливости женщины запускаютъ свои болѣзни, но это розсказни, и если это такъ, то необходимо бороться съ этимъ предразсудкомъ, имя которому —небрежность. Докладчику приходилось слышать и такое мнѣніе: все это дѣло скоро потеряетъ прелесть новизны, и женщины перестанутъ стремиться къ изученію медицины. Съ тѣми, кто такъ думаетъ, проф. Петцольдъ не согласенъ. Движеніе приняло слишкомъ крупные размѣры, чтобы оно могло вскорѣ прекратиться. Да и нельзя отрицать, что есть серьезныя причины, заставляющія женщину искать самостоятельнаго заработка. Пусть женщины изучаютъ зубоврачебное искусство и фармацею, пусть онѣ поступаютъ въ фельдшерскія школы, пусть идутъ въ акушерскія школы и повысятъ общій уровень нѣмецкихъ повивальныхъ бабокъ,—но почему онѣ всѣ хотятъ быть врачами? Въ обществѣ циркулируютъ слишкомъ преувеличенные слухи о доходности врачебной практики. Наоборотъ, врачебная практика перестала приносить доходъ, и многіе профессора отсовѣтываютъ

женщинамъ избраніе подобной карьеры. Съ другой стороны, изученіе медицины, этой столь обширной науки, губительно вліяетъ на женскій организмъ. Лишь немногія располагаютъ тѣми силами и способностями, какія необходимы. Наконецъ, если допущены будутъ женщины къ изученію медицины, то пострадаютъ какъ университеты, по причинѣ упадка университетскихъ лекцій изъ-за присутствія въ аудиторіяхъ женщинъ, такъ и все сословіе врачей, такъ какъ уровень университетскаго преподаванія понизится. Явится лишь столь нежелательное перепроизводство врачей, да и, вообще, отъ медицинскаго образованія женщинъ рѣшительно никто не выиграетъ. Докладчикъ не имѣлъ бы ничего противъ того, чтобы во врачебную среду была принята та или другая интеллигентная женщина, но вслѣдъ за одной, или двумя, на медицину устремятся тысячи женщинъ, въ то время какъ Германіи нужны не ученыя или полуученыя женщины, а только лишь духовно-и физически здоровыя помощницы своихъ мужей и воспитательницы ихъ дѣтей.

Въ заключеніе профессоръ Петцольдъ выставилъ слѣдующіе тезисы: „Покуда доступъ къ врачебной практикѣ будетъ женщинамъ только разрѣшенъ, при условіи выполненія ими одинаковыхъ съ мужчинами требованій, но не облегченъ (напримѣръ, путемъ устройства государственныхъ женскихъ гимназій), опасаться особаго наплыва женщинъ нечего, точно такъ же и какойлибо замѣтной пользы или вреда. Но если, на основаніи дальнѣйшихъ уступокъ женщинамъ и благодаря наступленію непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, число женщинъ-врачей значительно увеличится, то, 1) большой отъ этого пользы для больныхъ не будетъ; 2) будетъ больше вреда, нежели пользы, для самихъ женщинъ; 3) не будетъ, по меньшей мѣрѣ, никакой пользы ни для университетовъ, ни для науки; 4) понизится репутація врачебнаго сословія; 5) общественное благо ровно ничего не выиграетъ. Поэтому является нецѣлесообразнымъ то, что женщины начинаютъ изученіе свободныхъ профессій какъ разъ съ медицины. Наконецъ, съ спеціальной точки зрѣнія интересовъ врачебнаго сословія необходимо требовать, чтобы женщины были, одновременно съ допущеніемъ къ изученію медицины, допущены и къ избранію любой изъ другихъ свободныхъ профессій“.

Дебаты по поводу этихъ тезисовъ были и непродолжительны, и мало интересны. Д-ръ Ландесбергеръ требовалъ, чтобы крупнѣйшіе авторитеты [1]) предостерегли своевременно женщинъ отъ

[1]) Подъ авторитетами подразумѣвался, пожалуй, императоръ Вильгельмъ, ото-

изученія ими медицины, а докторъ Бехеръ,—чтобы женщинамъ, какъ и мужчинамъ, была предоставлена свободная дорога: пусть каждый проявляетъ имѣющіяся у него способности! Полемизируя противъ тезисовъ проф. Петцольда, докторъ Бехеръ ссылался на Америку, гдѣ тысячи женщинъ пользуются, какъ врачи, почетомъ и уваженіемъ, и доказывалъ, что женщинъ толкаетъ на это поприще не только жажда знаній, но и нужда. Онъ же выразилъ надежду, что если женщинамъ предоставить свободу,— онѣ сами вскорѣ выкажутъ свою непригодность къ занятію медицинской практикой. Наконецъ, докторъ Геліусъ предложилъ женщинамъ оставить въ сторонѣ научныя занятія, но выходить замужъ и быть хорошими матерями. Тезисы референта въ концѣ концовъ были приняты громаднымъ большинствомъ голосовъ.

Ясно, что нѣмецкіе врачи взглянули на крупный, жгучій и въ высшей степени сложный вопросъ и порѣшили его—лишь исключительно съ точки зрѣнія своихъ интересовъ, съ точки зрѣнія нежелательной конкурренціи. Нельзя же иначе объяснить самаго послѣдняго изъ выставленныхъ проф. Петцольдомъ и вмѣстѣ принятыхъ требованій, а именно, чтобы „женщины, одновременно съ допущеніемъ къ изученію медицины, были допущены и къ избранію любой изъ другихъ свободныхъ профессій“. Скрытый смыслъ этихъ словъ такой: откройте женщинамъ всѣ области вольнаго труда,— пусть онѣ будутъ адвокатами, инженерами, судьями и т. п., дабы мы, врачи, имѣли возможно меньше конкуррентокъ! А какое малое нѣмецкіе врачи—или, скажемъ лучше, большинство ихъ— имѣютъ представленіе о духѣ и требованіяхъ переживаемой ими эпохи, какъ они постоянно проникнуты мыслью о конкурренціи женщинъ,—все это показываетъ недавняя тревога ихъ по поводу постановленія министра: пригласить на службу полиціи для осмотра проститутокъ женщину-врача, а также и по поводу рѣшенія нѣкоторыхъ больничныхъ кассъ пригласить для осмотра своихъ членовъ женскаго пола женщинъ-врачей. И хотя докторъ Киршнеръ говорилъ на ихъ съѣздѣ, что врачебные союзы въ Германіи завоевали себѣ большое вліяніе на ходъ законодательныхъ работъ,— приведенныя выше заявленія статсъ-секретаря Посадовскаго оправдались раньше, чѣмъ этого ожидали. Въ началѣ текущаго года имперскій канцлеръ, князь Гогенлоэ, представилъ союзному совѣту законопроектъ о допущеніи женщинъ къ изученію меди-

звавшійся незадолго до того о соціаль-демократахъ, включившихъ въ свою программу борьбу за равноправіе женщинъ, что они—„чума, которая не только заражаетъ нашъ народъ, но желаетъ потрясти основы семейной жизни, раньше всего - *наиболѣе священное изъ того, что мы, нѣмцы, имѣемъ—положеніе женщины*“...

цины, зубоврачебнаго искусства и фармацеи. Какъ на обоснованіе законопроекта, канцлеръ указалъ, что движеніе въ Германіи въ пользу подобнаго допущенія все ростетъ и расширяется, и что оно, внѣ сомнѣнія, основано на фактическихъ положеніяхъ и дѣйствительной потребности. Подобное обоснованіе законопроекта, положившаго нынѣ санкцію союзнаго совѣта и вошедшаго въ силу, лучше всего показываетъ, какъ далеко можетъ повести въ Германіи частная инициатива, и какіе размѣры можетъ принять въ этой странѣ разумная, опирающаяся на фактическія данныя и энергично поведенная агитація отдѣльныхъ лицъ, ферейновъ и союзовъ. Елена Ланге сказала однажды съ правомъ: „за бо̀льшую часть всего того, что̀ въ Германіи сдѣлано для блага женщинъ, мы должны быть благодарны женской инициативѣ". Большая доля заслуги въ дѣлѣ разрѣшенія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи принадлежитъ и германскимъ, болѣе или менѣе автономнымъ университетамъ. Нѣмецкіе профессора и руководители университетовъ ясно видѣли нежеланіе правительствъ вводить реформы и проявить инициативу въ дѣлѣ женскаго образованія,—и было бы странно, если бы носители культуры, выдающіеся ученые и мыслители совершенно забыли объ автономности тѣхъ университетовъ, въ которыхъ они читаютъ лекціи, не обратили бы никакого вниманія на новое движеніе въ странѣ, на горячее стремленіе женщинъ проникнуть въ университетскія аудиторіи, лабораторіи и клиники. Они почти всѣ откликнулись,—кто раньше, кто позже, одни въ большей, другіе въ меньшей степени,—и мы знаемъ, что въ теченіе какихъ-нибудь пяти послѣднихъ лѣтъ *всѣ* германскіе университеты сдѣлали значительный шагъ впередъ, допустивъ, на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, женщинъ въ свои аудиторіи и клиники, давъ имъ возможность учиться, даровавъ имъ право полученія докторской степени.

М. Сукенниковъ.

ИЗЪ ГРУСТНЫХЪ ПѢСЕНЪ

I.

Вступая въ жизнь, мы понемногу
Вступаемъ въ мрачный боръ...
Чтобъ прочищать себѣ дорогу—
Въ рукахъ у насъ топоръ...
Топоръ тотъ молодость ковала
Изъ сказокъ юныхъ лѣтъ,—
Ей и тогда ихъ было мало—
Теперь совсѣмъ ихъ нѣтъ...
За топорищемъ стало дѣло:
Надежду мы нашли;
Топоръ готовъ. И съ нимъ мы смѣло
Въ дремучій лѣсъ вошли.
Мертвящимъ мракомъ охватило
Насъ сразу; вѣчно ночь
Въ бору глубокая царила...
— Съ тьмой биться мы не прочь!..
И мы спѣшимъ скорѣй огниво
Ударить о кремень
И зажигаемъ торопливо
Фонарь... Пусть будетъ день!..
Зажгли мы разумъ. Чтò за диво—
Не разогналъ онъ тьмы;
Онъ въ ней тускнѣлъ, мерцалъ тоскливо;
Стояли въ страхѣ мы...
Но, поборовъ свое смущенье,
Мы бросились впередъ:

Манилъ къ себѣ, какъ навожденье,
Вѣтвей нависшихъ сводъ...
Стволы могучіе, какъ братья,
Тамъ крѣпко обнялись,
Побѣги цѣпкіе въ объятья
Другъ съ другомъ заплелись.
Цвѣло тамъ зло подъ тѣнью лести;
Такъ пышно разрослись
Обманъ и мерзость; съ ними вмѣстѣ
Тянулась низость въ высь...
И, мыслью движимо одною—
Не дать намъ лѣсъ пройти,—
Все это дьявольской стѣною
Стояло на пути.
Но мы, надежды не теряя,
Пустили въ ходъ топоръ—
И рубимъ часъ, другой, не зная,
Когда жъ пройдемъ мы боръ?!
Чѣмъ больше рубимъ мы, тѣмъ гуще
Становится нашъ лѣсъ;
Онъ, словно сказочныя пущи,
Весь сотканъ изъ чудесъ...
Фонарь намъ еле-еле свѣтитъ,
Сломался ужъ топоръ.
—Гдѣ мы?—никто намъ не отвѣтитъ;
Вокругъ—дремучій боръ.
Куда идти?.. Мы заблудились,
Мы ощупью бредемъ...
Спасите насъ! Съ пути мы сбились—
И только смерти ждемъ.

Гр. Я. Поповъ.

ЗАПИСКИ

ИЗЪ

ЭПОХИ ГОЛОДА ВЪ 1891—92 ГОДАХЪ.

„Силенъ смиреньемъ, богатъ нищетой".
Русская пословица.

Давно уже я собирался привести въ порядокъ и собрать въ одно цѣлое находившіеся у меня, и на бумагѣ, и въ памяти, матеріалы изъ эпохи голода 1891—92 годовъ, который мнѣ пришлось близко наблюдать въ самомъ чуть ли не худшемъ его проявленіи, но до сихъ поръ не удавалось сдѣлать этого по разнымъ причинамъ. Одною изъ главныхъ такихъ причинъ являлось то, что слишкомъ еще свѣжо было въ памяти все недавно пережитое, и не хотѣлось, или, скорѣе, невозможно было опять начать переживать тяжелое время въ воспоминаніяхъ. Нервъ и силъ бы не хватило. Теперь сдѣлать это будетъ легче,—къ тому же и кстати, такъ какъ мы переживаемъ голодъ, мѣстами неуступающій собою прежнему. Опять пришлось открывать столовыя для нуждающихся въ той же мѣстности, гдѣ онѣ у насъ были тогда; опять мнѣ пришлось видѣть тамъ тѣ же слезы, жалобы и болѣзни. Прошло восемь лѣтъ съ голоднаго года, а положеніе народа той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, сказать по правдѣ, не измѣнилось къ лучшему...

Такъ какъ я буду имѣть въ виду одно только видѣнное, испытанное и пережитое мною, то и надѣюсь, что воспоминанія эти будутъ не излишни. Тѣ, кто интересуется жизнью нашего народа, не можетъ не интересоваться и переживаемыми имъ бѣдствіями. Къ несчастію, голодные года у насъ не рѣдкость; къ несчастію, еще,

быть можетъ, не одинъ такой годъ придется намъ пережить, и эти мои записки, въ которыхъ я разскажу также о дѣятельности частныхъ лицъ во время голода, могутъ послужить справочной книгой тѣмъ, кому придется и въ будущемъ заниматься такою помощью народу. А такая помощь, мнѣ кажется, долго еще будетъ для насъ необходима и послужитъ однимъ изъ главныхъ залоговъ того, что когда-нибудь прекратятся такія наши народныя бѣдствія. Общественное вниманіе, сочувствіе и служеніе народу имѣетъ не одно только матеріальное значеніе. Оно поднимаетъ духъ народа, показываетъ ему, что не вовсе его забросили и забыли. Съ другой стороны, оно связываетъ насъ самихъ съ русской почвой, открываетъ намъ глаза на дѣйствительность, поучаетъ насъ. Ничто въ жизни не научило меня столькому, какъ годъ среди голодающихъ. Съ тѣхъ поръ на всю жизнь я уже не могу забыть о нихъ. Я знаю, что такое эти „голодающіе“, знаю и чувствую—хорошо. Находятся люди, думающіе и говорящіе, что частная помощь развращаетъ народъ, что она излишня. Но я лучше не буду возражать такимъ людямъ. Въ этихъ запискахъ, впрочемъ, найдутся имъ краснорѣчивыя возраженія.

Хотя то, что нужда и голодъ продолжаются и теперь во многихъ губерніяхъ, и въ той же самарской, со всѣми своими спутниками, — тифами, цынгой, увеличенной смертностью и разореніемъ,—но все это только еще ярче указываетъ на то, до какой степени нужна всякая помощь народу, и можетъ ли она развратить его.

Когда и какъ все это кончится? Когда у насъ перестанутъ бѣдствовать и голодать? Трудно отвѣтить на всѣ эти вопросы. Каждый старается отвѣчать на нихъ по-своему. Пусть эти записки и высказанныя въ нихъ мысли хоть отчасти помогутъ уясненію этихъ вопросовъ. Мѣстами разсказъ мой, быть можетъ, будетъ однообразенъ, какъ всегда однообразна голая правда, хотя читатель, конечно, и не ожидаетъ отъ него веселья. Я не могъ не остановиться подробнѣе на нѣкоторыхъ пунктахъ для болѣе полной характеристики описываемаго мною края, такъ какъ она остается справедливою и для его настоящаго положенія. О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ мною изъ поѣздки нынѣшняго 1899 года въ самарскую губернію, я писалъ въ одной изъ статей, напечатанныхъ въ „С.-Пет. Вѣд.“, и потому не буду здѣсь повторять ихъ.

I.

Лѣтомъ 1891 года, въ іюлѣ, мнѣ пришлось провести нѣсколько недѣль въ самарской губерніи, въ мѣстности, находящейся какъ разъ на границѣ двухъ уѣздовъ—бузулукскаго и николаевскаго. Я заѣхалъ сюда послѣ путешествія по Волгѣ, отчасти чтобы повидать степи, которыхъ не видалъ съ дѣтства, отчасти чтобы встрѣтиться съ однимъ нашимъ знакомымъ Б., жившимъ здѣсь и арендовавшимъ въ николаевскомъ уѣздѣ казенный участокъ земли. Противъ участка Б., но уже въ бузулукскомъ уѣздѣ, находилось имѣніе моего отца и хуторъ, въ которомъ жилъ управляющій. Я остановился на нашемъ хуторѣ. Здѣсь-то я и познакомился въ первый разъ съ положеніемъ и нуждой самарской губерніи.

Уже тогда, въ іюлѣ, было ясно, что надвигалась неминуемая гроза. Все лѣто стояла нестерпимая и невиданная до того засуха. Съ самой весны солнце безжалостно палило, сжигая подъ собой послѣдніе остатки растительности. Земля накалилась и растрескалась, какъ громадная печь, и за день нагрѣвалась такъ, что по ночамъ не остывала. Мѣстами на южныхъ склонахъ появились такія трещины въ землѣ, что въ нихъ свободно проходила нога. Хлѣбъ почти весь пропалъ. Травы были такъ плохи, что мѣстами ихъ совсѣмъ не косили. Пришла рабочая или „страдная пора“, а работъ нигдѣ не было и не предвидѣлось. Мужики собрали, кто 20—30 пудовъ съ своихъ посѣвовъ, нѣкоторые больше, а большинство—и менѣе. Пшеница у многихъ не вернула и сѣмянъ. На десятинѣ—ея убирали пуда 3—4, а высшее, что дала десятина ржи, было 15—20 пудовъ. Яровые хлѣба въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ пропали, не взошли и, проѣзжая степью, только по кое-гдѣ торчавшимъ изъ земли тощимъ, низкимъ кисточкамъ, можно было догадаться, что здѣсь было посѣяно просо.

Сравнительно порядочно получили со своихъ посѣвовъ только тѣ изъ крестьянъ, кто сѣялъ на „крѣпкихъ земляхъ“. Но такихъ было очень немного. Во-первыхъ, крѣпкихъ, т.-е. отдохнувшихъ, нераспаханныхъ земель давно уже нѣтъ въ крестьянскихъ обществахъ; во-вторыхъ, чтобы арендовать подобныя у крупныхъ землевладѣльцевъ, нужны деньги, которыхъ также у крестьянъ не было. Поэтому, уже въ іюлѣ 1891 года было совершенно ясно, что большая половина крестьянскаго населенія самарской губерніи, или, по крайней мѣрѣ, той части ея, которую мнѣ пришлось видѣть, собрала съ новаго урожая самое ничтожное ко-

личество хлѣба, или, скорѣе, не собрала ничего. Съ ранней осени началась страшная нужда, а потомъ и голодъ. Но тутъ нужно сказать, хотя кратко, о времени, предшествовавшемъ голодному 91-му году, чтобы яснѣе представить себѣ общую картину населенія описываемой мѣстности.

Начну со времени перваго заселенія края. Поселенцы, явившіеся въ самарскую губернію, нашли здѣсь нетронутую, дѣвственную, богатѣйшую почву. При самой ничтожной затратѣ труда, степи давали имъ сначала баснословные урожаи. Двѣсти пудовъ съ десятины лучшей пшеницы-бѣлотурки было обычнымъ явленіемъ. Новые поселенцы живо разбогатѣли. Они понастроили себѣ просторныхъ бревенчатыхъ избъ, крытыхъ тесомъ, завели хорошихъ лошадей, быковъ, и жили припѣваючи. Достаточно было проѣхать бороной по полю, и оно давало громадный урожай. Цѣна пшеницы доходила до 20 к. за пудъ [1]).

Но вотъ проходитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ—и картина замѣтно измѣняется. Населеніе увеличивается больше чѣмъ вдвое, земля выпахивается, травы становятся хуже, крестьяне бѣднѣютъ. Въ селахъ вмѣсто деревянныхъ трубъ, — преобладающей постройки,—является мазанка съ земляной крышей, неурожаи повторяются все чаще и чаще, начинается нужда. Между тѣмъ, крестьяне все такъ же продолжаютъ относиться къ землѣ, все такъ же сѣютъ пшеницу подъ борону, все такъ же надѣются на то, что, „можетъ быть, ныньче уродитъ Господь". Но ни ныньче, ни завтра, Господь больше не даетъ урожая, и все хуже становится крестьянское житье. Навозъ изъ-подъ скотины продолжаетъ сжигаться изъ года въ годъ; народъ продолжаетъ оставаться безъ должной помощи, безъ энергичныхъ руководителей. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ передъ 91-мъ годомъ стоитъ засуха, что еще больше вліяетъ на плохіе урожаи, и тѣмъ подрываетъ окончательно крестьянское хозяйство. И вотъ, наступаетъ засуха 91-го года.

Когда я ѣхалъ по степи, я еще не зналъ ничего о положеніи народа тѣхъ мѣстъ. Я не думалъ о немъ и не интересовался имъ. Но, разъ пріѣхавъ въ самарскую губернію, нельзя было не принять близко къ сердцу тамошняго положенія дѣлъ. Народъ въ одинъ голосъ уже вопилъ о своемъ горѣ. Только и разговоровъ было, что о приближавшемся голодѣ.

Говорили о томъ, что надо бѣжать изъ самарской губерніи, переселяться на новыя мѣста, идти къ „китайцу"; говорили,—не

---

[1]) Къ тому же времени относится возникновеніе въ этой мѣстности секты молоканъ.

въ народѣ, а въ извѣстной части интеллигенціи,—что будутъ безпорядки, бунты; говорили о томъ, что Россія обращается и обратится въ Сахару; говорили еще многое, чтò кому въ голову приходило.

Положеніе народа было дѣйствительно ужасно. Страшно было подумать и представить себѣ, что впереди еще цѣлый длинный годъ и всѣ эти сотни тысячъ народа уже теперь безъ хлѣба. А жара все пекла, и солнце, какъ вчера, такъ и сегодня, проходило по безоблачному сѣрому и туманному отъ раскаленнаго воздуха, но чистому, безъ одного облачка, небу. Скотину держали по домамъ, люди забивались въ тѣнь, куда могли, и никуда почти не выходили, потому что и незачѣмъ было. Въ поляхъ было голо, какъ въ пустынѣ.

Помню, разъ я выѣхалъ утромъ верхомъ въ степь. Я заѣхалъ довольно далеко, такъ что пришлось возвращаться въ самый полдень. Никогда не забуду я этого полдня. Я ѣхалъ шагомъ, и, тѣмъ не менѣе, сильная киргизская лошадь моя была вся въ мылѣ и мокрая.

Въ степи было безлюдно. Жуткая ширь голыхъ полей дрожала вокругъ меня въ раскаленномъ, переливавшемся, какъ сахарная вода, воздухѣ. Мнѣ страшно захотѣлось пить. Дорого бы я далъ за глотокъ воды.

Я замѣтилъ невдалекѣ бѣлѣвшій шатеръ жнецовъ и подъѣхалъ къ нему. Какой-то человѣкъ лежалъ въ немъ ничкомъ и видны были только его ноги. Я окликнулъ его. Онъ зашевелился и, привставъ, выглянулъ на меня. Я попросилъ у него напиться.

— Вода-то больно нехороша,—сказалъ онъ:—мутная.

— Хоть какой-нибудь,—сказалъ я,—тутъ некогда разбирать.

Мужикъ досталъ изъ дальняго угла шатра глиняный горшокъ съ водой и вынесъ мнѣ. Вода дѣйствительно была отвратительная. Но лучшей нигдѣ по близости не было, и надо было пить ее, не сомнѣваясь. Большинство колодцевъ, рѣчекъ и прудовъ высохло за лѣто до послѣдней капли.

— Вотъ спасибо,—сказалъ я, жадно напившись и подавая обратно мужику горшокъ:—легче стало. А ты чтò же лежишь здѣсь? Отдыхаешь?

— Отдыхать-то не отъ чего,—сказалъ мужикъ:—чтò работать? Нѣтъ ничего. Вотъ, смотри...

И онъ показалъ мнѣ рукой на ближнее поле.

— Вотъ крѣпкая, самая настоящая земля, — продолжалъ онъ,—и то пудовъ восемь пшеницы, и того со всей не собрали.

Не знаю ужъ, и что̀ дѣлать станемъ. Бѣды! Конецъ пришелъ народу.

И онъ началъ говорить все то же самое, что̀ всѣ говорили, т.-е., что приходитъ народу конецъ. Что коли не будутъ кормить его отъ „комитета", то всѣ умрутъ голодной смертью.

— Надолго ли своего хлѣба хватитъ?—спросилъ я его.

— На двѣ недѣли, пожалуй, хватитъ, а больше нѣтъ,—съ улыбкой ироніи надъ своей судьбой отвѣтилъ онъ.

— А рожь ты сѣялъ?—еще спросилъ я.

— Нѣтъ, пшеницу.

— Почему же не рожь? Она легче и лучше вѣдь родится даже въ засуху.

— Лучше-то, лучше,—да все думаешь, Господь уродитъ, пшеница-те не рожь, дороже стоитъ; за зёмли развѣ дешево платимъ?

И онъ лѣниво пошелъ назадъ въ свой шатёръ.

— Что̀ же дѣлать станешь?—еще сказалъ онъ оттуда, устанавливая драгоцѣнный горшокъ съ водой:—не родится хлѣбъ, да и все тутъ. Конецъ народу приходитъ,—повторилъ онъ убѣжденнымъ голосомъ, въ которомъ слышались безнадежная тоска, и безпомощность, и отчаяніе.

Я тронулъ лошадь и шагомъ поѣхалъ домой. Рысью невозможно было ѣхать: лошадь не шла быстрѣе.

II.

Осенью того же 1891 года, когда я пріѣхалъ изъ деревни въ Москву, въ университетъ, вездѣ уже, и въ обществѣ, и въ печати, шли толки о наступившемъ и угрожавшемъ еще худшими бѣдами голодѣ. Но надо сказать, что толки эти были еще нерѣшительные, имъ мало вѣрили, и вообще обществомъ еще очень смутно понималось истинное положеніе народа и размѣры бѣдствія. Были люди и о̀рганы печати, которые говорили, что вовсе голода нѣтъ, и что выдумали его неблагонадежные и безпокойные нарушители общественнаго порядка.

Но правду и со дна моря выноситъ, и вотъ понемногу все точнѣе и подробнѣе стали проникать въ общество свѣдѣнія изъ голодныхъ мѣстъ. Привозили и распространяли ихъ очевидцы, пріѣзжавшіе изъ неурожайныхъ губерній; печатались они и въ газетахъ. Слухи о томъ, что земства уже помогаютъ народу, но что помощь ихъ далеко не достаточна, что крестьяне ѣдятъ хлѣбъ съ разными примѣсями, въ родѣ глины, отрубей, желудей и т. д.,

что уже, мѣстами, съ самой осени появились эпидеміи,—ходили всюду, проникая и въ высшія сферы.

Въ университетѣ у насъ также много говорили о голодѣ. Были одиночные студенты, которые уже начали сборы въ пользу голодающихъ, пуская въ ходъ среди товарищей такъ-называемыя „лавины". Эти лавины были воззванія съ просьбой пожертвовать извѣстную сумму и передать воззваніе еще двумъ знакомымъ, которые бы, въ свою очередь, еще пожертвовали, и каждый передалъ бы это воззваніе еще двумъ своимъ знакомымъ. И такъ безъ конца. Но, насколько мнѣ извѣстно, изъ этихъ лавинъ ничего, кромѣ грѣха и путаницы, не выходило. Лавина гдѣ-нибудь завязала и уже не возвращалась больше къ пустившему ее. Были студенты, которые, пріѣхавъ изъ голодныхъ губерній, много разсказывали о положеніи народа; но, въ общемъ, интересы голода совершенно заслонялись въ университетѣ другими интересами, и студенты, какъ будто, мало, или, во всякомъ случаѣ, недостаточно принимали къ сердцу народную бѣду. Такое впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, получилъ я.

Въ октябрѣ картина голода стала для всѣхъ еще яснѣе. Многія частныя лица уже отправились въ неурожайныя мѣста помогать голоднымъ, въ газетахъ появились воззванія изъ разныхъ губерній, и уже откровенно разсказывались въ нихъ ужасы бѣдствія и обсуждались вопросы и мѣры борьбы съ нимъ. Правда, какъ я сказалъ, взяла свое. Въ это же время и я получилъ письмо изъ николаевскаго уѣзда, отъ моего знакомаго Б., который подробно описывалъ мнѣ, что̀ дѣлалось вокругъ него въ двухъ сосѣднихъ уѣздахъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя я посѣтилъ лѣтомъ. Вотъ что̀ онъ писалъ мнѣ между прочимъ:

„Я отвѣчаю вамъ на вашъ вопросъ, что̀ у насъ дѣлается. Вы сами видѣли урожай нынѣшняго года. То, что̀ мы предполагали, наступило. Ни у кого нѣтъ хлѣба уже давно. Земство помогаетъ недостаточно. Народъ распродаетъ скотъ, имущество, сбрую, платье, и ходитъ, другъ у друга прося милостыни. Начинаются болѣзни, воровство и всѣ послѣдствія голоданія. Чувствую полное безсиліе помочь имъ. Пріѣзжайте къ намъ. Можетъ быть, удастся вамъ хоть что-нибудь сдѣлать. Чѣмъ все это кончится,— трудно предвидѣть"...

Это письмо взволновало меня. Свѣдѣнія изъ знакомыхъ мѣстъ, отъ знакомаго человѣка, описывающаго кратко и внушительно положеніе дѣлъ, освѣтили мнѣ голодъ еще ярче. До этого письма я не думалъ ѣхать самъ въ самарскую губернію. Оставить университетъ, науку, всю мою московскую новую жизнь студента,

казалось слишкомъ крупнымъ шагомъ. Самое большее, чтò я думалъ сдѣлать сначала, это собрать денегъ и послать ихъ голодающимъ. Но письмо отъ Б. подняло меня самого. Мало собрать имъ денегъ, нужно самому поѣхать къ нимъ, самому жить среди нихъ,—тогда можно помочь, какъ слѣдуетъ. Эта мысль не давала мнѣ покоя, и вотъ мой отъѣздъ въ самарскую губернію рѣшился самъ собой. Я чувствовалъ, что тамъ я въ сто разъ нужнѣе, чѣмъ здѣсь, въ университетскихъ аудиторіяхъ, въ тысячу разъ больше сдѣлаю,—и я уже не колебался больше. Я собралъ денегъ, сколько могъ, и оставилъ Москву. Я не зналъ, чтò выйдетъ изъ моей поѣздки. Зналъ, что на собранные двѣсти рублей я мало чтò могъ сдѣлать. Но у меня было горячее, искреннее желаніе помочь голодающимъ, и я вѣрилъ, что все остальное „приложится“.

До Самары было около двухъ сутокъ по желѣзной дорогѣ. Путь лежалъ чрезъ всю полосу пораженныхъ неурожаемъ губерній: тульская, рязанская, тамбовская, пензенская, саратовская и самарская губерніи,—всѣ, какъ извѣстно, голодали. Я ѣхалъ въ третьемъ классѣ. Поѣздъ нашъ шелъ очень медленно, постоянно задерживаясь на станціяхъ, вслѣдствіе загроможденія путей товарными поѣздами съ продовольственнымъ хлѣбомъ. Разговоры въ вагонахъ шли все о томъ же голодѣ, о хлѣбѣ, о народномъ бѣдствіи въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Помню, послѣ Ряжска вошелъ къ намъ въ вагонъ купецъ. Онъ разсказалъ слѣдующій случай. Былъ онъ на базарѣ, торговалъ хлѣбъ. Вдругъ подходитъ къ нему мужикъ, молодой, выдергиваетъ у него изъ руки кошелекъ съ деньгами и бѣжитъ. Отбѣжавъ шаговъ пять, онъ самъ остановился. Его поймали сейчасъ же.

— Зачѣмъ ты это воруешь? Чтò ты, съ ума сошелъ, днемъ воровать, да еще не хорониться?—спрашиваютъ его.

— Посадите,—говоритъ мужикъ,—Христа ради, въ острогъ; все-таки тамъ поить, кормить будутъ, да крыша будетъ надъ головой—дома нѣтъ ничего.

И заплакалъ сердечный.

Купецъ ударилъ его раза два по шеѣ и отпустилъ съ миромъ.

— Зачѣмъ же вы его побили?—спросилъ я у купца:—вѣдь его жалко.

— Такихъ, сударь мой, жалѣть, такъ чтò жъ будетъ?—отвѣчалъ съ негодованіемъ купецъ:—разбой будетъ. Развѣ можно?

Помню еще мужика съ мѣшкомъ за спиной. Онъ сѣлъ къ намъ на одной изъ станцій, уже въ тамбовской губерніи.

— Вотъ и домой ѣду опять,—началъ онъ сейчасъ же разсказывать, обращаясь ко всѣмъ своимъ сосѣдямъ заразъ.—Что жъ? Нѣтъ нигдѣ работы. Говорили, въ тульской губерніи есть. Задаромъ проѣздилъ. Тутъ сказали: у графа есть—опять нѣтъ ничего. Эхъ, Господи! Мытаришься, мытаришься по свѣту... Были деньжонки, теперь послѣднія проѣздилъ. То надо билетъ, а то угостить надо кого, кто, думаешь, силу имѣетъ,—кто на работу можетъ произвесть. Да нѣтъ, видно, никакими средствами до дѣла не доберешься.

Мужикъ былъ въ шапкѣ, сдвинутой на затылокъ. Изо рта его несло водкой.

— Такъ-то, милый человѣкъ!—продолжалъ онъ, взглянувъ на меня и мотнувъ головой:—вѣдь какая штука выходитъ нехорошая. Я, къ примѣру, въ тульскую губернію ѣздилъ работишки искать, а вонъ тотъ человѣкъ, скажемъ, къ намъ въ Воронежъ ѣдетъ. Или, къ примѣру, я тутъ въ тамбовской дѣла ищу, а тамбовскій мужикъ у насъ по барскимъ экономіямъ толкается. Ну, что жъ тутъ?

И мужикъ взмахнулъ руками и ударилъ себя длиннымъ рукавомъ полушубка по колѣнямъ. Помню еще жалкихъ, нищихъ дѣтей, вошедшихъ просить милостыни въ пензенской губерніи; помню, какъ кондукторъ грубо выгналъ ихъ, и какъ мальчишка, одѣтый въ рубище, заплакалъ и сталъ ёжиться еще больше отъ горя и холода, пряча красныя ручонки въ худые рукава. Помню, какъ четыре кондуктора товарныхъ поѣздовъ, немножко подвыпившіе, ѣхали съ нами смѣнять гдѣ-то товарищей, и жаловались, что имъ послѣднее время такъ трудно приходилось, что они иногда по трое сутокъ подъ-рядъ не спали и не сходили съ поѣздовъ. Помню однообразныя и такъ хорошо знакомыя всѣмъ намъ картины Россіи, проходившія мимо въ окнѣ вагона. Поля, поля и поля, и среди нихъ—жалкія деревни. Потомъ опять поля безъ конца.

Наконецъ, я пріѣхалъ въ городъ Самару.

Здѣсь я рѣшилъ остановиться на день или два, чтобы, вопервыхъ, лучше познакомиться съ тѣмъ, какая и гдѣ организована помощь народу, кромѣ земской ссуды, и, во-вторыхъ, откуда, какъ и почемъ можно купить хлѣба. Въ то время губернаторомъ въ Самарѣ былъ А. Д. Свербеевъ, нашъ знакомый, и я поѣхалъ къ нему, разсчитывая, что отъ него я скорѣе и вѣрнѣе всего узнаю положеніе дѣлъ.

А. Д. принялъ меня очень любезно, но когда узналъ, что я пріѣхалъ съ крайне жалкими средствами, выразилъ сомнѣніе,

чтобы я могъ что-либо существенное сдѣлать съ моими несчастными двумя сотнями рублей. Я на это возразилъ ему, во-первыхъ, то, что если я только десять человѣкъ прокормлю или даже только помогу имъ, то и этимъ я буду счастливъ и сдѣлаю то, что̀ мнѣ и хотѣлось; во-вторыхъ, что было бы очень плохо, еслибы каждый изъ насъ отчаявался въ своихъ силахъ и не ѣхалъ на голодъ, потому что помощь наша сравнительно ничтожна. А. Д. не сталъ больше расхолаживать меня и, пожелавъ мнѣ успѣха, просилъ не пропагандировать ничего зловреднаго въ народѣ, что̀ я искренно ему обѣщалъ. Въ тотъ же день онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать и вечеромъ присутствовать на засѣданіи губернскаго попечительства Краснаго Креста съ архіереемъ, администраціей, земскими начальниками и другими его членами. Это засѣданіе ярко осталось у меня въ памяти. Я стоялъ въ сторонѣ, наблюдалъ и слушалъ разговоры собравшихся лицъ въ одной изъ просторныхъ комнатъ губернаторской квартиры. Обсуждали всевозможные вопросы о хлѣбѣ, о работахъ, о кормѣ скоту, о врачебной помощи больнымъ; но бѣда была въ томъ, что нужда была настолько велика, что каждый просилъ въ свое попечительство больше, чѣмъ оно могло получить, и потому все сводилось, на засѣданіи, уже не къ тому, чтобы получше облегчить бѣдствіе въ извѣстномъ мѣстѣ, а только къ тому, чтобы каждому просившему удѣлить хоть немножко, хоть что-нибудь на нужды его участка. Мнѣ показалось также, сравнительно съ тѣмъ, что̀ я чувствовалъ, что члены попечительства недовольно горячо относились къ голоду, недовольно болѣли душой за голодающихъ, и это впечатлѣніе окончательно заставило меня отрѣшиться отъ мысли соединить мою будущую дѣятельность съ мѣстной дѣятельностью, а напротивъ, утвердило въ рѣшеніи оставаться совершенно самостоятельнымъ. Передъ тѣмъ, какъ идти къ губернатору обѣдать, днемъ я отправился на городской базаръ, гдѣ, мнѣ сказали, была устроена пекарня и продавался дешевый хлѣбъ. Говорили, что цѣлый день на базарѣ, передъ лавкой, откуда продавался этотъ хлѣбъ, стояла толпа голоднаго народа. Это была правда. На базарѣ мнѣ сейчасъ же бросилось въ глаза то мѣсто, гдѣ кучнѣе стѣснился народъ. Я подошелъ къ толпѣ. Многіе покупали хлѣбъ; другіе стояли подлѣ, завистливо смотря на счастливцевъ, купившихъ его. Большинство народа, собравшагося тутъ, было очевидно изъ деревень, что̀ можно было видѣть по деревенскимъ полушубкамъ и валенымъ сапогамъ. Нѣкоторые изъ покупавшихъ хлѣбъ тутъ же принимались его ѣсть. Я подошелъ къ лавкѣ и купилъ

нѣсколько фунтовъ хлѣба, чтобы подать мужикамъ и бабамъ, показавшимся мнѣ особенно жалкими. Но не успѣлъ я сдѣлать этого, какъ толпа народа окружила меня, прося и ей купить хлѣба. Я сталъ покупать и раздавать—пока не удовлетворилъ многихъ. Скоро послѣ этого случая, мои домашніе прочли въ газетахъ, что въ Самарѣ на базарѣ появился какой-то человѣкъ въ тулупѣ, раздававшій хлѣбъ голоднымъ. Я записываю здѣсь этотъ случай не для того, чтобы похвастаться, не для того, чтобы выставить себя какимъ-нибудь благодѣтелемъ, и вообще, я прошу читателя съ самаго начала не думать, что я предпринялъ писать эти записки изъ тщеславныхъ побужденій,—сохрани меня, Боже!—я пишу ихъ, какъ я уже сказалъ сначала, не съ этой цѣлью, и описанный случай я привожу только какъ характерный для тогдашняго времени и положенія города Самары, который былъ полонъ голоднаго народа, пришедшаго сюда изъ деревень и искавшаго себѣ кусокъ хлѣба милостыней или работой. По всѣмъ улицамъ сновали взадъ и впередъ деревенскіе полушубки, заходя въ магазины; а за рѣкой, въ отдаленномъ кварталѣ, эти люди въ полушубкахъ ночевали, чтобы на другой день идти обратно домой, гдѣ, по крайней мѣрѣ, они знали, кому они могли заложить эти свои полушубки, и знали, что дома родня подѣлится съ ними послѣдней краюшкой.

Я былъ въ этомъ отдаленномъ кварталѣ гор. Самары и бесѣдовалъ съ пришлымъ голоднымъ народомъ. Дѣйствительно, положеніе его было не сладко. Здѣсь они не могли оставаться,—работъ не было и плохо подавали; дома—нужда страшная, хотя и подавали лучше. Позднѣе въ Самарѣ были организованы болѣе широкія общественныя работы, которыя успѣшно заняли и прокормили нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Не знаю, вышло ли что-нибудь въ смыслѣ полезныхъ результатовъ изъ этихъ работъ. Копали берегъ рѣчки Самарки, расширяя и углубляя бухту. Работали и ночью, при свѣтѣ фонарей. Однажды поздно вечеромъ я навѣстилъ мѣсто этихъ работъ. Что-то особенное, волшебное и непривычное глазу было въ этихъ черныхъ, копавшихся въ темнотѣ, человѣческихъ фигурахъ, освѣщенныхъ огнями.

Пробывъ день въ Самарѣ, я поѣхалъ дальше по оренбургской желѣзной дорогѣ до станціи „Богатое“, откуда мнѣ предстояло проѣхать до мѣста на лошадяхъ около 70—80 верстъ.

III.

Разстояніе отъ станціи Богатое до хутора, конечно, нельзя сдѣлать въ одну запряжку; на полу-дорогѣ всегда приходится отдыхать нѣсколько часовъ, и отдыхъ этотъ съ давнихъ поръ, съ тѣхъ поръ еще, какъ въ дѣтствѣ моемъ мы проѣзжали здѣсь,—принято дѣлать на хуторѣ Сѣдышевыхъ, отстоящемъ отъ Богатаго верстахъ въ тридцати-пяти. Замѣчательна здѣсь степь. Не доѣзжая, можетъ быть, съ версту до Сѣдышевыхъ, видна, конечно, только въ ясную погоду, станція какъ на ладошкѣ, хотя она и отстоитъ отсюда въ тридцати слишкомъ верстахъ. Степь гладка какъ скатерть. Дальше, подвигаясь къ хутору Б. и къ николаевскому уѣзду, мѣстность становится уже не такой плоской. Начинается волнистость и пригорки, которые дальше переходятъ уже въ ярко обозначенныя возвышенности отроговъ Общаго-Сырта, составляющаго водораздѣлъ между Волгой и Ураломъ.

Изъ Самары, доѣхавъ до Богатаго опять въ третьемъ классѣ, и опять слыша разговоры все о томъ же, я нанялъ со станціи ямщика, уже знакомаго мнѣ съ лѣта, старичка Григорія Ивановича, и поѣхалъ.

До мѣста отдыха, хутора Сѣдышевыхъ, надо проѣзжать всего только черезъ одну деревню, село Лещово. Проѣзжая сельской улицей, я замѣтилъ кое-гдѣ раскрытыя крыши, встрѣтилъ нѣсколькихъ нищихъ-побирушекъ съ сумками—вотъ и всѣ признаки голода. Зато, разговорчивый Григорій Ивановичъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ о мужицкой нуждѣ. Онъ зналъ, конечно, какъ и каждый кругомъ, положеніе народа до подробностей. Зналъ, насколько помогаетъ земство, насколько мало этой помощи, зналъ и про Красный Крестъ, и про общественныя работы, про разные другіе случаи и послѣдствія нужды, про воровство, болѣзни, про цѣны на лошадей и другую скотину, однимъ словомъ, зналъ все. Его разсказы несомнѣнно подготовили меня къ тому, что̀ я потомъ встрѣтилъ на дѣлѣ. Григорій Ивановичъ много жаловался и на свою участь, на то, что свою парочку разношерстныхъ лошадей ему кормить нечѣмъ, и что врядъ ли онъ додержитъ ее до весны.

На хуторѣ Сѣдышевыхъ милый Савелій встрѣтилъ меня. Савелій—это одинъ изъ хозяевъ хутора, мужикъ лѣтъ тридцати-пяти, необыкновенно симпатичный, съ красивымъ, здоровеннымъ и чистымъ лицомъ, съ добрыми, улыбающимися глазами, съ фамильярными ласковыми манерами. У Сѣдышевыхъ

нѣсколько сотъ десятинъ своей земли, свой хуторъ, Савелій торгуетъ скотиной, и они живутъ хорошо. Это крестьяне-собственники, выселившіеся изъ села хуторяне самарской губерніи, составляющіе самый отрадный и утѣшительный элементъ и видъ тамошняго населенія. Это самые сильные и энергическіе мѣстные люди, такъ сказать, застрѣльщики народа, показывающіе ему его будущій путь, главные культиваторы края. Выселяясь изъ селъ, строя себѣ хутора среди голой степи, они прудятъ здѣсь пруды, роютъ колодцы, сажаютъ лозины, разводятъ скотъ, навозятъ землю.

Итакъ, Савелій встрѣтилъ меня, и сейчасъ же, по его мановенію, закипѣлъ самоваръ въ кухнѣ, гдѣ жили стряпка и работники, отдѣльно отъ хозяйской половины; жена Савелія, такая же, какъ и онъ, спокойная, простая и крупная, накрыла столъ скатертью съ разводами и стала ставить на него медъ, баранки, молоко, сахаръ, чай. Старикъ, старшій братъ Савелія, Гурій, съ больными ногами въ валенкахъ, которыхъ онъ и лѣтомъ съ себя не снимаетъ, подсѣлъ ко мнѣ, живо интересуясь моимъ пріѣздомъ и горячо сочувствуя народному бѣдствію. Онъ сталъ сейчасъ же разсказывать, какую нужду терпятъ въ ихъ селѣ, и просилъ меня вспомнить потомъ и помочь его бѣднѣйшимъ односельчанамъ.

Отдохнувъ у Сѣдышевыхъ и накормивъ лошадей, мы поѣхали съ Григоріемъ Ивановичемъ дальше. Все яснѣе и яснѣе теперь, по мѣрѣ приближенія къ хутору Б., складывалась у меня въ представленіи картина голода. Самара, желѣзная дорога до Богатаго, Григорій Ивановичъ, Сѣдышевы—вездѣ набиралось новое. Теперь до хутора Б. оставалось верстъ сорокъ, какъ я считалъ. Версты тутъ, конечно, мѣрила старуха клюкой, да и та уморилась, какъ вездѣ въ степяхъ. По пути лежало нѣсколько селъ, между прочими Землянка и Патровка—два села, гдѣ мнѣ потомъ ближе всего приходилось соприкасаться съ нуждой. Оба села эти принадлежатъ къ типу большихъ современныхъ селъ самарской губерніи, и потому интересно остановиться на ихъ внѣшнемъ видѣ подробнѣе. Оба они лежатъ по берегамъ рѣчки Съѣзжей, притока Самарки, жалкой рѣчки, съ безобразными обвалившимися берегами, почти пересыхающей лѣтомъ. Въ Землянкахъ около 650 дворовъ, въ Патровкѣ—около 450. Изъ этихъ тысячи-ста дворовъ, можетъ быть, сто дворовъ имѣютъ видъ болѣе, не скажу—приличный, богатый или культурный, а болѣе похожій на строенія, въ которыхъ могли бы жить люди. Остальная тысяча представляетъ изъ себя или уцѣлѣвшія отъ

стараго добраго времени, раскрытыя, полуразвалившіяся деревянныя избы, безъ дворовъ и безъ сѣней—это меньшинство,—или крошечныя мазанки съ земляными крышами, съ отверстіями вмѣсто оконъ, не больше четверти ширины и высоты, съ земляным полом, если вы заглянете во внутренность мазанки. Посреди этихъ разбросанныхъ по двумъ сторонамъ рѣчки жилищъ, возвышаются въ этихъ селахъ церкви: большая, хотя недостроенная, кирпичная, и еще маленькая, деревянная, въ Патровкѣ тоже деревянная; красуются зданія волостныхъ правленій и еще два-три порядочныхъ дома; на прилегающихъ буграхъ стоятъ мельницы-вѣтрянки, растопыривъ свои мрачныя крылья. Вотъ и все.

Солнце уже садилось за холмы Общаго-Сырта, когда я подъѣзжалъ къ хутору Б. Подъ послѣднюю горку Григорій Ивановичъ стегнулъ кнутомъ своего сѣраго коренного, и мы хорошей рысью спустились внизъ въ долину рѣчки Мочи, составляющей границу бузулукскаго и николаевскаго уѣздовъ. Мы живо переѣхали черезъ плотину пруда Б.; такимъ образомъ, изъ одного уѣзда мы въѣхали въ другой, и, къ немалому [illegible] всего хутора, стали подъѣзжать къ дому.

Хуторъ Б. состоитъ изъ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній—дома, амбаровъ, рабочихъ избъ и скотныхъ дворовъ. Большой прудъ запруженъ внизу. Кучи темнаго кизяка, въ формѣ усѣченныхъ пирамидъ, стоятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ за дворами, подъ плотиной и за домомъ. Мы подкатили къ крыльцу.

Я вылѣзъ изъ плетушки и пошелъ къ двери. Б. увидалъ меня въ окно и выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу. Не буду описывать всѣхъ нашихъ разговоровъ съ нимъ. Довольно того, что въ этотъ вечеръ и на слѣдующій день утромъ я до конца и безъ труда теперь узналъ все, что̀ мнѣ нужно было знать. Я узналъ, что народъ получаетъ отъ земства 30 фунт. хлѣба на ѣдока зерномъ, исключая работниковъ и дѣтей; что этой ссуды хватаетъ всего на 10—15 дней, потому что, во-первыхъ, изъ 30 фунт. зерна получается меньше муки, и потому, что за помолъ этой муки мельники берутъ изъ тѣхъ же 30 фунт. хлѣбомъ же; во-вторыхъ, ѣдятъ земскій хлѣбъ и работники, и дѣти, потому что работники всѣ дома и работъ имъ никакихъ нѣтъ, а дѣтямъ тоже надо было ѣсть что-нибудь. Я узналъ, что громадная половина крестьянъ уже теперь осталась безъ лошадей, которыхъ они распродали за безцѣнокъ; что они распродаютъ остальной скотъ, закладываютъ имущество, одежду, все, что̀ только можно. Я узналъ, что всѣ безлошадные крестьяне платили тѣмъ же хлѣбомъ, какой они получали отъ земства, еще за подвозъ его въ

село со станціи, такъ что еще меньше имъ оставалось на продовольствіе. Я узналъ, увидѣлъ и самъ попробовалъ тотъ хлѣбъ съ примѣсью глины и земли, который ѣли во многихъ мѣстахъ, и котораго у Б. было нѣсколько образчиковъ. Я узналъ, что въ сосѣднихъ селахъ уже свирѣпствовалъ брюшной тифъ; что нѣкоторые крестьяне покупали дешевыхъ лошадей и солили ихъ себѣ на ѣду, считая это выгоднѣе, чѣмъ хлѣбъ (за лошадь въ 12—15 пудовъ платили рублей 5, а за столько же пудовъ муки надо было заплатить втрое); въ сосѣднемъ же селѣ крестьяне воровали другъ у друга хлѣбъ изъ амбаровъ, потому что другого выхода имъ не было.

На хуторѣ Б. день и ночь стояла толпа голодающихъ; не успѣлъ я пріѣхать, какъ домъ былъ окруженъ ими. Но разговоры съ ними мы отложили до утра. Тѣмъ не менѣе, всю ночь, которую я почти не спалъ, слышны были голоса, подъ окнами просившіе нараспѣвъ милостыни: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа, подайте Христа ради"! Приходили такъ ночью на хуторъ Б. въ продолженіе всей осени; многіе тутъ даже ночевали, дожидаясь утра. Б. широко раздавалъ милостыню народу, но признался мнѣ, что у него бы не надолго хватило хлѣба, еслибы онъ сталъ удовлетворять всѣхъ просившихъ.

Пока мы сидѣли съ нимъ разъ вечеромъ за самоваромъ, человѣкъ, по крайней мѣрѣ, двадцать подошло къ низкимъ окнамъ одноэтажнаго домика, прося милостыни. Б. отсылалъ ихъ всѣхъ на кухню.

— Сегодня ужъ что-то особенно много,—говорилъ онъ мнѣ растерянно:—видно, узнали, что вы тутъ, и прямо сюда за спасеніемъ. Вѣдь голодные!

„Хорошо спасеніе, — думалъ я на это съ горечью, уже чувствуя мое безсиліе передъ моремъ нужды, открывшемся передо мной:—спасеніе въ моихъ двухстахъ-то рубляхъ"?!

Когда на другое утро я проснулся, Б. вошелъ въ мою комнатку и объявилъ, что меня уже дожидается народъ.

— Много?—спросилъ я.

— Порядочно,—отвѣтилъ мнѣ Б., двусмысленно улыбаясь:—выходите, увидите.

Я одѣлся и вышелъ черезъ кухню и заднее крыльцо на большой крытый дворъ. Уже въ кухнѣ я шелъ, проталкиваясь мимо какихъ-то мужиковъ и бабъ, пришедшихъ въ большое волненіе при моемъ появленіи.

Когда я очутился на крыльцѣ,—я глазамъ не повѣрилъ. Весь дворъ былъ полонъ народомъ. Мужики, бабы, старики, дѣти

стояли передо мной сплошной черной толпой, человѣкъ въ 400. Сердце мое упало при этомъ зрѣлищѣ. Очевидно, все это были голодные люди, пришедшіе ко мнѣ за помощью, какъ къ послѣднему источнику спасенія. Я сразу понялъ и почувствовалъ это. Въ первый разъ серьезность положенія предстала передо мной во всей силѣ и во всю свою величину. Первыя минуты я былъ до того растерянъ, что не могъ выговорить слова.

Въ толпѣ стали шептаться, тихо переговариваться между собой, и мнѣ слышались слова: „онъ? онъ, что-ли“?

Они уже вѣрили въ меня, какъ въ своего избавителя. И вдругъ всѣ шапки снялись съ головъ, и вся толпа стала кланяться мнѣ. Многія бабы чуть не попадали на колѣни, но спасибо Б., онъ остановилъ ихъ во-время. Тогда я рѣшился заговорить и объявить имъ, чтобы они не надѣялись на меня, что я пріѣхалъ съ малыми средствами, и врядъ ли смогу замѣтно облегчить ихъ бѣдствіе.

— Не вы, такъ кто же? — заговорили на это голоса въ толпѣ.—Умираемъ голодной смертью, по три дня не ѣдимъ, ребятишки кричатъ,—не дай, кормилецъ, умереть голодной смертью!

Они не хотѣли вѣрить въ мое безсиліе.

— Я сдѣлаю, что̀ смогу,—сказалъ я имъ,—а пока идите домой и не стойте здѣсь. Сейчасъ я никому ничего давать не буду. Надо прежде узнать, кто нуждается, кто нѣтъ.

— Всѣ нуждаются,—перебила меня толпа:—кто и получше житель, ныньче и тотъ нуждается. Были если у кого двѣ лошади, одну уже продалъ и другую скоро поведетъ. А лошадку-то продать—надолго ли хватитъ? Намедни продалъ жеребенка, хорошій жеребенокъ, за 6 цѣлковыхъ, 4 пуда муки купилъ. Въ недѣлю проѣли. И продать больше нечего остается. „Комитета“ (т.-е. земской ссуды) не хватаетъ, отъ Христа мало даютъ. Помираемъ голодной смертью, да и все тутъ.

— Все-таки идите пока домой,—повторилъ я:—тогда узнаете, какая помощь отъ насъ будетъ.

— Куда же мы пойдемъ-то? — раздались жалобные женскіе голоса:—вѣдь дома ребятенки кричатъ, безъ хлѣба сидятъ. А у меня мужикъ третій день въ горячкѣ,—куда же мы пойдемъ-то?

И голоса переходили во всхлипыванія. Въ толпѣ теперь всѣ заговорили заразъ, разсказывая свои горести и нужды, точно въ первый разъ имъ это досталось на долю, и точно отъ этого имъ могло сдѣлаться легче. Я слушалъ ихъ. „Такъ вотъ они, эти голодающіе,—думалъ я,—голодающіе, о которыхъ говорятъ въ гостиныхъ, о которыхъ пишутъ въ газетахъ, въ пользу которыхъ даютъ концерты, рауты и пляшетъ вальсы наша молодежь? Вотъ

что̀ значитъ голодающіе. Мнѣ было и больно, и жутко на душѣ, и чувство какого-то волненія и страха передъ ними овладѣло мной.

Я постоялъ еще передъ голодной толпой, послушалъ ея рѣчи, и, въ третій разъ повторивъ ей, чтобы она расходилась и не надѣялась очень на меня, я ушелъ въ домъ.

Новое рѣшеніе живо созрѣло во мнѣ. Я рѣшилъ сейчасъ же оставить мои несчастныя деньги Б., попросивъ его купить на нихъ хлѣба для бѣднѣйшихъ крестьянъ, а самому возвратиться немедленно въ Москву за бо̀льшими средствами. Нужно было еще найти себѣ товарищей, такъ какъ я понялъ, что одному здѣсь нечего было дѣлать, а то, что̀ я видѣлъ, настолько волновало меня, настолько подняло мой духъ, что я былъ увѣренъ теперь, что соберу денегъ для голодающихъ, помогу имъ, какими бы то ни было путями. Писать воззваніе въ газетахъ, собирать деньги съ знакомыхъ, наконецъ, просто ходить по московскимъ богатымъ домамъ, звонить по подъѣздамъ, прося для голодающихъ,—всѣ эти способы представлялись мнѣ возможными. Во мнѣ поднялось чувство, какое поднимается въ душѣ человѣка при видѣ пожара. Увидавъ, что загорѣлось, онъ не думаетъ больше о томъ, прибѣгутъ ли на пожаръ другіе люди, или нѣтъ, онъ знаетъ, что они прибѣгутъ, и потому его дѣло не объ этомъ заботиться, а его дѣло—только кричать изо всѣхъ силъ, что тамъ горитъ, кричать и звать туда на помощь. Я такъ и сдѣлалъ. На другой день я ѣхалъ обратно на станцію Богатое на парѣ лошадокъ, которую далъ мнѣ Б.

— А что̀, если вы не вернетесь къ намъ изъ Москвы?— спросилъ онъ меня, полушутя, при прощаніи.

Я на это ничего не отвѣтилъ ему и только кивнулъ головой.

Но здѣсь надо разсказать о небольшомъ происшествіи, на кухнѣ Б., послѣ того, какъ толпа голодающихъ наконецъ оставила и кухню, и дворъ, и хуторъ, разойдясь по домамъ. На печкѣ въ кухнѣ у хозяйки дома Б. стояло четыре большихъ горшка прекрасной сметаны. Когда голодающая толпа разсѣялась, всѣ эти четыре горшка оказались пустыми. Кухарка Б. не могла надивиться чуду. Но чудо это сейчасъ же объяснилось. Татаринъ-конюхъ Б. видѣлъ, какъ нѣсколько бабъ, выйдя изъ кухни, забѣжали за кучи кизяка и тамъ, присѣвъ на корточки, ѣли что-то бѣлое и густое, сначала палочками, потомъ просто пальцами другъ у дружки изъ кармановъ. Не трудно было догадаться, что̀ такое онѣ ѣли. Стоя въ кухнѣ, бабы, пользуясь тѣснотой, незамѣтно наполнили густой сметаной свои карманы, и потомъ,

голодныя, сейчасъ же стали ѣсть ее. Хозяйка дома Б. потужила о своей сметанѣ, потужила и о неблагодарности крестьянъ, ворующихъ у нихъ тогда, какъ они имъ помогали, а мы съ Б. не могли не тронуться исторіей пропажи сметаны и еще больше прониклись сочувствіемъ къ положенію голодныхъ бабъ и всего народа.

IV.

Стало быть, я опять уѣхалъ въ Москву. Проѣхавъ неизбѣжныя двое сутокъ по желѣзной дорогѣ, я снова очутился въ Хамовническомъ переулкѣ. Прошло немного времени съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ отсюда, а настроеніе и нашей семьи, и всего общества, уже замѣтно измѣнилось. О наступившемъ голодѣ уже не говорили, а кричали теперь, какъ о страшномъ, давно не бываломъ бѣдствіи; отовсюду сыпались пожертвованія; воззваніе за воззваніемъ печатались въ газетахъ. Въ одномъ изъ такихъ воззваній, написанномъ моей матерью, было упомянуто и мое имя, и то мѣсто, гдѣ я намѣревался помогать. Вскорѣ послѣ пріѣзда моего въ Москву, я получилъ отъ Б. увѣдомленіе, что въ Бузулукѣ лежатъ кучи денежныхъ пакетовъ на мое имя. Кромѣ того, къ отцу шли довольно дружныя пожертвованія, и онъ обѣщалъ мнѣ удѣлять часть ихъ для самарскихъ голодающихъ. Самъ онъ тогда собирался ѣхать на Донъ, въ имѣніе нашихъ хорошихъ знакомыхъ Раевскихъ, гдѣ, по ихъ словамъ, нужда была также очень велика.

Увѣрившись въ томъ, что средства теперь у меня будутъ, и предполагая, что по мѣрѣ расширенія моей дѣятельности они будутъ притекать, я отчасти успокоился на этотъ счетъ и сталъ думать объ осуществленіи второй цѣли возвращенія въ Москву, о пріисканіи себѣ товарищей. Я думалъ, что найду ихъ среди студентовъ, но въ этомъ я ошибся. Товарищъ, поѣхавшій со мной на голодъ, былъ человѣкъ, который всего менѣе, по моимъ ожиданіямъ, рѣшился бы на это. Это былъ тогдашній нашъ управляющій Ясной-Поляны, И. А. Б.—человѣкъ еще молодой, веселый, пріятный—однимъ словомъ—товарищъ, лучше котораго нельзя было придумать. Кромѣ того, что И. А. былъ мнѣ хорошо знакомъ, кромѣ того, что онъ подходилъ ко мнѣ годами,—онъ уже имѣлъ сельско-хозяйственный и житейскій опытъ, чего у меня еще тогда было очень мало и что̀ было необходимо при предстоявшей намъ дѣятельности.

Снарядившись въ дорогу, собравъ еще денегъ, сколько можно

было, захвативъ съ собой аптечку лекарствъ для больныхъ, мы выѣхали изъ Москвы, черезъ Тулу, съ тѣмъ, чтобы заѣхать на день или два въ тульскую и рязанскую губерніи, на мѣста, гдѣ начиналъ тогда свои столовыя мой отецъ. Заѣхать сюда я рѣшилъ, во-первыхъ, чтобы на дѣлѣ увидать и познакомиться со столовыми, которыя отецъ считалъ наилучшей формой помощи голодающимъ; во-вторыхъ, изъ простого любопытства—посмотрѣть нужду здѣшнихъ крестьянъ и сравнить ее съ нуждой самарской. Не буду долго останавливаться на этихъ дняхъ,—скажу только, что столовыя мнѣ понравились, хотя я вовсе не нашелъ ихъ единственной возможной формой помощи, и скажу еще, что нужда народа на Дону мнѣ показалась ничтожной въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ я видѣлъ въ Самарѣ. Тамъ народъ исключительно земледѣльческій; живетъ исключительно на то, что̀ ему родитъ земля; здѣсь—другое дѣло. Здѣсь нѣтъ деревушки, гдѣ бы съ давнихъ поръ не было развито какого-нибудь отхожаго промысла, гдѣ бы издавна народъ не зарабатывалъ на сторонѣ, вслѣдствіе невозможности прокормиться на своихъ малыхъ надѣлахъ. Поэтому неурожаи здѣсь гораздо менѣе чувствительны, чѣмъ въ приволжскихъ глухихъ губерніяхъ, гдѣ отхожіе промыслы очень мало или совсѣмъ не развиты.

Кромѣ того, крестьяне тульской и рязанской губерніи рѣзко отличаются отъ крестьянъ самарскихъ тѣмъ, что послѣднихъ не коснулось вліяніе крѣпостного права. Вслѣдствіе этого крестьяне первыхъ губерній, хотя и представляютъ изъ себя людей гораздо менѣе свободныхъ и независимыхъ въ гражданскомъ отношеніи, за то въ трудные періоды гораздо легче переносятъ свои напасти, издавна привыкнувъ къ нимъ, привыкнувъ къ постоянной, напряженной борьбѣ за существованіе. Это—вторая причина, почему голодовки переносятся здѣсь легче. Третьей причиной можно назвать большую густоту населенія, сравнительно съ населеніемъ приволжскихъ губерній, близость Москвы и другихъ большихъ промышленныхъ городовъ, а также сосѣдство большого количества помѣщичьихъ хозяйствъ съ промышленными учрежденіями, въ родѣ крахмальныхъ, винныхъ, кирпичныхъ и другихъ заводовъ, а иногда просто широко развитыхъ сельскихъ хозяйствъ, требующихъ большого числа рабочихъ рукъ. Въ подтвержденіе этой послѣдней причины могу вспомнить то обстоятельство, что въ тѣхъ деревняхъ, которыя я посѣтилъ на Дону, сравнительно небольшое число взрослыхъ мужиковъ-работниковъ было дома, остальные всѣ были на заработкахъ. Въ Самарѣ же мужики всѣ сидѣли по домамъ всю зиму. Поэтому

я могу смѣло сказать, что на Дону я не видѣлъ голода, настоящаго, кричащаго, какой видѣлъ въ Самарѣ; послѣ той голодной толпы, осадившей насъ на хуторѣ Б., мнѣ показалось даже, что грѣхъ помогать здѣсь, когда тамъ такое страшное бѣдствіе. Это было мое непосредственное, первое впечатлѣніе, не совсѣмъ несправедливое, конечно, но истина, что нужда была здѣсь не такой сильной, какъ тамъ, подтвердилась потомъ и тѣмъ, что въ тульской и рязанской губерніяхъ не было, напр., цынги, или только единичные случаи ея, тогда какъ въ приволжскихъ губерніяхъ этой болѣзнью болѣли цѣлыя семьи, цѣлыя села.

Въ самарской губерніи мы кормили почти всѣхъ подъ рядъ въ нашихъ столовыхъ, такъ какъ всѣ подъ-рядъ были голодны— и молодые, и сильные, и старые, и больные. И иначе намъ нельзя было поступать.

На Дону кормили въ „сиротскихъ призрѣніяхъ", т.-е. столовыхъ только для стариковъ и дѣтей, слабыхъ и одинокихъ; другіе стыдились сами идти въ столовыя.

Но довольно объ этомъ. Я, можетъ быть, возвращусь къ Дону въ одной изъ слѣдующихъ главъ; пока же пойдемъ дальше.

Въ г. Самарѣ и на этотъ разъ намъ пришлось остановиться. Надо было справиться о цѣнахъ на хлѣбъ, найти людей, черезъ которыхъ можно было купить или выписать этотъ хлѣбъ, получить часть благотворительныхъ денегъ, переведенныхъ сюда въ банкъ, и сдѣлать еще кое-какія дѣла. Оказалось, что въ Самарѣ теперь уже дѣйствовалъ другой губернаторъ, бывшій вице-губернаторъ и уже знакомый мнѣ А. С. Брянчаниновъ. Мнѣ пришлось нѣсколько разъ видѣться съ А. С., и онъ, выказавъ мнѣ большое участіе, далъ цѣнныя рекомендаціи къ лицамъ, могущимъ быть намъ полезными и услугами которыхъ мы потомъ широко воспользовались. Между этими лицами главное мѣсто занималъ г. Кеницеръ, имѣющій въ Самарѣ складъ земледѣльческихъ машинъ, человѣкъ дѣльный и много потрудившійся въ голодный годъ.

На самарскихъ улицахъ и въ этотъ мой пріѣздъ я замѣтилъ тѣ же кучки людей въ полушубкахъ, изъ деревень, просившихъ милостыню у городскихъ прохожихъ; и въ этотъ разъ меня поразило равнодушіе мѣстнаго населенія къ этимъ непривычнымъ, казалось имъ, побирушкамъ,—поразило, какъ выгоняли изъ магазиновъ приказчики, сердито крича имъ, что нужно работать. Но работъ и тогда было недостаточно, и большинству народа ничего не оставалось, какъ нищенствовать.

Съ кѣмъ я еще познакомился здѣсь въ этотъ разъ,—это съ

знаменитымъ купцомъ и милліонеромъ самарскимъ — Аржановымъ, теперь умершимъ, къ которому я поѣхалъ узнать, нѣтъ ли у него продажнаго хлѣба и не пожертвуетъ ли онъ чего-нибудь отъ себя для голодающихъ. Аржановъ владѣлъ въ самарской губерніи многими сотнями тысячъ десятинъ, доставшихся ему, конечно, чуть ли не задаромъ, и не однимъ десяткомъ милліоновъ капитала. Это одинъ изъ главныхъ представителей мѣстныхъ землевладѣльцевъ-богачей изъ крестьянъ. У него былъ свой домъ въ Самарѣ.

Подъѣхавъ къ этому дому, я увидѣлъ на улицѣ двухъ людей, разговаривавшихъ между собой у воротъ.

— Здѣсь живетъ Аржановъ?—спросилъ я ихъ.

— Здѣсь,—отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ нихъ, уже старый старикъ, съ зеленой бородой, одѣтый въ оборванное пальто и плохую фуражку:—а вамъ что̀?

— По дѣлу нужно,—отвѣтилъ я,—скажите обо мнѣ пожалуйста.

Старый человѣкъ, отвѣчавшій мнѣ, пошелъ въ ворота. Другой, помоложе, посовѣтовалъ мнѣ позвонить въ крыльцо. Черезъ минуту мнѣ открылъ дверь тотъ же человѣкъ съ зеленой бородой.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ спокойно.

Я вошелъ въ переднюю, раздѣлся, и старикъ провелъ меня въ маленькую комнатку, съ клеенчатымъ обтрепаннымъ диваномъ, изъ котораго до полу висѣла мочалка.

— Что̀ же, доложите господину Аржанову,—сказалъ я старику, который теперь стоялъ около меня и пытливо смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Я самый,—сказалъ старикъ:—что̀ вамъ?

Я скрылъ мое изумленіе и, назвавъ фамилію, сказалъ—зачѣмъ пріѣхалъ. Хлѣба продажнаго у Аржанова не было; когда же я попросилъ у него денегъ для голодающихъ, онъ повидимому удивился и долго не отвѣчалъ мнѣ.

— Нѣтъ,—наконецъ сказалъ онъ тихо,—нѣту для нихъ ничего.

Я простился съ нимъ и уѣхалъ.

Потомъ только я уже узналъ объ извѣстной всѣмъ скупости Аржанова, и когда я подумалъ о его крестьянскомъ происхожденіи, о всей его прошлой жизни, мнѣ показалось понятнымъ, что ему было дико пожертвовать что-нибудь голодающимъ, съ которыхъ онъ всю свою жизнь самъ только всячески тащилъ и благодаря которымъ составилъ свои милліоны. Зато,

какъ мнѣ разсказывали, въ утѣшеніе себѣ онъ по праздникамъ одѣвался нищимъ и ходилъ на церковную паперть, откуда изъ мѣшка раздавалъ настоящимъ нищимъ хлѣбъ.

Пробывъ здѣсь сутки, мы ночью оставили Самару и на слѣдующее утро часовъ въ восемь пріѣхали на нашу станцію. Григорій Ивановичъ, мой старый знакомый, одинъ стоялъ у задняго станціоннаго крыльца, вѣроятно, разсчитывая на мой пріѣздъ. Когда я вышелъ къ нему и, поздоровавшись съ нимъ, взглянулъ на его знакомыхъ мнѣ лошадей, теперь запряженныхъ гусемъ въ санки, меня поразила ихъ необычайная худоба.

— Что же это ты лошадей сморилъ?—сказалъ я старику:— да мы на такихъ никогда не доѣдемъ до мѣста.

— Доѣдемъ,—смущенно отвѣчалъ Григорій Ивановичъ.— Чтò станешь дѣлать? корму нѣтъ, самому ѣсть нечего—доходитъ. Вотъ все васъ дожидался, ужъ съ недѣлю выѣзжаю.

Жаль мнѣ было обижать старика, но, по виду своему, его лошади рѣшительно не могли довезти насъ, и нужно было найти другого ямщика. Я обратился за этимъ къ начальнику станціи, но онъ объяснилъ мнѣ, что другихъ лошадей ни у кого по близости не было, и намъ по неволѣ приходилось ѣхать съ Григоріемъ Ивановичемъ. Опять мы вышли къ нему на заднее крыльцо станціи.

— Да чтò вы! когда не довезутъ? куда угодно довезутъ,— сталъ утѣшать насъ старикъ, ударяя на „о“, и обрадовавшись тому, что мы должны были ѣхать съ нимъ:—сморены маненько, да ничего, добѣгутъ. Я кормилъ ихъ, нарочно васъ дожидаясь.

Хорошо же онъ, бѣдный, кормитъ ихъ, бѣдныхъ: на нихъ оставалась кожа да кости.

И мы поѣхали.

Опять длинная, скучная дорога въ 60—70 верстъ. Опять степи, но теперь бѣлыя отъ снѣга и яркія подъ блестѣвшимъ надъ ними солнцемъ; опять тѣ же жалкія громадныя села, тѣ же раскрытыя избы. Но солнце не долго свѣтило намъ. Мы проѣхали верстъ пять, и небо нахмурилось. Начался крупный снѣгъ. Мы ползли чуть не шагомъ все время. Только изрѣдка Григорій Ивановичъ понукалъ лошадей, и нѣсколько шаговъ мы ѣхали рысью. Снѣгъ между тѣмъ все валилъ и валилъ, и на дорогахъ его уже было на четверть. Мы тащились весь день и только къ вечеру, сбившись съ дороги, пріѣхали ночевать въ одно село, отстоящее, какъ я потомъ узналъ, отъ хутора Сѣдышевыхъ,—верстахъ въ десяти. Дальше продолжать путь было невозможно. Буранъ вылъ на дворѣ страшный. Мы остановились

ночевать въ избѣ у одного молоканина. Я хотѣлъ-было ѣхать дальше; помню, что, по молодости и глупости своей, даже сердился, что не было лошадей во всемъ селѣ, которыя бы могли везти меня дальше, но, несмотря на мою горячность, пришлось покориться судьбѣ. Мы ночевали на полу въ горницѣ. На другое утро опять поѣхали. Буранъ не переставалъ. Только къ вечеру второго дня, останавливаясь и кормя нашихъ жалкихъ лошадей во всѣхъ селахъ, мы дотащились, наконецъ, до Патровки, мѣста моего будущаго пребыванія. Ярко, какъ сейчасъ помню, чувство, испытанное мной, когда мы въѣхали въ первую улицу села Патровки, съ темными, мрачными, неосвѣщенными избами налѣво, съ открытой, безконечной степью съ правой стороны, гдѣ вылъ вѣтеръ и крутилъ буранъ. Жутко стало на душѣ. Я пріѣхалъ сюда изъ Москвы, изъ теплаго, богатаго дома, отъ удобствъ культурной жизни—въ первобытную, заброшенную всѣми степную деревню. Здѣсь холодъ, морозъ, снѣгъ, буранъ, болѣзни, нищета, голодъ. Тамъ...

— Куда ѣхать-те?—неожиданно обратился ко мнѣ Григорій Ивановичъ, выводя меня изъ задумчивости и полудремоты.

— Къ Симону Егоровичу, молоканину. Знаешь?—спросилъ я.

— Знаю,—отвѣтилъ Григорій Ивановичъ.

И, къ удивленію нашему, онъ тутъ же сталъ заворачивать налѣво лошадей. Впрочемъ, я потому и назвалъ Симона, что его изба была ближе другихъ, здѣсь, на первой же сельской слободѣ, и потому еще, что онъ усиленно приглашалъ меня къ себѣ не разъ прежде.

Лошади остановились передъ запертыми воротами. Мы пріѣхали.

V.

Наконецъ, я могъ успокоиться и начать дѣло послѣ столькихъ дорожныхъ мытарствъ. Хотя въ первую минуту пріѣзда чувство—не скажу — страха, а именно жуткости, серьезности положенія—овладѣло мной, но я былъ все-таки радъ тому, что мы на мѣстѣ и больше никуда ѣхать не нужно.

Первое мрачное впечатлѣніе, полученное мною при пріѣздѣ въ Патровку, и первое чувство, испытанное въ ней, скоро смягчились—другими. Первое семейство, въ которое мы попали, къ счастію, оказалось далеко не голодающимъ и далеко не мрачнымъ.

Григорій Ивановичъ слѣзъ съ саней и пошелъ стучаться въ Симоновы ворота.

— Кто тамъ?—скоро раздался чей-то молодой голосъ на дворѣ.

— Мы,—отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — отворяй скорѣй!

Работникъ Симона вышелъ къ намъ, подбѣжалъ къ санямъ, близко всмотрѣлся въ мое лицо и, вѣрно, узнавъ меня, кинулся отворять ворота.

Мы въѣхали во дворъ.

Симонъ Егоровичъ сейчасъ же самъ выскочилъ изъ мазанки-кухни, въ которой теперь онъ жилъ съ семьей, вмѣсто большой избы. Онъ сталъ немилосердно суетиться, улыбаться и ввелъ насъ въ мазанку, полную народомъ. Онъ былъ, очевидно, очень польщенъ и взволнованъ тѣмъ, что я выбралъ его для нашего перваго ночлега. Семья Симона состояла изъ больной старухи-жены, лежавшей за перегородкой, изъ двухъ дѣвокъ-дочерей и солдатки-снохи съ двумя дѣтьми. Конечно, не прошло и четверти часа, какъ неизбѣжный самоваръ кипѣлъ уже для насъ на столѣ, и солдатка внесла на синихъ тарелкахъ всякихъ сластей, баранокъ, изюма, меда, пряниковъ, выкрашенныхъ фуксиномъ. Насъ посадили на почетныя мѣста къ столу, и мы стали пить чай.

Забылъ сказать, что не успѣли мы въѣхать къ Симону на дворъ, какъ толпа народу уже окружила насъ. Вѣсть о нашемъ пріѣздѣ, вѣроятно, молніей облетѣла село. Но Симонъ круто обошелся съ любопытными и всѣхъ живо разогналъ, заперевъ за ними ворота. Потомъ онъ, самодовольно улыбаясь, снова вошелъ въ избу и, сѣвъ противъ насъ на лавку, заварилъ чай и сталъ угощать насъ. Скоро живая бесѣда завязалась между нами. Симонъ любилъ поболтать, и конечно съ нами это было ему особенно лестно.

— А чѣмъ же это твоя старуха хвораетъ? — спросилъ его И. А., оглядываясь на перегородку, откуда кряхтѣла больная, и, вѣроятно, вспоминая свою аптечку:—давно?

— Давно ужъ. Головой болитъ и животомъ,—отвѣтилъ Симонъ,—годà ужъ, силъ мало...

— И на ѣду охоты нѣтъ, — сказала сама старуха изъ-за перегородки: — и въ ноги вступаетъ, вотъ и лежу все... Чтò дѣлать!

— Я тебѣ завтра дамъ лекарства, — рѣшительно объявилъ старухѣ И. А.,—примешь съ водой утромъ натощакъ.

Старуха стала трогательно благодарить.

— Хворыхъ много, -- заговорилъ между тѣмъ Симонъ, сложивъ руки на колѣняхъ и все улыбаясь, хотя вовсе не о чемъ было улыбаться теперь. Такую же—не то лукавую, не то ласко-

вую—улыбку я замѣчалъ потомъ у многихъ молоканъ. Происхожденіе ея, конечно, надо искать въ исключительномъ положеніи ихъ секты, въ ихъ отношеніи къ людямъ и къ себѣ, въ ихъ сознаніи собственнаго достоинства и превосходства надъ другими; но я не буду отвлекаться.

— Во всемъ селѣ все хворые,—продолжалъ Симонъ,—горячка, чтò ли, головы болятъ, животы. Померло порядочно даже народу. У насъ и то четверо за осень. А бѣдность... не приведи Господи! Мы вотъ богачи считаемся, намъ и отъ земства не даютъ, а какіе мы богачи?! Только что двѣ пары быковъ есть на хуторѣ? Дома тоже ѣсть нечего, доходитъ. А народъ бѣдствуетъ—бѣдá... не наподаешься милостыни. Цѣлый день изъ утра все народъ и народъ. Намедни нарочно считали, сколько разъ подходимъ,—такъ 68 кусковъ подали. Куски уже стали поменьше нарѣзать, и то хлѣба не напекешься...

И Симонъ тихо засмѣялся.

Въ избѣ было душно и жарко. Пахло дымомъ кизяка. На полочкѣ въ углу лежала библія въ черномъ кожаномъ переплетѣ. Я видѣлъ, что И. А. съ удивленіемъ оглядывалъ непривычную ему обстановку русской избы безъ образовъ въ углу.

— А отчего вы молоканами называетесь? — спросилъ онъ неожиданно у Симона.

— Чтò это?—спросилъ Симонъ, какъ будто не разслыхавъ.

— А. И. хочетъ знать, чтò такое молокане, отчего вы такъ называетесь?—спросилъ я.

— О!..—произнесъ Симонъ.

Очевидно, ему не хотѣлось говорить о затронутомъ предметѣ.

— Это вы у Василія Константиновича спросите, поживете тутъ, онъ хорошо все знаетъ, начетчикомъ у насъ, — сказалъ онъ, немного подождавъ.

Какъ я узналъ послѣ, Симонъ плохо зналъ букву писанія, и хотя посѣщалъ иногда молоканскія собранія, однако не интересовался и не понималъ религіозныхъ вопросовъ.

Разговоръ скоро опять перешелъ къ голоду. Мы разспрашивали, Симонъ отвѣчалъ и разсказывалъ.

— А ужъ васъ какъ ждали тутъ,—говорилъ онъ со своей улыбкой:—ну, теперь, небось, все село взбаламутилось, и чего-чего ни болтали,—что будто царскій вы крестникъ, да на каждый дворъ по сту рублей привезете—бѣдá. Народъ вѣдь голодный, чего-чего не наплететъ не ѣмши.

Симонъ, среди разговора, потягивалъ съ блюдечка горячій чай, забѣленный, непремѣнно, кипячеными сливками, по мѣст-

ному обычаю, и, улыбаясь все время, щурилъ свои голубые глазки.

— А вотъ у насъ тутъ воровство было̀, амбарья все вертѣли, амбарьевъ съ 12 провертѣли. Такъ ужъ били ихъ, ужасть; такъ прямо, какъ вышли изъ волостной со сходу, и они тутъ были, пятеро ихъ, такъ и зачали колотить—бѣды; одного, самаго зачинщика, такъ просто до крови, до полусмерти избили, и по головѣ, и по спинѣ; лежитъ, говорятъ, съ тѣхъ поръ, не подымается, все чахнетъ.

— Кто же билъ?

— Да кто, всѣмъ обществомъ просто били, всѣ били.

— Вѣдь это же нехорошо! Неужели никто не заступился?

— Какое заступленіе,—за что же я заступаться буду, когда онъ мнѣ амбарья вертитъ? Съ тѣхъ поръ и шабашъ,—ни одной покражи не было.

— И ты билъ ихъ?—спросилъ я.

— Ну, зачѣмъ же! нѣтъ; я этого не люблю.

— Значитъ, не всѣ били?

— Нѣтъ—много, много, всѣмъ обществомъ.

— Что̀ же, судить ихъ будутъ?—спросилъ я.

— Какъ же, только не скоро—весной, говорятъ, а покуда отсидѣли, дома теперь живутъ.

— И этотъ, избитый, дома? Что̀ же онъ, поправился?

— Да кто-жъ его знаетъ; не знаю я, не хочу и говорить.

Видно было, что ни Симону, ни кому другому на селѣ, не интересно было—живъ или умеръ, здоровъ или все чахнетъ избитый обществомъ воръ.

Послѣ чая оказалось, что Симонъ приготовилъ намъ еще цѣлый ужинъ. Это тоже по обычаю. Сперва чайку, молъ, надо попить, такъ-себѣ, побаловаться, а тѣмъ временемъ мы приготовимъ ѣду, и тогда уже только вы начнете ѣсть, какъ слѣдуетъ, когда въ самоварѣ не останется больше воды, на тарелкѣ баранокъ, а въ желудкѣ—мѣста.

Я очень удивился, когда солдатка, убравъ все со стола, стала снова заставлять его разными кушаньями. Дѣлать было нечего, и мы стали ужинать. Симонъ ѣлъ съ нами. Странно было видѣть русскаго мужика, садившагося за столъ, не крестясь. Сперва мы ѣли превкусную похлебку, потомъ студень, потомъ пшенную кашу. И всему этому оказалось мѣсто въ нашихъ желудкахъ послѣ двухъ сутокъ на холодѣ. Симонъ накормилъ насъ прекрасно, по богатому, какимъ онъ считался и какимъ былъ на самомъ дѣлѣ рядомъ съ другими.

Было уже поздно, и надо было ложиться спать.

На завтра предстояло много дѣла: найти квартиру, достать списки селъ Патровской волости, ѣхать на хуторъ къ Б., котораго мнѣ нужно было видѣть; вообще предстояло начало всего—самое трудное и страшное. Мы рѣшили лечь спать на полу. Намъ постелили кошмы, дали подушекъ, и мы растянулись. Я съ товарищемъ рядомъ, головами къ остывшей уже лежанкѣ, или „голанкѣ“, какъ называютъ по мѣстному эти печки. Симонъ—за нами къ уголку; старуха одна за перегородкой на кровати; солдатка и дѣвки Симоновы—на печкѣ; ребята—подъ лавку, головами около насъ.

Позднѣе вошелъ въ избу молодой мужикъ, Симоновъ работникъ. Онъ до этого все время возился со скотиной. Работникъ легъ около ребятъ.

Лампу мы не тушили, а только завернули. Симонъ былъ въ самомъ благодушномъ расположеніи духа. Онъ былъ очень доволенъ, что мы у него, что онъ такъ напоилъ и накормилъ насъ. Онъ лежалъ и болталъ.

— Ну, а хлѣбъ у тебя есть свой?—спросилъ я его.

— Да только чтò съ участка Б. сѣялъ, а то плохо,—отвѣчалъ онъ пѣвучимъ голоскомъ.—Ну, хлѣба-то, хоть, я не толкую,—хватитъ, а корму нѣтъ, это покупать, пожалуй, придется, либо крыши раскрывать; ужъ и сейчасъ много травятъ; лошади, главное дѣло, одолѣваютъ. Быкъ никогда того не съѣстъ, чтò лошадь пожретъ... Да, изъ корму больно плохо ныньче... Не знаю, чтò и дѣлать... Раньше много лучше мы жили. Сравнить даже нельзя... А сейчасъ чтò? И все это чугунка надѣлала, она, невѣрная... Кабы чугунки не было, возили бы мы хлѣбъ по старинѣ, извозничали, и хлѣбъ бы нашъ тутъ былъ бы, не продавали бы, и чугунка въ чужія страны не увезла бы.

— Безъ чугунки вы бы теперь всѣ съ голоду умерли,—замѣтилъ на это И. А.:—она одна васъ и спасаетъ, сейчасъ же хлѣбъ подвозитъ.

— Она спасаетъ, она и разорила,—продолжалъ Симонъ:—конечно, и зѐмли были раньше лучше, и народу меньше; сейчасъ—ишь сколько расплодилось народу...

Мнѣ страшно хотѣлось спать, и я закрылъ глаза, но только-что я сталъ успокоиваться, слушая Симонову болтовню, какъ почувствовалъ, что что-то щекочетъ мнѣ лицо и шею, точно что-то живое бѣгаетъ по мнѣ. Я привсталъ и увидалъ, что весь полъ, весь И. А. и я самъ были покрыты прусаками, стремительно мчавшимися по насъ. Какъ только завернули лампу, они

выползли на просторъ. Долго я не могъ заснуть отъ нихъ, и мы все ворочались съ И. А. съ боку на бокъ.

— Вотъ бѣда-то!—сказалъ наконецъ И. А., искренно огорченный, что не можетъ заснуть: — экая пропасть ихъ у васъ! Вонъ, еще летятъ!

— Чего это?—отозвался Симонъ уже сонливымъ голосомъ.

Симоновы дѣвки и солдатка вдругъ громко фыркнули и покатились такимъ дружнымъ смѣхомъ, что даже старуха за перегородкой замычала что-то и заворочалась.

— А вонъ еще пара летитъ! — шутилъ И. А., приподнимаясь на кошмѣ:—смотри, смотри, какъ катятъ! Вѣдь это совсѣмъ бѣда!

Солдатка съ дѣвками еще громче покатились. Симонъ тоже заразился и сталъ хохотать, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Божьи твари, это ничего,—сказалъ онъ наконецъ:—чего ихъ бояться. Они не вредятъ.

— А въ уши залѣзутъ,—говорилъ И. А., — или въ носъ да въ ротъ. Нечего сказать — не вредятъ. Фу, пропасть какая, и жирные какіе!

Опять поднялся хохотъ въ избѣ. Смѣхунъ напалъ на всѣхъ, даже на больную старуху, дѣтей и работника. А божьи твари все бѣгали по насъ, и только часа въ два ночи мы заснули.

VI.

Утромъ, когда мы проснулись, оказалось, что, какъ тогда на хуторѣ, громадная толпа голоднаго народа дожидалась меня. Я сейчасъ же одѣлся и вышелъ къ ней, опять прося ее разойтись и не ожидать отъ меня помощи, пока я самъ не устрою ее. Теперь ужъ я не испытывалъ такого безпомощнаго чувства передъ множествомъ пришедшаго ко мнѣ народа,—у меня уже было довольно средствъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, помочь бѣднѣйшимъ, и впереди еще ожидались пожертвованія изъ разныхъ источниковъ.

Послѣ чая мы отправились къ Шихабалихѣ, вдовѣ недавно умершаго кабатчика, бузулукской мѣщанкѣ, въ избѣ которой, по словамъ Симона, намъ удобнѣе всего можно было устроиться жить. Когда мы втроемъ вышли на улицу, толпа народа, не послушавшаяся меня и не разошедшаяся, двинулась за нами. Изъ всѣхъ избъ смотрѣли на насъ любопытныя лица, пока мы проходили.

Утро было морозное и ясное. На дорогѣ лежалъ снѣгъ чуть-ли не по колѣно. Изба Михайловны Шихабалихи, какъ звали нашу будущую хозяйку, дѣйствительно оказалась уютной на видъ и намъ понравилась. Деревянная, еще новенькая, съ тремя окнами на улицу, съ зелеными ставнями, съ высокимъ крыльцомъ и тесовой крышей—она выдѣлялась своимъ видомъ среди другихъ построекъ. Михайловна предложила намъ бо̀льшую половину, съ двумя окнами, сама же хотѣла перейти въ меньшую. Кромѣ того, для нашихъ людей, какъ сказала Михайловна, могъ служить чуланъ и сѣнцы подлѣ нашей горницы. Тамъ же въ сѣняхъ стояла, устьемъ къ намъ, русская печь.

Мы сговорились съ Михайловной, хотя о цѣнѣ и не упомянули — я зналъ, что она попроситъ меньше того, что̀ я ей дамъ,—и въ то же утро рѣшили перейти къ ней жить, попросивъ Симона перевезти сюда отъ него наши вещи. Потомъ я опять вышелъ на улицу. Нѣсколько человѣкъ окружило меня со словами:

— Помогите, Христа ради! Три дня не ѣли. Умираемъ голодной смертью.

Мнѣ пришлось и такимъ пока отказывать. Толпа, стоявшая на улицѣ, еще выросла. Впереди стоялъ староста, съ мѣдной медалью на груди.

— Съ прибытіемъ вашего сіятельства!—началъ онъ, подходя ко мнѣ и снимая шапку.

Голосъ у него простой, ласковый, лицо добродушное, съ окладистой черной бородой; въ рукѣ онъ держалъ костыль.

— Заждались васъ, вашего сіятельства,—продолжалъ онъ,—бѣдствуетъ народъ рѣзко. Показалась вамъ квартира-то? („показалась“ — значило „понравилась“). А то тутъ еще хорошій домъ есть.

Я сказалъ старостѣ, что мнѣ другой квартиры не нужно, что я уже сошелся съ хозяйкой, и велѣлъ ему вести меня къ волостному писарю, у котораго мнѣ нужно было взять списки домохозяевъ. Староста охотно побѣжалъ впереди меня, размахивая своимъ костылемъ. Я пошелъ за нимъ. За нами двинулась и толпа народа. Опять тутъ были и мужики, и бабы, и ребята. А. И. остался дома. Симонъ пошелъ со мной.

— Писарь, должно, въ волости,—сказалъ староста,—туда надо.

— Ну, туда, конечно.

Около зданія волостного правленія тоже стоялъ народъ. Дѣйствительно, все село взбаломутилось, какъ сказалъ Симонъ.

Пока я шелъ, опять то-и-дѣло подбѣгали ко мнѣ люди изъ тѣхъ, вѣроятно, кто былъ поглупѣе, и просили хлѣба.

— Сюда, сюда, милѐчекъ!—заговорилъ староста, указывая мнѣ входъ въ волостную:—за мной, милочекъ:

Мы такъ и прозвали старосту „милѐчкомъ", за его привычку приговаривать на каждомъ шагу это слово.

Я прошелъ сѣни и вошелъ въ волостное правленіе, биткомъ набитое народомъ, на этотъ разъ только мужиками. Увидавъ меня, толпа разступилась, оставляя мнѣ широкій свободный проходъ къ столу. Тамъ подлѣ окна сидѣлъ на стулѣ какой-то скелетообразный, крупный человѣкъ, въ драповомъ пальто и съ болѣзненнымъ, желтымъ лицомъ.

— Здравствуйте!—сказалъ я, обращаясь ко всему сходу.

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство! — проговорило мнѣ въ отвѣтъ нѣсколько бравыхъ солдатскихъ голосовъ.

Что-то непріятное кольнуло меня при этомъ. И въ ту же минуту вся толпа мужиковъ съ шумомъ опустилась и стала передо мной иа колѣни. Я совсѣмъ растерялся. Одинъ я стоялъ, да тотъ худой человѣкъ въ пальто сидѣлъ у стола. Это былъ волостной писарь, какъ я потомъ узналъ. Мнѣ стало неловко, и стыдно, и досадно.

— Встаньте ради Бога!—обратился я къ мужикамъ.—Зачѣмъ вы это?

— Благодаримъ, благодаримъ, — громко и внушительно заговорила толпа,—за неоставленіе!

— Встаньте!—уже съ сердцемъ сказалъ я.

Но они все еще не поднимались. Эта минута, что они стояли передо мной на колѣняхъ, показалась мнѣ за цѣлый часъ.

— Ну и я стану, что̀ же будетъ?—сказалъ я, тоже опускаясь на колѣни передъ народомъ.

Тогда они снова зашумѣли и встали на ноги.

Я прошелъ къ столу, познакомился съ волостнымъ писаремъ и сѣлъ около него. Сейчасъ же онъ выложилъ передо мной кучу денежныхъ повѣстокъ отъ жертвователей. Потомъ я попросилъ его дать мнѣ необходимые списки населенія селъ Патровской волости, и, пригласивъ его зайти ко мнѣ вечеромъ со старшиной, старостой и сельскими писарями, я всталъ и пошелъ-было къ двери. Но тутъ сходъ еще удержалъ меня.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! — заговорило нѣсколько голосовъ.

— Что̀?—спросилъ я.

Оказалось, что патровское общество выбрало изъ своей среды двухъ солдатъ-гвардейцевъ, которыхъ желало отправить въ Петербургъ ходоками, къ кому—оно само еще не знало,—но, одно слово, въ Петербургъ съ прошеніемъ о помощи. Общество даже собрало денегъ на дорогу ходокамъ, хотя и не хватало имъ что-то около 17-ти рублей, которые долженъ былъ доплатить я. Кромѣ того, я долженъ былъ дать адресъ и рекомендательное письмо къ кому-нибудь изъ моихъ петербургскихъ знакомыхъ, который бы, въ свою очередь, содѣйствовалъ ходокамъ проникнуть и передать дальше волостной приговоръ и просьбу. Таковъ былъ планъ, задуманный обществомъ и внушенный имъ, вѣроятно, тѣми же двумя ловкими и умными солдатами,—красавцами-гвардейцами, которые теперь на вытяжкѣ стояли передо мной въ толпѣ мужиковъ и всѣмъ видомъ своимъ говорили, что они ребята честные, прямые, сильные, рѣшительные, и дойдутъ, куда угодно.

Сначала я отнесся скептически къ выдумкѣ общества, но потомъ, вспомнивъ, что попытка не пытка, я подумалъ, что, можетъ быть, дѣйствительно было бы не лишнимъ написать письмо къ одному моему товарищу по гимназіи въ Петербургѣ, который, можетъ быть, съумѣлъ бы какъ-нибудь и съ своей стороны помочь патровскимъ крестьянамъ и провести ихъ къ людямъ сильнымъ міра сего. Я стоялъ, соображая, передъ толпой, смотрѣвшей на меня въ ожиданіи.

— Охъ, не похвалитъ насъ земскій! — вдругъ проговорилъ со вздохомъ староста-милочекъ, косясь на мужиковъ:—вотъ достанется мнѣ за это на орѣхи.

— За что̀ это? Ишь чего вздумалъ?

— Что-жъ, когда наше начальство не слушаетъ насъ,—глухо заговорили въ толпѣ голоса,—не помирать же въ самомъ дѣлѣ?.. Что-жъ земскій? Вонъ всего разъ и былъ за осень... Вамъ, говоритъ, даютъ... А что̀ даютъ?.. Вы, говоритъ, жители остались. А какіе мы жители? Не похвалитъ!? Эхъ ты!

— Достанется на орѣхи,—тѣмъ не менѣе, еще разъ вздохнулъ простоватый милочекъ.

Я сказалъ сходу, что подумаю объ его просьбѣ, и вышелъ изъ волости.

Около нашей избы я засталъ И. А., стоявшаго на улицѣ среди толпы народа. Онъ бесѣдовалъ, разспрашивая, а народъ отвѣчалъ, какъ мнѣ тогда на хуторѣ, въ нѣсколько голосовъ заразъ.

— Ну, что?—спросилъ я И. А., подойдя къ нему: — какъ находите нужду?

— Ужасъ, ужасъ что такое!—отвѣтилъ онъ мнѣ, очевидно искренно пораженный тѣмъ, что услышалъ:—ну, куда же сравнить рязанскую нужду со здѣшней! Это прямо голодъ, настоящій, страшный, а тамъ только обыкновенная нужда.

Я сказалъ И. А., что у меня много дѣла и вопросовъ къ Б., и что надо найти лошадей, чтобы ѣхать къ нему на хуторъ.

— Лошадей?—своей веселой и услужливой манерой повторилъ И. А.:—сейчасъ раздобудемъ.

И онъ бодро пошелъ куда-то по деревенской улицѣ.

Черезъ полчаса мы уже ѣхали къ Б. на хуторъ на парочкѣ тощихъ почтовыхъ лошадей.

— А пока вы были въ волости,—говорилъ мнѣ И. А. дорогой,—все приходили къ намъ наниматься разные люди. Не нужно ли лакея, или повара, или кучера? Всякій народъ тутъ есть. И все больше солдаты. Конечно, я всѣхъ прогналъ. Я нашелъ кухарку для насъ, и больше никого намъ не нужно. У Михайловны мужикъ-работникъ Антонъ тоже можетъ кое-что дѣлать для насъ.

Конечно, я вполнѣ согласился со всѣми распоряженіями И. А. и одобрилъ ихъ.

Кстати объ этомъ мужикѣ Антонѣ, о которомъ упомянулъ И. А. Никогда не забуду моего чувства недоумѣнія передъ нимъ и его необыкновенными рѣчами. Это былъ мужикъ, лѣтъ уже пятидесяти, черный съ просѣдью, небольшой ростомъ, съ маленькими всегда блестѣвшими голубыми глазками и крошечнымъ носомъ. Раньше онъ былъ въ „жителяхъ“, имѣлъ пару лошадей, корову. За послѣдніе года все спустилъ и наконецъ нанялся въ работники.

Неурожай послѣдняго лѣта окончательно вышибъ его изъ числа самостоятельныхъ хозяевъ. Антонъ дошелъ до того, что онъ и амбаришка, и платье заложилъ, чтобы какъ-нибудь прокормить многочисленную семью. И несмотря на все это, онъ былъ не только совершенно покоенъ, не только не горевалъ, какъ будто, глядя на свое положеніе, но по прежнему шутилъ и улыбался, покуривая свою любимую трубочку.

Намъ, пріѣхавшимъ тогда къ нимъ, голодающимъ, и заранѣе готовымъ сочувствовать ихъ нуждѣ и убиваться вмѣстѣ съ ними передъ ихъ несчастіями, было необыкновенно странно такое отношеніе этихъ Антоновъ къ своей участи. Но они, видно, умнѣе насъ.

— Что-жъ? слезами и жалобами не поможешь,—говорилъ Антонъ съ убійственнымъ хладнокровіемъ философа, не выпуская трубки изо рта.—Скотину распродали, имущество заложили, теперь и сами умирать будемъ, смерти дожидаться. Что̀ подѣлаешь?

Проѣхавъ снѣжной степью 15 верстъ, мы пріѣхали на хуторъ. Первое, что̀ разсказалъ намъ Б., это—что только-что привели къ нему башкира, укравшаго у него же сѣно. Б., конечно, отпустилъ вора, но воръ былъ все-таки обиженъ тѣмъ, что отняли у него сѣно, которое онъ укралъ. Такъ что Б. пришлось отдать сѣно ему.

Я привезъ съ собой волостные списки къ Б. и сталъ провѣрять ихъ съ нимъ вмѣстѣ, отмѣчая богатыхъ крестьянъ, въ родѣ Симона, не нуждавшихся въ помощи.

Б. хорошо зналъ мѣстный народъ, былъ человѣкъ ему сочувствовавшій и не пристрастный,—поэтому онъ лучше другихъ могъ указать степень нужды чуть ли не каждой семьи. Но я не ограничился одними его разъясненіями,—вечеромъ этого же дня я еще провѣрилъ списки съ моими гостями, писаремъ, старшиной и старостой. Около двадцати или тридцати именъ, не больше, было зачеркнуто нами въ числѣ 450 домохозяевъ села Патровки, какъ не нуждавшихся въ помощи; остальные же всѣ нуждались—по общему голосу. Въ спискахъ было обозначено число скотины въ каждомъ дворѣ, число ѣдоковъ, число наличнаго хлѣба, размѣръ земской ссуды. Все это приходилось взвѣшивать и принимать во вниманіе. Такъ-называемые богатые дворы при этомъ очень жаловались на то, что имъ было отказано въ ссудѣ, и что поэтому имъ приходится распродавать скотину и разоряться. Я вполнѣ раздѣлялъ это чувство обиды съ ними и думаю, что отказъ имъ въ ссудѣ былъ большой ошибкой земства въ тотъ годъ, повлекшей за собой лишнее уничтоженіе скота въ губерніи.

Поэтому, въ концѣ дѣятельности, когда время подходило къ веснѣ и средства у насъ все прибавлялись, мы не боялись пускать въ столовыя членовъ и такъ-называемыхъ достаточныхъ семействъ, зная, что если человѣкъ вонъ изъ дома, то въ домѣ больше остается, и этотъ излишекъ идетъ на кормъ какой-нибудь несчастной коровѣ или лошади.

Вернувшись отъ Б., какъ я уже сказалъ, я долго занимался съ волостнымъ начальствомъ и только поздно вечеромъ отпустилъ его. Бѣдный волостной писарь оказался чахоточнымъ въ послѣдней степени, жалкимъ человѣкомъ, одной изъ тѣхъ многихъ жертвъ нашей средней интеллигенціи, попавшихъ въ глухую

деревню, къ народу не приставшихъ и отъ прежнихъ условій отставшихъ, одинокихъ и несчастныхъ. Писарь не вѣрилъ въ опасность своей болѣзни, и когда спрашивали его о ней, онъ отвѣчалъ равнодушно, что ему лучше, или что онъ совсѣмъ здоровъ.

Наконецъ, мы остались съ И. А. одни послѣ цѣлаго дня, полнаго движенія и новыхъ впечатлѣній. На столѣ у насъ лежала куча бумагъ. Тутъ были и списки нашей волости, и прошенія о помощи изъ другихъ селъ, успѣвшихъ узнать о насъ, и прошенія отъ разныхъ отдѣльныхъ лицъ.

— Какъ же мы будемъ помогать?—спросилъ я у И. А.— Чтò лучше? Столовыя или простая раздача муки? Вѣдь если открывать столовыя на всю эту громаду народа,—нужно чуть ли не всѣ избы обратить въ столовыя.

Мы долго бесѣдовали объ этомъ вопросѣ, и въ концѣ концовъ такъ и не пришли къ опредѣленному отвѣту на него. Мы рѣшили пока начать и то, и другое: отзываться на нужду такъ, какъ она этого будетъ требовать, и ждать, чтобы само дѣло указало намъ наилучшіе формы и пути.

Прежде всего нужно было устроить нѣсколько пекаренъ въ селахъ, чтобы можно было продавать изъ нихъ дешевый хлѣбъ; нужно было сосредоточить въ этихъ пекарняхъ побольше силъ, чтобы отсюда хлѣбъ могъ также идти въ столовыя, и чтобы этимъ облегчилось дѣло послѣднихъ, такъ какъ никакая хозяйка не могла управиться печеніемъ хлѣбовъ на 60—70 человѣкъ, да еще варкой горячаго; нужно было раздать, когда получится первый хлѣбъ изъ Самары, хоть по десяти фунтовъ бѣднѣйшимъ жителямъ волости, потому что земскій хлѣбъ они давно доѣли и побирались, а до слѣдующаго „комитета", какъ они называли эту земскую ссуду, оставалось еще цѣлыхъ двѣ недѣли.

Вотъ главное, чтò предстояло намъ на первое время. Кромѣ того, надо было подписать сейчасъ же нѣсколько сотъ повѣстокъ и отправить ихъ завтра въ Бузулукъ.

Въ тотъ же вечеръ я написалъ письмо въ Петербургъ, къ бывшему моему товарищу Ш., додалъ 20 рублей ходокамъ на дорогу, и на другой же день они оставили Патровку. Ихъ поѣздка удалась. Нашлись добрые, отзывчивые люди въ Петербургѣ, которые выслушали ихъ съ сочувствіемъ и потомъ хорошо помогли. Проѣздивъ дней десять, ходоки, очень довольные, вернулись въ Патровку со множествомъ интересныхъ для меня разсказовъ.

Когда въ тотъ вечеръ я легъ спать на новой квартирѣ, оказалось, что изба Михайловны, съ виду уютная, была на дѣлѣ

далеко не такой; съ полу и изъ стѣнъ такъ дуло, что я, напрасно стараясь закутаться одѣяломъ, взялъ наконецъ мой тулупъ и, завернувшись въ него, легъ. Къ тому же пахло кизячнымъ угаромъ отъ печки, а вмѣсто прусаковъ оказались клопы, которые, хотя тоже были божьими тварями, но были еще непріятнѣе первыхъ.

Гр. Л. Толстой-сынъ.

НОРВЕЖСКІЕ МОТИВЫ

I.

Зимнія сумерки... слабый румянецъ
Ранней вечерней зари...
Прямо, надъ церковью, пышетъ багрянецъ,—
Въ розсыпь на немъ янтари...
Снѣгу-то! снѣгу!.. вѣдь всю, пеленою,
Паперть зарыла мятель...
Въ ризѣ серебряной, никнетъ главою,
Вся просвѣтленная,—ель!

Медленно всходитъ, по лѣстницѣ зыбкой,
Старый, угрюмый звонарь,—
Вспомнилъ онъ молодость,—кротко, съ улыбкой,
Колоколъ двинулъ, какъ встарь.
Звонъ полился... далекò онъ прольется,
Полемъ, холодной зарей...
Слышите?.. Свадебный поѣздъ несется,—
Пѣсни, звонки—подъ горой...

II.

Саваны бѣлые виснутъ надъ кручами,
Смерть на сугробахъ царитъ,—
Черные вороны кружатся тучами,—
Старшій изъ нихъ говоритъ:
„Полно кружиться... Лѣсами дремучими
Лучше летѣть,—будетъ толкъ:
Спитъ тамъ, зарытый снѣгами сыпучими,
Въ чащѣ березовой—волкъ.

Раненый, палъ онъ, скитаясь болотами,
Между обугленныхъ пней,—
Тамъ обошли его люди охотами,
Мы жъ разорвемъ для дѣтей“!

Черные вороны разомъ взвиваются,
Снѣгъ отряхаютъ съ плеча...
Красный, въ снѣгу, можжевельникъ качается,
Поле—сплошная парча̀.
Жадно къ добычѣ проносится тучами
Алчный вороній синклитъ.
Саваны, саваны виснутъ надъ кручами,
Смерть на сугробахъ царитъ.

III.

Ночные туманы!
Вы пролили слезы
На пышные маки,
На алыя розы...
Румяное утро,
Играя лучами,
Разсыпало слезы
Въ цвѣтахъ,—янтарями!..
Румяному утру,
Сквозь сонъ улыбаясь,
Въ уборахъ янтарныхъ
На стебляхъ качаясь,—
Скажите же, розы,
Повѣдайте, маки,
О чемъ вамъ туманы
Шептали во мракѣ?..
О чемъ, среди ночи,
Поникнувъ главами,
Въ душистомъ раздумьѣ,
Вы плакали сами?..

Е. К. Остенъ-Сакенъ.

ЖИЗНЕННЫЕ ПУТИ

„The Ways of Life“, by M. Oliphant.

Окончаніе.

I *).

Былъ сырой, свѣжій и довольно пасмурный вечеръ, какіе не рѣдкость въ сентябрѣ, даже послѣ роскошнаго, солнечнаго и теплаго осенняго дня. Налетѣлъ чуткій вѣтерокъ, предвѣстникъ осеннихъ, пронизывающихъ вихрей, и, чуть слышно пробѣжавъ по вѣтвямъ, сорвалъ два пожелтѣвшихъ, сухихъ листочка, затрепетавшихъ въ воздухѣ. Какъ лѣсной духъ, съ тихимъ стономъ метнулся онъ мимо и бросилъ въ лицо путникамъ двумя-тремя каплями крупнаго, какъ слеза, рѣдкаго дождя. Ночь надвигалась такая непривѣтная, что никому въ голову не пришло бы выйти въ садъ на прогулку.

Однако, Робертъ Даліэль не подумалъ измѣнить своему обыкновенію и вышелъ выкурить на воздухѣ свою послѣ-обѣденную сигару; онъ слишкомъ гордъ, чтобы уступить суровой погодѣ или приступу дождя: изъ оконъ ялтонской гостиной можно было въ томъ убѣдиться. То-и-дѣло мелькали, то потухая, то вспыхивая, огненные кончики двухъ сигаръ, освѣщавшихъ на мигъ двѣ темныя фигуры, которыя двигались неутомимо туда и сюда, вдругъ останавливаясь и такъ же стремительно принимаясь шагать впередъ, послѣ краткой остановки. Такова ужъ была привычка у отца семейства, которому принадлежала прелестная усадьба Ялтонъ.

---

*) См. май, 277 стр.

Домъ старинный, уютный и красивый, въ полу-французскомъ, полу-шотландскомъ стилѣ исторической переходной эпохи,—увѣнчанный башнями, террасами и башенками, заслужившими кличку „перечницы“, былъ окруженъ садомъ, который еще благоухалъ осенними цвѣтами и былъ полонъ журчаньемъ и тихимъ плескомъ полуразрушеннаго фонтана...

Темныя фигуры—отецъ и его старшій сынъ, Фрэдъ, отличались одинъ отъ другого (особенно въ полутьмѣ вечера) тѣмъ, что одна была плечистѣе, крупнѣе, а другая—еще полна юношеской гибкости и сравнительной худобы. Юноша съ увлеченіемъ посвящалъ отца въ свои восторженныя впечатлѣнія, которыя отецъ теперь переживалъ въ воспоминаніяхъ вмѣстѣ съ нимъ. Самъ Даліэль былъ человѣкъ еще въ полной силѣ (ему не было и пятидесяти лѣтъ), и первый годъ студенчества былъ ему хорошо памятенъ, какъ нѣчто сравнительно недавнее, особенно подъ вліяніемъ горячихъ рѣчей Фрэда.

— Да, милый мой! Чудное время ты теперь переживаешь!—съ полузадумчивой улыбкой проговорилъ отецъ.—Только знаешь ли,—не мѣшаетъ иной разъ и вспомнить, что жизнь состоитъ не изъ одного веселья и холостой пирушки, и что есть въ мірѣ кое-что похуже надзирателей, всегда готовыхъ „подтянуть“ расходившуюся молодежь. Я этимъ не хочу сказать, чтобъ ты вовсе не забавлялся; но только не мѣшало бы тебѣ немножко поучиться и труду.

— Хорошо, отецъ! Будь спокоенъ, я пробью себѣ дорогу и не опозорю свое имя.

— Я не о томъ и думаю, конечно!—возразилъ отецъ;—но тебѣ слѣдовало бы обратить вниманіе на что-нибудь болѣе дѣльное.

— Мнѣ въ голову не приходило, что для меня окажется необходимость въ чемъ-либо, кромѣ честнаго имени,—удивленно замѣтилъ молодой студентъ. — Я не подозрѣвалъ, что мнѣ придется жить тяжелымъ трудомъ.

— Жить?! Я этого не говорю, но молодому человѣку всегда полезно подумать о необходимости работать. Для *тебя* также это было бы хорошо.

— Мнѣ кажется, тутъ и думать нечего: всегда необходимо создавать себѣ добрую славу.

— Глупое ты дитя! Добрая слава всегда и всякому полезна. Ты вѣдь и не подозрѣваешь, до чего она можетъ тебѣ пригодиться

— Ну, однако! Не думаю, чтобъ у меня въ этомъ была нужда, пока ты самъ, отецъ, все дѣлаешь для меня.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, Фрэдъ. Я именно хотѣлъ указать тебѣ на то, что не всегда я буду съ вами.

— Ну, вотъ еще! Ты чуть не однихъ лѣтъ со мною!

— Я не особенно старъ, это вѣрно. Но никто отъ смерти не убережется, какъ бы онъ ни былъ молодъ. Подумай, Фрэдъ, что̀ предстоитъ пережить такому же молодому человѣку, какъ и ты, если у него неожиданно умретъ отецъ. Ему придется стать во главѣ семьи, защищать сестеръ и мать, можетъ быть, даже работать на нихъ. — М-ръ Даліэль остановился, чтобы усилить впечатлѣніе, какъ это было у него въ привычкѣ. — Я знавалъ господина, который совсѣмъ еще мальчишкой былъ вынужденъ оставить науку и работать, какъ волъ,... въ какой-то конторѣ. Это не похоже на твои пирушки... а, Фрэдъ?

— Я тоже слышалъ нѣчто въ этомъ родѣ,—подхватилъ студентъ.—Вотъ, одному изъ моихъ товарищей случилось именно такъ начать свою карьеру. Тяжело ему было не кончить курса, а работать еще тяжелѣе, особенно искать работы, не имѣя диплома. Но отъ этого на него ничуть не хуже смотрѣли... Впрочемъ, онъ вскорѣ уѣхалъ за границу...

— И ни слуху, ни духу?

— Да. Товарищи считали, что ему, должно быть, слишкомъ было тяжело...

— Ну, такого рода обстоятельства могли случиться съ кѣмъ угодно, и ты долженъ это твердо помнить...

— Ну, отецъ!—тономъ возраженія вырвалось у Фрэда, и онъ взглядомъ провелъ по величавому зданію и по темнымъ его очертаніямъ. Это движеніе не ускользнуло отъ отца.

— Ты хочешь возразить, что у тебя есть обезпеченіе—Ялтонъ? Что я хоть и занимаюсь коммерческими дѣлами, но не исключительно живу этимъ трудомъ,—смѣясь на выходку сына, замѣтилъ Даліэль.—Я вѣдь не о насъ съ тобою говорю, а о превратностяхъ жизни, и, конечно, надѣюсь, что пока Эдинбургъ стоитъ еще на мѣстѣ, до тѣхъ поръ не переведется въ Ялтонѣ родъ Даліэлей. А все-таки,—помолчавъ съ минуту, прибавилъ онъ, отряхнувъ ногтемъ пепелъ съ дорогой сигары;—все-таки, я желалъ бы быть увѣреннымъ, что ты во всякое время можешь меня замѣстить... Такъ вѣдь и придется, потому что мать твоя привыкла, чтобы о ней заботились, и не у нея просить совѣта въ дѣлахъ, когда меня не станетъ...

— Мнѣ бы не хотѣлось слышать отъ тебя такіе ужасы,—горячо возразилъ Фрэдъ,—до которыхъ, я надѣюсь, Богъ не допуститъ.

— Чтò жъ дѣлать, голубчикъ? Такова ужъ неотразимая необходимость для взрослаго человѣка, которая—такое же, можно сказать, наказанье, какъ, напримѣръ, бритье: а, въ сущности, вѣдь оно даже тебѣ пріятно, какъ предвѣстникъ будущаго признака зрѣлости—бороды.

— Бритье, дѣйствительно, необходимо,—покручивая едва замѣтный усъ, возразилъ самодовольно юноша.

— Вотъ какъ? Ну, пока-то еще не особенно!—весело усмѣхнулся отецъ.—Пока ничего, кромѣ удовольствія быть любимымъ танцоромъ на балахъ, тебѣ не доставляетъ твое положеніе студента и наслѣдника Ялтона. А когда ты ѣдешь на балъ къ Скримджерамъ?

— Завтра. Я знаю, эти Скримджеры—старые знакомые, и я ихъ помню съ дѣтства. Кѣмъ бы я ни былъ, а я увѣренъ, что они не измѣнятся ко мнѣ, чтò бы ни случилось.

— Будемъ надѣяться,—тихонько вздохнувъ, проговорилъ Даліэль, и его вздохъ, вмѣстѣ съ унылымъ шелестомъ вѣтвей, какъ-то тревожно отозвался на сердцѣ у Фрэда. Онъ самъ чувствовалъ, что это простое ребячество — испытывать безотчетный страхъ, но ему все же было жутко.

Ночь была пасмурная, полная чего-то призрачнаго, таинственнаго. Въ Ялтонѣ не было привидѣній, но старуха Джанета увѣряла, что иногда вдоль по главной дорогѣ, которая ведетъ къ крыльцу, слышится конскій топотъ, и что это предвѣщаетъ горе и тревогу. Фрэдъ невольно прислушался...

Но лишь унылый вѣтеръ тихонько шелестѣлъ сухой листвою, да разбрасывалъ по сторонамъ отдѣльные увядшіе листочки.

— Пойдемъ домой, — замѣтилъ Даліэль и, подымаясь на крыльцо, прибавилъ, по странной случайности, словно слѣдуя первому внушенію.—Ты будешь надо мной смѣяться, но я долженъ тебя предупредить: если ты когда-либо попадешь въ бѣду или не будешь знать, у кого попросить совѣта, — не смѣйся, а вспомни мои слова и обратись къ старой Джанетѣ. Ты знаешь, вѣдь она всю жизнь свою жила въ Ялтонѣ, и нѣтъ на свѣтѣ ничего такого, на чтò бы ни пошла она, еслибъ чтò понадобилось одному изъ насъ. Удивительно сердечная женщина эта старуха! И умница такая... Голова!

— Я ее недолюбливаю,—угрюмо перебилъ отца студентъ.

— Ну, правду говоря, то же можно сказать и про всѣхъ васъ съ вашей матерью во главѣ; но это—лишь предубѣжденіе, а для меня она—неоцѣненный другъ.

— Все равно, я предпочитаю не обращаться за совѣтомъ

къ старой нянькѣ... Ну, что̀ она такое можетъ лучше знать, чѣмъ мы?

— Таково мнѣніе матери твоей, и это очень жаль...—задумчиво проговорилъ отецъ.—Пойди-ка ты къ себѣ, да прими хоть что-нибудь противъ простуды: тебя замѣтно пробираетъ дрожь.

Между тѣмъ, они ужъ подошли къ дверямъ въ гостиную, и яркое освѣщеніе, особенно послѣ вечерней мглы, ослѣпило Даліэля; но онъ зналъ и безъ того, кого онъ найдетъ въ гостиной.

М-ссъ Даліэль и ея двѣ дочери оживленно болтали: старый другъ хозяина дома, Патрикъ Веддербернъ, который какъ родной чувствовалъ себя у него въ семьѣ, сидѣлъ поодаль въ глубокомъ креслѣ и, скрываясь за большимъ листомъ газеты, изрѣдка вставлялъ свое словечко, или читалъ краткую выдержку изъ ея столбцовъ. Бесѣда касалась все того же интереса дня—бала у Скримджеровъ.

— Кажется, могли бы меня пригласить,—замѣтила старшая, Сузи.—Я какъ разъ ровесница Люси Скримджеръ. Въ этомъ уже не я, а ты, мама, виновата! Мнѣ семнадцать лѣтъ, а ты еще не начинала меня вывозить. Мнѣ даже далеко за семнадцать,—и это всѣмъ извѣстно.

— Конечно, ты не виновата,—согласилась м-ссъ Даліэль.—Съ своей стороны, ты ужъ давно надоѣдаешь мнѣ... но у меня бываютъ свои особыя воззрѣнія, а это — одно изъ главнѣйшихъ; дѣвушку вывозить надо начать какъ можно позже, не то пройдутъ года и всякій скажетъ:—„А, это Сузи Даліэль! Постойте-ка, я вамъ сейчасъ скажу, сколько ей лѣтъ. Она начала выѣзжать въ такомъ-то году... а ей тогда было по меньшей мѣрѣ девятнадцать лѣтъ“.

— Ну, и пусть! Что̀ за бѣда? Если мнѣ сдѣлать настоящую прическу, мнѣ можно дать и всѣ восемнадцать лѣтъ.

— Все это, милочка моя, пока хорошо и прекрасно; но дай только подойти къ тридцати годамъ—ты первая захочешь сбавить себѣ хоть парочку годковъ.

— Будемъ надѣяться, что къ тому времени она больше не будетъ Сузи Даліэль, — послышался изъ-за газеты голосъ Веддерберна.

— Не все ли равно?—возразила Сузи.—Будь мнѣ хоть сорокъ лѣтъ, я никогда не постыжусь признаться... Какая польза скрытничать, если все равно стоишь одной ногой въ гробу?

— Мамѣ сорокъ... или даже за́-сорокъ,—замѣтила Алиса,—а никому въ голову не придетъ сказать, что у нея одна нога въ гробу.

— Не все ли равно, если ужъ наступаетъ такой возрастъ, когда человѣкъ превращается въ „ископаемое“,—горячилась Сузи.

— „Ископаемое“, Сузи!—подтвердилъ ее голосъ изъ-за газеты.

— Мнѣ кажется, м-ръ Веддербернъ находитъ вполнѣ приличными такія шутки?—довольно строго замѣтила м-ссъ Даліэль.— Мужчинъ вообще забавляетъ дерзость молоденькой дѣвчонки, а Сузи должна бы понимать настолько, чтобы не издѣваться надо мной. Кажется, ея мать всегда была для нея заботливымъ и добрымъ другомъ...

— О, мама! — бросаясь къ ней на шею, вскричала горячо Сусанна.—Я не хотѣла сказать ничего обиднаго! Я только думала, что ясно выразила мысль, что *теперь для тебя* все равно. Тебѣ, напримѣръ, все равно, что Люси будетъ завтра порхать въ волнахъ воздушной кисеи въ то время, какъ я буду уже лежать въ постели... Нѣтъ, только то подумайте, что Фрэда пригласили, а меня даже не подумали, даже не попытались! А ты вѣдь, мама, можетъ быть, меня бы отпустила?

— Вотъ что̀!—воскликнулъ Фрэдъ.—Я завтра же, съ утра, заѣду къ нимъ и попрошу, чтобы тебѣ прислали приглашенье.

На мигъ личико Сузи озарилось надеждой, которая, однако, тотчасъ же погасла.

— Можетъ быть, изъ любезности къ тебѣ?—съ презрѣніемъ, свойственнымъ сестрамъ, возразила Сузи.—Если только поэтому, я и сама не захочу къ нимъ ѣхать. Я не какая-нибудь ничтожность, и наконецъ, я—другъ Люси Скримджеръ. Если она сама не хочетъ... или Дэви... О, это свыше силъ моихъ!

— Я бы на твоемъ мѣстѣ никогда ни слова съ ними не сказала!—вспылила Алиса.

— Развѣ это поможетъ? Ни бала у меня не будетъ, ни подруги!—слезливо ворчала Сузи.—Можетъ быть, у нихъ и безъ меня было слишкомъ много дамъ, а Фрэда по необходимости позвали, въ качествѣ кавалера? Или... Вотъ я спрошу у Люси, въ первый же разъ, какъ встрѣчусь съ нею,—только, понятно, виду не подамъ и буду держать себя съ большимъ достоинствомъ.

— Напрасно! Не съумѣешь.

— Что̀ новаго въ газетахъ, Патъ?—тѣмъ временемъ спрашивалъ Даліэль своего друга, Патрика Веддерберна.

— Да ничего такого!.. Впрочемъ, сытый голоднаго не разумѣетъ: вѣдь я такъ говорю, уже прочитавъ газету, а ты еще ея не трогалъ. На̀ вотъ тебѣ „Times“... Мунро стоитъ за сѣверъ.

— Боже мой! И ты еще говоришь, что „ничего такого“? Вотъ у насъ все равно, что двумя голосами меньше: онъ вѣдь

главный зачинщикъ и подстрекатель... Да, Патъ! Не хорошо, для насъ не хорошо.

— Я вообще не довѣряю никакимъ „выборамъ", всѣ они—дѣло случайности. Есть еще прекрасная рѣчь Гладстона въ одномъ изъ ланкастерскихъ городовъ, и Джонъ Брайтъ изрыгаетъ пламя, отстаивая миръ.

— А еще онъ говоритъ, что ничего въ газетахъ нѣтъ!—воскликнулъ Даліэль, какъ ширмой загородившись большимъ листомъ газеты.

— Когда мужчины пускаются въ политику, дамамъ остается только идти спать,—замѣтила хозяйка дома.—Ты, Робертъ, завтра ѣдешь, какъ всегда? Только, пожалуйста, ужъ пріѣзжай пораньше: Фрэдъ будетъ на балу, а безъ мужчины въ этомъ домѣ жутко, страшно.

— Чего тебѣ бояться? Крысъ?—шутливо перебилъ ее сынъ.

— Чтò тебѣ сдѣлается, еслибъ я даже вовсе не вернулся? Кажется, народу вокругъ тебя вдоволь и тебя защитить съумѣютъ, —прибавилъ отецъ.

— Робертъ! Этимъ шутить нельзя! И безъ того волосы дыбомъ встанутъ, стòитъ только прислушаться къ разсказамъ старухи Джанеты.

— Конечно, ты вернешься вò-время, чтобы ее не безпокоить,—вставилъ свое словечко Веддербернъ изъ-за листа „Standard'a", который онъ взялъ вмѣсто „Times'a".

— Да, да, конечно,—небрежно проронилъ Даліэль.—Только напрасно ты слушаешь, голубушка, всякій вздоръ, который тебѣ напѣваетъ старуха. Она прекрасно знаетъ, что она сама—нѣчто въ родѣ домового, охраняющаго нашу старую усадьбу, и, должно быть, нарочно распускаетъ слухи про всякія страсти, чтобы оградить отъ вторженія таинственную комнату, „обитель привидѣній".

— Въ такія глупости я, конечно, не вѣрю!—воскликнула м-ссъ Даліэль. — Ялтонъ не доросъ еще до Глэмисъ или тому подобныхъ замковъ.

— Ялтонъ доросъ до чего угодно!—горячо перебила Сузи.— Не дальше какъ съ недѣлю тому назадъ, я слышала топотъ всадника у насъ на аллеѣ.

— Ну, еще чтò, Сузи?!—рѣзко оборвалъ ее отецъ.

— О, конечно, это просто шумѣлъ крупный дождикъ,—робѣя, поправилась молодая дѣвушка.

— Ну, Сузи чудится всегда всякій вздоръ!—подхватила мать.—Пойдемте, дѣти, берите свои вещи и ложитесь; вамъ давно пора спать.

II.

Веддербернъ уѣхалъ, но не вмѣстѣ съ Даліэлемъ, а съ первымъ же поѣздомъ, какъ настоящій дѣловой человѣкъ. Даліэль же остался подольше дома, не будучи связанъ обязательствомъ въ извѣстный часъ быть на извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстной конторѣ или крупной торговой фирмѣ. Онъ былъ начальникомъ желѣзнодорожнаго товарищества; онъ участвовалъ въ страховомъ обществѣ; онъ принадлежалъ къ разнымъ другимъ торговымъ дѣламъ и общественнымъ предпріятіямъ, но для него не было настоятельной необходимости ежедневно быть въ томъ или другомъ изъ нихъ въ опредѣленные дни и часы.

Въ то утро онъ поднялся, однако, раньше обыкновеннаго и принялся „метаться" по всему дому, какъ замѣтила ему жена. Вообще въ Ялтонѣ было какъ-то не принято рано вставать.

Казалось, у Даліэля была пропасть мелкихъ хлопотъ,—онъ даже послѣ звонка къ завтраку забѣгалъ раза два въ библіотеку.

— Суетится, точно какой-нибудь премьеръ!—ворчала м-ссъ Даліэль, видя, что уже налитый кофе грозитъ совсѣмъ остыть.— Робертъ! Тебѣ нечѣмъ будетъ и позавтракать. Ну, стòитъ ли что-нибудь готовить вашему отцу?—обратилась она съ жалобою къ дѣтямъ.

— Ну, мамà не горюй: *я* люблю почки совсѣмъ горячія! Онѣ не пропадутъ,—воскликнулъ Фрэдъ.

Мать было-хотѣла возразить на его выходку, но добродушный видъ его смѣющихся синихъ глазъ и крупныхъ кудрей ее обезоружилъ. Въ дѣлахъ болѣе важныхъ она не любила противорѣчій, но въ пустякахъ зачастую уступала другимъ; неаккуратность въ завтракахъ или обѣдахъ со стороны мужа была для нея не новость, и она улыбнулась, обращаясь къ сыну:

— Поди, пожалуйста, скажи отцу, чтобы онъ отложилъ попеченіе попасть сегодня въ Эдинбургъ. Къ завтраку онъ уже опоздалъ, но я его не отпущу, не накормивъ хорошенько.

— Вотъ и я, Амалія, вотъ и я!—вбѣгая, крикнулъ Даліэль.—Чтò это у тебя такое, Фрэдъ? А! почки. А это—ветчина?

— Все остыло и обратилось въ камни,—торжественно произнесла хозяйка дома.

— Ты знаешь, милая, что я всегда тебя прошу не ждать меня къ столу.

— Ты знаешь, милый, что я вѣчно тебѣ повторяю: я *всегда* буду тебя ждать къ столу! О комъ же мнѣ и заботиться, какъ не о главѣ дома?

Мужъ кинулъ на нее взглядъ, полный нѣжности, но Фрэдъ, еще не забывшій вчерашняго разговора, подмѣтилъ въ немъ не то тревогу, не то грусть, не то какое-то неопредѣленное выраженіе; оно заставило его вдругъ позабыть о существованіи вкусныхъ почекъ и неожиданно для самого себя спросить:

— Отецъ! ты не надолго уѣзжаешь?

Даліэль вздрогнулъ изумленно и перевелъ глаза на сына:

— Куда еще?.. Какъ это тебѣ въ голову пришло?

Фрэдъ поспѣшилъ отвѣтить обычной фразой безпечной молодежи:

— Да такъ!

Но въ душѣ онъ чувствовалъ, что этотъ отвѣтъ и самого отца не удовлетворяетъ, и что онъ не особенно бы удивился, еслибъ вечеромъ отецъ прислалъ телеграмму, что ему неожиданно пришлось уѣхать въ Лондонъ по дѣламъ. Мысль его какъ будто отчасти подслушала мать.

— И въ самомъ дѣлѣ, куда ему ѣхать?—проговорила она.—Въ Лондонѣ теперь еще никого нѣтъ, дѣлъ тоже никакихъ.

— Ну, да. Совершенно вѣрно!—и, немного пріостановясь, Даліэль прибавилъ:—Я, пожалуй, воспользуюсь случаемъ и прокатаюсь въ Портобелло. Ничто такъ не освѣжаетъ, какъ купанье въ морской водѣ. А съ четырехчасовымъ поѣздомъ я буду уже дома.

— Надѣюсь, ты не одинъ поѣдешь? Да смотри, не слишкомъ храбрись на водѣ: плавать и нырять хорошо только въ мѣру.

— Вотъ еще! Чтò за опасность можетъ грозить въ Портобелло? Впрочемъ, я прихвачу съ собою Веддерберна, чтобъ онъ за мною присмотрѣлъ,—согласился Даліэль, и губы его засмѣялись, но глаза смотрѣли серьезно. Это тѣмъ болѣе было замѣтно, что у него были большіе свѣтлые глаза, всегда готовые заискриться весельемъ при малѣйшемъ поводѣ, который могли ему подать шутки Веддерберна.

Въ послѣднюю минуту онъ всегда по привычкѣ еще бѣгалъ туда и сюда, то-и-дѣло забывая какую-нибудь мелочь, которую необходимо было взять съ собой. М-ссъ Даліэль стояла на порогѣ и волновалась:

— Лучше бы ты, Фрэдъ, велѣлъ заложить для отца коляску! Онъ опоздаетъ на поѣздъ. Тебѣ бы тоже не мѣшало помнить, что у отца есть привычка запоздать и потомъ бѣжать до изнеможенія, до простуды. Боже мой! Мнѣ самой слѣдовало бы приказать заложить... Ро-бертъ!—звонко крикнула она, и го-

лось мужа отозвался:—Иду! иду!—но не изъ его комнаты, а сверху, и тотчасъ же онъ самъ, стуча по лѣстницѣ, стремительно подбѣжалъ и, горячо обнявъ, расцѣловалъ жену, не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей и слуги.

— Прощай, прощай, милая, дорогая! Прощай!—торопливо, но горячо говорилъ онъ своей смущенной женѣ.—Будь здорова и не горюй обо мнѣ!

Прежде чѣмъ она успѣла оглянуться, онъ уже былъ далеко и шагалъ по главной аллеѣ; Фрэдъ едва поспѣвалъ за нимъ. М-ссъ Даліэль стояла и смотрѣла ему вслѣдъ.

Вдругъ мужъ, не останавливаясь на ходу, оглянулся на жену и, снявъ шляпу, помахалъ ей рукой въ знакъ привѣта.

„Вотъ еще! Точно мы на вѣки разстаемся! Какой вздоръ"! —подумала она, и ей досадно стало, что мужъ хоть одинъ мигъ потерялъ на это, когда и безъ того ему такъ надо торопиться.

Дѣйствительно, передъ своимъ стремительнымъ бѣгомъ внизъ по лѣстницѣ, Робертъ Даліэль былъ не у себя въ спальнѣ, а въ самомъ дальнемъ концѣ корридора, на который выходилъ цѣлый рядъ давно необитаемыхъ спальныхъ комнатъ. Тамъ его встрѣтила старуха, укутанная въ турецкую шаль необъятной величины.

— Я забѣжалъ съ тобой проститься, моя добрая Джанета! Помни, что̀ ты мнѣ обѣщала.

— Буду, буду помнить, если ты только твердо убѣжденъ, что для тебя необходимо поступить именно такъ. Пока жива, я не забуду своего обѣщанія, да, можетъ быть, мнѣ жить уже недолго?

— Положимся на Бога,—взявъ ее за обѣ руки, мягко проговорилъ онъ.

— Зачѣмъ же ты во всемъ остальномъ не могъ на Него положиться?

— Это уже прошло, и, наконецъ, не могъ же я требовать отъ Бога денегъ?

— Почему же?.. А теперь и я не знаю, могу ли я осмѣлиться призвать на тебя благословеніе Божіе. Можетъ ли Онъ благословить?

— Ну, будетъ тебѣ, будетъ! Прощай, моя старушка.

— Постой! Подумай, Робертъ, что̀ говорится, напримѣръ, въ псалмѣ...

— Прощай, родная, дорогая!.. Прощай!

Въ эту минуту до него долетѣлъ отчаянный зовъ жены:

— Робертъ!

Еще минута, и онъ уже простился съ нею, онъ бѣжалъ по ялтонской главной аллеѣ, прочь отъ родного дома.

Счастье, что м-ссъ Даліэль съ увлеченіемъ занималась своими хозяйственными дѣлами. Это и въ данномъ случаѣ помогло ей не предаваться тревогѣ, а возвращеніе Фрэда со станціи окончательно ее успокоило.

Сузи, освободившись отъ уроковъ, принялась придумывать, что̀ долженъ былъ Фрэдъ передать отъ нея Люси Скримджеръ.

— Можешь ей сказать, что никогда въ жизни я не была такъ удивлена, какъ увидавъ, что приглашеніе прислано не мнѣ, а брату. Никогда ты вѣдь не былъ съ ними въ такой дружбѣ, какъ я. Но у нихъ, вѣрно, мало кавалеровъ,—иначе къ чему бы имъ приглашать тебя? Впрочемъ, у Дэви столько было друзей-офицеровъ,—куда они дѣвались? У тебя, кромѣ твоихъ оксфордцевъ, тоже никого. Ну, къ чему намъ они, если бы мы дали балъ?

— Но у насъ бала не будетъ,—слишкомъ большая возня!—возразила мать.—Спроси-ка у Скримджеровъ, недѣлю спустя, что̀ они *тогда* тебѣ скажутъ? Весь домашній строй выбитъ изъ колеи; слуги сбились съ ногъ, обстановка перевернута вверхъ дномъ, и всѣ чувствуютъ себя несчастными, усталыми и недовольными... Нѣтъ, Сузи, нѣтъ! У насъ бала не будетъ.

— Значитъ, я такъ никогда и не буду выѣзжать?—воскликнула Сузи такимъ тономъ, изъ котораго недовольство изгнало послѣднюю тѣнь добродушія и безпечности.

— Тебѣ бы, мама̀, слѣдовало представить ее ко двору,—замѣтилъ Фрэдъ.—Это самое лучшее для вступленія въ свѣтъ молодой дѣвушки.

— О, дитя! Ты не подозрѣваешь, что̀ это стоитъ и хлопотъ, и денегъ. Пришлось бы завести массу новыхъ знакомствъ; бывать у высокопоставленныхъ лицъ и, наконецъ, добиваться разрѣшенія представляться... Нѣтъ, ужъ Сузи придется довольствоваться своимъ собственнымъ домомъ.

— Недаромъ теперь говорятъ, что все у насъ поставлено такъ неестественно и такъ условно!—подхватила Сузи.—Но пусть бы только папа́ надѣлъ свой „кавалерскій“ мундиръ и обратился къ такому-то и такому-то сановному лицу; мама́ могла попросить м-ссъ Уочопъ, чтобы она замолвила словечко герцогинѣ, а герцогиня чуть-чуть намекнула бы одной изъ принцессъ... ну, тогда можетъ быть и королева...

— Сузи! Въ своемъ ли ты умѣ? При чемъ тутъ королева?

— Ну, ей сказали бы, что мы изъ тѣхъ Да'іэлей, которые спасли жизнь королю Якову IV-му, пра-пра-пра... (и не знаю, сколько еще „пра“ подъ рядъ) прадѣду нашей королевы. А если бы случилось, что она ѣхала бы мимо нашего Ялтона, отцу пришлось бы выйти къ ней на встрѣчу и на колѣняхъ поднести ей кринку молока. Такъ гласятъ правила, существовавшія еще тысячу лѣтъ тому назадъ. Это феодальный обычай...

— Откуда ты понабралась всего такого?—восторженно воскликнулъ Фрэдъ. — А я и не подозрѣвалъ, что мы такіе выдающіеся люди...

— Ничего я тутъ не вижу выдающагося! И, наконецъ, я бы желала, Сузи, чтобы ты произносила нашу фамилію какъ слѣдуетъ, полностью, а не сокращенно, на манеръ простыхъ пахарей...

— Но такъ именно и полагается по старинѣ,—возразила матери Сусанна.—И даже, по-моему, красивѣе. Я кое-что слышала на этотъ счетъ... и насчетъ всадника, что̀ разъѣзжаетъ по дорогѣ... Но папа́ никогда не даетъ мнѣ договорить, а я бы тебѣ, Фрэдъ, такого насказала!..—и глаза ея договорили:— когда мама́ уйдетъ.

Однако, до самаго вечера все что-нибудь мѣшало Сузи докончить прерванный разговоръ, и Фрэдъ накинулся на нее съ разспросами:

— Кто тебѣ сказалъ? Откуда ты выкопала?.. Изъ какой книги?

— Нѣтъ, это мнѣ сказала старуха Джанета. Ей все извѣстно про нашу семью... и даже подробнѣе, нежели намъ самимъ...

— Вотъ какъ? Папина нянька,—Джанета?—возразилъ братъ, и тотчасъ же ему припомнилось, что къ этой старухѣ отецъ совѣтовалъ ему обратиться, когда его не будетъ, а обстоятельствами онъ, Фрэдъ, будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе...

„Вотъ еще вздоръ какой! Точно мнѣ, образованному человѣку, можетъ въ чемъ-либо пригодиться мнѣніе такой старухи, какъ наша Джанета“?—съ досадой думалъ юноша въ то время, какъ голосъ Сузи продолжалъ (уже въ заключеніе) повѣствовать:

— И съ той поры всегда передъ бѣдою въ большой аллеѣ слышится неумолкаемый и непрерывный топотъ верхового... Вотъ глупо-то! Ну, что ему за радость топтаться все на одномъ мѣстѣ? Я ни за что бы этимъ не удовлетворилась! Я бросилась бы прямо въ сѣни и такъ бы загремѣла уздечкой, что всѣхъ бы до смерти перепугала... еслибъ была призракомъ, конечно.

— Сузи! Помилуй! Ну, можешь ли *ты* быть привидѣніемъ?

— Конечно, Али, не могу! Я не сквозная!—разсудительно отвѣтила Сусанна.—Но еслибъ кому пришлось быть призракомъ, всякій предпочелъ бы какое-нибудь болѣе живое дѣло, нежели безъ толку топтать мостовую, не двигаясь съ мѣста.

— Ну, ужъ, видно, старуха начинила тебя цѣлымъ ворохомъ нелѣпостей!—съ негодованіемъ воскликнулъ Фрэдъ.—Я ей скажу, что такъ нельзя...

— Или пожалуйся папà,—предложила Алиса.—Онъ не любитъ слушать розсказни про верхового.

— „Или папà",—повторилъ задумчиво Фрэдъ, почему-то подумавъ, что ему скорѣе, чѣмъ отцу, придется ограждать сестеръ отъ всякихъ ужасовъ, которые ихъ могутъ напугать.

Въ эту минуту къ крыльцу подали экипажъ, и м-ссъ Даліэль вышла, какъ всегда, проводить сына.

— Вотъ ты и уѣзжаешь! Каменное сердце у этихъ мальчишекъ!—горячилась Сузи.—И не подумаетъ, каково мнѣ сидѣть дома взаперти! Не забудь же сказать Люси Скримджеръ, чтобы она не надѣялась на приглашенье, даже если бъ у насъ и былъ настоящій балъ. Скажи ей, что у насъ балъ будетъ настолько же роскошнѣе, чѣмъ у нихъ, насколько нашъ Ялтонъ роскошнѣе, чѣмъ ихъ Вествудъ. Скажи ей, что мамà собирается везти меня ко двору... Если мамà и не повезетъ меня, это не моя вина, и ты смѣло можешь ей сказать. А этому чурбану Дэви доложи, что я въ немъ не нуждаюсь, и у меня будетъ сколько угодно самыхъ знатныхъ кавалеровъ; на него я и взглянуть не захочу!..

— Послушай, Фрэдъ!—перебила ее мать.—Пріѣзжай домой пораньше и помни, что завтра у насъ кое-кто соберется къ чаю. Можешь пригласить съ собой Люси и Дэви и всю молодежь, которая у нихъ гоститъ. Мы можемъ устроить для нихъ чай на террасѣ,—кстати и погода еще не слишкомъ холодна, а м-ссъ Скримджеръ даже будетъ рада, что хоть немного я ей дамъ вздохнуть.

III.

Въ то время, какъ происходили проводы Фрэда, другъ дома— м-ръ Веддербернъ, сидѣлъ у себя въ конторѣ и являлъ всѣмъ существомъ своимъ тревогу, совершенно несвойственную его спокойному, всегда ровному характеру.

То онъ вставалъ съ мѣста и принимался ходить туда и

сюда, то снова садился и нервно передвигалъ бумаги, сложенныя стройными кучками у него на столѣ; то принимался бормотать что-то такое самъ съ собою,—а это тоже было не въ его привычкахъ,—наконецъ, тяжелыми шагами, онъ подходилъ къ окну и устремлялъ въ пространство взглядъ, лишенный всякаго выраженія, какъ у человѣка, который знаетъ, что сколько ни думай—ничего не придумаешь. И въ самомъ дѣлѣ, единственное, что̀ онъ могъ придумать, было:

„Сегодня вечеромъ... Вечеромъ, непремѣнно“!

Патъ Веддербернъ не за себя боялся, не о себѣ была его тревога.

Семьѣ, которая была ему дороже, ближе, чѣмъ родная,—семьѣ, которая замѣняла ему, старому холостяку, домашній очагъ, грозила бѣда, и не кто иной, какъ онъ,—Патъ Веддербернъ,—никогда не видавшій отъ своихъ друзей ничего, кромѣ радости и ласки,—долженъ былъ явиться къ нимъ вѣстникомъ ужасной вѣсти.

До настоящей минуты онъ еще не могъ (да и не рѣшался) отдать себѣ отчета въ шаткости дѣлъ, которыя давно ужъ не были блестящи у его друга Даліэля. Не разъ, самъ того не подозрѣвая, онъ способствовалъ увеличенію его кредита тѣмъ, что говорилъ знакомымъ:

— Бобъ Даліэль—самый душевный человѣкъ на свѣтѣ! Надо употребить ужъ очень сильныя и очевидныя доказательства, чтобъ я повѣрилъ, что онъ ведетъ азартную игру!

Однако, объ этомъ не могло быть двухъ мнѣній: разореніе Даліэлей не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Весь вопросъ сводился только къ тому, какъ долго еще продержится несчастный Даліэль въ своемъ прежнемъ положеніи.

Самая мысль, что м-ссъ Даліэль и ея дѣтямъ придется терпѣть нужду,—не говоря уже о множествѣ мелкихъ удобствъ, которыхъ они будутъ лишены,—самая мысль, что жизнь не принесетъ имъ больше столько радости и развлеченій, сколько они привыкли отъ нея получать, была для него ужасна... Онъ готовъ былъ разразиться слезами, представляя себѣ тѣсную квартирку, въ какомъ-нибудь каменномъ домѣ, въ Эдинбургѣ, куда имъ, можетъ быть, придется переѣхать. До глубины души было ему больно сознаться предъ самимъ собою, что дѣло плохо.

„Ну, будто ужъ такъ плохо? — успокоивалъ онъ самъ себя.—Мой бѣдный Бобъ безъ всякаго разсчета велъ свои дѣла и просто по своему, положимъ, непростительному легкомыслію, попалъ въ обманъ“.

Но и это не могло его успокоить; это не мѣняло неутѣшительнаго факта, который онъ самъ признавалъ необходимымъ сообщить бѣдной женѣ неосторожнаго Даліэля.

„Пусть она отъ меня узнаетъ,—думалъ онъ:—а не отъ кого другого: все же ей легче будетъ. Но онъ-то, онъ чего смотрѣлъ? Не могъ заблаговременно меня предупредить! Я все устроилъ бы, клянусь,—я и теперь еще устрою, только бы не было поздно"!

Шатаясь, съ какой-то неопредѣленной улыбкой на губахъ, онъ шелъ по улицѣ и привлекалъ вниманіе прохожихъ, которые говорили:

— Вотъ дурень! Идетъ и самъ про себя смѣется!

Но ему было не до смѣха. Онъ спѣшилъ въ желѣзнодорожное управленіе, въ страховое общество,—узнать про Даліэля.

Въ управленіи ему сказали, что во весь день онъ не былъ тамъ, а въ страховое забѣгалъ только на какихъ-нибудь полчаса.

— Вѣрно, домой вернулся,—высказалъ свое предположеніе Веддербернъ.

— Нѣтъ, сэръ, пожалуй, что не прямо домой, — возразилъ приказчикъ.—Мнѣ показалось, онъ говорилъ, будто чувствуетъ себя какъ-то нехорошо и хочетъ окунуться въ море, чтобы освѣжиться.

— Въ такой-то холодъ!—возразилъ Веддербернъ.

— Пожалуй, немного холодновато, но м-ръ Даліэль такой любитель воды,—согласился осторожный приказчикъ.

— Ну, вѣроятно, онъ съ обычнымъ своимъ поѣздомъ вернется въ Ялтонъ,—разсудилъ Веддербернъ и самъ поспѣшилъ на вокзалъ; но въ цѣломъ поѣздѣ не оказалось никого, похожаго на его друга.

Въ Ялтонъ нотаріусъ шелъ по хлѣбнымъ полямъ, на которыхъ жатва была въ полномъ разгарѣ, и яркій свѣтъ заката ложился алыми полосами на все окружающее. На синемъ небосклонѣ заалѣли румяныя облака и бросали на зрѣлыя, золотистыя копны свой живой отблескъ. Вся картина дышала довольствомъ и тишиною; усадьба ялтонскихъ владѣльцевъ горѣла на солнцѣ своими высокими крышами и башнями. Представить себѣ, что этотъ домъ *имъ* придется, пожалуй, промѣнять на душную квартиру въ тѣсномъ городѣ—было уже само по себѣ ужасно. Всю дорогу онъ мысленно прикидывалъ, сколько у него въ распоряженіи суммъ, которыя могли бы выручить Даліэля и его семью. Дай Богъ, чтобъ только во-время придти на помощь!..

Войдя въ гостиную, Веддербернъ засталъ м-ссъ Даліэль за

работой. Заслыша его шаги, она подняла голову и проговорила, спокойно улыбнувшись:

— А я думала, что это Робертъ!

Повидимому, для нея не составляло сомнѣнія, что Робертъ вернется, какъ бы ни было поздно.

— Вы удивляетесь, что я къ вамъ опять такъ скоро?— началъ Патъ Веддербернъ.—Мнѣ, видите ли, надо повидаться съ Бобомъ и поговорить по дѣлу... по важному дѣлу. А въ конторѣ я его не нашелъ...

— Конечно! Онъ мнѣ сказалъ, что заглянетъ въ Портобелло, окунуться въ море... Вѣрно, это его задержало и онъ опоздалъ на свой обычный поѣздъ. Обыкновенно, онъ такъ аккуратенъ.

— Я такъ и думалъ, что еще успѣю повидаться съ нимъ,— подхватилъ Веддербернъ.—А пока...

— Пока—мы напьемся чаю и пойдемъ прогуляться. Надо пользоваться хорошею погодой.

— Отъ чаю я не прочь, и на террасѣ теперь чудо какъ удобно любоваться закатомъ. Грѣшно сидѣть дома, когда у васъ здѣсь такой прекрасный видъ... Вотъ, еслибы вы жили въ Мельвиль-Стритѣ...

— Съ какой стати? — коротко засмѣявшись, проговорила м-ссъ Даліэль.—Если-бъ я жила въ Эдинбургѣ, я бы, конечно, наняла домъ въ южномъ его концѣ, напримѣръ въ Джорджъ-Сквэрѣ. Мнѣ ужъ и то приходитъ въ голову, что намъ, пожалуй, придется переѣхать хоть на время въ городъ: пора Сусанну вывозить.

— Да, правда!—согласился Патъ Веддербернъ и пытливо посмотрѣлъ на нее, какъ бы стараясь дознаться, не догадывается ли она о чемъ-нибудь.

Но она подняла голову и прямо взглянула на него, протягивая ему чашку; въ глазахъ ея не было ничего, кромѣ обычнаго спокойнаго и открытаго выраженія человѣка, вокругъ котораго не было никакихъ тайнъ. Взглядъ Веддерберна изумилъ и встревожилъ ее.

— Чтò случилось? Вы смотрите такъ серьезно!—сказала она и, съ чисто женской быстротой въ догадкахъ, сообразила, что его самого вѣрно что-нибудь тревожитъ, и онъ хочетъ обратиться къ ея мужу за помощью.

— Вы знаете, конечно, Веддербернъ, что Робертъ сдѣлаетъ для васъ все, чтò угодно; вы можете на него положиться какъ на брата!—поспѣшила она его успокоить.

„Господь съ нею! Вѣдь ничего ровно не подозрѣваетъ“,—

подумалъ онъ и вслухъ прибавилъ: — Благодарю васъ, но мнѣ ничего не надо. Бобъ всю жизнь былъ мнѣ братомъ съ дѣтскихъ лѣтъ и, надѣюсь, останется мнѣ дорогъ до самой смерти.

М-ссъ Даліэль протянула ему свою нѣжную, пухленькую ручку, и его большая, мускулистая рука отвѣтила крѣпкимъ пожатіемъ, въ которомъ тверже словъ выразилась преданность и готовность служить ей защитой. Эта горячность немного удивила м-ссъ Даліэль, но она не придала ей особаго значенія и, укутавшись въ большой платокъ, пошла впередъ на террасу. Молодежь—то-есть, Сузи и Алиса, любезно принялись забавлять болтовней своего стараго друга, который хотя и поглядывалъ на часы, но не особенно замѣчалъ, благодаря ихъ стараніямъ, какъ время летѣло. М-ссъ Даліэль стало свѣжо, и она ушла въ комнаты, а вернулась уже съ платкомъ на головѣ.

— Какъ? Папа́ еще нѣтъ?—спросила она дочерей.—Поѣздъ уже полчаса, какъ пришелъ; слѣдующій будетъ только въ девять, и телеграммы тоже нѣтъ. Не знаю, что̀ бы это могло значить?

Нельзя сказать, чтобы ее особенно встревожило отсутствіе мужа, но все-таки ей было какъ-то не по себѣ.

— Ахъ, Боже мой! Вѣдь я могъ бы давно догадаться пойти на станцію, чтобы встрѣтить Боба.

— Къ чему? Онъ все равно былъ бы уже здѣсь, если бъ пріѣхалъ. Не могу понять, что̀ это съ нимъ случилось? Онъ такой аккуратный; если бываетъ, что его дѣла̀ задержатъ,—сейчасъ же даетъ знать.

— Вотъ и бѣда, что онъ такъ аккуратенъ! Можетъ быть, онъ уѣхалъ въ Лондонъ по дѣламъ?

— Ахъ, Боже мой! Вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что такъ могло случиться? Но какъ бы онъ поѣхалъ надолго, не давъ знать... не захвативъ съ собою хоть одной крахмальной рубашки? Конечно, его могли неожиданно вызвать, и я вовсе не имѣю намѣренія держать мужа на привязи; но, все-таки, было бы лучше, еслибъ онъ послалъ мнѣ телеграмму... Впрочемъ, уже поздно: пойдемте обѣдать и будемъ надѣяться, что въ эту минуту онъ кушаетъ такъ же хорошо, какъ мы!

Далеко не такъ легко принималъ къ сердцу м-ръ Веддербернъ отсутствіе друга. Его ни на минуту не покидала мысль о томъ, что случилась какая-то непоправимая бѣда; что Бобъ Даліэль—не изъ такихъ людей, которые носятся со своимъ несчастьемъ: наоборотъ,—чѣмъ ему хуже, тѣмъ онъ упорнѣе будетъ прятаться ото всѣхъ; самъ идя на встрѣчу каждому,

нуждающемуся въ помощи, онъ никогда не любилъ выставлять напоказъ своихъ страданій. Почему-то ему казалось, что наврядъ Даліэль вернется домой. Конечно, кредиторы назовутъ это бѣгствомъ, уклоненіемъ отъ платежей... и Богъ знаетъ, чѣмъ еще!

Все приходило ему въ голову, но только не—самоубійство! Если бъ французу угрожало злостное банкротство, онъ не задумался бы пустить себѣ пулю въ лобъ; но Веддербернъ почему-то былъ увѣренъ, что Даліэль не захочетъ набросить эту тѣнь на своихъ сиротъ... Бѣдный Фрэдъ! въ случаѣ чего, ему пришлось бы отказаться отъ своей мечты о блестящей карьерѣ...

„Бѣдные! они ничего не подозрѣваютъ! Только какъ бы они по лицу моему не догадались"!—думалъ старый холостякъ, но употреблялъ всѣ усилія, чтобы казаться непринужденнымъ и даже веселымъ.

Обѣдъ прошелъ довольно хорошо; только м-ссъ Даліэль тревожно поглядывала на дверь столовой каждый разъ, какъ она отворялась.

Послѣ обѣда, „дѣвочки" спустились съ террасы, и одна даже пошла по дорогѣ, чтобы скорѣе „перехватить" папá на пути къ дому; а м-ссъ Даліэль, несмотря на холодъ, распахнула однò изъ оконъ въ гостиной, чтобы лучше слышать, когда онъ подъѣдетъ.

Съ девятичасовымъ поѣздомъ Даліэль не пріѣхалъ, и никто не зналъ, чтò подумать; тѣмъ временемъ, и телеграфъ въ деревнѣ закрылся на всю ночь, такъ что на телеграмму нельзя было больше возлагать надеждъ; но это даже скорѣе успокоило, нежели встревожило м-ссъ Даліэль.

— Онъ пріѣдетъ съ ночнымъ скорымъ!—рѣшила она.

— Хотите, я поѣду поразвѣдать?

— Полноте! Ну, чтò могло случиться?

— Мало ли чтò! Онъ могъ заболѣть или... Какая-нибудь катастрофа.

— Во всякомъ случаѣ, Робертъ далъ бы мнѣ знать; а еслибъ заболѣлъ, онъ никому не далъ бы къ себѣ прикоснуться, пока не вызвалъ бы меня. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше останьтесь съ нами: это такое утѣшенье чувствовать, что вы здѣсь, въ одномъ домѣ съ нами!

Въ тотъ вечеръ Алисѣ разрѣшили лечь спать позже обыкновеннаго, чтобы у Веддерберна былъ партнеръ для виста; мать ея тоже почти весело принимала участіе въ игрѣ.

Въ эту ночь и послѣдній поѣздъ не привезъ Роберта Даліэля.

IV.

Есть что-то безотчетно-жуткое въ обстановкѣ комнаты, въ которой не ночевалъ ея хозяинъ. Полнѣйшій порядокъ, отъ котораго вѣетъ какой-то безжизненный холодъ, и тишина, не прерываемая движеніемъ живого существа, имѣютъ въ себѣ что-то зловѣщее. Но еще того ужаснѣе, когда любимый человѣкъ пропалъ безслѣдно, и неизвѣстно, въ какой обстановкѣ прошла для него минувшая ночь.

Какъ ни была спокойна и безпечна м-ссъ Даліэль, и у нея, однако, больно сжалось сердце, когда она вошла туда на слѣдующее утро. Казалось, эта комната опустѣла навѣкъ... Но м-ссъ Даліэль неспособна была предаваться мрачнымъ мыслямъ и поспѣшила разувѣрить себя, что ея страхъ не имѣетъ основанія. Человѣкъ занятой, какъ ея мужъ, конечно, могъ во всякое время отлучиться, не успѣвъ предупредить семью. Только бы телеграмму... телеграмму...

— Вотъ она, мамà! Вотъ она!—крикнула Алиса, вбѣгая съ телеграфнымъ бланкомъ въ рукѣ.

Горячо ухватившись за сложенный листокъ, м-ссъ Даліэль съ досадой бросила его прочь отъ себя и накинулась на бѣдную дѣвочку:

— Не видишь, что-ли, глупая дѣвочка, что это м-ру Веддерберну?—крикнула она, давая волю долго сдержанному напряженію. Вскочивъ съ мѣста, она принялась нервно ходить по комнатѣ, ломая руки; потомъ подбѣжала къ Алисѣ и, ухватившись за нее обѣими руками, стала трясти ее за плечи, приговаривая, внѣ себя отъ гнѣва:

— Гдѣ у тебя глаза? Не видишь ничего!—и вдругъ слезы неудержимо хлынули у нея изъ глазъ.

Бѣдная женщина, поддавшись нервному порыву, тотчасъ же поставила его себѣ въ упрекъ и проговорила голосомъ, дрожащимъ отъ судорожнаго смѣха:

— Кажется, я слишкомъ даю волю моимъ нервамъ!.. Что-нибудь насчетъ Роберта?—прибавила она, съ тревогой подмѣчая волненіе на лицѣ Ведерберна.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это касается лично меня... Къ сожалѣнію, кажется, что-то недоброе... Вызываютъ немедленно... Знаете, со мной это бываетъ... Дѣлà...

— О, да, конечно!—согласилась м-ссъ Даліэль.—Только бы вамъ успѣть позавтракать.

— Простите, некогда! Если не терять ни минуты, я еще поспѣю на утренній поѣздъ.

Дѣвицы пошли провожать своего стараго друга, и Сузи немало удивилась его замѣчанію:

— А знаете, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы послалъ за Фрэдомъ. При такихъ обстоятельствахъ, ему слѣдуетъ быть въ своей семьѣ и беречь мать свою.

— Но, милый м-ръ Веддербернъ, какія это обстоятельства? Съ папà что-нибудь случилось?

— Надѣюсь, ничего дурного... милочка моя! Надѣюсь... а все-таки Фрэду не мѣшало бы вернуться изъ гостей... и какъ можно скорѣе... Если я въ городѣ услышу что-нибудь, сейчасъ же извѣщу. Къ обѣду я надѣюсь быть обратно, и тогда... мы будемъ уже знать что-нибудь болѣе опредѣленное,—прибавилъ онъ въ видахъ успокоенія.

— А до тѣхъ поръ папà успѣетъ ужъ вернуться и посмѣется надъ нами „кардіально“.

— Сузи!—остановилъ ее, по старой привычкѣ, Патъ Веддербернъ.—Сузи, такого слова нѣтъ! Надо просто сказать: „сердечно“, или „отъ души“, а слово „кардіалогическій“—исключительно медицинскій терминъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, м-ръ Веддербернъ! Все равно, это вѣдь значитъ „сердце“,—настаивала легкомысленная Сузи.

Онъ оглянулся сбоку на нее и улыбнулся грустною улыбкой.

— Вамъ жаль меня? — воскликнула Сузи. — Почему, скажите?—прижимаясь локтемъ къ его рукѣ, повторяла она, и въ душѣ стараго холостяка подымалось томительное чувство горести при видѣ двухъ юныхъ, розовыхъ дѣвичьихъ лицъ, осѣненныхъ большими полями свѣтлыхъ шляпъ, защищавшихъ ихъ отъ ликующаго утренняго солнца.

„Бѣдныя невинныя крошки“!—думалъ онъ, и во всю жизнь не могъ потомъ забыть этой картины.

Какъ только поѣздъ тронулся, унося его въ городъ, онъ вынулъ изъ кармана телеграмму.

„Необходимо вамъ немедленно вернуться. Опасаемся недобрыхъ вѣстей. Посылали вчера съ вечера. Подробно сообщать поздно. Просимъ поторопиться“.

Въ сущности, нѣтъ ни слова, которое указывало бы прямо на Даліэля. Это могло касаться дѣла м-ра Давидсона, или неисправимаго шелопая Фокнера, или кого другого...

— Къ чорту всѣхъ расточителей и молодыхъ повѣсъ! Можно

ли задавать честному, мирному человѣку такого неожиданнаго страха?—ворчалъ онъ чуть не до дверей своей конторы.

Ему на встрѣчу поднялся управляющій конторой, и его тревожное, печальное лицо не могло не обратить на себя вниманіе.

— Вчера вечеромъ заходилъ въ контору какой-то человѣкъ изъ Мессельбурга, но она уже была заперта, и онъ пришелъ ко мнѣ... Вы знаете, я живу на Южномъ-концѣ...

— Дальше, дальше! Точно я не знаю, гдѣ вы живете!

— Я только хочу объяснить, почему моя телеграмма запоздала... Такъ вотъ, сэръ, я отъ него узналъ, что въ Мессельбургѣ, или въ Портобелло, найдено на берегу въ кучкѣ мужское платье... Я посылалъ туда нашего Гибсона узнать... Онъ говоритъ, что весь день пролежала тамъ эта одежда, и никто ее не замѣчалъ, пока не обратила на нее вниманіе одна рыбачка, которая пошла и разсказала, что тамъ есть и часы, и брошенныя деньги... и масса бумажонокъ въ карманахъ платья. Вотъ, извольте посмотрѣть...

И первое, что бросилось въ глаза его шефу, въ этой массѣ небольшихъ бумажонокъ, было письмо, адресованное: *„Роберту Даліэлю, эсквайру въ Ялтонѣ“*.

Сердце упало; языкъ не повиновался, и Веддербернъ могъ только съ горечью и досадой сдѣлать знакъ рукой, какъ бы говоря:—Такъ я и зналъ!

Бѣдный Патъ опустился на кресло и молча, почти съ озлобленіемъ, уставился на своего вѣрнаго помощника, который тоже словъ не находилъ, чтобы прервать ужасное молчаніе.

— Вы говорите: на пескѣ... на берегу... Но это развѣ все? Больше ничего... ничего не узнали?—наконецъ, съ трудомъ вырвалось у него, и Мартинъ поспѣшилъ сообщить то немногое, что ему самому удалось узнать.

М-ра Даліэля знали всѣ на станціи и на желѣзной дорогѣ, а потому всѣ помнили, что онъ въ тотъ день вышелъ на станціи Портобелло и пошелъ по направленію къ морю. Это никого особенно не удивило: мужчины часто ѣздятъ туда „окунуться разъ-другой“, и Робертъ Даліэль, подобно большинству, не употреблялъ для того ни особаго костюма, ни плавательныхъ снарядовъ. Такъ было и въ этотъ разъ. Никто не слышалъ ни крика, ни стона; никто не видѣлъ ничего, кромѣ кучки платья, брошеннаго на берегу безпечнымъ купальщикомъ, видимо увѣреннымъ, что сейчасъ же вернется и одѣнется. Когда люди замѣтили эту кучку, то, поднимая платье, выронили изъ кармана двѣ три мелкихъ монеты; были тутъ и часы.

— Тѣло не найдено... — еще болѣе понижая голосъ, въ заключеніе проговорилъ Мартинъ.

— „Тѣло"?! Не слишкомъ ли еще рано говорить объ этомъ?... Его могло унести теченіемъ къ дальнему берегу, и онъ могъ тамъ пристать.

— Позвольте, сэръ! Онъ вѣдь былъ бы голый; объ этомъ было бы уже давно извѣстно. Мы уже все это сообразили...

— Я самъ туда поѣду, сейчасъ же!

— Тамъ Гибсонъ былъ уже давно...

— Что̀ мнѣ вашъ Гибсонъ, Гибсонъ?—кричалъ въ тревогѣ, въ горѣ, бѣдный Веддербернъ. Я долженъ самъ... Поймите, самъ!..

— А дѣловыя письма, сэръ? Много такихъ, что требуютъ отвѣта.

— Къ чорту всѣ ваши письма!—когда Бобъ Даліэль гдѣ-нибудь выброшенъ, умирающій или, быть можетъ, уже мертвый!

— О, сэръ! Всѣ мы на волосокъ отъ смерти. А бѣднаго м-ра Даліэля вѣрно уже нѣтъ давно въ живыхъ.

Веддербернъ стремительно бросился вонъ изъ конторы, и ему вслѣдъ молодой писецъ проговорилъ съ усмѣшкой:

— Нашъ старикъ рехнулся!

— Если вы такъ изволите величать нашего почтеннаго шефа, — строго оборвалъ его Мартинъ,—я долженъ вамъ замѣтить, что онъ потерялъ дорогого друга, и съ вашей стороны было бы порядочнѣе сочувствовать ему, а не насмѣхаться... Слышите, молодой человѣкъ!

М-ръ Веддербернъ бросился въ Портобелло какъ только могъ скорѣе, по слѣдамъ своего служащаго, юнаго Гибсона. Къ величайшему ужасу своему, онъ узналъ на мѣстѣ такія подробности, которыя не оставляли никакихъ сомнѣній въ печальной дѣйствительности; даже газета „Шотландецъ" уже успѣла подхватить слухъ на лету.

— Впрочемъ, у *нихъ* никто газетъ не читаетъ, а *ей* и въ голову не придетъ, что это говорится именно о немъ, а не о комъ-нибудь постороннемъ,—разсудилъ онъ, уже нѣсколько спокойнѣе, но вдругъ испуганно вздрогнулъ: кто-то схватилъ его за руку и тревожно окликнулъ:

— Неужели этотъ ужасъ не выдумка? Неужели нѣтъ никакого сомнѣнія, что это—Даліэль?

Больно отозвался этотъ вопросъ въ сердцѣ его друга, и Веддербернъ рѣзко обернулся на говорившаго, который оказался

не кто иной, какъ м-ръ Скримджеръ, хозяинъ дома, у котораго гостилъ теперь Фрэдъ Даліэль. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ сообщить Веддерберну, что узналъ печальную новость изъ газеты, которую поспѣшилъ спрятать, и нарочно пріѣхалъ въ Эдинбургъ, провѣрить это извѣстіе, чтобы бѣдный юноша не узналъ ничего, пока онъ, Скримджеръ, не удостовѣрится, что это—дѣйствительно правда.

Другіе стали также подходить къ Веддерберну и осыпать его разспросами, поглядывая съ озабоченными, торжественно-печальными лицами:

— Да правда ли?.. Это навѣрное Даліэль!

— Онъ какъ-то говорилъ, что дѣла его довольно шатки...

— Вотъ вздоръ какой!—перебилъ кто-то изъ толпы.—Человѣкъ такой состоятельный, съ такими помѣстьями, съ такою массой вѣрныхъ и вліятельныхъ друзей, выпутался бы, конечно...

— А чилійскія-то акціи? Вѣдь опять поднялись, и опасность для него миновала...

Всѣ стояли кучкой и перебрасывались запросами, перебивая другъ друга, обсуждая дѣла Даліэля.

— Надѣюсь, нѣтъ никакого сомнѣнія, что смерть его—просто несчастный случай? — спросилъ кто-то осторожно, и эти слова тяжелымъ гнетомъ навалились на сердце Веддерберна.

По счастію, поднялся цѣлый хоръ самыхъ горячихъ увѣреній въ отвѣтъ на эту тревогу, и это нѣсколько утѣшило бѣднаго друга Даліэля.

— Нѣтъ, быть не можетъ! Бобъ Д'іэль—самый лучшій въ мірѣ человѣкъ! Характеръ у него самоувѣренный и твердый; на его умъ, на его разсудительность можно положиться...

— Ему только бы жить да радоваться... Семья—прекрасная: сынъ въ Оксфордѣ; имѣніе обезпеченное, родовое; репутація добраго и честнаго человѣка; множество друзей и близкихъ знакомыхъ...

— Еслибы даже и случилось ему временное затрудненіе, его выручилъ бы охотно каждый изъ пріятелей.

— Я первый!—подхватилъ горячо Веддербернъ.—Я даже нарочно съ этой цѣлью ѣздилъ къ нему вчера вечеромъ — сказать, что, въ случаѣ чего, еслибы встрѣтились у него какія затрудненія, все, что у меня есть—къ его услугамъ!..

— Бѣдный Бобъ!.. Бѣдняга Даліэль!..—восклицали искренно друзья на разные лады, ни на мигъ не сомнѣваясь въ достовѣрности печальнаго конца ихъ общаго друга.

Въ Шотландіи не существуетъ никакихъ слѣдователей, ни

судебныхъ слѣдствій, но, все-таки, нѣмые и краснорѣчивые свидѣтели несчастія были на-лицо. Вещественныя доказательства: кучка платья, пачка бумагъ и записокъ, бѣлье, брошенное впопыхахъ, небрежно, съ видимымъ разсчетомъ его надѣть черезъ нѣсколько минутъ... Чайная роза, увядшая въ петличкѣ сюртука... О, Веддербернъ сейчасъ ее узналъ! Безпечно уходя изъ дому, Бобъ сорвалъ ее мимоходомъ съ большого куста у террасы. Слезы заволокли глаза стараго холостяка, и онъ съ особой нѣжностью, съ трогательнымъ благоговѣніемъ бережно вынулъ цвѣтокъ изъ петлички и положилъ въ свою записную книжку. Присутствующіе хранили глубокое молчаніе, какъ при печальномъ и торжественномъ обрядѣ...

Надо ли говорить, что, нѣсколько недѣль спустя, въ Портобелло на пескѣ было найдено до неузнаваемости испортившееся тѣло совершенно голаго утопленника?.. По росту и тѣлосложенію не трудно было угадать, что это были бренные останки Даліэля ..

Между тѣмъ, этотъ день, роковой для семьи несчастнаго Роберта, проходилъ какъ обыкновенно въ мирныхъ хлопотахъ по хозяйству. М-ссъ Даліэль была поглощена разсчетомъ рабочихъ: былъ конецъ недѣли, и вдобавокъ бѣлье надо было принять отъ прачки, разобрать его, и требующее починки препроводить къ главному мастеру этого дѣла, старухѣ Джанетѣ, которая особенно славилась своимъ умѣньемъ штопать и ставить заплаты.

— Просто сердце радуется, какъ посмотришь на ея работу!— говаривала неоднократно м-ссъ Даліэль.

Въ тотъ день Джанета была въ особенномъ возбужденіи и съ лихорадочнымъ усердіемъ забирала въ работу даже такія отчаянно-рваныя скатерти, на которыя м-ссъ Даліэль только молча безнадежно качала головой.

— Да стòю ли я того, чтобы меня хлѣбомъ кормили, если я даже и штопать не стану?—повторяла старуха, и ея голова, безъ того нетвердо державшаяся на плечахъ, тряслась сильнѣе, чѣмъ ея большія, блѣдныя руки.

— Вамъ будто нездоровится, Джанета? — замѣтила хозяйка дома.

— О, я здорова. Совсѣмъ, совсѣмъ здорова!—увѣряла та:— только дайте мнѣ работу, мэмъ! А то мысли меня одолѣваютъ, разныя такія мысли, которыя можетъ только штопка отогнать. Славное дѣло—штопка! И душѣ, и тѣлу, одинаково полезно...

М-ссъ Даліэль рада была, когда переборка бѣлья кончилась,— по крайней мѣрѣ странный, пытливый и жалостливый взглядъ

старухи больше не преслѣдовалъ ее. За завтракомъ, однако, это жуткое чувство опять возвратилось при видѣ двухъ незанятыхъ приборовъ, двухъ пустыхъ креселъ, одно изъ которыхъ предназначалось Фрэду, а другое—его отцу.

— Я полагалъ, что м-ръ Фрэдъ вернется...—возразилъ камердинеръ Фогго на замѣчаніе своей хозяйки.

— Для чего ему такъ рано возвращаться?—почти сердито остановила его она.—Онъ пріѣдетъ подъ вечеръ съ гостями, и часовъ около пяти мы будемъ пить чай на террасѣ. Гостей будетъ пять-шесть человѣкъ.

— Слушаю, мэмъ, — произнесъ вѣрный слуга еще торжественнѣе, еще печальнѣе, чѣмъ старуха Джанета.

Нервы м-ссъ Даліэль были рѣшительно разстроены; она ничего не ѣла за столомъ и, рѣшивъ про себя, что пойдетъ полежать немного, продолжала вслухъ:

— Я почти жалѣю, что пригласила Скримджеровъ сегодня...

Но на Фогго это замѣчаніе не произвело никакого впечатлѣнія: онъ уже успѣлъ прочесть утренній нумеръ „Шотландца" и слышалъ ясно зловѣщее перешептываніе, добравшееся до ялтонской черной лѣстницы и кухни, невѣдомо откуда.

„Помоги, Боже, бѣдной женщинѣ! — мысленно повторялъ камердинеръ, уходя къ себѣ.—Она сама не своя отъ безпокойства, но только не хочетъ поддаваться своимъ страхамъ... Однако, какъ ей ни страшно, а до того, что̀ дѣйствительно случилось, ей никогда не додуматься"...

— Если это вѣрно...—замѣтила кухарка, которая позабыла про свои прямыя обязанности, и вся ушла въ нетерпѣніе скорѣе узнать, что̀ выяснится дальше.

— О, даже слишкомъ вѣрно! — подхватилъ Фогго, мрачно настроенный.—Говорю вамъ, сегодня обѣдать у васъ и не спросятъ! Надѣюсь, Скримджеры будутъ настолько благоразумны, что не пустятъ сюда дѣтей. Слушать про это чаепитіе на террасѣ, —такъ и то уже свыше силъ моихъ! Всѣ по сосѣдству, вѣрно, уже узнали, и никто не придетъ. Одна только *она* ничего не подозрѣваетъ.

— Бѣдная! Добрая моя!..—причитала кухарка.—И *онъ*-то какой добрый былъ! Всегда, бывало, шутитъ. Про каждаго у него было ласковое слово!

— Ну, не особенно-то ласковое для тѣхъ, кто его разсердитъ!—возразилъ Фогго:—Конечно, не въ укоръ я это говорю ему, покойнику!..

Фрэдъ рано вернулся домой.

Несмотря на то, что двери его родного дома стояли всегда настежь, и отворять никому изъ близкихъ не приходилось, Фогго встрѣтилъ его въ сѣняхъ, чтобы скорѣе узнать, что̀ слышно новаго.

— Отецъ дома?—спросилъ юноша поспѣшно.

— Со вчерашняго дня, какъ уѣхалъ утромъ, такъ и не возвращался, — отвѣчалъ Фогго такимъ тономъ, который долженъ былъ бы обратить вниманіе Фрэда, но тотъ прямо пробѣжалъ въ гостиную къ матери.

М-ссъ Даліэль сидѣла у окна (лежать она не могла спокойно), въ тревогѣ поджидая появленія телеграммы, которая должна была въ одинъ мигъ все уладить...

— Какъ ты рано, Фрэдъ! Одинъ?—спросила она.

— Мама̀! Что̀ это значитъ: отецъ такъ и не возвращался?

— Кто тебѣ сказалъ? У отца много дѣлъ, его всегда могутъ отозвать...

— Ты, значитъ, знала, что онъ куда-то ѣдетъ? Слава Богу! Значитъ, въ газетахъ все неправда!..

— Что̀? Что̀ въ газетахъ?—воскликнула тревожно м-ссъ Даліэль, и Фрэдъ раскаялся, что упомянулъ такъ неосторожно про слухи, которые еще не подтвердились. Онъ бросился въ поиски за газетой, но не нашелъ ея. Фогго предусмотрительно прибралъ листокъ подальше, съ глазъ долой... какъ будто это могло отдалить ужасное несчастіе!

Часъ спустя, шаги м-ра Веддерберна раздались въ корридорѣ, и по звуку ихъ м-ссъ Даліэль могла заранѣе предположить, что его приходъ не принесетъ ничего утѣшительнаго. Она не встала, не пошла къ нему на встрѣчу...

— Еще успѣю все услышать! Да, успѣю!..—говорила она сама себѣ. Прежде, чѣмъ очутиться съ нимъ лицомъ къ лицу, она все поняла, все себѣ уяснила. Ея убѣжденіе, что отсутствіе телеграммы—вѣрный знакъ бѣды, мгновенно подтвердилось. Холоднымъ дуновеніемъ пронеслась по дому еще не высказанная страшная вѣсть... Дрожь, жуткое сознаніе чего-то необъятно-горестнаго, ужаснаго, потрясли бѣдную женщину... Отчаянный вопль раздался подъ высокими сводами мирной виллы и тотчасъ замеръ въ глубокой тишинѣ, которая предвѣщала грядущую, гибельную бурю...

Въ тотъ же вечеръ, поднимаясь къ себѣ въ комнату, Фрэдъ увидалъ старуху Джанету въ корридорѣ, который велъ въ ея комнату. Протянувъ къ нему свою костлявую руку, она спросила:

— Какъ *она* приняла это извѣстіе? Какъ ваша мать приняла все это?

Въ глазахъ ея было больше жгучаго любопытства, чѣмъ жалости.

— Какъ она приняла?—воскликнулъ Фрэдъ.—Да есть ли у васъ сердце? Какъ можете вы задавать такіе вопросы? Убита моя мать, убита!.. какъ и мы всѣ!—закончилъ онъ съ рыданіемъ.

— Кромѣ меня,—вотъ чтò вы подумали? Богу извѣстно, что онъ мнѣ дороже всего на свѣтѣ! Ты молодъ еще, мальчикъ, слишкомъ молодъ! Да и мать твоя также. А я, я—древняя старуха и многое видѣла на своемъ вѣку... Смотри же, помни, что ты долженъ обратиться ко мнѣ за совѣтомъ, если когда будешь въ затрудненіи...

— Къ тебѣ?!—вырвалось у Фрэда, и онъ опять припомнилъ наставленія отца; ему стало жутко отъ безпокойныхъ думъ...

V.

Несмотря на то, что судебнаго слѣдствія въ Шотландіи не полагается, все-таки на мѣстѣ приключенія и по дорогѣ туда были собраны справки, которыя подтвердили, что Бобъ Даліэль, отправляясь въ Портобелло, гдѣ онъ имѣлъ привычку купаться, былъ, какъ всегда, здоровъ и веселъ, даже одного знакомаго уговорилъ ѣхать вмѣстѣ,—они всю дорогу болтали, и съ вокзала пошли тоже вмѣстѣ, это твердо помнитъ станціонный носильщикъ. Каждый шагъ покойнаго, каждое его движеніе можно было прослѣдить до самой минуты рокового купанья. Ни въ чемъ ни малѣйшей тѣни таинственности, ничего подозрительнаго.

Дѣла его также, какъ ни были они шатки, не могли внушать опасенія, такъ какъ всѣмъ было хорошо извѣстно, что друзей у него было много, и его всегда всѣ охотно выручили бы изъ затруднительнаго положенія. Все состояніе Веддерберна было въ томъ порукой. По смерти Даліэля оказалось, что жизнь его была застрахована въ нѣсколькихъ обществахъ и въ очень крупной суммѣ. Это легко объяснялось его причастностью къ одному изъ такихъ обществъ: очевидно, онъ считалъ своимъ долгомъ подать примѣръ другимъ тѣмъ, что вносилъ большіе проценты...

Такимъ образомъ, денежныя дѣла покойнаго были поправлены его же заботами при жизни; кромѣ того—явилась возможность сохранить для семьи родовое гнѣздо—прелестный Ялтонъ, и обез-

печить извѣстный, небольшой, но вѣрный капиталъ для каждаго изъ дѣтей Роберта Даліэля.

Вдова искренно, горячо оплакивала мужа; для нея солнце навсегда померкло, звѣзды потухли съ той минуты, когда не стало на землѣ ея Роберта; ничто больше не радовало, не привлекало ее, какъ бывало. Съ нимъ вмѣстѣ рука объ руку она прошла бы, не унывая, самый трудный жизненный путь; она перенесла бы бѣдность и лишенія, какъ неизбѣжный фактъ, съ которымъ приходится мириться. Безъ него даже обезпеченное, безбѣдное и мирное существованіе казалось ей тяжелымъ, безпросвѣтнымъ... Но, какъ и водится, мрачное, безотрадное настроеніе смѣнилось потомъ болѣе спокойнымъ; прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и, вмѣстѣ съ весною, къ ней вернулось что-то похожее на пробужденіе живого сознанія окружающихъ ее условій. Со слезами на глазахъ подмѣчая появленіе первыхъ цвѣтовъ, м-ссъ Даліэль, напримѣръ, говорила дѣтямъ:

— А какъ папà любилъ крокусы!

Но эти слезы уже не имѣли въ себѣ горечи первой острой боли.

Здоровье у нея было прекрасное; года еще молодые (около сорока лѣтъ), и, понятно, ею не могло на вѣки овладѣть безнадежное настроеніе...

Не такъ отозвалась потеря друга и отца на его сынѣ и на его пріятелѣ Веддербернѣ. Фрэдъ переродился; онъ сталъ степеннѣе, вдумчивѣе, чѣмъ даже мыслимо было себѣ представить. Его мучило стремленіе объяснить тò, чтò всякому казалось ясно: самый фактъ смерти отца, совпавшій съ его страннымъ разговоромъ наканунѣ. Неужели онъ самъ себѣ ее подготовлялъ? Неужели онъ заранѣе все предначерталъ и даже сообщилъ объ этомъ старухѣ Джанетѣ? Можетъ быть, эти догадки и предположенія могли бы помочь слѣдствію? Можетъ быть, это даже его долгъ, какъ честнаго человѣка, пойти и заявить... Но чтò и кому?..

Онъ терялся въ сомнѣніяхъ; онъ взвѣшивалъ каждую свою мысль и еще больше терялся, мучился непрерывно... Старуха Джанета была ему противна; онъ избѣгалъ встрѣчаться съ этой непрошенной совѣтницей, которая няньчила его отца съ колыбели, а теперь ни слезы не проронила надъ его преждевременной кончиной... Озлобленіе и почти ненависть къ черствой старухѣ закипали въ душѣ у Фрэда, и онъ сталъ избѣгать встрѣчи съ нею. Но это было не легко: прежде сидѣвшая взаперти, Джанета теперь бродила безъ устали по всему дому, точно домо-

вой, не упускающій случая проявить свою заботливость о семьѣ, которую онъ охраняетъ. Фрэдъ поминутно натыкался на нее то въ гостиной, то въ спальнѣ, то въ библіотекѣ, и ему казалось, что ея молчаливый взглядъ преслѣдуетъ его назойливымъ вопросомъ:

— „Ну, что? Когда же ты придешь къ Джанетѣ за совѣтомъ"?..

Патъ Веддербернъ тоже мучился душевно, ни на минуту не переставая думать о своемъ другѣ и о его „удачной" смерти. Да! Какъ ни ужасно, а надобно было признаться, что смерть въ такую минуту была самымъ удачнымъ разрѣшеніемъ тѣхъ условій, въ которыя бѣдный Бобъ Даліэль былъ поставленъ передъ самой смертью. Семья, которой онъ отдавалъ всю свою жизнь, всѣ свои заботы, спасена отъ разоренья, отъ связаннаго съ нимъ позора и обезпечена на всю жизнь. Память его свято хранится какъ женой, такъ и дѣтьми, и даже друзьями... Что же бо̀льшее можетъ оставить по себѣ всякій самый счастливый смертный?

Между тѣмъ, Патъ Веддербернъ, отдаваясь заботамъ о благѣ осиротѣвшей семьи, болѣе чѣмъ когда-либо сознавалъ счастье чувствовать такую прочную, такую беззавѣтную привязанность къ дорогимъ ему существамъ. Къ его прежнимъ обязанностямъ друга и товарища прибавились, со смертью Боба, обязанности отца семейства, и онъ съ особенно нѣжнымъ чувствомъ вынималъ изъ кармана какія-нибудь бездѣлушки для дѣвицъ, или бесѣдовалъ о дѣлахъ съ м-ссъ Даліэль. Не имѣя на себѣ отвѣтственности въ недостаткахъ или маленькихъ недочетахъ въ воспитаніи ея дѣтей, Патъ Веддербернъ вынужденъ былъ сознаться, что на его долю неожиданно выпала отрада баловать ихъ, любоваться ими съ чувствомъ самаго заботливаго, любящаго отца, но безъ той отвѣтственности, которую налагаетъ на каждаго его родительскій санъ.

И иногда, сидя чаще прежняго въ столовой ялтонскаго дома, радуясь общему къ нему вниманію, старый холостякъ съ болью въ сердцѣ думалъ:

„Не умри Робертъ,—никогда бы мнѣ не знать такого полнаго счастья"!..

Ровное чувство дружбы и довѣрія, ласка дѣтей и вниманіе къ нему хозяйки того самаго дома, завѣдываніе которымъ Веддербернъ принялъ на себя—вотъ что наполняло и освѣщало его одинокую жизнь, такъ неожиданно расцвѣтшую на обломкахъ супружескаго единенія любящей четы Даліэлей...

Тихо сидѣлъ онъ однажды, весь уйдя въ глубокое кресло. Откуда-то (должно быть, изъ билліардной) доносились звонкіе голоса молодежи. Сузи, которая искренно горевала по отцѣ, немного начинала оживляться, и мало-по-малу между нею и однимъ молодымъ товарищемъ ея игръ завязалась игра поважнѣе всякихъ танцевъ и билліардовъ. Улыбка умиленія была у Пата на губахъ при мысли, что вѣроятно скоро ему приведется благословлять на бракъ малютку Сузи...

Вдругъ прямо передъ нимъ, подходя все ближе и ближе, какъ настоящій призракъ, появилась длинная фигура женщины, которую Патъ Веддербернъ не могъ узнать, потому что видѣлъ ее въ первый разъ. Она остановилась, опираясь на палку; лица ея за темнотою нельзя было разглядѣть.

— Вамъ что-нибудь нужно отъ меня?—спросилъ онъ.

— Да, сэръ, именно: чрезвычайно нужно! Вы, можетъ быть, не знаете, кто я? Я—Джанета Макàлистеръ, нянька Роберта Даліэля.

— Я радъ васъ видѣть, хотя собственно, за темнотою, лица не различу; много о васъ слышалъ. Если вамъ хочется что-нибудь мнѣ сказать, намъ будетъ лучше въ библіотекѣ. Пойдемте!..

— Нѣтъ! Тò, чтò я скажу, можно сказать вездѣ; но лучше, чтобъ никто не могъ подозрѣвать, что я объ этомъ съ вами говорила...

— Какая таинственность! — замѣтилъ Веддербернъ. — Надѣюсь, ничего дурного?

— М-ръ Веддербернъ! Вы очень часто бываете у насъ!

— У васъ?.. Ахъ, да: вы хотите сказать — въ Ялтонѣ, конечно? Но чтò вы можете имѣть противъ моихъ посѣщеній?

— О, весьма многое! — твердо возразила Джанета. — Извѣстно ли вамъ, что хозяйка Ялтона—женщина еще молодая; она вдова, и никого нѣтъ около нея, кто могъ бы охранять ея доброе имя отъ дурныхъ нареканій, а вы—человѣкъ, за котораго многія охотно бы пошли,—вы каждый вечеръ проводите у насъ... Постойте! Тутъ нѣчему смѣяться! Вы здѣсь сидите все утро, весь день, весь вечеръ напролетъ!..

— Ну, нѣтъ! Не до такой степени часто...—пролепеталъ смущенный Патъ.

— Спросите-ка совѣта у своего здраваго смысла,—продолжала старуха,—и скажите: чтò могутъ посторонніе подумать?

— Подумать?! Да ты, вѣрно, рехнулась? Чтò можно про меня

сказать? Что я—другъ дома; преданный, вѣрный другъ семьи покойнаго Роберта?

— О, сэръ! Вы сами этимъ бы не удовлетворились. Я—самый старый человѣкъ подъ этой кровлей, и никогда не попущу, чтобъ про жену моего вскормленника дурно говорили! Хозяйка—женщина и молодая, и прелестная!

— Ничего противъ этого не могу возразить.

— И вы—человѣкъ сравнительно еще не старый...

— Благодарю покорно!

— Нечего, нечего смѣяться! Не дамъ я на посмѣшище свою хозяйку; но и она вѣдь не какая-нибудь юная дѣвица, а вы не юноша, пылающій къ ней страстью. А все-таки не попущу, чтобы надъ нею надругались, да! И буду ей защитой!

Старуха горячо махала своей суковатой тростью, и голова ея тряслась въ нервномъ возбужденіи больше, чѣмъ обыкновенно. Глядя на ея угрожающія тѣлодвиженія, слушая ея страстный шопотъ, Веддербернъ не могъ бы сказать опредѣленно, какое чувство въ немъ преобладало. Ему было смѣшно и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно; но въ то же время онъ былъ озадаченъ и смущенъ своимъ страннымъ и неловкимъ положеніемъ. Неловкость эта была вызвана сознаніемъ, что въ глубинѣ души у него шевелится мысль о томъ, что она права, и что отъ ея обвиненій онъ не можетъ уклониться.

— Не слишкомъ ли вы далеко заходите?—тихо возразилъ онъ.—При жизни Боба я бывалъ здѣсь такъ же часто...

— Нѣтъ, вполовину рѣже!

— Вотъ еще вздоръ какой!.. Я не обязанъ отдавать вамъ отчетъ и никогда бы не подумалъ. Ты ошалѣла! Я—опекунъ, я—ихъ ближайшій другъ... Да какъ ты смѣешь?! Прошу немного быть воздержнѣе на языкъ, а не то!..

— Нечего, сэръ, меня стращать!—крикнула въ свою очередь старуха.—Вы здѣсь вѣдь не хозяинъ!

— Да, не хозяинъ! Но не воображайте, чтобъ вамъ здѣсь кто-нибудь позволилъ распространять такія мерзости... Нѣтъ, думать не хочу, чтобъ вы это нарочно...

— О, сэръ!—опять воскликнула старуха.—Сердце человѣка такъ обманчиво! Я, кажется, готова стать передъ вами на колѣни и со слезами умолять, чтобъ вы... О, сжальтесь, ради Бога! Оставьте этотъ домъ, пока вы еще не накликали бѣды...

— Вы ошалѣли?—крикнулъ ей сердито м-ръ Веддербернъ...

Но въ тотъ вечеръ всѣ замѣтили въ немъ что-то новое, тревожное.

Онъ мѣнялся въ лицѣ; онъ какъ-то безпокойно глядѣлъ по сторонамъ и неловко посмѣивался, окидывая окружающихъ смущеннымъ взглядомъ..

— А вы, пожалуй, простудились?—замѣтила участливо м-ссъ Даліэль.—Нельзя такъ поздно сидѣть на воздухѣ въ сырую погоду!

— Не думаю, чтобъ это была простуда,—возразилъ Веддербернъ,—но, съ вашего позволенія, пойду къ себѣ; надо сдѣлать кой-какіе разсчеты.

Все это было такъ на него непохоже, что всѣ рѣшили, что у него что-нибудь болитъ.

— Можетъ быть, онъ засорилъ себѣ желудокъ?—высказала предположеніе м-ссъ Даліэль.

Только на слѣдующую весну, по возвращеніи своемъ изъ Оксфорда, Фрэдъ замѣтилъ дома то, о чемъ давно уже носились слухи въ Эдинбургѣ и по сосѣдямъ, а въ гостиныхъ Эдинбурга даже обсуждался вопросъ о женитьбѣ Веддерберна на его матери. Онъ замѣтилъ какую-то неловкость въ отношеніяхъ семейныхъ между собою; онъ прочелъ какое-то странное смущеніе на лицѣ м-ссъ Даліэль и не сразу приписалъ появленіе его настоящей причинѣ. Прежде всего Фрэду пришло въ голову, что Сузи вѣроятно слишкомъ стала самостоятельна, и онъ тотчасъ же рѣшилъ употребить съ нею свой авторитетъ главы семейства. Онъ отвелъ ее въ сторону и круто спросилъ:

— Ну, что̀ случилось? Говори!

— О, Фрэдъ! Не спрашивай! — отчаянно воскликнула она, и такъ быстро рванулась и убѣжала, что братъ остался еще въ бо̀льшемъ недоумѣніи, чѣмъ прежде.

„Ахъ, чортъ побери“!—подумалъ онъ, вспомнивъ, что ему еще предстояло *на исповѣдь* идти...

Исповѣдью онъ называлъ цѣлый рядъ обычныхъ и неизбѣжныхъ разспросовъ, которыми матери мучаютъ своихъ сыновей, пріѣхавшихъ въ отпускъ. Эта докучная церемонія, однако, на этотъ разъ его миновала, и—странное дѣло!—такое отступленіе отъ заведеннаго порядка скорѣе огорчило, чѣмъ порадовало его.

Не зная, что̀ сказать, онъ только молча чувствовалъ, что ему все больше сообщается какая-то неловкость, овладѣвшая, повидимому, матерью и сестрами.

— Ахъ, кстати! Я все смотрю: у насъ чего-то не хватаетъ,—воскликнулъ онъ:—а это нашего друга, Веддерберна! Куда дѣвался нашъ старикъ?

— Ты бы могъ выражаться нѣсколько почтительнѣе о на-

шемъ старомъ другѣ,—замѣтила ему мать, краснѣя и не глядя ему въ лицо, а дѣвицы, щебетанье которыхъ наполняло весь домъ, сидѣли примолкшія, какъ никогда.

— О! Я вѣдь къ нему всегда былъ почтителенъ,—возразилъ Фрэдъ,—но мнѣ кажется, что у насъ безъ него точно чего-то въ домѣ не хватаетъ. Отчего его нѣтъ сегодня?

— За послѣднее время онъ бываетъ у насъ какъ-то рѣже,—не поднимая глазъ отъ работы, отвѣтила м-ссъ Даліэль.—Завтра онъ самъ тебѣ все скажетъ.

— Да что же за бѣда случилась?—горячо воскликнулъ молодой студентъ, удивленный, что сестры его сидѣли неподвижно, словно каменныя изваянія.

— Я бы просила ничего больше объ этомъ не говорить сегодня,—нѣсколько напряженнымъ и повелительнымъ голосомъ сказала м-ссъ Даліэль, какъ будто ожидая возраженія.—Пожалуйста, отложимъ разговоръ до завтра вечеромъ.

— О, если ты это говоришь на мой счетъ, мама̀, то можешь быть спокойна: я не не скажу ни слова, хоть до второго пришествія!—вспыльчиво замѣтила Сузи.

— Сузи!—въ удивленіи воскликнулъ братъ; но не успѣлъ онъ оглянуться, какъ сестеръ уже не было въ комнатѣ.—Я думаю, не пожурилъ ли ее Патъ за ея кокетство? Настоящая кошечка, вотъ она что̀!—замѣтилъ онъ.

Онъ еще не кончилъ говорить, какъ мать его встала, сложила работу и собралась тоже уходить.

— Ты ужъ прости меня, мой Фрэдъ; не могу я сегодня говорить. Я и устала, и мнѣ что-то не по себѣ. Надо пойти и присмотрѣть за дѣвочками, а потомъ будетъ поздно; тебѣ бы самому не мѣшало отдохнуть послѣ дороги.

— Послѣ дороги?!—вскричалъ онъ, сердитый и разстроенный.—Какое отношеніе можетъ имѣть къ этому моя „дорога“? Впрочемъ, мама̀, все это пустяки, если ты устала. Я поднимусь къ тебѣ, и мы обо всемъ потолкуемъ, сидя у камина.

— Нѣтъ! Только не сегодня,—повторила мать, цѣлуя Фрэда. Она слегка потрепала его по плечу и проговорила.—Я понимаю, что все это должно тебѣ казаться страннымъ, но только... до завтра, Фрэдъ! До завтра!..

Положеніе матери передъ взрослымъ сыномъ, конечно, незавидное, когда приходится впервые сообщить ему, что она намѣревается выйти замужъ. Въ данномъ случаѣ все случилось какъ-то само собой, въ силу обстоятельствъ, въ которыхъ близкая дружба ея съ Патомъ могла показаться предосудительной. Сплетни

не допускали возможности безкорыстнаго участія Веддерберна, даже при томъ условіи, что онъ еще при жизни мужа былъ почти членомъ его семьи. Общественное мнѣніе сходилось на томъ, что братски-добрыхъ отношеній между еще молодой женщиной и мужчиной—хотя бы за пятьдесятъ лѣтъ—быть не можетъ.

М-ссъ Даліэль отчасти искренно привязалась къ нему, а отчасти и чувствовала потребность быть всегда у кого-нибудь подъ защитою; а порвать навсегда такія добрыя отношенія, какія установились между нею и Веддерберномъ, она не находила въ себѣ мужества.

Единственное средство не выходить изъ-подъ его опеки, единственный способъ все уладить, это — дать ему полное, законное право на то мѣсто въ домѣ, которое ему давно принадлежало. Но сказать объ этомъ сыну и—всего два года спустя послѣ смерти отца...

— Да нѣтъ же! вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для памяти Роберта!—увѣряла она сама себя.—Теперь совсѣмъ другое дѣло!

Но сказать прямо,—жутко, больно!..

Фрэдъ не зналъ, что̀ и думать.

Ему было досадно, что онъ чего-то не можетъ угадать, и что отъ него точно скрываютъ какую-то страшную тайну. Фогго принесъ на столъ подносъ съ чайнымъ приборомъ. Серебряный чайникъ закипѣлъ надъ спиртовой лампочкой... Дворецкій оглянулся вокругъ, видимо ища глазами своихъ хозяекъ и, глубокомысленно покачавъ головой, вышелъ вонъ.

— А! Фогго тоже что-то знаетъ!

Одинъ только онъ, Фрэдъ, ничего не знаетъ, не понимаетъ ничего, что̀ передъ нимъ творится.

Чувство неловкости и тревоги мучило его и на сонъ грядущій; но, видно, ему не суждено было въ ту ночь заснуть, не разрѣшивъ сомнѣній.

На пути къ своей комнатѣ, въ длинномъ корридорѣ, онъ услышалъ шорохъ и не сразу догадался, кто его окликнулъ, громкимъ шопотомъ произнеся его имя. Онъ оглянулся, ожидая, что увидитъ одну изъ сестеръ... Вмѣсто нихъ, на него наступала старуха-Джанета, вытянувъ впередъ свою нетвердую голову и цѣпляясь за него руками.

— Она сказала вамъ? Сама сказала?—шептала она горячо.

— Что̀ сказала?—нетерпѣливо перебилъ ее молодой хозяинъ.

— Что она „*женится*“ на Веддербернѣ!

Хриплый, сдавленный и въ то же время рѣзкій крикъ вы-

рвался у него и долетѣлъ до комнатъ матери и сестеръ. Мать услышала и содрогнулась; сестры сидѣли у себя и прислушивались къ малѣйшему шороху...

Ни на минуту не усомнился бѣдный юноша: теперь все ему стало ясно. Его мать,—жена его отца, — женщина безупречная во всѣхъ отношеніяхъ!..

Фрэдъ вдругъ почувствовалъ, что ему невыразимо жаль прошлаго, хотя настоящее и было до сихъ поръ для него отрадно...

VI.

На слѣдующій день пріѣхалъ Веддербернъ и былъ пораженъ угрюмой сдержанностью, съ которой Фрэдъ принялъ его объясненіе по поводу предстоящаго семейнаго переворота.

— Дитя мое! быть можетъ, ты осудишь насъ за наше рѣшеніе; но вѣдь оно не принесетъ ущерба никому—ни тебѣ, ни другимъ...

— Я вѣдь не говорилъ, что оно непремѣнно принесетъ съ собой ущербъ.

— Да, ты *буквально* этого не говорилъ; но ты, повидимому, думаешь, что это непростительный шагъ, когда на самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего подобнаго, — начиная горячиться, возразилъ Патъ Веддербернъ съ негодованіемъ.—Придетъ время, когда ты самъ вздумаешь жениться, и тогда матери твоей придется оставить твой домъ. *Тогда* это будетъ тебѣ казаться вполнѣ естественнымъ. Почему бы и ей не имѣть около себя человѣка, который посвятитъ всю свою жизнь уходу за нею? Таково было бы желаніе твоего отца. Никого у нея нѣтъ, кто былъ бы ей защитникомъ и другомъ.

— У нея дѣти есть!

— Дѣти?!—воскликнулъ Веддербернъ.—Сузи, которая сама скоро разсчитываетъ выйти замужъ, какъ только ея женихъ получитъ мѣсто. Алиса послѣдуетъ примѣру сестры;—остаешься ты одинъ. Но развѣ тебѣ до того, чтобы заботиться о матери во время короткихъ лѣтнихъ каникулъ? Да ты самъ не задумаешь ли жениться, какъ только кто-нибудь приглянется тебѣ. Пусть мои слова будутъ тебѣ не по вкусу, но для чего напускать на себя такой видъ, точно тебя обидѣли или оскорбили? Ну, полно, полно, Фрэдъ! Нечего такъ смотрѣть на стараго и преданнаго друга...

— Я знаю, что вы преданный и добрый другъ; я въ этомъ никогда не сомнѣвался!

— Однако, никогда не думалъ, чтобъ я до такой степени простеръ свое усердіе? Такъ, что-ли? Какъ видишь, я и этого не побоялся, а затѣмъ ужъ твое дѣло отнестись какъ можно лучше къ тому, чтò все-таки должно состояться. Какія бы силы на землѣ этому ни воспротивились,—мнѣ все равно!

Первая воспротивилась скорому браку м-ссъ Даліэль; она хотѣла выждать хоть два полныхъ года со дня смерти мужа, а до тѣхъ поръ надо было пережить еще нѣсколько мѣсяцевъ, томительныхъ, тревожныхъ.

Патъ Веддербернъ являлся довольно рѣдко, но и тогда чувствовалъ себя натянуто, неловко, какъ, впрочемъ, и всѣ окружающіе. Вернувшись домой въ іюнѣ, послѣ нѣкоторыхъ поѣздокъ по сосѣдству, Фрэдъ только прибавилъ къ общему напряженному настроенію. Сами того иной разъ не желая, дѣвушки холодно и почти враждебно относились къ матери, нерѣдко оставляя ее одну, надъ работой, а сами, повисши на руки Фрэда съ двухъ сторонъ, принимались съ нимъ болтать, смѣяться...

Матери было больно малѣйшее невниманіе со стороны дѣтей, которыхъ она всю жизнь такъ лелѣяла, любила... Но она сдерживала свое огорченіе и тихо сидѣла, будто углубившись въ работу. На дѣлѣ, она была глубоко оскорблена поступками и жесткимъ отношеніемъ своей родной семьи. Мало-по-малу, ей до того стало тяжело, что она начинала молить Бога, чтобы Онъ приблизилъ срокъ, когда она освободится отъ этой постоянной домашней пытки... Такимъ образомъ, всякій тяготился обоюдной натянутостью отношеній и пришелъ къ нѣмому безмолвному соглашенію—какъ можно меньше сидѣть вмѣстѣ по вечерамъ и пораньше расходиться, чтобы нечаянно не раздражить другъ друга и незамѣтнѣе скоротать докучные, томительные вечерніе часы.

Однажды, когда Фрэдъ шелъ вверхъ по лѣстницѣ вслѣдъ за матерью и сестрами, уходившими спать, его окликнула, и на этотъ разъ безъ малѣйшей таинственности, старуха-Джапета. Она остановилась на верхней площадкѣ, кутаясь въ свою вѣчную клѣтчатую шаль.

— Подарите мнѣ двѣ-три минутки, м-ръ Фрэдъ!—проговорила она.

— Это еще на чтò? Теперь мнѣ некогда,—отвѣтилъ Фрэдъ, замѣтивъ, что Сузи, которая шла впереди него, остановилась на ступенькахъ и оглянулась на брата, загораживая рукой пламя

свѣчи, которую она подняла повыше, и которая освѣщала ея бѣлое платье, какъ на картинѣ.

— Вы должны придти ко мнѣ непремѣнно!—внушительнымъ шопотомъ настаивала старуха. — Помните, что̀ вамъ сказалъ отецъ?.. Дѣло идетъ о жизни или смерти.

— Почемъ вы знаете, что̀ сказалъ мой отецъ?

— Вотъ въ томъ-то и вопросъ! Пойдемъ со мною, мой милый, и ты все узнаешь.

Сузи стояла неподвижно, какъ изваяніе.

— Кто тамъ съ тобою говоритъ?—спросила она брата.

— Никто!

— Какъ же никто, когда это старуха-Джанета?—безъ особаго волненія возразила Сузи, которая привыкла часто ее видѣть.

Фрэдъ неохотно и нахмурившись пошелъ вслѣдъ за старухой. Если бы эта встрѣча не произошла при Сузи, онъ не подумалъ бы слѣдовать за нею; но ему не хотѣлось дать сестрѣ замѣтить свое недовольство и безотчетную робость. Идя за нею слѣдомъ, Фрэдъ припоминалъ ея долголѣтнюю преданность нѣсколькимъ поколѣніямъ Даліэлей. Онъ припомнилъ, до чего горячо она любила его покойнаго отца, стараясь себя расположить къ ней, и это ему отчасти удалось. Джанетѣ больше ничего не нужно было. Она притворила дверь и близко-близко подошла къ нему съ лампою въ рукахъ.

— М-ръ Фрэдъ!—начала она:—собери всю свою храбрость, дитя мое, странныя вещи мнѣ придется тебѣ открыть! Призови на помощь все твое мужество и прочти вотъ это!

Фрэдъ вздрогнулъ при видѣ бумаги, которую она показала ему.

— Я вижу, это почеркъ отца. Но мнѣ не нужно никакихъ отъ него писемъ. Онъ самъ сказалъ мнѣ, наканунѣ своей смерти...

— О, мой милый! Прочти поскорѣе, а не то я сойду съ ума!—воскликнула старуха.

Фрэдъ взялъ бумажку и убѣдился, что дѣйствительно она написана отцомъ; но ни малѣйшей догадки о настоящемъ ея происхожденіи не шевельнулось у него въ мозгу. Онъ только смотрѣлъ на нее безъ словъ и подумалъ, что, кажется, или онъ самъ съ ума сходитъ, или, можетъ быть, тольке бредитъ.

„Надо помѣшать браку моей жены“!—стояло на бумажкѣ. Что̀ это могло значить? Или все это сонъ?.. Какъ могъ писать человѣкъ, умершій два года тому назадъ? „Надо помѣшать браку моей жены“...

— Почему же онъ могъ знать? Какъ онъ могъ предсказать, что ей предстоитъ бракъ?—пролепетали его побѣлѣвшія губы.

— О, мой Фрэдъ! Или ты ничего не видишь? — воскликнула Джанета. Она вытянула впередъ длинный, дрожащій палецъ и ткнула имъ въ бумажку. Еще разъ заглянулъ въ нее бѣдный юноша, и чувство ужаса сковало его:—„3-го іюня 18... года“.

— Что̀ же это?.. Что̀ же это такое?..—запинаясь и нервно смѣясь бормоталъ онъ. — Не можетъ быть, чтобы мы помѣшались! Неужели... Нѣтъ, нѣтъ! Это совершенно ясно:—„3-го іюня 18... года“. *Этого* года!

— Да, да: *этого* года!—воскликнула она, хватая его за обѣ руки.—И намъ это не чудится! Намъ ясно, что тотъ самый человѣкъ, который написалъ эти слова... Онъ—здѣсь! Онъ—въ этомъ домѣ, м-ръ Фрэдъ!

Лицо студента потемнѣло и исказилось. Безпомощно опустилась рука, сжимавшая письмо. Молча смотрѣлъ онъ на старуху...

Въ эту минуту пронесся по дому отчаянный крикъ и стукъ мягкой обуви по коррherидору... Дверь распахнулась, и передъ Фрэдомъ появился незнакомецъ, обросшій длинной бородой. Какая-то странная улыбка мелькала на губахъ; глаза были полны серьезной думы...

Фрэдъ отшатнулся, прижимаясь къ стѣнкѣ. Все вокругъ, колеблясь, поплыло передъ нимъ въ туманѣ и совсѣмъ исчезло въ темнотѣ. Но вотъ мало-по-малу туманъ разсѣялся; Фрэдъ началъ различать яснѣе фигуру человѣка, который стоялъ близко-близко отъ него.

Никогда не видалъ онъ прежде такого лица; но сердце у него вдругъ замерло, остановилось... и быстро, быстро застучало, не давая перевести духъ и ударяя въ грудь до боли.

Ужасъ сковалъ его мысли; онъ не могъ шевельнуть губами и какъ во снѣ, но ясно разслышалъ голосъ... О, Боже! знакомый голосъ живого человѣка.

— Джанета, ты ему сказала?

— Только-что передъ твоимъ приходомъ. Постой! Дай ему очнуться. Что̀ ты такое сдѣлалъ? Ты ее...

— Напугалъ, только и всего! Это ее остановитъ...—и незнакомецъ сухо, невесело засмѣялся, бросившись въ кресло и откинувъ черный плащъ, въ который былъ закутанъ съ головы до ногъ.

Фрэдъ не шевелился, опираясь въ стѣну спиною, чтобы не упасть. Въ такія минуты время не бѣжитъ, а мучительно тя-

нется, ползетъ. Мысль, отвергавшая возможность сверхъестественной бѣды, начинаетъ свыкаться съ нею, какъ съ совершившимся фактомъ, и усвоиваетъ его прежде, чѣмъ успѣешь перевести духъ.

„Отецъ живъ"!—пронеслось въ головѣ у Фрэда.—Онъ не обманулъ никого позорнымъ, недоказаннымъ самоубійствомъ, но онъ живъ, и это—еще тяжелѣе, еще позорнѣй, еще тоньше ловко задуманный обманъ. Да! Ложь, обманъ... Мошенническая, гнусная продѣлка! Не честными путями, а ловкою продѣлкой возстановилъ отецъ свое доброе имя и благосостояніе своей семьи. Все существо его сына возмущалось при мысли о такомъ ужасѣ, о такомъ позорѣ, какого онъ не могъ себѣ представить.

Фрэду припомнилось, какъ онъ страдалъ при мысли о томъ, какія нареканія могло накликать на его отца исчезновеніе, похожее на самоубійство; въ глубинѣ души онъ допускалъ со стороны отца возможность прибѣгнуть къ насильственной смерти, но боялся дать замѣтить кому бы то ни было свои мысли.

Наконецъ, былъ установленъ самый фактъ несчастнаго случая, и Фрэдъ вздохнулъ свободнѣе. Съ горячею любовью, съ чувствомъ неизъяснимой и благоговѣйной гордости незапятнанной чести покойнаго отца, сынъ предался тихой грусти и искалъ утѣшенія въ своемъ желаніи оказаться достойнымъ имени Даліэля. Какъ нѣжно онъ лелѣялъ малѣйшее воспоминаніе о безвременно погибшемъ! Какъ возмущался, если кто забывалъ его, или съ недостаточнымъ уваженіемъ относился къ памяти, которая для него, Фрэда, была священнѣе всего на свѣтѣ!

Но мигъ одинъ—и всѣ его страданія, вся его гордость, все благоговѣніе—изчезли! Передъ нимъ тотъ, который не задумался спасти свое доброе имя и семью свою цѣною низости, позора. Передъ нимъ—его отецъ...

Отецъ?! Пустое слово... Онъ—не отецъ, этотъ обманщикъ, плутъ! Онъ—лгунъ и воръ! Притворщикъ онъ и подлый трусъ!..

Въ эту минуту Фрэдъ, разгоряченный ужасомъ открытія, стыдомъ, не могъ судить болѣе безпристрастно и не пытался разузнать причины такого невѣроятнаго явленія; онъ не взвѣсилъ всей необъятности самоистязанія, которому добровольно подвергъ себя его отецъ, принося въ жертву всю свою жизнь, свое семейное счастье. Молодежь,—горячая, увлекающаяся молодежь, безжалостна въ своихъ приговорахъ. Фрэдъ ни на минуту не подумалъ, что ему же самому принесъ себя въ жертву несчастный, рѣшившійся на такую смѣлую затѣю; что ему же, Фрэду, исчезновеніе отца принесло пользу. Вотъ еще! Не нужно ему

ничего; нужно скорѣй изобличить обманъ! Нужно вернуть пріобрѣтенное путемъ позора!.. Единственная уступка, на которую можно пойти, это дать *ему* скрыться,—но и только!

Старуха Джанета подошла къ Фрэду и положила ему руку на плечо.

— О, м-ръ Фрэдъ! Скажите ему ласковое слово!.. Отчего вы молчите? Вѣдь онъ отецъ вамъ! Онъ всѣмъ пожертвовалъ для васъ...

— У меня нѣтъ отца!—хрипло и глухо вырвалось у него.— Мой отецъ умеръ!..

Несчастный отвелъ руки, которыми закрывалъ себѣ лицо, и знакомые ясные глаза, съ улыбкой слѣдившіе за нимъ въ пору ранняго дѣтства, взглянули на него печально, безнадежно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и удивленно. Конечно, Робертъ Даліэль и самъ зналъ заранѣе, какое осужденіе можетъ вызвать его поступокъ; онъ зналъ, что самъ онъ вычеркнулъ себя изъ ряда живыхъ людей; что онъ умеръ для окружающихъ и ихъ оставилъ навсегда. Онъ ожидалъ, что его появленіе вызоветъ въ близкихъ ужасъ, удивленіе, но въ то же время ожидалъ, что Фрэдъ...

О, Фрэдъ все-таки будетъ радъ, что отецъ живъ; Фрэдъ бросится къ нему на шею...

Молча, страшно блѣдный, смотря неподвижно на сына, стоялъ онъ передъ нимъ, пораженный, что тотъ безжалостно его отвергъ, не проронилъ ни слова въ утѣшеніе.

— Мистеръ Фрэдъ! Ради Бога, подумайте, что̀ вы сказали? Ну, посмотрите на него, скажите ему хоть словечко!

— Мнѣ не о чемъ съ нимъ говорить! Черезъ недѣлю всѣ узнаютъ правду: я самъ во всемъ признаюсь, если только это правда! Я не хочу быть соучастникомъ въ обманѣ. Отца, когда онъ умеръ, я любилъ и чтилъ благоговѣйно его память, но быть сообщникомъ въ обманѣ!.. Черезъ недѣлю...

Незнакомецъ продолжалъ сидѣть неподвижно, не проронивъ ни слова. Нѣчто невыразимое отражалось въ его глазахъ, въ каждой чертѣ его лица, но яснѣе всего—удивленіе.

Сынъ! Его дитя,—и такой жестокій, такой безчеловѣчный! Странный посѣтитель не обвинялъ своего сына; не отрывая глазъ, смотрѣлъ онъ на него пытливо, удивленно. Вотъ какой онъ сталъ, его дитя, его сынъ, его Фрэдъ!..

Въ сравненіи съ той цѣлью, которая привела его сюда, нежданный, тяжкій ударъ былъ слишкомъ ужасенъ; передъ нимъ блѣднѣли всѣ остальныя чувства и тревоги.

Въ домѣ все время, не переставая, слышался шорохъ и глу-

хой шумъ суетливой бѣготни. Тихая усадьба была встревожена чѣмъ-то необычнымъ, и это нарушило ея вечерній покой.

Вдругъ издали ясно донесся тревожный крикъ Сусанны:

— Фрэдъ!.. Фрэдъ!..

Охваченный волненіемъ, какого еще въ жизни ему не случалось пережить ни разу, Фрэдъ задыхался...

— Никого не пускать сюда?—проговорилъ онъ.—Нельзя, чтобъ кто-нибудь могъ заподозрить здѣсь присутствіе чужого человѣка. Если мать испугалась, я ей скажу... но только въ такомъ случаѣ, если это окажется совсѣмъ необходимымъ. Затѣмъ мнѣ остается только объявить всю правду, когда...

Онъ запнулся, затрудняясь говорить съ тѣмъ новымъ для него человѣкомъ, который въ немъ убилъ святое чувство уваженія къ незапятнанному имени его отца и къ тому идеалу, представителемъ котораго еще недавно былъ въ его глазахъ отецъ.

Фрэдъ ушелъ.

Тяжелое молчаніе водворилось по его уходѣ.

Задумчиво и глухо зазвучалъ тихій голосъ незнакомца:

— Такъ вотъ какой онъ сталъ, нашъ Фрэдъ, въ какихъ-нибудь два года! Видишь, Джанета, все сложилось совсѣмъ не такъ, какъ ты ожидала...

— О, мой голубчикъ, мой родной! Фрэдъ вѣдь самъ себя не помнитъ съ перепугу.

— Нѣтъ, это посерьезнѣе, Джанета, чѣмъ простой страхъ. И онъ... онъ правъ! А мы съ тобой... Да. Мы не правы,—и я самъ долженъ нести на себѣ отвѣтственность, какова бы она ни была... А пока я пойду, отдохну у тебя на постели, если ты мнѣ ручаешься, что никто не увидитъ; а потомъ... Потомъ я уйду отсюда и на этотъ разъ ужъ навсегда! Такъ ему и скажи. Я больше ничего не буду затѣвать, ни во что̀ путаться не буду; и онъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ благоразумно, если оставитъ былое пройти и быльемъ порости.

VII.

Іюньская сѣверная, бѣлая ночь приходила къ концу, и что-то особенно таинственное и тихое было въ жемчужномъ переливчатомъ отблескѣ ея ранней, еще не опредѣлившейся зари.

Уходя крадучись изъ дома, который ему принадлежалъ, но теперь навсегда пересталъ ему принадлежать, Робертъ Даліэль

шелъ смѣлѣе, чѣмъ входилъ туда подъ кровомъ вечерней темноты. Теперь, глядя на его одинокую, мрачную фигуру, его легко могли принять за призракъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не призракъ, не выходецъ съ того свѣта? Бобъ Даліэль умеръ и погребенъ, и два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ его призракъ, никому невѣдомый, скитается среди чужихъ и осужденъ на вѣчное изгнаніе. Какъ привидѣніе—безмолвный, одинокій, онъ, казалось, не шелъ, а скользилъ, освѣщенный блѣднымъ, матовымъ блескомъ утренняго свѣта.

Онъ всѣмъ пожертвовалъ; онъ самъ себя лишилъ всего, что̀ было ему дорого: жизни, жены, дѣтей, родного дома... вотъ ужъ два года; но почему же до сихъ поръ онъ никогда еще не могъ отдать себѣ отчета въ тяжелыхъ условіяхъ своего страха и положенія? Не потому ли, что въ этомъ человѣкѣ пятьдесятъ лѣтъ подъ вылощенной оболочкой скрывалась всю жизнь затаенная струнка цыгански-кочевого, безпокойнаго стремленья? Сгоряча, первое время, Даліэлю даже почти пріятно было испытать нѣчто совершенно ему незнакомое, что̀ нѣсколько мѣняло привычное однообразіе его жизни. Даже его послѣдняя выходка,—появленіе съ цѣлью помѣшать женѣ выйти замужъ,—и та была какъ бы чѣмъ-то не серьезнымъ, а лишь однимъ изъ разнообразій, внесенныхъ въ его жизнь обстоятельствами.

И вотъ онъ увидалъ жену, увидалъ сына, и только теперь понялъ, что̀ онъ сдѣлалъ два года тому назадъ. Что̀ принесъ ему его поступокъ? За̀живо—участь мертвеца, а его близкимъ—позоръ и конецъ всего, что̀ было для него дорогого: женѣ и сыну онъ одинаково былъ страшенъ и непріятенъ, какъ настоящій призракъ... Нѣтъ, „обманщикъ"!—такъ назвалъ его Фрэдъ. Онъ обманулъ, конечно; но кого? Страховыя общества, которыя иначе не выдали бы страховой преміи семьѣ. Обманулъ всю свою семью тѣмъ, что остался жить, обезпечивъ имъ безбѣдное существованіе, всеобщее сочувствіе и уваженіе... А онъ? Онъ—бездомный скиталецъ, отверженный, котораго не спасла отъ презрѣнія дорогая цѣна жертвы, на ихъ же пользу принесенной.

И въ то же время—странное дѣло!—Даліэль не былъ сердитъ на сына; онъ даже чувствовалъ особое удовлетвореніе и почти гордость при видѣ юношески-рѣзкаго, но благороднаго негодованія Фрэда; онъ не осуждалъ его,—онъ восхищался нравственной чистотою своего дѣтища,—своего любимца-сына. Даліэль радъ былъ видѣть въ немъ честнаго человѣка, а самому ему не приходило въ голову, что онъ поступаетъ нечестно, жертвуя собою для спасенія другихъ. Даже теперь онъ не рас-

каявался въ этомъ ни минуты; только одного было ему жаль,— зачѣмъ онъ не отдался своей новой жизни? Зачѣмъ не попытался создать себѣ новыя связи, новые интересы? вернулся (для чего?)—помѣшать браку, который все равно всегда былъ возможенъ, потому что главное препятствіе къ нему—мужъ— давно умеръ и погребенъ въ родовомъ склепѣ Даліэлей...

Лучше бы ему было не слушать безпокойныхъ рѣчей старухи и оставить жену въ покоѣ,—и, можетъ быть, даже послѣдовать ея примѣру.

— Да, такъ и надо сдѣлать: уйти, исчезнуть,—навсегда! Все равно, жизнь придется начинать съ начала; вся близость къ старой жизни рушилась безвозвратно... Все это старая напутала мнѣ съ своими правилами о законности; она меня ввела въ заблужденіе... Лучше всего мнѣ самому гдѣ-нибудь далеко жениться и такимъ образомъ оправдать ея бракъ съ Веддерберномъ... Гмъ! Довольно трудно представить себѣ „молодымъ" такого стараго холостяка, какъ мой милѣйшій Патъ! Но ей вѣдь нуженъ кто-нибудь, кто бы заботился о ней и о ея дѣлахъ: сама она за всю жизнь свою къ этому не привыкла. Фрэдъ, вѣроятно, раздумаетъ и не приведетъ свою угрозу въ исполненіе, когда узнаетъ, что обо мнѣ больше нѣтъ вѣстей... И все у нихъ пойдетъ благополучно, все уладится, какъ только я самъ могъ бы для нихъ пожелать. .

Солнце взошло. Пташки зачирикали, дружно просыпаясь и обмѣниваясь болтовней о своихъ житейскихъ впечатлѣніяхъ прежде, чѣмъ приступить къ хоровому привѣту дневному свѣтилу.

Погрузившись въ свои думы, Даліэль не замѣтилъ, куда шелъ, пока не очутился на берегу моря, невдалекѣ отъ одинокаго постоялаго двора, гдѣ наканунѣ оставилъ свой небольшой багажъ. Вернуться туда, забрать свои вещи и уйти, — уйти безслѣдно, навсегда... Но еще рано; вокругъ—ни одной живой души. Только у ногъ Даліэля плещется серебристая, полусонная зыбь притихшаго моря...

Чтобы скоротать время, онъ вспомнилъ, что у него есть прекрасное и его любимое развлеченіе.

— Въ послѣдній разъ у себя на родинѣ!—подумалъ онъ.— Кстати, это меня освѣжитъ и поддержитъ въ такой нравственно и физически тяжелый день. Легче на сердцѣ станетъ!

И въ самомъ дѣлѣ,—не долго думая, не вспоминая даже, что такъ же точно онъ бросился въ море два года тому назадъ, такъ же бросивъ въ кучку свое платье...

На зарѣ сѣверныя волны холодны, какъ ледъ, когда раннее

солнце еще не успѣло ихъ согрѣть. Холодъ ли, вліяніе ли пережитыхъ ночью потрясеній,—Богъ вѣсть, что̀ повліяло въ этотъ разъ на Даліэля. Но только впослѣдствіи стало извѣстно, что на зарѣ, въ тишинѣ пробуждающагося утра, кто-то проснулся на постояломъ дворѣ, вскочилъ и прислушался къ отчаянному крику, донесшемуся съ моря. Но все умолкло, и встревоженный сонливецъ улегся и опять заснулъ. Тутъ же, неподалеку, стоялъ домикъ священника, и самъ служитель алтаря, подошедши къ окну полюбоваться чудной картиной радостнаго утра, слышалъ такой же крикъ, но тогда неясно различалъ его и только потомъ высказалъ предположеніе, что, вѣроятно, это кричалъ утопавшій.

Вся обстановка этого печальнаго происшествія, какъ справедливо замѣтили газеты, поразительно напоминала аналогичный случай съ покойнымъ м-ръ Даліэлемъ, владѣльцемъ Ялтона. Но въ данномъ случаѣ пострадавшій былъ совершенный незнакомецъ, наканунѣ пріѣхавшій на постоялый дворъ, недалеко отъ котораго между утесами и нашли тѣло.

Несчастный, повидимому, боролся со смертью, въ отчаяніи хватаясь за водоросли... Въ сущности же, насколько эта смерть была дѣломъ случайнымъ, или наоборотъ, это такъ и осталось неизвѣстнымъ.

На зовъ Сузи, Фрэдъ пошелъ къ матери, но по дорогѣ къ ней онъ нашелъ весь домъ на ногахъ.

Фогго стоялъ на лѣстницѣ, выжидая, когда ему скажутъ, надо ли бѣжать за докторомъ. Поближе къ дверямъ—сестры и ихъ дѣвушки; наконецъ, собственная горничная м-ссъ Даліэль. Въ тревожныхъ группахъ этихъ напуганныхъ людей ходилъ тревожный шопотъ.

— Такой крикъ — не спроста; видно, что-нибудь страшное случилось,—говорили они между собой довольно громко.—И всѣ сошлись на общемъ мнѣніи.

— Опять въ аллеѣ слышенъ конскій топотъ. Это ужъ не къ добру!

Однако, Фрэда впустили къ матери не сразу, и онъ даже былъ очень счастливъ такою отсрочкой: это ему давало время хоть немного собраться съ мыслями, которыя одолѣвали его по поводу случившагося. Сгоряча его задача казалась ему такой ясной, такой несомнѣнной, что его долгъ не требовалъ усилій чувства, но по мѣрѣ того, какъ онъ припоминалъ все, какъ случилось, имъ овладѣло жгучее сомнѣніе.

Онъ вспомнилъ, что отецъ ни слова не сказалъ ему въ опро-

верженіе; ни взглядомъ, ни движеніемъ не выразилъ протеста противъ ужаснаго, жестокаго пріема со стороны сына. И его взглядъ,—знакомый, добрый взглядъ, отразившій удивленіе, больно отозвался на сердцѣ юноши, какъ бы безмолвно укоряя его въ чрезмѣрной жестокости.

— Ну, да; конечно, жестоко было сказать въ глаза человѣку (и кому же? отцу!): „Нѣтъ тебѣ прощенья! Ты преступникъ"! Нѣтъ, не надо думать! Надо прежде всего и во всемъ видѣть свой долгъ, суровый долгъ — и только!

— Однако,—думалъ Фрэдъ, возражая самъ себѣ;—да, онъ сознательно, ради нашего блага, принесъ намъ въ жертву жизнь свою. Онъ умеръ болѣе ужасной смертью, чѣмъ еслибы съ собой покончилъ. Минутное страданіе—и конецъ. А нравственныя муки, которыя отецъ былъ вынужденъ терпѣть все время, непрерывно? Страстное чувство гнѣва и обиды улеглось, вспышка остыла, и я вижу, какая сила любви была у этого самоотверженнаго человѣка: онъ не побоялся пожертвовать для нея жизнью, — заживо вычеркнуть себя изъ числа живыхъ... „Нѣтъ бо̀льшей любви на землѣ, какъ если кто душу свою положитъ за друзей своихъ"...

Но, Боже мой! Такое сравненіе—святотатство! Обманщикъ, человѣкъ, не задумавшійся продолжать свой обманъ!.. Кого онъ обманулъ? Онъ умеръ, дѣйствительно умеръ, полнѣе, тяжелѣе, чѣмъ обыкновенной смертью! Кому его смерть принесла ущербъ? Страховымъ обществамъ? Но и тѣ были вполнѣ удовлетворены доказательствами, которыя сопровождали эту смерть. А еслибы мнѣ самому дали на выборъ: умереть естественною или фиктивною смертью, чтобы влачить всю жизнь существованіе изгнанника, бездомнаго скитальца? Я выбралъ бы... конечно, первую!

Фрэдъ мучился, метался отъ одной мысли къ другой, и сердце его разрывалось отъ чувства жалости и самаго безжалостнаго осужденія.

— Надо не думать! Мягкость тутъ неумѣстна: долгъ прежде всего!—повторялъ онъ самъ себѣ и въ то же время съ упрекомъ вспоминалъ, что онъ поступилъ слишкомъ жестоко: — ни ласковаго слова, ни привѣтливаго движенія...

— Думать не надо, не надо думать!

Было уже поздно, когда Фрэдъ зашелъ къ матери, мимоходомъ заглянувъ на себя въ зеркало и стараясь придумать способъ, чтобъ не казаться такимъ блѣднымъ, растеряннымъ и робкимъ, какъ дитя. Единственное, что̀ онъ могъ придумать, это—облить

голову холодною водой, чтобъ она не горѣла, — и поспѣшить сойти къ матери въ спальню.

М-ссъ Даліэль лежала въ постели, тоже страшно блѣдная, съ лихорадочно горѣвшими глазами. Она схватила сына за обѣ руки и усадила его рядомъ, поближе. Свѣчи еще горѣли, но съ ними уже начиналъ спорить голубоватый, предутренній свѣтъ.

Прошло минуты двѣ, пока она промолвила неровнымъ голосомъ:

— Фрэдъ? Ты не знаешь, что̀ я такое говорила? Что̀ тебѣ сказали? Говорятъ, что я...—она глазами докончила недосказанное.

— Я слышалъ только, что ты въ обморокъ упала...

Она еще крѣпче сжала руку сына и продолжала:

— Я нарочно сдѣлала видъ, что потеряла сознаніе... Пусть они такъ и думаютъ! Это надо, чтобы скрыть... Лучше всего— подать имъ поводъ думать, что мнѣ почудилось въ бреду... Но понимаешь, Фрэдъ? Я не теряла сознанія, ни на минуту... Ты слышишь, что я говорю?

— Да, да! Только, пожалуйста, ты не волнуйся!

— Нѣтъ, ты пойми! Я хочу, чтобъ ты понялъ: я была въ памяти, я понимаю, я слышу каждое свое слово...

— Да, мама! Да!..

Она опять крѣпко ухватилась за его руку, точно чего-то опасаясь:

— Ну, такъ вотъ!—и она глубоко вздохнула, какъ бы набираясь силъ.—Я видѣла твоего отца!.. Тише! Я только одного боюсь, что ты подумаешь, что я сошла съума. Но взгляни на меня: я, можетъ быть, и не совсѣмъ спокойна, но такъ же тверда въ памяти, какъ ты.—Впрочемъ, Фрэдъ волновался столько же, сколько она, въ эту минуту.—Я не думала о немъ, не вспоминала, какъ иногда бываетъ, и вдругъ!.. вдругъ вижу, что онъ тутъ стоитъ, вотъ, вотъ—гдѣ занавѣска...

— Ты слишкомъ волновалась, мама! Я вернулся домой, потомъ сёстры; наконецъ, мы всѣ почему-то сегодня такіе раздраженные... Можетъ быть, это повліяло...

— Пустяки! Я твердо помню; я видѣла его, ну, такъ же ясно, какъ при жизни...

Фрэдъ могъ только погладить ее молча по рукѣ и молча покачать головою. Говорить онъ боялся...

— Еще минута—и все исчезло. Только онъ успѣлъ что-то сказать, и я увѣрена, что разобрала слово: „свадьба“... Я такъ

была глупа, что вскрикнула... Не могу передать тебѣ, до чего было страшно!.. Люди забѣгали... Онъ скрылся...

— Это, вѣроятно, былъ оптическій обманъ. Мы всѣ тебя разстроили; воображеніе твое работало сильно.

— Пустяки! Говорю тебѣ: я видѣла его такъ же ясно, какъ вижу сейчасъ тебя. И онъ... Знаешь, онъ былъ не такой, какъ прежде... Онъ отростилъ себѣ бороду! — совсѣмъ уже на ухо, притянувъ его голову къ себѣ, прошептала она.

— Мамà!

— Ты думаешь, я не въ своемъ умѣ? Это понятно; но въ моихъ словахъ больше ужаснаго, чѣмъ можно себѣ представить. Это былъ не призракъ; это былъ... живой человѣкъ! — и мать пытливо посмотрѣла въ глаза сыну.

Фрэдъ не могъ устоять противъ взгляда, который говорилъ ему яснѣе словъ, и только могъ прошептать безсвязно:

— Я думаю... что ты права!

Она порывисто схватила его за плечи и повторяла:

— Такъ ты зналъ, зналъ? Все время? И мнѣ не сказалъ ни слова?

— Нѣтъ!—возразилъ Фрэдъ.—Я самъ сейчасъ узналъ, случайно. Неужели я могъ участвовать въ обманѣ? Но я самъ, сегодня вечеромъ видѣлъ его у насъ въ домѣ.

М-ссъ Даліэль откинулась назадъ на подушки и, закрывъ лицо руками, начала плакать и стонать.

— Какъ я ему въ лицо взгляну? Какъ я ему въ лицо взгляну?—повторяла она.

Фрэдъ многаго могъ ожидать отъ матери своей. Онъ былъ готовъ къ горячему взрыву негодованія пылкаго, неудержимаго, какъ его собственное; его не удивило бы, если бы мать почувствовала себя вдругъ пришибленной, или глубоко несчастной; онъ понялъ бы и оправдалъ ея чувство, если-бъ она была безмѣрно счастлива, что онъ вернулся. Но чувствовать себя пристыженной, не смѣющей смотрѣть ему прямо въ глаза! Этого Фрэдъ не могъ понять.

Успокоившись немного, м-ссъ Даліэль тихо, прерывисто сказала:

— Намъ придется каждому обоюдно просить прощенія.

— Мамà!—воскликнулъ Фрэдъ.—Да понимаешь ли ты, какія перемѣны это произведетъ... во всемъ?

Съ минуту, она помолчала и, покраснѣвъ, возразила:

— О, мой Фрэдъ! Можемъ ли мы достаточно благодарить Провидѣніе за то, что узнали еще вò-время!

Повидимому, больше ни о чемъ она не могла думать, и бѣд-

ный Фрэдъ вынужденъ былъ вернуться къ своимъ неутѣшнымъ и смятеннымъ думамъ, не получивъ отъ матери ни тѣни поддержки. Для нея, повидимому, существовала только одна сторона вопроса,—ея супружескій долгъ передъ мужемъ. Мысль объ обманѣ ее не тяготила и даже не занимала вовсе. Мужъ вернулся... Онъ живъ! Въ этомъ для нея—все!

VIII.

Послѣ полудня того же дня, который начался такъ зловѣще, Фрэдъ могъ, наконецъ, побыть одинъ, пока его мать забылась сномъ.

Хорошо еще, что она могла спать послѣ такого возбужденія; но она такъ привыкла, что всѣ трудности улаживаются для нея и за нее другими, что и теперь, предвидя трудности въ условіяхъ семейныхъ и другихъ, она успокоилась на томъ, что оба, Бобъ и Веддербернъ, все устроятъ сообща, тѣмъ болѣе, что послѣдній такъ всегда любилъ ея Роберта, и даже будетъ радъ его увидѣть. У нея на словахъ все устроивалось какъ-то такъ просто и ясно, такъ „само собой“, что и Фрэду сообщилась ея увѣренность во всемъ.

Но едва только остался онъ одинъ, какъ минутъ черезъ десять опять у него мысли стали путаться и его мучить.

Что̀ дѣлать?.. Какъ лучше поступить? Увѣдомить о происшедшемъ страховыя общества? Но откуда взять средствъ на ихъ удовлетвореніе? Пустить въ продажу Ялтонъ, или... или что̀ другое? Во всякомъ случаѣ вернется отецъ вновь, или опять исчезнетъ—одинаково угрожаетъ разоренье всей семьѣ, а ему, Фрэду —конецъ счастливой карьерѣ и впереди ничего, ничего, кромѣ горя и заботъ!

Между тѣмъ онъ не зналъ, что̀ сталось дальше съ отцомъ, или куда онъ скрылся. Онъ могъ бы обратиться къ Джанетѣ, которая навѣрно знала все; но у него еще не хватало духу такъ скоро встрѣтиться съ этой прямой соучастницей всѣхъ бѣдствій. Фрэдъ, какъ дитя, въ порывѣ горечи и раздраженія, винилъ ее во всемъ, но въ то же время какъ-то чувствовалъ, что разъясненіе придетъ само собой.

Дѣйствительно, нѣсколько часовъ спустя, Фогго вошелъ въ библіотеку, гдѣ сидѣлъ молодой Даліэль, и съ таинственнымъ видомъ объявилъ, что *кто-то* желаетъ его видѣть. Сердце у Фрэда захолонуло; всѣ его мысли были сосредоточены только

на отцѣ, и онъ былъ увѣренъ, что этотъ незнакомецъ—не кто другой, какъ онъ.

— Кто это?—господинъ... съ бородой?—чуть слышно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, м-ръ Фрэдъ, даже совсѣмъ не господинъ; это Джонъ Сандерсонъ, хозяинъ постоялаго двора.

— Джонъ Сандерсонъ?

— Да, сэръ; онъ хочетъ вамъ сказать, что тамъ стряслась бѣда. Онъ говоритъ, не будете ли вы такъ добры, не выйдете ли къ нему за ворота? Онъ не въ такомъ нарядѣ, чтобъ являться въ зàмокъ, а главное, ему бы не хотѣлось дать замѣтить, что онъ приходилъ къ вамъ потихоньку.

— Такъ проведите его сюда!

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, выйдите за ворота!

Фрэдъ такъ и сдѣлалъ.

Не менѣе его былъ смущенъ Сандерсонъ; онъ въ нерѣшимости мялъ шляпу и ожидалъ разспросовъ.

— Я вотъ насчетъ одного происшествія, которое случилось, —началъ онъ, запинаясь.

— Вы хотите, чтобъ я вамъ въ чемъ-нибудь помогъ?—перебилъ его Фрэдъ.—Я очень занятъ; вотъ Фогго можетъ меня замѣнить.

— Нѣтъ, мнѣ не „Фоггэ“ нужно,—возразилъ Сандерсонъ, выговаривая на мѣстномъ нарѣчіи,—мнѣ именно васъ самого! Къ намъ вчера вечеромъ пришелъ какой-то незнакомецъ. Ну, что-жъ такого! Это случается иной разъ, что у насъ останавливаются чужіе.

— Господинъ?

— Господинъ съ бородою,—проговорилъ хозяинъ, пристально глядя въ лицо Фрэду.

— Ну, такъ что же?—спросилъ тотъ, съ трудомъ переводя духъ.

— Видите ли, надо полагать, что этотъ господинъ пошелъ себѣ купаться, но никто его не видѣлъ и не слышалъ. А я такого мнѣнія, что онъ, какъ поужиналъ, да вышелъ покурить, такъ и не возвращался. Я думаю...

— Что же случилось?—перебилъ его Фрэдъ; дыханье у него прерывалось, въ горлѣ пересохло.

— Я думаю, что ему захотѣлось выкупаться на зарѣ, когда еще всѣ спали. Жена моя, въ пятомъ часу утра, слышала какой-то крикъ и вдругъ принялась меня будить, да такъ пристала, такъ пристала, что я, наконецъ, подошелъ къ окну, поглядѣлъ

вокругъ, но ничего нигдѣ не было видно. Немного погодя, прибѣжалъ къ намъ человѣкъ и сказалъ, что на пескѣ брошено чье-то платье,—ну, точь-въ-точь, м-ръ Фрэдъ, какъ тогда, помните, когда м-ръ Даліэль погибъ. Я со всѣхъ ногъ кинулся туда на берегъ... Вижу, дѣйствительно, такъ платье кучкой и лежитъ.

— А онъ-то? Онъ?— задыхаясь, торопилъ его Фрэдъ.

— Ну, немного спустя, и его самого нашли. Руками онъ крѣпко сжималъ водоросли, приподнятой колѣнкой опирался на утесъ. Видно, бѣднягѣ не хотѣлось умирать, и онъ надѣялся спасти себѣ жизнь... Вижу, вижу, чтò у васъ на умѣ! Вы думаете,—вѣрно, самоубійца? Нѣтъ, это не самоубійство! Это по всему видно. Колѣнками, руками онъ боролся; онъ не дешево продалъ свою жизнь... У него были полны руки тинистыхъ, ослизлыхъ, гадкихъ водорослей. Бѣдный, бѣдный!..

Водворилось минутное молчаніе.

Затѣмъ, Джонъ неожиданно понизилъ голосъ и особенно значительнымъ, тихимъ, но яснымъ шопотомъ прибавилъ, наклоняясь къ молодому владѣльцу Ялтона:

— Очень бы мнѣ хотѣлось, м-ръ Фрэдъ, чтобъ вы сходили на него взглянуть.

Фрэдъ не могъ проронить ни слова. Ему ужаснѣе всего была самая мысль попасть на это страшное зрѣлище. Онъ покачалъ головой, и лицо его отразило ужасъ.

— Сэръ!—еще убѣдительнѣе продолжалъ Сандерсонъ.—Я знавалъ вашего отца, м-ра Роберта Даліэля, и взрослымъ человѣкомъ, и ребенкомъ; зналъ его добрыхъ сорокъ лѣтъ. И еслибъ я не зналъ, что уже два года, какъ его нѣтъ въ живыхъ, я бы сказалъ, что это—онъ!

Фрэдъ долженъ былъ употребить невѣроятныя усилія, чтобы отвѣтить взволнованному Сандерсону:

— Мнѣ кажется, что я догадываюсь, кто это такой. Это—нашъ близкій родственникъ.

— А! Это весьма возможно,—согласился тотъ.

Какъ человѣкъ бывалый, всю жизнь прожившій въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ семьею Даліэлей, онъ былъ хорошо знакомъ съ ея родословной и твердо зналъ, что никакого близкаго родственника, ни родного, ни двоюроднаго брата, не было у Роберта Даліэля. Но объ этомъ онъ предпочелъ умолчать, какъ молчалъ передъ всѣми о томъ, кого онъ тотчасъ же призналъ въ утонувшемъ незнакомцѣ.

— Мы много, много лѣтъ ничего о немъ не знали,—продолжалъ молодой владѣлецъ—и давно рѣшили, что онъ вѣрно

умеръ. Онъ появился у насъ на мгновеніе и до смерти напугалъ мать мою... Сандерсонъ! вы твердо увѣрены, что онъ не нарочно покончилъ съ собой?

— Да, насколько я могу судить, это просто несчастная случайность. Неудивительно, что м-ссъ Даліэль такъ испугалась. Это и меня-то какъ ошеломило! Господи ты, Боже мой!—сказалъ я про себя, и никому ни слова!.. Я не такой, чтобы поднять скандалъ, накликать непріятности на ялтонскихъ господъ. Но у буфетчика моего—длинный язычокъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—проговорилъ Фрэдъ.—Сейчасъ же пойду вмѣстѣ съ вами.

И тамъ, на скудной постели сельскаго постоялаго двора, около котораго тѣснились крестьянскіе домишки, Фрэдъ увидѣлъ снова своего отца. Возбужденные сосѣди толпились въ сторонкѣ, тихо обсуждая подробности неожиданной драмы, а онъ лежалъ, застывъ неподвижно, спокойно, какъ бы умиротворенный смертью, которая не дала ему обмануть себя въ другой разъ.

Печать испуга и смятенія въ минуту неминуемой опасности разставанія съ жизнью оставила его; на мирномъ лицѣ покойника отражалась безмятежность вѣчнаго отдохновенія и полнаго душевнаго покоя, какъ у человѣка, никому никогда не причинившаго ни зла, ни обиды.

И въ самомъ дѣлѣ, кому онъ сдѣлалъ зло?

Ни близкимъ, ни чужимъ; а страховыя общества, все равно, должны бы были выдать теперь же, если не два года тому назадъ, тѣ преміи, которыя тогда спасли всю семью Даліэля отъ нужды, а его доброе имя—отъ злыхъ нареканій и позора.

И тутъ, предъ лицомъ смерти, Фрэду вдругъ показалось яснымъ, что нѣтъ нужды раскапывать прошлое, которое привело теперь, все равно, къ тому же концу; но большого труда стоило ему примирить свою совѣсть съ совершившимся фактомъ. Онъ вызвалъ Веддерберна, и тотъ категорически призналъ за лучшее—молчаніе; таково было и настоятельное требованіе м-ссъ Даліэль: для нея мысль набросить тѣнь на имя мужа была болѣе, чѣмъ ужасна.

Ее сильно поддерживалъ Патъ Веддербернъ, не проронившій ни слова въ осужденіе своего друга.

— А относительно премій,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—все равно, вамъ бы пришлось теперь ихъ получить. И не ваша обязанность поднимать этотъ вопросъ. Пусть все ужъ остается такъ, какъ есть. Пусть, наконецъ, заснетъ онъ мирнымъ сномъ

въ могилѣ. Бѣдный Бобъ!.. И пусть хоть кто-нибудь попробуетъ въ моемъ присутствіи сказать словечко противъ Даліэля!..

Въ глазахъ стараго холостяка засверкали слезы. Можетъ быть, онъ даже лучше, чѣмъ жена и сынъ, понялъ положеніе своего друга и принялъ его ближе къ сердцу.

Заявленіе Фрэда, что утонувшій незнакомецъ—его близкій родственникъ, дало возможность положить тѣло его, какъ надлежало, въ семейный склепъ ялтонскихъ Даліэлей. Что же касается того, кто былъ два года тому назадъ погребенъ подъ именемъ Роберта Даліэля, его имени не узнали, да и не старались узнать.

О бракѣ Веддерберна съ м-ссъ Даліэль больше не было рѣчи; не поминали про это и они сами. Патъ опять началъ по прежнему, какъ старый другъ Роберта, посѣщать близкую ему осиротѣвшую семью. И всей семьѣ казалось, что лучшаго рѣшенія этого вопроса, на время перевернувшаго вверхъ дномъ весь мирный ея строй, никогда не было, да и быть не могло.

А. Б—г—.

ЧЕТЫРЕ СОНЕТА

I.

НА МИГЪ.

День пурпуръ царственный даетъ вершинѣ снѣжной
На мигъ: да возвѣститъ божественный восходъ!
На мигъ сзываетъ онъ изъ синевы безбрежной
Златистыхъ облаковъ вечерній хороводъ.

На мигъ раститъ зима цвѣтокъ снѣжинки нѣжной,
И зиждетъ радуга кристально-яркій сводъ,
И метеоръ браздитъ полнощный небосводъ,
И молній пламенникъ взгорается, мятежный...

И ты, поэтъ, на мигъ землѣ печальной данъ!
Но міру дольнему открылъ ты міръ священный;
Онъ свѣтитъ намъ, твоею славой осіянъ,—

О, Пушкинъ! струй живыхъ родникъ, запечатлѣнный
Эдема ангеломъ для чадъ юдоли странъ!
И плачемъ вѣчно мы въ тоскѣ неутоленной...

II.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Когда Харитъ наперсникъ дерзновенный
Вдругъ обнажитъ ликъ вѣчной Красоты,—
Его мечтѣ не вѣря вдохновенной,
Нежданный ликъ въ смущеньѣ видишь ты...

Но побѣжденъ споръ косной слѣпоты,
И вотъ—слеза, и трепетъ вотъ мгновенный,
И памяти ты внемлешь сокровенной:
„Художникъ правъ: я эти зрѣлъ черты"!

Звучите намъ, небесные залоги!
Что̀ зрѣли мы—еще блаженны боги,—
Художества, напоминайте намъ!

О, Музыка! въ тоскѣ земной разлуки,
Живѣй сестеръ влечешь ты къ дивнымъ снамъ:
И тайной Рокъ связалъ нѣмые звуки.

III.

ПОЛЕТЪ.

Изъ чуткой тьмы пещеръ, расторгнувъ мѣдь оковъ,
Стремится Музыка, обвита бурной тучей...
Ей вслѣдъ—погони вихрь, гулъ безднъ, и звонъ подковъ,
И свѣточъ пламенный, какъ метеоръ летучій...

Ты, Муза вѣщая! Мчитъ по громамъ созвучій
Крылатый конь тебя! По грядамъ облаковъ,
Чрезъ ночь нѣмыхъ судебъ и звѣздный сонъ вѣковъ,
Твой факелъ кажетъ путь и сѣетъ слѣдъ горючій!

Простри же руку мнѣ! Дай мнѣ покинуть брегъ
Ничтожества, суетъ, страстей, самообмановъ!
Дай раздѣлить пѣвцу твой быстротечный бѣгъ!..

То—Прометеевъ вопль, иль брань воздушныхъ становъ?
Гдѣ я?.. Вкругъ тучъ пожаръ—мракъ безднъ—и крыльевъ
снѣгъ,
И мышцы гордыя напрягшихъ мощь Титановъ...

IV.

СНЫ.

„Проснись, пора домой“!—сказалъ мнѣ голосъ мирный.
Въ забвеньѣ полусна покинулъ я ночлегъ;
Но къ утренней звѣздѣ летя чрезъ понтъ эѳирный,
Я вспомнилъ синій Понтъ, златистый дальній брегъ...

И брега я достигъ. Равниною сафирной
Ладья готовилась стремить скользящій бѣгъ:
Сонмъ свѣтлый покидалъ, въ вѣнцахъ, съ игрою лирной,
Для горькихъ сновъ Земли обитель горнихъ нѣгъ.

Тоскующій порывъ умчалъ меня назадъ,—
И Землю, Землю вновь я зрѣлъ, средь слезъ обильныхъ!
Былъ тихъ прекрасный міръ, и пламенѣлъ закатъ.

Но жизнь минувшая спала̀ межъ плитъ могильныхъ,
И пустъ былъ чуждый міръ... Съ востока вѣялъ хладъ:
Туда меня влекло желанье крыльевъ сильныхъ...

В. И.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1899.

Высочайшее повелѣніе 6-го мая; ссылка судебная и административная. — Б. Н. Чичеринъ объ отношеніи губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ и объ отношеніи земства къ государству.—Измышленія на ту же тему систематическихъ враговъ земства. — Инцидентъ въ тверскомъ губернскомъ земствѣ.—Печать и Государственный Совѣтъ.— Чрезвычайный финляндскій сеймъ.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи вопроса о ссылкѣ и каторгѣ, въ особомъ совѣщаніи, подъ личнымъ Его Императорскаго Величества предсѣдательствомъ, Высочайше соизволилъ принять во вниманіе нижеслѣдующее. „Установленная еще въ XVII столѣтіи ссылка преступниковъ въ Сибирь нѣкогда содѣйствовала заселенію этого обширнаго и обильнаго естественными богатствами края, нуждавшагося въ рабочихъ силахъ для проведенія дорогъ, постройки крѣпостей и воздѣлыванія государственныхъ земель; съ теченіемъ же времени въ тѣсную связь съ ссылкою была приведена и самая каторга. Но, по мѣрѣ того, какъ стали прибывать въ Сибирь все въ большемъ и большемъ числѣ свободные переселенцы, созидавшіе честнымъ, тяжелымъ трудомъ свое благосостояніе въ дотолѣ пустынной странѣ, дальнѣйшее направленіе туда ссыльныхъ оказывалось не только безполезнымъ, но и вреднымъ для края. Между тѣмъ, ссылка и каторга въ Сибири заняли первенствующее мѣсто въ строѣ карательныхъ учрежденій Имперіи. Трудность продолжительнаго пѣшеэтапнаго слѣдованія въ этотъ дальній край и всевозможныя лишенія, ожидавшія сосланнаго на мѣстѣ его водворенія, придавали ссылкѣ значеніе тяжкаго, устрашающаго наказанія, а крайняя затруднительность возвращенія на родину возбуждала видѣть въ ссылкѣ наиболѣе надежную мѣру для огражденія мѣстностей Европейской Россіи отъ вредныхъ людей. Съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и способовъ пересылки арестантовъ, а равно съ общимъ культурнымъ развитіемъ Сибири, ссылка постепенно утрачивала свой карательный характеръ; вредъ же, наносимый ею

Сибири, съ каждымъ годомъ усугублялся. Въ настоящемъ ея видѣ она служитъ въ бо́льшей части случаевъ лишь къ развращенію какъ самихъ сосланныхъ, такъ и мѣстнаго населенія, а частые побѣги съ мѣстъ поселенія вызываютъ появленіе во внутреннихъ губерніяхъ бездомныхъ бродягъ, увеличивающихъ собою классъ людей, опасныхъ для мирнаго населенія. Въ равной мѣрѣ и каторга, являющаяся въ установленной законами лѣстницѣ наказаній наиболѣе тяжкою карательною мѣрою, въ дѣйствительности потеряла, въ значительной степени, свойство таковой и потому требуетъ коренного преобразованія. Такое положеніе ссылки и каторги составляло предметъ Царственныхъ заботъ въ Бозѣ почивающихъ Императоровъ Александра II и Александра III, предуказавшихъ необходимость измѣненія дѣйствующихъ по сему предмету законоположеній. Пріемля сіи заботы какъ завѣтъ, отъ предковъ унаслѣдованный, и усматривая въ ссылкѣ тяжкое бремя для Сибири и препятствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края, призываемаго нынѣ къ всестороннему обновленію, Его Величество Государь Императоръ, въ 6 день мая 1899 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: приступить къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ; для исполненія же таковой Монаршей воли: I. Образовать, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, коммиссію изъ чиновъ министерства юстиціи и представителей подлежащихъ вѣдомствъ. II. Возложить на сію коммиссію разработку предположеній: 1) о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями; 2) объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ; 3) о переустройствѣ каторги и послѣдующаго за ней поселенія; 4) объ упорядоченіи участи ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири; 5) о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ пересыльную часть и распредѣленіе ссыльныхъ; 6) объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ предупредительныхъ и карательныхъ, и 7) о денежныхъ средствахъ, необходимыхъ для осуществленія мѣропріятій, вызываемыхъ отмѣною или ограниченіемъ ссылки и преобразованіемъ карательныхъ учрежденій. III. Предоставить министру юстиціи, по мѣрѣ составленія въ означенной коммиссіи отдѣльныхъ предположеній, непосредственно и безъ предварительнаго сношенія съ вѣдомствами, испрашивать Высочайшія указанія относительно дальнѣйшаго направленія сихъ предположеній, смотря по свойству ихъ, въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ или Комитетъ Сибирской желѣзной дороги".

Чтобы опредѣлить точнѣе значеніе этой мѣры, необходимо сопоставить ее съ проектомъ уголовнаго уложенія, находящимся въ настоящее время на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. „Возвѣщенная 6-го мая отмѣна судебной ссылки" — читаемъ мы въ одной изъ петербургскихъ газетъ—„рѣзко измѣняетъ нашу лѣстницу наказаній. Съ паденіемъ ссылки прежде всего расширится область примѣненія тюремнаго заключенія, которымъ, конечно, будетъ замѣнена ссылка и которое, въ различныхъ видахъ, станетъ въ Россіи основной мѣрой карательнаго воздѣйствія". Коренное измѣненіе нашей лѣстницы наказаній предрѣшено не Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го мая, а основными положеніями 1879 года, на которыхъ построенъ проектъ уголовнаго уложенія. Они выдвинули на первый планъ различныя формы лишенія свободы (каторга, исправительный домъ, тюрьма, арестъ), почти вовсе не оставляя мѣста для ссылки. Согласно съ этимъ, проектъ уложенія совершенно устраняетъ ссылку на водвореніе и на житье, а поселеніе, какъ самостоятельное наказаніе, сохраняетъ лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, удерживая его, сверхъ того, въ качествѣ дополнительной кары, слѣдующей за отбытіемъ каторги. Въ послѣднемъ значеніи его не отмѣняетъ и Высочайшее повелѣніе 6-го мая, говорящее лишь о его *переустройствѣ*. Отступленіе отъ лѣстницы наказаній, предначертанной проектомъ уголовнаго уложенія, можно усмотрѣть только въ томъ пунктѣ Высочайшаго повелѣнія, который возлагаетъ на вновь образуемую коммиссію разработку предположеній о замѣнѣ ссылки, назначаемой по суду, другими соотвѣтственными наказаніями. И здѣсь, однако, отмѣна ссылки едва ли можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто безусловно предопредѣленное; нѣсколькими строками выше предписывается приступить къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или *ограниченіи* ссылки, назначаемой *какъ по суду*, такъ и въ порядкѣ административномъ. Весьма можетъ быть, что ссылка, въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранена проектомъ уложенія, будетъ признана уже достаточно ограниченною—и не подлежитъ дальнѣйшей урѣзкѣ. Поселеніе назначается проектомъ почти исключительно за преступленія противъ вѣры, государства и порядка управленія, не содержащія въ себѣ ничего безчестнаго, позорящаго. Ссылка лицъ, осужденныхъ за такія преступленія, не представляетъ для края, гдѣ они поселяются, тѣхъ неудобствъ и невыгодъ, съ которыми сопряжена ссылка, практикуемая въ настоящее время. Между тѣмъ, замѣна поселенія—въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ проектомъ — однимъ изъ тяжкихъ видовъ лишенія свободы (напр., исправительнымъ домомъ) была бы явною несправедливостью. Единственнымъ соотвѣтственнымъ наказаніемъ, въ случаѣ совершеннаго упраздненія ссылки, могло бы служить здѣсь заточеніе—но оно

едва ли будетъ признано цѣлесообразнымъ, въ виду его срочности: характеристической чертой поселенія является именно его безсрочность. Мы опасаемся, поэтому, что совершенное исключеніе ссылки (т.-е. поселенія) изъ лѣстницы наказаній, установляемой проектомъ уложенія, можетъ быть перемѣной скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Необходимо только ускорить утвержденіе и введеніе въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія, при которомъ ссылка войдетъ, если можно такъ выразиться, въ свои естественные берега и займетъ мѣсто, подобающее ей въ правильной карательной системѣ. Иное дѣло—ссылка по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ; полнѣйшая ея отмѣна будетъ большимъ шагомъ впередъ на пути оздоровленія Сибири, и вмѣстѣ съ тѣмъ на пути освобожденія личности и уравненія сословій. Число ссыльныхъ по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ (со включеніемъ непринятыхъ обратно по отбытіи наказанія) весьма велико; въ 1880—86 гг., напримѣръ, оно доходило до десяти тысячъ человѣкъ въ годъ. Избавленіе отъ этой массы вынужденныхъ обывателей будетъ настоящимъ благодѣяніемъ для сибирскихъ окраинъ. Не менѣе цѣннымъ уничтоженіе административной ссылки по общественному приговору будетъ и для тѣхъ, кто теперь испытываетъ на себѣ—весьма часто безъ всякой вины—эту форму произвола, руководимаго, сплошь и рядомъ, личнымъ недоброжелательствомъ или предубѣжденіемъ.

Есть еще одинъ видъ административной ссылки, не затронутый Высочайшимъ повелѣніемъ 6-го мая: это—ссылка на основаніи положенія объ усиленной охранѣ и вообще на основаніи чрезвычайныхъ административныхъ полномочій. Если ссыльные этой категоріи и не составляютъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, бремени или язвы для мѣстностей, куда они ссылаются, то для нихъ самихъ ссылка служитъ наказаніемъ тѣмъ болѣе тяжкимъ, что оно налагается безъ суда и влечетъ за собою полнѣйшій разрывъ со всей привычной ихъ обстановкой. Нельзя не вспомнить, по этому поводу, что еще 7-го декабря 1895 г. министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было *безотлагательно* подвергнуть пересмотру дѣйствующія постановленія объ административной высылкѣ.

Крайне печальное зрѣлище представляетъ собою возобновившаяся въ послѣднее время газетная полемика о взаимномъ отношеніи губернскихъ и уѣздныхъ земствъ—печальное какъ по пріемамъ, пускаемымъ въ ходъ реакціонною печатью, такъ и по той поддержкѣ, которую систематическіе противники самоуправленія находятъ въ одномъ изъ самыхъ лучшихъ его защитниковъ. Наиболѣе видную роль въ этой полемикѣ играетъ Б. Н. Чичеринъ [1])—и мнѣніе его, какъ прежде, такъ

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ № 107.

и теперь, обращается непрошенными его союзниками въ боевое орудіе противъ земскихъ учрежденій. Нашъ взглядъ на спорный вопросъ мы высказывали уже неоднократно [1]; приходится, однако, возвратиться къ нему еще разъ, въ виду особенной важности, которую онъ имѣетъ въ настоящую минуту.

Аргументація г. Чичерина касается отчасти всѣхъ земскихъ губерній, отчасти—одной московской губерніи. Остановимся сначала на доводахъ первой категоріи. „Уѣзды,—говоритъ г. Чичеринъ,—дорожатъ своей независимостью, и дорожатъ вполнѣ справедливо, ибо это составляетъ основаніе всего земскаго самоуправленія. Бюрократическая дѣятельность идетъ сверху внизъ, а самоуправленіе идетъ снизу кверху. Въ основаніи послѣдняго лежатъ самостоятельныя мѣстныя единицы, которыя сами вѣдаютъ свои дѣла, подъ надзоромъ правительственной власти. Таковы уѣзды. Губернія призвана управлять только тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ не мѣстное, а общее значеніе. Очевидно, что дома умалишенныхъ, фельдшерскія школы, учительскіе институты, имѣющіе одинакое значеніе для всѣхъ уѣздовъ, могутъ находиться только въ вѣденіи губернскаго земства. Но губернія отнюдь не призвана быть опекуномъ уѣздовъ, употреблять средства однихъ на пользу другихъ и, такимъ образомъ, производить между ними *уравненіе*. Равенство передъ закономъ есть великое начало современнаго гражданскаго быта и весьма желательно, чтобы оно въ нашемъ отечествѣ получило полное приложеніе; но матеріальное уравненіе мѣстностей, также какъ и людей, представляетъ собою соціалистическій принципъ, который неизбѣжно ведетъ къ опекѣ и къ подавленію свободы. Онъ кореннымъ образомъ противорѣчитъ земскому началу, которое состоитъ въ самодѣятельности, на чемъ зиждется все самоуправленіе... Въ уѣздахъ люди несомнѣнно стоятъ ближе къ практическому дѣлу; оно имъ болѣе знакомо, и они дорожатъ именно тѣмъ, что они дѣлаютъ на свои, а не на чужія средства. Безспорно, тутъ есть и слабыя стороны; нерѣдко уѣзды страдаютъ недостаткомъ средствъ и людей; они могутъ подпасть и подъ вліяніе мелкихъ интересовъ, тормазящихъ общественное дѣло или стремящихся обратить его на свою пользу. Но это—зло, неизбѣжно присущее всякой самодѣятельности. Если людямъ предоставлена возможность самимъ устраивать свои дѣла, и они дѣлаютъ это не всегда такъ, какъ было бы желательно,—то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ надобно взять подъ опеку. Пускай они пострадаютъ за свои ошибки и научатся опытомъ искать лучшаго порядка! Примѣръ другихъ и сорев-

[1] См., напримѣръ, Внутреннія Обозрѣнія въ № 3 „В. Европы“ за 1882 г., № 7 за 1895 г., №№ 5 и 12 за 1896 г., №№ 2 и 3 за 1897 г.

нованіе возьмутъ наконецъ свое. Лучше идти медленнѣе, но твердо, не отступая отъ тѣхъ началъ, на которыхъ зиждется вся общественная дѣятельность. Довольно съ насъ и бюрократической опеки... Если къ ней прибавится опека губерніи надъ уѣздами и стремленіе первой распространить свою власть на всѣ мѣстныя дѣла, то земскія учрежденія получатъ совершенно ложную постановку. Самоуправленіе обратится въ призракъ, подъ которымъ будутъ скрываться бюрократическія привычки и замашки. Онѣ и теперь уже проявляются во многихъ мѣстахъ. Вездѣ губернскія управы стремятся расширить свое вѣдомство на счетъ уѣздовъ,—часто путемъ субсидій, а нерѣдко и въ видѣ самостоятельныхъ учрежденій. Рядомъ съ уѣздными школами и больницами возникаютъ губернскія; сочиняются междууѣздныя школы и больницы, и для приманки уѣздныхъ земствъ имъ представляютъ, что для нихъ будетъ выгодно имѣть учрежденія, содержимыя на чужой счетъ. Канцелярское дѣлопроизводство разростается безмѣрно; при губернскихъ управахъ заводятся разнаго рода агенты,—техническіе, агрономическіе, медицинскіе,—и даже цѣлыя бюро, которымъ нужно создать какое-нибудь вѣдомство... Харьковское губернское земство пошло еще далѣе. Оно хотѣло все народное образованіе взять въ свои руки и ассигновало на это огромную сумму. Это постановленіе было кассировано губернскимъ присутствіемъ [1]). Неизвѣстно, какъ посмотритъ на это дѣло Сенатъ; но во всякомъ случаѣ, такая постановка вопроса представляетъ полное извращеніе земскихъ началъ. Неуваженіе къ правамъ уѣздовъ есть неуваженіе къ самому принципу самоуправленія. Тутъ нельзя ссылаться на то, что народное образованіе составляетъ такой же интересъ губерніи, какъ и уѣздовъ. Учрежденія, существующія не въ центрѣ, а на мѣстахъ, представляютъ гораздо болѣе близкій интересъ для уѣздовъ, нежели для губерніи. Предоставьте же уѣздамъ самимъ судить о своихъ интересахъ, а не вызывайте ихъ мнѣніе сверху, какъ дѣлаютъ бюрократы и якобинцы".

По мнѣнію г. Чичерина, стремленіе губернскаго земства къ расширенію своего вѣдомства порождаетъ „нескончаемую рознь какъ между губерніей и уѣздами, такъ и уѣздовъ между собою... Каждый уѣздъ стремится получить какъ можно болѣе для себя и дать какъ можно менѣе другимъ. Большинство составляется на основаніи корыстныхъ разсчетовъ, причемъ слабѣйшіе всегда остаются въ накладѣ, что неизбѣжно оставляетъ въ нихъ горькое чувство, хотя часто они сами подаютъ къ тому поводъ. Обыкновенно дѣло начинается съ того, что бѣдный уѣздъ проситъ отъ губерніи пособіе, не подозрѣвая, въ своей

---

[1]) Исторія этого дѣла изложена нами подробно въ майскомъ Внутреннемъ Обозрѣніи.

невинности, что онъ этимъ самымъ возбуждаетъ аппетиты болѣе богатыхъ, которые тоже хотятъ получить кусокъ изъ губернскихъ средствъ и имѣютъ болѣе возможности достигнуть своей цѣли". Хорошо еще, если само губ. земство убѣждается въ своей ошибкѣ и отказывается отъ своихъ начинаній, какъ это сдѣлало, напримѣръ, тамбовское губéрнское земское собраніе относительно губернскихъ земскихъ агрономовъ.

На слабомъ, колеблющемся фундаментѣ не можетъ быть возведено прочное зданіе. Такимъ фундаментомъ является, въ статьѣ г. Чичерина, основной ея тезисъ: „бюрократическая дѣятельность идетъ сверху внизъ, самоуправленіе идетъ снизу вверху". Одинаково ошибочны обѣ его части. Бюрократическій характеръ носитъ на себѣ не всякая дѣятельность, идущая сверху внизъ, а только такая, которая, установляя лѣстницу властей, съ строгою зависимостью низшихъ ступеней отъ высшихъ, неуклонно проводитъ принципъ: „не разсуждать, повиноваться"—и устраиваетъ бытъ управляемыхъ помимо ихъ участія и согласія, по усмотрѣнію однихъ только управляющихъ. Самоуправленіе идетъ „снизу кверху" въ томъ смыслѣ, что его òрганы, поставленные въ центрѣ территоріальной единицы, воспринимаютъ свои полномочія отъ населенія этой единицы; но *функціи* самоуправленія сплошь и рядомъ направляются *сверху внизъ*, расходясь какъ бы лучами отъ центра данной мѣстности и сохраняя это направленіе и тогда, когда мѣстность раздѣлена на другія, болѣе мелкія самоуправляющіяся единицы. Волость, напримѣръ, слагается изъ самоуправляющихся сельскихъ обществъ; каждое сельское общество можетъ завести у себя школу—но это отнюдь не мѣшаетъ волости основать одну или нѣсколько волостныхъ школъ, въ содержаніи которыхъ должны будутъ участвовать и члены сельскаго общества, обладающаго общественной школой. Въ такомъ же точно отношеніи уѣздное земство находится къ волостямъ, изъ которыхъ состоитъ уѣздъ: оно въ правѣ открывать земскія школы, независимо отъ общественныхъ и волостныхъ [1]), хотя плательщики уѣзднаго земскаго сбора являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, плательщиками мірскихъ (сельскихъ и волостныхъ) сборовъ. Если во всемъ этомъ нѣтъ ничего противнаго идеѣ самоуправленія, то почему же несовмѣстенъ съ нею аналогичный образъ дѣйствій губернскаго земства по отношенію къ уѣздамъ? Вѣдь если волостной сходъ состоитъ изъ представителей сельскихъ обществъ, уѣздное земское собраніе между прочимъ—изъ представителей волостей, то и въ губернскомъ земскомъ собраніи засѣдаютъ представи-

[1]) Мы говоримъ здѣсь, конечно, о правѣ *формальномъ*, не исключающемъ обязанность земства принимать въ *соображеніе* школы другихъ типовъ и наименованій.

тели уѣздовъ, и уже по этому одному постановленія его существенно отличны отъ бюрократическихъ распоряженій. Важно не *направленіе* движенія—важно его внутреннее свойство, обусловливаемое, въ значительной степени, составомъ и характеромъ учрежденій, отъ которыхъ движеніе исходитъ. Гарантіей противъ „опеки" губернскаго земства надъ уѣздными служитъ, прежде всего, способъ образованія губернскихъ земскихъ собраній, члены которыхъ — за исключеніемъ предводителей дворянства и уполномоченныхъ отъ вѣдомствъ—избираются уѣздными земскими собраніями. Послѣднія, по истеченіи короткаго (трехлѣтняго) срока, всегда могутъ замѣнить однихъ губернскихъ гласныхъ другими, менѣе расположенными расширять кругъ дѣйствій губернскаго земства. Если они этого не дѣлаютъ, если настроеніе губернскихъ земскихъ собраній остается, въ общемъ, неизмѣннымъ, то объясняется это именно тѣмъ, что никакой опасности для самостоятельности уѣздовъ начинанія губернскихъ земствъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не представляютъ. И дѣйствительно, что̀ похожаго на „опеку" можно найти, напримѣръ, въ устройствѣ губернскимъ земствомъ „междууѣздныхъ" школъ и больницъ? Не говоря уже о томъ, что въ основаніи такого устройства лежитъ, обыкновенно, согласіе и матеріальное участіе заинтересованныхъ уѣздовъ, здѣсь нѣтъ никакого вторженія въ сферу уѣзднаго самоуправленія. Оно останавливается передъ границей уѣзда—а для прямого соглашенія нѣсколькихъ уѣздовъ между собою нашимъ закономъ не выработано никакихъ формъ, можетъ быть именно въ виду существованія губернскаго земства, какъ общей почвы для уѣздовъ. Что междууѣздныя школы и больницы состоятъ, большею частью, въ завѣдываніи губернскаго земства—это вполнѣ естественно, такъ какъ изъ губернскихъ суммъ покрывается главная доля требуемыхъ ими расходовъ; но и въ этомъ нѣтъ признаковъ *опеки*, предполагающей руководство *чужою* дѣятельностью. Губернское земство работаетъ здѣсь непосредственно надъ *своимъ* дѣломъ. Нимало не похоже на опеку и назначеніе губернскимъ земствомъ (напр., московскимъ, вятскимъ) субсидій на школы или больницы, остающіяся въ вѣденіи уѣздныхъ земствъ. Губернское земство наблюдаетъ, въ такихъ случаяхъ, только за исполненіемъ условій, на которыхъ назначена субсидія—наблюдаетъ не въ качествѣ опекуна, а въ качествѣ сотрудника, услуги котораго не навязаны, а приняты добровольно.

Другой тезисъ г. Чичерина заключается въ томъ, что губернія призвана управлять лишь учрежденіями, имѣющими не мѣстное, а общее значеніе—напр. домами умалишенныхъ, фельдшерскими и учительскими школами, *одинаково* важными для *всѣхъ* уѣздовъ. Что не таковъ смыслъ закона, по которому вѣденію губернскаго земства под-

лежать дѣла, касающіяся всей губерніи или *нѣсколькихъ* ея уѣздовъ— это мы имѣли случай показать въ предъидущемъ обозрѣніи. На самомъ дѣлѣ, притомъ, учрежденія, поименованныя г. Чичеринымъ, далеко не одинаково важны для всѣхъ уѣздовъ. Земской учительской школой, напримѣръ, уѣзды, лучше обезпечивающіе своихъ учителей, пользуются гораздо больше, чѣмъ уѣзды, въ которыхъ содержаніе учащихъ сведено до минимальныхъ размѣровъ. Въ домъ умалишенныхъ поступаютъ больные преимущественно изъ уѣздовъ наиболѣе къ нему близкихъ. Еще замѣтнѣе неравномѣрность пользованія губернскими средствами въ другихъ областяхъ, прямо г. Чичеринымъ не упомянутыхъ, но несомнѣнно входящихъ въ сферу губернскаго хозяйства. Таковы, напримѣръ, губернскія земскія дороги; въ однихъ уѣздахъ ихъ нѣтъ почти вовсе; въ другихъ онѣ имѣютъ весьма значительное протяженіе, вслѣдствіе чего населеніе меньше тратитъ на уѣздныя и проселочныя дороги. Когда въ губернскомъ земскомъ собраніи ставится вопросъ о расширеніи сѣти губернскихъ дорогъ (т.-е. о перечисленіи нѣкоторыхъ дорогъ изъ уѣздныхъ въ губернскія), между представителями уѣздовъ нерѣдко возникаютъ пререканія, проистекающія именно изъ неодинаковой заинтересованности ихъ въ проектируемыхъ перемѣнахъ. Возможность подобныхъ пререканій существуетъ, слѣдовательно, и при томъ пониманіи обязанностей и функцій губернскаго земства, какое рекомендуетъ г. Чичеринъ. Положить имъ конецъ можетъ только одно: глубокое убѣжденіе, что въ общемъ дѣлѣ не должно быть мѣста для борьбы за частные, партикулярные интересы. Какъ бы широка или узка ни была сфера дѣйствій губернскаго земства, уѣзды всегда будутъ сталкиваться между собою, пока будутъ ставить на первый планъ свои ближайшія выгоды—и соединяться въ дружной работѣ, какъ только проникнутся сознаніемъ ея значенія для *цѣлаго*.

Центральнымъ пунктомъ аргументаціи г. Чичерина является утвержденіе, что „опека" губерніи надъ уѣздами клонится къ „матеріальному уравненію" уѣздовъ, т.-е. граничитъ съ соціализмомъ. Этотъ доводъ не новъ: мы встрѣчались съ нимъ, въ той же почти формѣ, въ прежнихъ статьяхъ г. Чичерина по данному вопросу. „Не только губернское земство",—говорилъ онъ два года тому назадъ — „но и государство не призвано уравнивать естественно сложившіяся имущественныя отношенія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ мѣстностей. Богатый можетъ помогать бѣдному по долгу христіанской любви; но это не есть справедливость, а благотворительность, т.-е. нравственное начало, а не юридическое. Основное начало права есть правда или справедливость, которая, въ приложеніи къ общественнымъ союзамъ, состоитъ въ равномѣрномъ распредѣленіи

какъ общественныхъ тягостей, такъ и выгодъ, доставляемыхъ членамъ на общія средства. Только соціалисты подъ именемъ справедливости понимаютъ обираніе имущихъ въ пользу неимущихъ".

Какъ понимать, однако, „равномѣрное распредѣленіе тягостей и выгодъ"? Если оно означаетъ строгую пропорціональность между тягостями и выгодами, то несправедливымъ оказывается всякое государственное и общественное устройство: никогда и нигдѣ мѣра удобствъ, предоставляемыхъ государствомъ—гражданину, общественнымъ союзомъ—члену союза, не соотвѣтствуетъ, съ математическою точностью, суммѣ податей и повинностей, требуемыхъ союзомъ или государствомъ. Немыслимо такое соотвѣтствіе какъ потому, что услугами государства или союза одни пользуются больше, другіе—меньше, и учесть балансъ каждаго отдѣльнаго лица не представляется никакой возможности, такъ и потому, что къ области государственнаго права неприложимъ основной принципъ гражданскихъ договорныхъ отношеній: do ut des, facio ut facias. То же самое слѣдуетъ сказать и объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ: однѣ даютъ государству или общественному союзу больше, чѣмъ отъ него получаютъ, другія—меньше. Пустынныя, бѣдныя или недавно завоеванныя окраины стоютъ государству сравнительно дорого; наоборотъ, въ земскомъ или городскомъ хозяйствѣ сравнительно меньше выгодъ приходится иногда на долю отдаленныхъ, глухихъ частей города или уѣзда. Если разумѣть подъ именемъ равномѣрнаго распредѣленія тягостей и выгодъ стремленіе противодѣйствовать условіямъ, въ силу которыхъ образуется и поддерживается фактическое преимущество однихъ передъ другими, то оспариваемое г. Чичеринымъ расширеніе сферы дѣйствій губернскаго земства должно быть признано вполнѣ цѣлесообразнымъ. Назначеніе болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ заключается, между прочимъ, именно въ томъ, чтобы смягчать неравенства, неизбѣжныя въ союзахъ болѣе мелкихъ. Представимъ себѣ, напримѣръ, что изъ двухъ волостей того же уѣзда въ одной плоха почва, незначительны надѣлы, слабо развиты промыслы, въ другой—все благопріятствуетъ процвѣтанію крестьянскаго хозяйства; общественныхъ школъ нѣтъ ни въ той, ни въ другой волости, или существующія школы не удовлетворяютъ потребности въ обученіи. Неужели уѣздное земство нарушитъ „правду" и погрѣшитъ въ сторону „соціализма", если направитъ свободныя средства на развитіе школьнаго дѣла преимущественно въ послѣдней волости, а не раздѣлитъ ихъ между обѣими волостями поровну или пропорціонально платимому ими земскому сбору?.. Отношеніе губерніи къ уѣздамъ вполнѣ аналогично отношенію уѣзда къ волостямъ: и здѣсь вполнѣ законна и справедлива помощь уѣздамъ, наиболѣе нуждающимся. Къ уравненію уѣздовъ это не приводитъ и никакого „обира-

нія имущихъ въ пользу неимущихъ" не причиняетъ; все дѣло сводится къ нѣкоторому *уравновѣшенію*, сходному съ тѣмъ, къ которому постоянно прибѣгаетъ, въ своей заботѣ объ обездоленныхъ мѣстностяхъ или группахъ населенія, благоустроенное государство. Только паническій страхъ передъ соціализмомъ—или, лучше сказать, передъ призракомъ соціализма,—можетъ внушить тревогу въ родѣ той, которую испытываетъ г. Чичеринъ и которую онъ старается передать своимъ читателямъ. Этотъ страхъ—ахиллова пята глубокоуважаемаго ученаго; имъ продиктованы самыя слабыя страницы какъ прежнихъ его сочиненій (напр., „Собственности и государства"), такъ и новѣйшихъ („Соціологіи", „Политики"). Только подъ вліяніемъ страха г. Чичеринъ могъ забыть, кому онъ играетъ въ руки, уподобляя скромныхъ земскихъ дѣятелей якобинцамъ и соціалистамъ...

Самый здравый принципъ можетъ быть ошибочно понятъ или неправильно примѣненъ къ жизни. Безупречное въ теоріи, расширеніе круга дѣйствій губернскаго земства можетъ, на практикѣ, зайти слишкомъ далеко или вступить на ложный путь. Необходимо, поэтому, присмотрѣться поближе къ *фактамъ*, на которыхъ г. Чичеринъ основываетъ свой обвинительный актъ противъ губернскаго земства. Одни изъ нихъ вовсе не имѣютъ того значенія, которое приписываетъ имъ обвинитель. „При губернскихъ земствахъ,—говоритъ г. Чичеринъ,—заводятся разнаго рода агенты техническіе, агрономическіе, медицинскіе,—и даже цѣлыя бюро". Это правда—но это и не можетъ быть иначе, въ виду растущихъ обязанностей губернскаго земства. Какъ оно можетъ, напримѣръ, обойтись безъ техниковъ, разъ что ему ввѣрено завѣдываніе дорожнымъ капиталомъ, образованнымъ въ силу закона 1-го іюня 1895 г.? Какъ оно можетъ обойтись безъ „медицинскихъ агентовъ" (т.-е. безъ губернскихъ санитарныхъ врачей), разъ что на его отвѣтственности лежитъ борьба съ эпидеміями, сколько-нибудь широко распространяющимися по губерніи? Какъ оно можетъ обойтись безъ агрономовъ, разъ что оно приступаетъ къ исполненію одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ—къ попеченію о болѣе раціональной постановкѣ крестьянскаго хозяйства? Что можно найти анормальнаго въ созданіи хотя бы цѣлаго *бюро* (напр., статистическаго), если только дѣло, для котораго оно создается, имѣетъ серьезное значеніе и требуетъ совмѣстнаго труда нѣсколькихъ лицъ? Нехорошо, разумѣется, если не бюро учреждается для вѣдомства, а вѣдомство—для бюро; но вѣдь это случаи исключительные, изъ которыхъ нельзя дѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Злоупотребленія возможны вездѣ и всегда; ихъ нужно раскрывать и преслѣдовать, но нельзя обращать ихъ въ орудіе противъ идеи, подъ флагомъ которой они допущены. Не могутъ служить такимъ орудіемъ и частныя

ошибки. Изъ того, напримѣръ, что въ тамбовской губерніи оказалась непригодной губернская земская агрономія [1]), отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы агрономическая организація была *вообще* затѣей, не соотвѣтствующей призванію или силамъ губернскаго земства; всѣмъ извѣстно, что подобная организація дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ въ губерніяхъ московской, пермской, вятской, херсонской... Подводя *всякое* вмѣшательство губернскаго земства въ задачи, обыкновенно признаваемыя уѣздными, подъ понятіе *опеки*, г. Чичеринъ упускаетъ изъ виду, что самый характеръ вмѣшательства бываетъ весьма различный. Опека предполагаетъ ограниченіе самодѣятельности, стѣсненіе свободы. Еслибы губернское земство обратилось къ уѣзднымъ съ такою рѣчью: „вы не умѣете организовать школьное дѣло; отдайте его мнѣ, я переведу соотвѣтствующую сумму уѣздныхъ сборовъ въ губернскій сборъ и буду по собственному усмотрѣнію опредѣлять число новыхв школъ, назначать для нихъ мѣсто, выбирать учащихъ какъ въ новыя, такъ и въ прежнія школы, снабжать ихъ учебными пособіями, строить школьныя зданія, покупать школьную мебель“,—это дѣйствительно было бы похоже на стремленіе установить опеку надъ уѣздными земствами. На самомъ дѣлѣ, однако, мы такихъ рѣчей не слыхали. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ губернское земство и не думаетъ посягать на права уѣздныхъ земствъ: оно только предлагаетъ имъ свою помощь, на условіяхъ, которыя они могутъ принять или не принять, и самое принятіе которыхъ отнюдь не умаляетъ самостоятельности уѣзда. Школа, получающая субсидію отъ губернскаго земства, должна, положимъ, имѣть извѣстное кубическое содержаніе воздуха; но какъ она его достигнетъ—постройкою ли новаго школьнаго зданія, или поднятіемъ потолка и крыши въ существующемъ школьномъ помѣщеніи, или наймомъ другой, болѣе просторной избы—этого губернское земство не касается вовсе. Гораздо рѣже губернское земство беретъ на себя устройство и содержаніе школъ непосредственно за губернскій счетъ, заботами губернской земской управы. Эта форма содѣйствія начальному обученію кажется намъ, въ общемъ, менѣе желательною, такъ какъ изъ губернскаго города труднѣе руководить всѣми подробностями школьнаго хозяйства; но опекой, по отношенію къ уѣздному земству, и ее назвать нельзя, потому что она не мѣшаетъ уѣзду ра-

[1]) Говоря о неудачѣ тамбовской губернской земской агрономіи, мы принимаемъ на вѣру слова г. Чичерина; другихъ свѣденій объ исторіи этого дѣла у насъ нѣтъ. Замѣтимъ только, что рѣшеніе губ. земскаго собранія о прекращеніи той или другой отрасли земской дѣятельности не всегда можетъ быть разсматриваемо какъ доказательство ея ненужности: подобныя рѣшенія бываютъ иногда дѣломъ случая или скоропреходящаго настроенія.

ботать по-своему въ области школьнаго дѣла. Есть, притомъ, случаи, когда основаніе школъ самимъ губернскимъ земствомъ—въ силу общаго плана, согласованнаго съ потребностями губерній,— представляется единственнымъ средствомъ возстановить хоть сколько-нибудь равновѣсіе между уѣздами, нарушенное апатіей или скупостью того или другого уѣзднаго земства. Развитіе земской школы нельзя разсматривать какъ вопросъ исключительно уѣздный: оно важно для губерніи, какъ для цѣлаго, объединяемаго губернскимъ земскимъ собраніемъ. Съ этой точки зрѣнія совершенно все равно, гдѣ находятся школы—въ центрѣ ли губерніи, или на ея окраинахъ; *близость интереса* измѣряется здѣсь вовсе не географическою близостью мѣстностей. Пополняя работу уѣздныхъ земствъ, губернское земство дѣйствуетъ не въ силу опекунской власти надъ уѣздами, ему—за исключеніемъ прямо указанныхъ въ законѣ случаевъ,—не предоставленной, а въ силу обязанности, лежащей на немъ какъ на представителѣ болѣе крупной самоуправляющейся единицы. Всего меньше въ такой дѣятельности губернскихъ земствъ можно усмотрѣть что-либо аналогичное съ бюрократической опекой, останавливающей, предупреждающей, запрещающей, но ничего не создающей.

Въ значительной степени сказанное нами до сихъ поръ примѣнимо и къ спеціальному вопросу, послужившему исходной точкой для статьи г. Чичерина. Москва, въ области земскаго дѣла, приравнена къ уѣздному земству; для московскаго губернскаго земскаго собранія она является какъ бы уѣздомъ, хотя ея бюджетъ далеко превосходитъ земскіе бюджеты московской губерніи (губернскій и уѣздные) въ ихъ совокупности. „Получая отъ столицы"—говоритъ г. Чичеринъ—„значительнѣйшую часть своихъ средствъ, губернское земство взамѣнъ того ничего ей не даетъ". Между тѣмъ, краеугольный камень мѣстнаго самоуправленія заключается въ томъ, что „собственныя общественныя дѣла устраиваются на собственныя деньги"; это побуждаетъ плательщиковъ „зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы деньги расходовались правильно и производительно". Въ московскомъ земствѣ „происходитъ совершенно обратное. Уѣзды на свои надобности тратятъ не свои, а чужія деньги. Они, черезъ посредство губернскаго земства, облагаютъ столицу, и этотъ избытокъ средствъ идетъ на пользу уѣздовъ". Не помогаютъ протесты гласныхъ отъ столицы, потому что они составляютъ меньшинство; ни къ чему не приводятъ и попытки соглашенія, и для вмѣшательства губернскаго земства въ дѣла уѣздовъ открывается просторъ болѣе широкій, чѣмъ гдѣ бы то ни было... Съ нашей точки зрѣнія ошибочно, во-первыхъ, мнѣніе г. Чичерина, что московское губернское земство ничего не даетъ Москвѣ. Все предпринимаемое губернскимъ земствомъ по части дорожной, медицинской, ветеринар-

ной, школьной, отражается на Москвѣ отчасти прямо, отчасти косвенно. Хорошо содержимыя дороги облегчаютъ подвозъ къ столицѣ съѣстныхъ припасовъ и другихъ продуктовъ, которыми снабжаетъ ее губернія; медицинскій и ветеринарный надзоръ предупреждаетъ развитіе эпидемій и эпизоотій, которыя изъ уѣздовъ могутъ быть заносимы и въ Москву; распространеніе грамотности поднимаетъ умственный уровень рабочихъ, стекающихся въ столицу изъ разныхъ концовъ губерніи. Нельзя, конечно, опредѣлить съ точностью стоимость услугъ, оказываемыхъ столицѣ губернскимъ земствомъ (а отчасти и уѣздными); весьма вѣроятно, что, въ переводѣ на деньги, она не достигла бы суммы земскихъ сборовъ, платимыхъ столицей; но вѣдь о математическомъ равенствѣ въ такомъ дѣлѣ не можетъ и не должно быть и рѣчи. Упускаетъ изъ виду Б. Н. Чичеринъ, далѣе, и то обстоятельство, что земскіе сборы съ имуществъ, подлежащихъ обложенію, распредѣляются пропорціонально ихъ цѣнности или доходности, на основаніи началъ, общихъ для цѣлой категоріи имуществъ. Увеличивая обложеніе столицы, губернское земство увеличиваетъ въ такой же мѣрѣ и обложеніе уѣздовъ; то побужденіе къ осмотрительности и бережливости, о которомъ говоритъ г. Чичеринъ, остается, слѣдовательно, въ полной силѣ. Напомнимъ, наконецъ, что протесты столичныхъ гласныхъ противъ финансовой политики губернскаго земства никогда не были единодушны. Благополучному окончанію послѣдняго московскаго кризиса—т.-е. рѣшимости Д. Н. Шипова взять назадъ свой отказъ отъ званія предсѣдателя губернской земской управы—содѣйствовали всего больше рѣчи В. И. Герье и С. А. Муромцева, которые оба состоятъ губернскими гласными отъ города Москвы. А между тѣмъ, Д. Н. Шиповъ подалъ въ отставку именно потому, что собраніе не вполнѣ раздѣляло его стремленія къ расширенію круга дѣйствій губернскаго земства.

Чѣмъ тяжелѣе впечатлѣніе, производимое случайнымъ союзомъ между искреннимъ сторонникомъ земства и закоренѣлыми его противниками, тѣмъ отраднѣе видѣть возвращеніе перваго къ его нормальной роли, т.-е. къ борьбѣ *за свободу и независимость земства*. Продолженіемъ этой борьбы является новѣйшая статья г. Чичерина: „Государство и земство“ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 122). Не касаясь теперь затронутаго въ ней теоретическаго вопроса о государственномъ или общественномъ значеніи земства, приведемъ изъ нея нѣсколько строкъ, прекрасно дополняющихъ собою разсужденія г. Чичерина о бюрократіи и земствѣ [1]). „Въ бюрократическихъ сферахъ“—говоритъ г. Чичеринъ—„склонны считать несовершенствомъ

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

земскихъ учрежденій то, что по всѣмъ ввѣреннымъ имъ отраслямъ не были изданы уставы, подробно ихъ регламентирующіе. А это именно и было для нихъ спасеніемъ. Черезъ это земство могло развиваться органическимъ ростомъ, руководясь практическими взглядами и примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ, а не по однообразной, налагаемой сверху схемѣ. Если хотятъ подрѣзать земство въ самомъ его корнѣ, подавить въ немъ всякую общественную иниціативу и превратить его въ мертвую машину, то нѣтъ лучшаго средства, какъ подвергнуть его всесторонней регламентаціи. Въ настоящее время мѣстные независимые люди продолжаютъ принимать въ немъ живое участіе единственно вслѣдствіе того, что они въ немъ чувствуютъ себя на свободѣ. Но поставьте ихъ въ бюрократическіе тиски—и они всѣ уйдутъ... Главное теченіе земской дѣятельности обратилось на тѣ отрасли, гдѣ она можетъ дѣйствовать безпрепятственно. Таковы медицина и, частью, народное образованіе. Но стоитъ стѣснить его и въ этихъ отношеніяхъ—и все это заглохнетъ. Всякая общественная иниціатива исчезнетъ; останется только широко распространенное неудовольствіе и горькое воспоминаніе о потраченныхъ силахъ и объ оказанной несправедливости. При существующемъ строѣ русской жизни, единственная возможность дальнѣйшаго преуспѣянія состоитъ въ предоставленіи земству возможно широкой свободы дѣйствія и возможно обильныхъ источниковъ дохода. Требуется не ограниченіе, а расширеніе предоставленныхъ ему правъ. Только при этомъ условіи можно ожидать развитія общественнаго благоустройства и благосостоянія,—не по однообразному формальному шаблону, а по указаніямъ самой жизни, соотвѣтственно безконечному разнообразію мѣстныхъ силъ и средствъ". Эти прямыя, твердыя слова направлены, быть можетъ, не только противъ обычныхъ враговъ самоуправленія, но и противъ тѣхъ яко бы друзей его, которые, называя себя единомышленниками г. Чичерина, на самомъ дѣлѣ идутъ въ разрѣзъ съ его основною мыслью. Таковъ, напримѣръ, г. Д. Нарышкинъ [1]), который, восхваляя статью г. Чичерина: „Бюрократія и земство", признаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что преобразованіе земскихъ учрежденій въ 1890 г. было „строго вызвано необходимостью" и что высшая бюрократія, „введя земство въ должныя границы", уменьшила присущіе ему недостатки и сдѣлала его болѣе полезнымъ для государства"...

Мы упомянули выше о мало симпатичныхъ пріемахъ, допускаемыхъ реакціонною печатью въ борьбѣ противъ губернскихъ земскихъ

[1]) См. „С.-Петербургскія Вѣдомости", № 105: „Земство безъ бюрократіи".

учрежденій. Приведемъ этому примѣръ, особенно характеристичный. Параллельно съ расширеніемъ круга дѣйствій губернскаго земства идетъ въ земской средѣ движеніе въ пользу мелкой земской единицы. „Московскія Вѣдомости" (№ 115) пытаются доказать, что одно противорѣчитъ другому: въ основѣ перваго лежитъ стремленіе къ централизаціи, въ основѣ послѣдняго—идея децентрализаціи. „Идея централизаціи"— восклицаетъ московская газета —„плохо вяжется съ идеей самоуправленія; но при централизаціи губернскія земскія собранія получатъ бо̀льшую власть и вліяніе—а такъ какъ губернскія собранія, говоря вообще, настроены либеральнѣе, то системѣ централизаціи и отдается предпочтеніе, хотя бы и въ прямой ущербъ теоріи. Развѣ съ ней церемонятся? А впослѣдствіи, когда *интеллигенція* проникнетъ и до уѣздовъ, можно будетъ опять взяться за теорію централизаціи и доказывать необходимость подчиненія имъ мелкихъ земскихъ единицъ—волостей или приходовъ". Все это—цѣпь софизмовъ, сшитыхъ бѣлыми нитками. Что расширеніе круга дѣйствій губернскаго земства отнюдь не влечетъ за собою ограниченія или стѣсненія самодѣятельности земствъ уѣздныхъ; что губернское земство, работая *рядомъ* съ уѣздными, вовсе не становится этимъ самымъ *на ихъ мѣсто* или *надъ ними*; что *помощь* не имѣетъ ничего общаго съ *руководствомъ* или *опекой*,—это мы уже видѣли выше. Ничего похожаго на *централизацію* нѣтъ ни въ назначеніи губернскимъ земствомъ субсидій на уѣздныя школы или больницы, ни даже въ учрежденіи имъ собственныхъ школъ или больницъ, въ *дополненіе* къ уѣзднымъ. Говорить о централизаціи можно было бы только въ такомъ случаѣ, еслибы губернское земство домогалось права *распоряженія* уѣзднымъ хозяйствомъ; но ни о чемъ подобномъ въ самыхъ активныхъ, предпріимчивыхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ не было до сихъ поръ и рѣчи. Съ другой стороны, учрежденіе мелкой земской единицы признается желательнымъ вовсе не въ видахъ *децентрализаціи* земскаго хозяйства, а въ видахъ его дальнѣйшаго развитія. Функціи, теперь лежащія на уѣздномъ земствѣ, никто не предлагаетъ раздѣлить между всесословными волостями или приходами. Назначеніе мелкихъ самоуправляющихся единицъ—дѣлать общими силами то, что̀ теперь дѣлается однимъ крестьянствомъ или не дѣлается вовсе. Между расширеніемъ круга дѣйствій губернскаго земства и устройствомъ мелкихъ земскихъ единицъ нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія: наоборотъ, и то, и другое, укладывается въ рамки системы, объединяющей всѣ ступени самоуправленія. Основное начало этой системы—солидарность, взаимная поддержка. Снизу вверхъ поддержка идетъ преимущественно въ видѣ затраты личныхъ силъ, сверху внизъ—въ видѣ матеріальной помощи. Волость, въ качествѣ

мелкой самоуправляющейся единицы, можетъ участвовать въ исполненіи предпринимаемаго уѣздомъ, какъ уѣздъ участвуетъ уже теперь въ предпріятіяхъ губерніи (напр., въ области страхового дѣла); губернія, въ свою очередь, можетъ пополнять недостатокъ уѣздныхъ средствъ, уѣздъ—недостатокъ средствъ волостныхъ. Такой обмѣнъ услугъ не только совмѣстенъ, но тѣсно связанъ съ идеей самоуправленія.

Другой пріемъ, пускаемый въ ходъ реакціонною печатью, еще смѣлѣе: въ несуществующемъ стремленіи губернскихъ земствъ *подчинить себѣ* уѣздныя земства, какъ и въ реальномъ желаніи ихъ основать общеземскую газету, усматривается тенденція къ *централизаціи*, къ *объединенію* земства, и притомъ земства *всероссійскаго* [1]). Къ чему направлены такія „указанія", чего предполагается ими достигнуть— понять нетрудно: это все маленькіе вклады въ модное ученіе, провозглашающее несовмѣстимость земскихъ учрежденій съ русскимъ государственнымъ строемъ. При этомъ, какъ бы en passant, признаются „совершенно лишними" губернскія земства, въ которыхъ съ особенною силой бьется пульсъ земской жизни. Не высказывается прямо, но ясно подразумѣвается надежда, что грозовая туча, висящая надъ земствомъ, снесетъ если не фундаментъ, то по крайней мѣрѣ верхушки земскаго зданія. Еще откровеннѣе любимая мечта нашихъ „охранителей" раскрывается въ статьяхъ кн. Цертелева: „Государственное недоразумѣніе" („Московскія Вѣдомости", №№ 126 и 127), по словамъ котораго земство присвоило себѣ, въ области финансовой и законодательной, права... верховной власти!!.. Современныя земскія учрежденія — восклицаетъ кн. Цертелевъ — „истощаются законодательною дѣятельностью по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія: устанавливаютъ, разрѣшаютъ, направляютъ, учреждаютъ—*все, что имъ вздумается*". Изъ міра дѣйствительности авторъ перешелъ здѣсь въ міръ видѣній, не требующихъ и не допускающихъ серьезнаго опроверженія...

Чѣмъ больше распространяется и обостряется стремленіе упразднить или исказить земство, тѣмъ меньше вниманія удѣляется несомнѣнно слабымъ сторонамъ земскаго положенія, заключающимся вовсе не въ томъ, въ чемъ ихъ видятъ газетные враги самоуправленія. Явно ненормальнымъ слѣдуетъ признать, напримѣръ, отношеніе земскихъ собраній къ земскимъ управамъ, создаваемое зависимостью послѣднихъ отъ администраціи. Особенно типичнымъ представляется, съ этой точки зрѣнія, порядокъ вещей, установившійся въ тверскомъ губерн-

---

[1]) См. статью г. Знаменскаго въ №№ 122 и 124 „Московскихъ Вѣдомостей".

скомъ земствѣ. Полтора года тому назадъ, тверскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ былъ выбранъ такой составъ губернской земской управы, который соотвѣтствовалъ, болѣе или менѣе, составу самого собранія. Предсѣдатель и одинъ изъ членовъ управы принадлежали къ одной группѣ земскихъ дѣятелей, два члена управы—къ другой. Предполагалось, очевидно, что общая дѣятельность въ управѣ сблизить между собою всѣхъ ея членовъ и создасть благопріятную почву для дружной работы собранія. Случилось иначе: утверждены администраціей были только предсѣдатель и одноцвѣтный съ нимъ, если можно такъ выразиться, членъ управы; остальныя двѣ вакансіи, за неутвержденіемъ первоначально выбранныхъ лицъ и за отказомъ собранія приступить къ новымъ выборамъ, были замѣщены по назначенію. Единодушіе между управою и собраніемъ оказалось, затѣмъ, еще менѣе достижимымъ, чѣмъ въ продолженіе предъидущаго трехлѣтія, когда вся управа состояла изъ лицъ назначенныхъ. Въ послѣднемъ очередномъ губ. собраніи предсѣдатель и избранный членъ управы подверглись весьма сильнымъ нападеніямъ, державшимся всецѣло на дѣловой почвѣ. Кончилось тѣмъ, что и предсѣдатель, и членъ управы, заявили о своемъ отказѣ отъ занимаемыхъ ими должностей и перестали принимать участіе въ занятіяхъ собранія. Просьбы ихъ объ отставкѣ не были, однако, приняты администраціей, и они вступили вновь въ исполненіе своихъ обязанностей, срокъ которыхъ истекаетъ только въ концѣ 1900-го или началѣ 1901-го года. Положеніе, возникающее отсюда для тверского губернскаго земскаго собранія, тверской корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 127) не безъ основанія сравниваетъ съ положеніемъ хозяина, недовольнаго своимъ управляющимъ и все же вынужденнаго пользоваться его услугами еще два года, до окончанія срока найма по контракту. Еслибы неудовольствіе собранія навлекли на себя *назначенные* члены управы, рѣшимость ихъ остаться на своихъ мѣстахъ была бы болѣе или менѣе понятна: представляя собою не собраніе, а администрацію, они могли бы сказать самимъ себѣ, что для нихъ важно только расположеніе начальства (хотя, безспорно, ихъ роль передъ собраніемъ была бы далеко не изъ легкихъ). Другое дѣло—выбранные члены: лишившись довѣрія избирателей, отъ которыхъ они получили свои полномочія, и отказавшись, вслѣдствіе этого, отъ своихъ функцій, они потеряли единственную нормальную основу своей дѣятельности. Утвержденіе администраціи означаетъ собою только неимѣніе въ виду препятствій къ допущенію утверждаемаго лица на земскую службу: оно не можетъ быть разсматриваемо какъ *призывъ* къ службѣ, исходящій, для выборныхъ земскихъ дѣятелей, единственно отъ земскаго собранія. Этимъ опредѣляется и характеръ *увольненія* предсѣдателей и членовъ земскихъ

управъ. Оно предоставлено, по закону, власти, отъ которой зависитъ ихъ утвержденіе или назначеніе, т.-е. министру внутреннихъ дѣлъ или губернатору; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы значеніе его было одинаково для лицъ назначенныхъ и утвержденныхъ, т.-е. выбранныхъ. Фактически служба послѣднихъ оканчивается тогда, когда они на осужденіе собранія отвѣчаютъ своей отставкой... Попытку извратить дѣйствительный смыслъ тверского инцидента сдѣлалъ, еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, тверской корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 95). Признавая, что заявленіе предсѣдателя и члена управы о выходѣ въ отставку „сопровождалось молчаніемъ большинства гласныхъ", корреспондентъ объясняетъ это молчаніе „нежеланіемъ многихъ гласныхъ возбуждать по этому вопросу дальнѣйшія пренія, которыя, благодаря особой любви вождей либеральной клики къ словоизверженіямъ, могли бы затянуться надолго,—а словоизверженія гг. земскихъ либераловъ всѣмъ въ собраніи порядочно-таки надоѣли"... „Я лично",—продолжаетъ корреспондентъ—„слышалъ мнѣнія многихъ изъ гласныхъ по этому поводу: всѣ они несочувственно отнеслись къ заявленію гг. Трубникова и Есаулова и даже порицали ихъ за недостатокъ хладнокровія и отсутствіе твердости при столкновеніи съ гг. либералами по страховому вопросу". А молчать, когда несправедливо обвиняютъ друзей и союзниковъ—это не „отсутствіе твердости"?... Нѣтъ, мы лучшаго мнѣнія о тверскихъ консерваторахъ, чѣмъ ихъ газетный сторонникъ: если никто изъ нихъ не выступилъ защитникомъ гг. Трубникова и Есаулова, то, очевидно, нечего было сказать въ ихъ защиту. Невозможно допустить, чтобы они были преданы своими единомышленниками на жертву „либеральной кликѣ" съ единственною цѣлью ускорить окончаніе преній. Прослушать нѣсколько лишнихъ рѣчей, хотя бы онѣ и имѣли характеръ „словоизверженій"—не такая бѣда, для предотвращенія которой можно было бы измѣнить чувству долга. Если кто-нибудь изъ губернскихъ гласныхъ считалъ гг. Трубникова и Есаулова правыми, нападенія противъ нихъ—неосновательными или преувеличенными, то онъ *долженъ былъ* возвысить за нихъ голосъ или, по крайней мѣрѣ, протестовать противъ ихъ отставки. Такихъ протестовъ въ собраніи заявлено не было—и ихъ, конечно, не могутъ замѣнить догадки г. „Стараго Земца" (такъ подписывается корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей")...

У насъ сильно распространена привычка ожидать перемѣны къ лучшему отъ чисто формальныхъ перестановокъ и перетасовокъ, напоминающихъ иногда Крыловскій „Квартетъ". Вмѣсто того, напримѣръ, чтобы настаивать на пересмотрѣ законовъ о печати, въ смыслѣ осво-

божденія ея отъ административнаго усмотрѣнія, дѣлаются попытки отыскать такое вѣдомство, подъ охраной котораго печать, оставаясь юридически безправной, могла бы пользоваться надлежащимъ просторомъ и достаточною свободой дѣйствій; такимъ вѣдомствомъ могъ бы явиться, по мнѣнію одной изъ петербургскихъ газетъ, Государственный Совѣтъ. Что надзоръ за печатью, съ правомъ административныхъ каръ, не соотвѣтствовалъ бы характеру учрежденія, вознесеннаго надъ интересами минуты и призваннаго къ обсужденію наиболѣе общихъ вопросовъ государственной жизни—это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Возложить на Государственный Совѣтъ функціи главнаго управленія по дѣламъ печати, значило бы низвести его съ той высоты, на которой онъ стоитъ теперь, отнюдь не улучшая положеніе самой печати. Система сильнѣе, чѣмъ органы, черезъ посредство которыхъ она дѣйствуетъ; она всегда возьметъ свое, кому бы ни было поручено ея примѣненіе. Было время, когда завѣдываніе цензурой принадлежало министерству народнаго просвѣщенія; существовала, слѣдовательно, фикція, во имя которой власть, наблюдающая надъ печатнымъ словомъ, должна была быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, властью его охраняющею и ему покровительствующею. Что̀ же, было ли отъ этого лучше литературѣ, періодической и не-періодической? Нимало; ко времени подчиненія ея министерству народнаго просвѣщенія относятся наиболѣе тяжелые періоды ея исторіи, по той простой причинѣ, что это было время безусловнаго господства предварительной *цензуры*. Вслѣдъ за переходомъ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ состоялся законъ 6-го апрѣля 1865 г., значительно улучшившій, по крайней мѣрѣ на время, положеніе печати. За послѣднія 35 лѣтъ въ положеніи этомъ происходили безконечныя колебанія, зависѣвшія отчасти отъ общаго хода событій, отчасти отъ лицъ, которымъ были ввѣрены судьбы печати—но именно эти колебанія доказываютъ съ полною ясностью, какъ неваженъ, сравнительно, вопросъ о *вѣдомствѣ*, къ которому приписана печать. Рѣшительное значеніе всегда принадлежало и принадлежитъ законодательству о печати, т.-е. размѣру правъ, ей предоставленныхъ, и характеру гарантій, обезпечивающихъ пользованіе этими правами. Возьмемъ, для примѣра, ст. 154 Уст. о ценз. и печ., по которой министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется, въ случаѣ вреднаго направленія какого-нибудь періодическаго изданія, подлежащаго предварительной цензурѣ, прекращать такое изданіе на срокъ не долѣе восьми мѣсяцевъ. Эта статья основана на узаконеніяхъ 1862 и 1863 гг., состоявшихся въ то время, когда у насъ еще не было ни безцензурной печати, ни правильно организованнаго суда, и когда правительство считало необходимымъ вооружить цензурное вѣдомство, для чрезвычайныхъ случаевъ, чрез-

вычайною властью. Временной характеръ мѣры, вызванной особою комбинаціей условій, явствуетъ уже изъ того, что за издателемъ пріостановленнаго изданія не признается право на вознагражденіе за убытки, причиненные пріостановкой, между тѣмъ какъ по общему духу постановленій о цензурѣ (Уст. о ценз. и печ. ст. 24, 52, 180) сочиненія и статьи, напечатанныя съ разрѣшенія цензуры, не должны служить источникомъ матеріальныхъ потерь для издателя. Статья 154-ая дѣйствуетъ, однако, до сихъ поръ и особенно часто примѣняется въ послѣднее время. Пока подъ ея дѣйствіе подводились почти исключительно провинціальныя изданія, можно было предполагать, что ея главная raison d'être—неудовлетворительная организація мѣстнаго надзора за печатью, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ цензурныхъ комитетовъ. Недостаточно ознакомленные съ видами высшей администраціи, губернскіе чиновники, исполняющіе обязанности цензоровъ, могутъ иногда не находить препятствій къ пропуску такихъ статей, которыя въ Петербургѣ признаются непозволительными и „вредными". Отсюда —такъ можно было думать—наложеніе тяжкихъ административныхъ взысканій на провинціальныя газеты, несмотря на то, что всякое ихъ слово проходитъ черезъ горнило предварительной цензуры. Правда, между недосмотромъ цензора и отвѣтственностью издателя нѣтъ никакой логической связи; правда и то, что временное запрещеніе провинціальныхъ изданій не всегда мотивируется ихъ „вреднымъ направленіемъ"; но, за неимѣніемъ другихъ объясненій, можно было остановиться и на томъ, которое приведено нами выше. Теперь оно поколеблено временной пріостановкой „Русскаго Богатства"—журнала, выходящаго въ Петербургѣ, т.-е. подъ непосредственнымъ и ближайшимъ надзоромъ центральныхъ цензурныхъ учрежденій. Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшееся 4-го мая, изложено такъ: „въ виду вреднаго направленія журнала *Русское Богатство* и допущеннаго въ № 3, въ статьѣ: *Хроника внутренней жизни*, тенденціознаго толкованія законовъ, опредѣляющихъ державныя права Верховной власти въ великомъ княжествѣ финляндскомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 154 Уст. о ценз. и печ. Св. Зак. т. XIV изд. 1890 г., опредѣлилъ пріостановить выпускъ въ свѣтъ этого журнала на три мѣсяца [1]". Итакъ, изъ двухъ журналовъ, выходящихъ въ одномъ и томъ же городѣ и, слѣдовательно, одинаково доступныхъ цензурному надзору, одинъ, издаваемый подъ цензурой, можетъ быть пріостановленъ безъ всякаго предваренія о грозящей ему опасности, а другой, свободный отъ цензуры, подлежитъ пріостановкѣ не иначе какъ

[1]) № 3 „Русскаго Богатства" вышелъ въ свѣтъ около половины марта, т.-е. за 1½ мѣсяца до постигшаго его взысканія; около половины апрѣля вышелъ № 4.

послѣ двухъ предостереженій. Конечно, разница здѣсь не столько въ свойствѣ, сколько въ степени; безцензурный журналъ находится въ положеніи лишь чуть-чуть лучшемъ, чѣмъ подцензурный—но во всякомъ случаѣ здѣсь есть несообразность, ясно указывающая на необходимость пересмотра законовъ о печати... Къ тому же выводу ведетъ и другая черта въ положеніи нашей печати, обрисовывающаяся въ послѣднее время все ярче и ярче. Существуютъ два средства, съ помощью которыхъ извѣстная тема можетъ быть сдѣлана болѣе или менѣе недоступной для обсужденія въ печати. Первое изъ нихъ заключается въ томъ, что нѣсколько изданій подвергаются взысканіямъ за статьи, посвященныя одному и тому же предмету. Прямого запрещенія говорить объ этомъ предметѣ здѣсь нѣтъ; есть только предупрежденіе объ опасности говорить о немъ въ такомъ-то духѣ или смыслѣ. Другое средство имѣетъ болѣе рѣшительный характеръ: это—основанное на ст. 140-ой Уст. о ценз. и печ. объявленіе, признающее неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати того или другого вопроса государственной важности. Такое объявленіе, непринятіе котораго во вниманіе влечетъ за собою административную кару по ст. 156-ой Уст. о ценз. и печ., имѣетъ цѣлью водворить въ печати полное молчаніе по данному вопросу, т.-е. устранить обсужденіе его *въ какомъ бы то ни было смыслѣ*. Итакъ, въ первомъ случаѣ стѣсненными оказываются только нѣкоторые органы печати, но за то стѣсненными не абсолютно; отъ нихъ зависитъ, хотя и съ большимъ рискомъ, продолжать обсужденіе даннаго вопроса. Во второмъ случаѣ стѣсненіе является безусловнымъ, но зато распространяется одинаково на всѣ органы печати; ни одному изъ нихъ не предоставляется привилегіи говорить, когда обязательно молчатъ всѣ другіе. На практикѣ, однако, указанное нами различіе все болѣе и болѣе стушевывается; мѣры, принимаемыя за силою ст. 140-ой, оказываются иногда направленными только противъ одной категоріи органовъ печати или, другими словами, противъ одного лишь взгляда на данный вопросъ. Недавно, напримѣръ, обсужденіе темы, на которую наложенъ былъ запретъ, въ одной изъ московскихъ газетъ началось именно со времени наложенія запрета и продолжалось много дней сряду, среди безмолвія всей остальной печати. Когда это безмолвіе было нарушено одною изъ петербургскихъ газетъ—въ статьѣ по своему содержанію, казалось, совершенно невинной, — она тотчасъ же была подвергнута взысканію по ст. 156-ой Устава о цензурѣ и печати.

Заимствуемъ изъ „Новаго Времени“ (№ 8336) свѣденія о ходѣ занятій чрезвычайнаго финляндскаго сейма.

„Въ связи съ проектомъ устава о воинской повинности въ Финляндіи, который переданъ былъ на заключеніе чрезвычайнаго сейма въ Гельсингфорсѣ, находились вопросы объ уравненіи личной и финансовой тягости этой повинности Финляндіи съ таковыми же въ Имперіи, почему тому же сейму переданы были два особыхъ Высочайшихъ предложенія также и по этимъ вопросамъ. Предложенія эти сводились къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) уравнять тягость личной воинской повинности Финляндіи съ имперскою, т.-е. брать съ финскаго населенія новобранцевъ въ процентномъ отношеніи къ числу подвергающихся освидѣтельствованію (при призывахъ), не отличающемся отъ имперскаго, съ тѣмъ, чтобы причитающійся контингентъ новобранцевъ, за укомплектованіемъ финскихъ войскъ, былъ обращаемъ на службу въ русскія войска, расположенныя какъ въ Финляндіи, такъ равно и въ ближайшихъ къ ней губерніяхъ петербургскаго военнаго округа. Мѣропріятіе это предлагалось привести въ исполненіе постепенно, въ теченіе десяти лѣтъ, дабы возможно менѣе обременить населеніе края. Проектировалось въ первыя семь лѣтъ прибавлять по 2,7%, а въ послѣдніе три года — по 2,5% ежегодно. 2) Оставивъ на финляндской казнѣ непосредственные расходы по содержанію финскихъ войскъ съ ихъ управленіями, установить ежегодную уплату изъ этой казны пособія имперскому государственному казначейству на возмѣщеніе военныхъ расходовъ въ суммѣ 3.783,901 р. (или 10.091,664 марки). И здѣсь проектировалось приведеніе этой мѣры въ исполненіе разложить на девять лѣтъ (на три сеймовыхъ періода), чтобы переходъ былъ возможно менѣе чувствителенъ; такимъ образомъ, финляндской казнѣ пришлось бы ежегодно увеличивать свои выдачи на военное дѣло всего на 1.121,296 марокъ. Извѣстно, что этотъ расходъ свободно покрывается ежегоднымъ естественнымъ приростомъ финляндскаго бюджета въ его нынѣшнемъ видѣ. Вопросы объ уравненіи личной и финансовой тягости предписано было разсмотрѣть въ порядкѣ, указанномъ манифестомъ 3-го февраля этого года. Какъ видно изъ отчета, напечатаннаго въ мѣстныхъ газетахъ, сеймовая коммиссія предлагаетъ сословіямъ сейма вовсе не входить въ разсмотрѣніе существа дѣла, затрогиваемаго этими Высочайшими предложеніями, въ виду того, что въ нихъ для рѣшенія названныхъ вопросовъ указывается такой законодательный порядокъ, который противорѣчитъ основнымъ законамъ Финляндіи. Очевидно, сеймовая коммиссія почла находящимся въ ея компетенціи рѣшить, какъ долженъ сеймъ относиться къ такому акту, какъ манифестъ 3-го февраля. Однако, въ числѣ переданныхъ ему предложеній такой задачи не находилось. Въ теченіе преній въ сословіяхъ сейма, пока въ одномъ только сословіи предложено измѣнить § 1 проекта устава и положеніе объ ополченіи, какъ они проектированы

сеймовыми коммиссіями. Эти измѣненія имѣютъ цѣлью по возможности вернуться къ прежнему принципу: „финскія войска для Финляндіи“ и затруднить выводъ финскихъ войскъ изъ края. Въ сословіи горожанъ нѣкоторые депутаты выступили съ заявленіемъ вовсе не разсматривать предложенія по уставу о воинской повинности, такъ какъ и оно, подобно тому, какъ предложенія объ уравненіи тягости личной и финансовой повинности, совершенно не согласуется съ основными законами. Однако, большинствомъ голосовъ это заявленіе было отклонено. Финляндцы, отказываясь признать силу манифеста 3-го февраля, чтобы быть послѣдовательными, отказываются отъ тѣхъ предложеній, въ которыхъ сдѣланы ссылки на этотъ манифестъ; предложеніе же объ уставѣ внесено было на сеймъ до изданія закона 3-го февраля, и потому уставъ разсматривается, а вопросы по уравненію тягости совершенно отвергнуты“.

Изъ той же газеты (№ 8332) мы узнаемъ, что въ проектѣ устава о воинской повинности, составленномъ сеймовыми коммиссіями, предполагается принять русскую систему запаса и увеличить численность финскихъ войскъ съ 5.600 до 12.000 чел. Каждый финляндскій гражданинъ признается обязаннымъ отбывать воинскую повинность въ финскихъ войскахъ, „для защиты престола и отечества, а также всего русскаго государства Финскія войска предназначаются преимущественно для защиты Финляндіи; если же они для этой цѣли не употреблены, то могутъ быть также выводимы за предѣлы края и содѣйствовать защитѣ Имперіи“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1899.

Гаагская конференція мира.—Особенности ея состава и способа совѣщаній.—Три коммиссіи и ихъ программы.—Идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ. —Возможные результаты конференціи.—Общее политическое настроеніе въ Европѣ. Внутреннія дѣла во Франціи.—Смерть Кастеляра.

Международная конференція мира, созванная по почину Россіи, собралась въ мирной столицѣ Голландіи и открыла свои засѣданія 18 (6) мая. По мѣрѣ того какъ приближалось время практическаго обсужденія русской программы, становилось все болѣе очевиднымъ, что поднятый вопросъ затронулъ жизненные интересы народовъ и успѣлъ возбудить сильное общественное движеніе, которое отчасти захватило и дипломатію. Опытные государственные люди, представители житейской мудрости въ международныхъ отношеніяхъ, невольно прониклись сознаніемъ, что дѣло не можетъ окончиться совсѣмъ ничѣмъ и что какіе-нибудь положительные результаты должны быть достигнуты конференціею. „Что-нибудь должно быть сдѣлано“—таковъ общій лозунгъ, съ которымъ уполномоченные великихъ и малыхъ державъ приступили къ своей трудной и сложной задачѣ. Даже делегатъ Германіи, мюнхенскій профессоръ, баронъ Штенгель, авторъ недавней брошюры, враждебной идеѣ всеобщаго и постояннаго мира, отрекается теперь отъ приписываемаго ему односторонняго скептицизма и заявляетъ полную готовность содѣйствовать успѣху человѣколюбивыхъ начинаній, направленныхъ къ ограниченію и предупрежденію бѣдствій войны; такъ, по крайней мѣрѣ, высказывался онъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ одной изъ нѣмецкихъ газетъ. Наконецъ, самъ императоръ Вильгельмъ II, считающійся высшимъ представителемъ военныхъ традицій и военнаго духа въ современной Европѣ, произнесъ въ Висбаденѣ, въ день открытія конференціи, замѣчательный тостъ, которымъ выразилъ сочувствіе ея цѣлямъ и указалъ на тождественность инструкцій, данныхъ уполномоченнымъ Германіи и Россіи, графу Мюнстеру и барону де-Стаалю, „согласно традиціоннымъ узамъ, соединяющимъ оба государства и народа“. Словомъ, всѣ чувствуютъ и признаютъ, что предпринято нѣчто серьезное и въ высшей степени популярное, хотя, быть можетъ, и неосуществимое, и что ни одной державѣ не подобаетъ уклоняться отъ участія въ попыткѣ, отвѣчающей задушевнымъ желаніямъ и мечтаніямъ большинства культурныхъ націй.

Въ Гаагской конференціи участвуютъ 24 государства, въ томъ числѣ не только Китай и Японія, но и Персія, и Сіамъ; однако, въ составѣ этого международнаго представительства замѣтны нѣкоторые сознательные пробѣлы, объясняемые разными политическими соображеніями и взаимными счетами державъ. Нѣтъ тамъ делегата отъ папы Льва XIII, вслѣдствіе протеста Италіи, не забывшей еще притязаній Ватикана на свѣтскую власть,—хотя папство несомнѣнно представляетъ собою самостоятельную международную силу и играетъ крупную политическую роль, которой не можетъ отрицать и итальянское правительство. Такъ какъ Ватиканъ имѣетъ своихъ посланниковъ при различныхъ европейскихъ дворахъ и эти посланники часто стоятъ во главѣ дипломатическаго корпуса, въ качествѣ старѣйшинъ, то устраненіе ихъ отъ участія въ общей международной конференціи есть нѣкоторая непослѣдовательность и въ то же время несправедливость, такъ какъ дѣло касается задачи умиротворенія, входящей, прямо или косвенно, въ кругъ обычной программы и дѣятельности всякой христіанской церкви. Притомъ, „папа Левъ XIII не разъ былъ третейскимъ судьею въ международныхъ спорахъ, которые и разрѣшалъ къ общему удовольствію заинтересованныхъ сторонъ; онъ выступалъ также посредникомъ при острыхъ политическихъ конфликтахъ, какъ, напримѣръ, передъ началомъ войны между Соединенными-Штатами и Испаніею (посредничество его было тогда отклонено американцами), и во всякомъ случаѣ его голосъ по вопросамъ посредничества и третейскаго суда имѣлъ бы значеніе и авторитетъ совершенно независимо отъ воспоминаній о свѣтской власти папъ. Протестъ Италіи, вытекавшій изъ побужденій одной подозрительности и какихъ-то опасеній, былъ, конечно, политической ошибкой и внесъ только ненужный диссонансъ въ настроеніе мирной конференціи. Въ Гаагѣ отсутствуютъ также представители южно-американскихъ республикъ, много страдавшихъ отъ безцѣльныхъ войнъ и междоусобій и отъ недостаточнаго примѣненія началъ посредничества и третейскаго суда. Америка представлена исключительно Соединенными-Штатами, только-что выдержавшими испытаніе на титулъ „побѣдоносной“ державы и впервые выступающими въ этомъ новомъ качествѣ предъ лицомъ европейской дипломатіи. Великая американская республика, получивъ „огненное крещеніе“ на Кубѣ и Филиппинахъ, не принесетъ уже дѣлу мира той пользы, какую могла принести раньше, когда она воплощала собою отрицаніе военной предпріимчивости и завоевательнаго духа. Исключенъ изъ конференціи и Трансвааль, по желанію Англіи, въ виду существовавшей прежде вассальной зависимости его отъ британскаго правительства; а между тѣмъ энергическая республика голландскихъ боэровъ не только пользуется теперь независимостью, но

упорно не признаетъ у себя равноправности англійскихъ поселенцевъ и стойко противодѣйствуетъ посягательствамъ и притязаніямъ англичанъ, причиняя въ этомъ отношеніи не мало непріятностей британской политикѣ. Президентъ Трансвааля, престарѣлый Крюгеръ, могъ бы поднять щекотливый вопросъ о способахъ предупрежденія партизанскихъ военныхъ предпріятій, организуемыхъ подданными какой-либо великой державы; впрочемъ, даже при безусловной сдержанности и пассивности трансваальскаго делегата, самое присутствіе его на конференціи мира было бы живымъ укоромъ для Англіи. Зато, съ другой стороны, въ назиданіе Турціи и ея бывшимъ заступникамъ на берлинскомъ конгрессѣ, допущенъ представитель вассальнаго княжества болгарскаго. Присутствуетъ и уполномоченный китайской имперіи; но онъ, вѣроятно, ничего не скажетъ по поводу новѣйшей системы раздѣловъ чужихъ владѣній безъ войны, и мирныя завоеванія съ согласія потерпѣвшихъ, при помощи грозныхъ ультиматумовъ, не окажутся въ противорѣчіи съ задуманной реформой международнаго права. Вообще, все пройдетъ мирно и тихо на этой конференціи мира, среди чудной обстановки „лѣсного дворца“, назначеннаго для ея засѣданій.

Съѣздъ уполномоченныхъ въ Гаагѣ открылся рѣчью голландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, де-Бофора, который послѣ обычныхъ оффиціальныхъ привѣтствій предложилъ послать поздравительную депешу въ Петербургъ и избрать предсѣдателемъ конференціи барона де-Стааля. Предложенный выборъ былъ, разумѣется, одобренъ собраніемъ, и представитель Россіи занялъ предсѣдательское кресло. Въ своемъ вступительномъ словѣ баронъ де-Стааль высказалъ нѣсколько подобающихъ комплиментовъ голландцамъ и напомнилъ о выдающейся исторической роли Нидерландовъ въ созданіи международнаго права. Затѣмъ, рѣшено было, что засѣданія конференціи будутъ происходить при закрытыхъ дверяхъ, согласно предложенію предсѣдателя. Объявленіе о тайнѣ совѣщаній смутило многочисленныхъ корреспондентовъ и гостей, приверженцевъ идеи мира, съѣхавшихся въ Гаагѣ съ разныхъ концовъ Европы. Если неудобно обсуждать трудные международные вопросы публично, то это неудобство едва ли распространяется на гласность въ широкомъ смыслѣ слова; подлинные протоколы засѣданій могли бы быть немедленно печатаемы для всеобщаго свѣдѣнія, безъ ущерба для чьихъ-либо интересовъ и съ большой выгодой для дѣла, за ходомъ котораго слѣдятъ повсюду съ напряженнымъ сочувственнымъ вниманіемъ. Предположено, однако, довольствоваться оглашеніемъ краткихъ оффиціальныхъ отчетовъ о занятіяхъ конференціи, и эти сухія резюме совѣщаній, интересующихъ весь культурный міръ, едва ли удовлетворятъ общественное мнѣніе; они дадутъ

только просторъ ложнымъ слухамъ и сплетнямъ, которымъ печать поневолѣ должна будетъ удѣлить мѣсто, за неимѣніемъ точныхъ и полныхъ фактическихъ сообщеній. Первая же рѣчь, произнесенная при закрытыхъ дверяхъ,—рѣчь барона де Стааля, намѣтившая общую програму занятій,—была передана по телеграфу въ „Кёльнскую Газету", хотя, быть можетъ, эта передача не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и составляетъ отчасти продуктъ творческой догадливости корреспондента. Кто же будетъ судьею въ оцѣнкѣ разнорѣчивыхъ газетныхъ свѣдѣній и слуховъ о гаагскихъ совѣщаніяхъ? Опровергать всѣ невѣрные отчеты, сообщаемые газетами разныхъ странъ, окажется немыслимымъ, и на практикѣ возникнутъ неудобства, гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыхъ предполагалось избѣгнуть.

На первыхъ порахъ конференція распредѣлила дальнѣйшія занятія между тремя коммиссіями, по тремъ группамъ вопросовъ, указанныхъ въ циркулярной нотѣ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 30-го декабря 1898 года. Первая коммиссія—*коммиссія разоруженія*—займется предметами, перечисленными въ первыхъ четырехъ пунктахъ этого циркуляра (соглашеніе о пріостановкѣ дальнѣйшихъ увеличеній военныхъ силъ и бюджетовъ, или о возможномъ ихъ сокращеніи; запрещеніе вводить новое огнестрѣльное оружіе и новыя взрывчатыя вещества, употреблять разрушительные составы, метательные снаряды съ воздушныхъ шаровъ и подводныя миноносныя лодки, строить военныя суда съ таранами и т. п.). Вторая коммиссія—*коммиссія военныхъ законовъ* — подвергнетъ пересмотру брюссельскую декларацію 1874 г. о законахъ и обычаяхъ войны, разсмотритъ условія примѣненія къ морскимъ войнамъ постановленій женевской конвенціи 1864 г. и признанія нейтральности судовъ, назначенныхъ для спасанія утопающихъ во время или послѣ морскихъ сраженій (пункты 5—7 русской циркулярной ноты). Кругъ компетенціи третьей коммиссіи—*посредничества и третейскаго суда*—опредѣляется восьмымъ и послѣднимъ пунктомъ циркуляра, въ которомъ говорится о „принятіи начала примѣненія добрыхъ услугъ, посредничества и добровольнаго третейскаго разбирательства въ подходящихъ случаяхъ, съ цѣлью предотвращенія вооруженныхъ между государствами столкновеній", причемъ имѣется въ виду „соглашеніе о способѣ примѣненія этихъ средствъ и установленіе однообразной практики въ ихъ употребленіи". Третья коммиссія считается наиболѣе важною, и отъ нея ожидаютъ наиболѣе существенныхъ практическихъ результатовъ; въ ней примутъ непосредственное участіе главные уполномоченные великихъ державъ, какъ, напр., глава французской делегаціи, бывшій министръ Буржуа. Въ распоряженіе каждой коммиссіи предоставлены различные документы и матеріалы, относящіеся къ ея зада-

чамъ. Такъ, въ первую коммиссію поступили: 1) меморандумъ князя Меттерниха, отъ 1816 г., о предложеніи принца-регента Англіи, поддержанномъ императоромъ Александромъ I, относительно международной конференціи для опредѣленія нормальнаго мирнаго состава армій отдѣльныхъ державъ; 2) посланіе Наполеона III къ европейскимъ монархамъ, отъ 1-го ноября 1863 года, о созывѣ конференціи для обсужденія основъ желательнаго общаго умиротворенія; 3) предложеніе извѣстнаго бельгійскаго ученаго юриста, Роленъ-Жакмэна, сдѣланное имъ въ 1887 году „институту международнаго права", объ изслѣдованіи способовъ достигнуть соглашенія между европейскими державами въ видахъ ограниченія численности армій и военныхъ бюджетовъ въ мирное время; 4) мнѣніе эдинбургскаго профессора Лоримера по вопросу о разоруженіи; 5) разсужденіе графа Комаровскаго о возростающихъ вооруженіяхъ Европы и о необходимости ихъ сокращенія; 6) сочиненіе американца Дэдлей-Фильда объ ограниченіи военныхъ силъ путемъ надлежащихъ договоровъ; 7) сочиненіе г. И. Бліоха (о будущей войнѣ); 8) сочиненіе Бастіана объ уменьшеніи тягостей воинской повинности; 9) разсужденіе князя Оболенскаго объ идеяхъ всеобщаго мира и разоруженія. Во вторую коммиссію переданы: 1) текстъ декларации парижскаго конгресса, отъ 6-го апрѣля 1856 года; 2) женевская конвенція, отъ 22-го августа 1864 г.; 3) не ратификованныя еще дополнительныя статьи къ этой конвенціи, отъ 20-го октября 1868 г.; 4) петербургская конвенція о запрещеніи употреблять извѣстные взрывчатые снаряды; 5) декларація брюссельской конференціи 1874 года о законахъ и обычаяхъ войны; 6) сводъ ограничительныхъ правилъ для полевыхъ военныхъ дѣйствій, принятый „институтомъ международнаго права" во время оксфордской сессіи его въ 1880 году; 7) правила о бомбардировкѣ городовъ съ моря, принятыя тѣмъ же институтомъ въ его сессіи 1896 года, въ Венеціи; 8) заявленія Франціи и Англіи по поводу дополнительныхъ статей къ женевской конвенціи; 9) проектъ пересмотра женевской конвенціи, составленный Муаньé; 10) предварительная программа, предложенная швейцарскимъ союзнымъ совѣтомъ; 11) циркулярная нота нидерландскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 13-го февраля 1871 года, о принципѣ неприкосновенности частной собственности на моряхъ и объ опредѣленіи понятія военной контрабанды. Третьей коммиссіи сообщены: 1) текстъ предложенія лорда Кларендона на парижскомъ конгрессѣ, 14-го апрѣля 1856 г., объ обращеніи къ посредничеству дружественной державы передъ началомъ войны; 2) отчетъ о преніяхъ итальянской палаты депутатовъ, въ ноябрѣ 1875 г., по вопросу о международномъ третейскомъ судѣ; 3) резолюція, принятая институтомъ международнаго права во

время его сессіи въ Цюрихѣ въ 1877 г., относительно включенія статьи о третейскомъ судѣ въ новые международные трактаты; 4) параграфъ берлинской конвенціи 1885 г., устанавливающій правило о посредничествѣ или третейскомъ разбирательствѣ для рѣшенія споровъ относительно области Конго и устьевъ Нигера; 5) проектъ устава международнаго третейскаго судопроизводства, выработанный институтомъ международнаго права во время засѣданій его въ Гаагѣ въ 1875 г.; 6) предложеніе Дэдлей-Фильда о третейскомъ судѣ; 7) основныя начала международнаго договора о третейскомъ разбирательствѣ, установленныя институтомъ международнаго права во время брюссельской его сессіи въ 1895 г.; 8) проектъ учрежденія постояннаго международнаго третейскаго судилища, принятый конференціею парламентскихъ приверженцевъ мира въ 1897 г.; 9) вашингтонскій договоръ 8-го мая 1871 г., между Англіей и Соединенными-Штатами; 10) проектъ организаціи третейскаго суда между государствами сѣверной, средней и южной Америки, подписанный въ Вашингтонѣ 18-го апрѣля 1890 г.; 11) письма лорда Сольсбери къ британскому посланнику въ Вашингтонѣ, отъ 5-го марта и 18 мая 1896 г., по вопросу о заключеніи договора о третейскомъ судѣ; 12) заключенный, но не ратификованный трактатъ между Англіей и Соединенными-Штатами о третейскомъ разбирательствѣ взаимныхъ споровъ; 13) общій договоръ между Италіею и аргентинскою республикою о третейскомъ судѣ; 14) отдѣльныя постановленія брюссельской конференціи 2-го іюля 1890 года и всемірной почтовой конвенціи 4-го іюля 1891 г.; 15) постановленія съѣзда юристовъ въ Мадридѣ 1892 г.; 16) книга Дэкампа о третейскихъ судахъ.

Это перечисленіе матеріаловъ приводится въ иностранныхъ газетахъ въ какомъ-то особомъ смыслѣ и съ не совсѣмъ ясными комментаріями; здѣсь указаны будто бы тѣ фактическія данныя, которыя должны быть разсмотрѣны коммиссіями Гаагской конференціи, и которыми онѣ будутъ пользоваться или руководствоваться въ своихъ работахъ. Намъ кажется, что содержаніе и характеръ приведенныхъ списковъ совершенно не оправдываютъ подобныхъ предположеній. Почему конференція рекомендовала бы коммиссіямъ не только дипломатическіе акты и проекты по извѣстнымъ вопросамъ, но еще и случайно выбранныя сочиненія изъ обширной литературы предмета? Надо думать, что ученые спеціалисты, засѣдающіе въ коммиссіяхъ, могли бы сами дать сочленамъ всѣ нужныя свѣдѣнія и указанія, притомъ гораздо болѣе полныя и основательныя, чѣмъ перечисленныя выше. Можно бы также замѣтить, что безполезно предлагать вниманію коммиссій меморандумъ князя Меттерниха, отъ 1816 года, или лицемѣрный проектъ Наполеона III, мечтавшаго о всеобщемъ разоруженіи на

почвѣ французской гегемоніи, одновременно съ территоріальнымъ расширеніемъ Франціи до ея „естественныхъ границъ“. Ссылки на фальшивыя или по существу неудачныя попытки разоруженія и международнаго арбитража въ прошломъ способны лишь ослабить энергію современныхъ дѣятелей и подорвать довѣріе къ задуманному реформаторскому предпріятію. По всей вѣроятности, матеріалы, распредѣленные между тремя коммиссіями Гаагской конференціи, не имѣютъ того значенія, какое придаютъ имъ газеты. Очевидно, эти разнородные документы, книги и статьи получены двоякимъ путемъ: оффиціальные акты и проекты доставлены заинтересованными правительствами, а остальное поступило отъ частныхъ лицъ; тѣ и другіе матеріалы, собранные вмѣстѣ, составили пеструю и странную смѣсь, которая и вызываетъ недоумѣніе. Разумѣется само собою, что они переданы коммиссіямъ не для изученія и руководства, а именно какъ матеріалъ, которымъ можно пользоваться по усмотрѣнію; многое окажется непригоднымъ, устарѣлымъ, или послужитъ лишь къ выясненію того, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Было бы преждевременно высказывать что-либо опредѣленное о возможныхъ результатахъ Гаагской конференціи; но то обстоятельство, что изъ группы возбужденныхъ вопросовъ заранѣе выдѣляется идея третейскаго суда, какъ нѣчто самостоятельное и наиболѣе значительное, вовсе не принадлежитъ къ числу признаковъ, вполнѣ благопріятныхъ. Если допустить, что не будетъ достигнуто ничего существеннаго въ дѣлѣ ограниченія численности армій и сокращенія военныхъ бюджетовъ, то мысль о добровольномъ третейскомъ судѣ для предупрежденія войнъ останется лишь напрасной и безплодной мечтой. Одна изъ нѣмецкихъ газетъ, говоря о готовности Германіи содѣйствовать успѣху международнаго посредничества и арбитража, прибавляетъ съ оттѣнкомъ искренняго убѣжденія: „конечно, немыслимо будетъ примѣнять идею третейскаго суда къ тѣмъ случаямъ, когда затронуты честь и жизненные интересы народовъ“. Та же газета, вѣроятно, удивилась бы, если бы кто-нибудь, выражая свое сочувствіе предложенной замѣнѣ дуэля третейскимъ судомъ, прибавилъ оговорку, что, „конечно, третейскій судъ непримѣнимъ въ дѣлахъ чести и жизненнаго интереса отдѣльныхъ лицъ“. А такъ какъ дуэли только и бываютъ въ дѣлахъ чести, то нечего и говорить о замѣнѣ дуэлей третейскимъ судомъ. Войны бываютъ также только тогда, когда правительства или народы считаютъ себя задѣтыми въ своихъ жизненныхъ интересахъ или въ своей чести, — и если въ этихъ случаяхъ нельзя замѣнить кровавую расправу третейскимъ судомъ, то третейскій судъ никогда не можетъ предотвратить войны. Добровольное согласіе на третейское разбирательство само указываетъ уже на признаніе не-

значительности спора, т.-е. на признаніе того, что нѣтъ серьезныхъ причинъ для вооруженнаго столкновенія; слѣдовательно, третейскій судъ предупреждалъ бы только тѣ войны, которыя и безъ того не возникли бы. Мало того: при отсутствіи намѣренія воевать, даже и опасные споры разрѣшаются большею частью безъ помощи посредничества и третейскаго суда,—какъ мы видѣли недавно при англо-французскомъ конфликтѣ изъ-за Фашоды и при неоднократныхъ новѣйшихъ пререканіяхъ между Англіею и Россіею.

Другими словами, гдѣ третейскій судъ нуженъ для избѣжанія кровопролитія, тамъ онъ непримѣнимъ или безсиленъ; а гдѣ онъ вполнѣ примѣнимъ, тамъ онъ и не особенно нуженъ. Но и въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, какіе существуютъ нынѣ для дѣйствія международнаго третейскаго суда, онъ всегда остается факультативнымъ, и обращеніе къ нему безусловно зависитъ отъ доброй воли державъ; этотъ же принципъ лежитъ въ основѣ оффиціальныхъ проектовъ и предположеній, обсуждаемыхъ въ Гаагѣ. При современной боевой готовности милліонныхъ армій, добровольный третейскій судъ, хотя бы и возведенный на степень постояннаго учрежденія, былъ бы обреченъ въ сущности на ничтожную и иногда жалкую роль. Соображенія военныя и политическія оставятъ очень мало мѣста для спасительныхъ рецептовъ международнаго посредничества и арбитража, и будутъ господствовать безраздѣльно во всѣхъ вопросахъ и конфликтахъ, задѣвающихъ честь и жизненные интересы могущественныхъ правительствъ. Въ чемъ же будетъ заключаться благотворная реформа международнаго права въ этой области? Германія, въ лицѣ Вильгельма II, обѣщаетъ способствовать торжеству миролюбія на Гаагской конференціи; но вотъ что̀ говоритъ, напримѣръ, совсѣмъ не воинственный органъ дѣловыхъ нѣмецкихъ прогрессистовъ, „Frankfurter Zeitung“: „Надо имѣть въ виду, что, въ случаѣ международнаго столкновенія, обращеніе къ третейскому суду, которое впослѣдствіи оказалось бы безрезультатнымъ, можетъ лишить государство важныхъ военныхъ преимуществъ передъ соперниками. Такъ, при опасности войны, Германія поставлена лучше всѣхъ другихъ державъ въ томъ отношеніи, что, благодаря своей превосходной военной организаціи, она въ состояніи мобилизировать войска съ наибольшею скоростью. Что̀ же выйдетъ, если предоставлено будетъ другой державѣ обратиться къ третейскому суду только для выигрыша времени, чтобы отнять у Германіи указанное преимущество и предупредить ее въ дѣлѣ мобилизаціи? Изъ этого видно, что Германія вынуждена будетъ соблюдать величайшую сдержанность въ вопросѣ о третейскомъ судѣ. Тѣмъ не менѣе она, разумѣется, не нарушитъ общаго согласія, когда другія державы установятъ по этому пункту что-нибудь точное и поло-

жительное". Въ этихъ и подобныхъ замѣчаніяхъ иностранной печати сквозитъ увѣренность, что ничего существеннаго не будетъ и не можетъ быть сдѣлано конференціею въ смыслѣ перемѣны международныхъ обычаевъ и традицій, такъ какъ необходимость общаго согласія гарантируетъ военныя державы отъ стѣснительныхъ для нихъ нововведеній. Намъ кажется несомнѣннымъ, что, вопреки общему предположенію, центръ тяжести обсуждаемой въ Гаагѣ програмиы находится въ вопросѣ о разоруженіи, а вовсе не въ заманчивыхъ проектахъ мирнаго третейскаго суда, пристроеннаго къ крѣпкому и грозному зданію милитаризма. Первая и руководящая роль на Гаагской конференціи должна бы принадлежать потому не третьей, а первой ея коммиссіи, если въ самомъ дѣлѣ суждено осуществиться хоть нѣкоторой долѣ благодѣтельныхъ пожеланій, изложенныхъ въ русскихъ дипломатическихъ нотахъ 12-го августа и 30-го декабря 1898 года.

Какъ бы то ни было, Гаагская конференція можетъ, однако, внести извѣстную прочность и регламентацію въ нѣкоторые отдѣлы современнаго международнаго права, и эти техническія усовершенствованія сами по себѣ составятъ крупную заслугу, которую оцѣнятъ по достоинству дипломаты и ученые юристы. Она не разрѣшитъ намѣченныхъ проблемъ, но придастъ силу и авторитетъ реформаторскимъ стремленіямъ и надеждамъ, относившимся прежде къ области доктринерскихъ утопій. Проповѣдники всеобщаго мира сближаются съ дипломатическими дѣятелями, и эта сторона Гаагскаго съѣзда особенно любопытна и даже „пикантна". Нынѣшніе утописты, впрочемъ, мало похожи на мечтателей стараго типа и часто имѣютъ даже характеръ ловкихъ людей, какъ, напр., предпріимчивый англійскій журналистъ м-ръ Стэдъ. Радикалы и соціалисты держатся вообще въ сторонѣ или ограничиваются протестами противъ новаго оффиціальнаго направленія, принятаго идеею вѣчнаго мира. Въ то же время дѣлается все болѣе замѣтнымъ другое явленіе, связанное съ новѣйшей „эволюціею" западно-европейской жизни: движеніе противъ войны переходитъ въ руки женщинъ. Въ Гаагу прибыла баронесса Суттнеръ, извѣстная своею энергическою проповѣдью мира въ Австріи и Германіи; г-жа Сэленка изъ Мюнхена собираетъ петиціи женщинъ всего свѣта для передачи въ конференцію, и, по газетнымъ свѣдѣніямъ, она собрала резолюціи болѣе 400 женскихъ митинговъ, происходившихъ съ этою цѣлью въ 19 различныхъ странахъ, въ томъ числѣ въ Японіи и Новой Зеландіи; получены соотвѣтственныя заявленія женщинъ и изъ Россіи, хотя у насъ женскихъ митинговъ не бывало, или мы о нихъ не слыхали. Въ Гаагѣ появился и представитель турецкихъ армянъ, съ петиціей другого рода—съ длиннымъ спискомъ кровавыхъ ужасовъ и

бѣдствій въ турецко-армянскихъ земляхъ и съ ходатайствомъ о *внутреннемъ разоруженіи* и умиротвореніи этихъ злосчастныхъ земель, забытыхъ въ послѣднее время дипломатіей: это какъ будто тѣнь Банко на праздникѣ мира. Но конференція, ограниченная своей программой, вѣроятно, не обратитъ вниманія ни на армянскія дѣла и имъ подобныя, ни на женскія петиціи, и эти постороннія манифестаціи ни въ чемъ не нарушатъ предустановленнаго порядка ея занятій.

Въ Европѣ вообще повѣяло духомъ миролюбія, и недавніе рѣзкіе международные споры обсуждаются уже въ спокойномъ, дружественномъ тонѣ. На банкетѣ „Королевской академіи" въ Лондонѣ, по случаю обычнаго торжественнаго открытія ея художественной выставки, 29-го апрѣля, лордъ Сольсбери произнесъ рѣчь, въ которой сообщилъ „пріятную новость" о состоявшемся соглашеніи съ Россіею. „Я не желаю преувеличивать значеніе этого факта,—говорилъ премьеръ,—но въ виду отношеній, возникавшихъ отъ времени до времени между нашей страною и этою весьма могущественною имперіею, я думаю, что мы можемъ себя поздравить съ заключеніемъ соглашенія относительно китайскихъ дѣлъ, такъ какъ оно въ извѣстной мѣрѣ устраняетъ вѣроятность столкновеній между нашими интересами и цѣлями въ будущемъ". Сущность подписанной сдѣлки изложена въ двухъ нотахъ британскаго посла въ Петербургѣ, м-ра Чарльза Скотта, отъ 28-го апрѣля, адресованныхъ къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ и обнародованныхъ въ „Times". Великобританія и Россія — сказано въ первомъ изъ этихъ документовъ,—„проникнутыя искреннимъ желаніемъ избѣгнуть въ Китаѣ всякихъ поводовъ къ конфликтамъ по вопросамъ, въ которыхъ ихъ интересы сталкиваются, и принимая во вниманіе экономическое и географическое тяготѣніе извѣстныхъ частей этой (китайской) имперіи, согласились между собою въ слѣдующемъ: Великобританія обязывается не искать для себя или для британскихъ или чужихъ подданныхъ какихъ-либо желѣзнодорожныхъ концессій въ предѣлахъ земель къ сѣверу отъ великой китайской стѣны, и не препятствовать прямо или косвенно разрѣшенію въ этой области желѣзнодорожныхъ концессій, поддерживаемыхъ русскимъ правительствомъ. Россія, съ своей стороны, обязывается не искать отъ себя или для русскихъ, или другихъ подданныхъ, какихъ-либо желѣзнодорожныхъ концессій въ бассейнѣ Янге-тзэ, и не препятствовать, ни прямо, ни косвенно, выдачѣ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ британскимъ правительствомъ". Въ другой, дополнительной, нотѣ отъ того же числа опредѣлены условія, при которыхъ сохраняется въ силѣ договоръ о постройкѣ линіи Шанхай-Куанъ-Ньючвангъ при помощи займа, заключеннаго уже китайскимъ правительствомъ съ англій-

скими банками въ Шанхаѣ и Гонъ-Конгѣ; эта желѣзнодорожная линія, выходящая за предѣлы территоріи „британскаго вліянія", останется собственностью Китая, будетъ строиться и дѣйствовать подъ контролемъ китайскаго правительства, и не можетъ быть отдана въ залогъ или отчуждена какой-либо иностранной компаніи. Приблизительное размежеваніе „сферъ вліянія" Англіи и Россіи въ Китаѣ, касаясь въ данномъ случаѣ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, имѣетъ безспорно общій политическій характеръ, какъ видно уже изъ вступительныхъ фразъ первой ноты и приведенныхъ выше комментаріевъ лорда Сольсбери. Такимъ образомъ, исчезаетъ для будущаго важный источникъ затрудненій и опасностей, и наши отношенія съ Англіею могутъ сдѣлаться столь же мирными и дружественными на дальнемъ востокѣ, какъ они установились и въ Средней Азіи, на границахъ Индіи, послѣ ряда грозныхъ пререканій, завершившихся прочными компромиссами.

Итакъ, духъ миролюбиваго соглашенія опять получилъ преобладаніе въ британской внѣшней политикѣ, и даже непріятныя событія въ Трансваалѣ не волнуютъ теперь англійскихъ патріотовъ, или по крайней мѣрѣ вызываютъ гораздо меньше шума, чѣмъ они вызвали бы нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Правительство президента Крюгера арестовало нѣсколькихъ мѣстныхъ англичанъ, бывшихъ или состоящихъ еще на британской службѣ офицеровъ, по обвиненію въ преступныхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ противъ государства; дѣло шло о вербовкѣ людей для новой попытки внезапнаго военнаго захвата города Іоганнесбурга, гдѣ фактически господствуютъ англійскіе поселенцы, не признаваемые полноправными гражданами въ республикѣ боэровъ. Въ другое время аресты британскихъ подданныхъ въ такой странѣ, какъ Трансвааль, подвергли бы опасности самое существованіе этого государства; но, къ общему удивленію, смѣлый поступокъ президента Крюгера не произвелъ особенно сильнаго впечатлѣнія,—быть можетъ, потому, что никто не сомнѣвается въ возможности выручить и освободить арестованныхъ мирными средствами. Президентъ Крюгеръ причинялъ уже не мало безпокойства англійскому правительству, и онъ пользуется какою-то своеобразною популярностью въ Англіи; за нимъ утвердилась репутація умнаго и хитраго дѣятеля, котораго трудно провести, и невольное уваженіе къ его личности отражается въ отношеніяхъ англичанъ къ Трансваалю. Притомъ англійскіе министры стѣсняются слишкомъ откровенно обнаруживать солидарность съ сторонниками насильственнаго переворота въ трансваальской республикѣ, и они вынуждены теперь, какъ и при неудачѣ „набѣга" Джемсона,—faire bonne mine au mauvais jeu. Открытіе военнаго заговора англичанъ усиливаетъ положеніе мѣстнаго правительства въ щекотливомъ и трудномъ спорѣ о равноправности англійскихъ поселенцевъ; оно показываетъ, что послѣдніе сами считаютъ себя не

только иностранцами, но и врагами Трансвааля, и предоставить ихъ вліятельнымъ колоніямъ право голоса въ дѣлахъ республики—значило бы отдать страну боэровъ въ распоряженіе чуждыхъ и непріязненныхъ ей элементовъ. Во всякомъ случаѣ, спокойное отношеніе Англіи къ трансваальскимъ замѣшательствамъ является симптомомъ мирнаго общаго настроенія.

Оригинальную иллюстрацію современной системы вооруженнаго мира представляли недавнія событія на островахъ Самоа, гдѣ совмѣстный протекторатъ трехъ великихъ державъ—Англіи, Германіи и Соединенныхъ-Штатовъ—неожиданно разрѣшился бомбардировкою города. Апіи американскими и британскими броненосцами, вслѣдствіе возникшаго разлада изъ-за притязаній двухъ соперниковъ на титулъ „короля". Англичане и американцы, вопреки желанію нѣмцевъ и въ противность принципу единогласія, посадили на туземный престолъ Маліетоа-Тану, опираясь на рѣшеніе высшаго судьи Чамберса, а германскій консулъ продолжалъ упорно стоять за Матаафу. Началась война между соперниками; отряды ихъ опустошали окрестности города и въ томъ числѣ также европейскія поселенія; англичане и американцы сочли своимъ долгомъ поддержать своего кандидата, котораго тѣснилъ противникъ, занявшій войсками Апію, и постыдное, хотя и „побѣдоносное", участіе двухъ культурныхъ державъ въ кровавыхъ мѣстныхъ междоусобіяхъ не прекратилось до сихъ поръ. Насколько можно судить по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ, это печальное дѣло принимаетъ теперь мирный оборотъ, и, вѣроятно, придуманъ будетъ способъ возстановить порядокъ на островѣ безъ ущерба для авторитета и „престижа" заинтересованныхъ націй.

Внутреннія политическія дѣла Франціи все еще вертятся около процесса Дрейфуса. Прежде чѣмъ дойти до приближающейся, наконецъ, развязки, это удивительное дѣло заставило удалиться со сцены еще одного военнаго министра—Фрейсинэ. Въ засѣданіи 5-го мая ему не дали говорить оппозиціонные депутаты, когда онъ пытался мотивировать принятую имъ мѣру—закрытіе курса профессора Дюрюи въ политехнической школѣ за статьи въ защиту Дрейфуса, вызвавшія враждебную противъ него манифестацію слушателей. Фрейсинэ ушелъ, и вмѣсто него назначенъ бывшій министръ публичныхъ работъ, сенаторъ Кранцъ, исполнявшій уже раньше обязанности военнаго министра. Разбирательство въ кассаціонномъ судѣ по дѣлу Дрейфуса началось 29-го мая; пространный докладъ члена суда, Балло-Бопрэ, клонится къ рѣшенію о пересмотрѣ, и всѣ указываютъ на неминуемость окончательнаго признанія совершившейся судебной ошибки.

Негодующіе протесты „патріотовъ" остаются все-таки безсильными противъ краснорѣчія фактовъ, которые постепенно и обстоятельно выяснялись въ послѣднее время по неопровержимымъ документальнымъ даннымъ. Воинственные націоналисты и антисемиты могутъ утѣшиться зато оправдательнымъ приговоромъ по дѣлу Дерулэда и Габера, дѣло которыхъ разбиралось въ ассизномъ судѣ съ 29-го по 31-е мая. Повидимому, Дерулэдъ находился въ состояніи крайняго патріотическаго возбужденія и экстаза, когда вздумалъ на улицѣ призывать генерала Рожè и его полкъ къ возстанію, т.-е. къ безнадежному междоусобію, и вѣроятно судьи нашли въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ нѣкоторые признаки невмѣняемости. Дерулэдъ лишился такимъ образомъ ореола геройскаго мученичества, который заранѣе создавался для него единомышленниками и приверженцами; этимъ устраненъ также лишній поводъ къ волненіямъ, которыя такъ легко возникаютъ во Франціи по мелкимъ и крупнымъ причинамъ.

Одинъ изъ самыхъ блестящихъ политическихъ дѣятелей Испаніи, знаменитый своимъ краснорѣчіемъ Эмиліо Кастеляръ, скончался близъ Картагены, 25-го мая, на 67 году жизни. По чарующей силѣ ораторскаго таланта онъ не имѣлъ равнаго себѣ въ Европѣ. Въ молодости профессоръ исторіи и литературы въ Мадридѣ, даровитый журналистъ, онъ сдѣлался впослѣдствіи народнымъ трибуномъ, признаннымъ вождемъ республиканской партіи. Въ шестидесятыхъ годахъ онъ едва избѣгнулъ смертной казни за участіе въ возстаніи противъ королевы Изабеллы, жилъ во Франціи и въ Швейцаріи, вернулся на родину послѣ государственнаго переворота, произведеннаго маршалами Серрано и Примомъ въ 1868 году, и съ тѣхъ поръ игралъ видную роль въ исторіи своей страны. Въ 1874 году, съ провозглашеніемъ республики въ Испаніи, онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и въ сентябрѣ того же года рѣшеніемъ кортесовъ назначенъ былъ главою исполнительной власти; недолго спустя, онъ вышелъ въ отставку, и „пронунсіаменто" генерала Павіа подготовило вступленіе на престолъ короля Альфонса XIII. Кастеляръ опять покинулъ Испанію и возвратился только въ 1876 году, когда выбранъ былъ депутатомъ отъ Барселоны. Парламентская дѣятельность его, однако, не имѣла уже прежняго блеска; настала эпоха консервативнаго оппортунизма, и Кастеляръ посвятилъ всѣ свои силы научно-историческимъ и литературнымъ занятіямъ. Въ литературѣ онъ отличался пышнымъ ораторскимъ стилемъ, напоминающимъ Шатобріана или Ламартина; нѣкоторыя черты его политической карьеры сближаютъ его съ Гамбеттою.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1899.

— Севастопольскія письма Н. И. Пирогова (1854 – 1855). Спб. 1899.

Книга, чрезвычайно замѣчательная и по предмету, и по имени писавшаго эти письма. Крымская война была изъ тѣхъ событій, которыя оставляютъ рѣзкій слѣдъ въ національномъ сознаніи и въ государственной жизни. Ей предшествовалъ долгій періодъ суроваго правленія, которое одно хотѣло вести не только жизнь государства, но и внутреннюю жизнь общества, давало готовую програму общественнаго мнѣнія и отвергало малѣйшій признакъ его самостоятельности; средствомъ было крайнее развитіе бюрократіи, и рядомъ съ этимъ—милитаризма; внѣшнее величіе государства казалось незыблемымъ, и особенное вниманіе власти направлено было на „военную часть". Общество вѣрило, и поэтъ указывалъ въ свое время „полный гордаго довѣрія покой". Но была обратная сторона, о которой не думали ни власть, ни большинство общественнаго мнѣнія. Бюрократія въ своемъ чрезмѣрномъ развитіи, котораго тогда она и достигала, стремится подавлять общественную мысль и самодѣятельность, не допускаетъ ни малѣйшаго ихъ вмѣшательства, и въ концѣ концовъ сама высшая власть не замѣчаетъ крайней испорченности, въ какую впадаетъ бюрократія, стоящая внѣ всякаго контроля; власть довѣряетъ ея утвержденіямъ, что „все обстоитъ благополучно", хотя на дѣлѣ благополучія далеко не было. Рѣшеніе—охранить общество русское отъ заразы превратными ученіями, волновавшими западную жизнь, вело неизбѣжно къ слабымъ успѣхамъ науки и знаній, составляющихъ, однако, умственный капиталъ, съ какимъ нація выступаетъ на международную арену, и эта слабость знаній между прочимъ отразилась и въ той области, гдѣ Россія считалась непобѣдимой,—въ военномъ дѣлѣ. Была безупречна одна сторона національной защиты—

беззавѣтное мужество, самоотверженіе, выносливость солдата, взятаго изъ нѣдръ народа, но, какъ наконецъ оказалось, была совсѣмъ неудовлетворительна организація защиты: вооруженіе—не знавшее новыхъ усовершенствованій; средства содержанія и передвиженія—находившіяся въ распоряженіи испорченной бюрократіи.

Крымская война была, собственно говоря, первой войной, гдѣ Россія, въ царствованіе императора Николая, встрѣтилась съ европейскими войсками, а вмѣстѣ и съ европейской культурой. Въ первое время, ни въ правительствѣ, ни въ самомъ обществѣ, не было сомнѣній въ исходѣ состязанія; но уже вскорѣ разные факты заставили задуматься. Во-первыхъ, оказалось, что Россія, несмотря на десятки лѣтъ дружественныхъ связей и на самыя серьезныя услуги, встрѣтила и въ Пруссіи, и въ Австріи, почти готовыхъ враговъ; затѣмъ, послѣ синопскаго боя, произошла высадка англо-французовъ въ Крыму, и первыя столкновенія были для насъ неудачами, почти пораженіями. Началось испытаніе.

Въ послѣднее время, нѣкоторые любители старины думали опровергать мнѣнія, сложившіяся въ эпоху реформъ относительно характера второй четверти столѣтія, и называли легкомысленными толки о „пресловутыхъ“ неудачахъ крымской войны. Эти попытки передѣлать исторію должны, однако, встрѣтить непреодолимыя затрудненія въ фактахъ, и общаго, и частнаго характера. Времена крымской войны еще многимъ памятны; еще живы многіе изъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя. Общественное мнѣніе того времени отдавало самыя горячія сочувствія тѣмъ, кто выносилъ тяжкія испытанія осады и совершалъ героическую эпопею защиты, но въ то же время понимались тѣ *прежнія* ошибки, которыя влекли за собой рядъ печальныхъ фактовъ войны. Великимъ результатомъ крымской войны было измѣненіе внутренней политики съ началомъ новаго царствованія, которое было и молчаливымъ признаніемъ того, что̀ сознавалось и въ средѣ общества: и правительство, и общество искали обновленія и преобразованія. Этимъ порывомъ къ новому лучшему будущему исполнена была литература тѣхъ первыхъ годовъ; вслѣдъ за правительственными мѣропріятіями общество было увлечено небывалыми прежде вопросами преобразованій, которыя затѣмъ и вступили въ жизнь.

Въ настоящее время появилось уже не мало историческихъ разсказовъ и личныхъ воспоминаній о той эпохѣ, которые достаточно указываютъ, какимъ великимъ дѣломъ для русской жизни были эти предпринимаемыя и совершаемыя преобразованія. Къ высокой чести русскаго общества, въ его средѣ нашлись достойные люди, трудомъ которыхъ могли быть исполнены реформы крестьянская, судебная,

земская, городская, и которые умѣли понять великое національно-историческое значеніе предпріятій правительства.

Чрезвычайно важныя разъясненія тогдашнихъ событій и цѣлаго историческаго поворота даютъ воспоминанія, дневники, письма дѣятелей той эпохи. Обыкновенно, они касаются только того или другого отдѣльнаго предмета и имѣютъ, повидимому, только частный интересъ, но зато нерѣдко бываютъ чрезвычайно важны какъ прямой отголосокъ жизни, и если принадлежатъ людямъ разумнымъ и просвѣщеннымъ, получаютъ значеніе настоящаго историческаго свидѣтельства. Такъ недавно обратилъ на себя всеобщее вниманіе дневникъ А. В. Никитенка въ его разсказахъ о пятидесятыхъ годахъ, канунѣ и самомъ времени крымской войны, ближайшихъ послѣдствіяхъ и первомъ проблескѣ „эпохи реформъ". Въ ряду подобныхъ историческихъ свидѣтельствъ должны занять важное мѣсто „Севастопольскія письма" Пирогова, теперь изданныя.

Въ краткомъ предисловіи вдова Н. И. Пирогова объясняетъ, что мысль объ изданіи этихъ писемъ дало ей появленіе въ „Вѣстникѣ Европы" прошлаго года записокъ Ек. Мих. Бакуниной, разсказывающихъ пережитое ею время въ Севастополѣ въ 1854, гдѣ она была сначала сестрою милосердія, потомъ старѣйшею въ Георгіевской общинѣ, которая была основана великою княгиней Еленою Павловной, подъ руководствомъ Пирогова. „Эти письма, почти всѣ сохранившіяся, конечно, не предназначались для печати. Но онѣ полны подробностями, не потерявшими интереса для многихъ, и кромѣ того ярко освѣтятъ личность самого покойнаго, какъ хорошаго семьянина". Общій интересъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію.

Н. И. Пироговъ (род. 1810)—знаменитое имя не только русской науки, но и русской общественности. Давно авторитетный въ своей спеціальной области, какъ первостепенный анатомъ и хирургъ, онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ пріобрѣлъ совсѣмъ новую славу какъ публицистъ или, собственно говоря, какъ педагогъ, потому что онъ выступилъ тогда въ литературѣ съ вопросомъ о воспитаніи, но воспитаніи, понятомъ не только въ чисто личномъ нравственномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ общественномъ и государственномъ. Въ нашей литературѣ не было примѣра, чтобы педагогическая статья произвела такое сильное впечатлѣніе на общество, какъ эта статья Пирогова. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что побужденія, заставившія Пирогова выйти изъ своей роли ученаго спеціалиста и поставить вопросъ общественный, были вынесены изъ настроенія, внушеннаго ему, какъ и цѣлому русскому обществу, опытами крымской войны. Ему становилось ясно, что въ этой „борьбѣ съ Западомъ" шло состязаніе не одного оружія и военной храбрости, но также силъ нравственныхъ и цѣлой куль-

туры. Въ обществѣ ходили упорные и тревожные толки о множествѣ злоупотребленій, совершавшихся даже въ ту минуту, когда шла кровавая борьба; кромѣ злоупотребленій, говорили также о неподготовленности и неумѣлости административной, которая была опять помѣхой для государственной защиты, и т. д. И когда, рядомъ съ подвигами военнаго мужества, происходили низменные факты невѣжества, своекорыстія, интриги, полнаго забвенія или даже невѣдѣнія гражданскаго долга, Пироговъ сталъ искать общей причины печальнаго и опаснаго явленія, и если не главную, то одну изъ главныхъ причинъ онъ увидѣлъ въ ложности воспитанія: школа готовила людей для разныхъ дѣловыхъ и служебныхъ спеціальностей, но не воспитывала *человѣка*.

Если біографъ Пирогова будетъ искать основанія, которое побудило его обратиться къ этому существенному предмету общественной и государственной жизни, онъ найдетъ ихъ въ особенности въ личныхъ опытахъ Пирогова въ крымскую войну. Это не былъ ни философъ, ни человѣкъ съ политическими интересами; но это былъ умный, честный, преданный отечеству, религіозный человѣкъ, съ самыми спокойными общественными взглядами, — но эта любовь къ отечеству встревожила его, когда передъ нимъ во очію раскрывались, въ минуты государственной опасности, эти нравственныя язвы общества, которыхъ не видѣла власть, строившая формы жизни, а также и школу, и довѣрявшая успокоеніямъ бюрократіи, что все „обстоитъ благополучно".

Пироговъ въ 1854 году уже кончилъ свой служебный терминъ, былъ „вольный казакъ", и потому могъ принять дѣятельное участіе въ устройствѣ первой у насъ общины сестеръ милосердія, подъ покровительствомъ вел. кн. Елены Павловны, и затѣмъ отправиться въ Севастополь для работы въ военныхъ госпиталяхъ и для организаціи дѣятельности сестеръ милосердія. Онъ былъ въ Севастополѣ дважды: въ первый разъ, выѣхавъ изъ Петербурга въ концѣ октября 1854, онъ пробылъ въ Севастополѣ до конца мая 1855, дѣлая поѣздки и въ окрестные госпитали на Бельбекѣ, въ Бахчисараѣ, въ Симферополѣ; во второй разъ онъ пробылъ въ Крыму съ конца августа, 1855, до декабря, когда Севастополь былъ уже оставленъ и удерживалась только Сѣверная сторона. Въ первое пребываніе въ Севастополѣ, онъ жилъ сначала на сѣверномъ бастіонѣ, потомъ въ самомъ городѣ, и жилъ севастопольскою жизнью, въ постоянной работѣ въ лазаретѣ и въ нескончаемыхъ хлопотахъ о томъ, чтобы сдѣлать сколько-нибудь сноснымъ положеніе раненыхъ и больныхъ,—потому что врачебную часть войны онъ нашелъ въ состояніи ужасающаго и безчеловѣчнаго безпорядка.

Приводимъ изъ его писемъ нѣсколько отрывковъ, которые дадутъ

понятіе и о положеніи вещей, и о вынесенныхъ имъ самимъ тяжелыхъ впечатлѣніяхъ. Прежде всего ему пришлось вынести жестокое странствіе изъ Москвы по тогдашнимъ „путямъ сообщенія“: „дорога отъ Курска до Севастополя есть радъ мученій для того, кто находится въ пріятномъ заблужденіи, что дороги назначены для уменьшенія пространства и времени въ житейскомъ сообщеніи“. Въ Севастополѣ первой непріятностью было знакомство съ главнокомандующимъ, которому Пироговъ долженъ былъ представиться. Меншиковъ жилъ въ „маленькомъ домишкѣ, съ грязнымъ дворомъ“, — какъ объясняетъ Пироговъ, безъ всякой надобности, потому что легко могъ имѣть помѣщеніе лучше. „Въ конуркѣ аршина въ три въ длину и столько же въ ширину стояла, сгорбившись, въ засаленномъ архалукѣ судьба Севастополя... „Вотъ, какъ видите-съ, въ лачужкѣ-съ принимаю васъ“,—были первыя слова главнокомандующаго, произнесенныя тихимъ голосомъ; за этимъ слѣдовало: хи, хи, хи! какимъ-то спазмодически принужденнымъ голосомъ. — „Пожалуйте, присядьте-съ“... Потомъ онъ распечаталъ поданный мною конвертъ, пробѣжалъ бумаги, надѣвъ очки, и спросилъ тѣмъ же тихимъ и беззвучнымъ голосомъ, видалъ ли я госпитали на своемъ пути.—Къ сожалѣнію, я видѣлъ одинъ,—отвѣтилъ я,—но въ такомъ состояніи, что желалъ бы лучше не видать его.— „Да-съ, было еще хуже-съ, 24-го-съ мы не знали что̀ и начать-съ, лежали-съ на голой землѣ-съ и подъ ливнями-съ“.—Есть два рода оправданій: одинъ просто вретъ, а другой говоритъ правду, описывая собственную вину какъ нельзя хуже; выслушавъ такого правдолюбца, призадумаешься, духа недостаетъ сказать: да кто же, чортъ возьми, виноватъ, какъ не ты самъ! Это именно я и подумалъ, слушая, какъ старикъ сухо и безстрастно оправдывался, обвиняя самого себя.—Да, 24-го октября дѣло не было неожиданное, его предвидѣли, предназначали и не позаботились. 10 или даже 11.000 было выбито изъ строя, 6.000 слишкомъ раненыхъ и для этихъ раненыхъ не приготовили ровно ничего; какъ собакъ бросили ихъ на землю; на нарахъ цѣлыя недѣли они не были перевязаны и даже почти не накормлены... Пріѣхавъ въ Севастополь 12 ноября, слѣдовательно 18 дней послѣ дѣла, я нашелъ слишкомъ 2.000 раненыхъ, скученныхъ вмѣстѣ, лежащихъ на грязныхъ матрацахъ, пропитанныхъ кровью, перемѣшанныхъ, и, разсортировавъ ихъ, цѣлые 10 дней почти съ утра до вечера долженъ былъ оперировать такихъ, которымъ операцію нужно было сдѣлать тотчасъ послѣ сраженія“...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ „Русской Старинѣ“ напечатаны были воспоминанія одного адъютанта Меншикова, за время его командованія въ Севастополѣ: это былъ сплошной панегирикъ. Впечатлѣнія Пирогова были прямо противоположныя. Пироговъ считалъ его

и дурнымъ полководцемъ, и не внушавшимъ уваженія человѣкомъ. „Онъ не годится въ полководцы, скупендряй, — вѣрно весь родъ такой... сухой саркастикъ, отъявленный эгоистъ,—это ли полководецъ? Какъ онъ запустилъ всю администрацію, всѣ сообщенія, всю медицинскую часть! Это ужасъ! И взамѣнъ что̀ же сдѣлалъ въ стратегическомъ отношеніи? Ровно ничего. Дѣлалъ планы, да не умѣлъ смотрѣть за исполненіемъ ихъ, потому что ему недоставало умѣнья на это; онъ не зналъ ни солдатъ, ни военачальниковъ; окружилъ себя ничтожными людьми; ни съ кѣмъ не совѣтовался;—ничего и не вышло; онъ хотѣлъ-было сыграть комедію, и подъ видомъ мистицизма, что онъ молчитъ, но знаетъ и скрываетъ многое, хотѣлъ бросить пыль въ глаза; ему и удалось надуть нѣкоторыхъ дураковъ, которые кричали, что безъ Меншикова Севастополь погибъ. Но теперь всѣ мы знаемъ, что Севастополь стоитъ совсѣмъ не черезъ него, а malgré lui. Слава Богу, я радъ, что его прогнали. Онъ только мѣшалъ". Пироговъ разсказываетъ между прочимъ, что при первомъ обходѣ Севастополя англо-французами съ сѣвера на южную сторону, когда Меншиковъ сдѣлалъ извѣстное фланговое движеніе, непріятель не взялъ Севастополя только по глупости: Сѣверная сторона была самими русскими обречена на погибель. Пироговъ пріѣхалъ сюда въ ноябрѣ, видѣлъ на Сѣверной сторонѣ „съ десятокъ огромныхъ пушекъ, заклепанныхъ и лежавшихъ на берегу"; ему объяснили, что это—„слѣдствія недоразумѣнія", что „приказанія Меншикова не были поняты: яко бы, и пушки заклепали и бросили въ море, думая, что непріятель непремѣнно завладѣетъ батареею и будетъ стрѣлять по городу". Теперь вылавливали свои же пушки и расклепывали. „Всѣ свидѣтельства очевидцевъ, и знающихъ и незнающихъ дѣло, въ томъ согласны, что, остановись непріятель на сѣверной сторонѣ города, онъ бы просто церемоніальнымъ маршемъ могъ войти въ него безъ малѣйшаго препятствія. Всѣ были въ страхѣ и трепетѣ, о защитѣ никто и не думалъ. Стоитъ только посмотрѣть на Севастополь съ сѣверныхъ возвышеній—и видишь передъ собой почти всю бухту съ флотомъ и весь городъ какъ на ладони. Дурачье (непріятель) не поняли этого, а послѣ хвастались въ газетѣ описаніемъ глупаго и труднаго марша съ сѣвера на югъ, который спасъ городъ"...

И дальше въ письмахъ Пирогова говорится о Меншиковѣ крайне непріязненно. Когда Меншиковъ оставилъ командованіе и уѣхалъ, Пироговъ пишетъ: „Про Меншикова носятся слухи, что онъ умеръ въ Перекопѣ—и слава Богу!" Новый главнокомандующій, кн. Горчаковъ, встрѣтилъ Пирогова (въ госпиталѣ) очень сердечно, и послѣдній съ удовольствіемъ разсказываетъ, что по его указанію Горчаковъ далъ здѣсь же Георгіевскій крестъ одному изъ раненыхъ. „Вотъ за это

люблю!—пишетъ Пироговъ.—Онъ, конечно, слышалъ, что̀ я говорилъ о Меншиковѣ, упрекая его, что онъ не посѣщаетъ раненыхъ, не даетъ имъ награды, и ставилъ ему въ примѣръ Воронцова, который на Кавказѣ самъ раздавалъ кресты въ госпиталяхъ. Какъ бы то ни было, но Горчаковъ—изъ этого видно—человѣкъ, а Меншиковъ—просто мумія" (стр. 84, 89, 92).

Безсердечіе, возмущавшее Пирогова, не было лишено характерности; не было лишено его и другое явленіе, какъ будто указывавшее новую черту общественнаго чувства, которой предстояло развиваться въ будущемъ. Это была дѣятельность Общины сестеръ милосердія, устройство которой на театрѣ войны составляло, какъ мы замѣтили, главную цѣль поѣздки Пирогова въ Севастополь. Положеніе санитарнаго дѣла и помощи раненымъ съ первыхъ шаговъ поразило привычнаго хирурга своимъ крайнимъ безобразіемъ. Не будемъ приводить тяжелыхъ описаній, не разъ повторяющихся въ его письмахъ: это одна и та же картина величайшаго безпорядка, жестокаго равнодушія къ безпомощнымъ больнымъ и раненымъ защитникамъ отечества и рядомъ—наглое воровство. Но Пирогова глубоко радовала самоотверженная и разумная дѣятельность сестеръ милосердія: имена Бакуниной, Карцевой, Хитрово, онъ повторяетъ съ настоящимъ умиленіемъ. Правда, на первое время и это великодушное дѣло не обошлось безъ темныхъ сторонъ, которыя его возмущали. Это былъ способъ дѣйствій тогдашней „начальницы", поступавшей, судя по его разсказамъ, съ обычными пріемами тогдашняго „начальства". Какъ увидимъ, онъ возсталъ, и съ успѣхомъ, противъ этого искаженія прекраснаго дѣла. Уже на первыхъ порахъ онъ пишетъ женѣ: „Если увидишь фрейлину Раденъ, скажи ей, что великая княгиня, отрядивъ сестеръ милосердія въ Севастополь, оказала услугу истинную страждущему человѣчеству и сдѣлала переворотъ въ госпиталяхъ, введя въ нихъ чуткій женскій элементъ при уходѣ за больными". Конечно, сами сестры уже вскорѣ стали заболѣвать и страдать. Въ другой разъ, описывая невозможное состояніе госпиталей—въ Севастополѣ, Бахчисараѣ, Симферополѣ,—Пироговъ говоритъ: „Что̀ изъ всего этого хаоса точно хорошо—такъ это сестры милосердія. Дай Богъ здоровья великой княгинѣ. Она сдѣлала истинное благодѣяніе для края. Если бы не онѣ, такъ больные лакали бы помои, а теперь кушаютъ сытный супъ, и лежали бы въ грязи. Онѣ и хозяйничаютъ въ госпиталяхъ, и кушанье даже готовятъ, и лекарства раздаютъ; за то также и болѣютъ... Я горжусь самъ ихъ дѣйствіями; я защищалъ мысль введенія сестеръ въ военные госпитали противъ нападеній старыхъ рутинеровъ,—и моя правда осуществилась на дѣлѣ". Но онъ возсталъ, наконецъ, прямо противъ „начальницы", хотѣвшей только

„блистать и важничать“ и не дѣлавшей настоящаго дѣла, и писалъ въ Петербургъ: если не сдѣлаютъ другого назначенія—„я оставлю Общину; я дорожу слишкомъ будущностью Общины и моимъ именемъ“; его утѣшало только, что въ средѣ сестеръ „есть еще нравственная власть, которая выше интригъ и сплетенъ“. Наконецъ онъ сообщаетъ женѣ: „...Я черезъ Раденъ высказалъ всю правду и написалъ, какъ я смотрю на Общину. Шутить такими вещами я не намѣренъ, для виду дѣлать также не гожусь; и такъ, если выборъ великой княгини палъ на меня, то она должна была знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло“. Онъ предложилъ совсѣмъ устранить названіе „начальницы“ и ввести названіе „старѣйшей сестры“. „Поговори объ этомъ съ Раденъ,— писалъ онъ женѣ,—и узнай, какъ она думаетъ. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы мои заботы объ Общинѣ, въ которой я вижу прекрасное будущее, остались втунѣ. Если хотятъ не *быть*, а только *казаться*, то пусть поищутъ другого, а я не перерождусь“ (стр. 51, 97, 143, 149).

Любопытны замѣчанія Пирогова о психологическомъ дѣйствіи войны. Онъ пишетъ въ концѣ января 1855: „...Служить здѣсь мнѣ во сто кратъ пріятнѣе, чѣмъ въ академіи (медико-хирургической въ Петербургѣ): я здѣсь по крайней мѣрѣ не вижу удручающихъ жизнь, умъ и сердце чиновническихъ лицъ, съ которыми по волѣ и неволѣ встрѣчаюсь ежедневно въ Петербургѣ. Въ войнѣ много зла, но есть и поэзія; человѣкъ, смотря смерти прямо въ рыло, какъ выражался начальникъ штаба Семякинъ, когда шелъ на приступъ съ азовцами, смотритъ и на жизнь другими глазами; много грусти, много и надежды, много заботъ, много и разливной беззаботности. Мелочности, весь хламъ приличій, вся однообразность формъ исчезаютъ; здѣсь не видишь ни кивёровъ съ лошадиными хвостами, ни эполетъ, ни чиновническихъ фраковъ, и даже ордена видишь изрѣдка—просто все закутано въ солдатскую сермягу, въ длинные грязные сапоги, какъ дома, такъ и на дворѣ. Я этотъ костюмъ довелъ до совершенства и сплю даже въ шинели. Посмотришь въ госпитали, и тутъ вся наша формальность исчезаетъ“ (стр. 69)... Дѣйствительно, передъ тѣмъ Пироговъ описывалъ одинъ эпизодъ этой „разливной беззаботности“, когда его пригласили въ военный кружокъ на встрѣчу новаго года: встрѣча происходила „на позиціи“, а позиція находилась верстахъ въ пяти за городомъ и представляла собраніе покрытыхъ снѣгомъ землянокъ. Въ одной нѣсколько просторной землянкѣ и встрѣченъ былъ новый годъ съ самымъ необузданнымъ весельемъ.

Исчезновеніе кивёровъ, лошадиныхъ хвостовъ, эполетъ и даже орденовъ, вѣроятно, облегчало простой взглядъ на дѣйствительность. Если въ Петербургѣ Пирогова „удручали“ чиновническія лица, то и здѣсь недолго дѣйствовала „поэзія войны“: съ самаго начала и въ

Севастополѣ приводили въ крайнее негодованіе пріемы, конечно давно сформировавшейся, администраціи и отсутствіе человѣческаго, общественнаго и даже патріотическаго чувства. Въ письмѣ отъ конца апрѣля 1855 онъ опять возмущается врачебными порядками, которые должны были грозить заразой. „А когда начнутъ умирать, такъ врачи виноваты, почему смертность большая,—ну, такъ лги, не робѣй". Онъ видалъ примѣры такой отъявленной лжи. Онъ приходилъ, наконецъ, въ отчаяніе. „Отъ раненыхъ (пишетъ Пироговъ въ концѣ апрѣля) безпрестанно слышишь жалобы на безпорядокъ. Когда солдатъ нашъ это говоритъ, такъ ужъ плохо. Время ли тутъ интриговать, спорить и разсуждать о томъ, за что тотъ или другой получилъ награду, возставать другъ противъ друга, когда нужно единодушіе,—а его нѣтъ, я это вижу ясно. Это ли любовь къ родинѣ, это ли воинская честь? Сердце замираетъ, когда видишь передъ глазами, въ какихъ рукахъ судьба войны, когда ближе познакомишься съ лицами, стоящими въ челѣ" (стр. 109). „Не хочу видѣть моими глазами безславія моей родины,—говоритъ онъ дальше:—не хочу видѣть Севастополя взятымъ, не хочу слышать, что его можно взять, когда вокругъ него и въ немъ стоитъ слишкомъ 100.000 войска; уѣду, хоть и досадно"... „Я люблю Россію, люблю честь родины,—а не чины; это врожденное, его изъ сердца не вырвешь и не передѣлаешь, а когда видишь передъ глазами, какъ мало дѣлается для отчизны собственно изъ одной любви къ ней и ея чести, такъ по неволѣ хочешь лучше уйти отъ зла, чтобы не быть по крайней мѣрѣ бездѣйственнымъ его свидѣтелемъ. Я знаю, что все это можно назвать одной непрактической фантазіей, что такъ болѣе прилично разсуждать въ молодости только, но я не виноватъ, что душа еще не состарилась... Если взглянешь на эту смѣсь нашей посредственности, безталантства, односторонности и низости, то по неволѣ, какъ ни велика надежда на Бога и на храбрость войска, начинаешь опасаться за участь Севастополя и слѣдовательно цѣлаго Крыма". ...„Я теперь только одного молю: если не удастся быть свидѣтелемъ нашего торжества, то дай только Богъ убраться, не бывши свидѣтелемъ нашего позора, и уѣхать изъ Севастополя прежде его совершенной гибели" (стр. 111—113)...

Несмотря на его настоянія, госпитальное дѣло не улучшалось: когда нужно было. наконецъ, дать отвѣтъ, почему ничего не дѣлается, всѣ сваливаютъ вину одинъ на другого. Однажды, когда мѣра переполнилась, Пироговъ жаловался начальнику штаба, Коцебу, первому человѣку при Горчаковѣ. Коцебу—„раззадорился, какъ можно найти въ его управленіи что-нибудь недостаточное, но я сказалъ ему на отрѣзъ чистымъ россійскимъ нарѣчіемъ:—Вы-де, Павелъ Астафьевичъ,

меньше моего въ этомъ дѣлѣ смыслите, и я вамъ говорю попросту, что въ (госпитальныхъ) палаткахъ чистое свинство. Онъ потомъ притворился, будто меня не понялъ"...

Доктора, пріѣхавшіе съ Пироговымъ, безъ него не хотѣли тамъ оставаться: ихъ бы „заѣли". Начинали поговаривать, что безъ сестеръ, съ одними фельдшерами, по прежнему, было лучше — и дѣйствительно, потому что все было шито и крыто, и сходило съ рукъ безнаказанно.

Въ послѣднемъ письмѣ, передъ отъѣздомъ, въ половинѣ мая 1855, онъ пишетъ: „Ты не повѣришь, какъ мнѣ здѣсь надоѣло смотрѣть и слушать всѣ военныя интриги; не нужно быть большимъ стратегикомъ, чтобы понимать, какія дѣлаются здѣсь глупости и пошлости, и видѣть, изъ какихъ ничтожныхъ людей состоятъ штабы; самые дѣльные изъ военныхъ не скрываютъ грубыя ошибки, нерѣшительность и безсмыслицу, господствующія здѣсь, въ военныхъ дѣйствіяхъ; многіе даже желаютъ уже Меншикова назадъ. Если намъ Богъ не поможетъ, то намъ не на кого надѣяться, и надобно по-добру да поздорову убираться. Въ Петербургѣ вѣрно не имѣютъ настоящаго понятія о положеніи дѣлъ здѣсь и, какъ обыкновенно, не знаютъ хорошо личностей. Куда-нибудь уѣхать въ глушь, не слышать и не видѣть ничего, кромѣ окружающаго, теперь самое лучшее" (стр. 123, 124).

Пироговъ пріѣхалъ во второй разъ въ Крымъ тотчасъ послѣ того, какъ „одинъ актъ трагедіи кончился". Письмо изъ Симферополя писано 31 августа 1855. Передъ тѣмъ, 27-го, былъ взятъ Малаховъ курганъ; русскія войска перешли по мосту на плотахъ черезъ бухту на Сѣверную сторону, и англо-французы, опасаясь, что городъ (южная сторона) минированъ, вступили туда только 30 августа. 8-го сентября онъ пишетъ съ Бельбека, что „на-дняхъ видѣлъ двѣ знаменитыя развалины—Севастополь и Горчакова: бухта раздѣляетъ одну отъ другой". Севастополь представлялъ картину страшнаго разрушенія. Между прочимъ онъ видѣлъ (конечно, съ Сѣверной стороны) и тотъ домъ, гдѣ онъ жилъ: тотъ уголъ, гдѣ была его комната, былъ весь отбитъ бомбой. „И съ нашей стороны, и съ непріятельской воздвигаются новыя батареи; изъ бухты торчатъ мачты вновь затопленныхъ кораблей; матросы еще иногда шныряютъ на шлюпкахъ вдоль нашего берега, около затопленныхъ пароходовъ. Но почти всѣ убѣждены, что Сѣверная сторона не будетъ долго держаться и бухта будетъ въ рукахъ непріятелей"... Въ томъ же письмѣ онъ упоминаетъ о пріѣздѣ новой начальницы сестеръ милосердія (изъ прежнихъ знакомыхъ) и дѣлаетъ характерное замѣчаніе о будущемъ: „...Мнѣ кажется, что она благодѣтельно подѣйствуетъ на будущую судьбу Общины. Я ей

изложилъ мои взгляды, просилъ ее смотрѣть на Общину не просто какъ на собраніе сидѣлокъ, но видѣть въ ней *будущій нравственный контроль* нашей хромой госпитальной администраціи“ (стр. 133).

Послѣднее письмо писано 2 декабря, передъ отъѣздомъ: „...Былъ на прощаньи на этихъ дняхъ въ Бахчисараѣ, на Бельбекѣ и на Сѣверной сторонѣ Севастополя. Смотрѣлъ на грустный, полуразрушенный и закопченый городъ. Вся Сѣверная сторона изрыта бомбами, которыя непріятель бросалъ сюда, безъ всякаго, впрочемъ, вреда, цѣлый мѣсяцъ. Нѣтъ аршина земли, гдѣ не было бы огромныхъ ямъ и не лежало огромныхъ отломковъ бомбъ; теперь почти совсѣмъ не стрѣляютъ, движенія въ городѣ мало замѣтно; мы пострѣливаемъ, но, кажется, также безъ толку“...

Понятно, что для человѣка такого склада, какъ Пироговъ, впечатлѣнія Севастополя, гдѣ онъ провелъ въ сложности почти годъ, не могли остаться безъ глубокаго слѣда. Въ концѣ концовъ, онѣ созрѣли въ цѣлое представленіе, которое онъ и высказалъ въ извѣстныхъ „Вопросахъ жизни“. Эта статья, явившаяся въ „Морскомъ Сборникѣ“, который, въ новое царствованіе, былъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ, начинателей общественнаго и государственнаго обновленія,—произвела на общество давно небывалое дѣйствіе сильнаго, убѣжденнаго слова. Пироговъ исходилъ изъ основныхъ понятій личной и общественной нравственности и указывалъ, какъ много недоставало въ этомъ отношеніи русскому обществу. Онъ настаивалъ въ особенности на вопросахъ воспитанія, которое въ обычномъ порядкѣ вещей было бездушной формальной муштровкой и забывало свою существенную задачу—нравственное воспитаніе *человѣка*, который сталъ бы потомъ сознательнымъ дѣятелемъ общественности и сознательнымъ и преданнымъ слугой своего отечества. Эти истины были просты, но онѣ поразили общество, которое отвыкло отъ этого языка... Въ началѣ эпохи реформъ „Вопросы жизни“ Пирогова были однимъ изъ тѣхъ нравственно возвышающихъ явленій, которыя давали надежду на лучшее будущее.

„Севастопольскія письма“, очень интересныя по своему непосредственному содержанію, любопытны и въ другомъ отношеніи: онѣ даютъ наглядный примѣръ того, какъ тяжелыя событія крымской войны были испытаніемъ, провѣркой прошлаго и стали источникомъ общественнаго и государственнаго возрожденія.—А. П.

— **Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Томъ I. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. М. 1899.**

„Въ настоящій сборникъ,—говоритъ во введеніи кн. Н. Шаховской, — входятъ сочиненія Н. П. Гилярова-Платонова: критическаго, богословскаго, философскаго, экономическаго, соціальнаго, юридическаго, педагогическаго, филологическаго и историко - литературнаго содержанія, помѣщавшіяся на пространствѣ слишкомъ 30 лѣтъ (1855—1886 гг.) въ разныхъ изданіяхъ преимущественно славянофильскаго направленія. Разнообразіе затронутыхъ авторомъ темъ свидѣтельствуетъ объ его широкомъ и глубокомъ научно-философскомъ и литературномъ образованіи".

Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ (род. въ 1824) былъ питомецъ московской духовной академіи; кончивъ тамъ курсъ въ 1848, онъ былъ оставленъ при академіи баккалавромъ (по тогдашнему университетскому, адъюнктомъ) по каѳедрѣ герменевтики и ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ. Содержаніе и направленіе его академическихъ чтеній такъ передаетъ одинъ изъ его слушателей, протоіерей Гр. П. Смирновъ-Платоновъ:

„Проводимая имъ идея Православія, какъ такой идеальной основы религіозной жизни, которая не даетъ мѣста никакимъ сдѣлкамъ съ существующими исповѣданіями и которая, отрицая всякія отступленія отъ нормы, сказалась доселѣ преимущественно отрицаніемъ религіозной догматики и практики во всѣхъ исповѣданіяхъ, но сама еще не раскрылась во всей полнотѣ, желанной для современной мысли и жизни, эта идея нашла доступъ въ студенческомъ разумѣ и установила многихъ въ пониманіи. Самостоятельная жизнь Востока и Запада, носившая слѣды рѣзкаго различія съ самаго начала, неизбѣжно привела къ раздѣленію церквей съ того времени, какъ оказалось нужнымъ все догматизировать и формулировать. И Востокъ и Западъ—въ своеобразномъ теченіи жизни оставались правы: вина раздѣленія и еще больше вина раздраженія, достигавшаго до взаимнаго озлобленія, падала на немногихъ лицъ, которыя отъ себя самихъ пытались соединять несоединимое и вступать въ жаркую полемику. На лекціяхъ раскрывалась идея свободы совѣсти и въ сознаніе слушателей вводилось начало терпимости. Лекціи сосредоточивались потомъ на исторіи русскаго раскола вообще и особенно на исторіи русской полемической литературы. Бытовая сторона раскола, на которую совсѣмъ почти не обращали вниманія наши дѣятели, составляла жизненную стихію лекцій нашего наставника; исторія русской полемики, съ одной стороны очень раздраженной, съ другой—неумѣлой и курьезной, и то

и другое по необходимости — вслѣдствіе того, что на одной сторонѣ преобладало убѣжденіе, а на другой оффиціальность, освѣщалась новымъ свѣтомъ, давала на каждомъ шагу свѣжіе матеріалы, увлекала слушателей".

Самъ Гиляровъ въ письмѣ къ И. Ѳ. Романову вспоминалъ, что „вѣщанія его выслушивались съ каѳедры буквально затаивъ дыханіе: паденіе волоса, казалось, было слышно".

Но чтенія Гилярова-Платонова прекратились въ 1855 году, „не по его волѣ"; въ 1856 онъ получилъ мѣсто цензора въ московскомъ цензурномъ комитетѣ, гдѣ пробылъ семь лѣтъ. Почему собственно Гиляровъ-Платоновъ долженъ былъ оставить каѳедру въ академіи, біографія кн. Шаховского не объясняетъ. Приводятся только слова одного изъ друзей Гилярова: „спасибо Филарету, что Гиляровъ не остался профессоромъ академіи. Цензорскія обязанности познакомили его съ практикой жизни, съ такими вопросами и людьми, которые навсегда остались бы чужды для профессора академіи. Цензура спасла его и отъ односторонности партіи". Это не совсѣмъ понятно, да, кажется, и не вѣрно. Профессору академіи, при доброй волѣ, ничто не мѣшало близко познакомиться съ жизнью и предохранить себя отъ „односторонности партій". Гиляровъ, несмотря на цензорство, а можетъ быть благодаря ему, остался въ концѣ концовъ одностороннимъ... Передъ тѣмъ, въ той же біографіи читаемъ, что „оставайся Гиляровъ-Платоновъ профессоромъ академіи, онъ, вѣроятно составилъ бы себѣ громкое имя въ области разработки богословскихъ наукъ и въ частности въ сферѣ изученія раскола. Этотъ путь повидимому болѣе всего привлекалъ Гилярова, который время своей профессорской дѣятельности *всегда* называлъ лучшимъ временемъ своей жизни". И еще раньше въ біографіи замѣчено, что, когда ему поручены были въ академіи чтенія по русскому расколу, онъ „явился первымъ ученымъ, давшимъ тонъ и направленіе въ этой новой наукѣ".

Такимъ образомъ, удаленіе изъ академіи не дало Гилярову возможности слѣдовать именно его настоящимъ интересамъ: онъ не занялъ въ богословской литературѣ того положенія, о какомъ говоритъ его біографъ. Къ сожалѣнію, не находимъ въ біографіи частностей его удаленія изъ академіи; но думается, что здѣсь можно вспомнить характерныя замѣчанія С. М. Соловьева (въ его запискахъ) о способѣ отношеній митр. Филарета къ ученой средѣ московской духовной академіи,—напр., замѣчанія объ А. В. Горскомъ. Оставивъ академію и сдѣлавшись цензоромъ, Гиляровъ также пріобрѣлъ не много, ни въ житейскомъ опытѣ и благахъ, ни въ своей дѣятельности литературной. Въ концѣ жизни самъ Гиляровъ называлъ себя неудачникомъ, и это было справедливо. Его цензурная служба кончилась тѣмъ, что

онъ потерялъ мѣсто, навлекши неудовольствіе начальства за недостаточную строгость (между прочимъ онъ былъ особливо снисходителенъ къ славянофиламъ). Онъ состоялъ потомъ при министерствѣ просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій, потомъ нѣкоторое время управлялъ синодальною типографіей въ Москвѣ,—но и здѣсь не могъ удержаться при существовавшихъ отношеніяхъ. Оставивъ службу и здѣсь, Гиляровъ началъ свое послѣднее дѣло — изданіе газеты „Современныя Извѣстія", которыя онъ велъ почти двадцать лѣтъ. Но и изданіе закончилось неудачами. Въ числѣ ихъ онъ жаловался въ особенности на цензуру, которая преслѣдовала его запрещеніями розничной продажи. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ крайне тяжкихъ матеріальныхъ условіяхъ.

„Не рѣшившись прекратить изданіе „Современныхъ Извѣстій",— говоритъ его біографъ, — Гиляровъ продолжалъ перебиваться черезъ силу, подпадая все больше и больше подъ власть разныхъ хищниковъ-кредиторовъ. Имущество его было распродано съ аукціона по 5 копѣекъ за рубль („И. С. Аксаковъ въ его письмахъ". Т. IV, стр. 285). Онъ уже не могъ оставаться въ прежней большой и удобной квартирѣ и переселился въ меблированныя комнаты, противъ Румянцовскаго музея, гдѣ занималъ крошечное помѣщеніе. Тамъ цѣлые дни безвыходно проводилъ онъ, не сходя съ постели, иногда одѣтый въ шубу. Стоявшая рядомъ съ постелью керосиновая печка нагрѣвала комнату, въ которой двоимъ повернуться было негдѣ".

Незадолго до своей смерти онъ писалъ: „Я одинъ въ мірѣ. Я неудачникъ: вся жизнь моя неудачна именно отъ моего совершенно одинокаго самовоспитанія, отъ той боязни подпасть авторитетамъ, которою я вооружился съ 17-лѣтняго возраста. Отсюда необъятное недоразумѣніе... Сдѣлавшись редакторомъ ежедневной газеты, я принуждаю себя часто говорить дискантомъ, потому что своимъ голосомъ говорить—газетной публикѣ смѣшно... Меня хвалятъ, удивляются тузовымъ статьямъ. Но какое-то роковое недоразумѣніе стоитъ между мной и публикой, и не только публикой, но и ближайшими пріятелями"...

Гиляровъ правильно опредѣлилъ свое положеніе въ практической жизни и въ литературѣ, именно публицистикѣ. Дѣйствительно, недоразумѣніе было. Это былъ человѣкъ несомнѣнно даровитый, съ большими познаніями, во многихъ областяхъ съ настоящей ученостью, съ великой энергіей, въ публицистической дѣятельности часто смѣлый въ своей правдивости, искусный писатель,—и однако всему этому далеко не отвѣчалъ результатъ труда, на который онъ положилъ всѣ зрѣлые годы его жизни: не было ни результата матеріальнаго, потому что въ концѣ концовъ онъ оказался разореннымъ человѣкомъ,

ни даже нравственнаго—онъ чувствовалъ себя одинокимъ, онъ не оставилъ послѣдователей и продолжателей. И Гиляровъ опять вѣрно опредѣлилъ главный источникъ неудачи и недоразумѣнія — одинокое самовоспитаніе, къ которому принадлежала и „боязнь подпасть авторитетамъ". Это былъ умъ, сознававшій свою силу, но въ силу одиночества — теоретическій, высокомѣрный, а затѣмъ и односторонній: люди такого склада обыкновенно не выносятъ противорѣчія, не удостоиваютъ вникать въ понятія противника, и считая ихъ также личнымъ дѣломъ и личнымъ заблужденіемъ, сами теряютъ мѣрку для общественныхъ явленій. Послѣднее особенно опасно для публициста, а таковымъ именно хотѣлъ быть Гиляровъ. Отсюда шла его крайняя неровность. Онъ могъ написать прекрасную статью, вѣрно указывавшую извѣстное явленіе, и рядомъ—дать нѣчто странное, что̀ не укладывалось даже въ его точку зрѣнія. Его лучшія статьи могли дѣйствительно вызывать похвалы и сочувствіе, но онѣ являлись чѣмъ-то единичнымъ, анекдотическимъ,—и не оказывали дѣйствія. По уму и свѣдѣніямъ онъ могъ бы занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ нашей публицистикѣ, и однако не имѣлъ его.—По своимъ взглядамъ, онъ стоялъ всего ближе къ славянофиламъ, въ прежнее время къ Хомякову, впослѣдствіи къ И. С. Аксакову; изъ его писемъ (изданныхъ въ „Р. Архивѣ" 1889—90) видно, что именно Гилярову принадлежали многія статьи въ изданіяхъ Аксакова, считавшіяся статьями послѣдняго; но онъ питалъ сочувствіе и къ „Р. Вѣстнику". Какъ изданіямъ Аксакова, такъ, можетъ быть, еще больше изданію Гилярова недоставало простого, не предвзятаго взгляда и на самые общіе вопросы, и на совершавшееся броженіе общественной и политической жизни; изъ упрямой теоріи выходило отсутствіе безпристрастія и, наконецъ, непониманіе явленій, которыя онъ судилъ.

Въ біографіи кн. Шаховского приведено изъ изданной переписки И. С. Аксакова любопытное письмо его къ Гилярову по поводу отвѣта послѣдняго главному управленію по дѣламъ печати, въ февралѣ 1872: „Мнѣ нравится это ваше московское чудачество, это упорное вѣрованіе въ здравый смыслъ, это убѣжденіе, чуждое сомнѣнія, рефлексій, почти наивное—въ своемъ правѣ объяснять и растолковывать истину правительству. Но тамъ, въ Петербургѣ, Тимашевъ точно также убѣжденъ въ противномъ; мѣрка для здраваго смысла тамъ иная; и въ Петербургѣ, я думаю, если не вскипятъ на васъ гнѣвомъ и злобой, то потому только, что соблаговолятъ объяснить себѣ вашъ поступокъ патологически, или же такою наивностью, которая даже обезоруживаетъ. Записка очень хороша сама по себѣ, а какъ поступокъ она дѣлаетъ честь вашему нравственному существу, свидѣтельствуя о присутствіи въ васъ святого элемента младенчества. Это вы

думаете убѣдить Лонгинова, Петрова, Тимашева, Шидловскаго? Господи"!

Онъ считалъ себя приверженцемъ *свободы* мысли: „Я не только уважаю свободу мнѣнія, но даже иду въ этомъ дальше, нежели кто другой" (стр. X). Но это было не совсѣмъ такъ. Въ теоріи онъ это признавалъ, но въ другихъ словахъ его, приводимыхъ въ біографіи, можно видѣть, что эту свободу мнѣній (чужихъ) онъ весьма сокращалъ,—если не какъ цензоръ, то какъ публицистъ. Можетъ показаться страннымъ и другое. Въ своей газетѣ онъ, какъ и подобало человѣку разумному и благожелательному, хотѣлъ „содѣйствовать общественному воспитанію"; но онъ пишетъ при началѣ изданія одному изъ друзей, что между прочимъ его страшитъ слѣдующее: „трудно соблюсти извѣстную мѣру *пошлости*, необходимой для дешеваго изданія" (стр. XXXVI). Но одно изъ двухъ: не допускать пошлости, которая едва ли такъ необходима; или же не разсчитывать на читателей въ толпѣ, любящей пошлость, и предпринять, какъ Ив. Аксаковъ, изданіе, назначенное для людей съ извѣстнымъ уровнемъ просвѣщенія. Гиляровъ думалъ, будто бы для внушенія обществу „началъ мысли и гражданскаго долга нужно" непремѣнно „ниспуститься до публики, до нѣкоторой степени пожертвовать собою",—это опять было высокомѣрно, но вмѣстѣ странно и не нужно, и біографъ не скрываетъ, что въ газетѣ Гилярова бывали некрасивыя подробности во вкусѣ толпы (стр. LIV, LV),—повторимъ, вовсе ненужныя для воспитанія „началъ мысли и гражданскаго долга".

Литературная, и особливо публицистическая дѣятельность Гилярова, съ своей особой стороны, чрезвычайно любопытна для исторіи той нашей литературы, которая хотѣла прямо обращаться къ серьезнымъ общественнымъ вопросамъ: какія трудно одолимыя препоны встрѣчали вполнѣ искреннюю мысль даровитаго, въ существѣ консервативнаго писателя, и какъ въ то же время даже этому даровитому писателю не удалось показать своей „независимости" въ броженіи общественныхъ идей и интересовъ и сохранить то уваженіе къ свободѣ мнѣній, которымъ онъ хотѣлъ гордиться. Мысль собрать его сочиненія—весьма сочувственна; мы думали бы только, что для возможности нѣсколько полнаго изученія этого литературнаго характера было бы необходимо собрать его чисто публицистическія статьи. „Охарактеризовать въ нѣсколькихъ словахъ міровоззрѣніе Гилярова,—говоритъ біографъ (стр. XXXIX), — мы не считаемъ возможнымъ тѣмъ болѣе, что газетныя его статьи доселѣ еще не выбраны изъ газетныхъ листовъ, гдѣ онѣ скрыты отъ изученія, не систематизированы и не изданы". Въ послѣдніе годы жизни самъ Гиляровъ мечталъ собрать свои статьи, и теперь всего ближе сдѣлать это тѣмъ, кто въ настоя-

щемъ изданіи хочетъ сохранить его общественную и литературную память. Еслибы изданіе этихъ статей показалось слишкомъ обширнымъ, можно было бы дать по крайней мѣрѣ болѣе яркое и характерное, а остальное привести въ извлеченіяхъ или въ библіографическомъ указателѣ.

Къ изданнымъ въ настоящемъ томѣ сочиненіямъ Гилярова мы желали бы обратиться по выходѣ 2-го тома.

— **Воспоминанія о студенческой жизни. М. 1899. Изданіе общества распространенія полезныхъ книгъ.**

За послѣдніе годы въ нашей литературѣ обнаруживается вообще живой интересъ къ вопросамъ образованія и между прочимъ къ постановкѣ университетовъ. Вышло нѣсколько самостоятельныхъ сочиненій объ исторіи университетовъ на Западѣ; недавно вышла книга г. Богдановича объ университетахъ англійскихъ. Кромѣ общаго интереса къ исторіи науки и высшей школы, нашими изслѣдователями вѣроятно руководила мысль о положеніи нашей высшей школы. Въ самомъ дѣлѣ, эта школа до сихъ поръ не могла установиться. Въ противоположность нашей, высшая школа западная, еще отъ среднихъ вѣковъ, развивалась, въ каждой странѣ, изъ наличныхъ потребностей образованія и условій быта, и потому была съ самаго начала привычнымъ національнымъ учрежденіемъ, и если въ нравахъ и обычаяхъ школы бывали нѣкоторыя угловатости, онѣ не возбуждали тревоги: университетовъ было много; между прочимъ, напр., въ Германіи, они находились даже въ небольшихъ городахъ,—для жителей они составляли и доходную статью; бюргеръ не ужасался шалостей студента, потому что нѣкогда продѣлывалъ ихъ самъ; наконецъ, признавалось, что молодость имѣетъ право быть молодостью; но рядомъ съ этимъ шла серьезная научная работа, и слава ученаго профессора сообщалась университету и городу... Ничего похожаго не представляли наши университеты. Какъ вся наша образованность и литература съ XVIII в., они были пересаженнымъ растеніемъ. Уровень сообщаемой ими науки долго оставался элементарнымъ; профессоры даже до сороковыхъ годовъ бывали выписываемы изъ-за границы; обществу университеты бывали чужды; интересъ къ нимъ пришлось поднимать назначеніемъ чиновъ за окончаніе курса. Первый серьезный подъемъ университетской науки и образовательнаго вліянія относится не далѣе какъ къ тридцатымъ годамъ, когда въ министерство Уварова приняты были мѣры къ приготовленію русскихъ профессоровъ учрежденіемъ „профессорскаго института" въ Дерптѣ и посылкой за границу молодыхъ

ученыхъ. Съ другой стороны, долго не могъ установиться, и доселѣ не установился, внутренній бытъ университетовъ. Въ университетахъ, существующихъ (кромѣ московскаго) только съ начала столѣтія или основанныхъ еще позднѣе, нѣсколько разъ мѣнялись основные „уставы", иногда къ пользѣ, а въ послѣдній разъ къ прямому вреду университетской науки и внутренняго быта. Въ концѣ концовъ становятся сложнѣе и условія общественной жизни; тревожные запросы отражаются въ средѣ университетскаго юношества. Вопросъ объ университетахъ становится настоятельнымъ и требующимъ внимательнаго, и особливо правдиваго, изслѣдованія.

Любовью къ университетской жизни и преданію вызвана и настоящая книжка. Въ ней собраны университетскія воспоминанія слѣдующихъ лицъ: В. О. Ключевскаго—о С. М. Соловьевѣ, какъ преподавателѣ; П. Н. Обнинскаго—о студенческой жизни во второй половинѣ 50-хъ годовъ; Д. И. Свербеева — объ университетѣ послѣ двѣнадцатаго года; С. М. Соловьева — отрывокъ изъ записокъ; Ѳ. И. Буслаева; А. И. Кирпичникова; В. А. Гольцева; И. П. Деркачева; М. А. Митропольскаго.

Воспоминанія простираются, какъ видимъ, очень далеко. Записки Д. Н. Свербеева (нѣкогда участника въ кружкѣ сороковыхъ годовъ), диктованныя имъ въ послѣдніе годы жизни, восходятъ до 1813 года и рисуютъ старинный университетъ въ упомянутомъ элементарномъ состояніи русской науки; другія воспоминанія относятся къ сороковымъ, пятидесятымъ и началу шестидесятыхъ годовъ. Разсказы вообще очень любопытны для исторіи нашей науки и университетскихъ нравовъ. Они далеки отъ современной „злобы дня", но могутъ быть не лишены поучительности. Только г. Обнинскій отъ старыхъ временъ обратился къ новѣйшимъ и, разсказавъ о концѣ пятидесятыхъ годовъ, замѣчаетъ по поводу позднѣйшихъ явленій университетскаго быта: „Все измѣнилось въ этой печальной эволюціи: и профессора, и студенты, и программы преподаванія. Профессорамъ приходилось уходить на заграничныя каѳедры, въ адвокатскую корпорацію, или въ литературу" (стр. 59)...—Т.

Въ теченіе мая мѣсяца, въ Редакціи были получены слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бліохъ, И. С.—Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы. Спб. 99. Стр. 41.

——— Пораненія при современномъ оружіи. Спб. 99. Стр. 56.

Богдановичъ, Л. А.—Иностранные университеты. Вып. I. Университеты Англіи и годы студенчества его знаменитыхъ людей. М. 99. Стр. 252.

Волинъ, В.—Спинова. Съ портр. Перев. п. р. П. Струве. Спб. 99. Стр. 186. Ц. 80 к.

Бонка-Бруевичъ, Вл.—Избранныя произведенія русской поэзіи. Спб. 99. Стр. 675. Ц. 2 р.

Брандтъ, Б. Ф.—Иностранные капиталы; ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Ч. II. Иностранные капиталы въ Россіи. Металлургическая и каменноугольная промышленность. Спб. 99. Стр. 419. Ц. 2 р. 50 к.

Браузеръ и *Шпеннратъ*.—Руководство для кочегаровъ и надсмотрщиковъ за котлами и для преподаванія въ низшихъ техническихъ школахъ. Пер. съ нѣм. Вел. Остерманъ. Спб. 99. Стр. 155. Ц. 60 к.

Бугле.—Соціальныя науки въ Германіи. Современные методы. Перев. съ франц. В. Устюгъ, 98. Стр. 259. Ц. 80 к.

Бургонь, сержантъ.—Пожаръ Москвы и отступленіе французовъ въ 1812 г. Перев. съ франц. Л. Г. Спб. 99. Стр. 286. Ц. 1 р.

Венкстернъ, А. А.—А. С. Пушкинъ. Біографич. очеркъ. Изъ Альбома Пушкинской выставки 1880 года. М. 99. Стр. 178. Ц. 60 к.

Гартманъ, фонъ, Р. К.—По желѣзной дорогѣ отъ Туапсе до Сухума. Спб. 1899. Стр. 53. Ц. 30 к.

Гейгеръ, Людв.—Нѣмецкій гуманизмъ. Перев. съ нѣм. Е. Н. Викторовой. Подъ ред. проф. Г. В. Форстена. Спб. 99. Стр. 334. Ц. 1 р. 50 к.

Глинка-Янчевскій, С.—Пагубныя заблужденія. По поводу сочиненія К. Ф. Хартулари; „Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности". Спб. 98. Стр. 189. Ц. 1 р. 50 к.

Голицынъ, кн., Д. М. (Муравлинъ). Въ Петербургѣ. Спб. 99. Стр. 469. Ц. 1 р. 50 к.

Градовскій, А. Д.—Собраніе сочиненій. Т. II. Спб. 99. Стр. 492. Ц. 3 р.

Гюйо, М. — Собраніе сочиненій. Т. III. Задачи современной эстетики. Очеркъ морали. Спб. 99. Стр. 376.

Давидова, М.—Стихотворенія. Спб. 99. Стр. 135. Ц. 1 р.

Дехановъ, П.—Казенная винная монополія. Вып. IV. Ломжа. 99. Стр. 78.

Дмитріевъ, В. (В. Полочанинъ).—Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Драм. стихотвор., въ 5 д. Од. 99. Стр. 84. Ц. 50 к.

Д'Эрвильи, Э.—Приключенія до-историческаго мальчика. Перев. съ франц. А. Мазіеръ. Съ рис. Спб. 99. Стр. 191. Ц. 80 к.

Заломановъ, Н. П.—Дворянское землевладѣніе и мѣры къ его сохраненію и развитію. Спб. 99. Стр. 48. Ц. 50 к.

Ивановъ, Ив. Ив.—Пушкинъ. Очеркъ. Съ 5 портр., 9 рис. и автографомъ. М. 99. Стр. 114. Ц. 25 к.

Иностранцевъ, А. А.—Геологія. Общій курсъ. Т. I: Современныя геологическія явленія. Петрографія и стратиграфія, съ 341 политипаж. въ текстѣ Изд. 3-ье. Спб. 99. Стр. 576. Ц. 4 р. 50 к.

Каллашъ, В.—Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. М. 99. XIV и 333 стр. Ц. 1 р.

Кардуччи, Дж.—Дантъ и его произведенія. Перев. съ итальян. П. Риттера. Харьк. 99. Стр. 52. Ц. 20 к.

Каро, Е.—Жоржъ-Зандъ. Перев. О. Н. Масловой. М. 99. Стр. 187. Ц. 60 к.

Карскій, М. Б.—Пушкинъ въ Тавридѣ. Симфероп. 99. Стр. 76. Ц. 25 к.

Карѣевъ, Н.—Исторія западной Европы въ новое время. Т. III: Исторія XVIII вѣка. Ч. 1: Старый порядокъ и новыя идеи. Вып. V. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 270. Ц. 1 р. 50 к.

Качурина, С.—Въ Варшавѣ. Лѣто въ Майоратѣ. Рыба. На окраинѣ. Спб. 99. Стр. 272. Ц. 1 р.

Кейнсъ, Джонъ Невилль. Предметъ и методъ политической экономіи. Переводъ съ англ. А. Гуковскаго, съ предисл. А. Мануилова. Научно-образовательная библіотека. М. 99. Стр. 278. Ц. 50 к.

Комарскій, Ф. С.—Семейный университетъ. Собраніе популярныхъ лекцій для самообразованія. Курсъ первый. Вып. II. Спб. 99. Ц. по подпискѣ, за 5 вып. перваго курса, 10 р.

Конради, Е. И.—Сочиненія, съ портретомъ и съ біографическимъ очеркомъ. Въ 2 том. П. р. М. А. Антоновича. Т. I. Исповѣдь матери. Спб. 99. Стр. 535. Ц. 1 р. 75 к.

Кориневскій, Аполлонъ.—„Бывальщины" и „Картины Поволжья". Спб. 99 2-е изд. Стр. 304. Ц. 2 р.

Кэрръ, Р.—Телеграфъ безъ водопроводовъ. Перев. съ англ. П. Полякова и А. Бѣлова. Спб. 99. Стр. 77. Ц. 60 к.

Ламанскій, С. И.—Замѣчанія на новый проектъ узаконеній о торговыхъ мѣрахъ и вѣсахъ. Спб. 99. Стр. 50 к.

Ляшенко, А.—Къ исторіи русскаго романа. Публицистическій элементъ въ романахъ Ѳ. А. Эмина. Спб. 98. Стр. 18.

Леонардъ, Н.—Новый торговый и промышленный Уставъ, съ относящимися къ нему законоположеніями, распоряженіями и разъясненіями. Спб. 99. Стр. 175. Ц. 1 р.

Люксембургъ, Роза., д-ръ государств. наукъ. — Промышленное развитіе Польши. Перев. съ нѣм. Ф. Гурвича. Спб. 99. Стр. 101. Ц. 50 к.

Люри, С. А.—Функція слухового аппарата въ школьномъ возрастѣ. Спб. 99. Стр. 109.

Майковъ, Л.—Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина. Спб. 99. Стр. 462. Ц. 1 р. 50 коп.

Мутеръ, Р.—Исторія живописи въ XIX в. Перев. З. Венгеровой. Спб. 99. Стр. 84, съ рис.

Невзоровъ, Н.—Къ біографіи А. С. Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и др. малоизвѣстныхъ источниковъ. Спб. 99. Стр. 20. Ц. 40 к.

Никольскій, В. В.—Идеалы Пушкина. Актовая рѣчь. Съ приложеніемъ статей того же автора: „Жобаръ и Пушкинъ", и „Дантесъ-Гекеренъ". Спб. 99. Стр. 137. Ц. 75 к.

——— Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина. Критич. очеркъ. Спб. 99. Стр. 82. Ц. 75 к.

Нитче, Фр.—Происхожденіе трагедіи. Перев. съ нѣм. Н. Поливанова. Спб. 99. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.

Новиковъ, Александръ.—Записки земскаго начальника. Спб. 99. Стр. 240. Ц. 1 р. 50 к.

Оболенскій, Л. Е.—Изложеніе и критика идей нео-марксизма. Спб. 99. Стр. 144. Ц. 1 р.

Осиповъ, Е. А., *Поповъ*, П. В., и Куркинъ, П. И.—Русская земская медицина. Съ картами, планами и діаграммами. М. 99. Стр. 340. Ц. 3 р.

Пентюховъ, И. И.—О народномъ врачеваніи въ Закавказскомъ краѣ. Тифл. 99. Стр. 28. Съ рис. Ц. 30 к.

——— Вліяніе малярія на колонизацію Кавказа. Тифл. 99 Стр. 59.

Пинскеръ, Л. С.—„Авто-эмансипація“. Призывъ русскаго еврея къ своимъ соплеменникамъ. Перев. И. Ш. Од. 99. Ц. 15 к.

Плансонъ, А.—Сословія въ древней и современной Россіи, ихъ положенія и нужды. О центрѣ. Спб. 99. Стр. 118.

Позднѣевъ, А.—Монголія и Монголы. Результаты поѣздки въ Монголію, исполненной въ 1892—93 г. Т. II. Дневникъ и маршрутъ 1893 г. Спб. 99. Стр. 516.

Полиновскій, М. Б.—Въ желтомъ домѣ. Сцена-монологъ. Од. 99. Стр. 99.

Потапенко, И.—Свѣтлый лучъ. Романъ. Спб. 99. Стр. 327. Ц. 1 р.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга, 30 мая 1899 г. Съ портретами и иллюстраціями. По порученію Городской Коммиссіи по народному образованію, составилъ В. П. Острогорскій. Спб. 99. Стр. 424. Ц. 50 к.

Рибо, Т.—Философія Шопенгауера. Перев. съ франц. Э. К. Ватсона. Спб. 99. Стр. 148. Ц. 50 к.

Розановъ, В. В. Литературные очерки. Сборникъ статей. Изданіе П. Перцова. Спб. 99. Стр. 285. Ц. 1 р.

Сапожниковъ, Д.—Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Спб. 99. Стр. 40. Ц. 1 р.

Сикорскій, проф., И. А.—О вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность населенія Россіи. Кіевъ. 99. Стр. 96. Ц. 75 к.

Слюсаренко, О. В.—Указатель текущей педагогической литературы за 1898 г. М. 99. Стр. 201.

Смирновъ, А. В.—Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на разныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. 3. Губ. гор. Владиміръ. 98. Стр. 286. Ц. 1 р. 25 к.

Стефановскій, И. Н.—Учебный курсъ теоріи словесности. Бѣлгородъ. 99. Стр. 149. Ц. 1 р.

Телешовъ, Н.—Повѣсти и разсказы. М. 99. Стр. 282. Ц. 1 р.

Тихоновъ, Вл. А.—Пустоцвѣтъ. Въ деревнѣ. Романъ. Спб. 99. Стр. 276. Ц. 1 руб.

Фаусболль, д-ръ.—„Сутта-Нипата“. Сборникъ бесѣдъ и поученій. Буддійская каноническая книга. Русскій перев. Н. И. Герасимова. Спб. 99. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

Херошунъ, В.—Дворянскіе Наказы во Франціи въ 1789 г. Т. I. Соціальная и экономическая программа Наказовъ. Од. 99. Стр. 604.

Хорунженкова, С.—Характеристика холодильныхъ машинъ и о примѣненіи холода. Спб. 99. Стр. 23. Ц. 50 к.

Цомакіонъ, А. И.—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Біографическій очеркъ. Подъ ред. проф. А. И. Кирпичникова. Од. 99. Стр. 74. Ц. 10 к.

Шимкевичъ, П.—Практическое руководство для ознакомленія съ нарѣчіемъ туркменъ Закаспійской области. Асхабадъ. 99. Стр. 168. Ц. 1 р. 25 к.

Юрьевъ, Н. А.—Наше время и его задача. М. 99. Стр. 26. Ц. 25 к.

Andler, Charles.—Le prince de Bismarck. Paris, 1899. Стр. 400. Ц. 3 фр. 50 сант.

Bastin, J.—Les doublets dans la langue française. Од. 99. Стр. 71. Цѣна 45 коп.

— Congrès Géologique international. Compte rendu de la VII Session, St.-Pét. 99 г. Стр. 367 и 344.

Kistiakowski, Dr. Th.—Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie. Berlin, 1899. Стр. X+205. Ц. 4 марки.

Notovitch, Nicolas.—La pacification de l'Europe et Nicolas II. Par. 99. Стр. 183. Pr. 5 fr.

Tourneux, Maurice.—Diderot et Catherine II. Avec un portrait en héliogravure. Paris, 1899. III и 601 стр. Ц. 7 фр. 50 с.

Zabel, Eugen.—Alexander Puschkin. Zu seinem hundertjährigen Geburtstage. Berl. 99. Separatabdruck. Deutsche Rundschau. Berl. 99.

— Архивъ кн. Куракина. Кн. 8. Спб. 99. Стр. 510. Ц. 3 р.

— Вопросы науки и общественной жизни. Вып. II: Философія и Психологія, д-ра Гюттлера, перев. съ нѣм. Вып. III: О понятіи общаго образованія, Шуберта-Зальдерна. Перев. съ нѣм. Вел. Устюгъ. 99. Стр. 44 и 30. Ц. по 25 к.

— Воспоминанія о студенческой жизни В. Ключевскаго, П. Обнинскаго. Д. Свербеева, С. М. Соловьева, А. И. Кирпичникова, В. Гольцева, Ѳ. Буслаева и др. М. 99. Стр. 270.

— Дешевая Библіотека: № 201. В. Г. Бѣлинскій. Ч. I: Обзоръ русской литературы отъ Ломоносова до Пушкина. Спб. 99. Стр. 274. Ц. 20 к.—№ 202: Ч. II: А. С. Пушкинъ. Спб. 99. Стр. 400. Ц. 25 к.—№ 203. Стихотворенія Н. М. Языкова. Т. I и II. Спб. 99. Стр. 376 и 166. Ц. за 2 т. 40 к.

— Естественно-историческій Атласъ. Состав. Л. Ю. Шмидтъ и И. В. Палибинъ. Изд. О. Н. Поповой. Вып. 1.

— Изданія О. Н. Поповой: 1) Очерки по міровѣдѣнію, А. Бернштейна; 2) Нефедовскій починокъ, разск. Н. Наумова; 3) Матроска, разск. К. Станюковича; 4) Смерть Ивана Ильича, разск. гр. Л. Н. Толстого; 5) Дерево и его жизнь, Д. Кайгородова; 6) Тамань, разск. М. Ю. Лермонтова; 7) Недоросль, ком. ф. Визина; 8) Думы и пѣсни, сборн. для юнош. въ 2 вып.; 9) Земля и человѣкъ, по Эл. Реклю; 10) Пѣсни Беранже; 11) Мцыри, поэма М. Ю. Лермонтова; 12) Нѣмецъ въ плѣну у французовъ, Г. де-Мопассана; 13) Русланъ и Людмила, А. Пушкина; 14) Демонъ, М. Лермонтова; 15) Поэты-крестьяне—Суриковъ и Дрожжинъ; 16) Степанъ Дубковъ, разск. Ф. Нефедова. Спб. 98—99 г.

— Къ вопросу о распространеніи разбрасыванія грязи резиновыми шинами. Спб. 99. Стр 22.

— Къ дѣлу умиротворенія, возбужденному нотою 12 августа 1898 г. Воронежъ. 99. Стр. 15. Ц. 10 к.

— Научная Дешевая Библіотека: Вильямъ Шекспиръ, соч. Эд. Энгеля. Перев. съ нѣм. Ѳ. Черниговецъ. Спб. 99. Стр. 143.—Исторія англійской литературы, К. Вейзера. Перев. съ нѣм. Спб. 99. Стр. 203.—Очеркъ электрическихъ явленій и ихъ примѣненіе къ практической жизни, Д. Мёнро. Спб. 99. Стр. 194.

— Научно-образовательная библіотека: Вып. 4 и 5. Вымершія чудовища. Гетчинсона, перев. М. Павловой, съ предисл. проф. А. П. Павлова. М. 99. Ц. по 12 к.

— Научно-популярная библіотека для народа: № 5. Невидимые друзья и враги людей, В. Лункевича. Спб. 99. Стр. 64. Ц. 16 к.—№ 6. Зеленое царство, бесѣды о томъ, какъ живетъ растеніе, того же авт. Спб. 99. Ц. 16 к.—№ 9. Два великихъ царства природы, того же авт. Спб. 99. Ц. 25 к.

— Новая Библіотека Суворина: № 41. Невинная жертва, Г. д'Аннунціо. Перев. М. Иванова. Спб. 99. Стр. 322.—№ 43. Исчезнувшія тѣни, ром. Ант. Фогаццаро. Спб. 99. Стр. 407. Ц. 60 к.

— Поэты—поэту. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ. Съ предисловіемъ составителя И. И. Божерянова и иллюстраціями. Спб. 99.

— Пушкинскій Сборникъ. 1799—1899. Подъ ред. Д. И. Тихомирова М. 99. Стр. 280.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Henry Becque (1837—1899). La Parisienne. Les Corbeaux. La Navette. Enfant Prodigue. Michel Pauper. Par. 99.

Недавно (12 мая. н. с.) умеръ въ Парижѣ писатель, занимавшій совершенно особое положеніе среди своихъ современниковъ. Онъ писалъ чрезвычайно мало и составлялъ этимъ исключеніе во французской литературѣ. Произведенія всѣхъ видныхъ писателей во Франціи—драматурговъ, романистовъ, критиковъ, — считаются томами, въ то время какъ имя Анри Бека связано лишь съ двумя пьесами для театра: „La Parisienne" и „Les Corbeaux"; третья комедія, „La Navette", гораздо менѣе извѣстна и является, въ сущности, варіаціей на основную тему „Parisienne". Двѣ другія, очень посредственныя, пьесы: „Michel Pauper" и „Enfant Prodigue", нѣсколько фельетоновъ въ „Figaro" и въ „Journal", собранные въ „Souvenirs d'un auteur dramatique", полемическія статьи противъ Сарду, Сарсэ и нѣкоторыхъ другихъ представителей общественнаго мнѣнія во Франціи,—вотъ все литературное наслѣдіе писателя, который пользовался большой, и не случайной, славой, хотя и шелъ большей частью противъ теченія, не примыкая ни къ одной изъ смѣняющихся литературныхъ школъ. У Анри Бека было множество враговъ. Его талантъ и его манеру оспаривали съ необычайнымъ ожесточеніемъ такіе критики, какъ, напр., Францискъ Сарсэ; между ними дѣло дошло даже до суда, — и однако тотъ же Францискъ Сарсэ, за нѣсколько дней до смерти Анри Бека, утверждалъ въ печати, что „Parisienne" и „Les Corbeaux"—двѣ величайшія пьесы французскаго театра въ XIX вѣкѣ. По странной ироніи судьбы, Сарсэ, отравлявшій душевный покой чувствительнаго, вспыльчиваго Бека, пережилъ всего на нѣсколько дней своего бывшаго противника—и отчасти жертвы. Смерть снова сплела ихъ имена для современниковъ, и газеты съ обычнымъ равнодушіемъ говорятъ теперь о двухъ отошедшихъ на вѣчный покой бойцахъ и ставятъ рядомъ ихъ имена, объединенныя смертью.

Анри Бекъ, несомнѣнно,—крупный писатель. Но будущія поколѣнія, имѣя передъ собой только его комедіи, съ трудомъ поймутъ, чѣмъ авторъ „Parisienne" болѣе всего увлекалъ своихъ современниковъ.

Рѣдкій писатель вкладываетъ такъ много личнаго темперамента въ объективное творчество, какъ Анри Бекъ. Вся его жизнь, всѣ увлеченія, всѣ совершенные имъ въ пылу негодованія (Бекъ негодовалъ всю свою жизнь) поступки, обличаютъ своеобразную личность,—и тѣ же свойства боевой натуры гармонично воплощаются въ его немногихъ пьесахъ.

Въ „уравновѣшенномъ" Парижѣ все,—даже уклоненія отъ правилъ жизни и протесты противъ законовъ божескихъ и человѣческихъ,—укладывается тотчасъ же въ извѣстные шаблоны и получаетъ окраску будничности и корректности. Бекъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ исключеній,—индивидуальность натуры брала у него верхъ надъ сглаживающимъ вліяніемъ культуры, и онъ съумѣлъ прожить свою сравнительно долгую жизнь отщепенцемъ среди общества, которое, однако, признавало и высоко ставило его талантъ и его умъ. Анри Бекъ жилъ и умеръ бѣднякомъ. Когда онъ опасно заболѣлъ, его друзья—Эдмондъ Ростанъ и Монтескью—помѣстили его въ лечебницу; самъ онъ не въ состояніи былъ внести нужную плату. Когда онъ умеръ въ лечебницѣ, и сдѣланъ былъ осмотръ его скромнаго холостого жилища, тамъ нашли единственную цѣнную вещь: рукопись четырехъ актовъ драмы: „Les Polichinelles" (Бекъ около 10 лѣтъ собирался написать послѣдній актъ и такъ до самой смерти не успѣлъ этого сдѣлать). Все остальное въ неряшливой комнатѣ, со случайной мебелью и разрозненными томами разныхъ сочиненій на книжныхъ полкахъ, напоминало временное жилище студента, а не очагъ писателя, каждое слово котораго повторялось въ артистическихъ и свѣтскихъ салонахъ. Бѣдность, въ которой жилъ и умеръ Бекъ, и съ которой онъ тщетно боролся, постоянно жалуясь на судьбу, очень характерна для него. Онъ былъ „богемой", вѣчнымъ фрондёромъ, и ничто не могло его заставить вести упорядоченную жизнь. Одинъ только Верлэнъ изъ всѣхъ его современниковъ проникнутъ былъ такой же стихійной силой протеста противъ регулярной жизни и работы. Въ сущности, требовалось большое внутреннее сопротивленіе противъ внѣшнихъ благъ жизни, чтобы оставаться „богемой" и озлобленнымъ бѣднякомъ при томъ успѣхѣ, которымъ пользовался Анри Бекъ среди высшей французской интеллигенціи. Во Франціи трудно, быть можетъ, пробиться въ литературѣ среди ожесточенной борьбы честолюбій, но зато нигдѣ писатели съ именемъ не пользуются такимъ блестящимъ положеніемъ, какъ тамъ. Анри Бекъ имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ хотя бы на примѣрѣ своего друга, тоже драматурга, Ростана. Анри Бекъ имѣлъ достаточно случаевъ вступить на путь успѣховъ — не только нравственныхъ, но и матеріальныхъ; „Figaro" и „Journal" добивались его сотрудничества, соблазняя его самыми блестящими условіями. Но упрямый „богема"

пользовался газетами только для полемики со своими литературными противниками—и отклонялъ дальнѣйшія предложенія. Ему не нравилось то, что̀ онъ писалъ, и онъ не считалъ себя журналистомъ, несмотря на признаніе его таланта другими.

Но и въ области драмы авторъ „Parisienne“ имѣлъ полное основаніе ожидать, что каждая его вещь будетъ событіемъ для французскаго театра, возбуждая громкое негодованіе однихъ, искреннее и восторженное сочувствіе другихъ. А между тѣмъ Анри Бекъ оставался десятки лѣтъ авторомъ двухъ знаменитыхъ пьесъ; успѣхъ не окрылялъ его для дальнѣйшаго творчества. Онъ задумывалъ новыя комедіи, писалъ девять лѣтъ новую пьесу и оставилъ ее безъ заключительнаго акта. Въ трудолюбивомъ Парижѣ, гдѣ Зола̀ и Дюма сооружали себѣ неутомимыми трудами обширные храмы славы, Анри Бекъ позволялъ себѣ роскошь лѣниться и быть въ нуждѣ; этимъ онъ воспитывалъ и укрѣплялъ въ себѣ, безсознательно, быть можетъ, пламя негодованія, составляющее основу его таланта. Свой рѣзкій умъ, безпощадную наблюдательность и скептическій складъ мыслей онъ проявлялъ самымъ, въ сущности, непроизводительнымъ образомъ въ разговорахъ, въ устныхъ отзывахъ о разныхъ людяхъ, въ жестокихъ эпиграммахъ, которыя быстро распространялись, создавая Анри Беку непримиримыхъ враговъ и не содѣйствуя ничуть его литературной дѣятельности. Онъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ „злыхъ языковъ“ въ Парижѣ; его боялись, отъ него всегда ждали протестовъ фрондёрства, и такимъ онъ былъ, благодаря странной смѣси лѣности, недовѣрія къ своимъ собственнымъ силамъ и острому уму. Эпиграммы и остроты, направленныя противъ современниковъ, противъ ничтожности всего, что̀ имѣетъ успѣхъ въ жизни, давали ему непосредственное удовлетвореніе, и онъ предпочиталъ ихъ потому литературному творчеству, требующему усидчивости и труда — качествъ, наиболѣе чуждыхъ Беку, „богемѣ“ по природѣ. Напрасно его увѣряли, что растрачиваемое имъ остроуміе составило бы неистощимый источникъ успѣха для журналиста или драматурга, обобщающаго личныя настроенія и дѣлающаго изъ нихъ извѣстные выводы; Бекъ продолжалъ громить враговъ—иногда даже воображаемыхъ, на словахъ,—заводилъ процессы, произносилъ рѣчи, ставилъ себя въ смѣшныя положенія совершенно неумѣстными иногда вспышками гнѣва, и выходилъ изъ такихъ столкновеній еще болѣе озлобленный, съ оскорбленнымъ самолюбіемъ. Внѣшность Анри Бека соотвѣтствовала его роли и была какъ бы комментаріемъ къ его драмамъ и комедіямъ, нарушавшимъ душевный покой французскихъ буржуа и ихъ защитниковъ въ литературѣ. Большой энергичный лобъ, коротко остриженные, щетинистые сѣдые волосы, моложавый цвѣтъ лица, свѣтлые глаза, короткіе жесткіе усы.

придавали ему воинственный видъ, дѣлая его похожимъ на военнаго въ отставкѣ. Не только въ бесѣдѣ съ другими, но и наединѣ, Анри Бекъ постоянно жестикулировалъ, обращая на себя вниманіе сосѣдей въ ресторанахъ или на улицѣ. Онъ самъ разсказывалъ, что писалъ всегда свои пьесы передъ зеркаломъ, продѣлывая движенія воображаемыхъ дѣйствующихъ лицъ, чтобы напасть такимъ образомъ на самые естественные и вполнѣ соотвѣтствующіе дѣйствію обороты рѣчи.

Такова была личность умершаго драматурга—озлобленнаго „богемы", обреченнаго на тщетное исканіе жизненныхъ благополучій, которыя отвергалъ его мятежный духъ. Комедіи Бека отразили всю сложность этой натуры. Единственная отрада для него—обличеніе, единственный способъ дѣйствія—иронія. Анри Бекъ сталъ родоначальникомъ новой школы французскаго театра. Крайнее реалистическое направленіе, создавшее репертуаръ „Théâtre Libre", вышло всецѣло изъ „Corbeaux", и никто не заходилъ такъ далеко въ смѣлой и острой наблюдательности, какъ Бекъ въ своихъ бытописательныхъ и психологическихъ пьесахъ. Онъ создалъ особыйв ысшій родъ ироніи—сравнительно съ юморомъ Александра Дюма. Во всѣхъ пьесахъ послѣдняго есть вводное лицо, слабо связанное съ общимъ теченіемъ событій—резонеръ, носитель убѣжденій и взглядовъ автора; онъ критикуетъ и судитъ людскія слабости и заблужденія. Анри Бекъ не судитъ своихъ героевъ извнѣ; иронія скрыта въ глубинѣ ихъ поступковъ и мыслей, и обнаруживается непосредственно, становясь тѣмъ самымъ неотразимо глубокой. Говоря о себѣ совершенно просто и искренно, дѣйствующія лица Анри Бека иронизируютъ надъ собой, не замѣчая этого. Особенно ясно это видно въ „la Parisienne". Сюжетъ и исполненіе одинаково проникнуты ироніей. Героиня пьесы увѣрена въ своей правотѣ, устраивая свой „ménage à trois" такъ, что всѣмъ, и ей самой, и ея мужу, и ея возлюбленному, живется спокойно и хорошо. Всѣ соединены, благодаря ловкому обману. Мужъ довѣряетъ женѣ и не ревнуетъ ее; другъ дома менѣе увѣренъ въ добродѣтели своей возлюбленной—и беретъ въ союзники мужа, чтобы слѣдить за молодой женщиной и оберегать ее отъ опасностей внѣ дома. Но „Парижанка" умнѣе всѣхъ; она умѣло лавируетъ, побѣждая ревность своего возлюбленнаго довѣріемъ мужа. Блестящія сцены, созданныя изъ этихъ столкновеній и контрастовъ, изобилуютъ главнымъ образомъ смѣлыми ироническими „mots", которыя превращаютъ каждое положеніе въ источникъ жизненной правды. Такъ, напр., мудрая парижанка Клотильда возводитъ въ принципъ свой способъ дѣйствія: „Я люблю порядокъ, спокойствіе, твердые принципы", говоритъ она, не чувствуя ироніи въ своихъ словахъ. Въ концѣ пьесы Клотильда, побѣдившая ревность своего возлюбленнаго, говоритъ ему:

„Только довѣріе имѣетъ власть надъ женщинами“, — и тотчасъ же мужъ ея прибавляетъ: „Это и было всегда моей системой“,—слова, освѣщающія всю сцену неотразимой ироніей.

Другая пьеса Бека, „Вороны“, еще болѣе мрачна, еще болѣе проникнута безотрадными разсужденіями о жизни. Бекъ, подобно Бальзаку, былъ мучимъ мыслями о деньгахъ, и, подобно ему же, питалъ глубокую ненависть къ міру дѣльцовъ. Въ комедіи „Вороны“ онъ рисуетъ жадную стаю дѣльцовъ, набросившихся на беззащитную семью человѣка, который умеръ, не успѣвъ привести свои дѣла въ порядокъ. Иронія пьесы заключается въ томъ, что грабители и жертвы считаютъ положеніе дѣлъ нормальнымъ и стараются только сообразовать свои поступки съ требованіями даннаго положенія. У вдовы, которая попалась въ руки дѣльцовъ, есть дочь. Она можетъ спасти семью, если согласится стать женой самаго жестокаго изъ притѣснителей. Когда на человѣка нападаетъ стая хищниковъ, то нужно стать на сторону самаго злого изъ нихъ,—только такъ можно защититься отъ остальныхъ. Дѣвушка понимаетъ эту мудрость, не возмущается противъ нея,—и приноситъ себя въ жертву, просто, не считая себя героиней. Заключительныя слова старика, ставшаго женихомъ дѣвушки, подчеркиваютъ мрачную иронію всей пьесы. Онъ считаетъ, что онъ спасъ свою новую семью отъ „вороновъ“—забывая, что самый злой изъ этихъ вороновъ—онъ самъ.

Анри Бекъ въ этихъ двухъ пьесахъ намѣтилъ путь для современной реалистической драмы. Онъ изображаетъ дѣйствительность, отыскивая въ глубинѣ ея самой отрицаніе ея правоты. Внѣшнее иронизированіе резонеровъ Дюма расхолаживаетъ своей непричастностью къ событіямъ, своимъ чуждымъ правды холоднымъ любованіемъ красивыми словами. У Бека иронія исходитъ изъ глубины жизни, непроизвольно,—въ этомъ его сила и значеніе. Даже теперь, когда чисто реалистическая драма уступила мѣсто психологической, методъ Анри Бека имѣетъ много сторонниковъ и представителей. Быть можетъ, наиболѣе вѣрный его послѣдователь—нѣмецкій драматургъ Зудерманъ, въ своихъ общественныхъ драмахъ.

II.

Arthur Schnitzler. Der grüne Kakadu. Paracelsus. Die Gefährtin. Berlin. 1899. Стр. 178.

Молодой вѣнскій писатель, Артуръ Шницлеръ,—авторъ короткихъ разсказовъ и небольшихъ пьесъ салоннаго характера. Онъ не задается въ нихъ широкими психологическими задачами, останавливается на

случайныхъ явленіяхъ и скользитъ по поверхности жизни; но въ случайномъ и внѣшнемъ онъ отмѣчаетъ лишь черты, рисующія дѣйствительность въ ея самыхъ странныхъ, болѣзненныхъ и сложныхъ проявленіяхъ. Поэтому, несмотря на непритязательность его полуиронических, полусентиментальныхъ разсказовъ и сценъ, въ нихъ сквозитъ философское міросозерцаніе художника, его стремленіе найти объединяющее начало жизни, а въ немъ—примиреніе со всѣмъ случайнымъ.

Новая книга Шницлера имѣетъ еще болѣе опредѣленную философскую окраску, чѣмъ прежнія. Три одноактныя пьесы, составляющія ее, очень различны по фабулѣ. Въ одной разсказанъ эпизодъ изъ жизни алхимика Парацельза; другая рисуетъ психологію человѣка нашего времени; третья относится къ эпохѣ французской революціи. Но эти разнородные сюжеты объединены общей идеей—и въ этомъ главный интересъ книги. Мысль Шницлера менѣе всего нова; онъ коснулся вопроса, всегда занимавшаго умы и сердца, но онъ освѣтилъ его особымъ образомъ и пришелъ къ мудрому равновѣсію духа, хотя его исходный пунктъ—безотрадная истина. Въ этомъ уравновѣшенномъ и нѣкоторымъ образомъ жизнерадостномъ, или, во всякомъ случаѣ, примиренномъ пессимизмѣ—новизна и современность Шницлера.

Кальдеронъ высказалъ, въ глубочайшей изъ своихъ мистерій: „Жизнь есть сонъ", мысль объ относительности человѣческихъ дѣленій дѣйствительности и иллюзій, истины и воображенія. Онъ указалъ на болѣе таинственную правду, объединяющую и то, что мы зовемъ дѣйствительностью, и то, что намъ кажется сномъ, въ единое проявленіе невѣдомой намъ и лишь смутно угадываемой мудрости. Вопросъ о границахъ дѣйствительности и воображенія, о смыслѣ того, что намъ кажется несуществующимъ и въ чемъ скрыта столь же глубокая правда, какъ и въ очевидномъ, занималъ послѣ Кальдерона многихъ мыслителей и художниковъ. Въ литературѣ и въ искусствѣ нашего времени этотъ „вѣчный вопросъ" привился съ особенной силой, соотвѣтствуя возродившемуся стремленію познать противорѣчивыя силы духа и найти объединеніе ихъ внѣ реальной дѣйствительности. Новая литература, также какъ и живопись въ лицѣ Бёклина, Клингера, Штука и другихъ полу-романтиковъ, полу-мистиковъ, занята возстановленіемъ царства воображенія, противопоставленіемъ осязательному міру дѣйствительности столь же дѣйствительнаго хотя и неосязательнаго міра фантазіи. Весь Вилье-де-Лиль-Аданъ съ его восторженными и скептическими драмами и разсказами воплощаетъ собою вѣру въ творческую силу воображенія, въ дѣйствительность иллюзій.

Шницлеръ примыкаетъ къ этому протесту противъ обычныхъ дѣленій на „дѣйствительность и сонъ“. Но онъ подходитъ къ вопросу объ относительности дѣленія съ другой стороны, и поэтому болѣе близокъ къ Кальдероновскому мистицизму, несмотря на кажущуюся поверхностность и легкомысленность своихъ полусерьезныхъ пьесъ. Для него невозможность отдѣлить истину отъ иллюзіи чувствъ и пониманія—прежде всего глубокая трагедія, превращающая жизнь въ вѣчную загадку, лишающая человѣка увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ. Воображеніе и дѣйствительность, быть можетъ, одно и то же, и человѣку трудно, даже невозможно разобраться въ ихъ различіи. Но это убѣжденіе не ведетъ Шницлера къ радости художественнаго творчества, не побуждаетъ его презирать дѣйствительность во имя искусства. Онъ не считаетъ дѣйствительность презрѣнной. Онъ только чувствуетъ загадочность, останавливается на порогѣ дѣйствительнаго и возможнаго, и съ душой, открытой для всѣхъ возможностей, зорко всматривается въ происходящее. Это составляетъ индивидуальность Шницлера. Онъ реалистъ, рисуетъ жизнь, ея случайности и возможности; при этомъ, однако, взоръ его всегда устремленъ на загадочность того, что̀ есть. Онъ какъ будто заглядываетъ въ бездны и всегда стоитъ передъ жизнью съ вопросомъ на устахъ.

Скептическое разглядываніе дѣйствительности не исчерпываетъ особенностей Шницлеровской философіи. Онъ не только отмѣчаетъ контрасты, разнорѣчія,—онъ къ тому же постоянно стремится рѣшить задачу жизни, имѣя въ виду ея загадочность. Какъ жить, не зная, гдѣ правда? Пытаясь дать на это отвѣтъ, Шницлеръ становится моралистомъ, но въ чисто современномъ духѣ.

Онъ останавливается на философскомъ рѣшеніи, и оно примиряетъ его съ жизнью, хотя бы она и была полна мучительныхъ загадокъ. Нужно понять необходимость загадокъ, познать, что жизнь—игра, къ которой мы не имѣемъ ключа; нужно знать, что все въ этой игрѣ одинаково, ибо одинаково ведетъ къ невѣдомой намъ цѣли, и нужно, понявъ это, спокойно во все играть, ничему не отдавая предпочтенія, отказавшись отъ случайныхъ дѣленій на истину и ложь. Истиннаго дѣленія мы не знаемъ, и потому мудрость въ томъ, чтобы вѣрить и играть.

„Wir spielen immer; wer es weiss, ist klug“.
(Мы всегда играемъ. Тотъ мудръ, кто это знаетъ).

Это изреченіе, сильно напоминающее Кальдероновское: „жизнь есть сонъ“, служитъ объединяющей мыслью для всѣхъ трехъ пьесъ. Первая изъ нихъ, „Paracelsus“,—одноактная драма въ стихахъ. Парацельзъ достигъ громкой извѣстности своими такъ-называемыми чудесами, состоящими на самомъ дѣлѣ въ примѣненіи гипнотизма къ ле-

ченію нервныхъ болѣзней. Онъ пріѣхалъ показывать свое искусство на свою родину, въ Базель, гдѣ къ нему прежде относились съ презрѣніемъ и насмѣшками. Теперь, когда его слава облетѣла свѣтъ, и сограждане готовы принять его съ почестями. Ему позволяютъ безнаказанно глумиться на площади надъ докторами и шарлатанами и показывать преимущество своего искусства моментальными чудодѣйственными исцѣленіями. Онъ держится гордо и просто и утверждаетъ, что онъ—только „умнѣе другихъ". Въ Базель его привело воспоминаніе о его первой любви къ прекрасной Юстинѣ, которая, любя его, предпочла, однако, стать женой богатаго оружейника, и, по-своему, живетъ счастливо. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ ея мужъ, Кипріанъ. Узнавъ Парацельза, онъ зоветъ его къ себѣ и хвастаетъ своимъ благополучіемъ, любовью жены, богатствомъ. Надъ своимъ гостемъ онъ смѣется, зоветъ его шарлатаномъ. Кипріанъ—воплощеніе торжествующей жизненной дѣйствительности, которая горда своей осязательностью. Чтобы наказать самодовольнаго оружейника, Парацельзъ вноситъ смуту въ его душу. Нужно, чтобы онъ понялъ, что то, чего нѣтъ и что̀ только кажется, столь же властно надъ душой, какъ осязательная правда жизни. Парацельзъ усыпляетъ Юстину. Онъ внушаетъ ей раскаяніе въ томъ, что она измѣнила мужу, отдавшись влюбленному въ нее юношѣ. Парацельзъ предупреждаетъ Кипріана, что Юстина говоритъ во снѣ: „Это вѣдь сонъ, мой другъ, чистые пустяки, вы сами знаете. А вы—сама жизнь",—и прибавляетъ, видя зарождающіяся сомнѣнія Кипріана: „Я оставляю вамъ Юстину такой, какъ она теперь—невинной и все-таки виновной, потому что она вѣритъ въ свою вину; чистой и все-таки падшей, потому что она хранитъ въ памяти воспоминанія преступнаго пламени. Вотъ въ какомъ видѣ я оставляю вамъ вашу вѣрную супругу... Она чиста, и только для васъ она—не прежняя".

А между тѣмъ, когда Юстина предается печали и въ отчаяніи говоритъ о подробностяхъ своей измѣны, о стеченіи обстоятельствъ, когда она упрекаетъ своего мнимаго возлюбленнаго, сомнѣнія вкрадываются въ душу и увѣреннаго мужа, и самого Парацельза. Гдѣ граница возможнаго? Почему то, что̀ ей кажется, не могло бы и случиться на самомъ дѣлѣ? „Я только кудесникъ",—говоритъ Парацельзъ,—„она женщина". Чтобы разрѣшить сомнѣнія, Парацельзъ внушаетъ ей, чтобы она „до заката солнца" („вы будете радоваться наступленію вечера, даже если она лучшая изъ женщинъ",—говоритъ онъ мужу) была вполнѣ правдивой, болѣе чѣмъ когда либо въ жизни. И странныя, противорѣчивыя вещи раздаются тогда изъ ея устъ. Ея чистота и добродѣтель оказываются случайными, въ душѣ ея много грѣшныхъ желаній и любви къ тому, кого она отвергала изъ ложной

гордости („Кто знаетъ, сколько ночью открывается оконъ для тѣхъ, кто не приходитъ никогда“?). Она объясняетъ, какъ чуждъ ей былъ мужъ, и какъ она, вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ притворства любитъ его потому, что всегда побѣждаетъ присутствующій, а не далекій. Всѣ паденія и всѣ добродѣтели уживаются въ полнотѣ ея души, раскрытой какъ бы по волшебству. Показавъ призрачность вѣры и сомнѣній, добра и зла, Парацельзъ уходитъ, предоставляя людямъ разбираться въ игрѣ противорѣчій, составляющихъ жизнь. „Что̀ это—истина или игра?“—спрашиваетъ Кипріанъ, и Парацельзъ отвѣчаетъ:

„Игра, конечно. Чѣмъ другимъ оно могло бы быть?
Все, что̀ мы на землѣ творимъ,—игра,
Но смыслъ въ ней иногда, великій и глубокій.
Одинъ играетъ толпами солдатъ,
И тѣшится другой нелѣпымъ суевѣрьемъ.
Быть можетъ, звѣздами и солнцемъ кто-нибудь играетъ.
Я-жъ душами людей играю. А смыслъ
Найдетъ въ игрѣ лишь тотъ, искать кто станетъ.
Сливаются въ одно дѣйствительность и сонъ,
Ложь съ правдою. Нѣтъ несомнѣннаго ни въ чемъ.
О другихъ, и о себѣ мы ничего не знаемъ.
Мы всѣ всегда играемъ. Мудрецъ, кто это понимаетъ.

И въ этомъ примиреніи съ игрой, которая лишь кажется случайной, но на самомъ дѣлѣ скрываетъ глубокій смыслъ, заключается мораль Шницлера, или, вѣрнѣе, его созерцательное разрѣшеніе вопросовъ и загадокъ, возбуждаемыхъ совѣстью.

Второй актъ своеобразной трилогіи Шницлера: „Подруга жизни“ (Die Gefährtin)—психологическій этюдъ изъ современной жизни, основанный на контрастахъ того, что̀ есть и что̀ кажется, того, что̀ рисуетъ воображеніе, и что̀ даетъ жизнь. И то, и другое можетъ доставить лишь скорбь герою пьесы Шницлера, профессору Роберту Пильграму; но скорбь, которую онъ вообразилъ себѣ, благородна. Во имя красоты, во имя безкорыстной любви, онъ готовъ нести крестъ, но дѣйствительность оказывается болѣе безпощадной. Жизнь не печалитъ, а оскорбляетъ грязью и мелочностью. Въ этомъ ужасъ, но въ этомъ и освобожденіе. Шницлеръ обличаетъ дѣйствительность для того, чтобы показать, что нужно освобождаться отъ нея во имя внутренней правды. Герой пьесы знаетъ лишь свою правду, и сохраняетъ энергію жизни, пока иллюзія длится, пока ему не навязывается грубая внѣшняя правда, разбивающая то, что̀ должно быть. У профессора умерла молодая жена; онъ ее любилъ болѣе, чѣмъ это думаютъ окружающіе, и теперь, храня передъ гостями равнодушный видъ, онъ тѣмъ сильнѣе скорбитъ въ душѣ. Онъ знаетъ то, что̀ его друзья хотятъ скрыть, щадя его,—знаетъ, что жена, слишкомъ для

него молодая, предпочитала ему его молодого ассистента—и уже давно примирился съ этой, красивой на его взглядъ, молодой любовью. У него создалась въ умѣ цѣлая теорія о томъ, что жена его рождена для любви, а не для того, чтобы быть „спутницей и подругой“ въ жизни. Она предназначена судьбой для молодого, красиваго доцента,—и старый мужъ готовъ понять это. Теперь, когда она внезапно умерла, овдовѣвшій профессоръ понимаетъ, что горе ассистента должно быть сильнѣе и священнѣе его собственнаго, тѣмъ болѣе, что катастрофа наступила внезапно, въ отсутствіе молодого человѣка, уѣхавшаго на время. Профессоръ вызвалъ телеграммой ассистента и ждетъ его, готовый дѣлить его горе и утѣшать его. Но профессора ждетъ болѣе глубокое разочарованіе,—онъ узнаетъ другую, болѣе жалкую и жизненную правду. Его жена и его ассистентъ не любили другъ друга; ихъ легкомысленная связь была для обоихъ свѣтскимъ приключеніемъ, не освященнымъ привязанностью. Она знала, что у него невѣста; онъ видѣлъ въ ней веселую, случайную и временную подругу; она искала приключеній и веселья. Оказалось, что профессоръ со всѣми своими трагическими и возвышенными объясненіями создалъ себѣ несуществующій образъ. Его жена была для него совершенно невѣдомымъ существомъ, лишь случайно умершимъ въ его домѣ. Это открываетъ ему глаза на пропасть между дѣйствительностью и внутренней правдой. Онъ уходитъ изъ дома, гдѣ жилъ и страдалъ, согрѣтый только своими иллюзіями. Печаль его похоронена, связь съ прошлымъ порвана.

Наиболѣе полно освѣщена призрачность различій между дѣйствительнымъ и кажущимся въ третьей пьесѣ: „Der Grüne Kakadu“. Въ ней рисуется знатное общество времени французской революціи. У вырождающихся потомковъ знатныхъ родовъ нервы притуплены; они жаждутъ сильныхъ ощущеній. Твердо увѣренные, что жизнь имъ ихъ не дастъ, что „la canaille“—парижская толпа—не способна на серьезныя возмущенія и общественный порядокъ никогда не нарушится, они ходятъ въ кабачокъ „Зеленаго Попугая“. Тамъ мнимые преступники—на самомъ дѣлѣ актеры прогорѣвшей театральной труппы—разсказываютъ о совершенныхъ ими, будто бы, злодѣяніяхъ, и аристократы чувствуютъ особое удовольствіе отъ такого сообщества. Но событія сплетаются, и всѣ—зрители и участвующіе—теряютъ возможность различать истину и ложь. Лучшій изъ актеровъ переживаетъ въ дѣйствительности драму любви и ревности—но никто этому не вѣритъ. Когда же, увлекаясь придуманной имъ для себя ролью, онъ разсказываетъ о томъ, какъ онъ убилъ соперника, всѣ принимаютъ возможный случай за истинный,—и убійство, благодаря этому, совершается. Разсказъ громителей Бастиліи кажется заинтересованнымъ

слушателямъ удачной выдумкой, и первые крики свободы вызываютъ рукоплесканія тѣхъ, которые должны стать первыми жертвами. Маркиза, пришедшая зрительницей въ кабачокъ, увлекается окружающей ее атмосферой и присоединяется къ театральной богемѣ. Все перепутывается—представленія актеровъ и событія 14-го іюля 1789 года; получается странная атмосфера сліянія выдумки и дѣйствительности. На этотъ разъ воображеніе, игра актеровъ, побѣждены болѣе фантастичной дѣйствительностью; послѣдняя торжествуетъ, сплетая возможное и невозможное въ странную загадку. Опять сливаются границы дѣйствительнаго и возможнаго, и на историческомъ эпизодѣ, какъ и на случаѣ изъ жизни Парацельза, какъ на психологическомъ эпизодѣ изъ жизни современнаго человѣка, сбываются слова: „Wir spielen immer, und wer es weiss, ist klug"..

III.

C. Christomanos. Tagebuch-Blätter. Wien, 1899. Стр. 285.

Константинъ Христоманосъ былъ учителемъ греческаго языка покойной австрійской императрицы Елизаветы, и провелъ нѣсколько лѣтъ въ ея близости, сопровождалъ ее въ частыхъ ея путешествіяхъ, жилъ въ Корфу, въ знаменитомъ, волшебномъ по красотѣ зàмкѣ „Ахилеонъ". Послѣ трагической смерти императрицы, Христоманосъ издалъ въ видѣ воспоминаній свой дневникъ. Вышедшій томъ обнимаетъ впечатлѣнія и событія одного года, 1891—92, и описываетъ пребываніе императрицы въ Австріи—въ Инсбрукѣ, Вѣнѣ, въ зàмкѣ Мирамаре, путешествія по Адріатическому и Іоническому морю, жизнь въ Корфу. Судя потому, что этотъ томъ названъ „первой серіей", можно ожидать продолженія. Авторъ возсоздаетъ здѣсь своеобразный и обаятельный образъ женщины, судьба которой, также, какъ и весь складъ души, проникнуты глубокимъ трагизмомъ и странной мрачной красотой.

Книга Христоманоса вызвала оживленные толки въ нѣмецкой печати; она проникнута юношескимъ восторгомъ, переданнымъ съ подкупающей искренностью. Молодой учитель, читавшій императрицѣ Эсхила и Софокла въ оригиналѣ, учился у нея гораздо бòльшему, чѣмъ она у него,—и съ благоговѣніемъ внималъ ей, собирая всѣ ея изреченія, всѣ непосредственныя проявленія ея грусти. Нѣмецкая критика отмѣтила съ особымъ вниманіемъ поэтическій языкъ воспоминаній, постоянныя лирическія отступленія, постоянное сплетеніе картинъ природы съ угадываемой внутренней жизнью императрицы.

Едва ли, однако, эта сторона болѣе всего интересна въ книгѣ Христоманоса. Его лиризмъ нѣсколько наивенъ, его поэтическая образность—слишкомъ книжная; весь характеръ языка указываетъ скорѣе на тщательное изученіе древнихъ классиковъ, чѣмъ на непосредственное поэтическое чувство. Есть какая-то юношеская неловкость въ его приподнятомъ тонѣ,—и художественныхъ заслугъ за книгой Христоманоса признать нельзя.

Но психологически дневникъ его чрезвычайно любопытенъ. Авторъ изучалъ филологію въ вѣнскомъ университетѣ. Онъ самъ говоритъ о своей безотрадной юности, объ уединенной жизни. Физическое уродство—горбатая, искалѣченная фигура—дѣлало его еще болѣе нелюдимымъ. Во время экзаменовъ на докторскую степень онъ неожиданно получилъ приглашеніе стать чтецомъ и учителемъ греческаго языка у императрицы Елизаветы австрійской. Съ большой наивностью разсказываетъ онъ въ дневникѣ, какой переворотъ произвело въ его жизни это приглашеніе. „Видишь ли,—сказалъ онъ брату, прочтя письмо оберъ-гофмейстера императрицы,—развѣ я не правъ, когда говорю, что каждый разъ, когда звонитъ почтальонъ, судьба стоитъ у дверей и проситъ, чтобы ее впустили. О, какъ страшны секунды, когда судьба отдѣлена отъ своихъ жертвъ только деревянными досками двери“!

Христоманосъ описываетъ съ нѣкоторымъ юморомъ самый переходъ отъ студенческой жизни къ придворной, назойливое любопытство и восторги сосѣдей при видѣ придворной кареты, пріѣзжавшей за молодымъ „докторомъ“. Тонъ разсказа повышается, когда авторъ передаетъ впечатлѣнія первой встрѣчи и первыхъ уроковъ греческаго языка. Императрицѣ было болѣе пятидесяти лѣтъ, когда ее впервые увидалъ Христоманосъ, которому въ то время было 26—27 лѣтъ,—и все-таки обаяніе императрицы—первой европейской красавицы въ молодости—было такъ велико, что начало дневника—сплошной диѳирамбъ „непостижимой“ красотѣ ея, трагическому выраженію каждой черты, каждаго движенія, ея волосамъ. Описанія „черныхъ волнъ“, изъ которыхъ искусныя руки плели естественную корону на головѣ императрицы, напоминаютъ драмы Метерлинка. Какъ у героинь бельгійскаго мистика, волосы императрицы Елизаветы обладали какой-то таинственной красотой, связывали ее съ непонятной стихійной жизнью природы. Уроки греческаго языка происходили чаще всего въ то время, какъ спеціальныя мастерицы причесывали императрицу. Любуясь сама этой уцѣлѣвшей красой юности, императрица находила много вдумчивыхъ изреченій о красотѣ и о смыслѣ ея въ жизни. Послѣ описанія первыхъ встрѣчъ, переходя къ бесѣдамъ во время частыхъ переѣздовъ и пребыванія вдали отъ столицы, Христоманосъ

постепенно мѣняетъ тонъ записей. Онъ самъ отступаетъ на второй планъ, и сама императрица становится центромъ разсказа. Христоманосъ рисуетъ свою царственную ученицу не какъ очевидецъ придворной жизни; напротивъ того, онъ сразу отмѣчаетъ самую характерную черту императрицы Елизаветы—ея полную отчужденность отъ династическихъ интересовъ. Ея отношеніе къ государственнымъ дѣламъ рисуется въ нѣсколькихъ словахъ, записанныхъ ея учителемъ. „Во время урока,—разсказываетъ Христоманосъ,—вошелъ императоръ и, обратясь къ императрицѣ, заговорилъ съ ней по-венгерски. Въ разговорѣ императрица пожимала плечами, дѣлала гримасы, которыя очевидно смѣшили императора. Когда онъ вышелъ изъ комнаты эластичнымъ военнымъ шагомъ, она сказала мнѣ по-гречески: „Я занималась теперь политикой съ императоромъ. Я хотѣла бы быть полезной ему, но, кажется, мнѣ легче будетъ научиться по-гречески. У меня слишкомъ мало почтенія къ политикѣ, и она мнѣ кажется недостойной интереса"... Послѣ дальнѣйшихъ разсужденій о миссіи министровъ и разныхъ государственныхъ людей, она прибавила: „Все, что происходитъ, совершается по внутренней необходимости, потому что созрѣли обстоятельства, — дипломаты только констатируютъ факты".

Въ цѣломъ отдѣлѣ книги—„Laudes"—Христоманосъ воспѣваетъ душевный міръ императрицы. Въ немъ господствуетъ одна основная черта—грусть и отпечатокъ рока, тяготѣющій надъ всѣми словами и поступками. Отдѣльныя замѣчанія, переданныя Христоманосомъ, свидѣтельствуютъ о глубоко пережитой скорби, и даже не личной, а стихійной. „Мнѣ кажется,—говорила она по поводу современнаго театра,—что трагическіе конфликты дѣйствуютъ на душу не сами по себѣ, а чѣмъ-то, чего мы всегда ждемъ въ жизни и что намъ кажется осуществленнымъ въ данномъ случаѣ въ драмѣ. Въ сущности, мы всегда разочаровываемся, передъ нами всегда лишь самыя обыденныя страсти, но мы видимъ ихъ иными, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Насъ потрясаетъ не театральный трагизмъ, а болѣе глубокіе звуки, которые пробуждаются имъ въ нашемъ сердцѣ"... „Большинство людей боится узнать рѣшеніе судьбы и думаетъ, что невѣдѣніе спасаетъ отъ опасностей. Но вѣдь мы все-таки не перестаемъ стоять въ тѣни рока, и эта тѣнь высматриваетъ каждый уголокъ свѣта. Люди одинаковы не по духу, а по судьбѣ. Но иногда судьба выбираетъ одного изъ насъ для того, чтобы создать прекрасную поэму или для того, чтобы проглотить, какъ Эдипа, какъ Медею... Почитайте мнѣ завтра, пожалуйста, Эсхила".

Въ подобныхъ изреченіяхъ отражается исключительно-печальная душа, которая примирилась съ тѣмъ, что скорбь—необходимый эле-

ментъ жизни. Она любила уединеніе. „Она—самая одинокая изъ всѣхъ одинокихъ людей, и это нужно понимать не символически, а прямо. Для нея стало необходимостью, жизненной задачей—всегда оставаться извѣстную часть времени наединѣ съ собой. У нея была болѣзненная потребность быть одной и думать о своихъ тайнахъ"... Однажды, въ Корфу, Христоманосъ вышелъ предъ разсвѣтомъ на „лѣстницу боговъ" во дворцѣ и любовался сіяніемъ Сиріуса. „Вдругъ между колоннами бѣлаго дворца промелькнула тѣнь,—императрица приблизилась ко мнѣ быстрыми шагами, какъ черный ангелъ, оберегающій входъ въ рай, и сказала:—„Я всегда прихожу сюда передъ восходомъ солнца смотрѣть, какъ просыпается природа. Не приходите сюда въ этотъ часъ. Это—единственное время, когда я бываю одна". —Я молча удалился: мнѣ казалось, что я пережилъ на яву сказку о Мелюзинѣ.

Императрица Елизавета знаменита своей любовью къ путешествіямъ, своей страстью подниматься на горы. Въ дневникѣ Христоманоса выступаетъ психологическая сторона этой страсти къ передвиженіямъ, любовь императрицы къ размышленіямъ наединѣ, ея отчужденность отъ людей, спокойно-разочарованное отношеніе къ жизни, большая любовь къ природѣ и къ отраженной красотѣ, къ искусству. Она создала себѣ въ „Ахилеонѣ", въ глубокомъ уединеніи, волшебный міръ искусства, собрала тамъ сокровищницы красоты, древнія статуи, любимыя картины, воздвигла памятники любимымъ поэтамъ,—и отдыхала тамъ отъ жизни. При этомъ въ ней чувствуется не дилеттантская натура, не зрительница, а творческая мысль, которая по-своему понимаетъ отвлеченную мудрость жизни и духа.

Изъ бесѣдъ ея съ Христоманосомъ видно широкое образованіе; классическая литература—постоянный исходный пунктъ ея разсужденій. Греческіе классики ей были особенно близки,—въ нихъ она почерпала спокойную покорность року. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она любила и новыхъ,—любопытны ея тонкія замѣчанія о Россетти, о картинахъ Бёклина, о повѣстяхъ Достоевскаго. Кромѣ отраженій въ искусствѣ, императрица искала живой красоты и часто мѣняла мѣстопребываніе, чтобы каждый разъ на новомъ мѣстѣ переживать новую „сказку красоты". Въ путешествіяхъ по горамъ она любила не вершины, а самый процессъ восхожденія, свободный, легкій путь вверхъ. При ея необычайной физической гибкости, хожденіе въ горы не представляло ей ни малѣйшей трудности.

Въ книгѣ Христоманоса собрано еще множество другихъ чертъ, дополняющихъ печальный образъ австрійской императрицы. Не даромъ судьба всей ея семьи напоминаетъ греческую трагедію рока. Максимиліанъ, Людовикъ II Баварскій, кронпринцъ Рудольфъ, сестра

императрицы, герцогиня Алансонская, сгорѣвшая въ Парижѣ при катастрофѣ на благотворительномъ базарѣ,—вся эта серія необычныхъ смертей завершается смертью самой Елизаветы отъ руки случайнаго убійцы. Императрица чувствовала себя всегда подъ властью рока,—и это сдѣлало ее странной, отчужденной фигурой въ современной жизни, придало особую красоту надвигающейся смерти всѣмъ ея словамъ и дѣйствіямъ. Христоманосъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что императрица казалась ему живущей между двумя мірами, между жизнью и смертью. Голосъ моря и всей природы говорилъ ей, что людей влекутъ къ себѣ вѣчныя силы, „тѣ, которыхъ люди не знаютъ, живя на островѣ жизни". Этими словами какъ бы опредѣляется „паѳосъ души" императрицы Елизаветы,—и все, что̀ Христоманосъ передаетъ о подробностяхъ ея духовной жизни лишь подтверждаетъ это основное положеніе.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1899.

Пушкинскія празднества въ 1880 г.—и почти двадцать лѣтъ спустя.—Два противоположныхъ теченія.—Еврейскій погромъ въ Николаевѣ и безпорядки въ Ригѣ.—Праздники „древонасажденія".—Нѣчто о взяткахъ.—Полемика кн. Трубецкого съ кн. Цертелевымъ.—Кн. Н. Д. Долгоруковъ †.

Кто присутствовалъ въ Москвѣ на Пушкинскомъ празднествѣ 1880 г., или слышалъ тогда же подробные разсказы его очевидцевъ, тотъ никогда не забудетъ эту минуту, ярко просіявшую на тускломъ фонѣ тогдашней русской общественной жизни. Все способствовало глубинѣ и силѣ впечатлѣнія: и единодушіе восторга, смѣнившаго попытки отрицательнаго отношенія къ Пушкину, и участіе въ празднествѣ знаменитыхъ писателей (Тургеневъ, Достоевскій, Островскій), и въ особенности настроеніе общества, полнаго надеждъ и свѣтлыхъ ожиданій. Никто не предвидѣлъ тогда, что только-что прояснившійся горизонтъ опять, и очень скоро, покроется грозовыми тучами, еще болѣе мрачными, чѣмъ прежнія. Широко была распространена вѣра въ близость новой эпохи мирнаго развитія. Прекратили борьбу противъ „новыхъ вѣяній" даже тѣ, которые, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, оказались злѣйшими ихъ врагами. Катковъ, на торжественномъ обѣдѣ въ день открытія памятника Пушкину, выразилъ увѣренность, что „минутное сближеніе поведетъ къ замиренію", и что „на русской почвѣ люди, такъ же искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись всѣ на праздникѣ Пушкина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою только по недоразумѣнію"... Народная масса не испытывала, лѣтомъ 1880-го года, никакихъ особыхъ лишеній; неурожай въ нижнемъ Приволжьѣ не успѣлъ еще, къ этому времени, выясниться вполнѣ, да и самая территорія, имъ охваченная, была сравнительно невелика. Не было, однимъ словомъ, ничего омрачавшаго то празднество или вносившаго въ него дисгармоническія ноты. При иной обстановкѣ наступаетъ столѣтняя годовщина дня рожденія Пушкина. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, Пушкинскія празднества еще не начались, и мы можемъ говорить только о тѣни, отбрасываемой на нихъ предшествующими событіями. Никакого радостнаго возбужденія въ русскомъ обществѣ нѣтъ и быть не можетъ; этому мѣшаетъ все пережитое имъ въ послѣдніе мѣсяцы и переживаемое до сихъ поръ. Немыслимо душевное спокойствіе, пока изъ неурожайныхъ губерній приходятъ вѣсти о постоянно усиливающемся народномъ бѣдствіи, пока подлежитъ спору самое существованіе земства и земской школы, мирового суда, и т. д. Единодушія нѣтъ ни въ обществѣ, ни въ печати—нѣтъ даже по отношенію къ чество-

ванію памяти Пушкина. Предметомъ разногласія является не самъ поэтъ: нигдѣ не слышится ничего похожаго на нападенія, которымъ онъ подвергался въ шестидесятыхъ годахъ,—но эти нападенія были менѣе оскорбительны для его памяти, чѣмъ нѣкоторыя изъ похвалъ, которыми его теперь осыпаютъ. Насколько симпатична самая мысль о постановкѣ памятника Пушкину въ Петербургѣ, настолько противенъ былъ шумъ, поднятый изъ-за нея нѣкоторыми органами печати. Для однихъ онъ имѣлъ значеніе рекламы, другимъ подалъ поводъ къ обостренію обычной травли инородцевъ и иновѣрцевъ. Изъ газетъ, присвоившихъ себѣ монополію „патріотизма", эта травля перешла даже въ спеціально-духовные журналы, заговорившіе, съ чужихъ словъ, о полякующихъ „публицистахъ", о „польско-еврейской интригѣ". Среди этого напускного мрака блеснула идея о „пушкинскомъ просвѣтительномъ обществѣ", образованіе котораго было бы лучшимъ средствомъ почтить память великаго поэта — но нѣтъ еще пока увѣренности въ томъ, что ей суждено осуществиться... Быть можетъ, самое празднество подниметъ діапазонъ русской общественной мысли—но прочнымъ такой подъемъ можетъ оказаться только тогда, когда устранятся источники унынія и тревоги, тяготѣющихъ надъ общественной жизнью...

По мѣрѣ того, какъ растетъ нужда въ губерніяхъ, пораженныхъ неурожаемъ, по мѣрѣ того, какъ все больше и больше выясняются ея размѣры, увеличивается и притокъ помощи, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, средства Краснаго-Креста получили новое, весьма крупное приращеніе: въ его распоряженіе предоставлено Государемъ Императоромъ полтора милліона рублей. Почти въ то же самое время командированы въ голодающія губерніи, по повелѣнію Государыни Императрицы Александры Θеодоровны, два члена состоящаго подъ ея покровительствомъ попечительства о домахъ трудолюбія, М. Н. Галкинъ-Враскій и бар. О. О. Буксгевденъ, снабженные средствами какъ изъ суммъ попечительства, такъ и изъ собственныхъ суммъ Ея Величества. Широко организуется и частная помощь, какъ матеріальная, такъ и личная; *теперь* она начинаетъ напоминать самый лучшій періодъ борьбы съ послѣдствіями неурожая 1891-го года. Одно изъ главныхъ условій успѣшнаго развитія частной помощи—это возможно бо̀льшая ея независимость и свобода. Весьма понятно, что каждый, несущій въ нуждающуюся мѣстность свои средства и свой трудъ, желаетъ дать имъ то назначеніе, которое кажется ему наиболѣе цѣлесообразнымъ. Ничего страннаго мы не видимъ, поэтому, въ образѣ дѣйствій бессарабскаго землевладѣльца Ануша, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ газетныхъ сообщеній. По словамъ „Одесскаго Листка", г. Анушъ рѣшилъ лично отправиться въ наиболѣе пораженныя неурожаемъ мѣста, намѣреваясь во многихъ селахъ устроить на

собственный счетъ безплатныя столовыя. Для этой цѣли г. Анушъ пожертвовалъ 30 тыс. пудовъ кукурузной муки и закупилъ въ Бессарабіи огромное количество овечьяго сыра, сала и масла, а въ подольской губ.—партію картофеля (около 30 тыс. пуд.), бураковъ и т. п. Для организаціи столовыхъ жертвователь привлекъ большой кружокъ добровольцевъ-сотрудниковъ (среди нихъ есть и дамы), которые должны отправиться на мѣсто вмѣстѣ съ нимъ и на его счетъ. Г. Анушъ обратился съ просьбой къ самарскому губернатору сообщить ему, можетъ ли онъ съ своими сотрудниками прибыть туда для открытія столовыхъ, а также указать наиболѣе нуждающіеся пункты въ губерніи. Самарскій губернаторъ прислалъ г. Анушу сорокъ свидѣтельствъ на провозъ въ самарскую губернію по уменьшенному тарифу жертвуемыхъ имъ продуктовъ, но разъяснилъ ему, что открывать свои столовыя онъ можетъ только присоединившись къ представителямъ управленія Краснаго-Креста и являясь завѣдующимъ отдѣльнымъ райономъ этого управленія. На это условіе г. Анушъ не согласился и отослалъ самарскому губернатору обратно присланныя имъ свидѣтельства. Послѣ этого г. Анушъ обратился съ предложеніемъ своего пожертвованія къ казанскому губернатору, съ категорическимъ указаніемъ, что онъ желаетъ лично, вмѣстѣ съ своими сотрудниками, и самостоятельно открывать столовыя для голодающихъ крестьянъ. О результатахъ этого послѣдняго предложенія газеты ничего не сообщаютъ. Трудно допустить, чтобы столь значительному пожертвованію суждено было не дойти по назначенію изъ-за причинъ чисто формальныхъ; вѣдь не всѣ же организаторы частной помощи обязаны примыкать къ дѣятелямъ Краснаго-Креста и поступать по ихъ указаніямъ. Есть, однако, точка зрѣнія, съ которой г. Анушъ оказывается виновнымъ... въ отсутствіи покорности и смиренія. „Московскія Вѣдомости" иронически называютъ его „независимымъ благотворителемъ", утверждая, что „по представленію г. Ануша дѣло совсѣмъ не въ помощи голодающимъ, а въ *независимости*" (курсивъ подлинника). Ту же мысль высказываетъ и „Новое Время" (№ 8333). „Въ чемъ же дѣло—спрашиваетъ оно,—по представленію г. Ануша: въ помощи ли голодающимъ, или въ независимости? Плохое это мѣстничество. Придется, кажется, г. Анушу сидѣть дома". И это предсказаніе не смягчается даже ни однимъ словомъ сожалѣнія! По истинѣ—удивительные взгляды, живо напоминающіе щедринское „чего изволите".

Не довольствуясь отрицаніемъ „независимости", ультра-реакціонная печать отрицаетъ... голодъ. Проливъ, 30-го апрѣля (№ 117), нѣсколько крокодиловыхъ слезъ по поводу народной нужды, облегченной Царскою милостью, и выразивъ даже надежду на приливъ пожертвованій (къ уполномоченнымъ попечительства о домахъ трудолюбія), „Московскія Вѣдомости" открыли у себя, 4-го мая (№ 121), особую

рубрику: „Къ вопросу о голодѣ“. Въ первой же статьѣ, напечатанной подъ этой рубрикой (выписка изъ частнаго письма, безъ подписи), мы читаемъ слѣдующее: „Я все время попадалъ въ уѣзды, въ которыхъ, несмотря на всѣ старанія, голода отыскать не могъ. Есть нужда, но до голода далеко. Въ другихъ уѣздахъ, дѣйствительно, кажется голодаютъ, но я голодающихъ не видалъ. Да и быть ихъ не можетъ, ибо земская ссуда и Красный-Крестъ съ избыткомъ удовлетворяютъ нужды. Цынга дѣйствительно сильно развилась (опять не въ моихъ уѣздахъ), но не отъ голоданія, а отъ отсутствія въ этомъ году овощей и картофеля и отъ гнилого (вслѣдствіе перемѣнной зимы) лошадинаго мяса у татаръ. Но въ общемъ, въ этомъ году развращеніе народа даровымъ кормленіемъ въ полномъ ходу. Во многихъ мѣстахъ отказываются работать, ибо и безъ работы прожить можно... Каждый разъ, когда я присутствую въ столовыхъ при раздачѣ ѣды, не чувство умиленія и радости охватываетъ меня, а горькое чувство угрызенія совѣсти за страшное преступленіе, которому становишься сообщникомъ. И, обходя избы, разговаривая съ народомъ и мѣстными жителями, все болѣе и болѣе приходишь къ убѣжденію, что дѣло наше, дѣло милосердія, отзовется тяжелыми послѣдствіями. Во всякомъ случаѣ, по опыту тебѣ говорю, совѣтуй всѣмъ посылать пожертвованія исключительно въ Красный-Крестъ. Это—единственное учрежденіе, которое, благодаря главноуполномоченному и его помощникамъ, раціонально распредѣляетъ помощь. Боже сохрани посылать частнымъ *лицамъ: по крайней мѣрѣ половина пожертвованнаго пойдетъ не на истинно-нуждающихся*“... Пускать въ ходъ такія положенія, не подтвержденныя ни указаніемъ на мѣсто, ни ссылкою на факты, ни даже подписью—это значитъ, въ переживаемую нами минуту, совершать настоящее преступленіе. Всякій, сколько-нибудь знакомый съ частною помощью въ прежніе голодные годы и теперь, очень хорошо знаетъ, что именно она всего вѣрнѣе достигаетъ цѣли, всего лучше отличаетъ нуждающихся отъ ненуждающихся. Могутъ быть, конечно, исключенія — но пускай же ихъ укажутъ опредѣленно и точно, съ доказательствами въ рукахъ и съ поднятымъ забраломъ. Въ частномъ письмѣ можно говорить что̀ угодно—но газета, оглашающая его во всеобщее свѣдѣніе, налагаетъ на себя пятно, не смываемое никакими патріотическими фразами. Всего хуже то, что вѣра въ необходимость и дѣйствительность помощи подрывается „Московскими Вѣдомостями“ систематически, изо дня въ день. За первымъ письмомъ слѣдуетъ второе (№ 126, 9-го мая), съ указаніемъ мѣстности, къ которой оно относится (спасскій уѣздъ, казанской губерніи), и начальныхъ буквъ имени и фамиліи автора (кн. Д. Д. О.), но съ тѣмъ же отрицаніемъ голода, съ увѣреніемъ, что частная благотворительность сдѣлалась „чѣмъ-то въ родѣ спорта“, и съ жалобами на крестьянъ, не желающихъ рабо-

гать и пользующихся неурожаемъ, чтобы „прижимать помѣщиковъ“ (!). 12-го мая (№ 129) появляется, подъ той же рубрикой, статья, подписанная г. Семенковичемъ. Изъ того, что въ московской губерніи мало, въ нынѣшнемъ году, пришлыхъ рабочихъ, авторъ выводитъ заключеніе, что „голодающіе“, избалованные „даровщинкой“, не хотятъ работать; между тѣмъ, по его собственнымъ словамъ, рабочіе приходятъ въ московскую губернію преимущественно изъ губерній тульской, рязанской, тамбовской, курской и орловской, гдѣ нѣтъ голода, да и сильный неурожай былъ только мѣстами... Г. Семенковичъ выражаетъ желаніе знать, былъ ли зимой хоть одинъ случай посылки „голодающихъ“ на работу, гдѣ она оказывалась на лицо. Такихъ случаевъ, какъ видно изъ успѣшной дѣятельности справочныхъ бюро (въ Уфѣ, въ Самарѣ), было немало; еще на дняхъ мы читали въ газетахъ [1]), что рабочіе изъ голодающихъ мѣстностей оказались даже въ донецкомъ бассейнѣ, куда они были выписаны для совершенно незнакомыхъ и несвойственныхъ имъ работъ подъ землею... И вотъ чѣмъ занимается, наканунѣ Пушкинскаго праздника, одна изъ газетъ, всего больше около него суетившихся и хлопотавшихъ [2]). Вотъ какъ она служитъ тѣмъ „добрымъ чувствамъ“, которыя возбуждала лира великаго поэта!.. Болѣе печальнаго зрѣлища давно не видѣла русская печать!

Еврейскіе погромы, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ принявшіе характеръ эпидеміи, повторяются въ послѣднее время сравнительно рѣдко, но производятъ, по прежнему, удручающее впечатлѣніе. Въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ такой погромъ разразился сначала въ гор. Николаевѣ (херсонской губ.), потомъ въ сосѣднихъ съ нимъ колоніяхъ. По словамъ „Россіи“, посылавшей на мѣсто особаго корреспондента, безпорядки въ Николаевѣ продолжались три дня: „первый день былъ днемъ озорства, второй—днемъ безобразій, третій—днемъ грабежа. Это —обычный порядокъ еврейскихъ погромовъ“. 19-го апрѣля, во второй день Пасхи, дѣло не шло дальше „сворачиванья“, на захолустной (Глазенаповской) улицѣ, будокъ, въ которыхъ евреи торгуютъ сельтерской водой, и приставаньемъ мальчишекъ къ евреямъ, гулявшимъ около балагановъ. Въ центральныхъ частяхъ города даже не знали о томъ, что̀ происходило на Глазенаповской улицѣ. 20-го апрѣля, къ 10 час. утра, на Сѣнной площади собралось около 5 тыс. человѣкъ. „Въ Николаевѣ“—читаемъ мы въ „Россіи“—„до 7 тыс. заводскихъ рабочихъ. Ихъ было очень мало въ толпѣ. Немного было и мѣстныхъ *слобожанъ* — жителей слободки, отчаяннаго народа, большихъ пьяницъ и озорниковъ. Большинство со-

[1]) См. „Новое Время“, № 8340, корреспонденція изъ „русской Бельгіи“.

[2]) Рядомъ съ рубрикой: „Къ вопросу о голодѣ“ въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ существовала рубрика: „Наканунѣ Пушкинскаго праздника“!

стояло изъ пришлаго люда, крестьянъ орловской губерніи, каменщиковъ, мостовщиковъ, плотниковъ, землекоповъ. За послѣднее время Николаевъ привлекаетъ массу пришлаго чернорабочаго элемента. Они живутъ артелями,—такъ артелями и явились на площадь. Во всѣхъ безпорядкахъ эти орловцы шли въ первую голову. Толпа была совершенно трезвая; подгулявшихъ и *празднично настроенныхъ* было очень мало". Несмотря на усилія полиціи и 150 казаковъ, несмотря на увѣщанія военнаго губернатора, толпа не разошлась, а, раздѣлясь на двѣ части, стала разбивать еврейскія лавочки и разбрасывать находившіеся въ нихъ товары. Корреспонденту говорили, что еврейскіе дома были помѣчены заранѣе; онъ самъ видѣлъ на домахъ какія-то цифры, написанныя мѣломъ. Встрѣчавшихся евреевъ били, но побои имѣли скорѣе характеръ издѣвательства надъ беззащитными. Со злобою производилось только уничтоженіе имущества богатаго еврея Либина, городского подрядчика. Разошлась толпа около 4 час. дня. 21-го апрѣля, съ десятаго часа утра, началось разграбленіе еврейскихъ лавокъ на базарѣ; пострадала и одна русская (сапожная) лавка [1]). Готовое платье, которымъ преимущественно торгуютъ на базарѣ, многіе прямо на себя надѣвали; на нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ найдено по шести пиджаковъ, по пяти паръ панталонъ. „Ловили изумительно толстыхъ бабъ, у которыхъ изъ-подъ ротондъ вынимали по штукѣ фая, сукна, миткаля, по шести фуражекъ, по пяти паръ разрозненныхъ ботинокъ". Грабежъ прекратился съ появленіемъ войскъ. Арестовано до 400 человѣкъ; убытокъ цѣнится примѣрно въ 300 т. руб. 22-го апрѣля изъ сосѣднихъ посадовъ наѣхало на рынокъ множество телѣгъ съ мѣшками, для увоза „всякаго добра", но, благодаря вмѣшательству казаковъ, телѣги уѣхали пустыми... О составѣ толпы, производившей безпорядки, николаевскій корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (№ 126) даетъ свѣдѣнія аналогичныя съ тѣми, которыя мы находимъ въ „Россіи". „Наличность рабочихъ въ Николаевѣ чрезвычайно увеличилась въ послѣдніе годы. Сооружены два громадныхъ бельгійскихъ завода, гдѣ постоянно работаетъ отъ 4-хъ до 5 тыс. чел. Огромное число рабочихъ занято въ адмиралтействѣ, на верфяхъ, на частныхъ заводахъ. Но все это—народъ спокойный, въ безпорядкахъ принимавшій слабое участіе. Главные же бунтари-громилы—это пришлый людъ, каменщики, мастеровые, вмѣстѣ съ ними портовые рабочіе, такъ называемая босая команда... Специфическая ненависть къ евреямъ не играетъ существенной роли въ *жидотрепаніяхъ*. *Жидъ*—это только предлогъ, подъ которымъ скрываются иныя побужденія. *Бей жида*—это общепонятный лозунгъ, объединяющій различные элементы, различныя стремленія. Нынѣшніе безпо-

[1]) По словамъ николаевскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", русскихъ лавокъ разграблено много и были случаи нападенія на русскихъ.

рядки начаты каменщиками, пришедшими изъ орловской губерніи и въ глаза не видавшими у себя, на родинѣ, еврея... Рабочихъ заводовъ Франсуа почти что не было видно среди бушевавшей толпы. Не потому ли, что на заводѣ Франсуа хорошо платятъ рабочему? Онъ лучше ѣстъ, лучше одѣтъ; тутъ заботятся объ его жилищѣ; фабричный надзоръ требуетъ, чтобы были устранены антисанитарныя условія, вредящія здоровью рабочаго, чтобы для него была организована врачебная помощь, устроена хорошая больница. Для дѣтей рабочихъ уже существуютъ школы. Словомъ, и въ экономическомъ, и въ интеллектуальномъ отношеніи, рабочій завода Франсуа стоитъ несравненно выше полудикой и безпомощной, пришлой изъ внутреннихъ губерній *мастеровщины*... О попыткѣ подгородныхъ крестьянъ воспользоваться плодами грабежа корреспондентъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" сообщаетъ слѣдующее: „Дивился я, какимъ образомъ деревенскіе богатѣи, зажиточные хозяева подбирали на улицахъ, на мѣстахъ погрома, всякій ненужный хламъ, всякую ломаную, исковерканную рухлядь, порченную утварь, посуду и бережно складывали на повозки. *Дома згодыться!* Сознаніе незаконности поступка, казалось, не проникало въ ихъ сѣдыя, степенныя головы. Телѣги съ награбленнымъ задерживались, вещи отбирались. А они все-таки дѣлали дѣло свое. Необходимо было установить заставы, воспретить въѣздъ крестьянамъ въ Николаевъ изъ сосѣднихъ деревень. Тогда только прекратились экскурсіи мужичковъ за чужимъ добромъ"! 23-го апрѣля погромъ, прекратившійся въ Николаевѣ, повторился въ колоніяхъ (Больш. и Мал. Нагартавѣ, Романовкѣ, Доброй), посадѣ Березнеговатомъ, мѣстечкахъ Кривомъ Рогѣ и Новомъ Бугѣ.

Замѣчательны, въ разсказахъ очевидцевъ, нѣкоторыя черты, составляющія какъ бы необходимую принадлежность еврейскихъ погромовъ. Почти шестнадцать лѣтъ тому назадъ [1]) мы обращали вниманіе на то, что въ еврейскихъ погромахъ (напр. въ Екатеринославѣ, въ Кіевѣ) большую роль между погромщиками играютъ пришлые, великорусскіе рабочіе, не испытавшіе непосредственно на себѣ еврейскаго гнета. То же самое повторилось и въ Николаевѣ; коноводами толпы явились не мѣстные рабочіе, а каменщики-орловцы, „не видавшіе у себя на родинѣ ни одного еврея". Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что меньше всего еврейскіе погромы вызываются озлобленіемъ эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ, ненавистью къ ростовщикамъ, перекупщикамъ и вообще экономическимъ піявкамъ, какими принято выставлять евреевъ?.. Характеристична и та наивность, съ которою окрестные крестьяне спѣшатъ на мѣсто погрома, чтобы получить долю въ его плодахъ, какъ нѣчто безспорно

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 9 „Вѣстн. Европы" за 1883 г.

и несомнѣнно имъ слѣдующее. Это—также черта не новая. Припомнимъ, напримѣръ, слова одного крестьянина, пріѣхавшаго въ мѣстечко Шполу послѣ февральскаго погрома 1897 г. [1]), съ намѣреніемъ воспользоваться частью добычи, и очень удивившагося, когда это не было ему дозволено: „казалы,—воскликнулъ онъ,—що можно бить жідівъ, алый-жъ воно брехня“ (сказали, что можно бить жидовъ, а это оказывается вздоромъ). Предположеніе, что евреи стоятъ внѣ закона, что противъ нихъ можно позволять себѣ многое, вообще строго воспрещенное,—держится, очевидно, весьма упорно, несмотря на судебныя и административныя кары, слѣдующія обыкновенно за еврейскими погромами. „Легкость, съ которою возникаютъ и распространяются еврейскіе погромы“,—говорили мы еще въ 1883 г.,—„зависитъ, отчасти, отъ того, что русскій человѣкъ привыкъ видѣть въ евреѣ чужака, парію, только терпимаго въ Россіи... Такъ ли охотно русскіе рабочіе подняли бы руку противъ евреевъ, еслибы привыкли считать ихъ, наравнѣ съ собою, подданными русскаго царя и свободными жителями русской земли?“ То же самое можно повторить и теперь. Едва ли случайно еврейскіе погромы совпадаютъ, бо̀льшею частью, съ періодами обостренія стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ евреямъ. Взглядъ на евреевъ, какъ на неполноправныхъ членовъ государства, находитъ своеобразное отраженіе въ умахъ толпы, какъ находилъ его и въ средніе вѣка, въ эпоху наибольшаго угнетенія евреевъ. Такія же сцены, какія происходятъ на нашихъ глазахъ въ южной и западной Россіи, происходили въ XI в. — на Рейнѣ, въ XII-мъ в.—въ Лондонѣ, съ тою только разницей, что тогда элементъ религіозной антипатіи къ евреямъ игралъ, повидимому, гораздо бо̀льшую роль, чѣмъ въ настоящее время. Сходство довершается тѣмъ, что значительная часть населенія стоитъ у насъ на той же ступени умственнаго развитія, на какой стояли, семь или восемь вѣковъ тому назадъ, нѣмецкіе и англійскіе горожане.

Двѣ недѣли спустя послѣ николаевскаго погрома, произошли, на совершенно другой почвѣ, серьезные безпорядки въ Ригѣ. По словамъ рижскаго корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (№ 127), „волненія начались 6-го мая. Въ этотъ день между работницами джутоваго завода стало замѣчаться броженіе, вызванное неудовольствіемъ по поводу уменьшенія заработной платы (35 коп. въ день). Сначала на это не было обращено должнаго вниманія, но волненіе, несмотря на принятыя мѣры, не прекращалось, и 5-го мая работницы устроили формальную стачку. По распоряженію полиціи, руководительницы стачки были задержаны и, во избѣжаніе дальнѣйшихъ безпорядковъ на самомъ заводѣ, расположенномъ за городомъ, въ числѣ болѣе

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „Вѣстн. Европы“, за 1897 г.

200 человѣкъ были препровождены подъ конвоемъ въ городъ. Здѣсь онѣ, въ ожиданіи разбора ихъ претензій, были отведены въ Александровскій садъ, близъ Александровскихъ воротъ—исходнаго пункта петербургскаго шоссе, въ районѣ котораго много заводовъ и фабрикъ. Садъ былъ запертъ и оцѣпленъ карауломъ. Между заключенными женщинами поднялся шумъ, понемногу привлекшій къ саду толпы народа, которыя, въ свою очередь, вторили заключеннымъ. По распоряженію полиціи, для усмиренія не желавшей расходиться толпы были вызваны пожарные. Несмотря на обильные души, толпа не расходилась, а напротивъ, все возростала; къ тому же въ это время какъ разъ возвращались съ работы въ городъ рабочіе завода Фениксъ (жены многихъ изъ нихъ служатъ на джутовой фабрикѣ) и другихъ заводовъ. Видя, что толпа обнаруживаетъ намѣреніе освободить заключенныхъ въ саду работницъ, полиція распорядилась вызвать на мѣсто роту солдатъ мѣстнаго гарнизона. Рабочіе, набросившись на заборъ, пробили въ немъ брешь и освободили своихъ товарокъ. Тутъ же завязалась стычка съ прибывшими солдатами; обнажила оружіе и полиція; толпа, вооружившись каменьями, вступила въ рукопашную, причемъ ранено съ обѣихъ сторонъ нѣсколько человѣкъ. Женщины, собирая камни въ фартуки, подносили ихъ рабочимъ; другія мѣшали полицейскимъ чинамъ арестовать наиболѣе рьяныхъ рабочихъ, засыпая имъ глаза пескомъ. Дѣло принимало крайне угрожающій оборотъ. Тогда войскамъ было приказано дать по толпѣ холостой залпъ, для *острастки*; толпа, еще болѣе взволнованная, продолжала наступленіе; на солдатъ сыпался градъ камней, и свалка становилась все болѣе ожесточенною. Тогда былъ данъ новый залпъ, на этотъ разъ уже не холостыми зарядами... Толпа вскорѣ разсѣялась. Убито на мѣстѣ 5 человѣкъ, въ больницу отправлено тяжело раненыхъ 23 человѣка, болѣе 50 раненыхъ лечатся на дому; было произведено нѣсколько арестовъ. 6-го мая, полиція и войска оставались на мѣстѣ; днемъ все было спокойно, вечеромъ же рабочими была произведена небольшая демонстрація въ виду расположившихся на улицѣ отрядовъ. Но въ тотъ же день, 6-го мая вечеромъ, произошелъ цѣлый рядъ пожаровъ, жертвою которыхъ сдѣлалось десятка полтора домовъ терпимости. Дѣло въ томъ, что среди рабочихъ кѣмъ-то была брошена фраза, что-де „вотъ наши жены за свой тяжкій трудъ получаютъ гроши, а въ этихъ домахъ женщина шутя заработываетъ по красненькой въ день". И вотъ, въ цѣломъ рядѣ публичныхъ домовъ былъ произведенъ полный разгромъ: разбивались въ дребезги окна, ломали мебель, поливая ее изъ разбитыхъ лампъ керосиномъ и поджигая ковры и занавѣсы. Пожарные едва успѣвали тушить пожары, безпрестанно вспыхивавшіе то здѣсь, то тамъ. При этомъ имъ, съ помощью войскъ и полиціи, при-

ходилось еще и отбиваться отъ громившей притоны разврата толпы. Въ одной изъ происходившихъ въ эту ночь стычекъ тяжело раненъ въ голову камнемъ брандмейстеръ летучей колонны. Какъ и днемъ, число раненыхъ и ушибленныхъ съ обѣихъ сторонъ довольно значительно".

Въ этомъ разсказѣ обращаютъ на себя особое вниманіе два обстоятельства: препровожденіе въ городъ подъ конвоемъ, въ качествѣ руководительницъ стачки, *двухсотъ* женщинъ и оставленіе ихъ подъ арестомъ *въ саду*, т.-е. въ мѣстѣ открытомъ, откуда шумъ легко доносится до улицы. Трудно предположить, чтобы *руководить* стачкой могло такое множество лицъ; руководящая роль принадлежитъ обыкновенно небольшой группѣ. Еслибы приводу подъ конвоемъ—т.-е. мѣрѣ, далеко не всегда принимаемой даже въ серьезныхъ уголовныхъ дѣлахъ—подверглось 5 или 10 работницъ, ихъ незачѣмъ было бы оставлять подъ открытымъ небомъ и не было бы, слѣдовательно, перваго повода къ безпорядкамъ. Разсуждая такимъ образомъ, мы предполагаемъ, конечно, что разсказъ корреспондента „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" соотвѣтствуетъ дѣйствительности; опроверженія его—въ тѣхъ частяхъ, на которыхъ мы остановились—мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчали. Спорнымъ можно считать только то его мѣсто, гдѣ какъ будто бы констатируется связь между безпорядками, въ которыхъ участвовали рабочіе, и ночными поджогами. Эту связь отрицаетъ фабричный инспекторъ лифляндской губерніи, выражая убѣжденіе, что между злонамѣренными людьми, произведшими цѣлый рядъ ночныхъ насилій, не было фабричныхъ рабочихъ.

Года три тому назадъ Е. Н. Янжулъ познакомила русское общество (въ книгѣ, изданной ею вмѣстѣ съ И. И. Янжуломъ: „Часы досуга") съ широко распространенными въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ школьными „праздниками древонасажденія", имѣющими цѣлью пріучить дѣтей къ бережному обращенію съ растеніями и къ охранѣ лѣсовъ, столь важныхъ для благосостоянія страны. Добрый примѣръ скоро вызвалъ подражанія. Въ прошломъ году праздники древонасажденія были устроены въ Уральскѣ и въ Харьковѣ; въ послѣднемъ засажена была деревьями, съ большою торжественностью, цѣлая площадка въ городскомъ паркѣ. Въ нынѣшнемъ году такіе же праздники состоялись въ Оренбургѣ, въ нѣсколькихъ городахъ черниговской губерніи, въ Сестрорѣцкѣ (близъ Петербурга). Въ Уральскѣ повтореніе празднества обезпечено учрежденіемъ особаго общества „Друзей лѣса", уставъ котораго утвержденъ министромъ земледѣлія. „Отчего же",—спрашиваетъ Е. Н. Янжулъ, въ статьѣ, напечатанной недавно въ

„Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" (№ 105—106),—„отчего же ничего не слышно о повтореніи прошлогодняго весенняго праздника въ Харьковѣ, явившемся въ Россіи первымъ иниціаторомъ этого дѣла? Неужели на всѣхъ многочисленныхъ устроителей прошлогодней прогулки, которымъ оказывали поддержку и училищное вѣдомство, и городское управленіе, и вѣдомство лѣсное, и сама полиція, не говоря уже о цѣломъ рядѣ обществъ и отдѣльныхъ лицъ изъ выдающихся гражданъ города Харькова, неужели, говоримъ, на этихъ устроителей, такъ ревностно принявшихся въ прошломъ году за новое дѣло, могла подѣйствовать замѣтка въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (отъ 20-го мая 1898 г.), подписанная: *Православные харьковцы*?!!.. Вѣдь множественная форма этой подписи можетъ относиться къ двумъ-тремъ, не болѣе, лицамъ, мнѣніе которыхъ не является, надо думать, мнѣніемъ всѣхъ православныхъ города Харькова и во всякомъ случаѣ, очевидно, не совпадаетъ съ взглядами той массы харьковскихъ православныхъ, которые принимали участіе въ самомъ празднествѣ, съ директоромъ народныхъ училищъ, городскимъ головою и управляющимъ губерніей во главѣ?! Или, можетъ быть, они всѣ не православные?"

На всѣ эти вопросы г-жа Янжулъ ждетъ отвѣта отъ кого-нибудь изъ „православныхъ харьковцевъ" (въ спеціальномъ значеніи слова)—и, кажется, до сихъ поръ ждетъ напрасно. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что между прошлогодней статьей московской газеты и отсутствіемъ въ Харьковѣ, въ нынѣшнемъ году, „праздника древонасажденія" существуетъ нѣкоторая причинная связь—не въ томъ смыслѣ, конечно, чтобы названная статья убѣдила устроителей празднества, а въ томъ, что она создала трудно одолимыя препятствія къ его повторенію. Мы основываемъ эту догадку на характерѣ статьи, начинающейся приглашеніемъ тѣхъ, „*кому вѣдать надлежитъ*" (курсивъ въ подлинникѣ), обратить вниманіе на *важныя ошибки* харьковскаго праздника, сообщившія ему *языческій* (?!) *характеръ* и грозившія распространеніемъ среди участвовавшихъ въ немъ дѣтей „кривыхъ, ложныхъ понятій объ обязанностяхъ къ Богу и къ прочимъ устоямъ семьи, общества и государства, *въ особенности русскихъ*". Съ фарисействомъ, которымъ преисполнена эта статья, бороться не всегда легко—и вотъ, устроители прошлогодняго харьковскаго празднества предпочли, быть можетъ, сложить оружіе; мѣсто ихъ осталось незанятымъ, и харьковскія дѣти лишились одного изъ лучшихъ удовольствій, а южная Россія — одного изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ охранѣ столь необходимыхъ для нея лѣсонасажденій. Страшно подумать, сколько хорошихъ дѣлъ остается у насъ непредпринятыми или недоконченными вслѣдствіе того, что противъ нихъ поднимаютъ вопль

самозванные охранители вѣры, нравственности и общественнаго порядка [1])...

Какъ бы велико, однако, ни было вниманіе и вліяніе, выпадающее на долю псевдо-охранителей, имъ самимъ оно кажется все еще недостаточнымъ. Отсюда нѣжное чувство, питаемое ими къ „доброму старому времени"—къ тому времени, когда охраной, если можно такъ выразиться, была пропитана вся атмосфера, когда единственнымъ лозунгомъ государственной и общественной жизни была неподвижность. Курьезнымъ выраженіемъ этой нѣжности служитъ одинъ изъ недавнихъ фельетоновъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 120). Негодуя на г. Дубровина за то, что онъ „обрушивается" (въ „Русской Старинѣ") на наши старые суды, съ ихъ поголовнымъ взяточничествомъ, фельетонистъ рисуетъ слѣдующую трогательную картину тогдашнихъ судебныхъ порядковъ: „съ понятіемъ *взятки* соединялось въ то время совсѣмъ иное представленіе, чѣмъ теперь. Тогда это былъ просто обычай такой; какъ-то неловко, даже зазорно было являться въ присутственное мѣсто съ пустыми руками, утруждать служащихъ въ нихъ людей, не поблагодаривъ ихъ за причиненное безпокойство... Даже бѣдные считали необходимымъ *благодарить* служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ; у кого не было денегъ, тотъ приносилъ полотенце, чашку меда, большой пряникъ, а иногда и простой хлѣбъ. Такого рода подарки были дѣломъ вполнѣ естественнымъ, и никому и въ голову не приходило, что можно не принимать ихъ отъ просителя, такъ какъ для послѣдняго это было бы равносильно оскорбленію". Причину подобныхъ явленій авторъ видитъ отнюдь не въ „характерѣ или внутренней организаціи судебныхъ учрежденій", а въ нищенскомъ жалованьѣ „приказныхъ" и въ „общемъ, сравнительно низкомъ уровнѣ тогдашняго русскаго общества". Читая эту идиллію, можно подумать, что наши до-реформенные судебные дѣятели, деликатно принимая, чтобы не оскорбить просителей, ихъ „доброхотныя приношенія", рѣшали дѣла независимо отъ качества и количества приношеній, по совѣсти и по закону. Ни одного намека идеализаторъ старины не дѣлаетъ на главное значеніе взятокъ—на зависимость, въ которой состояли отъ нихъ „вѣсы правосудія". Главная бѣда заключалась не въ томъ, что приказный бралъ у бѣдняка полотенце или пряникъ, а въ томъ, что дѣло направлялось въ пользу стороны, противопоставившей этому скромному даянію нѣчто болѣе существенное и цѣнное. И наша житейская практика, и наше прежнее законо-

[1]) Мы очень сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести in extenso статью „Московскихъ Вѣдомостей"; ограничимся указаніемъ, что главный обвинительный ея пунктъ — неупоминаніе въ пѣсенкѣ, исполненной во время праздника, имени Божіяго.

дательство, отлично умѣли различать мздоимство (принятіе „благодарности") отъ лихоимства (полученія „взятки" въ настоящемъ смыслѣ слова, т.-е. вознагражденія за неправильное дѣйствіе или рѣшеніе); не даромъ же сложилась поговорка: „съ богатымъ не судись". Взятки, какъ и подарки, брали, дальше, не только чиновники канцеляріи— люди дѣйствительно крайне бѣдные и получавшіе ничтожное содержаніе,—но и сами судьи, выбиравшіеся иногда изъ числа достаточныхъ помѣщиковъ; имѣлъ же средства къ жизни, напримѣръ, гоголевскій Амосъ Ѳедоровичъ, если онъ „бралъ" только борзыми щенками. Культурный уровень до-реформеннаго русскаго общества былъ, безспорно, невысокъ, и этимъ обусловливалась, отчасти, его снисходительность къ взяткамъ и взяточникамъ; но въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей оно давно, еще въ XVIII в., понимало весь ужасъ систематическаго неправосудія: достаточно припомнить „Ябеду" Капниста или, позднѣе, рѣшимость Пущина облагородить званіе судьи. Если взяточничество держалось такъ упорно и уцѣлѣло почти во всей своей неприкосновенности до самой эпохи преобразованій, то это объясняется именно неразрывною его связью съ „характеромъ и внутренней организаціей" до-реформенныхъ судебныхъ—да и всякихъ другихъ—учрежденій. Способъ замѣщенія судебныхъ должностей, зависимость суда отъ администраціи, порабощеніе присутствія канцеляріей, письменность и безгласность судопроизводства—все это вмѣстѣ взятое образовало ту почву, на которой пышно разросталось и процвѣтало взяточничество. Способствовало ему, безспорно, и скудное содержаніе служащихъ — но вѣдь оно также входило въ составъ старой судебной „организаціи". Замалчивая всѣмъ извѣстное и отрицая очевидное, наши laudatores temporis acti достигаютъ только одного: они все больше и больше выясняютъ настоящее свойство симпатій, влекущихъ ихъ назадъ, къ далекому и мрачному прошлому.

Мѣсяца полтора тому назадъ въ „С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 100) появилась замѣчательная статья кн. С. Н. Трубецкого, во главѣ которой было приведено пророчество Исаіи о запустѣніи столицы Едомской (XXXIV, 11—15): „и завладѣлъ ею пеликанъ и ежъ; и филинъ, и воронъ, поселятся въ ней; и протянутъ по ней вервь разоренія и отвѣсъ уничтоженія. Никого не останется изъ знатныхъ ея... и всѣ вожди ея будутъ ничто... и будетъ она жилищемъ шакаловъ и пристанищемъ страусовъ. И звѣри пустыни (шакалы) будутъ встрѣчаться тамъ съ дикими кошками, и лѣшіе будутъ перекликаться другъ съ другомъ. Тамъ будетъ отдыхать ночное привидѣніе (лилитъ) и находить себѣ покой. Тамъ угнѣздится летучій змѣй, бу-

детъ класть яйца, выводить дѣтенышей и высиживать ихъ подъ сѣнью своею; только коршуны будутъ собираться тамъ одинъ къ другому"... Кн. Трубецкой констатируетъ наличность всѣхъ этихъ животныхъ въ нашей печати; „завыванье шакаловъ и цырканье коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканье воронъ, перекликанье лѣшихъ и змѣиное шипѣнье—вотъ что̀ теперь сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово и что̀ считается многими не только болѣе дозволительнымъ, но и болѣе полезнымъ, чѣмъ человѣческое слово"... Какофонію, производимую „звѣрьми пустыни", кн. Трубецкой признаетъ „болѣе чѣмъ излишней"; мнѣнія этихъ звѣрей по вопросамъ внутренней политики „достаточно извѣстны, и сказать что-либо новое по сему предмету они едва ли могутъ. Ихъ государственно-общественный идеалъ,—идеалъ звѣринаго безчинства, идеалъ дремучей непроходимой пустыни и развалинъ,—выяснился съ полной опредѣленностью. Ихъ проповѣдь всеобщаго одичанія и разрушенія едва-ли можетъ успокоить умы въ настоящее тревожное время, и, конечно, она не можетъ согласоваться съ видами правительства... Они говорятъ о тишинѣ и порядкѣ, какъ будто та распущенная звѣриная вольница, въ которой шакалы и дикія кошки перестаютъ бояться человѣка и бросаются на случайныхъ прохожихъ, есть порядокъ, и какъ будто тишина пустыни, населенной звѣрями, есть спокойствіе благоустроеннаго общества". Противовѣсъ звѣринымъ голосамъ можетъ создать только независимая печать—независимая хотя бы настолько, чтобы „права и обязанности ея не были только *правами и обязанностями* молчанія"...

Не столько защиту „звѣрей пустыни", сколько опроверженіе послѣдней мысли кн. Трубецкого принялъ на себя кн. Цертелевъ,—пишущій одновременно и въ „Московскихъ", и въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ первыхъ — по призванію, въ послѣднихъ, какъ намъ кажется—по недоразумѣнію. Печать, по его словамъ [1]), „давно перестала быть орудіемъ просвѣщенія и превратилась въ способъ наживы и неразборчивой борьбы политическихъ партій... Много ли слышатся во французской печати человѣческихъ голосовъ, среди концерта шакаловъ и дикихъ кошекъ?.. Полная свобода печати была бы гарантіей противъ цензурнаго произвола, но искать въ ней возможности слышать человѣческіе голоса, вмѣсто звѣриной какофоніи—все равно, что изъ страха дождя бросаться самому въ рѣку. Вѣдь если въ едомскихъ развалинахъ нашей печати и въ самомъ дѣлѣ теперь вполнѣ свободно перекликаются только шакалы и дикія кошки, то когда оттуда будутъ изъяты вервь

---

[1]) См. № 107 „Спб. Вѣдомостей".

разоренія и отвѣсъ уничтоженія и безпрепятственно допущены всѣ домашнія животныя—концертъ, конечно, станетъ еще полнѣе, но едва ли пріятнѣе для человѣческаго уха; человѣческіе же голоса будутъ теряться въ немъ такъ же, какъ и теперь, потому что никакой Демосѳенъ не въ силахъ перекричать ни дикой кошки, ни домашняго осла, когда они находятъ публику, желающую ихъ слушать“. На ряду съ любителями звѣриной какофоніи—отвѣчаетъ на это кн. Трубецкой („Спб. Вѣдомости“, № 118)—у насъ существуетъ довольно значительная публика, которая была бы не прочь послушать и Демосѳена, или даже, если Демосѳена не найдется, такъ просто хорошій и здравый человѣческій голосъ. Разумному человѣку нѣтъ надобности надсаживаться и кричать, чтобы покрыть голоса ословъ и кошекъ; это значило бы прибѣгать къ пріемамъ нечеловѣческимъ, въ которыхъ животныя всегда будутъ имѣть преимущество. Сила человѣческаго слова должна быть въ разумѣ, а не въ крикѣ“... „Я—продолжаетъ кн. Трубецкой—не поклонникъ французской уличной печати, но я прекрасно знаю, что̀ сталъ бы дѣлать, если бы я былъ французскимъ публицистомъ. Я увѣренъ, во-первыхъ, что никто во Франціи или въ иной европейской странѣ, за исключеніемъ развѣ Турціи, не помѣшалъ бы мнѣ высказать печатно мои мнѣнія и обсуждать въ печати вопросы, касающіеся самыхъ жизненныхъ интересовъ общества—вопросы о церкви, о мѣстномъ самоуправленіи, о школѣ, о высшемъ образованіи. И если бы я находилъ, что большинство публицистовъ проповѣдуетъ вещи по моему убѣжденію безнравственныя и пагубныя для моего отечества, я считалъ бы долгомъ бороться съ ними по мѣрѣ силъ... Честному и добросовѣстному французскому публицисту открыта возможность борьбы и защиты. Шакалы и коршуны существуютъ всюду, но нигдѣ изъ нихъ не дѣлаютъ заповѣдную дичь, и нигдѣ печать не обращается въ бѣловѣжскую пущу для привилегированныхъ животныхъ“... На вопросъ кн. Цертелева, какъ поднять уровень нашей печати, какъ заставить ее служить общему благу, кн. Трубецкой отвѣчаетъ: „заставлять нельзя и не нужно: надо не мѣшать“. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ („Спб. Вѣдомости“, № 131) кн. Цертелевъ переходитъ въ отступленіе, признавая несовершенство дѣйствующихъ у насъ законовъ о печати, а также ихъ примѣненія, и возражая только противъ системы *абсолютнаго* невмѣшательства государственной власти въ дѣла печати, за которую вовсе не высказывался кн. Трубецкой. Всѣ положенія послѣдняго сохраняютъ, такимъ образомъ, полную силу, и параллель съ „звѣрьми пустыни“ остается поразительно мѣткой и вѣрной характеристикой нашей реакціонной печати.

Въ началѣ истекшаго мѣсяца скончался въ Черниговѣ князь Николай Дмитріевичъ Долгоруковъ, состоявшій съ 1897 г. черниговскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Вступивъ въ должность, онъ привѣтствовалъ губернскихъ гласныхъ слѣдующими словами: „Мѣстному самоуправленію, его здоровому и правильному развитію я придаю такое важное значеніе въ жизни государства, что *не вѣрить въ будущность земства для меня равносильно отсутствію вѣры въ будущность Россіи*“. Этого взгляда кн. Долгоруковъ держался постоянно, примыкая къ той небольшой группѣ предводителей дворянства, для которыхъ общенародные интересы важнѣе узко-сословныхъ. И до, и послѣ избранія въ губернскіе предводители онъ много работалъ на пользу начальнаго обученія, горячо желая сохранить за земской школой по меньшей мѣрѣ то значеніе, которое принадлежитъ ей въ настоящее время. Направленные противъ нея проекты онъ считалъ опасными не только для образованія, но и вообще для мѣстной общественной жизни. Разгадку его дѣятельности и его образа мыслей слѣдуетъ искать, отчасти, въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ прошли его молодые годы. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ некрологѣ, напечатанномъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“: „Въ семидесятыхъ годахъ историко-филологическій факультетъ московскаго университета (на которомъ въ 1880 г. окончилъ курсъ кн. Долгоруковъ) представлялъ собою выдающееся явленіе. Пользуясь, вмѣстѣ со всѣмъ университетомъ, правами устава 1863 г., не стѣсненный мелочными и узкими программами, вѣрный возвышеннымъ традиціямъ Грановскаго и Кудрявцева, богатый подборомъ даровитыхъ преподавателей и ученыхъ изслѣдователей, историко-филологическій факультетъ, на ряду съ преслѣдованіемъ чисто-научныхъ спеціальныхъ цѣлей, являлся вліятельнымъ общеобразовательнымъ учрежденіемъ и привлекалъ все бо̀льшее число слушателей. На ряду со спеціальной научной работой онъ давалъ слушателямъ широкое гуманное образованіе. Факультетъ готовилъ и научныхъ спеціалистовъ, и образованныхъ общественныхъ дѣятелей, которые вносили въ свою дѣятельность широкіе принципы просвѣщенія. Въ числѣ студентовъ были будущіе ученые—М. С. Корелинъ, П. Н. Милюковъ, Р. Ю. Випперъ, будущіе общественные дѣятели, напр. Ѳ. Д. Самаринъ“. Къ этой же группѣ принадлежалъ и покойный кн. Долгоруковъ—и ея завѣтамъ онъ оставался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отчетъ Комитета Кружка для помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая.

По послѣднему отчету Комитета Кружка, сумма пожертвованій къ 24 февраля составляла 94.200 руб. Къ 10 апрѣля она возросла до 143.500 рублей.

Кромѣ того, въ концѣ марта и началѣ апрѣля къ Кружку присоединились г-жи Е. М. и П. М. Бенкендорфъ, г-жа Аристархова и г-жа Самохоткина съ пятью помощницами съ значительными собственными и собранными ими средствами. Г-жи Бенкендорфъ взяли на себя организацію продовольственной помощи въ большомъ селѣ Суходолъ, Ставропольскаго уѣзда; г-жа Аристархова направилась въ Бугульминскій, въ районъ члена Кружка доктора Андреева, а г-жа Самохоткина—въ сѣверо-западный уголъ Бугурусланскаго уѣзда.

Въ теченіе марта продовольственная помощь Кружкомъ была организована лишь въ немногихъ новыхъ селеніяхъ, но за то въ значительной степени расширены столовыя и кухни во всѣхъ старыхъ мѣстахъ, такъ что средняя цифра дѣтей, находившихся на иждивеніи Кружка, составляла за этотъ мѣсяцъ болѣе 21 тысячи, а къ 1-му апрѣля возросла до 28.000.—Такихъ результатовъ Кружку удалось достигнуть, благодаря содѣйствію интеллигентныхъ лицъ явившихся къ нему на помощь изъ разныхъ городовъ Россіи и тѣмъ давшихъ ему возможность поставить удовлетворительнымъ образомъ дѣло помощи крестьянскимъ дѣтямъ даже въ такихъ, по преимуществу инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ, какъ показалъ опытъ, нельзя вовсе разсчитывать на содѣйствіе самого населенія при организаціи продовольственной помощи въ видѣ столовыхъ и кухонь.

Въ началѣ апрѣля, весенняя распутица очень затрудняла дальнѣйшее расширеніе продовольственной помощи, но черезъ нѣсколько дней должна была наступить весенняя страда, во время которой для населенія потребуется усиленная поддержка, чтобы дать ему возможность своевременно начать и окончить весенній посѣвъ, а также необходимо усиленное питаніе населенія въ виду развившейся цынги во множествѣ селеній.

Притокъ пожертвованій въ Кружокъ не ослабѣваетъ, и это довѣріе самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества къ нашей дѣятельности, укрѣпляетъ насъ въ надеждѣ удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ населенія вездѣ, гдѣ помощь Кружка могла быть организована въ теченіе истекшей зимы.

Новыя пожертвованія просимъ направлять по прежнему адресу: въ Самару, казначею Кружка, управляющему Самарскимъ отдѣленіемъ торгово-промышленнаго банка, Александру Семеновичу Медвѣдеву.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май — Іюнь 1899.

Книга пятая — Май.

стр.

Второе поколѣніе.—Повѣсть.—К. Ѳ. ГОЛОВИНА 5
Изъ поѣздки въ Македонію.—Европейская дипломатія и македонскій вопросъ—П. МИЛЮКОВА. 52
Весною.—Разсказъ.—И. ДАНИЛОВА 84
Начало желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи.—1836—1855. V-VI. Окончаніе.—В. В. САЛОВА 117
Стихотворенія.—Дріада.—Изъ „Книги жизни: I. Стансы. II. Клевета.—В. МАЗУРКЕВИЧА 164
Школа и народная промышленность въ Германіи.—Г. I. 167
Печать молчанія.—Эскизъ изъ романа: „Bouche close“, par L. de Tinseau.—Ю. З—а. 193
Великая борьба въ Соединенныхъ-Штатахъ. — Наблюденія и замѣтки.—П. А. ТВЕРСКОГО 257
Жизненные пути.—The Ways of Life, by M. Oliphant.—А. Б—г—. 277
Двѣ сестры.—Изъ исландской саги.—ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА. 327
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Газетные слухи и толки о проектѣ продовольственнаго устава. — Всесословность продовольственныхъ сборовъ—и сословность продовольственной организаціи.—При какихъ условіяхъ земство должно перестать быть земствомъ? — Новый уставъ о съѣздахъ земскихъ врачей московской губерніи.—Отмѣна постановленія харьковскаго губ. зем. собранія, ассигновавшаго 200 тыс. руб. на дѣло народнаго образованія. — Благополучно окончившійся кризисъ въ московскомъ губернскомъ земствѣ.—Послѣдній шагъ къ повсемѣстному введенію новыхъ судебныхъ порядковъ 329
Правительственное сообщеніе. 348
Иностранное Обозрѣніе.—Нескромность „Figaro“ и ея дѣйствительное значеніе.—Новые матеріалы по дѣлу Дрейфуса. 368
Литературное Обозрѣніе.—Памяти В. Г. Бѣлинскаго. Литературный сборникъ. Изд. Пензенской Общественной Библіотеки, имени М. Ю. Лермонтова. —А. П.—В. П. Сиповскій, Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“.—В. П. Горленко, Украинскія были.—Г. Н. Потанинъ, Восточные мотивы въ средневѣковомъ эпосѣ.—Т.—Новыя книги и брошюры 376
Новости Иностранной Литературы. — I. Léon A. Daudet, Sébastien. Roman Contemporain. — II. G. d'Annunzio, La Gioconda.—III. Robert de Souza, La Poésie populaire et le Lyrisme Sentimental.—З. В. 393
Некрологъ.—Аѳанасій Ѳедоровичъ Бычковъ.—А. Н. Пыпина 409
Изъ Общественной Хроники.—Новый типъ начальныхъ народныхъ училищъ въ г. Петербургѣ. — Результаты такого преобразованія въ училищномъ дѣлѣ на практикѣ. — Посѣщеніе перваго Василеостровскаго народнаго училища, съ 12-ью классами, высокопреосвященнымъ Антоніемъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ. — Объ антагонизмѣ между общественными и церковно-приходскими школами.—Мнѣніе Б. Н. Чичерина по этому поводу. 415
Извѣщенія.—Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ 423
Библіографическій Листокъ.—„М. Е. Салтыковъ“, А. Н. Пыпина. — Жоржъ Зандъ, ея жизнь и произведенія, В. Каренина.—Наша финансовая политика и задачи будущаго, К. Ѳ. Головина.—Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, Собраніе сочиненій, т. I.—Призрѣніе бѣдныхъ въ Англіи, Т. Фауля.—М. М. Ковалевскій, Развитіе народнаго хозяйства въ з. Европѣ.
Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

Изъ поѣздки въ Македонію.—Европейская дипломатія и македонскій вопросъ. —IV-VI.—Окончаніе.—П. МИЛЮКОВА 425
Второе поколѣніе.—Повѣсть.—XIII-XV.—К. ГОЛОВИНА 457
На Каменномъ мысу. - Разсказъ изъ чукотской жизни.—I-III.—Н. А. ТАНЪ . 515
Каникулы.—Повѣсть.—I-V.—ЕЛ. БЕРДЯЕВОЙ 551
Реформы женскаго образованія въ Германіи.—М. СУКЕННИКОВА. 625
Изъ грустныхъ пѣсенъ.—Г. Я. ПОПОВА 680
Записки изъ эпохи голода въ 1891—92 гг.—I-VI.—Гр. Л. ТОЛСТОЙ-СЫНЪ. 682
Норвежскія мотивы.—Стих. Е. К. ОСТЕНЪ-САКЕНЪ 717
Жизненные пути. — „The Ways of Life“, by M. Oliphant.—I-VII.—Съ англ. А. Б—г— 719
Четыре сонета.—Стих. В. И. 771
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Высочайшее повелѣніе 6-го мая; ссылка судебная и административная. — Б. Н. Чичеринъ объ отношеніи губернскихъ земствъ къ уѣзднымъ и объ отношеніи земства къ государству.—Измышленія на ту же тему систематическихъ враговъ земства.—Инцидентъ въ тверскомъ губернскомъ земствѣ. — Печать и Государственный Совѣтъ.—Чрезвычайный финляндскій сеймъ. 774
Иностранное Обозрѣніе.—Гаагская конференція мира. — Особенности ея состава и способа совѣщаній. — Три коммиссіи и ихъ программы.—Идея третейскаго суда въ международныхъ спорахъ.—Возможные результаты конференціи.—Общее политическое настроеніе въ Европѣ. — Внутренвія дѣла во Франціи.—Смерть Кастеляра 798
Литературное Обозрѣніе.—Севастопольскія письма Н. И. Пирогова.—А. П.— Сборникъ сочиненій Н. П. Гилярова-Платонова. — Воспоминанія о студенческой жизни.—Т.—Новыя книги и брошюры. 811
Новости Иностранной Литературы. — I. Becque, La Parisienne, etc. — II. A. Schnitzler, Der grüne Kakadu, etc. — III. Christomanos, Tagebuch-Blätter. — З. В. 834
Изъ Общественной Хроники. — Пушкинскія празднества въ 1880 г. и почти двадцать лѣтъ спустя.—Два противоположныхъ теченія.—Еврейскій погромъ въ Николаевѣ и безпорядки въ Ригѣ.—Праздники „древонасажденія“.—Нѣчто о взяткахъ.—Полемика кн. Трубецкого съ кн. Цертелевымъ.—Кн. Н. Д. Долгоруковъ † 849
Извѣщенія.—Отчетъ Комитета Кружка для помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая 865
Библіографическій Листокъ.—Пушкинъ, Л. Майкова.—А. С. Пушкинъ, избранныя сочиненія для начальныхъ народныхъ училищъ, изданіе Спб. Городской Думы. — Къ біографіи Пушкина, Н. Невзорова.—Иностранные капиталы, Б. Ф. Брандта.
Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Майковъ, Л. — Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина. Спб. 99. Стр. 462. Ц. 1 р. 50 к.

Въ это собраніе отдѣльныхъ этюдовъ, составившихся изъ предварительныхъ работъ автора по изготовляемому имъ новому изданію сочиненій Пушкина, для Второго Отдѣленія Академіи наукъ, вошли какъ тѣ изъ нихъ, которые уже появлялись въ періодическихъ изданіяхъ, такъ и новые. Авторъ, имѣя въ своемъ распоряженіи какъ печатныя изданія сочиненій Пушкина, такъ и черновыя рукописи поэта, и, сверхъ того, собирая всякаго рода свѣдѣнія о его жизни и литературной дѣятельности, встрѣтилъ не мало такихъ подробностей, которыя не успѣли появиться въ печати; этотъ матеріалъ войдетъ только отчасти въ жизнеописаніе Пушкина, которымъ будетъ закончено академическое изданіе его произведеній; а потому авторъ предпринялъ настоящее особое изданіе собранныхъ имъ записокъ и воспоминаній о Пушкинѣ, снабдивъ ихъ объясненіями, съ своей стороны; всего собрано такихъ записокъ—13; въ концѣ книги помѣщенъ указатель именъ.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. — Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга, 30 мая 1899 г. Съ портретомъ поэта и иллюстраціями. Изданіе С.-Петербургской Городской Думы. Составилъ, по порученію Коммиссіи по народному образованію, В. П. Острогорскій. Спб. 99. Стр. 424. Ц. 50 коп. въ переплетѣ.

Главная задача составителя состояла въ томъ, чтобы сдѣлать изъ произведеній Пушкина выборъ того матеріала, который соотвѣтствовалъ бы отроческому возрасту дѣтей, подготовленныхъ, впрочемъ, къ толковому чтенію въ начальной народной школѣ, которую они только-что оставили за собою. Составитель, вмѣсто предисловія, помѣстилъ обращеніе къ тѣмъ учащимся, въ руки которыхъ достанется настоящій сборникъ, и при этомъ объясняетъ имъ значеніе всероссійскаго торжества по поводу столѣтней годовщины дня рожденія великаго поэта, и присоединяетъ къ этому довольно пространный очеркъ его жизни, наполненный извлеченіями изъ стихотвореній самого Пушкина, гдѣ онъ касается обстоятельствъ и событій изъ собственной жизни. Весьма оригиналенъ планъ, по которому расположенъ самый сборникъ: онъ состоитъ изъ двухъ частей—въ одной Пушкинъ является пѣвцомъ отечественной исторіи по всѣмъ ея періодамъ, начиная съ доисторическаго: „Преданья старины глубокой"; затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ: „Дѣла давно минувшихъ дней"—до Петра Великаго; далѣе—„Вѣкъ Петра В.", „Вѣкъ Екатерины В.", и наконецъ—Начало XIX-го вѣка". Во второй части—общей—извлечено все то, что было посвящено Пушкинымъ „Русской природѣ и жизни", какъ помѣщичьей, такъ и крестьянской; сборникъ заканчивается „Вѣнкомъ изъ поэзіи Пушкина", гдѣ собраны лучшія его стихотворенія, которыя можно назвать, вмѣстѣ, и перлами поэзіи нашего поэта. Изданіе снабжено двумя портретами, факсимиле письма Пушкина къ А. О. Ишимовой и 26-ю иллюстраціями; рисунокъ обертки составленъ бар. Клодтомъ. Въ сборникъ вошло довольно значительное количество матеріала, такъ какъ объемъ его достигаетъ почти 30 листовъ.

Невзоровъ, Н. – Къ біографіи Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ. Спб. 99. Стр. 20. Ц. 40 к.

Жизненный путь нашего великаго поэта былъ усѣянъ болѣе терніями, нежели розами, и полная біографія его, несмотря на шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени его безвременной кончины, все еще остается пока задачею болѣе или менѣе близкаго будущаго: появившіеся въ маѣ новые матеріалы, по поводу столѣтней годовщины рожденія поэта, остававшіеся до сихъ поръ подъ спудомъ, говорятъ, что еще можно ожидать не мало дополненій къ тому, что теперь явилось какъ бы случайно. Въ сборникѣ такихъ матеріаловъ, составленныхъ г. Невзоровымъ и появляющихся въ печати впервые, заключается не мало интереснаго и весьма характернаго не столько для самого Пушкина, сколько для той эпохи; таковы, напримѣръ, взгляды спб. митрополита Серафима, не допускавшаго торжественности при погребеніи А. С. Пушкина; еще болѣе характерно, конечно, невольное и какъ бы равнодушное отношеніе печати того времени къ дуэли, болѣзни, отпѣванію и похоронамъ поэта: въ теченіе всего февраля мѣсяца 1837 г., вслѣдъ за смертью поэта, въ газетахъ не было о томъ даже и упоминовенія; въ „Спб. Вѣдомостяхъ", по поводу смерти Пушкина, было напечатано 31 января краткое извѣщеніе: „Вчера, 29 января, въ 5-мъ часу пополудни скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ; русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина". Въ „Московс. Вѣдомостяхъ" эти строки, нѣсколько дней спустя, были перепечатаны слово въ слово.

Иностранные капиталы. Ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Ч. II. Иностранные капиталы въ Россіи. Металлургическая и каменноугольная промышленность. Б. Ф. Брандта. Спб. 99. Стр. 419. Ц. 2 р. 50 к.

Авторъ, оставивъ въ сторонѣ политику за и противъ допущенія иностранныхъ капиталовъ къ эксплуатаціи нашихъ естественныхъ богатствъ, такъ долго лежавшихъ и еще лежащихъ и понынѣ втунѣ, сдѣлалъ попытку къ рѣшенію этого „вопроса дня" на почвѣ возможно большаго числа точно провѣренныхъ имъ лично фактовъ, при объѣздѣ металлургическаго и каменноугольнаго района на югѣ и въ царствѣ польскомъ, гдѣ иностранные капиталы нашли у насъ самое широкое примѣненіе. Въ заключительной главѣ авторъ дѣлаетъ сводъ всѣхъ добытыхъ имъ результатовъ, и находитъ себя вынужденнымъ признать, что только благодаря усмотрѣннымъ имъ особенностямъ иностранныхъ предпріятій металлургическая, напримѣръ, промышленность, прозябавшая до послѣдняго времени, только въ теченіе 10—15 послѣднихъ лѣтъ достигла небывалаго развитія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1899** г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ: Января	Іюля	По четвертямъ года: Января	Апрѣля	Іюля	Октября
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель", Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой; въ маг. „Русск. Мысли" и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе", Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ" и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ *ближайшаго* къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: